56 5/158
т. II

86 5/158 (86 5/158)

Сборникъ Военныхъ Разсказовъ

Содержаніе VI тома:

1. Подъ Шейново. (Воспоминанія болгарскаго ополченца). Ю...—2. Краткіе матеріалы къ исторіи болгарскаго ополченія Ю.—3. Записки лейб-гвардіи казачьяго офицера.—4. Разсказы артиллериста.—5. Походъ лейб.-гвардіи 1-го стрѣлковаго Его Величества баталіона А. Р.—6. Изъ записокъ офицера 63-го Углицкаго полка 16-й дивизіи.—7. Шейново (Изъ записокъ стрѣлка 3-й стрѣлковой бригады). Стрѣлка.—8. Воспоминанія о дѣйствіяхъ Ингурскаго отряда. Л. Ж.—9. Эпизодъ изъ страдной поры № 47-го военно-временнаго госпиталя. Деревянченко.—10. Краткая исторія дѣлъ 1, 2, 3 и 4-го баталіоновъ лейб-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, въ кампанію 1877—78 гг.—11. Извлеченіе изъ дневника и писемъ сестры милосердія Крестовоздвиженской общины въ минувшую войну. Со словъ участницы. А. К.—12. Экспедиція въ Кобулеты 1877 г. (Изъ записокъ доктора „Краснаго Креста“) В. Е. Шрейдера. — 13. Возраженіе на замѣтку офицера Ревельскаго полка г-на Вагнеръ. Сахацкаго. — Боевыя замѣтки стрѣлка N. N.—14. Сраженіе 18-го Іюля 1877 г. подъ Плевной Z. A.—15. Замѣтки о боѣ подъ дер. Петричево. А. Бураго.—16. Дѣло подъ Дольнымъ Бугоровомъ. А. Фока.—17. Изъ походныхъ записокъ строеваго офицера.

С. Петербургъ

Изданіе Кн. В. Мещерскаго.

Хромолитографія и Типографія А. Траншеля, Стремянная, 12.

Сборникъ

1877—1878

ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

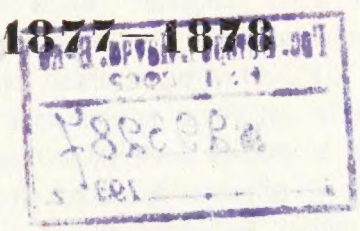
АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ
БАХРУШИНЪ

СБОРНИКЪ ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

СОСТАВЛЕННЫХЪ

ОФИЦЕРАМИ-УЧАСТНИКАМИ ВОЙНЫ

1877—1878



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Кн. В. Мещерскаго
1879.

Гос. Истор.-Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 293287
193 г.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.

ПОДЪ ШЕЙНОВО.

(Воспоминанія болгарскаго ополченца).

Болѣе года прошло со дня кануна Шейновскаго дѣла, а эта ночь, предшествующая кровопролитному сраженію, такъ глубоко врѣзалась въ памяти, что никакіе предѣлы времени не въ состояніи смыть или сгладить картины такъ живо и свѣжо сохранившіяся.

Сырая, холодная ночь висѣла надъ нами. Сквозь молочную, туманную мглу, окутавшую позицію, слабо мерцали звѣзды. Внизу, въ долинѣ, стлалось зарево костровъ. Оттуда же доносились звуки солдатскихъ пѣсенъ и лились стройные аккорды полковой музыки. У насъ, на горѣ, было тихо. Люди почти всѣ спали. Неспавшіе работали, углубляя ложементы и дорываясь до сухой земли, для болѣе удобнаго спанья. Мы занимали подвѣтренный склонъ горы, мало покрытый снѣгомъ; во многихъ мѣстахъ образовались прогалины съ засохшей прошлогодней растительностью. Гарь и дымъ отъ костровъ непріятно щекотали ноздри и рѣзали глаза. Всѣ желанія и усилія погрузиться въ дремоту и собраться съ силами къ завтрашнему дню — были тщетны. Разстроеннымъ, натянутымъ нервамъ не до сна было. Мысли одна за другой безостановочно въ хаотическомъ порядкѣ проносились быстро въ головѣ, то окидывая прошедшее, то заглядывая въ будущее. Все прошлое дорогое всплыло разомъ; знакомые лица близкихъ сердцу, замелькали передъ глазами; думы все чаще и чаще уносились далеко за Дунай, а одиночные, глухіе, отрывистые выстрѣлы заставляли зорко вглядываться въ туманную даль, на темные контуры турецкихъ укрѣпленій. Мысль невольно останавли-

валась на завтрашнемъ днѣ. Сердце замирало отъ неизвѣстности. Хотя и вѣрилось въ успѣхъ дѣла, тѣмъ болѣе, что имъ руководилъ опытный и энергичный генералъ-лейтенантъ Скобелевъ, но тѣмъ не менѣе, сквозь эту надежду прокрадывалось сомнѣніе; въ особенности за тылъ нашихъ войскъ, спущенныхъ въ долину. Изъ отряда генералъ-маіора Карцева не было пока донесеній. Турки легко могли разбить его, сравнительно слабый отрядъ и узнавъ, о нашемъ переходѣ у Иметли спѣшить на выручку своихъ. Тогда бы мы очутились между двухъ огней и легко могли бы проиграть блестяще начатое дѣло. Но видно, смѣлымъ Богъ владѣетъ! Доносившіеся снизу звуки марша окрыляли духъ, заставляя смотрѣть на завтрашнюю побѣду, какъ на дѣло уже рѣшенное. Разныя картины нашихъ подвиговъ, одна за другой развертывались передъ глазами. Ба, вотъ и себя я вижу, съ кучкою солдатъ на самомъ гребнѣ брустверa непріятельской батареи. Турецкій офицеръ протягиваетъ ко мнѣ свою шашку, а аскеры, ставъ на колѣни и положивъ передъ собою ружья, преклонили головы. Я беру изъ рукъ офицера шашку и окруживъ полоненнаго непріятеля приказываю имъ сдавать оружіе. Вблизи меня слышится какой-то сдавленный шопотъ. Волшебная, воображаемая картина расползается. Я оглядываюсь, и вижу не вдалекѣ темный силуэтъ человѣка, стоящаго на колѣняхъ. Я всталъ съ камня, на которомъ сидѣлъ и подошедши поближе къ молящемуся—узналъ въ немъ унтеръ-офицера Петра Колышкина. Ужь не предчувствіе ли, мелькнуло у меня въ головѣ? Колышкинъ пользовался репутаціей честнаго, дѣльнаго солдата и хорошаго товарища. Поднявшись выше своей среды, ему не были чужды благородные, честные порывы. Слово „идея“, было понято и прочувствовано имъ. Ради идеи онъ поступилъ въ ряды добровольцевъ сербской арміи, а затѣмъ, когда вспыхнула война за освобожденіе Болгаріи, мы встрѣтили его въ рядахъ одной изъ дружинъ болгарскаго ополченія. Между тѣмъ, въ одномъ изъ уголковъ Россіи проживала семья Колышкина; семья ставшая близко къ его существу. Колышкинъ посылалъ часто на родину письма, получая исправно отвѣты. Какъ горячо не любилъ Колышкинъ семью, онъ не могъ отказаться принести посильную лепту свою на пользу общему дѣлу. Возвратившись къ мѣсту своего ночлега, я долго размышлялъ о видѣнной сценѣ.

Злое предчувствіе подсказывало мнѣ, что Колышкинъ молился въ послѣдній разъ.

Полная тишина охватила позицію. Гдѣ-то послышался стукъ заступа о землю, и снова все замерло. Внизу тоже ни пѣсенъ, ни музыки. Все, что жило, что составляло жизнь, окунулось въ царство сна...

Въ $5^1/_2$ часовъ утра послышалась сильная перестрѣлка. Въ отрядѣ засуетились. Внизу у генерала Скобелева закипѣла работа. Ординарцы сновали взадъ и впередъ, передавая приказанія и распоряженія.

Укрѣпленный лагерь Шейново и дер. Шипка, представляли собою два пункта атаки. Надо было сдѣлать выборъ. Генералъ Скобелевъ рѣшился атаковать укрѣпленный лагерь Шейново, въ слѣдующихъ соображеніяхъ: атакуя Шипку, правый флангъ нашъ подвергается огню, открывая отчасти тылъ. Занявъ Шипку, мы становимся между двухъ огней, съ горъ и Шейново, причемъ все-таки должны атаковать Шейново и еще съ болѣе укрѣпленнаго, — сѣвернаго фронта. Кромѣ того, атакуя Шипку, мы отказываемся отъ содѣйствія нашей кавалеріи. Между тѣмъ, при атакѣ Шейнова подвергается съ горъ, исключительно лѣвый флангъ, но за то является возможность открыть посредствомъ нашей кавалеріи связь съ отрядомъ князя Святополкъ-Мирскаго, и въ случаѣ одержанія побѣды, отрѣзать непріятелю путь отступленія нашею кавалеріей.

Полученная нами диспозиція, для боя на 28-е декабря, была такова: для подготовки атаки стрѣлковымъ огнемъ назначаются 9-й и 11-й стрѣлковые батальоны и свободный батальонъ Углицкаго полка, вооруженный ружьями Пибоди.

Въ частномъ резервѣ 3-я бригада болгарскаго ополченія (5-я и 6-я дружины) и горная батарея. Командиромъ этого отряда назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ графъ Толстой. Во 2-й линіи: 3-я и 4-я дружины болгарскаго ополченія, за исключеніемъ 2-хъ ротъ, оставшихся на горахъ.

Второю линіею поручалось командовать генералъ-маіору Столѣтову.

Въ общемъ резервѣ: полки Суздальскій и Казанскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тошиловскаго, а до его прибытія генералъ-маіору Гренквисту.

Вся кавалерія, 1-й драгунскій, 1-й уланскій, 1-й и 9-й казачьи полки, уральская сотня и конники болгарскаго ополченія, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дохтурова, занявъ легкими частями деревни, развертывается на правомъ флангѣ боеваго расположенія. Кавалеріи вмѣнялось въ обязанность: 1) во время боя охранять правый флангъ боеваго порядка, слѣдя зорко за всѣми движеніями противника; 2) маневрируя на казанлыкскую дорогу, искать связи съ отрядомъ генералъ-лейтенанта князя Святополкъ-Мирскаго; 3) въ случаѣ отступленія непріятеля, преслѣдовать его энергичнымъ образомъ. Общая цѣль боя—Шейновскій укрѣпленный лагерь. Наступленіе вести уступами съ праваго фланга. Въ концѣ дислокаціи было упомянуто мѣстонахожденіе генералъ-лейтенанта Скобелева, а именно: въ началѣ боя при передовомъ отрядѣ, въ концѣ—при общемъ резервѣ. Перевязочный пунктъ назначенъ у дер. Иметли. Пункты расположенія частей пѣхоты (въ боевомъ порядкѣ) должны были быть указаны на мѣстѣ начальникомъ штаба отряда графомъ Келлеромъ. Относительно обороны деревни Иметли со стороны Калофера были приняты также мѣры:

*

1-я дружина болгарскаго ополченія и рота саперъ назначены охранять послѣднюю, а для большаго обезпеченія тыла и рекогносцировки долины къ западу отъ Иметли, а также, буде возможно, для соединенія съ генераломъ Карцевымъ была послана уральская сотня, подъ начальствомъ войсковаго старшины Кирилова.

Флигель-адъютантъ князь Вяземскій, командовавшій нашей позиціей на горахъ, сталъ немедленно стягивать войска въ долину, по полученіи приказанія отъ генерала Скобелева.

Но втянувшись въ долину, пришлось довольно долго поджидать сильно растянувшіяся (по неудобству трудно проходимаго ущелья) части. По дорогѣ валялись неубранныя тѣла солдатъ, убитыхъ еще 26-го числа, при взятіи Иметли. Всякій пойметъ, что подобнаго рода зрѣлище, не совсѣмъ пріятно дѣйствуетъ на моральное состояніе духа солдатъ, заставляя ихъ глубже вглядываться въ жертвы боя и ждать такой же участи для себя. Но войска шли бодро впередъ подъ звуки музыки и пѣсенъ, съ распущенными знаменами.

Такъ и хотѣлось обнять всѣхъ этихъ удальцовъ-героевъ, идущихъ почти на вѣрную смерть съ полнымъ самоотверженіемъ...

Дождавшись 4-й дружины, полковникъ князь Вяземскій скомандовалъ движеніе впередъ, и отрядъ быстро зашагавъ по снѣжной долинѣ, скоро вошелъ въ составъ 2-й боевой линіи. Гранаты зашипѣли по всѣмъ направленіямъ, не причиняя, впрочемъ, особеннаго вреда, вслѣдствіе ихъ перелета.

Впереди слышалась сильная ружейная трескотня и громкое, то замирающее, то усиливающее „ура“, а у насъ развѣваются знамена и гремитъ музыка, наигрывая маршъ „Стрѣлокъ“. Этотъ знаменитый бой, имѣлъ положительно характеръ парада: тоже движеніе впередъ, тоже равненіе на мѣстѣ, а затѣмъ, церемоніальный маршъ... Разница была только въ томъ, что войска послѣ прохожденія, брали ружья на-руку и кидались впередъ съ крикомъ „ура“, при чемъ ряды частей быстро рѣдѣли, да и сквозь музыку прорывались стоны раненыхъ.

Не дойдя до опушки рощи (предверіе Шейнова), войскамъ было приказано лечь въ небольшой лощинѣ. Выстрѣлы въ отдаленіи почти смолкли, только наше далекое „ура“ переливалось волнами въ воздухѣ.

Вдругъ, что-то сильно загудѣло надъ нашими головами и съ трескомъ грохнулось позади насъ. Я обернулся. Нѣсколько человѣкъ забарахтались и закопошились. Граната разорвалась въ серединѣ роты, вырвавъ изъ строя пять человѣкъ. Въ числѣ убитыхъ, былъ мой облюбленный Колышкинъ. Предчувствіе не обмануло его. Убитъ, и при томъ послѣдней гранатой, выпущенной со стороны турокъ за какихъ нибудь пять минутъ до взятія редута.

Пролежавъ недолго въ лощинѣ, отрядъ былъ снова поднятъ и дви-

нутъ въ рощу. Все смолкло... Только въ отдаленіи раздавался какой-то гулъ голосовъ и слышался трескъ горѣвшихъ патроновъ. Очевидно, кровавая драма завершилась. Мы быстро проходили по завоеванному пути, усѣянному трупами русскихъ солдатъ и турокъ. То и дѣло приходилось разставлять часовыхъ къ турецкимъ запасамъ, состоящимъ изъ патроновъ, свинца, пороха, снарядовъ и всякаго рода провіанта. Наконецъ мы вышли изъ рощи и пройдя рядъ укрѣпленій, выстроились у одного изъ редутовъ, взятыхъ нами. Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ, окруженный свитой, а также взятымъ въ плѣнъ пашею, объѣзжалъ войска, благодаря ихъ за молодецкое дѣло.

Въ 2 часа пополудни, укрѣпленный лагерь Шейново былъ уже оцѣпленъ русскими войсками, а противъ Шипкинскихъ высотъ выстроились въ боевомъ порядкѣ 1-я бригада 16-й дивизіи. Къ турецкимъ войскамъ, стоявшимъ на высотахъ, съ предложеніемъ о немедленномъ положеніи оружія, былъ посланъ генералъ-маіоръ Столѣтовъ.

Трофеями взятія съ боя укрѣпленнаго лагеря Шейнова были: 27 орудій, изъ коихъ взято съ боя 12; 7 знаменъ, нѣсколько значковъ; болѣе 10,000 ружей и масса артиллерійскихъ снарядовъ.

Въ плѣнъ взято: 2 паши, 4 полковника, 280 офицеровъ и болѣе 12,000 нижнихъ чиновъ. Въ полночь того же дня мы узнали о сдачѣ турецкой арміи, находящейся въ горахъ; численность сдавшихся равнялась 22 таборамъ при 41 орудіи и 2-хъ пашей.

О подробностяхъ веденія боя подъ Шейново, я умолчалъ, описывая исключительно движеніе отряда князя Вяземскаго.

Теперь я коснусь общаго хода всего сраженія.

Въ 10 часовъ утра, войска передоваго отряда подъ начальствомъ графа Толстаго, выстроились въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: впереди 9-й и 11-й стрѣлковые батальоны, имѣя за флангами частныя резервныя части, за правымъ — 5-ю дружину, за лѣвымъ — 6-ю дружину. Въ резервѣ 4 стрѣлковыя роты Углицкаго полка, вооруженныя ружьями Пибоди. Между двумя стрѣлковыми батальонами (9-мъ и 11-мъ) стала горная батарея.

Стрѣлковой цѣпи было приказано придвинуться на возможно близкую дистанцію къ непріятелю, подготовивъ такимъ образомъ атаку огнемъ. Командиру горной батареи также открыть огонь по непріятелю, предварительно подрывъ хоботъ орудій и тѣмъ самымъ обманывать противника.

Часовъ около 11-ти, стрѣлки Углицкаго полка были вызваны на нашъ лѣвый флангъ, для взятія кургановъ на правомъ турецкомъ флангѣ, а батальону Владимірскаго полка было приказано взять таковые же на лѣвомъ флангѣ непріятельскаго расположенія. Наступленіе шло успѣшно. Въ непродолжительномъ времени курганы на правомъ турецкомъ флангѣ одинъ за другимъ переходили въ руки нашихъ войскъ. На лѣвомъ ту-

рецкомъ флангѣ было замѣчено упорное движеніе впередъ Владимірцевъ, а затѣмъ здоровое, громкое „ура", явно доказывающее скорое паденіе непріятельскихъ редутовъ.

Въ это время генералъ Скобелевъ получилъ извѣстіе о соединеніи нашего отряда съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, а также и записку слѣдующаго содержанія:

„Деревня Шипка и сзади ея большой курганъ взяты нами съ боя. Вчера занятъ нами Казанлыкъ. У меня въ боевой линіи 15 батальоновъ, въ резервѣ очень мало".

Около двухъ часовъ дня генералъ Скобелевъ получилъ донесеніе полковника Панютина, что деревня Шейново очищена отъ непріятеля.

Прочтя донесеніе Скобелевъ приказалъ немедленно привести въ оборонительное состояніе опушку Шейновской рощи, обращенной къ сторонѣ деревни Черекли.

Но эта мѣра предосторожности оказалась лишней. Казачій № 1-й полкъ обскакавъ деревню съ тыла атаковалъ бѣгущаго непріятеля, взявъ въ плѣнъ около 6-ти таборовъ и два знамя, оставивъ на мѣстѣ массу изрубленныхъ непріятельскихъ тѣлъ. Эта лихая атака казаковъ, была однимъ изъ самыхъ удачныхъ кавалерійскихъ дѣлъ въ продолженіе эпохи войны.

Блестящею атакою казаковъ завершился многознаменательный Шейновской бой, положившій конецъ отрадѣ солдатъ. Ни одно сраженіе, пока не дало такихъ производительныхъ результатовъ, какъ по трофеямъ, такъ и по вліянію на дальнѣйшій ходъ событій всей кампаніи. Шейново-Шипка развязала узелъ войны, давъ возможность русскимъ войскамъ обогнуть турецкую армію, дѣйствовавшую по линіи Софія-Адріанополь съ двухъ сторонъ. А трудности и лишенія, обрушившіяся на плечи русскаго солдата и такъ самоотверженно, смиренно выдержанныя ими во время зимняго перехода чрезъ Балканы въ отрядахъ Мирскаго, Скобелева и Карцева, никогда не изгладятся въ памяти народа...

Страницы нашей исторіи обогатятся рядомъ доблестныхъ подвиговъ, при чтеніи которыхъ сердце невольно будетъ биться сильнѣе и пріятная дрожь, дрожь отъ самодовольствія, отъ сознанія своей силы и славы, пріобрѣтенной кровью, трудомъ и потомъ, зажжетъ тѣло, заставляя вглядываться въ прошедшее и снова переживать мысленно пережитое.

Переживать пережитое! Такъ-ли? Не прошло и года, со дня заключенія мира, а многое уже забыто и врядъ-ли воскреснетъ въ памяти...

Забыты сѣренькіе герои (armée profonde), герои Шибки, Шейново, Карса, Баязета...

. . . . . .

Едва успѣли передохнуть дружинники, какъ на плечи имъ свалили опять черную работу, конвоировать плѣнныхъ и раненыхъ турокъ до деревни Иметли, гдѣ расположился подвижной лазаретный пунктъ. Долго ѣхалъ я съ боку походной турецкой колонны, окруженный конвоемъ ополченцевъ. Все занятіе заключалось въ пристальномъ оглядываніи съ ногъ до головы турецкихъ солдатъ и офицеровъ, лѣниво переставлявшихъ ноги. Хотѣлось очень покопаться въ ихъ мысляхъ и ощущеніяхъ. Мнѣ казалось, что положеніе ихъ, какъ военно-плѣнныхъ, „нисколько не тяготитъ ихъ“. На всѣхъ турецкихъ лицахъ, кромѣ печати спокойствія, даже какой-то апатіи, ничего не прочтешь. Только у раненыхъ замѣтно подергиваніе личныхъ мускуловъ, вызванное болью. За то нѣкоторые офицеры добродушно улыбаются въ разговорахъ между собою. По всей вѣроятности большинство плѣнныхъ очень довольны своимъ положеніемъ, отдѣлавшись такъ дешево отъ опасности и лишеній, и имѣя притомъ въ перспективѣ теплый мирный уголъ, покой и кусокъ насущнаго хлѣба.

Взглядъ мой скользилъ по лицамъ турецкихъ плѣнныхъ и вдругъ совершенно невольно сосредоточился на одномъ молодомъ, чрезвычайно симпатичномъ офицерѣ. Густая, черная какъ смоль прядь волосъ, красиво выбилась изъ-подъ его темно-малиновой фески и маленькими кудрями разсыпалась по лбу. Тонкіе дугообразныя брови рельефно выдѣлялись на блѣдно-матовой кожѣ лица, — а изъ-подъ густыхъ длинныхъ рѣсницъ смотрѣли глубокіе, задумчивые глаза; глаза восточные съ поволокой, съ какимъ-то особеннымъ блескомъ. Я никогда нигдѣ не встрѣчалъ такихъ глазъ. Правильный носъ съ небольшой горбинкой и ротъ съ поддернутой не много къ верху губой, дополняли собою красивое лицо. Офицеръ, почувствовавъ на себѣ пристально устремленный взглядъ, сталъ пробираться ближе къ цѣпи конвойныхъ. Пробравшись чрезъ толпу на разстояніе удобное для разговора, онъ обратился ко мнѣ по-турецки, но я ровно ничего не понялъ изъ его рѣчи и замахалъ ему въ отвѣтъ головой. „Peut-être vous parly français?“ началъ онъ снова дурнымъ акцентомъ и услыхавъ въ отвѣтъ: „oui monsieur je parle“, повидимому крайне обрадовался этому обстоятельству. Разговоръ начался съ того, что онъ попросилъ у меня глотокъ коньяку, въ которомъ я отказалъ ему, прибавивъ при этомъ, что удовлетворю его желаніе, но позднѣе, по приходѣ на мѣсто бивуака.

Затѣмъ разговоръ коснулся военныхъ событій, интересовавшихъ обѣ враждебныя стороны. Я сообщилъ ему о паденіи Плевны, и о взятіи Софіи. Впрочемъ къ чему же я распространяюсь о томъ, что вамъ самимъ извѣстно!

— Помилуйте, услышалъ я въ отвѣтъ, о взятіи Софіи мы рѣшительно ничего не знали, да и о Плевнѣ тоже.

— Какимъ же это образомъ? Вѣдь Плевна взята уже мѣсяцъ тому назадъ!

— Отъ насъ скрывали всѣ наши промахи и неудачи, и сообщали лишь объ однихъ только побѣдахъ. Одно время разнесся было слухъ о паденіи Плевны, но нашъ паша сообщилъ намъ, что это извѣстіе невѣрное, что Плевна держится и въ подтвержденіе своихъ словъ показывалъ телеграмму изъ Константинополя опровергающую фактъ паденія Плевны.

— Васъ, значитъ, все время водили за носъ, скрывая отъ вашего войска крупныя неудачи?

— Повидимому, да.

— А вы были на Шипкѣ во время четырехъ-дневныхъ бѣшеныхъ Сулеймановскихъ атакъ, полюбопытствовалъ я.

— Какъ же; я самъ участвовалъ въ атакахъ и какимъ-то чудомъ остался цѣлымъ.

— Какого вы мнѣнія о вашемъ полководцѣ?

— О Сулейманѣ.

— Да.

— Всѣ вообще офицеры о немъ дурнаго мнѣнія. Какъ полководецъ, онъ энергиченъ, но не отличается особеннымъ знаніемъ военнаго искусства. При всемъ этомъ онъ варваръ. Вы знаете, что онъ клялся перерѣзать всѣхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ, еслибъ ему удалось взять съ бою Шипку.

Стало смеркаться. Я кивнулъ головою новому знакомому офицеру и давъ шпоры лошади, поскакалъ къ головѣ колонны. Увидя меня, начальникъ партіи, приказалъ немедленно ѣхать къ Иметли и выбрать тамъ мѣсто для бивуака, а также озаботится о ночлегѣ для гг. офицеровъ, если таковой найдется.

Порученіе пришлось какъ разъ кстати. Мнѣ надоѣло плестись шагъ за шагомъ, рядомъ съ плѣнными, да притомъ хотѣлось также поудобнѣе пристроиться на ночлегѣ, расправить усталые члены, отогрѣться, побаловаться въ волю чайкомъ, послѣ томительнаго горнаго перехода безъ сна и горячей пищи. А горячая пища имѣлась уже въ виду на сегодняшній вечеръ. Въ Шейновскомъ лагерѣ была прихвачена молодая газель, присужденная преждевременно къ закланію на удовлетвореніе офицерскихъ желудковъ.

Конь мой, шелъ быстро, чуя близость скораго отдыха.

Густыя полосы тѣни, легли по долинѣ. Свѣжій, морозный вѣтеръ, вырывался изъ ущелья, обдавая лицо снѣжною пылью. Волны прозрачнаго тумана охвативъ гребни горъ, двигались по ихъ скатамъ, стараясь прорваться къ самому подножію. Звѣзды одна за другою зажигались на небѣ и искрили бѣлую пелену долины.

Мѣстами по этой пушистой мягкой, бѣлой скатерти, чернѣли пятна:— то были убитые: жертвы сегодняшняго боя.

Я ѣхалъ словно по спящему царству: ни шума, ни стука; только слабое завываніе вѣтра нарушали покой спавшей природы. Вдругъ до моего слуха долетѣло что-то похожее на человѣческій стонъ. Сталъ прислушиваться.—Да, стонъ... Вотъ опять... еще разъ и какъ будто громче. Мнѣ показалось, что звукъ доносится до меня съ лѣвой стороны и я не обманулся. Повернувъ лошадь съ протоптаной тропы въ лѣво, я сталъ пробираться впередъ. Стоны стали доноситься явственнѣе. Какія-то черныя пятна показались подъ выступившимъ передъ мною снѣжнымъ курганомъ. Видимыя пятна зашевелились, закопошились... Раненые, наши раненые!.. молніею пробѣжала въ головѣ мысль. А какъ помочь имъ, что дѣлать безъ санитаровъ? снова заработало воображеніе.

— Ваше благородіе, спасите, слабымъ надорваннымъ и дрожащимъ голосомъ завопилъ молодой еще солдатикъ и схватившись руками за распахнутую грудь, сталъ стонать ежась отъ боли.

Рядомъ съ нимъ лежало еще человѣкъ восемь, но нѣкоторые изъ нихъ уже не стонали. Могучая желѣзная рука смерти вырвавъ изъ тѣла ихъ жизнь, наложила на лица ихъ отпечатокъ послѣдней душевной скорби въ моментъ борьбы съ предсмертной агоніей.

— Ваше благородіе, снова началъ солдатикъ, тутотка вотъ двое при мнѣ умерли и раны-то у нихъ не совсѣмъ, чтобы гораздъ, а такъ надо полагать отъ мороза...

Вотъ они мрачныя стороны войны, подумалъ я вслухъ и хотѣлъ добавить къ этому прилагательное „неизбѣжныя“, но отказался отъ такого безаппеляціоннаго приговора. Неизбѣжныя — ужъ не коимъ образомъ. А стоны, стоны такъ и переворачивали во мнѣ душу. Какого была моя радость, когда я замѣтилъ не вдалекѣ всадника скачущаго отъ д. Иметли. Я громко закричалъ, „на помощь“ и замахалъ руками. Удивленіе мое еще болѣе было поражено, когда въ приближающемся всаднике я узналъ доктора 16-й дивизіи.

— Докторъ, да васъ сама судьба привела сюда, воскликнулъ я отъ радости. Полюбуйтесь-ка на нашихъ забытыхъ героевъ! Двое-то изъ нихъ уже умерло и какъ кажется не отъ ранъ, а отъ мороза.

— Какъ кстати, что я захватилъ съ собою коршію и бинты, промычалъ докторъ, принимаясь за перевязку.

— Половину труда я возьму на себя, докторъ, и доставлю вамъ перевязочныя средства. Видите, тамъ по дорожкѣ телѣга тянется, а около нея еще какіе-то пѣшеходы? и не дождавшись отвѣта доктора, поскакалъ къ телегѣ.

— Что везете братцы?

— Ружья и ранцы, ваше благородіе.

— Ну, сваливайте живѣе ихъ на дорогу, да за мною:—раненыхъ повеземъ.

Солдатики недоумѣвали и почесывали затылки.

— Какъ же такъ, ваше благородіе, началъ одинъ изъ нихъ, мы вѣдь тоже отъ начальства посланы везти ружья и приказъ намъ на то даденъ, а теперь выходитъ совсѣмъ иное.

— То-то вотъ и есть, что иное. Теперь вамъ приказываютъ выбросить ружья и спасать раненыхъ, которые кровь свою пролили. Хорошо бы вамъ было ребята, коли-бъ васъ оставили-бъ на полѣ не прибранными.

— Никакъ нѣтъ, согласились солдаты.

— Ну такъ вы должны помочь вашимъ товарищамъ, а ружья да ранцы не убѣгутъ: потомъ пріѣдете и заберете, такъ что и начальство вами будетъ довольно, да и раненыя товарищи васъ отблагодарятъ.

Солдаты принялись выгружать телѣгу.

Въ раздумьѣ отъѣхалъ я отъ импровизованнаго перевязочнаго пункта по направленію къ д. Иметли.

Этихъ-то, что ухо открыло, удалось, быть можетъ, спасти, а сколько такихъ же раненыхъ разметалось по широкому бѣлому ковру, и въ эту самую минуту борятся, съ приближающеюся смертью, взывая о помощи.

Пошлютъ цѣпь казаковъ объѣхать поле сраженія, но, увы—поздно.

Ничего не услышатъ казаки: ни плача, ни стона. Раненые къ тому времени перемерзнутъ. Бѣдные, забытые герои! Гдѣ же были санитарныя роты, дежурныя команды, прямое назначеніе которыхъ—убирать раненыхъ послѣ боя?

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда я подъѣзжалъ къ Иметли, зарево отъ массы костровъ стлалось надъ деревней. Ѣдкая гарь рѣзала глаза, которые и безъ того уже болѣли отъ безсонныхъ ночей и отъ той же гари досаждавшей насъ всѣхъ двое сутокъ. Всѣ уцѣлѣвшія кашты (дома) были переполнены ранеными и больными. Пришлось ограничится бивуакомъ въ полѣ вблизи деревни. Скоро подошла партія. Закипѣла зимняя бивуачная жизнь, съ неизбѣжными кострами, варкою чая, жареніемъ шашлыка...

Усталые, голодные, мы размѣстились въ небольшой лощинкѣ вокругъ костра и въ ожиданіи чая и жаренаго, принялись дѣлится впечатлѣніями завершившагося дня.

Прошла ночь и новый свѣтлый день принялъ насъ всѣхъ въ свои широкія объятья, благословляя на новые труды.

Вплоть до вечера простояли мы на бивуакѣ съ плѣнными въ ожиданіи приказаній. Въ шесть часовъ снялись и тронулись опять въ Шейново, гдѣ предполагалась ночевка, а оттуда дальнѣйшее конвоированіе плѣнныхъ чрезъ Шипку на Габрово. Не успѣли мы отойти и трехъ верстъ отъ стараго бивуака, какъ поднялась страшная вьюга, заносив-

шая снѣгомъ отрядъ. Съ трудомъ, продрогнувъ до костей, дотащились мы до Шейновской рощи. Опять костры, чай, закусываніе и вялые разговоры. Ночевать подъ открытымъ небомъ было физически невозможно. Надо было приткнутся къ какому-нибудь помѣщенію. Здѣсь же въ рощѣ помѣщался лазаретъ краснаго полумѣсяца, въ хорошо отопленныхъ турецкихъ палаткахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщалось по три по четыре раненыхъ, такъ что хватило-бъ мѣсто и для нашего брата, очистивъ одну изъ палатокъ.

Но такія распоряженія не входили въ разсчетъ начальства. Я было пріютился съ однимъ изъ товарищей подъ деревомъ, но къ намъ подошелъ солдатикъ и сообщилъ, что не вдалекѣ отъ насъ есть просторный шалашъ занимаемый нашими ранеными. Тамъ ваше благородіе оченно свободно—мѣста для васъ хватитъ. Поднялись, пошли... Ужасная картина во-очію предстала предъ нами, когда мы вошли въ сплетенный изъ сучьевъ шалашъ. На бѣдно подосланной соломѣ лежали наши раненые. Небольшой костеръ разложенный на полу служилъ освѣщеніемъ и отопленіемъ, а вѣтеръ съ страшнымъ ревомъ гулялъ по шалашу, срывая шинели съ умирающихъ.

Душа переполнилась негодованіемъ, кровь прилила къ головѣ, стиснутыя въ кулакъ руки невольно протягивались впередъ, а губы дрожа посылали проклятья. Въ шалашѣ было холоднѣе, чѣмъ подъ открытымъ небомъ.

Непріятель въ теплѣ, его холятъ, берегутъ, а наши труженики-мученики выброшены на морозъ... Въ гуманность драпируемся, аттестата честности просимъ, замѣтилъ товарищъ.

— Отчего это раненыхъ не переведутъ въ турецкія палатки? спросилъ я у фельдшера вертѣвшагося у костра.

— Да здѣсь, ваше благородіе, все безнадежные, неизлечимые значитъ.

Раненые положимъ излечимы, мелькнуло въ головѣ, но русская болѣзнь—никогда.

Я тутъ же пріютился у костра не смыкая всю ночь глазъ, а вѣтеръ сердито вторилъ моимъ не веселымъ думамъ. Въ уныломъ завываніи вѣтра слышался болѣзненный плачъ и скрежетъ зубовный матери—родины по своимъ забытымъ оставленнымъ дѣтямъ.

Ю...

КРАТКІЕ МАТЕРІАЛЫ
КЪ СОСТАВЛЕНІЮ ИСТОРІИ БОЛГАРСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

Не имѣя подъ рукою рѣшительно никакихъ матеріаловъ, могущихъ хотя сколько нибудь облегчить трудъ, возложенной добровольно на себя задачи, я, ссылаясь исключительно на свою память, которая въ данномъ случаѣ одна служитъ мнѣ руководствомъ, приступаю къ краткому изложенію исторіи болгарскаго ополченія.

Во время пребыванія нашей арміи въ Бессарабіи, до перехода ея черезъ Прутъ, при главной квартирѣ, въ Кишиневѣ, началось формированіе кадра изъ лучшихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ нашей арміи для болгарскаго ополченія.

Большинство кадровыхъ—уроженцы Бессарабіи, а слѣдовательно болѣе или менѣе знающіе болгарское нарѣчіе, что конечно облегчаетъ успѣхъ обученія добровольцевъ-болгаръ къ русскому военному строю. Цѣль формированія ополченія состоитъ въ томъ, чтобы дать Болгаріи первые кадры ея собственныхъ національныхъ силъ, создать для нея оплотъ для новой, болѣе счастливой, свободной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ влить, такъ сказать, въ будущее болгарское войско высоко нравственный боевой духъ нашего солдата.

Въ началѣ кадръ, зарождавшагося болгарскаго ополченія, не превышалъ численностью 300 человѣкъ и носилъ названіе пѣшаго почетнаго конвоя. Командованіе конвоемъ поручено подполковнику 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона Калитину. Руководителемъ дѣла даль-

нѣйшаго формированія какъ кадровъ, такъ и добровольцевъ болгаръ, долженствующихъ пополнять ополченія назначается генералъ-маіоръ Столѣтовъ, тотъ самый, который въ 1874 году, еще въ чинѣ полковника, былъ назначенъ начальникомъ Аму-Дарьинской ученой экспедиціи. Кадры конвоя начинаютъ быстро пополнятся добровольцами. Большинство изъ нихъ люди бывалые, видѣвшіе всякіе виды, понюхавшіе порохъ въ разныхъ мелкихъ возстаніяхъ, но преимущественно въ послѣдней сербской войнѣ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1877 года, почетный конвой располагается лагеремъ въ румынскомъ городкѣ Плоэшти. Сюда стекается масса добровольцевъ быстро пополняя ряды зарождающагося войска, такъ что численность состава достигаетъ 3000 человѣкъ. Пѣшій почетный конвой переименовывается въ болгарское ополченіе, которое раздѣляется на 6 дружинъ численностью въ 500 человѣкъ каждая. Дружину составляютъ 5 ротъ, изъ коихъ 4 линейныхъ и 1 стрѣлковая. Кромѣ подраздѣленія на дружины, ополченіе дѣлится на 3 бригады, бригаду составляютъ двѣ дружины. Въ Плоэштахъ разработываются штаты, какъ самаго штаба ополченія, такъ и каждой дружины въ отдѣльности. Дружинный штатъ почти тождественъ батальонному съ нѣкоторыми измѣненіями, такъ напр. штабные должности сокращены. На адъютанта возлагается обязанность должности дѣлопроизводителя, а на казначея—квартирмейстра. Завѣдующій оружіемъ одинъ на бригаду. Впрочемъ, въ послѣдствіи, во время стоянки ополченія на Зеленомъ Древѣ, должность завѣдующаго орудіемъ присвоена штату каждой дружины. Со вступленіемъ въ Плоэшти началось послѣдовательное, правильное обученіе молодого войска строевому искусству. Волонтеры горячо сочувствующіе дѣлу и добровольно вступившіе въ ряды, быстро ознакомливаются съ первыми пріемами обученія и въ непродолжительномъ времени принимаютъ видъ старыхъ солдатъ. Обученіе идетъ относительно легко, согласно, стройно, и главное особенныхъ внѣшнихъ толчковъ и побужденій. Всѣ попеченія, какъ по обмундировкѣ, такъ и по снаряженія ополченія оружіемъ и аммуниціей добровольно возлагаетъ на себя славянскій комитетъ. Форма одежды ополченцевъ: короткая широкая черная куртка съ отложнымъ воротникомъ, въ родѣ матросскаго бушлата, съ красными погонами и мѣдными пуговицами, широкіе шаровары, такого-же цвѣта, высокіе сапоги, круглая барашковая шапка съ свѣтло-зеленымъ верхомъ и восьмиконечнымъ мѣднымъ крестомъ на околышѣ, и шинель сѣраго толстаго сукна совершенно русскаго солдатскаго покроя съ красными погонами и петлицами на воротникѣ. Аммуниція такая-же, какъ и у русскихъ войскъ, за исключеніемъ ранцевъ, мѣсто которыхъ замѣняютъ холщевые мѣшки, весьма удобные въ походѣ. Вооруженіе состоитъ изъ ружья Шаспо, съ ятаганомъ вмѣсто штыка.

6-го мая 1877 года, въ томъ же городкѣ Плоэшти произошло важное событіе, имѣющее, какъ историческое, такъ и нравственное значеніе для Болгаріи и ея будущаго войска. Событіе это сближало Болгарію съ Россіей, укрѣпляло ее сердечную связь съ высокою и сильною матерью покровительницею.... Городъ Самара еще въ 1876 году, изготовилъ знамя для болгарскихъ дружинъ, возставшихъ противъ турокъ и собравшихся въ ущельяхъ Іалконова, но знамя это, по причинѣ грустно окончившагося послѣдняго возстанія, не могло попасть прямо по назначенію. Тогда самарцы прислали изготовленное знамя для врученія его новому болгарскому ополченію. Честь хранить знамя выпала на долю 3-й дружины. Знамя ополченія сшито изъ трехъ шелковыхъ разноцвѣтныхъ полосъ: малиновой вверху, бѣлой въ серединѣ, и синей внизу. На обѣихъ его сторонахъ большіе, прямоугольные черные кресты, вышитые золотомъ и шелкомъ, въ цитрахъ крестовъ, на одной сторонѣ образъ Иверской Богоматери, на другой изображены св. Кириллъ и Меѳодій, покровители и просвѣтители земли болгарской. На лентахъ знамени золотомъ вышито: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“ и „городъ Самара—Болгарамъ въ 1876 году“. На верхушкѣ древка серебряное позолоченное копье, въ византійскомъ стилѣ.

Прибивка знамени, въ присутствіи Главнокомандующаго, послѣдовала 6-го мая при многочисленномъ стеченіи народа.

Первый гвоздь вбилъ самъ Главнокомандующій, второй начальникъ штаба арміи, генералъ Непокойчицкій, затѣмъ начальникъ ополченія, два представителя отъ города Самары: Алабинъ и Кожевниковъ, архимандритъ Амфилохій (болгаринъ), служившій молебенъ и, къ седьмому гвоздю подошелъ маститый старецъ въ болгарскомъ національномъ костюмѣ, вооруженный дорогимъ оружіемъ. То былъ знаменитый представитель болгарскихъ возстаній, воевода Церко-Петковичъ. Гроза Балканъ, наводившій 19 лѣтъ страхъ на невѣрныхъ, онъ явился въ ряды ополченія простымъ волонтеромъ, но изъ уваженія къ его лѣтамъ и прежнему положенію, его оставили при генералѣ Столѣтовѣ, какъ совѣтника и знающаго хорошо мѣстность.

Предводительствуя шайками инсургентовъ, Петковичъ попался въ плѣнъ туркамъ, и томился въ тюрьмѣ, посаженный на цѣпь, три года. Но счастливо сложившіяся обстоятельства дали ему возможность освободится изъ плѣна. На шеѣ старика до сихъ поръ сохранились слѣды желѣзнаго ошейника. Со слезами на глазахъ взялъ Петковичъ серебрянный гвоздь, перекрестился, поцѣловалъ знамя и прежде чѣмъ вбить гвоздь, громко произнесъ на болгарскомъ нарѣчіи, обратившись къ ополченію, слѣдующее: „Да поможетъ Богъ пройти этому знамени изъ конца въ конецъ всю землю болгарскую, да утрутъ имъ наши матери, жены и дочери свои скорбныя очи, да бѣжитъ передъ нимъ (знаменемъ) все по-

ганое, злое, нечестивое, и ляжетъ позади него миръ, тишина и благоденствіе". Звучно, отчетливо раздавались эти простыя, прочувствованныя слова старика-героя, звучно прогремѣлъ молотокъ, ударившійся о шляпку гвоздя, и какъ нарочно въ ту же мунуту, въ грозовыхъ тучахъ собравшихся надъ Карпатами, блеснула молнія и глухо зарокотали перекаты громоваго удара... Добрый знакъ, послышалось въ толпѣ....

Освященное знамя дарованное ополченію освящало, благословляло впереди лежащую задачу, и нравственно укрѣпляло духъ молодаго войска. Съ этого момента ополченіе становится нравственно окрещеннымъ на ряду съ другими русскими войсками. Тотъ-же принципъ: дратся до послѣдней капли крови, не жалѣя живота своего и честно хранить въ бою дарованное знамя, какъ залогъ чести, вѣрноподданическихъ чувствъ, вѣры и вѣрности всего войска.

Ко дню переправы отряда генерала Радецкаго черезъ Дунай, ополченіе подошло къ г. Зимницы, но было остановлено и расположено бивуакомъ въ верстахъ трехъ отъ него. Здѣсь ополченіе простояло по 21-го іюня. Въ ночь на 22-е, ополченіе переправилось черезъ Дунай и вошло въ составъ передоваго отряда генерала Гурко. Въ Зимницѣ послѣдовало распоряженіе отъ каждой дружины отдѣлить по одной ротѣ, при штатномъ комплектѣ офицеровъ, такъ что боевой составъ дружинъ перешедшихъ Дунай и вошедшихъ въ составъ отряда генерала Гурко, состоялъ уже не изъ 5-ти, а 4-хъ линейныхъ ротъ. Оставшіеся 6 ротъ, водворяются: въ Систовѣ, Тырновѣ и Никополѣ. Пополняясь добровольцами оставшіеся роты формируются въ дружины по 7, 8, 9, 10, 11 и 12-й. Дружины эти составляютъ гарнизонъ выше названныхъ городовъ и служатъ какъ бы резервомъ 6-ти дѣйствующимъ дружинамъ, пополняя ихъ ряды.

Резервныя дружины, или такъ называемое 2-е ополченіе носятъ свой особенный характеръ и имѣютъ свою исторію. Я же задался изложить исторію исключительно 6-ти боевыхъ дружинъ. Войдя въ составъ передоваго отряда, ополченіе двинулось по направленію г. Тырнова черезъ деревню Батокъ, составляя все время аріергардъ отряда. Изъ Тырнова ополченіе было направлено по Хаинбуазскому ущелью къ деревнѣ Ханкіой. Во время слѣдованія отряда по узкому горному ущелью съ страшно крутыми и узкими подъемами, вся тяжесть черной работы, какъ-то переносъ орудій на рукахъ и поправка дороги пала на долю ополченія.

Бивуакируя у деревни Ханкіой, 3-я дружина болгарскаго ополченія была потребована по тревогѣ на поддержку барона Корфа, завязавшаго дѣло съ непріятелемъ близъ деревни Твардицы, но дружина несмотря на форсированный переходъ, подошла къ отряду Корфа уже въ то время, когда непріятель атакованный и преслѣдываемый нашими казаками, отступилъ. 5-го іюля ополченіе было двинуто по направленію

г. Казанлыка, а 6-го числа вечеромъ заняло городъ, очищенный уже отъ непріятеля. 4-й стрѣлковой бригадѣ, назначенной атаковать на 6-е число Шипкинскія высоты, были приданы двѣ болгарскія дружины по №№ 5 и 6, но на долю ихъ выпала скромная роль уборки раненыхъ.

Занимая г. Казанлыкъ по 9-е число (день выступленія отряда), ополченіе въ числѣ 6-ти дружинъ исправляло обязанности аванпостной и гарнизонной службы, а также транспортировкой плѣнныхъ и раненыхъ.

Съ выступленіемъ отряда, въ составъ котораго также вошли 1-я, 2-я, 3-я и 5-я дружины, подъ начальствомъ Его Высочества герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго за Малыя Балканы, для ополченія зажглась новая эра славной боевой жизни и дѣятельности. Дѣла 17-го и 18-го іюля между селеніями Долбаки и Джурангли и 19-го подъ г. Ески-Загрой, показали, что молодое ополченіе умѣетъ отстаивать также свою честь до послѣдней капли крови, какъ и старыя опытныя русскія войска.

Хотя результатъ боя 19-го числа былъ далеко не въ пользу ополченія, такъ какъ оно послѣ 4-хъ-часоваго сраженія, съ горстью людей, противъ превосходнаго непріятеля, должно было отступить, тѣмъ не менѣе, само дѣло говорило въ пользу будущей самостоятельной Болгаріи: у нея явилось окрещенное огнемъ неустрашимое, храброе войско, способное драться и охранять интересы своей родины.

Въ бою подъ Ески-Загрой, ополченіе потеряло до 800 нижнихъ чиновъ и 23 офицера убитыми и ранеными. Самая большая убыль была въ 3-й дружинѣ; изъ 13 офицеровъ убыло 9.

Отступая ущельемъ Малыхъ Балканъ по направленію г. Казанлыка, 4 дѣйствовавшія дружины, прибыли къ городу 20-го іюля, въ 4 часа пополудни, соединившись вновь съ оставшимися тамъ двумя дружинами 4-й и 6-й. Но вечеромъ того же числа, 3-я дружина была двинута чрезъ Шипку на Габрово, сопровождая транспортъ раненыхъ. Оставшіяся въ Казанлыкѣ 5 дружинъ составили гарнизонъ города, но въ скоромъ времени также были направлены на Шипкинскія высоты.

29-го іюля всѣ дружины за исключеніемъ 6-й, занимали шипкинскую позицію.

Не долго пришлось пользоваться отдыхомъ. Сама стоянка внѣ боеваго дѣла, была отвратительна, а аванпостная служба въ дождливую, холодную погоду утомляла людей и развивала въ значительной степени болѣзненность.

Порѣдѣвшіе ряды дружинъ пополнились прибывшей изъ резерва партіей добровольцевъ. Въ недалекомъ будущемъ висѣла грозная туча бѣшенныхъ атакъ Сулеймана-паши.

7-го августа сильный непріятельскій арріергардъ показался въ долинѣ Тунджи, а 9-го числа, съ разсвѣтомъ, началась знаменитая эпопея

шипкинскаго сидѣнья подъ градомъ свинца и чугуна, усугубляемая цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ лишеній. Трудна была борьба съ многочисленнымъ непріятелемъ. руководимымъ храбрымъ и энергичнымъ начальникомъ, но русская мощь въ свою ширь сказалась въ славныхъ защитникахъ Шипки. Всѣ усилія непріятеля захватить въ свои руки ключъ позиціи, разбились о русскую грудь, какъ объ камень. Ополченіе дралось блистательно совмѣстно съ Орловскимъ и Брянскимъ полкомъ. Послѣ четырехъ тяжкихъ дней обороны, т. е. 13-го утромъ, оно, за исключеніемъ 4-й дружины, занимавшей позицію на Николаѣ, было отведено на позицію Зеленое Древо, имѣвшею цѣлью оберегать тылъ нашей обороны, а также недопустить обходнаго движенія. Вышеназванную позицію оберегали до прихода ополченія пластуны и казаки, а впереди ихъ верстахъ въ трехъ почти въ самой деревнѣ Зеленое Древо, была расположена 10-я, вновь сформированная дружина, выставлявшая аванпостную цѣпь. Съ приходомъ на позицію ополченія, пластуны и казаки отошли, а къ 10-й дружинѣ была придана 5-я. 20-го числа лихой набѣгъ черкесовъ заставилъ въ безпорядкѣ отступить 10-ю и 5-ю дружины, при чемъ потеря людей не была велика. Черкесы же были съ урономъ отбиты казаками и подоспѣвшей ротой 1-й дружины.

Причиной внезапнаго нападенія была оплошность со стороны вновь сформированной дружины, не выставившей на этотъ разъ впереди себя цѣпи.

Съ нападеніемъ черкесовъ заканчивается временная боевая дѣятельность ополченія и наступаетъ новый періодъ, но тѣмъ не менѣе тяжелый по своимъ обязанностямъ и послѣдствіямъ. Это періодъ скучныхъ отправленій аванпостной и сторожевой службы въ свирѣпую зимнюю пору, съ неизбѣжными морозами и вьюгами, съ опредѣленнымъ количествомъ отмораживаемыхъ членовъ и съ сильно развивающеюся болѣзненностью. Въ этотъ знаменательный періодъ времени, окончившійся лишь 25-го декабря, ряды ополченія вновь пополнялись послѣ шипкинскаго погрома, добровольцами; но все же численность дружины не простиралась до прежней нормы, 500—600 человѣкъ, а висѣла между числомъ 300 — 400. Значительное число заболѣвающихъ еще болѣе уменьшало комплектъ состоящихъ на лицо людей, а численность штыковъ въ дружинѣ едва доходила до 300. Скучный, бездѣйствующій періодъ зеленодревской стоянки можно также назвать эпохою молебновъ. Съ октября мѣсяца фортуна улыбнулась намъ: блистательныя побѣды Кавказской и Дунайской арміи постепенно развязывали узелъ кровавой задачи,—подводя итоги минувшему и будущему. Каждая побѣда сопровождалась молебнами и орудійными салютами.

Плевна стянула къ себѣ массу войскъ; она парализировала наши

Гос. Истор. Научн. Б-ка НКП РСФСР
№ ....
" .... 193 г.

дальнѣйшія дѣйствія; паденія ея ждали всѣ; на ней были сосредоточены всѣ мысли, всѣ желанія русскихъ, но въ особенности русскаго солдата. Едва раздалась первая вѣсть о плѣненіи Османа-паши, какъ все ожило, возликовало... Руки у всѣхъ развязались, всѣ чувствовали себя окрыленными. Измѣняется также характеръ позиціи: сонливую апатію замѣнила живая дѣятельность. Стали чего-то ждать, приготовляться къ походу, къ новымъ побѣдамъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, войска 16-й дивизіи и 3-й стрѣлковой бригады, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го, прибыли къ г. Габрово. Зимній переходъ черезъ Балканы, не былъ уже миѳомъ, не виталъ въ области иллюзій, а переходилъ на практическую почву. Получилось приказаніе немедленно заготовить вьючныя сѣдла, сухари, консервы, провіантъ.

23-го декабря, смѣлый переходъ черезъ Балканы тремя колоннами не былъ уже секретомъ.

Болгарское ополченіе (7 дружинъ: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я и 10-я) вошло въ составъ правой обходной колонны генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го и 25-го декабря, утромъ, двинулось черезъ дер. Топмилъ по Иметлійскому ущелью, на Марковы-Столбы, черезъ гору Короджа къ дер. Иметли.

26-го декабря, ополченіе подошло къ Марковымъ-Столбамъ, т. е. къ перевалу, а 27-го числа 3-я, 4-я, 5-я и 6-я дружины заняли позицію на высотѣ лѣваго фланга, обращенной къ Шипкѣ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Вяземскаго.

1-я и 2-я дружины расположились у Марковыхъ-Столбовъ фронтомъ къ Лысой горѣ, имѣя начальникомъ полковника Депрерадовича. На 28-е число, въ составъ штурмующихъ колоннъ (лагеря Шейново) вошли 5-я и 6-я дружины, а во вторую линію 3-я и 4-я.

Самая тяжелая и вмѣстѣ съ тѣмъ блистательная роль пала на 5-ю дружину, при чемъ ею былъ взятъ редутъ съ двумя орудіями. Потеря, какъ офицерами, такъ и нижними чинами была значительна.

Со взятіемъ Шейнова и Шипки, дружины сосредоточились у Шейнова и Иметли, транспортируя раненыхъ и плѣнныхъ къ перевязочнымъ и пересылочнымъ пунктамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, высылая по дружинно рабочія команды на Шипкинскій перевалъ для подъема и спуска орудій, зарядныхъ ящиковъ, лазаретныхъ и другихъ фургоновъ.

Въ началѣ января мѣсяца, дружины были направлены чрезъ Шипку на Габрово.

Плѣнная турецкая армія подъ Шипкой и Шейново слишкомъ 30,000 человѣкъ, сосредоточилась въ м. Габрово. По прибытіи дружинъ въ Габ-

рово, плѣнные турки были большими партіями конвоируемы дружинами до г. Тырново и по приходѣ на мѣсто назначенія, сданы губернскому резервному батальону для дальнѣйшаго конвоированія.

Соединившись въ Тырновѣ, дружины составили отдѣльный отрядъ „Елененскій", который и былъ въ скоромъ времени двинутъ чрезъ Елену на Старыя-Рѣки и Котёлъ (по-турецки Козанъ).

Въ г. Козанѣ 3-я и 4-я дружины получили приказаніе двинуться къ Османъ-Базарской дорогѣ, съ цѣлью очищенія той мѣстности отъ шаекъ баши-бузуковъ, сильно безпокоившихъ прилегавшія къ г. Козану деревни. Составился отрядъ изъ 2-хъ ротъ 3-й и 2-й роты 4-й дружины съ придачей кавалеріи. Командованіе надъ отрядомъ ввѣрено полковнику князю Вяземскому. Близъ селенія Тыга произошла стычка и непріятель былъ открытъ. Послѣ небольшой перестрѣлки баши-бузуки обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ много тѣлъ. Наши потери были не велики, но за то ополченіе лишилось одного изъ своихъ начальниковъ полковника князя Вяземскаго, раненаго серьезно въ правую руку Послѣ дѣла подъ Тыгой, отрядъ возвратился въ Козанъ, но скопище баши-бузуковъ у Садова, требовало немедленнаго отправленія отряда въ означенную сторону. Опять составился отрядъ изъ 6 ротъ отъ 1-й, 3-й и 4-й дружинъ ополченія, подъ начальствомъ маіора Чиляева. Отрядъ этотъ выступивъ по Сливенской дорогѣ, направился на Медеевешъ и Садово, гдѣ атаковавъ непріятеля, преслѣдовалъ его чрезъ деревни Кадыфракли и Каджиларъ. Очистивъ мѣстность отъ шаекъ, 22-го января 1878 года дружины сосредоточиваются въ г. Козанѣ и его окрестностяхъ.

21-го марта изъ 3-й и 4-й дружины составился отрядъ, съ цѣлью обезоруженія баши-бузуковъ, подъ начальствомъ полковника графа Келлера, къ сторонѣ Ташкара. Отрядъ исполнивъ задачу, вернулся обратно въ Козанъ 26-го марта.

Разъѣздъ изъ 16 человѣкъ конныхъ болгаръ былъ задержанъ у дер. Вербицы турецкой кавалеріей и взятъ ими въ плѣнъ. Для освобожденія плѣнныхъ былъ отряженъ отрядъ изъ 3-й и 4-й дружины, при эскадронѣ гусаръ 13-го Нарвскаго полка, который выступивъ 4-го апрѣля, подъ начальствомъ полковника графа Келлера, вернулся въ Козанъ 8-го апрѣля того же мѣсяца, блистательно исполнивъ экспедицію.

Дружины пребываютъ въ г. Козанѣ по 31-е апрѣля. Въ этотъ періодъ времени происходятъ слѣдующія преобразованія: 1) Начальство надъ ополченіемъ ввѣряется генералу Давыдову, вмѣсто генерала Столѣтова, получающаго другое назначеніе; 2) бригаду составляютъ уже не двѣ, а четыре дружины; 3) выработывается уставъ о воинской болгарской повинности; 4) въ санджакахъ открываются присутствія по набору

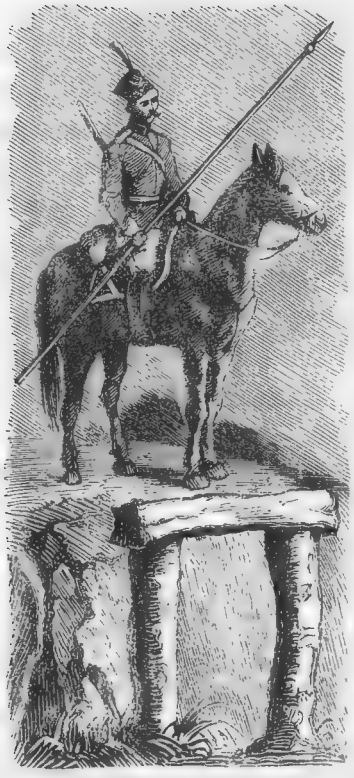
при опредѣленномъ штатѣ комиссіи; 5) число дружинъ опредѣлено увеличить до 28-ми.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ ополченіе стало лагеремъ у Филиппополя. Преобразованія продолжаются: 1) командованіе надъ ополченіемъ поручается генералъ-маіору Шелеховскому; 2) дѣло формированія и обученія идетъ быстро впередъ; 3) кромѣ 28 пѣшихъ дружинъ формируются конныя сотни и артиллерійскія бригады; 4) численность пѣхоты опредѣляется въ 40,000 человѣкъ; 5) сформированныя 28 дружинъ распредѣляются по санджакамъ.

Ю.

ЗАПИСКИ
ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КАЗАЧЬЯГО ОФИЦЕРА.

(Продолженіе) *).



ерваго сентября весь день и 2-го—до 6-ти часовъ вечера, наши батареи усиленно обстрѣливали Плевну. Турки не отвѣчали потому, что берегли снаряды на случай штурма. Въ 6 часовъ вечера, 2-го сентября, турки открыли ужасную канонаду по Гривицкому редуту и вслѣдъ затѣмъ атаковали его, но, понеся значительный уронъ, были отбиты при содѣйствіи нашихъ и румынскихъ резервовъ; все это продолжалось три часа. По слѣдованіямъ, къ вечеру 2-го сентября, черезъ всѣ перевязочные пункты прошло, съ 26-го августа, раненыхъ офицеровъ 239 и нижнихъ чиновъ 9482; число убитыхъ около 3000; точной цифры опредѣлить невозможно. Вся наша потеря около 300 офицеровъ и 12,500 нижнихъ

*) Начало см. въ т. IV.

чиновъ. Румынская армія до утра 2-го сентября потеряла около 60 офицеровъ и 3000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Духъ войскъ, какъ нашихъ, такъ и румынскихъ, былъ превосходенъ; молодые румынскіе войска дрались отлично.

3-го сентября Великій Князь, въ сопровожденіи конвоя, въ продолженіи цѣлаго дня, объѣзжалъ позиціи, выбиралъ новыя мѣста для батарей и производилъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія.

4-го сентября мы были съ Великимъ Княземъ въ главной квартирѣ князя Карла румынскаго. Любезность румынъ по отношенію ко всѣмъ сопровождавшимъ Главнокомандующаго была необычайная,—нѣсколько оркестровъ прекрасной музыки играли въ продолженіи всего того времени, пока мы сидѣли за столомъ.

Передъ этимъ князю Карлу былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3-й степени и генералу Чернату 4-й степени. Наконецъ, 5-го сентября, мы, окончивъ объѣздъ плевенскихъ позицій, возвратились съ Великимъ Княземъ въ Горный Студень. До 10-го сентября все было спокойно и тихо. Только 10-го числа было получено въ главной квартирѣ крайне печальное донесеніе о томъ, что около 10-ти тысячъ турецкой пѣхоты съ артиллеріей, шедшихъ изъ Софіи, пробились сквозь нашу кавалерію въ Плевну... Въ дни спокойствія, я почти каждый день отправлялся къ раненымъ и носилъ имъ виноградъ. Тамъ все шло по старому. Днемъ раздавались крики и стоны отъ мучительныхъ операцій, подъ вечеръ играла музыка и пріѣзжалъ Государь Императоръ. Первый раненый, съ которымъ я познакомился, былъ молодой офицеръ К., раненый въ обѣ ноги и руку въ дѣлѣ подъ Ловчей. Странный онъ былъ вообще человѣкъ—бывало то стоналъ, то распѣвалъ романсы, во все время сложной мучительной перевязки. Всего болѣе любилъ онъ напѣвать слѣдующій куплетъ:

„Докторъ батюшка спасите —
Смерти до смерти боюсь,
Мнѣ Парашу покажите
Я на ней сейчасъ женюсь“.

Вообще лирическій безпорядокъ замѣчался у него во всемъ.

— Вѣдь я мать-то свою надулъ,—какъ-то разъ сказалъ онъ мнѣ.

— Какимъ образомъ, спросилъ я.

— Да очень просто... Она бѣдная думала, что я до сихъ поръ какой-то инвалидный начальникъ какого-то лазарета въ мѣстечкѣ С... А я удралъ сюда, батюшка... да вѣдь вотъ видите, не посчастливилось... и службу теперь приходится бросать.

— Зачѣмъ? въ недоумѣніи спросилъ я, вѣдь вы еще поправитесь...

— Да оно такъ-то такъ, засмѣялся онъ, да обмундировываться снова. На полѣ все оставилъ, и саблю, и пистолетъ, а мундиръ и ша-

ровары разрѣзали на перевязочномъ пунктѣ. Что-жъ прикажите дѣлать... я человѣкъ бѣдный,—вздохнувъ проговорилъ онъ,—мать гроши получаетъ, изъ-за хлѣба на квасъ выручаетъ. Да я... ей Богу Государю скажу—онъ мнѣ поможетъ.

И дѣйствительно, на другой день Государь пожаловалъ ему 1000 рублей, узнавъ о бѣдственномъ его положеніи.

Кстати о перевязочномъ пунктѣ Впрочемъ, хотя я и былъ тамъ, но положительно не могу приступить къ его описанію, боясь нарисовать уже слишкомъ мрачныя и неутѣшительныя картины. Самое лучшее воспользоваться описаніемъ одного изъ перевязочныхъ пунктовъ англійскаго очевидца.

Вотъ что онъ пишетъ:

„Былъ полдень, и солнце страшно пекло. На дорогѣ, передъ большими, чистыми на видъ палатками, лежатъ группы раненыхъ русскихъ, ожидающихъ пріема или очереди для осмотра. Эта была тяжелая картина. Люди, лишь легко раненые, терпѣливо сидѣли по сторонамъ дороги, очевидно, желая дать возможность своимъ раненымъ товарищамъ поскорѣе получить первую медицинскую помощь. Тутъ сидѣли они, задумчиво-молчаливые, вспоминая, можетъ быть, о далекихъ друзьяхъ, о друзьяхъ, которыхъ они, можетъ быть, никогда не увидятъ. Люди, болѣе тяжело раненые, лежали растянувшись на землѣ, покорно и смиренно ожидая очереди. Ихъ окровавленные рубашки и панталоны, когда-то бывшія бѣлыми, придавали сценѣ мрачный видъ, а стоявшіе около дороги открытые ящики съ перевязками и другими врачебными принадлежностями, изъ которыхъ сестры милосердія и санитары поспѣшно брали все, что требовали врачи, показывали, что сегодняшній день — день усиленной работы для врачебнаго персонала. Войдя въ первую палатку, среди которой врачъ перевязывалъ серьезную артиллерійскую рану въ ногу, я увидѣлъ разложенными на соломѣ до 40 раненыхъ. Они казались спокойными и довольно удобно положенными, и внимательно слѣдили за тѣмъ, что дѣлала маленькая группа врачей и сестеръ милосердія въ центрѣ палатки. Въ слѣдующей палаткѣ дѣлалась ампутація и, слушая жалобные крики больнаго, у васъ просто сердце обливается кровью. Тщетно внимательныя сестры милосердія старались ободрить несчастнаго страдальца. Его стоны и крики можно было слышать по всему маленькому лагерю и, вѣроятно, измучили ни одного храбраго солдата. Остальные раненые въ той палаткѣ, казалось, были слишкомъ больны, чтобъ ихъ могло что-либо волновать; на своихъ соломенныхъ постеляхъ они лежали неподвижно. Третья палатка представляла еще болѣе тяжелый видъ. Тамъ, во всевозможныхъ положеніяхъ, лежала на полу масса раненыхъ, которые, очевидно, не были еще осмотрѣны докторомъ. Они только что поступили въ походные лазареты и

были помѣщены въ палатку до тѣхъ поръ, пока освободившійся врачъ будетъ въ состояніи осмотрѣть ихъ. Стоны этихъ людей были дѣйствительно ужасны; многіе изъ нихъ даже катались по-полу отъ невыносимой боли. Я никогда не забуду выраженія лица однаго несчастнаго, который вошелъ шатаясь въ палатку, когда я собирался уходить изъ нея. Падая, онъ надѣлъ свою шинель и, обхвативъ рукою одинъ изъ громадныхъ кольевъ палатки, попробовалъ держаться за него. Я сильно желалъ сдѣлать что-нибудь для него, но не зналъ, что ему нужно, и, уходя изъ палатки, нѣсколько минутъ спустя, я оставилъ его все еще уцѣпившимся за колъ и съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ на лицѣ. Нѣтъ словъ для выраженія того самоотверженія, съ которымъ русскій солдатъ переноситъ самую ужасную боль; его мужество на полѣ битвы вполнѣ равняется терпѣнію, которое онъ обнаруживаетъ въ госпиталѣ".

. . . . . .

Совершенно вѣрно! Зачастую на этихъ пунктахъ происходятъ непереносимо-тяжелыя сцены. Однажды, это было 29-го августа, на румынскій перевязочный пунктъ пріѣхалъ для работъ молодой докторъ Пастія, только что окончившій курсъ. Стали привозить съ батарей раненыхъ. Онъ первый бросился туда и первый, кого онъ снялъ съ лазаретной фуры—былъ его родной братъ, тяжело раненый. Молодой медикъ, увидѣвъ опасную рану, дрожащими руками началъ перевязывать брата и невольно слезы лились по его загорѣвшему лицу. Инспекторъ Давиля, не зная причины слезъ молодаго врача, строго напомнилъ ему его обязанности.

Раненый въ эту минуту спросилъ:

— Въ какомъ положеніи наши войска?

— Въ очень хорошемъ,—отвѣтилъ медикъ.

— Такъ я могу умереть спокойно, поцѣлуй меня!—прощай!

И затѣмъ онъ впалъ въ безпамятство и умеръ на рукахъ брата...

Сколько высокаго мужества выказываютъ русскіе солдаты, говоритъ корреспондентъ „Monit. Univ.", черкесскій офицеръ раздробилъ напр. одному солдату лѣвое плечо выстрѣломъ изъ револьвера; тогда солдатъ, дѣйствуя одною правою рукою, штыкомъ повергъ на землю своего врага. Не смотря на мучительную боль отъ полученной раны, онъ все-таки снимаетъ съ черкеса шашку, папаху, приноситъ и складываетъ эти трофеи на перевязочный пунктъ и, улыбаясь, показываетъ ихъ товарищамъ. А вотъ принесли на носилкахъ стрѣлка, пораженнаго тремя пулями. Докторъ распрашиваетъ его о ранѣ, а солдатъ отвѣчаетъ: „Раны, ваше высокоблагородіе, это еще бы ничего, одно только досадно: ни разу не удалось и выпалить". Спустившись въ лощину, я увидѣлъ, что подъ деревьями лежитъ множество раненыхъ. Въ это время 31-я дивизія, перестроившись въ штурмовыя колонны, скоромъ шагомъ проходила мимо раненыхъ, которымъ офицеры салютовали саблями, и солдаты кри-

чали: „Ну, ребята, мы за васъ расквитаемся!“ Раненые отвѣчали крикомъ „ура“. Одинъ молодцоватый фельдфебель, при видѣ знамени Казанскаго полка, съ трудомъ приподнимается и, опираясь на саблю, отдаетъ воинскую честь знамени и затѣмъ, падаетъ изнеможенный на землю.

Слѣдуя за этою дивизіею, я нѣсколько шаговъ прошелъ съ однимъ молодымъ офицеромъ, который разстегнулъ сюртукъ и показалъ мнѣ свою израненную грудь. Перевязавъ на скоро рану, онъ спокойно возвращался къ своему батальону. „Тамъ такое идетъ дѣло“, сказалъ онъ, указывая мнѣ на лощину, гдѣ кипѣлъ бой, „я необходимо долженъ идти туда“.

Нѣкоторые изъ турокъ, стоявшихъ на парапетахъ своихъ укрѣпленій, на нашихъ глазахъ были убиты выстрѣлами. Но какъ только кто-нибудь изъ этихъ смѣльчаковъ сваливался въ ровъ, на его мѣсто являлись другіе. Русскіе солдаты, что меня чрезвычайно тронуло, умѣютъ цѣнить мужество враговъ и были въ восторгѣ. „Ваше благородіе“, сказалъ одинъ артиллерійскій солдатъ капитану,—„этимъ бы молодцамъ просто хоть Георгіевскіе кресты!“

Къ пяти часамъ вечера генералу Скобелеву удалось овладѣть вторымъ редутомъ, влѣво отъ люнета, который онъ занялъ утромъ. Первый приступъ двухъ русскихъ полковъ былъ отбитъ. Вдругъ генералъ Скобелевъ становится передъ полкомъ, бывшимъ въ головѣ колонны. „Что это ребята? Полкъ впередъ! За мною! Музыканты впередъ!“ вскричалъ онъ. Подобно урагану, ринулись солдаты—и въ одинъ мигъ взлетѣли на парапеты укрѣпленія.

Въ Гривицу, гдѣ я находился, начали подвозить раненыхъ. Одинъ молоденькій русскій подпоручикъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ по пути въ походный госпиталь общества Краснаго Креста. „Только, сказалъ онъ, я попрошу васъ ѣхать рысью, потому что дѣло у меня спѣшное“. На всемъ протяженіи четырехъ верстъ онъ не переставалъ разговаривать, даже шутилъ и, пріѣхавъ въ госпиталь, распростился со мною и сошелъ съ коня. Я уже и не думалъ объ этомъ, но, войдя въ палатку раненыхъ офицеровъ, къ удивленію увидѣлъ молодаго подпоручика, который сидѣлъ на матрацѣ и ждалъ очереди, чтобъ у него вынули пулю изъ ноги.

30-го августа въ госпиталь было уже доставлено около 1,000 раненыхъ, и всѣ почти они принадлежатъ къ 1-й бригадѣ 5-й дивизіи. Въ восемь часовъ принесли на носилкахъ полковника Шлиттера, который не приходилъ въ чувство съ того времени, какъ получилъ рану. Профессоръ Силишинъ зондируетъ рану и печально покачиваетъ головою. Нѣтъ надежды...

Никогда не забуду я этой грустной сцены, едва освѣщаемой тре-

петнымъ свѣтомъ фонаря, и прекраснаго мужественнаго лица полковника, неподвижно лежавшаго въ своемъ флигель-адъютантскомъ мундирѣ...

Вотъ въ одномъ углу лежитъ раненый солдатъ, мрачный и грустный. Кто-то спросилъ у него, что съ нимъ? Но онъ не о себѣ отвѣтилъ. „Землячка одного моего убили, жалко!“ отвѣтилъ солдатъ, а между тѣмъ у него самаго въ рукѣ сидѣли двѣ пули, но объ этомъ онъ даже и не упомянулъ. Въ другой палаткѣ одинъ изъ раненыхъ по временамъ стоналъ. „Послушай, братецъ, говоритъ ему сосѣдъ, зачѣмъ ты это все стонешь? Самъ ты видишь, что меня задѣли почище твоего, а я молчу, чтобъ другихъ не тревожить. Есть, братъ, кого задѣло и почище насъ съ тобой!“ Прибавлять что-нибудь ко всему этому излишне.

19-го и 20-го сентября мы конвоировали Великаго Князя, Карла и Тотлебена, при объѣздѣ ими всѣхъ нашихъ и румынскихъ передовыхъ позицій и батарей. Въ эти дни всѣ работы, какъ наши такъ и румынскія, значительно подвинулись впередъ.

21-го же сентября, изъ Плевны вышелъ на рѣку Видъ для фуражировки отрядъ изъ пяти батальоновъ, четырехъ эскадроновъ съ артиллеріею и отправился къ деревнѣ Дольней-Метрополѣ. Но кавалерія отряда генерала Чернозубова, дѣйствуя мѣткимъ огнемъ и огнемъ спѣшанныхъ драгунъ, и также удачными кавалерійскими атаками драгунъ, казаковъ, кубанцевъ и румынъ, заставила непріятеля вернуться въ Плевну. Наша конная артиллерія дѣйствовала отлично: зажгли деревню, взорвали зарядные ящики и тѣмъ принудили турокъ поспѣшить отступленіемъ.

21-го Великій Князь посылалъ парламентера уговориться на счетъ порядка уборки раненыхъ и погребенія убитыхъ подъ Плевною на будущее время, и достигъ соглашенія. А на другой день полковникъ Левизъ-офъ-Менаръ съ владикавказцами отбилъ у деревни Радомирцы турецкій транспортъ съ солью, хиною и лекарствами, болѣе 1,000 головъ скота и 80 лошадей, а также разрушилъ мостъ у Радомирцы и возстановленную турками телеграфную линію.

Счастье, какъ будто бы намъ стало улыбаться и подъ вліяніемъ наплывшихъ радостныхъ чувствъ, мы вмѣстѣ съ товарищемъ отправились сначала въ Систово, а потомъ и въ Зимницу. Въ Систовѣ, однако мы пробыли всего нѣсколько часовъ и совершенно случайно попали на болгарскую свадьбу. Идя по улицѣ съ товарищемъ, я услышалъ, что на одномъ дворѣ играетъ музыка. Меня это заинтересовало тѣмъ болѣе, что нашихъ музыкантовъ быть не могло; странствующіе же музыканты здѣсь большая рѣдкость. Какъ разъ въ это самое время у калитки стояло нѣсколько солдатъ, которые, вытянувъ шеи, съ любопытствомъ засматривали во дворъ. Я подошелъ къ нимъ и спросилъ, что такое?

— Свадьба ихняя, очень любопытна.

Вхожу; довольно большой, чистый дворъ, въ заднемъ лѣвомъ углу котораго находился двухъ-этажный домъ съ балкономъ. Около дома скамейки, на которыхъ возсѣдали гости, съ одной стороны женщины, а съ другой мужчины. Женщины были одѣты очень мило, не безъ нѣкотораго кокетства... Невѣста была въ зеленомъ платьѣ, перехваченнымъ узорчатымъ кушакомъ; голова была убрана цвѣтами.

Женихъ одѣтъ вовсе черное, бѣлый жилетъ и галстухъ.

Остальные мужчины были въ сюртукахъ, а шаферъ, не знаю ужъ почему, былъ безъ сюртука. Въ сторонѣ сидѣли музыканты—2 скрипки, кларнетъ, солдатскій рожекъ, и нѣчто въ родѣ гитары. Когда мы вошли, всѣ засуетились и подали намъ стулья.

При входѣ нашемъ женихъ находился на балконѣ, а невѣста внизу. Но лишь только мы сѣли, какъ невѣста встала и подошла къ жениху. Къ намъ подсѣло нѣсколько болгаръ, которые старались занять насъ разговоромъ. Затѣмъ насъ начали угощать. Сначала намъ поднесли дульчецъ (варенье) и 4 стакана воды. „Во здравіе“, поклонившись, сказали болгары. Потомъ подошелъ женихъ съ какой-то сладкой водкой, которую пить не было никакой возможности: просто жгла ротъ. Какъбы въ видѣ десерта, поднесли 2 тарелочки съ конфектами и раззолоченными плющевыми вѣтками. Намъ показали, что вѣтки мы должны наколоть на грудь. Мы такъ и сдѣлали. Въ это время заиграла музыка. Но, правду сказать, не слишкомъ благозвучная. Еще при входѣ я спросилъ у солдатъ: „а что они—пляшутъ?“ „Отлично, ловко, ваше благородіе“. Но, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть этого ловкаго плясанія, мы торопились. Раскланившись и поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, мы распростились съ ними, и часъ спустя плелись по невылазной грязи въ Зимницу. Хотя путь былъ недалекій, но крайне затруднительный и тяжелый. Почти весь берегъ Дуная былъ усѣянъ трупами, околѣвшихъ отъ натуги лошадей и сломанными телѣгами, чрезъ которыя намъ приходилось пробираться. Но вотъ кой-какъ мы добрались до моста, перевели лошадей въ поводу и полчаса спустя, въѣхали въ Зимницу, въ данный моментъ изображавшую настоящее столпотвореніе Вавилонское. Главная улица съ большимъ угловымъ, грязнымъ и подозрительнымъ рестораномъ, кишѣла самымъ разношерстнымъ людомъ. Кого, кого здѣсь только не было?.... а больше—мазуриковъ и негодяевъ, съѣхавшихся обирать довѣрчивыхъ русскихъ офицеровъ, наѣзжавшихъ поразвлечься изъ окрестныхъ стоянокъ. На этой же улицѣ, въ сплошную по обѣимъ сторонамъ расположились въ маленькихъ, недавно выстроенныхъ лавкахъ, продавцы: револьверовъ, чемодановъ, часовъ, посуды, одежды и другихъ вещей. Въ этотъ день грязь была ужасная и время отъ времени хлесталъ дождь, на который ни солдаты, ни офицеры, ни продавцы и мошенники не обращали никакого вниманія. Какъ разъ на

углу улицы поближе къ кухмистерскимъ палаткамъ, стояли два сѣроватыхъ невзрачныхъ дома, изъ которыхъ одинъ изображалъ игорный домъ и притонъ шуллеровъ, а другой, постоялый дворъ съ разными увеселительными штучками и мамзелями, самаго низшаго сорта.

Было 7-мь часовъ вечера, когда поднявшись по грязной и отвратительной лѣстницѣ, я очутился въ единственной большой вонючей комнатѣ съ безчисленнымъ множествомъ дверей, ведущихъ въ аршинныя коморки, то-есть нумера для проѣзжающихъ. Это и былъ постоялый дворъ. Въ одномъ углу залы, а именно: въ лѣвомъ отъ входа помѣщался буфетъ; въ слѣдующемъ затѣмъ простая печь съ плитой, около которой стояли лохань и нѣсколько опорожненныхъ бутылокъ. Посреди залы, если можно было такъ назвать, стояло нѣсколько простыхъ некрашенныхъ столовъ, за которыми въ сообществѣ съ какими-то грязными оборвышами и двумя дѣвками въ засаленныхъ ситцевыхъ платьяхъ, возсѣдали нѣсколько человѣкъ офицеровъ. По стѣнамъ, съ одной стороны висѣли лубочные картины въ какихъ-то порыжѣлыхъ рамахъ, а съ другой около печки—віолончель, сковорода и скрипка. Публики пока было немного и грязные нумерные, какъ бы пользуясь этимъ, безъ церемоніи носили черезъ зало наполненныя лохани и вычищенные сапоги. Съ самого начала между столами шлялся жидъ-лотошникъ и продавалъ разныя мелочныя вещи. Вскорѣ появились музыканты и, усѣвшись въ углу, хватили сразу съ какимъ-то дикимъ взвизгиваніемъ, общеизвѣстный избитый постильёнъ. Крикъ „человѣкъ пива!“ сталъ раздаваться все чаще и чаще. Сквозь табачный дымъ, такъ и выдѣлялись пахальныя, испитыя рожи проститутокъ, безпаспортно шатающихъ и лукавыя—карманныхъ и карточныхъ жуликовъ. Противъ меня сидѣлъ какой-то, не то съумасшедшій, не то упившійся до чертиковъ, отвратительный оборвышъ и испускалъ какіе-то непонятные хриплые звуки. Весь деревянный дырявый полъ, когда-то бѣлый, покрылся слоемъ какой-то сѣроватой грязи и издавалъ гнилой сыроватый запахъ. Сквозь недолгіе паузы отчаяннаго оркестра, время отъ времени раздавалась самая площадная брань подвыпившихъ солдатъ.... Какая-жъ въ самомъ дѣлѣ ужасная развратная картина, и ей, къ сожалѣнію, было радо скучающее офицерство. Я не могъ здѣсь долго оставаться и отправился полюбопытствовать въ игорный домъ. Войдя въ первую залу, помѣщающуюся въ нижнемъ этажѣ, я увидѣлъ какъ разъ по срединѣ большой биллiардъ, на одной сторонѣ котораго была устроена фортунка-лотерея, а на другой — почтамская лавка со всевозможными корреспонденціями и письмами. По стѣнамъ стояли круглые столы, за которыми въ перемежку съ какими-то, подозрительными на видъ, цилиндрами неизвѣстныхъ націй, сидѣли офицера и угощались пивомъ. Бѣдно освѣщенная зала насквозь была пропитана табачнымъ дымомъ, за которымъ я едва могъ различить небольшую дверь,

отворять которую не желающимъ пробовать счастья запрещала строгая надпись: „Абонементусъ. Входъ неиграющимъ—недозволяется". И такъ мнѣ все стало яснымъ. Въ первой комнатѣ подпаивали простячковъ, а во второй снимали послѣднюю рубашку. Я, конечно, не обратилъ никакого вниманія на незаконную, кѣмъ-то сочиненную надпись, и, толкнувъ дверь, вошелъ въ кромѣшный адъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, были—цѣлыя груды золота, наваленнаго на столахъ шуллеровъ-банкометовъ. Нѣсколько человѣкъ офицеровъ, блѣдныхъ отъ ужаснаго волненія, играли у столовъ. Въ этой небольшой комнаткѣ, замѣчательно ярко освѣщенной, такъ-же какъ и въ залѣ было сильно накурено. Бѣдные офицера!.... они проигрывали то золото, которое было имъ нужно, или для того, чтобы доѣхать до своей части или чтобы добраться до родины.... до родной семьи за ранами....

Давно было пора, закрыть эту отвратительную и опасную игрушку.

Пробывъ здѣсь съ четверть часа, я отправился на постоялый дворъ искать убѣжища. Но такъ какъ хозяинъ объявилъ намъ, что всѣ нумера заняты, то мы (зная что онъ лгалъ), сдвинувъ безъ церемоній обѣденные столы и, подославъ шинели, легли себѣ преспокойно спать. На другой день, едва только забрезжился свѣтъ, мы осѣдлали лошадей и поспѣшили какъ можно скорѣй выбраться изъ помойной ямы. Пріѣхавъ домой, то есть въ Горный Студень и, распросивъ о новостяхъ, случившихся послѣ насъ, мы поспѣшили въ свои родимые шалаши и, растянувшись на походныхъ кроватяхъ, вздохнули легко—мы были дома!

Остатокъ сентября мы провели довольно спокойно, забиваясь въ глубь своихъ дворцевъ отъ холода и ненастья.

Подъ вечеръ 31-го августа Его Высочеству Главнокомандующему, въ присутствіи князя Карла, представлено было турецкое знамя, взятое вчера въ Гривицкомъ редутѣ, румынскимъ егеремъ Григоромъ Іованомъ. Представилъ этотъ трофей самъ Іованъ, вмѣстѣ съ двумя помогавшими сослуживцами.

Великій Князь приказалъ повергнуть взятое знамя къ ногамъ князя Карла, причемъ наши конвойные казаки и роты Староингерманландскаго батальона прокричали троекратное „ура". Князь Карлъ, въ отвѣтъ на эту любезность, замѣтилъ, что „таковая почесть должна быть воздана не ему, а самому Великому Князю, какъ Главнокомандующему соединенными арміями; и прибавилъ, что если онъ не предупредилъ подобнымъ дѣйствіямъ Великаго Князя, то единственно потому, что это еще первое знамя, которое беретъ у непріятеля молодая румынская армія, а поэтому понятно, что ей не былъ еще знакомъ военный обычай, какъ поступать съ непріятельскими трофеями". Отказываясь отъ почести и замѣтивъ еще разъ. что она по всѣмъ правамъ принадлежитъ князю Карлу, Его Высочество выразилъ полную увѣренность, что это первое

знамя далеко не будетъ послѣднимъ, въ числѣ трофеевъ румынской арміи.

Румынскіе солдаты, взявшіе знамя, были тутъ же награждены знаками отличія военнаго ордена.

Октября взглянулъ на насъ какъ-то веселѣй!

Ежегодно 4-го октября, въ память блистательнаго дѣла подъ Лейпцигомъ въ 1813 году, лейбъ-гвардіи казачій Его Величества полкъ празднуетъ свой полковой праздникъ. Въ обыкновенное мирное время, говоритъ „Русскій Инвалидъ“, этотъ день празднуетъ дивизіонъ, постоянно находящійся въ Петербургѣ, и рѣдко на долю лейбъ-казаковъ выпадаетъ счастіе видѣть въ этотъ день среди себя августѣйшаго своего шефа Государя Императора, такъ какъ это время совпадаетъ большею частью со временемъ отсутствія Его Величества изъ столицы. Въ нынѣшнемъ же году празднованіе лейбъ-казаками своего полковаго праздника, было обстановлено особенною торжественностію: предъ праздникомъ, къ 1-му дивизіону, находившемуся уже въ дѣйствующей арміи, присоединился прибывшій изъ Петербурга 2-й дивизіонъ.

Въ день полковаго праздника, къ 10-ти часамъ утра, полкъ, въ составѣ наличныхъ двухъ дивизіоновъ, имѣя на правомъ флангѣ Терскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя, тоже празднующаго 4-го октября свой праздникъ, былъ выстроенъ въ пѣшемъ строю, впереди полевой церкви, и ожидалъ прибытія Государя Императора.

Въ 10½ часовъ утра прибылъ къ полку Августѣйшій Главнокомандующій, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій въ мундирѣ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Поздравивъ полкъ съ праздникомъ, Его Высочество занялъ свое мѣсто для встрѣчи Его Величества. Ровно въ 11-ть часовъ изволилъ прибыть Государь Императоръ, въ лейбъ-казачьемъ мундирѣ, окруженный блестящею свитой и иностранными представителями. Его Величество, объѣхавъ ряды, сталъ впереди фронта и въ слѣдующихъ милостивыхъ словахъ обратился къ полку:

— Поздравляю васъ съ полковымъ праздникомъ; въ этотъ день полкъ оказалъ такое блистательное отличіе подъ Лейпцигомъ, что исторія этого не забудетъ.

Громкое, восторженное „ура“, было отвѣтомъ на милостивое поздравленіе возлюбленнаго Монарха. Затѣмъ, по повелѣнію Государя Императора, военный министръ генералъ-адъютантъ Милютинъ прочитавъ только-что полученную телеграмму отъ Главнокомандующаго Кавказскою арміею, слѣдующаго содержанія:

„Счастливъ, что могу поздравить Ваше Императорское Величество съ блистательной побѣдой, одержанной, нашими войсками надъ турками. Мухтаръ-паша разбитъ на голову и отрѣзанъ отъ Карса“.

По окончаніи чтенія, Его Величество, обратясь къ полку, произнесъ: „Поздравляю васъ съ побѣдой. Ура!“ Громкое, неумолкаемое „ура“ раздалось не только по фронту, но и по всему бивуаку.

Послѣ того, было скомандовано „на молитву“ и начался молебенъ. Во время многолѣтія Государю Императору былъ сдѣланъ, тутъ же расположенною 1-ю донскою конно-горною батареею, 21 выстрѣлъ изъ орудій; во время молитвы за упокой павшихъ за Вѣру, Царя и Отечество воиновъ, Его Величество, и всѣ присутствующіе стояли на колѣняхъ. По окончаніи божественной службы, Государь Императоръ вновь обратился къ полку съ слѣдующими милостивыми словами: „Благодарю 1-й дивизіонъ за блистательную службу, которую онъ уже на дѣлѣ доказалъ и явилъ себя достойнымъ своихъ предковъ. Надѣюсь, что если случай представится, то 2-й дивизіонъ покажетъ себя такими же молодцами, какъ ихъ товарищи“. Пропустивъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно, Его Величество изволилъ, затѣмъ, отправиться къ накрытымъ между бараками столамъ. Надобно сказать, что, не смотря на походную жизнь, обѣдъ для нижнихъ чиновъ вышелъ вполнѣ праздничнымъ: на бѣлыхъ скатертяхъ, разостланныхъ на землѣ, красовались бутылки съ мѣстнымъ виномъ и водкою, яйца, жареные гуси и утки, бѣлый хлѣбъ и прочія явства. Его Величество подошелъ къ столику возлѣ лейбъ-эскадрона и, взявъ чарку, произнесъ:

— Пью за здравіе Своего молодецкаго полка!

Громкимъ и дружнымъ „ура“ огласился бивуакъ. Его Величество, вторично взявъ чарку, снова произнесъ:

— Пью за здоровье вашего атамана и втораго шефа полка Наслѣдника Цесаревича.

Послѣ того, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, какъ старшій изъ лейбъ-казаковъ, провозгласилъ тостъ:

— За драгоцѣнное здоровье Государя Императора нашего Августѣйшаго шефа.

Тогда Его Величество, поднявъ чарку, изволилъ сказать:

— Пью за здоровье Главнокомандующаго, нашего однополчанина.

Эти тосты были встрѣчены лейбъ-казаками восторженно. Послѣ этого, Его Величество изволилъ подойти къ накрытому столу для нижнихъ чиновъ, чтобы откушать пищу. Но тутъ вышелъ слѣдующій эпизодъ: на столѣ, около котелковъ со щами не было ложекъ—обыкновенно, нижніе чины имѣютъ ихъ при себѣ.

— Ребята, дайте ложку! крикнулъ Его Высочество, Главнокомандующій.

Казаки стали переминаться.

— Эхъ! да у нихъ и ложки-то нѣтъ, улыбаясь сказалъ Государь.

Это заставило близъ стоящаго казака полѣзть за голенище и достать ложку.

Вынувши ложку, казакъ вытеръ ее своими пальцами и подалъ Государю. Всемилостивѣйшій Монархъ, видя все это, милостиво улыбаясь, взялъ у казака ложку и началъ ею кушать казачьи щи. По окончаніи всего, Государь Императоръ осчастливилъ офицеровъ приглашеніемъ къ Себѣ на завтракъ.

Когда Государь изволилъ сѣсть на лошадь, офицеры верхами сопровождали Его Величество до Императорской ставки.

За завтракомъ Его Величество вновь осчастливилъ полкъ милостивымъ вниманіемъ; поднявъ стаканъ съ виномъ, Онъ произнесъ:

— За здоровье славнаго Моего полка.

Вечеромъ, въ 6 часовъ, офицеры полка удостоились обѣдать у Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Главнокомандующаго.

Въ этотъ день лейбъ-казаки получили слѣдующія телеграммы:

Отъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, изъ дер. Трестеника:

„Отъ души поздравляю казаковъ Его Величества съ полковымъ праздникомъ. Сожалѣю, что полкъ не у Меня и что такъ давно не видалъ его. Пьемъ за здоровье полка.

Цесаревичъ Александръ“.

На эту телеграмму командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Жеребковъ, имѣлъ счастіе отвѣчать Его Высочеству:

„Лейбъ-казаки Его Величества приносятъ Вашему Высочеству сердечную благодарность за особое милостивое вниманіе Августѣйшаго атамана и втораго шефа полка.

„Усердно молились за здравіе и долгоденствіе Государя Императора и Ваше, прося Всевышняго о дарованіи Вашему Высочеству побѣды“.

Отъ войсковаго атамана войска донскаго:

„Отъ имени войска донскаго поздравляю съ полковымъ праздникомъ донцовъ-молодцовъ гвардейцевъ; да поможетъ вамъ Богъ въ честной и славной службѣ вашей“.

На эту телеграмму былъ посланъ слѣдующій отвѣтъ:

„Лейбъ-казаки, въ лицѣ вашего превосходительства, благодарятъ тихій Донъ за память и, помня завѣтъ предковъ, пьютъ за здоровье ваше и славу войска донскаго“.

Лейбъ-казаки завершили праздникъ на своемъ бивуакѣ, куда часовъ около восьми собралась вся полковая семья и съѣхались младшіе братья—Терцы и Кубанцы, съ представителемъ ихъ, генераломъ Скобелевымъ 1-мъ, а также многіе гости изъ свиты и военные агенты: шведскій и американскій. Всѣ грѣлись у зажженныхъ костровъ. Явились

вино и шашлыкъ *), и тутъ вся семья дружно пила за Царя и славу полка, за все дорогое Дону, Тереку, Кубани, за отсутствующихъ товарищей лейбъ-казаковъ и кубанцевъ—Собственнаго Его Величества конвоя, въ этотъ день праздновавшихъ свой праздникъ подъ выстрѣлами непріятеля, находясь на рекогносцировкѣ по софійской дорогѣ.

Долго и дружно бесѣдовала казачья семья, и только восходящее солнце напомнило ей, что 4-е октября прошло и полковому празднику—конецъ!

Съ 4-го числа октябрь нахмурился: настали—слякоть и дождь; палатки и постели промокли, платьи хоть выжми. Небо сдѣлалось сѣроватымъ и съ сѣвера поползли все новыя и новыя тучи.

Въ Горномъ Студенѣ стали оказываться диссентеріи, а въ лазаретахъ раны стали обращаться отъ холода въ гангрену и по той же причинѣ ампутаціи стали не удаваться—то и дѣло стали умирать подъ ножемъ. Вообще, „благословенный небомъ климатъ Болгаріи“, какъ называютъ его англійскіе корреспонденты, оказался къ намъ не милостивымъ. Положеніе какъ нашего лагеря, такъ и другихъ въ эту пору было по истинѣ ужасное. Но съ войсками судьбу ихъ дѣлили квартиры—Императорская и главная, они точно также испытывали неудобства осенней стоянки и мы... не роптали. Но какъ бы то ни было, а среди наставшаго затишья становилось скучновато. Казалось, одни раненые не скучали и по обыкновенію были веселы. Однажды на вопросъ: „писалъли что-нибудь домашнимъ?“ Раненый отвѣчалъ:

— Какъ же, батюшка, писалъ.

— Небось написалъ: слава Богу живъ и здоровъ? пошутилъ спрашивающій.

— Нѣтъ, отвѣчалъ кротко солдатъ: написалъ — слава Богу молъ, получилъ, чего желалось.

Любопытный не понялъ его и спросилъ, чего же ему хотѣлось?

— Я не желалъ, чтобъ меня убили—умереть не хотѣлось, а желалось посмотрѣть, чѣмъ кончится эта война,—дастъ ли Богъ намъ добить турку такъ, чтобы впередъ не пришлось страдать православнымъ.

Солдатъ изъ Воронежской губерніи, родомъ крестьянинъ, раненъ въ лѣвую руку пулею подъ Плевной 18-го іюля.

Слова его переданы буквально.

Ужъ кое-какъ мы старались коротать скучное осеннее время. Бывало, соберемся подъ отчаяннымъ шалашемъ нашей столовой, какъ разъ среди поля, завернемся въ непромокаемые плащи, да и переливаемъ изъ пустаго въ порожнее. Зачастую къ намъ заходилъ драгоманъ Главнокомандующаго Великаго Князя, г. Мокѣевъ, и отъ-нечего дѣлать тоже

*) Говядина жареная на вертелѣ (палкѣ).

болталъ съ нами. Привожу подробный разсказъ о его свиданіи съ адъютантами Османа-паши и о переговорахъ въ турецкомъ лагерѣ.

Согласившись на принятіе русскаго парламентера, турки раскинули у самой своей цѣпи палатку, въ которой и ожидали прибытія г. Мокѣева. Обмѣнявшись съ нашимъ драгоманомъ взаимными любезностями, турки ввели г. Мокѣева въ палатку и спросили его, чѣмъ они могутъ ему служить.

Г. Мокѣевъ сказалъ на это, что Великій Князь приказалъ ему вести переговоры съ самимъ Османъ-пашею, и потому онъ настоятельно проситъ у Османа-паши аудіенціи. Одинъ изъ находившихся въ палаткѣ адъютантовъ Османа попросилъ Мокѣева подождать не много времени, а самъ, сѣвъ верхомъ на лошадь, поѣхалъ къ Осману, чтобы передать желаніе нашего драгомана.

Нѣсколько человѣкъ турецкихъ офицеровъ, оставшихся въ палаткѣ съ г. Мокѣевымъ, начали разспрашивать его о томъ, какъ ему живется и, вообще, какъ живется всѣмъ русскимъ въ Болгаріи въ такую сырую и холодную пору.

— Намъ-то ничего,—отвѣчалъ Макѣевъ:—мы въ Россіи такъ привыкли къ холоду, что только теперь, въ холодъ, и оживаемъ. А вамъ каково?—переспросилъ онъ турка.

— Намъ очень сыро,—отвѣчали простодушно турецкіе офицеры.—А какъ вы обѣдаете и гдѣ достаете хорошую пищу?—продолжали спрашивать офицеры.

— Я обѣдаю за столомъ Великаго Князя. А вы гдѣ?

— Мы?—каждый у себя.

— Отчего же вы не обѣдаете у Османа-паши?

— Да онъ не приглашаетъ къ своему столу; съ нимъ обѣдаютъ его двое адъютантовъ и больше никого. А у вашего Великаго Князя много садится за столъ?

— Человѣкъ если не полтораста, то 160 или 170,—отвѣчалъ не задумавшись г. Мокѣевъ.

— А много у Россіи нашихъ плѣнныхъ?

— Тысячъ пятнадцать будетъ, пожалуй и больше.

— А у васъ много нашихъ?

— Нѣтъ, не много.

— Ну, а сколько? Человѣкъ сорокъ будетъ?

— Нѣтъ и того нѣтъ.

Между тѣмъ пріѣзжаетъ адъютантъ Османа-паши и передаетъ г. Мокѣеву, что паша извиняется, что не можетъ его принять, такъ какъ чувствуетъ себя нездоровымъ, и проситъ передать содержаніе порученія г. Мокѣева ему, адъютанту. Г. Мокѣевъ передаетъ. Адъютантъ уѣзжаетъ

снова и г. Мокѣевъ остается въ палаткѣ съ прежними турецкими офицерами.

— Къ намъ пріѣзжали какіе-то молдаване и валахи съ переговорами объ уборкѣ труповъ, — продолжали турецкіе офицеры прерванный разговоръ:—разсказывали, что они пріѣхали изъ румынскаго лагеря, а мы никакихъ румынъ не знаемъ; слышали, правда, что къ русскимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ валаховъ, но намъ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

— Однако, — замѣтилъ на это г. Мокѣевъ, — на нашемъ лѣвомъ флангѣ румыны дали вамъ почувствовать свое присутствіе.

Турецкіе офицеры промолчали на это замѣчаніе г. Мокѣева.

Возвратившійся вскорѣ адъютантъ Османа-паши передалъ г. Мокѣеву, что паша согласенъ на русское предложеніе, но съ тѣмъ, что на правомъ русскомъ флангѣ турки не могутъ допустить русскихъ собирать трупы.

— Трупы вашихъ солдатъ лежатъ за Гривицкимъ редутомъ такъ близко къ нашимъ позиціямъ,—сказалъ адъютантъ,—что ваши санитары легко увидятъ расположенія нашихъ позицій. Лучше мы сами похоронимъ тамъ вашихъ убитыхъ. А если вы желаете совершить надъ ними погребальный обрядъ, то мы позовемъ болгарскаго священника...

Разъ какъ-то еще мнѣ разсказывали про курьезный эпизодъ, случившійся съ Куропаткинымъ, начальникомъ штаба дивизіи генерала Скобелева 2-го, и я захохоталъ какъ сумасшедшій. Курьезъ заключался въ слѣдующемъ: однажды Куропаткинъ получилъ какъ-то „Московскія Вѣдомости“ и каково его было удивленіе, когда онъ увидѣлъ въ газетѣ свой собственный некрологъ. Въ некрологѣ описывалась его жизнь, перечислялись заслуги и высказывалось сожалѣніе, что такой молодой и заслуженный офицеръ такъ рано похищенъ смертью. Къ счастію, чтеніе этого некролога только разсмѣшило капитана...

Съ 5-го по 12-е октября въ главной квартирѣ все было спокойно. Произведенныя за все это время всѣ атаки румынъ были отбиты. Но вотъ 12-е октября... Положеніе турецкой арміи въ Плевно, казалось, до того ухудшилось, что Осману-пашѣ нужно было непремѣнно сдѣлать попытку прорваться черезъ русско-румынскія линіи. Нужно сказать, что число больныхъ и смертность въ турецкой арміи были гораздо значительнѣе, чѣмъ въ русскихъ и румынскихъ войскахъ; да, кромѣ того, присоединилось еще то обстоятельство, что русскіе могли бы пополнить свою убыль, а армія Османа-паши не только не могла достать подкрѣпленій, но она и не могла вывезти изъ Плевны своихъ больныхъ и раненыхъ. Вотъ почему стали появляться почти ежедневно дезертиры; этимъ самымъ ясно доказывается намъ затруднительное положеніе турецкой арміи.

Помнится мнѣ, что въ то время стали сильно поговаривать о томъ,

что 1,400 быковъ и 700 повозокъ съ жизненными припасами отправлено будто бы къ Осману изъ Виддина. Но это, дѣйствительно непріятное извѣстіе, не сильно безпокоило насъ, ибо мы знали, что въ самомъ Виддинѣ жизненныхъ припасовъ мало, а потому и не обратили на этотъ слухъ особеннаго вниманія.

12-го октября было дѣло подъ Дубнякомъ, кончившееся для насъ довольно удачно, почти съ равной потерей съ обѣихъ сторонъ, а именно до 2,500 человѣкъ. Плѣнныхъ офицеровъ было до 80-ти и трофеи: знамя и четыре пушки. На другой день мы, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, объѣзжали поле сраженія у Горнаго Дубняка и осматривали занятыя нами съ бою позиціи. Нечего говорить о томъ, что войска сильно были одушевлены только-что одержанной побѣдой. Русскіе лагери были расположены по большей части весьма живописно; они были раскинуты, главнымъ образомъ, на высотахъ, и такъ какъ близъ Плевны есть только горы и долины, а равнинъ нѣтъ и слѣда, то холмистая мѣстность, покрытая повсюду палатками, имѣла видъ прелестной декораціи. Почти во всѣхъ долинахъ протекали рѣчки и тамъ, гдѣ есть источники, турки устроили фонтаны. Въ настоящее время эти фонтаны служили мѣстами для водопоя и близъ ихъ были расположены походныя кухни. Послѣднія представляли ничто иное, какъ нѣсколько ямъ, выкопанныхъ въ землѣ; число ямъ измѣнялось сообразно численности расположенныхъ вблизи войскъ. Когда кушанье было готово, то каждый солдатъ подходилъ съ своей посудой и получалъ полагающуюся ему порцію супа, мяса и овощей. Когда аппетитъ удовлетворялся, то солдаты принимались за работу. Впрочемъ, военными работами были заняты только тѣ войска, которыя находились на передовыхъ позиціяхъ, на батареяхъ или въ ложементахъ; остальныя же занимались домашними работами, словно жили еще на родинѣ. Одинъ чинилъ платье, другой сапоги, третій, наконецъ, мылъ бѣлье и очищалъ грязь со своей одежды. Словомъ, и миръ, и война!...

Не входя въ подробности уже сто разъ описаннаго дѣла, я только сообщу нѣсколько характерныхъ, прекрасныхъ эпизодовъ, слышанныхъ мною самимъ отъ очевидцевъ.

1) Во время жаркой перестрѣлки, 12-го октября, нѣсколько смѣльчаковъ, находившихся въ это время въ цѣпи шаговъ въ 200—300 отъ редута, стремительно бросились къ укрѣпленію и подъ градомъ пуль сначала ворвались въ ровъ, а потомъ вскочили на берму. Какія ихъ были намѣренія, пока положительно для всѣхъ было загадкой. Но вотъ ошалѣлые турки поправились отъ страха и начали продѣлывать уморительныя штуки. Они высовывались изъ-за бруствера и, наклонивъ ружья, стрѣляли въ солдатъ. Послѣднимъ пришлось поневолѣ туго, такъ какъ они очутились подъ двойнымъ огнемъ и не имѣли возможности ни отступить, ни идти впередъ. Но нашъ солдатъ смѣтливъ: сложивъ въ одно

мѣсто ружья, они схватившись за лопаты и, набравъ на нихъ земли, распространились по всей бермѣ. Едва только какой-нибудь турокъ высовывалъ голову, какъ близъ стоящій солдатъ бросалъ ему землю прямо въ лицо и потомъ уже безъ труда выхватывалъ у него ружье. Такимъ образомъ имъ удалось перетащить до 40 ружей и, дождавшись момента общей атаки, вмѣстѣ съ товарищами ворвались въ непріятельское укрѣпленіе.

2) Передъ самой атакой на редутъ, наша стрѣлковая цѣпь залегла въ шоссейной канавѣ, на очень близкомъ разстояніи находящейся отъ укрѣпленія. Противникъ, понятно, постарался употребить энергическія средства, чтобы отдалить близость непріятнаго знакомства. Для чего и выслалъ орудіе изъ редута съ цѣлью расположить его такъ, чтобы продольнымъ, амфиладнымъ огнемъ поражать стрѣлковъ. Но въ тотъ моментъ, когда только въѣхало орудіе, мѣтко пущенная пуля стрѣлка убила одну лошадь на повалъ. Всѣ находящіяся при орудіи стремительно бросились отпрягать; но въ ту же минуту съ нашей стороны раздался историческій орудійный выстрѣлъ, зашипѣла шрапнель и съ трескомъ разорвалась надъ самымъ орудіемъ. Однимъ этимъ выстрѣломъ какъ лошади, такъ и вся прислуга и офицеръ были положены на мѣстѣ. Солдаты, при видѣ такого чуда, невольно сняли шапки и перекрестились.

3) Во время упорной и, такъ сказать, финальной перестрѣлки толпа егерей сгруппировалась для защиты около своего знамени. Съ каждой послѣдующей минутой рѣдѣли защитники святыни. Но вотъ насталъ послѣдній страшный моментъ—вдали показался эскадронъ черкесъ. Гибель знамени, казалась неизбѣжной. Но вотъ, какъ изъ земли, появился эскадронъ лейбъ-гусаровъ и молодцы гренадеры—вздохнули. Лихой эскадронъ быстро подскакалъ къ знамени и, по всѣмъ правиламъ подъ страшнымъ убійственнымъ огнемъ отдавъ ему воинскую честь, съ наклоненными пиками бросился и отбилъ уже помчавшихся черкесовъ. „Молодцы и дисциплину знаютъ“, ободрили ихъ гренадеры...

15-го октября мы уже были съ Великимъ Княземъ въ Боготѣ. Это довольно большая деревня, расположенная въ 10 верстахъ отъ Плевны; изъ-за 10 верстъ уже слышны громъ и трескъ снарядовъ. Проживъ недѣлю, мы уже умѣли различать наши ружейные выстрѣлы отъ непріятельскихъ и такимъ образомъ у насъ появилось оригинальное развлеченіе.....

Самъ Великій Князь расположился на одномъ дворѣ въ круглой, теплой палаткѣ, а мы шагахъ въ 50-ти, на пахатномъ полѣ, въ землянкахъ. Жизнь казаковъ въ этой деревнѣ была поистинѣ ужасна! Они не просыпались безъ того, чтобы не очутиться утромъ въ безплатной ваннѣ, такъ какъ въ вырытыхъ землянкахъ оказались родниковые ключи. Чуть, чуть лѣвѣе насъ, расположился бивуакомъ пѣхотный конвой Главнокоман-

дующаго, а передъ обѣими стоянками раскинули свои палатки продавцы и маркитанты. Погода почти вовсе время стояла ужасная. Быстрые и рѣзкіе переходы отъ оттепели къ морозу, отъ дождя къ снѣгу, сплошные и проливные дожди, сырость и невылазная грязь — положительно измучили насъ. Многіе изъ офицеровъ, однако пріискали себѣ убѣжища на окраинахъ деревни. Теперь я опишу свою боготскую жизнь.

Передъ моей ветхой землянкой, поросшей уже травой, шагахъ въ 50-ти раскинулся на полугорѣ 69-й военно-временный госпиталь. Бывало встанешь утромъ, выйдешь на дворъ, побродишь, да незамѣтно, какъ-то ужъ по привычкѣ, шагнешь черезъ низкій плетень и зажавъ носъ отъ вони, здѣсь же валяющейся падали, направишься къ балкѣ, ее перейдешь, пріятно вдохнешь запахъ жареныхъ котлетъ, несущійся изъ госпитальной кухни, и пойдешь бродить по госпитальнымъ палатамъ. А около кухни уже суетится народъ. Здѣсь и сестра милосердія съ протянутой тарелочкой за супомъ, для раненаго; фельдшеръ со шнуркомъ вмѣсто цѣпочки, на которой вмѣсто часовъ, болтаются ножницы — почетный знакъ его званія, солдаты, съ засученными рукавами; зачастую смотритель госпиталя, нерѣдко офицеръ—ихъ наблюдающихъ и братушка-болгаринъ съ разинутымъ ртомъ. Здѣсь-же по близости пилятъ дрова, разносятъ горячую воду и таскаютъ умершихъ, въ такъ-называемую мертвецкую — шалашъ, затянутый съ боковъ парусиной, рогожей и сверху покрытый соломой; вываливаютъ трупы изъ повозокъ проходящаго транспорта, и кладутъ ихъ въ рядъ... все въ перемежку! Вотъ вамъ дѣятельность, тяжелая и вполнѣ безотрадная. Войдешь бывало, въ офицерскую палатку, да и станешь какъ истуканъ у порога.

— У васъ опять перемѣщеніе?

— Какъ видите. Вотъ эти два уже померли, а этого съ транспортомъ отправили... Больно ужъ хотѣлось ему поскорѣе на родину... да рана его не хорошая, какъ-бы на дорогѣ не померъ... Да что, батюшка, кому суждено, такъ не объѣдешь.

— Нѣтъ-ли новостей?

— Нѣтъ!

— Да вы, хоть бы, что-нибудь намъ принесли почитать... скука страшная.

— А у васъ развѣ газетъ нѣтъ?

— Да есть то есть, да старыя... новыхъ еще не получали...

И дѣйствительно, мнѣ случалось нѣсколько разъ вытягивать изъ-подъ стола, стоящаго посреди палаты съ образомъ и лампадой, маленькія книженки, по большей части для солдатъ, и старые, еще нераспечатанные нумера газетъ. Впрочемъ, разъ, это было еще въ госпиталѣ, въ Горномъ-Студенѣ, я подошелъ къ солдату, который съ видимымъ удовольствіемъ читалъ какую-то растрепанную книжку, безъ переплета.

— Что ты читаешь, любезный? полюбопытствовалъ я.

— Трагедіи Парижа, часть 2-я, отрѣзалъ солдатъ.

— А первую часть читалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, я со второй началъ.

— Ну, что-жъ, интересно?

— Очень интересно!

— Ты, значитъ, любишь романы читать?

— Помилуйте, усмѣхнулся солдатъ, какъ не любить-съ, вѣдь это наше ремесло.

— Какое? съ изумленіемъ спросилъ я.

— Какъ какое-съ, да вѣдь я, сударь, наборщикъ...

Любилъ я также незамѣтно пробраться въ солдатскую палатку, и послушать ихъ задушевные разсказы.

Нерѣдко мнѣ удавалось совершенно случайно узнавать такіе факты, которые врядъ-ли бывали кому нибудь извѣстны.

— Да, братцы, послужили мы съ этимъ самымъ Квиткой... грѣхъ сказать, командиръ первѣйшій и въ цѣпи всегда верхомъ... угаръ!!!

— Да что толковать, мы подъ Никополемъ просто зубами батарею загрызли.

— Какъ такъ?

— Да такъ, потому капитанъ нашъ одно слово молодецъ...

— А дѣло-то было какъ?

— 20-го числа нашъ Галицкій полкъ былъ въ цѣпи и при этомъ по правую и по лѣвую сторону города было по ихней батареѣ и палатки тоже, одно слово, какъ слѣдуетъ. Только, братцы мои, когда началось самое наступленіе, тогда сейчасъ командиръ скомандовалъ: впередъ, и съ самой деревни почитай полкъ бѣжалъ по пахотѣ и кричалъ ура. Ну, въ виноградникѣ залегли и завязали перестрѣлку и выбили его такимъ манеромъ изъ перваго ложемента. Тогда ужь дальше бѣжать было не въ примѣръ легче, потому прикрытія. Рвы да камни стали попадаться. Тутъ-то мы какъ понаперли и погнали ихъ, словно стадо. Сейчасъ капитанъ нашъ съ 70 человѣками какъ бросится на батарею; они залпъ; мы дальше, и какъ добѣжали до нее, сейчасъ капитанъ началъ рубить и за штыкъ руками хвататься. А потомъ, долго не думая, вбѣжалъ туда, зацѣпилъ, братцы, турецкое ружье, да и давай валять, то направо, то налѣво.... страсть! Такъ батарею и отбили. И, что же вы думаете, тамъ вѣдь не остался, — часовыхъ къ батареѣ приставилъ, да и опять впередъ и въ скорости опередилъ опять всѣхъ...

— Бѣдовый былъ... Сказываютъ, живъ еще...

— Ужъ это, коли кто впереди, того и Богъ бережетъ, ну, и фартунатъ, примѣрно, къ случаю.

— Фортунатъ! передразнилъ солдатъ. А слышалъ, что сказываютъ про Скобелева?

— Не слышалъ, землякъ.

— То-то!.. Сказываютъ, что онъ заговоренный.

— Ну?

— Вѣрно, потому въ самомъ Туркестанѣ бухарскій малла 7 дней его въ ямѣ держалъ и ѣсть ничего не давалъ—отъ пуль заговаривалъ.

— И что же?

— Да то-же, что ни одна пуля его теперь не беретъ.

— А на штыкъ?

— Все одно.

— Ну, може такая, мѣдная, значитъ, возьметъ.

— Толкуй; говорятъ, нерушимый вовсе сталъ...

Такъ и идутъ, бывало, разговоры между ранеными, а зашли — не видать, какъ и время-то проходитъ.

Часъ, установленный для перевязки и операцій, какъ-то особенно длился для раненыхъ и по неволѣ казался цѣлымъ вѣкомъ...

Никогда не забуду я одного случая, который былъ въ 69 военно-временномъ госпиталѣ, который и понынѣ кажется мнѣ какъ бы видѣннымъ во снѣ. Я былъ очевидцемъ адскаго, не человѣческаго терпѣнія. Молодецъ былъ рядовой лейбъ-гвардіи Московскаго полка, 13 роты, Иванъ Платуновъ, получившій въ дѣлѣ нѣсколько пулевыхъ ранъ. Безъ хлороформу при мнѣ какой-то молодой докторъ дѣлалъ ему операцію вынимания пуль. Помню, что при входѣ въ палату, я увидѣлъ, что возлѣ одной кровати, на которой лежалъ рослый солдатъ, суетились докторъ и сестра милосердія. Я подошелъ ближе и увидѣлъ, что солдатъ лежалъ бокомъ. На бедрѣ широкій и глубокій разрѣзъ, черезъ который въ пахъ былъ проведенъ дренажъ.

— Скажите пожалуйста, обратился я къ доктору, зачѣмъ же сдѣланъ такой широкій надрѣзъ, вѣдь пули еще не вынуты?

— Не знаю-съ, отвѣтилъ лаконически докторъ, это въ дивизіонномъ лазаретѣ обработали.

— Да, сказалъ тихо раненый, изрѣзали меня тамъ порядкомъ!

— Не угодно-ли вамъ, вѣжливо обратился ко мнѣ докторъ, посмотрѣть на операцію?

— Вы какъ ее будете дѣлать—безъ хлороформа?

— Да. Водки только дамъ.

Прошло нѣсколько мучительныхъ часовъ—минутъ, во время которыхъ ходили за водкой, и когда ее принесли, докторъ уже приготовился, и какъ только больной выпилъ ее, приступилъ къ операціи.

Больной какъ-бы замеръ и не шевелился. Я думалъ, что онъ уже

заснулъ и заглянулъ ему въ лицо. Но блестящіе глаза были открыты и въ нихъ была замѣтна твердая рѣшимость молча перенесть пытку.

— Ваня... ты? Ваня, голубчикъ?.. спрашивалъ его, рядомъ лежащій однослуживецъ.

— Я, спокойно отвѣтилъ страдалецъ.

Докторъ, послѣ безчисленныхъ зондированій пальцемъ и тупымъ шиломъ ощутилъ пулю и вынулъ ее.

— Вотъ она! съ торжествомъ возгласилъ докторъ, одна есть, поищемъ другую.... Солдатъ попросилъ еще водки, которую и выпилъ залпомъ.

— Глубоко сидитъ-съ, невозмутимо замѣтилъ докторъ, надо рѣзать; подайте ланцетъ!.. Удивительная вещь, сколько изрѣзали и все зря.... рана-то, рана какая!

— Можетъ быть еще водки выпьешь? обратился докторъ къ раненому.

— Не надо, кротко отвѣтилъ солдатъ.

Докторъ взялъ снова ланцетъ и медленно началъ новый, глубокій, ужасный разрѣзъ.

Солдатъ ни слова.

— Какая досада. замѣтилъ врачъ, ланцетъ тупъ, ткани еще одной не прорѣзалъ... Ланцетъ!

Больной въ продолженіе этого адскаго мученія не издалъ ни единаго звука, только, ужъ когда была вынута вторая пуля, онъ нервно вскрикнулъ: „кто это сѣлъ мнѣ на ногу“, и снова замолкъ.

— Хочешь взять на память пулю, предложилъ докторъ, какъ-бы въ утѣшеніе раненому.

— Богъ съ ней, зачѣмъ! съ досадой отвѣтилъ тотъ.

Я не могъ болѣе вынести этой по истинѣ ужасной сцены и съ тяжелымъ чувствомъ побрелъ въ свою землянку...

Да, съ невольною грустью припоминаю я свое житье въ Боготѣ, въ небольшой темной землянкѣ. Жило тамъ семейство, состоящее изъ старика-отца, старушки, дочери-невѣсты, да хвораго, изнеможеннаго сына.

Рядомъ съ коморкой, въ которой они жили, стояло два буйвола — кажись, все ихъ богатство, — а чуть-чуть подальше, здѣсь же въ углу, лежали собранные съ дворовъ щепки, онучи да пузырьки всевозможныхъ калибровъ.

Войдешь, бывало, къ нимъ, а они, поджавъ ноги, сидятъ передъ таганомъ и смотрятъ, Богъ знаетъ, для чего, на грѣющуюся воду. Пища у нихъ была скудная: красный перецъ, разваренный въ водѣ, да выброшенная баранья требушина. Сколько разъ мы предлагали имъ своихъ щей — не хотятъ, привыкли чуть-ли не къ падали. И такъ съ утра до поздняго вечера сидятъ они надъ таганомъ и тупо смотрятъ на тлѣю-

щій костеръ. Какъ-бы въ раздумьѣ, старикъ возьметъ, бывало, палочку, поковыряетъ въ угляхъ, да и опять положитъ и призадумается. Только-что бабка возьметъ пряжу, сынъ застонетъ и ближе придвинетъ къ огню бѣлыя, какъ мраморъ, исхудалыя ноги... И такъ просиживали они съ зари до вечера и, Богъ знаетъ, о чемъ только думали.

— Да чѣмъ болѣнъ-то сынъ? спросилъ я разъ у матери.

Она широко раскрыла глаза и съ нѣмымъ удивленіемъ взглянула на меня.

Я громче повторилъ вопросъ. Та поняла, вскочила и начала показывать, что все болитъ—и грудь, и руки, и ноги.

На другой день я встрѣтилъ доктора и попросилъ совѣта, что дѣлать съ нимъ.

— Да, что дѣлать? въ раздумьи, какъ-бы про себя, сказалъ докторъ. — Вѣдь это брюшной тифъ и болѣзнь эта въ каждой болгарской семьѣ.

— Какое же лекарство, докторъ? спросилъ я.

— Какъ какое?.. Свѣжій воздухъ, бульонъ, вино, даже и мѣстное... вотъ и все...

Гдѣ же леченіе при такихъ условіяхъ, когда и во всемъ Боготѣ одной курицы не найдется, да не только-что курицы, даже и хлѣба, кромѣ кукурузы.

Гдѣ же исходъ отъ не человѣческихъ страданій, медленной агоніи и смерти!??..

Разъ день былъ пасмурный такой; послѣ обычнаго каждодневнаго обхода госпиталя, вошелъ я въ землянку. Какъ и всегда, сидѣлъ у тагана старикъ и, какъ дитя, улыбался. Въ рукахъ у него была маленькая жестянка, изъ которой торчалъ разваренный стебель краснаго перца. Рядомъ съ нимъ сидѣла незнакомая мнѣ пожилая болгарка и на ухо шептала что-то хозяйской дочери, у которой голова была повязана пестрымъ платкомъ. Передъ ней стояла чашка съ водой, были набросаны стручки, и болгарка усердно помѣшивала ихъ палочкой.

— Ну, думаю, опять бѣда! и эта свалится съ ногъ,—послѣдняя работница въ домѣ, не даромъ ворожейка.

— Что съ ней? обратился я къ матери.

— Голова, голова больна, тихо отвѣтила та.

Грустнымъ предчувствіямъ суждено было сбыться: черезъ восемь дней здоровая румяная дѣвушка превратилась въ скелетъ. Неотлучно у ея изголовья сидѣлъ старикъ и, поддерживая ея голову, дико блуждалъ глазами. На другой день, часовъ этакъ въ 7 вечера я вошелъ къ больной. Стеклянный взглядъ ея началъ уже заволакиваться влагой.

— Ну что? какъ бы безотчетно спросилъ я у старика; онъ вздрогнулъ, схватилъ ее за голову и, какъ безумный, зарыдалъ.

— Моя, моя! кричалъ онъ, словно кто вырывалъ ее у него.

Я не могъ выносить долѣе ни стоновъ умирающей, ни воплей старика-отца и бросился бѣгомъ въ свою конуру. Два часа спустя, все стихло. Дверь пріотворилась, выглянуло лицо моего деньщика.

— Скончалась, тихо проговорилъ онъ, точно боясь разбудить заснувшую мертвымъ, непробуднымъ сномъ...

Сидѣвшіе въ комнатѣ перекрестились: „упокой Господи душу ея!“

Странная и страшная картина представилась моимъ глазамъ.

Посреди хаты на земляномъ полу лежала покойница. Припавъ къ ней на грудь, неутѣшно горько рыдалъ старикъ. А хворый братъ все по прежнему сидѣлъ у костра съ обвязанными обожженными ногами и безучастно смотрѣлъ на убивающагося отца; старуха-мать прилаживала къ цѣпи котелъ.

Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ дней стоны и плачъ не умолкали и на третій день перешли въ какіе-то неистовые вопли. Понесли хоронить. Добрыхъ два часа они пробыли на кладбищѣ и, вернувшись оттуда, перепрыгнули всѣ черезъ уголь, положенный у порога, вошли въ землянку и сѣли передъ двумя низкими столами справлять тризну. Еле теплились восковыя свѣчи на столахъ...

Пройдетъ еще мѣсяцъ; быть можетъ, сынъ умретъ и останутся на свѣтѣ только старикъ да старуха...

Кто кого зароетъ въ землю — вопросъ не рѣшенный, и оставшійся въ живыхъ уже одинъ очутится у тлѣющаго костра.

А сколько разъ мнѣ приходилось выслушивать самые неодобрительные, почти злобные отзывы о братушкахъ-болгарахъ и еслибы я вздумалъ перечислять причины, вызвавшія подобное нерасположенія, или вздумалъ бы составить лексиконъ нелестныхъ эпитетовъ, заранѣе говорю, не хватило бы ни бумаги, ни времени. Помимо всевозможныхъ анекдотовъ, разсказываемыхъ такъ охотно, къ сожалѣнію, существуетъ масса дѣйствительно совершившихся фактовъ, болѣе непріятныхъ. Но если доискаться, что называется, до корня небылицъ и былицъ, то, право, братушки окажутся менѣе виновными, чѣмъ кажутся съ перваго взгляда.

Приведу, напримѣръ, слѣдующій фактъ:

Во время послѣдняго акта кровавой драмы подъ Плевной, одинъ пѣхотный офицеръ, будучи тяжело раненъ, былъ перенесенъ на время санитарами въ болгарскую хату, въ которой уже лежало нѣсколько раненыхъ солдатъ. Отъ потери крови офицеръ скоро лишился чувствъ, и когда открылъ глаза, то прежде всего увидѣлъ въ дверяхъ какую-то человѣческую фигуру.

— Кто тамъ? слабо простоналъ онъ.

— Братушка, было отвѣтомъ.

— Воды... попросилъ раненый.

— Нима воды... Азъ не водоносъ.

А колодезь былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Разведи огонь, снова попросилъ офицеръ.

— Нима дарва, также невозмутимо отвѣтилъ братушка и вышелъ изъ хаты.

Часъ спустя, онъ вошелъ въ комнату и сталъ шнырять взадъ и впередъ, безъ церемоніи толкая носилки. Поднялись стоны, проклятія и крики: „братцы родимые, пристрѣлите меня". Тогда офицеръ, собравъ послѣднія силы, вскочилъ съ носилокъ и, подбѣжавъ къ болгарину, ударилъ его. Тотъ выскочилъ изъ хаты, оставивъ дверь не прикрытою. Чуть не ползкомъ выкарабкался офицеръ изъ хаты, душной коморки, и опустился у порога вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Довольно ясно еще доносились ружейные и артиллерійскіе выстрѣлы изъ-за Вида — драма клонилась къ концу. Вскорѣ офицеръ услышалъ невдалекѣ отъ хаты слабые стоны и поползъ туда на четверенькахъ. Шагахъ въ сорока стояло нѣсколько носилокъ, на которыхъ лежали раненые солдаты и одинъ турокъ, прикрытый нашей солдатской сѣрой шинелью.

Но скоро выстрѣлы замолкли, и полчаса спустя, раненый, еле держась на ногахъ, поплелся къ землянкѣ. Увидѣвъ дверь запертою, онъ удивился, такъ какъ вспомнилъ, что по уходѣ позабылъ запереть ее. Каково же было его удивленіе, когда, войдя къ раненымъ, онъ увидѣлъ слѣдующую картину: посреди коморки дружно пылалъ небольшой костеръ, и болгаринъ вмѣстѣ съ женой и двумя дочерьми ухаживали за ними, то и дѣло подчуя ихъ холодной водой.

На вопросъ офицера, что все это значитъ, болгаринъ засмѣялся и совершенно спокойно сказалъ:

— Османъ сдался!

— Почему-же ты не далъ намъ воды и костра не развелъ прежде? все еще недоумѣвая, спросилъ офицеръ.

Братушка пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Тогда нельзя было—Плевна была ничья...

Тогда только офицеръ понялъ и не задалъ уже больше вопроса.

Другой разъ, это было, впрочемъ, со мной и однимъ моимъ близкимъ товарищемъ. По дорогѣ изъ Горнаго Студеня засталъ насъ сильный дождь и мы, чтобы укрыться отъ непогоды, забрели въ деревню Турскій Сливъ. Хозяева того дома, въ который мы вошли, были болгары и у себя на дому содержали нѣчто въ родѣ кабачка.

Встрѣтили они насъ далеко не дружелюбно, и на вопросъ, нѣтъ-ли чего-нибудь поѣсть?—только чмокнули губами, что значило нѣтъ. Когда же я, указавъ на товарища, сказалъ, что онъ князь и что у него на дому цѣлый сундукъ желтичекъ, и когда послѣдній тотчасъ же щедро заплатилъ имъ за курицу, болгары измѣнили обращеніе. Мало того, они

пригласили насъ подойти къ печкѣ, на которой стояло нѣсколько образовъ, зажгли восковыя свѣчи и начали преусердно молиться Богу...

Казалось бы, что только-что разсказанные два случая должны были бы бросить пятно на болгаръ — первый, свидѣтельствующій объ ихъ жестокосердіи, а второй—о ханжествѣ и лицемѣріи...

Ничуть не бывало!..

Вспомните только, какъ часто въ эту кампанію, да и прежде—прекрасныя іюльскія ночи мгновенно смѣнялись далеко не прекрасными варѳоломеевскими, и скверный поступокъ вызоветъ снисхожденіе. Вспомните, какъ чуть-ли не съ быстротою молніи луна замѣнялась Крестомъ, и крикъ: „Да живе Россія!“ — крикомъ: „Да живе Турція!“ Вспомните, сколько разъ сожигались и опустошались деревни, сколько разъ ограблялись и мучились братушки... и скверный поступокъ найдетъ снова оправданье.

Во внезапномъ же порывѣ къ молитвѣ братушекъ, скоро можно усмотрѣть ихъ радость, вызванную щедрой платой и тѣмъ, что Богъ послалъ имъ князя, да такого богатаго и добраго.

Одновременно съ этимъ, въ умѣ возстаютъ другія болѣе радостныя и теплыя картины прошлаго житья-бытья съ этими же братушками. Невольно припоминаются свѣтлые дни, проведенные мною въ г. Систовѣ, тотчасъ послѣ блистательной переправы. Съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ встрѣтили насъ тогда освобожденные братушки, съ какою готовностью давали все—и солдатамъ, и офицерамъ. Помню я и небольшой чистенькій домикъ, не далеко отъ православнаго собора. Тамъ жило болгарское семейство, отца котораго безжалостно отравили турки, заподозривъ его въ мнимой измѣнѣ. Оно состояло изъ старушки-матери, дочери красавицы Екатерины, да подростковъ—двухъ дѣвочекъ и мальчика. Встрѣтили они меня какъ роднаго, отвели лучшую комнату и кормили чуть-ли не на убой. Когда же я уѣзжалъ, предложилъ имъ денегъ, они обидѣлись, отказались на отрѣзъ и сказали:

— Если бы мы позволили взять хоть грошъ, то Богъ бы намъ этого никогда не простилъ. Вы пришли Богъ знаетъ откуда, и пришли ради насъ, бросили своихъ матерей, женъ и дѣтей, ради насъ лишаетесь всего, страдаете, умираете, и чтобы мы послѣ всего этого, въ знакъ благодарности, взяли бы съ васъ деньги за кусокъ хлѣба? Нѣтъ, Степанъ, прослезилась старушка, не обижай насъ.

Какъ часто, послѣ того, видѣлъ я мать и дочь, отправляющихся съ узелками къ нашимъ раненымъ въ госпиталя и возвращающихся со слезами на глазахъ. Помню такъ же, что въ одно изъ моихъ посѣщеній уютнаго домика, я сильно заболѣлъ. Нужно было видѣть, съ какою материнской нѣжностью ухаживали они за мною и какъ мать, просижи-

вала ночи у изголовья моей кровати, все укрывала меня и цѣловала въ горячій лобъ...

Рождаются болгары добрыми, мужественными, со всѣми лучшими задатками, а потомъ, какъ и брошенный безъ поливки цвѣтокъ,—глохнутъ и засыхаютъ.

Во время жаркаго боя подъ Шипкой въ боковыхъ ущельяхъ, поближе къ мѣсту боя, гдѣ сочатся холодные родники, толпятся болгарскія дѣти съ кувшинами; они набираютъ воду, тащатъ ее на батареи, живо расходуютъ эту влагу и бѣгутъ за новою ношей. Сколько уже горячихъ, запекшихся губъ приложились къ краямъ ихъ кувшиновъ сколько силъ возобновилось ихъ работою, сколько нѣмыхъ благословеній неслось за ними вслѣдъ, когда они весело и бойко бѣжали къ родникамъ съ пустою посудою; сколько этихъ благословеній встрѣчало ихъ возвращающимися на мѣсто боя.

Цѣлая вереница дѣтей, наполнивъ свои кувшины, направляется къ опасному мѣсту. Они уже поднялись на первый взлобокъ, съ котораго имъ уже видѣнъ бой; видѣнъ если не бой, то навѣрное бѣлые клубы пороховаго дыма—это уже замѣтно по глазамъ старшей дѣвочки, лѣтъ тринадцати; широко раскрытые, эти большіе, темные глаза, устремлены впередъ; дѣвочка вся погружена въ созерцаніе боя, машинально шагаетъ подъ тяжестью своего глинянаго кувшина; ничего она не видитъ другаго, не замѣчаетъ даже, какъ маленькій братъ ея испуганно показываетъ на раненаго уже мальчика, поставившаго свой кувшинъ на землю и серьезно перевязывающаго платкомъ свою искалѣченную ножку. Раненъ-ли онъ на самомъ мѣстѣ, въ ту минуту, когда подносилъ свой кувшинъ къ губамъ усталаго солдата, раненъ-ли онъ на дорогѣ шальною пулей — кому до этого дѣло... Можетъ быть и сюда, на этотъ самый взлобокъ, долетаютъ уже турецкіе снаряды. Мѣсто открытое, коли съ него видно турокъ, такъ и туркамъ видны эти маленькіе водоносцы, а турецкая пуля бьетъ все безъ разбора, для нея нѣтъ ничего заказнаго. Бьетъ она и ради мести и ради того, чтобы на всемъ сорвать зло своихъ неудачъ, ради того, чтобы отбить охоту... не въ свое дѣло вмѣшиваться...

И большинство такихъ славныхъ дѣтей гибнутъ и гибнутъ безвозвратно въ душной затхлой атмосферѣ.

Какихъ же благотворныхъ плодовъ ожидать отъ подобной животно-несчастной жизни? Какихъ добродѣтелей и нравственныхъ чертъ ожидать отъ погребенныхъ за-живо злосчастныхъ гонимыхъ людей? Чему удивляться, что грязь грязная, и что человѣкъ, упавшій въ нее, не чистъ, какъ новорожденный ребенокъ.

„Посмотрите, какая у него морда злая“,—толкуютъ безумные, сами не зная того, что у него отнято все и близкіе его: отецъ, жена, дѣти

обезчещены и перерѣзаны! Честь и слава болгарамъ за святую нравственность, которая у нихъ есть и которой у насъ нѣтъ! Честь и слава имъ, если среди ихъ выискиваются добродѣтельные, честные люди... Есть и такіе, которые по заповѣди Христа „за зло платятъ добромъ". Масса брошенныхъ турецкихъ дѣтей выкормились грудью нѣкоторыхъ добрыхъ болгарскихъ женъ. Это не сказка, а совершившійся фактъ...

Рядомъ съ этимъ отраднымъ фактомъ укажу на другой и попрошу тѣхъ, кто порицаетъ безпощадно болгаръ, объяснить происхожденіе перваго.

11-го января изъ Хавса генералъ Струковъ, командующій тогда 1-ю кавалерійскою дивизіею, писалъ генералу Скобелеву, слѣдующее:

„Въ настоящее время послы турецкіе въ главной квартирѣ. Вашему превосходительству извѣстно, что я повалилъ весѣлицу въ деревни Семенли, иду по слѣдамъ огня, крови и неистовства. Администрація турецкая не успѣваетъ убирать данныя своего звѣрства, убѣгая отъ авангарда вашего превосходительства. Присылаю вамъ улику, которую прошу покорно отправить тотчасъ Великому Князю Главнокомандующему, пока послы еще въ главной квартирѣ: шейное кольцо для рукъ, ногъ, цѣпи и т. д., найденные мною въ канавѣ, въ особой комнатѣ инквизиціи".

Къ письму этому приложенъ протоколъ, подписанный бывшими здѣсь начальниками.

Вспомните — извѣстный Лассаль говоритъ, что жиды, пробывшіе такъ долго въ рабствѣ, сохранили всѣ свойства рабовъ; а я говорю, что болгары, пробывшіе вѣка въ рабствѣ, сохранили черты свободнаго народа...

Вотъ эти-то мысли появились у меня подъ впечатлѣніемъ тѣхъ грустныхъ картинъ, которыя такъ часто приходилось мнѣ видѣть!.. и никто не разубѣдитъ меня въ противномъ...

Въ одинъ прекрасный и теплый день, мнѣ какъ-то вздумалось проѣхаться на Царскій люнетъ, ужъ больно мрачныя картины надоѣли, оттуда какъ на ладони видна Плевна.

Сборы — недолгіе: осѣдлалъ коня и поѣхалъ... Путь лежалъ черезъ 69-й военно-временной госпиталь, достигнуть котораго можно было не иначе, какъ переправившись, чуть не съ опасностью жизни, чрезъ грязную глубокую балку, какъ разъ у госпитальной кухни,— переправа совершилась благополучно.

Я весело оглядывался по сторонамъ, привѣтливо раскланивался съ встрѣчающимися братушками и, пригрѣтый солнышкомъ, напѣвалъ себѣ подъ носъ плоештскій маршъ. Поднявшись на послѣднюю горку, я у подножія ея увидѣлъ разбросанную деревню, по обѣимъ сторонамъ которой виднѣлись госпитальныя палатки. На встрѣчу вышелъ докторъ. Мы раскланялись.

— Позвольте узнать, обратился я, это госпиталь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ, это подвижной лазаретъ 2-й дивизіи. Хотите взглянуть на наше житье-бытье, милости просимъ...

Я слѣзъ съ лошади и, передавъ ее солдату, вошелъ съ докторомъ въ одиноко-стоящую сзади палатку. Въ ней оказался всего одинъ больной офицеръ, около котораго съ материнскою заботливостью ухаживалъ его деньщикъ. По срединѣ палатки помѣщалась печь, выложенная изъ земли съ двумя трубами, изъ которыхъ одна шла сверху, а другая снизу и обѣ выходили наружу. Кромѣ того, на верхней площадкѣ печки помѣщалась другая, жестяная печь, тоже съ трубой, отчего въ палаткѣ было очень тепло.

Вскорѣ мы осмотрѣли всѣ палатки и во всѣхъ ихъ оказался замѣчательный порядокъ. На больныхъ было чистое бѣлье и въ теплой одеждѣ не было недостатка. Между прочимъ, докторъ сообщилъ мнѣ, что здѣсь 5 врачей: одинъ главный, два старшихъ ординатора, два младшихъ, девять фельдшеровъ и тридцать служителей, и что у нихъ только легко раненые, такъ какъ болѣе серьезные тотчасъ отправляются по госпиталямъ.

— Да-съ, полуукоризненно замѣтилъ докторъ, оно не дурно, сами изволите видѣть, а будь лазаретъ въ полномъ составѣ (вѣдь онъ теперь только въ половинномъ) было бы гораздо лучше. Сами посудите, возможное-ли дѣло съ такими средствами оказывать помощь тысячамъ? Вѣдь у насъ всего 83 мѣста, а наприм. 27-го августа и потомъ отъ 30-го—31-го, въ продолженіи какихъ-нибудь пяти дней, черезъ нашъ лазаретъ прошло до 3000 раненыхъ... Какъ же съ ними управиться? Не удивительно, что раненые должны лежать не въ палаткахъ, а на открытомъ воздухѣ, и лежать до тѣхъ поръ, пока ихъ не перевяжутъ и съ транспортомъ не отправятъ далѣе въ госпиталя.

Въ дивизіонныхъ лазаретахъ скопляется такая масса раненыхъ, продолжалъ врачъ, что удовлетворить ихъ пищей нѣтъ никакой возможности. Котловъ и вообще кухонныхъ средствъ имѣется ограниченное и притомъ очень малое число. Что же вы будете дѣлать, если вокругъ (во время дѣла) появится нѣсколько тысячъ человѣкъ? Такъ было и у насъ, это во время дѣла подъ Плевной 30-го—31-го августа, просто, батенька, головы потеряли... Котловъ было заготовлено на 80 человѣкъ, а раненыхъ пришло въ эти дни до 3000 человѣкъ. Ужь кое-какъ умудрились готовить по нѣскольку разъ, и то врядъ-ли всѣ были удовлетворены...

— Чѣмъ же горю помочь? Вѣдь пришлось бы таскать такую обузу,— замѣтилъ я.

— Эхъ, батинька, перебилъ меня докторъ: — ни того, ни другаго не нужно... увѣряю васъ... Позаботься только общество Краснаго Креста

о томъ, чтобы были доставляемы на эти пункты какіе-нибудь консервы— и дѣло было бы улажено. Вотъ и въ бѣльѣ тоже недостатокъ; тоже нужно было бы по больше. Вѣдь то и дѣло рѣжемъ рубашки да кальсоны, снимать ихъ наука запрещаетъ.

Между прочимъ, докторъ сообщилъ мнѣ, что за продуктами имъ приходится ѣздить въ Турнъ-Магурелли, отстоящій отъ ихъ мѣста стоянки въ 50-ти верстахъ, и что чай даютъ всего только одинъ разъ въ день, тогда какъ въ высшей степени было бы полезно давать его два раза.

Наконецъ мы вошли въ палатку.

— Вотъ-съ,—обратился ко мнѣ докторъ,—удивительный случай.

Передъ мною стоялъ рядовой Ревельскаго полка съ перевязанной головой.

— Извольте видѣть,—продолжалъ докторъ:—пуля ударила сзади уха съ лѣвой стороны, затѣмъ прошла надъ скуловою костью, раздробила наружную стѣнку горла, и, не повредивъ ни мозга, ни глаза, вышла вонъ. Удивительный случай, и будетъ живъ.

— А вотъ-съ, не угодно ли сюда взглянуть.

И онъ указалъ мнѣ на лежащаго въ противуположномъ углу солдата.

— Этотъ „за пѣсни раненъ.“

— Какимъ образомъ? спросилъ я.

— Простымъ-съ. Ихъ пришли смѣнять, они были въ цѣпи, съ радости они и хватили разудалую. Турки всполошились и открыли пальбу. И вотъ видите чѣмъ кончилось пѣніе... Да мало ли чего между ними бываетъ. Чай, слышали о томъ, какъ солдаты гранату разряжали?

Я сказалъ, что не слыхалъ, и просилъ разсказать.

— Это было нѣсколько дней тому назадъ,—началъ докторъ.—Два солдата Калужскаго полка находились въ числѣ товарищей въ цѣпи, лѣвѣе Царскаго люнета. Одинъ изъ нихъ, по-моложе, нашелъ неразорвавшуюся гранату и, долго не думая, бросилъ ее въ пылающій костеръ. Тѣмъ временемъ подошли еще солдаты и одинъ изъ нихъ, набивъ трубочку, подошелъ къ костру, чтобы закурить. Но въ это самое время раздался страшный трескъ и гранату разорвало. Двое изъ солдатъ были сильно контужены; одинъ въ лѣвую, а другой въ правую щеку.

Въ это самое время въ палатку внесли молодаго солдата, который самъ, во время чистки ружья, прострѣлилъ себѣ ногу.

— Это какъ тебя угораздило?—обратился къ нему докторъ.

— Да что, махнулъ рукой,—съ досадой отвѣтилъ солдатъ:—счастіе ужъ знать такое; ничего не подѣлаешь.

Когда ему начали дѣлать перевязку, я, поблагодаривъ доктора, вышелъ изъ палатки и, сѣвъ на лошадь, двинулся дальше.

Я миновалъ землянки. Передъ моими глазами открылась очаровательная картина. Широкой лентой извивался глубокій каменистый оврагъ,

на днѣ котораго, какъ змѣй, извивался чистый, хрустальный ручей. Дальняя деревня какъ бы повисла надъ оврагомъ.

Я сталъ спускаться по узкой каменистой дорогѣ. Но не успѣлъ я сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ вдали показался мнѣ призракъ. Я началъ всматриваться и вскорѣ могъ различить какъ разъ у ручья совершенно нагаго человѣка. Что бы это было такое? думалось мнѣ: купаться и сумасшедшій въ эту пору не станетъ. Но вотъ видѣніе поворачивается, бѣжитъ и сквозь землю проваливается.

Подъѣхавъ ближе, я увидѣлъ какъ разъ у бассейна полу-землянку, изъ отверстія которой паръ валилъ клубомъ.

Передъ землянкой сидѣлъ солдатъ съ ведромъ въ рукѣ.

— Служба!—кричалъ онъ кому-то:—давай воды!

Я подъѣхалъ ближе.

— Что это у васъ?—обратился я къ солдату.

— Баня.

— А самъ ты отчего за водой не идешь?

— Помилуйте, сударь, служба за мной стоитъ, а я босикомъ, неравно простужусь.

— А изъ бани зачѣмъ вы выскакиваете? Долго-ль простудиться.

— Это ничего,—успокоительно отвѣтилъ солдатъ.—Какъ кому, другой и въ ручьѣ послѣ того выкупается; Богъ милостивъ, сойдетъ...

Я употребилъ всѣ усилія, чтобы доказать, что это это очень вредно. Но видно было по всему, что солдатъ не повѣрилъ.

Добравшись до вершины, я невольно остановился. Что за странная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прелестная картина! Глазъ упирался въ снѣжные Балканы. Вся мѣстность вокругъ была неровная — бугры да лощины. Вдали, какъ бы въ туманѣ, виднѣлся бивуакъ какого-то пѣхотнаго полка, съ котораго явственно доносились звуки народнаго гимна, подчасъ заглушаемые одиночно раздающимися орудійными выстрѣлами. Еще нѣсколько шаговъ — и поле буквально было усыпано солдатами, которые, набравъ въ манерки щей полковой кухни, тутъ же на полѣ, кто сидя, кто лежа совершали свою скромную трапезу. А возлѣ нихъ пастухъ-болгаринъ пасъ стадо овецъ и наигрывалъ на волынкѣ. Миръ и война! Какое странное сочетаніе!... До Царскаго люнета было уже не далеко, и, спустя четверть часа, я уже созерцалъ Плевну, не думая о томъ, что черезъ два дня я спокойно буду разгуливать по городу. Слѣва отчетливо обрисовывались угрюмыя скалы, а справа тянулись голубыя горы, изъ-за которыхъ по временамъ взвивались бѣлые дымки. Въ нѣкоторые, заранѣе условленные моменты, всѣ батареи дѣлали залпъ и чудовищное эхо раздавалось въ горахъ.

— А что,—обратился я къ здѣсь же стоявшему офицеру,—придется ли по одной гранатѣ на человѣка?

Офицеръ засмѣялся.

— Это было бы хорошо; но, къ сожалѣнію, быть не можетъ. Статистическія данныя послѣ французско-прусской кампаніи показали, что на каждаго убитаго пришлось до ста пудовъ свинцу!

По дорогѣ я завернулъ на бивуакъ, кажется, Либавскаго полка и былъ радостно встрѣченъ однимъ офицеромъ, съ которымъ познакомился ранѣе. Разговорились. Въ числѣ многихъ эпизодовъ онъ мнѣ разсказалъ, что на-дняхъ одинъ офицеръ, въ сопровожденіи казака, по ошибкѣ, попалъ вмѣсто своихъ ложементовъ въ непріятельскіе. Видя ихъ такъ смѣло ѣдущихъ, турки и не подумали останавливать. Но вскорѣ офицеръ первый замѣтилъ ошибку и, долго не думая, вынулъ бѣлый платокъ и началъ махать. Тотчасъ къ нему подбѣжали турки, которымъ онъ спокойно передалъ, что присланъ въ качествѣ парламентера. Ему не повѣрили и вмѣстѣ съ казакомъ препроводили къ начальнику. Допрошенные врознь, какъ офицеръ, такъ и казакъ показали одно и тоже. Офицеръ спокойно объяснилъ, что онъ присланъ отъ своего начальства съ порученіемъ просить, чтобы завтрашній день не стрѣлять съ обѣихъ сторонъ въ виду имѣющаго быть у нихъ священнаго праздника. Конечно, имъ повѣрили и отпустили...

Снова жизнь наша потянулась крайне разнообразно. День и ночь бывало тянулись транспорты съ больными и ранеными. Какъ не выйдешь.... все повозки, повозки и повозки. Подойдите къ нимъ и невольный ужасъ и трепетъ охватитъ васъ.

— Ей родный! нельзя ли хоть чѣмъ нибудь завязать.... больно пересохло.... слышь... братецъ.... и ужъ только рѣжетъ, такъ рѣжетъ....

— Нѣту.... и ужъ нѣту ничего.... вотъ потерпи—недалеко.

А какъ было терпѣть?... ныли переломленныя кости и при всякомъ невольномъ движеніи, осколки впивались въ тѣло, впивались въ нервы, лихорадочная дрожь пробѣгала по трепетавшему тѣлу и.... все что жгло, сильно жгло и рану и нутро, какъ выражались солдаты. Вотъ изъ слѣдующей повозки, подымается какая-то страшная не человѣческая фигура.... вы ближе, и смертельная дрожь пронизываетъ васъ. Вы видите предъ собой изнеможеннаго блѣднаго турка, у котораго почти на ниточкѣ болтается вся нижняя до горла прорубленная челюсть; онъ протягиваетъ къ вамъ руки, силится что-то сказать и страшно бормочетъ. Вы невольно слѣдите за нимъ и видите, наконецъ, что онъ протягиваетъ руки въ глубь повозки, откуда торчатъ исхудалыя ноги мертвеца. Отъ ужаса вы вскакиваете въ первую палатку и снова вздрагиваете всѣмъ тѣломъ—передъ вами новая ужасная картина. Снятые только-что съ возовъ еще не перевязанные раненые турки, покрытые изодранною одеждою, въ которыхъ гнѣздятся миріады насѣкомыхъ, облитыхъ у нѣкоторыхъ гноемъ, валяются на разложенной соломѣ. Минуту спустя мило-

*

сердныя сестры и доктора, заботливо ухаживаютъ за ними. Вы снова бѣжите и снова наталкиваетесь на ужасное зрѣлище. Скорѣй же бѣгите въ крайнюю палатку; тамъ отдыхъ ждетъ васъ, тамъ.... быть можетъ вамъ удастся вмѣстѣ съ сестрами и докторами, пожелать добраго пути, на родину отправляющимся воинамъ. Картина!.. .

Офицерская палата. Столъ съ образомъ и лампадой, по срединѣ раненые—въ красныхъ фуфайкахъ и теплыхъ шапочкахъ. Время завтрака. Шумъ и оживленный говоръ.

— Господа! скорѣе завтракать и въ путь дорогу.

— Конечно! конечно! раздается со всѣхъ сторонъ.

— Однако, уже сорокъ минутъ перваго. Сестрица, что-же повозки.

— Готовы, господа. А торопиться все-таки не слѣдуетъ, покушайте и съ Богомъ—скатертью дорога....

Сегодня день торжественный для раненыхъ; ихъ отправляютъ въ Россію. Вотъ они и торопятся; имъ кажется минута дорога. Служителя, какъ угорѣлые, мечутся изъ угла въ уголъ. Франки, а по ихнему „хранки“, мерещатся въ глазахъ. Какъ же тутъ не постарается для добрыхъ господъ? „Ахвицерскіе деньщики“, какъ ихъ величаютъ солдаты, суетятся около повозокъ и прилаживаютъ кровати для своихъ господъ; фельдшера перебѣгаютъ отъ одной кровати къ другой, налету перевязывая и снабжая отъѣзжающихъ бинтами. Сестры милосердія одѣляютъ больныхъ теплой одеждой, виномъ и папиросами. А доктора мѣрнымъ тихимъ голосомъ даютъ совѣты, какъ нужно вести себя въ дорогѣ. Становитесь и наблюдайте, у входа сгруппировывается нѣсколько офицеровъ въ полушубкахъ и сѣрыхъ халатахъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, господа, торопились раненые.

— Да погодите вы, оглашенные, улыбаясь замѣчаетъ сестра. Еще не всѣ готовы.... ну, чего вы стоите, да зябните?.... Больные бросаются къ сестрѣ и начинаютъ цѣловать у нее руки.

— Голубушка ты наша, сестрица. Спасибо, родная, за твои хлопоты о насъ. Увидимся въ Петербургѣ, съ радостью вспомнимъ былое.

— Благодарствуйте, отвѣчаетъ сестрица, прослезившись.

— А вотъ и вино. Сестрица, глоточекъ. Погладте-жъ своимъ пацiентамъ дорожку.

Больные усаживаются въ кружокъ и возлѣ себя сажаютъ сестру.

— Да найдите моего черта, купаго деньщика; куда онъ дѣвался?

— Пей, братъ, портвейнъ, и деньщикъ твой предстанетъ.

— Сестра! карточку вашу. Да смотрите не обманите. Ручку, ручку пожалуйте, наша милая добрая сестра, чуть не плача надрывается старый капитанъ.

— Всѣмъ, всѣмъ пришлю! успокоиваетъ сестра.

— Господи! Изъ насъ кто-то умретъ!

— Типунъ вамъ на языкъ!

— Вѣрно, кровать скрипнула.

— Молчите! ворона вы этакая! полу-шутя, полу-серьезно замѣчаетъ сестра.

— Докторъ! докторъ! кричитъ офицеръ, ковыляя на костыляхъ:— помилуйте, соломы нѣтъ!

— Все будетъ, смѣется докторъ. Только сами-то поменьше ходите,— вредно-съ!

— Не буду, покорно отвѣчаетъ раненый; ей Богу не буду.

— Господа! торжественно возглашаетъ раненый, со всѣми вами я снова встрѣчусь въ Адріанополѣ, помните мое слово.

— Давай Богъ. Поправимся и тотчасъ вернемся.

— Еще бы. Мнѣ бы только въ баньку, а тамъ—и на турка съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Слава Богу, что костей-то у меня не перебили, скоро поправлюсь. Ну, хоть то хорошо, что самъ двоихъ уложилъ. Пріѣду еще четверыхъ уложу, ½ дюжины будетъ. Кажись, что довольно.

— Господа раненые, возглашаетъ вошедшая сестра, коньякъ берите на дорогу. А вотъ и папиросы! берите.

— Не надо, сестрица, отговариваются раненые, есть у насъ все.

— Берите, слышите! я вамъ приказываю, смѣется сестра. Больные ее окружаютъ....

— Подводы поданы! кричитъ служитель. Подымается шумъ и суматоха.

— А я, съ кѣмъ-же поѣду?

— Одни, одни! одѣвайтесь скорѣй.

— Эй, ты, дядя, поддержи, безъ руки безногаго!....

— Шапку, шапку отдайте. Куда ты, михрютка, ее задѣвалъ? Экое несчастье, Господи, Боже мой!

(Раздается пѣніе и свистъ).

— Выносите! А то ужъ тамъ двое засѣли и ждутъ не дождутся, когда повезутъ.

— Васъ нужно на носилкахъ нести. Куда же вы идете? сердится сестра.

— Матушка ты моя. Ей Богу дойду. Костыли ахтительные.

Деньщики быстро собираютъ всякій скарбъ и выносятъ.

— Ну, прощайте сестры! прощайте, доктора! спасибо, родные, за уходъ и ласку.

Раненые обнимаютъ докторовъ, цѣлуютъ руки у сестеръ, и кто при помощи деньщика, а кто и—костылей бредутъ къ повозкамъ.

Въ сторонѣ плачетъ сестра милосердія.

— Съ Богомъ, родные! Христосъ вамъ помоги!....

Транспортъ тихо трогается....

Вотъ вамъ тѣ картины, которыя попадались вамъ на каждомъ шагу. Не въ нихъ понятно, искали мы утѣшенія, и съ радостью отрывались отъ нихъ, когда приходилось конвоировать на позиціи Великаго Князя или Государя. Такъ 20-го октября, мы сопровождали Государя Императора, при объѣздѣ имъ нашихъ позицій, послѣ дѣлъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Вотъ этотъ-то объѣздъ великолѣпно описанъ корреспондентомъ „Москов. Вѣд.“. Въ 11-ть часовъ генералъ Гурко сѣлъ уже на коня, чтобы ѣхать на встрѣчу Его Величества. Свита генерала потянулась за нимъ въ томъ же видѣ, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ еще недавно выѣзжала она подъ Горнымъ Дубнякомъ, подъ Телишемъ на поле брани, ѣхали мимо тѣхъ редутовъ, гдѣ, всего три дня тому назадъ, видѣли турокъ, трещали ружейные выстрѣлы, разрывались снаряды; и на этотъ разъ, мы ѣхали снова все вмѣстѣ въ нашемъ обыкновенномъ боевомъ видѣ, но не подъ шипѣніе пуль или гудѣніе гранатъ, а въ ожиданіи симпатичнаго, добраго взгляда, ласковаго ободряющаго слова. Мы проѣхали мимо полковъ гвардіи, стройно стоявшихъ въ ротныхъ или батальонныхъ колоннахъ, въ ожиданіи прибытіи Государя; проѣхали еще съ версту впередъ и остановились, не слѣзая съ лошадей.

Вскорѣ показалась вдали, стройная группа конвойныхъ казаковъ, словно стелющаяся по землѣ огромныхъ размѣровъ птица съ мохнатою головой. За казаками въ нѣкоторомъ отдаленіи неслись уланы; сейчасъ за ними быстро двигалась коляска Государя, ровно покачиваясь по проселочной дорогѣ. За коляской скакали красные лейбъ-гусары, а тамъ далѣе тянулись вереницей, верховые и экипажи—свита. Генералъ Гурко медленнымъ шагомъ, одинъ выѣхалъ впередъ; коляска остановилась и около нея, черезъ минуту, на гнѣдой лошади появился Императоръ. Генералъ Гурко приблизился къ Его Величеству, снялъ шапку и припалъ головой на грудь Императора. Государь Императоръ обнялъ генерала. Привѣтливо затѣмъ поздоровавшись съ нами, Государь галопомъ поскакалъ къ гвардіи, ожидавшей его приближенія. За большой группой свиты, не слышно было того, что сказалъ Государь стрѣлкамъ, къ которымъ онъ прежде подъѣхалъ; но „ура!“ грянуло въ воздухѣ, и сквозь густые, неумолкавшіе крики звучали аккорды народнаго гимна. Отъ стрѣлковъ Государь поѣхалъ къ Павловскому полку, затѣмъ къ гренадерамъ. Государь ѣхалъ отъ полка къ полку, объѣзжалъ батальоны, объѣзжалъ каждую роту; останавливался, благодарилъ солдатъ, обращалъ ласковое слово къ офицерамъ, иныхъ командировъ обнималъ. Государь былъ видимо взволнованъ, тронутъ, онъ снова былъ съ гвардіей, съ тѣми, кого привыкъ часто видѣть дома, въ Петербургѣ.... Но здѣсь Государь видѣлъ ихъ, на неостывшемъ еще полѣ битвы, вышедшими изъ огня героями.... Многихъ привычныхъ и знакомыхъ лицъ недоставало въ строю.

были тутъ иные съ повязанными головами, съ подвязанными руками, Государь помнилъ всѣхъ. Его Величество въ каждомъ полку называлъ имена убитыхъ командировъ, припоминалъ хорошія черты изъ жизни каждаго; Государь разсказывалъ громко о раненыхъ, которыхъ успѣлъ ранѣе посѣтить, о ходѣ ихъ ранъ, о надеждахъ на выздоровленіе. Въ Измайловскомъ полку, Государь поцѣловалъ въ лобъ рядоваго Ивана Овчинникова; отбившаго въ дѣлѣ 12-го октября турецкое знамя. Въ Егерскомъ полку Государь слушалъ благодарственное молебствіе, и когда священнослужитель провозгласилъ въ концѣ молебствія „вѣчную память, убіеннымъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество", Государь сталъ на колѣни и, все время, пока пѣли молитву, стоялъ на колѣнахъ, опустивъ голову, обильныя слезы текли по лицу Императора, и со слезами онъ подошелъ приложиться къ кресту. Солдаты проводили Его Величество восторженными криками. Оглушающій гулъ стоялъ въ воздухѣ. Солдаты оцѣнили посѣщеніе ихъ Государемъ. Они давно привыкли встрѣчать Его Величество въ Петербургѣ, въ парадной и мирной обстановкѣ, а теперь увидѣли его снова посреди себя, на полѣ боя, въ трудныя минуты, вдалекѣ отъ родины, на свѣжемъ еще полѣ битвы; они увидѣли Государя, пріѣхавшаго сюда обласкать ихъ, утѣшить, ободрить словомъ участія и любви. Въ 4 часа дня Его Величество, простившись съ гвардіей, возвратился въ Медованъ, а мы въ Горный Студень.

23-го Государь Императоръ объѣзжалъ наши позиціи за Видомъ, гдѣ и былъ восторженно встрѣченъ войсками.

До 28-го было спокойно, этого-же числа отрядъ генерала Скобелева, выстроившись согласно заранѣе отданной диспозиціи, двинулся по сигнальному залпу впередъ и, пользуясь туманомъ, быстро взялъ первый гребень Зеленыхъ высотъ; переколовъ занимавшихъ ложементы турокъ, и тотчасъ приступилъ къ укрѣпленію взятыхъ позицій....

Невольно въ моей памяти удержался навсегда тотъ день, когда я имѣлъ счастіе ближе познакомиться съ генераломъ Скобелевымъ, и видѣть его въ неподражаемо-картинный моментъ атаки на Зеленую гору. Но собственно говоря по разсказамъ о немъ, которые начались съ самаго момента переправы, я былъ знакомъ нѣсколько ранѣе. Такъ я помню про интересный разсказъ одного полковника генеральнаго штаба, начинавшагося оригинальными словами: „это чортъ знаетъ, что такое.... это непостижимо.... при переправѣ, я сидѣлъ съ нимъ въ одной лодкѣ и въ то время, когда всѣ мы, страшно взволнованные, слѣдили за щипящими гранатами.... Скобелевъ, представьте себѣ, прехладнокровно грызъ себѣ какую-то палочку"...

— Вы слышали, говорили мнѣ въ другой разъ, что сдѣлалъ недавно Скобелевъ?.. Онъ нарочно замѣтивъ, что турки цѣлятъ все въ одно мѣсто, велѣлъ на немъ разбить шалашъ и тотчасъ же самъ влѣзъ туда.

Однако поднявшійся страшный ружейный огонь не причинилъ никакого вреда бѣлому генералу и спустя минутъ 10 онъ показался совершенно здоровый и веселый...

Однимъ словомъ до того момента, когда мнѣ удалось увидѣть его и такъ сказать, поступить въ его распоряженіе, моя голова была набита просто чудесами, разсказываемыми про него. Можете же судить о томъ, съ какимъ горячимъ нетерпѣніемъ я жаждалъ увидѣть героя, съ какимъ еще большимъ нетерпѣніемъ я ждалъ удобной минуты хоть временно вступить подъ его начальство. Это мнѣ удалось гораздо позднѣе, чѣмъ я думалъ, а именно 28-го октября. Постараюсь насколько возможно припомнить все...

Въ одинъ прекрасный день, какъ разъ въ день взятія Зеленой горы, на нашъ бивуакъ пріѣхалъ командиръ полка. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ и, подойдя по обыкновенію къ начальнику, отрапортовалъ ему о благосостояніи части.

— А кто сегодня слѣдующій ординарецъ? спросилъ командиръ полка.

Я отвѣтилъ, что не могу знать.

— Ну, да это все равно! поспѣшно сказалъ командиръ, сѣдлайте скорѣе лошадь, берите казаковъ и поѣзжайте въ квартиру генерала Скобелева 1-го, а оттуда къ Скобелеву 2-му...

Наконецъ-то радостно мелькнуло у меня въ головѣ и нѣсколько минутъ спустя я скакалъ къ генералу Скобелеву 1-му, откуда тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ направились къ деревнѣ Брестовацъ. Уже подъѣзжая совсѣмъ къ нашимъ ложементамъ я увидѣлъ, что всѣ они были пусты и во всѣхъ нихъ пылали зловѣщіе костры. Проѣхавъ еще сотню шаговъ, я увидѣлъ войска, построенные уже въ боевой порядокъ. Передъ пѣхотною цѣпью, стояла цѣпь донскихъ армейскихъ казаковъ, долженствовавшей уже съ ружьями на изготовкѣ завязать бой.

Туманъ совсѣмъ скрылъ непріятельскія линіи одна отъ другой и батареи умолкли. Для насъ, ожидавшихъ, это молчаніе, казалось зловѣщимъ, такъ какъ оно перерывалось только шагами людей и словами команды, когда отряды исчезли въ туманѣ. Въ три часа, изорванный красный съ желтымъ флагъ, былъ снятъ съ своего мѣста у двери низкой грязной лачуги, занятой генераломъ Скобелевымъ и штабъ собрался осмотрѣть войска и сопровождать генерала, который долженъ былъ лично руководить атакой. Это была весьма живописная романическая кавалькада, которая выѣхала со двора и послѣдовала за молодымъ вождемъ на вѣрную опасность, а можетъ быть и смерть. Генералъ Скобелевъ одинаково не обращавшій вниманія на холодъ и свистъ снарядовъ, былъ единственный человѣкъ, не имѣвшій пальто. Онъ отправился по узкимъ аллеямъ деревни, сѣлъ на бѣлую лошадь самоувѣренно, весело. За нимъ начиналась пестрота: черкесы въ высокихъ шапкахъ и обложенномъ се-

ребромъ оружіи; корреспонденты въ гражданскомъ платьѣ; казаки полуспрятанные въ своихъ буркахъ, и посреди группы живописный черкесъ, на бѣлой лошади, держащій знамя, очень похожій на прежняго крестоносца съ его плохимъ вооруженіемъ и курьезнымъ нарядомъ. Знамя также средне-вѣковое по виду и хорошо дополняетъ иллюзію. Это квадратное шелковое знамя, прикрѣпленное къ казацкому копью; на одной сторонѣ оно имѣетъ бѣлый Георгіевскій крестъ, а на другой буквы М. С. (Михаилъ Скобелевъ) и годъ 1875, желтые на зеленомъ полѣ. Это рваное полковое знамя развивалось во время Коканской кампаніи во всѣхъ жестокихъ битвахъ, сдѣлавшихъ столь знаменитымъ молодаго генерала. Мы ѣхали впередъ, десятками, не разъ сбиваясь съ дороги, и, наконецъ, достигли мѣста, гдѣ были собраны войска у лагерной стоянки изъ соломенныхъ палатокъ; всѣ они были выстроены съ оружіемъ въ рукахъ и лопатами, чтобы тотчасъ же окопать мѣстность, которую они должны взять; носильщики въ группѣ, сзади — непріятная, но обращающая на себя вниманіе картина; батарея митральезъ и впереди войскъ маленькій отрядъ людей, каждый съ лопатою, раціонами и достаточнымъ запасомъ боевыхъ снарядовъ: эти люди должны были сдѣлать первый натискъ, съ штыкомъ въ рукѣ, а потомъ замѣнить его лопатой и постараться вовремя прикрыться, чтобы противостоять атакѣ, вернувшихся турокъ. Это была драматическая, оставляющая глубокое впечатлѣніе сцена; эти квадратныя кучки серьезныхъ людей, изъ которыхъ каждый устремилъ свой взоръ на лицо генерала, который обходитъ ихъ всѣхъ съ обычными привѣтствіями, на которыя охотно отвѣчаетъ батальонъ однимъ голосомъ. Генералъ Скобелевъ сошелъ съ лошади и сказалъ людямъ, что онъ ожидаетъ отъ нихъ; что они не должны штурмовать укрѣпленій Плевны, но только броситься впередъ и взять кусокъ земли, который они знали очень хорошо, впереди дороги и удерживать его до тѣхъ поръ, пока устроятъ тамъ верки. Онъ предостерегалъ ихъ, такъ какъ многіе молодые солдаты были взяты изъ резервовъ для пополненія пробѣловъ въ рядахъ, не заходить слишкомъ далеко. но помнить хорошо то, что говорили имъ офицеры. Онъ будетъ съ ними самъ и лично будетъ руководить движеніемъ.

Должно быть, болѣе красиваго отряда людей, никогда не шло въ битву; молодые, здоровые и самоувѣренные, каждое лицо носило выраженіе, которое указывало на мужество, серьезность и даже религіозную ревность. Пока мы стояли тутъ, темнота быстро увеличилась, и почти ровно въ 5 часовъ, войска пошли впередъ быстрымъ шагомъ передъ генераломъ и штабомъ. Проходя, люди всѣ получали поощреніе и шли, улыбаясь, мимо генерала, который называлъ ихъ по имени, указывалъ на ихъ новые сапоги и говорилъ, что они похожи на сапоги какого-нибудь испанскаго дона, и приказалъ музыкантамъ играть вальсъ на но-

выхъ редутахъ утромъ. Полная самоувѣренность солдатъ, ободряемыхъ присутствіемъ человѣка, котораго они считаютъ своимъ покровителемъ, непогрѣшимымъ вождемъ и въ тоже время, любимымъ другомъ, обезпечивала успѣхъ предпріятія.

— Ваше прев... заикнулся было я.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы при мнѣ останетесь еще разъ, сказалъ генералъ и отъѣхалъ въ сторону.

Нечего было дѣлать, приходилось разстаться съ молодымъ Скобелевымъ. Но вотъ, по тихой командѣ героя-военачальника, цѣпь казаковъ двинулась впередъ и спустя минуты двѣ загремѣла перестрѣлка, а черезъ 5 минутъ заревѣли и орудія.

— Полкъ, такой-то!!!.. прямо, бѣгомъ, маршъ!!!.. резервъ!.. четвертая рота.

Крики эти то и дѣло раздавались и замирали въ воздухѣ.

— Поѣдемте отыскивать квартиру моего сына, сказалъ старикъ-генералъ, мнѣ нужно быть тамъ, для передачи приказаній Главнокомандующаго.

Казалось, воздухъ накалился до-нельзя, пули визжали на разные тоны, и снаряды, страшно журча, освѣщали мѣстность и падали около насъ. Буквально, вся деревня Брестовацъ, гдѣ жилъ молодой Скобелевъ, была въ ужасномъ огнѣ. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ деревнѣ, поражаемое пространство становилось все больше и больше. Шальная пуля, слегка задѣвшая лошадь генерала, не заставила даже его оглянуться. Въ это время мы подъѣхали къ деревнѣ.

— Гдѣ квартира генерала Скобелева? крикнули сопровождавшіе насъ, казаки.

— Мертвая тишина была отвѣтомъ.

— Ей, слушай, крикнулъ казакъ, завидѣвъ огонекъ; кто тамъ есть, выходи.

Но и въ этотъ разъ никто не отвѣтилъ.

— Да выгони мерзавцевъ нагайкой, разсердился ни на шутку генералъ.

Казакъ быстро соскочилъ съ лошади и черезъ минуту вытащилъ оттуда одного изъ спрятавшихся, кажись, какихъ-то писарей.

Подъ страхомъ грозной нагайки, онъ побѣжалъ впередъ, то и дѣло поворачиваясь и крича намъ, куда ѣхать. Вскорѣ мы подъѣхали къ землянкѣ, въ данный моментъ, осыпаемый пулями.

Часовой, стоящій у входа, то и дѣло отвѣшивалъ поклоны, и французъ-поваръ, защищался кухонной доской. Генералъ слѣзъ съ лошади и попросилъ меня слѣдовать за нимъ.

— Ваше превосходительство, сказалъ я, не совсѣмъ спокойнымъ го-

лосомъ, позвольте поѣхать мнѣ ближе къ мѣсту дѣйствія и оттуда передавать вамъ о ходѣ дѣла.

Однако генералъ согласился только послѣ нѣкотораго колебанія,

— Пожалуй, поѣзжайте, какъ-то нерѣшительно сказалъ онъ, только... туманъ... ничего не видать.

— Съ Богомъ, пожелала намъ часть остающихся казаковъ.

Но едва я только выѣхалъ изъ воротъ, какъ почти надъ самой головой рявкнулъ снарядъ и нѣсколько пуль ударилось въ ноги о камни. Я... сверхъ всякаго желанія невольно остановился.

— Да куда-жъ ѣхать? проворчалъ казакъ, тѣмь—хоть глазъ выколи.

Что-то больно кольнуло меня прямо въ сердце.

— Впередъ!!! крикнулъ я взволнованнымъ голосомъ, и не зная положительно этой мѣстности, двинулся на огонь ближайшей батареи. Глупо ѣхать наобумъ, твердилъ разумъ: поѣзжай впередъ, поѣзжай куда глаза глядятъ, еще громче кричало самолюбіе! Вдругъ что-то мелькнуло въ сторонѣ; я ближе—носилки!

— Кого несете?

— Капитана Углицкаго полка, отвѣтилъ одинъ изъ санитаровъ.

— Раненъ?

— Убитъ наповалъ, такъ же тихо отвѣтилъ солдатъ.

Я снялъ шапку и перекрестился.

— А далеко-ли до передовой цѣпи, спросилъ я, гдѣ бой идетъ?

— Да вотъ тутъ, близко, рукой подать... а вамъ кого?

— Генерала Скобелева.

— Такъ поѣзжайте ваше благородіе, все вправо и впередъ, да осторожнѣй, къ туркамъ нѣтъ легче забрести.

Я поблагодарилъ санитаровъ и подъѣхалъ къ своей батареѣ. Смотрю, солдатъ идетъ.

— Ты, откуда?

— Изъ ложементовъ—тутъ наши.

— Доведи, братъ, попросилъ я, дорогу, чай, знаешь.

— Какъ не знать—знаемъ, осклабился солдатикъ,—пожалуйте, доведу-съ.

Но не успѣлъ я сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ за проводникомъ, какъ уже вмѣстѣ съ конемъ летѣлъ въ какую-то яму.

— Осторожнѣй! крикнулъ не во-время ненадежный проводникъ и вмѣстѣ съ казаками бросился меня вытаскивать. Сдѣлавъ еще въ бокъ шаговъ 20, мы наткнулись на секретъ казаковъ, стоящихъ верхомъ за какимъ-то прикрытіемъ.

— Не туда зашли, крикнулъ солдатъ, я самъ сбился и до разсвѣта дождусь лучше здѣсь.

Туманъ былъ дѣйствительно ужасный и всѣ мои усилія дойти до Скобелева, оказались тщетными.

Отсюда-то я и сталъ посылать письменныя донесенія о ходѣ дѣла. Какъ теперь помню — одна изъ моихъ записокъ, посланная такъ сказать, частнымъ образомъ, командиру полка, попала въ руки Великаго Князя. Содержаніе всей записки я уже позабылъ, но помню, что она начиналась слѣдующими, изъ сердца вырвавшимися словами: „наконецъ-то я увидѣлъ и понялъ, что такое Скобелевъ. Онъ—богъ войны...“

Въ половинѣ пятаго Скобелевъ сѣлъ на коня, сталъ во главѣ своихъ войскъ и исчезъ въ туманѣ. Въ 5-ть часовъ туманъ началъ становиться темнымъ, указывая на приближеніе ночи. Турки должны были думать, что въ этотъ день имъ уже болѣе нечего бодрствовать. По приближеніи темноты, раздался ревъ восьмидесяти орудій, которые извергли кучу пламени въ темный туманъ и потомъ замолкли. Затѣмъ начался свистъ восьмидесяти гранатъ, отыскивавшихъ въ темнотѣ своего назначенія. Потомъ начался трескъ пѣхотнаго огня по всей линіи, за исключеніемъ атакуемаго пункта, такъ какъ Скобелевъ рѣшился воспользоваться туманомъ, какъ прикрытіемъ, и захватить турокъ врасплохъ. Пѣхотный огонь раскатывался передъ Брестовцемъ и, скоро пули завели свою пѣсню надъ моею головою, извѣщая насъ о томъ, что турки отвѣчаютъ. Наконецъ, около четверти часа спустя, послышались два или три залпа въ этомъ направленіи, за которыми раздавались русскіе крики, и такимъ образомъ мы узнали, что позиція взята. Какъ и слѣдовало ожидать, турки были поражены; они незамѣтили приближенія русскихъ, пока тѣ не очутились въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ нихъ. Тѣмъ временемъ, какъ они взялись за оружіе и сдѣлали два залпа, русскіе бросились на нихъ въ штыки,—и тѣмъ все было кончено. Въ одну минуту тѣ, которые бросились бѣжать, были заколоты штыками. Каждый солдатъ имѣлъ при себѣ лопату и тотчасъ же принялся за устройство траншей, какъ приказано было Скобелевымъ. Черезъ нѣсколько минутъ они уже были защищены отъ сильнаго, но плохо намѣчаннаго огня, который турки направили на нихъ съ ближайшей горы, въ разстояніи не болѣе 250 шаговъ.

Въ тотъ моментъ, когда затихла стрѣльба, я возвратился въ деревню, куда вскорѣ прибылъ и герой дня.

— Ваше высокообезьянство, весело крикнулъ онъ лакею, давайте намъ что нибудь закусить.

Но едва успѣлъ онъ только сѣсть на стулъ, какъ внезапно открылся сильный огонь на правомъ флангѣ. Генералъ тотчасъ же сѣлъ на коня и исчезъ во мракѣ ночи. Долго я неложился спать, то и дѣло выходя изъ хаты, прислушивался къ отдаленному грохоту. На дворѣ все было по прежнему, пули немилосердно летѣли прямо въ землянку, часовой у

входа кланялся, и такъ же отмахивался кухонной доской потѣшный поваръ. Между тѣмъ, какъ потомъ мы узнали, что Скобелевъ засталъ турокъ за смѣлой попыткой, взять обратно позицію. Прошло нѣсколько добрыхъ минутъ и Скобелевъ очутился среди самаго адскаго приступа: одинъ турокъ ворвался въ траншею съ крикомъ „аллахъ!“ но былъ заколотъ штыкомъ.... всѣ послѣдующія атаки турокъ, были такъ же отбиты.

На другой день старикъ Скобелевъ пожелалъ объѣхать всѣ позиціи, въ томъ числѣ конечно и взятую. Болѣе же всего генералу хотѣлось скорѣе увидѣться съ сыномъ, всю ночь проведшаго въ траншеѣ.

— Вы меня проводите и покажите все, сказалъ онъ мнѣ.

— Я отвѣтилъ обыкновенное: „слушаю-съ“, однако неимѣя ровно никакого представленія о мѣстности, и рѣшился ѣхать наугадъ.

Посѣтивъ первую ближайшую къ намъ батарею, мы направились на Зеленыя горы, причемъ генералъ Скобелевъ поѣхалъ по самому гребню необращая никакого вниманія на пищавшія пули.

— Ты чего кланяешься? обращался онъ къ казаку, свистнула, значитъ пролетѣла.

— Да скажите вы генералу, замѣтилъ мнѣ одинъ изъ батарейныхъ офицеровъ, чтобы онъ спустился внизъ, вѣдь какъ курицу подстрѣлятъ.

— Ваше превосходительство, предупредилъ я генерала, извольте съѣхать внизъ, по насъ стрѣляютъ.

— Ну и пусть стрѣляютъ, подъ носъ отвѣтилъ генералъ, — здѣсь лучше.

Стали подъѣзжать къ траншеѣ.

— Ваше превосходительство! извольте слѣзть, предупредили и тутъ солдатики, тутъ опасно.

— Да ноги у меня болятъ, такъ же невозмутимо отвѣтилъ генералъ и поѣхалъ дальше.

Только передъ самой траншеей мы слѣзли съ лошадей и были встрѣчены нѣсколькими залпами.

— Привѣтствуютъ насъ, сказалъ обернувшись Скобелевъ.

Въ это самое время изъ траншеи вышелъ его сынъ и подойдя къ намъ, обнялъ отца.

— Поѣдемте, закусить господа, любезно пригласилъ насъ Скобелевъ, мы конечно поблагодарили.

— Отлично, думалось мнѣ, теперь кажется можно и домой.

— А невозмешь-ли ты моихъ ординарцевъ къ себѣ? спросилъ отецъ у сына.

— Отчего же и нѣтъ, съ удовольствіемъ.... пусть останутся.

— Вотъ это такъ домой! подумалось мнѣ.

— Вы небось голодны? обратился ко мнѣ молодой Скобелевъ.

— Да, подзакусилъ-бы ваше превосходительство, что-то подводитъ.

— Ну и прекрасно, засмѣялся Скобелевъ.

— Подзакусите, да и отправляйтесь въ траншею; тамъ явитесь капитану Куропаткину.

— Если-же турки вздумаютъ атаковать, а я признаться жду этого, то потрудитесь въ карьеръ дать мнѣ объ этомъ знать.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ я.... однако не безъ нѣкотораго волненія, ибо заранѣе предвидѣлъ, что въ случаѣ атаки, мнѣ придется пройти пѣшкомъ по вспаханному полю, подъ адскимъ ружейнымъ огнемъ.

Утоливъ какъ можно скорѣй свой голодъ, я сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ 4-мя казаками, крупной рысью отправился къ мѣсту назначенія. Но прошло три часа и турки по прежнему сидѣли въ своихъ ложементахъ. Вскорѣ пріѣхалъ генералъ Скобелевъ и, обойдя траншеи вошелъ въ свою яму.

— А! ваше высокообезьянство, вдругъ засмѣялся Скобелевъ.... пожалуйте, какъ себя чувствуете?

— Ничего-съ, усмѣхнулся подошедшій въ это время лакей, какъ верблюдъ нагруженный судками.... попривыкли-съ!

— Ну-съ, кто хочетъ обѣдать ко мнѣ, весело крикнулъ Скобелевъ.

Проголодавшіяся—мы не стали себя упрашивать и быстро сѣли въ кружокъ.

— Ходи по тарелкамъ! то и дѣло сердился генералъ на выходящихъ изъ траншей солдатъ.

Послѣ обѣда, напившись чайку, мы разошлись по траншеямъ, отъ нечего дѣлать поболтать съ солдатиками. Но вотъ наступилъ вечеръ и я началъ искать мѣсто для ночлега. Однако послѣ долгихъ поисковъ я прикурнулся рядомъ съ товарищемъ на соломѣ, разложенной на самой окраинѣ 7-й ямы, въ которой спалъ самъ Скобелевъ.

— Смотри осторожнѣй, предупредилъ меня товарищъ, здѣсь гдѣ-то приготовлено для генерала два стакана холоднаго чаю.

— Ладно, проворчалъ я, не опрокину... и, тихонько стащивъ часть бурки съ товарища, укрылся и вскорѣ захрапѣлъ. Часу этакъ въ одиннадцатомъ я невольно проснулся и сталъ подумывать о томъ, какъ бы влѣзть въ самую яму, гдѣ спалъ генералъ. Я тихонько поползъ и... вотъ тутъ-то случился курьезный эпизодъ. Нечаянно задѣвъ ногой за несчастные стаканы, я ихъ ловко вывернулъ на спящаго генерала, и въ ту же минуту, испугавшись, спрыгнулъ въ уголъ ямы и громко захрапѣлъ.

— Кто это? вскрикнулъ генералъ и вскочилъ.

Я притаилъ дыханіе.

— Да кто жъ въ яму влѣзъ?—ужъ началъ сердиться генералъ.

— Вотъ тебѣ разъ, подумалъ я, и захрапѣлъ еще сильнѣе.

— Э, батюшка, да я узнаю, сказалъ Скобелевъ и, схвативъ меня за ноги, вытащилъ на свѣтъ Божій.

Я стоялъ и протиралъ глаза,

— Это вы пролили мнѣ чай?

— Извините, ваше превосходительство, нечаянно... и, какъ бы желая загладить свою вину, я началъ вылѣзать изъ ямы.

— Да лежите вы, ну васъ... засмѣялся генералъ, больше проливать ужъ нечего.

Когда я снова спустился, генералъ уже храпѣлъ.

Вотъ здѣсь-то я имѣлъ случай убѣдиться, какъ страшно были разстроены нервы у героя начальника. Не проходило и минуты, чтобы Скобелевъ не вскакивалъ и не бредилъ.

— Кто это стонетъ? крикнулъ генералъ.

— Да это М., ваше превосходительство, носомъ, рѣшился сказать я правду.

— Ну, что вы вздоръ городите, съ просонокъ сказалъ генералъ и снова заснулъ.

Но не прошло и минуты, какъ пуля ударила въ дерево, стоявшее у изголовья генерала.

— Это что? приподнялся онъ.

— Пуля, отвѣтилъ я.

Генералъ, какъ снопъ, свалился на подушку. Долго я еще слушалъ, какъ командовалъ во снѣ генералъ.

— Впередъ! за мной, братцы, ура!.. пятая рот...

Я уже спалъ.

Вдругъ страшный, какъ бы подземный ударъ раздался надъ самымъ ухомъ. Я вскочилъ и, буквально, ошалѣлъ. Яма была пуста и вся траншея какъ бы горѣла въ огнѣ. Всѣ ружья лежали на банкетѣ и страшно глядѣли штыками во тьму.

— Гдѣ Скобелевъ? спросилъ я.

— Тамъ, тамъ впереди, отвѣтило нѣсколько голосовъ.

Я бросился впередъ и пройдя шаговъ 20, былъ оглушенъ страшнымъ двойнымъ залпомъ; земля ударила въ лицо и я опустился на банкетъ. Но въ то же мгновеніе я вскочилъ, какъ ужаленный и, какъ бы въ наказаніе себя за невольную слабость, вскочилъ на банкетъ и высунулся изъ-за бруствера. Вотъ-вотъ рукой подать полыхнула передо мной огненная линія и нѣсколько пуль съ отвратительнымъ визгомъ пролетѣли мимо ушей. Мнѣ стало и жутко и хорошо. Постоявъ съ полминуты, я спустился внизъ и пошелъ по траншеѣ.

— Да гдѣ же генералъ? спрашивалъ я на ходу.

— У боковаго подступа, отвѣтилъ близъ стоящій солдатъ.

Я сдѣлалъ еще сто шаговъ и увидѣлъ наконецъ генерала Скобелева.

Неизъяснимо величественно, съ гордой осанкой, стоялъ онъ на банкетѣ и распоряжался. Съ обѣихъ сторонъ его по траншеѣ, впившись

глазами въ дрожащую, все приближающуюся огненную линію, стояли его дѣти—солдаты; сзади, на самомъ днѣ траншеи, виднѣлась черная масса ощетинившагося резерва съ блестящими штыками... онъ ждалъ минуты, онъ ждалъ мановенія руки любимаго начальника, чтобы броситься впередъ и вступить въ знакомую штыковую работу. Надъ всей этой мрачной, но грозной картиной безстрашія, какъ бы тяготѣлъ уже свинцовый слой воздуха, отравленный ружейнымъ грохотомъ, ревомъ орудій, шипѣньемъ, лопаньемъ снарядовъ и свистомъ пуль. И это-то мучительное жгучее тяготѣніе было тяжелѣй самой смерти, самой адской пытки—предсмертной жажды. Скорѣй, скорѣй же разрѣшайся мучительный моментъ и скорѣй давай знакъ любимый начальникъ къ привычной молодцамъ схваткѣ.

Но моментъ былъ уже близокъ. Вдругъ воцарилось глубокое и мертвое молчаніе и вдали раздалась роковая труба.

— Братцы! крикнулъ Скобелевъ, — штыками ихъ дружно мы встрѣтимъ.

И вотъ впереди ощетинившагося резерва, какъ разъ по срединѣ всей цѣпи, рѣзко выдѣлялась на банкетѣ грозная, могучая фигура героя. Картина!..

Въ эту ночь всѣ атаки непріятельскихъ таборовъ были отбиты. Когда же все стихло, начальникъ секрета унтеръ-офицеръ 9-го стрѣлковаго баталіона, явился къ генералу Скобелеву и доложилъ, что все благополучно и раненыхъ нѣтъ. Въ 2 часа ночи я былъ посланъ къ Великому Князю доложить объ отбитой атакѣ. Главнокомандующій принялъ меня ласково и, усадивъ на походный стуликъ, приказалъ разсказать подробно обо всемъ.

— Ну, а Скобелевъ каковъ? спросилъ улыбаясь Главнокомандующій.

— Да, молодчина, отвѣтилъ я Его Высочеству, отъ чистаго сердца.

Полчаса спустя, я уже былъ въ своей землянкѣ и прежде, чѣмъ заснуть, разъ 5 вставалъ и прислушивался; мнѣ все еще казалось, что я слышу перестрѣлку. На другой день я уже былъ у своихъ раненыхъ, такъ сказать, въ любимомъ своемъ мѣстѣ.

— Прочтите-ка вотъ эти характерныя сцены, сказалъ мнѣ одинъ раненый, подавая изорванный листокъ.

— Вслухъ? спросилъ я.

— Да пожалуй, отвѣтило нѣсколько голосовъ.

„На полянѣ—началъ я—около 2-го дивизіоннаго лазарета лежатъ наши солдаты и неподалеку раненые турки. Утро. Сестры, появившіеся тутъ, начали перевязывать турокъ.

— „Сестрица! что вы ихъ-то перевязываете? Мало они нашихъ-то перерѣзали, да обезобразили?.. Перевязывай-ка лучше насъ

„Одна сестра, сконфуженная, окончивъ перевязку турку, подходитъ къ нашему солдату и хочетъ перевязывать его.

— „Перевязывай сестрица, все равно и онъ вѣдь больной такой же, какъ и я. Вѣдь, можетъ, онъ и невиноватъ нисколько, что нашихъ раненыхъ они добиваютъ: это у нихъ дѣлаютъ баши-бузуки да черкесы. Вотъ тѣхъ бы стоило наказать-то. Ну, да Богъ разсудитъ за это тамъ!..

„Вотъ на одномъ столѣ лежатъ два раненые съ переломомъ костей. Одинъ изъ нихъ русскій солдатъ, другой турокъ. Обоимъ предназначается гипсовая повязка. Турокъ смотритъ такимъ сентябремъ и поглядываетъ на своего сосѣда съ какимъ-то недружелюбіемъ.

— „Не бойся, вѣдь, чай, я вѣру Христову исповѣдую; не задѣну тебя, говоритъ нашъ солдатъ.

„Къ солдату подходятъ дѣлать гипсовую повязку. Солдатъ, смѣясь, говоритъ:

— „Ваше благородіе! уберите эту нехристь, а то заколю ее!..

— „А развѣ можно такъ дѣлать?

„Солдатъ, улыбаясь, замѣтилъ:

— „Я вѣдь шутя, ваше благородіе! Неужто я стану больного человѣка трогать; вѣдь, чай, крестъ-то на мнѣ еще есть...

„Вообще, великодушіе нашего солдата замѣчательное и въ этомъ мы уже не разъ убѣждались. Онъ мало смущается передъ ужасами и звѣрствами турокъ, дозволяя себѣ только порицать ихъ. Отношенія его къ раненымъ туркамъ замѣчательно великодушны, трогательны...“

Здѣсь я остановился.

— А вы слышали, неожиданно спросилъ меня одинъ раненый офицеръ, что меня вчера чуть не поколотили, да какое поколотили, чуть не разорвали.

— Нѣтъ! а что?

— Да помилуйте, я вчера, какъ вынули у меня послѣдніе осколки, да и запѣлъ съ радости одну, ей-Богу почти-что дозволительную, пѣсню, да и не замѣтилъ, какъ вошла сестра... Да и было же мнѣ потомъ, какъ есть всѣ накинулись, думали, что нарочно запѣлъ при сестрѣ.... ужъ кое-какъ отговорился.

— Да что же бы мы и дѣлали безъ сестеръ, съ невольнымъ вздохомъ промолвилъ одинъ тяжело раненый.

— Великій Князь пріѣхалъ, крикнулъ въ эту минуту вбѣжавшій солдатъ.

— Гдѣ, гдѣ? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Да гдѣ операцію дѣлаютъ, отвѣтилъ солдатъ, туда кого-то понесли.

Я наскоро кой-кому пожалъ руки и, догнавъ Великаго Князя, вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ крайнюю палату. Тамъ уже были профессоръ

Пироговъ, главный докторъ Великаго Князя Оберъ-Миллеръ, сама Елизавета Петровна Карцева, молодой докторъ хирургъ, сестра и служитель.

По срединѣ палатки на носилкахъ лежалъ спокойно глядѣвшій на всѣхъ молодой гвардейскій солдатъ. Какъ Великій Князь, такъ и всѣ бывшіе здѣсь съ нескрываемымъ любопытствомъ глядѣли на солдата. Да и было на что смотрѣть—молодецъ былъ раненъ тринадцатью пулями.

— Не хочешь-ли сигарку? спросилъ его Оберъ-Миллеръ.

— Позвольте, ваше превосходительство, совершенно спокойнымъ, но чуть тихимъ голосомъ, отвѣтилъ солдатъ.

Въ это время подошелъ Пироговъ и страшная, небывалая перевязка началась.

Когда тѣло было обнажено, мы съ ужасомъ замѣтили страшные, глубокіе пролежни. Мы всѣ еще болѣе удивились, когда онъ въ концѣ перевязки попросилъ Елизавету Петровну Карцеву покормить его манной кашей.

— Какой... какой молодецъ! въ изумленіи говорили мы другъ другу.

— А сколько онъ лежитъ здѣсь времени? полюбопытствовалъ Великій Князь.

— Да ровно мѣсяцъ, Ваше Императорское Высочество, улыбнувшись отвѣтилъ старшій докторъ.

Я достоялъ до самаго конца перевязки и когда его понесли обратно въ палатку, я послѣдовалъ за носилками. Я тотчасъ же подошелъ къ нему и взглянулъ ему прямо въ лицо.

— Ну, какъ ты чувствуешь себя родимый, спросилъ я нѣмаго страдальца.

— Хорошо, ваше благородіе, покорнымъ дѣтскимъ голосомъ отвѣтилъ онъ. Больно не отъ ранъ, а больно отъ думки, вспомнятъ-ли меня въ родимой деревнѣ, помянутъ-ли меня тамъ добрымъ словомъ...

Я смотрѣлъ, долго смотрѣлъ на него, повернулся и тихо, съ какою-то затаенною грустью, побрелъ въ свою землянку. Я не замѣтилъ даже множества верховыхъ лошадей, стоящихъ тутъ же на дворѣ, я не замѣтилъ груды наваленныхъ у входа въ подземельѣ чемодановъ, мѣшковъ, шинелей и глиняныхъ кружекъ всевозможныхъ калибровъ съ отбитыми и приклеенными ручками.

Войдя въ землянку, я невольно въ изумленіи остановился—и здѣсь, такъ же какъ и на дворѣ — было не мало навалено всякаго хламу. Я положительно недоумѣвалъ и крикнулъ своего деньщика, котораго, впрочемъ, не оказалось дома. Я думалъ, думалъ и ни на чемъ не могъ остановиться. Однако вскорѣ на дворѣ послышался шумъ нѣсколькихъ голосовъ и въ мою аршинную конурку съ гамомъ влетѣла цѣлая ватага.

— Представь, представь себѣ, затароторилъ товарищъ-весельчакъ, нашъ проклятый палаццо обрушился и чуть не передавилъ насъ всѣхъ.

Мы объѣхали всю деревню, перебывали у всѣхъ и въ концѣ концовъ увидѣли, что только ты можешь пріютить насъ...

— Да какъ же помѣстимся мы, было началъ я, вѣдь кровати...

— Да какія тамъ кровати, перебилъ Д., на полу въ повалку заляжемъ и изобразимъ братъ единую. сплоченную и дружную семью, вотъ тебѣ и кровать. Ей ты, чухна заморская, крикнулъ онъ своему деньщику, внеси въ землянку столъ, карты, да нашъ знаменитый фаянсъ, а чемоданы прикрой полотномъ отъ палатки.

Но неучъ-деньщикъ не трогался съ мѣста.

— Это что, крикнулъ было Д.

— Да помилуйте, ваше благородіе, хаянсу у насъ отродясь не было.

— Ду-би-на, ты дубина, а кружки по твоему не фаянсъ... маршъ за ними!

Тотъ повернулся и медленно вышелъ.

— Господа, продолжалъ онъ, я намѣренъ обратиться къ вамъ съ рѣчью, полною того глубокаго смысла, который вы такъ всегда удачно замѣчали во мнѣ. Предупреждаю, рѣчь будетъ короткая, но вразумительная, и такъ начинаю:

Образъ жизни, который мы намѣрены повести, будетъ имѣть, съ позволенія сказать, характеръ чисто свинскій; во-первыхъ, мы будемъ спать прямо на полу другъ около друга, такъ какъ кроватей и двухъ нельзя здѣсь помѣстить; во-вторыхъ, баранью нашу трапезу учинять будемъ тоже на полу и ѣсть за недостаткомъ вилокъ просто руками и въ-третьихъ, будемъ коммунистами по отношенію нашего скромнаго и такъ сказать чахоточнаго гардероба. Но, господа, какъ я, такъ и вы, свиньями быть не хотимъ и рано или поздно избѣгнемъ отъ товарищей нелестнаго, какъ смѣю предполагать, эпитета. Въ головѣ моей копашится геніальная мысль, ее и приведемъ въ исполненіе. Внимайте и будьте послушны. Въ этой темной хатенкѣ свѣча нужна и днемъ и ночью, а потому и солнечный свѣтъ я признаю для насъ безполезнымъ. Давайте же прикроемъ наше грустное положеніе напускной маскою оригинальности, чего и достигнемъ мы, если день обратимъ въ ночь, а ночь въ день. Короче!.. давайте всю ночь играть въ карты съ выходнымъ, а весь день спать. Повѣрьте-жь неоцѣненные друзья, что вся наша теперешняя жизнь пойдетъ игривѣй и какъ-то веселѣй. Согласны-ли вы?..

— Согласны! крикнули всѣ дружно въ отвѣтъ.

— Спасибо друзья, комически-разстроеннымъ голосомъ проговорилъ недавній ораторъ. — Ѳедька! давай скорѣй карты... уже вечеръ, пора и начать...

Вотъ съ этого-то дня потянулась наша самая безалаберная жизнь. Мы аккуратно каждый день ложились въ 6 часовъ утра и вставали въ

6 часовъ вечера, за исключеніемъ развѣ тѣхъ дней, когда предстояла какая-нибудь служба или нарядъ. Иногда, и то рѣдко, выходили мы въ 6 часовъ вечера погулять и послушать музыку, почти ежедневно игравшую у Великаго Князя. Только 4-го октября одинъ изъ насъ былъ отправленъ на Зеленыя горы къ генералу Скобелеву; но онъ пробылъ тамъ не долго и черезъ день возвратился въ наши объятія. Онъ разсказалъ, между прочимъ, какъ былъ раненъ генералъ Скобелевъ, причемъ сообщилъ самыя точнѣйшія подробности.

Вотъ его подлинный разсказъ отъ слова до слова:

Получивъ приказаніе немедленно отправиться и явиться къ генералу Скобелеву, я быстро осѣдлалъ коня и черезъ часъ уже стоялъ передъ своимъ временнымъ начальникомъ въ деревнѣ Брестоваць. Не прошло и десяти минутъ съ того момента, какъ я явился, какъ съ занятой позиціи раздались частые и сильные ружейные залпы. Генералъ вскочилъ на коня и, въ сопровожденіи меня и одного изъ ординарцевъ, бросился въ карьеръ къ траншеямъ. Но едва намъ удалось только выѣхать изъ деревни, какъ стало уже совсѣмъ темно. Оріентировались мы по выстрѣламъ и подъѣхавъ, какъ намъ казалось, къ тому мѣсту, гдѣ нужно было оставить лошадей, мы слѣзли и быстро пошли по прямому направленію. Но вотъ проходитъ 10—15 минутъ, залпы дѣлаются все сильнѣй и сильнѣй, а траншеи все еще не видно.

— Да куда жъ вы ведете меня? — разсердился генералъ на своего ординарца.

Но послѣдній самъ уже, кажется, сбился съ истиннаго направленія и шелъ наугадъ.

— Да гдѣ же это наконецъ! крикнулъ снова Скобелевъ: — Да ведите же, вед... И генералъ, спотыкнувшись, упалъ. Молодой ординарецъ совсѣмъ, казалось, потерялъ голову и вдругъ ни съ того, ни съ сего сразу круто повернулъ налѣво и, къ счастію, спустя минуты двѣ, совершенно неожиданно наткнулся на боковой подступъ.

— Наконецъ-то!—радостно сказалъ генералъ, и спрыгнувъ въ подступъ, и опередивъ насъ, быстро пошелъ къ траншеѣ. Но въ тотъ моментъ, когда онъ только вступилъ въ траншею, надъ его головой съ трескомъ лопнула шрапнель. Генералъ пошатнулся и, быстро войдя снова въ подступъ, прислонился къ стѣнѣ. Мнѣ стало до того жаль генерала, что я бросился къ нему и, желая поддержать его, схватилъ его за руку.

— Да что вы меня держите, ребенокъ я, что ли? — немного вспылилъ генералъ.—Меня должны видѣть солдаты!

— Здорово, братцы!—крикнулъ онъ, черезъ минуту уже появившись въ траншеѣ.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—восторженно и радостно отвѣтили солдаты.

Послѣ этого, я, конечно, не осмѣлился, даже и видя какъ страдалъ генералъ, посовѣтывать ему тотчасъ осмотрѣть свою рану. Только тогда, когда была отбита атака, генералъ спустился въ свою яму и легъ на носилки. Въ это время появился докторъ и начальникъ его штаба, Куропаткинъ.

— Поздравляю, поздравляю!—шутливо обратился послѣдній къ Скобелеву,—дождались и пищу дали господамъ корреспондентамъ.

Докторъ подошелъ къ раненому и, осмотрѣвъ его рану, сказалъ:

— Опаснаго нѣтъ ничего, это контузія; но вамъ тотчасъ нужно отправиться къ себѣ на квартиру.

— А вы что же меня понесете?—смѣясь спросилъ Скобелевъ.

— Понесемъ,—отвѣтилъ, улыбаясь, Куропаткинъ:—и понесемъ на носилкахъ.

— Ну ужъ это... извините,—возразилъ Скобелевъ, и, быстро вставъ, онъ надѣлъ мундиръ, поднялся въ траншею и громко еще разъ поблагодаривъ солдатъ, пѣшкомъ отправился въ деревню.

Полчаса спустя, я вошелъ въ палатку, гдѣ лежалъ генералъ.

— А, князь,—сказалъ онъ, увидѣвъ меня:—передайте Главнокомандующему, что атака отбита и все обстоитъ благополучно.

Я поклонился и хотѣлъ было уже выйти, какъ Скобелевъ снова позвалъ меня.

— А лапочку вашу,—сказалъ онъ ласково, протягивая мнѣ руку:—ишь, какой недобрый!

Я съ чувствомъ пожалъ его горячую руку и растроганный вышелъ изъ комнаты.

Разсказчикъ кончилъ, а въ землянкѣ все еще царило глубокое молчаніе.

— Желѣзный человѣкъ, промолвилъ Н.—Пойдемте, братцы, къ маркитанту и разопьемъ бутылочку за здоровье героя.

16-го ноября, утромъ, Великій Князь Николай Николаевичъ навѣстилъ контуженнаго, къ которому явился также его отецъ, генералъ Скобелевъ 1-й. Послѣ чего послѣдовалъ слѣдующій приказъ Скобелева, прочитанный войскамъ:

„Третьяго дня Его Высочество Главнокомандующій изволилъ меня посѣтить, подробно распрашивалъ о ввѣренной мнѣ дивизіи, съ которою Его Высочество связанъ воспоминаніями безсмертной обороны Севастополя и сраженія 24-го октября 1855 года. Приписывая высокую, оказанную мнѣ Главнокомандующимъ честь молодецкой службѣ войскъ 16-й дивизіи, благодарю всѣхъ начальниковъ частей и выражаю убѣжденіе, что счастливцамъ, кои будутъ достойны командовать въ бояхъ этою славною дивизіей, всегда будетъ присущее почетное мѣсто въ рядахъ арміи. Самоотверженное въ высшей степени поведеніе всей дивизіи въ бояхъ

30-го и 31-го августа, славный штурмъ редутовъ Владимірцами и Суздальцами 30-го, геройская оборона ихъ 31-го въ особенности обратили вниманіе Россіи на славную 16-ю дивизію. Сама Государыня Императрица не оставила насъ своимъ Августѣйшимъ вниманіемъ. Изъ Москвы, изъ Петербурга шлютъ въ дивизію разныя вещи, списокъ коимъ съ распредѣленіемъ по полкамъ будетъ объявляться въ приказѣ по дивизіи. Ничего не можетъ быть славнѣе для солдата, какъ заслужить вниманіе своего Монарха и народа. Я увѣренъ, что и въ послѣдующихъ бояхъ вновь создавшаяся, по своему личному составу, 16-я пѣхотная дивизія не помрачитъ славы героевъ 30-го и 31-го чиселъ и съумѣетъ держать его такъ, чтобы имѣть право съ чистою совѣстью возвратиться въ Россію. Прошу начальниковъ частей воспитывать ввѣренныя мнѣ части въ вышесказанномъ смыслѣ."

Въ тотъ же день, около полудня, русскіе открыли сильную канонаду противъ позицій Османа. При первыхъ выстрѣлахъ можно было еще ясно видѣть Плевну, но потомъ туманъ, стоявшій все утро, сталъ сгущаться все болѣе и болѣе, и, наконецъ, виднѣлись только вспыхивающія молніи выстрѣловъ русскихъ батарей.

Въ продолженіи послѣдующихъ дней этого мѣсяца все было спокойно и, только благодаря этому, мы не имѣли своего дикаго образа жизни—смертельная тоска просто жрала насъ. Только 17-го ноября прибылъ къ намъ, т. е. въ Боготъ, англійскій докторъ Лозоренъ съ семью сестрами милосердія, англичанками, пожелавшими ухаживать преимущественно за нашими ранеными... Но наконецъ-то и мы дождались... настало 28-е ноября. Въ этотъ день я проснулся рано и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, была растрепанная рожа моего слуги.

— Извольте скорѣе одѣваться,—съ какимъ-то ужъ особеннымъ удареніемъ сказалъ онъ мнѣ,— какъ есть стремглавъ побѣжали осѣдлывать лошадей; сказываютъ, Великій Князь ѣдетъ.

Казалось, ничего не было необыкновеннаго въ его словахъ, а между тѣмъ мнѣ такъ и казалось, что въ этотъ день непремѣнно должно было случиться что-то необыкновенное...

— Братцы!—вскричалъ я надъ спящими товарищами: — подымайтесь—великій день насталъ.

Не прошло и 20-ти минутъ, какъ уже весь полкъ стоялъ развернутымъ фронтомъ передъ ставкой главной квартиры. Почти тотчасъ же поспѣшно вышелъ Великій Князь, сѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, генераломъ Непокойчицкимъ, и, сопровождаемый всѣмъ полкомъ, направился къ деревенькѣ, гдѣ были временно квартиры генерала Тотлебена и генерала Имеретинскаго. Шедшіе въ авангардѣ казаки вскорѣ остановились у квартиры генерала Имеретинскаго. Великій Князь

съ начальникомъ штаба вышли изъ коляски и, встрѣченные княземъ Имеретинскимъ, вошли въ его небольшой домикъ.

Да куда же мы ѣдемъ и что это все значитъ? спрашивали мы въ недоумѣніи другъ у друга. Но положительнаго отвѣта не было ни отъ кого.

Не прошло и получаса, какъ гдѣ-то далеко-далеко раздались орудійные выстрѣлы, на которые и поѣхали мы съ Великимъ Княземъ. Здѣсь вмѣстѣ съ княземъ С. мы получили приказаніе отъ командира полка со взводомъ ѣхать въ авангардъ.

Немедля ни минуты, приказавъ казакамъ наклонить пики, мы вынеслись на версту впередъ коляски.

— Ужасъ какъ пріятно, даже просто разчудесно, чортъ возьми! — по временамъ восклицалъ неугомонный товарищъ.

— Да куда ѣдемъ-то мы?

— Какъ куда?—изумился С.,—ясно, что въ Плевну...

Миновавъ обыкновенный постъ Великаго Князя и, какъ кажется, почти не останавливаясь мы понеслись прямо на турецкіе ложементы, видя, что за нами слѣдуетъ Великій Князь.

— Гляньте же, ваше благородіе!—вдругъ крикнулъ казакъ:—сколько упереди ложементовъ валяется, должно быть, нашихъ скелетовъ и обломанныхъ ружей.

Я взглянулъ и невольно содрогнулся.

— Стой, братцы!—скомандовалъ я, подъѣхавъ къ покинутой большой траншеѣ:—дождемся Великаго Князя.

Я обернулся и увидѣлъ быстро подъѣзжавшую коляску и приказалъ слѣзть съ лошадей, перевести ихъ черезъ ложементы въ поводу и снова сѣсть на коней. Въ тотъ моментъ, когда Великій Князь былъ уже близко у траншеи, я увидѣлъ Плевну какъ на ладони и прямо поѣхалъ по направленію къ городу, отъ котораго и остановился цѣпью въ 20-ти шагахъ.

— Братцы, да не во снѣ ли это!—говорили между собой казаки:—ей-Богу, что-то не вѣрится!

Но не прошло и 10-ти минутъ, какъ мы влетѣли въ городъ и, проскакавъ по главной улицѣ сквозь разношерстную толпу, очутились уже за-городомъ. Глядимъ и глазамъ не вѣримъ—показались нѣсколько непріятельскихъ орудій, которыя ѣхали намъ на встрѣчу, сопровождаемыя румынскими солдатами. Впереди торжественной процессіи преважно ѣхалъ румынскій офицеръ. Я тотчасъ подъѣхалъ къ нему, вѣжливо раскланялся и проговорилъ обычное:

— Parlez-vous en français?

— Oui, oui Monsieur,—отвѣтилъ онъ, весь сіяющій.

— Que ce que vous voulez?

— Et bien que ce que nous avons fait!

— Oh! Oh!—заоралъ румынъ: — mais je parle lex russe... en ce cas vous pouvez-me dire tout ce que vous voulez...

— Тѣмъ лучше, — сказалъ я: — и такъ?

— Османъ и вся его армія въ плѣну!—радостнымъ голосомъ крикнулъ румынъ и вслѣдъ затѣмъ началъ непозволительно хвастаться.

Послѣ этого, я, снявъ фуражку, раскланялся и направился за рѣку Видъ. Вотъ здѣсь-то я увидѣлъ величественную, но сто разъ уже описанную картину — сдачи всей арміи въ плѣнъ. И такъ, для насъ весь этотъ день состоялъ изъ вкусныхъ сюрпризовъ... Къ вечеру, ужъ какими судьбами, я и самъ не знаю, я заблудился, случайно попавъ въ знаменитыя зеленогорскія траншеи и часовъ въ 9 спустился по скалистому страшному обрыву Тученицкаго оврага и съ товарищемъ очутились на ночь въ Боготѣ. Гдѣ были наши, гдѣ былъ Великій Князь, для меня осталось загадкой. Едва я успѣлъ слѣзть съ коня, какъ чуть-ли не кубаремъ скатился въ близь-лежащій вонючій оврагъ и направился къ раненымъ въ палатку. Я спѣшилъ обрадовать всѣхъ радостною вѣстью и не думалъ, что буду предупрежденъ. При входѣ въ палатку, я увидѣлъ, что всѣ офицеры сгруппировались у одной кровати, на которой сидѣлъ только-что раненый юнкеръ. Передаю отъ слова до слова его правдивый, не безъинтересный разсказъ о послѣднемъ актѣ кровавой драмы подъ Плевной...

„27-го ноября, въ 11 часовъ утра, нашъ полкъ *) выступилъ изъ занимаемыхъ траншей—близь горнаго Петрополя и направился къ боевой позиціи, передъ Дольнымъ-Дубнякомъ. Мнѣ, какъ въ первый разъ попавшему участвовать въ дѣлѣ, казалось страшнымъ то ледяное спокойствіе, которое я замѣчалъ на лицахъ солдатъ и офицеровъ. Я закрывалъ глаза, и мнѣ казалось, что я уже слышу ружейную трескотню, вопли, стоны и крики побѣдителей. Но въ это же время, что-то тяжелое, гнетущее, охватывало все мое существо... Неужели это предчувствіе? Неужели я буду убитъ или раненъ?

. . . . . .

Въ 2 часа пополудни мы уже были въ люнетахъ; мѣстомъ временнаго обиталища была длинная канава, загнутая съ обѣихъ концовъ. Отъ противника скрывала насъ насыпанная впереди земля. Между насыпью и канавой была оставлена полоса. Мнѣ объяснили, что это банкетъ и что во время дѣла солдаты становятся на этотъ приступокъ и стрѣляютъ, кладя ружья на насыпь. Мы расположились какъ дома и подъ вечеръ устроили генеральное чаепитіе. Часъ спустя были вызваны охотники. Штабсъ-капитанъ Гиршфельдъ и 15 рядовыхъ вышли впередъ. На обязанности ихъ лежало (выдвинувшись впередъ) наблюдать за про-

*) 9-й гренадерскій Сибирскій.

тивникомъ. Когда уже стемнѣло, часовые стали на банкетъ и зорко начали наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось впереди. Всякій звукъ или шумъ, привлекалъ ихъ вниманіе. Остальные солдаты расположились на банкетѣ и, сидя дремали. Всѣ ружья лежали на насыпи и грозно глядѣли штыками во тьму. При звукѣ голоса, солдаты вздрагивали и открывали глаза, готовые сію же минуту броситься къ ружью и, въ случаѣ надобности, грудью встрѣтить дерзкаго врага... О! какое чарующее, могучее дѣйствіе производили на меня гиганты-герои. Мнѣ казалось, что въ эту минуту я способенъ былъ вскочить хоть въ жерла непріятельскихъ орудій. Гробовая тишина какъ нельзя лучше шла къ этой грандіозной, по истинѣ величественной и страшной картинѣ. Ровно въ 12 часовъ ночи явился фельдфебель 3-й стрѣлковой роты и доложилъ командиру, что высланные въ секретъ солдаты наткнулись на казаковъ которые встрѣтили ихъ слѣдующими словами:

— Чего вы шатаетесь, турки сегодняшнею ночь будутъ дѣлать прорывъ.

Командиръ роты выслушавъ спокойно это извѣстіе, приказалъ часовымъ удвоить вниманіе. Два часа спустя явился снова фельдфебель и доложилъ, что по слухамъ въ нынѣшнюю ночь Османъ дѣйствительно будетъ прорываться.

— Кто принесъ это извѣстіе? спросилъ командиръ.

— Солдатъ изъ секрета, спокойно отвѣтилъ фельдфебель.

— Хорошо, произнесъ командиръ Прикажите секретамъ смотрѣть въ „оба“ и людямъ быть въ полной готовности...

Въ 6 часовъ до слуха нашего донесся уже неясный шумъ и въ отдаленіи задвигались какія-то массы... Тотчасъ же командиръ полка послалъ ординарца къ начальнику дивизіи, просить разрѣшенія ударить тревогу. Но разрѣшенія не послѣдовало и велѣно было обождать до полнаго разъясненія дѣла. Часъ спустя снова былъ посланъ гонецъ съ приказаніемъ передать, что „турки уже отчетливо видны“.

Вотъ тогда-то начальникъ дивизіи приказалъ немедленно ударить тревогу. Въ моментъ взвились ракеты и загремѣли барабаны. Солдаты бросились къ ружьямъ и растегнули патронныя сумки...

— Братцы! штыками ихъ встрѣтимъ! крикнулъ начальникъ.

— Постараемся! загремѣло въ рядахъ

— Колижъ бы знали, покрайности чистыя бы рубашки надѣли.

Санитарамъ было приказано слѣдить за ранеными и подбирать ихъ. Я схватилъ ружье, бросился къ насыпи и, что называется, впился глазами въ наступающаго противника. Лицо мое горѣло и въ этотъ моментъ я забылъ все на свѣтѣ. Какое-то невольное чувство кипѣло въ груди. Вскорѣ я могъ различить не только 4-хъ-рядную цѣпь, но и резервы. Пули ихъ непричиняли намъ ни малѣйшаго вреда: онѣ свистали

надъ головами и впивались въ брустверъ. Для людей незнакомыхъ съ войной, быть можетъ покажется страннымъ, а можетъ быть и просто вымышленнымъ тотъ фактъ, что въ это самое время, офицеры спокойно расхаживали по банкету и повѣряли прицѣлы. Все ближе и ближе подходилъ противникъ, все сильнѣй и сильнѣй гремѣли орудія. Наконецъ мы сошлись на 50 шаговъ и, видя всю невозможность держаться долѣе противъ страшной массы, отступили и залегли въ ложементахъ, сзади расположенныхъ.

Непріятель крикнулъ „алла!“ и снова двинулся впередъ. Мы подались еще назадъ и залегли во 2-мъ ряду люнетовъ. Въ эту минуту въ отдаленіи, какъ будто въ городѣ взвилась ракета. Солдаты ободрились.

— Должно помощь идетъ, заговорили они.

— Ребята, дружнѣй!

Въ это же самое время сзади подошелъ Малороссійскій полкъ и присоединился къ намъ. Но, не смотря на это, мы продолжали отступать, такъ какъ держаться противъ такого числа и 2-мъ полкамъ не было бы никакой возможности. Вскорѣ было получено приказаніе отъ начальника дивизіи, остановиться и перейти въ наступленіе.

Раздался звукъ атаки и мы бросились впередъ, открывъ ужасную пальбу. Но турки, какъ бѣшенные летѣли впередъ, желая какъ бы раздавить насъ компактной массой. Мы снова начали отступленіе, но тихое и спокойное. Но едва мы очутились на „линіи копаной могилы“, какъ показался сначала Астраханскій полкъ, зашедшій во флангъ туркамъ и затѣмъ полкъ Фанагорійскій. Дружно мы ударили съ фронта и съ фланга, и на штыкахъ вынесли непріятеля изъ ложементовъ. Въ это самое время съ праваго фланга показалась бригада 2-й дивизіи, а съ лѣваго фланга 5-я дивизія и румыны. Такимъ образомъ, турки были окружены и положили оружіе... Здѣсь я былъ раненъ и потерялъ сознаніе... Очнулся я на перевязочномъ пунктѣ и вздрогнулъ. Мнѣ представилась снова картина, видѣнная мною въ бою. На брустверѣ, съ окровавленной и обезображенной головой, лежалъ раненый солдатъ; одной рукой онъ указывалъ на выступившій мозгъ, а другой — на небо. Передъ нимъ стоялъ турокъ съ опущенной саблей... Турокъ напалъ на раненаго, но, увидѣвъ страшный жестъ, невольно опустилъ оружіе и минуту спустя бросился бѣжать...“

На другой день, т. е. 29-го, Государь Императоръ прибылъ на редутъ, защищающій подступъ къ Плевнѣ по Гривицкому шоссе, въ сопровожденіи своей свиты и иностранныхъ уполномоченныхъ. Великій Князь ожидалъ Его Величество, который прибылъ въ одной каретѣ съ княземъ Карломъ румынскимъ. Подходя къ Великому Князю Николаю, Императоръ замахалъ по воздуху своей фуражкой и воскликнулъ „ура!“ самымъ сердечнымъ образомъ. Великій Князь приблизился и отдалъ

честь; Его Величество поцѣловалъ его и надѣлъ ему на шею орденъ св. Георгія. Затѣмъ Онъ пожаловалъ ордена генераламъ Тотлебену, Имеритинскому, Непокойчицкому и Левицкому. Вчера Онъ пожаловалъ также князю Карлу румынскому орденъ св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ отслуженъ былъ молебенъ, послѣ котораго всѣ отправились верхомъ въ Плевну, направляясь по наиболѣе малолюднымъ улицамъ. Въ маленькомъ домикѣ, окруженномъ высокою каменною стѣною, былъ приготовленъ завтракъ, послѣ котораго вдругъ воцарилась тишина, и Османъ-паша былъ внесенъ на дворъ черезъ калитку, товарищемъ моимъ княземъ Дадишкильяни и, однимъ изъ его собственныхъ служителей. Когда его проносили по толпѣ штабныхъ офицеровъ, каждый изъ нихъ отдавалъ ему честь и восклицалъ: „браво Османъ“. Потомъ онъ былъ внесенъ въ комнату, въ которой находился Императоръ, который пожалъ ему руку и сказалъ, что, во вниманіе къ его храброй оборонѣ Плевны, Онъ приказалъ возвратить ему его шпагу, которую онъ можетъ носить. Затѣмъ Османъ былъ вынесенъ и положенъ въ карету, среди продолжительныхъ одобреній русскихъ штабныхъ офицеровъ, на которыя онъ отвѣчалъ улыбками и поклонами. Рана его не серьезна, такъ какъ кость не повреждена, но онъ не могъ ходить. Осману-пашѣ было на видъ около 38 лѣтъ. Онъ имѣетъ 5 футовъ 8 дюймовъ роста и сложенъ крѣпко; волосы у него черные, съ бородой и усами такого же цвѣта; черты лица правильныя, глаза свѣтлые, выраженіе на лицѣ спокойное, самоувѣренное. Послѣ свиданія съ Османомъ, Императоръ сѣлъ въ коляску въ сопровожденіи, на этотъ разъ, Великаго Князя Сергѣя Александровича, и поѣхалъ по главнымъ улицамъ Плевны. Теперь туда входили турецкіе раненые, покрытые кровью; они представляли печальное зрѣлище. Возникли нѣкоторыя жалобы на то, что большее количество телѣгъ не было приготовлено для болѣе поспѣшной перевозки; но дѣло въ томъ, что теперь каждый человѣкъ слишкомъ отдался радостямъ по случаю важной побѣды, чтобы думать о чемъ-нибудь и о комъ. Поговаривали также, что Османъ-паша хотѣлъ лишить себя жизни, ибо врачи, осматривавшіе его рану, объявили, что необходима ампутація ноги. Это извѣстіе, полагаютъ, и заставило его рѣшиться на самоубійство, такъ какъ мусульмане вообще чувствуютъ крайнее отвращеніе къ физическому уродованію. Можетъ быть укоренившееся у мусульманъ отвращеніе къ ножу хирурга, помимо недостаточнаго знакомства съ успѣхами научныхъ операцій, обусловливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что кража и другіе неблаговидные проступки наказываются по корану обрѣзываніемъ руки или ноги. Коранъ говоритъ въ 5-й главѣ, названной „Столъ“:

„О, правовѣрные, если мужчина или женщина украдетъ, отрѣзывайте имъ руки“. А въ сурѣ говорится: „люди ведущіе борьбу противъ

Бога и его апостоловъ, и старающіеся жить развратно на землѣ, пусть у нихъ будутъ отрѣзаны руки и ноги наперекрестъ". Такія наказанія теперь уже не полагаются, но чувство отвращенія къ нимъ все еще сохранилось у многихъ мусульманъ; вѣроятно оно-то вмѣстѣ съ нежеланіемъ жить въ плѣну, и побудило Османа рѣшиться на смерть.

О карьерѣ Османа разсказывалось много небылицъ. Но въ дѣйствительности онъ родился въ Амаліи, въ Малой Азіи, и его черты лица строго азіатскаго типа, Арабская газета „An-Nahluh" или „Пчела" издаваемая въ Лондонѣ, говоритъ, что „его родители были люди бѣдные, но онъ имѣлъ возможность получить воспитаніе въ Константинополѣ въ военной академіи, одновременно съ Мехметомъ-Али и Сулейманомъ пашами. Далѣе ничего неизвѣстно объ его карьерѣ до 1876 года, когда онъ былъ командиромъ Виддинскаго корпуса, и въ качествѣ побѣдителя дебютировалъ битвой при Зайчарѣ. Въ началѣ нынѣшней войны онъ находился въ Виддинѣ съ 35,000 человѣкъ войска. Услышавъ о взятіи Никополя русскими, съ 6000 человѣкъ, онъ занялъ Плевну и въ нѣсколько недѣль превратилъ ее въ настоящую крѣпость.

Хитрость храбраго защитника Плевны, заставляла иногда сомнѣваться въ истинности разсказовъ перебѣжчиковъ; такъ. русскіе войска, по сообщенію корреспондента „Нов. Врем.", видѣли цѣлые табуны пасущагося скота, находили въ ранцахъ убитыхъ турокъ, изрядные запасы провизіи и боевыхъ снарядовъ. Этими хитростями Османъ вызывалъ русскую армію на атаку неприступныхъ позицій, которая одна могла дать ему нѣкоторые шансы на освобожденіе изъ стальнаго кольца. На самомъ же дѣлѣ солдатскіе раціоны были уже давно уменьшены, и въ послѣдніе дни дошли до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, что между турецкими защитниками Плевны, было готово ежеминутно вспыхнуть возстаніе. Османъ-паша принужденъ былъ по ночамъ переодѣваться и мѣнять свое пребываніе, онъ боялся, что его убьютъ. Убѣдившись въ необходимости, такъ или иначе покончить съ положеніемъ, сдѣлавшимся и безнадежнымъ и невозможнымъ, Османъ-паша началъ приготовленіе къ атакѣ русскихъ позицій.

Снова потянулась наша безалаберная Боготская жизнь. Одно только пожалуй обстоятельство, на время заставило насъ нѣсколько развлечься. Посреди двора, т. е. скорѣе въ углу, гдѣ жилъ Главнокомандующій, была разбита круглая большая палатка для плѣннаго Османа. Бывало и ходили смотрѣть на этого героя, да все какъ-то неудавалось увидѣть— отъ раны онъ лежалъ. Богъ уже знаетъ, почему только радости о сдачѣ Плевны мы слишкомъ не предавались. По прежнему всю ночь играли въ карты и только иногда, если случалось достать какой-нибудь номеръ газеты прочитывали вмѣстѣ. А вообще-то говоря, даже и интересныя статейки, если только они и попадались, не любопытство возбуждали въ

насъ, а просто нагоняли тоску. Да оно и понятно было:—все это было давно знакомо, старо и перечувствованно.... Разъ какъ-то я принесъ изъ главной квартиры еще не такъ старый № одной газеты. Въ землянкѣ было цѣлое собраніе—шесть офицеровъ, да два юнкера нашего-же полка. Заплывшій огарокъ сальной свѣчки, вставленный въ разбитую бутылку, тускло освѣщалъ невеселыя лица бесѣдовавшихъ товарищей.

— Эхъ, ужъ надоѣла эта проклятая жизнь,—съ горькой усмѣшкой сказалъ К.,—а я то думалъ, что на войнѣ и минуты не будетъ отдыха и въ милой наивности даже и краски не взялъ съ собой.

— Да и я такъ же братъ думалъ,—отвѣтилъ другой,—да ошибся, тутъ отъ тоски готовъ, хотъ къ черту на рога полѣзть. Да давайте ужъ что-ли читать, сказалъ одинъ молоденькій юнкеръ, кстати и газету откуда-то достали.

— Ну чего мы будемъ читать, — присталъ къ нему какъ піявка П.,—развѣ вотъ....

И схвативъ газету онъ прочелъ: „Юнкеръ!“ и тотчасъ же бросилъ ее въ сторону.

— Контора его что ли?... аль прогорѣла?

— Какая тамъ къ черту контора, просто „Юнкеръ“.

— Да мы что бѣлены объѣлись? спросилъ его рядомъ сидящій,—заглавіе что-ли такое?

— Ну хоть бы заглавіе, такъ что-жъ?

— Да что, что можетъ быть интересно.

— Ну и читай, коли интересно, авось скуку еще больше нагонишь. Экая, прости Господи тоска.... тоска-то какая.

Сидѣвшій въ углу до толѣ молчавшій товарищъ взялъ газету, отыскалъ прочитанное заглавіе, подвинулъ къ себѣ огарокъ и спросилъ:

— Читать что-ли?

— Да читай, какъ-то вяло отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Вотъ потухаетъ солнце, началъ чтецъ, и измѣняются краски: горы побагровѣли и покрылись полутемной мглой, вершины только еще алѣютъ и свѣтятся еще одинъ часъ—и все скрылось изъ глазъ. Настаетъ ночь. Какая тишина! Лунная тѣнь, нѣжно стелется по землѣ и это еще болѣе придаетъ пріятности. Теперь же, зимой, и при не жаркихъ дняхъ выпадаютъ теплыя, чудныя ночи.... Подъ навѣсомъ и снаружи болгарскихъ домовъ на соломѣ, покоятся наши солдаты сладкимъ, мирнымъ сномъ.... Тишину, изрѣдка нарушаетъ скачущій, по узкой тропинкѣ казакъ.... Иногда раскатъ орудія тихо слышится вдали... Идете далѣе.... Серебристой струей льется вода съ шумомъ изъ источника.... Вотъ вороны да коршуны еще при дорогѣ не уснули: они еще долбятъ павшую лошадь... Среди этой ночной тишины въ одной только сто-

ронѣ.... тамъ, около лазарета, еще слышится говоръ, и стоны страдальца; идемъ туда.

— Дай-ка сестрица, испить чего-нибудь; во рту пересохло!... доноситься до васъ.

Сестрица, дежурящая всю ночь, тянется къ больному съ кисловатымъ клюквеннымъ питьемъ и подаетъ его солдату.

— Очень вкусно, сестрица!... Ишь какое аленькое!...

Вдругъ послышалось какое-то безпокойное движеніе вблизи маленькаго болгарскаго домика, умазаннаго сѣрою глиною.

Сестры и студенты, болгаринъ, да нѣсколько солдатъ бѣжатъ въ избу.

— Худо! очень дурно стало ему! кричитъ кто-то.

— Скорѣе, идите скорѣе!

Входимъ въ избу и мы за студентами и сестрами.

Въ избѣ на носилкахъ, положенныхъ на полу, лежитъ больной мальчикъ, юнкеръ, который оставленъ былъ два дня назадъ изъ транспорта, потому что онъ былъ тяжело болѣнъ и не могъ слѣдовать дальше. У него былъ тифъ. Помѣстили его въ болгарскую избу потому, что знали, какъ вредно отозвался бы на немъ видъ лазаретнаго барака. Онъ страшно худъ; глаза мутные; губы потрескались, засохли, языкъ совсѣмъ бѣлый, сухой. Лицо юнкера выражало глубокое страданіе!... Несчастный, былъ еле живъ! При немъ безотлучно находился или студентъ, или сестра. Эту ночь ему очень плохо и всѣ собрались, силясь помочь.... Все было напрасно! Сколько ни хлопотали стараясь спасти, онъ неподавалъ ни малѣйшей надежды на благопріятный исходъ. Уста его были уже безмолвны и сжаты.... Онъ не разъ схватывалъ руку сестры, которая ухаживала за нимъ, и жалъ ее.... Страдальческій видъ его лица смѣнялся тогда на секунду страдальческой улыбкой. Видимо онъ былъ тронутъ теплымъ участіемъ и сердечнымъ уходомъ за нимъ въ странѣ далекой, отъ родныхъ и знакомыхъ!... Быть можетъ онъ вспоминалъ мать, отца, сестеръ!...

Онъ былъ въ агоніи, и дышалъ тяжело! Сердце его уже бьется напрасно.... Всѣ стоятъ кругомъ и ждутъ.

— Уже не дышетъ!...

— Не дышетъ?...

Не то страхъ, не то жалость напала на нашу душу.

Всѣ замолкли на минуту.

— Нѣтъ, вотъ вздохнулъ.... разъ!... еще!...

Тишина настала кругомъ.... точно ждемъ чего-то.

— Умеръ!... Скончался!... послышалось, вдругъ, направо отъ насъ. Студентъ приложилъ къ сердцу стетоскопъ,—оно не билось; стали выслушивать легкія, они не дышали. Болгаринъ, стоявшій тутъ, заплакалъ; роняли слезы и сестры.... Но вотъ болгаринъ подходитъ къ покойнику,

стягиваетъ чулки и начинаетъ щекотать ноги.... Смотримъ, что будетъ далѣе?... Онъ началъ пальцами проводить по спинѣ умершаго.

— Что ты дѣлаешь?

— Пробую, братушка, не оживетъ-ли онъ!...

Пришли трое раненыхъ изъ лазарета; одинъ изъ нихъ прибылъ ползкомъ, они узнали, что юнкеръ умеръ.

— Ишь вѣдь, Богъ несподобилъ его снова итти на турокъ-то! говорилъ приползшій въ хату.

— Ну, а ты развѣ думаешь идти воевать!

— Я-то! Дай Господи только на ноги лишь встать! Опять отправлюсь ваше благородіе, бить турокъ! Что бы я, русскій солдатъ, да потерялъ храбрость? Ни-и-когда!....

Скоро нѣсколько солдатъ раздѣли и обмыли покойника; потомъ одѣли его въ чистое бѣлье и положили на носилки, на которыхъ онъ лежалъ.

Болгаринъ созерцавшій всю эту сцену, обращается къ намъ:

— Братушка!... а братушка!...

— Что?

— Азъ братушка, приведу свою булку!... Мощно, братушка?

— Кто тамъ?

— Азъ, братушка! Азъ съ булкой...

— Входи!

Болгаринъ впускаетъ впереди себя молодую, приміленькую болгарку, которая бросается къ ногамъ покойника, начинаетъ плакать и причитать!

— А развѣ жаль вамъ русскаго юнкера? спросилъ я болгарина.

— Жаль! Какъ своихъ мы жалѣемъ братушекъ!... Если мы не пожалѣемъ, то кто пожалѣетъ его?... И болгаринъ плачетъ.

Разсвѣло. Настало прекрасное утро. Всѣ оживились въ селѣ. Въ воздухѣ сухо, тепло. Солнышко такъ и грѣетъ. Только Балканы представляютъ контрастъ. Глядите вы въ нихъ: словно молочнымъ паромъ окутались они снѣгомъ. Болгары уже выходятъ кто на поле, кто на работу, кто куда.

Еще съ раннимъ, утреннимъ разсвѣтомъ, нѣсколько болгаръ и болгарокъ съ ихъ дѣтьми пришли въ избу, гдѣ лежалъ покойный юнкеръ. Онъ лежалъ уже въ простомъ гробу, который обошелся около 25 серебрянныхъ рублей. Покупали для гроба по доскѣ, и платили за каждую по нѣсколько рублей.

Болгарки и болгарскія дѣти обложили покойника цвѣтами. Начались причитанія и слезы. Плакали всѣ: и женщины, и дѣти, и мужья-болгары. У гроба ярко горѣли свѣчи. Скоро собрался весь персоналъ студентовъ и сестеръ лазарета. Прибыло нѣсколько и раненыхъ. Нако-

нецъ пріѣхалъ болгарскій священникъ, который тотчасъ одѣлся въ ветхія ризы и покойнаго юнкера понесли въ болгарскую церковь. Гробъ несли студенты и сестры на рукахъ. Священникъ шелъ позади гроба, рядомъ съ санитаромъ. Послѣдній замѣнялъ дьячка. Сзади шли раненые и болгарскія семьи. Трогательная эта была церемонія! Простое пѣніе „Святый Боже!“ разносилось въ воздухѣ, на похоронахъ юнкера. Знаютъ ли родные юнкера о томъ, что такъ хоронится онъ здѣсь! Знаютъ ли они еще то: живъ ли онъ? Всѣ шли тихо!... Скоро принесли въ болгарскую церковь и поставили гробъ просто на полу. Церковь,— убогая, бѣдная.

Послѣ отпѣванія тѣла покойнаго, изъ церкви понесли на болгарское кладбище. Закопали въ могилу. Болгары поставили на могилѣ крестикъ съ надписью. Сестра сплела вѣнокъ....

Въ землянкѣ снова воцарилась мертвая тишина. Грустно вздохнулъ кто-то и смолкъ....

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ! заплакать что-ли хотите?—какъ-то внезапно вскрикнулъ С., – по моему ужъ коли такъ скучно, такъ лучше спать, да и заразъ лечь.

— А то, вдругъ заоралъ С., хотите, маркитанта повѣсимъ

Мы вытаращили глаза.

— Какого маркитанта?

— Да что въ большой палаткѣ живетъ.

— Хотите, что-ли, ужь у меня и проектъ въ головѣ, давайте всѣ нарядимся въ бурки, сядемъ въ полукругъ и въ темнотѣ будемъ его судить мерзавца. Онъ вѣдь съ насъ кожу деретъ—понатѣшимся вдоволь! И веревку, братцы, повѣсимъ и петлю сдѣлаемъ, все будетъ по формѣ! Выманить же его нѣтъ легче, а въ судилище представить и подавно! Какъ обвинитель, я начну такъ: „Скажи, доколѣ воровская морда ты будешь злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ и высасывать изъ насъ послѣдніе живительные соки? Насталъ твой смертный часъ! молись!“ Тутъ вы должны всѣ вскочить, броситься на него и повѣсить его вмѣсто шеи за ноги! Ну, повѣсить немножко, а тамъ и отпустимъ!.. Ну-съ?

Сначала всѣ какъ бы согласились на оригинальную шутку, а потомъ раздумали. Боялись шуму, ибо ставка Великаго Князя была расположена въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Ну, такъ что-жъ будемъ дѣлать? спросилъ недавній прокуроръ.

— Да спать, отвѣтили нѣкоторые и стали раздѣваться.

Ихъ примѣру, конечно, послѣдовали и остальные, и полчаса спустя раздался дружный храпъ въ еле освѣщенной землянкѣ.

Насталъ декабрь мѣсяцъ, а мы и не думали двигаться изъ Богота. Такъ и приросли, казалось, къ этой проклятой грязной деревнѣ. Небо какъ нарочно хмурилось во всѣ эти дни и снѣгъ все шелъ, шелъ и

шелъ! Землянки нашей почти ужъ совсѣмъ не было видно и только мрачная крыша, какимъ-то безобразнымъ кускомъ, обозначалась на серебристой скатерти.

Въ продолженіи многихъ и многихъ дней, ходить по улицамъ было не возможно — грязь была невылазная. На счастье наше, въ одинъ прекрасный день все эти невзгоды были позабыты — Великій Князь устроилъ въ деревнѣ маленькую баню. Нечего говорить, что съ утра до поздняго вечера у соблазнительнаго домика просто кишѣлъ народъ. Надо было видѣть, какъ были рады бѣдные солдатики. Появленіе бани вызвало у всѣхъ крики неизъяснимаго восторга. Съ этихъ-то поръ и у насъ время пошло какъ-то веселѣй.

Черезъ нѣсколько дней я неожиданно получилъ приказаніе отправиться въ Ловчу въ качествѣ квартирьера и заготовить квартиры для 1-го дивизіона. Помню, что когда я выѣхалъ съ 4 казаками изъ Богота, поднялась ужасная мятель. Но казаки нюхомъ узнавали мѣстность и до того какъ смерклось довели меня до Ловчи.

Здѣсь мы прожили недолго и 29-го числа мы были уже въ Сельви. На ночлегъ я, вмѣстѣ съ товарищемъ, попалъ въ одно хорошее турецкое семейство, которое приняло насъ буквально какъ родныхъ. Два красавца мальчика, Ахметъ и Магометъ, нисколько не стѣснялись насъ и все играли съ нами въ карты. Самъ старикъ — глава семейства, отличался необыкновенною красотой и кротостью. Все, что у него было, онъ съ радостью первый предложилъ намъ и на ночь устроилъ великолѣпныя постели. Когда же мы уѣзжали, то онъ вмѣстѣ съ другими старѣйшими турками вышелъ насъ проводить.

30-го въ 5 часовъ утра, мы выступили на Габрово, котораго и достигли только вечеромъ.

Остановившись въ первомъ попавшемся домишкѣ, я поскорѣе снялъ свои доспѣхи и отправился въ госпиталь. А тамъ уже кипѣла работа и безконечное число транспортовъ приставало каждую минуту. На другой день мы вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ двинулись черезъ Балканы.

— Далеко-ли до горы св. Николая? спрашивали мы въ нетерпѣніи.

— Далеконько-съ, смѣясь отвѣчали выползшіе изъ землянокъ офицеры.

Черезъ всѣ Балканы мы прошли пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. Пройдя еще шаговъ съ пятьдесятъ, мы увидѣли, что всѣ находящіеся здѣсь войска были выстроены шпалерой по одной сторонѣ дороги, имѣя впереди пѣсенниковъ и музыкантовъ для встрѣчи Великаго Князя. Добрыхъ часа два, мы шли до горы св. Николая и, достигнувъ до подошвы ея, съ ужасомъ взглянули на ужасную шипкинскую позицію. Шагахъ какихъ-нибудь въ ста отъ горы, на дорогѣ, какъ разъ надъ обрывомъ, возвышалась цѣлая груда солдатскихъ замерзшихъ

труповъ. У самаго Шипкинскаго прохода въ нѣсколькихъ шагахъ отъ траншеи, мы свернули съ дороги и развернули фронтъ въ ожиданіи Главнокомандующаго. Я соскочилъ съ лошади и оглядѣлся кругомъ. Боже мой, какая грандіозная и страшная мѣстность. Со всѣхъ сторонъ меня окружали торчащія скалистыя вершины, надъ которыми гордо и грозно возвышалась гора св. Николая. Слѣва и справа были глубокіе лощины и овраги, покрытые сплошнымъ бѣлымъ саваномъ. А впереди разстилалась долина розъ, сливаясь на далекомъ горизонтѣ съ небомъ Я подбѣжалъ ко рву траншеи и, обогнувъ его, сталъ спускаться къ мортирной турецкой батареи. Здѣсь мнѣ снова пришлось разводить руками при видѣ гигантскихъ нечеловѣческихъ работъ, ибо самыя батареи были съ адскимъ упорствомъ высѣчены въ скалахъ. Съ батарей я вылѣзъ совершенно ошалѣлый и въ большомъ почтеніи къ энергическому врагу. Вскорѣ показалась коляска Великаго Князя и мы всѣ съ радостью стали спускаться съ Балканъ. У самаго спуска въ долинѣ насъ ожидало необыкновенное зрѣлище Мы увидѣли поле сраженія послѣдняго славнаго шипкинскаго дѣла, мы увидѣли круговые редуты, разбросанные трупы, осколки оружія, цѣлый арсеналъ орудій и здѣсь же на этомъ полѣ увидѣли бѣлаго генерала передъ выстроившейся своей славной 16-й дивизіей. Великій Князь, въ сопровожденіи блестящей свиты подъѣхалъ къ героямъ и со слезами на глазахъ благодарилъ ихъ за вѣрную молодецкую службу. Проѣзжая мимо разбросанныхъ труповъ, мы увидѣли, что нѣкоторые изъ нихъ горѣли. Картина разрушенія была дѣйствительно ужасная, и мы рады были когда миновали ее. Со всѣхъ сторонъ къ Казанлыку, до котораго оставалось не болѣе 7-ми верстъ, шли отдѣльныя части. При входѣ въ самый городъ мы остановились, такъ какъ въ это же самое время съ другой улицы шли на перерѣзъ солдаты. До какой степени всѣ торжествовали, видно изъ того, что когда наша музыка заиграла польку, нѣсколько человѣкъ солдатъ, не смотря на страшное утомленіе послѣ перехода, пустились съ ружьями въ плясъ. Въ это время и солдаты какъ разъ остановились и, соблазненные примѣромъ, начали выдѣлывать уморительныя па. Мы просто помирали со смѣху и велѣли заиграть мазурку. Какого же было наше удивленіе, когда одинъ солдатикъ началъ лихо откалывать по всѣмъ правиламъ извѣстный танецъ. Конечно, тотчасъ нашлись охотники подражатели и при громкомъ смѣхѣ товарищей, стали прыгать козлами. Тутъ ужъ мы просто начали задыхаться отъ небывалаго и невиданнаго еще зрѣлища. Но вотъ грянула впереди музыка, танцоры бросились въ разныя стороны и, примкнувъ къ своимъ частямъ, замаршировали вмѣстѣ съ товарищами.

7-го января мы всѣ ликовали, по поводу полученія радостныхъ свѣдѣній. Генералъ Гурко, отбросивъ 3-го января часть турецкой ар-

міи отъ Кадыкіоя и Айранли къ Дермендере, настойчиво продолжалъ атаку 4-го января у Дермендере, 5-го января у Белластицы и Карагача, и окончательно отбросилъ турокъ къ горѣ Деспото-Дагъ за Энікіой и Ааскову. Турки потеряли сорокъ девя-ть орудій, взятыхъ нами съ боя, и одними убитыми по крайней мѣрѣ 4 тысячи, плѣнныхъ забрано и забирается множество, число опредѣлить пока трудно; но значительно болѣе 3-хъ тысячъ. Турки бѣжали горными тропинками въ разсыпную; путь къ Адріанополю черезъ Хаскіой, отрѣзанъ имъ окончательно. Генералъ Гурко доноситъ, что столь блестящимъ результатомъ трехдневнаго боя обязанъ энергіи, храбрости, неутомимости и находчивости графа Шувалова, а также храбрости и распорядительности генераловъ Дандевиля и Краснова: не находитъ словъ для оцѣнки заслугъ этихъ генераловъ; не можетъ нахвалиться самоотверженіемъ, изумительною выносливостью и геройскимъ поведеніемъ доблестныхъ войскъ. Въ 6-ть дней войска сдѣлали безъ передышки 150 верстъ, пройдя при этомъ два весьма трудныхъ перевала Вакорель и Траяновы-Ворота, послѣ этого немедленно вступили въ бой и дрались безъ отдыха три дня, съ ранняго утра до поздняго вечера, ночуя каждый разъ на полѣ сраженія. Непрошло и нѣсколькихъ дней со дня полученія этого извѣстія, какъ 11-го января мы уже всѣ знали, что Адріанополь палъ, а черезъ день мы выступили съ Великимъ Княземъ черезъ Эски-Загру, Эни-Загру, и 13-го января были уже въ Семенли. 14-го января Главнокомандующій прибылъ въ Адріанополь, проѣхавъ изъ Германлы по желѣзной дороги. Онъ видѣлъ всю гвардейскую пѣхоту съ артиллеріей, и нашелъ ихъ въ блистательномъ видѣ. При самомъ въѣздѣ въ Адріанополь, Великій Князь былъ встрѣченъ депутаціями и духовенствомъ отъ болгаръ, грековъ, армянъ и евреевъ, съ хоругвями, значками и церковнымъ пѣніемъ. При самомъ выходѣ изъ вагона, Великій Князь поздоровался со всѣми и обнялъ Гурко и Нагловскаго. До самаго города Великаго Князя сопровождали барабанный бой и музыка. У входа въ городъ была воздвигнута тріумфальная арка изъ миртъ и лавра, на ее верху висѣлъ окаймленный лавровымъ вѣнкомъ портретъ Государя Императора. Всѣ балконы и окна домовъ, были разукрашены флагами и переполнены женщинами. Отвсюду протягивались побѣдителю дѣтскія рученки съ цвѣтами. Надъ Великимъ Княземъ развѣвались хоругви и какъ-то чудно блестѣли иконы, кресты и ризы духовенства. Разношерстая блестящая толпа двигалась тихо за Главнокомандующимъ. Великій Князь подошелъ наконецъ къ конаку и, поблагодаривъ еще разъ всѣхъ, вошелъ во внутренніе покои....

Хоть и плохая, а грянула музыка, и нашъ полкъ торжественно вступилъ въ Адріанополь и занялъ квартиры.

Дня черезъ два послѣ моей поѣздки на укрѣпленія,—это было вечеромъ часовъ въ восемь,— я вдругъ услышалъ одиночные ружейные

*

выстрѣлы. Еще минута и выстрѣлъ подъ самымъ моимъ окномъ. Я схватилъ револьверъ и выбѣжалъ на улицу.

— Гдѣ стрѣляютъ? обратился я къ первому попавшемуся болгарину.

— Тука, тука, братушка, домъ горѣ—тако труба.

Я подбѣжалъ къ часовому.

— Ты выстрѣлилъ?

— Точно такъ, потому тревога, пожаръ, — невозмутимо отвѣтилъ солдатъ.

— Такъ зачѣмъ же столько выстрѣловъ?

— Да то, осклабился часовой, болгарская полиція стрѣляетъ, съ дуру обрадовалась.

Я бросился бѣжать на мѣсто катастрофы и здѣсь, несмотря на разыгрывающуюся драму, едва могъ удержаться отъ смѣха. Братушки, схвативъ водокачалки и кишки, тащили ихъ къ пылающей стѣнѣ и при этомъ орали во все горло. Это были какіе-то животно-дикіе звуки, которые они испускали отъ удовольствія, что и имъ дали работу... Удивительный народъ эти братушки съ крестами!.. Чего они только не выдумаютъ.

15-го января въ главной квартирѣ были получены свѣдѣнія о томъ, что въ ночь съ 12-го на 13-е января, генералъ Струковъ взялъ Люле-Бургасъ и нагналъ до 15-ти тысячъ подводъ съ удаляющимся мусульманскимъ населеніемъ, числомъ около 50-ти тысячъ человѣкъ. Вотъ съ этого-то времени, а именно съ 17-го января, массы бѣгущихъ мусульманъ стали производить на всемъ пути пожары, грабежи, насилія и убійства. 18-го января жители Родосто находились въ страшномъ смятеніи, такъ что одинъ изъ вице-консуловъ обратился письменно къ генералу Струкову о томъ, чтобы онъ оградилъ городъ отъ насилія и разбоя черкесовъ. Но и въ самомъ Адріанополѣ, когда турецкій гарнизонъ выступилъ уже изъ города, господствовала страшная анархія. Черкесы стали безцеремонно грабить лавки, болгары бросились на турокъ и началась ужасная кутерьма, мало того, по улицамъ появились баррикады и всѣ жители поспѣшили вооружиться поскорѣй. 19-го января, ровно въ 6 часовъ вечера, въ главной квартирѣ раздалось громкое „ура“, я выбѣжалъ на улицу и увидѣлъ, что множество офицеровъ бѣжало по направленію къ конаку, гдѣ жилъ Главнокомандующій. Въ это самое время раздалось „ура“ у самой мечети Селима. Я бросился туда и наткнулся на нѣсколько человѣкъ солдатъ.

— Чего вы кричите! что случилось? обратился я къ нимъ.

— Не можемъ знать, — отвѣтилъ бравый унтеръ-офицеръ,—закричали тамъ, а мы подхватили.

— Миръ! миръ! миръ! „ура!“ кричалъ кто-то на бѣгу.

Солдатики тоже подхватили и тоже бросились бѣжать къ своимъ.

Наконецъ отъ подбѣжавшихъ своихъ я узналъ, что Великій Князь и турецкій уполномоченный, ровно въ 6 часовъ подписали предварительное условіе мира, а въ 7 — условіе перемирія. Въ эту торжественную минуту насъ охватила всепоглощающая радость и дорогая родина мелькнула уже передъ счастливыми глазами. Какъ въ лихорадкѣ мы всѣ вернулись по домамъ и, непробывъ тамъ и 5 минутъ, снова разбѣжались по городу, прислушиваясь къ радостнымъ, задушевнымъ крикамъ солдатъ.

Въ одинъ прекрасный, а по моему даже и злосчастный, день мы получили экстренное приказаніе отъ Главнокомандующаго немедленно выступить въ С.-Стефано, отстоящее по маршруту въ 230 верстахъ отъ Адріанополя. Эти 230 верстъ мы прошли залпомъ безъ дневокъ и почти безъ корму.

Картина разрушенія представилась намъ во всемъ пути: трупы людей, лошадей и скота попадались на каждомъ шагу. Въ послѣдній переходъ мы совершенно неожиданно, поднявшись на гору, во всей красѣ увидѣли Константинополь.

— Братцы!.. взволнованнымъ голосомъ крикнулъ командиръ полка, вотъ непріятельская столица, до которой, проливая кровь, пробивались мы... Вотъ она глядите, глядите!..

Страшное „ура“ раздалось по всѣмъ рядамъ. „Боже Царя храни“ заигралъ хоръ и мы сняли шапки.

Радостный крикъ все еще гремѣлъ въ заднихъ рядахъ.

„Ура!“ и снова полкъ съ пѣснями двинулся впередъ...

11-го февраля, въ 4 часа ночи, Главнокомандующій съ согласія султана прибылъ по желѣзной дорогѣ въ С.-Стефано.

Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ прибыла свита въ 50 человѣкъ, въ которой находились начальникъ штаба южной арміи, герцогъ Евгеній Лейхтенбергскій, принцъ Баттенбергъ. Реуфъ-паша вышелъ на встрѣчу Главнокомандующему и вмѣстѣ съ Мехмедомъ-Али и адъютантомъ султана привѣтствовали его появленіе, а греческое С.-Стефанское духовенство поднесло хлѣбъ-соль. Домъ, въ которомъ помѣстился Главнокомандующій, принадлежалъ знатному армянину Аракалъ-бей-Дадіану. Вскорѣ за Великимъ Княземъ прибыли русскіе и турецкіе уполномоченные: Въ домѣ Шнейдера помѣстились: графъ Игнатьевъ, гг. Нелидовъ, Ону и Хитрово со всѣмъ персоналомъ канцеляріи. Вскорѣ прибыли и войска, которыя расположились лагеремъ въ окрестностяхъ С.-Стефано...

Было 8 часовъ вечера, когда я въѣхалъ въ ворота С.-Стефано. Площадь съ домомъ Великаго Князя была залита огнями и чуть не сплошь усѣяна лотками съ грудами апельсиновъ, капусты, табаку, халвы и всякой всячины. Цилиндры, фески, фуражки, кепи—шныряли взадъ и впередъ. Воздухъ ежеминутно оглашался то разудалой пѣсней подгуляв-

шихъ, то флейтой, шарманкой и бубномъ странствующихъ музыкантовъ, то хоровою боевою пѣсней входящихъ войскъ.

Полный разгулъ и веселье! Знай нашихъ! Кое-какъ я пробрался черезъ толпу и въѣхалъ въ узенькую, грязную улицу. Всѣ кабачки въ ней были открыты и освѣщены: солдаты и здѣсь гуляли.

— Другъ! чуть не плача надрывался солдатъ, обнимая шарманщика,—валяй родную... хранка не пожалѣю... вотъ тебѣ хрестъ...

Въ 11-ть часовъ я разстался съ товарищемъ и поплелся домой съ невеселой думой.... что-то скажетъ завтрашній день 19-го февраля....

Долго я еще ворочался на своей постелѣ, прежде чѣмъ заснуть. Картина божественной родины, тихаго Дона, внезапно предстала передо мной. Съ сладкой грезой: „до скораго свиданія“, заснулъ тревожнымъ сномъ.

19-го февраля, съ самаго утра толпился у церкви народъ,— ждалъ Великаго Князя. Ровно въ 11-ть часовъ раздался звонъ и къ двумъ часамъ, войскамъ приказано было собраться за городомъ у маяка. Между тѣмъ, какъ войска нетерпѣливо ждали Главнокомандующаго, въ самомъ городѣ происходило слѣдующее. Великій Князь у себя выжидалъ рѣшенія совѣщанія генерала Игнатьева съ Савфетомъ-пашей. Вскорѣ къ Великому Князю явился полковникъ Орловъ и объявилъ, что миръ подписываютъ. Тогда Великій Князь вышелъ изъ дома и сѣвъ на лошадь, шагомъ поѣхалъ къ войскамъ. Вскорѣ снова подскакалъ полковникъ Орловъ и сказалъ:

— Ваше Императорское Высочество, вотъ перо которымъ миръ подписанъ!

Великій Князь снова направился къ войскамъ и, недоѣзжая до нихъ, былъ остановленъ генераломъ Игнатьевымъ, который и поздравилъ его съ миромъ. Тогда Главнокомандующій подъѣхавъ къ войскамъ и, поздоровавшись со всѣми, крикнулъ: „гг. офицеры ко мнѣ!“

Съ быстротою молніи собрались мы всѣ передъ фронтомъ. Кто верхомъ, кто держа лошадей въ поводу, окружили Великаго Князя, который, обратившись къ войскамъ, дрогнувшимъ голосомъ воскликнулъ:

— Богу угодно было благословить насъ миромъ, „ура!“

Громкое долго сдерживаемое „ура“ казалось потрясло стѣны Константинополя, Великій Князь далъ знакъ умолкнуть. Снова обратился къ войскамъ, и благодаря ихъ отъ имени Государя Императора, за славную службу. Раздалось дружное неумолкаемое „ура“.

Затѣмъ Великій Князь быстро соскочивъ съ лошади, крикнулъ:

— Шапки долой, на молитву!

Начался молебенъ. Усердно молились войска. Чудная торжественная минута.... „за упокой убіенныхъ“ провозгласилъ діаконъ.

Великій Князь, а за нимъ и всѣ мы опустились на колѣни.

Въ 5½ часовъ начался парадъ. Стемнѣло—и на маякѣ показался свѣтъ. Солдаты завидѣвъ его—перекрестились.

— Братцы, вишь свѣтъ! значитъ доподлинно миръ!

Съ музыкой и пѣснями войска возвратились въ городъ. Торжество было необыкновенное. Всѣ сразу стали знакомыми, и шампанское полилось рѣкой. Всѣ рестораны биткомъ были набиты офицерами.

Въ кафе-шантанѣ разливное море.... Ужъ не пѣвицы пѣли, а гости, и стѣны казались готовы были рухнуть отъ потрясенія.

Между офицерами былъ добрѣйшій генералъ Ш....ъ, за здоровье котораго тотчасъ же былъ предложенъ тостъ; любимый начальникъ тотчасъ отвѣтилъ слѣдующее:

— Господа! Я только нѣсколько дней командую гвардейскимъ корпусомъ и отъ души счастливъ тѣмъ. Вы братцы сослужили службу вѣрную и перенесли всѣ неимовѣрные труды. Между нами есть офицеры, непринадлежащіе къ гвардейскому корпусу.... Они точно также сослужили вѣрой и правдой!

— Братцы! за здоровье нашей доблестной арміи. Ура! ура! гаркнуло все собраніе въ отвѣтъ.

Оркестръ заигралъ народный гимнъ, всѣ встали, и воцарилось глубокое молчаніе....

По окончаніи народнаго гимна, снова неудержимо загремѣло „ура“.

Шумно и весело провели мы вечеръ и до разсвѣта распѣвали „Пастильонъ“. Выходя изъ кафе я нечаянно зацѣпилъ локтемъ одного господина и, конечно, извинился.

— Какіе тутъ пардоны, весело сказалъ онъ, давайте-ко лучше поцѣлуемтесь и будемъ знакомы;—корреспондентъ такой-то.

Я его крѣпко поцѣловалъ и опьяненный восторгомъ отъ всего происходившаго вышелъ на улицу. Лицо мое горѣло и въ этотъ незабвенный для меня моментъ, я готовъ былъ упасть на колѣни и лобзать холодѣющую землю.... Памятенъ будетъ мнѣ славный день 19-го февраля.

Въ этотъ же день Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, была послана Государю Императору телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ намъ Государь окончить предпринятое Вами, великое святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ Вы освободили христіанъ изъ-подъ ига масульманскаго“.

Султанъ турецкій въ свою очередь поздравилъ Императора въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Пользуюсь днемъ восшествія на престолъ Вашего Императорскаго Величества, чтобы принести Вамъ мои поздравленія, и при этомъ случаѣ возобновить наши дружественныя отношенія“.

На что полученъ отвѣтъ:

„Благодарю Ваше Императорское Величество за выраженныя Вами благія желанія. Получивъ ихъ одновременно съ извѣстіемъ о подписаніи мира, Я съ удовольствіемъ вижу въ этомъ совпаденіи предзнаменованіе хорошихъ между нами отношеній, — долговѣчныхъ и прочныхъ".

Въ 10 часовъ, на другой день, я вышелъ на площадь, и видъ ея былъ видъ комнаты, изъ которой только-что вынесли мебель. Я пошелъ къ морю, которое въ этотъ день было очаровательно. Прорывавшійся изъ-за тучъ солнечный лучъ чудно серебрилъ море. Волны съ ревомъ бились о пристань и миріады бѣлыхъ рыболововъ носились надъ ними. Народъ, какъ и всегда, толпился у пристани. Налюбовавшись до-сыта чудной картиной, я отправился домой и приказалъ осѣдлать своего „Россинанта". Часъ спустя я уже скакалъ къ бивуаку гвардейской казачьей батареи. Встрѣтили меня какъ роднаго и усадили за обильно уставленный столъ. Послѣ обѣда поднялась оживленная болтовня и была разсказана масса прекурьезныхъ эпизодовъ.

Такъ, одинъ офицеръ повѣдалъ намъ слѣдующій безподобный эпизодъ:

Во время аванпостной службы въ рущукскомъ отрядѣ подъ Апанапакомъ, три казака-атаманца, въ виду эскадрона черкесовъ, стояли подъ деревомъ и о чемъ-то съ жаромъ спорили.

Вскорѣ къ нимъ подъѣхалъ офицеръ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? —спросилъ онъ ихъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, думаемъ какъ бы турку атаковать... Вотъ онъ пойдетъ съ лѣваго фланга, а мы вдвоемъ съ фронту... Только,—замялись казаки,—одного боимся... какъ бы потерь большихъ не было,—отъ начальства взбучка будетъ... Вонъ казакъ Каргинъ, перваго взвода батареи, такъ онъ разъ за сѣнцомъ для лошадей пошелъ, да въ попыхахъ и не замѣтилъ, что захватилъ человѣка, спящаго въ сѣнѣ, такъ и бухнулъ его въ стойло...

Подвигъ вахмистра Антона Аведакова, гвардейской донской казачьей батареи, привелъ всѣхъ въ восторгъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: Вахмистръ Аведаковъ, идя съ батарейнымъ обозомъ, отсталъ отъ батареи, будучи задержанъ подъемомъ пѣшей артиллеріи на горы передъ Вѣтреновымъ. Такъ какъ при батареѣ денежнаго ящика не было, то всѣ батарейныя суммы, въ количествѣ 9-ти тысячъ, находились при обозѣ, хотя обозъ и прибылъ того же числа вечеромъ въ Вѣтреново; но батареѣ приказано было, не останавливаясь въ Вѣтреновѣ, продолжать движеніе на Базиль, для соединенія съ 3-ю гвардейской кавалерійской бригадой. На другой день бригада, вмѣстѣ уже съ батареей, пошла въ обходъ Татаръ-Базарджика; обозъ же, по личному приказанію генералъ-адъютанта графа Шувалова, былъ остановленъ въ деревнѣ. Войдя 7-го января въ дер. Дербетъ и выкормивши лошадей, Аведаковъ хотѣлъ было продолжать движеніе, какъ его предупредилъ болгаринъ, что къ деревнѣ

съ правой стороны идутъ вооруженные турки числомъ до 60-ти человѣкъ и что въ разстояніи полчаса отъ деревни, влѣво находятся баши-бузуки и черкесы и впереди, въ разстояніи одной версты, — около табора пѣхоты. Чтобы спасти обозъ, а главное—казенныя суммы, вахмистръ Аведаковъ распорядился такъ: чтобы никого не выпустить изъ наступавшихъ турокъ, которые могли дать знать своимъ о ничтожномъ прикрытіи обоза, онъ рѣшился не допустить ихъ до деревни, броситься на нихъ съ находившимися при немъ 4-мя конными казаками и если удастся обезоружить, четыремъ же подводчикамъ, управлявшимъ фурами, приказалъ сѣсть на пристяжныхъ обозныхъ лошадей и, обскакавши деревню, показаться въ тылу у турокъ. Вынувъ револьверы, вахмистръ Аведаковъ и съ нимъ четыре казака выѣхали изъ деревни и понеслись на турокъ.

Во время этой атаки, послѣдніе успѣли сдѣлать два залпа, но такъ счастливо для храбрецовъ, что ни одного не ранили. Казаки, подскакавъ къ непріятелю шаговъ на 30, сдѣлали залпъ изъ револьверовъ и убили двухъ турокъ: одинъ изъ нихъ, какъ послѣ заявили сами турки, былъ ихъ старшій, другой же—горнистъ. Наскочивши на нихъ съ вынутыми уже шашками, казаки крикомъ и знаками показывали туркамъ положить оружіе.

Турки, озадаченные такою неслыханною смѣлостью и слыша въ тылу у себя тоже крики казаковъ, положили оружіе, которое тотчасъ же было подобрано казаками. Плѣнные были приведены въ деревню. Послѣ этого лихой вахмистръ Аведаковъ, зная близость турокъ, а вслѣдствіе этого и опасное положеніе обоза, тотчасъ запрягъ его и потянулся назадъ, захвативши плѣнныхъ и часть болгаръ для конвоя. Отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ деревни, вахмистръ Аведаковъ встрѣтилъ 3-ю гвардейскую кавалерійскую бригаду и обо всемъ происшедшемъ доложилъ командиру свиты Его Величества, графу де-Бальману. По приказанію командира бригады, плѣнные, въ числѣ 59-ти человѣкъ, при конвоѣ двухъ казаковъ, участвовавшихъ въ атакѣ, и болгаръ, которымъ роздано было отнятое оружіе, были отправлены въ Филиппополь, при письмѣ командира бригады къ начальнику отряда, генералу отъ кавалеріи, генералъ-адъютанту Гурко.

За свой геройскій поступокъ казакъ вахмистръ Аведаковъ представленъ въ офицеры.

Затѣмъ перешли къ декламаціи стиховъ, написанныхъ солдатами въ различное время. Наилучшими стихами оказались написанные фельдфебелемъ 13-й роты лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Пономаревымъ. Приводимъ ихъ здѣсь:

„Въ семьдесятъ седьмомъ году
Пришли къ туркѣ ко врагу
Русскіе войска (bis).

Шли сюда мы не гулять—
Пришли турку побѣждать
Россійскимъ штыкомъ (bis).
Повстрѣчался басурманъ,
Безъ похмѣлья сталъ вдругъ пьянъ:
Такъ онъ ошалѣлъ (bis).
Какъ подъ Горнымъ Дубнякомъ
Мы валили ихъ рядкомъ,—
Знатно разнесли (bis).
Черезъ три дня Телишъ сдали,
Пушки, ружья побросали,
Сами въ плѣнъ пошли (bis).
А изъ Дольняго Дубняка
Турки задали дирка,
Въ Плевну убрались (bis).
А какъ въ Плевну убрались—
Тамъ задачей задались
Насъ не допущать (bis).
Батареевъ тамъ нарыли
И редутомъ закрѣпили,
Ну-ка, братъ, возьми (bis).
Мы задачи вѣдь рѣшали,
Не такія стѣны брали,
Эту, братъ, возьмемъ (bis).
Помни, братецъ, ты Дубнякъ!
Не командуй въ Плевнѣ такъ,
Лучше покорись (bis).
А не то сами придемъ,
Нашимъ войскомъ заберемъ
Османа-пашу (bis).
Груды лягутъ всѣ предъ нами
И потопчемъ васъ ногами
Точно въ Дубнякѣ (bis)".

Всѣ эти пѣсни имѣютъ слишкомъ большое значеніе въ боевой жизни солдата. Тяжело раненый молитъ сотоварища:

— Землякъ! сыграй душа, на барабанѣ, все легче будетъ.

21-го февраля въ 11-ть часовъ, я вошелъ въ садъ прилегавшій къ дому Великаго Князя и увидѣлъ торжественную процессію: впереди Великаго Князя, который шелъ съ непокрытою головой, слѣдовало греческое духовенство, впереди котораго—мальчики въ бѣлыхъ и красныхъ одеждахъ со свѣчами въ рукахъ. А позади нѣсколько офицеровъ, тѣлохранитель Главнокомандующаго и взводъ турецкой полиціи, Великій Князь шелъ изъ церкви. Въ 1 ч. съ $^1/_4$ въ греческую церковь съ музыкой былъ перенесенъ черный гробъ князя Черкасскаго. Къ вечеру погода разгулялась, и на душѣ стало какъ-то легче, отраднѣе.

22-го погода стояла ужасная. Въ половинѣ втораго происходило отпѣваніе тѣла князя Черкасскаго, послѣ котораго оно было перенесено

на другое мѣсто—здѣсь же въ церкви. Гробъ несли: Великій Князь, графъ Игнатьевъ, генералъ Непокойчицкій и другіе генералы. Въ этотъ день въ два часа, пріѣхалъ германскій посолъ принцъ Рейсъ, за которымъ въ колескѣ Великаго Князя поѣхалъ дежурный ординарецъ.

Дня черезъ три, послѣ неудавшагося „grand bal" я отправился въ деревню Беюкъ-Калкалы, гдѣ въ это время стоялъ штабъ генерала Скобелева. Это была небольшая разрушенная деревенька съ нѣсколькими уцѣлѣвшими деревянными, дырявыми домами. Штабъ генерала жилъ бѣдственно. Пустая со скважинами комнатка, мѣшокъ съ кукурузой, на немъ кувшинъ—въ кувшинѣ огарокъ, на стѣнѣ ободранный баранъ, пальто да сабля. Спятъ на полу. Эта комната ординарцевъ Скобелева. Но несмотря на бѣдственную внѣшнюю обстановку, мы провели нѣсколько дней самымъ прекраснымъ образомъ.

Вотъ здѣсь-то мнѣ удалось съ согласія генерала, выписать всѣ приказы его. Считаю не безъинтереснымъ привести тутъ же ихъ содержаніе.

„Отъ 27-го августа, Боготъ.

Вамъ предстоитъ исполнить трудную, но отмѣнно-славную задачу. Опираясь на плевно-ловчинское шоссе, овладѣть д. Брестовцомъ-Крышиномъ и высотами, пересѣкаемыми плевно-ловчинскимъ шоссе, окаймляющимъ Плевно съ юга и утвердиться на нихъ. Дальнѣйшее наше дѣйствіе будетъ указано намъ обстоятельствами. Во всякомъ случаѣ, вѣнцемъ задачи нашей ворваться и остаться въ городѣ Плевно, прорвать и взять рядъ непріятельскихъ укрѣпленій и наступленіемъ слѣва, захватить софійское шоссе—путь отступленія непріятеля. Повторяю задача не легкая, но, я въ этомъ увѣренъ, достойнаго вашего мужества. Гг. офицеры и вы, ребята, убѣдились подъ Ловчей, что непріятель не можетъ устоять противъ вашего спокойнаго вполнѣ порядочнаго, а потому и грознаго, наступленія. Напоминаю о необходимости строго различать наступленіе отъ атакн. Въ остальномъ предлагаю принять къ руководству мой приказъ передъ ловчинскимъ дѣломъ, гдѣ можно—должно окапываться пѣхотѣ и артиллеріи, а потому шанцовый инструментъ имѣть при себѣ.

Отступленія смѣны частой изъ боевыхъ линій, до конца боя въ предстоящіе рѣшительные дни,—быть не могутъ. Будемъ стоять до конца, какъ стаивали наши отцы, подъ тѣми же знаменами, которыя нынѣ Царемъ вручены намъ.

Ребята! въ нашихъ рядахъ сегодня самъ Государь Императоръ. Онъ смотритъ на васъ, ждетъ отъ васъ побѣды, а съ нимъ и дорогое наше отечество".

Приказъ 22-го августа:

„Въ предстоящемъ бою, въ первый его періодъ, первенствующее значеніе остается за артиллеріей. Батарейнымъ командирамъ будетъ сооб-

щенъ порядокъ атаки, причемъ рекомендуется не разбрасывать огня артиллеріи. Когда пѣхотныя части пойдутъ въ атаку, то всѣми силами поддержать ихъ огнемъ. Необходима внимательность; огонь особенно учащается, если выкажутся непріятельскія резервы, и до крайности если бы атакующая часть встрѣтила неожиданное препятствіе. Гдѣ дистанція позволяетъ, по траншеямъ и войскамъ стрѣлять картечными гранатами. Пѣхота должна избѣгать безпорядка въ бою и строго различать наступленіе отъ атаки. Незабывать священнаго долга выручки своихъ товарищей, во чтобы то не стало. Нетратить даромъ патроновъ. Помнить, что подвозъ ихъ по мѣстнымъ условіямъ—затруднителенъ. Еще разъ напоминаю пѣхотѣ о возможности порядка и тишины въ бою. „Ура“ кричать въ томъ лишь случаѣ, когда непріятель дѣйствительно близокъ и предстоитъ атака въ штыки. Обращаю вниманіе всѣхъ нижнихъ чиновъ, что потери при молодецкомъ наступленіи бываютъ ничтожны, и отступленіе въ особенности, безпорядочное, кончается значительными потерями и срамомъ“.

Приказъ отъ 6-го ноября (послѣ того какъ генералъ Скобелевъ былъ раненъ). „Третьяго дня Его Величество Главнокомандующій изволилъ меня посѣтить, подробно разспрашивалъ о ввѣренной мнѣ дивизіи, съ которой Его Высочество связанъ воспоминаніями безсмертной обороны Севастополя и сраженія 24-го октября 1855 года. Приписывая высокую оказанную мнѣ Главнокомандующимъ честь—молодецкой службы войскъ 16-й дивизіи, благодарю всѣхъ начальниковъ частей и выражаю убѣжденіе, что счастливцамъ, кои будутъ достойны командовать въ бояхъ этой славной дивизіей, всегда будетъ присуще почетное мѣсто въ рядахъ арміи. Самоотверженное въ высшей степени поведеніе всей дивизіи въ бояхъ 30-го и 31-го августа, славный штурмъ редутовъ Владимірцами и Суздальцами—30-го геройская оборона ихъ 31-го—въ особенности обратили вниманіе Россіи на славную 16-ю дивизію. Сама Государыня Императрица не оставила насъ своимъ Августѣйшимъ вниманіемъ. Изъ Москвы, изъ Петербурга шлютъ въ дивизію разныя вещи, списокъ коимъ съ распредѣленіемъ по полкамъ, будетъ объявляться въ приказѣ по дивизіи. Ничего не можетъ быть славнѣе для солдата, какъ заслужить вниманіе своего Монарха и народа. Я увѣренъ, что и въ послѣдующихъ бояхъ, вновь создавшаяся, по своему личному составу 16-я пѣхотная дивизія, не помрачитъ славы героевъ 30-го и 31-го чиселъ и съумѣетъ держать себя такъ, чтобы имѣть право съ чистою совѣстью возвратиться въ Россію. Прошу начальниковъ частей воспитывать ввѣренныя мнѣ части въ вышесказанномъ смыслѣ“.

Приказъ 1-го ноября:

„Неоднократно высказывалъ я, какъ гг. офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ ввѣренной мнѣ дивизіи, что основаніемъ успѣха при столкнове-

ніи съ непріятелемъ служитъ порядокъ въ бою, я назову его лучшимъ выраженіемъ—доблести и чести. Порядка въ бою тамъ быть не можетъ гдѣ начальники частей непроникнуты сознаніемъ того, что имъ приходится дѣлать, не осмысливъ себѣ передъ боемъ ту задачу, которую предстоитъ исполнить ихъ части.

Я не говорю о личной доблести гг. офицеровъ, ибо заранѣе убѣжденъ, что офицеръ не молодецъ не можетъ быть терпимъ въ 16-й пѣхотной дивизіи. Между тѣмъ, въ бою въ ночь съ 28-го на 29-е октября мною, было замѣчено, что многіе изъ гг. офицеровъ недостаточно держали своихъ людей въ рукахъ и вообще показались мнѣ не вполнѣ понимающими, ни смысла, ни важности того, что дѣлали. Подобное отношеніе гг. офицеровъ къ дѣлу, при такомъ даже сравнительно ничтожномъ непріятелѣ, какъ турки, могло бы имѣть вредныя послѣдствія. На будущее время предписываю гг. бригаднымъ, полковымъ и батальоннымъ командирамъ передъ боемъ, тотчасъ же по полученіи диспозиціи для боя—собирать всѣхъ наличныхъ офицеровъ, которымъ они обязаны прочесть и выяснить смыслъ диспозиціи и убѣдиться, что она ими понята. Гг. ротные командиры понятнымъ для солдатъ языкомъ, дѣлаютъ тоже самое относительно фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ, ввѣренной имъ роты, причемъ внушаютъ унтеръ-офицерамъ ихъ военное значеніе въ современномъ пѣхотномъ бою, гдѣ при растянутости линіи, офицеру вездѣ поспѣть трудно.

Гг. ротные командиры, проникнитесь и вы громадностью вашего боеваго, современнаго значенія; помните, что одна изъ лучшихъ нынѣ европейскихъ армій, выиграла двѣ славныя кампаніи одними ротными командирами (1866, 1870, 1871 гг.).

Какъ мнѣ не прискорбно, нижніе чины Владимірскаго пѣхотнаго полка, любя васъ и гордясь славной храброй 16-й дивизіей, но въ бою съ 28-го на 29-е число, нѣкоторые изъ васъ не оправдали моихъ ожиданій. Вы какъ будто забыли, что передъ вами стоятъ тѣ-же турки, которыхъ отцы и дѣды ваши привыкли бить не считая. Неужели мы покажемъ себя хуже своихъ отцовъ, неужели омрачимъ славу своихъ знаменъ? 7-я и 8-я (эти роты въ ночь съ 28-го на 29-е рыли траншею на близкомъ разстояніи отъ противника—въ 100 миль. Непріятель открылъ страшный огонь и онѣ на время удалились въ лощину, откуда ихъ снова вернулъ генералъ Скобелевъ на работы). 10-й и 12-й ротами я вполнѣ недоволенъ, онѣ вели себя недостойно русскаго солдата. Онѣ забыли, что чѣмъ непріятель ближе, тѣмъ лучше, тѣмъ славнѣе для честнаго солдатскаго сердца, что наша русская пѣхота всегда умѣла работать штыками, и до сихъ поръ не сверкала пятками передъ непріятелемъ. Предупреждаю всѣхъ чиновъ ввѣренной мнѣ дивизіи, что какъ бы тяжело и неблагопріятно не сложились временно боевыя обстоятельства, я

съумѣю заставить всякаго исполнить до конца долгъ службы и присяги и съ виновнаго будетъ взыскано по всей строгости законовъ. Съ глубокимъ уваженіемъ упомяну здѣсь о слѣдующихъ гг. офицерахъ: командирѣ Влааимірскаго пѣхотного полка полковникѣ Аргамаковѣ, командирахъ 1-го и 3-го батальоновъ того-же полка подполковникѣ Миневскомъ и маіорѣ Нечаевѣ, капитанахъ—Хмѣлевскомъ и Сполатбогѣ и, командирѣ 12-й роты Углицкаго полка поручикѣ Власовѣ.

Нижнимъ чинамъ 4-й линейной и 2-й стрѣлковой ротамъ Владимірскаго полка и 12-й Углицкаго—мое душевное спасибо. Они честно исполнили свой долгъ до конца. Они гордо могутъ смотрѣть въ глаза своимъ товарищамъ".

Приказъ 5-го октября:

„По телеграфическому извѣстію, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, вчера въ Малой Азіи одержана блистательная побѣда: Мухтаръ-паша разбитъ на голову, отброшенъ отъ Карса и обращенъ въ бѣгство.

Поздравляю моихъ сослуживцевъ 16-й пѣхотной дивизіи, съ только что полученной телеграммой Главнокомандующаго. Дѣло, за которое взялся за оружіе миролюбивѣйшій изъ монарховъ, нашъ Августѣйшій Государь—дѣло правое, на которомъ лежитъ благословеніе Божіе. Оно будетъ славно окончено. Напоминаю войскамъ, что скоро и намъ можетъ предстоять боевое испытаніе; прошу всѣхъ объ этомъ знать и крѣпить духъ молитвою и размышленіемъ, дабы свято до конца исполнить, что требуетъ отъ насъ долгъ, присяга и честь имени русскаго. Гг. офицеры и солдаты вновь прибывшіе изъ Россіи, въ особенности должны вдумываться во вновь созданное имъ судьбою положеніе.

Имъ въ бою послужитъ большимъ облегченіемъ, недавнее пребываніе въ дорогомъ отечествѣ. Они видѣли какія жертвы несетъ за насъ, здѣсь сражающихся Россія, чего отъ насъ она ждетъ".

Приказъ 22-го февраля:

„Войска ввѣреннаго мнѣ авангарда!

Послѣ славной побѣды подъ Шейновомъ, гдѣ вы уничтожили 60-ть непріятельскихъ батальоновъ, взяли 104 орудія, вы не шли а долетѣли до Константинополя.

Ваше молодечество преодолѣло всѣ трудности и, когда вы подъ стѣнами Царьграда грозно предстали передъ непріятелемъ, побѣжденная Турція просила у нашего Главнокомандующаго мира. 19-го февраля въ 6-ть часовъ вечера подписанъ славный миръ между Турціей и Россіей—миръ, купленный дорогой цѣной вашихъ усилій и вашей крови.

Отнынѣ мы стоимъ здѣсь въ странѣ дружественной. Отношенія наши къ побѣжденному народу, должны быть не только законно-правильными, но и великодушными, ибо храброе русское войско искони не

умѣло бить лежачаго врага. Я не сомнѣваюсь, что всѣ чины ввѣренныхъ мнѣ войскъ, вполнѣ поймутъ ихъ новыя отношенія, которыя со дня заключенія мира, должны существовать между нами и жителями, той страны, которую занимаютъ русскіе войска.

По приказу Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, объявляю, что всякое мародерство или насиліе относительно жителей, въ какомъ бы ничтожномъ размѣрѣ оно ни проявилось, повлекутъ за собою взысканіе съ виновныхъ по всей строгости законовъ военнаго времени.

Но, кромѣ того, Его Императорское Высочество Главнокомандующій изволитъ смотрѣть на подобный случай, какъ на доказательство недостаточнаго личнаго вліянія начальника на подчиненныхъ, а потому и предписалъ подвергать отвѣтственности кромѣ непосредственно виновныхъ, еще и начальника той части, въ которой безпорядокъ проявится. Я убѣжденъ, что ввѣренныя мнѣ храбрыя войска, не покроютъ своей безсмертной боевой славы не соотвѣтствующимъ поведеніемъ въ мирное время и, помня, что одна паршивая овца можетъ испортить все стадо, будутъ сами строго слѣдить за тѣми изъ нихъ, которыя могли бы поддаться искушенію—затемнить дорогое намъ доброе о насъ мнѣніе Августѣйшаго Главнокомандующаго".

Приказъ 10-го января:

„Поздравляю ввѣренныя мнѣ храбрыя войска съ занятіемъ второй столицы Турціи. Вашею выносливостью, терпѣніемъ и храбростью пріобрѣтенъ этотъ успѣхъ. Великій Князь Главнокомандующій приказалъ мнѣ благодарить всѣхъ. Порадовали вы нашего Государя Императора, порадовали вы нашего Августѣйшаго вождя, порадовали всю Россію. Отдавая вамъ должную справедливость, не могу, однако, вамъ не высказать, что за послѣдніе дни я замѣтилъ нѣкоторую распущенность. Обращаясь ко всѣмъ начальникамъ частей, ко всѣмъ гг. офицерамъ, ко всѣмъ честнымъ солдатамъ, ввѣренныхъ мнѣ доблестныхъ войскъ и напоминаю имъ, что на насъ, счастливцевъ авангарда дѣйствующей арміи, обращены взоры всей Россіи, всего міра. Да избавитъ насъ Господь отъ искушеній. Сохранимъ во всей чистотѣ славу русскаго имени и славу полковъ, поддержанную въ эту войну цѣною крови.

„Предупреждаю, что всѣ чины ввѣреннаго мнѣ отряда, что за всякую самовольную отлучку отъ частей, не говоря уже о мародерствѣ, пьянствѣ и преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ законами военнаго времени, виновные будутъ преданы полевому суду. Всякій случай мародерства будетъ признаваться мною доказательствомъ бездѣйствія власти начальниковъ частей".

Приказъ 7-го января:

„Генералъ Гурко окружилъ и разбилъ армію Сулеймана-паши. Взято 60 орудій, множество плѣнныхъ.

„На насъ возложена новая задача. Не смотря на трудность ея, я увѣренъ, что, во имя русской чести, во имя святаго дѣла, нынѣ нами проводимаго, ввѣренныя мнѣ войска еще на нѣсколько дней не ослабнутъ усиліями. не помрачатъ въ послѣдніе дни войны кровью завоеванной безсмертной славы. Прошу гг. офицеровъ осмыслить серьезность настоящаго положенія и внушить нижнимъ чинамъ, что требуемыя отъ нихъ нынѣ чрезмѣрныя усилія ведутъ къ окончательной побѣдѣ, къ быстрому возвращенію на родину. Еще разъ прошу гг. офицеровъ помочь мнѣ въ трудной моей задачѣ". Генералъ Скобелевъ.

Вотъ тѣ задушевно-глубокія строки, читая которыя, только слезы кулакомъ утираешь, да рычишь на врага, какъ звѣрь, готовый, въ случаѣ надобности, прыгнуть хоть въ жерла непріятельскихъ орудій и тѣмъ спасти отъ смерти героя-начальника. Я видѣлъ генерала Скобелева въ тотъ моментъ, когда онъ объѣзжалъ войска передъ боемъ. Позднѣе,— когда онъ самъ повелъ войска въ атаку... И понялъ тогда, что такое генералъ Скобелевъ.

Послѣдняя новость: „пираты близъ С.-Стефано появились. Два дня тому назадъ, ровно въ 12-ть часовъ ночи, на морѣ раздался пронзительный крикъ о помощи. Нѣсколько лодочниковъ бросились туда. Минутъ сорокъ спустя, они вернулись, ведя одну лодку на абордажѣ. Въ ней между братушками сидѣлъ, какъ видно, грекъ. На немъ не было лица, и температура, надо полагать, высокая. Черезъ переводчика онъ объяснилъ, что онъ съ хлѣбомъ возвращался изъ Константинополя. Около С.-Стефано неожиданно напали на нихъ 15 человѣкъ вооруженныхъ турокъ и потребовали денегъ. Получивъ отказъ, они употребили въ дѣло холодное оружіе, но, по странному стеченію обстоятельствъ, не причинили вреда. Крикъ „братушки" принудилъ ихъ скрыться. Насколько точно и вѣрно то, что передалъ мнѣ переводчикъ, плохо говорившій по-русски, — не знаю. Быть можетъ онъ и сплелъ сказку. Было что-то такое... Да должно быть голодные турки—больше и не кому быть...

Съ грустью какъ-то вообще вспоминается по истинѣ безотрадная и глупая с.-стефанская стоянка. Да и прежде, пожалуй, она была до нельзя безсодержательна, но за то не такъ пошла и безнравственна. Прежде все время внѣ службы и дѣлъ, уходило на игру въ засаленныя карты и спанье, а послѣ—на пьянство и пошлый развратъ, причемъ на деньги плевали!

„Одинъ ужъ съума сошелъ отъ скуки", слышалъ я въ началѣ марта, и въ концѣ: „одинъ ужъ кто-то застрѣлился!"

Да, очень и очень тяжело пробыть болѣе года въ компаніи, при условіи—„не обнищать душой!" Кто не былъ на войнѣ, тотъ этого, по-

жалуй, не пойметъ! А кто былъ, быть можетъ, не подумавъ, скажетъ: „да что-жъ, вѣдь это неизбѣжно“. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ... Есть много средствъ умалить на значительную степень зло. Каждый изъ насъ, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, разсуждалъ ни чуть не лучше одной простосердечной барышни съ недоумѣніемъ спрашивающей: „да развѣ курятъ на войнѣ?“ Дѣйствительно, никто изъ насъ и не воображалъ, что на войнѣ найдется досужее время заняться чѣмъ-нибудь. Я, напримѣръ, укладывая форменный чемоданчикъ, и въ мысляхъ не имѣлъ возможности взять альбомъ и краски. „Не до того будетъ, думалось мнѣ,—прощай, любимое искусство...“ Но развѣ я одинъ такъ разсуждалъ? Конечно, нѣтъ! Такъ разсуждали всѣ, и сильно ошибались. И вотъ очутились мы въ одиноко стоящихъ землянкахъ... Скука—ну, просто, адская! „Да что же, что дѣлать?“ твердили мы и, не находя отвѣта, бродили отъ палатки къ палаткѣ, какъ тѣни. Дѣйствительно, положеніе было невыносимое. Оставалось терпѣть, терпѣть и терпѣть! За то по приходѣ въ города, мы, какъ дикіе звѣри, накидывались на все, и, ужъ по правдѣ сказать, вели себя премерзкимъ образомъ. О книгахъ и чтеніи мы и не помышляли—ихъ негдѣ было взять. Что же оставалось намъ дѣлать? Вотъ почему и безобразничали мы подъ конецъ и на костыляхъ камеліямъ подавали букеты.

Разъ какъ-то вечеромъ сидѣлъ я въ своей конуркѣ и вмѣстѣ съ товарищемъ Д. велъ оживленный споръ. Рѣчь шла о давно уже прочитанной корреспонденціи изъ Казанлыка въ газетѣ „Голосъ“. Нумеръ этотъ сохранился у насъ, и самое обидное, не только для насъ, но и для всей кавалеріи, мѣсто было еще разъ прочитано. Это былъ оригинальный (чтобы не сказать больше) отзывъ о нашей кавалеріи пѣхотныхъ офицеровъ „запасныхъ войскъ“, помѣщенный такъ охотно г. фонъ-Гагерномъ въ наипопулярнѣйшей газетѣ. Онъ вызвалъ вполнѣ справедливое наше негодованіе и мы отъ сердца заступились за, ни въ чемъ неповинный, цѣлый рядъ войскъ.

Вотъ слово въ слово печальный текстъ:

„Товарищи мои по комнатѣ были пѣхотинцы“.

(Г. фонъ-Гагернъ выше говоритъ, что они изъ запаснаго войска, а слѣдовательно и прибыли въ концѣ кампаніи).

„Для меня было интересно выслушать ихъ сужденіе о русской кавалеріи. Всѣ они отозвались о ней неодобрительно. Мимо нашихъ оконъ проходилъ эскадронъ гвардейскихъ казаковъ.

„—Какая польза отъ ихъ службы? спросили меня офицеры.—Они не знаютъ даже самой простой рекогносцировочной службы. Когда ихъ посылали съ такою цѣлью, они ложились на землю за ближайшимъ холмомъ, и по прошествіи нѣкотораго времени возвращались съ донесеніемъ, что все благополучно. Въ послѣднее время съ ними всегда приходилось

отправлять пѣхотнаго офицера для того, чтобы возложенная на нихъ задача хоть сколько-нибудь была исполнена.

„Эта критика—продолжаетъ г. фонъ-Гагернъ—быть можетъ, во многихъ отношеніяхъ слишкомъ рѣзка и частью вызвана соперничествомъ, существующимъ болѣе или менѣе въ каждой арміи между различными родами оружія, но я и самъ припомнилъ много недостатковъ, обнаружившихся со времени нынѣшней войны въ русской рекогносцировочной службѣ и повлекшихъ за собою грустныя послѣдствія. Если бы, напримѣръ, кавалерія исполнила долгъ свой, походъ Османа-паши изъ Виддина въ Плевну съ четырьмя слишкомъ тысячами человѣкъ не прошелъ бы для нея незамѣченнымъ, а не будь Плевны, вся кампанія была бы приведена къ скорѣйшему окончанію и не стоила бы такихъ великихъ жертвъ“.

. . . . . .

Заслужила-ли наша кавалерія въ эту кампанію такой отзывъ?

Выражаютъ-ли вышеприведенныя слова взглядъ, который установился вообще въ пѣхотѣ на нашу конницу? Осмѣливаюсь не только увѣрять, но и доказывать, что вышеприведенныя слова ничего подобнаго не выражаютъ. Допустимъ, что офицеры и говорили все это, что жъ? „своимъ умомъ дошли“, но вотъ, что занимательно: г. фонъ-Гагернъ, самъ не придавая ихъ отзыву особаго значенія, все-таки поспѣшилъ напечатать его и подѣлиться съ публикой такимъ радостнымъ открытіемъ, что, молъ, наша кавалерія никуда не годится! и такимъ образомъ распространить вздорныя, тѣмъ не менѣе оскорбительныя мнѣнія нѣсколькихъ лицъ объ извѣстномъ родѣ войскъ. Быть можетъ, этотъ спеціальный корреспондентъ пожаловалъ къ намъ только для того, чтобы въ тылу арміи собирать сплетни? О, тогда дѣло другое — на здоровье!.. Только будетъ-ли это подходящее для газеты и интересно для публики? Но если ему дѣйствительно интересно узнать факты, характеризующіе нашу кавалерію въ турецко-русскую кампанію, чтобы познакомить общество съ этимъ, то онъ долженъ обратиться, во всякомъ случаѣ, къ людямъ болѣе компетентнымъ, чѣмъ къ офицерамъ запасныхъ войскъ.

Итакъ, заслужила-ли наша кавалерія въ эту кампанію такой отзывъ? Снова повторяемъ мы...

Какъ ни мало имѣется въ настоящее время оффиціально-вѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствіи различныхъ родовъ оружія, а тѣмъ болѣе кавалеріи, тѣмъ не менѣе достаточно самаго поверхностнаго обзора многочисленныхъ донесеній и описаній различныхъ дѣлъ нашей кавалеріи на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій, чтобы вывести заключеніе, что конница наша всегда исполняла свой долгъ, сообразно данной военной обстановкѣ, предначертанной ей начальствомъ. Приводить въ примѣръ плохаго состоянія у насъ рекогносцировочной службы скрытное движе-

ніе Османа-паши изъ Виддина въ Плевну, по нашему, преждевременно и не доказано. Вѣрно-ли знаетъ г. фонъ-Гагернъ, что кавалерія не пронюхала объ этомъ движеніи и не донесла во время? При неудачахъ обыкновенно стараются обвинить кого-нибудь. Это такъ. Но кто дѣйствительно былъ виноватъ въ плевненскихъ неудачахъ, того со временемъ исторія назоветъ безошибочно. Винить же въ этомъ въ настоящее время, не имѣя достаточно провѣренныхъ основаній, кавалерію—это, по крайней мѣрѣ, смѣло и дерзко.

Наконецъ, отвѣтственность по этому случаю могла пасть только на Кавказскую казачью бригаду, которая въ то время (5 іюля) дѣйствовала въ районѣ Плевно-Никополь. Очень и очень сомнительно, чтобы дѣйствительные „глаза и уши“ всей арміи, признанные всѣми, казаки кавказской бригады, могли бы произвести сосредоточеніе турецкихъ войскъ въ Плевнѣ...

Въ настоящее время роль кавалеріи заключается главнымъ образомъ: въ охранительной и развѣдывательной службѣ, рекогносцировкахъ, въ набѣгахъ небольшими партизанскими отрядами съ цѣлью порчи желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, станцій, захвата обоза, а также въ образованіи непроницаемой завѣсы впереди нашей арміи, какъ это было въ франко-прусскую кампанію.

Вотъ подобныя-то требованія отъ нашей кавалеріи въ эту кампанію были блистательно ею выполняемы, если тому способствовали: характеръ противника, условія мѣстности и свѣжесть кавалеріи, не замученной предыдущими дѣлами.

Въ фактическихъ примѣрахъ недостатка не будетъ, если мы даже вкратцѣ упомянемъ о дѣйствіи нѣкоторыхъ полковъ нашей кавалеріи.

Напримѣръ Донскихъ казачьихъ №№ 23 (Бакланова), 30 (Грекова), 26 (Фролова), полковъ Кавказской бригады, нѣкоторыхъ полковъ въ отрядѣ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, полковъ въ отрядѣ генерала Гурко, всѣхъ въ 1-й кавалерійской дивизіи и другихъ, о которыхъ, къ сожалѣнію, мы мало знаемъ, но дѣйствовавшихъ такъ же славно.

1) Полкъ Бакланова со дня переправы, въ продолженіи 6 дней несъ развѣдывательную службу, смѣло выдвинувшись впередъ на 60 верстъ. Послѣ чего до послѣдняго шипкинскаго дѣла (подъ Шейновымъ), не зная покоя ни днемъ, ни ночью, во все время имѣлъ безпрестанныя стычки. Наконецъ, 28 декабря, вмѣстѣ съ Донскимъ № 1 полкомъ, атаковалъ непріятельскую кавалерію, въ числѣ 2,000 человѣкъ, и принудилъ ее положить оружіе.

2) Полкъ Грекова. Во время перехода черезъ Троянъ атаковалъ турецкіе резервы и подъ Филиппополемъ взялъ съ боя 53 орудія. Содержалъ аванпосты и безпрерывно сталкивался и дрался съ пѣхотой и ка-

валеріей. Одной сотней, подъ командой сотника Галдина, открылъ Бэрдакъ и тамъ-то сдѣлалъ золотой вкладъ будущей безсмертной славѣ полка.

Офицеръ полка, безшабашный Галдинъ, съ 25 казаками задержалъ полторы тысячи пѣхоты, и въ концѣ концовъ, командуя ротой солдатъ и взводомъ казаковъ, первый ворвался въ ложементы непріятеля и занялъ одинъ изъ важныхъ пунктовъ—гору Бэрдакъ.

Облитый кровью, усердно работалъ впереди молодцовъ шашкой, ружьемъ и отбитымъ у противника его же оружіемъ, и нахально прошелъ съ 40 казаками черезъ весь бивуакъ непріятеля. Самъ Государь Императоръ и Великій Князь пожелали видѣть героя, милостиво протянули ему руки и наградили орденомъ св. Георгія.

Не лишнее замѣтить, что Донской № 30 полкъ имѣетъ 280 георгіевскихъ солдатскихъ крестовъ и нѣсколько офицерскихъ.

3) Боюсь утомить читателя перечнемъ боевыхъ заслугъ поименованныхъ частей. Ограничимся отзывомъ славнаго генерала Скобелева о полкахъ 1-й кавалерійской дивизіи (драгунскаго, уланскаго и казачьяго № 1).

Вотъ подлинныя слова приказа:

„Со дня назначенія трехъ полковъ 1-й кавалерійской дивизіи—пишетъ Скобелевъ — я не могъ нахвалиться молодецкою ея службою, по истинѣ кавалерійскимъ духомъ, одушевлявшимъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Ровно мѣсяцъ тому назадъ, наканунѣ Шейновскаго сраженія, генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ съ своими частями присоединился къ бывшему тогда подъ моей командой Иметлійскому отряду. Переходъ черезъ горныя тропы Балкановъ въ суровую зиму, черезъ глубокіе снѣговые сугробы, былъ тогда едва подъ силу нашей молодецкой пѣхотѣ. О содѣйствіи кавалеріи никто изъ насъ не думалъ. Между тѣмъ 1-я кавалерійская дивизія пришла во время, принявъ славное участіе въ сраженіи подъ Шейновымъ, обезпеченіемъ нашего праваго фланга дала возможность рѣшительно атаковать Шейновскій укрѣпленный лагерь, захвативъ Казанлыкскую дорогу, уничтожила въ самомъ началѣ попытку непріятеля прорваться на югъ, взяла болѣе 6,000 плѣнныхъ, способствовала сдачѣ сорока тысячной арміи, взятію 104-хъ орудій. Со дня Шейновскаго сраженія 1-я кавалерійская дивизія вступаетъ въ періодъ, для нея еще болѣе блистательный. Она становится авангардомъ авангарда всей русской арміи, представительницей отъ нынѣ неудержимой силы наступленія царскихъ дружинъ.

Полки 1-й кавалерійской дивизіи и здѣсь показали себя не ниже на долю ихъ выпавшаго славнаго жребія.

Выступивъ изъ Казанлыка 2-го января подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова, московскіе драгуны, петербургскіе уланы и 1-й донской казачій полкъ, безъ артиллеріи, уже 5-го

числа берутъ съ боя желѣзно-дорожный мостъ у Семенли-Тырнова, обороняемый непріятельской пѣхотой при шести орудіяхъ.

Мостъ, редутъ и шесть стальныхъ крупповскихъ орудій были трофеями молодецкой рѣшимости нашей кавалеріи. Тотчасъ по прибытіи къ Тырнову полковъ 16-й дивизіи и двухъ стрѣлковыхъ бригадъ, отрядъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова двигается къ Германлы, которое также занимаетъ съ боя. Въ то время, когда 16-я дивизія и стрѣлки, двинутые на Хаскіою, отбросили часть сулеймановской арміи въ горы, генералъ-маіоръ Струковъ, узнавъ о движеніи арміи Мехметъ-Али къ Адріанополю, стремится туда форсированнымъ маршемъ; пользуясь паникой, результатомъ молодецкихъ дѣйствій кавалеріи предупреждаетъ вступленіе въ Адріанополь турецкой арміи, спѣшившей изъ Шумлы, захватываетъ городъ и разстраиваетъ всѣ разсчеты турецкихъ вождей, уничтоживъ послѣднюю надежду ихъ сдержать напоръ нашей арміи. Не долго отдыхала славная 1-я дивизія во второй столицѣ турецкой имперіи.

Двинутая къ Константинополю 9-го января, она, подъ начальствомъ генерала Струкова, неустанно гонитъ передъ собою турецкія полчища и занимаетъ съ боя Чарлу, гдѣ ее застаетъ извѣстіе о перемиріи всего въ трехъ переходахъ отъ Константинополя.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ блестящее участіе полковъ 1-й кавалерійской дивизіи въ послѣдующихъ сраженіяхъ и стычкахъ настоящей турецкой кампаніи.

Отряду свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова мы обязаны, что арміи Сулеймана-паши и Мехметъ-Али не успѣли сосредоточиться для обороны Адріанополя, что паника, вслѣдствіе погрома турецкихъ вооруженныхъ силъ подъ Шейновымъ и Филиппополемъ, донеслась до столицы мусульманскаго міра, еще болѣе ужаснаго. Наконецъ, смѣю это высказать, что полкамъ 1-й кавалерійской дивизіи болѣе другихъ частей нашей арміи Россія обязана столь скорымъ заключеніемъ перемирія, предвѣстникомъ славнаго мира и т. д.". (Приказъ по войскамъ авангарда, 29-го января, Чаталджа).

Очень можетъ быть, что нѣкоторыя части нашей кавалеріи не показали себя на высотѣ своего назначенія. Но объясненіе въ этомъ нужно искать не въ нежеланіи кавалеріи исполнить „свой долгъ", въ чемъ г. фонъ-Гагернъ упрекаетъ ее вмѣстѣ со своими собесѣдниками, а въ другихъ явленіяхъ. Прежде всего, обязанность кавалериста гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ солдата другаго рода оружія: отъ него требуется въ гораздо большей степени: единичнаго развитія, смѣлости и самостоятельности, такъ какъ, по характеру своей службы, онъ часто ускользаетъ изъ-подъ вліянія своихъ ближайшихъ начальниковъ.

Пѣхота же дѣйствуетъ всегда въ массѣ подъ надзоромъ и руковод-

ствомъ начальниковъ. Нужно быть отчаяннымъ трусомъ, чтобы не идти въ атаку хотя бы на сильно защищаемый редутъ, когда тысячи товарищей и десятка два начальниковъ ѣдутъ впереди, по бокамъ и сзади.

Но совершенно въ другомъ положеніи бываетъ кавалеристъ, когда онъ долженъ въ одиночку или небольшою группою (въ три, шесть, двадцать человѣкъ) удалиться отъ своихъ, отъ всякой помощи, на разстояніи 15-ти, 20-ти верстъ по незнакомой мѣстности, среди вооруженнаго населенія, въ ожиданіи самыхъ непріятныхъ приключеній: или быть подстрѣленнымъ изъ-за куста, пропасть безъ вѣсти, или же, что гораздо хуже, быть замученнымъ баши-бузуками. При такихъ условіяхъ хорошо исполнить свой долгъ, обстоятельно и точно развѣдать о противникѣ можетъ кавалеристъ только тогда, когда обладаетъ недюжинной смѣлостью, сообразительностью и нравственною подготовкой.

Если въ настоящей войнѣ кавалерія не пріобрѣла блистательнаго, первенствующаго значенія, то въ этомъ точно также нельзя усматривать нежеланія съ ея стороны исполнить свой долгъ. Усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія сильно ограничило дѣятельность конницы въ большихъ сраженіяхъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе. Но что еще важнѣе, такъ это то, что успѣхъ кавалеріи и ея значеніе (за немногими исключеніями) всегда зависитъ отъ личности и способности начальника. Знаетъ ли г. фонъ-Гагернъ, что военная исторія даетъ намъ гораздо большее число способныхъ полководцевъ, чѣмъ истинныхъ кавалерійскихъ генераловъ?

Назвать полководцевъ не трудно: Александръ Македонскій, Аннибалъ, Цезарь, Фридрихъ Великій, Суворовъ, Наполеонъ и множество другихъ, безъ сомнѣнія, талантливыхъ военачальниковъ. Но перечислить имена кавалерійскихъ генераловъ будетъ затруднительно: два, три... и только...

И такъ, если великіе полководцы родятся вѣками, то истинные кавалерійскіе генералы появляются еще рѣже. И прежде, чѣмъ швырять обвиненіе нашей кавалеріи, не мѣшало бы надъ этимъ призадуматься.

Въ началѣ статьи мы говорили о томъ, что мнѣніе двухъ, трехъ пѣхотныхъ офицеровъ не есть ли выраженіе взгляда, установившагося вообще въ пѣхотѣ на конницу. Справедливость нашихъ словъ подтверждается какъ вышеприведеннымъ приказомъ генерала Скобелева (полагаемъ болѣе компетентнаго доморощеннаго взгляда гг. офицеровъ запаса), такъ и двумя характерными случаями, слышанными нами отъ очевидцевъ.

1) Командиръ пѣхотнаго полка, бивуакирующаго безъ кавалеріи, послѣ погрома турецкой арміи подъ Шейновымъ и Филиппополемъ, вскрикиваетъ: „хоть бы двухъ казаковъ раздобыть, а то стоишь, какъ въ потемкахъ и не знаешь, что вокругъ тебя происходитъ!“

Замѣтьте, г. фонъ-Гагернъ, какъ надѣются на бдительность казаковъ!

2) Офицеръ, закутанный въ плащъ и башлыкъ, довольно позднею порой подъѣзжаетъ къ нѣсколькимъ солдатикамъ, грѣющимся у небольшаго костра.

— Землякъ! дай-ка воды напиться,—проситъ офицеръ.

— Нѣту воды!—отвѣчаетъ тотъ *).

— Дай, дай!—кричитъ другой.—Развѣ не видишь, это казакъ!

— Пей, голубчикъ!

Если бы г. фонъ-Гагерну угодно было составить правдивый разсказъ о дѣятельности нашей кавалеріи (вмѣсто того, чтобы подчивать публику скороспѣлой корреспонденціей, какихъ уже и безъ того много), то онъ и помимо нашихъ слабыхъ указаній могъ бы найти достаточно богатый матеріалъ!

Мы не можемъ закончить длинное письмо безъ того, чтобы не сдѣлать еще одинъ вопросъ: къ чему въ разсказѣ г. фонъ-Гагерна приплетенъ эскадронъ гвардейскихъ казаковъ, который онъ видѣлъ изъ окна?

Эскадронъ этотъ принадлежитъ полку, который находился въ непосредственномъ распоряженіи Главнокомандующаго, какъ конвой Его Высочества.

Хотя упреки эти никакъ не могутъ относиться къ полку, однако, вслѣдствіе неискусной фразировки, да еще при поверхностномъ чтеніи газетныхъ статей, они очень легко могли бы быть понятными въ иномъ смыслѣ. Великій Князь Главнокомандующій дѣйствительно посылалъ (за недостаткомъ въ то время кавалеріи) гвардейскихъ казаковъ (свой конвой) на двѣ продолжительныя рекогносцировки; но смѣемъ увѣрить, что хотя тамъ пѣхотныхъ офицеровъ и не было, однако рекогносцировки были произведены очень не дурно. Первая рекогносцировка была изъ Тырнова подъ Османъ-Базаръ и была произведена на протяженіи 70-ти верстъ впередъ, по гористымъ, едва проходимымъ мѣстамъ. Не смотря, что по сторонамъ рекогносцирующій отрядъ (200 коней) имѣлъ значительныя скопища черкесовъ и баши-бузуковъ (по 5-ти тысячъ человѣкъ), грозившихъ ему ежеминутно отрѣзать путь отступленія, отрядъ все-таки подвигался до тѣхъ поръ, пока у самого Османъ-Базара не наткнулся на укрѣпленную позицію, занятую тремя родами оружія (до 6-ти тысячъ человѣкъ). Такимъ образомъ, отрядъ въ концѣ концовъ прошелъ туда (дер. Айкіой въ 15-й верстѣ отъ Османъ-Базара), куда только послѣ перемирія проникли наши войска!...

Вторая же рекогносцировка была произведена изъ Тырнова по направленію къ Ловчѣ и была завершена взятіемъ этого города послѣ (по выраженію телеграммы Османа-паши въ Константинополь) отчаяннаго

*) У солдата оставалось воды всего глотковъ 20-ть, и воду-то онъ принесъ издалека.

9-ти-часоваго сопротивленія мѣстныхъ жителей и роты низама. Кромѣ того, пренебрегая страшною усталостью, въ тотъ же вечеръ разъѣзды направились изъ взятаго города по направленію къ Плевнѣ и донесли о приходѣ туда передовыхъ войскъ, какъ потомъ оказалось, арміи Османа-паши.

Похоже ли все это на лежаніе за холмами?

Такимъ образомъ, если нѣмецкой кавалеріи становилось въ заслугу то, что она удалялась большими массами на два перехода, т. е. на 50 верстъ впередъ, то почему же движеніе нашихъ маленькихъ рекогносцировочныхъ отрядовъ на 70, 100 и болѣе верстъ, да еще по какой мѣстности—вдоль по Балканамъ — поставилось гг. офицерами резерва ни во что?!

31-го марта Великій Князь Главнокомандующій слушалъ торжественное молебствіе въ часовнѣ русскаго посольства. Еще ранѣе было предположено свиданіе Великаго Князя съ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ.

Какъ водится, нашлись люди, которые придали этому свиданію значенія болѣе, чѣмъ простаго обмѣна вѣжливости... Мусульмане, видящіе во всемъ интригу, готовы были, казалось, всѣми силами поставить всевозможныя препятствія, чтобы помѣшать свиданію... ссылаясь болѣе всего на свой строгій этикетъ. Но чтобы прекратить всѣ недоразумѣнія, было предложено, чтобы Великій Князь и его свита отправилась водой во дворецъ Долма-Бахчѣ на яхтѣ „Ливадія“, и чтобы султанъ отдалъ визитъ на „Ливадіи“, или другимъ, болѣе удобнымъ путемъ. Сверхъ ожиданія, турки не только приняли съ удовольствіемъ этотъ планъ, но и были настолько любезны, что въ распоряженіе Великаго Князя Главнокомандующаго предложили дворецъ Бейлербей, находящійся на азіатскомъ берегу Босфора, для возвратнаго визита султана.

Наконецъ насталъ всѣми ожидаемый день—понедѣльникъ. Все было готово.

Великій Князь со свитой, состоящей изъ 20-ти человѣкъ (или около того), сѣлъ на „Ливадію“, между тѣмъ какъ дополнительный кортежъ, числомъ до 60-ти человѣкъ, на „Константинѣ“ двинулся къ устью Босфора. „Ливадія“ вышла изъ Санъ-Стефано ровно въ 10 часовъ. Великій Князь не велѣлъ поднимать своего флага и не желалъ, чтобы ему отдавались салюты. Но на пути австрійскій авизо первый сдѣлалъ „Ливадіи“ сердечный привѣтъ, на что получилъ надлежащій отвѣтъ. Три англійскихъ канонирки разукрасились флагами и подняли русскій флагъ—комплиментъ, который былъ вполнѣ оцѣненъ. Шведская канонирка послала людей на реи и затѣмъ сдѣлала тоже сердечный привѣтъ.

При выходѣ на берегъ, Великій Князь былъ встрѣченъ первымъ министромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. У самого же дворца Долма-Бахче была выстроена рота гражданской стражи и оркестръ игралъ

русскій народный гимнъ. Драгоманъ Порты, Муниръ эффенди, отплылъ отъ берега на султанскомъ парадномъ каикѣ и проводилъ къ пристани Великаго Князя и его свиту. На самой пристани Великаго Князя встрѣтилъ Ахмедъ-Вефикъ и Савфетъ. Оттоманскія суда подняли русскій флагъ и Главнокомандующій прошелъ черезъ ряды султанской гвардіи къ главному входу, чтобы привѣтствовать султана. Абдулъ-Гамидъ радушно встрѣтилъ Великаго Князя и дружески пожалъ ему руку. Затѣмъ султанъ ласково привѣтствовалъ представленныхъ ему Великимъ Княземъ Николая Николаевича Младшаго и остальныхъ лицъ свиты. Послѣ этого султанъ отправился съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ въ верхніе покои, куда ихъ сопровождали Мунирь-эффенди и драгоманъ русскаго посольства, г. Ону.

Свиданіе между Великимъ Княземъ и султаномъ, было самое повидимому дружественное. Они пожали другъ другу руки, и спросили другъ друга о здоровьи и начался разговоръ требуемый обычною вѣжливостью. Однако представлены были только пять или шесть генераловъ, а остальные удовольствовались присутствіемъ тутъ. Конечно, не было никакой возможности представлять всѣхъ, не утомивъ до-нельзя султана. Были предложены: кофе, сласти и чубукъ, Великій Князь имѣлъ продолжительный разговоръ съ султаномъ, причемъ переводчикомъ служилъ драгоманъ русскаго посольства. При разговорѣ присутствовали: Нелидовъ, Савфетъ-паша и Реуфъ-паша, самый разговоръ продолжался минутъ 40. Потомъ Великій Князь распростился и отправился на „Ливадію“, которая, отправившись вверхъ по Босфору, остановилась у другаго берега у дворца „Бейлербей“.

Здѣсь Главнокомандующій, прогуливаясь по мраморной платформѣ у дворца, ожидалъ визита султана, весело разговаривая со свитой. Босфоръ въ этотъ день, какъ нарочно, былъ великолѣпенъ. Масса лодокъ, судовъ и пароходовъ, тихо разсѣкая голубыя волны, какъ-то кокетливо, точно въ истомѣ, отъ мягкаго солнечнаго свѣта. Медленно плыли впередъ мелкія, какъ хрусталь прозрачныя волны, рѣзвились и съ легкимъ шумомъ ударялись о мраморныя ступени. Было и славно и тихо, въ этотъ мигъ громада—Константинополь, съ своими волшебными башнями, мечетями и минаретами, являлъ панораму баснословно чудную. Взоръ какъ-то удивленно глядѣлъ на величаво-роскошную картину, словно не вѣря истинной дѣйствительности, поражающей всеобщей красоты и еще большаго величія.

Спустя полчаса, прибылъ султанъ на паровомъ катерѣ въ сопровожденіи Ахмеда-Вефика и другихъ членовъ кабинета и былъ встрѣченъ на ступеняхъ Великимъ Княземъ. Султану были оказаны всѣ должныя почести: на „Ливадіи“ былъ поднятъ оттоманскій флагъ, музыка играла турецкій маршъ, а матросы, взобравшись на реи, дружно крикнули

„ура!“ Великій Князь окруженный блестящей свитой стоялъ на берегу. Затѣмъ Главнокомандующій и султанъ вошли во внутренніе покои дворца и оставались тамъ въ продолженіи часа. Послѣ чего они отправились вмѣстѣ уже на султанской яхтѣ ко дворцу Долма-Бахче. Тамъ они простились, дружески пожавъ другъ другу руки, причемъ султанъ вернулся во дворецъ, а Главнокомандующій въ султанскомъ экипажѣ, запряженномъ 4-мя лошадьми, поѣхалъ къ принцу Рейсу, чтобы выразить ему душевную благодарность за покровительство его русскимъ подданнымъ. Отъ него Великій Князь отправился въ домъ русскаго посольства, и вотъ тутъ-то, послѣ долгаго почти годоваго промежутка времени, снова растворились громадныя желѣзныя ворота дома русскаго посольства. На Императорскихъ орлахъ были надѣты кожанные футляры, для снятія которыхъ на столбахъ воротъ стояло нѣсколько юнаковъ. При самомъ въѣздѣ въ ворота, одно изъ переднихъ колесъ экипажа ударилось объ столбы и самый экипажъ чуть неопрокинулся. Какъ нарочно и прикрѣпленіе русскаго герба тоже шло медленно и эти то сами по себѣ незначительные факты, были сочтены за дурное предзнаменованіе суевѣрными мусульманами.

Здѣсь же въ посольствѣ Великому Князю поднесли по русскому обычаю хлѣбъ-соль и въ часовнѣ зданія было отслужено торжественное молебствіе. Послѣ чего при звукахъ музыки турецкихъ полковыхъ хоровъ, Главнокомандующій снова отправился на яхту „Ливадія“ и взошелъ на бортъ...

4-го апрѣля у насъ былъ благодарственный молебенъ по случаю дня избавленія Государя Императора отъ опасности. Съ поздравленіями поэтому случаю къ Великому Князю прибыли: Мехметъ-Али-паша, командующій макрикіойской арміей и Решидъ-паша, начальникъ турецкой артиллеріи. На благодарственномъ молебствіи присутствовало до 70 депутатовъ изъ различныхъ краевъ Болгаріи, съ софійскимъ митрополитомъ во главѣ.

Наступалъ священный праздникъ.

Пасхальное богослуженіе было совершено въ с.-стефанской церкви. Городъ сіялъ и былъ убранъ вѣчно зелеными растеніями. На улицахъ толпились солдаты и почти каждый домъ освѣщался цвѣтнымъ фонаремъ. При входѣ Великаго Князя въ церковь, священникъ, штабные офицера съ иконами, солдаты съ хоругвями и Главнокомандующій, отправились процессіей и обошли кругомъ церкви, которую наполняли офицера въ полной формѣ и солдаты различныхъ полковъ. По ту и другую сторону алтаря, стояло по хору, а на галлереѣ находились дамы русскаго Краснаго Креста. Когда процессія снова вступила въ церковь, священники возгласили „Христосъ Воскресъ“ и на этотъ возгласъ отвѣтили тысячи голосовъ внутри и внѣ церкви, самая служба продолжа-

лась 1 1/2 часа, послѣ чего Великій Князь пригласилъ всѣхъ насъ на розговѣнье.

Столовая была убрана великолѣпно и изобиловала всевозможными яствами. Передъ входомъ стоялъ исполинскій букетъ роскошныхъ цвѣтовъ, по крайней мѣрѣ аршина два въ діаметрѣ. Непрошло и десяти минутъ, какъ всѣ комнаты были переполнены приглашенными. Великій Князь, какъ мнѣ показалось, былъ какъ-то грустенъ, но, по обыкновенію, необычайно ласковъ и привѣтливъ со всѣми. Съ часъ мы пробыли въ столовой Великаго Князя и потомъ разбрелись по домамъ. Я позабылъ сказать, что 15-го апрѣля въ С.-Стефано прибыли: генералъ Тотлебенъ и начальникъ штаба князь Имеретинскій.

Праздники кончились и насталъ періодъ радостныхъ надеждъ. Мы думали, что послѣ заключенія мирнаго договора, все, что не выговорила Россія, будетъ свято исполнено Турціей. Однако вышло не такъ. На самомъ дѣлѣ выговоренная побѣдительницей амнистія всѣмъ болгарамъ, сосланнымъ въ Малую Азію, Африку и другія мѣста, въ глазахъ турокъ имѣла характеръ скорѣе частный, чѣмъ общій. Въ доказательство послѣдняго можно привести тотъ фактъ, что за послѣднее время болгарская церковь въ Фенерѣ постоянно наполнялась заточенными болгарами разныхъ сословій. Эти „несчастные“ мученики пріѣхали изъ разныхъ мѣстъ, изъ Синопа, Кютаи, Діарбекира, Ангоры, Адала, Баликесера, острова Родоса и Триполиса.

Съ ними обращались ужаснѣйшимъ образомъ: мучали голодомъ, вырывали зубы, вывертывали разными орудіями члены, подставляли какое-то орудіе подъ бороды, причемъ ноги едва только касались земли и ничего не давая ѣсть продерживали такимъ образомъ 4—5 дней.

Кромѣ того, другихъ ужасно били и чтобы не слышали ихъ стоновъ и криковъ, нѣкоторые изъ мучителей пѣли, кричали, играли и били въ барабаны.

Вотъ этотъ-то способъ мученій совершали въ софійскихъ тюрьмахъ. Многіе изъ мучениковъ подавали прошеніе пашѣ, чтобы прекратить ихъ страданія, телеграфировали даже нѣсколько разъ Портѣ, но... ихъ состояніе нисколько не улучшалось. Послѣ пытокъ ихъ отправили въ ссылку въ оковахъ.

Вслѣдствіе всего было то, что въ 7-ми однихъ константинопольскихъ тюрьмахъ умерло около 300 душъ и несмотря на то въ самомъ Константинополѣ, гдѣ была уже дана амнистія, было еще много запертыхъ болгаръ. Какъ бы въ доказательство послѣдняго безотраднаго факта можно привести слѣдующее. Съ приближеніемъ въ Вранью сербскаго войска, туземное правительство заключило подъ арестъ намѣстника болгарскаго Скопскаго владыки арх. Даніила Хыландарскаго и учителя Стомонакова. Послѣ 3-хъ мѣсяцевъ страданій ихъ привезли въ Констан-

тинополь и заключили въ министерствѣ войны (Seraskerat), откуда они по болѣзни попали въ больницу, все-таки какъ плѣнные (по увѣренію начальника госпиталя). Спустя нѣсколько дней Стоманаковъ скончался...

Не меньше еще подобныхъ мучениковъ оплакиваютъ свою жизнь въ неизвѣстности...

Вотъ подобные-то безотрадные факты, вмѣстѣ съ разрушающейся надеждой „вернуться скорѣе домой“ принудили насъ повести разгульно-широкую жизнь. Организмъ былъ до нельзя напряженъ постоянными извѣстіями, что... вотъ... вотъ домой... А къ концу, когда появился тифъ, когда стали чаще таскать гробъ за гробомъ, мы окончательно упали духомъ и бросились въ омутъ всевозможныхъ чуть-ли не оргій... Да... не хорошее было время... ибо настали истинно тяжелые дни .

Нѣтъ сомнѣнія, что появившаяся страшная болѣзнь явилась совершенно нормальнымъ продуктомъ еще прежде пережитыхъ страданій во время отвратительныхъ стоянокъ вблизи болотъ, неразложившихся труповъ и грязи. Вотъ почему надломленный организмъ уже не въ состояніи былъ вынести послѣднихъ бытъ можетъ, слабѣйшихъ ударовъ и неминуемо долженъ былъ рухнуть. Въ самомъ дѣлѣ, долгая наша богот-ская стоянка въ землянкахъ, регулярно наполнявшихся каждое утро ключевою водою, нерѣдко замерзавшей, сплошные проливные дожди, сырость и невылазная грязь, все это исподволь подтачивало и подтачивало здоровье. А тутъ трудность походовъ вообще, постоянные недостатки и голоданіе, все болѣе и болѣе ослабляло силы.

Не прошло и мѣсяца со дня нашего прихода въ С.-Стефано, какъ въ нашемъ полку уже появились больные, а нѣсколько дней спустя, 100 человѣкъ тифозныхъ и лихорадочныхъ скучилось въ дырявомъ домишкѣ. Скорѣй нужно было выносить ихъ за городъ въ палатки, а послѣднихъ пока не было и мы тѣснились... и... мерли какъ мухи.

Положеніе вскорѣ сдѣлалось еще хуже, когда часть больныхъ мы перевели за городъ въ палатку, купленную въ Константинополѣ чуть-ли не на вѣсъ золота, и такимъ образомъ разбили свой лазаретъ на двѣ части. При этихъ условіяхъ уходъ за больными при одномъ докторѣ и двухъ фельдшерахъ, сдѣлался почти невозможнымъ. Вообще положеніе наше сдѣлалось до нельзя тяжелымъ, и если бы намъ не помогли „Георгіевская община“ и общество „Краснаго креста“, то намъ пришлось бы понести невѣроятно большія потери.

Я былъ назначенъ начальникомъ своего несчастнаго лазарета и, не зная, на что прежде всего нужно обратить вниманіе, я, признаться, при всемъ моемъ желаніи, врядъ-ли приносилъ какую-нибудь пользу. Такъ, я приказывалъ мыть полы, не обращая никакого вниманія на стѣны, насквозь пропитанные заразой, и о дизенфекціи не имѣлъ ровно никакого представленія. Съ одеждой, вполнѣ зараженной ядомъ, я рас-

поражался тоже прекомичнымъ образомъ: я приказывалъ ее выносить для провѣтриванія за городъ и класть въ сторонѣ отъ мѣста бивуачнаго расположенія полка. Я даже не предполагалъ, что заносилъ такимъ образомъ заразу. Далѣе я мнилъ улучшить положеніе несчастныхъ мучениковъ тѣмъ, что раздавалъ по двѣ, по три чистыхъ рубахи на 10, на 20 человѣкъ, или же французскія булки и немного вина. При каждодневномъ обходѣ я здоровался съ больными и не замѣчалъ того, что на мое казенное: „здорово братцы!“, одни отвѣчали молчаніемъ, а другіе бредомъ. Въ это время у насъ уже было до 200 больныхъ, которые были размѣщены, какъ сельди въ боченкѣ, въ провонявшихъ и сгнившихъ домахъ. Они лежали на разосланной соломѣ съ сѣдельными подушками и шинелями въ изголовьѣ. На нихъ было тяжко и страшно смотрѣть... Вотъ тутъ-то на помощь намъ и подоспѣла безцѣнная Георгіевская община, и лейбъ-казаки не должны никогда забывать безцѣнныхъ именъ своихъ спасительницъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что драгоцѣнное имя Елисаветы Петровны Карцевой и неразлучная съ ней Георгіевская община не безъизвѣстны всѣмъ и каждому. Такимъ образомъ скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ общихъ знакомыхъ. Но прежде, чѣмъ коснуться ихъ дѣятельности у насъ, скажу нѣсколько словъ о сестрахъ, коснусь ихъ дѣятельности вообще. Затрогивать подобный вопросъ позволяетъ мнѣ моя долгая наблюдательность во всѣхъ госпиталяхъ и перевязочныхъ пунктахъ въ продолженіе турецко-русской кампаніи. Можно положительно сказать, что милосердная сестра составляетъ все и вся, такъ какъ на ней главнымъ образомъ лежитъ благосостояніе госпиталя, лазарета, пріемнаго покоя. Дѣятельность общинъ неизмѣрима, польза — безконечна, и самый трудъ грандіозно величественъ. Это не напыщенныя фразы, это — выраженіе глубочайшаго уваженія и удивленія энергіи русской женщины.

Вотъ дѣйствительно истинныя христіанки, отъ чистаго сердца принимающія участіе въ радостяхъ и горестяхъ всего человѣчества. Какое же въ самомъ дѣлѣ непонятное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чудно божественное прозваніе „святыя“, глядя на нихъ твердятъ больные, и тысячу разъ правы они.

Разскажу первое посѣщеніе одной изъ сестеръ нашего полковаго лазарета, ея лихорадочной дѣятельности и быстро оказанной помощи. Первою вошла въ зачумленный домъ Елисавета Петровна Карцева съ двумя милосердными сестрами. Впечатлѣніе, произведенное на нихъ всей грустной обстановкой, было тяжелое... онѣ заплакали. „Бѣдные, бѣдные казаки“, съ грустью говорила добрая старушка, и на другой же день назначила къ намъ двухъ сестеръ: Сцепуру и Кремпенъ, память о которыхъ мы, лейбъ-казаки, сохранимъ и сохранимъ навсегда. Въ эту

пору у насъ уже было 350 больныхъ, изъ которыхъ часть была уже перенесена за городъ.

Какъ теперь вижу я старый расшатавшійся домъ, въ повалку набитый несчастными страдальцами. Всѣ сторонятся и бѣгутъ отъ него—тифознымъ гноемъ насквозь онъ пропитанъ; страшенъ онъ, какъ общая могила съ грудой наваленныхъ труповъ... Кто же теперь подойдетъ къ вамъ, кто не побоится дотронуться вашихъ зіяющихъ зловонныхъ ранъ, какъ малыхъ дѣтей изъ рукъ напоитъ, накормитъ васъ, обласкаетъ, утѣшитъ и поплачетъ съ вами? Передъ кѣмъ раскроютъ отходящую душу, черезъ кого передадите послѣднее прости родимой хатѣ, выскажете послѣднюю волю, облегчите душу отъ смертельнаго страха передъ страшной смертью?.. Не бойтесь не сироты вы: не оставятъ васъ вами же прозванныя святыя сестры. Чуть солнышко подымется и придутъ они, и до поздняго вечера, какъ ангелы, останутся при васъ...

Прошло два мѣсяца... и чудо совершилось надъ полкомъ—онъ снова всталъ на ноги. Было бы совершенно невозможно описать труды этихъ двухъ сестеръ; достаточно сказать, что вся черная и опасная работа пала на нихъ. Пораженный какою-то сказочною болѣзненною дѣятельностью этихъ непостижимыхъ женщинъ, я отдалъ имъ въ порывѣ непонятнаго чувства земной поклонъ.

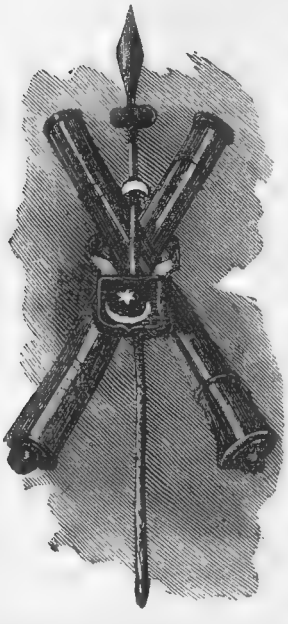
Три дня спустя, я уже лежалъ самъ въ бреду и, приходя въ чувство, съ какой-то чудной надеждой улыбался, глядя на нихъ. Но и онѣ скоро свалились съ ногъ и въ послѣдній разъ пришли навѣстить меня...

Да, тотъ, кто былъ на войнѣ, тотъ, кто лежалъ больнымъ, тотъ, кто видѣлъ работу ихъ, не задастъ вопроса: „что такое сестра?“ Ошибся знаменитый человѣкъ, сказавшій, что въ природѣ нѣтъ двухъ предметовъ, совершенно похожихъ другъ на друга. Онъ упустилъ изъ виду сестеръ милосердія, равныхъ по баснословному труду, энергіи и презрѣнію къ смерти...

Спасибо, безцѣнныя сестры; благодаря вамъ, я снова увидѣлъ тихую родину, я снова увидѣлъ божественный, родимый Донъ!..

РАЗСКАЗЫ АРТИЛЛЕРИСТА.

Нѣсколько недѣль подъ Плевною и подъемъ на Балканы.



Съ 12-го октября вторая гвардейская дивизія поступила въ резервъ и, вмѣстѣ съ гвардейскимъ саперным батальономъ, укрѣпляла позицію въ окрестностяхъ Горнаго Дубняка; первая же дивизія стала фронтомъ къ Дольному Дубняку, готовая отразить малѣйшую попытку турокъ прорваться изъ Плевны съ этой стороны. Рядъ ложементовъ, редутовъ и батарей былъ выстроенъ по линіи между недавно завоеваннымъ пунктомъ и селеніемъ Крушевацемъ, указывая на ожидаемую попытку Османа-паши прорваться съ этой стороны. Въ центрѣ этой линіи было назначено мѣсто нашей батареѣ и Измайловскому полку. Для послѣдняго построены два редута, а для насъ — углубленная батарея съ земляным погребкомъ для артиллерійскихъ снарядовъ и пороха, а также закрытыя мѣста для двухъ зарядныхъ ящиковъ.

На земляной батареѣ находилась только дежурная часть, а именно одинъ взводъ отъ нашей батареи съ офицеромъ; солдатскій же бивуакъ былъ расположенъ нѣсколько позади и правѣе на кукурузномъ полѣ, а офицерскія палатки стояли въ молодой рощѣ.

Густой туманъ въ это время покрывалъ мѣстность. Но тѣмъ усерднѣе поддерживались лагерные огни, надъ которыми, посредствомъ перекладины, упирающейся на двухъ верхнихъ концахъ расколотыхъ и въ землю воткнутыхъ палкахъ, солдаты вѣшали свои походные котелки. Кромѣ своихъ незначительныхъ мясныхъ порцій, они варили нѣ-

которыя изъ земли выкопанныя дикія корнеплодныя растенія, изъ которыхъ приготовляли себѣ нѣчто въ родѣ каши.

Однажды меня назначили на фуражировку въ деревню Крушевацъ.

Мы ѣхали по тропинкѣ черезъ неубранныя кукурузныя поля и болотистые луга.

Нѣсколько въ сторону отъ пути, мы въ полѣ нашли трупы черкеса и его павшей лошади; черви уже появились, чтобы завладѣть своимъ наслѣдствомъ.

— Вотъ онъ лежитъ, проклятый мусульманинъ!—воскликнулъ одинъ изъ молодыхъ солдатъ отряда.

— Получилъ небось заслуженное имъ наказаніе.

— Онъ лишь исполнилъ тоже самое, что и тебѣ приказано дѣлать,— возразилъ ѣхавшій подлѣ меня бородатый фейерверкеръ, проживший на своемъ вѣку уже болѣе пятидесяти лѣтъ.

Въ дер. Крушевацъ мало оказалось фуража, такъ какъ эта деревня недавно была посѣщена черкесами. Развалины сгорѣвшихъ домовъ свидѣтельствовали о набѣгѣ этихъ хищниковъ.

Да наступленія сумерекъ мы однако собрали по двѣ вязки сѣна для каждой лошади и отправились обратно.

Свѣтъ изъ отверстій палатокъ товарищей, уже издали сіяя намъ на встрѣчу, пріятно манилъ насъ.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, меня послали за приказомъ въ бригадную канцелярію, находившуюся при первой батареѣ на лѣвомъ флангѣ. Я приказалъ осѣдлать моего молодаго коня, взятаго на полѣ битвы во время послѣдняго сраженія, и отправился въ путь вдоль по лагерю. Въ канцеляріи мнѣ сообщили печальное извѣстіе. Одному бывшему батарейному товарищу, недавно переведенному въ шестую батарею, во время дежурства въ цѣпи противъ Дольняго Дубняка оторвало обѣ ноги и черезъ пять минутъ онъ скончался. Турки съ означеннаго пункта ежедневно дѣлали только по одному пушечному выстрѣлу въ знакъ своей бдительности, и этотъ-то выстрѣлъ убилъ молодаго человѣка, благополучно выпутавшагося изъ дѣла 12-го октября.

20-го октября одинъ изъ офицеровъ доставилъ на бивуакъ извѣстіе, что 2-й стрѣлковый батальонъ, при вступленіи на аванпостную службу подъ Дольнымъ Дубнякомъ, нашелъ редутъ оставленнымъ и что батальонный командиръ, вслѣдствіе этого, тотчасъ же рѣшился занять его.

Но такъ часто приходили къ ошибочнымъ заключеніямъ о положеніи дѣлъ подъ Плевною, что все послѣобѣденное время въ различныхъ лагеряхъ горячо обсуждали вопросъ, слѣдуетъ ли считать выгоднымъ или нѣтъ добровольное оставленіе турками деревни?

На слѣдующее утро всѣ войска вдоль завоеваннаго шоссе тронулись по направленію къ Плевнѣ. Вторая гвардейская дивизія со стрѣлковою

бригадою остановилась при Дольномъ Дубнякѣ въ видѣ резерва; между тѣмъ какъ первая со своей артиллеріею—при деревнѣ Нетрополь, вступивъ въ сношеніе съ четвертою румынскою дивизіею—для окончательнаго обложенія Плевны заняла позицію между Трниною, на правомъ берегу Вида и селеніемъ Биволаремъ, также на правой сторонѣ рѣки, къ сѣверовостоку отъ Дольнаго Нетрополя. Третья же гвардейская дивизія заняла мѣсто отъ Трнины до Картушевскихъ высотъ, своимъ правымъ флангомъ опираясь на лѣвый флангъ войскъ генерала Скобелева, расположенныхъ на такъ-называемыхъ „Зеленыхъ горахъ".

Важная цѣль, слѣдовательно, была достигнута. Вопросъ о паденіи Плевны, по словамъ генерала Тотлебена, теперь уже ограничился вопросомъ о порціяхъ. Военныя распоряженія заключались въ постройкѣ укрѣпленій и въ уничтоженіи для окруженной арміи Османа возможности прорваться. Попытки къ вылазкѣ ожидались, или по направленію ловченскаго шоссе, или же на мостъ черезъ Видъ, къ Виддину.

Какое участіе гвардейскому корпусу за этимъ предстояло принимать въ ходѣ событій? Послѣ Горнаго Дубняка давъ войнѣ новое направленіе, окончила ли она этимъ свою задачу въ настоящемъ походѣ? Тѣ, которые имѣли наклонность къ распространенію слуховъ въ этомъ духѣ, значительно ошиблись.

Труднѣйшія дѣла еще были впереди.

Тѣмъ временемъ возведено было много редутовъ и батарей на занятой нами линіи, фронтомъ къ Видскому мосту; въ лагеряхъ приготовлялись къ продолжительной стоянкѣ на этомъ мѣстѣ. Нѣкоторыя войска даже устроили землянки.

23-го октября Государь Императоръ изъ главной квартиры изволилъ прибыть для смотра гвардіи. Его Величество сопровождалъ Великій Князь Главнокомандующій.

Его Величество особо благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ за ихъ неустрашимую храбрость; послѣ чего на полѣ совершено было благодарственное молебствіе, причемъ весь корпусъ молился съ обнаженными головами и колѣнопреклоненіемъ.

Затѣмъ Государь вызвалъ того рядоваго, который первый овладѣлъ непріятельскимъ знаменемъ и поцѣловалъ его въ голову.

Послѣ смотра было приказано полковымъ оркестрамъ ежедневно играть нѣсколько времени, дабы Османъ-паша въ Плевнѣ могъ составить себѣ понятіе о томъ порядкѣ, въ которомъ находилась гвардія. Намъ же эти звуки только напоминали наше нескладное настроеніе, вызванное утомляющимъ душу однообразіемъ лагерной жизни.

Однажды я попросилъ моего батарейнаго командира предоставить въ мое распоряженіе повозку съ парою лошадей и нѣсколькихъ солдатъ. Я отправился въ Дольный Дубнякъ, распорядился тамъ разборкою двухъ

небольшихъ сарайчиковъ, сплетенныхъ изъ сучьевъ и обмазанныхъ глиною, и отвезъ ихъ на бивуакъ. Но на дорогѣ мы встрѣтили одного изъ начальствующихъ генераловъ, который мнѣ приказалъ доложить полковнику, что я за это дѣло получилъ замѣчаніе.

Приказаніе это я передалъ тотчасъ по прибытіи, но такъ какъ многія изъ окружающихъ пѣхотныхъ частей уже воспользовались тѣмъ же матеріаломъ для устройства себѣ сносныхъ жилищъ, завидныхъ на взглядъ, то батарейный командиръ остался весьма доволенъ тѣмъ, что мнѣ все-таки удалось сохранить свои плетенки (изъ коихъ одна была ему передана). На позиціи одинъ изъ офицеровъ поочередно находился при караульномъ взводѣ.

Въ траверсѣ батареи была устроена землянка для спанья, но я по крайней мѣрѣ всегда предпочиталъ открытый воздухъ обществу кротовъ и полевыхъ крысъ. Днемъ стрѣляли съ близъ лежащихъ румынскихъ батарей; онѣ безпрерывно обстрѣливали нѣсколько небольшихъ укрѣпленій у конца моста черезъ Видъ.

По ночамъ постоянно слышались сильныя схватки, къ которымъ однако всѣ скоро попривыкли, тѣмъ болѣе, что никто не ожидалъ спокойствія отъ генерала Скобелева на его горахъ.

Во время нахожденія гвардейскаго корпуса подъ Плевною, въ Дольный Дубнякъ прибылъ одинъ отставной подполковникъ, который когда-то пытался сочинять романы, но наконецъ остановился на промыслѣ маркитанта, по его понятіямъ, ближе всего совпадающемъ съ поклоненіемъ золотому тельцу.

Въ палаткѣ имъ ежедневно предлагались обѣды, а въ тутъ же находящейся избушкѣ продавались разные припасы по четвернымъ цѣнамъ.

Въ его собственныхъ глазахъ онъ принадлежалъ къ высшей аристократіи, по крайней мѣрѣ у столовъ царствовала явно выдающаяся протекціонная система. Все разнообразіе, предлагаемое лагерною жизнью, ограничилось этимъ мѣстомъ.

Поѣздки на фуражировку въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста были единственнымъ оживляющимъ занятіемъ.

Въ это же время сюда прибыла толпа оборванныхъ болгаръ изъ Плевны. При вступленіи туда, турки захватили значительную массу таковыхъ и принудили ихъ работать на возводимыхъ укрѣпленіяхъ, но теперь, когда обложеніе совершилось, они ихъ опять прогнали.

Въ числѣ этихъ бѣглецовъ также попадалось нѣсколько женщинъ, переодѣтыхъ въ мужское платье.

Въ лагерь при Дольномъ Дубнякѣ все еще не поступало никакихъ свѣдѣній о предстоящихъ перемѣнахъ. Между тѣмъ погода сдѣлалась дождливою и туманною, почва превратилась въ липкую грязь и тогда-то наша жизнь стала совсѣмъ несносною. Перестали догадываться, на

сколько времени можетъ доставать запасовъ для арміи Османа; носились слухи о временномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій, мечтали даже о деревняхъ и зимнихъ квартирахъ, когда, наконецъ, распространилось извѣстіе о наступленіи одной бригады второй дивизіи впередъ по дорогѣ въ Орханіе.

Вслѣдъ за тѣмъ, 1-го ноября, объявленъ приказъ о слѣдованіи остальныхъ при Дольномъ Дубнякѣ расположенныхъ гвардейскихъ войскъ по этому же направленію.

Дѣло было ясное. Дожидались лишь недавно прибывшаго къ намъ на смѣну гренадерскаго корпуса, чтобы тотчасъ же послать гвардію впередъ.

Для сохраненія этого движенія въ возможной тайнѣ, позиціи въ темнотѣ передавались гренадерамъ. Въ часъ ночи состоялась смѣна, послѣ того, какъ мы съ полуночи стояли въ готовности къ выступленію. Съ обозомъ и чемоданами мы опять распростились, нагружая на ословъ и вьючныхъ лошадей самые лишь необходимые предметы.

Ночь была влажна и пасмурна. Въ два часа мы проходили Дольный Дубнякъ и возлѣ него остановились до слѣдующаго утра, когда рано на разсвѣтѣ опять тронулись впередъ.

Солнце начало пробиваться сквозь тучи, дорога понемногу твердѣла и артиллерійскія орудія снова загрохотали по шоссе. Походъ слѣдовательно продолжался, зимнія же квартиры мы, вѣроятно, должны отыскать гдѣ-то на горахъ, вдали возвышающихся передъ нами.

Въ полдень подошли къ полю сраженія при Горномъ Дубнякѣ. На время мы удаляемся отъ батареи и ѣдемъ немного въ сторону, къ могилѣ нѣкоторыхъ, три недѣли тому назадъ убитыхъ товарищей.

Часъ спустя, мы подошли къ укрѣпленію Телишъ, которое большою Софійскою дорогою раздѣляется на двѣ части. Здѣсь убитые лейбъ-егеря уже истлѣвали въ землѣ; турки же, накинувъ веревочныя петли своимъ убитымъ на ноги, тащили ихъ по землѣ къ нѣсколькимъ ямамъ, находящимся въ возможномъ отдаленіи отъ могилъ „христіанскихъ собакъ“.

Раскрытые патронные ящики, съ отчасти разсыпаннымъ содержимымъ, и осколки гранатъ лежали разбросанными внутри редута и по окружающему его полю. .

Отъ Телиша было недалеко до Радомирцъ, гдѣ мы перено чевали на слѣдующій день бивуакъ расположили въ котловинѣ возлѣ Блазницы. Вечеромъ здѣсь, внѣ селенія, происходила возмутительная, хотя и часто во время этой войны повторяющаяся сцена.

Одинъ болгаринъ замѣтилъ проходившую турецкую женщину и сейчасъ же началъ ее преслѣдовать; догнавъ ее у канавки, онъ дубиною тутъ же ее убилъ. Свой поступокъ болгаринъ мотивировалъ тѣмъ, что мусульманка имѣла будто намѣреніе поджечь деревню, но настоящую

*

причину по всей вѣроятности слѣдовало искать въ старой исторіи объ угнетеніи и мести.

Слѣдующую остановку мы имѣли въ Яблоницѣ, селеніи, имѣющемъ свое названіе отъ мимо протекающей рѣки и расположенномъ при самой высокой горѣ Драговицкой цѣпи.

Вездѣ по дорогѣ, въ тѣсныхъ проходахъ и на крутыхъ неприступныхъ высотахъ, турецкая армія оставила свои позиціи. Своей жестокостью всѣмъ извѣстный Шевкетъ, столь страшный и кровожадный между безоружными болгарами, скрылся теперь при первомъ появленіи вооруженнаго непріятеля.

Чѣмъ далѣе мы проходили въ горы, тѣмъ восхитительнѣе и живописнѣе становилась окружающая мѣстность, съ значительными возвышеніями, глубокими зеленѣющими долинами и, чего мы давно не видали, лѣсами, которые теперь стали появляться на отлогостяхъ.

Недѣлю мы простояли въ Яблоницѣ, пользуясь нѣсколько дней самою благопріятною погодою. Какъ отъ снѣжной стѣны, отражался свѣтъ отъ блестящей крутизны тучъ высокой Софійской планины.

6-го ноября прибылъ генералъ Гурко со штабомъ, и пока въ лагерѣ сочинялись слухи о продолжительномъ пребываніи на мѣстѣ, устройствѣ землянокъ и т. п., онъ составилъ планъ скоро предстоящаго наступленія.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на ближайшія послѣдовавшія событія.

12-е октября обозначаетъ конецъ второго періода кампаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ вступленіе въ третій. Изъ событій этого періода, самое важное и вліяющее на ходъ войны безспорно завоеваніе и переходъ черезъ Этропольскіе Балканы.

Первый шагъ къ этому состоялъ въ завоеваніи непріятельскихъ горныхъ позицій при Правецѣ и Этрополѣ, исполненномъ по диспозиціямъ генерала Гурко, объявленнымъ войскамъ на 9-е и 10-е ноября.

Согласно этимъ распоряженіямъ назначались двѣ колонны, подъ начальствомъ графа Шувалова, для завладѣнія Правецомъ, изъ коихъ одна для атаки съ фронта и другая для обхода лѣваго фланга позиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ передовому отряду арміи генерала Гурко, подъ командою генералъ-маіора Дандевиля, было поручено сдѣлать форсированную демонстрацію противъ Этрополя, съ приказаніемъ при малѣйшемъ колебаніи со стороны непріятеля перейдти въ наступленіе.

Наша батарея не принадлежала къ которой-либо изъ колоннъ, упомянутыхъ въ диспозиціяхъ на 9-е и 10-е ноября и назначенныхъ непосредственно къ наступленію.

Вмѣстѣ съ остальными въ составъ ихъ не входящими войсками батарею изъ Яблоницы перевели въ Осиково, гдѣ расположились лагеремъ вблизи большой дороги.

Въ эти же дни происходили дѣла подъ Правецемъ и Этрополемъ, гулъ орудій доходилъ до насъ безпрерывно и по временамъ съ горъ приходили болгары съ извѣстіями о битвѣ.

Съ видимымъ хладнокровіемъ они разсказывали о разрушеніи своихъ домовъ, о печальной участи многихъ членовъ семейства и о неистовствахъ черкесовъ. Насиліе, убійство и угнетеніе были у нихъ такими обыденными явленіями, что онѣ считались неизбѣжными повсюду, гдѣ турки только показывались. Совсѣмъ другое дѣло, если какой-нибудь русскій солдатъ, подъ вліяніемъ голоднаго желудка, полунасильственно захватилъ кусокъ хлѣба у какой-нибудь нетороватой болгарской женщины.

Тогда часто уже издали слышался страшный вой, скоро сопровождаемый появленіемъ болгарки, которая самыми трагическими ужимками старалась выразить свое отчаяніе изъ-за какого-нибудь противъ нея совершеннаго насильственнаго дѣйствія.

Въ первый разъ когда я былъ свидѣтелемъ подобной сцены, случившейся возлѣ палатки одного полковаго командира, я воображалъ, что предо мною сумасшедшая женщина, или что, по меньшей мѣрѣ, собираются повѣсить ея мужа, уличеннаго въ какомъ-нибудь шпіонствѣ или въ измѣнѣ. Когда же я узналъ, что все дѣло касалось лишь нѣсколькихъ захваченныхъ куриныхъ яицъ, то мои человѣческія чувства совершенно успокоились.

Къ бивуакамъ скоро собралось значительное число болгаръ изъ окрестныхъ деревень, черезъ которыя войска непосредственно не проходили; эти болгары устроили настоящій рынокъ, гдѣ продавали хлѣбъ, молоко буйволицъ, масло, медъ и другіе припасы.

Сейчасъ замѣтна была разница въ характерѣ и поступкахъ между тѣми болгарами, съ которыми прежде имѣли дѣло, и этими обитателями западныхъ горъ. Эти послѣдніе болгары отличались большимъ прямодушіемъ и симпатичностью и за сходную цѣну охотно снабжали насъ необходимыми съѣстными припасами. Причины этому, какъ полагаю, заключались отчасти въ меньшемъ процентѣ здѣсь проживающихъ мусульманъ и отчасти въ томъ, что эти горцы въ первый разъ принимали русскіе войска и, подобно ихъ братьямъ на равнинѣ, еще не испытывали печальныхъ послѣдствій и обманутыхъ надеждъ многихъ съ такою же цѣлью начатыхъ, но безъ результата оконченныхъ войнъ.

Послѣ паденія Этрополя, я однажды, послѣ обѣда, сопровождаемый болгариномъ, отправился въ означенный городъ. Въ окрестностяхъ вздымались высокія горы, многія съ снѣжными вершинами.

Облака особенно мрачно и угрожающе висѣли надъ смѣло возвышающимися вершинами. Мы проѣхали съ полчаса, когда вдругъ потемнѣло, въ воздухѣ стало холоднѣе и сѣрыя облака надъ горами погустѣли, такъ что онѣ походили на неизмѣримыя темныя покрывала. Въ это же мгновеніе вѣтеръ прорвался съ горъ и съ ревомъ пустился по равнинѣ.

Я спросилъ моего спутника, какъ горнаго жителя, вѣроятно понимающаго эти явленія, чтобы онѣ означали. Болгаринъ протянулъ руку по направленію къ впереди лежащимъ горамъ и произнесъ лишь единственное слово: „зима!“

То дѣйствительно было въ Балканскихъ горахъ страшное время года, которое заявило о своемъ прибытіи.

Черезъ нѣсколько минутъ пошелъ снѣгъ и я возвратился на бивуакъ.

На слѣдующій день мы получили приказаніе подняться къ Этрополю. Уже вечеръ приближался когда колонна тронулась. Погода разъяснилась, но сумерки насъ захватили еще въ началѣ путешествія. Переходъ былъ неимовѣрно трудный и чѣмъ выше поднимались, тѣмъ онъ становился опаснѣе.

Послѣ значительныхъ усилій добрались мы до площадки, имѣвшей нѣсколько верстъ въ длину и въ ширину. Земля была покрыта снѣгомъ и заблудившись нѣсколько разъ, мы наконецъ дошли до того мѣста, гдѣ дорога переходитъ на лѣвый берегъ здѣсь протекающаго Малаго Искера. Въ это время морозъ усиливался, звѣзды блистали на небосклонѣ и можно было въ концѣ горной перспективы—походившей на исполинскую улицу—различать этропольскую долину, цѣль нашего движенія. Дорога прилегала къ высокимъ, надъ нашими головами повисшимъ, утесамъ. Артилерійскія орудія тащились по каменистому грунту, имѣя однѣ колеса у подножія этихъ утесовъ и другія на краю пропасти и если бы луна, наконецъ, не показалась и не бросила свой блескъ на влажныя скалы, то невозможно было бы предупредить несчастія.

Головная часть колонны дошла до мѣста тремя часами раньше хвоста.

Когда я съ симъ послѣднимъ достигъ бивуака, я нашелъ батарейнаго командира и товарищей спящими, всѣхъ вмѣстѣ пріютившимися въ солдатской палаткѣ, гдѣ они, чтобы было теплѣе, лежали какъ сельди въ бочкѣ.

Случайно я замѣтилъ кончикъ уха, вытѣснившійся черезъ палаточную прорѣху и отмороженный до бѣла, почему я былъ вынужденъ потревожить сонъ его владѣльца, вызывая его на дворъ, чтобы снѣгомъ натереть изгнанную на морозъ часть его существа.

Этрополь—болгарскій горный городокъ, кромѣ своего живописнаго мѣстоположенія въ возвышенной, высокими горами окруженной, долинѣ, не представляетъ ничего особенно интереснаго. Черезъ сѣверную часть

города протекаетъ не глубокій, но быстрый Искеръ; вода въ немъ прозрачна какъ кристаллъ и двигаетъ колеса значительнаго числа у берега построенныхъ мельницъ, еще болѣе первобытнаго устройства, чѣмъ тѣ временныя мельницы, которыя кое-гдѣ попадаются въ глухихъ мѣстахъ Финляндіи.

Въ городѣ я посѣтилъ православную церковь, внутри уже украшенную русскимъ орломъ, вырѣзаннымъ изъ дерева. Нижніе чины усердно приходили слушать богослуженіе и молиться.

На другой день лагерь перенесенъ черезъ Искеръ въ сѣверозападную часть города; въ надеждѣ, что мы здѣсь простоимъ еще слѣдующій день, я предпринялъ верховую прогулку въ Правецъ, имѣя при себѣ молодаго болгарина. Онъ разсказывалъ длинныя исторіи о похожденіяхъ турокъ въ этихъ мѣстахъ въ 1876 году, причемъ и его собственный домъ былъ разворенъ, говорилъ о своей сильной ненависти къ этимъ дикимъ воинамъ, но что онъ, напротивъ того, ко мнѣ чувствуетъ сильное влеченіе, какъ къ одному изъ борцовъ за свободу его народа.

И при взглядѣ на свѣтлыя кудри и голубые глаза молодаго болгарина—у болгаръ, по большей части, глаза, однако, каріе—на его наивность и простоту, я былъ проникнутъ глубокимъ сочувствіемъ къ этому шестнадцатилѣтнему юношѣ, который испыталъ столько несчастія и при всемъ томъ сохранилъ столько надеждъ и жизненной силы.

Затѣмъ мы съ болгариномъ сѣли на лошадей и начали карабкаться вверхъ по тропинкѣ въ Этрополь. Черезъ полчаса, мы, въ полуверстномъ разстояніи вправо, замѣтили бѣлое одноэтажное зданіе съ крестомъ на одномъ концѣ крыши.

— Что это за зданіе? спросилъ я своего путеводителя.

— Монастырь, отвѣтилъ онъ,—если желаете, то отправимся туда.

Мы поѣхали черезъ нѣсколько бугорковъ и углубленій къ выбѣленному дому, расположенному въ дубовой рощѣ. Старый священникъ въ монашеской рясѣ вышелъ къ намъ на встрѣчу; онъ догадался о нашемъ намѣреніи и сейчасъ же повелъ меня въ церковь монастыря. Священныя книги лежали разорванными на полу, иконостасъ былъ разломанъ и иконы разбиты. Лишь нѣсколько раскрашенныхъ фигуръ на стѣнахъ сохранились и молча глядѣли на опустошеніе храма.

При первомъ взглядѣ на монастырь я подумалъ, что, быть можетъ, на этихъ дикихъ горахъ услышу торжественные звуки органа. Но моя фантазія была слишкомъ смѣлая, такъ какъ монастырь православный.

Однако, нѣсколько времени спустя приходилось мнѣ слышать музыку, только не въ видѣ волнующихся звуковъ органныхъ трубъ; она до меня долѣтала въ шипящемъ шопотѣ пуль, въ трескѣ гранатъ, разбивающихся о Балканскія скалы, или о крѣпкіе стволы дубовъ растущихъ по отло-

гостямъ. И теперь, вправо отъ насъ, по временамъ слышенъ глухой громъ орудій.

Когда я прибылъ къ батареѣ, часовъ въ шесть послѣ обѣда, я, къ моему удивленію, нашелъ все въ готовности къ выступленію и тотчасъ же занялъ свое мѣсто во взводѣ. Въ продолженіи дня снѣгъ растаялъ, отчего мелкій Искеръ почувствовалъ оживленіе; но дорога, по которой мы слѣдовали, приняла совершенно унылый видъ.

Въ продолженіи пяти часовъ проходивъ только двѣ версты, батарея, по случаю вьюги, была вынуждена на ночь остановиться на бивуакѣ, и рано на слѣдующее утро, 18-го ноября, продолжать слѣдованіе. Въ шесть часовъ утра начальникъ гвардейскихъ войскъ и кавалеріи западнаго отряда, генералъ Гурко, проѣхалъ верхомъ и замѣтилъ, что батарея идетъ не по той дорогѣ, какъ слѣдовало, прибавивъ, что надо считать за чудо, если удастся протащить орудія по такимъ путямъ.

Хотя обхожденіе генерала Гурко было подчасъ слишкомъ жестко, но онъ имѣлъ способность возбуждать то сочувствіе, которое внушается смѣлою рѣшительностью, неустрашимою храбростью и непоколебимою энергіею характера.

Тѣмъ временемъ генералъ Дандевиль, въ отрядъ коего батарея была назначена, прислалъ намъ одинъ батальонъ въ помощь для втаскиванія орудій. Къ тремъ часамъ, послѣ обѣда, мы прошли три версты и тогда остановились у драгунскаго бивуака, откуда сейчасъ же послали два орудія на верхъ, на позицію.

Черезъ часъ прибыла жандармская команда съ болгарами и волами. Въ каждое орудіе впрягли по девяти паръ буйволовъ и по четыре пары обыкновенныхъ бѣлыхъ воловъ; кромѣ того, солдаты и болгары тащили за канаты.

Покатость была покрыта липовымъ лѣсомъ и усыпана большими камнями, попадающимися и посреди дороги, такъ что ихъ приходилось отодвигать въ сторону, безъ чего нельзя было проѣзжать. Часто необходимо было срубать деревья и изъ земли вырывать корни. Только на слѣдующій день, послѣ обѣда, орудія подоспѣли къ позиціи.

Двумя часами позже перваго эшэлона выступили и остальные три взвода съ драгунскаго бивуака.

Орудія тащились батальономъ Финляндскаго полка и, кромѣ того, къ каждому припрягли по четыре пары воловъ.

Сырая погода продолжалась съ утра и сдѣлала дорогу до того скользкою, что необыкновенно сильная буря буквально повалила тѣхъ, которые не держались за канаты. Когда же къ этому еще начался ливень, то стало почти невозможно открывать глаза и еще труднѣе было что-нибудь слышать.

Для нѣкоторыхъ воловъ не имѣлось ярмъ и канаты непосредственно

на нихъ навязывались до пріобрѣтенія лучшихъ хомутовъ. Поздно вечеромъ мы добрались до опушки лѣса, гдѣ рѣшились остановиться на ночь. Палатка представляла хорошую защиту, хотя иногда случалось, что сильные порывы вѣтра съ какой-нибудь стороны вырывали вбитые въ землю колья, послѣ чего бока палатокъ съ шумомъ взлетали на воздухъ.

Буйволы болѣе всѣхъ страдали отъ непогоды и одинъ изъ нихъ, несмотря на множество палочныхъ ударовъ, сыпавшихся ему на переднія лопатки, привелъ въ исполненіе свое непоколебимое рѣшеніе, передними ногами влѣзть въ разведенный костеръ.

Утромъ командиръ батареи поѣхалъ впередъ, чтобы, по случаю прибытія перваго взвода на позицію, явиться генералу Дандевилю, который приказалъ для орудій построить батарею на правомъ флангѣ.

Турки все время стрѣляли по нашимъ рабочимъ, но ранить имъ удалось только трехъ человѣкъ.

Когда по окончаніи работъ, капитанъ, нашъ старшій офицеръ, осмотрѣлъ возведенное земляное укрѣпленіе, онъ нашелъ его построеннымъ нѣсколько ниже гребня, въ косомъ направленіи противъ покатости и лѣвымъ флангомъ гораздо ниже праваго. Тотчасъ же черезъ батарейнаго командира къ начальнику отряда послано было ходатайство о перестройкѣ батареи и, по полученіи на то разрѣшенія, немедленно и энергично принялись за дѣло. Обѣ полубатареи были отдѣлены одна отъ другой и орудія первой полубатареи постановлены въ отдѣльные ложементы, устроенные въ шахматномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего имъ было удобнѣе обстрѣливать самое большое пространство, представляя притомъ возможно меньшую цѣль непріятельскимъ выстрѣламъ.

20-го ноября прибыли всѣ остальныя орудія и стали по своимъ мѣстамъ. Бивуакъ былъ расположенъ въ семидесяти саженяхъ позади, на сѣверной отлогости, густо поросшей липами и буками.

Позднѣе вечеромъ получено приказаніе готовиться къ бою на слѣдующій день.

Мѣсяцъ на горахъ.

На разсвѣтѣ 21-го ноября мы встали, напились чаю и отправились на батарею. Нѣсколько позади ея были вырыты ямы для помѣщенія снарядовъ и зарядовъ.

Поспѣшили перенести на батарею достаточное количество снарядовъ, чтобы имѣть ихъ непосредственно подъ рукою. Турецкая главная позиція находилась по другой сторонѣ глубокой долины, имѣющей мѣстами болѣе двухъ верстъ ширины, и была укрѣплена семью редутами, расположенными по обѣимъ сторонамъ прохода Бабы-Конакъ.

Изъ нихъ самый восточный, Шандорникъ, также называемый Гюльдизъ-Табія, находился выше остальныхъ и командовалъ всей близъ лежащей окрестностью.

Находясь на правомъ флангѣ непріятеля, этотъ пунктъ, въ тактическомъ отношеніи, служилъ ключемъ къ его позиціямъ, и что важность его вполнѣ оцѣнивалась обѣими сторонами, доказывается стремительными атаками, которымъ онъ подвергался со стороны нападающихъ и упорствомъ, съ какимъ онъ защищался турками.

Къ западу отъ этого редута, по горному хребту, находились еще четыре редута, шестой и наибольшій, заграждая Софійскую дорогу и вооруженный шестью орудіями, а также седьмой, вооруженный пятью орудіями, увѣнчали гору Арабъ-Конакъ. За шестымъ редутомъ былъ расположенъ турецкій лагерь возлѣ деревни Комарцы. На Гюльдизъ-Табіи находились два круповскія дальнобойныя полевыя орудія и двѣ горныя пушки; на всѣхъ же остальныхъ редутахъ, кромѣ пятаго, на сколько мы могли замѣтить, находились по два трехфунтовыхъ орудія. Противъ непріятеля было поставлено 48, почти исключительно, девятифунтовыхъ орудій. Отъ нашей батареи первая полубатарея была назначена для дѣйствія противъ Арабъ-Конака. а вторая для обстрѣливанія редута на Шандорникѣ или Небесной горѣ.

Въ восемь часовъ открытъ былъ огонь.

Орудія были заряжены и номера стояли на своихъ мѣстахъ.

Скомандовали „пли!“ первый номеръ у каждаго орудія вставилъ вытяжную трубку въ запалъ. Раздался выстрѣлъ.

Нѣсколько не доходя непріятельскаго редута видѣнъ разрывъ — граната не долетѣла. Поднимаемъ прицѣлъ на нѣсколько линій. Второй разъ: „пли“. На этотъ разъ разрыва не видно, снарядъ упалъ по другой сторонѣ бруствера.

Опускаютъ прицѣлъ на половинное число линій противъ того, что прежде прибавили. Пли! Гранату разорвало на самомъ валѣ Шандорникскаго редута.

Нѣсколько минутъ прошло въ томительномъ ожиданіи. Но вотъ раздается свистъ въ воздухѣ надъ нашими головами. Непріятельскій снарядъ перелетѣлъ черезъ насъ и попалъ въ древесный стволъ на откосѣ горы.

Черезъ мгновеніе опять тотъ же шипящій звукъ, турецкая граната ударяется объ скалу лѣвѣе батареи, разрывается и осколки ея разлетаются по землѣ; между тѣмъ, какъ толстое желѣзное дно снаряда, отдѣлившись, съ своенравнымъ свистомъ продолжаетъ свой путь въ глубину лѣса.

Затѣмъ дается новый залпъ на Шандорникъ, — отвѣтъ оттуда получается черезъ минуту.

Турецкій снарядъ сильно ударилъ въ брустверъ, обдалъ насъ землею и кусками дерна и разбросалъ массу каменныхъ осколковъ. Понемногу и остальныя укрѣпленія противника начинали принимать участіе въ перестрѣлкѣ. Когда съ котораго нибудь изъ нихъ уже слишкомъ насъ безпокоили, то мы на этотъ редутъ сосредоточивали огонь изъ всѣхъ орудій полубатареи.

Турки въ этотъ день стрѣляли часто и, что важнѣе, необыкновенно мѣтко. Если имъ не удалось причинить намъ чувствительнаго урона, то мы этимъ обязаны способу устройства нашихъ земляныхъ укрѣпленій.

Скатъ бруствера второй полубатареи почти совпадалъ съ покатостью, обращенной къ туркамъ; четыре же отдѣльныхъ ложемента первой полубатареи представляли самую ничтожную цѣль и относительно другой полубатареи были такъ расположены, что непріятелю казалось будто бы углубленіе между полубатареями составляло середину одного и того же землянаго вала.

На самомъ же дѣлѣ большая часть гранатъ пролетала черезъ это мѣсто, которое вслѣдствіе того прозвали „долиною смерти“.

Изъ десятка гранатъ, попавшихъ въ батарейный валъ, одна пробила брустверъ, контузила одного солдата въ спину и упала между командиромъ полубатареи и мною, но взрыва не послѣдовало, иначе можетъ быть не пришлось бы описывать этотъ случай.

Но большая часть гранатъ попадала въ вершину бруствера и проносилась рикошетомъ черезъ наши головы, или же, совершенно не задѣвая бруствера, перелетала; при чемъ разрывъ ихъ не могъ быть замѣченъ турками, такъ какъ мѣстность круто опускалась сейчасъ за батареею, поэтому въ тылу батареи нѣкоторые предметы были повреждены: у одного передка сломано дышло, отъ другого оторванъ кожанный мѣшокъ; шесть палатокъ на бивуакѣ были разнесены и три лошади ранены.

Во время завтрака, когда перестрѣлка нѣсколько притихла, командиръ батареи послалъ меня къ генералу Дандевилю съ просьбою о скорѣйшей присылкѣ снарядовъ. Палатка генерала стояла въ полуверстѣ лѣвѣе, по другой сторонѣ лощины, на сѣверномъ скатѣ возвышенности, на которой была расположена пятая батарея нашей бригады.

Придя къ генералу ,я засталъ его, со своимъ начальникомъ штаба, сидящими предъ палаткою, разбитой подъ огромнымъ букомъ. Во время моего доклада генералу, непріятельская граната упала и разорвалась въ небольшомъ отъ насъ разстояніи, при чемъ осколкомъ ранило одного пѣхотинца въ бедро, а другаго въ плечо. Слышенъ былъ стонъ обоихъ, пока санитары ихъ не подобрали.

— Сколько у васъ осталось снарядовъ? спросилъ генералъ, и на мой отвѣтъ, что они на исходѣ, онъ сказалъ: — передайте вашему

полковнику, что я послалъ баталіонъ принести еще двѣ сотни снарядовъ.

Въ это время своеобразный трескъ безпрерывнаго ружейнаго огня дошелъ до нашего слуха.

Генералъ тотчасъ же сѣлъ верхомъ и поѣхалъ, сопровождаемый своими ординарцами и нѣсколькими казаками, по направленію къ правому флангу своей позиціи, примыкающему къ войскамъ полковника Гриппенберга *), занимающимъ мѣста по обѣимъ сторонамъ Софійскаго шоссе.

Прослѣдовавъ за ними до нашего бивуака и повернувши въ сторону, чтобы подняться къ батареѣ, я увидѣлъ одного изъ сопровождавшихъ генерала казаковъ падающимъ съ лошади: осколокъ гранаты попалъ ему въ ногу; одинъ изъ нашихъ санитарныхъ унтеръ-офицеровъ подобралъ раненаго.

Турецкій огонь былъ въ это время чрезвычайно силенъ. Свистѣло и гремѣло въ ушахъ когда я проѣзжалъ „долину смерти“, чтобы добраться до первой полубатареи для передачи отвѣта генерала Дандевиля батарейному командиру.—Хорошо, сказалъ онъ,—отправьтесь теперь къ вашимъ орудіямъ и стрѣляйте.

Вниманіе теперь обратилось преимущественно на Арабъ-Конакскіе редуты, откуда турки начали дѣлать ожесточенныя атаки на позицію полковника Гриппенберга. Въ 11-ть часовъ онъ получилъ извѣстіе о томъ, что одинъ непріятельскій отрядъ старается обойти его правый флангъ, въ тоже время какъ другой спускался по направленію къ ложементамъ.

Три разъ отчаянныя атаки турокъ были отбиты. При послѣдней атакѣ, послѣ неудачной попытки обойти нашъ правый флангъ, турки старались выполнить такую же операцію противъ лѣваго. Они были уже близки овладѣть находящеюся тамъ батареею, но съ большимъ урономъ наконецъ были отброшены. Полагаютъ, что турокъ угостили опіумомъ, судя по тому ожесточенію и безстрашію, съ которымъ они наступали.

Съ самаго начала вышеупомянутыхъ атакъ, какъ только ружейная перестрѣлка на правомъ флангѣ была услышана, вся батарея направила свой огонь на Арабъ-Конакъ, дѣлая намѣренно перелеты, чтобы безпокоить турокъ показывавшихся изъ редута; по собраннымъ послѣ свѣдѣніямъ, а отчасти и непосредственнымъ наблюденіямъ, мы могли убѣдиться, что стрѣльба наша была вполнѣ удачна; очевидцы, слѣдившіе за дѣйствіемъ нашихъ гранатъ при отрядѣ свиты Его Величества генералъ-маіорѣ Эллисѣ, говорили, что едва только турецкіе резервы собирались у большаго редута, чтобы ударить на обходившія ихъ войска,

*) Колонны генерала Эллиса.

какъ двѣ или три удачно разорвавшіяся гранаты быстро заставляли ихъ отказаться отъ ихъ намѣренія. Стрѣльба по Шандорникскому редуту тоже была весьма удачна.

Въ половинѣ четвертаго сраженіе окончилось. Оно имѣло большое значеніе, потому, что еслибъ турецкія атаки удались, то непріятель въ тоже время завладѣлъ бы Вратешскимъ проходомъ и могъ бы захватить боковыя позиціи съ фланговъ.

Въ ночь на 22-е ноября, согласно приказанію выпускали залпъ за залпомъ на Шандорникъ; позднѣе стрѣльба продолжалась подвзводно и даже по орудійно.

Сидя на землѣ. офицеры по очереди командовали „пли“, при чемъ темное пространство на мгновеніе озарялось какъ будто молніею, затѣмъ все опять утихало на нѣсколько минутъ. Засвѣтло положеніе орудій было отмѣчено колышками, воткнутыми въ землю по обѣимъ сторонамъ колесъ и на брустверѣ по линіи прицѣливанія.

Но насколько стрѣльба въ темнотѣ была успѣшна, конечно невозможно было опредѣлить; турки-же съ своей стороны отвѣчали лишь настолько, чтобы мы могли убѣдиться въ томъ, что у нихъ въ лагерѣ не всѣ спали.

На разсвѣтѣ поднялся густой туманъ, который совершенно скрылъ Шандорникъ, но гора Арабъ-Конакъ, какъ находящаяся ниже, была совершенно видна и батарея открыла огонь по находящимся тамъ редутамъ.

Когда замѣтили, что у праваго изъ нихъ люди начали собираться, то огонь первой полубатареи направили туда, между тѣмъ какъ вторая продолжала обстрѣливать большое укрѣпленіе и лагерь позади его. Турокъ скоро заставили разбѣжаться, нѣкоторыя палатки исчезли и одно изъ ихъ орудій перестало отвѣчать на наши выстрѣлы.

Въ $3^1/_4$ часа туманъ также закрылъ Арабъ-Конакъ. На правомъ флангѣ отряда генерала Эллиса еще въ тотъ-же день завязалось дѣло, которое, однако, также по случаю тумана, прекратилось. Непріятельская артиллерія дѣйствовала неудачно, хотя дальнобойное орудіе было перенесено на кавальеръ большаго укрѣпленія.

Погода неблагопріятствовала стрѣльбѣ, потому что все время дулъ сильный вѣтеръ, вслѣдствіе чего мы были вынуждены брать отклоненіе цѣлика втрое больше, чѣмъ въ обыкновенную погоду, и поднимать прицѣлъ противъ вчерашняго въ размѣрѣ соотвѣтствующемъ разстоянію двухъ сотъ саженей.

Турки прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы помѣшать намъ наблюдать за паденіемъ снарядовъ; между прочимъ они въ разныхъ мѣстахъ зажигали вспышки, тотчасъ послѣ нашихъ выстрѣловъ,

чтобы ввести насъ въ заблужденіе относительно мѣста паденія нашихъ снарядовъ.

Однако эта хитрость скоро открылась, и потому мы, послѣ нѣсколькихъ контрольныхъ выстрѣловъ, болѣе не поддавались на обманъ.

Въ этотъ день выпустили четыреста девяносто шесть снарядовъ. Наши потери были, какъ выше сказано, весьма незначительны.

Батарея влѣво отъ насъ не была такъ счастлива. Построенная на совершенно неудобномъ мѣстѣ, она въ продолженіи нѣсколькихъ дней потеряла значительный процентъ своихъ людей, два лафета были повреждены и одинъ пороховой погребъ взорванъ.

23-го ноября мы помѣшали туркамъ производить работы по близости ихъ укрѣпленій, отъ чего они такъ ожесточились, что въ продолженіи получаса одновременно со всѣхъ своихъ редутовъ бомбардировали нашу батарею.

Позднѣе, въ тотъ-же день, мы направили нѣсколько выстрѣловъ на непріятельскій лагерь на лѣвый его флангъ и вечеромъ построили еще ложементъ на правомъ флангѣ батареи, чтобы возможно было оттуда, черезъ лѣсъ, обстрѣливать турокъ, если бы они, съ праваго Арабъ-Конакскаго редута, двинулись къ позиціямъ генерала Эллиса.

Въ этотъ день было выпущено двѣсти семьдесятъ шесть гранатъ и въ запасѣ осталось очень мало и я, снова, 24-го ноября, послѣ обѣда, получилъ приказаніе поѣхать въ драгунскій бивуакъ, по дорогѣ въ Этрополь, для распоряженія о присылкѣ снарядовъ. Спускъ оказался крайне затруднительнымъ между повалившимися деревьями и острыми камнями.

Кромѣ того въ этотъ день густой туманъ покрывалъ горы.

Лишь къ ночи я доѣхалъ до драгунскаго бивуака, когда уже было такъ темно, что только съ трудомъ можно было пробираться по иловатой долинѣ, гдѣ были поставлены палатки.

Драгуны воспользовались захваченною ими добычею, и вмѣсто своихъ низенькихъ tentes-abris, они поставили роскошныя турецкія коническія палатки. Эти были сшиты изъ двойнаго полотна и почти совсѣмъ не пропускали дождя.

Утромъ роздали каждому изъ собранныхъ болгаръ по два снаряда для того, чтобы они ихъ отнесли на батареи—на горы.

Много мы видѣли братушекъ проходящими съ ружьями на плечахъ; они имѣли обыкновеніе днемъ находиться съ солдатами въ цѣпи, а на ночь отправляться домой, въ свои селенія.

Когда мы прибыли къ батареѣ, я узналъ, что тамъ ничего замѣчательнаго не случилось.

Туманъ все еще закрывалъ позиціи и простоялъ до 29-го ноября, и, когда онъ утромъ разсѣялся, то турки начали стрѣлять на пятую батарею и затѣмъ на ложементы пѣхоты. Мы замѣтили, что непріятель

занимался работами; у него, между редутами № II и III, возводили длинный ложементъ для пѣхотинцевъ и передъ серединою позиціи, на возвышеніи въ лѣсу, устраивали болѣе значительное укрѣпленіе.

Мы не открывали огня потому, что саперы занимались постройкою пороховаго погреба за батареею. Видно было какъ люди въ одиночку переходили съ одного редута на другой, спускались въ лѣсъ и поднимались обратно, но толпами они не собирались.

Со времени атакъ 21-го ноября турки перестали мечтать о наступленіи. Тѣмъ не менѣе армія, собранная при Комарцы, предназначалась для выручки Плевны и взятые въ Вратешѣ провіантскіе запасы—къ перевозкѣ туда-же.

Вкратцѣ причины, почему эти планы не были приведены въ исполненіе, слѣдующіе:

Послѣ того какъ Сулейманъ-паша смѣнилъ Мехмета-Али въ командованіи турецкою арміею при Ломѣ, послѣднему довѣрили начальство надъ арміею, назначенною для освобожденія Плевны и которая должна была формироваться изъ войскъ, находившихся въ Босніи и Старой Сербіи. Эту армію собрали между Софіею и Орханіе и по присоединеніи къ ней войскъ, уже находящихся тамъ (въ послѣдне-названномъ мѣстѣ) подъ командою Шакира-паши, пріемника Шевкета-паши,—она состояла изъ 44-хъ батальоновъ или около 20.000 пѣхоты съ 46-ю орудіями и 1000 всадниками.

Когда Мехметъ-Али нашелъ, что дорога изъ Берковаца черезъ Врацу представляетъ слишкомъ большія препятствія, онъ измѣнилъ намѣреніе наступать съ этой стороны и обратилъ все свое вниманіе на дорогу изъ Софіи въ Орханіе.

Занятіе Этрополя, Правеца, Орханіе и Вратеша уже извѣстны, также какъ и неудачныя попытки турокъ штурмовать позиціи полковника Гриппенберга у Софійскаго шоссе.

Мехметъ-Али воздержался отъ дальнѣйшихъ попытокъ къ наступленію, потому что онъ не зналъ силы непріятеля и его батальоны, состоящіе большею частью изъ ненадежныхъ мустафизовъ, страдали отъ недостатка офицеровъ и не были соединены въ болѣе значительныя тактическія единицы.

И такъ какъ онъ при томъ-же не довѣрялъ способностямъ своихъ ближайшихъ подчиненныхъ, то онъ былъ вынужденъ лично вмѣшиваться во всѣ дѣла.

Очевидецъ, въ это время находившійся при арміи Мехмета-Али, въ своихъ разсужденіяхъ о его положеніи въ послѣднее время, предъ передачею командованія Шакиру-пашѣ и вызовомъ его для укрѣпленія Константинополя, замѣчаетъ слѣдующее:

„Тревожимый днемъ и ночью, Мехметъ-Али не имѣлъ возможности

успокоиться и сосредоточить свои мысли, безъ чего онъ не могъ ясно опредѣлить своего положенія и обдумать то, что ему слѣдовало предпринять, наконецъ, онъ потерялъ увѣренность въ самомъ себѣ и въ успѣхѣ своихъ войскъ".

Послѣ 29-го ноября наступило временное спокойствіе на нашихъ высоко расположенныхъ позиціяхъ. Стрѣльба прекратилась и на бивуакѣ начали устраиваться болѣе удобно. Бивуакъ находился за батареею, на откосѣ, поросшемъ высокими деревьями. Съ путешествія на драгунскій бивуакъ я привезъ турецкую палатку, для которой выровняли мѣсто непосредственно за отвѣсною скалою.

Здѣсь мы во время сна менѣе подвергались посѣщенію турецкихъ гранатъ и въ конической двойной палаткѣ три человѣка могли спать свободно; батарейный командиръ поставилъ свою палатку правѣе, а остальные три офицера разбили свою лѣвѣе ея.

Пустынно и ненастно становилось на горѣ. Массы желтыхъ листьевъ покрывали каменистую почву; температура ежедневно понижалась и въ лѣсу осень угрюмо распѣвала свои послѣднія пѣсни. При такихъ обстоятельствахъ унынie легко овладѣваетъ человѣкомъ.

Чтобы разгонять тоску, мы обыкновенно собирались въ конической палаткѣ, проводя время въ бесѣдѣ, сидя на древесныхъ пняхъ, служившихъ намъ стульями.

Обсуждали прошедшую часть кампаніи, вспоминали походъ черезъ Бессарабію и Румынію, Ясскія кондитерскія и Бухарештскія гостинницы.

Вспоминали понтонные мосты черезъ Дунай, дождливую ночь въ Ральевскомъ ущельѣ, поѣздки изъ Бѣглеша на фуражировку и ночное выступленіе изъ деревни Ени-Бркача.

По временамъ также затрогивали тему о сраженіи при Горномъ Дубнякѣ и мучительно однообразную стоянку подъ Плевною. Наконецъ событія послѣднихъ дней давали поводъ къ обмѣну мыслей относительно того, что происходило на турецкихъ позиціяхъ, и какое дѣйствіе тамъ произведено нашимъ огнемъ.

Обѣденное время содѣйствовало нѣсколько оживленію нашей вообще скучной и однообразной жизни.

Здѣсь, какъ и всегда, чувствовали себя и бодрѣе и веселѣе, когда физическія потребности были удовлетворены.

Однажды вечеромъ мы такимъ образомъ сидѣли всѣ вмѣстѣ около чайника. Полковникъ заявилъ, что непріятель на нѣсколько дней будетъ оставленъ въ покоѣ, если только онъ первымъ насъ не потревожитъ. Относительно счастливаго исхода послѣдней артиллерійской перестрѣлки, всѣ соглашались, что мы въ высшей степени обязаны капитану за то, что онъ въ извѣстное утро такъ энергично настоялъ на исполненіе сво-

его рѣшенія, поручить саперамъ перестроить земляныя укрѣпленія. Иначе мы могли-бы не только испытать такія-же послѣдствія какъ пятая батарея, но находясь въ такомъ положеніи,—не имѣя никакой защиты отъ лѣваго боковаго вала, лежавшаго значительно ниже другаго, мы подвергались амфиладному огню со стороны Шандорника, находившагося на сто восемьдесятъ саженей выше и господствовавшаго надъ всею окрестностью,—могли рисковать отъ одного хорошо направленнаго выстрѣла потерять подбитыми нѣсколько орудій и, конечно, значительное число людей.

Однажды утромъ, когда мы встали, земля была покрыта снѣгомъ, но никакихъ приготовленій къ зимѣ еще не дѣлалось, такъ какъ все еще надѣялись на измѣненіе нашего положенія. Эти надежды, однако, не осуществились и, когда морозъ началъ усиливаться, солдатамъ приказано было построить себѣ землянки. Они ихъ устраивали такимъ образомъ, что въ землѣ вырывали квадратную яму, одного фута глубины, затѣмъ яму закрывали крышею изъ жердей, положенныхъ подъ угломъ другъ противъ друга, концами на сволокъ. Наконецъ все засыпалось дерномъ и землею.

Батарейный командиръ распорядился изъ сыраго лѣса построить себѣ избушку,—стѣны и крышу которой покрылъ дерномъ, но это оказалось неудобнымъ: когда снѣгъ, отъ поднимавшагося извнутри теплаго воздуха, растаялъ, то дернъ сталъ пропускать воду, которая и капала съ потолка избушки. Долго думалъ владѣлецъ какъ бы устранить это неудобство и наконецъ придумалъ поставить на крышу обыкновенную солдатскую палатку, по наклоннымъ бокамъ которой и стекала вода.

Два солдата сейчасъ-же забрались въ палатку и тамъ поселились.

Капитанъ окружилъ свою палатку клѣткою изъ вѣтвей, закрывъ ихъ листвою.

Въ турецкой палаткѣ мы довольствовались обведеніемъ ея снаружи не высокимъ земляным валикомъ, закрывавшимъ нижнія отверстія, внутри же изъ плоскихъ камней устроили очагъ. Трубу подняли насколько было возможно, чтобы дымъ не загонялся вѣтромъ. У входа вырыли, съ внутренней стороны, полутора футовую поперечную канавку, для сушки дровъ, для удобства сидѣнія у огня и для оставленія снѣга, когда со двора проходили въ глубину палатки.

Разъ вечеромъ мы очень поздно легли спать, но едва проспали часъ, когда ударили тревогу.

Мы вскочили, одѣлись на скорую руку и поспѣшили на батарею. Въ темнотѣ ничего нельзя было разглядѣть, но внизу, по направленію къ шоссе слышались ружейные выстрѣлы, которые однако скоро затихли. Передовыя цѣпи въ потьмахъ слишкомъ приблизились другъ къ другу,

ничего болѣе серьезнаго не было. Кромѣ прислуги караульнаго взвода и одного офицера, всѣ возвратились къ своему ночлегу.

Караулъ на батареѣ занимался тѣми двумя орудіями, которыя находились во фланговыхъ ложементахъ съ правой стороны, изъ которыхъ, въ случаѣ нападенія, можно было одновременно дать непріятелю первый отпоръ, какъ съ фронта, такъ и съ фланга, если бы онъ повелъ свою атаку со стороны лѣса.

У ложементовъ стояли часовые для наблюденія предлежащей мѣстности, остальная-же орудійная прислуга располагалась вокругъ огня. Для образованія костра, помощью сухихъ щепокъ зажигали длинный и толстый дубъ. Сюда собирались въ толпу солдаты отъ прикрывающихъ пѣхотныхъ частей. Прозябшіе въ своей тонкой одеждѣ, они стремились къ огню, какъ мотылекъ къ свѣту и часто попадали такъ близко, что они подобно ему, прожигали свою верхнюю одежду. Во время сильнаго мороза или мятели, офицеры по ночамъ смѣняли другъ друга черезъ нѣсколько часовъ, но если погода была ясная и не слишкомъ холодная, мы дежурили всю ночь на пролетъ.

Припоминаю, какъ я, по вечерамъ съ помощью дубины вскарабкался съ бивуака по тропинкѣ къ батареѣ, по снѣгу, который искрился вокругъ меня и хрустѣлъ подъ ногами.

Эти ясныя зимнія ночи на горахъ юга, живо сохранились въ моей памяти. Часы проходили въ созерцаніи неисчислимыхъ міровъ въ вѣчномъ пространствѣ. Какъ ничтожны, въ сравненіи съ ними, показались мнѣ даже такъ называемыя міровыя событія на этомъ незначительномъ катающемся шарѣ, называемомъ землею. Вѣдь здѣсь жертвуютъ жизнью и кровью для завоеванія малозначущихъ частицъ земли. . .

. . . . . .

Однажды послѣ обѣда, когда мы сидѣли въ турецкой палаткѣ, послышались крики „ура“ на позиціи. Узнали о причинѣ и оказалось, что генералъ Дандевиль проѣзжалъ по линіи, объявляя войскамъ о паденіи Плевны и взятіи въ плѣнъ всей арміи Османа-паши. Нѣсколько дней передъ этимъ разнеслась молва, что Осману напротивъ того удалось пробиться, что и вызвало большую суматоху въ Орханіе.

Капитуляція Плевны возбудила большую радость въ арміи генерала Гурко. Теперь можно было надѣяться на подкрѣпленія изъ освободившейся осадной арміи и на скоро предстоящій переходъ черезъ Балканы. Однако переходъ начался только черезъ двѣ недѣли и въ это время никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ нашемъ положеніи не произошло.

Наступившая болѣе теплая погода предоставила намъ возможность поочередно ѣздить внизъ въ Орханійскую долину, посѣщать городъ и получать причитающіяся батареѣ деньги изъ полеваго казначейства въ дер. Правецъ, находившейся въ девяти верстахъ отъ Орханіе.

Селеніе Врачешъ лежало по пути, между перевалами Арабъ-Конакомъ и г. Орханіе.

Утромъ 10-го декабря я осѣдлалъ коня и запасшись необходимыми довѣренностями и инструкціями, началъ спускаться къ шоссе по узкой дорогѣ, построенной саперами въ теченіи послѣднихъ недѣль и ведущей черезъ горы, долины, тѣсныя ущелья и журчащіе горные ручейки. Дорога эта сейчасъ-же съ позиціи спускалась круто, безпрерывными зигзагами поворачивая въ лѣсъ.

Дорога была такъ скользка, что лошадь обдумывала каждый свой шагъ, и потому я нашелъ удобнѣе слѣзть, передать поводья сопровождающему всаднику и пѣшкомъ продолжать путь до болѣе удобной мѣстности. Часто намъ на встрѣчу попадались солдаты ведущіе вьючныхъ лошадей, почти изнемогающихъ подъ тяжелыми провіантскими мѣшками. Много такихъ животныхъ пало во время перехода и ихъ исхудалыя тѣла валялись по сторонамъ дороги.

Часа въ четыре послѣ обѣда я доѣхалъ до шоссе, гдѣ у перекрестка двухъ дорогъ графъ Шуваловъ квартировалъ въ большой землянкѣ. Сюда-же, черезъ Орханіе, привезли зарядные ящики и запасные лафеты оставленные нами въ Этрополѣ.

Уже смеркалось когда я пріѣхалъ въ Врачешъ, почему и рѣшился здѣсь переночевать, оставивъ предположеніе еще сегодня добраться до Орханіе.

На „Финской горѣ“, на позиціяхъ при Врачешѣ, была расположена вторая полубатарея третьей батареи нашей бригады. Въ деревнѣ находился домъ, по разсказамъ болгаръ, выстроенный для Шакира-паши и его женъ, въ которомъ нѣкоторое время дѣйствительно онъ и помѣщался. Я остался ночевать у командира третьей батареи, который съ первой полубатареей оставался во Врачешѣ въ резервѣ. Это тотъ самый полковникъ, батарея котораго съ л.-гв. егерскимъ полкомъ участвовала въ несчастномъ дѣлѣ подъ Телишемъ. Онъ былъ человѣкъ веселый и любилъ въ походѣ устраиваться съ возможнымъ удобствомъ, въ качествѣ батарейнаго командира это для него представлялось весьма исполнимымъ.

На стѣнѣ надъ кроватью, покрытою пестрымъ шерстянымъ одѣяломъ, висѣлъ толстый вышитый коверъ и на полу было разставлено нѣсколько складныхъ стульевъ, въ родѣ тѣхъ, которые встрѣчаются на пароходахъ. У единственнаго окна стоялъ сколоченный на мѣстѣ письменный столъ.

Полковникъ скоро велѣлъ подать самоваръ, и пока теплые пары поднимались къ потолку, мы разговаривали о томъ, о семъ. Послѣ чая я воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы, когда мой хозяинъ уже легъ въ постель, сѣсть къ его письменному столу и написать домой длин-

ное письмо. На слѣдующее утро въ девять часовъ я отправился въ дорогу, перешелъ Бебрешъ въ бродъ и выѣхалъ на шоссе, которое отсюда и до Орханіе тянется безпрерывною прямою линіею, обсаженною деревьями.

По обѣимъ сторонамъ дороги растилалась равнина столь ровная, что походила на замерзшее озеро. Направо и налѣво возвышались крутыя горы.

Орханіе, болгарскій городъ, своею наружностью похожъ на всѣ восточные города и состоитъ большею частью изъ такихъ же домовъ, какъ и простыя селенія. Попадаются, однако, нѣкоторые болѣе значительные каменные дома и между ними, на главной улицѣ, бывшая турецкая ратуша. Другое большое зданіе занималось нашимъ военнымъ госпиталемъ и было украшено нѣсколькими флагами Краснаго Креста.

Жители, по большей части, болгары, но между ними оказались и греки, подобно всѣмъ личностямъ ихъ предпріимчиваго племени, не упускавшіе случая дѣлать „гешефты“. Въ особенности они торговали хлѣбомъ, который продавался войскамъ; высланныя для сего довѣренныя лица толпились и толкались у печей въ лавкахъ, гдѣ этотъ предметъ продавался.

Изъ Орханіе я отправился прямо въ Правецъ, гдѣ одинъ изъ чиновниковъ казначейства мнѣ сообщилъ, что фуражныя деньги еще не ассигнованы, и что мнѣ необходимо подождать дня два.

Но такъ какъ на другой день ожидали дѣла на нашихъ позиціяхъ, то я не могъ тамъ оставаться и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Температура опять понизилась и полурастаявшій снѣгъ на дорогѣ обратился въ твердую ледяную кору, такъ, что я въ Орханіе вынужденъ былъ поручить батарейному кузнецу, бывшему здѣсь при нашемъ обозѣ, перековать мою лошадь новыми подковами на острыхъ шипахъ.

Въ Орханіе я переночевалъ у нѣсколькихъ товарищей, служившихъ въ одной изъ батарей находившихся въ резервѣ.

На слѣдующій день я купилъ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ и со своимъ спутникомъ отправился въ дорогу. По пути въ Врачешъ, я догналъ пѣшкомъ идущаго офицера Финскаго батальона, который разсказалъ, что онъ долгое время лежалъ раненымъ въ Бухарестѣ и теперь на собственныхъ ногахъ долженъ былъ пройти это большое разстояніе, такъ какъ распорядительныя власти въ пройденныхъ мѣстахъ не давали ему другихъ средствъ добраться до назначенія.

Сопровождавшему меня солдату пришлось предоставить свою лошадь моему еще не совсѣмъ выздоровѣвшему товарищу, съ которымъ я пріѣхалъ въ Врачешъ, гдѣ онъ нашелъ свой батальонъ. Отсюда я доѣхалъ до землянки графа Шувалова къ тремъ часамъ дня. Теперь предстояла исполинская работа вскарабкаться на гору. Съ великимъ трудомъ солдату удалось удержать мѣшки съ провизіею на лошади. Лишь къ полу-

ночи мы добрались до бивуака, откуда красныя искры поднимались выше деревьевъ. Было холодно, но тихо и звѣзды блистали совершенно ярко. Я не понималъ, почему я находился въ такомъ торжественномъ настроеніи, мнѣ казалось, что этотъ вечеръ отличался чѣмъ-то особеннымъ.

Осторожно поднявшись на гору по направленію лагерныхъ огней, я, по прибытіи, передалъ лошадь солдату, подошелъ къ палаткѣ и вошелъ въ нее по возможности тихо. Товарищи, два брата, которые къ намъ присоединились въ Осиковѣ, уже спали. Но въ каменномъ очагѣ еще тлѣлся огонь. Въ палаткѣ было тепло и постель приготовлена. Я снялъ пальто, надѣлъ спальную куртку и усѣлся на краю кровати, опустивъ ноги въ углубленіе передъ печкою, и, перемѣшивая саблею полусгорѣвшія уголья, у меня мелькнула мысль, что теперь дома праздну̀ютъ сочельникъ Рождества...

Переходъ черезъ Балканы.

Возвратимся теперь къ 13-му декабря, т. е. къ началу перехода черезъ Балканы въ день Рождества Христова по Грегоріанскому календарю.

Внизу у шоссе, гдѣ войска переночевали на снѣгу, было весьма холодно, но у насъ на горахъ было еще холоднѣе.

Батарея принадлежала къ тому отряду, которому поручено было совершить демонстрацію противъ главной позиціи непріятеля. Принцъ Ольденбургскій замѣнилъ генерала Дандевиля въ начальствованіи надъ позиціею на Вратешскомъ горномъ хребтѣ; послѣднему же поручено было отъ Этрополя обойти Шандорникъ.

14-го числа, утромъ, мы должны были начать канонаду. Наканунѣ, вечеромъ, офицеры четвертой батареи сидѣли въ описанной уже турецкой палаткѣ и кушали рисовую кашу, празднуя Рождество по новому стилю. Завтра же приходилось чествовать второй день этого торжественнаго праздника пушечною пальбою и пролитіемъ человѣческой крови.

Ночь прошла. На разсвѣтѣ батарея поорудійно открыла огонь на Шандорникъ и въ то же время слышались выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ. Далеко правѣе слышенъ былъ еще гулъ артиллерійской пальбы, но отдѣльныхъ выстрѣловъ не могли различать, изъ чего заключили, что она происходила не въ отрядѣ графа Шувалова, а повыше и въ большемъ отдаленіи. Въ полдень эта стрѣльба велась весьма энергично. Звуки же ружейныхъ выстрѣловъ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра до насъ не доходили. Погода была суровая, и вѣтеръ, часто перемѣнявшій направленіе, теперь дулъ на насъ съ правой стороны, безпрестанно нанося цѣлыя облака снѣжной пыли, которая мѣшала намъ направлять орудія какъ слѣдовало.

Судя по выстрѣламъ непріятеля, число его орудій уменьшилось, часть ихъ была куда-то увезена. Въ продолженіи дня колонна пѣхоты спустилась съ Шандорника внизъ, а другой отрядъ, съ Арабъ-Конака, направился прямо къ нашей позиціи. Однако, его такъ основательно поподчивали гранатами, что онъ принужденъ былъ возвратиться и въ этотъ день больше не выходилъ изъ своихъ укрѣпленій.

Однажды утромъ мы проснулись отъ ощущенія изряднаго холода. Въ лѣсу слышался свистъ и трескъ и палатки шатались отъ сильныхъ порывовъ вѣтра. Мы встали и поспѣшили одѣться. Въ палаткѣ было чрезвычайно темно для этого времени дня, но причина заключалась въ томъ, что полотно покрылось толстымъ слоемъ снѣга. Настоящіе сугробы образовались передъ отверстіемъ палатки и въ полутора-футовой поперечной канавкѣ. Когда выглядывали, то сильная вьюга залѣпляла намъ глаза. Вотъ оно что! теперь предстоитъ знакомиться съ балканскою мятелью.

Мы, въ силу обычая, собрались къ утреннему чаю, но скоро разошлись по случаю сильнаго холода. Надѣвали на себя все, что имѣли, и затѣмъ прохаживались взадъ и впередъ у палатокъ.

Но обратимся къ 17-му декабря. Морозъ ежеминутно усиливался и въ той же мѣрѣ ухудшалось наше положеніе. Входили въ первую попавшуюся палатку и тотчасъ же выходили оттуда, отправлялись въ другую и опять выбѣгали на дворъ, будто бы перемѣна мѣста сама по себѣ могла приносить какую-нибудь особенную теплоту. Попробовали затопить очагъ въ одной палаткѣ, но вѣтеръ загонялъ весь дымъ во внутрь и пребываніе тамъ дѣлалось невозможнымъ. Въ избушкѣ батарейнаго командира печь была вовсе безъ выходной трубы для дыма. Когда разводили огонь, должны были уходить и входить могли только тогда, когда дымъ выходилъ черезъ дверь.

Въ довершеніе всего, мы къ обѣду получили приказаніе обстрѣливать Шандорникъ. Въ это время генералъ Дандевиль началъ свое нападеніе на тылъ укрѣпленія. Чувство долга скоро собрало всѣхъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, въ наши земляные окопы, которые оказались на четвертую часть наполненными снѣгомъ. Прежде всего освободили орудія и затѣмъ приготовились къ стрѣльбѣ. Общее вниманіе направилось на Джульдисъ-Табію и ея окрестности. Хотѣли видѣть непріятельскія колонны, уловить звукъ хоть одного выстрѣла, но все напрасно. Въ долинѣ, раздѣляющей высокій Шандорникъ отъ Бабы-горы, вихремъ носились лишь густыя облака снѣга.

Тогда мы открыли огонь, не узнавъ ничего предварительно. Сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Выстрѣлы сопровождались особенными явленіями въ каналахъ орудій. Слышалось сильное шипѣніе въ связи съ изверже-

ніемъ водяныхъ паровъ. Стѣнки каналовъ и порохъ промокли. Часъ спустя получено приказаніе прекратить огонь.

Вмѣстѣ съ командиромъ батареи отправился я на бивуакъ принца Ольденбургскаго. Ординарецъ сообщилъ намъ, что принцъ получилъ свѣдѣніе о погибели третьей части отряда Дандевиля отъ вьюги, что много солдатъ и офицеровъ остались подъ снѣгомъ, и что четыре орудія также исчезли. Поспѣшно собрали болгаръ для спасенія тѣхъ, которыхъ еще можно было спасти.

Это извѣстіе слѣдовало держать въ тайнѣ отъ солдатъ.

Послѣ обѣда погода прояснилась. О судьбѣ остальныхъ колоннъ не было ничего извѣстно.

Слѣдующій день былъ ясный, съ легкимъ морозомъ. У непріятеля замѣчались тѣ же движенія, какъ и прежде; но, кромѣ того, два орудія съ Шандорника спустились къ редуту, нами называемому „сахарными головками“, вслѣдствіе того, что по обѣимъ его сторонамъ находились конусообразные шалаши изъ жердей.

19-го декабря всѣ выстрѣлы снова направлялись на Шандорникъ.

Стрѣльба съ турецкаго „веселаго редута“ вовсе прекратилась; этотъ редутъ нами назывался „веселымъ“ потому, что онъ обыкновенно производилъ наибольшій шумъ; съ остальныхъ же непріятельскихъ укрѣпленій отвѣтные выстрѣлы были до того странные, что они возбудили наше подозрѣніе. Снаряды или не долетали саженей на двѣсти до батареи, или же разрывались на половинномъ разстояніи высоко въ воздухѣ. Изъ этого мы заключили, что у непріятеля остались одни горныя орудія, или же, что онъ, за недостаткомъ гранатъ, съ ударными трубками, выпускалъ снаряды съ дистанціонными трубками, разсчитанными на слишкомъ короткое разстояніе, чтобы доходить до насъ.

Въ полдень замѣтили на турецкой позиціи движеніе пѣхотныхъ колоннъ и длинный рядъ вьючныхъ лошадей тронулся внизъ по горному хребту, но когда мы туда направили выстрѣлы, то они скоро скрылись за горой. Всего мы въ этотъ день выпустили триста двадцать снарядовъ.

По случаю этихъ въ послѣдніе дни замѣченныхъ явленій, принцъ Ольденбургскій послалъ команду охотниковъ черезъ долину незамѣтно пробраться вверхъ къ Шандорнику, съ цѣлью развѣдать, занято ли еще укрѣпленіе непріятелемъ? Для этой цѣли отъ нашей батареи пошелъ офицеръ *) и четыре нижнихъ чина **).

Въ сумеркахъ команда выступила и карабкалась нѣсколько часовъ по колѣни въ снѣгу черезъ долину и вверхъ на гору, пока она не до-

*) Прапорщикъ Смагинъ 1-й.

**) Необходимо было послать одного артиллерійскаго офицера, чтобы, въ случаѣ удачнаго исхода предпріятія, тотчасъ же направить артиллерію непріятеля на него самого же.

бралась на такое близкое разстояніе отъ Шандорника, что можно бы было его штурмовать. Вдругъ турки открыли огонь и охотники принуждены были поспѣшно отступить. Изъ числа людей, отправившихся изъ нашей батареи, одному солдату прострѣлили ногу. Говорили, что укрѣпленіе все еще занято турками, а между тѣмъ они именно въ эту ночь совершили свое чрезвычайно быстрое и искусное отступленіе со всей линіи Шандорникъ-Арабъ-Конакъ-Комарцы, послѣ того, какъ въ продолженіе дня Ташкисенскія позиціи въ тылу ихъ были взяты.

Къ полному убѣжденію объ отступленіи пришли только 20-го декабря, когда охотниковъ снова отправили утромъ на рекогносцировку.

Съ батареи мы наблюдали какъ они разсыпались, по-немногу пробирались на гору и, наконецъ, вышли на вершину, ничѣмъ не остановленные въ своемъ предпріятіи.

Съ Шандорника поднялась ракета, въ знакъ того, что занятіе укрѣпленія состоялось.

На мѣстѣ нашли съ подлежащими зарядными ящиками два трехъ- и два четырехъ-фунтовыя орудія, изъ коихъ два были завода Круппа и одно турецкаго издѣлія.

Вблизи остальныхъ редутовъ оказалось всего пять орудій, отвезенныхъ на нѣкоторое разстояніе по тому пути, по которому непріятель совершилъ свое отступленіе. Замки и прицѣлы были отъ всѣхъ орудій сняты и увезены.

Еще въ тотъ же день мы приготовились къ спуску съ горъ. Лошади съ зарядными ящиками находились внизу на шоссе, у бывшаго Шуваловскаго бивуака. Для вещей, имѣвшихся у насъ на позиціи, наскорую руку сколотили двое саней и, нагрузивъ ихъ, спускали съ горы, не давая имъ слишкомъ быстро съѣзжать внизъ.

Но за то спускъ орудій былъ тяжелъ и труденъ. Для этого дали батареѣ, по обыкновенію, батальонъ пѣхотныхъ солдатъ. Весело и дружно взялись они за работу, когда наконецъ дѣло шло о томъ, чтобы убраться отсюда. Слѣдовало орудія сначала вытащить на дорогу, а уже оттуда предстояло ихъ спускать. Солдаты запѣли „Дубинушку“, пѣсню, распѣваемую при перетаскиваніи большихъ тяжестей, и, при послѣднемъ словѣ, всѣ соединенными силами дергали за канаты.

Мнѣ поручено было послѣднимъ оставить батареи, дождаться команды солдатъ, которая для переноски возможно большаго числа снарядовъ имѣла прибыть съ бивуака графа Шувалова, гдѣ намъ предстояло переночевать. Пока другія батареи, орудіе за орудіемъ, двигались мимо оставленнаго нами бивуака и протяжный напѣвъ слышался по временамъ, когда орудіе откатывалось слишкомъ въ сторону и надо было его притягивать обратно, я стоялъ на брустверѣ оставляемой батареи, осматривая всю окружающую мѣстность.

Пребываніе здѣсь, на высотахъ, кончилось. Переходъ черезъ Балканы совершился. Генералъ Гурко исполнилъ это предпріятіе послѣ семидневной исполинской борьбы съ природными препятствіями, подобно тѣмъ, которыя преодолѣлъ Ганнибалъ во время своего знаменитаго похода противъ римлянъ. Эта горная цѣпь, въ теченіи вѣковъ служившая яблокомъ раздора между народами, гдѣ и въ этой войнѣ происходили самыя кровопролитныя сраженія, нынѣ пала, а съ нею и страшнѣйшая оборонительная линія Османовъ въ Европѣ.

Въ 1829 году фельдмаршалъ Дибичъ прошелъ черезъ Восточные Балканы въ Адріанополь. Здѣсь же, черезъ Этропольскіе Балканы, съ давнихъ поръ въ первый разъ двигалась непріятельская армія...

Великолѣпная картина открылась нашимъ взорамъ.

Вездѣ, куда только хваталъ глазъ, возвышались снѣжныя, блестящія вершины и горные хребты, одни за другими, одни выше другихъ. Хребты пересѣкались глубокими долинами. Солнце свѣтило ярко и надъ всею мѣстностью возвышался лазурный небесный сводъ. Можно было, углубившись въ созерцаніе этого, забыть все остальное.

Но сколько крови пролито на этихъ лѣсомъ поросшихъ покатостяхъ, на этихъ голыхъ скалахъ и снѣжныхъ сіяющихъ вершинахъ? Сколько предсмертныхъ вздоховъ поднималось изъ этихъ долинъ и ущелій, этихъ овраговъ и пещеръ?!...

Разсказъ, пожалуй, покажется въ родѣ сказки извѣстнаго Мюнкгаузена, но, тѣмъ не менѣе, это дѣйствительный фактъ, что я распорядился приготовить себѣ салазки, чтобы скорѣе догнать батарею, и что эта мысль осуществилась съ такимъ успѣхомъ, что всѣ, которыхъ я по пути обогналъ, мнѣ позавидовали.

Когда я догналъ батарею, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ шоссе, одно изъ ея орудій только-что потерпѣло несчастіе. Канатъ оборвался и, вслѣдствіе этого, орудіе соскользнуло съ кручи въ ручеекъ, и теперь лежало дуломъ въ ручьѣ, пробивъ ледъ, покрывавшій его. Привязали канатъ за нижній край одного колеса, другую веревку за верхній край другаго колеса и пока лѣвое колесо задерживалось на мѣстѣ, на берегу, съ другаго берега старались притягивать къ себѣ правое колесо. Послѣ многихъ дерганій удалось наконецъ поставить орудіе прямо, но оно было уже въ негодномъ состояніи, такъ какъ прицѣлъ погнулся и мушка сломалась.

Вообще, спускъ орудій производился слѣдующимъ образомъ: закидывали длинный канатъ, другой конецъ котораго былъ привязанъ къ лафету, нѣсколько разъ вокругъ дерева, отпускали этотъ канатъ по немногу и до исхода его предварительно закидывали другой, вокругъ ниже стоявшаго дерева, для того, чтобы, если силы людей окажутся недостаточными, все-таки можно бы было задерживать орудіе. Впереди, гдѣ

почва становилась ровнѣе, попадались лужи, покрытыя тонкимъ льдомъ, ломающимся подъ тяжестью пушекъ, что крайне затрудняло передвиженіе.

Лишь поздно вечеромъ, но въ полномъ составѣ, батарея добралась до мѣста. Въ бывшей землянкѣ графа Шувалова переночевали офицеры трехъ батарей. Подали самоваръ, зажгли нѣсколько стеариновыхъ свѣчей и тогда въ этомъ, землею покрытомъ баракѣ, выглядывало даже совсѣмъ уютно.

Однако здѣсь было холодно. Вмѣсто того, чтобы лежать въ баракѣ и мерзнуть, я предпочелъ съ нѣсколькими солдатами просидѣть ночь на дворѣ и дремать надъ кучею горящихъ угольевъ.

На слѣдующій день батарея приготовилась къ дальнѣйшему передвиженію. Мы взяли съ собою только четыре орудія, запряженныя сильнѣйшими лошадьми. Кромѣ того, въ нашей батареѣ, относительно зарядныхъ ящиковъ, сдѣлали слѣдующее распоряженіе: задніе ящики были оставлены, а къ передкамъ придѣлали деревянныя рамы, въ которыхъ помѣщалось по двадцати одному снаряду съ пороховыми зарядами; затѣмъ все это прикрывалось овечьими шкурами.

Въ тотъ же день, когда батарея вечеромъ выступила, меня отправили въ Лешанъ за полученіемъ денегъ, не выданныхъ при первомъ моемъ посѣщеніи полеваго казначейства. На обратномъ пути мое вниманіе обратилось на транспортъ теплой одежды, прибывшій наконецъ изъ Финляндіи для ея гвардейскаго батальона.

Батальонный квартирмейстеръ занимался раздачею вещей обознымъ солдатамъ и мои земляки снабдили обильно и меня.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бивуака графа Шувалова встрѣтилъ меня верхомъ командиръ 2-й полубатареи и объявилъ, что въ виду того числа офицеровъ, которое выступило съ частью, мнѣ батарейнымъ командиромъ предоставлена полная свобода оставаться въ Орханіе. Я отвѣтилъ, что намѣренъ слѣдовать съ батареею. Затѣмъ мы попрощались и продолжали нашъ путь въ противуположныя стороны.

Но такъ какъ уже наступилъ вечеръ и дорога предъ вышеупомянутымъ бивуакомъ была загромождена артиллерійскими парками и обозомъ, то я переночевалъ при второй полубатареѣ, которая оставалась въ Орханіе.

На разсвѣтѣ я продолжалъ путь, но, къ несчастью, только шагомъ могъ пробираться по загроможденному шоссе. До батареи я доѣхалъ послѣ обѣда, когда она всѣми силами старалась добраться до вершины Арабъ-Конака. Впрочемъ, я пріѣхалъ не одинъ; послѣ долгихъ споровъ, причемъ я заявлялъ, что никто не вправѣ разъединять части проходящихъ войскъ, мнѣ удалось вывезти одинъ изъ нашихъ запасныхъ лафетовъ, который отсталъ по несчастному случаю и теперь былъ совершенно запертъ фурами и повозками парковыхъ офицеровъ и вощиковъ.

Мои товарищи послѣднюю холодную ночь провели на снѣгу и въ продолженіи сутокъ ничего не ѣли, кромѣ незначительнаго количества хлѣба.

— Далеко ли пройдемъ сегодня, спросилъ я командира батареи, передавъ ему деньги, полученныя изъ казначейства.

— Сколько успѣемъ, отвѣтилъ онъ.

Но мы не поспѣли далѣе вершины Арабъ-Конака.

Возлѣ укрѣпленія было нѣсколько земляныхъ казармъ, правильно построенныхъ турками, гдѣ нижніе чины батареи помѣстились на ночь. Сами же мы заняли шалашъ, покрытый листвою и хворостомъ, устроенный на каменномъ фундаментѣ сейчасъ за гласисомъ, въ который онъ упирался однимъ своимъ концомъ.

Оставались нѣкоторое время въ нерѣшимости—слѣдуетъ ли занять это помѣщеніе или нѣтъ. Полагали, что въ этомъ жилищѣ, сравнительно плотнѣе устроенномъ (хотя это не помѣшало свѣту черезъ крышу пробиваться во внутрь) и снабженномъ основательнымъ каменнымъ очагомъ съ хорошею дымовою трубою, до насъ могли находиться турецкіе больные. Но когда тамъ развели большой огонь и морозъ на дворѣ усиливался, то всякое колебаніе исчезло и мы расположились какъ можно ближе къ огню. У этого огня скоро становилось невыносимо жарко; нижніе слои воздуха здѣсь нагрѣлись до $+20^\circ$ въ то же время, какъ другомъ концѣ барака царствовалъ морозъ въ 15°.

Съ транспортомъ одежды изъ Финляндіи мнѣ изъ дому прислали посылку, которую мнѣ передали въ Вратешѣ, и потому я имѣлъ возможность моимъ товарищамъ сварить шеколадъ, въ ознаменованіе сегодняшняго праздника — 25-го декабря по Юльянскому календарю. Походную кострюлю поставили на огонь и присутствующіе по очереди щепкою перемѣшивали содержащееся въ ней. Предпріятіе это удостоилось всеобщаго одобренія.

Ночью стужа была жестокая, но звѣзды и луна свѣтили полнымъ блескомъ и, прежде чѣмъ ложиться спать, мы вышли еще разъ взглянуть на столь знакомыя намъ горы, высокія вершины которыхъ теперь съ каждымъ днемъ все больше и больше отъ насъ удалялись, еще недавно оттуда слышались вѣстники смерти и разрушенія, жужжавшіе надъ глубокою долиною лежащею между ними.

На слѣдующее утро намъ предстояло бороться съ послѣднею трудностью при переходѣ большихъ Балканъ: спускъ съ крутой, послѣ нѣсколькихъ дней оттепели, покрытой льдомъ, скользкой арабъ-конакской горной покатости.

Еще разъ передки были отдѣлены отъ лафетовъ, еще разъ привязаны канаты и крѣпко заторможены колеса. Неудобства здѣсь увеличились еще тѣмъ, что по дорогѣ неимѣлось никакихъ деревьевъ, могу-

щихъ служить точками опоры. Отдѣльнымъ лицамъ часто представлялось удобнѣе всего съѣзжать внизъ на шинельныхъ полахъ. Иногда случалось, что вся команда, держась за привязанные къ орудіямъ канаты, вдругъ попадала въ такое же положеніе и въ безпорядкѣ была увлечена внизъ по крутизнѣ. Но послѣднія кувырканія переносились безропотно и люди, наконецъ, достигали долины. Эта послѣдняя, образуемая притокомъ Искера, нѣсколькими незначительными возвышенностями отдѣляется отъ большой Искерской долины, въ которой расположенъ городъ Софія, у подножія горы Війтосъ.

Мы переночевали въ хуторѣ, гдѣ прежде помѣщался какой-то кабакъ. Сюда же были доставлены орудія, взятыя съ оборонительной линіи Шандорникъ-Арабъ-Конакъ-Комарцы. Мы теперь могли ихъ болѣе подробно разсмотрѣть.

Вокругъ хутора и въ дорожныхъ канавахъ лежали трупы, по большей части совершенно голые. Мы не сомнѣвались въ томъ, что то были послѣдствія дѣятельности кавалеріи. Еще больше труповъ попадалось намъ, когда мы на другой день выступили по дорогѣ въ Ташкисенъ и дошли до прохода, находящагося передъ самымъ вступленіемъ въ настоящую Софійскую долину. Здѣсь трупы лежали уже не по одиночкѣ, а по пяти, шести въ рядъ. Если на которомъ-нибудь изъ нихъ оказывалась теплая, хорошо простеганная, хотя и запачканная кровью, турецкая куртка, то ее сейчасъ же снималъ кто-нибудь изъ солдатъ, у котораго не было ничего теплаго.

Когда, такимъ образомъ, живые присвоивали себѣ одежду мертвыхъ, то нельзя было это называть грабежемъ. Мертвецы въ полѣ, которые уже не могли ни мерзнуть, ни чувствовать теплоту, не имѣли никакихъ другихъ наслѣдниковъ кромѣ червей, которые рано или поздно должны были уничтожить ихъ трупы.

Припоминаю трупъ молодаго турка, почти мальчика, павшаго жертвою преслѣдованія; онъ лежалъ въ сторонѣ отъ дороги, приклонивъ свою юную голову на камень. Возлѣ него лежалъ мущина, пораженный въ цвѣтѣ силъ; въ его омертвѣвшемъ взглядѣ отразилось особенное, полуулыбающееся выраженіе надежды, явившейся въ самую минуту смерти при мысли о райскихъ радостяхъ и наслажденіяхъ, обѣщанныхъ магометанской религіею каждому мусульманину, павшему въ борьбѣ съ невѣрными.

Кромѣ турецкихъ солдатъ мимо насъ, подъ конвоемъ, проходило множество мирныхъ крестьянъ и мусульманскихъ женщинъ, возвращаемыхъ домой. Многія изъ женщинъ несли своихъ дѣтей на рукахъ.

Въ полдень мы дошли до Ташкениса, большаго болгарскаго селенія въ Софійской долинѣ. Приближаясь къ обширной группѣ строеній, моя лошадь начала поднимать голову, громко ржать и, вообще, выказывать

несомнѣнные признаки радости. Вслѣдствіе этого я предполагалъ, что прежній ея владѣлецъ продолжительное время находился здѣсь, до отправленія съ турецкими войсками къ Горному-Дубняку.

Мы заняли помѣщеніе въ болгарской избѣ. На мѣстѣ не было фуража лошадямъ, которыя поэтому были отправлены въ другую деревню, нѣсколько верстъ западнѣе. Съ экспедиціею послали одного офицера. Черезъ нѣкоторое время онъ прислалъ сказать, что онъ устроилъ баню въ одномъ покинутомъ домѣ; мы поспѣшили изъ этого извѣстія извлечь практическую пользу и по очереди отправлялись туда.

Вечеромъ, когда мы собрались спать, во дворъ въѣхалъ одинъ офицеръ и вскорѣ послѣ того вошелъ въ нашу избу. Онъ безъ остановки ѣхалъ изъ Софіи, получивъ приказаніе въ эту же ночь прибыть въ Орханіе, гдѣ его батарея дожидалась распоряженія двинуться впередъ. Мы предложили ему стаканъ горячаго чаю, и услышали слѣдующія интересныя новости:

Въ Софіи нашли запасъ муки въ двѣсти тысячъ пудовъ. Много боевыхъ припасовъ брошено непріятелемъ на мѣстѣ. Разсказывали, что въ одной мечети оказалось двадцать тысячъ ящиковъ наполненныхъ патронами, съ надписью: „въ Плевну“.

Но вмѣстѣ съ этимъ турки оставили на наше попеченіе тысячу пятьсотъ человѣкъ больныхъ и раненыхъ, и, принимая во вниманіе сравнительно небольшое число лазаретныхъ принадлежностей, бывшихъ въ распоряженіи Краснаго Креста, пользованіе этихъ людей оказалось весьма затруднительнымъ.

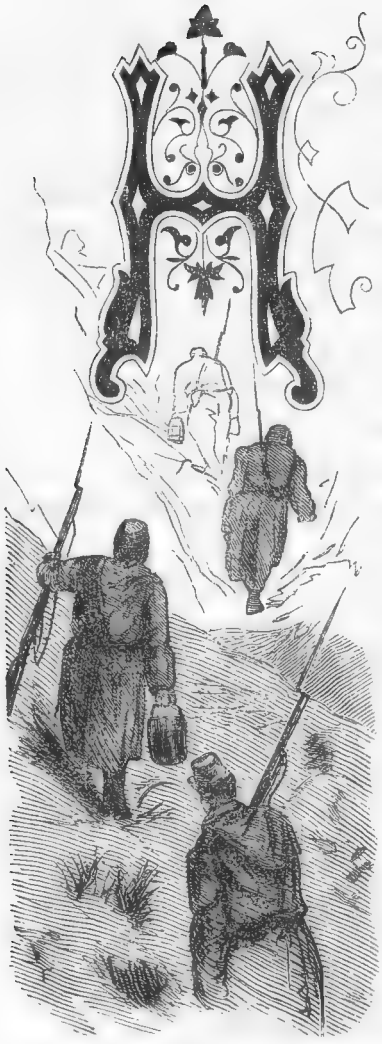
Преслѣдованіе турецкихъ главныхъ силъ несостоялось, потому что онѣ насъ слишкомъ много опередили и дорога въ Кюстендиль до того была наполнена мертвыми, ранеными, больными и бѣглецами, числомъ около пяти тысячъ, что движеніе по этому направленію оказалось почти невозможнымъ.

ПОХОДЪ
ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ 1-го СТРѢЛКОВАГО
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА БАТАЛЬОНА.

1877—1878.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Походъ.



Наша мобилизація, то-есть, мобилизація гвардіи близилась къ концу. Суета и всеобщій хаосъ предшествующихъ дней смѣнился какимъ-то напряженнымъ спокойствіемъ, ожиданіемъ недалекаго будущаго. Наконецъ, насталъ давно ожидаемый день, день въ который первый эшелонъ гвардейской пѣхоты отправлялся въ походъ. Тревожнымъ утромъ началось роковое число число 14-го августа 1877 года. Казалось, видимое кратковременное спокойствіе было нарушено съ удвоенной силой: одиночные люди сновали взадъ и впередъ, крики кучеровъ, конюховъ и имъ одобныхъ не умолкали на заднемъ дворѣ. Солдаты, офицеры, посторонняя публика, безъ различія пола и возраста, смѣшались въ одну общую, разнообразную толпу. Прощальные поцѣлуи, слезы, смѣхъ и безсвязный говоръ подгулявшихъ наполняли воздухъ! На площадкѣ, передъ церковью, приготовлялись къ молебну. Послѣдній порывъ шумныхъ гуляній смолкъ. Плотные ряды стрѣлковъ, въ полной готовности, окружили аналой. Постороннія лица отдѣлились въ сторону и хранили глубокое молчаніе. Судя по выраженію лицъ, потому напряженному вниманію, съ которымъ каждый относится къ этому послѣднему акту „прощанія“,

можно было заключить: какія разнообразныя, невеселыя мысли занимали головы! Это былъ первый моментъ, изъ ряда шумныхъ приготовленій, моментъ, который позволялъ сосредоточиться въ самомъ себѣ и трезвыми глазами взглянуть въ лицо роковому будущему.

Впослѣдствіи, даже передъ дѣломъ, ничего подобнаго не приходило въ голову. Вѣроятно, сильная усталость, разнообразіе и, наконецъ, близость опасности, не позволяли сосредоточиваться на какой-либо отдѣльной мысли.

Было 8 часовъ утра, когда батальонъ выступилъ изъ Царскаго Села въ Колпино. Десять верстъ, отдѣлявшія Царское отъ станціи, прошли незамѣтно, благодаря хорошей погодѣ, и въ одинадцатомъ часу были уже въ Колпино.

Поѣздъ отходилъ ровно въ 12 часовъ и слѣдовательно намъ пришлось ждать около полусутокъ. Послѣдніе часы тянулись невыносимо долго. Толпы знакомыхъ, родныхъ и родственниковъ наполняли вокзалъ и разбрелись по окрестностямъ. Маленькая дамская комната была набита отъѣзжающими и провожающими, несмотря на свое спеціальное назначеніе „для дамъ“. Все разнообразное общество, въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи, приняло какой-то семейный оттѣнокъ. Внѣ вокзала, на платформѣ, было не менѣе оживлено: группы стрѣлковъ, всѣхъ 3-хъ батальоновъ, стояли тамъ и сямъ; безконечныя солдатскія пѣсни не умолкали и переходили изъ протяжныхъ въ плясовыя. Странно было слышать это неумолкаемое пѣніе. Казалось оно было средствомъ заглушающимъ тревоги и какими неестественными, какими фальшивыми нотами звучали эти пѣсни, какъ плохо скрывали онѣ душевное настроеніе!.. Между тѣмъ, и тѣ немногіе остатки „послѣднихъ минутъ“ подходили къ концу. Съ каждымъ мгновеніемъ отъѣздъ все приближался и приближался, а настроеніе общества становилось все тревожнѣе. 2-й и 4-й батальоны уже уѣхали и наступила наша очередь. Поѣздъ стоялъ у платформы и готовился съ минуты на минуту умчать насъ далеко, далеко!.. Началась посадка, а ровно въ 12 часовъ ночи мы тронулись, бросивъ „для многихъ“ послѣдній взглядъ на оставшихся на платформѣ и постепенно скрывавшихся у насъ изъ вида! Вотъ мелькнулъ послѣдній фонарь, послѣднія смычки рельсъ встряхнули вагоны и мы очутились въ совершенной темнотѣ, съ непріятнымъ чувствомъ чего-то давящаго, одинокаго... Вспоминая теперь эти прошедшія минуты, онѣ кажутся мнѣ какимъ-то тяжелымъ, продолжительнымъ сномъ, отъ котораго только во Фратешти (станція близъ Журжева) разбудила насъ дѣйствительность, когда воочію увидѣли первые признаки войны, первые ея ужасы, и пушечные выстрѣлы рущукскихъ батарей долетали до нашего слуха.

Двѣ недѣли неудержимо неслись мы по безграничнымъ равнинамъ Россіи, перескакивая съ дороги на дорогу, изъ вагона въ вагонъ. Мелькъ-

нула Москва, за ней Орелъ, тамъ Курскъ... Все дальше, дальше... Какая-то неудержимая сила влечетъ насъ впередъ, безоглядно, все ближе и ближе къ театру кровавой драмы, къ тѣмъ заповѣднымъ мѣстамъ, которыя еще такъ недавно составляли туманную загадку.

Поѣздъ быстро несется, перерѣзывая гористую мѣстность Бессарабіи; въ окнахъ вагоновъ мелькаютъ ея живописныя горы, покрытыя рощами. Жарко! На небѣ ни облачка, вокругъ мертво: все спряталось отъ полуденнаго, южнаго солнца. Вотъ станція. Грязная, душная, съ миріадами мухъ и невозможнымъ буфетомъ. Скорѣй-бы дальше! Гадко въ вагонѣ, но еще хуже на станціи.

— Далеко до границы? вопрошали мы начальника станціи.

— Нѣтъ, это послѣдняя станція, Унгены.

— А скоро поѣдемъ?

— Не знаю. Въ Яссахъ собралось много войска и потому приказано задерживать поѣзда. Послалъ телеграмму и жду отвѣта. Можетъ быть, придется вамъ идти пѣшкомъ до Яссъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, путь загроможденъ.

Это послѣднее равнодушное заявленіе начальника станціи, далеко не обрадовало насъ. Какъ ни плохо ѣхать, какъ ни плохо сидѣть на грязной станціи, а все-же лучше, чѣмъ идти пѣшкомъ въ такую жару. Однако, судьба видимо сжалилась надъ нами и послала намъ поѣздъ. 25-го августа, въ 10 часовъ вечера, переѣхали мы рѣку Прутъ и очутились въ Румыніи.

И такъ, мы за границей, въ союзной странѣ! Но, полно, точно-ли это союзники! Достаточно сдѣлать шагъ по Румыніи, чтобы иллюзія исчезла и на мѣстѣ „союзниковъ“ встали „сильные эксплуататоры русскихъ кармановъ“. Взгляните направо и налѣво: толпа, безчувственная, алчная толпа! Ни тѣни сочувствія, ни тѣни участія не прочтете вы на этихъ бездушныхъ физіономіяхъ! Пустое, праздное любопытство, да жажда наживы привлекли ихъ сюда.

Вотъ городъ Яссы! Платформа полна народомъ. Пестрая масса публики волнуется. Во всемъ замѣтно необыкновенное оживленіе. Всѣ спѣшатъ—спѣшатъ обобрать пріѣхавшихъ! Однако, довольно о румынахъ. Въ своихъ немногихъ словахъ я исчерпалъ все первое впечатлѣніе о нихъ. Можетъ быть, оно и ошибочно, но до сихъ поръ я ни отъ кого не слыхалъ опроверженія. Можетъ быть, наконецъ, это только первое впечатлѣніе, которое, при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ этимъ народомъ измѣнилось-бы—незнаю. Словомъ, молчу о народѣ и перехожу къ странѣ.

Мое мимолетное появленіе по пути слѣдованія не позволяетъ мнѣ дать должной полноты описаніямъ и заставляетъ довольствоваться одной внѣшностью. Прибывъ, напримѣръ, въ городъ Яссы на какихъ-нибудь

два, три часа, я только и могу сказать о его расположеніи, общемъ видѣ и пр. День былъ ясный. Палящая жара еще не спала и темная пелена тумана задергивала даль, придавая городу и всему окрестному виду особенную прелесть. Бѣлые дома города, расположеннаго на горѣ, выдѣлялись невыносимо ярко изъ окружавшихъ ихъ безчисленныхъ садовъ. Тамъ и сямъ проглядывали улицы, поднимавшіеся въ гору. Высокіе кряжи горъ тянулись вправо и влѣво, уходя далеко, далеко въ синѣющую даль. Войдите въ городъ. Прежде всего и послѣ всего васъ поражаетъ повсемѣстная чистота. Не длинныя, но широкія и красивыя улицы съ торцевыми мостовыми выглядятъ празднично. Длинный рядъ магазиновъ, кафе, прекрасныя извощичьи коляски доказываютъ зажиточность горожанъ и процвѣтаніе города. На балконахъ ежеминутно появляются и исчезаютъ мелкія фигуры прекрасныхъ румынокъ, какъ-бы поддразнивая проходящихъ... Пошатавшись по городу и заглянувъ въ нѣсколько магазиновъ, направились обратно къ вокзалу. По обыкновенію, хоръ музыкантовъ и пѣсенниковъ уже услаждалъ публику, собравшуюся посмотрѣть на русскую гвардію. Отъ нечего дѣлать и наша кампанія присоединилась къ слушателямъ. Однообразіе и постоянно увеличивающаяся толпа начинали надоѣдать. Хотѣлось скорѣе дальше... Не помню, сколько именно пробыли мы въ Яссахъ, но было довольно уже поздно, когда отошелъ нашъ поѣздъ. Желѣзнодорожный путь проходилъ по мѣстности изрѣзанной крутыми отрогами Карпатъ. Безжизненная природа напоминала отчасти нашу Бессарабію.

Тамъ и сямъ, разбросанные по склонамъ горъ, виноградники мелькали на мгновеніе въ окнахъ вагона и оставались далеко позади. Небольшія рощи, кустарники, маленькія деревеньки, одиночныя хутора, проносились мимо насъ.

Съ 25-го по 29-е августа 1877 года мчались мы по румынской желѣзной дорогѣ почти безостановочно, то удаляясь на югъ, то круто повертывая на сѣверъ, благодаря капризной природѣ, поставившей непреодолимыя преграды на прямомъ пути. Около 3-хъ часовъ пополудни окончился нашъ желѣзнодорожный путь на станціи Фратешти, въ 7-ми верстахъ отъ Журжева. Массы снарядовъ, орудій, сухарей, хлѣба и пр., и пр. загромождали платформу. По долинѣ виднѣлись нескончаемые транспорты раненыхъ. Походные лазареты, маркитанты, вотъ что представлялось нашему взору. Какое-то новое, доселѣ невѣдомое чувство охватило при взглядѣ на всѣ эти предметы.

Тамъ, вдали, блеститъ клочекъ Дуная. Грузной тушей высятся горы надъ Рущукомъ со своими неприступными батареями и какъ-бы смѣются надъ бѣднымъ, ничтожнымъ Журжево! Далеко, далеко по долинѣ разносятся громовые выстрѣлы и стократнымъ эхомъ отзываются въ горахъ противоположнаго берега. Бѣлые дымки отъ гранатъ поминутно появля-

ются надъ городомъ и исчезаютъ, осыпая массой осколковъ его полуразрушенныя стѣны. „Гдѣ жизнь была, тамъ гробъ стоитъ!“ Только неустрашимыя, угрюмыя батареи черной цѣпью окружили Журжево и борятся съ противникомъ. Тамъ есть еще жизнь, но жизнь полная лишеній, полная опасности, изолированная отъ всего живаго...

Вечерѣло, когда мы добрели до назначеннаго мѣста и расположились на бивуакѣ. Проходя, насъ поразила вывѣска на одномъ изъ домиковъ: „Петербургскій садъ“. Отчасти любопытство, отчасти и надежда что-либо найти въ этомъ саду—ввела насъ и туда. Въ „саду“ оказались „посаженными“ всего три стола, да два стула съ четырьмя ножками на оба. Недостатокъ двухъ другихъ пополнялся камнями и полуразвалившимся плетнемъ, къ которому прислонились эти калѣки. Посмѣявшись вдоволь этой злой насмѣшкѣ на „петербургскіе сады“ и выпивъ бутылку мѣстнаго краснаго вина, мы возвратились домой.

На слѣдующій день, 30-го августа, въ 12 часовъ дня, отправились мы по желѣзной дорогѣ въ Журжево. Нужно замѣтить, что бомбардировка начиналась всегда съ нашей стороны и потому любопытствующая публика могла безопасно прогуливаться по улицамъ города до перваго выстрѣла съ нашихъ батарей. Съ началомъ же бомбардировки отходилъ и обратный поѣздъ во Фратешти. Впрочемъ, подобная экспедиція не могла быть и вполнѣ безопасна, такъ какъ разсчетъ основывался на весьма шаткой аналогіи съ прошлымъ. „Не стрѣляли-же турки первыми вчера, третьяго дня, мѣсяцъ тому назадъ,—такъ отчего же они измѣнятъ разъ заведенный порядокъ? Но... могло случиться иначе, помимо всякихъ разсчетовъ!...“

Проѣхавши около получаса, мы прибыли на вокзалъ (единственное уцѣлѣвшее зданіе). Наняли коляску и начали свой осмотръ. Прямо изъ вокзала вышли на площадь, довольно оживленную въ этотъ часъ; отсюда во всѣ стороны расходились узкія, красивыя улицы, по которымъ съ трудомъ приходилось двигаться, натыкаясь ежеминутно на груды камня, черепицъ и прочаго сора. Полуразрушенные дома съ выбитыми окнами, изуродованными крышами и едва держащимися стѣнами уныло стояли по сторонамъ, грозя ежеминутно своимъ паденіемъ. Путешествіе по такимъ улицамъ въ коляскѣ нельзя назвать удобнымъ, такъ какъ на каждомъ шагу представлялись препятствія, и, только благодаря искусству извощика, мы съумѣли осмотрѣть городъ. Оставалась неосмотрѣнной только „Слободзея“ *), гдѣ располагались наши батареи. Сами по себѣ, батареи не представляли ничего особеннаго, но отъ нихъ открывался видъ на Дунай и расположеніе непріятеля. При помощи зрительной трубы мы легко могли разсмотрѣть противуположный берегъ и даже оди-

*) Предмѣстье города, прилегающее къ Дунаю.

ночныхъ людей. Турецкіе солдаты бродили по берегу, въ укрѣпленіяхъ и самомъ городѣ также замѣтно было нѣкоторое движеніе. Множество минаретовъ поднимались надъ городомъ и ясно выдѣлялись на темномъ фонѣ горы. Только рѣка отдѣляла насъ отъ непріятеля. Какъ и всегда, спокойно, безучастно катитъ Дунай свои полныя волны, не обращая вниманія на людей и не скорбя о тѣхъ многихъ жертвахъ, которыя погибли въ его неумолимыхъ волнахъ! Какъ всегда, перешептываются его тростники, свидѣтели немалыхъ бурь и непогодъ и навѣваютъ Богъ вѣсть какія мысли!...

Встрѣтившій насъ артиллерійскій офицеръ несказанно обрадовался нашему пріѣзду. Мы поняли эту искреннюю радость, въ особенности послѣ того, какъ онъ разсказалъ свое препровожденіе времени. Поселившись съ апрѣля мѣсяца чуть не въ самыхъ тростникахъ Дуная, онъ изолировался отъ всего живаго и кромѣ нѣсколькихъ солдатъ никого не видалъ.

Публика почти никогда не заглядывала въ это захолустье, отчасти, вѣроятно, изъ страха, отчасти и оттого, что пускали-то ее сюда не охотно. Оставалось одно занятіе: съ утра до ночи подстерегать непріятельскій мониторъ, да время отъ времени посылать ему гранаты. За этимъ же неизмѣннымъ занятіемъ застали и мы его. Разговорамъ и разспросамъ не было конца и, если бы не посолъ съ приказаніемъ начать стрѣльбу, мы проговорили бы очень долго; но нужно было уѣзжать, да и извощикъ нетерпѣливо передергивалъ лошадей.

Маршъ-маршъ помчалъ насъ къ вокзалу. Еще недавно съ такой осторожностью обходимыя препятствія обратились ни во что. Коляска мчалась по кривымъ улицамъ, заваленнымъ камнями и, казалось, вотъ-вотъ перевернется, но ничего подобнаго не случилось. Благополучно пріѣхали на вокзалъ, благополучно сѣли въ вагонъ и отправились. Лишь только двинулся поѣздъ, какъ грянулъ громовой выстрѣлъ. Турки отвѣтили и началась непрерывная канонада. Выстрѣлы мѣрно слѣдовали одинъ за другимъ, какъ бы переговариваясь. Зловѣщіе бѣлыя облачка появлялись ежеминутно на голубомъ фонѣ неба и вслѣдъ за симъ слѣдовалъ глухой звукъ разрыва. У всѣхъ у насъ невольно мелькнула мысль: „что-то живъ ли бѣдняга артиллеристъ, съ которымъ полчаса назадъ мы такъ весело разговаривали? Или ненасытная граната уже успѣла прекратить его одинокую жизнь и холодный, обезображенный трупъ валяется на батареѣ!“ Къ несчастью, мы не могли отвѣтить на свой вопросъ, такъ какъ на другой день утромъ (31-го августа, въ 6 час. утра), выступили въ Зимницу.

Дорога шла по совершенной равнинѣ. Направо и налѣво разстилались безконечныя поля. Положительное отсутствіе лѣсовъ и воды.

Палящая жара истомляла до крайности. Мелкая черноземная пыль

*

толстымъ слоемъ лежала по дорогѣ и подымалась отъ малѣйшаго дуновенія. Громадный транспортъ раненыхъ встрѣтился намъ на пути. Недостатокъ докторовъ, жара и эта невыностная ѣзда на волахъ, какъ видно, причиняли страшное страданіе. Нѣкоторые останавливали нашихъ докторовъ и умоляли перевязать засохшія раны. Передъ вечеромъ 2-го сентября прошли мы городъ Зимницу и остановились бивуакомъ на самомъ берегу Дуная.

Городъ Зимница, какъ громко именуютъ его румыны, или, вѣрнѣе сказать, „грязная деревушка", лежитъ на лѣвомъ берегу Дуная, vis-à-vis— Систово. Длинный понтонный мостъ соединялъ берега, перекинувшись черезъ островокъ. На противуположномъ гористомъ берегу виднѣлась хорошо разработанная дорога, извивающаяся въ гору, а правѣе, на совершенно обрывистой мѣстности, раскинулся городъ Систово. Его маленькіе бѣлые домики въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ бы прижимались къ скалѣ и отражались въ волнахъ Дуная. Глядя на этотъ обрывистый, крутой берегъ, невольно останавливался надъ вопросомъ: „Какимъ образомъ переправились здѣсь наши войска подъ ужаснымъ огнемъ непріятеля? Какихъ непомѣрныхъ усилій стоила эта переправа? Сотни людей должны были искупаться въ Дунаѣ, прежде, чѣмъ достигли того берега!..."

Расположившись на бивуакѣ въ виду этой очаровательной панорамы, мы прежде всего позаботились объ удовлетвореніи своего волчьяго аппетита и направились въ городъ.

Грязные кабаки попадались ежеминутно; мы вошли въ одинъ изъ нихъ. Убогая посуда своимъ наружнымъ видомъ вполнѣ отвѣчала содержимому, и даже голодъ не могъ преодолѣть невольнаго отвращенія. Но дѣлать было нечего, приходилось пересилить что-либо одно...

Удовлетворивши первые порывы голода, мы рѣшились осмотрѣть городъ, но рѣшеніе оказалось напраснымъ, ибо весь городъ былъ виденъ изъ дверей того же ресторана. Невообразимая пыль и грязь составляли всю его прелесть. Какъ видно, городскіе обыватели, купно съ полиціей, не особенно заботятся о его чистотѣ и, „не мудрствуя лукаво", оставляютъ преобразованіе другимъ.

Въ 6 часовъ утра, 3-го сентября, двинулись мы къ понтонному мосту, чтобы переправиться на тотъ берегъ. Переправа продолжалась около 9-ти часовъ. На концѣ моста стоялъ священникъ и окроплялъ каждаго святой водой. Затѣмъ, когда всѣ уже собрались, былъ отслуженъ молебенъ, и длинной лентой войска потянулись въ гору.

Характеръ мѣстности праваго берега Дуная рѣзко отличается отъ лѣваго и изъ совершенной равнины Румыніи переходитъ въ гористую Болгарію. Постоянно спускаясь съ горы на гору, пробираясь межъ кустарниковъ и столѣтнихъ деревьевъ волжскихъ орѣховъ, пришли мы наконецъ въ маленькую деревушку Царевичъ, гдѣ назначался ночлегъ.

Покинутые виноградники огромными плантаціями раскинулись по горамъ и перезрѣвшій виноградъ сваливался на землю. Стрѣлки не замедлили воспользоваться этимъ оставленнымъ имуществомъ и обратить его въ свою пользу. Скоро во всѣхъ палаткахъ не было человѣка, который не объѣдалъ бы сочную гроздь.

На утро выступили въ Горный Студень.

День былъ жаркій. Маленькій запасъ воды въ фляжкахъ скоро истощился. Жажда мучила. То и дѣло появлялись отсталые и въ изнеможеніи ложились на дорогѣ. У нѣкоторыхъ обнаруживались признаки солнечнаго удара.

Въ часъ пополудни батальонъ прибылъ и расположился бивуакомъ впереди деревни, въ сторону Плевно. Часа черезъ два пріѣхали Государь и Главнокомандующій изъ-подъ Плевны. Долго разговаривалъ съ офицерами, разсказывалъ о злополучной судьбѣ 3-й стрѣлковой бригады 30-го августа, и, пожелавъ всего хорошаго, уѣхалъ.

Судя по всему, стоянка здѣсь предполагалась продолжительная, потому что приказано было построить шалаши.

7-го сентября Государь приказалъ дѣлать парадъ всѣмъ прибывшимъ частямъ гвардіи. Стрѣлковая бригада, стоя впереди всѣхъ, составляла авангардъ всего отряда. Государь навѣщалъ насъ ежедневно, за-просто, разговаривалъ съ офицерами и стрѣлками; осматривалъ строющіеся шалаши; отъ насъ, обыкновенно, ѣхалъ въ госпиталь.

Постройка шалашей приходила къ концу. Вмѣсто неудобныхъ, низкихъ палатокъ, появились обширныя землянки съ претензіей на комфортъ. Явилась походная церковь изъ вѣтвей; связанные штыки замѣняли подсвѣчники, а иконостасъ составили изъ солдатскихъ и офицерскихъ образковъ. Словомъ, мало-по-малу жизнь наша вошла въ обычную колею и приняла осѣдлый видъ. Утромъ производили ученья, въ свободное время читали, писали письма и пр.; но всетаки, нужно сознаться, крайне однообразно и томительно скучно проходили дни продолжительной стоянки. Ночи стояли сырыя и холодныя. Изнемогая отъ жары днемъ, мы коченѣли ночью. Помню, бывало, стоишь на аванпостахъ: прекрасная, лунная ночь; кругомъ тишина; трава покрыта бѣлымъ инеемъ; всю ночь жмешься къ костру отъ холода, да хорошо еще, если есть онъ, а то и такъ, безъ костра, лежишь на сырой землѣ. Въ дождливую погоду ко всему этому прибавляется еще то, что къ утру промокаешь до костей. Въ концѣ концовъ мы пришли къ убѣжденію, что лучше какой угодно походъ, чѣмъ эта бездѣятельная, однообразная стоянка. Стрѣлки тоже скучали и, казалось, раздѣляли наше мнѣніе; а между тѣмъ даже малѣйшихъ признаковъ похода не было и помину. Терпѣніе готово было лопнуть, когда наконецъ сама судьба пришла намъ на помощь.

23-го сентября пріѣхалъ Государь и объявилъ выступленіе на слѣ-

дующій день подъ Плевно. Восторгу не было конца. Неумолкаемымъ „ура“ отвѣтили на Его объявленіе и тысячи шапокъ полетѣли на воздухъ. Сильное движеніе было замѣтно въ лагерѣ съ утра 24-го. Приготовлялись къ параду, по окончаніи котораго войска гвардейскаго корпуса двинулись въ путь. Дорога стрѣлковой бригады лежала черезъ д. Овчая Могила, на д. Лежаны на рѣкѣ Осма. Здѣсь предполагался ночлегъ. Шелъ мелкій осенній дождикъ, когда мы двинулись въ путь (24-го сентября, 12 час. 20 минутъ пополудни). Порывистый, сѣверный вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Съ утра хмурое небо съ часу на часъ заволакивалось густыми облаками и мелкій дождь грозилъ перейти въ ливень. Подобная погода въ сѣверной Болгаріи далеко не рѣдкость и напоминаетъ нашу петербургскую осень. Черноземная почва быстро обращается въ грязь и огромными глыбами пристаетъ къ ногамъ. Прибавьте еще къ этому, что дороги крайне узки и потому большинству приходится идти по вспаханному кукурузному полю. Нерѣдко переходы въ такіе дни становятся невозможными и крайне обезсиливаютъ людей. День 24-го сентября былъ одинъ изъ такихъ и скоро блуждающія тучи разразились проливнымъ дождемъ. Цѣлыя рѣки грязной, желтоватой воды образовались по дорогѣ. Волей-неволей пришлось идти по кукурузѣ, увязая на каждомъ шагу въ вспаханную землю. Истомленные пришли мы къ вечеру въ д. Лежаны и остановились бивуакомъ. Ни соломы, ни дровъ. Пришлось растянуться на мокрой землѣ и отказаться отъ высушиванія платья. Наступила ночь. Между тѣмъ дождь не только не уменьшался, но, казалось, усиливался для того, чтобы и на слѣдующій день заставить насъ принять холодную ванну. Не могу забыть этого слѣдующаго дня! Переходъ отъ Лежанъ до Парадима надолго остался въ нашей памяти! Въ 8 часовъ утра (25-го сентября) выступили мы. Послѣ первыхъ же пяти верстъ начали появляться „отсталые“. Лазаретный фургонъ былъ давно полонъ и толпа шла около, стараясь схватиться за что-либо рукой. Нѣкоторые прямо ложились на дорогѣ въ грязь и оставались въ такомъ положеніи. Въ продолженіи 13-ти часовъ сдѣлали мы этотъ переходъ (35 верстъ) и при совершенной темнотѣ вступили въ Парадимъ (главная квартира князя Карла).

Только жалкіе остатки батальона кое-какъ добрели до бивуака. Большинство за страшной темнотой и дождемъ разбрелось по деревнѣ и нашло пристанище въ стогахъ сѣна и соломы. Воспоминаніе о Парадимѣ сопряжено у меня съ чѣмъ-то невообразимо гадкимъ. Ночью блуждалъ я по его улицамъ, въ темнотѣ, не рѣдко сомнѣваясь, иду-ли дѣйствительно по улицѣ, или по руслу какой-то рѣки: такъ много было воды. Она вливалась даже за самые длинные сапоги.

Послѣ тщетныхъ усилій отыскать кого-нибудь, я рѣшился пристроиться на ночь въ одну изъ избъ, но рѣшеніе оказалось напраснымъ,

ибо ни одна изъ нихъ не отворялась и гостепріимные хозяева предпочли заранѣе запереться на запоры. Между тѣмъ голодъ и холодъ усиливались и заставляли предпринять что-либо рѣшительное. Но что?! Что будешь дѣлать одинъ въ темнотѣ съ положительнымъ незнаніемъ мѣстности? Этотъ вопросъ заставилъ меня призадуматься и чуть не привелъ въ отчаяніе, еслибъ не сама судьба показала мнѣ выходъ изъ лабиринта: неподалеку блеснулъ огонекъ. Я бросился на этотъ огонекъ и скоро очутился около обширной землянки. Тусклый ночникъ освѣщалъ небольшую часть ея. Въ полумракѣ, облокотясь на подобіе стола, дремали двѣ фигуры. На перекладинѣ висѣли какіе-то сушеные плоды, колбаса и еще что-то. Запасъ фруктъ пріятно пощекоталъ обоняніе и я, не задумываясь вошелъ въ этотъ сказочный вертепъ. Фигуры проснулись и безмолвно уставили на меня удивленные глаза. Я заговорилъ первый и попросилъ хлѣба. Фигуры не поняли и заговорили по-румынски; пришлось объясняться знаками. Долго мы не понимали другъ друга (вѣрно они были сыты!). Я умиралъ отъ голода и искренно проклиналъ всѣхъ румыновъ и Румынію. Наконецъ меня поняли и принесли кусокъ сыру и спиртъ; хлѣба не оказалось. Уничтоживъ изрядное количество того и другого, я рѣшился переночевать здѣсь и, не раздѣваясь повалился на солому. Проснулся поздно утромъ. Дождь уже пересталъ, но подозрительныя облака бродили по небу. Батальонъ, оказалось, расположился по ту сторону небольшой рѣчки и долго еще собирались къ нему одиночные люди, растерявшіеся въ ночной темнотѣ. Около тщедушнаго костра собралась кучка офицеровъ и съ жадностью ожидали готовившійся тутъ же чай. Что это былъ за чай! Посторонній зритель не только бы не рѣшился попробовать его, но съ отвращеніемъ отвернулся бы, скорчивъ удивленную гримасу. Темно-коричневая вода походила скорѣе не на воду, а на густой кофе. Стрѣлки тоже кипятили что-то и просушивали одежду. Мокрые дрова дымили немилосердно и не разъ заставили заплакать собравшихся вокругъ костровъ.

Наступали сумерки. Обозъ отставшій далеко позади, не показывался, такъ что ночь пришлось провести подъ открытымъ небомъ. Въ 9 часовъ утра 27-го августа выступили въ деревню Тученицу. Начальство надъ всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ принялъ князь Карлъ. Мы прошли мимо него церемоніальнымъ маршемъ и двинулись въ путь. Тѣ же вспаханныя поля, та же кукуруза по дорогѣ. Землю немного обдуло за ночь и жидкая грязь превратилась въ вязкую, липкую смѣсь. Двигавшаяся за нами артиллерія застряла на первой же верстѣ, а объ обозахъ и говорить нечего. Въ перспективѣ — ни чая, ни сахару и еще — ночь подъ открытымъ небомъ! Долго шли мы этотъ сравнительно небольшой переходъ и только къ 7-ми часамъ вечера добрались до мѣста. Деревня Тученица стоитъ на нашихъ плевненскихъ позиціяхъ и занимали ее, въ

то время, казаки. Ночью турки открыли ужасную ружейную пальбу. Выстрѣлы отчетливо долетали до насъ. Попавшійся казакъ на нашъ вопросъ: „что означаетъ эта перестрѣлка?“ отвѣчалъ: „балуются“ и, обождавъ немного, прибавилъ: „вѣрно затопило ихъ въ ложементахъ, такъ боятся, чтобъ мы не налѣзли на нихъ, и палятъ, — такъ, зря палятъ... Имъ что,—патроновъ много, посылай, да посылай!“ Много еще кой-чего разсказалъ намъ казакъ, придравшись къ случаю и видя такихъ упорныхъ слушателей. Разсказалъ, какъ гонялись они за черкесами, какъ трудно убить черкеса и еще труднѣе „изловить его живымъ“. Подробно описалъ свое время препровожденіе на позиціи, на аванпостахъ. „Да далеко-ли стоитъ турецкая цѣпь отъ нашей?“—„Какой-далеко, видно, какъ на ладони, въ одномъ виноградникѣ виноградъ ѣдимъ. Скажешь: не стрѣляй меня, „братушка“, онъ и не стрѣляетъ, и ѣдимъ!“

Далеко за полночь расточалъ передъ нами казакъ свое краснорѣчіе, видимо поглощенный нашимъ вниманіемъ. Не помню, кто первый прервалъ нить его разсказовъ,—самъ-ли онъ, или мы, убаюканные его словами, заснули. На слѣдующій день, въ 8 часовъ утра, потянулись мы по дорогѣ въ Ралево. Маленькая деревушка, пріютившись въ горахъ, казалась какимъ-то пигмеемъ среди окружавшихъ ее исполиновъ. Длинной вереницей тянулись войска со скалы въ деревню. По дорогѣ спускалась артиллерія, пѣхота разбрелась по тысячамъ тропинокъ. Чудное зрѣлище представляло это движеніе съ горы! Выглянувшее, наконецъ, солнце освѣтило картину и блестѣло въ массѣ штыковъ! Пройдя деревню и взобравшись на противоположную гору, остановились мы бивуакомъ (1 часъ пополудни 28-го сентября). 29-го мы снова спустились въ оврагъ и потянулись вдоль маленькой рѣчки, пересѣкавшей постоянно нашъ путь въ Ени-Баркачъ. Крутые, скалистые берега оврага, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимали фантастическія формы и напоминали развалины древнихъ замковъ. Не мало потребовалось времени, бурь и непогодъ, чтобъ создать такіе причудливые образы! Не мало воды протекло по голымъ утесамъ, а чего не сдѣлала вода, то докончилъ вѣтеръ. Вѣроятно, народное преданіе не обошло молчаніемъ эти дикіе утесы и безчисленныя легенды связаны неразрывно съ этой мѣстностью! Стоустая молва переноситъ ихъ изъ поколѣній въ поколѣнія, изъ рода въ родъ!

Встрѣтившіеся „братушки“ разсказывали намъ о какихъ-то вооруженныхъ турчанкахъ, засѣвшихъ въ скалахъ и тревожившихъ наши войска. На самомъ дѣлѣ горныя феи не появлялись и мы безпрепятственно слѣдовали далѣе.

Разъяснившаяся было, съ утра, погода къ вечеру испортилась и пошелъ сильный дождь. Подъ проливнымъ дождемъ около 8 часовъ вечера подошли мы къ деревнѣ. Палатокъ нѣтъ, табаку тоже, а объ обозѣ и не слышно. Къ счастію у одного болгарина нашелся простой табакъ.

Съ какимъ наслажденіемъ выкурили мы по папироскѣ. И такъ цѣль нашего движенія кончена. Передъ нами стоитъ непріятель. Въ бинокль ясно можно видѣть движеніе его по Софійскому шоссе въ Плевно. Съ нашей стороны приняты всѣ мѣры: выставлена сильная аванпостная цѣпь, ежедневно производятся рекогносцировки, а 3-го октября занялись укрѣпленіемъ своей позиціи. Двухъ-недѣльная стоянка наша въ Ени-Баркачѣ позволила намъ хорошо рекогносцировать мѣстность и укрѣпиться на всякій случай, т. е. на тотъ случай, еслибъ турки, желая предупредить насъ, вздумали атаковать. Причина, заставившая насъ такъ долго простоять на одномъ мѣстѣ, — это недостатокъ сухарей. Послѣдніе дождливые дни, сдѣлали положительно невозможнымъ движеніе какихъ-либо транспортовъ и вотъ волей-неволей пришлось стоять.

Наконецъ, 7-го октября пріѣхалъ генералъ Гурко и принялъ начальство надъ гвардейскимъ корпусомъ. Начались энергичныя приготовленія: подвозили сухари разработывали дороги, ведущія къ рѣкѣ Видъ. Самъ Гурко ежедневно объѣзжалъ аванпостную цѣпь, проѣзжалъ далеко впередъ съ 2-мя—3-мя казаками и, возвращаясь, собиралъ военный совѣтъ. Такъ проходили дни.

Утромъ, 11-го октября, генералъ Гурко объѣзжалъ войска и говорилъ напутственную рѣчь. Въ рѣчи обращенной къ намъ, онъ между прочимъ сказалъ великую истину, характеризующую русскаго солдата. „Офицеры русской арміи могутъ смѣло идти впередъ, не опасаясь быть оставленными на произволъ судьбы. Русскій солдатъ никогда не отстанетъ отъ своего начальника!“ Окончивъ рѣчь, Гурко снялъ шапку и, обращаясь ко всѣмъ, сказалъ: „Итакъ. до счастливаго свиданія подъ турецкими пулями“.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Движеніе подъ выстрѣлами (12-го октября 1877 г.). — Горный Дубнякъ.

Прежде чѣмъ писать описаніе дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ, я обращусь къ вопросу: что такое Горный Дубнякъ и какое положеніе занималъ онъ относительно главныхъ стратегическихъ пунктовъ войны?

Такимъ пунктомъ, въ первую половину кампаніи, является городъ Плевно съ 40 тысячной арміей Османа паши. Неожиданное появленіе значительной непріятельской силы, почти въ центрѣ нашего боеваго расположенія не мало удивило не только военныхъ стратеговъ, но и всю Россію и заставило обратить на себя особое вниманіе.

Памятные дни 18-го іюля и 30-го августа служатъ хорошимъ доказательствомъ тому, съ какой энергіей старались мы избавиться отъ столь неожиданнаго сюрприза, затормозившаго всѣ наши послѣдующія операціи. Но недостатокъ силъ—съ одной стороны, а неприступныя—съ другой, не позволяли прійдти къ благопріятному результату и заставляли ждать подкрѣпленій.

И такъ, наша двукратная попытка овладѣть Плевной—осталась безъ успѣха; но тѣмъ не менѣе войска окружали ее уже съ 3-хъ сторонъ. Оставалась открытой—четвертая въ сторону Софіи по плевно-софійскому шоссе. Помѣстившись на главномъ пути Сѣверной Болгаріи, слишкомъ выдвинутое положеніе ея обусловливалось единственно этимъ жизненнымъ нервомъ, для объясненія котораго и были устроены укрѣпленные этапы, въ родѣ Горнаго Дубняка, Телиша и друг. Приходившіе изъ Софіи транспорты безопасно могли пробираться подъ такой прочной охраной и достигали Плевно почти безпрепятственно. Не разъ наша кавалерія пыталась воспрепятствовать этому безостановочному движенію; но сильные гарнизоны этаповъ и конвоирующіе отряды, отражали эти нападенія и проходили.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда гвардейскій корпусъ сосредоточивался у Горнаго Студеня. Съ прибытіемъ свѣжихъ силъ въ размѣрѣ цѣлаго корпуса, задача обложенія Плевно, поспѣшность и тайна предпріятія. Съ этою цѣлью 24-го сентября 1877 г. гвардейскій корпусъ перешелъ изъ Горнаго Студеня въ деревню Ески и Ени-Баркачъ. Почти двухнедѣльная стоянка въ этихъ деревушкахъ позволила намъ хорошо рекогносцировать мѣстность и убѣдиться, что главнымъ ключемъ плевненскихъ позицій, служитъ Горный Дубнякъ, какъ срединный пунктъ между Телишемъ и Дольнимъ Дубнякомъ. Само собою разумѣется, что уничтожая Горный Дубнякъ, мы тѣмъ самымъ отрѣзывали Телишъ и окружали Плевно. Сознавая всю выгоду подобнаго дѣйствія, генералъ Гурко рѣшился этимъ путемъ сталъ твердой ногою на плевно-софійское шоссе. Изъ диспозиціи и приказаній отданныхъ наканунѣ боя, мы ясно увидѣли, ту роль, которую пришлось играть гвардейской стрѣлковой бригадѣ въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ. (Я выписываю дословно только ту часть диспозиціи и приказанія, которая прямо относилась къ нашей бригадѣ):

„Гвардейской стрѣлковой бригадѣ съ одной батареею лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады и одною сотнею Донскаго казачьяго № 9-го полка, выступить съ бивуака 12-го сего октября въ часъ пополуночи, двинуться въ дер. Чириково, и прейдя по броду № 1-й, расположиться въ резервномъ порядкѣ, между рѣкою Видомъ и гребнемъ возвышенности лѣваго берега рѣки, по дорогѣ въ Куршевицу, верстахъ въ $2^1/_2$ отъ дер. Чириково".

Въ диспозиціи же было сказано:

„Завтра, 12-го октября войскамъ, ввѣреннаго мнѣ отряда, перейти на плевно-софійское шоссе, съ цѣлью занять позицію у Горнаго Дубняка, укрѣпиться на ней и тѣмъ сомкнуть блокаду Плевны. Гвардейской стрѣлковой бригадѣ съ ея артиллеріей и казаками выступить въ $6^1/_2$ ч. пополуночи, и, двинувшись къ Горному Дубняку,—атаковать его со стороны Плевны".

Согласно приказанію, ровно въ часъ ночи съ 11-го на 12-е октября, бригада съ батальономъ Его Величества во главѣ, — выступила съ бивуака. Несмотря на лунную ночь, несмотря на хорошо изслѣдованную мѣстность, движеніе происходило съ крайней осторожностью, чтобы не сбиться съ пути. Безмолвныя массы войска медленно подвигались впередъ. Сдержанный говоръ, фырканье лошадей и звонъ оружія, изрѣдка нарушали тишину ночи. Полная луна на безоблачномъ небѣ, блѣднымъ свѣтомъ освѣщала движеніе и придавала особый оттѣнокъ торжественности. Было около 4-хъ часовъ утра, когда батальонъ подошелъ къ рѣкѣ. Разсвѣтъ позволялъ уже различать предметы и обстановку: впереди рѣка, освѣщенная тусклымъ свѣтомъ луны и начинавшейся зари, серебряной лентой извивалась въ пологихъ берегахъ. Вправо—темные силуэты плевненскихъ возвышенностей рельефно выдѣлялись на блѣдномъ фонѣ неба; влѣво—безчисленные кустарники, а уже по ту сторону тянулась небольшая возвышенность, скрывавшая насъ отъ непріятеля, та самая возвышенность, за которой должна была стать бригада въ резервномъ порядкѣ. Неглубокая рѣка съ каменистымъ дномъ не представляла большаго препятствія и скоро люди поодиночкѣ перебрались на противоположный берегъ. Построили колонны и расположились для отдыха. Приказано было переодѣться въ мундиры. Само по себѣ незначительное приказаніе, я помню какъ непріятно подѣйствовало оно на насъ тогда: согрѣтые движеніемъ, мы неохотно разставались съ пальто, спасавшее отъ сырой, холодной октябрьской ночи.

Дѣлать было нечего. Свернутые въ общую массу кучки дремавшихъ стрѣлковъ зашевелились, началось переодѣваніе и скатываніе шинелей. Бивуакъ ожилъ. Было уже совсѣмъ свѣтло и первые лучи восходящаго солнца вырывались изъ-за вершинъ, когда мы двинулись въ путь. Казаки проводники ѣхали впереди, а за ними слѣдовала пѣхота, сначала въ резервномъ порядкѣ, затѣмъ по-ротно въ двѣ линіи. Подвигаясь, мало по малу, по небольшой покатости, мы старались выйдти на шоссе между Горнымъ и Дольнимъ Дубнякомъ и уже оттуда началъ наступленіе; но лишь только казаки показались на перевалѣ, какъ раздались ружейные выстрѣлы, а вслѣдъ за симъ и нѣсколько пуль упали передъ колонной. Пули дѣйствительно не летѣли, а падали, что доказывало турецкую предупредительность, открывшихъ насъ чуть не за 3 версты. Однако

съ каждымъ шагомъ полетъ ихъ усиливался и едва замѣтное жужжаніе переходило въ пронзительный свистъ. Трудно описать впечатлѣнія первыхъ пуль. Полу-шутя, полу-серьезно относились мы къ ихъ свисту и болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ слѣдили за полетомъ. Отрывочныя замѣчанія стрѣлковъ, хорошо характеризуютъ это первое впечатлѣніе:

„Что-жъ? вывели на стрѣльбу, а мишеней не видно!“ сострилъ кто-то изъ нихъ равнодушно поднявъ упавш ю пулю. Дѣйствительно, пули летѣли неизвѣстно откуда и направлялись въ нашъ правый флангъ. Скоро впрочемъ, изъ донесенія, мы узнали расположеніе невидимаго непріятеля.

„Непріятель, въ размѣрѣ 2-хъ таборовъ, вышелъ изъ Дольняго Дубняка и старается заглянуть намъ въ тылъ“. Это обстоятельство заставило генерала Эллиса направить 2-й стрѣлковый батальонъ въ сторону Дольнаго Дубняка, а съ остальными продолжать наступленіе. Заслонясь такимъ образомъ отъ Дольнаго Дубняка (впослѣдствіи туда же была направлена и вся 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи). Мы мало по малу измѣнили первоначальное направленіе и построивши боевой порядокъ, наступали, перпендикулярно шоссе. Въ 1-й линіи шелъ: Его Величества стрѣлковый баталіонъ и 3-й финскій, а за нами, въ видѣ резерва, слѣдовалъ 4-й, Императорской Фамиліи. Густыя цѣпи стрѣлковъ шагъ за шагомъ пробирались по цѣпкимъ виноградникамъ и кукурузному полю. Пули начали свистать чаще и уже тутъ, на разстояніи 2,500 шаговъ ранили. Одна изъ такихъ, пришлась на долю стрѣлковъ 2-й роты. Схватившись за ногу, онъ со стономъ пополз назадъ, отыскивать перевязочный пунктъ. При появленіи этого раненаго, возможность черезъ минуту стать на то мѣсто, „ясно представилась въ воображеніи каждаго и возвратилъ къ дѣйствительности“, ибо мысль о смерти впервые появилась въ головѣ при видѣ наглядnаго примѣра. Впервые перешла въ возможное! Въ то время, какъ мы наступали со стороны Плевно, остальныя части гвардейскаго корпуса, уже появились въ виду непріятеля и открыли орудійный огонь. Глухіе, отдаленные выстрѣлы, слышались влѣво. Впереди неясно обозначался турецкій редутъ съ передовыми ложементами и траншеями. Отсутствіе кавалерійскихъ разъѣздовъ заставляло предполагать, что турки не ожидали въ этотъ день нашего наступленія и, застигнутые въ расплохъ, спѣшили сосредоточиться въ главныя укрѣпленія Повсюду раздавались тревожные сигналы, призывавшіе къ защитѣ. Огонь усиливался. Миновавъ виноградники и кукурузу, мы очутились на совершенно ровной мѣстности и продолжали движеніе безъ выстрѣла, да и стрѣлять было не въ кого, такъ какъ только бѣлая полоса пороховаго дыма, выдавала расположеніе непріятеля за высокими брустверами Скоро къ ружейному огню присоединились

громовые выстрѣлы изъ орудій, направленные исключительно на наши резервы и батарею. Густой клубъ пороховаго дыма ежеминутно появлялся въ редутѣ и вслѣдъ за симъ пролетала граната. Наша батарея поспѣшила выбрать удобную позицію и, въ свою очередь, начала громить непріятеля. Высокій кавальеръ турецкаго редута, ясно выдѣлялся на ровной мѣстности и представлялъ превосходную цѣль. Зловѣщіе дымки отъ разрыва шрапнели поминутно появлялись надъ нами, осыпая массой пуль и осколковъ турецкую батарею.

Началась правильная перестрѣлка. Гранаты съ визгомъ летѣли черезъ наши головы, рекошетировали по шоссе, рвались въ цѣпи, перелетали, недолетали... редутъ обратился въ чудовищную митральезу, не умолкавшую ни на одну минуту. Ружейные выстрѣлы слились въ одну общую трескотню и тысячи пуль засыпали мѣстность. Цѣпь видимо рѣдѣла и, подвигаясь впередъ, оставляла за собой массу убитыхъ и раненыхъ. Санитары суетились. Перевязывали раненыхъ и сами умирали неуспѣвъ подать помощи. Немилосердныя пули не разбирали и валили всѣхъ попадавшихся на пути; командиръ батальона полковникъ Ф. А. Эбелингъ хотѣлъ съ 400 шаговъ атаковать редутъ; съ крикомъ „ура“ выбѣжалъ передъ цѣпью, но попытка окончилась неудачно: рванувшіеся впередъ стрѣлки должны были уступить свинцовому дождю и залегли за валиками шоссе и въ траншеяхъ. Большинству пришлось лежать безъ всякаго закрытія, за трупами убитыхъ товарищей, или-же прикрываясь скатанной шинелью. Командиръ батальона лежалъ смертельно раненый въ ногу, рискуя ежеминутно получить другую рану. Носилки и санитары исчезли, частью были перебиты, или ранены и всякая помощь казалась невозможной!..

Еще раньше командира батальона были ранены командиръ роты Его Величества (капитанъ Скарятинъ) и адъютантъ (поручикъ Совримовичъ 1-й); командиръ 2-й роты штабсъ-капитанъ Арсеньевъ убитъ.

Около 12-ти часовъ непріятельская батарея замолкла, благодаря искусной стрѣльбѣ нашей артиллеріи. Не дешево досталось ей это искусство: помѣстившись въ 600 шагахъ отъ редута, она много потеряла лошадей и большую часть прислуги. Разстрѣляла всѣ свои снаряды и, въ ожиданіи подвоза новыхъ—молчала.

Между тѣмъ какъ 1-й и 3-й стрѣлковый батальонъ лежали противъ фаса редута обращеннаго въ Плевно, 4-й стрѣлковый батальонъ бывшій вначалѣ въ резервѣ—перешелъ на нашъ правый флангъ и охватилъ исходящій уголъ его; а за нимъ въ оврагѣ, расположился 2-й батальонъ окончивъ свою задачу у Д. Дубняка.

Въ такомъ положеніи были дѣла, около 4-хъ часовъ пополудни. Утомленные ночнымъ переходомъ, безостановочнымъ движеніемъ подъ градомъ пуль и наконецъ лежаніемъ въ ложементахъ,—всѣ съ нетер-

пѣніемъ ожидали развязки этого кроваваго дня; но стойкій противникъ, повидимому, не унывалъ и съ неутомимымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ нашимъ шагомъ. Достаточно было приподняться одному человѣку, чтобы вызвать ружейный залпъ. Малѣйшее движеніе наше встрѣчалось убійственнымъ огнемъ по всему фасу и безграничный героизмъ русскаго солдата разбивался о непреклонную стойкость противника!

Время шло. Короткій октябрьскій день клонился къ вечеру, а быстро наступающія сумерки заставляли предпринять что-либо рѣшительное. Въ это время генералъ Эллисъ, находившійся при полу-ротѣ Р. Е. В. отдѣлившейся вправо отъ батальона, получилъ приказаніе отъ генерала Гурко рѣшившагося атаковать редутъ, одновременно со всѣхъ сторонъ. Сигналомъ этой общей атаки долженъ былъ служить 9-й залпъ съ нашихъ батарей, считая первымъ—залпъ съ батареи лѣваго фланга. Незначительная горсть людей, собравшаяся около генерала Эллиса, слышала это приказаніе, большинство же оставалось въ полномъ невѣденіи. Эта, неизвѣстно кому принадлежащая, ошибка имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что задуманная атака не удалась. Впрочемъ, здѣсь была и другая причина: наша батарея, вмѣсто того, чтобы стрѣлять послѣдней, выстрѣлила первой; залпы спутались. Одни считали 8, другіе—9. Удивленіе и ужасъ выразились на лицахъ. Ясно было, что приказаніе перепутано. Томительныя минуты ожиданія 9-го залпа невыносимо тянулись. Нѣкоторые вскакивали, съ крикомъ „ура“! бросались впередъ, но, не видя общей поддержки, останавливались. Турецкія пули посыпались съ новой силой. Моментально со стонами поползли раненые; убитые на повалъ, валились какъ подкошенные.... и снова все тихо. Неудачная атака кончена. Бѣшеный огонь замолкъ и лишь изрѣдка отдѣльные ружейные выстрѣлы нарушали тишину догарающаго дня. Прошелъ еще часъ. Какъ говорятъ, генералъ Гурко предполагалъ уже съ наступленіемъ темноты вывести войска изъ-подъ огня съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее утро возобновить атаку; но вотъ отдаленное, глухое „ура“ послышалось съ противоположной стороны. Все громче, громче.... Въ редутѣ горятъ шалаши. Густой дымъ чернымъ облакомъ поднялся и повисъ въ воздухѣ. Непріятель засуетился. Изъ воротъ, обращенныхъ къ намъ, выѣхалъ парламентеръ. Турецкій барабанщикъ неутомимо билъ „отбой“. На брустверѣ въ безпорядкѣ бѣгали фигуры и отчаянно махали платками. Часть непріятеля уже выбѣжала изъ редута и, побросавъ оружія, бѣжала въ разсыпную. Огромное пространство редута обратилось въ общій гиганскій костеръ и масса оставленныхъ боевыхъ припасовъ рвалась въ огнѣ. Наконецъ, громкое, грозное „ура“—возвѣстило сдачу непріятеля.

Стемнѣло. Яркое пламя пожарища освѣщало поразительную картину: Плѣнный непріятель, оцѣпленный нашими войсками, уныло располо-

жился близь редута, среди поломаннаго оружія и труповъ. Раненые стонали и въ страшныхъ мукахъ умирали въ собственной крови. Обезображенные трупы попадались на каждомъ шагу. Нѣкоторые изъ нихъ остались въ тѣхъ самыхъ позахъ, въ которыхъ ихъ застала моментальная смерть; другіе, умершіе отъ ранъ, носили отпечатокъ невыразимыхъ страданій. Разбредшіяся лошади, волы, неуцѣлѣвшіе также отъ общаго погрома, бродили. въ редутѣ.... Впрочемъ, видъ внутренности редута былъ такъ ужасенъ, что рѣдко кто рѣшался заглянуть въ эту могилу живыхъ и мертвыхъ. Не мало раненыхъ безпощадно умерло тутъ, не мало сгорѣло ихъ живыми... заваленные собственными ранеными, мы не имѣли времени позаботиться о непріятелѣ, подать ему посильную помощь какъ человѣку, и—предоставили судьбѣ. Трудно представить что-либо подобное, открывшемуся зрѣлищу. На обширномъ полѣ смерти, среди массы труповъ и умирающихъ, среди раздающихся стоновъ, раздавалось торжественное „ура“ ликующаго побѣдителя. На брустверѣ ясно обрисовывались темные силуэты. Тамъ и сямъ слышались поцѣлуи и искреннія поздравленія. Всѣ на перерывъ старались высказать впечатлѣнія пережитаго дня и занятые исключительно побѣдой и собственнымъ спасеніемъ,—равнодушно шагали черезъ остывшіе трупы.

Окончивъ описаніе дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ, я не берусь произнесть какое-либо мнѣніе, предоставляя его спеціальной критикѣ. Скажу только, какъ очевидецъ и участникъ, что несмотря на всѣ ошибки и недоразумѣнія, задача была исполнена блистательно.

Здѣсь было положено все, чего должно и можно требовать отъ русскаго солдата и офицера. Не было недостатка ни въ храбрости, ни въ распорядительности. Наступленіе происходило стройно, какъ на маневрахъ, а о сбереженіи патроновъ и говорить нечего. Во весь день сраженія въ нашемъ батальонѣ было выстрѣлено по 2 патрона на человѣка, это въ отвѣтъ на бѣшенную стрѣльбу!

Носильщики и санитары съ безпредѣльнымъ самоотверженіемъ исполняли свое дѣло. Единственный недостатокъ былъ въ нашихъ войскахъ это полнѣйшее отсутствіе всякой боевой опытности. Недостатокъ этотъ сознанный всѣми, особенно сдѣлался замѣтнымъ при сравненіи Горнаго Дубняка съ другими дѣлами. Нерѣдко приходится слышать порицаніе самаго плана атаки. Нерѣдко задается вопросъ: „отчего не взяли его артиллеріей, какъ это сдѣлали съ Телишемъ 16-го октября“? Но мнѣ кажется, разсужденія эти невѣрны, ибо Горный Дубнякъ требовалось не только взять, но и взять возможно скоро, чтобы не очутиться межъ двухъ огней: арміи Османа-паши изъ Плевны и Шавкетъ-паши по дорогѣ изъ Софіи. Задержи насъ непріятель еще хоть на ночь, то Богъ знаетъ, что вышло бы и Шавкетъ-паша, одобренный стойкостью своихъ войскъ, навѣрно не бѣжалъ бы отъ нашихъ разъѣздовъ, оставивъ на

произволъ судьбы и Плевну и Телишъ и Дубнякъ. Словомъ, планъ атаки Горнаго Дубняка, легко осуждается въ кабинетѣ, но трудно замѣнить чѣмъ либо лучшимъ на мѣстности и при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Занятіе Дольняго Дубняка и стоянка подъ Плевною (съ 13-го октября по 2-е ноября).

Начавшемуся такъ бурно дню не суждено было еще кончиться. Не успѣли еще придти въ себя отъ впечатлѣній дня, не успѣли еще, разбросанныя войска придти въ порядокъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздался сигналъ „тревоги". Барабаны били, горнисты трубили. Растерявшіеся люди суетились не понимая и не зная причины столь неожиданной тревоги. Одни говорили, что Османъ-паша выходитъ изъ Плевны, по свѣдѣніямъ другихъ—напали башибузуки; третьи утверждали, что взбунтовались плѣнные и снова взялись за оружіе. Словомъ, слухамъ и догадкамъ не было конца; всякій толковалъ по своему и, посматривая вопросительно на сосѣда, — недоумѣвалъ. Командировъ частей, какъ на-зло, не было, они уѣхали выбирать бивуаки, и никто не зналъ, на что рѣшиться.

Къ счастію замѣшательство продолжалось не долго и скоро причина тревоги разъяснилась. По взятіи редута, нѣсколько башибузуковъ успѣли пробѣжать черезъ оврагъ и спрятались по ту сторону его, въ лѣсу. На нихъ наткнулись наши казаки и произошла маленькая стычка, принятая ошибочно, за сигналъ тревоги. Часу въ десятомъ, наконецъ, все успокоилось; запылали костры; кто дремалъ, пригрѣвшись у огня, кто варилъ что-то въ манеркѣ, или готовилъ чай. Вспоминали убитыхъ, разсказывали отдѣльныя эпизоды. У костра помѣстилась маленькая кучка офицеровъ, остатокъ изъ всего батальона. Здѣсь также шли толки, вспоминали, разсказывали... Далеко за полночь не умолкали голоса. Полная луна высоко уже стояла на безоблачномъ небѣ и розовымъ свѣтомъ обливала дневное побоище!....

Слишкомъ разнообразно была проведена ночь послѣ боя, чтобы сказать что-либо общее. Достовѣрно можно сказать только одно, что большинство не спало и утро, слѣдующаго дня, застало батальонъ готовымъ.

Первый день стоянки подъ Г. Дубнякомъ, прошелъ весьма тревожно: войска переходили съ позиціи на позицію, съ бивуака на бивуакъ. Помѣстившись на ночь у редута, мы утромъ переплыли на другую сторону оврага, за деревню и часа три простояли тамъ, ожидая выхода Османа. Затѣмъ возвратились назадъ и еще долго стояли въ нерѣшительности, прислушиваясь къ орудійнымъ выстрѣламъ подъ Плевно. Вдали, по направленію къ Дольнему Дубняку, маневрировала наша кавалерія съ конной артиллеріей.

Небольшіе разъѣзды бродили вправо и влѣво. На небольшомъ курганѣ, впереди насъ, стояла группа всадниковъ, между которыми можно было видѣть г. Гурко, съ биноклемъ, усердно разсматривающаго впереди лежащую мѣстность. Ежеминутно отъ группы отдѣляются одиночные всадники, — это ординарцы посылаемые съ приказаніями. Приказанія слѣдовали за приказаніями, насъ передвигали то вправо, то влѣво, подвигали впередъ и снова уводили на свое мѣсто. Саперы рыли ложементы и строили батареи. Словомъ, всѣ были на ногахъ, всѣ ожидали чего-то до самой ночи. Тоже тревожное ожиданіе возобновилось и на слѣдующій день (14-го октября). Нѣсколько разъ разбивали палатки и снимали, брались за ружья, переходили небольшое пространство и снова останавливались.

Если начать сравнивать впечатлѣнія боя и слѣдующихъ за нимъ дней, то трудно рѣшить: какія изъ нихъ тяжелѣе. Въ одномъ случаѣ опасность передъ глазами — очевидная, въ другомъ ожидаемая и слѣдовательно доступная воображенію. Конечно, время и несбывшіяся ожиданія охлаждали воображеніе и не прошло 3-хъ дней, какъ мы снова вошли въ прежную колею беззаботной жизни. Выходъ Османа, не представлялся уже чѣмъ-то грознымъ, къ нему относились съ насмѣшкой. Главная забота всѣхъ была обращена теперь, на Телишъ. Послѣ неудачной атаки его л.-гв. Егерскимъ полкомъ, 12-го октября, рѣшено было заставить сдаться непріятеля артиллеріей, достаточно уже показавшей свою силу подъ Дубнякомъ. Общая бомбардировка была назначена на 16-е число. Съ утра до нашего слуха долетали орудійные залпы, слѣдовавшіе одни за другимъ съ небольшими промежутками. Кучи людей толпились на шоссе и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ вглядывались въ сторону Телиша, ожидая „доброй вѣсти“ о сдачѣ непріятеля, но минуты проходили за минутами, часы за часами, а положеніе дѣлъ, повидимому, не мѣнялось. Прохожіе и проѣзжіе не приносили ничего новаго и, послѣ тщательнаго опроса, — отпускались. Около двухъ часовъ пополудни бомбардировка умолкла на время.

Должно быть сдались!? Да нѣтъ! прошелъ часъ и послышались снова выстрѣлы.

Начинало смеркаться. Опять перерывъ и на этотъ разъ, кажется послѣдній! Дѣйствительно, спустя немного времени, показался казакъ. Большое облако пыли намъ съ трудомъ позволяло различить его фигуру, но уже никто не сомнѣвался, что это казакъ и именно тотъ, котораго ждали.

„Телишъ сдался!“ крикнулъ онъ, сдерживая разгоряченную лошадь. „Ура!“ отвѣтили ему и радостная вѣсть быстро облетѣла бивуакъ! Ну, теперь можно не оглядываться назадъ и все вниманіе обратить на Плевно Пусть попробуетъ Османъ вылѣзти изъ-за китайскихъ стѣнъ и стол-

кнуться въ чистомъ полѣ! Пусть попробуетъ разорвать желѣзное кольцо! Но, кажется онъ самъ предпочитаетъ, „благоразумное сидѣніе въ укрѣпленіяхъ“ — рискованной вылазкѣ. Эта отличительная черта Османа, за разъ спасала насъ отъ полнѣйшаго погрома и его терпѣливое сидѣнье въ землѣ было достаточно извѣстно нашей арміи, чтобы ожидать чего-либо другаго.

Сколько случаевъ представлялось ему окончательно разсѣять нашу малочисленную армію и перевернуть всю компанію, а ужь никакъ не позволить заковать себя! И что-же? „Благоразумное сидѣнье“ все таки доставило ему славу искустнаго полководца! Но въ чемъ-же заключается это искусство? Въ чемъ заключается военный геній Османа? Неужели въ умѣньи, силою дисциплины, заставить сидѣть 40 т. армію? Нѣтъ! Здѣсь нужно только извѣстную настойчивость и твердость, а ничуть не геніальность, проявленіе которой возможно только „въ дѣйствіи“, а не въ пассивной оборонѣ при возможности съ успѣхомъ перейти отъ пассивнаго къ активному!

И такъ, покончивъ съ Телишемъ, мы могли вздохнуть свободнѣе и уже небезпокоиться за безопасность своего тыла. Передъ нами была теперь Плевна, входъ въ которую запирался Дольнимъ Дубнякомъ. Для болѣе тѣснаго сближенія, предстояло еще покончить съ этимъ послѣднимъ. Румынская кавалерія занимала уже позицію передъ Дольнимъ Дубнякомъ, туда-же перешла и наша бригада 19-го октября.

Турецкая позиція у Дольняго Дубняка не представляла ничего особеннаго. Совершенно открытая, ровная мѣстность, защищенная нѣсколькими редутами и траншеями. Съ сѣвера и востока она скоплялась высокими кряжами плевенскихъ высотъ, у подножія которыхъ извивалась рѣка Видъ; двѣ другія стороны оставались открытыми и безконечныя кукурузныя поля, далеко уходили въ пространство. Правѣе редутовъ, придвинувшись къ рѣчкѣ, раскинулась деревня. Синеватый дымъ надъ оврагомъ, у деревни, показывалъ расположеніе непріятеля.

Остановившись опять лицо къ лицу съ непріятелемъ, мы окопались и выставили сильную аванпостную цѣль. Разстояніе до непріятеля было такъ невелико, что, во избѣжаніе потерь, смѣна производилась до свѣта. На другое-же утро по приходѣ, около 4-хъ часовъ утра (20-го октября) батальонъ выступилъ съ бивуака, для занятія траншей. Шелъ мелкій дождикъ, холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь, а непроглядная темнота заставляла пробираться чуть не ощупью. У непріятеля все было спокойно и мы заняли траншеи, не вызвавъ ни одного выстрѣла. Весь слѣдующій день и часть ночи прошли также спокойно. Наша батарея стрѣляла по редуту, но турки отвѣтили только однимъ, весьма удачнымъ выстрѣломъ: граната попала въ люнетъ и оторвала обѣ ноги бывшему тамъ артиллерійскому офицеру. Разсказываютъ, что этотъ оифцеръ (Ве-

селаго) находясь при обозѣ, самъ пожелалъ участвовать въ дѣлѣ и вотъ единственная граната, вылетѣвшая, какъ бы не хотя, въ отвѣтъ на нашу стрѣльбу, положила его на мѣстѣ! Этотъ случай, нерѣдко встрѣчавшійся впослѣдствіи,—вызвалъ долгія разсужденія, а нѣкоторые поспѣшили создать цѣлую примѣту! "Тотъ, кто самъ просился въ дѣло, непремѣнно бываетъ убитъ какой нибудь шальной пулей, или гранатой".

Подобный-же случай повторился еще разъ на нашихъ глазахъ съ офицеромъ 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи батальона—Лыкшинымъ, подъ Ташкисеномъ. Впрочемъ, объ этомъ послѣ, а теперь возвращаюсь къ разсказу.

Смѣнившись съ аванпостовъ утромъ 21-го, мы вдругъ узнаемъ, что турецкіе редуты очищены и командиръ 2-го батальона полковникъ Гриппенбергъ, уже послалъ туда, для развѣдки, охотниковъ. Такое извѣстіе заставило нашъ батальонъ вернуться и стать резервомъ за цѣпью 2-го стрѣлковаго батальона, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Тщательный осмотръ очищенныхъ редутовъ потребовалъ немало времени и, только убѣдившись въ полной безопасности ихъ,—войска начали стягиваться къ деревнѣ. Къ вечеру и батальонъ перешелъ на бивуакъ къ востоку отъ деревни, за 2-ю пѣхотную дивизію.

22-го октября войска объѣзжалъ румынскій князь Карлъ, а на слѣдующій день прибылъ Государь Императоръ. Пріѣздъ Государя на позицію былъ встрѣченъ восторженнымъ „ура!". Медленно объѣзжалъ Онъ тщательно выровненные ряды, по временамъ останавливаясь и разспрашивая подробности дѣла. Уѣзжая пожелалъ всего хорошаго и выразилъ надежду, что „стрѣлки и впредь покажутъ себя молодцами!"

Остатокъ октября прошелъ довольно мирно. Продолжительная стоянка съ ученьями и неизмѣнной „зарей съ церемоніей" по вечерамъ разсѣяла недавнія впечатлѣнія и, только по временамъ, тревожный взоръ останавливался на мрачныхъ высотахъ Плевны; но тамъ было все спокойно и ни малѣйшее движеніе не выдавало намѣреній непріятеля. Казалось, только голодъ можетъ заставить Османа покинуть созданную имъ твердыню, но это могло случиться еще не скоро. Османъ предвидѣлъ, вѣроятно, блокаду и озаботился заблаговременно снабдить себя жизненными припасами: мясомъ и хлѣбомъ. Огромныя стада бродили въ окрестностяхъ Плевны, а безконечныя кукурузныя поля раскинулись по возвышенностямъ. Такого рода ежедневныя наблюденія приводили насъ къ тому заключенію, что еще долго придется стоять „на сторожѣ", не ожидая ничего рѣшительнаго и занимать свободное время ротными ученіями. Кстати о занятіяхъ.

Занятія подъ Дольнымъ Дубнякомъ имѣли на столько исключительную цѣль, почерпнутую изъ дѣйствительной боевой жизни, что я считаю нелишнимъ сказать о нихъ хотя нѣсколько словъ. Убѣдившись дорогимъ

*

опытомъ въ несостоятельности уставнаго наступленія, мы старались замѣнить его другимъ, болѣе подходящимъ къ требованіямъ войны, и обратили исключительное вниманіе на „примѣненіе къ мѣстности", какъ на единственное средство спасавшее отъ многихъ напрасныхъ потерь. Въ этомъ случаѣ поговорка „лучше поздно, чѣмъ никогда" была болѣе какъ у мѣста, и вотъ, „хотя поздно", мы принимаемся за исправленіе старыхъ ошибокъ, создаемъ новые уставы. Вмѣсто наступленія цѣпями и колоннами, вводили наступленіе по-одиночкѣ, ползкомъ и съ примѣненіемъ къ мѣстности. Резервныя колонны обращаются также въ цѣпи и, такимъ образомъ, весь боевой порядокъ принимаетъ видъ нѣсколькихъ цѣпей, расположенныхъ одна за другой. Передовая боевая цѣпь подвигалась впередъ небольшими перебѣжками, начиная съ какого-нибудь изъ фланговъ.

Такимъ маневромъ и расположеніемъ силъ мы уменьшали цѣпь и, слѣдовательно, не проигрывая во время спасались отъ излишнихъ потерь. Къ сожалѣнію, повторяю, слишкомъ дорогой опытъ. Горный-Дубнякъ отъучилъ насъ отъ красносельскихъ маневровъ и заставилъ замѣнить ихъ настоящими боевыми движеніями. Результатъ такой замѣны хорошо выразился въ послѣдующихъ дѣлахъ. Въ такихъ, безспорно, полезныхъ занятіяхъ проходили короткіе октябрьскіе дни.

По вечерамъ большое общество офицеровъ всѣхъ частей собиралось въ шатрѣ у маркитанта. Толкамъ, спорамъ и предположеніямъ не было конца. Здѣсь былъ центръ всевозможныхъ правдоподобныхъ и неправдоподобныхъ слуховъ. Между прочимъ, поговаривали о какомъ-то предполагаемомъ движеніи, но куда? и когда? Объ этомъ никто не могъ сказать положительно и ограничивались одними предположеніями. Скоро, однако, слухъ о новомъ походѣ заинтересовалъ всѣхъ. Его поддерживали люди, стоящіе близко къ дѣлу и въ концѣ октября уже достовѣрно стало извѣстно о движеніи за Балканы.

Планъ движенія, какъ говорятъ, составленъ былъ генераломъ Гурко тотчасъ по взятіи Дубняка и теперь приводился въ исполненіе. Получивъ разрѣшеніе отъ Главнокомандующаго дѣйствовать согласно своему плану, Гурко энергически принялся за приготовленіе къ походу. Главное вниманіе его было обращено на снабженіе отряда продовольствіемъ, для чего предписывалось озаботиться сборомъ зерноваго хлѣба и устройствомъ хлѣбопекарныхъ печей въ Радомирцахъ, для 1-й и 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и гвардейской стрѣлковой бригады. Предписывалось хранить сухари и, въ виду прекращенія подвоза ихъ изъ Систова, довольствоваться печенымъ хлѣбомъ. Парольныя приказанія отъ 26-го, 27-го и 29-го октября были наполнены рядомъ подобныхъ распоряженій и задавали все новую и новую работу. Въ приказѣ отъ 29-го октября

были сдѣланы подробныя распоряженія о занятіи нашихъ позицій подъ Плевной гренадерской дивизіей.

Въ такое хлопотливое время, именно, 28-го октября, нашъ батальонъ принялъ новый командиръ, Ф. А. полковникъ Васмундъ, и закончилъ приготовленіе къ походу. Обозы стояли уложенными, людямъ розданы сухари на 13-ть дней и патроны по 90 на человѣка. Въ приказѣ по батальону, отъ 1-го ноября, назначалось выступленіе на слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, по направленію къ Орханіе. Густой туманъ сыраго, холоднаго утра толстымъ слоемъ растилался по долинѣ. Догарающіе костры уныло освѣщали покинутый бивуакъ. Разбросанная солома, всевозможные обрывки и осколки обозначали мѣсто. Кое-гдѣ рвались оброненные патроны; батальонъ стоялъ въ ружьѣ и ожидалъ разсвѣта. Около получаса простояли сверхъ назначеннаго и только въ половинѣ восьмаго выступили. По командѣ: „справо по взводно“, многіе сняли шапки и перекрестились. Прощай Плевна! мысленно произнесъ каждый.

Батальонъ двигался во главѣ бригады и скоро вытянулся по софійскому шоссе. Прекрасная, широкая дорога позволяла двигаться широкимъ фронтомъ, благодаря чему переходъ былъ совершенъ быстро и безъ особеннаго утомленія. По пути намъ еще разъ пришлось взглянуть на памятныя мѣста побоищъ 12-го и 16-го октября, еще разъ пришлось воскресить улегшіяся впечатлѣнія. Большіе курганы общихъ могилъ съ толстыми крестами еще свѣжи и, вѣроятно, на вѣки останутся памятниками великихъ событій! Ихъ не скоро размоютъ дожди и раздуютъ бури! Не скоро исчезнутъ изъ людской памяти погребенные подъ ними! Миръ праху вашему герои Дубняка и Телиша! Рано окончили вы свою задачу, рано улеглись подъ тяжелыя глыбы земли! Клочки растерзанной одежды, обломки оружія валялись въ редутахъ. Наскоро зарытые трупы турокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выглядывали изъ земли и дикія стаи собакъ глодали открывшіеся части. Тяжелый, смрадный запахъ отъ разлагающихся труповъ не позволялъ оставаться долго въ этихъ мѣстахъ. Съ большимъ вниманіемъ осмотрѣли мы мѣста, занимаемые батальономъ 12-го октября. Здѣсь все чисто, все спокойно, трупы зарыты. Знакомая мѣстность, съ длинными ложементами, не оставила кровавыхъ слѣдовъ и только, приблизительно, можно было вспомнить мѣста убитыхъ. Тутъ лежалъ Арсеньевъ, тутъ — Эбелингъ! При этомъ воспоминаніи невольно воскресаютъ и образы убитыхъ: окровавленное, обезображенное лицо Арсеньева, спокойное выраженіе лица Эбелинга и невыразимо страдальческое лицо Гусева, унтеръ-офицера 3-й роты, умершаго отъ раны въ животъ. Вотъ, приблизительно, тѣ впечатлѣнія, которыя промелькнули у насъ при видѣ знакомыхъ мѣстъ; но батальонъ идетъ, мѣстность мѣняется, а вмѣстѣ съ нею мѣняются и впечатлѣнія. Быстро явившіеся, онѣ быстро и исчезаютъ подъ вліяніемъ разнообразія обстановки и усту-

паютъ мѣсто другимъ, болѣе тихимъ и спокойнымъ. Усталость и голодъ переносятъ ближе къ цѣли и весь уходишь въ ожиданіе стоянки, въ заботы о желудкѣ и ногахъ. Движеніе становится медленнѣе, автоматически уже переставляешь ноги, отбросивъ всякое созерцаніе...

Было еще совершенно свѣтло, когда батальонъ пришелъ въ дер. Радомирцы и, перейдя мостъ остановился бивуакомъ за рѣкой. Въ 5 часовъ вечера отъ батальона потребовали 300 человѣкъ рабочихъ, для постройки укрѣпленій, и къ 11 часамъ вечера сама по себѣ сильная позиція усилилась рядомъ ложементовъ.

Слѣдующій день, 3-го ноября, была дневка, а 4-го двинулись далѣе. Въ виду предстоящаго труднаго похода было приказано оставить въ Радомирцахъ всѣхъ „слабыхъ", чтобы не возиться съ ними въ пути и тѣмъ не замедлять движенія. Тутъ-же были оставлены и обозы, такъ какъ дальнѣйшій путь проходилъ уже по предгоріямъ Балканъ и, слѣдовательно, свободное движеніе ихъ становилось не мыслимо.

И такъ, на легкѣ, въ 12 часовъ дня, мы двинулись въ путь, въ деревню Петровены, а оттуда, утромъ, 5-го, перешли въ деревню Яблоницу. Деревня Яблоница лежала уже въ самыхъ предгоріяхъ Балканъ, въ узкой долинѣ, среди живописныхъ горныхъ хребтовъ. Прежде, чѣмъ спуститься въ долину, мы были поражены величественнымъ видомъ на нее сверху: на днѣ ея, узкой полосой, проходило шоссе, обсаженное деревьями. Густой дубнякъ покрывалъ скаты окружающихъ ее горъ. Тамъ и сямъ прижались небольшія деревушки. Огромныя стада барановъ бѣлыми пятнами выдѣлялись изъ окружающей ихъ пелены. Кое-гдѣ поднимался одинокій минаретъ надъ оставленной турецкой деревней. Картина, по истинѣ, очаровательная, но, несмотря на все это, она носитъ характеръ безжизненности, запустѣнія. Ей слѣдовало главнаго—это жизни. Изрѣдка показывалась фигура, случайно не зарѣзаннаго, болгарина. Какимъ-то жалкимъ, ничтожнымъ существомъ глядѣлъ онъ среди роскошной природы, для полной гармоніи которой требовался не одинокій странникъ пустыни, не единичная жизнь, а цѣлыя волны ея, массы населенія, способныя эксплуатировать мертвыя богатства заснувшей природы. Картина много измѣнилась, когда въ долину влились цѣлые потоки войскъ; забѣгали, зашевелились, запылали костры, послышалось живое слово...

Батальонъ прошелъ деревню и остановился бивуакомъ на весьма неудобномъ косогорѣ. Къ счастью, здѣсь простояли недолго, только одну ночь и, утромъ, 7-го ноября, перешли на бивуакъ въ лѣсъ. Лучшей стоянки нельзя было и желать: тутъ было все, что требуется для хорошаго бивуака: прекрасная вода, изобиліе сухаго хвороста, позволявшее поддерживать неугасаемые костры и какъ-то особенно уютно выглядѣла сама мѣстность. Немедленно, по приходѣ на бивуакъ, было приказано построить шалаши изъ имѣющагося матерьяла, и такъ какъ этотъ послѣд-

ній былъ у насъ подъ руками, то скоро, на мѣсто палатокъ, появились удобные шалаши, а нѣкоторые даже устроили печи. Расположившись, такимъ комфортабельнымъ образомъ, мы разсчитывали на продолжительную стоянку; но разсчеты наши скоро рушились и снова заговорили о движеніи впередъ. Утромъ, 8-го, генералъ Гурко собралъ къ себѣ всѣхъ командировъ частей, что было несомнѣннымъ доказательствомъ какихъ-то важныхъ распоряженій, о которыхъ мы хотя незнали, но могли догадываться.

Полковникъ Пузыревскій, въ своихъ „Воспоминаніяхъ о войнѣ 1877—1878 гг.“, разсказываетъ подробности этого интереснаго собранія, интереснаго если не своими распоряженіями, то духомъ той рѣчи, которую сказалъ генералъ-адъютантъ Гурко собравшимся начальникамъ.

Онъ предлагалъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не позволялъ себѣ легкомысленныхъ сужденій вкривь и вкось относительно хода нашихъ дѣйствій, причемъ замѣтилъ: „Впослѣдствіи меня будетъ судить исторія; теперь-же единственный судья моихъ дѣйствій — Главнокомандующій и Государь Императоръ, и пока эта голова на плечахъ (онъ указалъ на свою голову) она одна будетъ распоряжаться“. Затѣмъ, говоритъ Пузыревскій, „онъ очертилъ предстоящія отряду трудности и пожелалъ получить ручательство командировъ частей, что войска вынесутъ съ честью и твердостью предстоящія имъ усилія“.

И такъ, труды, затраченные на постройку шалашей, оказались напрасными. Не успѣли мы еще вполнѣ насладиться ихъ удобствами, какъ уже оставляли и неудержимо неслись впередъ. Рядъ выстроенныхъ въ эти дни укрѣпленій также оставался за нами не принеся никакой пользы, но поглотивши много труда. Въ приказѣ по батальону, отъ 8-го ноября, былъ назначенъ часъ выступленія и, между прочимъ, предписывалось: 1) „командирамъ ротъ осмотрѣть всѣхъ нижнихъ чиновъ и оставить слабыхъ, и 2) изготовить пищу съ 3-мя фунтами мяса, изъ которыхъ одинъ могъ быть отданъ передъ выступленіемъ, а два остальные—оставлены на дорогу.“ Съ этой минуты мы входили въ составъ отряда генералъ-маіора Рауха, на долю котораго выпала труднѣйшая и вмѣстѣ съ тѣмъ славнѣйшая изъ операцій минувшей кампаніи,—предстояло бороться не только съ непріятелемъ, но и съ самой природой, представлявшей на каждомъ шагу непреодолимыя преграды.

Чтобы разрушить ихъ потребовалось не мало труда и лишеній и только непреклонная воля могла выйти изъ нихъ побѣдительницей и перешагнуть встрѣтившіеся преграды!

Огромный костеръ ярко освѣщалъ небольшую полянку лѣса. Большинство офицеровъ всѣхъ трехъ батальоновъ собрались въ полукругъ и любовалось картиной. Яркія искры отъ сухихъ листьевъ густымъ снопомъ взлетали вверхъ каждый разъ какъ подбрасывалась новая вѣтка.

Стрѣлки усердно жгли огромные запасы хворосту и небольшими кучками толпились въ отдаленіи. Какъ всегда, канунъ выступленія проводится всѣми вмѣстѣ. Самые несообщительные вылѣзли изъ своихъ палатокъ, чтобы потолковать о предстоящемъ. Совершенно естественнымъ казалось въ это время стремленіе къ обществу; собирались какъ-бы для того, чтобы посмотрѣть другъ на друга, подѣлиться мыслями. Незнаешь: увидишься-ли когда-либо въ другой разъ!.. Вотъ и теперь, среди лѣса, среди пожелтѣвшихъ листьевъ, у пылающаго костра, собралось цѣлое общество. Несмотря на внутреннія причины, собравшія его, оно не кажется печальнымъ, напротивъ, оживленные разговоры, пѣніе, смѣхъ... Лишь изрѣдка, и какъ-бы вскользь, слышится вопросъ: а что-то будетъ завтра? Но и этотъ вопросъ не нарушаетъ веселаго расположенія. Какъ-бы привыкли жить настоящимъ, не заглядывая въ будущее...

Обходное движеніе Правецкихъ позицій и бой подъ Правцемъ.

Предстоящая операція имѣла цѣлью взятіе укрѣпленныхъ турецкихъ позицій у деревни Правецъ, запиравшихъ входъ въ долину Орханіе. Сильныя, почти неприступныя укрѣпленія, высѣченныя въ нависшихъ скалахъ, служили слишкомъ прочной охраной входу, чтобы рисковать овладѣть имъ открытой силой; а потому явилась естественная необходимость маневрировать и хитростью маневра сдѣлать то, что нельзя сдѣлать силой. Съ этой цѣлью рѣшено было обойти турокъ съ фланга и тыла и неожиданнымъ появленіемъ заставить ихъ сдаться. Само собой разумѣется, что подобный маневръ требовалъ предварительно тщательныхъ рекогносцировокъ, а затѣмъ скрытность самаго движенія. Къ тому же путь, черезъ Видраръ и Колугерову, по которому приходилось двинуться обходной колоннѣ генерала Рауха, былъ далеко не полно обозначенъ на картахъ и представлялъ рядъ естественныхъ преградъ. Изслѣдовать путь и найдти средство къ устраненію преградъ — было теперь главной задачей нашего штаба. По результатамъ этой рекогносцировки уже дѣлался разсчетъ времени, необходимый для движенія и силы снаряда. Къ сожалѣнію, первый изъ этихъ разсчетовъ былъ крайне невѣренъ и только счастливая случайность, да беззаботность непріятеля спасла отъ гибельнаго результата и не разрушила задуманный планъ.

Назначеннаго, по разсчету, времени было далеко недостаточно, чтобы преодолѣть всѣ препятствія и перенести тяжелую артиллерію и, несмотря на всѣ усилія, мы опоздали почти на цѣлыя сутки. Вмѣсто того, чтобы появиться передъ противникомъ 10-го, мы явились только 11-го утромъ; пройдя не болѣе 27-ми верстъ впродолженіи почти 40 часовъ.

Описаніемъ этого сорокачасоваго перехода по горнымъ тропинкамъ, ежеминутно то спускаясь, то поднимаясь на обрывистыя скалы, я займу

настоящія страницы. Итакъ рѣшено было овладѣть правецкими позиціями и тѣмъ очистить дальнѣйшій путь въ Балканы. Съ этой цѣлью сформировались два отряда, подъ общей командой графа Шувалова.

Первый изъ нихъ, подъ начальствомъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса 1-го, долженъ былъ слѣдовать по шоссе и, остановившись на немъ, начать демонстрацію съ фронта, чтобы облегчить движеніе втораго, главнаго, подъ начальствомъ генерала Рауха, наступающаго на флангъ и тылъ турокъ черезъ деревни: Вибраръ, Колугерово и Лаковицы. Атака и демонстрація должны были произойти одновременно, или вѣрнѣе: наша обходная колонна должна была атаковать въ то время, когда непріятель былъ отвлеченъ демонстраціей перваго отряда. Въ $1^1/_2$ пополудни 9-го ноября нашъ батальонъ, во главѣ всего отряда, двинулся изъ деревни Яблоницы по направленію къ деревнѣ Вибраръ, лежавшей вправо отъ шоссе. Кромѣ насъ, въ отрядъ входили слѣдующія части: лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи батальонъ, лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, команда лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, взводъ Донской № 8-й батареи и два конно-горныя орудія. Всѣ офицерскія вещи и патроны везлись на вьюкахъ, а люди имѣли при себѣ по 2 фунта говядины, 10-ти-дневную дачу сухарей и по 90 п. на человѣка. Дорога отъ Яблоницы до Вибраръ была удобна, за исключеніемъ небольшаго разстоянія отъ шоссе, гдѣ пришлось идти цѣликомъ и переправляться въ бродъ. Къ 6-ти часамъ вечера отрядъ собрался уже въ деревнѣ. Деревушка лежала у подножія крутой скалы, по берегу небольшой рѣки, которая огибала ее и скоро пряталась въ извилинахъ дикаго ущелья. Въ это-то ущелье приходилось втягиваться и нашему отряду. Въ 8 часовъ вечера двинулся авангардъ отряда, нашъ батальонъ, за нимъ слѣдовали рабочіе всѣхъ частей, разработывающіе дорогу и наконецъ — артиллерія. Дорога, переходящая во многихъ мѣстахъ въ едва замѣтную тропу, извивалась въ ущелье по крутому берегу горнаго ручья, то поднимаясь надъ нимъ, то пересѣкая его. Неумолкаемое журчанье по каменистому ложу, слабый свѣтъ луны изъ-за сгущающагося тумана, невольная осторожность въ разговорахъ и стукъ шаговъ въ этихъ дикихъ ущельяхъ, поросшихъ кустарникомъ, порождали какое-то особенное чувство. Длинной, непрерывной цѣпью растянулся отрядъ по узкой тропинкѣ. Во многихъ мѣстахъ груды камней попадались на пути и крутые скаты обращались въ отвѣсные обрывы, или нависшія, каменныя глыбы. Во многихъ мѣстахъ тропинки подходили къ самому краю этихъ обрывовъ и бездонная пропасть открывалась подъ ногами. Шумъ ручья ослабѣвалъ и слышался въ отдаленіи. Иногда тропинки проходили по каменистымъ пластамъ, неровно лежащимъ одинъ на другомъ; вслѣдствіе чего представляя видъ лѣстницы съ неправильными ступенями.

Такимъ образомъ, подымаясь съ горы на гору, прошли мы около

14-ти верстъ и прибыли въ деревню Колугерово въ 1 часъ ночи съ 9-го на 10-е. Хвостъ отряда, задерживаемый на каждомъ шагу орудіями, далеко остался еще позади и не было надежды на скорое сосредоточеніе всѣхъ силъ. Это обстоятельство заставило авангардъ остановиться въ ожиданіи остальныхъ. Къ нашему прибытію здѣсь уже находилась одна сотня казачьяго Кубанскаго полка. Батальонъ расположился бивуакомъ у входа въ деревню, выславъ 2-ю роту въ аванпосты. Скоро къ намъ прибылъ и начальникъ отряда генералъ Раухъ со своимъ штабомъ. Получавшіяся, въ теченіи ночи, свѣдѣнія отъ хвоста колонны были далеко неутѣшительны и разбивали всякую надежду на своевременный выходъ изъ ущелья. Всю ночь и все утро 10-го неутомимо трудились надъ перевозкой орудій и только къ 11-ти часамъ дня прибыли къ деревнѣ первыя два орудія! Генералъ Раухъ рѣшился двинуться далѣе и въ 12 часовъ дня отрядъ выступилъ по направленію къ деревнѣ Лаковицы. Дорога шла по берегу Малаго Искера и хотя не представляла уже крутыхъ подъемовъ, но за то водомойны встрѣчались на каждомъ шагу и затрудняли движеніе не только артиллеріи, но и пѣхоты. Нерѣдко водомойны обращались въ цѣлые овраги и узкая дорожка обрывалась. Въ такихъ случаяхъ, каждый избиралъ свой собственный путь и шли въ разсыпную; но для артиллеріи это была немалая задержка и съ первыхъ уже шаговъ наши два орудія застряли. Чтобы понять впечатлѣніе подобнаго извѣстія почти въ критическую минуту, въ ту минуту, когда непріятель уже на-носу и вотъ-вотъ завяжется дѣло; нужно знать, какое значеніе имѣла артиллерія въ минувшую кампанію, въ борьбѣ съ неприступными укрѣпленіями, о которыя разбивалась самая отважная храбрость, и только мѣткія гранаты заставляли рушиться. Достаточно двухъ-трехъ успѣшныхъ дѣлъ для артиллеріи, чтобы она внушила къ себѣ всеобщую вѣру. Въ нее вѣрили, ее любили и этимъ объясняются тѣ покорныя, безропотныя усилія, съ которыми переносили ее чуть не на собственныхъ плечахъ. Вотъ почему и теперь, наслышавшись о неприступности правецкихъ укрѣпленій, ее тащили съ неутомимымъ усердіемъ, не смотря на всю трудность этого и вдругъ.... въ послѣднюю минуту — она застряла! Голова отряда уже прошла деревню Лаковицу, уже вытянулась по правецкому ущелью. Остаются 3—4 версты до непріятеля, а артиллерія не показывается. Простоявъ въ безплодныхъ ожиданіяхъ около $1^1/_2$ часа, мы отошли назадъ къ деревнѣ и стали бивуакомъ. Эта мѣра вызывалась уже и тѣмъ обстоятельствомъ, что быстро наступающія сумерки не позволяли намъ двинуться впередъ и ввязаться въ ночное дѣло. Къ тому же демонстративная канонада со стороны отряда Эллиса, уже прекратилась и мы были бы принуждены дѣйствовать изолированно. Но и наша стоянка въ 4-хъ верстахъ отъ непріятеля не могла считаться удобной, ибо непріятель могъ открыть насъ и если не

напасть, то, по крайней мѣрѣ, болѣе обезпечить свое расположеніе и тѣмъ разрушить главную задачу нашего движенія.

Къ счастію, ничего подобнаго не случилось и мы спокойно провели ночь, зарывшись въ массу сѣна, охраняемые зоркими казаками и 4-й ротой нашего батальона. Конечно, о кострахъ, а слѣдовательно и о какой-либо варкѣ нечего было и думать, такъ какъ они были строго запрещены.

Въ то время, какъ нашъ отрядъ изнемогалъ отъ напрасныхъ усилій надъ перевозкой артиллеріи, чтобы доставить ее къ назначенному дню, отрядъ генерала Эллиса сталъ на шоссе и началъ свою демонстративную канонаду. Съ утра 10-го, мы слышали отдаленные выстрѣлы его батарей, лѣвѣе насъ, и старались опредѣлить свое относительное положеніе; но гористая мѣстность, пересѣченная множествомъ овраговъ и ущелій, запутывала наше соображеніе и не позволяла оріентироваться. Только смѣтливые Кубанцы, привыкшіе къ гористой мѣстности, могли найдти выходъ изъ этого лабиринта ущелій и установить сообщеніе съ сосѣднимъ отрядомъ. Положеніе отряда генерала Эллиса, въ ночь съ 10-го на 11-е ноября, какъ видно изъ приказанія графа Шувалова, было слѣдующее:

На лѣвомъ флангѣ, спустившись въ долину Орханійскую, на перекресткѣ дорогъ Этрополь-Орханіе три батальона Московскаго полка (Гриппенбергъ), надъ перекресткомъ этихъ дорогъ — господствуютъ шесть нашихъ орудій (4 ф.) (на нашемъ лѣвомъ флангѣ).

Правый флангъ на высотахъ правѣе шоссе (западнѣе — фронтомъ къ турецкимъ позиціямъ), два стрѣлковыхъ батальона (это были остальные батальоны нашей бригады 2-й и 3-й) и батальонъ Московцевъ.

„Завтра, 11-го ноября, Гриппенбергъ будетъ стараться дать вамъ руку. Турокъ: три орудія и около 4-хъ таборовъ. Имѣйте въ виду, что высоты надъ Правцемъ тоже укрѣплены. Прошу увѣдомить меня: 1) О Вашихъ предположеніяхъ на 11-е ноября. 2) Въ какомъ разстояніи вы находитесь отъ перекрестка дорогъ Этрополь и шоссе Орханіе. 3) Въ которомъ часу можете начать движеніе. 4) Въ какомъ именно направленіи предполагаете наступать.

„Генералъ Гурко желаетъ начать операцію 11-го, по возможности, ранѣе. Генералу Эллису, стоящему на шоссе фронтомъ къ турецкому расположенію, я предпишу наступать тогда, когда вы и Гриппенбергъ завяжете дѣло.

„Я принялъ начальство надъ вашей колонной и колонной генерала Эллиса; буду находиться сначала на горѣ X (означенной на приложенномъ къ приказанію крокѣ), а потомъ въ расположеніи полковника Гриппенберга и начну дѣло, но еще не атаку, около 8-ми часовъ утра.“

Не знаю, каковъ былъ отвѣтъ генерала Рауха на это приказаніе.

какія соображенія возникли у него въ головѣ, только въ 8 часовъ утра, 11-го, отрядъ былъ поднятъ и двинутъ по ущелью, выходившему къ лѣвому флангу турецкихъ позицій. Впереди шла сотня Кубанцевъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея—слѣдовалъ нашъ батальонъ. Около часа мы подвигались впередъ небольшими переходами и остановились, чтобы дать возможность подтянуться отставшей артиллеріи, и въ исходѣ 9-го часа услышали ружейные выстрѣлы въ ущельѣ, тянувшемся перпендикулярно нашему пути наступленія. Вскорѣ затѣмъ разъѣзды отъ Кубанской сотни донесли, что они наткнулись на передовые непріятельскіе посты и что, „не доходя версты четыре до шоссейной дороги вправо, въ узкомъ ущельѣ, замѣчены турецкіе ложементы".

Получивъ такое извѣстіе, командиръ батальона флигель-адъютантъ полковникъ Васмундъ, тотчасъ же повелъ роты Его Величества и 2-ю на горы вправо отъ ущелья, остальныя же роты остались въ резервѣ подъ командой полковника Тишина.

Не смотря на почти отвѣсную крутизну, стрѣлки быстро начали взбираться, хватаясь за деревья и за торчавшіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камни. Снизу эти горы съ двигающимися по ней людьми походили на большой муравейникъ, переполненный жизни и энергіи. Межъ рѣдкихъ деревьевъ поминутно мелькали фигуры стрѣлковъ съ ружьями за плечами. Ободренные личнымъ примѣромъ энергичнаго командира, все время шедшаго впереди, они скоро выбрались на вершину и остановились, чтобы перевести духъ. Пользуясь этой минутной остановкой, командиръ батальона поспѣшилъ обрекогносцировать мѣстность и расположеніе противника. Обстановка представляла слѣдующее: вправо и влѣво отъ обходной дороги къ Правцу тянулся рядъ высокихъ горъ, разсѣкаемыхъ глубокими ущельями и очень крутыми и обрывистыми спусками. Склоны горъ покрыты дубовымъ лѣсомъ. Высоты, влѣво отъ дороги, покрытыя также дубнякомъ, не были заняты непріятелемъ. Главное сосредоточеніе его было на 3-хъ правыхъ. На склонѣ той высоты, противъ которой находились роты Его Величества и 2-я, была разсыпана густая цѣпь его; резервы ея — за горой въ ущельѣ. Самая сильная позиція непріятеля была на 3-й высотѣ, представлявшей ту выгоду, что съ нея обстрѣливалась продольно вся дорога, на которой стояли наши резервы.

Непріятель не задумался воспользоваться этой выгодой и открылъ огонь по рабочимъ и прикрывавшимъ ихъ ротамъ (4-я). Впрочемъ, появленіе непріятеля на высотѣ, обстрѣливающей дорогу, было нѣсколько позже начала дѣла, такъ какъ вначалѣ все его вниманіе было обращено на высоты передъ нимъ, на вершинахъ которыхъ уже мелькали фигуры стрѣлковъ 1-й и 2-й ротъ. Этимъ невниманіемъ непріятеля къ нашему пути наступленія объясняется та счастливая случайность, благодаря которой 3-я и 4-я роты безпрепятственно заняли вершины влѣво отъ до-

роги. Итакъ, предстояло выбить турокъ послѣдовательно съ трехъ высотъ и сбросить въ долину. Рота Его Величества, разсыпанная въ цѣпь, подвигалась впередъ, заходя правымъ плечомъ, чтобы охватить лѣвый флангъ непріятеля. 2-я рота шла за нею, въ видѣ резерва, но тоже цѣпью. Стрѣлки дѣлали большія перебѣжки, по одиночкѣ, и, отлично примѣняясь къ мѣстности, мѣткимъ огнемъ скоро выбили непріятельскую цѣпь изъ ущелья на вторую гору. Во время этого отступленія непріятель, двигаясь вверхъ по голой горѣ, понесъ значительный уронъ отъ нашего огня.

Прежде чѣмъ атаковать 2-ю гору, командиръ батальона пріостановилъ роты съ тѣмъ, чтобы предварительно притянуть къ себѣ другія двѣ роты батальона (3-ю и 4-ю), которыя, какъ я уже сказалъ, занимали лѣвыя высоты и, обезпечивая нашъ лѣвый флангъ, не принимали пока рѣшительнаго участія въ разгоравшемся дѣлѣ. Въ скоромъ времени, 3-я рота спустилась съ горъ и, перейдя дорогу, примкнула къ лѣвому флангу двухъ другихъ, а за нею и 4-я, составивъ общій резервъ. Мѣсто, оставленное нашими ротами, заняли роты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а на самомъ крайнемъ правомъ флангѣ — дѣйствовалъ лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи батальонъ.

Итакъ, теперь весь нашъ батальонъ былъ уже на правыхъ горахъ гдѣ съ каждымъ часомъ разгоралось все болѣе и болѣе интересное дѣло.

Послѣ непродолжительной остановки, батальонъ снова перешелъ въ наступленіе. Движеніе подъ сильнымъ огнемъ, по страшно крутой и высокой горѣ, представляло много трудностей; но тѣмъ не менѣе происходило безостановочно. Въ этомъ ловкомъ, стрѣлковомъ движеніи были уже ясно замѣтны слѣды недавняго опыта и разумнаго управленія дѣломъ, благодаря которому, по словамъ самихъ стрѣлковъ, такъ мало выбыло въ этотъ день изъ строя и такъ дружно велось оно. У непріятеля на второй горѣ не было ложементовъ, почему онъ не выдержавъ нашего рѣшительнаго напора, шагъ-за-шагомъ сталъ отступать на 3-ю гору, гдѣ были сосредоточены его главныя силы. Спускъ со второй горы и подъемъ на 3-ю былъ также не безпрепятственъ: противникъ, останавливаясь и засѣдая въ балкахъ и глубокихъ оврагахъ,—заставлялъ насъ на каждомъ шагу выбивать себя изъ-за закрытій, пока наконецъ не отошелъ на 3-ю гору, ожидая наше появленіе на высотѣ. Стрѣлки ползкомъ взобрались на гребень. Турки открыли по насъ неумолкаемый въ тоже время,—безвредный огонь. Давъ время резервамъ приблизиться, командиръ батальона приказалъ 1-й и 2-й ротамъ въ атаку.

Дружное, грозное, громкое—„ура“!—загремѣло въ Балканахъ. Противники столкнулись, давъ полную волю штыку и прикладу. Результатомъ схватки было то, что турки покатились съ горы, оставляя на пути

множество труповъ и массу растерянныхъ патроновъ. Началось безпорядочное бѣгство.

Сброшенный съ крутизны и преслѣдуемый по пятамъ, непріятель въ разсыпную, уже не отстрѣливаясь, бѣжалъ по долинѣ въ сторону Орханіе. Командиръ батальона хотѣлъ продолжать преслѣдованіе и послалъ меня передать приказаніе 3-й ротѣ, занимавшей хребетъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ; но огромный оврагъ, раздѣлявшій насъ, не позволилъ передать приказаніе во-время. Пришлось остановиться и отказаться отъ преслѣдованія, тѣмъ болѣе, что наступающіе сумерки могли насъ застать въ долинѣ, межъ двухъ огней, бѣгущаго непріятеля. Въ концѣ самаго дѣла, въ то время когда непріятель уже безпорядочными группами двигался по долинѣ,—появилась наша артиллерія и открыла пальбу. Правда, пользы отъ нея уже не было, такъ какъ наши 4-хъ фунтовыя орудія далеко не добрасывали снарядовъ; но самое появленіе артиллеріи на кручахъ Балканъ, куда съ трудомъ пробирался человѣкъ,—имѣло потрясающій эффектъ. Небольшая площадка на самой вершинѣ горы съ темными силуэтами орудій, профили лошадей и людей, освѣщенные послѣднимъ отблескомъ заходящаго солнца,—представляли превосходную, невѣроятную картину!...

Къ 7-ми часамъ вечера дѣло было кончено и батальоны возвращались къ выходу изъ Правецкаго ущелья, гдѣ и расположились бивуакомъ. Съ наступленіемъ темноты, передъ нами открылся очаровательный видъ на сосѣднія горы и пересѣкающія ихъ долины. Густой туманъ, или просто—облака поднимались со дна долины, окутывая торчащія вершины, отчего видъ этихъ послѣднихъ напоминалъ обрывистые, скалистые острова среди волнующагося моря. Освѣщенныя полной луной, облака принимали всевозможныя оттѣнки, а густая, плотная масса дѣлала ихъ поразительно похожими на воду. Прибавьте ко всему этому—чистое небо, съ блѣдно мерцающими звѣздочками, отъ яркаго свѣта луны надъ нами и очаровательную перспективу темныхъ силуэтовъ горъ торчащихъ изъ массы облаковъ и станетъ вполнѣ понятенъ тотъ восторгъ, съ которымъ мы, забывъ усталость и голодъ, любовались этой, по истинѣ, не правдоподобной картиной! Въ дополненіе къ этому виду, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поверхности облаковъ виднѣлись большія фосфорическаго свѣта круги. Это просвѣтъ тѣхъ бивуачныхъ костровъ, которые были разведены въ долинѣ отрядовъ генерала Эллиса.

Но мало по малу картина мѣнялась и мѣсто поэзіи замѣняла весьма непріятная проза: облака поднимались все выше и выше, море подходило къ берегамъ, переполнило ихъ и разлилось по всему пространству не выключая и насъ. Звѣздное небо померкло, а свѣтъ полной луны съ трудомъ пробивался изъ-подъ толстыхъ тучъ и къ довершенію всего, пошелъ дождь. Тусклые костры, разбросанные тамъ и сямъ по

бивуаку, пріютили промокшихъ и продрогшихъ и скоро весь бивуакъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не обращая вниманія на все болѣе и болѣе разгуливающуюся непогоду. И такъ одна изъ трудныхъ операцій была окончена и окончена блистательно. Результаты дѣла были слишкомъ ясны и очевидны, въ особенности послѣ того, когда на слѣдующій день мы узнали, что непріятель очистилъ въ ночь всѣ укрѣпленія и входъ въ долину сдѣлался свободнымъ.

Благодаря хорошему веденію дѣла оно не было кровопролитнымъ, несмотря на тѣ естественныя крѣпости, которыя встрѣчались на каждомъ шагу, не смотря на стойкость самаго противника, засѣдавшаго въ каждой трещинѣ, въ каждой водомоинѣ. Не смотря, наконецъ, на тотъ усиленный огонь, подъ которымъ двигались наши батальоны. Въ то время, какъ непріятель недосчитывался сотенъ людей въ своихъ рядахъ, мы считали ихъ даже не десятками. Во всемъ отрядѣ было раненыхъ и убитыхъ 28 человѣкъ, а въ нашемъ батальонѣ 9 изъ которыхъ два умерли въ туже ночь. Турецкіе трупы валялись повсюду и наполняли ложементы. Самое большое количество ихъ было въ томъ оврагѣ, куда они были сброшены нашей энергичной атакой и съ окраинъ котораго преслѣдовались бѣшенымъ огнемъ. По долинѣ также не мало валялось жертвъ нашихъ мѣткихъ пуль и долго лежали онѣ, пока наконецъ не были зарыты!....

Очистивъ входъ въ Орханійскую долину, непріятеля, въ ночь, съ 11-го на 12-е перешелъ на другой конецъ ея и сильной позиціей заперъ дорогу въ Балканы. Снова предстояло выбивать его, и какъ всегда, не открытой силой съ фронта, а обходнымъ движеніемъ. Съ этою цѣлью соединившіяся отряды, снова были раздѣлены и каждому изъ нихъ представлялась особая задача. Одинъ изъ нихъ защищалъ и укрѣплялъ занятую уже позицію, другой—подготовлялъ взятіе новыхъ обходами и рекогносцировками. Изъ приказанія, полученнаго генераломъ Раухомъ отъ графа Шувалова видна задача нашей бригады на занятыхъ позиціяхъ, а потому я и привожу ее дословно:

1) „Укрѣпленную турецкую позицію, взятую нами, занять гвардейской стрѣлковой бригадой, лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ и двумя 9-ти фунтовыми батареями. Позицію укрѣпить.

„Съ этою цѣлью къ вамъ отправляется генералъ-маіоръ Эллисъ 1-й, командиръ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона полковникъ Скалонъ и генеральнаго штаба капитанъ Энгельгардтъ.

2) „Весь бивуакъ переходитъ въ Ханъ-Правецъ, куда спустить и лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ по смѣнѣ его стрѣлковой бригадой и Московскимъ полкомъ.

3) „Къ Этрополю отправляется рекогносцировка подъ начальствомъ

лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка полковника барона Мейендорфа, вслѣдъ за симъ пребывающему въ Ханъ-Правецъ.

„Въ этой рекогносцировкѣ долженъ принять участіе полковникъ Пузыревскій и батальонные адъютанты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, которымъ спуститься немедленно къ Ханъ-Правецъ и поступить въ распоряженіе барона Мейендорфа".

Получивъ приказаніе утромъ, 1-й батальонъ былъ поднятъ и двинутъ на позицію, прочіе батальоны бригады двинулись также и заняли назначенные мѣста на высотахъ: одинъ, лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи батальонъ, сталъ на нашемъ правомъ флангѣ; другой лейбъ-гвардіи 2-й стрѣлковый батальонъ помѣстился лѣвѣе насъ, а 3-й Финскій—на лѣвомъ флангѣ всей бригады.

Установившись такимъ образомъ на позицію, на значительной вышинѣ надъ долиной, мы занялись укрѣпленіями и наблюденіями надъ непріятелемъ. Наблюдать съ нашихъ вершинъ было нѣтъ болѣе удобно, такъ что расположеніе непріятеля казалось какъ на ладонѣ и Всѣ его малѣйшія передвиженія, малѣйшія поползновенія къ чему-либо рѣшительному не могли укрыться отъ нашего наблюдательнаго пункта и слѣдовательно не могли остаться не предупрежденными. Обязанность наблюденія лежала на офицерахъ ежедневно наряженныхъ отъ бригады. Наблюденія записывались и вечеромъ отправлялись въ штабъ отряда. Нужно замѣтить, впрочемъ, что первое время наблюдательный пунктъ никогда не оставался безъ наблюдателей по описанію. Офицера и стрѣлки постоянно приходили сюда, чтобъ изъ любопытства взглянуть на разстилавшуюся у ногъ, какъ нарисованную, долину и на происхожденія рекогносцировки. Посмотрѣть дѣйствительно было на что? Ежедневно съ утра по долинѣ отъ деревни Правецъ двигались наши рекогносцировные отряды, сначала одна кавалерія съ конной артиллеріей, затѣмъ и пѣхота. Пройдя небольшое пространство походнымъ порядкомъ, отрядъ начиналъ, на нашихъ глазахъ, развертываться въ боевой порядокъ.

Завязывалась сначала артиллерійская, а потомъ и ружейная перестрѣлка. Намъ „съ высоты птичьяго полета" ясно были видны разрывы, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ гранатъ; видно было приготовленіе къ дѣлу, затѣмъ завязка его и постепенное развитіе. Словомъ, поставленые на недосягаемую высоту, мы могли свободно и безстрашно наблюдать все то, чего нельзя при участіи въ дѣлѣ.

Въ то время какъ мы сидѣли на горахъ зарывшись въ землю и охраняя занятую позицію, другой отрядъ состоявшій изъ 3-хъ колоннъ подъ командой графа Шувалова наступалъ на Этрополь съ цѣлью взять его и обходными путями войти въ тылъ стоявшимъ передъ нами туркамъ. Наша бригада вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ, 2-мя батареями лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, 3-мя эскадронами

лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, 5-ми сотнями Кавказской бригады и двумя взводами 6-й Донской гвардейской казачьей батареи, составляла особую колонну подъ начальствомъ генерала Эллиса, роль которой, при атакѣ Этрополя, состояла въ охраненіи занятыхъ позицій и производствѣ усиленныхъ рекогносцировокъ въ сторонѣ Орханіе. Съ этою цѣлью съ утра 13-го мы заняли траншеи и просидѣли въ нихъ почти до вечера, а части находившіяся въ долинѣ, производили рекогносцировку.

Организація 3-хъ главныхъ колоннъ и цѣли ихъ дѣйствій, а равно и расположеніе резервовъ диспозиціи отданной генералъ-адъютантомъ Гурко на 13-е ноября, которую считаю не лишнимъ для большой полноты и ясности, привести въ своихъ запискахъ. „Завтра 13-го ноября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда, произвести наступленіе на Этрополь, Для сего:

1) „Лейбъ-гвардіи Гренадерскому полку, Великолуцкому пѣтотному полку, двумъ батальонамъ Псковскаго полка, 9-ти фунтовой батареи лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, Екатеринославскому драгунскому полку, 3-мъ сотнямъ Казачьей бригады и двумъ коннымъ батареямъ 16-й конной и 16-й казачьей — составить лѣвую колонну подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля и атаковать Этрополь съ восточной стороны) 19 батальоновъ пѣхоты, 24 пѣшихъ орудія, 7 эскадроновъ и сотенъ и 12 конныхъ орудій).

2) „Лейбъ-гвардіи Преображенскому полку, двумъ батальонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, одному батальону Псковскаго полка, 1-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, 3-мъ сотнямъ Кавказской бригады и одному взводу конно-горной батареи, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Его Высочества принца Ольденбургскаго, составить среднюю колонну и атаковать Этрополь съ сѣверной стороны (7 батальоновъ пѣхоты, 8 пѣшихъ орудій, 3 сотни и 2 конныхъ орудія).

3) „Лейбъ-гвардіи Семеновскому полку, лейбъ-гвардіи Финляндскому и двумъ батареямъ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, двумъ взводамъ конно-горной батареи, Донской казачьей № 8-й батареи и одной сотни Кавказской Казачьей бригады, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха, составить правую колонну и, слѣдуя по дорогѣ, изъ Правецъ въ Этрополь — атаковать турецкую позицію съ сѣверо-западной, и если окажется возможнымъ, то и съ западной стороны (8 батальоновъ пѣхоты, 16 пѣшихъ орудій, одна сотня и 10 конныхъ орудій).

Всего для атаки назначено: 24 батальона, 48 пѣшихъ орудій, 11 эскадроновъ и сотенъ и 24 конныхъ орудія).

„Общее командованіе правою и среднею колоннами возлагается на генералъ-адъютанта графа Шувалова.

„Правая колонна должна выступить съ такимъ разсчетомъ времени, чтобъ около 10 часовъ утра, можно было вступить въ дѣло.

„Предписывается всѣмъ начальникамъ частей употребить всевозможныя усилія, чтобы установить артиллерію на позиціяхъ.

„Въ общемъ резервѣ на бывшей позиціи лейбъ-гвардіи Московскаго полка, позади деревни Усиковицы, — остаться лейбъ-гвардіи Егерскому полку, лейбъ-гвардіи Павловскому полку, пяти батареямъ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, одной батареи лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, одному эскадрону лейбъ-гвардіи уланскаго полка и 5-й батареи гвардейской конной артиллеріи, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера. (8 батальоновъ, 54 орудія и 1 эскадронъ).

„Казачьей бригадѣ остаться въ Голѣмъ Болгарскомъ Изворѣ.

„Въ началѣ дѣла я буду находиться на позиціи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, куда и пересылать донесенія.

„Для болѣе быстрой передачи приказаній установить конную почту отъ укрѣпленной позиціи на орханійской дорогѣ до позиціи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка (по дорогѣ отъ Правецъ въ Этрополь) отъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка.

„Перевязочные пункты устроить въ Ханъ-Брусенѣ, въ Осиковѣ и въ деревнѣ Правецъ. Распредѣленіе медицинскихъ средствъ возлагается вполнѣ на усмотрѣніе корпуснаго доктора, статскаго совѣтника Энкдофа".

Подписалъ начальникъ отряда генералъ-адъютантъ Гурко.

Прождавши цѣлый день 13-го въ траншеяхъ, мы къ вечеру узнали что Этрополь очищенъ непріятелемъ и занятъ нашими войсками безъ боя. Рать возвратилась на бивуаки, оставивъ лишь по нѣскольку часовыхъ для наблюденія. До 16-го включительно батальонъ оставался на тѣхъ-же позиціяхъ. 14-го на горахъ выпалъ глубокій снѣгъ, заставившій подумать о болѣе тепломъ помѣщеніи, чѣмъ полотняная палатка. Къ тому-же время дулъ сильный холодный вѣтеръ. Набѣгающія вихри срывали палатки и поднимали кучи снѣга. Къ вечеру буря немного стихаетъ и на вершинахъ горъ появляются яркія бивуачныя огни.

Въ расположеніи непріятеля также незамѣтно измѣненія; онъ по прежнему занималъ противуположныя намъ позиціи, не смотря на ежедневныя рекогносцировки и, повидимому, спокойно рѣшился ожидать нашихъ наступленій съ фронта; а между тѣмъ наши войска далеко уже проникли въ нѣдры Балканъ, и грозятъ со дня на день поразить его въ тылъ, или заглянуть въ профиль. Вся задача теперь заключается въ томъ, чтобы найдти обходный путь и его нашли. Трудный и неудобный для скораго передвиженія, онъ все-же служилъ входной дверью въ тылъ турецкимъ позиціямъ у Орханіе и Врачеша и ужъ одна возможность воспользоваться имъ и перекинуть, хотя небольшія части, разрушила

увѣренность непріятеля въ неприступности его позицій и заставила отступить. Рекогносцировка утромъ 17-го уже не застала его на прежнихъ позиціяхъ. Всѣ редуты и батареи были очищены ночью, а оставленные лагеря и масса разбросанныхъ патроновъ свидѣтельствовали о той поспѣшности, съ которой отступали турки.

Получивъ объ этомъ донесеніе, начальникъ отряда приказалъ немедленно спустить съ горъ находившіяся тамъ части и вмѣстѣ съ войсками, расположенными въ долинѣ, подъ общей командой графа Шувалова, наступать по Софійскому шоссе къ Арабъ-Конаку авангардомъ всего отряда: 1) Состоявшимъ изъ 3-хъ батальоновъ Его Величества Императорской Фамиліи и 2) Московскаго полка, всѣми 7 батальонами пѣхоты командовалъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эллисъ 1-й. Остальныя части составили главныя силы.

Въ тотъ-же день въ 8 часовъ вечера, батальоны начали спускаться въ долину. Дороги никакой не было. Пробирались по узкой извилистой тропинкѣ. У пикетныхъ въ рукахъ были фонари, или-же просто зажженныя свѣчи.

Ночь темная. Небо покрыто тучами. Вправо—круто поднимается гора; влѣво — обрывъ. Не помню сколько времени мы шли съ горъ, по видимому безъ всякаго направленія, руководимыя капризною тропинкою. Мѣстность видимо становилась положе, спуски легче. Бивуачные огни въ долинѣ засвѣтились ярче. Снѣгъ исчезъ и мѣсто его заступила грязь. Нѣтъ сомнѣнія, что мы уже близко къ подошвѣ и скоро спустимся въ долину. Дѣйствительно — черезъ полчаса мы уже были на совершенно ровной поверхности и строили батальонныя колонны впередъ; шагахъ въ 20-ти виднѣлось шоссе, по которому въ это время проводили партію плѣнныхъ башибузуковъ. Конвоирующіе ихъ уланы разсказали плачевную судьбу этихъ плѣнниковъ, отставшихъ отъ бѣгущихъ войскъ и попавшихъ въ наши руки, по дорогѣ въ Арабъ-Конакъ.

На наши вопросы: „въ чемъ состоятъ позиціи у Арабъ-Конака?“ они ничего не могли отвѣчать, такъ какъ сами не видали, а между тѣмъ объ этихъ самыхъ позиціяхъ, какъ о чемъ-то весьма грозномъ, мы недавно слышали отъ болгаръ и, естественно, интересовались ими, какъ интересуются всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ, въ весьма недалекомъ будущемъ будемъ имѣть дѣло. Хотя большинство изъ насъ не знало еще настоящей цѣли движенія, но все-таки догадывались и фатальное названіе „Арабъ-Конакъ“ не сходило съ языка. Стрѣлки невозможно перевирали незнакомое названіе, комбинируя его на свой ладъ и стараясь обрусить. (Стремленіе весьма понятное у русскаго солдата, незадумывающагося надъ названіями и не стѣсняющагося языками).

За темнотой построеніе колоннъ заняло не мало времени, такъ какъ многіе сбились съ пути и блуждали въ невѣденіи, прислушиваясь къ

*

зову товарищей. 2-я рота исчезла было цѣликомъ, оторвавшись отъ батальона, но, къ счастію, скоро набрела на насъ и пристроилась. На этотъ день дальнѣйшее движеніе было пріостановлено съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій (18-го ноября) продолжать далѣе къ Арабъ-Конаку.

Въ 8 час. утра 18-го ноября, батальонъ, послѣ долгихъ странствованій безъ дорогъ, по невозможнымъ козьимъ тропкамъ,—снова ступилъ на софійское шоссе и потянулся сначала къ виднѣвшемуся вдали городу Орханіе, и затѣмъ мимо деревни Врачешъ,—по ущелью къ Арабъ-Конаку.

Около Орханіе былъ сдѣланъ привалъ до 2-хъ час. Трудно передать то пріятное впечатлѣніе, которое испытываешь при движеніи по ровной дорогѣ! Не нужно этой напряженной осмотрительности, съ которой пробираешься по горамъ! Нѣтъ надобности слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, чтобы не оборваться въ кручу и не стукнуться о выдающійся утесъ. Легко, свободно и ничто не мѣшаетъ наблюдательности! У Врачеша шоссе круто поворачиваетъ влѣво и входитъ въ узкое ущелье. Сосѣднія скаты и вершины покрыты укрѣпленіями, амфитеатромъ расположенными въ этой части долины и такой тщательной отдѣлки, которой позавидуетъ любая модель нашихъ фортификаціонныхъ построекъ. Укрѣпленія большею частью состоятъ изъ редутовъ и батарей со всевозможными приспособленіями временныхъ построекъ. Тщательно отдѣланныя дороги соединяютъ укрѣпленія съ долиной и межъ собой. Съ замѣчательнымъ разсчетомъ прорѣзываютъ они горы, избѣгая крутыхъ поворотовъ и спусковъ; но главное, что поражаетъ во всѣхъ турецкихъ позиціяхъ:—это умѣнье выбирать ихъ и приспособлять къ оборонѣ. Нѣтъ вершка земли, который бы не обстрѣливался если не съ нѣсколькихъ пунктовъ, то по крайней мѣрѣ съ одного. Входъ въ ущелье обстрѣливается перекрестнымъ огнемъ съ двухъ большихъ редутовъ и продольно—съ батареи изъ ущелья. Послѣ всего сказаннаго, становится положительно непонятнымъ: почему турки, владѣя такой блестящей способностью къ оборонѣ, такими громадными запасами боевыхъ припасовъ—не употребляли минъ и другихъ препятствій, затрудняющихъ преслѣдованіе?! Почему, напримѣръ, они не минировали узкій Арабъ-Конакскій проходъ?! Мы были убѣждены въ противномъ и съ крайней осторожностью подвигались впередъ, ожидая съ минуты на минуту взрыва, но къ счастію, ожиданія не сбывались. Вѣроятно торопившійся непріятель, покидая позиціи, заботился болѣе всего о томъ, чтобы поскорѣй убраться невредимымъ въ свои орлиныя гнѣзда не заботясь о завтрашнемъ днѣ и преслѣдованіи. Впрочемъ, судя по пути его слѣдованія, непріятелю было и не до того. При входѣ въ ущелье стояли брошенными два большія зданія: одно съ запасами муки и масла, другое—съ боевыми припасами и оружіемъ. Подвигаясь все дальше и

дальше, мы встрѣчали тѣже признаки паническаго бѣгства и въ началѣ 6-го часа остановились на бивуакѣ близъ турецкихъ позицій.

Участіе батальона въ дѣлѣ подъ Арабъ-Конакомъ (21-го ноября 1877 г.).

Прежде чѣмъ начать описаніе приготовленій къ бою и самаго боя, считаю не лишнимъ оглянуться вокругъ на ту обстановку, съ которой пришлось имѣть дѣло. Обстановка (мѣстность), какъ извѣстно, имѣетъ весьма важное значеніе во всѣхъ военныхъ операціяхъ, и отъ болѣе или менѣе подробнаго и яснаго описанія ее, зависитъ не только правильный взглядъ на значеніе дѣла, но и на самый ходъ его, а равно и на всѣ распоряженія и приказанія отдаваемыя въ это время.

Арабъ-Конакское ущелье, въ которое втянулся авангардъ войскъ собранныхъ на софійскомъ шоссе, представляло родъ длиннаго, узкаго корридора, бока котораго состояли изъ непрерывныхъ хребтовъ горъ поросшихъ лѣсомъ, а по дну проходило софійское шоссе и пробѣгалъ небольшой ручеекъ. Ширина всего этого длиннаго прохода въ рѣдкихъ мѣстахъ превосходила ширину дороги и весьма малыми полями по бокамъ. Верстахъ въ 13-ти отъ начала, ущелье раздвояется и идетъ одно по шоссе къ Арабъ-Конаку; другое поворачиваетъ вправо подъ именемъ Чурьякскаго и упирается въ горы. Въ полуверстѣ отъ нашего бивуака шоссе почти подъ прямымъ угломъ измѣняетъ свое направленіе и огибаетъ выдвинувшуюся гору. Эта гора, извѣстная подъ названіемъ „Московской", была главнымъ оплотомъ позиціи нашего отряда, и на ней-то и разразилась шестикратная атака турокъ 21-го ноября. Какъ эта гора, такъ и горы вправо круто поднимались надъ дномъ ущелья; въ сторону же непріятеля спускались пологими скатами и террасами. Обстоятельство весьма важное въ томъ отношеніи, что, занимая подобныя позиціи, мы положительно отказывались отъ отступленія, предоставляя въ тоже время, свободный доступъ къ фронту позицій непріятелю. Въ случаѣ неудачи мы рисковали быть сброшенными въ кручу и преслѣдуемы продольнымъ огнемъ по ущелью съ гребня горы. Своимъ лѣвымъ флангомъ мы примыкали къ правому флангу отряда генерала Дандевиля, занимавшему позицію противъ Шандорника. Вотъ какова позиція, которую предстояло занять нашему отряду состоявшему изъ 7 батальоновъ пѣхоты и достаточнаго количества артиллеріи. Самые ближайшіе резервы стояли за 16 верстъ во Врачешѣ и Орханіе, и слѣдовательно первое время можно было разсчитывать только на собственныя силы.

Тотчасъ же по прибытіи къ позиціи, генералъ Эллисъ приказалъ рекогносцировать ихъ и выбрать мѣсто для артиллеріи, а въ 6 ч. утра 19-го, рабочіе отъ всѣхъ частей потащили орудія. Отъ батальона было

назначено 300 человѣкъ при офицерѣ. Движеніе должно было происходить, по возможности, безъ шума, ибо турки открывали огонь даже по голосамъ и такими выстрѣлами ранили и убивали. По пути нерѣдко попадались жертвы выстрѣловъ „на удачу". Ихъ сносили на носилкахъ, или же сводили подъ руки. Подъемы были невообразимо круты, вслѣдствіи чего движеніе происходило крайне медленно; а чтобы судить о томъ трудѣ, съ которымъ была сопряжена подобная работа, достаточно знать время употребленное на нее. 300 человѣкъ рабочихъ нашего батальона, напримѣръ, отправленные въ 6 час. утра, вернулись къ бивуаку только къ 10-ти часамъ вечера! Все 20-е число и ночь на 21-е прошли въ приготовленіяхъ: постройка батарей, установка орудій и переноска снарядовъ. Снаряды переносились въ башлыкахъ, или же просто въ рукахъ. Къ утру 21-го все было готово: орудія стояли на батареяхъ, пѣхота занимала опушку лѣса. Въ резервѣ стоялъ нашъ батальонъ (на мѣстѣ ночлега) и часть батальона Императорской Фамиліи. Въ диспозиціи на 21-е ноября назначалась общая бомбардировка Арабъ-Конакскихъ позицій со всѣхъ батарей впродолженіи двухъ сутокъ, а затѣмъ — штурмъ. Въ 10-мъ часу бомбардировка началась, турки отвѣтили, и вслѣдъ за симъ послышалась ружейная перестрѣлка. Сначала рѣдкая, она съ каждой минутой разгоралась и заглушала отчаянные выстрѣлы нашей батареи. Оказалось, что турки предупредили насъ и атаковали всѣми силами (какъ говорятъ до 30-ти таборовъ) нашу батарею. Такой неожиданный оборотъ дѣла заставилъ генерала Эллиса усилить нашу боевую линію двумя ротами нашего батальона (2-я и 4-я) и столькими же 4-го Императорской Фамиліи. Перестрѣлка была въ полномъ разгарѣ, когда наши роты подходили на помощь. Пули шлепались о толстыя стволы деревьевъ, гранаты съ дистанціонными трубками рвались надъ головами... Дойдя до батареи, вся рота разсыпалась въ цѣпь, а 4-я составила ея резервы. Роты, такимъ образомъ, примкнули къ лѣвому флангу Московскаго полка и удлинили общій фронтъ.

Засимъ, такъ какъ непріятель наступалъ преимущественно на центръ, то участіе ротъ въ сраженіи атакъ турокъ, заключалось главнымъ образомъ въ пораженіи мѣткимъ фланговымъ огнемъ, безспорно ускорившимъ развязку дѣла въ нашу пользу.

Непріятель, атакуя насъ энергично съ фронта, вмѣстѣ съ тѣмъ старался обойти нашъ правый флангъ. Это послѣднее движеніе угрожало серьезною опасностью, такъ какъ высоты вправо не были заняты нами, а у подошвы ихъ всего помѣщались 4 роты, составлявшія въ одно время и резервъ и прикрытіе къ артиллеріи загромождавшій всю дорогу. Скоро атакованная непріятелемъ, батарея замолка. (Какъ говорятъ, больше отъ недостатка воды, чѣмъ отъ непріятельскихъ гранатъ) и мы съ минуты на минуту ожидали его появленія на гребнѣ горы. Къ тому

же возвращавшіяся раненые; какъ всегда, передавали все въ крайне преувеличенномъ видѣ. По имъ словамъ — батарея уже занята и прислуга перебита. Хуже всего, въ такія критическія минуты находиться гдѣ-либо въ дали отъ мѣста дѣйствія и довольствоваться доходящими извѣстіями. Чего, чего не наслушаешься отъ проходящихъ! Какихъ разсказовъ не принесутъ раненые!

Между тѣмъ, огонь дѣйствительно не умолкалъ ни на минуту и густое пороховое облако плотно окутывало вершину. Турецкіе таборы, въ полномъ опьяненіи отъ разгоравшагося боя, безостановочно подвигали впередъ, напирая всею своей массой на наши въ шестеро меньшія силы и не обращая вниманія на убійственный огонь. По словамъ очевидцевъ, груды тѣлъ буквально загромождали путь и мѣшали движенію. У насъ начиналъ ощущаться недостатокъ въ патронахъ. Послали за паркомъ въ Орханіе, но пока прискакалъ онъ, дѣло не обошлось безъ прикладовъ и штыка. На правомъ флангѣ послышалось отдаленное, глухое „ура!“ заглушаемое энергичнымъ „алла!“ сильнѣйшаго непріятеля. Крики то удаляются, то снова приближаются. Ружейная перестрѣлка ослабѣваетъ. Въ это время изъ Врачеша приходитъ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, за которымъ было послано; но уже поздно: турецкія атаки отбиты и перестрѣлка замолкла (около 4-хъ час. пополудни). Непріятель, встрѣтивъ сильное сопротивленіе на Московской горѣ, ограничился тѣмъ, что отошелъ и выстроилъ ложементы. На правыхъ горахъ, которыя заняла рота Его Величества нашего батальона, онъ обмѣнялся съ нею только нѣсколькими выстрѣлами и также замолкъ. Убыль въ двухъ ротахъ: 4 раненыхъ и 1 контуженный.

Прибывшій къ концу дѣла лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, тотчасъ же занялъ позицію на правыхъ горахъ, а рота Его Величества, нашего батальона, образовалъ пѣшую почту отъ расположенія Павловцевъ къ резерву. Вслѣдъ за лейбъ-гвардіи Павловскимъ полкомъ прибылъ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ и расположился верстахъ въ 3-хъ позади, у входа въ Чурьякское ущелье, обезпечивая, такимъ образомъ, отъ обхода нашъ тылъ. Нужно замѣтить, что придвинувшись къ Арабъ-Конаку, мы сильно изломали фронтъ нашего расположенія, оставляя правый флангъ его верстахъ въ 16-ти позади, противъ, такъ называемой „Лютиковской позиціи“. Непріятель, занимавшій названную позицію, не отступилъ при общемъ отступленіи и, пользуясь обезпеченнымъ путемъ отступленія на Софію, остался на ней въ видѣ передоваго наблюдательнаго поста. Въ настоящее время противъ него у Врачеша, на горахъ стоялъ лейбъ-гвардіи 3-й стрѣлковый Финскій батальонъ и артиллерія.

Съ утра 22-го позиція была затянута густыми слоемъ тумана, не позволявшаго видѣть даже на нѣсколько шаговъ въ открытой мѣстности. Горы съ своими исполинскими буковыми деревьями, ушли въ облака.

Понятно, что о бомбардировкѣ не было и рѣчи и обѣ стороны молчали. Въ подобную погоду расположенія на позиціи въ 39-ти шагахъ отъ непріятеля, въ густомъ лѣсу, затянутымъ туманомъ, когда каждый отдѣльный человѣкъ чувствуетъ себя одинокимъ, не видя въ двухъ шагахъ стоящаго товарища,—не могло считаться безопаснымъ и способствовало, если не дѣйствительнымъ случайнымъ нападеніямъ, — то по крайней мѣрѣ ложнымъ тревогамъ.

Каждый одиночный выстрѣлъ могъ завязать цѣлую перестрѣлку, въ чемъ мы и убѣдились. Въ 9 час. утра на Московской горѣ раздался сначала одинъ ружейный выстрѣлъ, затѣмъ другой и скоро перестрѣлка перешла въ общій гулъ. Не видя никого передъ собой, стрѣляли на удачу и удержать эту произвольную трескотню не было никакой возможности. Къ счастію она скоро прекратилась сама собой. Гдѣ-то прокричали „ура!“ Кого-то атаковали! Но кого? Туманъ скрываетъ отъ глазъ. Въ 4-й ротѣ нашего батальона, стоявшей въ резервѣ, кто-то крикнулъ, что „турки сзади!“, но, къ счастію, это были не „турки“, а заблудившійся „турокъ“ съ ружьемъ и полной аммуниціей. Онъ самъ, повидимому; былъ пораженъ такой неожиданной встрѣчей и покорно отдалъ ружье. Обходъ въ туманъ, вещь также весьма возможная и, понятно, что даже однокій турокъ заставилъ обратить на себя вниманіе.

Въ 5 час. вечера, 2-я и 4-я рота спустились съ горъ и помѣстились въ резервѣ. На позицію пріѣхалъ графъ Шуваловъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е, на Московскую гору и на гору занятую Павловскимъ полкомъ взвозили орудія. Въ 12-ть часовъ дня на правомъ флангѣ раздались снова ружейные выстрѣлы, а черезъ десять минутъ поднялась перестрѣлка на „Московской горѣ“, продолжавшаяся около получаса. Вновь поставленныя орудія на правыхъ горахъ открыли огонь по гребню, чтобы воспрепятствовать занятію командующей высоты турками. Показавшійся непріятель дѣйствительно скоро отступилъ и гора была занята 2-мъ батальономъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Съ занятіемъ этой весьма важной для насъ высоты, мы могли считать себя обезпеченными отъ обходовъ, да и число войскъ, занимавшихъ позицію, значительно возросло. Изъ отряда генерала Дандевиля къ намъ спустился лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ и смѣнилъ Московскій и 2-й стрѣлковый батальонъ. Правый флангъ усилился еще 2-мъ батальономъ Преображенскаго полка.

Первые три дня стоянки подъ Арабъ-Конакомъ, могутъ по справедливости считаться самыми несносными, самыми тяжелыми днями всей кампаніи. Непроглядный туманъ съ утра и до ночи. Ежедневныя тревоги. Пронизывающая насквозь сырость. Все вмѣстѣ взятое крайне утомило и разстроило войска. Само по себѣ безвредныя тревоги, они держали въ постоянномъ напряженіи, а первоначальное значительное пре-

восходство силъ непріятеля заставляло ежеминутно опасаться за исходъ предпріятія.

Утомленные физически и нравственно войска, естественно, требовали хотя временнаго отдыха. Къ тому же турецкія атаки не повторялись и количество войскъ, занимающихъ въ настоящее время позиціи, могло считаться вполнѣ достаточнымъ. Въ приказѣ по отряду отъ 23-го ноября сдѣлано подробное распредѣленіе нашихъ силъ на позиціяхъ и и въ резервѣ, а равно и сообщаются инструкціи по укрѣпленію ея.

1) „Занятая войсками ввѣреннаго мнѣ отряда позиція противъ Шандорника и Арабъ-Конака раздѣляется на два участка; правый и лѣвый фланги. Правый флангъ,—къ западу отъ шоссе, лѣвый—къ востоку отъ шоссе. Начальникомъ праваго фланга назначается Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эттеръ; начальникомъ лѣваго фланга—генералъ-маіоръ Дандевиль. Общее командованіе всѣми войсками на позиціи возлагается на генералъ-адъютанта графа Шувалова.

2) Позицію предписываю занять слѣдующими войсками:

а) Правый флангъ—2-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи при двухъ батареяхъ 2-й гвардейской артиллерійской бригады.

б) Лѣвый флангъ—2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи и лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, при 3-хъ батареяхъ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, при одной батареи 2-й гвардейской артиллерійской бригады и при 4-хъ орудіяхъ 16-й конной батареи. Такимъ образомъ вся позиція будетъ занята 18-ю батальонами, 6-ю девяти фунтовыми орудіями и 4-мя конными орудіями.

„4-й Екатеринославскій драгунскій полкъ съ двумя конными орудіями 16-й конной батареи оставляется въ распоряженіи генералъ-адъютанта графа Шувалова. Отъ войскъ лѣваго фланга держать постоянно въ Этрополѣ гарнизонъ изъ одной роты.

„3) Въ общій резервъ отдѣляются: 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, гвардейская стрѣлковая бригада; три батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, три батареи лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, двѣ батареи 3-й артиллерійской бригады, четыре кавалерійскихъ полка 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, при трехъ конныхъ батареяхъ, Астраханскій драгунскій полкъ, 15-я Донская казачья батарея, 8-я Донская казачья батарея и конно-горная батарея. Резервомъ этимъ (всего 20 батальоновъ, 64 пѣшихъ орудія, 20 эскадроновъ, 34 конныхъ орудія) командовать генералъ-маіору Рауху и расположить его въ окрестностяхъ Орханіе и Врачеши. Лейбъ-гвардіи саперный батальонъ временно остается въ распоряженіи генералъ-адъютанта графа Шувалова.

„4) Главная квартира отряда перейдетъ въ Орханіе.

„5) Немедленно, не теряя ни одной минуты времени, предписываю приступить къ укрѣпленію занятыхъ позицій такимъ образомъ, чтобы они сдѣлались неприступными. Общее наблюденіе за возведеніемъ укрѣпленій возлагается на флигель-адъютанта полковника Скалона.

„При возведеніи укрѣпленій предписываю принять слѣдующіе принципы:

„а) На каждомъ участкѣ позиціи имѣть, въ видѣ главныхъ сборныхъ пунктовъ, нѣсколько редутовъ, въ особенности на флангахъ.

„б) Батареи и ложементы на главной позиціи, составляющей главную оборонительную линію, должны имѣть сильные профили и достаточную высоту, чтобы люди могли ходить за брустверами не наклоняясь.

„в) Впереди главной линіи должны быть вынесены ложементы для стрѣлковъ, расположенныхъ не звеньями, а группами, т. е. взводами по новой терминологіи. Ложементы должны быть вынесены довольно далеко, смотря по мѣстности и по разстоянію между главною оборонительною линіей и укрѣпленіями непріятеля. Если ложементы для стрѣлковъ будутъ вынесены впередъ отъ главной оборонительной линіи на разстояніе болѣе 300 шаговъ, то позади ихъ устроить ложементы для поддержки цѣпи.

„Въ мѣстахъ, гдѣ укрѣпленія проходятъ въ лѣсахъ, устроить засѣки и завалы. Для батальона, стоящаго нынѣ между правымъ флангомъ позиціи Дандевиля и шоссе, устроить непремѣнно обширный редутъ съ большою профилью и внутренними траверсами.

„Между всѣми участками позиціи устроить, внѣ выстрѣловъ и, по возможности, скрытно отъ взоровъ непріятеля, удобные пути сообщенія, по которымъ можно-бы было даже ввозить орудія. Въ особенности, устроить хорошіе въѣзды на позицію отъ шоссе, такъ какъ по нимъ будутъ направляемы на позицію снаряды, продовольствіе и поддержки.

„Для производства всѣхъ этихъ работъ назначается 23-е, 24-е и 25-е ноября. Во всѣ эти дни войска, назначенныя для отхода въ резервъ, остаются на позиціяхъ и принимаютъ участіе въ прикрытіи работъ и въ производствѣ ихъ. По окончаніи работъ я лично объѣду всѣ позиціи и отдамъ приказаніе объ отводѣ, въ теченіи ночи, резервовъ во Врачешъ и Орханіе. Надѣюсь, что всѣ частные начальники приложатъ полную энергію къ производству этихъ необходимыхъ работъ въ возможно скоромъ времени, такъ какъ отъ успѣха этихъ работъ зависитъ весь дальнѣйшій ходъ дѣйствій.

„Въ виду крайней трудности доставки боевыхъ припасовъ, предписываю: расходовать ихъ съ крайней осторожностью. Для этого безъ особой нужды болѣе 30-ти артиллерійскихъ снарядовъ въ день не выпускать.

„Огонь артиллеріи направлять преимущественно для демонстрированія непріятельскихъ орудій. Для этого сосредоточивать огонь возможно

большаго числа орудій, по одному редуту, затѣмъ по другому и т. д. Само собою понятно, что слѣдуетъ мѣшать работамъ непріятеля и обстрѣливать войска, когда они подвернутся подъ выстрѣлъ".

Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-адъютантъ Гурко.

Такимъ образомъ, изъ приказа было видно, что въ числѣ прочихъ войскъ, назначенныхъ къ отходу въ резервъ, была и гвардейская стрѣлковая бригада. До назначеннаго дня отхода 3 роты батальона принимали участіе въ укрѣпленіи позиціи и ввозѣ орудій, а рота Его Величества все время содержала, уже названную, пѣшую почту.

Туманъ уже не такой плотной пеленой окутывалъ горы и время отъ времени вершины ихъ дѣлались чистыми.

Воспользовавшись однимъ изъ такихъ болѣе свѣтлыхъ дней, командиръ батальона пожелалъ взобраться на правыя горы и взглянуть оттуда на турецкіе редуты. Вмѣстѣ съ нимъ отправился и я. Около 2-хъ часовъ шли мы вверхъ до площадки, на которой стояли наши орудія. Толстый букъ покрывалъ всю покатость горы и только на вершинѣ переходилъ въ частую мелкую рощу. Батарея наша стояла на обширной площадкѣ, надъ которой поднимался высокій хребетъ, занятый въ началѣ рѣдкой непріятельской цѣпью, а впослѣдствіи—батальономъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Отсюда, черезъ просѣку, открывался видъ на турецкія позиціи на Шандорникѣ и на расположеніе отряда генерала Дандевиля. Блуждающія облака то скрывали, то открывали его вершину, круто поднимающуюся въ нашу сторону и увѣнчанную неприступными редутами. Отъ главнаго редута, по отлогой поверхности горы, шла непрерывная цѣпь укрѣпленій почти къ самой подошвѣ и скрывалась за выдвигавшимися горами. Съ нашей точки зрѣнія позиціи генерала Дандевиля казались ничтожными передъ этимъ исполиномъ, вершина котораго командовала надъ всей окружающей мѣстностью. Въ это время шла небольшая артиллерійская перестрѣлка. Иногда, на мгновеніе, выплывало солнце и яркимъ свѣтомъ обливало матовую вершину Шандорника. Особеннаго движенія, какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны, не было замѣтно. Повидимому, артиллерійскіе снаряды не смущали ни того, ни другого.

Изрѣдка протягивалась черная линія по снѣжному скату или двигались отдѣльныя точки. Турецкія укрѣпленія противъ „Московской горы" не были видны отсюда, ибо наша позиція, въ этомъ мѣстѣ, значительно командовала непріятельской и скрывала ихъ; точно также не было видно и крайняго лѣваго фланга, съ укрѣпленій котораго они поражали фланговымъ и отчасти тыльнымъ огнемъ.

Простоявъ часа два на батареѣ, мы спустились внизъ.

26-го ноября на позицію пріѣхалъ генералъ Гурко и осматривалъ возведенныя укрѣпленія. Вечеромъ, по случаю праздника св. Георгія,

графъ Шуваловъ собралъ въ своей палаткѣ всѣхъ, находившихся на лицо, кавалеровъ ордена и угощалъ ихъ водкой. Въ это время изъ передовой линіи привели человѣкъ 5 плѣнныхъ турокъ. Всѣ они принадлежали къ арабскому войску. Одѣты были въ длинные, бѣлые камзолы, далеко не соотвѣтствовавшіе времени года и климату. Стрѣлки, по обыкновенію, окружили ихъ и старались разговориться. Подсмѣивались надъ ихъ лѣтней одеждой и въ то-же время простодушно угощали сухарями.

27-го ноября получены были Георгіевскіе кресты по 3 на роту за дѣло подъ Правцемъ. Въ тотъ-же день они были розданы командиромъ батальона въ присутствіи всѣхъ кавалеровъ и взводныхъ унтеръ-офицеровъ.

Увлеченные собственными операціями, большинство изъ насъ совершенно забыло о существованіи Плевны и уже больше не тревожились за нее, предоставляя времени рѣшить вопросъ о ея паденіи; но вдругъ, 28-го, она сама напомнила о себѣ и снова возбудила всеобщее любопытство и ожиданіе. Дѣло въ томъ, что въ ночь съ 28-го на 29-е графомъ Шуваловымъ была получена телеграмма, въ которой говорилось, что Османъ-паша пробовалъ пробиться, но результаты еще неизвѣстны. Естественно, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали болѣе подробныхъ извѣстій. Въ 9 часовъ утра, 29-го батальонъ выступилъ во Врачешъ. По пути мы встрѣтили артиллериста, который первый объявилъ о сдачѣ Плевны. Обманутые не разъ подобными извѣстіями, ему, конечно, никто не повѣрилъ, но черезъ нѣсколько времени батальонъ встрѣтилъ самъ генералъ Гурко и подтвердилъ только что слышанное. Громогласное „ура!“ было отвѣтомъ на столь радостную вѣсть и сотни шапокъ полетѣли на воздухъ! Скоро о паденіи Плевны стало извѣстнымъ и на позиціяхъ. Турки, пораженные неожиданными криками, съ любопытствомъ вылѣзали изъ укрѣпленій. Троекратное „ура!“ сопровождалось каждый разъ залпами, разсѣявшими любопытныхъ. По приходѣ батальона во Врачешъ, тотчасъ-же былъ отслуженъ молебенъ, затѣмъ люди стали располагаться по квартирамъ. Благодаря распорядительности начальника бригады, генерала Эллиса, во Врачешѣ мы нашли обширные запасы провіанта: около 20-ти тысячъ пудовъ муки, большое количество ржи, масла и галетъ. Для правильнаго распредѣленія этихъ огромныхъ запасовъ между частями, начальникомъ отряда были даны подробныя инструкціи, объявленныя въ приказѣ по отряду, отъ 28-го ноября; кромѣ того, въ томъ-же приказѣ предписывалось устроить хлѣбопекарныя печи въ Орханіе и озаботиться присылкою скота. Усилившіеся морозы заставили серьезно подумать о теплой одеждѣ и обуви. Эта послѣдняя пришла въ положительную негодность и первые дни стоянки прошли въ исправленіи ея. За неимѣніемъ матерьяловъ, употребляли воловьи кожи, связанныя веревками, но подобная обувь далеко не могла считаться прочной и удобной: твер-

дая кожа страшно натирала ногу и протиралась, а солдаты въ этой обуви и истасканной шинели, навьюченные массой мѣшковъ, при сильномъ морозѣ, напоминали французовъ въ 1812 году. Съ позицій, мимо Врачеша, въ Орханіе было непрерывное движеніе такихъ воиновъ съ отмороженными ногами, и тоже плачевный видъ представляло это шествіе: многіе не могли идти безъ посторонней помощи и опирались на болѣе крѣпкихъ товарищей. Къ счастью, еще погода стояла ясная и тихая, такъ что морозы, нерѣдко доходившіе до 15°, хотя днемъ немного смягчались солнечными лучами. Помѣстившись теперь въ избахъ (нельзя назвать ихъ теплыми, ибо во многихъ небыло даже стеколъ и оконныя отверстія приходилось заклеивать бумагой), нашъ батальонъ сравнительно блаженствовалъ, хотя черезъ два дня въ третій мы покидали свое убѣжище и взбирались на горы противъ „Лютиковской позиціи“, чтобы содержать передовую цѣпь.

Въ первый разъ мы двинулись туда 3-го декабря и смѣнили лейбъ-гвардіи Финскій стрѣлковый батальонъ. Батальонъ расположился такимъ образомъ: одна рота, у редута, составляла резервъ, другая—спускалась въ долину, вправо отъ деревни, и служила связующимъ звеномъ между нами и кавалеріей, охранявшей западную окраину орханійской долины; двѣ остальные роты выставляли сильную аванпостную цѣпь въ полуверстѣ отъ редута и наблюдали за непріятелемъ. По ночамъ высылались далеко впередъ „секреты“, въ полуразрушенную избушку. Непріятельскіе „секреты“ также избрали эту избушку мѣстомъ своихъ наблюденій и нерѣдко приходилось ее уступать тому, кто первый занялъ. Разстояніе отъ нашего редута до турецкаго было весьма значительное, такъ что наши 9-ти-фунтовыя орудія не добрасывали снаряда, а турецкіе далеко не долетали. Изъ такого расположенія позицій ясно была видна цѣль, съ которой онѣ занимались: турки—съ цѣлью простого наблюденія, а мы—съ цѣлью охраненія. Тѣмъ неменѣе, Лютиковская позиція мѣшала намъ, заставляя разбрасывать силы и уничтожить ее, какимъ-либо образомъ, было задачей нашего отряда.

Съ этою цѣлью генералъ Раухъ, подъ начальство котораго мы снова поступили съ переходомъ во Врачешъ, придумалъ спугнуть непріятеля, но не атакой, а неожиданнымъ появленіемъ горсти охотниковъ въ тылу у него. Исполненіе этой задачи возложено было на нашъ батальонъ. Вечеромъ 1-го декабря, командиръ батальона собралъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ и объявилъ приказаніе генерала Рауха. Отъ каждой роты должны были быть вызваны по 8-мь человѣкъ охотниковъ и команда надъ всѣми ими поручалась офицеру. Конечно, желающихъ было весьма много, такъ что пришлось выбирать изъ общаго числа и командиромъ всѣхъ ихъ былъ назначенъ командиръ 4-й роты штабсъ-капитанъ Слизгинъ. Ему были сообщены должныя инструкціи, которыя, ме-

жду прочимъ, состояли въ слѣдующемъ: рано утромъ 2-го всѣмъ охотникамъ выступить къ д. Врачеши, и горными тропинками направиться въ обходъ Лютиковской позиціи. По словамъ болгаръ въ тылу этихъ позицій у турокъ находился общій водопой, куда, въ извѣстный часъ, они приводили поить своихъ лошадей. Задача охотниковъ состояла въ томъ, чтобы пройти незамѣченными къ этому водопою и устроить тамъ засаду; когда-же непріятель въ большомъ числѣ соберется у водопоя, выскочить изъ засады и рядомъ дружныхъ залповъ перестрѣлять его лошадей. Цѣль такого дѣйствія была демонстративная, чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе и заставить отступить. Къ сожалѣнію, разсказы болгаръ были не совсѣмъ вѣрны, такъ какъ турки собирались у водопоя не большими массами, а поодиночкѣ, стрѣлять-же въ отдѣльныхъ всадниковъ, не было цѣли, да и угрожало охотникамъ, ибо турки, не спѣша, могли скоро сообразить въ чемъ дѣло и уничтожить засаду. Такимъ образомъ, просидѣвши безполезно въ засадѣ почти цѣлый день, штабсъ-капитанъ Слизгинъ только на слѣдующее утро возвратился къ батальону, а турки, по старому, остались на своихъ позиціяхъ.

Во время стоянки на горахъ въ сильные морозы мы были весьма непріятно поражены слѣдующимъ открытіемъ: наши винтовки Бердана отказывались стрѣлять. Боевая пружина теряла свою упругость и при спускѣ ударникъ не разбивалъ капсюля патрона. Мы предполагали, что это не болѣе какъ случайность, но чтобы вполнѣ убѣдиться призвали опытъ и выставили 10-ть винтовокъ на цѣлую ночь на морозъ. Дѣйствительно, утромъ изъ этихъ 10-ти винтовокъ исправно дѣйствовали только двѣ, въ остальныхъ-же ударникъ потерялъ свою силу.

Разобрали затворъ и увидѣли, что вся неисправность произошла отъ смазыванія затвора масломъ. Въ маслѣ попадались частицы воды, которыя замерзали и сковывали боевую пружину. Конечно, чтобы устранить такія случаи, слѣдовало или вовсе не смазывать затвора, или смазывать совершенно чистымъ масломъ, которое не замерзало-бы, но такъ какъ таковаго въ дѣйствующей арміи не имѣлось, то и рѣшено было первое. Химическая несообразность: замерзающее масло, станетъ понятна, если вспомнить, что существуетъ въ продажѣ не только замерзающее масло, но и замерзающій спиртъ. Въ особенности если то и другое составляетъ предметъ интендантскаго довольствія.

Движеніе отъ Врачеша до Софіи.—Переходъ черезъ Великіе Балканы.—Бой подъ Ташкисеномъ 19-го и Враждебной—21-го декабря 1878 года.

Съ паденіемъ Плевны, масса войскъ, окружавшихъ ее, вдругъ сдѣлалась свободной и слѣдовательно могла служить теперь значительнымъ

усиленіемъ другихъ отрядовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ это время отрядъ генерала Гурко находился уже въ Балканахъ, готовый перешагнуть черезъ ихъ неприступныя вершины; но силы составлявшія его, были слишкомъ недостаточны, чтобы предпринять такую серьезную операцію, да еще въ зимнее время. Вотъ почему освободившіяся войска изъ-подъ Плевны были прежде всего направлены на усиленіе западнаго отряда, на который было обращено и главное вниманіе непріятеля, куда перешелъ, такъ сказать, центръ тяжести всѣхъ военныхъ операцій Дунайской арміи.

Прибывающія подкрѣпленія сосредоточивались въ Орханійской долинѣ, въ городѣ Орханіе и его окрестностяхъ, и распредѣлялись по отрядамъ. Сюда-же подвозили: сухари, спиртъ и боевые припасы.

Главною заботою войскъ, въ это время, было—обезпечить себя продовольствіемъ, теплой одеждой и обувью. Съ этою цѣлью послѣдніе дни ихъ стоянки въ Орханіе, Врачешѣ и пр.: были посвящены главнымъ образомъ изысканію матерьяла для починки одежды и обуви; но, какъ не хитра голь на выдумки, а все-же изъ ничего и не вышло ничего. Тѣ-же овечьи и воловьи кожи! Тѣ-же истертыя шинели! При всемъ желаніи достать что-либо лучше—было не возможно, такъ какъ на мѣстѣ ничего подобнаго не продавалось, а громадные транспорты, шедшіе изъ Россіи съ полушубками и теплыми носками, не достигали своей цѣли, исчезая гдѣ-то на пути. Большинство офицеровъ также было безъ теплой одежды и, благодаря исправности почтъ дѣйствующей арміи, только теперь, въ 79 г., получило ее. Что касается продовольствія, то его было если не съ избыткомъ, то по крайней мѣрѣ—въ достаточномъ количествѣ; но эта честь далеко не принадлежитъ нашему интендантству, а туркамъ, обезпечившимъ насъ продовольствіемъ на весь забалканскій походъ.

Въ такомъ положеніи было матерьяльное состояніе отряда, готоваго двинуться въ долгій и трудный походъ. Но, не смотря на это въ войскахъ не было замѣтно ни тѣни унынія, или недовольства. Всѣ ясно сознавали не возможность чего либо другаго и съ тѣмъ-же беззаботнымъ видомъ, готовыя на все, продолжали свои приготовленія. Съ грустью только смотрѣли стрѣлки на свои опустѣвшіе „кисеты“, напѣвая извѣстную солдатскую пѣсню:—„сѣно въ трубочкахъ курили, распростившись съ табачкомъ“. Недостатокъ табаку оплакивался, какъ самый существенный недостатокъ въ походной жизни. Дня за три до выступленія, когда уже опредѣленно стало извѣстно о днѣ, въ который начнется движеніе, баталіонъ прекратилъ свое хожденіе на „Финскія горы“ и оставался въ деревнѣ, исправляя дороги отъ Врачеша къ Софійскому шоссе. Морозы стояли сильные, шоссе покрылось толстой ледяной корой, такъ что для движенія по немъ приходилось ковать лошадей на „острые

шипы", что составляло не малую заботу въ особенности артиллеристамъ.

Какъ всегда о днѣ выступленія ходили самые разнорѣчивые слухи, пока наконецъ рядъ приказовъ и приказаній не опредѣлили цѣль движенія и неозначилъ точно начало его. Всѣ приказы и приказанія по отряду, а равно и приказанія генерала Рауха, подъ начальствомъ котораго состояла наша бригада, я приведу здѣсь, начиная съ 10-го декабря 1877 г. Первыя,—чтобы дать дальнѣйшему описанію большую полноту и показать дѣйствія бригады въ связи съ остальными частями всего отряда; вторыя — какъ ближайшія приказанія непосредственнаго начальства, согласно которымъ отдавались распоряженія по бригадѣ и баталіонамъ.

Приказъ по отряду, отданный въ г. Орханіе, 10-го декабря, раздѣлялъ всѣ силы, собранныя подъ начальствомъ генерала Гурко у подножій Балканъ, на отряды съ обозначеніемъ командировъ этихъ отрядовъ. Въ немъ говорилось:

1. „Предписываю сформировать отряды:

I. „1-й и 4-й батальоны гвардейской стрѣлковой бригады—2 батальона, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка—4 батальона, лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ—4 батальона, одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи—3 батальона, 1-я, 3-я и 6-я батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады по 4 орудія—12-ть орудій, 4 орудія одной изъ 4-хъ фунтовыхъ батарей 31-й артиллерійской бригады—4 орудія, Кавказской казачьей бригады—11-ть сотенъ, 4 конныхъ орудія; всего 13-ть батальоновъ, 16-ть орудій, 11-ть сотенъ и 4 конныхъ орудія.

„Начальникомъ этого отряда назначается командущій 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Раухъ.

II. „Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ—4 батальона, Прусскій полкъ—4 батальона, 3-я гвардейская и гренадерская артиллерійская бригада—16-ть орудій, Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, одна сотня Кавказской казачьей бригады; всего 8-мь батальоновъ, 16-ть пѣшихъ орудій, 5-ть эскадроновъ и сотня.

„Начальникомъ этого отряда назначается командиръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка генералъ-маіоръ Мирковичъ.

III. „Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ—4 батальона, Австрійскій полкъ—4 батальона, 2-й и 3-й стрѣлковые батальоны гвардейской стрѣлковой бригады—2 батальона, 3-й гвардейской и гренадерской бригады—8-мь орудій; всего 10-ть батальоновъ, 8-мь орудій.

„Начальникомъ этого отряда назначается командиръ 3-й гренадерской пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Философовъ".

IV. „2-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи—6-ть баталіоновъ, 31-й артиллерійской бригады два дивизіона различныхъ батарей 4-хъ фунто-

ваго калибра—8-мь орудій, 1-я и 2-я бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—16-ть эскадроновъ, 8-мь конныхъ орудій; всего 6-ть батальоновъ, 8-мь пѣшихъ орудій, 16-ть эскадроновъ и 8-мь конныхъ орудій.

„Начальникомъ этого отряда назначается начальникъ 31-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ.

V. „2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи—6-ть батальоновъ, одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи—3 батальона, 1-я батарея 31-й артиллерійской бригады—8-мь орудій, Екатеринославскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, двѣ сотни сводной казачьей бригады; всего 9-ть батальоновъ, 8-мь орудій, 4 эскадрона, 2 сотни.

„Начальникомъ этого отряда назначается командиръ 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Дандевиль.

VI. „Три полка 3-й пѣхотной дивизіи—9-ть батальоновъ, 4 батареи 5-й артиллерійской бригады—32 орудія, 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—7-мь эскадроновъ, 6-ть конныхъ орудій; всего 9-ть батальоновъ, 32 пѣшихъ орудія, 7-мь эскадроновъ, 6-ть конныхъ орудій.

„Начальникомъ этого отряда назначается начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ.

„Сверхъ этихъ шести вновь сформированныхъ отрядовъ остаются слѣдующіе 3, уже сформированные“.

VII. „Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ—4 батальона, лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ—4 батальона, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ—4 батальона, 3 батареи 2-й артиллерійской бригады—24 орудія; всего 13-ть батальоновъ, 24 пѣшихъ орудія.

„Подъ начальствомъ начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-адъютанта графа Шувалова.

VIII. „Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ—4 батальона, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ—4 батальона, три батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады—24 орудія, четыре орудія 16-й конной батареи—4 орудія; всего 8-мь батальоновъ, 28-мь орудій.

„Подъ начальствомъ командира 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Свиты Его Величества генералъ-маіора Его Высочества Принца Ольденбургскаго.

IX. „Лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ—4 батальона, Новоингерманландскій пѣхотный полкъ—$1^1/_2$ батальона, два орудія Донской казачьей № 19-го батареи—2 орудія, двѣ сотни сводной Донской казачьей бригады—2 сотни; всего $5^1/_2$ батальоновъ, 2 орудія и 2 сотни.

„Подъ начальствомъ командира 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Свиты Его Величества генералъ-маіора Брока.

2. „Въ упомянутыхъ I, II, III и IV пунктахъ этого приказа дивизіонамъ артиллеріи взять по одному ящику на орудіе, лошадей-же подъ

орудіи и ящики выбрать самыхъ лучшихъ изъ всей батареи. Лошади должны быть хорошо подкованы и на заостренныхъ шипахъ".

3. „Людямъ всѣхъ отрядовъ немедленно выдать сухарей по 18-е декабря включительно, считая по одному фунту на человѣка. Въ требованіяхъ на сухари показывать только тѣхъ людей, которые дѣйствительно состоятъ въ строю. На тѣхъ-же людей, которые состоятъ въ полку, но въ строй не входятъ, представлять особыя требованія и удовлетворять ихъ не сухарями, а печенымъ хлѣбомъ, выпекаемымъ изъ устроенныхъ хлѣбопекарныхъ печей, требуя муку изъ врачешскихъ складовъ.

„Предписываю всѣмъ начальникамъ частей подъ строгой ихъ отвѣтственностью отнюдь не допускать излишняго требованія сухарей, помня, что отъ правильности требованій будетъ зависить успѣхъ всей операціи.

„Войскамъ, обозначеннымъ въ пунктѣ VIII, сухарей не требовать, а довольствовать ихъ печенымъ хлѣбомъ. Образовать хлѣбопеченье сообразно съ этимъ пунктомъ возлагается на полковника Доманевскаго.

„Войска, обозначенныя въ пунктахъ I, II, III, IV и V, должны быть снабжены водкою по 3 чарки на человѣка, дѣйствительно находящагося въ строю.

„Удовлетвореніе войскъ, какъ сухарями, такъ и водкою должно быть непремѣнно окончено къ вечеру 12-го декабря.

„Сверхъ того, выдать людямъ, дѣйствительно находящимся въ строю, чаю и сахару по 18-е декабря включительно.

4. „Всѣ батареи, какъ пѣшія, такъ и конныя, не вошедшія въ составъ упомянутыхъ отрядовъ, должны быть собраны у дер. Ложени и парки батарей должны быть выстроены въ нѣсколько линій въ строгомъ порядкѣ, и такимъ образомъ, чтобы по первому требованію всякая батарея, въ какой-бы линіи она не стояла, могла-бы выѣхать безъ всякой помѣхи, какъ для себя, такъ и для другихъ батарей. Люди этихъ батарей должны быть размѣщены въ дер. Ложени, которая въ скоромъ времени будетъ очищена кавалеріею. Начальникомъ всей этой артиллеріи назначить старшаго изъ батарейныхъ командировъ, по распоряженію начальника артиллеріи отряда Свиты Его Величества генералъ-маіора Бреверна.

„Установку батарей въ полномъ порядкѣ и размѣщеніе людей въ деревнѣ возлагаю на начальника артиллеріи отряда. Эта разстановка должна быть окончена въ теченіи 12-го декабря, для чего къ 8 часамъ утра всѣмъ батареямъ выслать линейныхъ фейерверкеровъ на шоссе къ деревни Ложени.

5) „Всѣ парки, какъ артиллерійскіе, такъ и интендантскіе, должны быть немедленно выстроены у деревни Правецъ въ самомъ строгомъ порядкѣ. Всѣ повозки должны быть выстроены въ нѣсколько правильныхъ линій съ достаточными интервалами, съ тѣмъ, чтобы по первому приказанію, можно было-бы тронуть ихъ въ ту или другую сторону, и чтобы

движеніе это могло бы быть произведено въ самомъ строгомъ порядкѣ. Тоже относится и до обозовъ, находящихся въ деревни Правецъ. Установка всѣхъ повозокъ около деревни Правецъ и поддержаніе порядка возлагается на полковника Шевича. Всѣ начальники парковъ транспортовъ и обозовъ должны немедленно явиться къ полковнику Шевичу, представить ему строевые рапорты и вовсе время пребыванія въ Правцѣ исполнять его приказанія. Приказы о движеніи тяжестей изъ Правецъ частные начальники должны передавать черезъ полковника Шевича. Предписываю полковнику Шевичу представить вечеромъ 12-го декабря рапортъ о числѣ людей, повозокъ и лошадей, находящихся у деревни Правецъ".

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ Гурко.

Вслѣдъ за симъ приказомъ, раздѣлившимъ собранныя войска на отряды и подчинивши каждый изъ нихъ особому самостоятельному начальнику, на другой день, 11-го декабря вышелъ новый приказъ и диспозиція. Привожу то и другое.

Приказъ.

Городъ Орханіе, 11-го декабря 1877 года.

„На дняхъ войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда предстоитъ движеніе черезъ Балканскія горы. При этомъ движеніи принять къ руководству и исполненію слѣдующее:

1) „Взятый на людяхъ запасъ сухарей расходовать подъ личной отвѣтственностью ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, которые обязаны на вечернихъ перекличкахъ лично дѣлать осмотръ сухарныхъ мѣшковъ. За преждевременное израсходованіе сухарной дачи начальники будутъ подвергаемы строгому взысканію. Передъ выступленіемъ объявить людямъ всю важность сбереженія сухарей и что, по причинѣ горъ, неизвѣстно когда подойдутъ транспорты съ сухарями.

2) „Передъ выступленіемъ раздать людямъ трехдневную порцію мяса.

3) „Кавалеріи и артиллеріи имѣть трехдневную дачу ячменя.

4) „По утрамъ выдавать людямъ по чаркѣ водки.

5) „Начальникамъ эшелоновъ предоставляется самимъ установить порядокъ движенія въ эшелонахъ, съ соблюденіемъ однако-же слѣдующихъ условій:

а) Орудія и зарядные ящики прикомандировывать къ ротамъ, такъ чтобы на одну роту приходилось по одному орудію или одному зарядному ящику. При этомъ ротные командиры отвѣчаютъ за безостановочность движенія прикомандированныхъ къ нимъ орудій и ящиковъ;

б) Кавалеріи, кромѣ небольшой части слѣдовать въ хвостѣ эшелоновъ;

в) Имѣющія при частяхъ вьюки вести за своими частями, т. е. ротные вьюки за ротами, батальонные—за батальонами и т. д.

*

6) „Никакихъ повозокъ не брать за исключеніемъ аптечныхъ одноколокъ.

7) „Въ каждой части имѣть въ запасѣ лямки.

8) „Мѣры охраненія во время движенія должны состоять исключительно изъ боковыхъ пѣхотныхъ патрулей, во время ночлега изъ пѣшихъ секретовъ.

9) „Начальникамъ, передъ выступленіемъ въ походъ, подтвердить ввѣреннымъ имъ частямъ строжайшее воспрещеніе поднимать тревогу и, въ особенности, производить стрѣльбу вслѣдствіе тревоги; нижнимъ чинамъ объяснить, то при слѣдованіи по такимъ и трущобамъ, по какимъ намъ придется перевалить за Балканы, немыслимо серьезное нападеніе со стороны непріятеля и только одиночные люди или небольшія партіи могутъ покушаться тревожить.

„Начальникамъ эшелоновъ и частей принять строгія мѣры къ сохраненію и поддержанію порядка во время движенія, и въ особенности наблюсти, чтобы колонны не растягивались и чтобы нижніе чины не выходили изъ фронта".

Подписалъ: начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ Гурко.

Диспозиція.

Въ городѣ Орханіе, 11-го декабря 1877 года.

„13-го сего декабря, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда, начать движеніе съ цѣлью перехода черезъ Балканскія горы. Для сего:

1) „Авангарду, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха собравшись во Врачешѣ къ 5-ти часамъ утра 13-го декабря, выступить сего 13-го декабря въ $5^1/_2$ часовъ утра изъ Врачеши и, сдѣлавши привалъ до 11-ти часовъ дня, возлѣ бивуака 8-го драгунскаго Астраханскаго полка, на софійскомъ шоссе, у начала вновь разработанной старой софійской дороги, ведущей на перевалъ, ровно въ 11-ть часовъ дня начать подъемъ на гору и слѣдовать лишь съ небольшими остановками въ деревни Чурьякъ, гдѣ и остановиться на привалъ *).

„14-го декабря авангарду выступить въ 4 часа утра (пополудни) и слѣдовать черезъ Потопъ, Елееницу и Стольникъ на софійское шоссе, откуда, сдѣлавши поворотъ на лѣво, идти на такъ называемую позицію у Малины, гдѣ остановиться и построить боевой порядокъ. По имѣю-

*) Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—4 батальона, лейбъ-гвардіи Измайловскій—4 батальона, 1-й и 4-й стрѣлковые батальоны гвардейской стрѣлковой бригады—2 батальона, одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи—3 батальона, 1-я, 3-я и 6-я батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады по 4 орудія отъ каждой—12 орудій, четыре орудія одной изъ 4-хъ фунтовой батареи 31-й артиллерійской бригады—4 орудія, кавказская казачья бригада—11 сотенъ, 4 конныхъ орудія; всего 13 батальоновъ, 16 пѣшихъ орудій, 11 сотенъ и 4 конныхъ орудія.

щимся свѣдѣніямъ, деревни Потопъ и Елееница заняты турецкой пѣхотой. Силы всей пѣхотной части, собранной въ этихъ пунктахъ, отъ 1-го до 2-хъ таборовъ (т. е. отъ 500—800 человѣкъ). По свѣдѣніямъ турки стоятъ по ночамъ очень небрежно. Необходимо постараться захватить ихъ въ расплохъ и вытѣснить изъ обѣихъ деревень.

„Между деревнями Чурьякъ и Потопъ отходитъ въ лѣво ущелье, по которому идетъ дорога въ софійскую долину. На дорогу эту выставить, въ видѣ бокового заслона, полкъ 31-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя 4-хъ фунтовыми орудіями и съ одною сотнею казаковъ.

2) „Первому эшелону, подъ начальствомъ генералъ-маіора Курлова, собравшись 13-го декабря, въ $5^1/_2$ часовъ утра во Врачеши, за исключеніемъ Астраханскаго драгунскаго полка, который присоединится къ эшелону на своемъ бивуакѣ выступить изъ Врачеши въ 7 часовъ утра 13-го декабря и слѣдовать по софійскому шоссе въ мѣсту бивуака Астраханскаго драгунскаго полка. Въ этомъ мѣстѣ эшелону сдѣлать привалъ и начать движеніе черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ авангарда свернетъ съ шоссе. Эшелону слѣдовать лишь съ необходимымъ для отдыха людей небольшими остановками до тѣхъ поръ, пока голова эшелона не догонитъ, въ окрестностяхъ Чурьяка, хвостъ авангарда *).

„14-го декабря эшелону выступить въ 6 часовъ утра и слѣдовать черезъ Потопъ и Елееницу въ Рожданьэ. Если-же, по донесеніямъ, прямая дорога изъ Чурьяка въ Рожданьэ, по ущелью отдѣляющемуся влѣво, не доходя до Потопа, окажется возможною для движенія артиллеріи, то идти прямо на Рожданьэ, гдѣ и расположиться на ночлегъ.

3) „Второму эшелону, подъ начальствомъ генералъ-маіора Философова, собравшись 13-го декабря, въ 8 часовъ утра, во Врачеши, выступить изъ этой деревни тогда, когда получатся свѣдѣнія, что хвостъ авангарда свернулъ съ софійскаго шоссе. Придя на бивуакъ драгунскаго Астраханскаго полка, эшелону остановиться на привалѣ для подъема въ гору черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ 1-го эшелона свернетъ съ шоссе направо. Затѣмъ эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей остановками до Чурьяка, гдѣ остановиться на привалѣ **).

„14-го декабря выступить черезъ часъ послѣ выступленія хвоста

---

*) Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ—4 батальона, Прусскій полкъ—4 батальона, четыре дивизіона отъ четырехъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады—16 орудій, Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, одна сотня кавказской казачьей бригады.—Всего 8 батальоновъ, 16 орудій, 5 эскадроновъ и сотенъ.

**) Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ—4 батальона, Австрійскій полкъ—4 батальона, 2-й и 3-й стрѣлковые батальоны гвардейской стрѣлковой бригады—2 батальона, двѣ дивизіона отъ двухъ остальныхъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады—8 орудій. Всего 10 батальоновъ и 8 орудій.

1-го эшелона и слѣдовать черезъ Потопъ и Елееницу въ Стольникъ, гдѣ, и расположиться на ночлегъ.

4) „Общее командованіе надъ первымъ и вторымъ эшелонами возлагается на начальника 3-й гвардейской дивизіи генералъ-лейтенанта Каталея.

5) „Правой колоннѣ, подъ начальствомъ 31-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Вельяминова, собравшись 13-го декабря, къ 5-ти часамъ утра, во Врачеши, выступить: пѣхотѣ со всей артиллеріей въ 5½ часовъ утра (а кавалеріи въ 5 часовъ вечера), и слѣдовать черезъ гору Умургачъ въ деревни Жиляву *).

Колоннѣ идти непрерывно до наступленія темноты, давая людямъ лишь необходимые отдыхи. На ночь расположиться тамъ, гдѣ застанетъ темнота. На другой день колоннѣ вступить въ 4 часа утра и слѣдовать на Жиляву. По приходѣ въ Жиляву, главное назначеніе колонны—составить заслонъ для главной колонны со стороны Софіи и Кремиковицы; для этого, оставивъ въ Жилявѣ 4 батальона, 4 орудія и 1 эскадронъ кавалеріи, выслать въ Чайнику и Яну по одному батальону при 2-хъ орудіяхъ, а всю кавалерію и всю конную артиллерію выслать впередъ возлаживъ на нее наблюденіе за Софіей, софійско-филипопольскомъ шоссе и выходами изъ горъ у Кремиковицы и Сельева, если же бы оказалось, что турки удерживаютъ выходъ изъ ущелья у деревни Елееницы и тѣмъ заслоняютъ дебушированіе главной колонны, то слѣдуетъ отдѣлить часть пѣхоты съ артиллеріей и кавалеріей для дѣйствія въ тылъ турецкимъ войскамъ, занимающимъ Елееницу.

6) „По выходѣ въ софійскую долину, Астраханскому драгунскому полку слѣдовать немедленно черезъ Іени-ханъ въ Тырново и наблюдать шоссе въ Ихтиманъ, на софійско-филипопольскомъ шоссе. На Кавказскую казачью бригаду возлагается обязанность очистить отъ турецкихъ партій всю мѣстность къ югу отъ шоссе и расположится на ночлегѣ въ деревни Коджа.

7) „Отдѣльной этропольской колоннѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля, выступить изъ Этрополя въ 6 часовъ утра, 13-го декабря, и слѣдовать по дорогѣ въ Буново черезъ гору Баба **).

„Взойдя на перевалъ, состоящей при этой колоннѣ кавалеріи спуститься въ Буново и выслать немедленно сильные разъѣзды въ Дольные Комарцы и, по дорогѣ въ Златицу, разрушить телеграфъ, находящійся

*) 1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи — 6 батальоновъ, батарея 31-й артиллерійской бригады—8 орудій, 1-я и 2-я бригада кавалерійской дивизіи—16 эскадроновъ. Всего: 6 батальоновъ, 16 эскадроновъ, 8 пѣшихъ орудій и 8 конныхъ орудій.

**) 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи—6 батальоновъ, Воронежскій пѣхотный полкъ—3 батальона, одна батарея 31-й артиллерійской бригады—8 орудій.

какъ на этой дорогѣ, такъ и на дорогѣ изъ Дольныхъ Комарцовъ въ Петричево *).

„Пѣхотѣ же съ пѣшей и конной артиллеріей дѣйствовать съ утра 14-го декабря во флангъ и тылъ турецкой позиціи у Шандорника. Главное назначеніе колонны, демонстраціями противъ праваго фланга турокъ, привлечь ихъ вниманіе въ ту сторону и тѣмъ облегчить дѣйствія главной колонны. Въ случаѣ же отступленія турецкихъ войскъ на Петричево, энергичнымъ преслѣдованіемъ, по возможности, разстроить отступающія войска.

8) „Отрядамъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, Его Высочества принца Ольденбургскаго и свиты Его Величества генералъ-маіора Брока оставаться на занимаемыхъ ими позиціяхъ и зорко слѣдить за непріятелемъ, при чемъ, въ случаѣ отступленія непріятеля, немедленно перейти въ наступленіе, занять очищаемыя позиціи и тѣснить непріятеля по пятамъ.

9) „Отряду генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера оставаться на позиціяхъ у Врачеша и Скривена и наблюдать за непріятелемъ, занимающимъ Лютиковскую позицію и составлять заслонъ противъ этой позиціи.

10) „Общее командованіе надъ отрядами Его Высочества принца Ольденбургскаго, генералъ-адъютанта графа Шувалова и генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера возлагается на командира 9-го корпуса, генералъ-лейтенанта барона Криденера. Въ случаѣ, если бы движеніе нашихъ войскъ побудило бы турокъ очистить Лютиковскую позицію, то, отдѣливъ для занятія Лютиковской позиціи одинъ полкъ и одну батарею остальные два полка со всею кавалеріею и артиллеріею двинуть по шоссе къ позиціи, занимаемой отрядомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова.

11) „Санитарныя средства отряда распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

а) „Всему наличному персоналу дивизіоннаго лазарета 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ авангарда главныхъ силъ на Чурьякъ и Елееницу; б) половинѣ персонала дивизіоннаго лазарета 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ правой колонны генерала Вельяминова; в) другой половинѣ дивизіоннаго лазарета 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи оставаться при отрядѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова; г) санитарному персоналу 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ 1-го и 2-го эшелоновъ главной колонны на Чурьякъ и Елееницу; д) летучимъ отрядамъ Краснаго Креста слѣдовать въ хвостѣ колонны генераловъ Вельяминова и Дандевиля. По вы-

*) Екатеринославскій драгунскій полкъ — 4 эскадрона, двѣ сотни сводной Донской казачьей бригады, четыре конныхъ орудія Донской казачьей № 19-й батареи, два орудія конной № 16-й батареи. Всего 9 батальоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 6 эскадроновъ и сотенъ и 6 конныхъ орудій.

ходѣ въ долину Софіи устроить перевязочные пункты въ Жилявѣ и и Елееницѣ.

12) „Я буду находиться въ началѣ движенія въ головѣ 1-го эшелона главной колонны, по выходѣ же въ долину Софіи — въ деревнѣ Стольникъ".

Подписалъ: начальникъ отряда
генералъ-адъютантъ Гурко.

Изъ приведенной диспозиціи, такимъ образомъ, видно, что предполагавшееся движеніе черезъ Великіе Балканы должно было произойти тремя отдѣльными колоннами: Главной, въ свою очередь состоявшей изъ авангарда и двухъ эшелоновъ: правой — генерала Вельяминова и лѣвой или этропольской колонны—генерала Дандевиля. Цѣль главной колонны состояла въ томъ, чтобы, спустившись въ долину Софіи, зайти въ тылъ непріятельской позиціи у Арабъ-Конака. Полному успѣху этой цѣли способствовали двѣ остальныя колонны; одна изъ нихъ — правая, обезпечивая нашъ тылъ со стороны Софіи; другая же—лѣвая—отвлекая вниманіе непріятеля на себя и заграждая выходъ непріятеля изъ Арабъ-Конака, въ случаѣ отступленія, на Дольные Комарцы и Буново. Отряды: Его Высочества принца Ольденбургскаго и графа Шувалова, стоявшіе передъ фронтомъ позиціи у Арабъ-Конака и Шандорника, имѣли также вспомогательное, демонстративное назначеніе. Заслонъ генералъ-адъютанта Шильдеръ-Шульднера, поставленный противъ Лютиковской позиціи, обезпечивалъ нашъ тылъ (въ особенности тылъ правой колонны) при нашемъ первоначальномъ движеніи въ горы.

Очертивъ такимъ образомъ общую организацію предстоящаго движенія, я возвращаюсь къ главной колоннѣ, въ авангардѣ которой состояли наши стрѣлковые батальоны, и дальнѣйшее свое описаніе ограничу только этой колонной, лишь изрѣдка и отчасти касаясь остальныхъ, и то настолько, насколько это будетъ необходимо для объясненія нашихъ дѣйствій.

И такъ, съ каждымъ проходившимъ днемъ мы все ближе и ближе подходили къ главному періоду минувшей войны, періоду полному событій, полному тѣхъ славныхъ доблестей, благодаря которымъ и эта неприступная громада рушилась подъ напоромъ дружныхъ усилій и неослабленной энергіи. Полному самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, мѣнявшихся какъ въ калейдоскопѣ, полному физическихъ лишеній и труда, и, не смотря на это, вѣчно смѣющійся, никогда неунывающій русскій солдатъ остался и тутъ неизмѣнно вѣренъ своей натурѣ и вѣренъ ей до конца. Рядъ шутокъ, остротъ, мѣткихъ замѣчаній и, наконецъ, неумолкаемыя пѣсни хорошо характеризуютъ настроеніе солдата въ эти трудныя минуты, гдѣ кругомъ бушуетъ вьюга, громады горъ растутъ все выше и выше и нѣтъ конца ихъ неприступнымъ вершинамъ!...

Наканунѣ выступленія, въ батальонѣ была получена диспозиція по отряду и приказаніе генерала Рауха по авангарду на 13-е число. Командиръ батальона собралъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ и, съ картой въ рукахъ, прочелъ „диспозицію", а затѣмъ и приказаніе. Содержаніе первой намъ уже извѣстно, приказаніе же заключало въ себѣ частныя распоряженія и подробности, касающіяся авангарда.

„Въ исполненіе диспозиціи по отряду, говорилось въ приказаніи, войскамъ, входящимъ въ составъ авангарда, вытянуться, въ $5^1/_2$ часовъ утра, завтра, 13-го декабря, по софійскому шоссе, имѣя голову колонны у турецкаго артиллерійскаго склада, и двигаться въ слѣдующемъ порядкѣ: двѣ сотни Кавказской казачьей бригады, Козловскій пѣхотный полкъ съ 4-мя орудіями 3-й артиллерійской бригады и 4-мя конными орудіями Кавказской артиллеріи. При этомъ Козловскому пѣхотному полку выдѣлить въ голову колонны, за сотнями, одну стрѣлковую роту, а остальныя 14 ротъ употребить для содѣйствія движенію артиллеріи, для чего назначены ко всѣмъ зарядным ящикамъ и четыремъ пѣшимъ орудіямъ по одной ротѣ, а къ четыремъ коннымъ орудіямъ по полуротѣ. Роты выдѣляютъ отъ себя команды по сорока человѣкъ для непосредственнаго содѣйствія артиллеріи, причемъ 20 человѣкъ въ каждой командѣ назначаются для работы и 20 несутъ оружіе своихъ товарищей. Команды смѣняются по усмотрѣнію ротныхъ командировъ, на которыхъ возлагается полная и строжайшая отвѣтственность за правильность и безостановочность движенія артиллеріи. За Козловскимъ полкомъ двигаются лейбъ-гвардіи 1-й и 4-й стрѣлковые батальоны съ лейбъ-гвардіи 1-й батареей. Затѣмъ, лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ съ лейбъ-гвардіи 3-й и 6-й батареями. На каждое орудіе и зарядный ящикъ въ стрѣлковыхъ батальонахъ и въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку назначить по одной ротѣ. Организація командъ для работъ при орудіяхъ,—какъ выше уже упомянуто.

„По приходѣ на драгунскій бивуакъ, сдѣлать привалъ до 11-ти часовъ утра, причемъ людямъ произвести варку и раздать по чаркѣ водки на человѣка. Дальнѣйшее движеніе продолжать въ вышеуказанномъ порядкѣ.

„Во все время движенія ротные и батальонные командиры должны поперемѣнно слѣдить, чтобы ввѣренныя имъ части ни подъ какимъ видомъ не растягивались. Въ видахъ самого точнаго и строжайшаго исполненія настоящаго требованія, предписываю въ хвостѣ каждой роты оставить фельдфебелей, которые со всей энергіей должны подгонять отстающихъ и слѣдить, чтобы роты двигались, такъ сказать, ящиками. Спустившись черезъ перевалъ, слѣдуетъ принять мѣры для скрытности движенія; всякій шумъ и разговоръ должны быть прекращены, а по приходѣ на бивуакъ, въ деревню Чурьякъ, огни ни подъ какимъ

предлогомъ не дозволяется разводить; людямъ отъ бивуака не удаляться, а передъ дер. Чурьякъ строжайше воспрещается выходить кому бы то ни было. Мѣры охраненія бивуака будутъ указаны на мѣстѣ.

„Вьюки имѣть за своими частями: ротные за ротами, батальонные за батальонами и т. д.

„14-го декабря продолжать движеніе въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Въ 6 часовъ утра выступить двумъ сотнямъ Кавказской казачьей бригады, за ними Козловскому полку съ 4-мя орудіями 3-й артиллерійской бригады; къ орудіямъ назначить надлежащее число рабочихъ отъ Козловскаго полка. Изъ числа этихъ частей: одной сотнѣ, 4-мъ орудіямъ и полку между деревнями Чурьякъ и Потопъ свернуть влѣво, по указанію штабсъ-капитана Милорадовича. Другой сотнѣ пріостановиться, оставаясь по возможности незамѣченной для противника, и выжидать приближеніе передоваго отряда, въ головѣ котораго двигаться. Вслѣдъ за упомянутыми частями двинуться передовому отряду, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Клейнмихеля, въ слѣдующемъ порядкѣ: лейбъ-гвардіи 1-й стрѣлковый Его Величества батальонъ, лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи батальонъ, 4 конныхъ орудія Кавказской артиллеріи, 4-й батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. За передовымъ отрядомъ слѣдовать главнымъ силамъ, а именно: двумъ батальонамъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, 1-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, одному батальону лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, 3-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, двумъ батальонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, 6-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, двумъ батальонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и, наконецъ, девяти сотнямъ Кавказской казачьей бригады.

„Если не послѣдуетъ особаго приказанія, то въ передовомъ отрядѣ назначить для пособія движенію артиллеріи достаточное число рабочихъ, а въ главныхъ силахъ выдѣлить къ каждому орудію и зарядному ящику по одной ротѣ.

„О прочихъ подробностяхъ движенія будетъ сказано на мѣстѣ.

„Я буду находиться въ головѣ колонны главныхъ силъ, куда и присылать всѣ донесенія“.

Подписалъ: начальникъ авангарда
генералъ-маіоръ Раухъ.

Вслѣдъ за симъ приказаніемъ, въ тотъ же день, вышелъ и короткій приказъ генерала Рауха съ обращеніемъ къ войскамъ:

„Войска авангарда! Вамъ выпала почетная и славная доля: въ головѣ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ спуститься со снѣжныхъ высотъ балканскихъ, чтобы поразить врага въ его неприступномъ убѣжищѣ!

„Нашъ Царь, вся Россія, весь свѣтъ слѣдятъ за вашими подвигами

въ борьбѣ съ суровой природой и врагомъ, который укрылся на недоступныхъ кручахъ, не смѣя помѣряться съ вами силами въ открытомъ полѣ.

„Пойдемъ же смѣло и бодро впередъ!

„Еще одно усиліе и, съ Божьей помощью, послѣдняя грозная преграда, подъ защитой которой укрылся непріятель,— останется за нами.

„Я увѣренъ, что ни стужа, ни мятель, ни высокія горы, а тѣмъ болѣе непріятель, уже битый вами не одинъ разъ, ничто васъ не остановитъ.

„Итакъ, на радость Царя, Россіи и Христову вѣру, бодро впередъ!“

Морозная декабрьская ночь стояла на дворѣ. Густой иней толстымъ слоемъ покрывалъ деревья. Звѣзды ярко свѣтились на небѣ. Смерзшійся снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами и колесами артиллеріи. Черная полоса двигающагося отряда ясно вырисовывалась на снѣжной равнинѣ. Кой-гдѣ раздаются крики „ѣздовыхъ“ въ артиллеріи, или громкая команда. Отрядъ медленно вытягивается изъ деревни Врачеши на софійское шоссе, и, дойдя головной частью до турецкихъ артиллерійскихъ складовъ, расположенныхъ при входѣ въ Арабъ-Конакскій проходъ, остановился. Въ $5^1/_2$ ч. утра движеніе началось уже по шоссе, по тому самому, по которому уже разъ пришлось проходить нашему батальону къ Арабъ-Конаку и обратно. Дорога была покрыта толстымъ слоемъ льда. И безъ того уже трудное движеніе, оно затруднялось вдвое нашей обувью, лишенной всякаго упора. Нерѣдко приходилось балансировать и тѣмъ только удерживаться на ногахъ. Въ артиллеріи колеса закатывались на каждомъ поворотѣ, а лошади, не смотря на острые шипы въ подковахъ— скользили. Подвигаясь такимъ образомъ, мы къ 9-ти ч. утра дошли до драгунскаго бивуака, гдѣ проходъ, какъ я уже говорилъ, развѣтвлялся на двѣ части: одна шла къ Арабъ-Конаку, другая поворачивала къ Чурьяку. Согласно приказанію, тутъ былъ сдѣланъ привалъ до 11-ти ч. и варка. Засимъ, движеніе происходило по ущелью и въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ: впереди шелъ Козловскій полкъ, за нимъ нашъ батальонъ и т. д. Съ первыхъ же шаговъ Козловскій полкъ встрѣтилъ препятствія. Подъемы были круты и скользки; несмотря на то, что дорога считалась разработанной, каждый шагъ требовалъ неимовѣрныхъ усилій, и роты, на плечахъ которыхъ везлись орудія и ящики, изнемогали. Въ Въ ожиданіи ввоза переднихъ орудій, наши батальоны передвигались съ мѣста на мѣсто по ущелью, нерѣдко задерживаемые часа на два или на три и только къ 9-ти часамъ вечера подошли къ подошвѣ горъ, откуда уже начинался подъемъ. Первой двинулась рота Его Величества, таща на себѣ орудіе, за ней 2-я, также съ орудіемъ и, наконецъ, 3-я и 4-я съ зарядными ящиками. Къ орудіямъ были привязаны толстые канаты, за которые бралась большая часть людей роты; остальные же подпирали его сзади, или же помогали подъему за спицы колесъ.

Первоначально движеніе происходило молча; дружными усиліями орудія подвигались впередъ безостановочно. Затѣмъ послышались подсчитыванія, вродѣ: „разъ, два, три—бери!“ а скоро затянули и „дубинушку“.

Пѣсня помогала работѣ и неумолкаемо раздавалась въ Балканахъ. Кончала одна рота, затягивала другая. Унтеръ-офицеръ роты Его Величества Меринковъ, отличался особенной неутомимостью въ пѣніи, хотя это пѣніе подъ конецъ походило на какіе-то дикіе возгласы, а самая „дубинушка“ сокращена до невозможнаго, такъ что изъ всей пѣсни были оставлены только послѣднія слова: „пошла! пошла!....“ подхватываемые охрипшими голосами тотчасъ за запѣвалой. Первая ночь движенія была тихая, морозная. Утомленіе людей къ утру сдѣлалось весьма замѣтнымъ, въ особенности тогда, когда имъ давался хотя десятиминутный отдыхъ: всѣ моментально засыпали и слышался общій храпъ; приходилось будить и снова призывать къ работѣ отчасти для того, чтобы не замедлять движеніе, отчасти же—во избѣжаніе отмороженья ногъ, что легко могло случиться при усталости и ощутительномъ морозѣ. Разбуженные стрѣлки принимались за работу и съ какимъ-то отчаяннымъ усиліемъ ввозили орудія съ одного подъема на другой, въ надеждѣ скорѣй достигнуть ожидаемаго перевала; но лишь только достигали вершины горы, какъ за ней открывалась другая, за другой—третья. Казалось, нѣтъ конца этимъ громадамъ и нужно имѣть огромный запасъ энергіи, чтобы не пасть духомъ при взглядѣ на нихъ и не отказаться отъ принятаго намѣренія. Тѣмъ не менѣе всю ночь, весь день и всю слѣдующую ночь люди неустанно работали надъ орудіями, утѣшая себя мыслью, что скоро появится перевалъ, а тамъ Софійская долина, прекрасная, теплая долина безъ снѣга и морозовъ, безъ утомительныхъ горъ и гололедицы. Съ названіемъ Софійской долины соединялось что-то весьма пріятное; большинство вѣрило въ этотъ рай готовый съ минуты на минуту открыться нашимъ взорамъ и въ полномъ невѣденіи стремились къ соблазнительной приманкѣ, забывая труды и лишенія!

Конечно, во все время движенія о ѣдѣ никто и не думалъ. Всю дорогу грызли сухари, да изрѣдка стрѣлки кипятили воду, называя ее „бульономъ“; но что это былъ за бульонъ? Изъ чего состоялъ онъ и какой имѣлъ вкусъ? никто не могъ сказать. Наружный видъ его представлялъ что-то мутно-грязное и нужно было имѣть много рѣшимости, чтобы дотронуться до этого импровизированнаго „бульона“, не смотря на голодъ и холодъ. Стрѣлки хлебали его болѣе для утѣшенія, пополняя воображеніемъ то, чего никакъ нельзя было отыскать въ немъ при всемъ желаніи. Много остротъ и замѣчаній было сказано на его счетъ, а еще болѣе насчетъ „инструмента“, посредствомъ котораго эта жидкость попадала въ ротъ. Болгарскія ложки дѣйствительно скорѣе походили на ин-

струментъ, чѣмъ на ложку, и о ихъ величинѣ весьма остроумно замѣтилъ одинъ стрѣлокъ: „ты, братъ, не бросай ее; пригодится переѣхать на ней, когда назадъ пойдемъ черезъ Дунай!“ Подобная фраза, сказанная безъ всякаго поползновенія на остроту, сказанная на лету, не задумываясь, въ устахъ стрѣлка получала дѣйствительно острый смыслъ и смѣшила товарищей. Постороннему зрителю она можетъ сказать о томъ настроеніи, въ которомъ была масса, не смотря на усталость и голодъ. Достаточно свободно вздохнуть солдату, чтобы въ немъ снова выразилась его беззавѣтная натура, незнающая унынія, незнакомая съ заботами о будущемъ. Онъ всецѣло погружается въ исполненіе своихъ обязанностей и исполняетъ ее до конца, до полнаго истощенія, не раздумывая, а глубоко вѣря во всякое приказаніе. Настала минута отдыха онъ и ему отдается вполнѣ, забывая перенесенное, снова веселъ и счастливъ. Но подобная дорогая черта, во всякое время, держится въ русскомъ солдатѣ только при полной вѣрѣ въ поставленное надъ нимъ начальство и въ приказанія отдаваемыя этимъ начальствомъ....

Утромъ 14-го насъ встрѣтилъ генералъ Гурко. По обыкновенію громко поздоровался со стрѣлками и, казалось, остался вполнѣ доволенъ бодрымъ видомъ стрѣлковъ, прокатившихъ на рысяхъ орудія въ гору. По сторонамъ насъ, безъ всякой дороги, пробиралась Кавказская казачья бригада. Нѣкоторые изъ казаковъ ѣхали, большинство слѣдовало за своими лошадьми. Къ вечеру 14-го, головная часть нашего батальона, рота Его Величества, была уже не далеко отъ перевала и напрягала послѣднія усилія чтобы взобраться на крутой подъемъ. Погода испортилась. Дулъ сильный вѣтеръ и подымалъ массу снѣга. Чѣмъ ближе мы подходили къ перевалу, тѣмъ сильнѣй и сильнѣй бушевала мятель; дорогу заносило снѣгомъ, а на площадкѣ перевала образовались цѣлые сугробы. Въ 11 ч. вечера рота Его Величества вступила на перевалъ и привезла одно орудіе. Тутъ только мы почувствовали до какой степени дошло утомленіе; большинство изъ насъ испытывало непонятный и продолжительный обманъ зрѣнія. Пустынная площадка перевала съ двумя-тремя кострами передовой части, казалась какимъ-то населеннымъ мѣстомъ съ лавками и магазинами, а окаймляющія ее деревья, заслоняемыя снѣговой пылью, представлялись въ видѣ какихъ-то развалинъ, стѣнъ и крѣпостей! Прибывшая рота расположилась прямо на сугробахъ снѣга и и скоро заснула мертвымъ сномъ. Въ 2 ч. ночи прибыла 2-я рота, за ней, въ 6 ч. утра, 15-го—3-я и наконецъ, около 10-ти ч. утра—4-я.

Конечно подъемъ на Балканы не обошелся безъ несчастія, которое выпало на долю нашей 4-й роты. При ввозѣ орудія на значительный подъемъ, канатъ, за который тащили его, лопнулъ, и орудіе стремительно покатилось назадъ, свернуло съ дороги въ кручу и, только благодаря попавшемуся на пути дереву, остановилось. Часть стрѣлковъ, находив-

шаяся сзади, разбѣжались; а неуспѣвшіе сдѣлать этого, поплатились жизнью и тяжелыми ушибами. Изъ числа первыхъ былъ горнистъ Францъ Корманъ, похороненный тутъ же; а 3 раненыхъ стрѣлка отправлены въ госпиталь. Не легко было вытянуть теперь орудіе на дорогу. Долго думали и совѣтовали, спорили, пока, наконецъ, не пришелъ командиръ батальона и не разрѣшилъ затруднительную задачу. Орудіе было вытащено и поставлено на дорогу.

Итакъ, отъ начала движенія изъ Врачеши до прихода послѣдней роты на перевалъ, прошло 54 часа; въ морозъ и вьюгу по крутымъ отлогостямъ Балканъ. Но вотъ, наконецъ, мы на перевалѣ, на срединѣ пути! Передъ нами открывается превосходный видъ на долину; но гдѣ же эта обѣтованная долина, та долина которая носилась въ нашемъ воображеніи?! Громадное снѣжное пространство разстилается передъ нами, у подножія горъ, далеко уходя на западъ. Изрѣдка проглядываетъ солнце и яркимъ свѣтомъ обливаетъ долину, обливаетъ городъ Софію, чуть-чуть виднѣющійся въ туманной дали. Влѣво отъ насъ открывается видъ на Шандорникъ, Арабъ-Конакъ и Бабу-гору, по которой черной змѣей вытянулся отрядъ генерала Дандевиля. Ползетъ это исполинское чудовище по снѣжнымъ заносамъ, какъ бы обвивая вершину горы, на виду у непріятеля; направо другое чудовище обвилось вокругъ Умурагача и также ползетъ непрерывно. Все это видитъ непріятель, а между тѣмъ въ его расположеніи не замѣтно ни малейшаго движенія или безпокойства. Также величаво-гордо возвышается вершина Шандорника, какъ бы презирая всякое стремленіе сломить его неприступную голову и съ злорадствомъ слѣдитъ за нашимъ движеніемъ!

Все вмѣстѣ взятое, поистинѣ, заслуживало кисти художника, но гдѣ они?!...

Спускъ съ Балканъ.

Черезъ два часа по приходѣ послѣдней роты на перевалъ, около 12-ти часовъ дня 15-го, начался спускъ съ Балканъ. Южный склонъ этихъ горъ представляетъ крутую каменистую покатость испещренную множествомъ рытвинъ, овраговъ и поросшую мелкимъ кустарникомъ. Такъ какъ эта часть нашего пути была видима отъ непріятеля почти на всемъ своемъ протяженіи, то она и осталась неразработанной. При взглядѣ на эту кручу, невольно представлялся вопросъ: какую новую массу труда придется приложить здѣсь, чтобы добраться до долины? и этотъ новый трудъ должны исполнить люди проведшіе уже 54 часа въ безпрерывномъ движеніи, безъ сна и пищи, среди дикихъ ущелій, въ морозъ и вьюгу! Между тѣмъ полученныя извѣстія, что турки усиливаются передъ Чурьякомъ и Потопомъ, заставляли торопиться. Нужно было забыть усталость и голодъ, запастись новой энергіей и двигаться,

чтобы не позволить непріятелю предупредить насъ и тѣмъ самымъ затруднить выходъ въ долину, который до сего времени былъ занятъ весьма слабымъ черкескимъ отрядомъ.

Порядокъ движенія ротъ въ батальонѣ при спускѣ былъ обратный тому, въ которомъ происходило оно при подъемѣ. Первой двинулась съ перевала 4-я рота съ зарядным ящикомъ. Торчащіе на каждомъ шагу камни измѣняли ежеминутно направленіе и заставляли то огибать ихъ, то перекатывать черезъ нихъ орудія, причемъ оно всею тяжестью ложилось рабочимъ на плечи. На крутыхъ скатахъ орудіе неудержимо влекло впередъ ухватившихся за лямки людей, несмотря на неимовѣрныя усилія послѣднихъ.

Стрѣлки садились, ложились и ихъ тащило по острымъ камнямъ; канаты перетирали руки; изрѣзывали одежду, а наша несчастная обувь пришла въ положительное разрушеніе! Пройдя около $^1/_3$ пути, люди пріостановились на минуту, на образовавшейся площадкѣ. За нами слѣдовалъ лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи батальонъ. Воспользовавшись этой минутной остановкой, мы оглянулись назадъ и пришли въ положительный ужасъ: прямо на насъ неслось упущенное орудіе. Съ страшнымъ шумомъ и трескомъ перескакивало оно попадавшіяся камни, грозя ежеминутно свернуть вправо или влѣво и исчезнуть въ пропасти. На дышлѣ его, облокотясь грудью и крѣпко уцѣпившись руками,—висѣлъ стрѣлокъ. Бѣдняга! Капризный поворотъ орудія, болѣе сильный толчекъ и его изомнетъ колесами, разобьетъ о камни, или-же навсегда увлечетъ въ бездну! Нѣсколько секундъ онъ былъ между жизнью и смертью, предаваясь вполнѣ на волю Божью; всѣ трепетали за его существованіе, но въ тоже время ничѣмъ не могли помочь, сознавая напраснымъ усиліе удержать стремительное движеніе орудія и только счастливая случайность спасла несчастнаго отъ ужасной гибели! Орудіе, промчавшись значительное пространство, направилось на площадку, на которой стоялъ нашъ батальонъ, наскочило на большой камень и остановилось. При этомъ толчкѣ ослабѣвшій стрѣлокъ соскочилъ съ дышла и поплатился двумя ребрами. Предоставляется судить каждому о томъ ощущеніи, съ которымъ перенесъ онъ подобный полетъ!

Вздохнувъ минуту, батальонъ двинулся далѣе. Въ это время на хребтѣ горъ, отдѣлявшемъ Чурьякское ущелье отъ долины, раздались выстрѣлы. До насъ было еще далеко, слѣдовательно мы не могли принять перестрѣлку на свой счетъ и продолжали двигаться спокойно. Оказалось, что стрѣляли черкесы по генералу Гурко, отправившемуся рекогносцировать мѣстность. Частые посланные отъ генерала ежеминутно освѣдомлялись о нашемъ движеніи и торопили. Мы съ своей стороны прилагали послѣднія усилія, чтобы скорѣй окончить трудный путь и выбраться въ долину. Начинало смеркаться. Наступившая темнота гро-

зила застигнуть насъ въ дорогѣ и тѣмъ еще болѣе затруднить и замедлить движеніе. 4-я рота уже спустилась, но три остальныхъ были еще далеко. Предполагалось пріостановить движеніе на время и продолжать его съ восходомъ луны; но это предположеніе было скоро отмѣнено и рѣшено двигаться хотя тихо, но безостановочно. Уже при совершенной темнотѣ, около 9 час. вечера, спустилась наша послѣдняя рота.

Прибывающія роты тотчасъ же по спускѣ, направлялись въ деревню Чурьякъ, гдѣ предполагался ночлегъ. До деревни еще оставалось верстъ пять, которыя прошли незамѣтно, благодаря пріятной перспективѣ—отдыха въ тепломъ помѣщеніи, возможности спокойно погрызть сухари, а при случаѣ и напиться чая. Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній мы предполагали, что тутъ намъ дадутъ, наконецъ, хорошій отдыхъ, чтобы запастись силами для дальнѣйшаго движенія и сообразно этому предположенію, мы, придя въ деревню въ 11 час. вечера, не особенно торопились спать, а занялись приготовленіемъ пищи. Достали курицу. Началось кипяченье ее въ котелкѣ. Кипятили, кипятили, да и до кипятили до 2-хъ час. ночи, а тутъ вдругъ получилось приказаніе, что въ 4 ч. утра назначено снова движеніе! Вотъ такъ отдыхъ! Похлебавъ скорѣе полусырой бульонъ, мы, не раздѣваясь, повалились на сѣно и заснули. Ко времени нашего спуска съ горъ, выходы въ долину сдѣлались уже свободными; занимавшій ихъ непріятель, былъ оттиснутъ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ послѣ слабой перестрѣлки, а отъ нѣкоторыхъ онъ отступилъ произвольно, убѣдившись въ невозможности удержать ихъ за собой и тѣмъ воспрепятствовать нашему движенію. Черезъ очищенные такимъ образомъ выходы въ долину направилась Кавказская казачья бригада. По шоссе тянулся огромный обозъ. Слабое прикрытіе его, замѣтивъ приближеніе казаковъ, быстро разбѣжалось и обозъ всецѣло попалъ въ наши руки.

По диспозиціи, отданной въ г. Орханіе 11-го декабря, мы должны были по спускѣ съ горъ, черезъ Потопъ и Елееницу выйти въ долину и стать въ боевой порядокъ у деревни Малины. Теперь же наше движеніе было измѣнено и мы должны были изъ Чурьяка, въ видѣ самостоятельнаго отряда (нашъ батальонъ и 2-й батальона Козловскаго полка), подъ командой флигель-адъютанта полковника Васмундта, двинуться на позицію на „Черный Верхъ“. Цѣль этого новаго отряда состояла въ томъ, чтобы соединить отрядъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, съ отрядомъ генералъ-маіора Рауха, занимавшаго окраину долины. Для указанія пути на позиціи былъ назначенъ подполковникъ Ставровскій.

16-го, въ 4 ч. утра, вновь сформированный отрядъ двинулся въ путь и каково было наше разочарованіе, когда мы снова потянулись въ гору. Правда, при насъ не было артиллеріи, да и подъемъ былъ лучше, но за то и силъ осталось не много. Дорога была занесена глубокимъ снѣгомъ,

морозъ сильнѣйшій. Встянувшись немного на гору, мы увидѣли множество яркихъ костровъ, нависшихъ надъ долиной; всѣ они принадлежали нашимъ войскамъ и довольно краснорѣчиво доказывали непріятелю о численности ихъ. Для большаго эффекта и страха костры были огромные и, вѣроятно, въ двойномъ числѣ. Пусть полюбуются и заранѣе предвкусятъ удовольствіе имѣть дѣло съ такой массой, перевалившей неприступные Балканы, да еще съ пушками! Плохо спалъ непріятель въ эту ночь, и не даромъ, чуть стало свѣтать, онъ засуетился на своихъ позиціяхъ. У деревни Ташкисенъ, замѣтно было необыкновенное движеніе: на-скорую руку устраивалась тыловая позиція, таскали камни, везли орудія, а по долинѣ во всѣхъ направленіяхъ шныряла кавалерія, не рискуя, между прочимъ, далеко уходить отъ своего расположенія. Поднимаясь въ гору, мы отлично видѣли все происходившее въ долинѣ. Черныя массы войскъ копошились какъ въ муравейникѣ, пѣхотная цѣпь металась изъ стороны въ сторону, запоздалые транспорты медленно двигались по шоссе. Тревожное настроеніе непріятельской пѣхотной цѣпи и кавалеріи, скоро разъяснилось: наша Кавказская казачья бригада рыскала уже по долинѣ и наводила общую панику. Около полудня турки успѣли привезти свои орудія и открыли огонь по казакамъ. Въ это время нашъ батальонъ подходилъ уже къ вершинѣ горы и расположился для отдыха. Флигель-адъютантъ полковникъ Васмундтъ, вмѣстѣ съ командирами батальоновъ Козловскаго полка и адъютантами отправился рекогносцировать мѣстность и выбрать мѣста бивуаковъ. Достигнувъ вершины, мы увидѣли слѣдующее:

Высота, на которой предстояло занять позицію нашему отряду, командовала другими и спускалась нѣсколькими весьма крутыми отрогами въ долину къ тыловой позиціи непріятеля. У самаго подножія горы находилась деревня Даушкіой не занятая турками, но весьма исправно посѣщаемая черкесами. При нашемъ приближеніи деревня задымилась; вѣроятно, былъ сдѣланъ поджогъ съ цѣлью лишить насъ возможности добывать тамъ сѣно и другіе припасы. Далѣе шелъ длинный хребетъ, замыкающій Арабъ-Конакскую котловину со стороны Софіи. Онъ значительно былъ ниже нашей позиціи и почему-то не былъ занятъ турками, хотя, по гребню его, были выстроены редуты. Между дер. Даушкіой и этимъ хребтомъ тянулся обрывистый, глубокій оврагъ, который и предстояло защищать нашему отряду въ случаѣ наступленія непріятеля. Съ этою цѣлью начальникъ отряда, флигель-адъютантъ полковникъ Васмундтъ расположилъ отрядъ такимъ образомъ: на лѣвомъ флангѣ, на высотѣ, сталъ 1-й батальонъ Козловскаго полка, выдвинувъ отъ себя, впередъ роту въ дежурную часть; правый флангъ позиціи оборонялся 2-мъ батальономъ Козловскаго полка, а въ пентрѣ, уступомъ расположился нашъ батальонъ.

Разстановка батальоновъ на позиціи была окончена къ 4½ час. пополудни. Палатки разставили на глубочайшемъ снѣгу. Вѣтеръ дулъ со всѣхъ сторонъ, затѣмъ повалилъ сильнѣйшій снѣгъ и отъ бивуака осталось одно воспоминаніе: все положительно было занесено сугробами. Тѣ, кого не вызывала служба, лежали по цѣлымъ днямъ подъ снѣгомъ, питаясь сухарями и чаемъ. Съ большимъ трудомъ добывался чай, такъ какъ костры задувало и заваливало снѣгомъ, а если и приходилось заварить его, то получалась отвратительная микстура. Дымомъ пахло за цѣлую сажень. Вода мутная, безвкусная; добывалась она изъ того же снѣга и кто знаетъ какихъ составныхъ частей не попадало въ нее! Въ такомъ медвѣжьемъ положеніи пробыли мы на „Черномъ верхѣ“ почти 3 дня, не вѣдая, что происходитъ вокругъ, пока, наконецъ, не получена была диспозиція атаки ташкисенскихъ позиній 19-го декабря.

Въ общихъ чертахъ планъ предполагаемой атаки заключался въ слѣдующемъ: по долинѣ, перпендикулярно шоссе, на фронтъ турецкихъ укрѣпленій наступала колонна генералъ-маіора Рауха. Южнѣе шоссе, на лѣвомъ флангѣ турокъ, долженъ былъ дѣйствовать отрядъ генерала Курлова; противъ праваго фланга, по гребню, замыкающему Арабъ-Конакскую котловину,—наступалъ графъ Шуваловъ и наконецъ въ срединѣ колоннъ генерала Рауха и графа Шувалова, дѣйствовалъ отрядъ флигель-адъютанта полковника Васмундта, имѣя въ виду облегчить движенія колонны генерала Рауха и поражать во флангъ и отчасти тылъ непріятельскія войска.

Въ общемъ резервѣ у деревни Малины стоялъ отрядъ генерала Философова.

Наканунѣ выступленія отряда съ „Чернаго Верха“ флигель-адъютантъ полковникъ Васмундтъ собралъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ и батальонныхъ командировъ и объяснялъ имъ ту роль, которую должна была играть, каждая часть въ предполагавшемся дѣлѣ. Нашъ батальонъ долженъ былъ, спустившись въ долину, занять отдѣльную высоту на правомъ флангѣ турецкихъ позицій и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ поражать непріятеля во флангъ и тылъ, облегчая тѣмъ движеніе колонны генерала Рауха. Батальоны Козловскаго полка назначались въ резервъ и обезпечивали нашъ лѣвый флангъ.

Высота, которую предстояло занять нашему батальону, не была еще занята непріятелемъ, а потому намъ нужно было торопиться и произвести свое движеніе по возможности скрытно, до разсвѣта. На глазъ разстояніе до высоты было не болѣе 3—4 верстъ, которыя мы могли съ успѣхомъ пройти въ 2—3 часа и появиться передъ турками неожиданно, не позволивъ тѣмъ непріятелю предупредить себя. Въ 6 час. утра 19-го, батальонъ, подъ командою полковника Тишина, началъ спускаться съ позиціи. Съ первыхъ же шаговъ мы очутились на краю глубокаго обрыва,

покрытаго толстымъ слоемъ снѣга и мелкимъ кустарникомъ. Люди, вытянувшіеся въ одну линію, поминутно проваливались въ глубокій снѣгъ, попадали между каменьями, застрѣвали и вытаскивали другъ друга. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось спускаться на рукахъ, уцѣпившись за вѣтки кустарника и только благодаря этому удерживаться отъ паденія. Окружающая насъ темнота съ трудомъ позволяла оріентироваться и заставляла опасаться за вѣрность принятаго направленія. Вслѣдствіе этого, движеніе происходило крайне медленно и мы теряли всякую надежду окончить его къ сроку, несмотря на всѣ усилія и старанія стрѣлковъ. Единственной путеводной звѣздой при движеніи служила намъ горящая деревня Даушкіой. Турки, сами того не вѣдая, устроили намъ прекраснѣйшій маякъ, благодаря которому мы не могли уклониться значительно въ сторону.

Между тѣмъ время шло, а мы были еще далеко отъ своей цѣли. Бѣлесоватый оттѣнокъ разсвѣта позволялъ уже различать ближайшіе предметы. Въ долинѣ замѣтны были черныя линіи и пятна. Дневной свѣтъ быстро бралъ перевѣсъ надъ темнотой ночи и мы скоро увидѣли отрядъ генерала Рауха, построившаго боевой порядокъ, и наступающаго по долинѣ. Турки открыли робкій артиллерійскій огонь. Наши батареи выѣхали на позиціи и завязалась перестрѣлка. Съ разсвѣтомъ движеніе нашего отряда ускорилось и къ 10-ти час. утра мы были у подошвы горы. Для занятія ея вершины, тотчасъ же была направлена рота Его Величества, остальныя же 3 составили ближайшій резервъ. Рота Его Величества, занявъ позицію, пыталась было открыть огонь по турецкимъ редутамъ; но разстояніе было такъ велико, что выстрѣлы оказывались не дѣйствительными и дальнѣйшая перестрѣлка обнаруживала только наше расположеніе и привлекала артиллерійскій огонь. Турки пустили по насъ двѣ гранаты, удачно пролетѣвшія надъ головами цѣпи и больше уже не обращали свое вниманіе въ нашу сторону, всецѣло устремивъ его на отрядъ генерала Рауха быстро подвигавшагося впередъ. Артиллерійскій огонь усилился. Наши батареи стрѣляли по-орудійно и залпами. Съ приближеніемъ отряда послышался ружейный огонь, скоро превратившійся въ несмолкаемую трескотню. Преображенскій полкъ медленно двигался въ атаку. Залпы съ нашихъ батарей слѣдовали одинъ за другимъ. Вдругъ раздался страшный трескъ и густое пороховое облако поднялось надъ непріятельскимъ редутомъ. Удачный выстрѣлъ съ батареи полковника Кокорева взорвалъ зарядный ящикъ. Оглушительное „ура!“ прокатилось по всему отряду!..

Съ высоты, занятой нами, было видно движеніе отряда генерала Курлова. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы появленія его на лѣвомъ флангѣ непріятеля. Около 2-хъ часовъ пополудни послышалась перестрѣлка въ той сторонѣ. Затѣмъ, до насъ долетѣло отдаленное „ура!“ Ясно было,

что генералъ Курловъ уже спустился и тѣснилъ непріятеля. Софійское шоссе на участкѣ отъ Арабъ-Конака до деревни Ташкисенъ пересѣкаетъ хребетъ, отдѣляющій арабъ-конакскую котловину отъ Софійской долины и проходитъ въ этомъ мѣстѣ черезъ узкое ущелье, сжатое хребтами не высокихъ, но крутыхъ отроговъ. Черезъ этотъ проходъ лежалъ путь отступленія непріятеля отъ ташкисенскихъ позицій и при началѣ его стояла будка. Около 3-хъ часовъ, послѣ натиска отряда генерала Курлова, у непріятеля стало замѣтно обратное движеніе къ будкѣ. Скоро у нея сгруппировалось довольно значительное число войскъ и артиллерія. Нѣкоторые видѣли въ этомъ прибытіе резервовъ изъ Арабъ-Конака, на самомъ-же дѣлѣ это было просто отступленіе. Въ это время отрядъ графа Шувалова, перешагнувшій черезъ „Черный Верхъ", показался на хребтѣ, продолженіе котораго подходило къ названной будкѣ, и открылъ, по собравшимся войскамъ, артиллерійскій огонь. Неожиданное появленіе орудій въ тылу насъ, на горахъ, смутило нетолько непріятеля, но и своихъ. Впрочемъ, наше смущеніе продолжалось не долго, дѣло разъяснилось; но непріятель могъ жестоко пострадать отъ этого сюрприза, если-бъ дальность разстоянія не уменьшала поражающее дѣйствіе снарядовъ. Въ 3 часа дня батальону было приказано перейти въ наступленіе, но, пока мы пробирались по грудамъ камней, непріятель уже отступилъ. На отбитыхъ позиціяхъ мы увидѣли большой квадратный редутъ, сложенный изъ камня. Обезображенные трупы валялись. Поспѣшная постройка прикрытія изъ камня, вѣроятно, мало служила своему назначенію и даже собственными осколками способствовала большему пораженію. Видно было съ какой силой разлетались камни отъ нашихъ пуль и гранатъ. Мѣстность вокругъ редута была сильно обстрѣлена нашей артиллеріей. Снѣгъ изборожденъ гранатами. Стрѣлки, не долго думая, очистили мѣсто отъ труповъ, расположились на отдыхъ и, необращая вниманія на разбросанные тутъ-же мозги и кровавые слѣды, принялись за сухари. Черезъ полчаса, впрочемъ, насъ подняли и отвели на старое мѣсто, туда, гдѣ стоялъ батальонъ во время дѣла. Тутъ мы остановились на ночлегъ. Палатокъ не разбивали, такъ какъ стояли на позиціи и вблизи непріятеля, а расположились на снѣгу у костровъ. При этомъ, обыкновенно, ноги совались чуть не въ самый огонь, голова-же помѣщалась въ пріятной прохладѣ, на вѣтру. Удивительное положеніе! Непонятно, какъ мы не сжигали ногъ и не отмораживали головы, а главное—оставались здоровы и вѣчно въ пріятномъ расположеніи духа! Вьюки наши съ „Чернаго Верха" были отосланы куда-то и теперь пропали безвѣстно, а вмѣстѣ съ ними увезенъ былъ чай и сахаръ. Уже давно не пробовали мы ничего кромѣ сухарей и чая, а теперь нѣтъ и того! Голодъ дѣлался ощутительнымъ. Все, что было въ кобурахъ верховыхъ лошадей, давно съѣдено и даже воспоминанія не осталось. Лѣвѣе насъ на бивуакѣ расположился

одинъ батальонъ Козловскаго полка, другой же остался на нашемъ лѣвомъ флангѣ, на горахъ. Предположеній на слѣдующій день пока еще не было; извѣстно было, что непріятель отступилъ къ будкѣ на шоссе, его преслѣдовали, но за темнотой преслѣдованіе было пріостановлено. Можно было сдѣлать два предположенія: или непріятель отступитъ окончательно, прикрываясь ночной темнотой, или-же останется защищать проходъ до послѣдней капли крови. Въ такомъ случаѣ, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, вѣроятно, возобновится наступленіе и атака его на новыхъ позиціяхъ. Послѣднее предположеніе продержалось до утра и рѣшено было атаковать будку. Атака возлагалась на отрядъ графа Шувалова и нашъ. Рано утромъ, 20-го декабря, отрядъ графа Шувалова началъ спускаться съ горъ, чтобы, соединившись съ нами, произвести наступленіе. Мѣстность, по которой предстояло наступать, представляла длинное, узкое дефиле, между двумя хребтами горъ, обстрѣливаемая продольнымъ и перекрестнымъ огнемъ съ непріятельской позиціи. Движеніе представлялось крайне труднымъ и опаснымъ. Въ бинокль мы ясно видѣли движеніе войскъ и артиллеріи, но никакъ не могли предположить, что это войска не турецкія, а наши. Начавъ движеніе рано утромъ, съ цѣлью рекогносцировки, отрядъ, стоявшій правѣе насъ, не нашелъ непріятеля и занялъ его позицію. Конечно, мы скоро узнали объ этомъ изъ приказанія и продолжали уже двигаться не съ цѣлью атаки, а для перехода на шоссе, оттуда къ деревнѣ Ташкисенъ.

Во время движенія мы слышали страшную орудійную пальбу сзади. Впослѣдствіи оказалось, что это была атака турокъ на отрядъ генерала Вельяминова у Горнаго Бугорова.

Если вспомнимъ диспозицію перехода черезъ Балканы, то увидимъ, что генералъ Вельяминовъ, перешедши Умурчагъ, долженъ былъ образовать заслонъ къ сторонѣ Софіи, для обезпеченія нашего тыла у Ташкисена. Турки, узнавъ объ атакѣ Ташкисена, поспѣшили изъ Софіи на помощь, но наткнулись на отрядъ генерала Вельяминова и атаковали его. Атака была неудачна; непріятель принужденъ былъ отступить, понеся огромныя потери (800 убитыхъ и около 1400 раненыхъ). 21-го декабря намъ пришлось проходить по этимъ мѣстамъ и воочію убѣдиться въ кровопролитности происшедшаго дѣла.

По приходѣ къ будкѣ мы никого не нашли уже тамъ и направились по шоссе къ дер. Ташкисенъ. Около деревни расположились бивуакомъ. Достали рису, масла и занялись варкой каши. На долю батальона пришлось нѣкоторое количество скота, забраннаго въ деревнѣ и, слѣдовательно, стрѣлки могли первый разъ по выходѣ изъ Врачеши (13-го декабря) съѣсть кусокъ мяса. Сухари были пополнены изъ какого-то транспорта, непостижимо быстро предложившаго свои услуги.

Въ деревнѣ мы наткнулись на слѣдующее зрѣлище, краснорѣчиво

доказывающее состояніе турецкихъ госпиталей и ихъ заботливость о тѣлахъ умершихъ. Около небольшаго домика, служащаго помѣщеніемъ госпиталю, передъ самыми окнами валялись на снѣгу 19, раздѣтыхъ донага, труповъ въ самыхъ ужасныхъ положеніяхъ. Нечаянно уцѣлѣвшимъ отъ смерти больнымъ—предлагалось такое утѣшительное зрѣлище! Мало того: внутри самаго госпиталя, рядомъ съ живыми и полуживыми, валялись окоченѣлые трупы! И это въ своей странѣ, вблизи отъ всего необходимаго, при полной возможности лучшаго устройства, и что всего болѣе удивительно: при заботливости и попеченіи гуманныхъ англичанъ! Невольно приходишь въ ужасъ и раздраженіе при видѣ всѣхъ дѣяній цивилизованной и передовой націи! Судя по тѣмъ санитарнымъ средствамъ, которыми располагали турецкіе госпитали, можно было заключить, что устройство ихъ было основательное, и что они ни чуть не терпѣли недостатка, но что-же привело ихъ къ такому ужасному виду? Вѣдь докторами и главными управителями были все тѣ-же гуманные англичане, тѣ-же „просвѣщенные мореплаватели“, возмущающіеся каждой язвиной на ногахъ каторжника и вопіющіе о звѣрствахъ Россіи!..

Итакъ, неприступные Великіе Балканы пройдены, непріятель разбитъ и проходъ черезъ Арабъ-Конакъ по Софійскому шоссе сдѣлался свободенъ. Остается пожелать одно, чтобы армія Шакира-паши, не взятая цѣликомъ въ ея неприступныхъ позиціяхъ, не успѣла спастись бѣгствомъ на Петричево и Златицу. Часть нашихъ войскъ преслѣдовала ее по пятамъ, захватывая массу плѣнныхъ и доставляя ихъ въ штабъ. Голодные, оборванные, съ обмороженными ногами и руками бродили толпы несчастныхъ, не заслуживающихъ, по истинѣ, ничего, кромѣ искренняго сожалѣнія, какъ жертвы безпощадной эксплуатаціи.

Трофеями этой новой побѣды остались въ нашихъ рукахъ всѣ укрѣпленія Шандорника съ полнымъ вооруженіемъ и масса боевыхъ припасовъ.

Между тѣмъ положеніе генерала Вельяминова на шоссе, послѣ отбитія турецкой атаки, въ случаѣ повторенія ея, дѣлалось опаснымъ, и утомленный отрядъ требовалъ подкрѣпленіе. Съ этою цѣлью, въ тотъ-же день (20-го), подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха, сформировался новый отрядъ, въ составъ котораго цѣликомъ вошла гвардейская стрѣлковая бригада и полки 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Отряду этому было приказано немедленно двинуться въ путь и, въ случаѣ надобности, поддержать отрядъ генерала Вельяминова.

Стрѣлки уже удобно расположились на бивуакѣ, разложили костры и, какъ видно, надѣялись изрядно отдохнуть на просторѣ послѣ двухдневной суеты и движенія. Унтеръ-офицеръ роты Его Величества Ципкинъ, обрадовавшись отдыху и яркимъ кострамъ, превзошелъ всѣхъ своей изобрѣтательностью и позаботился не только о своемъ желудкѣ,

но и о чистотѣ своего наружнаго вида. Нужно замѣтить, что въ походѣ солдатъ мѣнялъ свое бѣлье нерѣдко одинъ разъ въ мѣсяцъ, и какихъ насѣкомыхъ не разведется при такомъ изобиліи грязи! Ихъ, дѣйствительно было много и вотъ, чтобы избавиться отъ неспокойнаго жителя, Цицкинъ придумалъ выжигать ихъ на собственномъ тѣлѣ. Раздѣвшись для этого до нага, онъ такъ близко приблизилъ спину къ яркому пламени костра, что положительно страшно было за нее, а на вопросъ: „что это ты дѣлаешь?“ онъ отвѣчалъ: „авось, какая-нибудь да изжарится“. Замѣчательная способность русскаго солдата: меньше всего бояться за „собственную спину“.

Въ 2 часа ночи, 20-го, отрядъ генералъ-маіора Рауха выступилъ по направленію къ Софіи. Въ головѣ отряда шелъ лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи батальонъ, за нимъ слѣдовалъ нашъ и остальные батальоны гвардейской стрѣлковой бригады, въ хвостѣ—лейбъ-гвардіи Измайловскій и Преображенскій полки.

Движеніе происходило безостановочно до Горнаго Бугорова. Далеко, не доходя до него, мы уже видѣли яркіе костры генерала Вельяминова, прижавшагося къ горамъ, въ сторонѣ отъ шоссе; лѣвѣе и далѣе видны были также большія группы костровъ; какъ оказалось, эти послѣдніе принадлежали непріятелю. Головные батальоны шли весьма быстро и прибыли къ позиціи генерала Вельяминова съ разсвѣтомъ, оставивъ далеко позади остальные части. Это обстоятельство заставило насъ остановиться, такъ какъ дальнѣйшее движеніе съ двумя батальонами, безъ артиллеріи, было невозможно. Впереди нашего привала, перпендикулярно направленію шоссе, стояла наша кавалерійская передовая цѣпь. Отъ драгунъ мы узнали, что непріятель, послѣ неудачной атаки у Горнаго Бугорова, отступилъ за рѣку Искеръ и, расположившись за ней у деревни Враждебная, охраняетъ мостъ. Достовѣрно численность непріятельскаго отряда неизвѣстна, такъ какъ онъ составляетъ арріергардъ войскъ, отступившихъ въ Софію.

Воспользовавшись остановкой на привалѣ, мы поспѣшили докончить то, что такъ неожиданно было прервано у Ташкисенъ, т. е. отдохнуть и закусить. Къ несчастью, мѣстность вблизи была положительно безлѣсная и достать дровъ для костра невозможно. Соблазнительно торчали телеграфные столбы, да пользоваться ими было строжайше воспрещено начальникомъ отряда, въ виду того, что они могли съ успѣхомъ служить проложенію нашихъ телеграфныхъ линій. Оставалось только любоваться этими прекрасными столбами, испытывая мученія Тантала, или, вѣрнѣе, вспоминая басню Крылова „Лисица и Виноградъ“. Впрочемъ, и тутъ солдатская изобрѣтательность скоро подоспѣла на помощь. Принимая во вниманіе лишь временное устройство нашихъ телеграфовъ, не требующихъ особенной прочности, которымъ весьма хорошей опорой могли слу-

жить и болѣе тонкіе столбы,—стрѣлки начали слегка обтесывать ихъ и изъ стружекъ складывать костры. Правда, костеръ изъ стружекъ скоро потухалъ и не давалъ такой теплоты, какая получается отъ хорошихъ дровъ, но все-же ее было вполнѣ достаточно, чтобы вскипятить манерку воды для чая, а больше и не требовалось.

Часа черезъ четыре послѣ прибытія нашихъ двухъ батальоновъ начали прибывать и остальныя части. За свой форсированный маршъ мы были вполнѣ вознаграждены продолжительнымъ отдыхомъ и могли продолжать дальнѣйшее слѣдованіе безъ особеннаго утомленія. Во время стоянки къ намъ на привалъ пріѣхалъ генералъ Вельяминовъ и разсказалъ подробности своего дѣла. Одинъ наружный видъ этого сѣдого старика, въ буркѣ, на конѣ, внушалъ безграничное уваженіе всѣхъ и заставлялъ преклоняться передъ сѣдиной героя, оказавшаго такую незабвенную услугу всему нашему отряду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Россіи.

Къ 12-ти часамъ дня весь отрядъ уже сосредоточился на шоссе. Убѣдившись на мѣстѣ, что непріятель отступилъ и, повидимому, не угрожаетъ новой атакой позиціи генерала Вельяминова, для поддержанія котораго прибылъ нашъ отрядъ, генералъ Раухъ самъ перешелъ въ наступленіе. Въ 2 часа дня отрядъ поднялся съ привала и двинулся въ путь. Первоначально движеніе происходило на шоссе, но, не доходя верстъ 3-хъ до занятой непріятелемъ позиціи, мы услышали первые выстрѣлы и построили боевой порядокъ. Участокъ вправо отъ шоссе былъ занятъ лейбъ-гвардіи 4-мъ стрѣлковымъ Императорской Фамиліи батальономъ, влѣво—построился нашъ батальонъ, разсыпавъ въ цѣпь роту Его Величества и 2-ю. Засимъ началось уже правильное боевое наступленіе.

Мѣстность, по которой наступали батальоны была совершенно ровная, открытая. Глубокій снѣгъ покрывалъ долину, окаймленную съ двухъ сторонъ снѣжными хребтами Балканъ. Передъ нами, вдали неясно очерчивалась деревня Враждебная. Турки съ дистанціи почти $2^1/_2$ верстъ открыли огонь. Пули, на излетѣ, слабо шипѣли и падали передъ нами, прорѣзывая на снѣгу небольшія бороздки. Наступленіе продолжалось безостановочно до 800 шаговъ; здѣсь стрѣлки залегли и открыли мѣткій огонь по турецкимъ ложементамъ, расположеннымъ по ту сторону рѣки, у моста. За нами по шоссе безконечной линіей тянулись наши резервы и артиллерія. У непріятеля также были замѣтны значительныя колонны пѣхоты. Перестрѣлка съ каждой минутой разгоралась; съ непріятельской стороны послышались сильные ружейные залпы. Въ это время командиръ батальона флигель-адъютантъ полковникъ Васмундтъ послалъ меня къ генералу Рауху просить резервовъ, чтобы удлинить нашъ лѣвый флангъ и тѣмъ самымъ угрожать непріятелю обходомъ его праваго фланга. Генералъ Раухъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе командира

батальона и направилъ къ намъ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Недоставало теперь артиллеріи, которая могла съ успѣхомъ дѣйствовать по непріятельскимъ колоннамъ, виднѣвшимся черной массой за деревьями. Изъ цѣпи ясно видѣли эти колонны и съ нетерпѣніемъ ожидали артиллеріи. Мѣткій огонь нашихъ стрѣлковъ былъ все-таки недостаточенъ для полнаго пораженія непріятеля, хотя у него замѣтны были уже признаки отступленія: деревня загоралась и слышались тревожные сигналы. Густыя колонны лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подвигались въ это время къ нашему лѣвому флангу и безспорно производили на непріятеля тяжелое впечатлѣніе заставившее его поторопиться.

Разъѣзжая по расположенію батальона, командиръ встрѣтилъ взводъ, оставленный для прикрытія знамени. „Ваше высокоблагородіе, дозвольте идти въ цѣпь?“ обратился къ нему взводный унтеръ-офицеръ. Ему видимо не хотѣлось бездѣйствовать въ то время, когда впереди разгоралось интересное дѣло, но, знамя не могло быть въ цѣпи и просьба ревностнаго унтеръ-офицера осталась не исполненной.

„Ваше высокоблагородіе, васъ здѣсь подстрѣлятъ, ишь какъ часто начали пущать“—предупреждали командира стрѣлки. Пули, направленныя на колонны Преображенскаго полка, дѣйствительно летѣли во множествѣ надъ головами и легче всего могли задѣть сидящаго на лошади.

Въ исходѣ пятаго часа выѣхала наша артиллерія и пустила гранату по собравшимся турецкимъ войскамъ. Выстрѣлъ былъ такъ удаченъ, что заслужилъ полное громогласное одобреніе всей цѣпи. Появленіе артиллеріи заставило непріятеля отказаться окончательно отъ обороны и поспѣшно отступать на Софію, зажегши предварительно деревню и мостъ. Для преслѣдованія цѣпь поднялась и перешла въ наступленіе, за нею слѣдовали резервы, а на лѣвомъ флангѣ въ колоннахъ двигался лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Турки подняли усиленную трескотню и зажгли оставшіеся патроны. Во время наступленія случился забавный эпизодъ: впереди цѣпи выбѣжалъ заяцъ и бросился въ сторону непріятеля. Стрѣлки, замѣтивъ звѣря, позабыли о туркахъ, забыли свою усталость и, не обращая вниманія на свиставшія пули, съ крикомъ бросились въ догонку.

Такое стремительное движеніе стрѣлковъ, вѣроятно не мало смутило непріятеля, принявшаго его на свой счетъ и почти бѣгомъ отступающаго по шоссе. Съ каждой минутой мы были все ближе и ближе къ непріятелю и навѣрно настигли бы его, еслибъ не преграда пріостановившая наступленіе. Передъ нами внезапно появилась рѣка Искеръ, покрытая довольно тонкимъ льдомъ, а единственный мостъ на ней—горѣлъ. Пока тушили мостъ и перебирались поодиночкѣ по льду, наступили сумерки и непріятель успѣлъ скрыться изъ вида.

За рѣкой батальоны начали собираться въ колонны, для отвода на

квартиры. Въ это время подъѣхалъ генералъ Гурко и благодарилъ командира и стрѣлковъ за молодецкое дѣло. Командиръ, въ свою очередь, поблагодарилъ стрѣлковъ и офицеровъ и распустилъ по квартирамъ. Съ какимъ великимъ наслажденіемъ входили мы въ полуразрушенную деревню, послѣ столькихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ подъ открытымъ небомъ, на морозѣ! Каждый сарай, развалившаяся изба, простой стогъ сѣна казались намъ несравненнымъ убѣжищемъ, подъ защитой котораго мы могли дѣйствительно отдохнуть и послѣ восьми-суточнаго похода—въ первый разъ снять сапоги!

Въ наслѣдство отъ турокъ осталось намъ, кромѣ сѣна, множество свиней, которыхъ стрѣлки не задумались поджарить въ своихъ манеркахъ. Неблагодарныя животныя долго отстаивали свою независимость и подняли страшнѣйшій визгъ. При этомъ они оказали гораздо больше сопротивленія, чѣмъ ихъ владѣльцы и даже „русскіе штыки“ на нихъ не производили должнаго страха. Впрочемъ, охота за свиньями скоро была окончена, пронзительный визгъ смолкъ и настала общая тишина. Въ 2 часа ночи 3-я и 4-я роты отправились въ дежурную часть по шоссе въ сторону Софіи. Оставшіеся роты спали глубокимъ, непробуднымъ сномъ.

Очистивъ, такимъ образомъ, далеко на западъ софійскую долину, мы стояли теперь почти въ окрестностяхъ древней столицы Болгаріи и намѣревались овладѣть ею. Съ паденіемъ этого опорнаго пункта разбитой арміи, мы, вѣроятно, заканчивали свои операціи въ этой части Болгаріи, такъ какъ въ одно время съ нашимъ движеніемъ къ Софіи съ запада двигались сербскія войска и преграждали дальнѣйшее движеніе непріятеля. Охваченному съ двухъ сторонъ, непріятелю приходилось или сдаваться, или же, до наступленія нашихъ и сербскихъ войскъ, искать спасеніе въ бѣгствѣ черезъ Родомиръ, Самаковъ и далѣе на Филиппополь, описывая, такимъ образомъ крутую дугу въ обратномъ направленіи.

Конечно объ укрѣпленіи города нечего было и говорить; онъ былъ такъ укрѣпленъ, какъ только возможно и какъ вообще умѣютъ укрѣплять турки. Правда, позиція была слишкомъ растянута и, по слухамъ, оборонялась сравнительно слабо; но все-же намъ предстояло подобіе Горнаго Дубняка и для овладѣнія позиціи было недостаточно тѣхъ войскъ, которыя были у насъ къ вечеру 22-го. Въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій, генералъ Гурко лично произвелъ рекогносцировку позиціи и рѣшилъ атаковать городъ Софію 24-го декабря.

Съ этою цѣлью, простоя въ деревни Враждебная, на дневкѣ, все 22-е число, гвардейская стрѣлковая бригада двинулась въ 8 ч. вечера въ деревню Куманица, къ сѣверу отъ Враждебной; откуда уже, въ составѣ отряда генерала Вельяминова, должна была атаковать городъ Софію съ сѣверо-восточной стороны. До деревни Куманицы считалось

не болѣе 3—4-хъ верстъ; но этотъ пустячный переходъ, по неизвѣстной мѣстности, ночью, безъ дорогъ и въ сильный морозъ, сдѣлался слишкомъ памятнымъ для всей бригады, чтобы обойти его молчаніемъ и не посвятить описанію хотя нѣсколько строкъ. Само собою разумѣется, что движеніе ночью, безъ дорогъ возможно было только съ помощью проводниковъ, хорошо знающихъ мѣстность и настоящее движеніе расположеніе непріятеля. Таковыми были у насъ два болгарина, два сущіе типа дарвиновскихъ родоначальниковъ, умѣющіе только глупо поводить очами, да мычать несвязныя, непонятныя фразы. Въ руки такихъ-то проводниковъ ввѣрили мы свою судьбу!

Первоначально все шло спокойно. Только снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами и колесами артиллеріи, да набѣгавшій вѣтерокъ поднималъ замершія частицы снѣга и катилъ ихъ по гладкой снѣжной поверхности. Отходя отъ деревни саженей сто, мы оставили артиллерію, подъ прикрытіемъ одной полуроты отъ каждаго батальона подъ командой полковника Тишина; а сами двинулись далѣе. Въ открытомъ полѣ морозъ сталъ ощутительнѣе и подулъ пронзительный вѣтеръ. Пройдя версты двѣ, мы вдругъ остановились. Что такое? Въ чемъ дѣло? послышалось со всѣхъ сторонъ.

Дѣло очень просто: братушки-проводники остановились и объявили, что они „взбрыкались“. Несмотря на всю непріятность положенія въ первую минуту это иностранное выраженіе возбудило всеобщій смѣхъ; но по разъясненіи его оказалось, что дѣло далеко не шуточное и „взбрыкнувшіяся братушки“ могли проводить насъ всю ночь по неизвѣстной мѣстности и, при счастіи, въ концѣ-концовъ привести, вмѣсто своихъ, къ туркамъ, или заночевать въ снѣгу, рискуя обморозить большую часть людей. Наконецъ, братушки рѣшили поискать дорогу и отправились по различнымъ направленіямъ. Ихъ сопровождали унтеръ-офицеры роты Его Величества, чтобы, подъ предлогомъ отыскиванія дороги, они не могли улизнуть отъ отряда. Скоро и тѣ и другіе скрылись во мракѣ ночи.

Прошло около часа. Насъ начинало тревожить новое сомнѣніе: не потеряли ли проводники нашъ отрядъ и бродятъ гдѣ-либо въ неизвѣстности. Кричать было нельзя, ибо крикъ могъ быть услышанъ въ непріятельской аванпостной цѣпи и наше передвиженіе открыто. Нужно было всецѣло положиться на Провидѣніе и ждать, что будетъ, то будетъ! Многіе изъ людей уже храпѣли на снѣгу; нѣкоторые бѣгали взадъ и впередъ, разогрѣвая окоченѣвшіе члены. Кругомъ темно и тихо. Лишь изрѣдка раздается одиночный выстрѣлъ. Вѣроятно, мы подошли близко къ непріятельскимъ аванпостамъ. Кой-гдѣ свѣтятся огоньки; но кому принадлежатъ они!—неизвѣстно. Всякая возможность оріентироваться, исчезла и мы съ нетерпѣніемъ прислушивались къ каждому шелесту,

въ надеждѣ услышать шумъ шаговъ нашихъ фатальныхъ проводниковъ. Что-то похожее на скрипъ снѣга подъ ногами послышалось въ сторонѣ. Мы съ нетерпѣніемъ уперлись глазами въ окружающій мракъ и скоро различили человѣческія фигуры. Ну что, нашли дорогу? Нашли, отвѣтилъ унтеръ-офицера и отрядъ снова потянулся за братушкой.

Казалось бы, давно пора пройти 4 версты и быть въ деревнѣ, а между тѣмъ о ней не было и помину. „Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно“ вспомнилось Пушкинское стихотвореніе и „бѣсъ“ этотъ никто иной, какъ проводникъ-братушка. Не даромъ онъ невозмутимо двигается впередъ, опираясь на толстую суковатую палку и, повидимому, остается совершенно равнодушнымъ къ нашимъ угрозамъ. Не даромъ, пройдя еще съ версту, мы снова остановились и услышали тоже самое: сбились съ пути. Опять началось розыскиваніе дороги и на сей разъ—безуспѣшно. Послѣ долгихъ размышленій генералъ Эллисъ рѣшился вести бригаду на виднѣвшіеся передъ нами костры, предполагая, что они должны принадлежать отряду генерала Вельяминова. Къ счастію, предположеніе было вѣрно. Въ 4 часа утра 23-го, мы были въ деревнѣ и располагались частію по квартирамъ, частію въ стогахъ сѣна, котораго здѣсь было въ изобиліи. Оставленная нами позади артиллерія, еще не пришла. Большая часть офицеровъ всѣхъ батальоновъ расположилась въ какомъ-то огромномъ барскомъ домѣ, покинутомъ владѣльцами, какія рѣдко встрѣчаются въ бѣдныхъ болгарскихъ деревушкахъ и представляютъ исключительное явленіе. Обыкновенно хозяевами такихъ выдающихся зданій предполагаютъ какого-нибудь управителя—пашу, раскутившагося на счетъ голодающихъ подчиненныхъ, конечно—болгаръ.

Въ то время, какъ мы приготовлялись къ атакѣ, по деревнѣ вдругъ разнесся слухъ, что Софія очищена непріятелемъ, поспѣшно отступившимъ въ ночь съ 22-го на 23-е. Первоначально вѣсть эта была принесена какой-то торговкой пришедшей изъ города и, конечно, требовала подтвержденія; но вскорѣ правдоподобность извѣстія обнаружилась путемъ оффиціальнаго донесенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ было приказано немедленно двигаться къ Софіи.

Въ 3 часа выступили, а въ 6 час. вечера были уже у самаго города. Пока пришло разрѣшеніе отъ генерала Гурко войти въ городъ, пока отводили квартиры,—прошло часа полтора и при полной темнотѣ мы вошли въ узкія, кривыя улицы Софіи. Наши войска, стоявшія на шоссе, уже давно размѣстились по квартирамъ и отдыхали отъ трудовъ и тѣхъ овацій, съ которыми были встрѣчены они обывателями. Намъ пришлось отдыхать только отъ усталости, ибо жители города спали уже мертвымъ сномъ подъ охраной русскаго войска и спали, вѣроятно, такъ, какъ давно имъ не спалось подъ турецкимъ владычествомъ.

Улицы, по которымъ мы двигались, были положительно загромож-

дены каруцами, привозившими обратно турецкихъ бѣглецовъ, возвращенныхъ по приказанію начальника отряда.

Батальону для помѣщенія были отведены казармы — не казармы, магазины — не магазины, такъ что-то весьма неопредѣленное, но въ тоже время довольно удобное. Офицерамъ было отведено строеніе примыкающее къ этому неопредѣленному, надъ дверьми котораго красовалась болгарская надпись: „Главное писалище таки-тѣ“. Множество различныхъ турецкихъ и болгарскихъ бумагъ было разбросано по полу и въ шкапахъ этого „Главнаго писалища“; но главное насъ смутила приставка „таки-тѣ“. Что сей сонъ значитъ? Казалось бы, что она тутъ ни къ селу, ни къ городу!

Несмотря однако на то, что зданіе, въ которомъ мы помѣстились, было „писалище“, да еще и „главное“ и съ неопредѣленной приставкой „таки-тѣ“, — въ немъ все же свирѣпствовалъ морозъ и не было ни единой печки, а вѣтеръ свободно продувалъ сквозь одиночныя рамы. Что дѣлать? Неизвѣстно гдѣ и какъ нашимъ деньщикамъ удалось раздобыть „мангалъ“ и чугунную печку. Приспособили, примазали кое-какъ согрѣвательные аппараты, да вдругъ оказалось, что нѣтъ дровъ. Опять вопросъ. Тутъ мы вспомнили путешествія вокругъ свѣта мистера Фохса. Вспомнили, какъ онъ, за недостаткомъ угля, растапливалъ машину парохода его же внутренностью и... приступили къ писалищу. Шкафы, двери, полки горѣли прелестно и хотя немного отогрѣли застывшія руки и ноги.

Канунъ Рождества мы провели въ обозрѣваніи города. Мало интереса представляли его пустыя улицы, заваленныя нерѣдко массой всякаго хлама, выброшеннаго изъ разбитыхъ магазиновъ. Единственно на чемъ можно было остановиться съ любопытствомъ — это на храмѣ и госпиталѣ, помѣщенномъ въ конакѣ. Внутренность храма замѣчательна тѣмъ, что тамъ мѣсто нашихъ золотыхъ украшеній замѣнено рѣзными, деревянными украшеніями. Отъ этого, на насъ, привыкшихъ поражаться блестящей внутренностью храмовъ, Софійскій храмъ произвелъ какое-то странное впечатлѣніе.

Что касается госпиталя, то онъ въ огромныхъ размѣрахъ напоминалъ госпиталь въ Ташкисенѣ, и только по приказанію генерала Гурко началъ очищаться отъ труповъ. Я заходилъ въ него и, признаюсь, не могъ оставаться тамъ долѣе четверти часа: такой невыносимый смрадъ, въ такомъ отчаянномъ положеніи находятся раненые и больные, что просто ужасъ! Особаго устройства кареты ежедневно увозятъ несчастныхъ страдальцевъ, отошедшихъ въ вѣчность; ни одинъ человѣкъ не провожаетъ ихъ, ни единой слезой не оплакиваютъ ужасную кончину, словно зачумленныхъ сталкиваютъ ихъ на кладбище!

Въ первый день Рождества Христова мы слушали обѣдню въ Софійскомъ соборѣ

Могъ-ли кто-либо изъ насъ предполагать это двѣ недѣли тому назадъ, во Врачеши, когда передъ нами непреодолимой преградой протянулся Балканскій хребетъ и цѣлыя арміи непріятеля гнѣздились на его оледенѣвшихъ вершинахъ? А между тѣмъ это такъ, это дѣйствительность, а не сонъ. Непріятельская армія разсѣяна. Балканы остались далеко позади. Сколько трудовъ и лишеній перенесли наши войска въ эти двѣ недѣли! Какія разнообразныя ощущенія не привелось испытать!.. Въ концѣ-же концевъ мы все тѣ-же, даже здоровье не разстроилось. Одни воспоминанія глубоко врѣзались въ нашу память, воспоминанія живыя, полныя пріятныхъ и непріятныхъ впечатлѣній; но какъ всегда въ прошломъ, первыя берутъ перевѣсъ надъ послѣдними, и общее впечатлѣніе — впечатлѣніе пріятнаго.

Достойнымъ памятникомъ протекшихъ событій можетъ служить приказъ генералъ-адъютанта Гурко, отданный въ городѣ Софіи въ первый день Рождества. Въ немъ справедливо подведены итоги всѣмъ дѣйствіямъ нашего отряда въ періодъ отъ Горняго-Дубняка до Софіи, благодарность генерала не миновала никого и была лучшей наградой войскамъ, добросовѣстно исполнившимъ свой долгъ.

Привожу подлинное содержаніе приказа:

„Войска ввѣреннаго мнѣ отряда!

„Разбивъ турокъ 12-го октября подъ Горнымъ-Дубнякомъ и 16-го октября подъ Телишемъ, вы окружили армію Османа-паши въ Плевнѣ, пересѣкли ей всѣ пути сообщенія, замкнули желѣзный кругъ, окружавшій Плевну, и съ тѣхъ поръ паденіе ея и уничтоженіе всей арміи Османа-паши сдѣлалось вопросомъ времени. Вскорѣ, а именно 28-го октября, легкимъ кавалерійскимъ налетомъ вы взяли городъ Врацу. Передавъ, затѣмъ, завоеванныя вашей кровью позиціи вновь прибывшимъ войскамъ гренадерскаго корпуса, я повелъ васъ, 5-го ноября, противъ другой арміи Мехмета-Али, собиравшейся въ окрестностяхъ Орханіе и шедшей на выручку арміи Османа-паши. Разбивъ турокъ 11-го ноября подъ Правцемъ, и 12-го ноября подъ Этрополемъ, овладѣвъ послѣ блестящаго дѣла высотами Вратешки, 16-го ноября и, наконецъ, разбивъ турокъ 21-го ноября на высотахъ Арабъ-Конака, вы овладѣли почти всѣми Балканскими горами, вытѣснили турокъ изъ многихъ чрезвычайно сильныхъ позицій и прогнали непріятеля къ самому краю Балканскаго хребта.

„Въ это-же время вы съ бою овладѣли Златицкимъ переваломъ и стали твердой ногою на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ.

„Тутъ началось продолжительное стояніе ваше на высокихъ горахъ, сначала въ страшной невылазной грязи, а потомъ среди сильныхъ морозовъ, мятелей, глубокаго снѣга и непроглядnаго, постояннаго тумана.

„Нельзя представить себѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, трудовъ и тяжелыхъ испытаній, которыя выпали на вашу долю. Вы все перенесли по истинѣ съ геройской русской стойкостью и твердостью. Вы втащили на горы, въ заоблачныя страны, по едва доступнымъ тропинкамъ и невообразимымъ кругамъ, тяжелыя орудія. Вы укрѣпили ваши позиціи и ровно мѣсяцъ грозною и твердою стопою стояли на угрюмыхъ высотахъ Балкана.

„Наконецъ пришелъ часъ перехода черезъ Балканы. Дорогъ для движенія не было: кругомъ васъ были крутыя, высокія и едва доступныя горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Но это не задержало васъ, — вы съ неимовѣрными трудами продѣлали себѣ дороги, и на высотахъ Умургача, Чернаго Верха и Бабы-горы заблестѣли русскіе штыки и русскія тяжелыя орудія, которыя вы на своихъ плечахъ втащили на эти высоты.

„Стойкость ваша, твердость въ перенесеніи трудовъ и лишеній и поразительные труды и терпѣніе составятъ удивленіе всѣхъ, кто взглянетъ на эти дикія горы.

„19-го декабря вы спустились въ долину Софіи, причемъ завидная доля первому спуститься съ Балканскихъ горъ выпала старѣйшему въ нашей арміи петровскому Преображенскому полку, шедшему въ головѣ авангарда генерала Рауха. Въ тотъ-же день вы мужественно атаковали ташкисенскую позицію, штурмомъ завладѣли турецкими редутами и трудно доступными горами, заставили армію Шакира бѣжать втеченіи ночи съ крѣпкой Арабъ-Конакской позиціи и открыли прямой путь сообщенія по орханійскому шоссе.

„Оставивъ 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію и большую часть 9-го корпуса подъ начальствомъ барона Криденера для преслѣдованія бѣжавшихъ турокъ, я съ остальною частью отряда двинулся 31-го декабря противъ Софіи.

„Въ то время, когда большая часть отряда дралась съ главною арміею Шакира, меньшая часть, а именно пять батальоновъ 9-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, имѣла блистательное дѣло при Горномъ Бугоровѣ, гдѣ небольшая горсть нашихъ храбрецовъ отбила атаки въ три раза сильнѣйшаго противника Завладѣвъ съ боя, 21-го декабря, мостомъ черезъ р. Искеръ, у д. Враждебной, вы подошли къ Софіи, и одинъ видъ вашъ навелъ такой страхъ на турецкія войска, что они, будучи въ составѣ 25-ти батальоновъ, не рѣшились защищать твердыни Софіи и бѣжали въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ въ ночь съ 22-го на 23-е декабря, бросивъ тысячи раненыхъ и больныхъ безъ всякаго призрѣнія и помощи.

„Занятіемъ Софіи окончился этотъ блестящій періодъ настоящей компаніи, переходъ черезъ Балканы, въ которомъ не знаешь: чему болѣе удивляться, храбрости-ли и мужеству вашему въ бояхъ съ непріятелемъ,

или-же стойкости и терпѣнію въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ въ борьбѣ съ горами, морозами и глубокими снѣгами.

„Пройдутъ года — и потомки наши, посѣтивъ эти дикія горы, съ гордостью и торжествомъ скажутъ: „здѣсь прошли русскія войска и воскресили славу суворовскихъ и румянцевскихъ чудо-богатырей".

„Спасибо вамъ, молодцы, за вашу геройскую службу, спасибо вамъ за то, что вы порадовали Царя и Россію и поднесли имъ столь блестящій подарокъ къ празднику Рождества Христова.

„Считаю пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать о трудахъ и заслугахъ командира 9-го корпуса генералъ-лейтенанта барона Криденера.

„Пользуюсь симъ приказомъ, чтобы выразить мою душевную и сердечную признательность начальнику штаба моего отряда, генералъ-маіору Нагловскому. Его мудрымъ совѣтамъ и поразительному хладнокровію отрядъ во многомъ обязанъ добытыми нами блестящими результатами.

„Съ чувствомъ особеннаго удовольствія сердечно благодарю командующаго 2-й гвардейской пѣхотной дивизіей генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го, командира 2-й бригады 3-й дивизіи генералъ-маіора Дандевиля, командующаго 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіей генералъ-маіора Рауха, начальника артиллеріи отряда свиты Его Величества генералъ-маіора Бреверна, начальника 31-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Вельяминова, начальника штаба 9-го корпуса генеральнаго штаба генералъ-маіора Липинскаго, командира 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи Его Высочества принца Ольденбургскаго, командира гвардейской стрѣлковой бригады свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса, командира 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи свиты Его Величества генералъ-маіора Брока, командира 2-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера, командировъ полковъ: лейбъ-гвардіи Московскаго флигель-адъютанта полковника Гриппенберга, с.-петербургскаго гренадерскаго короля прусскаго генералъ-маіора Курлова, лейбъ-гвардіи Волынскаго генералъ-маіора Мирковича, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, лейбъ-гвардіи Финляндскаго, полковника Шмита, лейбъ-гвардіи Преображенскаго, флигель-адъютанта полковника князя Оболенскаго и 10-го Новоингерманландскаго полковника графа Комаровскаго, командира лейбъ-гвардіи Саперная батальона флигель-адъютанта полковника Скалона, командировъ стрѣлковыхъ батальоновъ: 1-го Его Величества полковника Васмундта и 4-го Императорской фамиліи флигель-адъютанта полковника графа Клейнмихеля, и командующихъ полками: 11-го Псковскаго полковника Кобордо и 12-го Великолуцкаго маіора Беатера, генеральнаго штаба полковника Сухонина; подполковниковъ: Ставровскаго и Пузыревскаго, и штабсъ-капитана Протопопова, и всѣхъ

командировъ пѣхотныхъ полковъ, начальниковъ штабовъ, дивизій, командировъ артиллерійскихъ бригадъ, командировъ батальоновъ, батарей и ротъ и всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба.

„Благодарю также командующаго 2-й гвардейской кавалерійской дивизіей свиты Его Величества генералъ-маіора Клодта, начальника штаба этой дивизіи полковника Бунакова, командира сводно-драгунской бригады генералъ-маіора Краснова, командировъ полковъ: лейбъ-гвардіи Конно-гренадерскаго свиты Его Величества генералъ-маіора графа Ламсдорфа, лейбъ-гвардіи Уланскаго, свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера, лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества, флигель-адъютанта полковника барона Мейендорфа, командующаго лейбъ-гвардіи Драгунскимъ полкомъ полковника Ковалевскаго, командира 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи свиты Его Величества генералъ-маіора графа Де-Бальмена, командировъ полковъ: лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества флигель-адъютанта полковника барона Притвица и лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго Его Высочества принца Саксенъ-Альтенбургскаго, командира сводно-кавказской бригады свиты Его Величества генералъ-маіора Черевина, командира Владикавказскаго казачьяго полка полковника Левиса, командира сводно-казачьей бригады генералъ-маіора Курнакова, командира 4-го драгунскаго Екатеринославскаго полка полковника Ребиндера и всѣхъ командировъ кавалерійскихъ полковъ командировъ дивизіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и командировъ конныхъ батарей, генеральнаго штаба капитана Храповицкаго, и всѣхъ вообще офицеровъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Сихъ послѣднихъ въ особенности за молодецкія и лихія развѣдки. Блигодарю также штабъ и оберъ-офицеровъ всѣхъ штабовъ, и офицеровъ, состоящихъ при мнѣ ординарцами. Благодарю полковника Доминевскаго, благодаря трудамъ и распорядительности котораго весь отрядъ никогда не нуждался въ предметахъ продовольствія.

„Благодарю за неутомимые и полезные труды по санитарной части отряднаго врача статскаго совѣтника доктора медицины Энкгофа, уполномоченнаго при летучихъ отрядахъ для гвардейскаго корпуса и этапѣ отъ Государыни Цесаревны коллежскаго совѣтника Пѣтлина и всѣхъ врачей, состоящихъ при дивизіонныхъ лазаретахъ, при частяхъ войскъ и въ санитарномъ отрядѣ Государыни Императрицы.

„Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ".

Подписалъ: начальникъ отряда генералъ-адъютантъ Гурко.

Недолгая стоянка въ Софіи прошла незамѣтно. На второй день праздника батальонъ вышелъ изъ города и занялъ часть окружавшихъ его укрѣпленій, причемъ штабъ и обозъ остались въ городѣ. Возвратившись, принялись снова за починку развалившейся отъ долгаго движенія обуви и одежды. Въ это время къ Софіи подошли и сербскія

войска. Трудно сказать о нихъ что-либо, такъ какъ сталкивались мы съ ними только на улицахъ и въ ресторанахъ, да и при этихъ короткихъ встрѣчахъ не было замѣтно особеннаго расположенія какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Помня недавнюю сербскую войну, не отличившую ихъ ни особенной храбростью, ни расположеніемъ къ нашимъ добровольцамъ, мы не искали сближенія, да и не ждали того-же отъ нихъ.

Въ день прихода русскихъ войскъ въ городъ, всѣ лавки, магазины и рестораны были плотно закупорены и только дня черезъ два, убѣдившись, вѣроятно, въ нашемъ благонравіи, начали появляться первые признаки торговли. Впрочемъ, сколько мы не ждали, эти „первые признаки“ и остались „признаками“. Городъ, какъ видно, никогда не отличался торговлей, а въ эти смутные годы она пала до minimum'а и ограничивалась скудными лавчонками, едва удовлетворяющими насущныя потребности населенія, да двумя-тремя грязными ресторанами. Не смотря на это, карманы русскихъ офицеровъ быстро пустѣли въ этихъ кабачкахъ (это названіе вѣрнѣе) и золото незамѣтно переливалось въ руки ихъ владѣтелей за сносный кофе и отвратительную „раки“ (водка). Толпы алчущихъ и жаждущихъ офицеровъ съ утра до ночи наполняли эти кабачки, при этомъ порядокъ былъ замѣчательный: два-три сонные прислужники-братушки не могли удовлетворить требованіямъ офицеровъ и вотъ вся ватага отправляется прямо на кухню. „Былъ довольнымъ только проворный“, а потому движеніе изъ кухни и обратно происходило съ крайней поспѣшностью и безостановочно. Прислужникамъ оставалось только смотрѣть на всю эту суетящуюся публику; а тѣ, кто ждалъ чего-либо отъ нихъ, обыкновенно оставались голодными.

Въ то время какъ мы преблагополучно отдыхали, непріятель, отступившій отъ Арабъ-Конака и Софіи, сосредоточивался у Татаръ-Базарджика и занялъ сильную позицію Трояновыхъ воротъ. Его намѣреніе: задержать наше энергическое наступленіе у этого послѣдняго хребта, преграждавшаго нашъ путь, — заставляло торопиться. Каждый лишній день, каждый часъ позволялъ противнику все прочнѣе и прочнѣе утвердиться на этомъ хребтѣ, создать новую твердыню; вотъ почему, при первой-же возможности, войска, собранныя въ Софіи, были двинуты въ дальнѣйшій путь по филиппопольскому шоссе.

По диспозиціи, отданной въ Софіи, наступленіе должно было произойдти четырьмя колоннами, подъ начальствомъ: генерала Вельяминова, графа Шувалова, Шильдеръ-Шульднера и барона Криденера. Батальонъ входилъ въ составъ отряда графа Шувалова, которому предписывалось вести демонстративную атаку на фронтъ турецкой позиціи, въ то время какъ другіе отряды обходили фланги, а вся кавалерія, спустившись въ долину Татаръ-Базарджика, должна была тревожить непріятельскій тылъ.

Всѣмъ отрядамъ, кромѣ того, предписывалось: запастись порціоннымъ скотомъ не менѣе какъ на 4 дня. При дальнѣйшемъ движеніи добываніе порціоннаго скота могло быть производимо съ помощью кавалерійскихъ частей, причемъ за забираемый скотъ у жителей предписывалось немедленно уплачивать звонкою монетой.

Всюду, гдѣ только окажется возможнымъ, приказано было заставлять жителей печь хлѣбъ, уплачивая за него деньгами. Покупаемый хлѣбъ показывать къ зачету и тѣмъ сберегать сухари.

Вниманіе всѣхъ начальниковъ главнымъ образомъ обращалось на то, что при тогдашнемъ, крайне дурномъ состояніи дорогъ, подвозъ сухарей встрѣчалъ невообразимыя затрудненія и что, поэтому, необходимо пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы сберегать сухари.

Отъ Софіи до Филиппополя. — Переходъ въ бродъ Марицы 2-го января и трехъ-дневный бой у Филиппополя, 3-го, 4-го и 5-го января 1878 г.

28-го декабря, въ 11 ч. утра батальонъ выступилъ изъ Софіи по филиппопольскому шоссе въ деревню Чердаклы. День былъ чудный. Тепло, какъ весной. Огромные сугробы снѣга таяли на солнцѣ, разливаясь мелкими ручейками по дорогѣ. Шоссе прекрасное. Идется по немъ легко, свободно; согрѣтый воздухъ не заставляетъ уже поголовно кашлять весь батальонъ, съ жадностью, полной грудью вдыхаешь его. Оживленіе полное. Дорога чиста отъ труповъ; только у самаго города валялись два-три, Богъ вѣсть какою смертію умершіе турки. Направляется она первоначально на югъ, прямо на виднѣвшіяся вдали снѣжныя вершины горъ, затѣмъ круто повертываетъ влѣво и уже все время не измѣняетъ своего направленія, параллельнаго горамъ. Изрѣдка встрѣчаются небольшія рощи; кой-гдѣ ютится одинокій чифтликъ, или-же цѣлая деревня раскинулась по долинѣ. Приближеніе того и другого узнается задолго, по удушливому запаху гари. Одни уже сгорѣли и только обширное пепелище означаетъ мѣсто; другія—догораютъ. По преимуществу горитъ сѣно, склады, отъ нихъ огонь быстро распространяется на строенія, предоставленныя судьбѣ и черный дымъ, въ видѣ столба или густаго облака, поднимается надъ деревней. Отступившій непріятель успѣлъ позаботиться и непрерывныя зарева пожаровъ означаютъ его путь!

Деревушка, въ которую прибылъ батальонъ на ночлегъ около 4 ч. пополудни, была изъ такихъ и представляла полную картину разрушенія: огромные стоги сѣна обратились въ черныя кучи золы, даже трава и часть деревьевъ вокругъ выгорѣли. Уцѣлѣвшихъ строеній мало: скотный дворъ, да нѣсколько полуразрушенныхъ хижинъ. Баталіонъ расположился частью на бивуакѣ, частью—во дворахъ и строеніяхъ.

*

Вечеромъ командиръ баталіона, имѣя въ виду предстоящее дѣло, напомнилъ всѣмъ, въ приказѣ, главныя правила, которыми слѣдовало руководствоваться при столкновеніи съ турками. Данныя правила были выведены изъ опыта и заключались въ слѣдующемъ:

„1) На бѣшеный, безтолковый турецкій огонь стрѣлки отвѣчаютъ спокойной, осмысленной стрѣльбою. Непріятель, видя, что наша рѣдкая пуля дѣлаетъ свое дѣло, вырываетъ изъ его рядовъ одного-другаго бойца, станетъ еще болѣе горячиться и бить по воздуху. Усиленная ружейная трескотня—вѣрный признакъ трусости. Противникъ, зачастивши огонь, бѣжитъ при первомъ смѣломъ движеніи противъ него.

„2) Ротамъ дѣйствовать и двигаться въ сферѣ огня не иначе, какъ цѣпями, такимъ образомъ: одна полурота въ цѣпи, возможно рѣдкой, другая въ резервѣ за нею на бо̀льшемъ или меньшемъ разстояніи, въ зависимости отъ мѣстности, уступомъ вправо или влѣво и также цѣпью.

„3) Долго на мѣстѣ не задерживаться, стараться какъ можно скорѣе подойдти къ противнику на разстояніе дѣйствительнаго выстрѣла. Перебѣжки на ровной, открытой мѣстности дѣлать непремѣнно бѣгомъ. Въ бѣгущаго на встрѣчу выстрѣлу попасть очень трудно, тѣмъ болѣе для турокъ, стрѣляющихъ для собственнаго одобренія.

„4) Бросаясь въ атаку, роты несутся безостановочно, безъоглядно. Стрѣльбы здѣсь ужъ нѣтъ. Одно грозное, могучее, побѣдоносное русское „ура!“

„Турокъ штыка не принимаетъ!“.

Переночевавъ въ Чердаклы въ остаткахъ сѣна и соломы, батальонъ на слѣдующій день (29-го декабря) въ 10 час. утра выступилъ въ дер. Тырново. Вчерашней прекрасной погоды не было и помину: подулъ вѣтеръ, пошелъ снѣгъ и началась мятель, да такая еще, какія встрѣчаются только у насъ: сверху и снизу, съ нѣжными вихрями; словомъ—настоящая русская, родная мятель! Какъ на бѣду и деревня Тырново стояла на самомъ вѣтру, какъ говорится—„на яру“. Дуло со всѣхъ сторонъ. Тонкія стѣны черкесскихъ избушекъ (деревня вся была черкесская и слѣдовательно—пустая) едва удерживали сильные напоры порывистаго вѣтра.

Отъ деревни Тырново дорога не шла уже по долинѣ, а поднималась въ гору, на отрогѣ хребта, соединяющаго Великій и Малый Балканъ и раздѣляющаго долину Софіи отъ долины Марицы. Съ грустью мы взглянули на дорогу, требующую новыхъ усилій надъ артиллеріей; но... дѣлать было нечего—двинулись въ путь (30-го, 9 час. утра). На первыхъ порахъ чортъ оказался не такъ страшенъ, какъ его малевало наше воображеніе и къ 4 час. пополудни мы благополучно подходили къ городу Ихтиману. Отсюда уже не далеко было до Траяновыхъ воротъ, а слѣдовательно и до непріятеля. Ихтиманъ былъ мѣстомъ, откуда должно

было начаться правильное боевое наступленіе на Трояновыворота, но тутъ случилось нѣкоторое недоразумѣніе: наши квартирьеры объявили намъ, „что турки кладутъ оружіе и не желаютъ сражаться потому будто бы, что ихъ паша получилъ телеграмму изъ Константинополя увѣдомлявшую о перемиріи". Въ отвѣтъ на это, хорошо помня всѣ продѣлки нашего достойнаго врага, графъ Шуваловъ послалъ имъ сказать: „я не получалъ ничего подобнаго отъ своего главнокомандующаго и потому предлагаю вамъ; или сдаваться безусловно, или же защищаться и ожидать нашего наступленія". (Подобное же заявленіе получилъ отъ турокъ и генералъ Вельяминовъ, занявшій въ тотъ день съ боя Самаковъ).

На предложеніе графа Шувалова турки не согласились. Коварный врагъ, очевидно, прибѣгалъ теперь къ одной изъ тѣхъ хитростей, которыми отличался въ минувшую кампанію, желая выиграть время и отступить. Дѣйствительно, это была только уловка. Сулейманъ-паша, получивъ 29-го извѣстіе о шипкинской катастрофѣ, въ ночь съ 30-го на 31-е началъ поспѣшно отступать по всей линіи и Трояновы ворота оказались открытыми. Ясные, теплые дни вначалѣ, затѣмъ сильный морозъ и вѣтеръ окончательо обледѣнили дорогу, по которой приходилось двигаться нашему отряду. Мѣстность поднималась все круче и круче, холмы обратились въ цѣлыя горы, по склонамъ которыхъ и между сдвинувшимися громадами пролегало шоссе. Въ 9 час. утра 31-го декабря батальонъ, взявъ подъ свое покровительство и полную отвѣтственность 5-ю батарею 2-й гвардейской артиллерійской бригады,—двинулся въ путь изъ Ихтимана въ Вѣтреново. Впередъ были посланы квартирьеры. Начинался одинъ изъ ужаснѣйшихъ переходовъ, потребовавшій 30-ти часоваго безпрерывнаго движенія съ орудіями на рукахъ по оледенѣвшей дорогѣ. Первоначально орудія везлись на лошадяхъ, но это было несравненно хуже, ибо приходилось держать не только орудіе, но и лошадей ежеминутно падавшихъ и скользившихъ на голомъ льду. Вся дорога состояла изъ безконечнаго ряда подъемовъ и спусковъ. Предположеніе: въ одинъ день перейти Трояновы ворота и сосредоточить отрядъ на ночлегѣ въ Вѣтреново, лежавшей уже по ту сторону перевала,—скоро разбилось въ дребезги. Батальонъ только къ 12-ти час. ночи дошелъ до вершины перевала (укрѣпленія Паланки), а впереди предстоялъ еще длиннѣйшій спускъ. На вершинѣ Трояновыхъ воротъ батальону пришлось проводить старый годъ и встрѣтить новый! Бутылкой какого-то неизвѣстнаго вина, вывезеннаго изъ Софіи, ознаменовалось это событіе. Засимъ движеніе продолжалось. Спускъ пологій, но крайне длинный оканчивался какъ разъ у деревни Вѣтреново, гдѣ долженъ былъ сосредоточиться на ночлегѣ нашъ отрядъ. Утро новаго, 1878 года застало нашъ батальонъ еще на спускѣ. Передъ нами растилалась обширная долина Марицы; вдали виднѣлся Татаръ-Базарджикъ. Черный столбъ дыма поднимался

изъ его центра и вверху образовалось густое неподвижное облако. Городъ горитъ—ясный признакъ того, что турки если и занимаютъ его, то скоро намѣрены отступить.

Годъ 1878-й.

Въ 10 час. утра 1-го января въ деревню Вѣтреново спустилась наша послѣдняя 4-я рота и послѣ получасоваго отдыха батальонъ двинулся далѣе. Слышно было, что непріятель не покинулъ еще города и занимаетъ впереди него позицію. Вскорѣ мы дѣйствительно услышали орудійные выстрѣлы. Наша кавалерія съ конной артиллеріей завязала съ непріятелемъ перестрѣлку у деревни Бошюля, верстахъ въ 5-ти отъ Татаръ-Базарджика. Къ половинѣ четвертаго батальонъ прибылъ въ деревню и сталъ бивуакомъ. Перестрѣлка продолжалась не долго, но до окончанія ея батальоны держались на-готовѣ и въ деревню не вводились. Въ 6 час. вечера, когда все уже смолкло, получено было приказаніе расположить войска на квартирахъ. Батальону былъ отведенъ районъ. Квартиры были вполнѣ тѣсныя и приходилось жаться елико возможно, не пренебрегая каждой крышей, будь то крыша хлѣва, скотнаго двора или инаго помѣщенія. Изъ недавней перестрѣлки явствовало, что непріятель въ городѣ и если не покинетъ его въ ночь добровольно, то придется выбивать силою. На всякій случай ночью съ перваго на второе вышла диспозиція атаки Татаръ-Базарджика.

Бригада, подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса, составляла лѣвую колонну и должна была атаковать городъ съ сѣверо-западной стороны. Для сего: выступить изъ деревни въ 7 час. утра (2-го), двигаться первоначально по шоссе, затѣмъ, по указанію генеральнаго штаба подполковника Ставровскаго, свернуть влѣво и перейти въ наступленіе, имѣя диррективою атаки сѣверную сторону города.

Въ 7 час. утра 2-го, мы дѣйствительно выступили изъ деревни Бошюля и направились по шоссе; но, дойдя до назначеннаго поворота влѣво,—остановились. Графъ Шуваловъ, прежде чѣмъ произвести наступленіе, рѣшилъ рекогносцировать городъ и двинулъ по шоссе небольшія кавалерійскія части. Въ ожиданіи окончанія рекогносцировки войска стояли, но она, какъ и слѣдовало ожидать, не нашла непріятеля въ городѣ. Онъ очистилъ его и стремительно бросился къ Филиппополю. Оставалось пройти городъ и преслѣдовать непріятеля по пятамъ. Отсюда началось наше стремительное преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля. Преслѣдованіе не только кавалеріей съ конной артиллеріей, но и пѣхотой. Стрѣлки, воодушевленные словами графа Шувалова, не щадили себя, надѣясь нагнать отступающаго непріятеля.

Черезъ Татаръ-Базарджикъ мы прошли не останавливаясь и только за городомъ сдѣлали небольшой привалъ. По всему было замѣтно, что

непріятель только что убрался: правѣе насъ виднѣлись даже небольшія кучки черкесовъ, за которыми гонялись наши кавказскія казаки. Генералъ Гурко, съ биноклемъ въ рукахъ, наблюдалъ происходившую травлю. Отъ мѣстныхъ жителей мы узнали, что непріятель дѣйствительно только что убралъ свои послѣднія части и отступаетъ частью по шоссе, частью по желѣзной дорогѣ. Всю ночь непрерывно ходили поѣзда, увозя войска и мирныхъ жителей, но все-таки не успѣли, до нашего прихода, перевезти всѣхъ, и часть, оставленная на произволъ судьбы, должна была слѣдовать пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги. Арріергардъ этой-то брошенной части били теперь казаки колонны генерала Вельяминова, слѣдовавшей правѣе шоссе.

Разсказываютъ, что при нагрузкѣ войскъ происходили страшные безпорядки: число поѣздовъ и вагоновъ было далеко недостаточно, чтобы перевезти толпы войскъ и жителей, а потому садились не только въ вагоны, но даже и на вагоны, пристраивались тамъ, гдѣ только была какая-нибудь возможность и, гонимыя чувствомъ паническаго страха, не обращали вниманія на неудобство перевозки. „Лишь бы убраться скорѣе“—мыслилъ, вѣроятно, каждый, цѣпляясь за что попало.

Главная вѣтвь турецкой желѣзной дороги, прорѣзывающая вдоль почти всю Турцію, начиналась верстахъ въ пяти отъ Татаръ-Базарджика и шла параллельно шоссе. Поэтому послѣднему для преслѣдованія была уже направлена кавалерія съ конной артиллеріей отряда графа Шувалова, а вслѣдъ за нею двигались стрѣлки. По полотну желѣзной дороги двигался отрядъ генерала Вельяминова съ Кавказской казачьей бригадой во главѣ.

Впереди насъ были слышны уже артиллерійскіе выстрѣлы, ясно свидѣтельствовавшіе, что нашъ передовой кавалерійскій отрядъ уже догналъ непріятеля и билъ по хвосту. Стрѣлки спѣшили на помощь; но скоро намъ пришлось измѣнить свое намѣреніе и исполнить другое назначеніе. Около 3 час. пополудни мы увидѣли въ сторонѣ отъ шоссе нашъ разъѣздъ, который донесъ графу Шувалову, „что по линіи желѣзной дороги, за деревней Аддакіой стоятъ 5—6 турецкихъ таборовъ, которые, слышатъ стрѣльбу впередъ и сзади и, видимо, недоумѣваютъ, не зная на что рѣшиться, куда продолжать путь“.

Получивъ такое донесеніе, графъ Шуваловъ приказалъ немедленно нашему батальону свернуть вправо съ шоссе, пройти деревню и атаковать непріятеля. За нами слѣдовалъ лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи батальонъ и лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ. Въ этомъ мѣстѣ желѣзная дорога подходила къ шоссе, а разстояніе отъ насъ до непріятеля было не велико, но нашъ путь преграждала рѣка Марица. Очутившись на берегу солидной рѣки, по которой, вдобавокъ шелъ ледъ, мы остановились въ недоумѣніи: чего отъ насъ желаютъ?

но подъѣхалъ графъ Шуваловъ и приказалъ идти въ бродъ. Брода для пѣхоты не было видно ни вблизи, ни вдали. Вода вездѣ текла одинаково быстро, унося частицы плавающаго льда. Собравшіяся по ту сторону рѣки, у деревни братушки указывали намъ прямо передъ собой, махали руками и что-то кричали. Стрѣлки, не долго думая, не обращая вниманія ни на ледъ, ни на глубину рѣки и ощутительный морозъ, подобрали свои шинели чуть не на головы и двинулись въ воду. Съ каждымъ шагомъ вода становилась все глубже и глубже и на срединѣ рѣки залила выше пояса средняго человѣка. Одежда быстро намокла, сапоги налились холодной водой. Предоставляется судить каждому о томъ ощущеніи, которое испытываешь, погружаясь въ ледяную воду въ полномъ одѣяніи и при значительномъ морозѣ.

На лошадяхъ вода хватала почти до сѣдла, такъ что ноги всадника, при всемъ стараніи, купались въ холодной ваннѣ. Графъ Шуваловъ любовался молодецкимъ переходомъ стрѣлковъ.

Вслѣдъ за нами переправился 4-й стрѣлковый батальонъ, а правѣе насъ—лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ.

На противуположномъ берегу мы выстроили роты и, разсыпавъ по одной полуротѣ отъ 3-й и 4-й роты, быстро двинулись черезъ деревню къ желѣзной дорогѣ. Пройдя деревню, мы, при слабомъ свѣтѣ сумерекъ, увидѣли вдали черныя массы непріятеля, и намѣревались атаковать. Турки стояли неподвижно и, повидимому, не предпринимали ничего противъ насъ. Наша цѣпь также остановилась въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Между тѣмъ окончательно стемнѣло и атака сдѣлалась невозможной. Предположили окончить на этотъ день преслѣдованіе съ тѣмъ, чтобы, съ разсвѣтомъ слѣдующаго, возобновить его съ новою силой.

Быстро наступившая темнота, быть можетъ, была нашей спасительницей, ибо, какъ оказалось впослѣдствіи, передъ нами стояли не 5—6 ошалѣвшихъ таборовъ, а аріергардъ всей Сулеймановской арміи.

Памятный день 3-го января, послѣ сорока-верстнаго перехода, былъ законченъ блистательной переправой. На страницахъ военной исторіи врядъ ли найдется подобный примѣръ. Онъ съ успѣхомъ можетъ служить доказательствомъ того безпрекословнаго повиновенія приказаніямъ, которыми всегда отличался русскій солдатъ, и стать на ряду съ примѣрами переправы фельдмаршала Ласси, перешедшаго въ 1738 году въ бродъ Гнилое море (Сивашъ),—Апраксина, переведшаго русскія войска въ 1710 году по-льду черезъ Финскій заливъ для осады Выборга, Барклай-де-Толли, Багратіона и Шувалова въ 1809 году при вторженіи въ Швецію.

Въ исходѣ седьмаго часа батальонъ былъ размѣщенъ по квартирамъ въ деревнѣ Аддакіой. Отъ долгаго стоянья на морозѣ, вымокшее платье превратилось въ ледяную кору и далеко за полночь пришлось отогрѣвать окоченѣвшіе члены...

Первый день сраженія у Филиппополя, 3-го января. — Сраженіе у Аддакіоя и Кады-Кіоя.

Въ 7 часовъ утра, 3-го января, батальоны стояли уже въ колоннахъ на площадкѣ передъ деревней и намѣревались двинуться въ путь. Въ это время остальныя части отряда графа Шувалова переправлялись черезъ рѣку и также строились въ колонны. Страшно смотрѣть было на оледенѣлое платье солдатъ, спѣшившихъ пристроиться къ какому-либо изъ костровъ, чтобы „налету“ хотя немного обсушиться и согрѣться. Тяжелыя орудія также перекатили черезъ рѣку и длинной цѣпью вытягивались изъ деревни. Къ восьми часамъ утра всѣ были готовы и отрядъ двинулся по направленію къ линіи желѣзной дороги. Лишь только мы вышли въ открытую мѣстность, какъ глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина: влѣво отъ насъ, у деревни Кады-Кіой, на небольшой возвышенности толпились большія массы непріятельской пѣхоты; вправо, изъ лѣска, отъ деревни Кари-дерменъ, выѣзжала непріятельская кавалерія, силою до двухъ полковъ, и направлялась подошвой горъ къ расположенію пѣхоты. Такимъ образомъ первоначально непріятель былъ у насъ съ трехъ сторонъ: спереди, слѣва и справа. Сообразно съ этимъ расположеніемъ непріятеля и мы должны были изломать свой фронтъ по тремъ направленіямъ, причемъ главнымъ былъ, конечно, тотъ, который обращенъ въ сторону непріятельской пѣхоты. Этотъ главный фронтъ былъ занятъ 4-мъ стрѣлковымъ Императорской Фамиліи батальономъ, мѣстность прямо передъ нами занялъ 3-й стрѣлковый Финскій батальонъ и Павловскій полкъ, а въ образовавшемся такимъ образомъ углу сталъ нашъ батальонъ. Задача батальона состояла не только въ томъ, чтобы быстро поддержать тотъ и другой фронтъ, но и быть готовымъ на случай появленія непріятеля на правомъ нашемъ флангѣ и даже въ тылу. Для выполненія такой задачи, расположеніе батальона обусловливалось тѣмъ необходимымъ соображеніемъ, чтобы въ данную минуту онъ легко могъ поспѣть въ ту или другую сторону, т. е. онъ долженъ былъ быть въ центрѣ, гдѣ бы этотъ центръ не пришелся. Мѣстность была совершенно ровная, открытая, о какомъ либо закрытіи нечего было и думать и батальонъ расположился прямо на снѣгу въ колоннѣ. Большое черное пятно на бѣломъ фонѣ ясно вырисовывалось и мы служили отличной мишенью непріятельскимъ снарядамъ и пулямъ со всѣхъ сторонъ. Какое-то великое счастье спасло насъ отъ разстрѣлянія, не смотря на то, что непріятельскія батареи обратили на насъ главное свое вниманіе и положительно заваливали снарядами. Мало того: по насъ дала залпъ даже собственная артиллерія съ противуположнаго берега Марицы и собиралась повторить его, еслибъ не была предупреждена. Случилось это такимъ образомъ: въ то время, когда мы

намѣревались расположиться на указанномъ мѣстѣ и производили перестроеніе, почти надъ нашими головами разорвались гранаты. Всѣ были въ недоумѣніи: — откуда онѣ, и вопросительно посматривали по сторонамъ. Наконецъ командиръ батальона замѣтилъ на противуположномъ берегу рѣки цѣлую батарею, приготовлявшуюся, вѣроятно, повторить неудачный залпъ, и послалъ меня доложить объ этомъ графу Шувалову.

Такая ошибка произошла, вѣроятно, вслѣдствіе того, что слѣдовавшія за нами части по шоссе не были предупреждены о нашемъ движеніи въ сторону и приняли насъ за непріятеля.

Остановившись на мѣстѣ, стрѣлки тотчасъ же окопались; но это закрытіе лишь отчасти предохраняло отъ ружейныхъ пуль, снаряды же могли безпрепятственно поражать насъ въ любомъ мѣстѣ. Я говорилъ, что только великое счастье спасло насъ отъ нихъ. Всѣ онѣ ложились вправо и ни одна не попала въ батальонъ. Проходившая сзади насъ рота лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка была разбита гранатой, попавшей въ центръ ея, и, вѣроятно, предназначенный непріятелемъ для насъ. Ослабѣвшіе осколки долетали до батальона. Пули летѣли съ двухъ сторонъ, рекошетировали, или шлепались о маленькіе бруствера закрытія. Болѣе навѣсныя перелетали ихъ и ранили, или же съ шумомъ цѣплялись за манерки и застрявали въ скатанныхъ шинеляхъ.

Одна изъ пуль пострѣлила насквозь унтеръ-офицера 3-й роты, Казанцева. Раненый съ громкимъ стономъ повалился на землю. Имѣя въ виду дурное моральное вліяніе стона на окружающихъ, командиръ батальона началъ, шутливымъ тономъ, утѣшать раненаго. Вслѣдъ за симъ пуля съ рѣзкимъ звукомъ попадаетъ въ голову ефрейтору 2-й роты, Пелимонова. „Что съ тобой?“ вопросилъ его командиръ.—„Да вотъ, ваше благородіе, пуля попала въ голову, да, кажется, тамъ и осталась“, отвѣтилъ онъ скороговоркой, прикладывая руку къ козырку и вытягиваясь передъ командиромъ. Пуля дѣйствительно попала въ голову, но не пробила ее, а только рекошетировала, оставивъ глубокую царапину.

За такое равнодушное отношеніе къ собственной головѣ и вообще за примѣрную храбрость, ефрейторъ Пелимоновъ былъ произведенъ командиромъ батальона тутъ же въ унтеръ-офицеры.

Ружейная и артиллерійская перестрѣлка продолжалась цѣлый день. Турки, вѣроятно, не мало дивились стойкости и живучести нашего батальона, не измѣнившаго своего расположенія, не смотря на гранаты и пули. Вообще говоря, положеніе, въ которомъ приходится дѣйствовать на врага только своимъ видомъ и стойкостью, далеко нелегкое и требуетъ особенной боевой подготовки и нравственной силы. Часть, обреченная на разстрѣляніе и въ то же время не принимающая прямаго участія въ дѣлѣ, должна высоко стоять въ этомъ отношеніи, чтобы до конца исполнить свое назначеніе и достигнуть какого-либо результата.

Только тогда она въ состояніи потрясти моральныя силы врага и, несомнѣнно, способствуетъ скорѣйшему окончанію дѣла въ благопріятную сторону.

Около четырехъ часовъ пополудни у непріятеля начались приготовленія къ отступленію: на первый планъ выдвигалась кавалерія; перестрѣлка утихала. Мѣстность впереди насъ была уже очищена стараніями лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и 3-го стрѣлковаго Финскаго батальона. Нашъ фронтъ вытянулся въ одну линію и завернулъ правымъ плечомъ. Въ это время батальону было приказано перейти на лѣвый флангъ батальона Императорской Фамиліи и занять образовавшійся промежутокъ между этимъ послѣднимъ и лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ. Артилерійскій огонь прекратился, ружейный значительно ослабѣлъ и слышался все далѣе и далѣе. При этомъ намъ пришлось наблюдать весьма красивое и интересное явленіе. Часть отступающаго непріятеля вела перестрѣлку съ преслѣдовавшей ее кавалеріей въ небольшомъ лѣску; но такъ какъ совершенно уже стемнѣло и вѣтеръ былъ въ противуположную отъ насъ сторону, то мы не слышали звука выстрѣловъ, а видѣли одни огоньки, поминутно мерцающіе межъ густыхъ деревьевъ.

Въ этотъ же день гвардейскими драгунами былъ занятъ городъ Филиппополь и непріятельскія войска отброшены къ горамъ.

Къ шести часамъ вечера уже ни одного непріятельскаго солдата не оставалось на занимаемой имъ позиціи. Наши батальоны, вмѣстѣ съ другими частями, были отведены въ деревню и расположены по квартирамъ.

Такъ кончился первый достопамятный день сраженія подъ Филиппополемъ. Турки очистили занимаемую ими позицію и отступили. Дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ было отложено до другаго дня.

Второй день сраженія подъ Филиппополемъ, 4-го января. — Сраженіе у Дриенъ-Дере и Карагеля.

Послѣ боя у деревни Аддакіой, непріятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ нашими войсками, отступилъ къ востоку и прижался къ горамъ. Въ ночь съ 3-го на 4-е онъ успѣлъ занять позицію на склонахъ горъ, выставилъ артиллерію и приготовился къ упорной оборонѣ. Съ разсвѣтомъ 4-го наши войска двинулись въ путь, для овладѣнія этой новой позиціей, въ составѣ трехъ колоннъ. Правая — генерала Вельяминова. средняя — графа Шувалова и лѣвая — Шильдеръ-Шульднера. Въ авангардѣ средней колонны, по полотну желѣзной дороги, двигалась гвардейская стрѣлковая бригада.

Въ $8^1/_2$ часовъ утра мы были уже на желѣзной дорогѣ и двинулись къ деревнѣ Кады-Кіой, занятой, наканунѣ, турками. Движеніе происхо-

дило со всѣми предосторожностями: впереди шла рота Его Величества нашего батальона, разсыпавъ вправо и влѣво отъ дороги сильную боевую цѣпь. Въ такомъ порядкѣ слѣдовали мы до деревни, ожидая ежеминутно встрѣчи съ непріятелемъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, деревня и всѣ прилежащія окрестности были очищены. Въ это время колонна генерала Вельяминова, слѣдовавшая правѣе насъ, наткнулась уже на непріятеля и завязывала артиллерійскую перестрѣлку. Мы продолжали движеніе по желѣзной дорогѣ, параллельно фронту непріятельскаго расположенія, съ цѣлью занять позицію передъ нимъ на случай наступленія непріятеля. Такимъ образомъ средняя колонна, не имѣя возможности наступать на фронтъ непріятеля по совершенно открытой мѣстности, должна была ограничиться оборонительнымъ положеніемъ, предоставляя фланговымъ отрядамъ вести атаку. Вѣроятность наступленія непріятеля была весьма мала, но все-же графъ Шуваловъ не пренебрегъ этой вѣроятностью, въ виду отчаяннаго положенія противника и приготовился къ оборонѣ. Когда голова нашего отряда была на высотѣ непріятельскихъ позицій, то турки открыли по насъ артиллерійскій огонь; но снаряды не долетали и рвались саженяхъ въ 50-ти отъ линіи желѣзной дороги. Длинная кишка, вытянувшаяся на нѣсколько верстъ, служила прекрасной цѣлью и намъ досталось-бы плохо, если бы опять не счастливая случайность. Мы уже привыкли считать себя въ полной безопасности отъ турецкихъ выстрѣловъ и двигались спокойно, какъ вдругъ одна изъ гранатъ съ визгомъ пролетѣла въ интервалъ между 1-ю и 2-ю ротами и закопалась безъ разрыва. Вѣроятно турки не видѣли этого перелета и рѣшили, что гранаты не долетаютъ, прекратили стрѣльбу; а между тѣмъ, продолжай они ее, мы очутились-бы въ весьма критическомъ положеніи и не отдѣлались-бы одной неожиданностью. Дѣло въ томъ, что какъ-бы не громили насъ турки, мы не могли-бы оставить желѣзной дороги, такъ какъ на нашихъ рукахъ была артиллерія, которую теперь съ большимъ трудомъ перевозили по сквозному желѣзному мосту.

Переправившись и переправивъ артиллерію по ту сторону рѣки, мы построили батальонныя колонны и стали резервомъ у желѣзнодорожной будки, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Батарея выстроилась на полотнѣ и открыла огонь. За нами, недалеко, стоялъ обширный обозъ турецкихъ жителей, вышедшихъ изъ Филиппополя.

Въ третьемъ часу пополудни было приказано отправиться для прикрытія артиллеріи, которая занимала позицію впереди желѣзной дороги и нѣсколько лѣвѣе будки, на опушкѣ небольшой рощицы. На этомъ мѣстѣ мы провели остатокъ дня и всю ночь съ 4-го на 5-е. Орудія продолжали перестрѣливаться, но ружейнаго огня не было весь день. Къ вечеру замолкли и они, а непріятель, повидимому, остался на своихъ позиціяхъ. На ночь батальонъ нашъ устроился прекраснѣйшимъ обра-

зомъ въ рощѣ. Достали сѣна, развели костры и спокойно продремали до утра, мечтая скоро попасть на теплыя квартиры въ городъ Филиппополь, куда уже были направлены квартирьеры.

Третій день сраженія подъ Филиппополемъ, 5-го января.—Сраженіе у деревни Марково.

Послѣдній день кровавой битвы начался тихимъ, спокойнымъ утромъ. На позиціи непріятеля не было замѣтно никакого движенія, какъ-бы вымерли всѣ, или убрались въ горы. Лишь изрѣдка, въ сторонѣ города, раздавался одиночный выстрѣлъ и снова все тихо. Сама погода, прекрасная, ясная, располагала къ отдыху. Мы были у цѣли и всѣми силами стремились къ ней, но безуспѣшно. Двухдневное, непрерывное преслѣдованіе непріятеля не остановилось на этомъ. Въ немъ было слишкомъ много еще силы, чтобы бѣжать. Онъ твердо рѣшился защищаться до послѣдней возможности и съ трудомъ уступалъ залитыя кровью позиціи. Въ ночь съ 4-го на 5-е непріятель занялъ новую позицію, восточнѣе прежней и приготовился къ оборонѣ.

Притиснутый совершенно къ горамъ и окруженный плотно съ трехъ сторонъ нашими войсками, непріятель потерялъ прямой путь отступленія. Ему оставался единственный и весьма неудобный путь черезъ горы на Станимакъ, но и тутъ была поставлена грозная преграда въ видѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Такое безъисходное положеніе непріятеля придавала ему отчаянную смѣлость. Численность арміи Сулеймана-паши въ это время, говорятъ, простиралась отъ 40 до 45 тысячъ человѣкъ.

Въ 10 ч. утра отрядъ Шильдеръ-Шульднера подходилъ къ правому флангу непріятеля. По немъ открюли страшнѣйшій орудійный огонь, такой огонь, какого мы не слыхали за всю компанію, да это было и понятно. Непріятель, видимо, не щадилъ снарядовъ, сознавая свое положеніе и дѣлалъ залпъ за залпомъ. Скоро въ той-же сторонѣ завязалась ружейная перестрѣлка. Бой разгорался. Наши войска стягивались и насѣдали на непріятеля. Къ лѣвому флангу двигался отрядъ генерала Вельяминова, съ фронта подходилъ нашъ. Въ 12 ч. дня нашъ батальонъ былъ потребованъ къ деревнѣ Марково, для поддержанія атаки лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. По пути намъ пришлось проходить по совершенно открытой мѣстности, въ виду всѣхъ турецкихъ батарей, но непріятель почему-то не тронулъ насъ и мы благополучно прошли къ деревнѣ. Вслѣдъ за нами двигался лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ и былъ осыпанъ гранатами.

Главная позиція непріятеля располагалась на склонѣ горъ, откуда далеко была видна окружающая мѣстность; непріятель могъ легко на-

блюдать непрерывное движеніе нашихъ войскъ по шоссе и обстрѣливать подступающія колонны.

Непріятель нѣсколько разъ намѣревался прорваться на нашемъ лѣвомъ флангѣ и сильно тѣснилъ отрядъ Шильдера-Шульднера. Для облегченія положенія этого послѣдняго, нашей бригадѣ было приказано „не обращая вниманія на батарею, двинуться на лѣвый флангъ турокъ“, но подобное движеніе было невозможно, такъ какъ пришлось-бы форсировать узкій проходъ, сильно обстрѣливаемый непріятелемъ и потому оно скоро было оставлено. Къ тому-же атака ослабѣвала и на гребнѣ начали появляться сначала одиночные люди, а затѣмъ и цѣлыя части. Непріятель по временамъ останавливался и стрѣлялъ по деревнѣ Марково. Выстрѣлы съ большой высоты были почти отвѣсные и ранили даже за домами. Первоначально такое движеніе непріятеля было принято за желаніе обойдти нашъ правый флангъ и генералъ Эллисъ послалъ меня предупредить стоявшую на немъ сотню Кавказской казачьей бригады; но скоро мы убѣдились, что это не болѣе какъ отступленіе по горнымъ тропинкамъ. Въ началѣ пятаго часа отступленіе было замѣтно уже по всей линіи. Часть разбитой арміи бросилась на югъ къ Станимаку и, наткнувшись здѣсь на 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, была окончательно разсѣяна; другая, подъ личнымъ начальствомъ самого Сулеймана-паши, направилась горными тропинками на востокъ черезъ Тахталы, Караджаларъ и Кюмюрджи, по направленію на Хасъ-Кіой.

Кавалерія наша бросилась въ преслѣдованіе, а мы размѣстились по квартирамъ въ деревнѣ Марково. Ночью рота Его Величества стояла на аванпостахъ.

Послѣ трехдневнаго боя, окончательно разбивъ армію Сулеймана-пашъ и заставивъ его, потерявъ 110 орудій, бѣжать въ горы, отрядъ графа Шувалова утромъ 6-го января, на Крещенье, вступалъ въ городъ съ музыкой и распущенными знаменами. Генералъ Гурко пропускалъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ побѣдоносныя войска и благодарилъ ихъ за службу. Стеченіе публики было огромное. Всѣ тѣснились и съ любопытствомъ смотрѣли на оборванные, но полные силы и энергіи войска. Несмотря на 150 верстъ безпрерывнаго форсированнаго марша въ погоню за непріятелемъ, они смотрѣли бодро и твердо двигались впередъ подъ звуки давно забытой музыки.

Послѣдній актъ кровавой драмы конченъ; всѣ сознавали это и могли спокойно отдыхать въ завоеванномъ городѣ. Изъ окрестностей каждый день приходили все болѣе и болѣе утѣшительныя вѣсти. Наша кавалерія преслѣдовала непріятеля и добивала его бренныя остатки. 7-го января полковникъ Грековъ съ налету захватилъ всю полевую артиллерію колонны Сулеймана-паши, 40 орудій, и разбилъ на голову прикрывавшую ее пѣхоту — около 5-ти таборовъ.

Въ тотъ-же день полковникъ Панютинъ, на голову разбивъ и разсѣявъ прикрытіе изъ 6-ти таборовъ, захватилъ обозъ, состоящій болѣе чѣмъ изъ 20,000 повозокъ.

И, наконецъ, 8-го января былъ занятъ городъ Адріанополь передовымъ кавалерійскимъ отрядомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова.

Городъ Филиппополь, въ которомъ теперь удобно мы расположились по квартирамъ, былъ несравненно лучше всѣхъ пройденныхъ нами городовъ. При тѣхъ-же кривыхъ улицахъ, незатѣйливой архитектурѣ домовъ, онъ носилъ болѣе слѣдовъ цивилизаціи, вѣроятно, благодаря желѣзной дорогѣ, и здѣсь можно было найдти даже цѣлые склады и магазины. Расположенъ онъ на двухъ скалахъ, выдвинувшихся, неизвѣстно почему, среди обширной равнины. Маленькіе деревянные домики тѣсно жались на обрывистыхъ каменистыхъ склонахъ скалъ и ихъ вершинахъ, представляя видъ красивой игрушки. Черезъ городъ протекала широкая рѣка—Марица. Постоянный мостъ на ней былъ сожженъ турками и замѣненъ временнымъ, деревяннымъ, въ 70 саженъ длины и 9 ф. ширины, построеннымъ нашимъ гвардейскимъ сапернымъ батальономъ въ первый день прибытія.

Во время стоянки въ Филиппополѣ Государь Императоръ соизволилъ пожаловать батальону 14 знаковъ отличія военнаго ордена 4-й степени за переходъ черезъ Лалканы и разновременныя дѣла съ турками во время этого перехода.

Отъ Филиппополя до Адріанополя (отъ 10-го до 16-го января).

Переходъ отъ Филиппополя къ Адріанополю долженъ былъ окончиться въ шесть дней и, сообразно этому, раздѣлялся на шесть отдѣльныхъ переходовъ черезъ деревни: Папасли, Каялы, городъ Хасъ-Кіой, Германлы и Мустафа-паша-Кепри-су.

Бригада, въ составѣ колонны генералъ-адъютанта графа Шувалова, выступила изъ города Филиппополя 10-го января, въ 11 часовъ утра, и направилась по адріанопольскому шоссе.

Одновременно съ выступленіемъ нашего отряда изъ Филиппополя, началось окончательное преслѣдованіе арміи Сулеймана-паши въ Родопскихъ горахъ отрядами генералъ-маіоровъ: Курнакова, Чернозубова и свиты Его Величества Черевина.

Дорогу отъ Филиппополя до Адріанополя можно, по-справедливости, назвать „мертвой дорогой“. Съ первыхъ же шаговъ мы наткнулись на массу труповъ людей, лошадей и буйволовъ. Разбитыя каруцы, множество всякаго хлама валялись по дорогѣ и по сторонамъ ея. Между ними бродили, словно стая голодныхъ собакъ, болгаре, сдирающіе кожи съ ло-

шадей и разбирающіе всякую рухлядь. На встрѣчу тянулись безконечные обозы мирныхъ жителей, возвращающихся во-свояси. Повозки были запряжены волами и, двигаясь шагъ за шагомъ, издавали невообразимый скрипъ, визгъ и всевозможные звуки. Изъ кибитокъ высовывались головы дѣтей, женщинъ и стариковъ. При остановкѣ на привалѣ, стрѣлки кормили дѣтей сахаромъ, а голоднымъ туркамъ и турчанкамъ раздавали свои сухари. Не смотря на морозъ въ 3—4°, всѣ они были одѣты весьма легко, дѣти въ однихъ рубашенкахъ бѣгали босыми ногами по холодному шоссе и тряслись отъ холода. Нерѣдко среди чистаго поля встрѣчались брошенныя замерзающія дѣти. Ихъ подбирали, кто могли, и везли съ собой.

(На этомъ переходѣ до Адріанополя было подобрано большинство дѣтей, привезенныхъ затѣмъ войсками въ Петербургъ).

Въ 5 часовъ вечера батальонъ подходилъ къ полуразрушенной, покинутой деревни Папасли и расположился, за неимѣніемъ достаточнаго количества помѣщенія, частью по квартирамъ, частью на бивуакѣ.

За примѣрное движеніе стрѣлковой бригады, графъ Шуваловъ, въ приказѣ отъ 11-го января, благодарилъ батальоны и начальника бригады, свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса. Нужно отдать полную справедливость стрѣлкамъ: они безпримѣрно шли походнымъ порядкомъ и отсталыхъ почти не было видно. Если взглянуть со стороны на движеніе бригады и какого-либо полка, то съ разу увидишь разницу и спросишь: „что это значитъ?“ Мнѣ кажется, многое тутъ значитъ самостоятельное управленіе отдѣльными батальонами, которое позволяетъ строже слѣдить за дѣйствіями подчиненныхъ во всякое время ихъ разнообразной походной жизни. Къ слову будетъ сказано, одежда и обувь гвардейской стрѣлковой бригады, благодаря тому же, всегда была лучшею и даже въ продовольствіи мы почти никогда не нуждались. Этотъ отзывъ принадлежитъ не только мнѣ, но и подтвержденъ офицерами другихъ полковъ, не разъ удивлявшимися отличному матеріальному состоянію бригады.

11-го января, въ 9 часовъ утра, выступили мы изъ деревни Папасли въ Каялы.

Характеръ мѣстности отъ Папасли значительно измѣняется и мало-по-малу обширная долина Марицы переходитъ въ волнистую, изрѣдка пересѣченную балками и оврагами мѣстность. Направо и налѣво, по горизонту, тянутся снѣжные хребты Малыхъ и Большихъ Балканъ, постепенно понижающіеся къ востоку. Въ 5 часовъ вечера батальонъ прибылъ въ деревню и расположился по квартирамъ.

12-го января, въ 9 часовъ утра, выступили въ городъ Хасъ-Кіой. Тутъ кончалась первая половина нашего пути до Адріанополя. Городъ Хасъ-Кіой не задолго передъ нами былъ покинутъ турками, оставившими

свѣжіе кровавые слѣды. Отыскивая себѣ квартиру, мы наткнулись на раздирающую картину: обширная комната была наполнена трупами зарѣзанныхъ. Лужи свѣжей крови стояли на полу. У всѣхъ были крѣпко связаны назадъ руки и загнуты головы. По выраженіямъ лицъ видно было съ какими ужасными страданіями кончилась жизнь этихъ несчастныхъ. Не могу забыть пристально остановившагося взгляда одного изъ зарѣзанныхъ. Молящее выраженіе застыло на помутившихся глазахъ и производило ужасное впечатлѣніе. Это было въ верхнемъ этажѣ; нижній этажъ, подвалъ, былъ наполненъ такими же трупами.

Въ домѣ, въ которомъ мы остановились на ночлегъ, подвалъ былъ также полонъ труповъ и намъ пришлось провести ночь въ ихъ сосѣдствѣ. По городу мы встрѣчали „братушекъ“, вооруженныхъ съ ногъ до головы допотопными ружьями и пистолетами, съ огромными ножами за поясомъ, которые, при встрѣчѣ съ нами, съ восторгомъ объявляютъ, что идутъ на охоту за турками, разбѣжавшимися въ горы. Невольно понимаешь ихъ восторгъ при возможности хотя чѣмъ нибудь отомстить своему вѣковому врагу и излить всю накопившуюся долголѣтнюю злобу!

Слѣдующій переходъ былъ до деревни Германлы. 13-го января, въ 9 часовъ утра, отрядъ потянулся по шоссе. Деревня Германлы, расположенная на крутыхъ берегахъ рѣки Марицы, представляла прекрасную панораму: на окрестныхъ хомлахъ виднѣлись ложементы, — свидѣтели недавняго пребыванія непріятеля въ этихъ мѣстахъ, собиравшагося, какъ говорятъ, оборонять каменный мостъ черезъ рѣку, но разбитаго и разсѣяннаго кавалерійскимъ отрядомъ генерала Скобелева 1-го.

Тутъ была желѣзнодорожная станція. Воспользовавшись этимъ, командиры батальоновъ послали въ городъ Адріанополь офицеровъ для заготовленія кожъ на шитье и починку сапогъ.

14-го января, въ 9 часовъ утра, батальонъ выступилъ въ городокъ Мустафа-паша-Кепри-су. Съ утра шелъ мелкій дождикъ. Небо покрыто сплошь сѣрыми облаками. Шоссе, по которому двигался отрядъ, проходило близъ линіи желѣзной дороги, по которой, въ этотъ день, долженъ былъ проѣхать Великій Князь Главнокомандующій, изъ Казанлыка въ Адріанополь. Насъ предупредили объ этомъ и въ назначенный часъ мы остановились на привалѣ, ожидая появленія поѣзда. Въ 12-мъ часу показался поѣздъ. Поровнявшись съ войсками, Великій Князь, изъ окна вагона, поздоровался. Стрѣлки отвѣтили, прокричали „ура!“ и поѣздъ скрылся.

Между тѣмъ дождь все болѣе и болѣе усиливался и наконецъ обратился въ ливень. На улицахъ Мустафа-паша, куда прибыли мы уже при полной темнотѣ, образовалось цѣлое море грязной воды. Батальонъ размѣстился въ какихъ-то лавкахъ, а офицерамъ были отведены квартиры за рѣкой, черезъ которую нужно было переходить въ бродъ. Перепра-

вившись благополучно, мы нашли прекрасныя квартиры и удобно размѣстились; но на утро горько раскаявались въ выборѣ квартиръ, изрядно поплатившись за этотъ комфортъ и удобство, которые встрѣтили за рѣкой. Всю ночь шелъ проливной дождь и рѣка, черезъ которую мы такъ свободно переправились наканунѣ, превратилась въ глубокій стремительный потокъ. Переправляться нужно, но какъ? Очевидно, вода поднялась выше роста человѣка, да къ тому же совершенно темно и теченіе очень быстро. Единственная возможность была переправиться вплавь на лошадяхъ. Такъ, конечно, и сдѣлали. Лошадей сильно сносило внизъ по теченію, но обошлось безъ несчастій и мы благополучно переправились на другой берегъ къ батальону. Батальонъ былъ уже готовъ и въ 8 часовъ утра (15-го января) выступилъ къ Адріанополю.

Не доходя верстъ 15-ти до города, отрядъ былъ задержанъ разлившимся притокомъ Марицы. Вода снесла мостъ, а бродъ былъ слишкомъ глубокъ. Нужно было или ждать убыли воды, или-же построить мостъ. Рѣшено было послѣднее, и лейбъ-гвардіи саперный батальонъ немедленно приступилъ къ постройкѣ кавказскаго моста. Матерьяломъ служили телеграфные столбы, которые подносили стрѣлки и солдаты Московскаго и Гренадерскаго полковъ. Часть артиллеріи переправилась въ бродъ, но такъ размяла дно, что дальнѣйшая переправа была невозможна. Слѣдуя примѣру артиллеріи, за ней двинулась было чья-то карета, но застряла по срединѣ рѣки и, предоставленная судьбѣ, все болѣе и болѣе погружалась въ воду. Разсчитавъ, что постройка моста можетъ быть окончена не ранѣе 8-ми часовъ вечера, а, слѣдовательно, въ Адріанополь пришлось-бы вступить въ полночь, генералъ Эллисъ рѣшилъ остановить бригаду гдѣ-либо на ночлегъ и уже утромъ продолжать движеніе. Съ этою цѣлью батальонные адъютанты переправились черезъ рѣку и направились розыскивать подходящую деревню.

Не далеко отъ переправы, въ сторонѣ отъ шоссе, виднѣлся какой-то чифтликъ, куда мы и направили свои стопы.

Нѣсколько обширныхъ дворовъ были покрыты трупами, по преимуществу женщинъ и дѣтей. Почти всѣ были убиты штыковыми ранами въ горло. Поѣздивши еще немного по ужасному чифтлику и не встрѣтивъ ни одной живой души, мы возвратились на шоссе. Въ это время къ намъ подходила бригада и мы двинулись впередъ, а пройдя версты двѣ, свернули въ сторону и расположились въ деревнѣ Кемы. Остальныя части отряда, переправясь по изготовленному мосту, направились прямо въ Адріанополь.

Переночевавъ въ деревнѣ Кемы, въ 10 часовъ утра 16-го, батальонъ выступилъ и въ 3-мъ часу дня проходилъ уже межъ обширныхъ персиковыхъ садовъ, предмѣстій Адріанополя. Въ городѣ насъ встрѣтили квартирьеры и, между прочимъ, разсказывали объ ужасномъ пожарѣ,

вспыхнувшемъ въ ночь въ турецкихъ казармахъ, въ которыхъ расположились части нашего отряда. Много было несчастныхъ случаевъ: прыгали изъ оконъ, за неимѣніемъ достаточнаго числа выходовъ, ломали ноги и руки. Словомъ происшествіе ужасное! Мы избавились отъ катастрофы только благодаря тому, что переночевали въ деревнѣ Кемы. И тутъ счастіе не покинуло нашу бригаду.

Описывать городъ не стоитъ, такъ какъ въ общемъ онъ та-же Софія, тотъ-же Филиппополь, только немного обширнѣе и оживленнѣе. Лавокъ много, даже есть базаръ, вродѣ нашихъ ярмарочныхъ рядовъ, нѣсколько ресторановъ, въ которыхъ подаютъ все на оливковомъ маслѣ; есть даже парикмахерская. На этой послѣдней слѣдуетъ немного остановиться и заглянуть во внутрь. Зеркало, столы—все какъ у насъ, даже физіономія хозяина „парикмахерская“, но только брѣютъ довольно курьезно: къ горлу подставляется мѣдный тазъ съ выемкой, плотно охватывающій горло. Въ тазу теплая вода, которую рукой плескаютъ на лицо, а за симъ, прямо на лицѣ, начинаютъ растирать мыло. Испытавшій такой сложный процессъ бритья, выходитъ изъ парикмахерской разслабленнымъ, съ страшной болью въ лицѣ.

Изъ зданій замѣчательна мечеть Селима, да конакъ, въ которомъ помѣщался теперь Великій Князь Главнокомандующій.

Пройдя рядъ длинныхъ кривыхъ улицъ, батальонъ расположился на квартирахъ въ концѣ города, близъ турецкаго кладбища. Посланные изъ Германлы офицеры сдѣлали значительный запасъ кожи для починки сапогъ, такъ что немедленно было приступлено къ исправленію обуви.

На другой день по приходѣ, въ 12 часовъ дня, Его Императорское Высочество Главнокомандующій изволилъ объѣзжать бригаду, построенную безъ ружей, вблизи своихъ помѣщеній. Восторженнымъ „ура“ встрѣтилъ своего Августѣйшаго Главнокомандующаго батальонъ, и удостоился получить 7 знаковъ отличія военнаго ордена 2-й и 3-й степени.

Въ этотъ-же день передовой кавалерійскій отрядъ свиты Его Величества генералъ-маіора Струкова занялъ городъ Чорлу по константинопольскому шоссе.

19-го января, вечеромъ, городъ огласился торжественнымъ крикомъ „ура“. Первоначально мы не знали причину такого поздняго ликованья и съ нетерпѣньемъ ожидали извѣстій изъ главной квартиры. Предположеніямъ и догадкамъ не было конца; но всѣ они были болѣе или менѣе вѣрны, такъ какъ никто не ждалъ никакихъ побѣдъ, а между тѣмъ, текущія событія уже давно указывали на близость заключенія мира. Поздній крикъ „ура“, неожиданно пронесшійся по затихшему городу и радостно отозвавшійся въ сердцахъ всѣхъ, и былъ результатомъ подписанія предварительныхъ условій мира.

20-го января, по этому случаю, въ кафедральномъ соборѣ города

*

Адріанополя, былъ отслуженъ молебенъ въ присутствіи Его Высочества Главнокомандующаго и всѣхъ офицеровъ. Улица, ведущая къ собору, была запружена народомъ и украшена цвѣтами. По окончаніи молебствія, главный полевой священникъ обратился съ рѣчью къ Августѣйшему Главнокомандующему, въ которой высказалъ благодарность отечества за понесенные Его Высочествомъ труды и за тѣ успѣхи, которые, благодаря мудрымъ распоряженіямъ Его Высочества, доставили неувядаемую славу русскому оружію.

Утромъ, 21-го, въ ротахъ, при полномъ собраніи нижнихъ чиновъ, былъ прочитанъ приказъ начальника отряда слѣдующаго содержанія:

„Въ отвѣтъ на донесеніе мое о дѣлахъ 3-го, 4-го и 5-го сего января Его Императорское Высочество Главнокомандующій, 11-го сего января изволилъ почтить меня слѣдующею депешею:

„Вчера Я имѣлъ счастіе получить отъ Государя Императора слѣдующую телеграмму, отправленную изъ С.-Петербурга, 9-го сего января:

„Телеграмму Твою, отъ 7-го января, о славныхъ дѣлахъ 4-го и 5-го января, получилъ только сегодня вечеромъ, передай всѣмъ Нашимъ молодцамъ Мое сердечное спасибо. Радуюсь, что Моя старая команда продолжаетъ отличаться на каждомъ шагу".

„Милостивыя слова Государя Императора, обращенные къ вашимъ подчиненнымъ, спѣшу передать для объявленія по всему ввѣренному вамъ отряду".

„Предписываю прочесть это во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ при собраніи всѣхъ чиновъ.

„Подписалъ: начальникъ отряда генералъ-адъютантъ Гурко".

Послѣдніе дни стоянки въ городѣ Адріанополѣ до 24-го января включительно производились смотры обуви начальникомъ бригады и командиромъ батальона.

Наканунѣ выступленія въ батальонъ прибыла команда на пополненіе въ 22 человѣка изъ запаснаго стрѣлковаго батальона.

Отъ Адріанополя до С.-Стефано (съ 25-го января по 12-е февраля).

25-го января бригада, вмѣстѣ съ 5-ю и 6-ю батареями 1-й гвардейской артиллерійской бригады, выступила по константинопольскому шоссе въ городъ Чорлу. Движеніе должно было быть кончено въ 6-ть дней черезъ деревни: Хавсъ, Баба-Ески, Люле-Бургасъ и Коретиранъ. Въ Баба-Ески войска оставались на дневки и 30-го января прибыли въ городъ Чорлу. Въ виду предполагаемаго продолжительнаго стоянія въ городѣ, первой заботой войскъ было приведеніе его въ порядокъ и очищеніе отъ той грязи и всевозможнаго мусора, которымъ отличаются турецкіе города. Мѣры, принятыя для этого, были настолько

энергичны, что черезъ два дня городъ былъ неузнаваемъ: улицы выметены, нечистоты зарыты, на заборахъ появились объявленія полиціи, таксы, и пр., и пр. Роты размѣстились на просторныхъ квартирахъ турецкой части города. Скоро предполагалось начать ученья, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить массу свободнаго времени и не дать людямъ залежаться въ ихъ комфортабельныхъ помѣщеніяхъ. Для сбереженія сухарей питались печенымъ хлѣбомъ, который приготовлялся въ устроенныхъ нами хлѣбопекарняхъ. Непрерывную войну приходилось вести съ продавцами водки; лишь только ихъ прогоняли съ одного мѣста, они, незамѣтно, появлялись на другомъ и продолжали продавать свою отвратительную жидкость, мало похожую даже на водку.

Несмотря на заключенное перемиріе, къ намъ доходили иногда тревожныя вѣсти: партіи баши-бузуковъ и даже регулярныхъ войскъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжали свои разбойничьи набѣги и не признавали перемирія. Приходилось прибѣгать къ силѣ и посылать небольшія части для усмиренія разбойниковъ.

4-го февраля въ ротахъ былъ прочитанъ приказъ по войскамъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, отъ 26-го декабря прошлаго года. Въ приказѣ этомъ объявлялось письмо командира Прусскаго гвардейскаго корпуса, принца Августа Виртембергскаго, на Высочайшее имя Государя Императора.

Содержаніе письма слѣдующее:

„Ваше Величество! Съ соизволенія Его Величества императора Германскаго и короля Прусскаго, осмѣливаюсь я самъ и отъ имени ввѣреннаго мнѣ гвардейскаго корпуса выразить наши почтительнѣйшія поздравленія съ послѣдними успѣхами, пріобрѣтенными побѣдоносными войсками Вашего Величества, какъ на Азіатскомъ, такъ и на Болгарскомъ театрѣ войны. Милостивое сочувствіе, съ какимъ Ваше Величество слѣдили, семь лѣтъ тому назадъ, за судьбою германской арміи, и, преимущественно, Прусскаго гвардейскаго корпуса, возбудило въ нашихъ сердцахъ чувство глубочайшей благодарности, выразить которое мы теперь почитаемъ за счастіе.

„Ваше Величество, примите милостиво — это простое солдатское благоговѣйное изъявленіе почитанія и соблаговолите увѣрить гвардейскій корпусъ Вашего Величества въ той глубокой симпатіи, съ какою Прусскій гвардейскій корпусъ, его собратъ по оружію, слѣдитъ за послѣдними побѣдами русской арміи, въ числѣ которыхъ такая славная доля принадлежитъ гвардіи“.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ остаюсь

Вашего Императорскаго Величества

всепокорнѣйшій

Августъ принцъ Виртембергскій.

Въ этотъ день гвардейскій корпусъ поступилъ во временное командованіе генералъ-адъютанта графа Шувалова.

По заключеніи перемирія, демаркаціонной линіей, отдѣлявшей расположеніе нашихъ войскъ отъ непріятеля, служила линія Беюкъ-Чекмедже-Чаталджа. Не долго пришлось намъ наслаждаться мирной стоянкой въ Чорлу. Въ ночь съ 6-го на 7-е февраля было разослано приказаніе всѣмъ частямъ гвардейскаго корпуса сосредоточиться у демаркаціонной линіи. Для сего батальону, вмѣстѣ съ батальономъ Императорской Фамиліи, было приказано утромъ 7-го выступить изъ Чорлу и направиться черезъ деревню Кенелы и городъ Силиври къ Беюкъ-Чекмедже.

Въ 12 часовъ дня батальоны двинулись, не безъ сожалѣнія покидая свои удобныя и уютныя помѣщенія, въ которыхъ такъ спокойно была проведена цѣлая недѣля.

Переходъ отъ Чорлу до Кенелы оказался весьма небольшимъ, такъ что къ 4 час. пополудню батальоны уже входили въ развалившуюся деревню.

На другой день въ $7^1/_2$ час. утра двинулись далѣе къ городу Силиври.

Дорога мало-по-малу приближалась къ морю, такъ что около 9 час. утра мы уже видѣли вдали безграничную синеву, сливающуюся съ небосклономъ. При первомъ взглядѣ трудно было сказать, что это море, но, всматриваясь внимательнѣе, мы начали отчетливо различать поверхность воды съ дымящимися пароходами и кой-гдѣ мелькающими парусными судами. Наконецъ скоро мы уже совсѣмъ близко подошли къ морю и уже все время шли по берегу его. Симпатичное, спокойное Мраморное море невольно приковывало взглядъ, въ особенности тѣхъ, кто никогда не видалъ ничего кромѣ Финскаго залива.

Берегъ то круто поднимался надъ поверхностью воды, то опускался до ея уровня и набѣгающія волны съ шумомъ хлестали по песчаному берегу. Занятые пріятнымъ созерцаніемъ окружающей природы, мы и не замѣтили, какъ прошелъ длинный путь и какъ подошли къ городу. Передъ нами, на обрывистомъ берегу живописно разбросился городъ Силиври. Закутанный въ густую зелень кипарисовыхъ рощъ, онъ ясно отражался въ тихой поверхности моря и вмѣстѣ съ этимъ отраженіемъ представлялъ восхитительную картину. Въ центрѣ города виднѣлись полуразрушенныя стѣны старинной крѣпости.

Прекрасная наружность города вполнѣ соотвѣтствовала содержимому въ немъ и здѣсь мы могли найти почти все, чего желали, и главное—былъ прекрасный французскій ресторанъ, въ которомъ мы первый разъ, по выходѣ изъ Петербурга, могли пообѣдать. Изготовлено все было чисто, вкусно и даже стоило не особенно дорого; а вино, и въ особен-

ности шампанское, даже очень дешево. Бутылка его стоила 6 франковъ. Вѣроятно, въ жизнь свою никто изъ насъ не обѣдалъ съ такимъ аппетитомъ и удовольствіемъ, какъ въ этотъ день. Поздно разошлась публика по квартирамъ и также съ особеннымъ удовольствіемъ бросилась въ объятія Морфея.

9-го февраля въ 7½ час. утра мы двинулись прямо въ Беюкъ-Чекмедже, но городъ этотъ былъ уже за демаркаціонной линіей, а потому, не доходя до него мы свернули влѣво и расположились не далеко отъ моря въ деревнѣ Кшастеро. Движеніе по берегу моря составляло для насъ новинку, а потому небольшой переходъ до Кшастеро походилъ на пріятную прогулку въ теплый весенній день. Погода стояла прекрасная: тихая, теплая, напоминающая наши лучшіе майскіе дни, когда все вокругъ оживаетъ, дышетъ новою жизнью, полною спокойствія, той безграничной ласкающей нѣги, которая заставляетъ забывать все окружающее, жить для себя,—мечтами, неотвязчиво наполняющими разстроенное воображеніе!..

Изъ оконъ нашихъ квартиръ въ Кшастеро открывался далекій видъ на море, на противоположный азіатскій гористый берегъ, задернутый синеватымъ туманомъ. Огромные пароходы движутся взадъ и впередъ, оставляя за собой длинную полосу чернаго дыма и скрываются постепенно изъ вида.

Остановившись въ Кшастеро, вблизи демаркаціонной линіи, мы входили въ составъ особаго отряда, который предполагалось двинуть прямо въ Константинополь. Подробности этого предположенія и полный составъ отряда видны изъ слѣдующаго отзыва генералъ-маіора Нагловскаго къ генералъ-адъютанту графу Шувалову:

„Командующему гвардейскимъ корпусомъ:

„Въ дополненіе къ моимъ предыдущимъ отзывамъ, увѣдомляю ваше сіятельство, что, вслѣдствіе приказанія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, долженъ быть сформированъ особый отрядъ изъ слѣдующихъ частей: 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, гвардейской стрѣлковой бригады, лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, лейбъ-гвардіи Уланскаго полка и 6-й казачьей донской батареи гвардейской конной артиллеріи. Всей пѣхотой и артиллеріей этого отряда долженъ командовать командиръ гвардейской стрѣлковой бригады, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эллисъ 1-й.

„Начальствованіе надъ всѣмъ отрядомъ, къ которому вѣроятно присоединится еще 4-я стрѣлковая бригада, будетъ возложено на особое лицо. Отряду этому немедленно придвинутся къ демаркаціонной улицѣ и стать противъ Беюкъ-Чекмедже.

„Отрядъ этотъ получитъ въ скоромъ времени приказаніе перейти

демаркаціонную линію и слѣдовать черезъ Кучукъ-Чекмедже къ монастырю св. Стефана, а затѣмъ получитъ приказаніе вступить въ Константинополь. Вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ вступитъ въ Константинополь и Его Высочество Главнокомандующій. Всѣ остальныя войска ввѣреннаго вашему сіятельству корпуса должны будутъ, тотчасъ послѣ начала движенія упомянутаго отряда, приблизиться къ демаркаціонной линіи, но отнюдь ея не переходить. При этомъ 2-я гвардейская пѣхотная дивизія должна будетъ стать противъ Беюкъ-Чекмедже, а 3-я гвардейская пѣхотная дивизія перейти въ Силиври. Казначейство, интенданство и всѣ придаточныя учрежденія должны остаться въ Чорлу, а 2-я гвардейская кавалерійская дивизія въ Родосто.

„Для конвоя казначейства и интенданства, оставить въ Чорлу одинъ батальонъ отъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Вашему сіятельству, послѣ начала движенія передоваго отряда, предоставляется выбрать мѣсто для расположенія штаба, гдѣ вы признаете болѣе удобнымъ.

„Его превосходительство начальникъ отряда проситъ ваше сіятельство сдѣлать распоряженіе о немедленномъ снабженіи сухарями передоваго отряда въ восьмидневной пропорціи. Сухари уже двинуты по желѣзной дороги. Для скорѣйшей доставки ихъ передовому отряду не признаете ли болѣе удобнымъ двинуть сухари въ Чита-Меджу, оттуда доставка будетъ ближе.

„Начальникъ отряда выѣдетъ изъ Адріанополя на другой день послѣ отъѣзда Его Высочества и переѣдетъ въ Чорлу. Занятіе Константинополя будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, мирное, а потому слѣдуетъ заранѣе принять мѣры къ поддержанію самаго строгаго внутренняго порядка и дисциплины. Такъ какъ войска въ Константинополѣ будутъ, по всей вѣроятности, помѣщены въ казармахъ (которыя теперь уже приготовляются для помѣщенія нашихъ войскъ); то поддержаніе этого порядка будетъ не особенно трудно.

„Въ особенности слѣдуетъ внушить гг. офицерамъ всю важность поддержанія этого порядка и настоятельную необходимость быть крайне бдительными, осторожными, оставаться постоянно при своихъ частяхъ и отнюдь не позволять себѣ какіе бы то ни было кутежи, пирушки и похожденія. Соблюденіе всего этого есть дѣло первой важности и нарушеніе его въ виду присутствія въ городѣ турецкихъ войскъ можетъ повести къ разнаго рода недоразумѣніямъ, столкновеніямъ и политическимъ усложненіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что гг. офицеры поймутъ это очень хорошо, но если бы нашлись такіе, которые нарушатъ это требованіе, то частные начальники должны немедленно высылать ихъ изъ Константинополя и подвергать самымъ строгимъ взысканіямъ. Нарушеніе этого со стороны начальствующихъ лицъ будетъ считаться преступнымъ бездѣйствіемъ власти.

„По приказанію начальника отряда сообщаю о всемъ вышеизложенномъ для немедленныхъ распоряженій со стороны вашего сіятельства".

Итакъ, мы видимъ, что первоначальное назначеніе нашей бригады было прямое слѣдованіе въ Константинополь, во главѣ вновь сформированнаго отряда и мирное его занятіе; но теченіе политическихъ переговоровъ измѣнило это намѣреніе и хотя мы дѣйствительно перешли скоро демаркаціонную линію, но переходъ ее, какъ мы увидимъ, былъ далеко не мирнаго характера, а о занятіи Константинополя не было и рѣчи. Ровно въ 12 часовъ ночи батальоны выступили изъ Кшастеро для сосредоточенія у Беюкъ-Чекмеджикскаго моста. Полная луна стояла на небѣ и отражалась въ спокойной поверхности Мраморнаго моря длинной серебряной полосой. Тихій плескъ воды объ обрывистые берега въ окружающей тишинѣ ночи раздавался явственно и навѣвалъ Богъ вѣсть какія мысли; но вотъ свѣтъ луны начинаетъ мало-по-малу блѣднѣть и уступать передъ разсвѣтомъ зари; впереди уже ясно начинаютъ обрисовываться черные ящики сосредоточившихся войскъ. Что значитъ это поспѣшное передвиженіе? спрашивали мы другъ у друга. Съ одной стороны—торжественное занятіе Константинополя, съ другой—боевыя приготовленія: снять дульныя покрышки, приготовить патроны и вообще быть „на-готовѣ". Какое-то неопредѣленное положеніе. Передъ нами сильная турецкая позиція у Кучукъ-Чекмедже. Ясно, мы намѣреваемся пройти черезъ нее и еще не знаемъ, какъ встрѣтитъ непріятель этотъ произвольный переходъ черезъ демаркаціонную линію раньше окончанія перемирія. Рѣшено было послать къ туркамъ парламентера съ предложеніемъ очистить позиціи и пропустить насъ, въ случаѣ же отказа развернуть боевой нарядъ и пройти силою.

Въ 7 час. утра 11-го февраля двинулся нашъ парламентеръ, штабъ-ротмистръ Гусарскаго Его Величества полка Сухановъ, а за нимъ, полчаса спустя, потянулись по длинному мосту черезъ Беюкъ-Чекмеджикскій заливъ вереницы войскъ. Чѣмъ-то суждено кончиться этому роковому дню? Демаркаціонная линія перейдена!

Не доходя верстъ 3-хъ до Кучукъ-Чекмедже, войска, по просьбѣ штабъ-ротмистра Суханова, были пріостановлены за небольшимъ переваломъ, съ цѣлью, до поры до времени, не обнаруживать передъ непріятелемъ нашихъ силъ. Воспользовавшись этой остановкой, мы вышли на вершину перевала и начали наблюдать за происходившимъ на турецкой сторонѣ.

По ту сторону залива, соединенную съ нашей стороной длинной плотиной, тянулся безконечный рядъ укрѣпленій. Множество обширныхъ лагерей было разбросано по всей линіи. Среди нихъ и въ самомъ Кучукъ-Чекмедже было замѣтно сильное движеніе. Что-то перетаскивали, отвозили, привозили, снимали палатки. Бѣлые значки парламентеровъ встрѣ-

тились на срединѣ плотины. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ всматривались въ ихъ жесты, стараясь разгадать содержаніе переговоровъ. Турецкій парламентеръ выѣхалъ также, какъ и нашъ, съ небольшой кавалерійской частью, которая теперь стояла въ отдаленіи. Наконецъ переговоры кончились и парламентеры разъѣхались. Въ турецкомъ лагерѣ началась еще большая суета: войска задвигались цѣлыми колоннами, свозили орудія, изъ-за выдающейся части берега приходили поѣзда и, нагрузившись, скрывались снова.

Прибывшій парламентеръ сообщилъ намъ, что Мухтаръ-паша согласился очистить позицію, но требовалъ для этого нѣсколько часовъ времени.

Вслѣдъ за симъ войска наши перешли на другую сторону перевала и расположились въ виду удаляющагося непріятеля. Солнце спустилось уже низко и красноватымъ свѣтомъ обливало картину.

Въ виду того, что наступающій вечеръ не позволилъ-бы намъ засвѣтло расположиться по квартирамъ, графъ Шуваловъ послалъ другаго парламентера поторопить турокъ, а скоро двинулся и авангардъ отряда.

Проходя по улицамъ Кучукъ-Чекмедже, занятаго еще турками, мы съ любопытствомъ вглядывались въ физіономіи нашихъ враговъ, вооруженныхъ, но безсильныхъ и, съ своей стороны, подвергались не менѣе тщательному осмотру.

Странно было видѣть двѣ вооруженныхъ, но не воюющихъ арміи!

Изъ Кучукъ-Чекмедже мы направились въ деревню Галатерію и расположились тамъ на ночлегъ, а въ 9 час. утра 12-го февраля бригада выступила въ Санъ-Стефано, куда ночью прибылъ уже Его Высочество главнокомандующій.

По дорогѣ, бригада, съ пѣснями и музыкой прошла мимо Великаго Князя, и расположилась, временно, близь станціи желѣзной дороги. Затѣмъ въ 3 часа дня 1-й и 4-й стрѣлковые батальоны были переведены въ чифтликъ Ай-мама (отдѣльное, двухъэтажное, деревянное зданіе), откуда только-что убрались турки. Отъ насъ открывался прекрасный видъ на море, на Константинополь и Макрикіой.

Этотъ послѣдній періодъ кампаніи былъ законченъ приказомъ Его Высочества Главнокомандующаго:

„Доблестные вожди и воины ввѣренной мнѣ арміи!

„Когда перешагнули вы черезъ Балканы я, не смотря на вашу усталость, потребовалъ отъ васъ еще новыхъ усилій. И вы не пошли, а полетѣли!

„Менѣе нежели въ мѣсяцъ вы перенеслись почти черезъ всю Турцію и подошли чуть-ли не къ стѣнамъ Царьграда. По пути, какъ-бы мимоходомъ, вы разнесли цѣлую армію турокъ у Филиппополя, отнявъ у нея всю артиллерію; налетомъ захватили вторую столицу непріятеля—

Адріанополь и появились на берегахъ Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей.

„Врагъ не выдержалъ и склонилъ свою побѣжденную голову. Онъ согласился на всѣ наши требованія, и я остановилъ васъ.

„Такіе блистательные, небывалые успѣхи одержаны не только вашимъ мужествомъ и безпримѣрною храбростью, но въ особенности вашею беззавѣтною готовностью перенести всѣ труды и лишенія. Васъ не остановили ни невылазная грязь, ни непогода, ни переходы въ бродъ черезъ рѣки по грудь въ водѣ, въ морозъ и холодъ. Не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ, герои, отъ самыхъ старшихъ начальниковъ до послѣдняго погонщика въ обозѣ. Всѣ вы исполнили свято свой долгъ, всѣ вы перенесли то, что подъ силу только богатырямъ.

„Отдыхайте-же теперь и приготовьтесь возвратиться со славою домой; но если врагъ вздумаетъ не подписать требуемаго отъ него мира, будьте готовы снова рынуться въ бой, чтобы доканать его.

„А пока мы будемъ отдыхать, докажите, что русскіе богатыри, не имѣющіе себѣ равныхъ въ честномъ бою, служатъ примѣромъ порядка и твердой охраной для мирныхъ жителей, какой-бы народности и вѣроисповѣданія они ни были, ихъ имущества и чести, и покажите, что не будетъ даже отдѣльныхъ случаевъ, которые могли-бы наложить даже малѣйшее пятно на добытую потомъ и кровью новую славу русскаго оружія".

Подписалъ: главнокомандующій дѣйствующею арміею, генералъ-инспекторъ кавалеріи и по инженерной части Николай.

Остановившись близь Санъ-Стефано, мы, дѣйствительно, начали отдыхать, въ ожиданіи скораго мира и возвращенія на родину. Еще задолго до 19-го февраля у насъ держался упорный слухъ, что миръ если и будетъ подписанъ, то подписанъ именно 19-го февраля, въ памятный день для русскаго народа.

Наканунѣ, въ приказѣ по гвардейскому корпусу, назначался на слѣдующій день въ 2 часа парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ у Санъ-Стефано. Войска были выстроены къ 12-ти часамъ дня около маяка по берегу моря. Толпы народа—греки и турки, пѣшіе, верховые и въ прекрасныхъ экипажахъ стекались изъ Константинополя къ мѣсту, занятому войсками и любовались бодрымъ видомъ войскъ, совершившихъ такой трудный походъ. Около двухъ часовъ пополудни къ войскамъ подъѣхалъ генералъ Гурко и, провожаемый тысячью любопытныхъ глазъ, объѣзжалъ ряды, громко здороваясь съ частями. Черезъ нѣсколько времени получено было извѣстіе, что парадъ отложенъ. Это обстоятельство вызвало массу предположеній. Ожидали даже, что войска передвинутъ въ Константинополь, для большаго устрашенія непріятеля и уже тамъ подпишутъ окончательныя условія мира; но предположенія скоро рушились Часовъ около 4-хъ изъ Санъ-Стефано показался Его Высочество Главно

командующій, а вслѣдъ за нимъ, стоя въ открытой коляскѣ, подъѣхалъ графъ Игнатьевъ и поздравилъ Его Высочество съ миромъ. Великій Князь направился къ безмолствующимъ войскамъ. Объѣхавъ ихъ ряды, Главнокомандующій сталъ передъ серединою расположенія войскъ и громкимъ голосомъ произнесъ: „Поздравляю васъ! Богу угодно было даровать намъ славный миръ!“ Громкое, нескончаемое „ура“ было отвѣтомъ на слова Великаго Князя; долго раздавалось оно, потрясая вечерній воздухъ; тысячи шапокъ взлетѣли вверхъ, поздравленіямъ не было конца. За симъ Главнокомандующій вызвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и сказалъ: „Господа! когда мнѣ приходилось говорить съ вами еще въ Красномъ Селѣ, вы часто выражали опасеніе, что еслибы и пришлось гвардіи участвовать въ войнѣ, то васъ держали-бы въ резервѣ. Я-же вамъ говорилъ, что если я буду Главнокомандующимъ, то пущу васъ въ первый огонь. Я сдержалъ слово, но и вы оправдали надежды на васъ. Вы доказали всему свѣту то, въ чемъ я былъ всегда увѣренъ,—что для васъ невозможнаго нѣтъ, если Царь прикажетъ. Благодарю васъ отъ всего сердца за вашу славную службу. Вы поддержали славу русскаго народа передъ цѣлымъ свѣтомъ“. Новое громогласное „ура“ поднялось изъ смолкнувшихъ рядовъ.

При свѣтѣ заходящаго солнца начался благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ громогласнаго многолѣтія за весь Царствующій домъ и побѣдоносное всероссійское воинство, священникъ, перемѣнивъ голосъ, провозгласилъ „Вѣчную память“ „на браняхъ за вѣру, Царя и отечество животъ свой положившихъ“. Минута была высокоторжественная. Массы войска и народъ преклонили колѣни и со слезами на глазахъ молились за павшихъ братій.

По окончаніи молебствія войска прошли церемоніальнымъ маршемъ и уже при полной темнотѣ разошлись по мѣстамъ расположенія.

Итакъ, миръ подписанъ, но кто-бы могъ предполагать, что послѣ этого мира мы цѣлыя полгода простоимъ въ Санъ Стефано?

Описаніе этого тяжелаго, по справедливости, времени займетъ у меня третью часть записокъ. Къ сожалѣнію, время не позволяетъ мнѣ дать этой части должной полноты и заставляетъ ограничиться простымъ перечнемъ событій въ періодъ отъ 19-го февраля до возвращенія батальона въ Царское Село. Время стоянки подъ С.-Стефано интересно съ психической точки зрѣнія и мнѣ кажется заглавіе третьей части: „Жизнь подъ ударомъ“—вполнѣ указываетъ на моральное состояніе войскъ. Это была, дѣйствительно, „жизнь подъ ударомъ“ въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ. Вечеромъ мы не знали, что будетъ утромъ, куда судьба и обстоятельства забросятъ насъ.

Миръ или война? Вотъ вопросъ, который можно было задать себѣ съ началомъ каждаго дня и ложиться не разрѣшивши его!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Жизнь подъ ударомъ.

Послѣ заключенія мира, войска гвардейскаго корпуса и прикомандированныя къ нему части, согласно дислокаціи, расположились такимъ образомъ:

„Штабъ отряда генералъ-адъютанта Гурко—г. Санъ-Стефано, управленіе артиллеріи отряда—г. Санъ-Стефано, лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—г. Санъ-Стефано, лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ—д. Галатерія, 2-я бригада—на пути изъ г. Софіи къ Адріанополю. 1-я гвардейская артиллерійская бригада:—управленіе г. Санъ-Стефано, 1-я, 2-я, 3-я и 4-я батареи—г. Санъ-Стефано, 5-я и 6-я батареи—д. Галатерія, дивизіонный подвижной лазаретъ—г. Кучукъ-Чекмедже.

„2-я гвардейская пѣхотная дивизія: штабъ и вся 1-я бригада—г. Кучукъ-Чекмедже, 2-я бригада:—штабъ и лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ—д. Сафракіой, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ—г. Беюкъ-Чекмедже. 2-я гвардейская артиллерійская бригада:—управленіе, 1-я, 2-я и 3-я батареи—г. Кучукъ-Чекмедже, 4-я батарея—д. Сафракіой, 5-я и 6-я батареи—г. Беюкъ-Чекмедже, дивизіонный подвижной лазаретъ—д. Беюкъ-Чекмедже.

3-я гвардейская пѣхотная дивизія:—штабъ и вся 1-я бригада—г. Беюкъ-Чекмедже, 2-я бригада—г. Каликратъ, 3-я гвардейская гренадерская артиллерійская бригада:—управленіе, 1-я и 2-я батареи—г. Беюкъ-Чекмедже, 3-я и 4-я батареи—г. Каликратъ, 5-я и 6-я батареи—при 2-й бригадѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, дивизіонный подвижной лазаретъ—д. Каликратъ.

„Гвардейская стрѣлковая бригада: управленіе—г. Санъ-Стефано, лейбъ-гвардіи 1-й стрѣлковый Его Величества батальонъ—чифтликъ Ай-Мама, лейбъ-гвардіи 2-й и 3-й Финскій стрѣлковый батальоны—д. Флурія, лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи батальонъ—чифтликъ Ай-Мама.

„Лейбъ-гвардіи саперный батальонъ—чифтликъ Ай-Стефанъ.

„2-я гвардейская кавалерійская дивизія: штабъ, лейбъ-гвардіи конно-гренадерскій полкъ и 2-я бригада—г. Селиври; лейбъ-гвардіи уланскій полкъ—д. Нефесъ и чифтликъ Папасъ, 3-я бригада—г. Родосто, 3-я и 5-я батареи—г. Селиври, 3-я батарея—г. Родосто, 6-я Донская батарея—при лейбъ-гвардіи уланскомъ полку; корпусное казначейство—г. Беюкъ-Чекмедже, интендантство и почта—г. Кучукъ-Чекмедже.

„Части прикомандированныя къ гвардейскому корпусу: 4-я стрѣлковая бригада—д. Калфакіой и четыре сотни Кубанскаго казачьяго войска—г. Беюкъ-Чекмеджи“.

Помѣстившись съ перваго дня прибытія войскъ въ окрестности Санъ-Стефано, въ чифтликѣ Ай-Мама, мы мирно проводили время въ приготовленіяхъ къ возвращенію на родину. О днѣ отъѣзда не было еще объявлено, но поговаривали, что это должно совершиться скоро и вся задержка за судами. Въ этой пріятной надеждѣ дни проходили за днями незамѣтно. Бывшій нашъ врагъ стоялъ передъ нами грудь съ грудью и, казалось, также благодушествовалъ. Скоро стрѣлки познакомились съ нѣкоторыми турецкими солдатами и угощали ихъ нашими щами и кашей, объясняясь при этомъ на какомъ-то имъ однимъ понятномъ нарѣчіи. Наконецъ былъ объявленъ день посадки на суда. Приготовленія возобновились съ новой силой, но всѣ они были напрасны. Въ это время Англія заговорила о своихъ притязаніяхъ и посадка была отложена на неопредѣленное время. Великое разочарованіе; но это былъ только прологъ къ безконечной нравственной трагедіи! Положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ становилось натянутѣе и мысль о возвращеніи на родину отлетѣла далеко; минувшія событія обратились въ мечту, въ сладкій скоротечный сонъ.

Между тѣмъ непріятель, воспользовавшись вмѣшательствомъ Англіи, не дремалъ и началъ приготовляться къ оборонѣ. Укрѣпленія росли съ каждымъ днемъ и скоро образовались цѣлыя неприступныя линіи.

На наши вопросы: „что это они дѣлаютъ?“—турецкіе солдаты отвѣчали пренаивно, что строятъ землянки; а ихъ начальство увѣряло, что это саперныя работы съ новобранцами. Конечно, никто не вѣрилъ этимъ баснямъ, и мы, съ своей стороны, начали приготовляться къ всевозможнымъ случайностямъ. Съ этою цѣлью главнокомандующимъ, генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ, былъ отданъ рядъ приказаній на случай тревоги и новое расположеніе войскъ съ раздѣленіемъ на отряды. Съ этого времени и началась наша жизнь „подъ ударомъ“ изо-дня въ день. Приходили все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія. Турецкія газеты (единственныя, которыми мы могли пользоваться) приносили ежедневно самыя разнообразныя вѣсти: то увѣряя въ прочности мира, то грозя войной чуть не со всѣми государствами.

Англійскій флотъ стоялъ въ это время у Принцевыхъ острововъ и производилъ свои ежедневные маневры на Мраморномъ морѣ.

30-го апрѣля генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ была отдана слѣдующая диспозиція по войскамъ, собраннымъ противъ Константинополя:

„Въ случаѣ отданія мною приказанія о сборѣ или тревогѣ, войска сосредоточиваются въ слѣдующіе отряды и слѣдующіе пункты:

1) „4-й армейскій корпусъ, со всѣми войсками къ нему прикомандированными, подъ начальствомъ командующаго корпусомъ, занимаетъ лѣвый флангъ общаго расположенія и располагается такъ:

а) „16-я пѣхотная дивизія, 3-я и 4-я стрѣлковыя бригады, лейбъ-

гвардіи конно-гренадерскій, лейбъ-гвардіи драгунскій и 8-й драгунскій Астраханскій полки, 4-ыя батареи лейбъ-гвардіи 1-й, 2-й и 3-й гвардейскихъ артиллерійскихъ бригадъ (корпусная артиллерія 4-го корпуса) составляютъ лѣвый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го.

„Отрядъ сосредоточивается впереди св. Георгія, по пути въ Поренджикіой.

„Обозы и парки отряда—между св. Георгія и р. Дели-дере.

б) „Гвардейская стрѣлковая бригада, 30-я пѣхотная дивизія и Уральская казачья сотня, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эллиса 1-го, составляютъ средній отрядъ.

„Отрядъ сосредоточивается между Кители (Чекетли) и чифтликомъ Кади-Янлы.

„Обозы и парки отряда—между Кители и рѣкой Дели-дере *).

2) „Гвардейскій корпусъ составляетъ правый флангъ общаго расположенія въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) „1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи съ лейбъ-гвардіи саперным батальономъ и лейбъ-гвардіи уланскимъ полкомъ, съ лейбъ-гвардіи Донскою казачьею батареею, составляетъ правый отрядъ, подъ начальствомъ командующаго корпусомъ, генералъ-адъютанта графа Шувалова 2-го.

„Отрядъ располагается въ боевомъ порядкѣ отъ чифтлика Куюли до высотъ у Калфакіой включительно, за исключеніемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ одною батареею, который занимаетъ высоты между чифтликами Ай-Мама и Ай-Стефано.

„Обозы отряда собираются между Беюкъ-Калкалы и желѣзной дорогой.

б) „3-я гвардейская пѣхотная дивизія и корпусная артиллерія гвардейскаго корпуса составляютъ резервъ праваго фланга и располагаются впереди, восточнѣе Беюкъ-Калкалы, состоя въ непосредственномъ моемъ вѣдѣніи. Одинъ полкъ съ батареею выдвигается западнѣе озера Кучукъ-Чекмедже на дорогу изъ Чаталджи къ Кучукъ-Чекмедже для обезпеченія праваго фланга.

„Обозы этого отряда собираются между станціями Ярымъ-Бургасъ и Дере-Кіой.

3) „8-й армейскій корпусъ составляетъ общій резервъ и сосредоточивается впереди, восточнѣе Хадымъ-Кіоя.

„Обозы и парки западнѣе Кадымъ-Кіоя, а до перехода войскъ на вновь назначенныя имъ мѣста у Чаталджи.

---

*) До перехода войскъ на новыя мѣста, назначенныя имъ для лагерей, 4-я стрѣлковая бригада собирается при среднемъ отрядѣ, а гвардейскія батареи при своихъ бригадахъ.

4) „Обозы и парки располагаются на указанныхъ имъ мѣстахъ въ вагенбургахъ, оставляя дороги свободными для движенія войскъ. Начальники отрядовъ назначаютъ особыхъ начальниковъ вагенбурговъ.

„Въ случаѣ отданія приказанія о сборѣ войскъ до перехода ихъ въ назначенные имъ лагери, парки, расположенные нынѣ въ Чаталджѣ, выступаютъ оттуда не ранѣе прохода 8-го армейскаго корпуса.

5) „Конвой мой, лейбъ-гвардіи казачій Его Величества полкъ, строится сѣвернѣе Беюкъ-Калкалы.

6) „Я буду находиться первоначально въ Санъ-Стефано, а затѣмъ у Беюкъ-Калкалы, куда присылать всѣ донесенія".

Согласно этой диспозиціи главнокомандующаго, генералъ-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ были отданы слѣдующія распоряженія по гвардейскому корпусу, отъ 2-го мая 1878 года:

„Главнокомандующій арміей, въ видахъ большей готовности ко всякимъ случайностямъ, изволилъ приказать, чтобы войска были выведены на бивуаки, причемъ для гвардейскаго корпуса указано пространство къ востоку отъ озера Чекмедже и у станціи Варасъ-Бургасъ.

„Вслѣдствіе этого, командующій корпусомъ приказалъ слѣдующее:

1) „1-й гвардейской пѣхотной дивизіи расположиться бивуаками на правомъ флангѣ на пространствѣ въ районѣ деревень и чифтликовъ: Нифесъ, Кулелы, Аламбертосъ и Варанъ-Босна, оставивъ одинъ полкъ въ Ай-Мама.

2) „2-й гвардейской пѣхотной дивизіи занять лѣвый флангъ квартирнаго расположенія въ районѣ деревень: Калфа-Кіой, Ай-Па, Беюкъ-Калкалы и чифтлика Бургасъ.

3) „3-й гвардейской пѣхотной дивизіи перейти къ станціи желѣзной дороги Варасъ-Бургасъ.

4) „Батареи гвардейской артиллеріи раздѣляются такъ: 1-я, 2-я и 3-я батареи остаются при своихъ дивизіяхъ; въ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи эти батареи поступаютъ подъ начальство флигель-адъютанта полковника Стрижевскаго; во 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи до пріѣзда генералъ-маіора Сиверса подъ начальство полковника Михайлова; въ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи онѣ остаются подъ начальствомъ своего бригаднаго командира; 4-я батареи всѣхъ трехъ гвардейскихъ артиллерійскихъ бригадъ, подъ начальствомъ полковника Онопріенко 1-го, составляютъ корпусную артиллерію 4-го армейскаго корпуса, къ которому временно прикомандировываются; 5-я и 6-я батареи всѣхъ трехъ гвардейскихъ артиллерійскихъ бригадъ, подъ однимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Овандера, составляютъ корпусную артиллерію гвардейскаго корпуса и располагаются бивуакомъ при 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи по распоряженію начальника ея.

5) „Гвардейская стрѣлковая бригада, лейбъ-гвардіи конно-Гренадер-

скій и Драгунскій полки и Уральская казачья сотня, временно прикомандировываются къ 4-му армейскому корпусу, изъ штаба котораго имъ и слѣдуетъ получить приказаніе, какъ для расположенія, такъ и для могущихъ быть боевыхъ дѣйствій.

6) „Лейбъ-гвардіи саперный батальонъ остается у чифтлика Ай-Стефано. Лейбъ-гвардіи Уланскому полку и лейбъ-гвардіи 6-й донской казачьей батареѣ расположиться близъ Сафракіоя.

7) „Лейбъ-гвардіи казачій Его Величества полкъ поступаетъ въ конвой Главнокомандующаго и остается у С.-Стефано.

8) „Летучимъ паркамъ всѣхъ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій расположиться при 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи по распоряженію начальника ея.

9) „Всѣ войска должны перейти на новыя мѣста къ вечеру, 4-го мая

10) „Бивуаки выбирать на возвышенныхъ мѣстахъ, вдали отъ болотъ, по возможности, ближе къ хорошей водѣ, гдѣ ея нѣтъ — рыть колодцы.

11) „При войскахъ имѣть обозы 1-го и 2-го разрядовъ; обозы 3-го разряда расположить отдѣльно въ тылу позиціи; причемъ въ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизіяхъ держать ихъ ближе къ дер. Беюкъ-Калкалы, которая, въ случаѣ тревоги, назначается общимъ мѣстомъ сбора всѣхъ обозовъ. Все войсковое имущество должно быть уложено въ обозы.

12) „Въ случаѣ тревоги, или начавшейся перестрѣлки, или особаго приказанія, войскамъ собираться и располагаться по особой диспозиціи, при семъ прилагаемой.

13) „Всѣмъ войскамъ съ завтрашняго числа принять мѣры боевой готовности, соблюдаемыя на бивуакахъ въ военное время; во всѣхъ отдѣльно стоящихъ частяхъ имѣть дежурныя части (съ артиллеріею) силою около $^1/_{10}$ состава. Люди въ дежурныхъ частяхъ должны быть въ сборѣ, въ полной готовности стать въ ружье по первому приказанію; въ кавалеріи и артиллеріи лошади должны быть осѣдланы и въ хомутахъ. Орудія дежурныхъ частей передовой линіи должны быть на позиціи сняты съ передковъ, прислуга при орудіяхъ.

14) „Отъ войскъ, расположенныхъ въ передовой линіи, выставлять по правому берегу ручья Беданица-дере отдѣльные наблюдательные посты, на пространствѣ между чифтликомъ Кади-Янылы до дер. Ай-Па, отъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а далѣе къ югу до берега моря — отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Постомъ этимъ демаркаціонную линію не переходить. Въ каждой дивизіи назначить особаго штабъ-офицера—начальника передовыхъ постовъ. Общимъ-же начальникомъ всѣхъ передовыхъ постовъ отъ корпуса назначается Его Высочество принцъ Ольденбургскій. Его Высочеству поручается собирать всѣ донесенія съ постовъ, и затѣмъ, два раза въ сутки, въ 6 часовъ утра и въ 6 часовъ вечера, присылать донесенія начальнику полеваго штаба и командующему

корпусомъ о всемъ, что дѣлается на постахъ и что замѣчено особаго въ расположеніи турокъ. Для быстрой передачи донесеній съ постовъ назначить отъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка въ распоряженіе командующаго 2-й гвардейской пѣхотной дивизіей: взводъ въ распоряженіе командующаго 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей; взводъ въ распоряженіе Его Высочества начальника передовыхъ постовъ корпуса, а одинъ взводъ по прежнему остается при штабѣ корпуса. Смѣнять эти взводы по усмотрѣнію командующаго полкомъ. Начальнику 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи оставить при себѣ взводъ Кубанскаго казачьяго полка изъ сотни, расположенной въ Каликратѣ. Штабомъ дивизій принять мѣры для быстрой передачи приказаній между частями.

15) „Начальникамъ дивизій, на основаніи этого приказанія и диспозицій, сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія и составить частныя диспозиціи, которыя представить командующему корпусомъ не позже 6-го мая, съ приложеніемъ кроки бивуаковъ и боеваго расположенія; а Его Высочеству принцу Ольденбургскому представить отчетную карточку расположенія передовыхъ постовъ, карауловъ и дежурныхъ частей. Относительно укрѣпленій, не приступая къ работамъ, составить соображенія, проэкты и разсчитать время, необходимое для возведенія ихъ.

16) „Немедленно приступить, по распоряженію начальниковъ дивизій, къ исправленію дорогъ и устройству удобныхъ сообщеній въ районахъ, занимаемыхъ дивизіями. Кромѣ того, командующему 2-ю дивизіею озаботиться исправленіемъ дорогъ къ сѣверу отъ Калфакіоя до расположенія 4-го армейскаго корпуса.

„Всѣ сообщенія отъ Беюкъ-Калкалы и Калфакіоя къ западу поручаются распоряженіямъ начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ районахъ расположенія начальникамъ поручается и наблюденіе всѣхъ гигіеническихъ мѣръ.

17) „Начальникамъ частей войскъ, расположенныхъ въ передовой линіи, осмотрѣть мѣстность, которую имъ придется занимать, въ случаѣ боя, по диспозиціи; оцѣнить боевую важность ея частей и сообразить порядокъ расположенія войскъ и способъ дѣйствія на различныя случайности; въ особенности это должно быть исполнено батарейными командирами и начальниками нѣсколькихъ батарей.

18) „Старшимъ начальникамъ практически провѣрить порядокъ слѣдованія войскъ къ мѣстамъ сборовъ и порядокъ расположенія ихъ по прибытіи на мѣсто, производя это вмѣстѣ съ командирами полковъ и батальоновъ, съ полковыми и батальонными адъютантами и жолнерами.

19) „Начальники вагенбурговъ должны осмотрѣть мѣста, предназначенныя для обозовъ, и сообразить порядокъ расположенія ихъ.

20) „Каждый солдатъ долженъ быть постоянно снабженъ какъ положеннымъ числомъ патроновъ, такъ и провіантомъ; въ кавалеріи саквы

имѣть съ овсомъ, а сѣно—въ киткахъ. Части войскъ должны быть постоянно въ разсчетѣ, который повѣрять ежедневно: вечеромъ—при зарѣ, а утромъ—при утренней молитвѣ; о числѣ рядовъ, которые войска могутъ вывести въ строй, начальники частей должны имѣть постоянныя точныя свѣдѣнія.

21) „Во всѣхъ частяхъ войскъ начальники и офицеры должны быть при частяхъ.

„Офицеры могутъ быть увольняемы не иначе, какъ по распоряженію и подъ отвѣтственностью начальниковъ дивизій.

22) „Въ случаѣ тревоги, генеральнаго штаба капитанъ Протопоповъ и штабсъ-капитанъ Дагаевъ прикомандировываются къ штабу корпуса".

Согласно диспозиціи Главнокомандующаго и распоряженію командующаго корпусомъ, гвардейская стрѣлковая бригада, утромъ, 4-го мая, перешли къ чифтлику Кади-Янылы и, войдя въ составъ 4-го армейскаго корпуса, заняла передовую позицію, составляя вмѣстѣ съ 30-й пѣхотной дивизіей средній отрядъ.

Передъ нами, за небольшимъ оврагомъ, протянулась сильная турецкая позиція, усиленная еще тремя линіями укрѣпленій. Тотчасъ по приходѣ отъ батальоновъ были выставлены аванпостныя цѣпи и дежурныя части; оставшіеся затѣмъ роты расположились на бивуакахъ. Начальникомъ передовыхъ постовъ средняго отряда былъ назначенъ полковникъ 2-го батальона Анциферовъ. Приступлено было къ разбивкѣ укрѣпленій и постройкѣ вышки, для наблюдательнаго поста. При постройкѣ укрѣпленій должны были руководствоваться тѣмъ соображеніемъ, чтобы окончить постройку ихъ, въ случаѣ надобности, въ теченіи одной ночи.

Позиція, занятая нашими батальонами, была слишкомъ не выгодна, какъ вслѣдствіе большей близости къ непріятелю, такъ и потому, что каменистый грунтъ не позволялъ быстро устроить укрѣпленія. Поэтому было предположено, въ случаѣ тревоги, занять главную позицію въ тылу настоящаго расположенія, а тутъ оставить только прикрывающія части.

По цѣлымъ днямъ люди были заняты вязкой фашинъ и проведеніемъ дорогъ въ другіе отряды и расположеніе резервовъ, а по вечерамъ, отъ томящей скуки, пускали бумажные змѣи съ фонарями на хвостахъ.

Змѣи высоко поднимались на воздухъ и летали надъ турецкими редутами. Погода стояла жаркая, душная. Палящіе лучи солнца страшно накаливали полотно палатокъ, такъ что оставаться въ нихъ не было возможности, а другихъ помѣщеній не было. Одинокое дерево на нашемъ бивуакѣ привлекало подъ свою тѣнь, но и здѣсь было душно. Отсутствіе книгъ, разслабляющая жара и положительная бездѣятельность—приводили въ отчаяніе. Не разъ вспоминалось прошлое походное время полное разнообразія, живой дѣятельности. Ко всему этому нужно

прибавить свирѣпствующую тифозную эпидемію, уносившую десятки нашихъ солдатъ въ могилу (въ нашемъ батальонѣ случаи заболѣванія тифомъ, впрочемъ, были очень рѣдки). Походные лазареты и госпитали росли не по днямъ, а по часамъ, и обширныя кладбища русскихъ воиновъ оцѣпили Константинополь.

По вечерамъ мы немного отдыхали въ итальянской оперѣ въ С.-Стефано, или въ Конкордіи, пріѣзжая туда верхами, а иногда въ такъ-называемыхъ офицерскихъ повозкахъ. Отъ чифтлика Кади-Янылы до С.-Стефано было верстъ 15 и дорога все время шла по нашей передовой линіи, по длинному хребту, съ котораго открывался видъ на все непріятельское расположеніе, на Константинополь и Мраморное море. Турки все время возятся въ землѣ, какъ кроты, создавая все новыя и новыя укрѣпленія. Къ концу мая линія ихъ протянулась непрерывно отъ Чернаго и до Мраморнаго моря, а армія постоянно усиливалась прибывающими изъ Азіатской Турціи новобранцами. Само собою разумѣется, что чѣмъ дольше продолжится неопредѣленное время, тѣмъ труднѣе будетъ взять Константинополь въ случаѣ разрыва.

Расположеніе турецкихъ укрѣпленій, роды ихъ и сила вооруженія къ этому времени хорошо видны изъ донесенія начальника передовыхъ постовъ Его Высочества принца Ольденбургскаго:

„Позиція, занятая турецкими войсками противъ гвардейскаго корпуса, тянется вдоль ручья Беданица-дере, по лѣвому его берегу. На основаніи рекогносцировокъ и собранныхъ свѣдѣній можно составить себѣ слѣдующее представленіе о первой укрѣпленной линіи: она расположена на хребтѣ, не превышающемъ нашихъ позицій, тѣмъ не менѣе имѣетъ хорошій артиллерійскій обстрѣлъ по всѣмъ направленіямъ съ разстоянія 700—1500 саженъ и болѣе. Ближе 700 саженъ артиллерійскій огонь не будетъ имѣть значенія, потому что оврагъ рѣки Беданица-дере съ турецкихъ батарей обстрѣливается весьма мало. Слабость артиллерійскаго огня на разстояніи 700 саж. и ближе вполнѣ вознаграждается сильнымъ ружейнымъ обстрѣломъ. Дѣйствительно, скаты лѣваго берега Беданица-дере почти вездѣ отлично обстрѣливаются ружейнымъ огнемъ съ гребня края оврага, увѣнчаннаго ложементами различной величины.

Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только мѣстность у деревень Чуфутъ-Бургасъ, Самиръ и Чаумъ-Баши. Въ этихъ мѣстахъ виноградники и сады представляютъ удобные закрытые подступы къ позиціи турокъ. Фланги позиціи обозначены: лѣвый—моремъ, а правый сильными укрѣпленіями и массированіемъ значительнаго числа войскъ. Для обстрѣливанія подступовъ къ своей позиціи, турки возвели противъ расположенія гвардейскаго корпуса слѣдующія укрѣпленія, начиная отъ Чифутъ-Бургаса (4 батареи).

„Батарея № 6-го—на 6—8 орудій. Стрѣльба черезъ амбразуры. Каждыя двѣ амбразуры снабжены большимъ траверсомъ; батарея эта назначена для полевыхъ орудій и, какъ кажется, открыта съ чоржи.

„Батарея № 44-го—на 6 орудій. Стрѣльба черезъ амбразуры. Числомъ ихъ 5. Три амбразуры направлены на дер. Нифесъ, и двѣ—въ стороны, т. е. къ Ай-изъ и къ сторонѣ д. Салгиръ. На восточной сторонѣ находится выходъ шириною сажени двѣ.

„Батарея № 5-го—на 6—8 орудій, сомкнутая, пятиугольная или четыреугольная; по слухамъ въ ней есть два барбета для стрѣльбы изъ орудій большаго калибра (12 сантиметровъ).

„Укрѣпленіе № 4-го—люнетъ съ двумя амбразурами; назначено-ли это укрѣпленіе для пѣхоты и артиллеріи или только для одной артиллеріи—это еще не выяснено.

„Профили этихъ укрѣпленій, какъ кажется, одинаковы. Высота бруствера 9 ф., толщиною до 3-хъ саж.; ровъ 3—4 сажени глубины и около 3-хъ саженей ширины. Отлогости безъ заложенія, одѣты дерномъ.

„Ружейная оборона доставляется изъ ложементовъ, которые тянутся почти сплошь вдоль всей позиціи. Ложементы расположены у самаго края въ два или три яруса; задніе ложементы иногда замѣнены длинными траншеями. Ложементы устроены на 3—4 человѣка, углубленной профили съ бойницами.

„Бойницы продѣланы въ насыпи, или сложены изъ дерна.

„Вторую укрѣпленную линію составляютъ деревни Авасъ-Кіой, Питросъ и Витосъ, расположенныя по хребту, который тянется параллельно первой позиціи. Здѣсь особенно сильно укрѣпленъ Авасъ-Кіой, близъ котораго находятся три батареи, открытыя съ чоржи; сѣвернѣе деревни—двѣ: одна на два орудія, а другая на восемь; южнѣе деревни—одна батарея на шесть орудій. Наконецъ сѣверо-восточнѣе деревни Литроса находится большая батарея.

„Свѣдѣнія объ этихъ батареяхъ еще не вполнѣ собраны.

„Третью укрѣпленную линію составляютъ казармы и укрѣпленія, расположенныя близъ нихъ; объ этой линіи свѣдѣнія еще бѣднѣе; турки не допускаютъ туда нашихъ офицеровъ, а по показаніямъ жителей трудно составить опредѣленное понятіе. Ясно только, что есть укрѣпленія близъ казармы Рамизъ-паши.

„Описанныя позиціи занимаютъ 47 батальоновъ при 46 орудіяхъ съ тремя полками кавалеріи. Войска эти подчинены Мехметъ-Али-пашѣ и раздѣлены на двѣ дивизіи (1-я гвардейская, подъ начальствомъ Селами-паши, а другая, подъ начальствомъ Гассанъ-паши). Дивизіи раздѣляются на бригады. Въ 1-й дивизіи бригадами командуютъ Ибрагимъ-паша и Ягія-паша. Въ дивизіи Гассанъ-паши бригадами, кажется, командуютъ Намыкъ, Эминъ и Эдхемъ-паши.

„Сила таборовъ неодинакова; она измѣняется отъ 250 до 600 человѣкъ. Болѣе 600 человѣкъ едва ли могутъ быть таборы. Чаще всего встрѣчаются таборы въ 400 человѣкъ. Таборы дѣлятся на 4—6 ротъ; четыре табора составляютъ полкъ. Въ таборахъ около 1/3 составляютъ молодые солдаты. Но есть такіе таборы, которые почти цѣликомъ составлены изъ молодыхъ солдатъ.

„При каждомъ таборѣ имѣется около 50 вьючныхъ лошадей, обозаже колеснаго нѣтъ. Вьючныя лошади плохи. Кавалерійскіе полки въ хорошемъ состояніи; состоятъ изъ 4-хъ эскадроновъ по 100 коней въ каждомъ.

„Въ числѣ орудій есть нѣсколько 12-ти-сантиметроваго калибра.

„Войска, стоящіе противъ гвардейскаго корпуса, организованы изъ разныхъ частей турецкой арміи; сюда вошла часть гвардіи (1-го корпуса) и часть 2-го и 5-го корпусовъ. Одѣты и обмундированы войска хорошо. Продовольствіе получаютъ умѣренное (двѣ галеты и рисовую кашу). Работами утомлены. Мира желаютъ чрезвычайно. Настроеніе ихъ далеко невоинственное. Къ намъ привѣтливы.

„Распредѣленіе войскъ по позиціямъ слѣдующее:

„Въ первой линіи. У Чуфутъ-Бургаса 4 табора и 6 орудій (командуетъ Гассанъ-паша). У Салгира: 2 табора и 6 орудій (командуетъ Рефикъ-бей). У Чаушъ-паши 1 таборъ и 1 кавалерійскій полкъ (полкъ Чайковскій). У чифтлика Инджерли: 4 табора и 1 кавалерійскій полкъ. Кто командуетъ—неизвѣстно. У Макри-Кіоя: два табора.

Во второй линіи. Близь Авасъ-Кіоя—14 таборовъ, 16 орудій и два эскадрона (командуетъ Хадзи-Гассанъ-паша). Близь Литроса—6 таборовъ, 6 орудій (командуетъ Намыкъ и Эминъ-паши). Близь чифтлика Велы-Эфенди-Багы—4 табора, 6 орудій.

Въ третьей линіи. Близь казармы Ремиза-паши—5 таборовъ, прибывшихъ только 13-го мая (кто командуетъ неизвѣстно). Близь казармы Даутъ-паши 1 таборъ и 2 эскадрона, конвой Мехмета-Али-паши.

Такимъ образомъ изъ донесенія Его Высочества принца Ольденбургскаго мы видимъ расположеніе и силу непріятеля противъ гвардейскаго корпуса, составляющаго нашъ правый отрядъ. Противъ нашего средняго и лѣваго отряда были возведены не менѣе значительныя укрѣпленія, а также въ 3-й линіи. Доступы отъ насъ къ первой линіи укрѣпленій были затруднены еще обрывистымъ оврагомъ, по окраинамъ котораго располагались ложементы. Предполагалось, въ случаѣ возникновенія дѣла, дѣйствовать на непріятеля сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, шокируя артиллерію на какомъ-либо мѣстѣ позицій и направляя огонь послѣдовательно на каждое изъ турецкихъ укрѣпленій. За симъ, ослабивши непріятеля въ какомъ-нибудь мѣстѣ, стараться прорвать его линію сильнымъ движеніемъ пѣхотныхъ частей.

Изготовившись на случай возможнаго разрыва, мы принялись ожидать его. Моментъ то приближался, то удалялся въ зависимости отъ теченія политическихъ переговоровъ и хода Берлинскаго конгресса, а 5-го іюля онъ былъ такъ близокъ, что всѣ войска были подняты и стояли въ ружьѣ. Причиной тревоги 5-го іюля, какъ говорятъ, послужило требованіе турецкаго главнокомандующаго снять наши вышки и послѣдній срокъ существованія ихъ былъ назначенъ 5-го іюля, 10 ч. утра. На это требованіе генералъ-адъютантъ Тотлебенъ отвѣчалъ весьма лаконически: „придите и снимите“, и приказалъ войскамъ изготовиться. Утромъ 5-го все зашевелилось и черныя массы войска стояли въ полной готовности. Черезъ горы безконечной вереницей подходили къ намъ наши резервы и такъ какъ эти тыловыя горы были выше передовыхъ, то непріятель могъ отчетливо видѣть эти движенія. Съ приближеніемъ конечнаго срока 10-ти часовъ ожиданіе возрастало и главное вниманіе было направлено на вышку, по которой, предполагали, будетъ стрѣлять непріятель. Однако оказалось, что турки желали только попугать насъ, но, получивъ такой рѣшительный, лаконическій отвѣтъ, сами струсили и не посмѣли начинать перестрѣлку. Простоявъ подъ ружьемъ часовъ до 3-хъ пополудни, намъ было приказано разойтись по мѣстамъ, такъ какъ недоразумѣніе улажено мирнымъ путемъ. Этотъ неожиданный эпизодъ послужилъ еще большимъ доказательствомъ тому, что каждую минуту дня и ночи мы должны быть готовыми встрѣтить непріятеля. Въ такомъ нерѣшенномъ положеніи были дѣла почти до конца іюля мѣсяца, до окончанія берлинскаго конгресса. Затѣмъ снова разнесся слухъ о скоромъ возвращеніи въ Россію, но на этотъ разъ слуху никто не вѣрилъ. Настало какое-то одеревенѣлое состояніе безразличія и даже когда оффиціально было извѣстно о посадкѣ войскъ, то восторга и радости особенной не было. Принимали это извѣстіе какъ должное и давно ожидаемое. Пылъ, съ которымъ рвались тотчасъ по окончаніи компаніи на родину, успѣлъ уже остыть подъ вліяніемъ непріятныхъ разочарованій; продолжительная, ни мирная, ни военная, стоянка подъ Константинополемъ изгладила впечатлѣнія блестящей компаніи и всѣ чувствовали себя нравственно больными. Совершенно справедливо мнѣніе прусскаго военнаго агента, маіора Лигница, что эта стоянка ни чуть не освѣжила войска и не дала имъ желаннаго отдыха.

5-го августа главнокомандующимъ былъ назначенъ общій парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ подъ Константинополемъ и въ его окрестностяхъ. Въ парадѣ должны были принять участіе 120 батальоновъ, 22 эскадрона, пять сотенъ и 286 орудій. На позиціяхъ были оставлены по одной ротѣ съ каждаго батальона для содержанія передовой цѣпи, и за исключеніемъ всего этого, численность участвовавшихъ на парадѣ со-

ставляли: 1,725 штабъ и оберъ-офицеровъ и 81,283 строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Мѣстомъ для сосредоточенія войскъ было назначено пространство между чифтликомъ Ай-Мама и д. Сафракіой.

Рано утромъ 5-го августа, батальонъ (исключая 4-ю роту, оставленную на позиціи) двинулся изъ чифтлика Кади-Янылы въ Санъ-Стефано. Парадъ былъ назначенъ въ 12 ч. дня.

Массы войскъ по всѣмъ направленіямъ двигались въ окрестности Санъ-Стефано и занимали назначенныя мѣста. Густыя толпы зрителей, наѣхавшихъ изъ Константинополя, плотной стѣной окружали мѣсто, назначенное для парада. Всѣ представители европейскихъ державъ были заблаговременно увѣдомлены и приглашены присутствовать на парадѣ. Публика стекалась верхами, въ экипажахъ и по желѣзной дорогѣ. Въ 11 час. утра цѣлое море бѣлыхъ фуражекъ заливало огромную площадь. За продолжительную стоянку войска успѣли привести въ исправность свое обмундированіе и видъ ихъ теперь было далеко не похожъ на тотъ, въ которомъ они были на парадѣ въ день заключенія мира.

Пѣхота была построена въ 4 линіи, за нею — артиллерія и, наконецъ, кавалерія съ конной артиллеріей.

Ровно въ 12 часовъ дня раздалась команда командующаго парадомъ, генералъ-лейтенанта Радецкаго, и показался Главнокомандующій. Объѣхавъ длинные ряды войскъ, онъ приказалъ начать церемоніальный маршъ, и около часа пополудни двинулась пѣхота сомкнутыми батальонными колоннами, неся ружья вольно, за нею артиллерія и, наконецъ, кавалерія. Стрѣлки мимо Главнокомандующаго прослѣдовали „бѣгомъ“. По окончаніи парада, Главнокомандующій благодарилъ начальниковъ частей и предложилъ имъ завтракъ въ нарочно устроенномъ для того шатрѣ, близъ чифтлика Ай-Мама. Войска разошлись по позиціямъ.

8-го августа стало окончательно извѣстнымъ о посадкѣ войскъ на суда въ С.-Стефано, Беюкъ-Чекмедже, Эрикли и Родосто. Для сего предписывалось: „Войскамъ перейти на новыя мѣста, вблизи пунктовъ посадки на суда, согласно прилагаемому росписанію, 10-го сего августа, однимъ переходомъ, исключая Кегсгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, управленія 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады съ 1-ю, 2-ю и 3-ю батареями и 14-го летучаго дивизіоннаго парка, которымъ выступить завтра, 9-го августа, и слѣдовать тремя переходами: Беюкъ-Чекмедже, Селиври и Эрикли. Туда-же, къ 11-му августу, прибыть и 2-му кавалерійскому отдѣленію летучаго парка.

„Вмѣстѣ съ этимъ, его сіятельство приказалъ:

1) „Командованіе всѣми гвардейскими войсками и учрежденіями, собирающимися у портовъ посадки, возложить: въ С.-Стефано — на генералъ-лейтенанта Эллиса 1-го; въ Беюкъ-Чекмедже — на генералъ-лейте-

нанта Дандевиля; въ Эрикли—на генералъ-маіора Зиновьева, и въ Родосто—на свиты Его Величества генералъ-маіора Эттера.

2) „Командующіе гвардейскими войсками въ портахъ должны оставаться въ назначенныхъ пунктахъ посадки до отправленія послѣднихъ частей гвардіи; имъ будутъ передаваться всѣ распоряженія о порядкѣ и времени посадки войскъ.

3) „Всѣ распоряженія по расположенію и службѣ войскъ у пунктовъ посадки возлагаются вполнѣ на командующихъ войсками въ портахъ. Войска, которымъ назначено садиться въ С.-Стефано, по усмотрѣнію генералъ-лейтенанта Эллиса, могутъ оставаться на нынѣ занимаемыхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, чтобы прибывать къ пунктамъ посадки въ день до назначеннаго числа, о чемъ полевой штабъ будетъ увѣдомлять.

„Для избѣжанія перекрещиванія войскъ на пристани у Беюкъ-Чекмедже, полевой штабъ предлагаетъ войска, отправляющіеся изъ этого порта въ Одессу, поставить у Каликрата, а отправляющіеся въ Николаевъ, — у Беюка или обратно, по усмотрѣнію командующаго гвардейскими войсками въ портѣ.

4) „Вся корреспонденція и большая часть распоряженій изъ штаба корпуса съ 10-го августа будетъ пересылаться черезъ штабы командующихъ гвардейскими войсками въ портахъ, для чего отъ нихъ присылать ежедневно, къ 4 часамъ пополудни, офицера или надежнаго унтеръ-офицера. Отъ Беюкъ-Чекмедже для сего можетъ быть устроена летучая почта, по усмотрѣнію генералъ-лейтенанта Дандевиля. Въ Эрикли и Родосто корреспонденція будетъ отправляться изъ С.-Стефано въ 8 час. вечера, съ посыльнымъ, по желѣзной дорогѣ, до станціи Чорлу и Муратлы, гдѣ должны быть наготовѣ нижніе чины для принятія пакетовъ и сдачи, съ своей стороны, въ штабъ корпуса и полевой штабъ. Въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, сноситься телеграммами.

5) „По прибытіи къ портамъ посадки войскъ другихъ корпусовъ, эти послѣдніе подчиняются гвардейскимъ начальникамъ, если таковые старше въ чинѣ. По прибытіи-же старшаго въ чинѣ начальника армейскихъ войскъ, командующіе гвардейскими войсками въ портахъ поступаютъ подъ ихъ начальство, оставаясь начальниками всѣхъ гвардейскихъ войскъ и учрежденій, собранныхъ въ окрестностяхъ портовъ.

6) „Каждому интенданту сдѣлать заблаговременно распоряженія о доставленіи всѣхъ продуктовъ, для довольствія войскъ, къ новымъ пунктамъ расположенія".

Къ этому приказанію было приложено „распредѣленіе войскъ по пунктамъ посадки".

1) „Изъ С.-Стефано въ Севастополь: а) лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ; б) лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; в) управленіе 2 й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; г) лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ;

д) лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ; е) управленіе 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; ж) штабъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; з) лейбъ-гвардіи 1-я артиллерійская бригада; и) лейбъ-гвардіи 6-я донская батарея; к) подвижной лазаретъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; л) первый летучій дивизіонный паркъ.

Въ Николаевъ: а) лейбъ-гвардіи гусарскій Его Величества полкъ, б) лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ, в) управленіе 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, г) 5-я батарея гвардейской конной артиллерійской бригады, д) гвардейская стрѣлковая бригада, е) лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, ж) 2-я батарея гвардейской конно-артиллерійской бригады, з) управленіе 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, и) штабъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Въ Одессу: а) лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ, б) батальонъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка (безъ обозовъ), в) штабъ гвардейскаго корпуса, г) лейбъ-гвардіи жандармскій эскадронъ, д) лейбъ-гвардіи саперный батальонъ.

Засимъ слѣдовало подробное распредѣленіе гвардейскихъ войскъ по остальнымъ портамъ: въ Беюкъ-Чекмедже, Эрикли и Родосто.

Согласно приведенному росписанію, гвардейская стрѣлковая бригада садилась на суда въ С.-Стефано и слѣдовала въ Николаевъ.

Въ ожиданіи посадки мы выступили изъ чифтлика Када-Янылы 12-го августа и расположились бивуакомъ между С.-Стефано и чифтликомъ Ай-Мама. Мѣсто наше у Кади-Янылы заняли войска 30-й пѣхотной дивизіи. Наконецъ, 22-го августа, въ два часа дня, батальонъ началъ посадку на англійское паровое судно и окончилъ ее къ 11-ти часамъ ночи. Обозы бригады были нагружены на отдѣльную шхуну, которую мы тащили на буксирѣ. Ночь провели на пароходѣ; съ разсвѣтомъ 23-го снялись съ якоря и, при громкихъ крикахъ „ура“, двинулись къ Босфору. При входѣ въ него остановились, набрали воды и тронулись далѣе среди очаровательныхъ береговъ, застроенныхъ дворцами и покрытыхъ массой зелени. Затѣмъ, скоро выѣхали въ открытое море и трое сутокъ качались на волнахъ его, выдержавъ въ первый день сильную качку; а 26-го августа были уже у береговъ Одессы и, слѣдуя вдоль нихъ, прибыли къ часу дня въ городъ Николаевъ. Батальонамъ на другой день жителями города былъ устроенъ завтракъ, причемъ проходили въ тріумфальныя ворота между рядами жителей, толпившихся по сторонамъ улицы. 28-го августа по желѣзной дорогѣ выѣхали въ г. Кіевъ, оттуда—въ Динабургъ и по Варшавской желѣзной дорогѣ прибыли 12-го сентября въ г. Гатчино, а 13-го сентября, въ 11 часовъ утра, были у Царскаго Села. Здѣсь были встрѣчены Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и густыми толпами народа. Проходили подъ тріумфальную арку, выстроенную на углу Софійскаго

плаца. Офицеры и стрѣлки были положительно завѣшаны вѣнками и букетами, такъ что въ общемъ представляли двигающійся цвѣтникъ. Послѣ молебствія, жителями Царскаго Села былъ устроенъ роскошный завтракъ въ манежѣ гусарскаго полка.

И такъ, походъ конченъ и мы снова на своихъ мѣстахъ! Батальонъ былъ въ походѣ ровно 13 мѣсяцевъ. Участвовалъ въ шести дѣлахъ и сдѣлалъ: 1004 версты пѣшкомъ (отъ Фратешти до С.-Стефано) и нѣсколько сотъ верстъ по желѣзной дорогѣ и моремъ. Въ награду за это Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: носить батальону надписи на киверахъ: „За Правецъ 10-го и 11-го ноября 1877 года и Филиппополь 3-го, 4-го и 5-го января 1878 года“. Кромѣ того, 123 знаковъ отличія военнаго ордена было получено имъ въ разныя времена въ теченіи кампаніи.

13-го августа 1879 года

А. Р.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОФИЦЕРА

63-го Углицкаго полка 16-й дивизіи.

къ 1-му октябрю прибыли мы съ маршевыми колоннами подъ Плевну, въ Тученицу, въ штабъ 4-го корпуса. Я отправился сейчасъ же къ начальнику штаба корпуса, который приказалъ мнѣ дожидать распоряженій командира корпуса генералъ-лейтенанта Зотова. Недолго мнѣ пришлось его дожидать. Генералъ, получивши отъ меня записку, приказалъ отправиться къ адъютанту, а тотъ направилъ меня къ герою нынѣшней войны, къ начальнику 16-й пѣхотной дивизіи генералу Скобелеву 2-му. Такъ какъ генералъ былъ занятъ, то начальникъ его штаба, капитанъ Куропаткинъ, приказалъ мнѣ немедленно отправиться на бивуакъ подъ Плевно, въ штабъ 63-го пѣхотнаго Углицкаго полка, давъ мнѣ проводника казака. Долго мы шли до этого бивуака, все время по горамъ и притомъ ночью; я постоянно спрашивалъ казака: не сбился ли онъ съ дороги; солдаты же въ виду неизвѣстной мѣстности, и чуя близость непріятеля шли дружно, такъ что когда пришли на бивуакъ, то отставшихъ не оказалось. Прійдя на позицію и не заставши командира полка, я размѣстилъ сол датъ

кое-какъ между ихъ будущими товарищами, а самъ опять улегся на подводу и ночевалъ подъ открытымъ небомъ. Въ полку въ этотъ день былъ полковой праздникъ, почему далеко за-ночь еще было шумно.

2-го октября въ 8 часовъ утра, я выстроилъ партію, передъ землянкой командира полка, полковника Петра Петровича Томиловскаго, который, заслыша говоръ солдатъ, сейчасъ-же вышелъ, поздоровался съ партіею, опросилъ ее и размѣстивши ихъ по-ротно, отпустилъ. Недолго мнѣ пришлось быть чужимъ въ полку; къ вечеру я познакомился почти со всѣми офицерами, народъ съ виду все хорошій, бравый, сейчасъ же они подѣлились со мной своими впечатлѣніями, разсказали мнѣ о бывшихъ уже бояхъ, о погибшихъ товарищахъ, о надеждахъ, о планахъ... Вечеромъ полковникъ Томиловскій сдѣлалъ смотръ полку и произвелъ тревогу, оказавшуюся исполненную солдатами весьма удачно. Полкъ показался мизернымъ, двухъ-батальоннаго состава и то неполныхъ, съ прибытіемъ же моей партіи устроили 3-й батальонъ, командиромъ котораго назначили штабсъ-капитана Ф. 9-го октября была произведена тревога, намъ приказано было прекратить всѣ работы и готовиться къ выступленію. Въ тотъ же день вручено было вновь сформированному 3-му батальону Георгіевское знамя. Выступленія не было. 11-го числа снова получено было извѣстіе, что завтра мы навѣрно выступаемъ въ походъ, начались сейчасъ же приготовленія къ выступленію. Командующій полкомъ, генералъ-маіоръ Томиловскій, призвалъ насъ къ себѣ на квартиру, сообщилъ намъ оффиціально о выступленіи и о предстоящемъ дѣлѣ, сказалъ намъ краткую рѣчь, напоминая намъ о нашихъ обязанностяхъ во время боя, и здѣсь же передалъ временное командываніе полкомъ маіору Вроцкому, ибо самому ему ввѣрено было командованіе авангарднымъ отрядомъ.

Вечеромъ 11-го числа намъ розданъ былъ планъ Плевны, съ окрестностями, и того направленія куда мы идемъ, а также прочитана была диспозиція и инструкція для устройства укрѣпленій на новой позиціи.

„Диспозиція по войскамъ авангарда на 12-е октября 1877 года, бивуакъ при дер. Тученица. 11-го октября 3 часа пополудни.

„Согласно приказу по войскамъ западной арміи, я назначенъ командиромъ авангарда, состоящаго изъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, 3-го сапернаго батальона, 16-й пѣхотной дивизіи, 3-хъ батальоновъ 3-й стрѣлковой бригады, 3-хъ гвардейскихъ батарей, по усмотрѣнію начальника 3-й гвардейской дивизіи, 2-й и 16-й артиллерійскихъ бригадъ. Итого 20 батальоновъ, 120 орудій и 2 сотни казаковъ.

„Назначеніе авангарда занять первый кряжъ Зеленыхъ горъ и высоту западной дер. Брестовецъ; занявъ эту позицію, держаться на оной до послѣдней крайности, но отнюдь не переходить въ наступленіе, къ $2^1/_2$ часамъ пополудни по средоточенію всего авангарда у выхода изъ

Боготскаго оврага на плевно-ловчинское шоссе, на мѣстахъ, указанныхъ начальникомъ штаба отряда капитаномъ Куропаткинымъ, часть войска авангарда, по моему приказанію, занимаетъ, а въ случаѣ присутствія непріятеля овладѣваетъ дер. Брестовецъ, первымъ кряжемъ Зеленыхъ горъ, восточнѣе плевно-ловчинскаго шоссе.

„Для овладѣнія дер. Брестовецъ назначаются стрѣлковыя роты полковъ: Владимірскаго, Углицкаго и Казанскаго и 9-й стрѣлковый баталіонъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Томиловскаго. Гвардейскій полкъ 3-й гвардейской дивизіи и Суздальскій пѣхотный полкъ, подъ командой командира гвардейскаго полка наступаютъ между ловчинскимъ шоссе и тученитскимъ оврагомъ, имѣя въ головѣ по батальону отъ каждаго полка, обращая вниманіе на свойство мѣстности къ востоку отъ ловчинскаго шоссе, дозволяющее скрытное расположеніе резервовъ.

„Вторая артиллерійская бригада, какъ только ей будетъ обезпеченъ въѣздъ на позицію, занимаетъ позицію на Рыжей горѣ съ цѣлью подготовленія атакъ на первый кряжъ Зеленыхъ горъ.

„Въ резервѣ у выхода изъ Боготскаго оврага остаются 3-й саперный батальонъ, Владимірскій, Углицкій и Казанскій полки (кромѣ стрѣлковыхъ ротъ) 10-й и 11-й стрѣлковые батальоны, 3 гвардейскіе батареи, 4, 5 и 6-я батареи 2-й артиллерійской бригады, 16-я артиллерійская бригада и двѣ сотни казаковъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Гренквиста. Перевязочный пунктъ на боготскомъ ручьѣ не доходя версты до плевно-ловчинскаго шоссе.

„Атака высотъ по общей диспозиціи назначена въ 4 часа пополудни, обозу всѣхъ частей авангарда стянутся къ Боготу.

„Я буду находиться въ началѣ боя на Рыжей горѣ у 2-й артиллерійской бригады.

„Подлинную подписали начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Скобелевъ, начальникъ штаба капитанъ Куропаткинъ".

Затѣмъ слѣдуетъ инструкція, какъ поступать при возведеніи укрѣпленій, причемъ сказано:

„По прибытіи ротъ на мѣсто постройки укрѣпленій, одинъ взводъ отдѣляется въ резервъ и становится въ недальнемъ разстояніи, по возможности за мѣстными закрытіями, остальные три взвода приступаютъ къ работѣ.

„Приступая къ работѣ, рабочіе кладутъ свои ружья позади себя штыками отъ непріятеля. Работы продолжаются, не взирая на огонь непріятеля.

„Если впереди расположенное прикрытіе будетъ оттѣснено превосходнымъ въ силѣ непріятелемъ, рабочіе по командѣ своихъ начальниковъ кладутъ лопаты, берутъ ружья и выстроивъ во фронтъ на мѣстѣ работы, встрѣчаютъ наступающаго противника.

„Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ увлекаться преслѣдованіемъ непріятеля далѣе линіи начатыхъ работъ, внушить всѣмъ чинамъ, назначеннымъ для производства работъ, что отъ нихъ ожидаютъ исполненія возложенной на нихъ работы, не взирая ни на какія сопротивленія непріятеля и что въ моихъ глазахъ исполненіе каждымъ возложенной на него работы будетъ выраженіемъ высшей военной доблести. Подписали: начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Скобелевъ, начальникъ штаба капитанъ Куропаткинъ".

12-го октября, согласно изложенной выше диспозиціи, мы выступили, потомъ сдѣлали привалъ для обѣда. Здѣсь-же намъ роздали лопаты, кирки, мотыги, будущія орудія при возведеніи укрѣпленій. Въ 5 часовъ вечера мы выступили далѣе и шли по горнымъ ущельямъ, горамъ, ручьямъ и долинамъ, скрывая отъ непріятеля свои силы, къ вечеру мы прибыли на Рыжую гору и расположились здѣсь же лагеремъ, лицомъ къ непріятелю, въ боевыхъ колоннахъ. Другія войска заняли свои позиціи, согласно распоряженію генерала Скобелева, въ виду турокъ. Но вмѣсто дѣла 13-го октября послѣдовало приказаніе разбить землянки, къ чему мы и приступили немедленно. Въ этотъ день была пальба по всей линіи и мы узнали къ ночи о Горномъ Дубнякѣ. 14-го числа около часа пріѣхалъ къ намъ новый полковой командиръ полковникъ Всеволодъ Ѳедоровичъ Панютинъ, причемъ полкъ былъ выстроенъ фронтомъ. Сначала генералъ Томиловскій сказалъ прощальную рѣчь, упомянувъ при этомъ о боевыхъ заслугахъ полка въ эту войну и пожелавъ намъ продолжать и при новомъ командирѣ также вести себя, какъ при немъ; потомъ полковникъ Панютинъ, снявъ кепи, сказалъ: „кланяется вамъ матушка Россія, я привезъ вамъ оттуда поклонъ, не нахвалится она вашими боевыми заслугами и надѣюсь что вы и при мнѣ будете такими-же молодцами, какъ доселѣ; меня прошу любить и жаловать, я постараюсь все для васъ сдѣлать къ вашему благосостоянію, а васъ гг. офицеры прошу меня принять въ свой кругъ и считать своимъ". Послѣ этого полкъ былъ распущенъ. Въ 5 часовъ вечера ударили тревогу, живо выстроился полкъ, готовый хоть сейчасъ идти на бой, генералъ Скобелевъ поблагодарилъ за быстроту и распустилъ; еще позднѣе повели было насъ на работу, но потомъ вернули и очень кстати, потому что солдатикамъ надо было оканчивать постройки своихъ землянокъ, а то имъ некуда было укрыться отъ начавшейся непогоды. 15-е число прошло незамѣтно, затѣмъ послѣдовало приказаніе отъ генерала Скобелева выступить на работы, подъ командой полковника Мельницкаго около Ловчинскаго шоссе.

И такъ, вмѣсто битвы, включительно по 27-е октября полкъ нашъ былъ занятъ возведеніемъ укрѣпленій разныхъ родовъ.

27-го числа 3-й батальонъ служилъ прикрытіемъ для артиллеріи;

все время шла сильная перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ. Къ вечеру стало слышно, что будемъ брать первый кряжъ Зеленыхъ горъ, и, дѣйствительно, около 9-ти часовъ вечера пришла диспозиція.

Диспозиція для занятія перваго гребня Зеленыхъ горъ на 28-е октября.—27-го октября, 1877 года, дер. Брестовецъ:

„Завтра, въ 6 часовъ пополудни, непріятель имѣетъ быть выбитымъ съ перваго кряжа Зеленыхъ горъ; сбивъ непріятеля, войска укрѣпляются на взятомъ гребнѣ.

„Составъ отряда: три роты саперъ, Владимірскій пѣхотный полкъ, двѣ стрѣлковыя роты Ярославскаго полка, 9-й стрѣлковый батальонъ, четыре картечницы, двѣ сотни 9-го казачьяго полка. Итого: четыре батальона, пять ротъ, четыре картечницы и двѣ сотни казаковъ.

„Начальникомъ отряда назначается полковникъ гвардейскаго сапернаго батальона Мельницкій.

„Частямъ этимъ собраться къ четыремъ часамъ пополудни къ лагерю 1-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи; движеніе это произвести для сосредоточенія съ этого лагеря по-ротно, пользуясь мѣстностью по возможности скрытно отъ непріятеля.

„Войскамъ имѣть при себѣ по фунту мяса и на два дня сухарей.

„Владимірскому полку имѣть при себѣ весь шанцевый инструментъ.

„Форма одежды—въ мундирахъ, шинели черезъ плечо.

„Для поддержанія наступленія полковника Мельницкаго: 1) всѣмъ батареямъ, находящимся на позиціи, открыть усиленный огонь, на что послѣдуетъ особое мое приказаніе.

„Начало огня—залпъ всѣхъ орудій.

2) „Полки: Ярославскій, Шуйскій и Углицкій остаются на своихъ позиціяхъ въ полной готовности къ бою.

3) „Перевязочный пунктъ между шоссе, къ дер. Брестовецъ.

4) „При началѣ боя я буду находиться на позиціи впереди дер. Брестовецъ".

Подлинную подписалъ: начальникъ отряда
генералъ-лейтенантъ Скобелевъ.

Согласно этой диспозиціи, 28-го октября началось дѣло, ровно въ шесть часовъ. Сильна и жарка была перестрѣлка; наши сильно тѣснили турокъ, и не прошло двухъ часовъ, какъ наши войска заняли первый кряжъ Зеленыхъ горъ, гдѣ полковникъ Мельницкій и началъ взводить укрѣпленія и дѣлать землянки для Скобелева и для солдатъ. Полкъ нашъ находился въ резервѣ и намъ видны были и движенія войскъ, и, наконецъ, картина отступленія турецкихъ войскъ.

Около 10-ти часовъ вечера, командиръ полка приказалъ мнѣ съ моею 9-ю ротой, въ виду того, что непріятель открылъ огонь съ лѣвой стороны, укрыть и укрѣпить двѣ картечницы, и возвести ложементы для при-

крытія артиллерійской прислуги, что мною и было исполнено. Потомъ я отправился къ своему батальону, который и былъ мною приведенъ на настоящее мѣсто. Всю ночь мы провели въ движеніи подъ градомъ пуль.

29-го и 30-го октября была сильная перестрѣлка; ружейная пальба на время прекращалась, а орудійная не прекращалась по цѣлымъ днямъ. Послѣ трехсуточнаго бдительнаго надзора за непріятелемъ, нашъ батальонъ смѣнили. Въ эти же дни успѣлъ отличиться нашего батальона командиръ 12-й роты, поручикъ Власовъ, который видя, что на него напираютъ турки, при возведеніи имъ съ ротой ложементовъ, мѣткими залпами отбросилъ ихъ. Эта распорядительность со стороны поручика Власова очень понравилась генералу Скобелеву, за что и удостоенъ Власовъ ордена св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Съ 31-го октября по 3-е ноября продолжалась постоянная перестрѣлка, такъ какъ турки дѣлали постоянныя вылазки, съ цѣлью выбить насъ съ Зеленой горы, но всѣ ихъ попытки были неудачны, всякій разъ они были отбрасываемы нашими войсками.

На 3-е ноября послѣдовала со стороны полковника Панютина слѣдующая диспозиція:

Диспозиція для возведенія укрѣпленій впереди дер. Брестовецъ на 3-е ноября.—2-го ноября, 1877 года, дер. Брестовецъ:

„3-му батальону 63-го пѣхотнаго Углицкаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Ѳомина, возвести на разстояніи семи сотъ шаговъ отъ дер. Брестовецъ ложементы для двухъ ротъ, для этого 11-я и 12-я идутъ передъ дер. Брестовецъ и устраиваютъ ложементы; 9-мъ и 10-мъ линейнымъ и 3-й стрѣлковой ротамъ, подъ начальствомъ одного изъ командировъ ротъ, по усмотрѣнію штабсъ-капитана Ѳомина, остаться въ резервѣ въ дер. Брестовецъ; какъ скоро работы будутъ окончены, 9-я линейная и 3-я стрѣлковая роты вступаютъ въ ложементы и начальство надъ обѣими принимаетъ одинъ изъ командировъ ротъ, по усмотрѣнію командующаго батальономъ, а 10-я линейная рота все время остается въ резервѣ въ дер. Брестовецъ".

Подлинную подписалъ:

полковникъ Панютинъ.

Штабсъ-капитанъ Ѳоминъ, исполняя означенную диспозицію, самъ съ 11-й и 12-й ротами отправился устраивать ложементы, приказавъ мнѣ принять начальство надъ остальными тремя ротами. Разбивъ линію, штабсъ-капитанъ Ѳоминъ приказалъ 11-й и 12-й ротамъ приступить къ работамъ, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ инструкціи для возведенія укрѣпленій. Около половины перваго часа ночи работы были окончены, и онъ прислалъ мнѣ приказаніе, принявъ командованіе надъ двумя свободными ротами, 9-й линейной и 3-й стрѣлковой, занять ложементы, а 10-й ротѣ остаться въ резервѣ. Въ часъ ночи я достигъ

съ проводникомъ ложементовъ, гдѣ и расположилъ обѣ роты по гребню бруствера. Ночь была ужасно темная; тишина такъ и царствовала повсюду. Турки, пользуясь этой темнотой, устроили контръ-атаку и направились на Зеленую гору и на только-что устроенныя траншеи (впослѣдствіи наименованныя Панютинскія, такъ какъ онѣ были устроены по плану полковника Панютина), съ цѣлью обойти мой лѣвый флангъ. Темнота ночи не позволяла туркамъ узнать числа моихъ силъ, началась страшная перестрѣлка; я слѣдилъ за движеніемъ турокъ по приближающемуся огню, предупредивъ солдатъ о томъ, чтобы они безъ команды не стрѣляли. Выставленные впереди секреты сообщили мнѣ, что турки близко; тогда я, давъ непріятелю подойдти приблизительно на 50 шаговъ, открылъ по нимъ огонь по-полуротно. Послѣ восьми удачныхъ залповъ, турки отступили и все время отстрѣливались, а вслѣдъ засимъ они отступили и отъ Зеленыхъ горъ. Въ этотъ день былъ контуженъ генералъ Скобелевъ, который, не смотря на боль, не уходилъ съ позиціи, и только по совѣту врачей оставилъ Зеленыя горы, назначивъ командиромъ генералъ-маіора Гренквиста, а самъ отправился въ дер. Брестовецъ. Но и здѣсь Скобелеву турки не давали покоя, такъ какъ онъ устроилъ свою квартиру на горѣ, въ виду турокъ, которые и посылали Скобелеву свои пули. Пальба въ ночь съ 3-го на 4-е ноября продолжалась два часа; потомъ все стихло; но люди все-таки держали ухо остро и всю ночь простояли на брустверѣ, несомкнувши глазъ, ожидая непріятеля. Въ четыре часа утра я вышелъ изъ ложементовъ осмотрѣть впереди лежащую мѣстность и шаговъ около 70-ти отъ ложементовъ я наткнулся на секретныя турецкія ямки, но въ которыхъ турокъ уже не было, оставлены были только патроны, которые съ собой и забрали.

Когда Великій Князь Главнокомандующій узналъ, что генералъ Скобелевъ контуженъ, на другой день самъ посѣтилъ героя. Доктора нашли контузію не опасной, а все-таки въ теченіи нѣсколькихъ дней они отъ него не отходили; въ особенности за героемъ заботливо ухаживалъ докторъ Студицкій, который былъ и въ сербскую войну однимъ изъ лучшихъ и заботливѣйшихъ врачей. На четвертыя сутки мы видѣли Скобелева уже веселымъ, съ подвязанной рукой.

7-го ноября отданъ былъ по 16-й пѣхотной дивизіи приказъ о посѣщеніи Великаго Князя.

Приказъ по 16-й пѣхотной дивизіи отъ 7-го ноября 1877 года:

„Третьяго дня Его Высочество Главнокомандующій изволилъ меня посѣтить, подробно разспрашивая о ввѣренной мнѣ дивизіи, съ которою Его Высочество связанъ воспоминаніями о безсмертной оборонѣ Севастополя и сраженія 24-го октября 1855 года, приписывая высокую, оказанную мнѣ Главнокомандующимъ честь молодецкой службѣ войскъ 16-й пѣхотной дивизіи; благодарю всѣхъ начальниковъ частей и выражаю

убѣжденіе, что счастливцамъ, кои будутъ командовать въ бояхъ этой славной дивизіею, всегда будетъ присуще почтенное мѣсто въ рядахъ арміи. Самоотверженное въ высшей степени поведеніе всей дивизіи въ бояхъ 30-го и 31-го августа, славный штурмъ редутовъ Владимірцами и Суздальцами въ особенности обратили вниманіе Россіи на славную 16-ю дивизію.

„Сама Государыня Императрица не оставила насъ своимъ вниманіемъ, изъ Москвы и Петербурга высылкою въ дивизію разныхъ вещей, списокъ коимъ, съ распредѣленіемъ по полкамъ, будетъ объявляться въ приказахъ по дивизіи.

„Ничего не можетъ быть главнѣе для солдата, какъ заслужить вниманіе Монарха и народа. Я увѣренъ, что въ послѣдующихъ бояхъ вновь создавшаяся, по своему личному составу, 16-я пѣхотная дивизія не помрачитъ своей славы героевъ 30-го и 31-го августа и съумѣетъ держать себя такъ, чтобы имѣть право съ чистою совѣстью возвратиться въ Россію.

„Прошу начальниковъ частей воспитывать ввѣренныя имъ части въ вышесказанномъ смыслѣ".

Подлинный подписалъ: начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи
генералъ-лейтенантъ Скобелевъ.

Въ этотъ же день послѣдовалъ другой приказъ по 16-й пѣхотной дивизіи о взятіи Карса.

Приказъ по 16-й пѣхотной дивизіи, отъ 7-го ноября 1877 года:

„Телеграммой извѣщено, что Карсъ взятъ, почему, выстроивъ части лицомъ къ непріятелю, отслужить въ $12^1/_2$ часовъ утра молебенъ, потомъ залпъ изъ орудій и долгое „ура!"

Около 9-ти часовъ вечера, во время гимна „Коль славенъ нашъ Господь", было сожжено 30 столбовъ, обмотанныхъ соломой, впереди траншей, лицомъ къ непріятелю. Около 12-ти часовъ ночи, на высотѣ Зеленыхъ горъ, зажженъ былъ красный щитъ съ турецкой надписью: „Карсъ взятъ!" Турки долго приглядывались къ этому щиту, наконецъ разглядѣли и открыли сильную пальбу, почти весь щитъ разстрѣляли. Поднялась у насъ сильная тревога; всѣ мы живо собрались; перестрѣлка шла недолго и мы скоро разошлись по домамъ.

8-го ноября салютъ изъ орудій увѣдомилъ насъ объ именинахъ нашего героя. Въ 11 часовъ утра офицеры всѣхъ частей войскъ отправились къ нему на квартиру принести поздравленіе. Скобелевъ всѣхъ душевно благодарилъ за память и пригласилъ на обѣдъ. На этотъ же обѣдъ приглашены были и всѣ георгіевскіе кавалеры изъ нижнихъ чиновъ всѣхъ частей войскъ. Въ три часа всѣ были уже у виновника торжества. Устроено было на открытомъ воздухѣ нѣсколько столовъ, за которые всѣ и возсѣли. Генералитетъ сидѣлъ отдѣльно, въ палаткѣ, а имянинникъ

усѣлся съ нами за общимъ столомъ. За обѣдомъ провозглашено было много тостовъ за Царствующій Домъ, за генерала Скобелева, за всѣхъ начальствующихъ лицъ. Въ серединѣ обѣда одинъ изъ георгіевскихъ кавалеровъ, фельдфебель 3-го сапернаго батальона, обращаясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ: „Господа, выпьемъ за здоровье всѣмъ извѣстнаго воина, храбраго, честнаго и непобѣдимаго генералъ-лейтенанта Скобелева! Да здравствуетъ генералъ! Ура! ура! ура!“ Честный воинъ отъ души поблагодарилъ георгіевскаго кавалера и всѣхъ молодцовъ, его товарищей. Вечеромъ сожжены были столбы. Всѣ мы, довольные гостепріимствомъ хозяина, разошлись по домамъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій.

Въ ночь съ 18-го на 19-е число турки намѣревались прорваться, но нѣкоторыя роты нашего полка отбили ихъ, заставивъ отступить на свои позиціи.

20-го числа всю нашу дивизію, а равнымъ образомъ и полкъ нашъ, отодвинули отъ Плевны и поставили во вторую линію, на случай, если Османъ будетъ прорываться, то чтобы мы были наготовѣ встрѣтить его, весь 3-й батальонъ былъ поставленъ сначала въ дер. Райево, а потомъ—въ Каракіой.

Включительно по 28-е число мы положительно отдыхали, но зато 28-е число было окончательнымъ для насъ отдохновеніемъ, хотя и не надолго.

Съ разсвѣтомъ, 28-го ноября, намъ приказано было выступить и выбивать изъ траншей турокъ или забирать ихъ въ плѣнъ, что нами и было исполнено; по дорогѣ намъ попадались убитые турки и лошади, и, увы, таковы были наши трофеи, тогда какъ честь и счастье взятія Плевны выпали на долю другихъ войскъ; мы-же, которые, такъ сказать, были подготовителями этой катастрофы, были теперь на второмъ планѣ.

29-го числа вступилъ въ Плевну нашъ полкъ. Государь, Главнокомандующій и весь штабъ успѣли уже пріѣхать въ Плевну; Государь произвелъ смотръ войскамъ и въ это время собственноручно возложилъ на Главнокомандующаго орденъ Георгія 1-й степени и потомъ, здѣсь-же, многихъ наградилъ орденами и чинами. Государь былъ видимо веселъ и доволенъ.

Продолжительное бездѣйствіе сдѣлалось для насъ невыносимымъ, мы жаждали дальнѣйшихъ событій и вскорѣ они осуществились.

9-го декабря громко заговорили о нашемъ выступленіи въ зимній походъ черезъ Балканы на Шипку, и вотъ, 10-го числа, послѣдовало распоряженіе о походѣ.

Въ 9 часовъ утра мы выступили изъ Плевны, народъ насъ благословлялъ, провожалъ довольно долгое время, и потомъ долго, долго я еще видѣлъ, какъ они съ снятыми шапками стояли и все намъ кланялись.

12-го числа мы вступили въ Ловчу; недоходя нѣсколько шаговъ до города, генералъ Скобелевъ встрѣтилъ насъ и пропустилъ мимо себя, поблагодарилъ всѣхъ за молодцоватый видъ и поздравилъ съ предстоящимъ боевымъ дѣломъ; здѣсь намъ велѣно было закупать теплыя вещи для солдатъ, за все брали съ насъ весьма дорого.

Городъ Ловча довольно порядочный, весь въ горахъ; трудно на нихъ взбираться, такъ что мы обозъ должны были поднять за день до выступленія изъ города. Въ городѣ устроены трактиры, лавки, магазины, такъ что все можно достать, но за большія деньги.

14-го числа мы покинули Ловчу и, прослѣдовавши по отраслямъ Балканскимъ 40 верстъ, прибыли въ Сельвіо. Этотъ переходъ доказалъ возможность слѣдовать за Балканы безъ устали и безъ отсталыхъ солдатъ. Кромѣ того, переходъ этотъ совершенъ былъ съ обозомъ, что еще замедляло движеніе войскъ; нужно было останавливаться, помогать подниматься обозу, а безъ него этотъ походъ можно было-бы совершить поспѣшнѣе. Здѣсь мы опять закупали для солдатъ теплыя вещи и опять платили за все огромныя деньги. Скобелевъ, чтобы узнать, что дѣлается подъ Шипкой и какъ лучше туда пройти, самъ лично съ своимъ конвоемъ отправился подъ Шипку и къ вечеру вернулся веселымъ, значитъ, узналъ все досконально.

18-го числа мы оставили Сельвіо; шли долго, дружно, несмотря на горы, ущелья, овраги, ручьи и утесы, и къ вечеру слѣдующаго дня были въ Габрово, а къ ночи — въ дер. Дзелюшице, гдѣ мы на нѣкоторое время и расположились.

Походъ совершенъ былъ великолѣпно. Передъ Габрово, генералъ Скобелевъ опять насъ встрѣтилъ, пропустилъ мимо себя, благодарилъ за молодцоватый видъ и за то, что не было отставшихъ солдатъ, поздравилъ съ скорымъ дѣломъ съ турками и потомъ, подъ музыку, мы вступили въ городъ.

Поздно ночью мы прибыли въ дер. Дзелюшице, гдѣ и размѣстились по квартирамъ.

Включительно по 25-е сентября всѣ мы были заняты приготовленіемъ къ походу по горамъ и къ встрѣчѣ съ непріятелемъ.

Поздно вечеромъ, 24-го декабря, былъ прочитанъ приказъ, отъ 20-го декабря, по 63-му пѣхотному Углицкому полку:

„Начальникъ дивизіи (генералъ Скобелевъ) поздравилъ васъ вчера, съ скорою встрѣчею съ непріятелемъ. Переходъ зимою черезъ горы, бой въ горахъ представляютъ тяжелую борьбу съ природою и съ непріятелемъ. Всякое военное дѣйствіе въ горахъ, естественно, труднѣе, чѣмъ въ равнинѣ, но трудности и преграды несуществуютъ для русскаго солдата.

„Отъ меня до рядоваго въ полку будетъ каждый проникнутъ испол-

неніемъ своего святаго долга, долга наложеннаго службою Государю и отечеству.

„Обращаюсь къ вамъ, гг. батальонные, ротные, унтеръ-офицеры и рядовые, и говорю вамъ откровенно, что наступила минута, въ которую каждый изъ васъ долженъ сосредоточиться, обдумать хорошенько предстоящее, свои способности, трудъ и знаніе приложить къ тому, чтобы быть достойнымъ почетнаго имени русскаго солдата, которое мы носимъ, мужественно побороть всѣ препятствія и неупускать изъ виду, что вся матушка Россія на насъ сочувственно и съ замираніемъ сердца смотритъ, ожидая отъ насъ успѣха и утѣшенія.

„Подписалъ командиръ 63-го пѣхотнаго Углицкаго полка
полковникъ Панютинъ".

Громкое и дружное „ура!" было отвѣтомъ на прочитанный приказъ.

Съ разсвѣтомъ, 25-го декабря, въ торжественный для всѣхъ русскихъ день Рождества Христова, помолившись Богу, отслуживши молебенъ празднику и панихиду по убіеннымъ воинамъ, мы двинулись въ походъ по горамъ. Долго мы шли по этимъ балканскимъ высотамъ и любовались видами природы; только что мы пройдемъ одинъ кряжъ горъ, какъ передъ нами выростаетъ второй и т. д. Наконецъ, поздно къ вечеру, мы поднялись на самую высокую точку Балканъ, гдѣ и расположились на ночлегъ, со всѣми предосторожностями военнаго времени. Утромъ, 26-го числа, величественная картина высотъ, на которыхъ было расположено огромное число войскъ бивуакомъ, болгарскія дружины, артиллерія, кавалерія, саперы, стрѣлки и пѣхотинцы, поразила насъ, но любоваться было некогда. Послѣдовало распоряженіе спускаться съ горъ. Долго мы неспускались, и все это потому, что мы двигали съ собою и артиллерію, и весь обозъ на вьюкахъ: какъ-то: патроны, хлѣбъ, чай, сахаръ и водку. На половинѣ пути спуска, мы остановились на ночлегъ, вблизи непріятельскихъ шанцевъ. Когда передовыя наши войска спустились, то наткнулись на турокъ и завязали перестрѣлку; въ это время былъ раненъ нашъ начальникъ штаба подполковникъ Куропаткинъ: онъ вышелъ посмотрѣть на расположеніе непріятеля, и пуля попала ему въ ключицу и его тотчасъ-же на носилкахъ отнесли въ Габрово. Солдаты со слезами на глазахъ провожали раненаго героя, каждый изъ насъ, офицеровъ, спѣшилъ пожать его честную руку. Скобелевъ пригласилъ къ себѣ въ начальники штаба подполковника графа Федора Эдуардовича Келлера, бывшаго въ Сербіи и заслужившаго почетное имя храбраго и распорядительнаго начальника.

Съ разсвѣтомъ, 27-го числа, нашъ полкъ, спустившись съ горъ, началъ тѣснить врага, и занялъ дер. Еметлію; въ этотъ день мы лишились на всегда командира роты поручика Зимницкаго и нѣсколькихъ солдатъ. Къ вечеру бой прекратился. Около 9 часовъ вечера, я полу-

чилъ приказаніе отъ графа Келлера занять своею 9-ю ротою передовую линію и держаться до утра. Послѣ жаркихъ преній относительно того, идти-ли прямо на Шипку, или штурмовать Шейново, и потомъ направиться на Шипку, рѣшили было сперва штурмовать Шейново; въ этомъ смыслѣ и составлена была диспозиція.

„Для подготовленія атаки стрѣлковымъ огнемъ назначаются: 9-й и 11-й стрѣлковые батальоны и батальонъ Углицкаго полка, вооруженный турецкими ружьями Пибоди.

„Въ частномъ резервѣ: 3 бригады болгарскаго ополченія и горная батарея. Командованіе надъ всѣмъ этимъ отрядомъ поручается флигель-адъютанту полковнику графу Толстому.

„Во второй линіи: 3-я и 4-я дружины болгарскаго ополченія и Углицкій пѣхотный полкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Столѣтова.

„Въ общемъ резервѣ полки: Владимірскій, Суздальскій, Казанскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Томиловскаго.

„1-й драгунскій, 1-й уланскій, 1-й и 9-й казачьи полки, уральская сотня и конники болгарскаго ополченія, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дохтурова, занявъ мелкими частями деревни на правомъ флангѣ, развертываются на правомъ флангѣ боеваго расположенія.

„Во время боя, назначеніе кавалеріи охранять правый флангъ общаго боеваго порядка, зорко слѣдить за всѣми движеніями противника и, маневрируя на казанлыкскую дорогу, искать связи съ отрядомъ генералъ-лейтенанта князя Мирскаго, въ случаѣ отступленія непріятеля, преслѣдовать его самымъ энергическимъ образомъ.

„Общая цѣпь боя—шейновскій укрѣпленный лагерь.

„Наступленіе уступами съ праваго фланга.

„Я буду находиться въ началѣ боя при передовомъ отрядѣ, впослѣдствіи — при общемъ резервѣ. Перевязочный пунктъ назначается въ деревнѣ Иметліи.

„Пункты расположенія частей пѣхоты будутъ указаны начальникомъ штаба отряда, графомъ Келлеромъ, на мѣстѣ.

„Дружина болгарскаго ополченія и рота саперъ обороняютъ деревню Иметли со стороны Калофера.

Подлинную подписалъ:

генералъ-адъютантъ Скобелевъ".

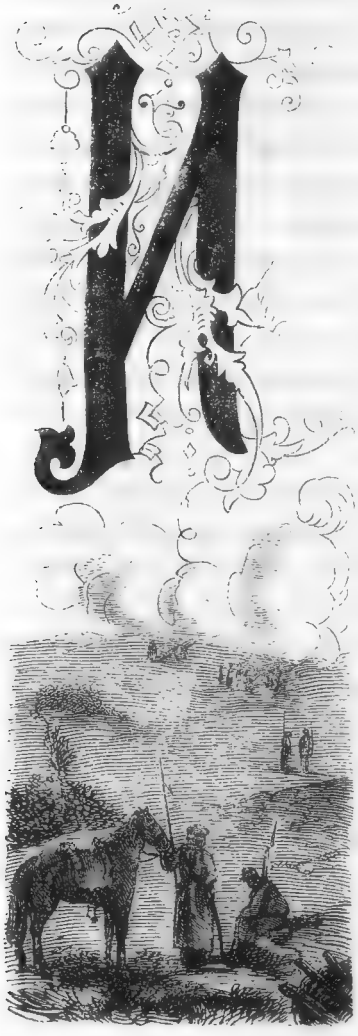
Стоя въ ночной передовой линіи, съ разсвѣтомъ, 28-го декабря, я слышалъ выстрѣлы съ правой стороны, это турки направились на отрядъ князя Мирскаго, потомъ стали слышны выстрѣлы съ лѣвой стороны,—это Радецкій наступалъ на турокъ. Около 9-ти часовъ утра роту мою смѣнили и весь полкъ дружно пошелъ на врага, рота моя пошла впередъ подъ музыку; потомъ приняли участіе всѣ роты; завязалась перестрѣлка, пошли валиться съ обѣихъ сторонъ люди, но наши солдаты,

несмотря на это, рвались впередъ и шли дружно и стройно, какъ-бы на обыкновенномъ мирномъ ученьи, что, конечно, еще болѣе устрашало непріятеля. Вблизи командира полка ранили знаменщика, онъ взялъ отъ него знамя и пошелъ впереди всѣхъ, а за нимъ еще отважнѣе пошли солдаты. Около 2-хъ часовъ пополудни полкъ занялъ первыя непріятельскія траншеи. Едва ихъ полкъ занялъ, какъ командиръ полка приказалъ мнѣ съ ротой отправиться впередъ и занять слѣдующіе редуты. Исполняя приказъ, я двинулся, занялъ два редута и подошелъ къ баракамъ. Здѣсь турки открыли по насъ огонь. Я приказалъ солдатамъ стать у выхода бараковъ и перестрѣлять всѣхъ находящихся тамъ турокъ. Покончивъ съ бараками, я двинулся далѣе. По дорогѣ ко мнѣ присоединились отставшіе солдаты Казанскаго полка и болгарской дружины, я размѣстилъ ихъ въ саду за деревьями, открылъ огонь по непріятелю, который засѣлъ въ траншеяхъ. Чтобы подвинуть успѣшнѣе дѣло, я самъ подавалъ солдатамъ патроны и переходилъ отъ одной кучки къ другой. Въ это время я былъ раненъ на вылетъ въ поясницу. Несмотря на рану, я пошелъ къ другимъ солдатамъ и въ это время замѣтилъ, что стоящій сзади редутъ былъ занятъ штабсъ-капитаномъ Сушинскимъ, командиромъ 11-й роты. Я былъ очень радъ этому сосѣдству и пошелъ къ нему посовѣтоваться, какъ-бы намъ овладѣть траншеей. Въ это время меня вторично ранили въ лопатку и раздробили кость. Въ этомъ жалкомъ состояніи я дожидалъ прибытія остальныхъ частей полка. Храбрый командиръ полка недолго себя заставилъ ждать, приказавъ старшему офицеру Носовичу принять командованіе надъ моей ротой, а меня поцѣловалъ и перекрестилъ; такъ какъ я былъ безнадеженъ я приказалъ отнести себя на перевязочный пунктъ. Бывшіе при мнѣ тѣлохранители Ивановъ, Демидовъ, Викентьевъ и Черемныхъ, положили меня на носилки и понесли въ Иметли.

На слѣдующій день меня посѣтили командиръ полка и всѣ мои боевые товарищи, которые мнѣ и сообщили о взятіи Шейново по плѣненіи турецкой арміи, и что въ этомъ сраженіи мы потеряли много убитыми и ранеными. Изъ офицеровъ убиты: капитанъ Гика-Маценика, поручикъ Бѣляевъ; умерли отъ ранъ: штабсъ-капитанъ Саенко, прапорщихъ Купчинскій, поручикъ Михѣевъ и капитанъ Юсуповъ; тяжело раненъ я; ранены: поручикъ Копѣйчиковъ, прапорщики: Пермечинъ, Боретло и Рышковъ.

ШЕЙНОВО.

(Изъ записокъ стрѣлка 3-й стрѣлковой бригады).



Такъ мы были въ отрядѣ генерала Скобелева 2-го. Отрядъ нашъ предназначался для операціи обхода и атаки съ правой стороны шипкинской турецкой арміи. День атаки имѣлъ быть утро 27-го ноября, но мы подоспѣли только къ вечеру и завершающій бой держали уже на слѣдующій день 28-го. Шли мы черезъ Балканы по Иметліискому проходу — это въ 2—3 верстахъ западнѣе Шипкинскаго перевала.

Шли мы уже пятнадцать часовъ и достигли самой высокой точки Балканъ у г. Караджи, — тутъ былъ перевалъ... Дыханіе участилось; плавная тяга рѣдкаго воздуха, при томъ сыраго и холоднаго, была нестерпима: страшно холодно было! А ко сну тогда такъ и клонитъ, такъ и хочется лечь и уснуть... Но стали спускаться; заря занялась и вслѣдъ за ней выглянуло солнце, освѣтивъ еще только вершины горъ; сонливость пропала, стало бодрѣе;—посыпались шутки, загоготали проснувшіеся — всѣ ожили. Спускъ былъ адскій, въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ крутой; снѣгъ по колѣно, мягкій и какой-то скользкій,—трудно было держаться на ногахъ. Вотъ одинъ шлепнулся и скатился внизъ шаговъ на тридцать; смѣхъ громкій провожаетъ его. Глядь, уже цѣлая

вереница весельчаковъ-молодцовъ также кубаремъ спускается внизъ, только съ шумомъ, гамомъ, возней. Наши герои зачастую веселятся какъ дѣти, счастливцы! Спустились ниже. Далеко, далеко еще внизу глазамъ нашимъ представилась долина Розъ. Съ высоты, какъ разъ противъ нашего спуска, намъ видны были въ долинѣ на снѣгу какія-то крохотныя черныя точки; сначала мы не обратили на нихъ никакого вниманія, а спустившись ниже, разглядѣли, что точки эти—люди: то были наши войска, на позиціи передъ д. Шейново. Какою крохотною точкою кажется эскадронъ съ высоты Балканъ! Вдвое труднѣе было спуститься съ горы, нежели взобраться. Въ пять часовъ вечера, наконецъ, усталые и голодные, мы сошли въ долину,—хорошо было ступать по ровному мѣсту послѣ 18-ти часоваго выламливанія и выкручиванія ногъ.

Солнце уже садилось, когда было объявлено 9-му батальону стать бивуакомъ на позиціи, а 11-му въ д. Иметли. Въ это время открылась сильная стрѣльба со стороны Шипки: отрядъ генерала Святополкъ-Мирскаго занималъ вторую линію турецкихъ укрѣпленій у д. Янино. Нашъ-же отрядъ въ это время произвелъ демонстрацію съ нѣсколькими, впрочемъ, только выстрѣлами. Стрѣльба прекратилась и всѣ опять заняли свои бивуачныя мѣста. Ночь была тихая, на звѣздномъ небѣ ни единаго облачка,—слегка морозило. Запылали костры на бивуакахъ, каждый заботился какъ-бы утолить свой голодъ, а потомъ примоститься у костра и уснуть; впрочемъ, у костровъ долго еще балагурили и шутили. А завтра можетъ быть многихъ нестанетъ въ живыхъ, но никто объ этомъ не думаетъ; голодъ и усталость поглотили всѣ остальныя чувства въ храбрыхъ нашихъ герояхъ и въ полночь, кромѣ аванпостовъ, всѣ храпѣли богатырскимъ сномъ.

11-й батальонъ въ Иметли тоже долго копошился. Спали кто въ хатахъ, а кто на дворѣ. Офицеры разбились на двѣ группы—бо́льшая въ избѣ, меньшая—подъ открытымъ небомъ. Многіе изъ тѣхъ и другихъ уснули скоро и стакана чаю не дождавшись.

Настало роковое утро, было 7 часовъ. Еще солнце не поднялось, когда всѣхъ насъ разбудилъ гулъ отъ стрѣльбы со стороны Шипки. Трескотня эта поднялась у турокъ такъ—должно со страху; и не мудрено—провели они ночь окруженные съ трехъ сторонъ и выбитые уже съ нѣкоторыхъ позицій. Трескотня эта быстро всѣхъ насъ подняла на ноги, а тутъ еще ударили сборъ. Живо собрались, наскоро умывшись кто водой, а кто снѣгомъ, въ минуту всѣ были на своихъ мѣстахъ, готовые на все.

Ни малѣйшаго намека не вырвалось о предстоящемъ дѣлѣ, всѣ старались говорить о постороннемъ; то тутъ, то тамъ клалъ на себя широкій крестъ богобоязненный герой.

Назначили 9-й батальонъ резервомъ Казанскому полку, а 11-й Углич-

кому. Тронулись; до Шейново было версты четыре. На дорогѣ было отдано новое приказаніе: 9-му балтаьону стать правѣе горной батареи, 11-му лѣвѣе, обоимъ въ первой линіи. Тотчасъ мы и пристроились къ своей батарейкѣ, какъ у насъ ее называли. Шли въ глубокихъ колоннахъ. Шагахъ въ 3000 отъ Шейново батальоны построились въ двѣ линіи и продолжали наступать, выславши три роты въ цѣпь (9-го двѣ и 11-го одну).

Впереди не видно было ни укрѣпленій, ни турокъ, ни деревни, а шли мы на опушку рощи, гдѣ скрывалась Шейново и весь лѣвый флангъ турецкой позиціи, Мертвая тишина царила въ рядахъ, изрѣдка кой гдѣ слышался голосъ офицера, объясняющаго что-нибудь своимъ молодцамъ; такъ подошли мы на 1000 шаговъ къ непріятелю. Еще нельзя было его нигдѣ различить. Вотъ выстрѣлъ: одинъ, другой; стая собакъ съ визгомъ бросилась отъ опушки рощи, куда мы наступали и опять тишина. Выстрѣлы эти показали намъ непріятеля и это послужижило какъ-бы сигналомъ къ бою. Батарейка наша стала на позицію и мы съ ней. Бухъ, бухъ! и двѣ наши гранаты взвились въ воздухъ и не долетѣвъ до турецкихъ укрѣпленій, разорвались; эти гранаты выпущены были для опредѣленія разстоянія. Вотъ буравитъ воздухъ отвѣтка, уже турецкая граната, съ трескомъ передъ нами грохнулась объ земь и не разорвалась. Кровавый разговоръ уже начался, но намъ было все равно,— отъ страшнаго утомленія при переходѣ Балканъ какъ-бы чувства отупѣли: ни малѣйшаго волненія, ни малѣйшей перемѣны въ лицахъ. Не то бывало въ прежнихъ бояхъ, гдѣ во время первыхъ выстрѣловъ лихорадка, минутная потерянность, порывчатость движеній, особое волненіе замѣчались въ каждомъ. Цѣпь наша протянулась версты на двѣ съ половиною; съ правой ея стороны стояли 3 эскадрона кавалеріи; въ резервѣ 9-й батальонъ имѣлъ двѣ болгарскія дружины, а лѣвѣе цѣпи никого не было — все вниманіе было обращено на правый флангъ, гдѣ могли ожидать непріятеля со стороны Казанлыка. Цѣпь 11-го батальона имѣла сначала боя резервомъ свою одну роту, которая шагахъ въ 700 отъ непріятеля слилась съ нею и съ тѣхъ поръ до окончанія боя резервовъ частныхъ не имѣла.

„Впередъ роты!“ слышится намъ команда и мы скорымъ стрѣлковымъ шагомъ прошли шаговъ 200 и легли. Передъ нами было ровное мѣсто, ни бугорка, ни кустика вплоть до самой рощи; было тепло, неглубокій снѣгъ намъ нисколько не мѣшалъ наступать. Турки открыли огонь; имъ хорошо были извѣстны разстоянія и у насъ стали по немногу выбывать изъ строя. Ни стона, ни жалобы—мертвая тишина. Звуки отъ выстрѣловъ еле-еле доносились до насъ, а пули уже засвистѣли. Вотъ фыркаютъ вверху надъ нашими головами то наши, то турецкія гранаты; — бѣды намъ отъ нихъ не было, но страшно было слышать эти фырканья—невольно поворачиваешь голову въ сторону полета—узнать

гдѣ разорвется. Пролежали мы тутъ минутъ десять, сразу всѣ поднялись и бросились впередъ. Бѣжали до тѣхъ поръ, пока духу хватило, уменьшался шагъ съ увеличеніемъ усталости, но каждый бѣжалъ, не желая лечь первымъ; но вотъ одинъ изъ первыхъ буквально упалъ—въ мигъ вся цѣпь легла и открыла огонь, довольно, впрочемъ, рѣдкій. Было не болѣе 600 шаговъ до турокъ; можно было различить уже траншеи и редуты и всякое въ нихъ движеніе. Адскій огонь направили турки на насъ;—зная разстояніе, прикрытые укрѣпленіями, они насъ буквально обсыпали пулями. Ихъ линіи траншей и редутовъ по временамъ рѣзко обозначались огонькомъ и послѣ сплошной полосой дыма. Уже съ этого разстоянія со стороны видны были двѣ цѣпи, одна подавалась впередъ, другая назадъ. Отступали раненые, но издали казалось, что одновременно наступали и отступали, такъ много было раненыхъ. Но и мы не остались въ долгу: сплошная ихъ линія огня уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорвалась,—то были ихъ снѣжныя траншеи, возведенныя видно передъ самымъ боемъ, гдѣ стрѣлки ихъ, сколько тамъ было, такъ и остались лежать; всѣ были перебиты. Еще минутъ 10 и всѣ бросились впередъ съ крикомъ «ура" не окончательнымъ только;—это стрѣлки знали, что турки боятся „ура" и крикнули. Перебѣгали быстро и безъ выстрѣла. Уже поле было усѣяно убитыми и тяжело ранеными, уже много было ползущихъ на четверинкахъ, облитыхъ кровью, желающихъ скорѣе добраться до перевязочнаго пункта, но многихъ пуля догоняла и они бѣдные, въ страшныхъ предсмертныхъ судорогахъ, оканчивали свой жизненный путь—не веселая картина!.. А тутъ продолжали свое дѣло.

Открыли частый и мѣткій огонь, заставили турецкія батареи замолчать и уменьшить ихъ траншейный огонь. Цѣлая масса нашихъ пуль была направлена преимущественно въ редуты и вотъ почему такъ скоро вывели изъ строя всю ихнюю артиллерійскую прислугу. Впрочемъ, четыре орудія противъ 9-го батальона прекратили огонь только когда стрѣлки подошли къ нимъ шаговъ на 300.

Быстро выпускались патроны стрѣлками, много ихъ также терялось изъ неудобныхъ сумокъ для носки ихъ. По 4 человѣка съ роты отправлены были за патронами—версты полторы. Живо роздали по пачкѣ, по двѣ, а то и по три — кому сколько нужно было. Хорошо было видѣть живость и смѣлость разносящихъ патроны по цѣпи. Нѣсколько изъ нихъ упали сраженные пулями, что не помѣшало нисколько другимъ взять у нихъ башлыки, наполненные еще пачками и раздавать дальше.

Еще одна перебѣжка—еще много пало,—уже треть офицеровъ выбыла изъ строя, уже многихъ не досчитываются товарищей. Въ эту перебѣжку стрѣлки стали бросать свои сумки съ сухарями и даже сумки съ своимъ крохотнымъ, но необходимымъ богатствомъ—бѣльемъ. Мѣшало бѣжать, вотъ они и бросали... Потъ градомъ катился съ храбрыхъ лицъ

нашихъ молодцовъ, всѣ уже вернулись въ бой, у всѣхъ на умѣ—скорѣе добраться до турокъ и добрались, дѣйствительно скоро, скорѣе чѣмъ можно было ожидать. Молодецки наши стрѣлки наступали. Не нужно было ни просьбъ, ни угрозъ, ни личнаго примѣра, чтобъ побудить молодцовъ быстро наступать. „Впередъ братцы", и довольно,—всѣ какъ одинъ встаютъ и бѣгутъ, бѣгутъ пока дыханіе не захватитъ. Легли и кто какъ можетъ такъ примѣняется къ мѣстности; чувство самосохраненія заставляетъ каждаго прикрыть какъ можно лучше голову, а поле—хоть шаромъ покати. Вотъ видишь одинъ поставилъ передъ собою свой мѣдный котелокъ и изъ-за него стрѣляетъ, а самъ весь видѣнъ какъ на ладони. Хвать пуля въ котелокъ, перевернула его, но стрѣлка не задѣла. „Ишь ты", промолвилъ только и опять поставилъ его передъ носомъ и продолжаетъ стрѣлять; а то торчитъ изъ снѣга какая то солома, — вотъ сгребъ ее немного въ кучу и изъ за нея высматриваетъ куда бы лучше послать пулю; еще лучше, другой какъ куропатка спрячетъ голову за махонькой бугорочекъ снѣга и доволенъ—прикрылся значитъ. И легкая же смерть многимъ такимъ куропаткамъ выпала на долю!

Лежитъ, выстрѣлилъ; зарядилъ опять, прицѣлился, подался назадъ немного и такъ и остался лежать—и палецъ на спускѣ и прикладъ въ плечѣ—это пуля угодила прямо въ лобъ. А если ранитъ, то въ сердцахъ ругнется, броситъ ружье, если ему нельзя его нести и на колѣнкахъ или прямо поплелся назадъ къ перевязочному пункту. Слѣды крови отчетливо обозначались на снѣгу и часты же они были.

Еще перебѣжка. Лѣвый флангъ наступалъ быстрѣе, мало выдерживалъ на позиціи. Никто не оглянулся назадъ посмотрѣть идутъ-ли резервы, никто слѣва ничего не ожидалъ, всѣ больше обращали вниманія на правый флангъ. Было не больше 100 шаговъ разстоянія къ туркамъ, когда 11-й батальонъ, стоя, мѣткимъ, частымъ и послѣднимъ огнемъ сталъ себѣ подготовлять большой успѣхъ къ атакѣ, какъ слѣва во флангъ ему показалась турецкая кавалерія. Успѣхъ былъ такъ близокъ, уже нѣкоторыя укрѣпленія турками были оставлены и вдругъ такое страшное препятствіе, какъ кавалерія. Оглянулся невольно каждый назадъ, желая увидѣть самую близкую свою поддержку, но увы! случилось такъ, что резервъ въ трехъ верстахъ отъ цѣпи, развернутымъ фронтомъ въ страшно длинной линіи наступалъ медленнымъ шагомъ. А тутъ баши-бузуки свое дѣло дѣлаютъ,—быстро они наскочили, такъ что не успѣли по нимъ и залпа хорошаго дать и стали сильно и смѣло напирать то здѣсь, со тамъ. Не выдержала уже довольно рѣдкая и слабая цѣпь и подалась лѣвымъ плечомъ назадъ; подалась она скорымъ, стрѣлковымъ шагомъ, шаговъ такъ на 500. Какъ жаль, что не было поддержекъ. Сколько изъ-за этого лишнихъ жертвъ пало! Какъ стали отсту-

пать, турки повылазили даже изъ своихъ укрѣпленій, что съ ними рѣдко бывало и такой убійственный, частый огонь открыли, что много, много тутъ нашихъ молодцовъ погибло ни за-что, ни про-что. Лично каждый не боится,—онъ не струситъ и не уступитъ, но одинъ въ полѣ не воинъ, а цѣпь безъ поддержекъ—одинъ человѣкъ. И такъ одинъ промахъ погубилъ сотни жертвъ годныхъ и умѣлыхъ для дѣла! Лѣвѣе ротъ 11-го батальона никого не было до атаки кавалеріи, и только теперь сотня казаковъ прискакала на рысяхъ и стала противъ баши-бузуковъ, а колонна казанцевъ отдѣлилась отъ общаго резерва къ лѣвому флангу, но стала, все-таки, въ двухъ верстахъ отъ цѣпи. Генераломъ Скобелевымъ были подосланы для усиленія 3 стрѣлковыя роты Угличсаго полка, которыя слились съ цѣпью 11-го батальона.

Еще причина неудачи—незнаніе офицерами времени атаки. „Атаковать Шейново", вотъ все, что знали руководители силы, разрушающей нерѣдко цѣлыя государства.

На правомъ же флангѣ 9-й батальонъ, имѣя въ резервѣ своемъ 2 болгарскія дружины, наступалъ медленнѣе, дѣлая болѣе продолжительныя выдержки на позиціяхъ перебѣжекъ. Батальонъ ровно и смѣло подавался впередъ во все время боя, оставляя на мѣстахъ лежанокъ цѣпи и резервовъ своихъ убитыхъ и тяжело раненыхъ героевъ, а ихъ было не мало и обагряя кровью путь свой наступленія. Много пало храбрецовъ, но и успѣхъ былъ хорошъ!

Вотъ подошли на сто шаговъ и „ура" раздалось. Не мирное ура вырвалось изъ груди каждаго, а особое, рѣзкое и зловѣщее. Отбилось эхо въ рощѣ и гдѣ-то далеко замерло, что-то екнуло въ груди, сразу охватило бѣшенное увлеченіе и бросились. Убійственный, отчаянный и послѣдній огонь турокъ не замѣтенъ былъ молодцамъ, страшное ура повторялось,—добѣжали быстро. Въ одномъ только редутѣ и за нѣсколькими стѣнами, проведенными въ оборонительное состояніе, сошлись въ штыки, а то турки сразу дрогнули и бросились бѣжать.

„Ура"—раздалось и по всей линіи. Турки замѣтались и хлынули безпорядочной толпой въ паническомъ страхѣ, бросая оружіе и все что мѣшало бѣгу. Нѣкоторые изъ нихъ еще на бѣгу выстрѣлили назадъ не цѣлясь, куда-то вверхъ—больше для очистки совѣсти и потомъ уже бросали ружья, но такихъ было мало.

„Держи, лови, ату, ату" раздается въ рядахъ нашихъ бойцовъ; „ого-го-го, постой, постой" и хохотъ поднялся. Добрыя души наши герои! Сколько ихъ пало, сколько у каждаго товарищей раненыхъ осталось тутъ же на полѣ, а злобы на виновниковъ этихъ бѣдъ, турокъ, у нихъ нѣтъ; перестали даже стрѣлять по бѣгущимъ. Такъ съ крикомъ и хохотомъ и ворвались въ турецкій лагерь, пробѣжавъ редуты и траншеи. Раненыхъ въ укрѣпленіяхъ правда всѣхъ перекололи—зло брало:

лежитъ и стрѣляетъ, — нѣсколькихъ нашихъ, еще ранили. Въ нѣкоторыхъ палаткахъ также порядочно ихъ перѣкололи, но эти были не раненые, а видно оставшіеся тутъ для охраны лагеря и выпившіе здорово. Да, кажется, всѣ они въ этотъ день выпили порядочно—видно для храбрости. Баши-бузуки же, видя что дѣло ихъ проиграно, какъ угорѣлые бросились сначала къ своимъ на шипкинскія позиціи, но раздумали и повернули на дорогу въ Казанлыкъ. Говорятъ, нѣкоторые прорвались, но много ихъ пало отъ нашихъ пуль: грохнется объ земь на скалу сраженный, а лошадь въ сторону—да въ конюшню. Много такъ прискакало лошадей осѣдланныхъ и замудштученныхъ, потерявшихъ своихъ сѣдоковъ. Съ самой позиціи до мѣста, гдѣ турки бѣжавшіе остановились, а это было шаговъ 700—800, весь путь ихъ былъ буквально усѣянъ трупами и ранеными. На снѣгу, издали рѣзко обозначалась эта дорога шириною шаговъ въ 15, казалось это она была нарочно чѣмъ-то чернымъ усыпана. Страшна и не мила такая дорога!

Лѣвѣе же турки собрались на холму, сильно у подножія укрѣпленномъ и обыденномъ спиральной траншеей, откуда можно было держать нѣсколько линій огня. Буквально холмъ этотъ былъ облѣпленъ ими и принялъ видъ муравейника, гдѣ что-то сине-малиновое закишѣло. Подбѣжали наши къ холму, открыли по немъ частый и вѣрный огонь, намѣреваясь всѣхъ ихъ тамъ перестрѣлять, какъ турки вдругъ перестали отвѣчать и на холму вслѣдъ затѣмъ показался бѣлый флагъ. Еще залпъ съ нашей стороны и все замолкло по всей линіи. Бой кончился. Результатъ его—плѣненіе всего шипкинскаго турецкаго отряда.

И такъ, всю тяжесть боя вынесли на своихъ плечахъ стрѣлки. Ровно четыре часа выдержали они подъ огнемъ не менѣе численнаго непріятеля, хорошо прикрытаго, съ артиллеріей въ десятеро сильнѣйшей ихъ горной батарейки. Только своимъ огнемъ они уложили сотни непріятеля, только своею грудью проложили они себѣ и другимъ дорогу черезъ траншеи и редуты, заборы и все, что было приспособлено къ оборонѣ. Конечно, одна цѣпь безъ резервовъ, что одинъ человѣкъ въ дѣлѣ операціи, но какъ много отъ нея зависитъ! Иди она впередъ, не задерживайся, прокладывай путь сзади наступающимъ резервамъ — и вѣрный успѣхъ. Какъ хорошо быть поддержкою тѣмъ молодцамъ, которые идутъ, идутъ и идутъ впередъ, вынося изъ непріятельскаго строя своимъ огнемъ тысячи ружей и тѣмъ уменьшая свою и резервовъ убыль. Какъ подымается тогда увѣренность въ успѣхѣ, какъ каждый тогда дѣлается смѣлѣе! Если не все въ бою, то очень и очень многое зависитъ отъ впереди идущихъ. А вѣдь нешуточное дѣло идти впередъ и оставить на полѣ убитыми и ранеными изъ семи ротъ 706 человѣкъ! (4 роты 9-го и 3—11-го батальоновъ). Если допустить, что всякая тридцатая пуля выносила кого-нибудь изъ строя, что при стрѣльбѣ у турокъ невѣроятно,

такъ какъ они выпускали возможно большее число патроновъ, то въ какомъ дождѣ свинца они проходили. Были дистанціи и минуты, когда въ воздухѣ, около самыхъ ушей, раздавался свистъ тысячи пуль, а отъ гула своихъ и непріятельскихъ выстрѣловъ слухъ притуплялся, и по этакой дорогѣ прошли наши храбрецы 800 шаговъ. По истинѣ сказать, во всѣхъ бояхъ: подъ Ловчей, подъ Плевной 30-го и 31-го августа, на Зеленыхъ горахъ, подъ Шейново и подъ Германлы три четверти успѣха зависѣло отъ офицеровъ. Всегда и вездѣ шли они впереди и, конечно, нашъ солдатъ ужъ никогда не отстанетъ отъ своего руководителя. Привыкши повиноваться въ мирной подготовкѣ для боя, они теряются въ рѣшительныя минуты безъ офицеровъ. За то какъ любятъ они храбрыхъ и смѣлыхъ! Вѣрнѣйшимъ доказательствомъ исполненія ими своего долга и безграничнаго самопожертвованія служитъ ихъ убыль въ бояхъ. Такъ, въ этомъ дѣлѣ офицеры 9-го батальона оставили изъ 13-ти человѣкъ:—одного убитымъ, пять ранеными, кромѣ того, оставшіеся въ строю четыре были контужены. А 11-й—изъ одиннадцати:—одного убитымъ, четыре ранеными, да изъ оставшихся въ живыхъ одинъ былъ контуженъ. 50% ихъ выбыло въ этомъ славномъ дѣлѣ!

Видно было, что турки никогда не ожидали со стороны Иметли нападенія. Батареи-то у нихъ были построены на всякій случай на два и четыре орудія, но траншеи возвели они только наканунѣ боя. Были свалены деревья, изъ-за которыхъ они стрѣляли, а то просто впопыхахъ возвели они нѣсколько траншей изъ снѣга, нѣкоторые заборы и два-три дома ближе къ опушкѣ были приведены въ оборонительное состояніе—вотъ и вся ихъ позиція. Это намъ тоже конечно много помогло. Не справиться же туркамъ съ нами въ открытомъ полѣ!

Какъ видно, они надѣялись также отступить; повозки были нагружены провіантомъ, въ палаткахъ все было упаковано и уложено, хоть сейчасъ въ дорогу; лошади были въ упряжи.

Голодъ не тетка, говорятъ — взаправду такъ. Только кончили сраженіе, еще не успѣли стать въ порядокъ и собраться свой къ своимъ, какъ ужъ десятки рукъ полѣзли въ каруцы за галетами. Никакого страха, никакой потерянности, ни усталости, ни торжества не видно было на лицахъ, оставшихся въ живыхъ героевъ. Преспокойно вынимались ими галеты изъ мѣшковъ и такъ же разгрызались. Съ трудомъ заставили ихъ отойти отъ повозокъ. Водворился наконецъ строгій порядокъ; всѣ стали на свои мѣста и приготовились на всякій случай, готовые опять помѣряться съ врагомъ. Но вотъ прискакалъ Скобелевъ, поздравилъ съ побѣдой. Вотъ тутъ-то и оживился каждый, оглянулись другъ на друга, каждый ощутилъ пріятную усталость, какая бываетъ послѣ долгаго напряженія всѣхъ силъ, нравственныхъ и физическихъ—тутъ тѣмъ болѣе, что каждый, находясь въ поясѣ смерти, могъ ее ожидать нѣсколько ча-

совъ сряду. Подоспѣли тутъ наши резервы — 16-я дивизія, нѣкоторые полки изъ отряда Святополкъ-Мирскаго собрались всѣ въ кучу, водрузили на одномъ изъ большихъ, взятыхъ нами редутовъ распущенныя знамена Углицкаго полка музыканты исполнили гимнъ „Боже, Царя храни". Съ особеннымъ волненіемъ, съ особой торжественностью прокричалось громко, громко „ура!" Какъ смѣло тогда наши бойцы смотрѣли вдаль, какъ увѣрены они были тогда въ себя.

Бой кончился часа въ два пополудни, а мы разбрелись по палаткамъ, намъ указаннымъ для ночлега, только къ вечеру: нѣсколько часовъ все осматривалось кругомъ. „Что за Шипка такая, давай посмотримъ?" — „Посмотримъ". И что же? Камня на камнѣ не осталось отъ деревни, одинъ остовъ бывшей церкви возвышается надъ развалинами и больше ничего. А когда-то процвѣтала деревня. Лежитъ она у самаго подножія Балканъ при шипкинско-казанлыкскомъ шоссе.

Долго еще по лагерю бродили лошади, скотъ, — только къ вечеру ихъ убрала хозяйственная часть отряда. Раненые турки со всѣхъ сторонъ сползались къ своему перевязочному пункту; многіе просыпались изъ кучи убитыхъ и шли къ своимъ докторамъ. Говорили, что докторовъ ихнихъ принуждены были заставить силою подавать раненымъ помощь.

Наступилъ вечеръ. Всѣ разбрелись по своимъ палаткамъ. Затопили камины—въ каждой палаткѣ былъ каминъ;—кто винными ягодами, кто прессованными сливами, кто сыромъ, а кто и супомъ, свареннымъ на скорую руку, утолилъ свой голодъ. Разтюковали узлы, разостлали себѣ постели и, укрывшись хорошимъ одѣяломъ, каждый уснулъ сладкимъ, крѣпкимъ сномъ. Давно такъ не спалось! А обладатели ягодъ, сыровъ, шелковыхъ одѣялъ, подъ которыми теперь спала часть русской силы, мерзли въ верстахъ пяти отъ своего бывшаго лагеря, безъ пищи и теплой одежды. А много ихъ добра досталось тутъ намъ въ руки...

Слѣдующее утро послѣ боя было также ясное и тихое. Поле сраженія было усѣяно еще непохороненными убитыми. Ружья отъ павшихъ и раненыхъ собирались въ козлы и оставлялись тамъ же стоять. Невесело было видѣть это поле. А раненые наши помѣщались въ Иметли. Офицеры въ полуразвалившихся хижинахъ, а стрѣлки на дворѣ, на снѣгу. Разложили себѣ бѣдные, кто могъ, костры и, скорчившись, безъ пищи и еще безъ перевязки, въ кружкѣ у огня грѣлись. Много отдало душу Богу за эту ночь,—это сильно раненые и лежатъ тутъ рядышкомъ съ живыми, — плачевная картина! Другіе же не могли сами поддерживать своихъ костровъ и когда тѣ потухли, то и мерзли они всю ночь, ежась и кутаясь въ свои шинелишки. Но что за терпѣніе! Ни жалобы, ни упрека. Вотъ гдѣ бы у кого поучиться переносить голодъ, холодъ и мученія. А страшныя раны у нѣкоторыхъ были, въ особенности съ раз-

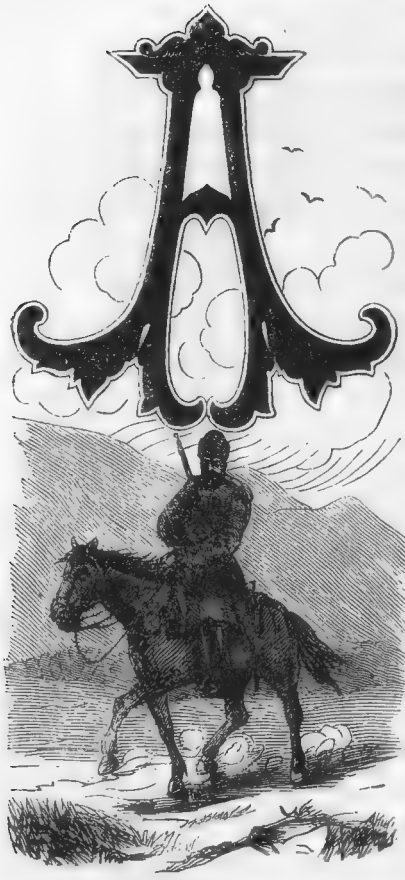
дробленіемъ кости. Два наши доктора работали весь вечеръ и ночь напролетъ и не могли всѣмъ перевязать раны. Привезли раненымъ съ Шейнова галетъ, крупы, говядины, нѣсколько теплой одежды; прислали двухъ, трехъ человѣкъ прислуги — хоть огонь поддержать въ кострахъ, хоть воды раненымъ принести; но не уменьшились отъ этого страданія несчастныхъ — гибли какъ мухи. Вотъ бѣда, средствъ перевязочныхъ не было — не захватили по оплошности.

Вырыли нѣсколько ямъ, собрали убитыхъ и зарыли. Вздохнулъ тутъ каждый, махнулъ рукой и скучный, скучный, вернулся въ свою палатку. И такъ, зарыли усачи-товарищи своихъ героевъ, павшихъ храбро и мужественно въ бою съ оружіемъ въ рукахъ. Воинъ, гдѣ не находилъ ты себѣ могилы? Куда не кидала тебя судьба?

Провели мы тутъ Новый годъ. Скученъ онъ намъ былъ до крайности. Вообще, страшно, монотонно и тяжело прошли эти четыре дня нашего здѣсь отдыха. Рады мы были походу, назначенному на 2-е января. Безъ сожалѣнія оставили мы роскошную и живописную долину Розъ и 3-го числа перевалили черезъ Малые Балканы въ Эски-Загру.

Стрѣлокъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ДѢЙСТВІЯХЪ ИНГУРСКАГО ОТРЯДА.



Алхазскій или Кутаискій отрядъ изъ 2-хъ батальоновъ Кубанскаго полка, 3-й батареи 19-й бригады и мостовыхъ командъ 2-го Кавказскаго сапернаго батальона, стоялъ до 6-го мая въ Орнирахъ. Въ ночь, съ 5-го на 6-е мая, начальникъ кутаискаго отряда сдѣлалъ распоряженіе навести мостъ черезъ рѣку Ценисъ-Цхали (лошадиная вода). Мостъ былъ готовъ къ 8-ми часамъ утра; въ 10 часовъ колонна генерала Алхазова кончила переправляться. Вечеромъ, 6-го мая, мы ночевали у Ново-Сенакъ. На слѣдующій день мы были въ 10-ти верстахъ отъ Зугдидъ. 8-го числа пришли въ Ингуру. У мѣста переправы Ингуръ образуетъ 4 рукава. Два изъ нихъ удобопроходимы въ бродъ, черезъ остальные нужно было устроить мостъ. Подвижная часть моста, возимая при отрядѣ, имѣла длины всего тридцать саженъ. Около мѣста переправы находился ни куда негодный мелкій ольховый лѣсъ.

Наводка моста должна была начаться съ лѣваго берега, гдѣ глубина достигала всего до $1^1/_2$ футъ, а съ праваго доходила до 9-ти футъ. Подобная поперечная профиль, требовавшая невысокихъ устоевъ у начала, позволила воспользоваться для нихъ арбами (мѣстная, двухколесная, первобытнаго устройства повозка), съ небольшими приспособленіями: верхняя часть съ каждой арбы была снята, остались только колеса, соединенные осью. Двѣ пары колесъ ставились на разстояніи полутора саженъ другъ отъ друга, по теченію и на ихъ оси накладывался брусъ.

*

Величина пролетовъ была двѣ сажени. Главное замедленіе при наводкѣ представляло добыть переводины и настилку. За переводинами пришлось послать 10 человѣкъ вверхъ по рѣкѣ и верстахъ въ 4-хъ былъ найденъ подходящій лѣсъ. Черезъ часъ у моста уже ловили спускаемыя бревна. Для настилки была разобрана ближайшая сакля (изба). Мостъ былъ готовъ къ назначенному времени, потребовавъ на свое устройство 6 часовъ. Обозы не подходили долго и переправа вмѣсто 13-го началась 14-го утромъ. Причина такого замедленія была дорога отъ Зугдидъ до Анакліи, по которой по преимуществу приходилось двигаться. Полотно было сдѣлано мѣстными жителями, мосты-же черезъ овражки и ручейки не были готовы, хотя лѣсъ для нихъ, привезенный жителями и пролежавшій нѣсколько лѣтъ безъ употребленія, успѣлъ уже сгнить.

Генералъ Алхазовъ съ 8-го по 15-е оставался въ Зугдидахъ, куда къ этому-же времени прибылъ князь Мирскій. 15-го мая генералъ Алхазовъ направился черезъ Окумъ съ преждеушедшею колонною полковника Ш—го къ берегамъ Кодора, въ Джегрды, откуда долженъ былъ явиться генералъ Кравченко съ отступавшими батальонами. Вдругъ, Алхазовъ получилъ извѣстіе, что съ праваго берега Кодора изъ Пицунскаго округа переправилась шайка, человѣкъ въ двѣсти, къ дому князя Ш—дзе въ Атарахъ. Алхазовъ двинулся къ Атарамъ. Противъ шайки въ двѣсти человѣкъ шли два батальона Ахалцыхскаго полка, 4 орудія, 1-я Кутаиская пѣшая дружина и 3 сотни Самурзаканской милиціи. Было это, должно быть, числа 18-го мая. Дождь лилъ, не переставая, четвертый день. Дорога, по которой насъ повели, шла по первобытному лѣсу; солнечный лучъ, кажется, не проникалъ черезъ листву дубовъ и чинарей; грязь по дорогѣ была ужаснѣйшая. Я видѣлъ, какъ артиллерійскій ящикъ завязъ въ грязи и будь какія-нибудь другія лошади, а не 4 батареи Кубанской конной артиллеріи полковника Я—ча, пришлось-бы посылать на помощь людей, а тутъ эти лошади совершенно легко вывезли ящикъ.

Я ѣхалъ рядомъ съ генераломъ Алхазовымъ и интересны были свѣдѣнія, какія ему доставлялись. Подъѣзжаетъ какой-нибудь милиціонеръ и заявляетъ, что шайка состоитъ изъ арабовъ, другой подъѣзжаетъ и разсказываетъ, что шайка переправилась черезъ Кодоръ, въ Атарахъ, явилась въ домъ Ш—дзе и заказала ужинъ на двѣсти человѣкъ. Ужинать-же пришло всего 61 человѣкъ. Третій подъѣзжаетъ и объявляетъ, что церковь сожжена, надъ образами наругались и т. д. Дождь-же продолжаетъ лить нестерпимо; проводники говорятъ, что отъ Джегрдъ до Атары 12—18 верстъ, а мы уже сдѣлали 25, а Атары не видать. Наконецъ, верстахъ въ $3^1/_2$ отъ дома полковника Ш—дзе мы остановились; оказалось, что шайка была, только не въ 200, а въ 70 человѣкъ, и что,

узнавъ о нашемъ приближеніи, она переправилась обратно на правый берегъ Кодора.

Изъ Джегрдъ до Атары 18 верстъ по одной дорогѣ, а по другой, горной, 9 верстъ. По кратчайшей былъ посланъ М—дзе съ Кутаиской дружиной; но проводникъ подвелъ ихъ къ Атарамъ, потомъ повернулъ налѣво и повелъ ихъ со всѣмъ въ сторону, такъ что М — дзе вмѣсто 9-ти сдѣлалъ до 40 верстъ и пришелъ въ лагерь въ 2 часа ночи; проводникъ-же колонны Алхазова заставилъ насъ сдѣлать вмѣсто 18-ти верстъ — 36. Этотъ проводникъ — князь Бисланъ Маргани—былъ взятъ 9-го іюня съ оружіемъ въ рукахъ, дѣйствуя противъ насъ.

Въ Атарахъ стояли долго, съ недѣлю, должно быть, или еще больше, отсюда и была направлена колонна полковника М. въ Адзюбжу, для уничтоженія переправы, существовавшей у Абхазцевъ.

Надобно замѣтить, что Кодоръ такая-же сумасшедшая рѣка, какъ и Ингуръ, или даже еще почище. Мѣсто переправы у Адзюбжи расположено мѣстахъ въ 3-хъ—4-хъ отъ берега моря. Кодоръ течетъ въ этомъ мѣстѣ въ двухъ рукавахъ и на каждомъ изъ рукавовъ у Абхазцевъ были довольно большіе каюки. Для воспрепятствованія переправѣ абхазцевъ, было послано сначала 3 сотни Самурзаканской милиціи, вооруженной кремневыми ружьями. Пришли самурзаканцы, открыли стрѣльбу по абхазцамъ холостыми зарядами; абхазцы, чувствуя въ чемъ дѣло, на полянкѣ, на другой сторонѣ, устроили лезгинку подъ выстрѣлами самурзаканцевъ. Въ это время на помощь нашимъ прибыла сотня Ейскаго казачьяго полка, да двѣ сотни Кутаиской пѣшей дружины. Казаки спѣшились, подошли къ берегу, да и дали два залпа по пляшущимъ абхазцамъ. Легло ихъ на мѣстѣ сразу человѣкъ 15—20, остальные разбѣжались и открыли перестрѣлку. Обо всемъ ходѣ боя Алхазовъ, бывшій въ Атарахъ, получалъ записки отъ подполковника М. Вдругъ, доставка записокъ прекратилась и прибѣжавшіе самурзаканцы донесли, что нашихъ обошли съ тылу и напала шайка, по крайней мѣрѣ, вдвое большая противъ нашихъ. Дѣло было такъ: турки, узнавъ о перестрѣлкѣ, высадили мухаджировъ, иначе, переселенцевъ, на лѣвый берегъ Кодора, которые, соединившись съ адзюбжанцами, ударили изъ лѣсу въ тылъ подполковнику М. Князь М. поздно замѣтилъ обошедшихъ его и, обнаживъ шашку, прямо кинулся на абхазцевъ; его примѣру послѣдовали бывшіе около него офицеры и нѣсколько человѣкъ дружины; другіе-же, благодаря неожиданности нападенія, растерялись. Коноводы Ейской сотни успѣли прорваться сквозь линію абхазцевъ. Всего числа убитыхъ и раненыхъ—не знаю; слышалъ, какъ говорили, что Ейская сотня потеряла 4-хъ убитыхъ и 9 раненыхъ; Кутаиская-же дружина потеряла убитымъ командира князя М. и двухъ офицеровъ ранеными. Числа нижнихъ чиновъ выбывшихъ изъ строя—не знаю.

Когда были получены извѣстія, что князь М. обойденъ, Алхазовъ взялъ двѣ роты Ахалцыхскаго полка и двинулся съ ними на помощь къ М.; приходилось сдѣлать около 11-ти верстъ по невылазной грязи. Роты подошли къ мѣсту, когда дѣло было кончено, нашли подполковника М. раздѣтымъ и много труповъ безъ головъ; абхазцы такъ торопились убраться, что оставили у насъ въ рукахъ тѣло своего предводителя.

По высшимъ соображеніямъ, приказано было отступить съ береговъ Кодора къ рѣчкѣ Меркулкѣ, близъ селенія Моквы. Войска уже соединившихся отрядовъ, сухумскаго, и кутаискаго здѣсь посѣтилъ кн. Мирскій. Во время этого посѣщенія къ нему явились старшины. Князь Мирскій обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой упрекалъ ихъ за измѣну русскому правительству и за сочувствіе къ туркамъ. Одинъ изъ старшинъ выдѣлился и заявилъ князю: „Вы насъ оставляете, ружей намъ не даете, мухаджиры объявляютъ намъ, что если мы къ нимъ не присоединимся, то они насъ разорятъ. Мы видимъ, что турки сильнѣе васъ и обѣщаютъ оставить эту землю за собою; на чьей сторонѣ сила, тому мы и будемъ служить". Князь Мирскій имъ отвѣтилъ, что за ихъ двуличіе и измѣну, русскіе ихъ оставятъ, но чтобы они помнили, что прежде солнце упадетъ на землю, чѣмъ русскій Царь отдастъ эту землю туркамъ. Изъ Моквы же была выслана колонна на берегъ къ морю, подъ начальствомъ полковника Я. Сначала она остановилась и окопалась въ Очемчиряхъ, потомъ, опять-таки по высшимъ соображеніямъ, была передвинута изъ Очемчиръ въ Илоры.

Остальныя войска соединенныхъ отрядовъ, Сухумскаго и Кутаисскаго, были передвинуты въ Меркулкѣ, на три версты въ сторону къ морю отъ Моквъ. Здѣсь простояли всего три дня и пошли въ Поквиши. Замѣчателенъ этотъ переходъ изъ Меркулки въ Поквиши. Во время передвиженія ждали нападенія абхазцевъ. Въ арріергардѣ былъ оставленъ маіоръ Я—въ съ двумя ротами Ахалцыхскаго полка. Кратчайшая дорога, по словамъ завѣдующаго Очемчирскимъ участкомъ штабсъ-капитана К., завалена, почему онъ повелъ батальонъ Ахалцыхскаго полка, Кутаисскую дружину и 2 орудія казачей артиллеріи по обходной, удлиненной дорогѣ. Полковникъ А—ской, начальникъ колонны, съ 3-мъ Кавказскимъ линейнымъ батальономъ, 4-мя горными орудіями и шестью ротами Ахалцыхскаго полка, пошелъ, однако, по кратчайшей дорогѣ и, наконецъ, арріергардъ пошелъ по дорогѣ въ Очемчиры, откуда прибылъ на слѣдующій день въ Поквиши. Это, вѣроятно, было 25-го—27-го мая. Въ это-же время прибылъ съ Кодора ротмистръ князь А. съ дивизіономъ самурзаканцевъ, имѣвшій въ Атарахъ перестрѣлку съ абхазцами. До 2-го іюня мы оставались совершенно спокойными; абхазцы насъ не тревожили. 1-го іюня были получены свѣдѣнія о томъ, что абхазцы думаютъ произвести на насъ нападеніе, почему въ Илоры былъ отправленъ еще ба-

тальонъ Кубанскаго полка изъ Окума, и 2-го іюня выступила туда-же изъ Поквишъ колонна изъ одного батальона Ахалцыхскаго полка, и двухъ орудій казачей артиллеріи. Генералъ Алхазовъ, получивъ свѣдѣнія о томъ, что абхазцы думаютъ напасть на насъ, отправился самъ въ Поквиши въ колонну полковника А—го. Еще съ высотъ у Бедіе, онъ и полковникъ Ш—дзе замѣтили два парохода, двигавшіеся по берегу отъ Очемчиръ къ Илорамъ. Часовъ въ 8 раздались три залпа съ пароходовъ, послѣ чего абхазцы, какъ оказывается, открыли разомъ огонь противъ Илорской и Поквишской колоннъ. Стрѣляли абхазцы, какъ видно было, изъ магазинныхъ ружей и разнаго рода другихъ. Главная масса пуль ложилась не около цѣпи, а отъ турецкой цѣпи шаговъ 1000—1500, когда наша цѣпь была всего въ разстояніи 200—150 шаговъ отъ нихъ. Абхазцы главную массу пуль направили съ самаго начала въ артиллерію (взводъ горныхъ орудій), потомъ огонь уменьшили, но лучшіе стрѣлки, не переставали дѣйствовать противъ артиллеріи тѣмъ болѣе, что около нея собралась довольно большая кучка офицеровъ.

Стрѣльба турокъ продолжалась съ промежутками до двухъ часовъ; у насъ убыло убитыми 2 нижнихъ чина, ранеными прапорщикъ Ахалцынскаго полка Д.....скій и 19 нижнихъ чиновъ.

Турки по илорской колоннѣ дѣйствовали съ пароходовъ всевозможными снарядами; судя по неразорвавшимся гранатамъ видно, что турецкіе броненосцы вооружены нарѣзными, съ дула заряжающимися, орудіями. Турки стрѣляли даже снарядами, назначенными въ былое время для рванья парусовъ, ломки мачтъ и т. п. Снарядъ этотъ состоитъ изъ двухъ сферическихъ бомбъ, или ядеръ, соединенныхъ цѣпью и за шумъ, производимый ими, солдатики назвали пароходы „каторжниками“.

Алхазовъ, явившись въ Поквешскую колонну, приказалъ кавалеріи отправиться вверхъ по Гамзгѣ, переправившись, ударить въ тылъ туркамъ, подъ командою-же полковника Ш....дзе переправиться внизу чрезъ Гамзгу, тоже ударить въ тылъ абхазцамъ; ни одно изъ приказаній генерала не было исполнено. Одинъ изъ начальниковъ утверждалъ, что когда онъ переправился на ту сторону и подходилъ къ абхазцамъ, по немъ открыли огонь русскіе. Но едва-ли это вѣроятно, потому-что русскіе могли по немъ открыть огонь только въ то время, когда онъ напалъ-бы на абхазцевъ, а до того времени онъ долженъ былъ идти лѣсомъ верстахъ въ двухъ отъ цѣпи. Изъ сотни, назначенной для аттаки, изъ 90 человѣкъ, вернулись только 20 человѣкъ, остальные бѣжали на сторону турокъ. Вслѣдствіе этого кавалерія не аттаковала абхазцевъ и не переправилась. Въ дѣлѣ этомъ особенно отличалась горная артиллерія, у которой, кажется, не было выпущено даромъ ни одного снаряда. Противъ поквишской колонны абхазцы и не помышляли больше дѣйствовать, а отсюда, нѣтъ-нѣтъ, мы имъ какую-нибудь каверзу и учинимъ.

Надобно замѣтить, что въ Ингурскомъ отрядѣ кавалеріи было много, а достоинства таковы: одинъ казачій полкъ, пришедшій съ сухумскимъ отрядомъ изъ шести сотенъ сохранилъ всего три конныхъ сотни, остальныя были пѣшія: кони потеряны при отступленіи изъ Сухума и при переправѣ чрезъ Кодоръ. Казаки народъ храбрый, да кони у нихъ очень плохи. Сотня Ейскаго казачьяго полка—кони добрые,—составляетъ конвой Алхазова. Дивизіонъ дворянъ Кутаисскаго уѣзда—имеретины и охотники до грабежей; дивизіонъ дворянъ мингрельскихъ вооруженъ былъ кремневыми ружьями, послѣ имъ выдали драгунскіе Крынка. И, наконецъ, 10 сотенъ Самурзаканской милиціи, на скверныхъ лошадяхъ, блудливой какъ кошка. Вотъ какова была кавалерія въ отрядѣ.

Абхазцы, получивши урокъ 2-го іюня, потребовали дессанта и турки, не ограничиваясь обѣщаніями, дѣйствительно около 5-го іюня начали высаживаться въ Очемчирахъ, и къ болѣе усиленной высадкѣ ихъ побудило дѣло 9-го іюня. Около 8-го іюня князю Ш....дзе донесли, что въ Моквахъ собирается шайка абхазцевъ, подъ начальствомъ его племянника Херибса. Князь Ш....дзе послалъ вѣрныхъ лазутчиковъ и получивъ самыя точныя свѣдѣнія о расположеніи шайки, съ двумя сотнями Лабинскихъ казаковъ, сотнями двумя или тремя милиціи, отправился въ обходъ расположенія шайки и, напавъ нечаянно, захватилъ Херибса и князя Бисмана-Марщани. Казаки, разозлившись, что у нихъ убитъ хорошій урядникъ, дали о себѣ знатьобоимъ плѣннымъ. Я видѣлъ ихъ на слѣдующій день; Херибсъ говорилъ довольно порядочно по русски. Когда я подъѣхалъ къ нему, то онъ былъ окруженъ казаками, и солдатики спрашивали у него, зачѣмъ онъ измѣнилъ русскимъ? На этотъ вопросъ онъ не удостоилъ ихъ отвѣтомъ. Когда солдатики начали потѣшаться надъ нимъ, онъ сказалъ: напрасно вы смѣетесь, я теперь арестантъ, а скоро буду свободенъ.

Абхазцы, потерявъ Херибса, настоятельно требовали, чтобы турки выслали дессантъ въ Очемчиры; турки высадились и результатомъ была аттака Илоръ турками 11-го и 13-го іюня. Турки не рѣшались удалиться отъ берега моря, а абхазцы въ соединеніи даже съ турками не въ состояніи были аттаковать Поквишъ: у насъ тамъ была почти неприступная позиція. Генералъ Алхазовъ 14-го іюня выѣхалъ изъ Окума, чтобы произвести смотръ войскамъ. Здѣсь ему полковникъ Я....чъ предложилъ аттаковать Очемчиры и сбить непріятеля въ море, заставивъ положить оружіе турокъ, и абхазцевъ подъ выстрѣлами съ пароходовъ.

Скажу какія у насъ были силы въ началѣ боя подъ Очемчирами. Въ Илорской колоннѣ, послѣ того какъ она отдѣлила отъ себя батальонъ маіора Я....ва въ колонну полковника Ш....дзе, осталось всего два батальона Кубанскаго полка, двѣ сотни пѣшихъ казаковъ, 4 орудія полковника Я....ча, число же милиціи не могу опредѣлить. Она никакой

пользы не принесла, а только лишь, какъ я говорилъ, занималась грабежемъ; во всякомъ случаѣ ее было мало. Въ колоннѣ полковника Ш....дзе, обходной, было 2 батальона Ахалцыхскаго полка, 1-я кутаисская пѣшая дружина, 2 сотни конныхъ Лабинскаго полка и почти вся Самурзаканская милиція, 2 горныхъ орудія и дивизіонъ имеритинъ-дворянъ. Въ три часа утра колонна Ш....дзе поднялась. Послѣ должно быть часовой ходьбы послышался выстрѣлъ изъ оружія, раздалась команда: прибавь шагу. По выстрѣлу сняли солдатики шапки, перекрестились, засвистѣли пули справа. Подъ свистъ пуль раздается голосъ Ш....дзе: маіоръ Н....дзе вправо въ цѣпь, взводъ и вслѣдъ затѣмъ голосъ Н....дзе: К....ка ступайте со взводомъ, дѣйствуйте смѣлѣе. Не успѣлъ онъ отойти, какъ потребовали носилки: оказалось, что ранили унтеръ-офицера. Мгновенно пронеслись мимо насъ казачьи коноводы, батальонъ Н....дзе незамѣтно очутился весь въ цѣпи и тотчасъ-же раздалось ура, вслѣдъ за которымъ крикъ: артиллерію сюда. Артиллерія рысью (прикрытіе бѣгомъ), подъ самыми частыми выстрѣлами непріятеля, снялась на позиціи и открыла огонь. Все это совершилось въ нѣсколько секундъ. Роты, служившія прикрытіемъ артиллеріи подъ вліяніемъ ура, раздававшагося безъ умолку, перешли въ цѣпь и атаковали непріятеля, турки были выбиты изъ трехъ рядовъ ложементовъ; въ ложементахъ оказалось много ружей и еще большее количество патроновъ. Послѣ первой энергично поведенной атаки, виновникомъ которой въ немалой степени былъ маіоръ Н....дзе, все затихло и началась обыкновенная перестрѣлка. Надо отдать справедливость: взводъ прапорщика Гончарова горной артиллеріи дѣйствовалъ замѣчательно удачно. Маіоръ Н....дзе и Я....въ находились при взводѣ Гончарова.

Начали дѣло хорошо; но атака не доведенная до конца—не имѣетъ значенія. Уже было сказано, что батальоны ушли въ цѣпь отчасти по приказанію, отчасти втянулись сами собою. Батальонные командиры сидѣли вдалекѣ отъ цѣпи, ходъ боя совсѣмъ не знали, составляли свои предположенія, на основаніи которыхъ и дѣйствовали. Къ $9^1/_2$ часамъ утра, атака полковника Ш....дзе прекратилась. Посмотримъ, что дѣлалось въ колоннѣ Илорской. Абхазцы съ турками послѣ неудачныхъ дѣлъ 10-го и 13-го рѣшились сами атаковать Илоры. 15-го числа наше появленіе на Поквишской дорогѣ было для нихъ совершенною неожиданностью, и уже они начали отступать, но войска Ш....дзе, дошедшія до берега моря, сдѣлали отступленіе невозможнымъ, и все обратилось противъ насъ. Илорская колонна, послѣ отступленія абхазцевъ и турокъ, медлила наступленіемъ. Опять, по иниціативѣ полковника Я....ча Алхазовъ приказалъ полковнику Д—ве перейти Галмзгу съ 6-ю ротами его Кубанскаго полка. Д—ве замедлилъ переходомъ войскъ. Полковникъ Я...чъ, видя мѣшкотность пѣхоты, приказываетъ переправиться взводу своей бата-

реи. Хорунжій К...ко переправился чрезъ Галмзгу и увидѣлъ шагахъ во 100—75, батальонъ, въ мундирахъ 41-й пѣхотной дивизіи Ахалцыхскаго полка; думая, что это изъ обходной колонны Ш....дзе не стрѣлялъ, и узналъ, что это абхазцы только послѣ того, какъ они дали залпъ по немъ. Два выстрѣла картечью обратили ихъ въ поголовное бѣгство. Все это случилось значительно скорѣе чѣмъ читаешь, а особенно пишешь. Во время переправы артиллеріи и стрѣльбы, начала переправляться пѣхота и первымъ послѣ артиллеріи перешелъ капитанъ Я....нъ съ 60-ю человѣками, а потомъ понемногу прибывали и другія роты.

Подъ прикрытіемъ Я....на казачья батарея Я...ча двинулась дальше, нѣсколько разъ останавливалась, снималась съ передковъ, осыпала непріятеля картечью и картечными гранатами и шла впередъ. Непріятель былъ окончательно безъ исходу прижатъ къ морю; энергичная атака и абхазскому дѣлу былъ бы капутъ. Перехожу къ колоннѣ полковника Ш....дзе. Въ обоихъ колоннахъ я остановился въ разсказѣ около $9^1/_2$ часовъ. Батальонные командиры мѣстности и хода дѣла не знали. Маіоръ Я...въ посылаетъ записку: „Принимайте на лѣво, группируйтесь для атаки". Послѣдствія этой записки были тѣ, что очищены двѣ линіи турецкихъ ложементовъ и между нами очутилось болото, а непріятель получилъ доступъ къ отступленію, которымъ и воспользовались абхазцы, турки же начали напирать на насъ. Не предполагая, что записка его привела къ такимъ результатамъ, маіоръ Я...въ, по непонятной причинѣ, вмѣсто того чтобы отдать приказаніе атаковать, за разрѣшеніемъ атаки обратился къ Ш....дзе и эта просьба повторялась три раза. Въ первый и во второй разъ отвѣтъ былъ почти одинаковъ: „Маіору Я....ву и князю Н....дзе. Не увлекайтесь, берегите патроны, при отступленіи предстоитъ дѣло. Князь Ш....дзе". На третій разъ повторенную просьбу атаковать, отвѣтъ полученъ былъ слѣдующій $10^3/_4$ утра: „Отступайте, 1-й батальонъ съ двумя стрѣлковыми ротами въ аррьергардъ, изъ остальныхъ составьте колонну. Князь Ш....дзе". Не успѣли прочитать этой записки, какъ Ш....дзе присылаетъ другую, записка отъ Алхазова безъ всякихъ комментарій: „Князю Ш....дзе — $9^3/_4$ утра. Атакуйте непріятеля, мы его сбросимъ въ море. Генералъ Алхазовъ". Сопоставивъ обѣ записки, маіоръ Я...въ посылаетъ узнать у полковника Ш....дзе, что дѣлать? Князь Ш....дзе вопреки прямому приказанію генерала Алхазова атаковать, не зная хода боя, приказываетъ держаться на старыхъ позиціяхъ, увѣдомляя, что идетъ на помощь 3-й батальонъ Ахалцыхскаго полка съ артиллеріей. Этотъ батальонъ явился часа черезъ полтора, а въ это время къ туркамъ подошли подкрѣпленія на броненосцахъ изъ Сухума и Батума, и, не имѣя возможности высадиться, подошли на ружейный выстрѣлъ къ берегу и открыли огонь залпами изъ картечницъ по колоннѣ Алхазова, чѣмъ принудили его отступить. Колонна же Ш....дзе съ подошед-

шимъ батальономъ не атаковала турокъ, а разсыпала ненужную цѣпь, перестрѣлка въ которой продолжалась до 8-ми часовъ вечера.

Нашъ уронъ около 320 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ и человѣкъ 10 офицеровъ. Благодаря такимъ распоряженіямъ, абхазскій вопросъ вмѣсто того, чтобы быть рѣшеннымъ 15-го іюня, затянулся до 20-го августа, ровно на два мѣсяца, и потребовалъ присылки изъ Кубанской области вспомогательныхъ отрядовъ генерала Бабича и полковника Шелковникова.

Первый періодъ дѣятельности войскъ генерала Алхазова кончается въ первыхъ числахъ іюля, когда мы изъ пассивной роли переходимъ къ активной. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужило возстаніе Губцевъ и Тваргельцевъ. Мы заняли двѣ позиціи въ Илорахъ и Поквишахъ, чѣмъ прикрыли пути наступленія на Окумъ, сдѣлавшійся главнымъ административнымъ и продовольственнымъ пунктомъ, и нисколько не позаботились обезпечить, хоть бы постановкою двухъ ротъ, праваго фланга съ прилегающими селеніями, не возставшими противъ насъ. Нашей ошибкой воспользовались мятежники, роздали губцамъ и тваргельцамъ оружіе и заставили присоединиться къ себѣ. Мятежники сами указали намъ нашъ слабый пунктъ и, вслѣдствіе ихъ дѣятельности, мы сами перешли въ наступленіе правымъ флангомъ впередъ. Сжегши въ наказаніе Тваргели и Губскую общину, съ огнемъ и мечомъ полковникъ Я....чъ двинулся впередъ. Въ дѣлахъ я не участвовалъ, точныхъ свѣдѣній не имѣю, почему ихъ не буду и описывать. Скажу только, что Моквы, Меркулки были выжжены, а турки сидѣли въ Очемчирахъ, ничего не предпринимая; мы имъ отрѣзали подвозъ всего продовольствія и особенно пригонъ скотины, почему они сочли за лучшее удалиться въ Сухумъ; нагрузились и уѣхали. Атака Очемчиръ предполагалась, но турки избавили насъ отъ напрасныхъ потерь. Надо замѣтить, что съ прекращеніемъ дѣйствій въ кабулетскомъ отрядѣ, ингурскій увеличился двумя батальонами Кубанскаго полка, 2-й Кутаисской пѣшей дружиною и батареей 41-й дивизіи, Герасимова.

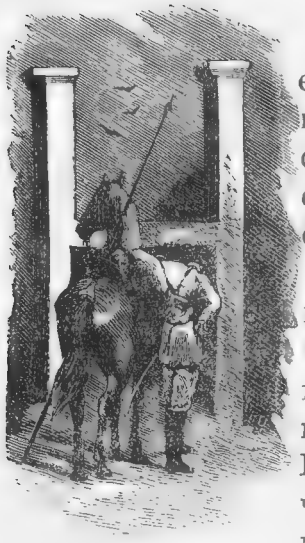
По оставленіи турками Очемчиръ, наши войска, колонны Я....ча, перешли сначала въ Лабру, гдѣ жители, въ большомъ количествѣ, принесли намъ оружіе, потомъ въ Адзюбжу, гдѣ въ маѣ мѣсяцѣ былъ убитъ полковникъ князь М....дзе. 11-го августа, по мосту, устроенному полковникомъ Бирюсовымъ, перешли Кодоръ, соединились съ отрядамъ Бабича и Шелковникова и заняли Сухумъ 20-го августа.

Л. Ж.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ СТРАДНОЙ ПОРЫ

№ 47-го военно-временнаго госпиталя.

(Воспоминанія врача-участника).



Недлиненъ будетъ мой разсказъ и... невеселый; но интересенъ по тѣмъ пріемамъ и характеру дѣйствій, посредствомъ которыхъ участвовавшія лица стремились къ выполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Интендантскіе чины, назначенные въ госпиталь, прибыли въ г. Кіевъ, кажется, еще въ ноябрѣ 1876 года и приняли хозяйственныя госпитальныя вещи, законнымъ порядкомъ, по положенію для военно-временныхъ госпиталей, на 630 человѣкъ. Врачебный и фармацевтическій персоналъ, назначенный въ госпиталь, прибылъ въ г. Кіевъ въ мартѣ 1877 года. Всѣ врачи, назначенные въ № 47-й госпиталь, были прикомандированы къ кіевскому военному госпиталю. Ординатору кіевскаго военнаго госпиталя, назначенному главнымъ врачемъ № 47-го военно-временнаго госпиталя, предписано было вступить въ должность главнаго врача, только въ тѣхъ случаяхъ, когда госпиталь открывался бы въ г. Кіевѣ, или при выступленіи госпиталя изъ г. Кіева. Хирургическіе инструменты и аппараты, перевязочныя средства, аптечные припасы и медикаменты находились въ складѣ при кіевскомъ военномъ госпиталѣ.

Госпитальный персоналъ, за исключеніемъ одного изъ коммиссаровъ, аптекаря и главнаго врача, состоялъ изъ людей, не имѣвшихъ практи-

ческаго знакомства съ дѣйствительными явленіями войны и сопутствующими имъ обстоятельствами. Коммиссаръ участвовалъ въ англо-французско-сардино-турецко-русской войнѣ 1853—1856 годовъ, при осадѣ Силистріи, въ нижнемъ чинѣ, и не могъ сообщить ничего интереснаго о положеніи, тогда дѣйствовавшихъ, арміи и военно-врачебныхъ учрежденій. Управляющій аптекою, участвовавшій въ той же войнѣ, только на другомъ ея театрѣ—въ Крыму, былъ словоохотливъ, говорилъ о чрезвычайныхъ трудахъ и неурядицѣ въ тогдашнихъ военно-временныхъ госпиталяхъ и обнаруживалъ большую опредѣленность пониманія своихъ обязанностей и служебныхъ отношеній. Главный же врачъ, выздоравливавшій отъ тяжкой болѣзни, къ сожалѣнію, рѣдко съ нами встрѣчался и не отличался словоохотливостью, хотя мы слышали о его многосторонней опытности въ бранныхъ тревогахъ. Начиная съ англо-французско-сардино-турецко-русской войны 1853—1856 годовъ, онъ участвовалъ въ разныхъ экспедиціяхъ за Кавказомъ и при покореніи Западнаго Кавказа, гдѣ даже былъ раненъ два раза и контуженъ въ дѣлахъ съ кавказскими горцами. Ко всему этому онъ уже имѣлъ практическое знакомство съ мобилизаціей арміи и госпиталей въ ноябрѣ 1876 года и положеніемъ ихъ въ Бессарабіи, по случаю командировки съ однимъ изъ военно-временныхъ госпиталей въ армію за главнаго врача, гдѣ пробылъ около двухъ мѣсяцевъ.

Госпитальный персоналъ томился неопредѣленностью своего положенія въ г. Кіевѣ и желалъ скорѣе отправиться въ составъ арміи. Съ обнародованіемъ манифеста о войнѣ, всѣ было оживились, полагая, что, вслѣдъ за этимъ, двинется за-границу все, что поставлено на военную ногу и вновь создано по военнымъ обстоятельствамъ. Главный врачъ, однако, не вступалъ въ должность и даже выражалъ сомнѣніе, чтобы нашъ госпиталь скоро былъ вызванъ на театръ войны; такъ какъ, по его мнѣнію, скорой переправы черезъ Дунай ожидать было нельзя, а для стоянки арміи въ Румыніи достаточно и тѣхъ госпиталей, которые были вызваны прежде. Всякій разъ на наши сѣтованія о тягостномъ положеніи въ г. Кіевѣ и выраженіе желаній скорѣе уѣхать на театръ войны, онъ отвѣчалъ замѣчаніемъ, что самое лучшее для насъ — усвоить правило: ни на что не напрашиваться и ни отъ чего не уклоняться, а исполнять то, что въ общемъ ходѣ войны выпало и выпадетъ на нашу долю, или проще — подчинять свои личныя соображенія и интересы служебнымъ. Въ дальнѣйшія разсужденія главный врачъ не входилъ. Но это мудрое правило никого изъ госпитальныхъ чиновъ не удовлетворяло.

1-го мая главный врачъ вступилъ въ должность и, учредивъ комитетъ, занялся исполненіемъ, прежде полученныхъ, предписаній начальства. Затѣмъ, предложивъ комитету просить разрѣшенія начальства на полученіе изъ интендантства или пріобрѣтеніе покупкой въ Кіевѣ котловъ,

полагающихся по табели для госпиталя, но отнесенныхъ къ разряду вещей, подлежащихъ заготовленію на мѣстѣ открытія госпиталей. Главному врачу было извѣстно, что такихъ котловъ, въ предполагаемыхъ мѣстахъ открытія подвижныхъ военно-временныхъ госпиталей, нельзя пріобрѣсти иначе, какъ на заказъ; причемъ могутъ встрѣтиться непреодолимыя препятствія какъ для заказа, такъ и для доставки котловъ по-заказу. Неимѣнію же этихъ котловъ главный врачъ придавалъ очень важное значеніе. Онъ утверждалъ, что на театрѣ войны нужда и необходимость суть основные мотивы всѣхъ событій и ихъ послѣдствій; поэтому, всѣ учрежденія должны являться туда для удовлетворенія нуждъ арміи, а не своихъ. Слѣдовательно, какъ боевыя единицы являются туда во всеоружіи и готовности тотчасъ исполнять указанное имъ дѣло, такъ и санитарныя учрежденія должны имѣть возможность, явившись туда, открывать свои дѣйствія съ такою же скоростью и правильностью. А для этого они должны имѣть съ собою все то, что не заготовлено для нихъ высшей администраціей на базисѣ военныхъ операцій, не полагаясь на случайную возможность пріобрѣтенія необходимаго, во время нужды въ немъ. Вообще, главнаго врача сильно безпокоило обстоятельство, что госпиталь явится на мѣсто дѣйствія безъ котловъ для пекарни, прачешной, бани и пріемнаго покоя, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Бываютъ же случаи — говорилъ, онъ — которыхъ нельзя предусмотрѣть и предотвратить, во время хода военныхъ дѣлъ, напримѣръ, при удвоенномъ утреннемъ внезапномъ наплывѣ больныхъ, когда эти котлы могли бы замѣнить кухонную посуду. Въ такихъ обстоятельствахъ не спрашиваютъ госпитальныхъ чиновъ: могутъ ли они принять двойное или тройное число больныхъ противъ штатнаго числа, а передаютъ имъ на руки больныхъ безъ всякихъ объясненій. Насколько были основательны соображенія главнаго врача въ этомъ отношеніи, высказанныя имъ, на основаніи опытности, показали намъ послѣдствія... Но въ этой просьбѣ комитетъ получилъ законный отказъ, мотивированный такъ: „всѣ военно-временные госпитали находятся въ одинаковыхъ условіяхъ въ отношеніи отпуска имъ и пріобрѣтенія, положенныхъ по закону вещей, и какъ для выступившихъ изъ г. Кіева госпиталей не было заведено значущихся въ семъ рапортѣ предметовъ, то не представляется возможности сдѣлать исключеніе для № 47-го военно-временнаго госпиталя“. Главное военно-медицинское управленіе заявило, что оно назначитъ главными врачами военно-временныхъ госпиталей опытныхъ врачей. Въ виду такихъ отказовъ, по ихъ заявленіямъ, невольно думается, для чего же главнымъ врачамъ нужна была требуемая опытность при такой безъ авторитетности ихъ голоса?

Послѣ нѣсколькихъ, разновременныхъ, секретныхъ предписаній о готовности госпиталя выступить въ 24 часа, наконецъ, 14-го іюня, глав-

ный врачъ получилъ предписаніе, принявъ хирургическіе инструменты и аппараты, а также, совмѣстно съ управляющимъ аптекою, перевязочныя средства, аптечные припасы и медикаменты, находившіеся въ складѣ при кіевскомъ военномъ госпиталѣ, по числу тюковъ и наружному ихъ виду, отправиться въ ночь съ 15-го на 16-е іюня съ госпиталемъ по кіево-брестской желѣзной дорогѣ на станцію Раздѣльную—опять секретъ или недоумѣніе, даже не разберешь,—гдѣ получится другое предписаніе о направленіи госпиталя, что, конечно, и было исполнено.

Весь госпитальный персоналъ былъ въ восторгѣ; одинъ главный врачъ не выражалъ радости и былъ даже грустенъ. Мы относили это отчасти къ свѣжести впечатлѣнія при разлукѣ съ семействомъ. Нѣкоторые изъ насъ, въ порывѣ добродушной веселости, попытались разсѣять его и утѣшить, увѣряя, что эта кампанія будетъ непродолжительна и вообще для госпитальныхъ чиновъ обойдется благополучно, такъ какъ безопасность госпиталей гарантирована Краснымъ Крестомъ. Но это оптимистическое утѣшеніе имѣло совершенно противоположное дѣйствіе на главнаго врача и даже значительно понизило и нашъ восторгъ, въ виду того, что мы услышали отъ главнаго врача.

„Дѣло совсѣмъ не въ томъ, сказалъ онъ, что насъ могутъ ранить, ограбить или убить, во время войны. Это можетъ случиться со всякимъ и безъ войны, и безъ войны всякій можетъ заболѣть и умереть; а всякія болѣзни одинаково тягостны и всякая смерть имѣетъ одинаково горестное значеніе какъ для умирающаго, такъ и для близкихъ ему лицъ. Важно то, что̀ прійдется пережить во время войны. Какъ будутъ длинны руки у турецкихъ баши-бузуковъ и какъ они поступили бы съ нами—вопросъ второстепенный и несвоевременный, хотя я увѣренъ, что они не смутились бы передъ Краснымъ Крестомъ; а какъ обойдутся съ нами свои... свои...—вотъ насущный для насъ вопросъ и самый важный“. На этомъ рѣчь его оборвалась; онъ закашлялся. Мы были озадачены и вопросительно смотрѣли другъ на друга. Кто-то замѣтилъ, что у насъ баши-бузуковъ нѣтъ.

„Я и не говорю о томъ, чего нѣтъ, продолжалъ главный врачъ, а о тѣхъ властяхъ, въ видѣ различныхъ управленій или отдѣльныхъ начальниковъ, въ зависимости отъ которыхъ будетъ находиться госпиталь: будутъ ли эти властныя начальства ограничиваться только одною властью безусловнаго взысканія, по отношенію къ госпитальнымъ чинамъ, или будутъ исполнять обязанности свои, содѣйствуя удовлетворенію госпитальныхъ нуждъ? Нерѣдко начальствующія лица пользуются только правами власти, забывая объ обязанностяхъ, сопряженныхъ съ тою же властью. Въ бытность мою главнымъ врачемъ одного изъ военно-временныхъ госпиталей въ дѣйствующей арміи, когда она мирно стояла въ Бессарабіи, я замѣтилъ общее недоумѣніе въ томъ, что̀ и какъ дѣлать

относительно довольствія и размѣщенія арміи и ея принадлежностей. Это въ предѣлѣ своихъ владѣній, гдѣ ничто не мѣшало осуществленію плана мобилизаціи и размѣщенію, если планъ былъ составленъ соотвѣтственно средствамъ государственнымъ и даннаго края. Въ управленіяхъ фигурировали лица, часто не имѣвшія понятія о томъ дѣлѣ, къ которому они были приставлены, и полагавшія, что, для веденія того дѣла, достаточно одного здравомыслія, подбитаго вѣтеркомъ вмѣсто знанія и опытности. Иные изъ нихъ, пожалуй, и справились бы, какъ нужно поступать въ томъ или другомъ случаѣ; но, къ несчастію, не имѣли у себя руководящихъ приказовъ и законоположеній. Иногда младшіе начальники рѣшались спрашивать старшихъ: какъ имъ поступить, куда обратиться; а тѣ имъ отвѣчали, что они сами ходятъ въ туманѣ; иные же отвѣчали и такъ, что не ихъ дѣло, какъ высшихъ начальниковъ, входить въ такія мелочи. Послѣдствіемъ такихъ недоразумѣній и было, что нѣкоторыя части не получали своевременно довольствія. Мнѣ лично извѣстенъ случай, въ которомъ одинъ начальникъ крупной отдѣльной части вынужденъ былъ дать заимообразно свои деньги на фуражное довольствіе казенныхъ лошадей одной подвѣдомственной ему части, не могши своевременно добиться отпуска денегъ для этой части, откуда слѣдовало получить. Поднялся ли этотъ туманъ, въ которомъ тогда многіе ходили?—я не знаю. Не маловажную роль въ этомъ случаѣ играло и то, что поздно были опубликованы новыя положенія о довольствіи арміи по военному времени. Положимъ, все это относится къ прошлому времени; съ тѣхъ поръ прошло около полугода, а въ такой періодъ времени все могло измѣниться къ лучшему и установиться порядокъ. Но, и при такомъ положеніи, нужно помнить, что могущественная сила военныхъ обстоятельствъ, съ ихъ внезапными чрезвычайными явленіями, влечетъ за собою потрясеніе самыхъ прочныхъ порядковъ и разстраиваетъ самые обстоятельные планы, хотя временно. Тутъ опять все будетъ зависѣть отъ личнаго благоусмотрѣнія начальствующихъ; но такіе непредвидѣнные случаи регламентаціи не можетъ и быть. Въ состояніи ли будутъ эти начальствующіе преслѣдовать разумно общіе интересы хотя настолько, чтобы въ важныхъ обстоятельствахъ отрѣшиться отъ своихъ личныхъ, напримѣръ, карьеристическихъ и иныхъ интересовъ, — въ этомъ никто намъ не поручится. Хорошо будетъ, если да, и очень плохо, если нѣтъ". Главный врачъ замолчалъ и былъ болѣе грустенъ, нежели прежде. Намъ не хотѣлось вѣрить въ то, что мы слышали; но тѣмъ не менѣе этотъ длинный монологъ главнаго врача сдѣлалъ на насъ прохлаждающее впечатлѣніе.

Со станціи Раздѣльной отправили нашъ госпиталь на станцію Кишиневъ, гдѣ, по указанію изъ г. Кіева, должны были произвести намъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. По прибытіи на ст.

Кишиневъ, смотритель госпиталя обратился насчетъ размѣна денегъ по начальству; но получилъ въ отвѣтъ, что ему слѣдовало обратиться за этимъ въ размѣнную кассу въ г. Бендерахъ, который остался позади. Такъ какъ госпиталь былъ остановленъ въ г. Кишиневѣ на шесть часовъ, то смотритель командировалъ коммиссара въ г. Бендеры; но въ Бендерахъ денегъ не размѣняли, а сказали, что намъ должны размѣнять въ ясскомъ интендантствѣ. Со станціи Кишиневъ отправили госпиталь въ г. Букарештъ.

По прибытіи госпиталя на ст. Яссы, намъ было объявлено, что госпиталь здѣсь останавливается на неопредѣленное время. Смотритель госпиталя тотчасъ обратился въ ясское полевое интендантство съ просьбою о размѣнѣ кредитныхъ денегъ на звонкую монету и, къ общему нашему огорченію, получилъ отказъ, на томъ основаніи, что госпиталь отправляется въ Букарештъ и долженъ, поэтому, получить довольствіе изъ букурештскаго интендатства. Имѣя на довольствіи 300 слишкомъ рижнихъ чиновъ и лошадей офицерскаго обоза, притомъ не зная, когда госпиталь будетъ доставленъ въ Букарештъ, могло случиться, что госпиталь на пути получилъ-бы и другое направленіе; смотритель не имѣлъ другаго выхода изъ затрудненія, какъ настаивать на размѣнѣ въ ясскомъ интендантствѣ. Благодаря этой настойчивости, ему выдали по два рубля на каждаго нижняго чина, по два полуимперіала на каждаго оберъ-офицера и по четыре полуимперіала на штабъ-офицера, предваривъ, что эта звонкая монета будетъ вычтена впослѣдствіи, что и было совершено аккуратно, при первомъ отпускѣ содержанія изъ букарештскаго интендантства.

Всѣмъ намъ интересно было опредѣлительнѣе знать, на сколько времени былъ остановленъ госпиталь на ст. Яссы, чтобы, соображаясь съ этимъ, осмотрѣть городъ и расположенный въ немъ военно-временной госпиталь. Поэтому главный врачъ, отправившись въ комендантское желѣзно-дорожное управленіе, спросилъ: какъ долго пробудетъ госпиталь № 47 на ст. Яссы? Ему отвѣтили, но какъ! дельфійская пиѳія говорила съ меньшею загадочностью и спесью: „теперь не до госпиталей... тамъ (неопредѣленный взмахъ рукою по воздуху) болѣе нужны пушки...“ протянулъ оракулъ-поручикъ и таинственно умолкъ. Тутъ былъ и отвѣтъ и запретъ дальнѣйшихъ вопросовъ. Послѣ исторіи съ размѣномъ денегъ и такого отвѣта, мы стали думать, что судьба втолкнула насъ въ сферу безконечныхъ недоумѣній и общаго хожденія въ туманѣ, о которомъ говорилъ главный врачъ.

На ст. Яссы мы имѣли случай видѣть санитарный поѣздъ, кажется, Государыни Цесаревны, прибывшій изъ Россіи за больными, и другой, правительственный, привезшій раненыхъ изъ арміи: какую рѣзкую противоположность представляли эти два поѣзда! Въ первомъ блестящая

чистота, просторъ помѣщенія, удобство коекъ и даже роскошь принадлежностей постели; разныя приспособленія на случай раненій, требующихъ особаго положенія раненыхъ членовъ; кухня, дававшая возможность кормить больныхъ всевозможными блюдами и во всякое время; различные напитки, папиросы, сигары и проч. и проч. Весь персоналъ поѣзда смотрѣлъ щеголемъ. Во второмъ поѣздѣ размѣщеніе больныхъ, очевидно, подъ руководствомъ мысли помѣстить возможно большее число ихъ въ данномъ пространствѣ, при возможно меньшемъ расходѣ на приспособленіе въ вагонахъ; при возможно меньшемъ расходѣ на постель; съ расходомъ госпитальныхъ вещей только въ крайнихъ случаяхъ, наприм., въ случаѣ неимѣнія у солдата своей рубахи; довольствіе по этапному положенію и проч. На сколько мы восторгались санитарнымъ поѣздомъ Государыни Цесаревны и за тѣхъ больныхъ, которые въ немъ поѣдутъ, настолько печалило насъ положеніе тѣхъ больныхъ, которымъ выпадетъ на долю переѣзжать въ такихъ правительственныхъ поѣздахъ, а послѣднихъ должно быть громадное большинство; такъ какъ поѣздовъ, въ родѣ поѣзда Государыни Цесаревны, очень мало и они забирали больныхъ только около 200 человѣкъ. Главный врачъ упорно молчалъ и былъ очень серьезенъ. Одинъ изъ насъ обратился къ нему съ вопросомъ: неужели нельзя было съ театра войны отправить раненыхъ въ лучшемъ положеніи? „Должно быть нельзя было, если такъ отправили“, отвѣчалъ онъ отрывисто. А злоупотребленія или непростительной небрежности тутъ не могло быть? ему возразили. Главный врачъ, пристально взглянувъ на возразившаго, переспросилъ: „злоупотребленія?!“ и продолжалъ: „Злоупотребленія могутъ быть во всемъ и въ этомъ тоже; но пока нѣтъ у насъ ни малѣйшихъ основаній къ предположенію о нихъ, до тѣхъ поръ нечего объ нихъ и говорить. Медицина существовала, и будетъ существовать, а рядомъ съ этимъ поколѣнія людей вымирали и будутъ вымирать. Можно-ли заподозрить въ этомъ злоупотребленія врачей или ихъ небрежность? Вы глава семейства, а средства существованія скудныя; семья живетъ впроголодь и въ плохомъ помѣщеніи. Можно-ли изъ этого заключить, что вы своекорыстно, варварски относитесь къ семьѣ? Вы видѣли надпись на вагонахъ: 8 лошадей или 40 нижнихъ чиновъ? спросилъ главный врачъ, обращаясь ко всѣмъ. Видѣли, говоримъ. „Понимаете въ чемъ дѣло?“ продолжалъ спрашивать. Понимаемъ; наши госпитальные нижніе чины ѣдутъ въ такихъ-же вагонахъ, отвѣчаемъ. „Какія тамъ приспособленія?“ допрашивалъ главный врачъ. Кромѣ скамеекъ для сидѣнья,—никакихъ; спать тамъ можно только сидя, говоримъ. „А въ санитарномъ правительственномъ поѣздѣ развѣ не такіе-же нижніе чины, хотя больные и раненые? Стало быть какія-же особенныя приспособленія должны быть сдѣланы для нихъ? Возможныя и сдѣланы: для тѣхъ, которые не могутъ сидѣть, постлана солома въ товарныхъ ваго-

нахъ и циновки; а на нихъ раненые въ рястяжку, кому какъ удобнѣй, и прилаживайся; самъ не можешь,—съ помощію сосѣда, не варваръ-же онъ: пособитъ, если можетъ. Кромѣ того, въ поѣздѣ есть врачъ и прислуга. Кто можетъ сидѣть, тѣ помѣщены въ вагонахъ третьяго класса. Да, наконецъ, это вовсе не такая бѣда, какъ вамъ, не видавшимъ никакихъ бѣдъ, кажется, лишь-бы повязки хорошо держались. Я увѣренъ, что вы увидите и сами будете транспортировать больныхъ въ худшемъ положеніи, хоть, напр., на обывательскихъ подводахъ и безъ всякой подстилки. Даже и хуже послѣдняго можетъ случиться". Тутъ кто-то прервалъ главнаго врача вопросомъ: какъ-же еще хуже можетъ быть? „А вотъ какъ, обратился онъ къ спрашивавшему: послѣ дѣла съ кавказскими горцами, на высотахъ Агрибзы, 17-го августа 1860 года, оказалось 50 человѣкъ раненыхъ, въ томъ числѣ два офицера. У многихъ было по двѣ раны; я тоже получилъ двѣ раны въ правый голенно-стопный суставъ, съ раздробленіемъ костей и контузію въ лицо. Исполнивъ свое дѣло, отрядъ долженъ былъ отступить форсированнымъ маршемъ къ прежнему мѣсту своего расположенія. Отступленіе должно было совершиться по горнымъ тропинкамъ, въ такой мѣстности, что самъ чортъ сломаетъ себѣ ногу или шею, еслибы пустился туда пѣшкомъ и неподкованнымъ по горски *). Раненые шли пѣшкомъ, за неимѣніемъ транспортныхъ средствъ; не многіе ѣхали верхомъ на черводарскихъ **) лошадяхъ. Я ѣхалъ тоже верхомъ, съ опущенною внизъ ногою; а гдѣ нельзя было ѣхать, шелъ, съ помощію костылей и солдатъ, которые посредствомъ веревокъ поддерживали меня, чтобы не свалиться мнѣ въ пропасть. На привалахъ и ночлегахъ всѣ съ удовольствіемъ ложились прямо на землю, если мѣстность позволяла хорошо лечь и растянуться, подъ кровомъ небеснаго свода. О подстилкѣ и палаткахъ не могло быть и рѣчи, потому-что даже лошадямъ нечего было ѣсть; а палатки, пожалуй, и были, но на такомъ грунтѣ, при такой растительности и при недостаткѣ времени для расчистки мѣстности, разбивать палатки не было никакой возможности. Во время шести дней марша раненые не пользовались никакими удобствами врачебныхъ учрежденій, кромѣ повязокъ, ни во время пути, ни во время отдыха. У меня нога была крѣпко забинтована съ лубочными шинами, для удержанія стопы въ данномъ положеніи и, вмѣсто обыкновеннаго, было прилажено стремя изъ бинта. Во все время я не чувствовалъ боли въ ногѣ. При перевязкѣ на третій день, раны представлялись блѣдными, безкровными, свѣжими. На пятый день онѣ были въ такомъ-же положеніи. Уже на седьмой день, когда я лежалъ въ лазаретѣ, у меня появились припадки воспаленія; у прочихъ

*) Горцы ходятъ съ палками, на нижнемъ концѣ которыхъ прикрѣпленъ желѣзный наконечникъ съ прямымъ крѣпкимъ гвоздемъ и желѣзнымъ крючкомъ.

**) Вьючныя лошади съ безобразнѣйшимъ сѣдломъ для вьюковъ.

раненыхъ было тоже, за очень немногими исключеніями?“ Но согласитесь, опять замѣтилъ главному врачу тотъ-же оппонентъ, что и при самой лучшей повязкѣ, въ такомъ поѣздѣ, въ какомъ прибыли раненые изъ арміи, менѣе удобно, нежели въ такомъ, каковъ поѣздъ Государыни Цесаревны. „Да!.. а на коврѣ-самолетъ было-бы еще лучше... Гдѣ идетъ дѣло объ удовлетвореніи природы, тамъ нечего думать о комфортѣ. На войнѣ lege artis *) только бьютъ, убиваютъ и вообще разрушаютъ—это главное; забота-же о выбывшихъ изъ строя—дѣло второстепенное; она производится какъ позволяютъ время, обстоятельства и средства. Французы, большіе практиканты въ превратностяхъ войны, а потому и весьма компетентные судьи въ этомъ дѣлѣ, мѣтко охарактеризовали войну поговоркой: à la guerre, **) comme à la guerre. А въ православно-всероссійскомъ переводѣ, по отношенію къ этому санитарному поѣзду, это значитъ: слава Богу, что такъ,—могло быть хуже!.. Да что объ этомъ толковать попусту; скоро сами все увидите и перестанете фантазировать“, заключилъ главный врачъ съ досадой.

На станціи Яссы задержали насъ около двухъ сутокъ и отправили въ Букарештъ, куда госпиталь прибылъ безъ всякихъ препятствій. Здѣсь было получено приказаніе выгрузить госпиталь возлѣ станціи желѣзной дороги, до особаго распоряженія. Нѣкоторые изъ госпитальныхъ чиновъ поселились въ городѣ, а прочіе расположились возлѣ казенныхъ тюковъ, подъ импровизованными шатрами изъ телѣгъ, попонъ, рогожъ, простынь и т. п.

Тяготясь трехнедѣльнымъ бездѣйствіемъ и неопредѣленностью положенія въ Букарештѣ, мы нѣсколько разъ осматривали военно-временной госпиталь, расположенный въ 9-ти верстахъ отъ города, въ небольшой рощѣ, въ капитальномъ зданіи, весьма хорошо приспособленномъ къ помѣщенію врачебнаго заведенія. Зданіе представляло полную возможность хорошо устроить госпиталь, со всѣми госпитальными порядками, не смотря на близость къ театру войны. Еслибы во всѣхъ мѣстахъ Румыніи, гдѣ оказывалась надобность въ устройствѣ госпиталей, представлялась возможность помѣщать госпитали въ подобныхъ зданіяхъ, при подобныхъ гигіеническихъ условіяхъ, даже безъ тѣхъ приспособленій, которыя уже были въ немъ,—то не оставалось бы желать ничего лучшаго для нашихъ госпиталей въ Румыніи. Резонерствовавшіе профессора и профессорствовавшіе резонеры изъ всякихъ врачей и не врачей о гигіеническихъ недостаткахъ этого госпиталя обличали этимъ только свое полнѣйшее незнаніе вообще практической стороны жизни и въ особенности войны. Одинъ изъ такихъ фразеровъ, прибывши на Шипку, когда стра-

*) По правиламъ искусства.

**) Какъ ни попало.

данія ея героевъ дошли до своего апогея, въ виду непогребенныхъ и разлагавшихся труповъ, укорялъ врачей и начальствующихъ, за ихъ небрежность въ гигіеническомъ отношеніи. Когда ему сказали, что и рады бы были убрать останки погибшихъ, да турки не позволяютъ... резонеръ крайне былъ удивленъ антигигіеническими дѣйствіями турокъ въ этомъ случаѣ и предложилъ произвести, по крайней мѣрѣ, дезинфекцію въ траншеяхъ. „Сдѣлайте милость — давайте средство, мы сейчасъ это сдѣлаемъ, если можно произвести, не выводя людей изъ закрытій", ему отвѣчали.—Средствъ-то и у меня нѣтъ, молвилъ онъ, не смущаясь. „Въ томъ-то и дѣло; a pia desideria *) и мы имѣемъ въ большомъ изобиліи", смиренно отвѣтили обитатели Шипки. Онъ скоро уѣхалъ. Объ этомъ случаѣ намъ разсказывалъ одинъ изъ врачей, дѣйствовавшихъ въ то время на Шипкѣ. Врачи военно-временнаго № 54-го госпиталя жаловались на большія затрудненія при принятіи и отправки транспортовъ больныхъ, зачастую въ ночное время. Больные прибывали въ то время большею частію или вовсе безъ письменныхъ свѣдѣній. или съ весьма неудовлетворительными.

13-го іюля экстренно были командированы три врача изъ нашего госпиталя въ военно-временной № 63-го госпиталь, расположенный въ г. Зимницѣ; а 15-го и весь госпиталь былъ отправленъ туда же.

На пути по желѣзной дорогѣ, мы услышали неопредѣленную вѣсть о вторичной неудачѣ нашихъ войскъ подъ г. Плевно. Молва представляла событіе въ чрезвычайныхъ размѣрахъ и самыми мрачными красками. На станціи Фратешти—конечномъ пунктѣ желѣзной дороги—пришлось намъ пробыть болѣе сутокъ; тамъ о событіяхъ за Дунаемъ тоже ничего положительнаго не узнали; за то хорошо разсмотрѣли, что на этой станціи происходило.

Въ эвакуаціонномъ баракѣ усидчиво работала коммисія изъ врачей надъ прибывавшими больными и ранеными; а въ вокзалѣ и у вокзала царила неугомонная толкотня и безконечная суматоха, въ которой серьезность и спѣшность работы часто ставила дѣйствовавшія лица въ трагическое положеніе; не обходилось въ тоже время и безъ комическихъ происшествій. Одно изъ траги-комическихъ происшествій и было подмѣчено нашими врачами. Возвратившись къ обозу, они иронически увѣряли, что на станціи узнали такой новѣйшій способъ хирургическаго пособія, который долженъ сдѣлать переворотъ въ современной хирургіи и даже во всей медицинѣ, при нѣкоторой смѣлости и искусствѣ его примѣненія.

Случилось вотъ что. На станціи производились маневры вагоновъ и между вагоновъ попали два солдатика. Это произвело большую тре-

*) Благія, но неисполнимыя желанія

вогу въ праздныхъ зрителяхъ, въ томъ предположеніи, что они потерпѣли сильныя поврежденія. Солдатиковъ привели къ случившемуся тутъ же доктору-генералу, который распросивъ и внимательно осмотрѣвъ ихъ, вдругъ, неожиданно для публики, началъ толкать солдатиковъ по шеямъ, приговаривая: „ахъ вы мерзавцы... за Дунаемъ нашихъ дѣйствительно бьютъ и ранятъ; а вы тутъ нѣжничаете... лодыри этакіе!..“ Солдатики оправдывались тѣмъ, что ничего... но ихъ повели къ доктору противъ воли. „То-то... смотрите у меня... грозно сказалъ докторъ—когда нужно, я скажу всякое пособіе; но лодырь... не являйся!“ Молодые врачи находили такое обращеніе доктора съ паціентами негуманнымъ и неприличнымъ. Главный же врачъ, посмѣявшись, утверждалъ, что этотъ докторъ не только правъ отъ начала до конца всей исторіи; но что его дѣйствія должны послужить и намъ урокомъ, какъ нужно исполнять свои обязанности, по отношенію къ обществу и лицамъ. „Какіе-же это были паціенты? сказалъ онъ далѣе. Вы видѣли, что въ эвакуаціонномъ баракѣ врачи не успѣваютъ осмотрѣть, перевязать, переписать и размѣстить наличныхъ раненыхъ, какъ прибываютъ другіе такіе же. Врачи не имѣютъ достаточно времени, чтобы подкрѣпить себя пищей и сномъ. Этотъ докторъ завѣдуетъ эвакуаціей по этой линіи; ему хлопотъ болѣе, нежели другимъ врачамъ. Сами вы говорите, что онъ ѣлъ, стоя и торопясь такъ, что проглатывалъ куски, не разжевывая ихъ: и при этомъ приводятъ къ нему двухъ лодырей или дураковъ совершенно здоровыхъ, за медицинскимъ пособіемъ!?. Какая тутъ можетъ быть галантерейность въ обращеніи съ такими паціентами? Здѣсь все сводится къ нуждѣ, во всевозможныхъ ея проявленіяхъ и видахъ: страдаешь,—помогу; не страдаешь,—зачѣмъ приходишь отнимать драгоцѣнное время, котораго не хватаетъ на дѣйствительныя нужды? Не таково время, не таково положеніе, чтобы переливать изъ пустаго въ порожнее. Срединъ тутъ не можетъ и не должно быть! А что этотъ докторъ не самохвалъ и дѣйствительно въ состояніи оказать всякое пособіе, то это вѣрно: онъ извѣстный кавказскій практикантъ и хирургъ и въ серьезныхъ дѣлахъ никогда не шутитъ. Это мнѣ извѣстно еще съ Кавказа. Если дастъ вамъ Богъ послужить въ эту войну, то вы оцѣните именно этотъ его способъ отношенія къ подобнымъ паціентамъ, по справедливости и необходимости, а не съ точки зрѣнія пустопорожней гуманности, игнорирующей всякія другія, священнѣйшія обязанности лицъ. Если бы всѣ врачи исполняли свои обязанности также, какъ онъ, то лодыри не занимали бы мѣстъ въ госпиталяхъ, а дѣйствительно больные были бы лучше устроены. Вѣдь, при неразборчивомъ удовлетвореніи претензій, всякія средства могутъ оказаться недостаточными и дѣйствительно нуждающіеся останутся неудовлетворительными!“ Послѣднія фразы были высказаны главнымъ врачемъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ.

Со станціи Фратешти, обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ, постоянно объѣзжали подводы съ больными и ранеными, направлявшимися на станцію Фратешти; мы прибыли въ г. Зимницу ночью съ 18-го на 19-е іюля. Тогда же приказано было сложить госпитальныя вещи на полѣ, за г. Зимницей, рядомъ съ военно-временнымъ № 63-го госпиталемъ. Госпиталь прибылъ въ г. Зимницу въ составѣ 5-ти врачей, 4-хъ фармацевтовъ, 4-хъ чиновниковъ хозяйственнаго разряда и священника. Недоставало 3-хъ фельдшеровъ; прислуги былъ полный комплектъ.

Рано утромъ 19-го іюля было объявлено, что госпиталь предполагается открыть на этомъ мѣстѣ; но объ открытіи госпиталя будетъ дано предписаніе, когда потребуютъ того обстоятельства; а пока, для укрытія госпитальныхъ вещей, было выдано тогда же, кажется, пять палатокъ. Такое распоряженіе ставило госпиталь въ неопредѣленное положеніе, въ которомъ нельзя было заготовлять вещей, положенныхъ по табели, но отнесенныхъ къ пріобрѣтенію на мѣстѣ, при открытіи госпиталя. Госпитальный комитетъ рѣшился сдѣлать, по крайней мѣрѣ, то, на что онъ имѣлъ право въ своемъ положеніи: принялись за очистку мѣстности отъ нечистотъ, оставленныхъ на томъ мѣстѣ бивакировавшими войсками; рыли помѣщенія для кухонныхъ котловъ; ставили выданныя палатки. Нѣкоторые изъ врачей отправились смотрѣть, что дѣлается въ № 63-го госпиталѣ, а другіе были въ городѣ по квартирамъ. Вернувшіеся изъ № 63-го госпиталя, часовъ около 10-ти утра, разсказывали, что этотъ госпиталь такъ переполненъ ранеными, что больше негдѣ ихъ помѣщать; что больные лежатъ на землѣ въ промежуткахъ между палатками; а между тѣмъ въ 9-мъ часу утра прибылъ еще транспортъ раненыхъ и многіе изъ нихъ были въ сильно возбужденномъ состояніи. Особенно одинъ раненый офицеръ, съ большою ажтаціей, громогласно разсказывалъ о дѣлѣ подъ г. Плевно, въ которомъ онъ былъ раненъ, случившемуся тутъ генералу и увѣрялъ, что турки, послѣ пораженія нашихъ войскъ, перешли въ наступленіе и отбили большую часть транспорта раненыхъ; а этой части транспорта, въ которой онъ прибылъ, только случайно удалось ускользнуть. Въ заключеніи онъ ручался головою, что турки не сегодня — завтра будутъ въ г. Систово и захватятъ переправу!

Хоть ему никто не возражалъ, какъ человѣку находившемуся въ раздраженномъ состояніи, однако никто изъ начальствующихъ лицъ и врачей не придалъ и особеннаго значенія его разсказу. Всѣ продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Но не такъ отнеслась къ этому разсказу масса раненыхъ, уже испытавшихъ на себѣ ужасы войны и знавшихъ, какъ турки относятся къ раненымъ и къ мирнымъ жителямъ. Разсказъ офицера произвелъ на нихъ глубокое впечатлѣніе.

Спустя около часу, послѣ прибытія раненыхъ, въ городѣ между

жителями произошло смятеніе, какъ впослѣдствіи оказалось, вызванное бѣжавшими изъ г. Систово *) отъ мнимаго приближенія турокъ. Смятеніе это скоро превратилось въ панику. Туземныя женщины съ дѣтьми на рукахъ и въ рукахъ и криками: „Турчи... Турчи!..“ огромною толпою бросились изъ г. Зимницы, куда ни попало; часть ихъ направилась мимо № 63-го госпиталя; приэтомъ въ самомъ госпиталѣ кто то крикнулъ: „турки на переправѣ!..“ Больные, уже подготовленные разсказомъ офицера, разомъ ринулись изъ палатокъ и, направляясь преимущественно черезъ мѣсто, на которомъ были сложены казенныя вещи нашего госпиталя, произвели смятеніе въ прислугѣ нашего госпиталя, до такой степени, что смотритель, съ саблею наголо, едва могъ удержать часть прислуги на мѣстѣ.

Грустную картину представляла эта паника. Все пространство за г. Зимницей, верстъ на пять, по направленію къ станціи Фратешти, было покрыто спасавшимися разнаго пола и званія. Скакали верхомъ по одному и по двое на одной лошади, неслись въ тарантасахъ; ѣхали въ телѣгахъ, нагруженныхъ 7—8 сѣдоками и запряженныхъ парою или одною лошадью, конечно, шагомъ; бѣжали на своихъ ногахъ; шли на костыляхъ и даже на четверинькахъ; иные, не имѣя возможности и послѣднимъ способомъ удалиться отъ опасности, горько плакали, оставаясь на мѣстѣ. Физіономіи всѣхъ были искажены...

Къ счастію, эта паника въ г. Зимницѣ была непродолжительна, благодаря тому, что съ берега Дуная легко можно было убѣдиться въ отсутствіи турокъ, не только на переправѣ, но и въ г. Систово. Извѣстіе объ этомъ скоро распространилось и между выбѣжавшими изъ г. Зимницы. Къ вечеру того же дня почти всѣ возвратились въ городъ и все пришло въ прежній порядокъ.

Не смотря, однако, на кратковременный и благополучный исходъ паники, она имѣла на нѣкоторыхъ потрясающее впечатлѣніе; они долго не могли быть покойны въ г. Зимницѣ ни днемъ, ни ночью, и увѣряли, что пока Виддинъ, Рущукъ и Силистрія будутъ въ рукахъ турокъ,— они не могутъ быть покойны.

Такъ встрѣтила насъ Зимница въ первый день водворенія нашего госпиталя въ ней. Эта паника была для насъ грознымъ призракомъ войны, но мы видѣли этотъ призракъ и его подавляющую силу на яву. Мы сразу почувствовали, что нашъ госпиталь поставленъ у подошвы вулкана, грозившаго засыпать его своими изверженіями, таинственными по времени и сокрушительными по силѣ. Ни мы и никто въ Зимницѣ не знали, что роковая лавина уже двигалась неудержимо, хотя и было телеграфное сообщеніе между Зимницей и квартирою главнаго штаба арміи.

*) Послѣ объяснилось, что раненые изъ отряда на пути распространили панику.

Все до сихъ поръ описанное было только прологомъ къ той драмѣ, въ которой мы должны были выступить дѣйствующими лицами и эпизодъ которой я передаю, какъ памятникъ мучительнаго и незабвеннаго для насъ былаго.

20-го іюля, въ 9-мъ часу утра, главный врачъ отправленъ къ завѣдывающему госпиталями въ Румыніи, чтобы обстоятельнѣе узнать о времени открытія госпиталя и о средствахъ, которые будутъ даны мѣстнымъ начальствомъ, для устройства госпиталя. Главнаго врача смущали все тѣ-же котлы, которые должны быть куплены на мѣстѣ открытія госпиталя, по полученіи предписанія объ этомъ. Завѣдывавшій госпиталями объявилъ ему, что будетъ выдано необходимое по штату госпиталя число госпитальныхъ палатокъ и деревянныхъ вещей по положенію, такъ какъ послѣднія заготовлены по порученію инспектора полевыхъ госпиталей. Котлы должны быть пріобрѣтены при открытіи госпиталя, а предписаніе объ открытіи госпиталя будетъ дано когда потребуетъ того необходимость.

Съ этими неутѣшительными свѣдѣніями главный врачъ отправился отъ него прямо къ мѣсту будущаго открытія госпиталя, чтобы увѣдомить членовъ госпитальнаго комитета о послѣдствіяхъ своего свиданія съ завѣдывавшимъ госпиталями въ Румыніи. Подъѣзжая къ этому мѣсту, онъ замѣтилъ много пустыхъ арбъ и на площади, возлѣ, поставленныя уже палатки, большую толпу солдатъ и всякаго народа. Не встрѣчая никого изъ своихъ госпитальныхъ чиновъ и пробравшись къ палаткамъ, онъ увидѣлъ, что раненыхъ кладутъ и въ палатки, и возлѣ палатокъ, на землѣ, а нѣкоторыхъ даже перевязываютъ личности вовсе неизвѣстныя ему. По всей площади, на которой предполагалось открыть госпиталь и на пространствѣ, отдѣлявшемъ эту площадь отъ № 63-го госпиталя, происходила оживленная толкотня народа, очень пестраго по костюмамъ. Главный врачъ рѣшительно не понималъ, почему все это происходило на площади, на которой предполагалось открыть нашъ госпиталь?

Въ это время встрѣтился съ нимъ старшій ординаторъ, хирургъ нашего госпиталя, въ одной рубахѣ и съ окровавленными руками и лицемъ, еще изъ Бухареста командированный въ № 63-й госпиталь.

— Вы почему здѣсь и въ такомъ видѣ, и что значитъ все, что я вижу тутъ? спрашиваетъ его главный врачъ.

— Это значитъ, отвѣчаетъ ординаторъ-хирургъ, — что я откомандированъ къ своему госпиталю и въ нашъ госпиталь положили всѣхъ этихъ раненыхъ 900 человѣкъ.

— Да госпиталь еще не открытъ, и не устроенъ для принятія больныхъ. Нѣтъ предписанія и никакого приказанія отъ подлежащихъ властей объ открытіи его. Я сейчасъ отъ завѣдывающаго госпиталями

въ Румыніи; онъ не считаетъ необходимымъ открытіе нашего госпиталя теперь-же. Кромѣ его, никто не вправѣ распоряжаться открытіемъ госпиталя, возразилъ главный врачъ.

— Я тутъ не причемъ, отвѣтилъ ординаторъ-хирургъ.

— Кто-же эти господа и какими средствами перевязываютъ, спрашиваетъ главный врачъ, указывая на хлопотавшихъ около раненыхъ.

— Это врачи, прибывшіе съ транспортомъ раненыхъ; а инструменты и перевязочныя вещи отпустилъ я изъ запаса нашего госпиталя, отвѣчаетъ ординаторъ-хирургъ.

— Какъ! Какъ-же вы отпустили, когда инструменты и перевязочныя вещи и много еще, не приняты законнымъ порядкомъ! Я только тюки счетомъ принялъ и въ цѣлости, а не то, что въ тюкахъ. Я отвѣчаю за цѣлость и годность инструментовъ и аппаратовъ, и за правильность расхода каждой нитки перевязочныхъ вещей; а вы распоряжаетесь ими по своему усмотрѣнію! Это преступное самоуправство! возвысилъ голосъ главный врачъ.

— Да мнѣ приказалъ раскрыть ящикъ главный хирургъ, который тутъ спрашивалъ васъ, я отказывался, но онъ пригрозилъ мнѣ плетью, а еще человѣкъ знакомый; при такой угрозѣ все откроешь... съ плачемъ отвѣчалъ ординаторъ-хирургъ *).

— Н-ну нѣтъ, кромѣ казенныхъ тюковъ, пожалуй. Эхъ, въ какое ужасное положеніе поставили вы себя, а черезъ это и меня! Не хнычьте, по крайней мѣрѣ, и смотрите за инструментами, которые выдали, а я распоряжусь насчетъ перевязочныхъ вещей и увижусь съ главнымъ хирургомъ.

Сказавъ это, главный врачъ направился въ аптечную палатку.

На этомъ пути остановилъ главнаго врача главный хирургъ арміи и просилъ отпустить перевязочныя средства и въ № 63-й госпиталя, такъ какъ тамъ заявили ему о неимѣніи перевязочныхъ средствъ для такого громаднаго числа раненыхъ, какое прибыло въ госпиталь 19-го и 20-го іюля

— Конечно, отпущу; но нужно, чтобы этотъ фактъ былъ засвидѣтельствованъ письменнымъ документомъ. Тутъ главный врачъ № 63-го госпиталя даетъ отношеніе съ дефектнымъ катологомъ въ комитетъ № 47-го госпиталя, отвѣтилъ ему главный врачъ.

— Теперь некогда соблюдать формальности; дай Богъ успѣть съ перевязкою этихъ, какъ прибудутъ другіе раненые. Отпустите, товарищъ! настаивалъ главный хирургъ.

— Да, при такихъ порядкахъ и обстоятельствахъ, и у меня скоро израсходуются перевязочныя средства. Гдѣ же я тогда возьму и что

*) Вѣроятно эту угрозу создало воображеніе ординатора-хирурга; онъ былъ очень впечатлителенъ вообще.

представлю въ основаніе своихъ дефектныхъ требованій? Замѣтьте, что я не имѣю предписанія даже объ открытіи ввѣреннаго мнѣ госпиталя и, значитъ, не имѣю права ни на какой расходъ!!... возразилъ главный врачъ.

Главный хирургъ далъ слово, что главный врачъ № 63-го госпиталя дастъ отношеніе и дефектный каталогъ послѣ, а онъ доложитъ объ этомъ случаѣ полевому военно-медицинскому инспектору. Затѣмъ, взмахнувъ плетью *) надъ лошадью (онъ былъ верхомъ на лошади), затерся между двигавшеюся массою народа. Главный врачъ остался... въ положеніи Цезаря передъ Рубикономъ... Много онъ перечувствовалъ и передумалъ въ эти немногія минуты... семья... долгъ службы... требованія случайныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ войны, въ видѣ 4000 раненыхъ... полевые контролеры... полевые прокуроры... и проч. и проч. все безсвязно промелькнуло въ его головѣ. Одно было ясно, что его обхватываютъ со всѣхъ сторонъ безпорядочныя дѣйствія людей, или незнающихъ законныхъ порядковъ, или притиснутыхъ критическими обстоятельствами къ роковой нуждѣ сокращать законные порядки и даже обходить ихъ.

Продолжая путь къ аптечной палаткѣ, главный врачъ соображалъ: „дастъ ли главный врачъ № 63-го госпиталя отношеніе съ дефектнымъ каталогомъ или никогда не найдетъ времени для этой формальности; доложитъ ли объ этихъ обстоятельствахъ главный хирургъ полевому военно-медицинскому инспектору или забудетъ, какъ мелочь; а отпустить перевязочныя средства № 63-му госпиталю необходимо: такова сила насущныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ“. Главный врачъ, бывалый въ походахъ и дѣлахъ на Кавказѣ, работавшій на перевязочныхъ пунктахъ, въ самомъ огнѣ съ войсками, и въ госпиталяхъ передовыхъ и тыльныхъ линій, поэтому хорошо знакомый со всякими случайностями войны и характеромъ дѣйствій, требуемымъ различными военными обстоятельствами, видѣлъ, что главный хирургъ дѣйствовалъ по-военному (словомъ и дѣломъ), въ силу непреодолимой и неотложной необходимости. Такой способъ дѣйствія, по личному взгляду главнаго врача, основанному на опытѣ, бываетъ неизбѣженъ въ критическихъ военныхъ обстоятельствахъ; но онъ не сочувствовалъ той размашистости, съ которою главный хирургъ примѣнялъ его, обходя и тѣ порядки, которые можно и должно было соблюсти даже при такихъ обстоятельствахъ. Если бы, напримѣръ, главный хирургъ изъ г. Систово или даже съ переправы далъ знать мѣстнымъ властямъ, что идетъ большой транспортъ раненыхъ, то это одно устранило бы ту невообразимую неурядицу, которая произошла, благодаря незнанію мѣстныхъ властей, что идетъ такая масса раненыхъ

*) Вѣроятно такой же пріемъ главнаго хирурга показался ординатору-хирургу угрозою ему.

въ г. Зимницу. Завѣдывавшій госпиталями въ Румыніи навѣрное поспѣшилъ бы открыть № 47-й госпиталь и тюки съ инструментами и перевязочными средствами были бы открыты законнымъ порядкомъ; палатки были бы поставлены, кухонные котлы—тоже; матрасы были бы заготовлены и проч. и проч. до прибытія транспорта".

Возлѣ аптечной палатки окружили главнаго врача фельдшера, сестры милосердія и другія, все неизвѣстныя ему, личности, съ требованіемъ отъ № 63-го госпиталя отпуска перевязочныхъ вещей, и... безъ письменныхъ заявленій отъ врачей: чего и сколько нужно!! Главный врачъ чуть-чуть не вышелъ изъ терпѣнія: первымъ движеніемъ его мысли было отослать всѣхъ ихъ обратно за письменными свѣдѣніями отъ врачей-ординаторовъ или отъ главнаго врача госпиталя; но онъ тутъ же сообразилъ, что это значило бы только усилить существовавшую толкотню и неурядицу и, по всей вѣроятности, напрасно. Они вновь явились бы съ словесными требованіями, потому что врачи-ординаторы не имѣли времени писать; а главный врачъ № 63-го госпиталя... тоже не имѣлъ времени писать, по свидѣтельству главнаго хирурга, хотя дѣйствія въ этомъ отношеніи составляютъ первую обязанность его спеціальнаго положенія въ госпиталѣ. Трагическое было положеніе нашего главнаго врача и... не на театральныхъ подмосткахъ, а на театрѣ грозной дѣйствительности войны—въ виду необходимости удовлетворенія жизненнымъ нуждамъ нѣсколькихъ тысячъ раненыхъ,—необходимости, поставленной въ разрѣзъ съ формальными требованіями закона!

Нужны были величайшая отвага и самоотверженіе, чтобы рѣшиться открыть № 63 госпиталю безграничный отпускъ перевязочныхъ вещей изъ трехмѣсячной пропорціи этихъ вещей госпиталя ко штату 630 больныхъ, когда этотъ госпиталь, еще не имѣя формально-законнаго разрѣшенія объ открытіи, уже получилъ 900 слишкомъ раненыхъ съ перспективой, по словамъ того-же главнаго хирурга, на увеличеніе цифры раненыхъ, втрое или вчетверо болѣе нормальной, при томъ безъ всякаго письменнаго основанія. Неизвѣстно также было время, впродолженіи котораго можно было получить по дефектному каталогу изъ аптечнаго магазина: нуждался-же въ перевязочныхъ средствахъ № 63 госпиталь, хотя, вѣроятно, своевременно требовалъ по дефектнымъ каталогамъ. Не менѣе смѣлости нужно было и для того, чтобы отказать № 63 госпиталю въ отпускѣ перевязочныхъ средствъ, въ виду вопіющей нужды въ перевязкѣ около 3000 его раненыхъ. Самое положеніе раненыхъ, въ этомъ случаѣ, было подавляющимъ аргументомъ къ отпуску перевязочныхъ средствъ!

При натискѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ легко быть находчивымъ на счетъ другаго, не подвергая себя отвѣтсвенности никакими формально-законными обязательствами, подобно главному хирургу въ этомъ случаѣ. Но нелегко и небезопасно для этого другаго осуществлять такую изобрѣ-

тательность, подъ давленіемъ критическихъ обстоятельствъ, принимая на себя всю отвѣтственность во всякомъ случаѣ. И положеніе раненыхъ, и лица, на попеченіи которыхъ они были, и начальствующіе—все и всѣ требовали перевязочныхъ средствъ отъ главнаго врача № 47 госпиталя словесно и никто не рѣшался дать письменнаго требованія, не потому, конечно, что не было времени написать десять-пятнадцать строкъ, а потому... потому... что никто не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности за послѣствія. Это было ясно.

„Такъ-ли я поступаю, какъ слѣдуетъ, въ моемъ положеніи,—разсудятъ полевые администраторы, контролеры и прокуроры послѣ... на досугѣ; а теперь... salus *) populi suprema lex esto!“ рѣшилъ главный врачъ и приказалъ аптекарю отпускать перевязочныя средства и въ № 63 госпиталь, записывая въ особую тетрадь: сколько чего будетъ отпущено, до особаго его распоряженія.

Съ этимъ транспортомъ раненыхъ прибыло много врачей, военныхъ, Краснаго Креста и профессоровъ, изъ которыхъ только одинъ профессоръ представилъ комитету предписаніе полеваго военно-медицинскаго инспектора о допущеніи его завѣдывать хирургическими больными и эвакуаціей въ госпиталѣ. Прочіе не сочли нужнымъ даже заявить комитету кто они такіе: они считали себя внѣ всякой власти, что имѣло немаловажныя послѣдствія, неблагопріятныя для всякихъ, особенно медицинскихъ, свѣдѣній о больныхъ.

Не извѣстно было тоже, откуда взялось множество сестеръ милосердія и другаго народа, неопредѣлимаго по костюмамъ. Всѣ они сновали и суетились около раненыхъ. Впослѣдствіи стало извѣстно, что это одинъ изъ импровизованныхъ летучихъ санитарныхъ отрядовъ, которые, по слову полеваго военно-медицинскаго инспектора, съ поразительною неожиданностію и своевременностію появлялись на мѣстахъ нужды въ нихъ, а по минованіи такой нужды, также внезапно для мѣстныхъ властей устремлялись по вновь полученному указанію.

Если бы полевое интендантство съ такою же предусмотрительностью снабжало появляющіеся на театръ войны госпитали, при ихъ открытіи, госпитальными палатками, гдѣ это оказывалось необходимымъ, и различною посудой, которыми не снабжали госпиталей формировавшія ихъ интендантства; а инспекція полевыхъ госпиталей имѣла возможность усиливать численность госпитальной прислуги, соотвѣтственно увеличенію числа больныхъ въ дѣйствующихъ госпиталяхъ; то, дѣйствовавшіе на театрѣ войны, госпитали удовлетворяли бы нуждамъ арміи вполнѣ, при помощи общества Краснаго Креста, какую оно оказывало и еще болѣе могло оказать при болѣе практичномъ направленіи его дѣятель-

*) Спасеніе народа должно быть высшимъ закономъ.

ности. А это послѣднее было весьма возможно, если бы общество Краснаго Креста, не заводя своихъ врачебныхъ учрежденій, очень дорого ему стоившихъ, обратило всѣ свои матеріальныя средства на пособіе военно-врачебнымъ учрежденіямъ: наймомъ или устройствомъ помѣщеній, госпитальными вещами, перевязочными средствами, улучшеніемъ пищи, усиленіемъ врачебнаго персонала и проч. и проч.

Перелетные врачи (мы такъ ихъ прозвали) требовали хирургическихъ инструментовъ и не хотѣли давать росписокъ въ полученіи ихъ, вѣроятно, потому, что уже черезъ чуръ много было у нихъ помощниковъ при перевязкѣ раненыхъ: студентовъ, фельдшеровъ и фельдшерицъ, сестеръ и братьевъ милосердія, санитаровъ и служителей. Тутъ же слонялись и всякаго рода зѣваки, искатели и искательницы приключеній, мелкіе аферисты, наконецъ, какъ оказалось впослѣдствіи, въ первое же время всѣ эти нахлынувшія вдругъ личности освѣщались ореоломъ летучаго санитарнаго отряда. Вездѣ шатались больные въ одиночку или партіями въ два-три человѣка, любопытствуя и переходя изъ одной палатки въ другую, изъ одного госпиталя въ другой и обратно. (Госпитали ничѣмъ не были ограждены и разобщены). Дѣйствовавшія лица вовсе неизвѣстны были госпитальному персоналу и, повидимому, другъ другу. Все, какъ нельзя болѣе, способствовало толкотнѣ, неурядицѣ и утратѣ казенныхъ вещей.

Часовъ около восьми пополудни опять встрѣтился главный хирургъ съ главнымъ врачемъ, когда этотъ ходилъ по палаткамъ для осмотра, какъ размѣщены раненые, и сдѣлалъ главному врачу вопросъ: „а гдѣ же ваши ординарцы, что я не видѣлъ ихъ здѣсь въ продолженіи всего дня?“ (Это было недалеко отъ операціонной палатки). — „Здѣсь имъ и не зачѣмъ быть, гдѣ и безъ нихъ много врачей; а вотъ тамъ, въ дальнихъ палаткахъ, кромѣ ихъ никого нѣтъ. Пойдемте туда, если желаете,“ отвѣчалъ главный врачъ. — „Нѣтъ, говоритъ главный хирургъ, я спросилъ объ нихъ только затѣмъ, чтобы передать вамъ приказаніе полеваго военно-медицинскаго инспектора о строгомъ отношеніи къ служебной дѣятельности ординаторовъ“. — „Напускною строгостью, да еще предварительно, я драпироваться не буду; а въ дѣйствительной строгости до сихъ поръ не было надобности. Въ случаѣ нужды, я исполню свой долгъ“, отвѣтилъ главный врачъ.

Главный хирургъ уѣхалъ, приказавъ донести телеграммой полевому военно-медицинскому инспектору, что прибывшіе въ госпиталь раненые всѣ перевязаны и успокоены.

Весь врачебный персоналъ нашего госпиталя и перелетные врачи работали безвыходно въ госпиталѣ весь день и къ 9-ти часамъ пополудни была окончена перевязка всѣхъ прибывшихъ раненыхъ. Всѣ врачи, кромѣ дежурнаго, разошлись изъ госпиталя въ 10 часовъ вечера.

Смотритель и коммиссары госпиталя весь день метались, какъ шальные (да простятъ они мнѣ это выраженіе; не могу подъискать болѣе подходящаго слова для выраженія ихъ разстроенныхъ физіономій и судорожныхъ движеній, съ которыми они кидались въ разныя стороны, какъ пораженные паникой), для установки палатокъ, котловъ, набивки матросовъ, выдачи разныхъ вещей и проч. и проч.

Смотрителя нежданно-негаданно распекъ генералъ за неготовность кухни, на томъ основаніи, что ротный командиръ, прибывъ на мѣсто съ ротой, прежде всего ставитъ котлы для варки пищи, чего смотритель не сдѣлалъ, хотя между положеніемъ ротнаго командира и положеніемъ смотрителя не было никакой параллели. У ротнаго командира на рукахъ и люди и котлы въ полномъ его распоряженіи, а смотритель госпиталя только хранитель котловъ до полученія предписанія отъ подлежащихъ властей объ открытіи госпиталя; а предписанія-то объ этомъ онъ и не получалъ, а потому и не имѣлъ права ставить госпитальные котлы, по чьимъ бы то ни было требованіямъ, мимо приказанія тѣхъ властей, отъ которыхъ онъ въ прямой зависимости. Это служебная азбука. Смотритель и хотѣлъ это сказать, но генералъ остановилъ его угрозой телеграфировать Его Высочеству Главнокомандующему о неспособности госпитальныхъ чиновъ № 47-го военно-временнаго госпиталя. Смотритель понялъ, что нужны не объясненія дѣла, а виновные и, вытянувшись во весь свой гигантскій ростъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, молча, козырялъ... Въ этомъ положеніи онъ напоминалъ египетскій обелискъ, по замѣчанію одного ординатора, любителя древностей. Въ томъ же, что этотъ грозный генералъ, высшій мѣстный начальникъ по чину, какъ послѣ оказалось, этапный начальникъ, самъ не зналъ о прибытіи транспорта раненыхъ до тѣхъ поръ, пока онъ не появился у мѣста госпиталя, или, знавши, не увѣдомилъ никого изъ мѣстныхъ властей, завѣдывавшихъ госпиталями, и тѣмъ самымъ лишилъ возможности всякія госпитальныя власти принять какія бы то ни было мѣры раньше, къ возможно лучшему прикрытію раненыхъ, разумѣется, одинъ Богъ остался судьею.

Такимъ образомъ, госпиталь былъ открытъ силою чрезвычайныхъ военныхъ обстоятельствъ, безъ предписанія подлежащихъ властей. Въ первый день открытія, 20-го іюля, было получено 38 госпитальныхъ палатокъ; кухонной посуды госпиталь имѣлъ на 630 человѣкъ, а получилъ 900 слишкомъ раненыхъ

Первый день открытія госпиталя былъ и первымъ днемъ страдной поры № 47-го военно-временнаго госпиталя.

Отъ перелетныхъ врачей мы узнали, что за Дунаемъ очень много раненыхъ и что всѣ они будутъ перевезены въ г. Зимницу. Въ виду этого прибытія раненыхъ, главный врачъ пригласилъ своихъ врачей являться въ госпиталь съ восходомъ солнца. Такое распоряженіе оказа-

лось совершенно необходимымъ, какъ показали послѣдствія. Перелетные врачи, не исключая профессоровъ, являлись сами.

21-го іюля госпиталь представлялся вполнѣ удовлетворительнымъ перевязочнымъ пунктомъ: раненые своевременно и основательно были перевязаны, накормлены и покойно размѣщены на соломенныхъ матрасахъ, въ палаткахъ. Но, съ точки зрѣнія госпитальной регламентаціи, положеніе больныхъ было неудовлетворительно: размѣщеніе раненыхъ тѣсное, коекъ не было; продовольствіе горячей пищей было затруднительно. Слѣдовало бы эвакуировать этихъ раненыхъ, чтобы дать мѣсто другимъ ожидаемымъ; но... эвакуировать, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, нельзя было; а новый транспортъ раненыхъ въ 600 слишкомъ человѣкъ прибылъ. Онъ былъ принятъ, съ медицинской стороны, безъ затрудненія: медицинскихъ силъ и средствъ было весьма достаточно; по хозяйственной же части оказывался недостатокъ во всемъ: въ помѣщеніи, въ кухонной посудѣ, въ бѣльѣ, хотя госпитальная администрація пустила въ ходъ все, что имѣла, по положенію на 630 человѣкъ, при 1500 слишкомъ наличныхъ больныхъ. Что же могла сдѣлать болѣе госпитальная администрація въ ея положеніи? Разумѣется, ничего. Но мѣстные воинскіе начальники не знали, или не хотѣли признать существовавшей организаціи госпиталей и, требуя отъ госпитальной администраціи того, чего она не могла дать, постоянно и безпощадно разражались нагоняями и угрозами госпитальнымъ чинамъ за неудовлетворительность положенія больныхъ. Распеканціями возбуждали въ чинахъ госпитальной администраціи ненужную и даже вредную суетливость и торопливость въ исполненіи своихъ обязанностей; распеканціями отвлекали ихъ отъ исполненія своихъ обязанностей; распеканціями награждалъ ихъ одинъ начальникъ за исполненіе того, за неисполненіе чего распекъ другой, часа два-три тому назадъ. Казалось, послѣ хлѣба, воды и воздуха, распеканціи были четвертымъ элементомъ ихъ существованія. Даже теперь прискорбно вспомнить объ этомъ; а въ страдную пору госпиталя на этомъ вертѣлся для чиновъ госпитальной администраціи вопросъ: быть или не быть,—у сильнаго всегда безсильный виноватъ. Анекдотическое положеніе солдата прежнихъ временъ, увѣрявшаго, что въ военной службѣ бьютъ и за то, что недовернешься, и за то, что перевернешься, было просто завиднымъ для чиновъ госпитальной администраціи, потому что представляло возможность избавиться отъ побоевъ, повернувшись въ мѣру; а положеніе чиновъ госпитальной администраціи было безвыходно, по насущнымъ обстоятельствамъ, какъ ни поворачивайся: имъ приходилось оставаться все въ томъ же заколдованномъ кругѣ условій нужды и нужды и тѣхъ послѣдствій—распеканціи и... распеканціи. Чины госпитальной администраціи за этотъ періодъ страдной поры госпиталя, вѣроятно, заслужили великую награду на небѣ.

Не для однихъ, впрочемъ, ихъ это время было страдною порою. Тутъ страдали всѣ, начиная отъ больныхъ и всего госпитальнаго персонала до завѣдывавшаго госпиталями въ Румыніи и генерала, этапнаго начальника. Разница была только въ выраженіи страданій тѣми или другими лицами. Больные относились ко всему съ покорностію своему жребію; госпитальные чины съ смиреннымъ отчаяніемъ въ своемъ безсиліи удовлетворить всѣмъ нуждамъ больныхъ; а начальствующіе съ гнѣвомъ на все и на всѣхъ—самая сокрушительная форма страданія!...

Нападки мѣстныхъ военныхъ начальниковъ, вытекавшія, безъ сомнѣнія, изъ наилучшихъ намѣреній и усердія помочь дѣлу, не предотвращали прибытія транспортовъ раненыхъ и не устраняли увеличенія цифры больныхъ въ госпиталѣ, при однѣхъ и тѣхъ же средствахъ, по штату госпиталя. Организовать эвакуаціи больныхъ, соотвѣтственной наплыву больныхъ, мѣстные военные начальники тоже не могли. 22-го іюля завѣдывавшій госпиталями въ Румыніи далъ предписаніе... о немедленномъ открытіи нашего госпиталя!.. Настолько факты опережали законно-административныя распоряженія и насущныя нужды превышали число и средства мѣстныхъ санитарныхъ единицъ, каковы военно-временные госпитали!

Чтобы размѣстить и кормить больныхъ, бывшихъ въ это время въ двухъ госпиталяхъ въ г. Зимницѣ, нужны были средства, по крайней мѣрѣ, четырехъ-пяти госпиталей, при полнотѣ въ нихъ имущества по табелямъ, и до 250 госпитальныхъ палатокъ, а госпитальныхъ палатокъ было только 75 и 17 киргизскихъ юртъ; госпитали являлись туда безъ котловъ для прачечной, пекарни, безъ котловъ для нагрѣванія воды для ваннъ и проводнаго покоя. Городъ Зимница не могъ дать ни помѣщеній, ни металлической посуды для госпиталей, въ этомъ нельзя было сомнѣваться со времени перехода нашей арміи черезъ границу Румыніи. Слѣдовательно, нужно было или основать складъ госпитальныхъ палатокъ и металлической посуды для госпиталей, на ряду съ продовольственными и боевыми запасами, въ г. Зимницѣ, или вызывать туда госпитали, снабженные тѣмъ и другимъ. Во всемъ остальномъ военно-временные госпитали были организованы весьма цѣлесообразно. Неупущена была возможность раздѣленія госпиталей на три равныя отдѣленія, которыя могли бы дѣйствовать самостоятельно, если-бы потребовали этого мѣстныя или стратегическія соображенія. По медицинской части госпитали были предусмотрительно снабжены перевязочными средствами и медикаментами въ трехмѣсячной пропорціи. Это послѣднее обстоятельство сослужило важнѣйшую службу, давъ возможность, прибывавшимъ на мѣсто открытія, госпиталямъ не только самимъ открывать тотчасъ свою дѣятельность въ этомъ отношеніи, при всевозможныхъ военныхъ обстоятельствахъ,—но и снабжать другіе госпитали въ критическихъ

обстоятельствахъ. Не госпитальные чины были причиною недостатка помѣщенія и металлической посуды въ зимницкихъ госпиталяхъ, а укоры, громогласно грозные отъ мѣстнаго начальства и безмолвно убійственные отъ больныхъ получали, съ глазу на глазъ, они въ глубоко страдательномъ молчаніи. Госпитальная администрація, постоянно оглашаемая урогановъ распеканцій и нареканій отъ мѣстныхъ начальниковъ, упала духомъ и ужасалась при одной мысли посѣщенія госпиталя высшимъ начальствомъ. Чины госпитальной администраціи даже начали проникаться мыслію о своей погибели, въ видѣ очистительной жертвы. Какая могла быть у нихъ надежда, что высшія власти отнесутся къ нимъ иначе, нежели мѣстные начальники?

Въ этотъ день, пополудни, посѣтили госпиталь полевой военно-медицинскій инспекторъ и инспекторъ полевыхъ госпиталей. Въ госпиталѣ уже существовалъ, возможный по обстоятельствамъ порядокъ: часть больныхъ была размѣщена въ палаткахъ на койкахъ по госпитальному положенію, другая въ палаткахъ безъ коекъ, но на матрасахъ, а нѣкоторые больные были помѣщены подъ навѣсами, временно устроенными изъ кольевъ, покрытыхъ суконными полами отъ палатокъ, на соломѣ. Теплая, сухая, свѣтлая, вполнѣ великолѣпная погода, допускавшая помѣщеніе раненыхъ на соломѣ, даже подъ открытымъ небомъ, въ этомъ случаѣ, много способствовала размѣщенію раненыхъ. Продовольствіе недалеко отставало отъ нормально госпитальнаго, благодаря грозному генералу, при содѣйствіи котораго гдѣ то были позаимствованы котлы для кухни. Перевязка, при содѣйствіи перелетныхъ врачей — нельзя не отдать имъ справедливости—энергическомъ и не устанномъ, шла безукоризненно. Чистота въ палаткахъ и на всей площади, занимаемой госпиталемъ, не представляла повода желать ничего больше въ этомъ отношеніи; остатки отъ перевязки немедленно сожигались.

Полевой военно-медицинскій инспекторъ остался доволенъ; одобрилъ отпускъ перевязочныхъ вещей въ № 63 госпиталь, рекомендуя главному врачу и на будущее время поступать также въ подобныхъ случаяхъ. О способѣ пополненія такого расхода (бездокументальнаго) ни слова... Главный врачъ уразумѣлъ смыслъ этой рекомендаціи такъ: ты, въ случаѣ нужды, отпускай другимъ перевязочныя средства, чтобы нигдѣ не оказывалось недостатка въ нихъ, и пополняй... какъ слѣдуетъ... не выходя изъ границъ и законной формальности".

Инспекторъ полевыхъ госпиталей, молча, сопутствовалъ полевому военно-медицинскому инспектору, а на другой день, посѣтивши госпиталь отдѣльно, такъ распекъ чиновъ хозяйственнаго разряда и главному врачу замѣтилъ, что у насъ въ госпиталѣ все идетъ дурно, и, не выслушавъ никакихъ объясненій и не давъ никакихъ указаній на то дурное, что зависѣло бы отъ небрежности госпитальныхъ чиновъ, уѣхалъ.

Ясно было, что этотъ нагоняй былъ данъ въ унисонъ мѣстнымъ военнымъ начальникамъ, для поддержанія энергіи госпитальныхъ чиновъ.

Высокіе посѣтители уѣхали, а транспорты раненыхъ и больныхъ стали приходить чаще и чаще, безъ всякихъ предупрежденій, свѣдѣній и надзора: и на подводахъ и пѣшіе, съ грязными и нерѣдко сдвинувшимися повязками, голодные—такъ, по крайней мѣрѣ, заявляли офицеры и нижніе чины. Былъ случай исключительный, что госпиталю было дано знать о прибытіи транспорта раненыхъ въ 400 слишкомъ человѣкъ, къ прибытію которыхъ требовалось заготовить пищу, но и тутъ вышла неудача: раненыхъ прибыло только 200, а объ остальныхъ не прибывшихъ никто ничего не могъ сказать; такъ и осталось неизвѣстнымъ, отдѣльный ли транспортъ составляли эти 200 человѣкъ или часть 400, о которыхъ была телеграмма. Такой хаотическій приливъ раненыхъ, при описанномъ переполненіи госпиталя, всегда производилъ замѣшательство въ госпиталѣ, потому что раненые, не ожидая переписки ихъ, при снятіи съ транспорта, и сортировки—чего желали госпитальные чины—устремлялись въ госпиталь—что поощряемо было военнымъ начальствомъ, по гуманнымъ соображеніямъ,—смѣшивались съ госпитальными больными и этимъ производили такое затрудненіе, что не только нельзя было составить свѣдѣній о прибывшихъ, но даже знать дѣйствительную цифру ихъ, а потому — и дѣйствительную цифру вообще больныхъ въ госпиталѣ. Военнаго дежурства не существовало.

Цифра больныхъ въ нашемъ госпиталѣ быстро увеличивалась и въ первые 5 дней дошла до 2,500 слишкомъ; средства госпиталя оставались тѣже; эвакуаціи не было, а транспорты раненыхъ приходили. Мѣстное начальство распорядилось имѣющихъ прибывать раненыхъ, накормивъ и сдѣлавъ перевязку у госпиталя, отправлять въ дальнѣйшіе госпитали. Это было единственно возможное, по обстоятельствамъ, средство сколько-нибудь облегчить положеніе больныхъ въ зимницкихъ госпиталяхъ. Но вмѣстѣ съ этимъ открывался новый путь бездокументальному расходу перевязочныхъ средствъ госпиталя, грозившему скорѣйшимъ истощеніемъ перевязочныхъ средствъ госпиталя, что нужно было устранить во чтобы-то ни стало. Предупрежденіе такой катастрофы крѣпко заботило главнаго врача, потому что проходящіе транспорты раненыхъ приходили ежедневно и уносили много перевязочныхъ средствъ.

Хотя сестры милосердія тоже много расходовали перевязочныхъ средствъ Общества Краснаго Креста при этой перевязкѣ, но это дѣлалось какъ то безъ мѣры и безъ порядка, что всегда влечетъ излишнюю трату. Примѣръ № 63-го госпиталя, который пользовался широкимъ пособіемъ Общества Краснаго Креста и потерпѣлъ крушеніе въ перевязочныхъ средствахъ, былъ свѣжъ въ памяти. Поэтому у главнаго врача

*

возникла мысль приручить перевязочныя средства Краснаго Креста къ аптекѣ госпиталя, откуда онѣ были-бы отпускаемы мѣрою и вѣсомъ, съ соображеніемъ въ дѣйствительности нужды, по требованіямъ врачей, а не по вдохновенію сестеръ милосердія, на основаніи заявленій фельдшеровъ, санитаровъ и всякаго, кто рѣшался протягивать руку.

Въ этихъ видахъ, главный врачъ однажды въ разговорѣ о большомъ расходѣ перевязочныхъ средствъ, особенно мимо своего госпиталя, безъ всякихъ легальныхъ формальностей, не то шутя, не то серьозно заявилъ старшей сестрѣ милосердія, что если Общество Краснаго Креста не выручитъ его, пока онъ получитъ перевязочныя средства, по представленнымъ дефектнымъ каталогамъ, и окажется, что у него нѣтъ перевязочныхъ средствъ, для перевязки раненыхъ,—то начальство будетъ въ правѣ повѣсить его, безъ всякихъ разговоровъ, и что онъ тогда будетъ просить только одного снисхожденія, чтобы повѣсили его передъ складомъ Общества Краснаго Креста въ г. Зимницѣ. Сестра милосердія ужаснулась, когда главный врачъ объяснилъ ей чрезвычайную опасность своего положенія, относительно расхода перевязочныхъ средствъ, неизбѣжнаго, какъ она сама видѣла, но не могущаго быть обставленнымъ законными формальностями, по обстоятельствамъ, устраненіе которыхъ отъ него не зависѣло. Она обѣщала всѣ перевязочныя средства Краснаго Креста, доставлявшіяся ежедневно въ госпиталь и расходовавшіяся изъ ея палатки, по просьбѣ всякаго, передавать въ аптеку и сдержала свое слово вполнѣ. Наличный персоналъ Краснаго Креста и № 47-го госпиталя зналъ, съ какимъ рискомъ главный врачъ удовлетворилъ перевязочными средствами нужды № 63-го госпиталя и продолжалъ удовлетворять нуждамъ проходящихъ изъ-за Дуная транспортовъ раненыхъ, безъ врачей и фельдшеровъ и безъ перевязочныхъ средствъ. Между госпитальнымъ персоналомъ и персоналомъ Общества Краснаго Креста, дѣйствовавшимъ въ № 47 госпиталѣ, въ виду общаго критическаго положенія, существовало полное согласіе и готовность взаимнаго содѣйствія. Это и было причиною—говоря безъ преувеличенія—устраненія многихъ и многихъ недостатковъ и бѣдствій для больныхъ.

Съ первыхъ дней открытія госпиталя у насъ былъ установленъ такой порядокъ занятій: являясь, съ восходомъ солнца, въ госпиталь, всѣ врачи, фельдшера и свободныя сестры милосердія становились на перевязку транспортныхъ раненыхъ, если транспортъ уже былъ у госпиталя, а по окончаніи перевязки транспортныхъ, шли работать надъ госпитальными больными. Если транспорта не было, — становились на работу въ отдѣленіяхъ, съ прибытіемъ же транспорта, въ періодъ работы въ отдѣленіяхъ, мы оставляли работу въ отдѣленіяхъ и шли на перевязку транспортныхъ раненыхъ, а по окончаніи перевязки на транспортахъ, оканчивали свое госпитальное дѣло. Такихъ транспортовъ въ те-

ченіи сутокъ приходило нерѣдко и по два; былъ случай прибытія даже трехъ транспортовъ въ день. Число повязокъ въ день иногда бывало такъ велико, что не хватало никакой воды для перевязки; это останавливало перевязку часа на два; но въ перевязочныхъ средствахъ никогда не было недостатка. Далеко было бы не то, если бы персоналъ зимницкаго склада Общества Краснаго Креста не оказывалъ постояннаго пособія въ этомъ отношеніи!

Первый случай недостатка воды для перевязки—это когда въ госпиталѣ было болѣе 2,500 раненыхъ и къ этому прибылъ транспортъ раненыхъ около 800 человѣкъ — поднялъ ужасную бурю распеканцій со стороны мѣстныхъ начальниковъ: обвиняли госпитальный комитетъ и преимущественно главнаго врача, какъ предсѣдателя комитета, въ недостаткѣ водовозныхъ средствъ и посуды для воды, не соображая, что ни главный врачъ, ни комитетъ не имѣли ни права, ни возможности, если бы и были въ правѣ, заготовить эти средства для всей, никому неизвѣстной, цифры больныхъ и раненыхъ, оказавшихся и могущихъ оказаться въ арміи за Дунаемъ и нежданно-негаданно очутиться въ № 47-мъ госпиталѣ.

Нужно было видѣть, съ какою быстротою совершалась перевязка транспортныхъ раненыхъ, чтобы достаточно оцѣнить установленный порядокъ врачебно-санитарной помощи въ нашемъ госпиталѣ (каждый ординаторъ имѣлъ отъ 100 до 150 больныхъ) и постоянный приливъ раненыхъ въ проходящихъ транспортахъ, врачи имѣли возможность уходить изъ госпиталя на 2—3 часа, смотря по обстоятельствамъ, для возстановленія своихъ силъ. Весь госпитальный персоналъ необычайно трудился съ сознательнымъ самоотверженіемъ; многіе съ увлеченіемъ. Нельзя было смотрѣть безъ сердечнаго умиленія на фельдшеровъ и госпитальную прислугу, работавшихъ день и ночь; фельдшера и прислуга приэтомъ была на сухояденіи, впроголодь и недоспавши. Котлы ихъ были взяты для приготовленія пищи больнымъ, хотя все-таки котловъ не доставало, для полнаго удовлетворенія больныхъ пищею; работала же прислуга каждый за четверыхъ, до-упаду и засыпанія на мѣстѣ, гдѣ падала, по несоразмѣрности числа прислуги съ цифрою больныхъ. И въ этомъ обвиняли госпитальный комитетъ, за неумѣлость будто бы распорядиться прислугой, и въ тоже время отказывали комитету въ его просьбахъ усилить прислугу, по неимѣнію откуда взять, все одни и тѣ-же властные начальники!

Главный врачъ, являясь съ восходомъ солнца въ госпиталь, начиналъ день обходомъ всѣхъ помѣщеній больныхъ, при этомъ онъ удостовѣрялся въ опрятности помѣщеній и удовлетвореніи больныхъ довольствіемъ и медицинскимъ пособіемъ. Потомъ, находясь постоянно въ палаткѣ пріемнаго покоя (она-же была дежурной, канцеляріей и складомъ

хирургическихъ инструментовъ), производилъ текущую переписку и давалъ объясненія на безконечныя недоразумѣнія молодыхъ и гражданскихъ врачей, въ случаяхъ, касавшихся отпуска по требованіямъ изъ аптеки и отъ коммисаровъ. Наговорившись буквально до невозможности говорить, отъ охриплости голоса, онъ отправлялся въ операціонную палатку, или къ отдѣльно перевязывавшимъ врачамъ и тутъ уже молча смотрѣлъ на ходъ дѣла. Но и здѣсь его настигали съ предложеніями подписи разныхъ требованій и приглашеніемъ по хозяйственнымъ надобностямъ. Заслышавъ-же гдѣ-нибудь въ госпиталѣ грозный крикъ, онъ отправлялся туда—по его выраженію—получить свою долю нагоняя отъ начальства. Въ сущности-же ему интересно было знать: не подмѣтило-ли начальство, въ самомъ дѣлѣ, какого-нибудь уклоненія госпитальныхъ чиновъ отъ исполненія своихъ обязанностей или законности. Какъ только обнаруживалось для него, что это все одни и тѣ-же страдные вопли начальства, главный врачъ уходилъ по своимъ дѣламъ.

При такомъ переполненіи нашего госпиталя больными и тѣхъ средствахъ относительно размѣщенія и продовольствія ихъ, какія госпиталь имѣлъ, № 63 госпиталю дано было приказаніе изъ-за Дуная, чтобы онъ, передавъ своихъ больныхъ въ нашъ госпиталь, выступилъ за Дунай. Нашъ госпиталь получилъ, по этому случаю, еще 900 человѣкъ больныхъ, которыхъ не успѣлъ эвакуировать ко времени выступленія. Въ нашемъ госпиталѣ оказалось 4000 слишкомъ больныхъ, которыхъ нужно было размѣстить въ 38-ми госпитальныхъ палаткахъ и 17-ти киргизскихъ юртахъ, при прежнемъ количествѣ посуды. Положеніе, конечно, отчаянное, но это положеніе вытекало изъ сущности тогдашнихъ обстоятельствъ, слагавшихся независимо отъ чиновъ нашего госпиталя и мѣстнаго начальства; это было понятно всѣмъ. Тяжело отозвалось выступленіе № 63 госпиталя изъ г. Зимницы на всемъ, что было живаго въ нашемъ госпиталѣ. Палатки болѣе не расширялись; въ нихъ и безъ этого лежало по 50 и болѣе больныхъ; кухонная посуда не умножалась и не раздавалась. Больные молча созерцали причину недостатковъ и и значеніе того, что совершалось передъ ихъ глазами. Офицеры, всегда и вездѣ претендательные къ госпитальнымъ чинамъ, а раненые тѣмъ болѣе, въ это время, за неимѣніемъ мѣста въ палаткахъ, безропотно помѣщались въ шалашахъ и даже безъ всякаго крова, возлѣ палатокъ, на землѣ и на соломѣ. Госпитальные чины дѣлали все, что могли, эксплуатируя имѣвшіяся у нихъ средства и средства общества Краснаго Креста до послѣдней возможности, въ безмолвномъ страданіи. Но мѣстные начальники накинулись на госпитальныхъ чиновъ еще съ небывалымъ ожесточеніемъ. По ихъ нападкамъ слѣдовало заключить, что недостатокъ помѣщенія, т. е. палатокъ, кухонной посуды, бѣлья, прислуги и надзора за больными, самовольно отлучавшимися въ городъ—все это

зависѣло отъ неумѣнья и недѣятельности госпитальныхъ чиновъ. Сами-же эти начальники въ тоже время не могли дать не только ничего изъ поименованныхъ предметовъ, не смотря на постоянныя просьбы комитета, но даже—учредить военнаго дежурства. Когда мѣстные начальники высказались такимъ образомъ громогласно среди госпитальныхъ больныхъ, то главный врачъ, заключивъ, что начальники перевалили за геркулесовы столбы, въ область океана фантазій, вовсе пересталъ ходить за своимъ пайкомъ нагоняевъ.

Насколько были несправедливы и незаслужены нападки мѣстныхъ начальниковъ на госпитальныхъ чиновъ, а потому и оскорбительны, было доказательствомъ то, что высшіе начальники, начиная отъ полеваго военно-медицинскаго инспектора до главнаго военно-медицинскаго инспектора и генералъ-адъютанта графа Толстаго, посѣщавшіе разновременно нашъ госпиталь и во времена худшаго положенія въ немъ больныхъ, находили дѣятельность госпитальныхъ чиновъ, при данныхъ имъ средствахъ и существовавшихъ обстоятельствахъ, безукоризненною и отнеслись къ госпитальнымъ чинамъ сочувственно за ихъ тяжкіе труды и огорченія. А инспекторъ полевыхъ госпиталей, при одномъ изъ своихъ посѣщеній, узнавъ, что мѣстный генералъ широко примѣняетъ распеканціи къ госпитальнымъ чинамъ, выразилъ публично въ госпиталѣ, что генералу слѣдовало-бы оказать содѣйствіе госпитальнымъ чинамъ, къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ, безъ шуму, если только онъ самъ былъ въ состояніи ихъ устранить: а не ставить госпитальнымъ чинамъ въ вину тѣхъ недостатковъ, которыхъ не могутъ устранить и имущіе высшую власть. Словомъ, кругозоръ высшихъ начальниковъ былъ гораздо шире и отношеніе къ лицамъ и дѣлу безпристрастное.

Не оаходя времени втеченіи цѣлаго дня для обычныхъ личныхъ отношеній между сослуживцами и освоившись нѣсколько съ своимъ положеніемъ, мы начали собираться другъ у друга, по вечерамъ, въ малые кружки. Здѣсь, конечно, шла рѣчь по преимуществу о положеніи больныхъ, о положеніи госпитальныхъ чиновъ, объ отношеніи ко всему этому мѣстнаго начальства. Однажды въ такомъ тѣсномъ кружкѣ, припоминая всѣ подроаности перваго дня страдной поры госпиталя, одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ, что самымъ отчаяннымъ дѣйствіемъ въ тотъ день былъ неподражаемый рискъ главнаго врача въ отпускѣ перевязочныхъ средствъ въ № 63 госпиталь, безъ всякихъ документовъ, безъ всякой мѣры и даже безъ всялаго права на отпускъ. „Да, сказалъ главный врачъ со вздохомъ, это былъ шагъ... своего рода сальто-мортале и дай Богъ, чтобы никому изъ врачей не приходилось подражать ему! Вамъ извѣстно, что я самъ былъ раненъ въ огнѣ, гдѣ было убито наповалъ 15 и ранено 59 человѣкъ; многіе получили по двѣ и нѣкоторые по три раны. Кавказцы признали за мною „неустрашимость и самоотверженіе“,

но никто не видѣлъ и не знаетъ, даже я не могу, хотя приблизительно, выразить какія ужасныя волны страшныхъ чувствъ бороздили мою душу, начиная отъ высоко-гуманныхъ до дикихъ и даже звѣрскихъ инстинктовъ, — отъ чарующаго искушенія ринуться въ самый пылъ свалки сокрушительной силой или напропалую до паническаго отчаянія и желанія хоть провалиться сквозь землю, лишь-бы скорѣе избавиться отъ окружавшихъ ужасовъ смерти. Не разъ вся жизнь моя пронеслась въ моей памяти и прелестямъ ея я посылалъ послѣднее прости... Да нѣтъ! лучше объ этомъ не говорить; потому-что все это не дастъ вамъ дѣйствительнаго понятія о томъ, что тогда совершалось во мнѣ. Вотъ почему я преклоняюсь предъ мученикомъ войны. Каждый изъ привезенныхъ къ намъ въ тотъ день все это выстрадалъ... не говоря уже о предшествовавшихъ трудахъ и лишеніяхъ и о послѣдовавшихъ и предстоящихъ страданіяхъ... О, я знаю этому цѣну!.. Могъ-ли я... я-то отказать въ перевязкѣ имъ, изнеможеннымъ отъ голода, потери крови и психическаго угнетенія? Для кого-же и для чего существуютъ госпитали, если не для нихъ и въ такихъ случаяхъ?! Душу мою въ то время озарила божественная мысль: съ тѣхъ поръ, какъ ни геройскія пули, ни шашки не уложили меня на Кавказѣ, я пользуюсь благами жизни 17 лѣтъ; не велика жертва, подумалъ я, если рискованнымъ отпускомъ перевязочныхъ средствъ я повѣшу надъ своею головою Дамокловъ мечь, ради ихъ успокоенія, и тѣмъ исполню высшій долгъ врача и человѣка. И слава Богу, что такъ вышло,—могло случиться хуже. У меня могли взять перевязочныя средства противъ моей воли, какъ у бездушнаго эгоиста или, проще, мерзавца и—Богъ вѣсть—куда привела-бы печать каиновскаго отверженія меня, канцелярски-праведнаго чиновника: къ самоубійственной пулѣ или петлѣ на шею? Я первый осудилъ-бы себя въ такомъ случаѣ и этотъ приговоръ былъ-бы безпощаднѣе приговора полеваго суда, а теперь... благодаря помощи Общества Краснаго Креста, можно снять и дамокловъ мечь". Всѣ были обрадованы такимъ исходомъ крайне опаснаго дѣла.

Такъ шло дѣло изо дня въ день; каждый день приносилъ новыя затрудненія, потому-что больные, хотя мелкими партіями отъ 5 до 20 человѣкъ ежедневно, прибывали изъ разныхъ ближайшихъ командъ, а эвакуаціи не было, по неимѣнію транспортныхъ средствъ; мѣстные начальники продолжали волноваться и выражать свои волненія, по обыкновенію, при великолѣпнѣйшей погодѣ, вплоть до 30-го іюля, когда въ первый разъ было дано приказаніе отправить транспортъ раненыхъ изъ нашего госпиталя въ № 46 госпиталь на ст. Фратешти. Много мы всѣ хлопотали, снаряжая раненыхъ для этого транспорта. Къ намъ прибывали раненые почти всѣ безъ всякихъ свѣдѣній, если не считать за свѣдѣнія, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, именные списки въ такомъ родѣ: „Иванъ Сидоровъ, Андрей Харитоновъ, Артамонъ Филимоновъ" и т. д.

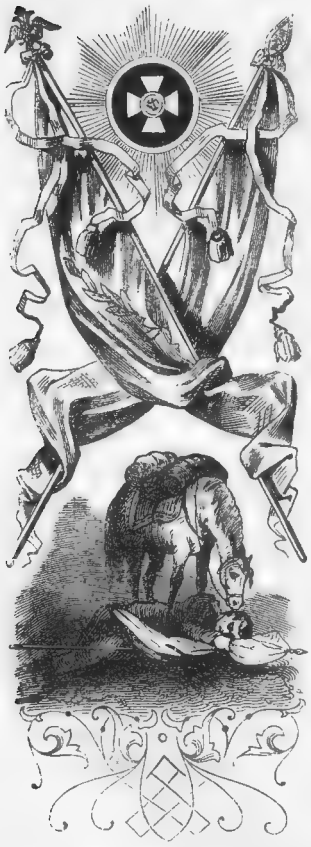
безъ обозначенія частей войскъ, къ которымъ она принадлежитъ, и съ отмѣткою, что всѣ они ранены. Намъ-же приходилось составлять свѣдѣнія, требуемыя правилами о транспортахъ. Наконецъ все было готово. Подводы начали прибывать къ 5 часамъ пополудни. Но... неожиданно подулъ сильный вѣтеръ, скоро превратившійся въ ураганъ съ дождемъ; снесло нѣсколько палатокъ; румынскія подводы убѣжали и транспортъ не состоялся на этотъ разъ. Выше упомянутый ординаторъ-хирургъ почти истерически разрыдался по этому случаю, а главный врачъ, ходя подъ дождемъ и вѣтромъ, сильно простудился и ночью заболѣлъ, какъ оказалось послѣ, опасно.

Такъ законченъ былъ первый фазисъ страдной поры № 47 военно-временнаго госпиталя. И я заканчиваю этимъ свой разсказъ, потому-что съ 31-го іюля, съ вступленіемъ въ должность главнаго врача старшаго ординатора-хирурга, госпиталь вступилъ въ новый фазисъ страдной поры, которому эвакуація придала новую окраску.

Старшій ординаторъ Кіевскаго военнаго госпиталя
статскій совѣтникъ **Деревянченко**.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ ДѢЛЪ

1, 2, 3 и 4-го батальоновъ 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, въ кампанію 1877—78 гг.



Батальоны полка принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ противъ турокъ, предпринимавшимися главными силами дѣйствующаго корпуса и Саганлугскимъ отрядомъ въ теченіи минувшей войны 1877—78 годовъ; но были дѣла, гдѣ полку пришлось играть болѣе или менѣе значительную роль.

5-го мая 1877 года въ 4½ часа пополудни 1-й и 4-й батальоны направлены были на форты Сингеръ и Казъ-Табія на правомъ берегу рѣки Куры въ общей оборонительной линіи укрѣпленій крѣпости Ардагана.

Еще при спускѣ съ Гюлла-Вединской высоты батальоны были сильно обстрѣливаемы учащено выпускаемыми артиллерійскими снарядами, съ переходомъ же на равнину, слегка подымающуюся къ холмамъ, увѣнчаннымъ верками названныхъ укрѣпленій, батальоны были буквально осыпаны неумолкавшимъ 2-хъ яруснымъ ружейнымъ огнемъ, развиваемымъ турецкой пѣхотой съ чрезвычайною скоростью.

Батальоны двигались въ тонкомъ строѣ, поротно въ двѣ линіи, хоръ полковой музыки, слѣдуя за 3-й ротой, игралъ Кюрякъ-Даринскій маршъ 1854 года.

Первый батальонъ, производившій фронтальную атаку Сингера, особенно пострадалъ: онъ былъ въ горячемъ ружейномъ огнѣ не болѣе 20-ти минутъ и потерялъ 124 человѣка убитыми и ранеными.

Люди шли быстрымъ неудержимымъ шагомъ, не стрѣляя, ружья вольно. Турки не выдержали и отъ одного вида этого отчаяннаго натиска, не доводя дѣло до рукопашнаго боя, оставили верки и бросились безпорядочною толпою къ мосту, чтобы укрыться въ укрѣпленіяхъ лѣваго берега Куры. Преслѣдуя непріятеля по пятамъ, батальоны, безъ особаго труда, овладѣли означенными укрѣпленіями и разсѣяли послѣдніе остатки защитниковъ Ардагана, бросившихся въ окрестныя горы.

2-му батальону и 3-й стрѣлковой ротѣ выпала доля вмѣстѣ съ бакинцами и тифлисцами атаковать фортъ Ахали и затѣмъ они выдержали ожесточенную свалку въ самомъ городѣ, гдѣ нѣкоторые непріятельскіе бѣглецы укрылись въ домахъ и защищались съ чрезвычайнымъ упорствомъ.

3-й батальонъ былъ въ резервѣ.

На разсвѣтѣ 6-го мая охотники лейбъ-Эриванскаго полка имѣли смѣлость первыми занять, считавшійся неприступной твердыней, фортъ Рамазанъ.

Этимъ закончилось полное овладѣніе Ардагана.

При отраженіи вылазки изъ Карса 3-го іюня подъ Аравартапомъ и 13-го іюня въ дѣлѣ подъ Зивиномъ части полка хотя не принимали особеннаго участія въ этихъ дѣлахъ, но тѣмъ не менѣе подъ Зивиномъ, два батальона полка, имѣя во главѣ подполковника Микеладзе, заняли удачную позицію и не допустили турокъ ударить во флангъ отступавшимъ нашимъ войскамъ.

13-го августа, послѣ нечаяннаго овладѣнія передовой нашей кизиль-тапинской позиціей, турки предприняли общее наступленіе противъ караяльскаго лагеря. Наши войска растянулись въ слабую боевую линію по недостатку силъ: эриванцы занимали крайній правый флангъ и упорно защищались, отражая попытки турокъ произвести охватъ, для чего, по временамъ, переходили въ наступленіе.

Во время извѣстнаго трехдневнаго боя 20, 21 и 22-го сентября подъ Аладжа-Дагомъ и Б. и М. Ягны только одинъ 3-й батальонъ принялъ непосредственное участіе въ дѣлѣ, будучи посланъ изъ резерва въ составъ лѣваго крыла нашихъ войскъ, гдѣ турки стали нѣсколько тѣснить нашу линію. Батальонъ этотъ значительно отличился, перейдя въ составѣ общей линіи въ наступленіе и занялъ такую позицію, что турки принуждены были въ безпорядкѣ отступать.

27-го сентября, когда турки оставили Кизиль-Тапу, 1-я бригада Кавказской гренадерской дивизіи, подъ предводительствомъ генералъ-лейтенанта Геймана, заняла передовыя турецкія позиціи у Субботана, причемъ имѣла горячую перестрѣлку съ турками. Въ этомъ дѣлѣ, ободренные отступленіемъ турокъ, всѣ чины полка соревновались между собой. Медики съ самоотверженіемъ избрали ближе къ боевой линіи

свой перевязочный пунктъ и полковой священникъ былъ раненъ въ грудь на-вылетъ, утѣшая раненыхъ и напутствуя умирающихъ.

Наступилъ знаменитый день 3-го октября—день разгрома арміи Мухтара-паши. Въ 7½ часовъ утра полкъ построили и было объявлено о приказаніи идти на Авліаръ, ключь Аладжинскихъ позицій—коническій холмъ, съ крутыми боками, унизанный многоярусными траншеями, по обыкновенію турокъ.

Батальоны тронулись, съ поддержкой отличнаго дѣйствія 64-хъ орудій, засыпавшихъ защитниковъ Авліара своими снарядами; однако турецкая пѣхота, засѣвшая въ значительномъ числѣ въ укрѣпленіяхъ, не подавалась и производила непрерывную ожесточенную стрѣльбу, по наступающей нашей пѣхотѣ.

Второй, третій, и четвертый батальоны, прикрываясь мертвымъ пространствомъ на склонѣ Авліара, залегли выжидая окончательнаго результата подготовки атаки.

При этомъ съ первымъ батальономъ произошелъ слѣдующій эпизодъ:

Батальонъ этотъ, двигаясь на Авліаръ и составляя поддержку 3 батальона, совершенно неожиданно подвергнулся весьма серьезному фланговому огню. Командиръ батальона флигель-адъютантъ маіоръ фонъ-деръ-Нонне, подъ самымъ губительнымъ огнемъ съ Авліара, повернулъ фронтъ и повелъ батальонъ на встрѣчу новой, повидимому грозной силѣ, наступавшихъ турокъ. Батальонъ, памятуя незабвенный Ардаганскій штурмъ, также лихо и беззастѣнчиво отважно и стремительно бросился на центръ турецкихъ батальоновъ, высланныхъ съ Визинкева въ числѣ 7, во флангѣ русскихъ войскъ, атаковавшихъ Авліаръ. Эта значительная сила не выдержала натиска и, обдавая батальонъ горячимъ огнемъ, отступила въ своемъ центрѣ, но загнула впередъ фланги своей длинной линіи и такимъ образомъ 1-й батальонъ былъ почти окруженъ и подвергался разстрѣлу на выборъ. Однако батальонъ держался, какъ скала: роты Его Величества и 1-я стрѣлковая потеряла половину людей. Полковой командиръ, ознакомившись съ положеніемъ дѣла, испросилъ разрѣшеніе начальника колонны привести 1-й стрѣлковый Его Высочества батальонъ на помощь, а затѣмъ саперъ.

Съ приходомъ этихъ частей, турки были отброшены и на ихъ плечахъ со стороны Авліара наши войска заняли Визинкевскія высоты, встрѣтившись съ обходной колонной генералъ-лейтенанта Лазарева.

Въ это время артиллерія продолжала громить Авліаръ, но турки не отступали. Понадобилась энергическая атака. Приказаніе было дано: слившись въ одну линію, 2, 3 и 4-й батальоны выскочили изъ закрытаго пространства и двинулись для рѣшительнаго наступленія. Турки стрѣляютъ безъ умолку, артиллерія наша затихла.

Трудно подниматься по отвѣснымъ скатамъ Авліара, но турки,

сильно разстроенные нашимъ губительнымъ артиллерійскимъ огнемъ, не выдерживаютъ и въ безпорядкѣ бѣгутъ изъ своей крѣпкой позиціи.

Дѣло это дорого стоило полку: 1 офицеръ убитъ, 14 ранено и 405 нижнихъ чиновъ ранено и убито.

23-го октября соединенныя силы Саганлугскаго и Эриванскаго отрядовъ овладѣли извѣстной своею неприступностью Деве-Бойнскою позиціею. Эриванцамъ выпало на долю преслѣдовать противника, при чемъ у отступавшихъ въ безпорядкѣ турокъ охотниками отбито четыре и 4 батальономъ 11 орудій.

Въ ночь съ 27-го на 28-е октября пришлось совершить въ высшей степени лихое движеніе, въ обходъ, по снѣгамъ Паланъ-Текенскаго хребта, черезъ 11 т. футовую высоту; но извѣстно, что штурмъ Эрзерума не состоялся, какъ предположено было, и 1-я бригада Кавказской гренадерской дивизіи отступила отъ предстоявшаго передъ ней 2-хъ верстнаго фронта долговременныхъ укрѣпленій, приспособленныхъ главнымъ образомъ противъ атаки открытою силою.

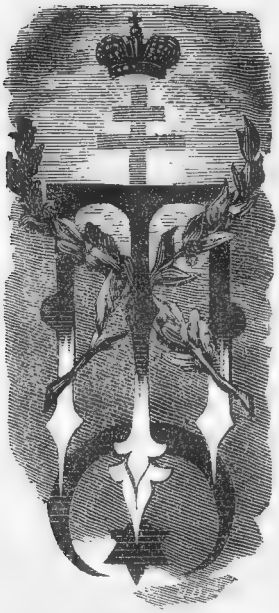
Въ отличіяхъ, оказанныхъ полкомъ въ минувшую войну, слѣдуетъ упомянуть и о тѣхъ необыкновенныхъ трудахъ, перенесенныхъ полкомъ при стоянкахъ на Деве-Бойну, среди глубокой и суровой зимы, на высотѣ $7^1/_2$ тыс. футъ, при частыхъ и опасныхъ мятеляхъ, съ строжайшимъ соблюденіемъ сторожевой службы, что требовалось блокадой Эрзерума.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ПИСЕМЪ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ

въ кампанію 1877—1878 гг.

Кишиневъ, 17-го мая 1877 года.



Дорога наша изъ Петербурга въ Кишиневъ оставила во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Проводы наши въ Петербургѣ, страшная толпа, даже толкотня на вокзалѣ, прощанье, разставаніе съ родными и знакомыми, сознанье всей серьезности предстоящей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то радостное увлеченье, все это не могло не встревожить каждую изъ насъ; такъ что, когда поѣздъ тронулся съ вокзала Николаевской желѣзной дороги, всѣ призадумались, но не надолго, пришлось устроиться поудобнѣе, разобрать вещи и заняться ѣдой, чтобъ уменьшить багажъ, такъ какъ каждая изъ сестеръ была завалена лакомствами при отъѣздѣ, въ такомъ количествѣ, что трудно было размѣстить все.

Насъ было 16 сестеръ и составъ ихъ самый симпатичный при всемъ своемъ разнообразіи. Ѣхали мы очень удобно и свободно до Кіева, но тамъ не оказалось приготовленнаго вагона и мы очутились на платформѣ съ нашимъ багажемъ въ ожиданіи переговоровъ нашего уполномоченнаго съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ. Ждали мы такимъ образомъ очень долго и были сильно утомлены, но никто не унывалъ подъ прелестью впечатлѣнія въѣзда въ Кіевъ. Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-нибудь восхитительнѣе вида,—на широко разлившійся Днѣпръ и Кіевъ въ этотъ чудный весенній вечеръ, подъѣзжая къ городу. Переговоры на вокзалѣ окончились неуспѣшно; рѣшено было,

къ большой нашей радости, прожить сутки въ Кіевѣ. Пришлось размѣститься по разнымъ отелямъ—всѣмъ вмѣстѣ не оказалось мѣста въ одномъ. Я съ своей компаніей остановилась въ Grand Hôtel и это было послѣдній разъ въ нашемъ походѣ, что мы прожили съ удобствами, по-европейски. Хорошо, отдохнувъ мы употребили весь день на осмотръ города. Лавра и пещеры, при всемъ своемъ интересѣ, оставили на меня тяжелое впечатлѣніе, вслѣдствіе массы нищихъ и калѣкъ, — этими несчастными уродами буквально усыпаны дворъ и ходъ въ пещеры. За то видъ на Днѣпръ и городъ съ „Аскольдовой могилы“ и отъ памятника Владиміра Св. очарователенъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, мы выѣхали изъ Кіева и почти безъ остановокъ доѣхали до Кишинева. Здѣсь насъ встрѣтили уполномоченные Краснаго Креста и отвели намъ помѣщеніе въ зданіи Кишиневской гимназіи.

19-го мая.

Кишиневъ ничего не представляетъ интереснаго: пыль страшная, днемъ жара невыносимая; вся торговля въ рукахъ евреевъ. Въ городѣ масса докторовъ, сестеръ, студентовъ и проч. медицинскаго персонала, всѣ ждутъ назначенія и томятся пока въ бездѣйствіи. Устраиваются этапные пункты Краснаго Креста отъ Яссъ до Дуная, на каждомъ пунктѣ назначаются по двѣ сестры, одинъ докторъ и фельдшеръ на 14 или 28 кроватей. Князь Черкасскій произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе, о дѣятельности его пока судить нельзя. Штабъ у него большой и состоитъ преимущественно изъ свѣтскихъ молодыхъ людей. Мы всѣ представлялись кишиневскому архіерею—личность очень пріятная и котораго всѣ здѣсь любятъ и уважаютъ. Жители Кишинева разсказываютъ, что войска вступили въ походъ чрезвычайно весело и бодро.

23-го мая.

Все еще томимся въ Кишиневѣ—со дня на день ожидая вызова изъ Плоешти отъ кн. Черкасскаго. Извѣстій все нѣтъ. Доктора нѣкоторые уѣхали давно, но говорятъ не доѣхали до мѣста назначенія; на желѣзной дорогѣ страшная задержка изъ-за провалившагося моста. Съ Дуная пишутъ, что дожди продолжаются и разлитіе воды не уменьшается. Отъ нечего дѣлать занялись изученіемъ турецкаго языка, но это мало насъ утѣшаетъ; скука дѣйствуетъ раздражительно на многихъ, и начинаютъ ворчать на безпорядки, особенно когда узнаютъ, что на пунктахъ еще ничего не приготовлено, переходъ же черезъ Дунай можетъ на дняхъ состояться. Обидно будетъ, если насъ выпишутъ, когда раненые будутъ уже на мѣстѣ.

24-го.

Все еще не знаемъ когда ѣдемъ, и нельзя похвастаться порядками: разсказываютъ, что палатка, отправленная на одинъ изъ пунктовъ, проѣхала мимо, и теперь катается. Скука страшная, сегодня меня спасла кишиневская знакомая, съ которой гуляя, я въ первый забрелась въ довольно красивый садъ, откуда прелестный видъ на окрестность Кишинева. Красивые зеленые холмы тянутся въ безконечное пространство—лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ, изрѣдка виднѣется букетъ пирамидальныхъ тополей, да фруктовые деревья около чистенькихъ молдаванскихъ мазанокъ. Вечеръ былъ хорошій, воздухъ мягкій, душистый, холмы красиво освѣщались при заходѣ солнца, такъ что вечеромъ я осталась довольна и вернулась веселѣе обыкновеннаго къ ужину, къ вечерней молитвѣ, и ко всей нашей неинтересной обстановкѣ.

Общество здѣсь въ Кишиневѣ дѣлится на военное русское и молдаванское, которое очень чванится и говорятъ скучное: большая часть ихъ набралась парижскаго лоска, воспитываясь во Франціи, но мало образована, особенно женщины.

27-го.

Мы всѣ начинаемъ унывать; судя по началу, грустно думается,—будетъ ли порядокъ впослѣдствіи; на пунктахъ надо много чего устроить, а до сихъ поръ ничего еще нѣтъ! Какъ-то примутъ больныхъ?

Въ видѣ развлеченія, мы втроемъ сегодня туристами отправились черезъ весь Кишиневъ на станцію, осмотрѣть санитарный поѣздъ, совершенно готовый для перевозки больныхъ. Дорогой бесѣдовали съ солдатами, которые всѣ съ нами очень обходительны и охотно говорятъ. Нѣкоторые изъ нихъ сторожили на плацу складъ понтоннаго моста, состоящій изъ лодокъ, сложенныхъ на фурахъ, въ которыя впрягаются по шести лошадей. Этотъ мостъ уже служилъ на Днѣстрѣ, привезенъ изъ Курляндіи и отправится также на Дунай. Солдаты всѣ имѣютъ бодрый, здоровый и веселый видъ, и такъ и стремятся поскорѣй къ „рѣкѣ“, какъ они выразились. Одинъ изъ нихъ даже такъ увлекся, что сказалъ „не только къ туркѣ заберемся, а въ Индіи скоро будемъ“.

Много говорятъ о случаѣ съ „несчастнымъ Кузьминымъ“. Этотъ отчаянный сорванецъ, который мальчикомъ еще попалъ къ туркамъ въ плѣнъ, затѣмъ бѣжалъ къ Черногорцамъ, прошлое лѣто воевалъ въ Сербіи—имѣлъ два Георгія, золотую саблю и двадцать ранъ, былъ два раза разжалованъ и теперь находясь подъ судомъ умудрился подойти къ Государю въ Унгенахъ и просить его о помилованіи. Потомъ же, отойдя всего на нѣсколько шаговъ—вонзилъ въ себя кинжалъ и черезъ десять минутъ скончался. Онъ былъ герой, но никуда не годный въ

правильномъ войскѣ. Изъ за его упорства въ Сербіи погибло 11 человѣкъ безъ всякой пользы. Онъ не умѣлъ подчиняться кому бы то ни было, а дѣйствуя самостоятельно, часто дѣлалъ глупости.

Яссы, 3-го іюня.

Вчера наконецъ выбрались изъ Кишинева огромнымъ обществомъ, такъ какъ кромѣ насъ ѣхали фельдшерицы и прислуга, состоящая большею частію изъ монашенекъ, послушницъ окрестныхъ монастырей. Ѣхали мы довольно медленно, останавливаясь иногда среди поля и на станціяхъ ничего не находили, такъ какъ передъ нами ѣхалъ поѣздъ съ понтоннымъ мостомъ и піонерами, которые опустошали буфетъ каждой станціи. Мѣстность, по которой мы ѣхали, довольно красивая—все холмы, виноградники, поля, а переѣхавъ Прутъ—долго тянутся зеленые луга и масса болотныхъ птицъ, летающихъ тутъ, порадовала бы сердца нашихъ сѣверныхъ охотниковъ.

Каждый изъ насъ, переѣзжая Прутъ, хорошо запомнилъ видъ моста и даже фонарь и двухъ часовыхъ, стоящихъ на срединѣ его. Тутъ мы простились съ Россіей. Въ Яссы мы опоздали къ соотвѣтствующему поѣзду, такъ что пришлось здѣсь остановиться. Пообѣдавъ въ вокзалѣ, мы поѣхали въ какой-то раззоренный дворецъ, предоставленный Красному Кресту—тамъ мы нашли прекрасныя стѣны, потолки, и много простору, но больше ничего, такъ что ночлегъ свой устроили совершенно по походному. Городъ небольшой, но прехорошенькій; старая Митрополія, которая такъ и не докончена, имѣетъ древній красивый видъ. Мѣстный садъ и прогулка „Còpo“ прелестна. Кучера-извощики все больше русскіе изъ Орловской губерніи, давно поселившіеся тутъ—отлично содержатъ лошадей и хорошо ѣздятъ. Сегодня же уѣзжаемъ отсюда, чтобы размѣститься по этапнымъ пунктамъ въ Румыніи.

6-го іюня. Съ одного изъ пунктовъ.

Этапные пункты *) въ Румыніи имѣютъ цѣлью задерживать слабыхъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ дальше везти нельзя, и всѣ находятся на линіи желѣзной дороги. Пунктъ, на которомъ я нахожусь,

*) Этапные пункты оказались впослѣдствіи неудавшейся попыткой Краснаго Креста, всѣ кромѣ Команскаго были уничтожены, медицинскій персоналъ переведенъ въ Болгарію, матеріалъ Краснаго Креста обратно перевезенъ въ Бухарестъ, а работа и устройство пропали даромъ. Впослѣдствіи, при существующей потребности въ силахъ Краснаго Креста,—эти этапные пункты оказали бы слишкомъ ничтожную помощь. Медицинскій персоналъ былъ слишкомъ великъ на такое число, какъ четырнадцать и даже двадцать восемь кроватей,—уменьшить же его также было неудобно, такъ какъ предстоящія операціи и уходъ за слабыми, требовали присутствій не одного лишь врача.

обладаетъ лучшими условіями, будучи въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ станціи, въ отличной здоровой мѣстности въ хорошо устроенномъ помѣстьи. Больныхъ можно будетъ легко переносить на носилкахъ, прямо съ поѣзда въ устроенную для нихъ палатку. Медицинскій же персоналъ помѣщается въ большомъ помѣщичьемъ домѣ со всѣми удобствами. Тутъ же мы пользуемся большимъ стариннымъ садомъ, всевозможными кладовыми, кухней, прачечной; провизію достаемъ здѣсь же, легко и дешево, ежедневно, на жидовскомъ базарѣ. Однимъ словомъ, устроиться можно отлично и больнымъ безъ сомнѣнія будетъ хорошо.

Благодаря стараніямъ нашего доктора, работа и окончательное устройство нашего пункта идетъ успѣшно и въ день все будетъ готово. Изъ Бухареста изъ склада Краснаго Креста присылается бѣлье, посуда, аптека перевязочный матеріалъ и все нужное для обзаведенія.

Съ другихъ пунктовъ, къ сожалѣнію, мнѣ пишутъ, что окончательное устройство предвидиться еще не скоро—много представляется затрудненій. Многіе жалуются, что кн. Черкесскій весь поглощенъ уже проектами о Болгаріи, а о Красномъ Крестѣ мало думаетъ. Въ ожиданіи больныхъ, дѣятельность моя заключается въ разборкѣ вещей, устройствѣ хозяйства, набираніе свѣдѣній по этой части и изученіе молдаванской деревенской жизни.

Здѣсь много армянъ и еще больше евреевъ. Рано утромъ здѣшній еврейскій базаръ представляетъ не безъинтересную картину.

Бухарестъ, 9-го іюня.

Не долго пришлось мнѣ пожить въ деревнѣ. Вчера меня и нѣсколько другихъ сестеръ, съ разныхъ пунктовъ, выписали по телеграфу въ Бухарестъ, чтобы попасть въ составъ предполагаемаго летучаго санитарнаго отряда. Я очень обрадовалась предстоящей перемѣнѣ и какъ не заинтересована была только что начатымъ дѣломъ и знакомствомъ съ окружающимъ и людьми—товарищи по дѣлу, а даль, неизвѣстность и все новое, животрепещущее интересовало и манило меня впередъ.

Всю ночь была въ дорогѣ, утромъ проѣздомъ любовалась праздникомъ видомъ Плоештъ и видѣла Государя со всей свитой. Я забывала, что ѣду по Румыніи, все кругомъ было русское,—пассажиры, комендантъ на станціяхъ, даже россійская руготня раздавалась по временамъ въ багажномъ отдѣленіи, одни кондуктора напоминали о дѣйствительности.

Пріѣхавъ въ Бухарестъ, я прямо съ поѣзда попала въ складъ Краснаго Креста, гдѣ такъ и кипѣла работа. Весь дворъ былъ заваленъ тюками, а въ домѣ происходила укладка, раскладка вещей, приготовленіе перевязочнаго матеріала, гипсовыхъ бинтовъ и проч. проч. Домъ, который былъ приготовленъ для помѣщенія сестеръ на главной улицѣ „Магашонъ“,

очень хорошъ, но насъ такъ много, что мы едва помѣщаемся; тѣснота ужасная, масса незнакомыхъ лицъ кругомъ, а съ улицы доносится страшный шумъ;—начинается „Корсо“, обычное катаніе въ южныхъ городахъ; румыны, русскіе въ коляскахъ такъ и снуютъ одни за другими по единственно оживленной улицѣ Бухареста и ѣдутъ дальше за городъ. Говорятъ секретно, что сегодня, въ три часа ночи состоится переходъ черезъ Дунай, но все держится въ ужасной тайнѣ, и неизвѣстно гдѣ именно предполагается переходъ. Мы трогаемся завтра, но еще неизвѣстно куда.

12-го іюня, Дубовый лѣсъ, въ 35-ти верстахъ отъ Александріи.

Пишу съ нашей стоянки въ лѣсу, гдѣ мы расположились для кормленія лошадей и укрываемся отъ жары и пыли. Настоящій походъ начался. Выѣхали мы изъ Бухареста довольно таинственно вчера въ девять часовъ вечера. Сборнымъ пунктомъ былъ складъ Краснаго Креста. Сборы, укладка, проводы — все было очень замѣчательно и составляла преживописную картину: этотъ огромный дворъ склада, загроможденный фурами, колясками, лошадьми, волами, ослами, баранами въ видѣ живой провизіи, санитарами, разнощиками, у которыхъ, сестры сидя на тюкахъ, покупали вишни; доктора, уполномоченные—всѣ хлопотали, говорили, однимъ словомъ—настоящій базаръ представлялъ собой этотъ дворъ.

Послѣ продолжительныхъ сборовъ, мы наконецъ усѣлись въ длинные фургоны Краснаго Креста и караванъ нашъ тронулся, сопровождаемый пожеланіями, прощаньемъ и криками набравшейся у воротъ толпы. Насъ было 19 сестеръ въ фургонахъ; доктора и санитары ѣхали въ болѣе легкихъ экипажахъ, а уполномоченные верхомъ. Едва выѣхали изъ города, какъ начались остановки, задержки; — лошади были худо объѣзжены, кучера разныхъ національностей—молдаване, нѣмцы, русскіе—оказались плохими; при этомъ быстро стемнѣло и кончилось тѣмъ, что потерявъ проводника, отрядъ нашъ незамѣтно разъединился съ уполномоченными и однимъ изъ фургоновъ. Долго ждали ихъ, наконецъ рѣшили ѣхать, въ надеждѣ современемъ соединиться, такъ какъ въ Александрію ведутъ двѣ дороги. Ѣхали всю ночь, путались съ дороги, имѣли бездну приключеній, между прочимъ, лошади понесли фургонъ, когда въ немъ оставалось всего одна сестра, она счастливо выскочила на всемъ ходу, но въ темнотѣ долго искали пропавшихъ лошадей и фургонъ. Наконецъ все устроилось, и вотъ уже наша третья стоянка совершенно походнаго вида. Мы даже голодаемъ, такъ какъ провизія осталась въ отставшемъ или перегнавшемъ насъ фургонѣ. До Александріи еще 35 верстъ—про армію ничего не знаемъ вѣрнаго,—проѣзжій корреспон-

дентъ англичанинъ говорилъ, что въ Браиловѣ дерутся. Мѣстность, по которой мы ѣдимъ, не особенно живописная—деревни бѣдны, ничего въ нихъ недостать, все кукурузныя поля,—лѣсу мало.

13-го іюня, Александрія—временная стоянка.

Только что устроилась, утолила голодъ и жажду и поселилась съ двумя другими сестрами въ чистой коморкѣ отдѣльной хаты, при которой садикъ и балконъ, такъ что на счетъ удобства, въ настоящую минуту я совершенно удовлетворена. И такъ приступлю къ окончанію разсказа нашего похода изъ Бухареста.

Послѣ третьей стоянки въ лѣсу, которая меня очень освѣжила, мы снова тронулись въ прежнемъ порядкѣ. Дорогой узнали про отсутствующихъ, что они опередили насъ на часъ времени; успокоившись на этотъ счетъ, мы ѣхали веселѣе—ночь была чудесная, лунная и по всей дорогѣ тянулись солдаты,—роты, догонявшія свои полки, военные обозы,—вообще попали въ совершенно военную походную обстановку. Нѣкоторыхъ, усталыхъ, едва тащившихся солдатиковъ, мы помѣстили къ себѣ на ступеньки фургоновъ, освободивъ ихъ отъ ноши тяжелаго ружья, и всю дорогу проболтали съ ними. Эти люди, которые шли на страшный трудъ и смерть, внушали уваженіе и любовь къ себѣ и отрадно было думать, что хоть трудъ придется съ ними раздѣлить, а въ тяжелыя минуты и облегчить нѣкоторымъ образомъ. Тянулись мы такъ въ страшной пыли, на измученныхъ лошадяхъ, въ раскиснувшей компаніи до самой Александріи, проѣзжая мимо лагерно расположившихся полковъ. Дорогой, тянувшіеся пѣшкомъ солдаты иногда провожали насъ пѣніемъ, между прочими, пропѣли заунывную пѣсню, о томъ, какъ они тянутся къ Дунаю; пробовали ихъ сухари, выслушали жалобу, что приходится сорокъ верстъ въ день идти, что спасибо хоть ранцы отобрали и везутъ на волахъ съ молдаванами, и то хорошо. Вообще же они радуются, что идутъ на турку-нехриста, но прибавляютъ, что домой ужъ не вернуться, за Дунаемъ получить придется „вѣчную отставку“.

Въ три часа ночи въѣхали въ Александрію, сдѣлалось темно и холодно, всѣ спали, пришлось стучаться, добиваться отвѣтовъ о жительствѣ кн. Черкасскаго, а о складѣ, о нашихъ, — ничего нельзя было узнать. Доѣхавъ до единственной въ городѣ гостинницы, узнали, что помѣщенія нѣтъ—все переполнено спящими и на прощанье веселившимися военными. Положительно не зная, куда дѣваться, мы повернули несчастныхъ коней своихъ и въѣхали на какой то маленькій плацъ, около военнаго лазарета и тутъ рѣшились ожидать утра—отпрегли и расположились на ночлегъ. Уступивши свое мѣсто въ фургонѣ, я со многими другими, развернувъ свой вьюкъ, устроились просто, подъ не-

бесснымъ сводомъ. Голодная, усталая, я заснула богатырскимъ сномъ и потеряла всякое сознаніе, такъ что въ пять часовъ утра, когда меня разбудили голоса, я сразу ничего не поняла, вскочила какъ въ бреду, а затѣмъ стало очень весело и смѣшно, осмотрѣвъ все окружающее. Мы узнали наконецъ, что наши ждутъ насъ и тоже едва нашли себѣ помѣщеніе. Стали собираться, укладываться на площади, гдѣ кромѣ насъ находились еще обозы, волы и проч., мимо по дорогѣ начали уже проходить войска съ музыкой, иногда съ пѣніемъ. Множество простыхъ женщинъ и дѣтей, не знавши что ночью мы тутъ поселились, прибѣжали на насъ смотрѣть, обступили меня, гладили, жалѣли, спрашивали—боюсь ли я турокъ, все по своему по-румынски, предлагали свою квартиру.

Къ одной изъ нихъ я отправилась съ другими сестрами пить кофе, ужасную бурду на турецкій манеръ, и варенье съ водой, обычное румынское угощеніе.

Тутъ собрались многіе члены нашего отряда, и оказалось, что тѣмъ, которые насъ опередили, также не посчастливилось: всѣ заблудились, растерялись и бѣдствовали.

Мы усѣлись въ свои фургоны и черезъ весь городъ направились къ нашей настоящей квартирѣ; дорогой встрѣтили верхомъ всѣхъ членовъ главной квартиры, переѣзжающихъ дальше.

Мы всѣ теперь кое-какъ размѣщены, но не знаемъ, куда именно ѣдимъ завтра,—всѣ новости содержутъ въ большой тайнѣ.

Александрія, 14-го іюня.

Уѣзжаемъ отсюда завтра чѣмъ-свѣтъ въ Піатру. Многіе изъ докторовъ уже уѣхали, мы-же закупаемъ провизію и готовимся къ будущимъ бѣдствіямъ. Александрія—невзрачный городишка, русскихъ тутъ ужасно много, многіе другъ друга ищутъ, и находятъ; всѣ стремятся дальше и боятся опоздать. Вчера былъ слухъ, что Рущукъ бомбардируется. Расположились мы здѣсь по разнымъ домамъ, какъ солдаты; наша хозяйка очень забавная женщина и говоритъ по-русски. Всѣ домики и дворы чрезвычайно чисты, но питаются здѣсь скверно, больше все кукурузою, хлѣбъ дорогъ и гадокъ, молока коровьяго лѣтомъ совсѣмъ не достать, одно овечье и буйволочное, изъ котораго дѣлаютъ отвратительный творогъ и простоквашу, а масло и совсѣмъ не дѣлаютъ. Заходили въ церковь здѣсь, которая ужасно бѣдно выглядитъ, поютъ плохо, съ какимъ-то завываньемъ и къ службѣ относятся немного безцеремонно; поютъ на клиросѣ въ жилетахъ и дырявыхъ рейтузахъ.

Зимница, 20-го іюня.

Большое историческое событіе пережито нами 15-го іюня—славный переходъ черезъ Дунай долго останется въ памяти у всѣхъ. Честь и слава нашимъ, да дай Богъ здоровья туркамъ, что позволили нашимъ перейти къ себѣ въ гости, потерявъ только нѣсколько сотенъ людей, а не десятокъ тысячъ, какъ всѣ ожидали. Невольно вспомнишь мнѣніе нашего кишиневскаго профессора: „турки очень добрый народъ" (когда они бѣгутъ отъ непріятеля). Говорятъ, мы скоро послѣдуемъ за ними въ Болгарію, а пока работаемъ здѣсь, при военномъ госпиталѣ. Всѣ радуются, что раненыхъ не много, но, Боже мой, какъ на первый разъ моему непривычному взгляду ихъ показалось много.

Теперь я освоилась съ видомъ этихъ страждущихъ людей, но первыя минуты были очень тяжелыя. Вслѣдствіе какихъ-то контровъ или просто недоброжелательства, или желанія обойтись безъ помощи „Краснаго Креста", насъ извѣстили слишкомъ поздно; когда мы пріѣхали въ Зимницу, къ 5-ти часамъ, то переходъ былъ уже совершенъ и мы могли-бы давно тутъ работать. Изъ Александріи уже была слышна пальба; нетерпѣніе и волненіе наше достигло крайнихъ предѣловъ; когда пріѣхали въ Піатру, гдѣ приготовленъ былъ военный госпиталь на 800 кроватей, насъ хотѣли задержать въ виду того, что не было еще офиціальнаго приказа намъ двигаться впередъ; между тѣмъ, было извѣстно, что мы назначены на первый перевязочный пунктъ. Къ этому же госпиталю, въ Піатрѣ, были прикомандированы сестры другой общины. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, мы поѣхали дальше и тутъ начались тяжелыя впечатлѣнія: мы встрѣчали обозъ за обозомъ раненыхъ и всѣ насъ торопили въ Зимницу, гдѣ ихъ много было; лошади едва тащили насъ въ пыли по страшной жарѣ, такъ что измученныя, грязныя мы доѣхали до Зимницы; едва отыскали свой пунктъ, гдѣ лежали еще не перевязанные раненые, и сейчасъ-же принялись за работу. Картина была потрясающая: одному вынимали пулю, другимъ дѣлали операціи, а третьихъ перевязывали, все на одномъ дворѣ, на носилкахъ. На ночь всѣхъ внесли въ палатку, гдѣ я осталась дежурной. Эта первая ночь среди стоновъ и умирающихъ людей всегда останется мнѣ памятной. Спасибо добрымъ докторамъ: какъ они не уставши были, а все, то одинъ, то другой забѣгали до 3-хъ часовъ ночи; случилось кровотеченіе одно, затѣмъ двое тяжело раненыхъ скончались, и только къ утру большая часть изъ нихъ пріуспокоилась. Утромъ пришлось позаботиться о своемъ помѣщеніи, которое у насъ очень не завидное: злая хозяйка-румынка не можетъ переварить нашего вторженія въ ея домъ и всячески надоѣдаетъ намъ. Видъ на Дунай отличный, но имъ почти не приходится мнѣ любоваться, такъ какъ военный госпиталь, въ кото-

рый мы ходили работать, расположенъ далеко отъ берега и въ самой неотрадной мѣстности. Питаемся мы очень худо, и ничего нельзя достать; все, что было, говорятъ, перевезено на ту сторону, въ Систово.

Больныхъ нашихъ по немногу перевозятъ въ Піатру, такъ что работы сравнительно не много. Эвакуаціонный способъ можетъ быть очень хорошъ, но имѣетъ свою грустную сторону для больныхъ и для сестеръ. Только что привяжешься къ больному, принаровишься ко всѣмъ его требованіямъ, какъ приходится его отправлять, со страхомъ думая: доѣдетъ-ли онъ? Солдаты тронули меня своимъ терпѣніемъ, сердечностью и благодарностью; много пришлось для нихъ писемъ писать, которые всѣ почти на одинъ ладъ, изрѣдка попадается что-нибудь своеобразное. Одинъ изъ моихъ больныхъ, молодой казакъ съ Дона, даже поразилъ меня своей поэтичностью; выпишу начало письма, продиктованное мнѣ имъ, а именно:

„Господь, благослови сіе письмо писать и на тихій Донъ послать. Лети листокъ отъ Запада на Востокъ, лети взвиваясь, не дайся никому, а дайся тому, который милъ сердцу моему". Въ этомъ родѣ было-бы все письмо, но, къ несчастью, пришлось прервать это поэтическое посланіе и закончить дѣловымъ извѣстіемъ о его болѣзни, такъ какъ пора было снаряжать нѣкоторыхъ въ дальній госпиталь. Плѣнные турки на видъ красивый, здоровый народъ. Государь часто посѣщаетъ больныхъ; противъ того дома, въ которомъ онъ остановился, черезъ дорогу расположена палатка братьевъ Рыжовыхъ.

Зимница, 22-го іюня.

На-дняхъ ушелъ отсюда болгарскій отрядъ, маршрутъ его секретно назначенъ на Тырновъ одной частью, на Сильво — другой, затѣмъ онъ долженъ соединиться и идти за Балканы. Мимо палатки проходили всѣ болгарскіе солдаты—мелкій, но красивый, здоровый народъ и все больше молодежь; проходили они съ пѣніемъ на довольно красивый мотивъ.

Сейчасъ заходила въ палатку Рыжевыхъ, гдѣ была свидѣтельницей страшной сцены — умиралъ болгаринъ съ просверленнымъ черепомъ и страшно отдѣланный турками; около него выла жена его съ зажженой восковой свѣчей, по болгарскому обычаю, и въ то-же время раздались звуки чудесной увертюры изъ „Карла Смѣлаго", такъ хорошо исполненной преображенскимъ оркестромъ,—контрастъ поразительный! Тутъ-же, у Рыжевыхъ, лежитъ молодой матросъ гвардейскаго экипажа, который чуть не утонулъ, и страшно раненый приплылъ къ острову, на которомъ и прожилъ одинъ цѣлыхъ пять дней, безъ всякой пищи, пилъ одну дунайскую воду и самъ кое-какъ обмывалъ свою рану, которая, конечно, страшно загноилась и обзавелась уже червями, когда на него наткнулись. Я была въ госпиталѣ, когда его принесли туда и первая его накормила и напоила виномъ, потомъ его отнесли къ Рыжеву, гдѣ было

уже извѣстно о немъ. Великій Князь Алексѣй Александровичъ принесъ ему Георгіевскій крестъ, съ которымъ онъ и лежитъ теперь въ ужасныхъ страданіяхъ. Лицо у него необыкновенно выразительно и симпатично, это—герой дня, всѣ его посѣщаютъ и балуютъ.

Вчера хоронили офицера гвардейской артиллеріи Тюрбуже, который утонулъ при переправѣ. Много русскихъ могилъ останется въ Болгаріи.

Зимница, 27-го іюня.

Эти дни я была въ отсутствіи, ѣздила въ одинъ изъ придунайскихъ городовъ, принять и отвезти раненыхъ, предоставленныхъ на произволъ судьбы, такъ какъ лазаретъ, въ которомъ они находились, двигается впередъ. Перевозить-же куда-бы то ни было только что ампутированныхъ больныхъ было неудобно. Докторъ этого лазарета, оставляя своихъ пацiентовъ безъ попеченія, очень обрадовался помощи „Краснаго Креста“ въ этомъ случаѣ, и передавая мнѣ ихъ, указалъ на все то, на что нужно будетъ обратить вниманіе.

Принимая этихъ несчастныхъ на свою отвѣтственность, признаюсь, я была не совсѣмъ покойна. Перевязка ампутированныхъ членовъ первое время производитъ всегда большое впечатлѣніе; опытности было у меня еще не много, къ тому-же сами больные, успѣвшіе привязаться къ доброму доктору, съ волненіемъ, какъ мнѣ показалось, и нѣкоторой боязнью разставались съ нимъ, но, къ великой моей радости, мы сейчасъ-же подружились и поладили какъ нельзя лучше.

Перевязывала я ихъ на другой день вмѣстѣ со студентомъ-медикомъ и все пошло отлично.

Пришлось кое-что купить, обзавестись всѣмъ необходимымъ, такъ какъ лазаретъ увезъ все, что было, и самимъ кормить ихъ. Во всемъ помогъ, какъ и устроилъ, уполномоченный „Краснаго Креста“, а вчера пріѣхалъ изъ Зимницы докторъ, съ которымъ перевязавъ больныхъ на дорогу, уложивъ какъ можно лучше, съ большей осторожностью, мы свезли и сдали ихъ въ ближайшій госпиталь, гдѣ очень грустно мнѣ было съ ними разстаться. Это было ночью, долго пришлось ждать и будить кого слѣдовало, пока ихъ приняли; кругомъ, изъ палатокъ, среди ночной тиши, раздавались изрѣдка стоны другихъ страдальцевъ, къ которымъ присоединили и моихъ; растасовавъ ихъ предварительно по качеству ихъ ранъ и свободныхъ мѣстъ. Окружающая обстановка не могла особенно симпатично подѣйствовать на больныхъ, утомленныхъ пыльной, тяжелой дорогой и безсонницей, и одинъ изъ нихъ, самый слабый, вдругъ зарыдалъ... Больно было это слышать, но дѣло вѣдь было окончено, пришлось уйти, наскоро простившись съ нимъ и поручивъ его попеченію дежурной ночной сестрѣ. Пріѣхала я сюда, въ Зимницу, усталая, за-

пыленая, нашла наше помѣщеніе сократившимся еще на одну комнату, въ другія-же, занятыя нами, на ночь вносятъ носилки для сестеръ и ими загромождается вся комната. Народу прибыло въ Зимницу такъ много, что буквально нѣтъ свободнаго уголка. Съ большой благодарностью я приняла указаніе одной сестры на какой-то курятникъ со складомъ разнаго хлама, уголъ, которымъ обладала еще наша неугомонная хозяйка и куда, въ видѣ большой любезности, она пускала кое-кого изъ сестеръ для приведенія своего туалета въ порядокъ. На нашемъ крошечномъ дворѣ стоятъ походныя палатки какихъ-то проѣзжихъ иностранцевъ, тутъ-же и кухня наша походная и жилье санитаровъ подъ небеснымъ сводомъ, и многое другое. Обѣдаемъ-же мы, вообще питаемся, въ проходномъ корридорѣ нашего дома и больше стоя, за неимѣніемъ мѣстъ и мебели.

Зимница крайне не привлекательна; я рада, что эти дни отдохнула хоть отъ ея пыли и хотя почти безотлучно находилась при больныхъ, а успѣла взглянуть на синія воды Дуная. Дорогой даже долго любовалась берегами и издали видѣла на противуположномъ берегу Никополь, откуда уже не разъ бомбардировали совершенно напротивъ стоящій городъ Турнъ-Магурели, гдѣ находится русская батарея и гдѣ попорчено множество домовъ и уже большая часть жителей выѣхали ради безопасности. Русскаго войска уже въ немъ нѣтъ, оно замѣнено румынскимъ, и каждый день ожидаютъ продолженія бомбардировки изъ Никополя.

Здѣсь я нашла много новаго, всѣ госпитали переправляются за Дунай; мы ѣдемъ завтра и дѣлимся на нѣсколько партій. Однѣ прикомандированы къ госпиталямъ при главной квартирѣ, другія—къ дивизіоннымъ лазаретамъ и въ рущукскій отрядъ. Сейчасъ видѣла какъ провезли къ Государю отъ Главнокомандующаго турецкіе штандарты изъ-за Дуная.

28-го іюня.

Сегодня былъ большой переполохъ—всѣ укладывались; мы должны были ѣхать, но мостъ черезъ Дунай испортился и отъѣздъ нашъ отложенъ. Четверо изъ насъ воспользовались выдавшимся свободнымъ днемъ, чтобъ переѣхать на лодкѣ въ Систово и мы остались очень довольны своей поѣздкой. Берега Дуная, особенно съ болгарской стороны, очень хороши. Самъ-же городъ состоитъ изъ маленькихъ узенькихъ улицъ, расположенныхъ по возвышенности, такъ что все время надо идти въ гору. Всѣ пять тысячъ турецкихъ жителей исчезли, дома ихъ опустѣли, изъ нихъ выброшена масса турецкой письменности, страницы изъ корана и проч. Всѣ мечети не тронуты, въ одну мы входили и забрались въ самую колокольню по узенькой витой лѣстницѣ и видъ оттуда прекрасный. Кое-что купили въ лавкахъ, которыя понемногу открываются.

Болгары несравненно симпатичнѣе румынъ. Всѣ радуются взятію Тырново и говорятъ уже о томъ, какъ наши будутъ за Балканами.

30-го іюня, Болгарія, поле въ верстѣ отъ селенія Павло, 25 верстъ отъ Зимницы въ юртѣ.

Сегодня мы всѣ выѣхали рано утромъ изъ Зимницы. Переправа черезъ Дунай по понтонному мосту была очень интересна и длилась очень долго. Вереница обозовъ и повозокъ разныхъ тянулась безконечно, такъ что мы вышли изъ фургоновъ и пошли пѣшкомъ. Погода была чудесная и Дунай величественно разстилался передъ нами, а напротивъ на берегу зеленѣлъ тотъ лѣсокъ, гдѣ были ранены такъ много уже знакомыхъ намъ солдатиковъ и гдѣ больше всѣхъ пострадалъ Волынскій полкъ. На встрѣчу къ намъ ѣхалъ фургонъ съ тремя ранеными изъ-за Бѣлой, какъ намъ сказали, и единственная жертва небольшой стычки, въ которой положили 100 турокъ, однако. Дальше мы встрѣтили отрядъ казаковъ, ведущихъ плѣнныхъ турокъ—солдатъ и одного офицера съ очень жалкимъ видомъ. Выѣхавъ на берегъ, пришлось взбираться довольно долго въ гору, мѣстность тутъ еще довольно красивая, но растительности чрезвычайно мало, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, все поля и больше ничего, и по всей дорогѣ ни одного селенія, изрѣдка попадались лагери нашихъ-же войскъ, а затѣмъ часто насъ поражалъ неприступный запахъ падали,—павшія лошади, волы и проч. Свѣжей воды не достать было до „Царево“, гдѣ мы должны были раздѣлиться и разъѣхаться въ разныя стороны, по назначеніямъ; но оказалось опаснымъ ѣхать поздно въ Тырново, потому что по дорогѣ мародируютъ черкесы, и рѣшили всѣмъ ѣхать въ Павло. Здѣсь мы нашли, не доѣзжая до селенія, въ полѣ только-что раскинутый 56-й госпиталь, состоящій изъ палатъ и юртъ съ ихъ внутреннимъ составомъ, по 7 кроватей въ каждой. Все имѣетъ опрятный чистый видъ, больныхъ пока еще нѣтъ и ждутъ ихъ безъ нетерпѣнія, такъ какъ хлѣба еще не достать. Въ одной изъ этихъ юртъ мы и расположились; пообѣдавъ своими провизіями и познакомившись съ главнымъ докторомъ и всѣмъ персоналомъ, многія уже расположились спать, я-же любуюсь еще у входа своей юрты оживленнымъ пейзажемъ:—внизу подъ горой течетъ ручей, а за нимъ по берегу дальше стоятъ два полка; около воды хлопочутъ солдаты надъ разнообразными работами, одни что-то стираютъ, поютъ лошадей, возятся около котловъ, другіе дальше косятъ траву, а въ полѣ пшеницу и тамъ-же происходитъ что-то въ родѣ молотьбы. Говорятъ, что всѣ поля и луга Болгаріи откуплены русскими. А тамъ въ дали скачутъ 8 верховыхъ улановъ, гонютъ двухъ быковъ и теленка. Смѣшно смотрѣть, какъ имъ трудно съ ними справиться, несчастныя жертвы брыкаются, мычатъ—шумъ и хохотъ,—солдаты съ ра-

достью встрѣчаютъ добычу и кажется сейчасъ приступятъ къ дѣлу, т. е. зарѣжутъ одного изъ быковъ. Служитель нашъ у юрты говоритъ, что это турецкихъ быковъ загнали, что болгарскія стада всѣ отмѣчены крестами и ихъ не трогаютъ.

Завтра чѣмъ свѣтъ нѣкоторыя сестры уѣзжаютъ дальше къ Тырнову, а я съ нѣсколькими другими остаюсь здѣсь, ждать „у моря погоды".

Павло, 2-го іюля, 56-й госпиталь.

Грустно было остаться здѣсь среди этихъ пустыхъ юртъ; теперь начинаемъ привыкать и нѣкогда скучать; есть у насъ больные, раненые уланы и казаки послѣ стычки за „Бѣлой" и тифозные съ лихорадочными. Устроили мы свое жилье довольно удобно въ большой палаткѣ, а прислуживаетъ намъ лучше всякой женщины славный солдатъ по имени Зыковъ, питаемся плохо—живемъ больше чаемъ. Въ настоящую минуту слышна канонада—должно быть подъ Рущукомъ. Сегодня пришло извѣстіе, что на Кавказѣ вторично взятъ Баязетъ. Мы находимся подъ самымъ лагеремъ Наслѣдника Цесаревича.

Павло, 4-го іюля.

Побѣда—взятъ Никополь съ 6-ю тысячами войска и двумя пашами! Радость большая, особенно послѣ сегодняшняго переполоха. Слухъ распространился, что турки обходятъ насъ и нападутъ на Систово, что артиллерію поэтому двигаютъ отсюда къ Систову. Но все оказалось фальшивой тревогой.

Сегодня пріѣхалъ въ Павло Государь и заходилъ съ Цесаревичемъ къ намъ въ госпиталь. Работы у насъ уже много.

Павло, 8-го іюля.

Царевичъ уѣхалъ дальше, Государь еще здѣсь, при немъ одна бригада; войска двинулись дальше. Въ Никополѣ много раненыхъ; сегодня видѣли одного уполномоченнаго Краснаго Креста, который ѣхалъ туда съ огромными средствами, дабы скорѣй и лучше помочь перевезти ихъ въ Зимнину.

Вчера гостили у насъ сестры,—проѣздомъ изъ Систова въ Тырново и было большое происшествіе: въ шесть часовъ вечера поднялся страшный ураганъ и длился до 10-ти часовъ сильный вѣтеръ, безъ дождя, надѣлалъ много бѣдъ,—всѣхъ валилъ на земь, снесъ даже войлоки съ юртъ, которыя перелопались. Суэта была страшная—больнымъ грозила опасность, многихъ пришлось перенести и только поздно кое-какъ все привели въ порядокъ. Въ нашей палаткѣ происходило тоже самое—сорвало полотно, которое какъ парусъ металось во все стороны. Спать пришлось

мало ночью, потому что буря не унималась. Больные прибываютъ и уѣзжаютъ въ транспортъ.

10-го іюля.

Раненыхъ много, дѣла бездна. Къ намъ прислали еще пять сестеръ и въ рущукскомъ отрядѣ будетъ уполномоченный Краснаго Креста, который доставитъ намъ все, чтобы улучшить бытъ больныхъ и даже свой собственный. Госпиталь нашъ переходитъ, эвакуировавъ всѣхъ своихъ больныхъ. Завтра мы двигаемся впередъ въ Бѣло".

Бѣло, 11-го іюля.

Сильно поработавъ все утро до 3-хъ часовъ сегодня, мы живо уложились; когда все было готово, жилище наше сложено, мы выѣхали въ Бѣлу, за 18 верстъ отъ Павлова. Настроеніе наше было самое лучшее, дорога интересная, мѣстами намъ казалось, что различаемъ дальнюю синеву Балканъ, а воображеніе рисовало намъ даже опасность въ видѣ нападенія башибузуковъ, которые все еще изъ-подъ-тишка продолжаютъ нападать на русскихъ и болгаръ. Подъѣзжая къ Бѣлѣ, мѣстность становится красивѣе, тутъ и рѣка Янтра и скалистыя возвышенности. Въ Бѣлѣ мы заняли болгарскій домъ, хозяева привѣтливы и приняли насъ хорошо. Но всѣ болгары какіе-то грустные на мой взглядъ, я иногда допытываюсь: любятъ-ли они насъ русскихъ, рады-ли нашему приходу. Всѣ отвѣчаютъ „да", но какъ-то равнодушно, а иногда жалуются на солдатъ, которые, конечно, когда они имъ отказываютъ въ выдачѣ чего-нибудь, не стѣсняясь, сами удовлетворяютъ своимъ потребностямъ; можно-ли ожидать другаго отъ людей, измученныхъ походомъ и голодныхъ иногда. Обычный болгарскій отвѣтъ „нима ништо" не насыщаетъ и не веселитъ.

Мы всѣ очень утомились и мысль спать завтра подальше, въ ожиданіи госпиталя, насъ пріятно удивляетъ.

Бѣло, 13-го іюля, на берегу Янтра.

Мы переѣхали въ свою палатку въ госпиталь, который снова совсѣмъ устроенъ здѣсь за рѣкой, на самомъ берегу. Больныхъ и раненыхъ уже подвозятъ.

Бѣло, 31-го іюля.

Время проходитъ далеко неотрадно,—грустныя извѣстія о Плевнѣ и даже съ Кавказа огорчаютъ всѣхъ. Въ военныхъ дѣлахъ застой. Вчера здѣсь у Государя собирался военный совѣтъ. Рущукское дѣло рѣшено отложить.

Много возлагаютъ надеждъ на ускоренія событій послѣ прихода

гвардіи, которую ждутъ въ скоромъ времени. 56-й госпиталь въ довольно хорошихъ условіяхъ, Государь часто посѣщаетъ больныхъ и очень интересуется ихъ участью.

И. С. Боткинъ во многомъ улучшилъ состояніе больныхъ; по его указанію, воспользовались близостью Янтра, чтобы купать тифозныхъ, которыхъ опускаютъ на носилкахъ въ воду и леченье такого рода даетъ хорошіе результаты. У насъ составился также маленькій летучій санитарный отрядъ, цѣль котораго быть на перевязочныхъ пунктахъ и работать при дивизіонныхъ лазаретахъ, снабжая ихъ тѣмъ, въ чемъ тамъ окажется недостатокъ. Въ Бѣлѣ складъ Краснаго Креста, изъ котораго мы достаемъ чай, сахаръ, вино, табакъ, перевязочныя средства, бѣлье и все, что требуется; такъ что больные ни въ чемъ не чувствуютъ недостатка. Я работаю большею частью въ госпиталѣ, но побывала и въ Обертеникѣ и Широкомъ, въ составѣ летучаго отряда. Наши болгарскіе хозяева въ деревняхъ съ нами довольно любезны, но всегда соблюдая свои интересы. Между молодыми болгарками есть очень хорошенькія; онѣ напоминаютъ малороссіянокъ.

Въ Обертеникѣ всѣ выглядятъ зажиточными; есть школа и болгарскій учитель говоритъ нѣсколько по русски. Онъ мнѣ разсказалъ, что болгаре въ этой мѣстности мало притѣснялись турками, но часто страдали отъ черкесовъ. Платили-же они туркамъ много — деньгами и натурой, все вмѣстѣ составляло около 400 р. въ годъ съ семьи. Первой властью въ селеніи былъ старшина „чебарджи“, поставленный турецкимъ правительствомъ; онъ-же сборщикъ податей и судья первой инстанціи. Наказанье за провинности отъ турецкаго правительства заключались въ смертной казни—вѣшаніе и разстрѣливаніе. Учитель назначенъ былъ отъ турецкаго правительства и получалъ 100 р. жалованья въ годъ, хату и содержанье отъ болгаръ. Деревня „Широкое“ прекрасивое мѣстечко въ скалахъ.

29-го августа.

5-го августа выѣхавъ изъ Бѣлы и присоединившись къ остальнымъ членамъ летучаго отряда въ деревнѣ Широко, мы двинулись къ лазаретамъ тѣхъ дивизій, которыя должны были быть въ дѣйствіи и нашли ихъ расположенными близъ деревни „Водички“. Дорога была разнообразная—мы все время проѣзжали мимо пикетовъ солдатъ, по довольно живописной мѣстности; къ вечеру доѣхали до „Ослава“, гдѣ стоялъ уланскій полкъ. Ночью оказалось опаснымъ ѣхать дальше, такъ что мы раскинули шатры въ полѣ около дороги и расположились на ночлегъ, закусивъ своими провизіями. На нашъ караванъ сбѣжались посмотрѣть офицеры-уланы, любезно угостили насъ чаемъ и сообщили намъ, что стоятъ уже тутъ давно, очень скучаютъ, что имъ приказано не атако-

вать, а отстоять свою позицію, что турецкая цѣпь всего въ 5-ти верстахъ отъ нихъ. Переночевавъ безъ всякой тревоги со стороны турокъ, мы рано утромъ двинулись дальше все подъ конвоемъ нѣсколькихъ казаковъ и присоединившагося къ намъ улана въ роли проводника. Ѣхать было очень трудно, дороги чрезвычайно узки и приходилось подыматься все въ гору; приключеній было бездна съ лошадьми и фурами. Всѣмъ поѣздомъ распоряжался нашъ уполномоченный кн. Щербатовъ, который не мало помучился въ эту дорогу. Среди дня мы встрѣтили цѣлый полкъ пѣхоты, возвращающійся съ рекогносцировки и наткнувшійся на хорошее укрѣпленіе довольно большихъ турецкихъ силъ. Мы только потомъ узнали, что ѣхали все время по передовой линіи и слѣдовательно были на небезопасной дорогѣ. Къ вечеру доѣхали до лагеря, гдѣ нашли всѣхъ на-готовѣ и въ ежеминутномъ ожиданіи извѣстій съ поля сраженія.

По указанному намъ направленію можно было различить дымки. Дивизіонныя фуры съ докторами отправлялись вторично за ранеными, а мы доѣхавъ до лазаретовъ и кое-какъ на-скоро расположившись принялись за дѣло, такъ какъ нашли уже порядочно раненыхъ и больныхъ, а на другой день пріѣхали и слѣдующіе транспорты. Картина была потрясающая, когда стали ихъ разгружать: распорядители кричали на санитаровъ, всѣ суетились, больные стонали, шумъ несмолкаемый. Первымъ дѣломъ нашимъ было ихъ устроить, напоить чаемъ, затѣмъ началась перевязка и работали мы всѣ до поздней ночи, и такимъ образомъ два, три послѣдующіе дни, затѣмъ, по мѣрѣ возможности, раненыхъ отправляли въ госпиталь и оставались больше всего терапевтическіе больные, да такъ-называемая слабосильная команда въ 360 человѣкъ,—больные изнуренные солдаты, которые еще на ногахъ, но едва передвигаютъ ими. Послѣ грустнаго дѣла 18-го августа при Карансанкіой пришлось опять много работать, было 300 раненыхъ, лазаретъ былъ переполненъ, и отъ Краснаго Креста нашими руками было роздано бездна вещей: бѣлья, перевязочныхъ средствъ, чаю, сахару, табаку, вина, гипсу и проч.; всего было у насъ вдоволь, благодаря стараніямъ и неутомимости кн. Щербатова, который, несмотря на дорогу и разстояніе, успѣвалъ все добыть и привезти. Много было очень тяжело раненыхъ, многіе умирали, нѣсколько было сдѣлано операцій, а въ настоящую минуту почти всѣ перебывавшіе здѣсь послѣ дѣлъ при Эзерожи, Аясларѣ, Панкіой и Каракасанкіой, отправлены въ Бѣлу, такъ какъ здѣсь уже не безопасно; поминутно ждутъ новаго дѣла, слухи очень неутѣшительнаго свойства. Нашего войска мало, турки хотятъ соединиться съ плевненскимъ войскомъ и насъ отрѣзать. Съ нашей стороны, говорятъ, сильно укрѣпляются послѣднее время, нарыто бездна ложементовъ и всего, особенно около Бѣлы. Дивизіонныя линейки съ докторами постоянно дежурятъ

на позиціи въ 7-ми верстахъ отсюда, съ минуты на минуту ждемъ, что придется двинуться. Каждый выстрѣлъ электризуетъ наши ожиданія.

Бѣла, 29-го августа.

24-го августа произошло сраженіе при Облавѣ, а затѣмъ отступленіе всего 13-го корпуса. Мы съ трудомъ добрались двумя партіями изъ Водицы въ Облаву. Раненыхъ оказалось много,—болѣе пяти сотъ. Ихъ отвели въ близь находившуюся деревню и размѣстили по сараямъ на соломѣ; весь день 25-го мы перевязывали и дѣлали что могли, чтобъ облегчить участь раненыхъ—условія были самыя затруднительныя, погода гадкая, такъ что приходилось вязнуть въ грязи—воды нельзя было достать, стемнѣло очень скоро, такъ что съ фонаремъ приходилось обходить водкой и хлѣбомъ послѣднихъ подвезенныхъ раненыхъ, которыхъ такъ и не снимали съ повозокъ, ожидая только разсвѣта, чтобы двинуться. Ужасно было смотрѣть на этихъ несчастныхъ; перевязать и устроить ихъ удобнѣе на повозкахъ было трудно, почти невозможно. Всю ночь стонали кругомъ и было очень холодно; здоровые, да караулы разводили огни и грѣлись около костровъ. Съ разсвѣтомъ, насъ стали торопить, объявили, что черкесы всего въ нѣсколькихъ верстахъ и что войска отступаютъ. Подводъ было привасено много на лошадяхъ и волахъ, но все-таки не настолько, чтобы очень свободно помѣстить раненыхъ; пришлось нагружать ихъ по нѣсколько, по три, даже четыре на подводу, но всѣ такъ боялись остаться, что сами помогали въ размѣщеніи. Тутъ были умирающіе въ агоніи, которымъ оставалось нѣсколько часовъ прожить—и тѣ хотѣли ѣхать; надо было видѣть съ какими умоляющими глазами они смотрѣли, прося взглядомъ не покидать ихъ тутъ. Всѣхъ до послѣдняго забрали и было уже поздно, когда мы длинной вереницей пустились въ путь и вступили во всю безалаберщину, хотя и въ порядкѣ отступающаго войска. Дороги узкія, объѣхать нельзя, а тутъ ѣхала и артиллерія, шли пѣхотинцы, тянулись повозки съ больными, а что всего печальнѣе выглядѣло, это когда дальше мы догнали переселяющихся болгаръ. Изъ всѣхъ окружающихъ деревень потянулись они со своими длинными скрипящими телѣгами, нагруженныя всѣмъ ихъ добромъ, не желая оставаться въ своихъ селеніяхъ безъ русскихъ. Невыразимо грустно было видѣть этихъ женщинъ, старыхъ и молодыхъ, маленькихъ и босоногихъ дѣтей, бѣгущихъ около телѣгъ и гоняя передъ собой цѣлыя стада овецъ, лошадей и буйволовъ. Нѣкоторыя изъ женщинъ плакали, а другія выглядѣли спокойно, равнодушными, какъ будто такого рода переселеніе имъ дѣло привычное. Уходя, они сжигали свои деревни, чтобы ничего не досталось туркамъ. Всю дорогу мы ѣхали въ тревогѣ; намъ говорили, что нападеніе со стороны

черкесъ—вещь совершенно возможная, раненые же наши могли ѣхать только медленно, половина подводъ была на волахъ. Въ нападеніе черкесъ какъ то не вѣрилось, судя по спокойному выраженію лицъ окружающихъ; насъ тревожило гораздо больше неизвѣстность о сестрѣ, оставшейся въ Водичкѣ при лазаретѣ, который теперь долженъ былъ быть уже на мѣстѣ. При ней остались также всѣ наши вещи и большая часть склада Краснаго Креста. Туда уѣхали докторъ и уполномоченный, которые потомъ, при нашей встрѣчѣ въ Бѣлѣ, разсказали, съ какимъ трудомъ пришлось спасать вещи и какъ удалось ихъ увезти съ помощью отступающей артиллеріи.

Мы ночевали по дорогѣ въ какомъ то полѣ. Съ разсвѣтомъ стали кормить и перевязывать нѣкоторыхъ раненыхъ, а затѣмъ снова пустились въ путь и къ вечеру доѣхали до Бѣлы. Здѣсь вслѣдствіе ложныхъ слуховъ и недоразумѣній, произошло что-то въ родѣ паники. Многіе собирались уже покидать и Бѣлу, но все скоро успокоилось, когда здѣсь сосредоточились на время всѣ лазареты, часть войска и начальство.

Всѣ эти дни пришлось усердно работать въ госпиталѣ, а завтра нашъ летучій отрядъ снова ѣдитъ къ позиціи, ходятъ слухи, что атаковать будутъ съ нашей стороны.

Бѣла, 17-го октября.

Все это время нашъ летучій отрядъ велъ бродячую, походную жизнь, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, стараясь быть тамъ, откуда легче узнать было, гдѣ ожидается дѣло, чтобы скорѣй на него попасть, такъ какъ дорога, разстояніе, извѣщеніе, все это составляло огромныя затрудненія. Жили мы по разнымъ деревнямъ: въ Горномъ и Дольномъ монастыряхъ, Карасанѣ, Капровицѣ, Бапачки и Обертеникѣ, и побывали на перевязочныхъ пунктахъ послѣ дѣлъ при Симанкіей, Церковной и Иванъ-Чифтликѣ, затѣмъ, поработали въ Обертеникѣ, при лазаретѣ 33-й дивизіи, а теперь снова въ Бѣлѣ, въ 48-мъ госпиталѣ, который помѣщается частью за рѣкой, рядомъ съ 56-мъ, и частью въ городѣ по разнымъ турецкимъ домамъ и въ помѣщеніи бывшаго бея. Положеніе больныхъ по этимъ домамъ довольно безпомощное, и дѣла такъ много, что трудно ходить за ними какъ слѣдуетъ. Погода гадкая, грязь ужасная, такъ что переходить изъ дома въ домъ крайне затруднительно и утомительно, но все забываешь, когда видишь этихъ несчастныхъ, изнуренныхъ лихорадкой или тифомъ людей и выглядѣвшіе иногда живыми мертвецами; тутъ является только желаніе помочь, и спасибо Красному Кресту, что можно, въ этой грязной обстановкѣ, хоть показаться съ чѣмъ-нибудь утѣшительнымъ, въ видѣ дорогой для русскаго солдата махорки, табака и чая, и можно отвѣтить безъ отказа на эти со всѣхъ сторонъ раздаю-

щіеся голоса: „сестрица, сестрица!“ Но какъ тяжело бываетъ подъ-часъ это ежедневное, иногда тщетное, гоненіе за чистотой, порядкомъ и исправностью всегда почти неисправныхъ фельдшеровъ и служителей, которымъ, въ свою очередь, работа не легкая дается. Каждый день прибавляется число больныхъ служителей, а фельдшеровъ нѣсколько уже умерло. Врачамъ также трудно справиться, имѣя до 150 больныхъ иногда. Хозяйственная часть госпиталей, обыкновенно, самая печальная ихъ сторона. Всѣмъ не легко, всѣ ждутъ не дождутся конца.

Бѣла, 20-го ноября.

Вчера вернулись въ Бѣлу изъ Обертеника, гдѣ четыре дня проработали въ лазаретахъ 12-й и 33-й дивизіи. Было около 800 раненыхъ послѣ дѣла 14-го ноября.

Погода и условія, при которыхъ мы находились, были ужасны. Доѣхали-же туда довольно скоро и хорошо съ новыми повозками для раненыхъ, пожертвованными Владимірской губерніей рущукскому отряду. Любо было на нихъ смотрѣть сначала, каждый фургонъ запряженъ четверкой бодро, свѣжо выглядѣвшихъ лошадей, такими, отъ которыхъ глаза наши отвыкли, сбруя и все блеститъ новизной, русскіе кучера и санитары молодцоваты, даже черезъ-чуръ. Погода была холодная, туманная, и въ первый разъ здѣсь шелъ снѣгъ.

Въ Обертеникѣ, въ двухъ лазаретахъ, мы нашли себѣ много работы, иззябшіе раненые всѣ просили перевязки. Эти четыре дня были страшно утомительны; съ утра до поздняго вечера приходилось странствовать по грязи изъ палатки въ палатку, изъ сарая въ сарай, раздавать теплыя вещи, бѣлье, водку и проч., и перевязывать. Первый ночлегъ въ Обертеникѣ былъ очень неудобенъ. Рѣшительно всѣ хаты оказались занятыми и было такъ поздно, что искать хорошаго помѣщенія было невозможно; мы съ трудомъ нашли себѣ пріютъ въ болгарской проходной комнаткѣ среди кукурузы и всякой домашней утвари. Устраиваться и доставать свои вещи изъ фургона нельзя было, да и не стоило на нѣсколько часовъ, и мы спасались тѣмъ лишь, что поддерживали огонь тутъ-же, около себя, на полу, подъ печнымъ навѣсомъ. Рядомъ съ нами въ единственной комнатѣ этой хаты помѣщалась вся болгарская семья, состоящая изъ девяти членовъ, изъ которыхъ одна дѣвочка лежала въ тифѣ, и каждый изъ нихъ, по очереди, приходилъ грѣться ночью около нашего огня. Даже съ улицы стучались люди, прося пустить ихъ погрѣться. Снѣгъ пересталъ и сильно морозило. На другой день намъ отвели болѣе удобную хату. Большая часть раненыхъ уже привезена сюда, такъ что здѣсь госпиталь переполненъ. Бываютъ также транспорты больныхъ отсюда въ Систово и Красный Крестъ снабжаетъ ихъ полушубками и

теплыми вещами. Нашими руками раздается изъ склада громадное количество всего требуемаго больнымъ.

29-го ноября.

Вѣсть о сдачи Плевны произвела больше радости здѣсь, чѣмъ всякая другая. Солдаты, когда мы имъ сообщали о томъ, всѣ крестились и благодарили за извѣстіе. Мы всѣ повеселели, начинаетъ предвидѣться конецъ войны.

Обертеникъ, 6-го декабря.

Снова пришлось здѣсь работать въ лазаретахъ послѣ дѣла 30-го ноября, Мечки и Тростеникъ, которое оставило 900 раненыхъ. Потеря турокъ страшная, ихъ также много раненыхъ у насъ, и отъ холода они видимо страдаютъ больше нашихъ. Жаль на всѣхъ смотрѣть. Опять возвращаюсь въ Бѣлу, куда отвозятъ раненыхъ отсюда. Лазареты, какъ и госпиталя, щедро снабжаются вещами изъ Краснаго Креста.

Бѣла, 14-го декабря.

Зима въ самомъ разгарѣ, здѣсь ѣздятъ на саняхъ. Извѣстія доходятъ плохо. Въ хатахъ нашихъ то очень холодно, то дымно, въ больничныхъ баракахъ течетъ и до того холодно, что вода замерзаетъ. Желѣзныя печи, пожертвованныя Краснымъ Крестомъ, не помогаютъ.

Бѣла, 24-го декабря.

Вотъ и наканунѣ Рождества. Новаго очень мало, работы очень много. Госпиталь все время переполненъ, бывало до 1600 больныхъ, а медицинскій персоналъ все убываетъ, врачи, сестры одни за другими заболѣваютъ тифомъ. Здѣсь проходила 2-я дивизія и оставила намъ много больныхъ, все больше съ отмороженными членами. Обувь почти у всѣхъ ужасная. Нашъ складъ постоянно наполняется и опустошается нами. Каждый выписывающійся получаетъ фуфайку, бѣлье и то, что ему необходимо нужно, валенки, носки и проч. Больныхъ начинаютъ сбывать въ другой госпиталь, такъ что становится немного легче.

15-го февраля.

Мой чередъ тоже насталъ, я не избѣжала общей участи и была больна тифомъ. Я съ радостью покидаю Бѣлу, гдѣ видѣла и пережила такъ много страданій. Скоро, можетъ быть, здѣсь никого изъ русскихъ не будетъ, но останутся на бѣдномъ болгарскомъ кладбищѣ. Могилы двухъ нашихъ сестеръ—жертвы ужаснаго тифа.

Тырново, 15-го марта.

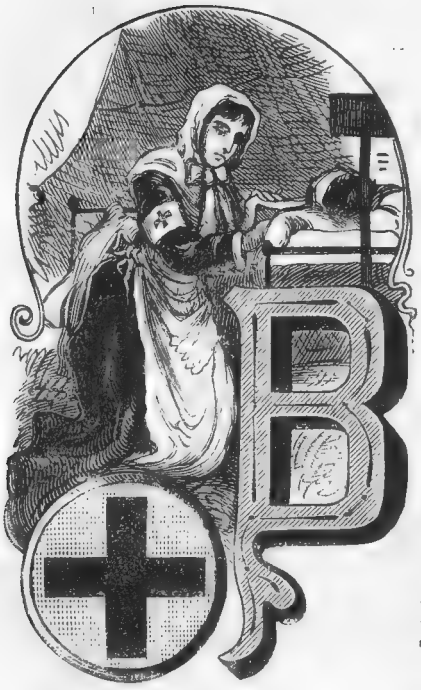
Оставивъ Бѣлу, мнѣ пришлось поработать въ шести верстахъ отъ Тырново, въ „Преображенскомъ", болгарскомъ монастырѣ, гдѣ устроенъ былъ лазаретъ отъ Краснаго Креста на 150 больныхъ и раненыхъ. Мѣстоположеніе этого монастыря самое восхитительное: зданіе построено въ скалахъ, довольно высоко надъ дорогой къ Тырново, а надъ монастыремъ поднимаются еще выше и совершенно отвѣсно голыя, мрачнаго вида, скалы съ большими скважинами и отверстіями,—входы въ пещеры гдѣ гнѣздятся орлы. Мѣстами-же по этимъ скаламъ и камнямъ вьется плющъ, а на противуположной сторонѣ, около дороги змѣится небольшая рѣка, за ней также возвышаются высокія скалы и прямо противъ Преображенскаго стоитъ другой монастырь, а вдали, за красиво изгибающейся дорогой, живописно рисуется Тырново. Монахи того и другого монастыря любезно уступали другъ другу честь принять русскихъ больныхъ, отговариваясь нездоровымъ воздухомъ у себя и болѣе благотворнымъ у сосѣдей. Пришлось рѣшить за нихъ, выбрать Преображенскій, гдѣ помѣщенье для больныхъ устроено въ хорошихъ, большихъ и маленькихъ комнатахъ, занимаемыхъ лѣтомъ пріѣзжими гостями-богомольцами. Все было отлично устроено, благодаря прекрасной распорядительности уполномоченнаго Краснаго Креста Г. Писарева и стараніямъ доктора Андреева. Безполезной роскоши не было, но больнымъ было тутъ превосходно; соблюдалась чистота и порядокъ и ни въ чемъ не было недостатку. Кромѣ раненыхъ и больныхъ перебывало тутъ много съ отмороженными членами, все больше изъ 24-й дивизіи, и видъ этихъ несчастныхъ едва-ли не самый печальный. Здоровые молодые люди, которые на всегда можетъ быть потеряли возможность владѣть ногами, или которымъ вѣчно придется двигаться на костыляхъ, не обладая ступней, съ обезображенными ногами безъ отвалившихся пальцевъ. Имъ приходилось еще часто выслушивать насмѣшки со стороны раненыхъ товарищей, которые своими страданіями гордились, забывая, что всѣ шли на одно дѣло, но однимъ въ несчастныхъ обстоятельствахъ посчастливилось больше, другимъ меньше!

Гривцева.

РАЗСКАЗЪ

о дѣятельности сестеръ милосердія Крестовоздвиженской общины въ минувшую войну.

(Съ 1-го мая 1877 г. по августъ 1878 г.).



слѣдъ за объявленіемъ войны Турціи, общины сестеръ милосердія начали отправлять отряды сестеръ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Съ нетерпѣніемъ ждали и мы своей очереди; наконецъ, дѣло дошло и до насъ. Когда нашимъ сестрамъ предложенъ былъ вопросъ, кто изъ нихъ желаетъ ѣхать на войну помогать раненымъ, то всѣ рѣшительно выразили желаніе отправиться, такъ что пришлось рѣшить дѣло выборомъ. Съ грустью и завистью смотрѣли на выбранныхъ счастливицъ (въ число ихъ удалось попасть и мнѣ) тѣ, которымъ пришлось остаться дома.

1-го мая, передъ отъѣздомъ въ дѣйствующую армію, по желанію Императрицы, всѣ мы, отъѣзжающія сестры, являлись во дворецъ для прощанія съ нею. Никогда я не забуду того ласковаго и душевнаго пріема, котораго мы удостоились у Государыни! Въ числѣ 32 сестеръ, мы, вмѣстѣ съ нашей высокой покровительницей, В. Кн. Екатериной Михайловной, прибыли въ Зимній дворецъ на половину Государыни, гдѣ уже застали сестеръ Георгіевской общины. О насъ доложили, провели еще черезъ

залу, ближе къ внутреннимъ покоямъ, и вскорѣ къ намъ вышла Государыня Императрица подъ руку съ В. Кн. Екатериной Михайловной, а за ними и Государь, который, увидѣвъ между сестрами сестру Н. П. Надежину, прямо направился къ ней и, обратившись къ ней со словами: „А, старая знакомая!“ сталъ милостиво распрашивать о ея дѣятельности въ Крымскую кампанію. Потомъ Государь удостоилъ и другихъ сестеръ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Государыня обратилась прежде всего къ сестрамъ, бывшимъ въ Черногоріи, сказавъ при этомъ: „Я еще въ долгу передъ вами: не благодарила васъ еще за Черногорію“. Она подошла къ нимъ и удостоила разговоромъ каждую изъ сестеръ, желая имъ, между прочимъ, успѣха въ ихъ трудномъ подвигѣ и сохраненія здоровья. Послѣднія слова Государя были: „До свиданья, скоро увидимся“.

Я должна сказать нѣсколько словъ о сестрѣ Н. П. Надежиной, о которой я выше упомянула. По своей опытности и самоотверженности, она лично извѣстна Государю. Въ качествѣ сестры милосердія она уже участвовала въ Крымской кампаніи, въ 1855 году, въ числѣ 200 человѣкъ, отправлявшихся, по мысли В. Кн. Елены Павловны, на помощь страждущимъ. За свои подвиги въ Крыму она имѣетъ три медали. По окончаніи войны вмѣстѣ съ нѣсколькими другими сестрами Н. П. Н. вернулась въ Петербургъ, гдѣ изъ нихъ-то и начала образовываться Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія. Потомъ она, въ 1871 году, была также въ Черногоріи, Граховѣ и Цетиньѣ. Это уже достадочно доказываетъ ея неутомимость и постоянство въ дѣлахъ милосердія. Для раненыхъ она была вездѣ полезна особенно потому, что ея искусство и знаніе хирургическаго лѣченія признано всѣми знающими ее врачами. Въ общинѣ на хирургическомъ отдѣленіи вновь поступающія сестры учатся своему дѣлу подъ ея руководствомъ.

I.

3-го мая, въ день нашего отъѣзда, у насъ въ общинѣ былъ молебенъ, на которомъ кромѣ докторовъ и разныхъ знакомыхъ и незнакомыхъ, пришедшихъ провожать насъ—народъ тѣснился не только на дворѣ, но и за воротами—присутствовала также В. Кн. Екатерина Михайловна съ сыновьями и дочерью; послѣдніе принесли намъ множество крестиковъ для раздачи больнымъ изъ дѣйствующей арміи. Отецъ Тихоміровъ сказалъ прочувствованную рѣчь, а В. Кн. какъ мать прощалась съ нами, цѣловала и собственноручно благословила каждую сестру небольшою иконою Казанской божіей матерью, въ серебряной вызолоченной оправѣ, въ формѣ медальона на андреевской лентѣ; на иконѣ надпись: „Спаси и сохрани“. Всѣ были глубоко тронуты, многіе плакали. Когда мы были уже совсѣмъ готовы къ отъѣзду, В. Кн. вручила каждой сестрѣ,

бывшей въ Черногоріи, часы, присланные Императрицей. Часы были глухіе, золотые, анкерные, на 13 камняхъ, посрединѣ съ краснымъ крестомъ на бѣлой эмали, а по краямъ надпись: „Черногорія“ и „1876 годъ“. В. Кн. была такъ добра, что провожала насъ даже на вокзалъ. Здѣсь, въ ожиданіи поѣзда, она помѣстила насъ въ императорскихъ комнатахъ, продолжая милостиво бесѣдовать съ нами. По ея желанію до Бухареста насъ провожалъ докторъ Росси. Съ недѣлю, въ ожиданіи дальнѣйшей командировки, мы пробыли въ Кишиневѣ, гдѣ насъ любезно принялъ кн. Черкасскій. Такъ какъ нашъ маршрутъ былъ назначенъ въ Бухарестъ, то князь былъ такъ добръ, что телеграфировалъ туда, чтобы тамъ все приготовлено было къ нашему пріѣзду. Это, кстати замѣчу, вызвало неудовольствіе со стороны бывшихъ тамъ докторовъ, особенно доктора (Бихавскаго), который просилъ даже перевести его на сифилитическое отдѣленіе—только-бы не имѣть дѣла съ сестрами. Такое предубѣжденіе противъ сестеръ имѣло, впрочемъ, свои причины, такъ какъ бывали случаи, что сестры, хотя и не изъ нашей общины, заявляли себя съ другой стороны. Впослѣдствіи, когда намъ пришлось работать съ этими-же самыми докторами, они перемѣнили свое мнѣніе о насъ, и отнеслись къ намъ совершенно дружески и съ уваженіемъ.

Въ Бухарестѣ мы были прикомандированы къ 54-му военно-временному госпиталю, который помѣщался во дворцѣ прежнихъ румынскихъ князей; въ немъ-то и насъ помѣстили, отведя намъ громадную залу съ фамильными портретами румынскихъ князей. Больныхъ здѣсь при насъ бывало отъ 200 до 1000, преимущественно тифозныхъ, лихорадочныхъ и диссентериковъ; раненыхъ всего нѣсколько человѣкъ. Въ это время намъ еще не было особенно трудно, такъ какъ мы работали въ полномъ составѣ и притомъ со свѣжими силами. Проработавъ здѣсь съ мѣсяцъ, мы, по приглашенію доктора Бергмана, направились въ Александрію. Сначала онъ увѣдомилъ насъ телеграмой, а потомъ за нами прибылъ докторъ Вейденрейхъ, который, проѣзжая черезъ Журжево, позаботился, чтобы тамъ приготовили обѣдъ къ нашему пріѣзду. Мы прибыли въ Журжево какъ разъ въ то время, когда тамъ была назначена бомбардировка Рущука; такъ что, когда мы обѣдали, пришелъ комендантъ крѣпости и просилъ насъ поторопиться, говоря, что въ $2^1/_2$ часа начнется бомбардировка. Въ это время въ городѣ кромѣ насъ да двухъ служителей, приготовлявшихъ намъ обѣдъ, никого уже не было; да и тѣмъ не посчастливилось: они были убиты летѣвшими изъ Рущука бомбами. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, намъ было не до обѣда, и мы хотѣли поскорѣй отправиться въ Александрію, но извощики, на которыхъ только и можно было ѣхать, попрятались изъ боязни быть перебитыми: ядра и бомбы то и дѣло летали въ городъ; легковыхъ, впрочемъ, еще кое-какъ отыскали; вся бѣда была въ ломовыхъ,

которые точно въ воду канули. Жара была нестерпимая, а тутъ еще одна сестра у насъ заболѣла. Наконецъ, намъ удалось кое-какъ добраться до Александріи, сидя по 5—6 человѣкъ на одномъ извощикѣ; приходилось держать возницъ, чтобы не убѣжали. Въ Александріи, вопреки предположенію, ни госпиталя, ни помѣщенія для насъ не оказалось; поэтому рѣшено было, чтобы мы отправились въ Мавродину, верстахъ въ шести отъ Александріи.

Здѣсь профессоръ Бергманъ, которому докторъ Росси передалъ насъ въ Бухарестѣ, раздѣлилъ насъ на два отряда, по 16-ти человѣкъ въ каждомъ, одинъ, во главѣ съ сестрой Шаховской, остался въ Мавродину ожидать дальнѣйшихъ распоряженій, другой же, въ которомъ старшею сестрою была Н. П. Надежина, цѣлымъ обозомъ—было 100 подводъ, взятыхъ въ запасъ подъ раненыхъ—отправился въ Пятру. Пробывши въ Пятрѣ цѣлый день, нашъ отрядъ, исключая одной больной сестры и другой, оставшейся присматривать за нею, взявши съ собой подводы, отправился на перевязочный пунктъ въ Зимницу. Доѣхавъ до Фонтынели, мы остановились въ ожиданіи извѣстія отъ посланнаго въ Зимницу казака; но тотъ не успѣлъ еще доѣхать до мѣста назначенія, какъ встрѣтился съ другимъ казакомъ, скакавшимъ къ намъ съ извѣстіемъ, чтобы мы поторопились, такъ какъ въ Зимницѣ много раненыхъ. Тихонько и не зажигая огня—дѣло было ночью — чтобы не возбудить никакой тревоги, мы вмѣстѣ съ подводами для раненыхъ, двинулись въ путь. Было холодно, шелъ дождь; такъ что мы рады были возможности улечься подъ брезентами, сидѣть было нельзя, такъ лежа и ѣхали. Мы и не знали, что именно въ эту ночь и происходила зимницкая переправа нашихъ войскъ за Дунай; такъ что когда мы уже днемъ 15-го числа іюня пріѣхали въ Зимницу, то переправа была совершена; но повсюду видны были ея слѣды, и перестрѣлка еще не прекратилась; берега Дуная дымились еще во многихъ мѣстахъ. Въ двухъ дивизіонныхъ лазаретахъ, устроенныхъ на-скоро изъ палатокъ, было уже до 600 человѣкъ раненыхъ, подвозъ которыхъ продолжался еще и при насъ. Не теряя ни минуты, профессоръ Бергманъ со своими тремя ассистентами, докторъ Корженевскій, Оберъ-Миллеръ и друг. принялись за работу, которая не прерывалась до глубокой ночи. Двѣ изъ нашихъ сестеръ вызвались не покидать страдальцевъ-раненыхъ и ночью. Здѣсь подавалось раненымъ только первая помощь, и кто только изъ нихъ мало-мальски былъ въ состояніи перенести перевозку, тѣхъ отправляли на запасныхъ подводахъ въ Пятру и Мавродану. Въ Пятрѣ принимала ихъ оставшаяся тамъ сестра. Совершенно же слабые раненые оставлены были въ Зимницѣ до утра. Къ довершенію разныхъ неудобствъ для больныхъ, вода здѣсь была грязная и вонючая, такъ что безъ вина невозможно было давать ее больнымъ. Между ранеными былъ

здѣсь, между прочимъ, полковникъ Духонинъ, жена котораго дѣятельно помогала больнымъ; у ней же и мы нашли радушный пріемъ.

Слѣдующій день, 16-го іюня, былъ для насъ радостнымъ днемъ, способнымъ вознаградить насъ за всѣ труды,—въ Зимницу прибылъ Государь Императоръ навѣстить раненыхъ. И надо было видѣть, какъ они были счастливы, когда Государь подходилъ къ нимъ и разговаривалъ съ ними! Многимъ раздавалъ онъ Георгіевскіе кресты; одному искалѣченному, часы котораго были уже сочтены, онъ самъ положилъ на грудь Георгія, со слезами на глазахъ обнялъ его и поцѣловалъ. Ко всѣмъ Государь относился съ самымъ теплымъ участіемъ и благодарилъ за храбрость и доказанную любовь къ отечеству. Въ одной изъ палатокъ съ трудно-больными на пожеланіе Его поскорѣй имъ выздоровѣть, они, собравъ послѣднія силы, дружно отвѣчали: „рады стараться, Ваше Императорское Величество!“ Государь, горько улыбнувшись, сказалъ: „не отъ насъ это зависитъ“. Прощаясь съ сестрой Н. П. Надежиной. Государь подалъ ей руку и сказалъ: „Спасибо, сестра!“ Въ тотъ же день въ 5 часовъ вечера, мы, вмѣстѣ съ больными, отправились обратно въ Пятру. Въ домѣ здѣшняго владѣльца помѣщались раненые офицеры; тутъ же находилась операціонная комната и пріемный покой; для остальныкъ же больныхъ были устроены юрты; магазины и сараи, принадлежащіе тому же владѣльцу (за все взялъ онъ, кажется, 40 тыс. фр.), также были заняты ранеными. Между послѣдними находились и раненые и ампутированные турки, человѣкъ 40. Мы, сестры, жили тоже въ юртахъ въ саду, вѣрнѣе спали тамъ только, такъ какъ постоянно находились среди больныхъ, которымъ ежеминутно требовалась помощь: дать лекарство, перевязать, уложить, бѣлье смѣнить, накормить, пить дать, а кому и написать письмецо на родину. Часто приходилось и очень тяжело, но мы утѣшались, видя, что труды наши не пропадаютъ даромъ, а приносятъ пользу несчастнымъ страдальцамъ; много насъ поддерживало и то, что больные относились къ намъ, какъ къ самымъ близкимъ роднымъ; и любили насъ не одни свои, русскіе—это было бы еще неудивительно—но и турки были очень расположены къ намъ. Разъ, напримѣръ, одна сестра прикладывала турку компрессъ; онъ вдругъ расплакался; сестра старалась всячески его успокоить, но онъ окончательно разрыдался, и такъ какъ былъ очень слабъ, то съ нимъ сдѣлалось дурно: когда привели его въ чувство, то на вопросъ доктора Аксюка, знавшаго по-турецки, о причинѣ слезъ, турокъ отвѣчалъ, что сестра напомнила ему, какъ ухаживали за нимъ родная мать и сестра.

Чтобы пища для больныхъ приготовлялась и отпускалась какъ слѣдуетъ, одна изъ сестеръ, находившаяся постоянно на госпитальной кухнѣ, наблюдала за этимъ дѣломъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ мы поселились въ Пятрѣ, къ

намъ присоединились, въ ожиданіи дальнѣйшей командировки, сестры втораго нашего отряда, бывшія до сихъ поръ въ Мавродину, такъ какъ 63-й госпиталь, при которомъ онѣ находились, по желанію Вел. Князя Николая Николаевича, отправился въ Тырново, гдѣ и оставался постоянно при штабѣ. 19-е іюля сестры, прибывшія къ намъ, видя, что онѣ здѣсь не особенно необходимы, рѣшились отправиться тоже въ Тырново, не дожидаясь возвращенія своей старшей сестры, Щаховской, отправившейся къ инспектору военныхъ госпиталей узнать о томъ, куда имъ слѣдуетъ отправиться изъ Пятры. Но извѣстіе, что Зимница въ рукахъ турокъ, что русскіе разбиты, почта и казначейство ограблены, заставило ихъ вернуться обратно въ Пятру. У насъ это извѣстіе также произвело переполохъ. Еще раньше возвращенія сестеръ мимо нашего госпиталя пронеслась во всю прыть бричка съ двумя статскими господами, которые намъ сообщили скороговоркой о пораженіи русскихъ при Зимницѣ, присовокупивъ при этомъ, чтобы мы поторопились спасаться, что турки и до насъ сейчасъ доберутся. Большинство, конечно, повѣрило извѣстію, тѣмъ болѣе, что казакъ, посланный въ Зимницу для развѣдокъ, все еще не возвращался, хотя возвратиться ему давно уже слѣдовало; вернувшіяся сестры тоже сообщили, что, по слѣвамъ встрѣтившагося имъ офицера, въ Зимницу уже проѣхать невозможно, не попавъ въ руки турокъ. Тогда между больными произошло величайшее смятеніе; кто только могъ двигаться, потащились изъ полевыхъ юртъ къ главному зданію госпиталя, въ которомъ мы въ то время сами находились; оставшіеся же въ юртахъ подняли страшный стонъ и плачъ. Многія сестры перепугались такъ, что теперь и вспомнить смѣшно, но тогда, конечно, было не до смѣху. Такъ, одна все спрашивала: гдѣ труба? гдѣ труба? Я туда спрячусь; другая отыскивала ямочку, желая тоже спрятаться въ ней; третья носилась съ хиной и все спрашивала, гдѣ бы схоронить ее отъ турокъ; нѣкоторыя, въ ожиданіи смерти, понадѣвали новые сапоги и чистые чепцы, другія торопились припрятать деньги; но нашлись и такія, которыя всячески старались разувѣрить и успокоить больныхъ, хотя у самихъ на сердцѣ было жутко. Смотритель госпиталя, Уманскій, на вопросы „что дѣлать?“ отвѣчалъ, что лучше всего оставаться на мѣстѣ, что двинуться съ мѣста безъ разрѣшенія онъ не имѣетъ права, такъ какъ его за это разстрѣляютъ, такъ что ужъ говорилъ онъ—лучше умереть отъ турокъ, но исполняя свой долгъ. Турецкій капитанъ, бывшій между ранеными, все просилъ, чтобы его посадили на носилки и вынесли бы на встрѣчу туркамъ; онъ убѣждалъ, что при своемъ вліяніи онъ уговоритъ турокъ не дѣлать никакого зла русскимъ, которые такъ добры и такъ хорошо обходятся съ турецкими плѣнными...

Наконецъ вернулся солдатъ, посланный для развѣдокъ, и успокоилъ

всѣхъ, сообщивъ, что распространившіеся слухи были ложны. Эта фальшивая тревога распространилась и дальше; она достигла до отряда плѣнныхъ турокъ, шедшихъ подъ конвоемъ изъ Мавродину черезъ Фратешти въ Россію; они взбунтовались, но скоро были усмирены, при чемъ было убито нѣсколько турокъ, а вмѣстѣ съ ними и старуха-турчанка, впрочемъ, совершенно нечаянно.

Кстати будетъ здѣсь замѣтить, что почти всѣ плѣнные турки, отправляемые въ Россію, проходили черезъ Пятру; сначала ихъ конвоировали румыны, но такъ какъ эти послѣдніе обращались съ плѣнными очень жестоко, то турки просили, чтобы надзоръ за ними былъ порученъ русскимъ; ихъ желаніе было исполнено, и конвойные офицеры, потомъ, у нихъ были всегда изъ русскихъ. Мы сами бывали свидѣтелями, какъ румыны били прикладами по лицу отстающихъ, вслѣдствіе изнуренія и болѣзни, турокъ; невозможно было безъ жалости смотрѣть на окровавленныя лица несчастныхъ.

Всѣхъ больныхъ турокъ, изъ проходившихъ отрядовъ, нашъ госпиталь оставлялъ у себя для поданія имъ помощи; поэтому у насъ въ госпиталѣ былъ постоянный наплывъ новыхъ больныхъ. Съ наступленіемъ зимы ихъ стало еще больше, потому что при 15 — 20 градусахъ мороза, многіе изъ плѣнныхъ, особенно слабые и больные, замерзли по дорогѣ, такъ что послѣ каждаго прошедшаго отряда плѣнныхъ, по распоряженію госпитальнаго начальства, посылалось по двѣ фуры подбирать замерзшихъ; эти фуры всегда возвращались полными; привозимые трупы закапывались въ одну общую могилу. И это всего только на протяженіи отъ Турнъ-Магурели до Пятры! Конечно, если привезенными къ намъ попадались хотя съ малѣйшими признаками жизни, то имъ немедленно-же подавалась помощь. По направленію къ Александріи фуры тоже посылались, но замерзшихъ на этомъ пути было уже значительно меньше; это происходило оттого, что больные изъ проходившихъ отрядовъ оставлялись, какъ сказано, въ госпиталѣ, а также и оттого, что въ Пятрѣ плѣнныхъ поили мы на дорогу чаемъ и кофеемъ, снабжали, по мѣрѣ возможности, чулками и фуфайками, а также табакомъ и папиросами, присланными Дурдинымъ. Проходившіе турки были ужасно жалки—оборванные, голодные и холодные; поступавшіе къ намъ въ госпиталь, были, понятно, еще въ худшемъ состояніи—изнуренные и болѣзненные, а бѣлья и одежды для нихъ у госпиталя не было, такъ какъ госпиталь располагалъ одеждой всего на 600 человѣкъ; больныхъ-же бывало тысячъ до трехъ и болѣе. Хорошо еще, что порціи отпускались по числу больныхъ. Общество „Краснаго Креста“ въ это время почти еще нисколько намъ не помогало. Полушубки, валенки, фуфайки и пр. мы получили лишь въ маѣ, такъ что помощь оказалась несвоевременною. Больныхъ турокъ помѣщали у насъ въ сараяхъ, человѣкъ по триста

вмѣстѣ; окошки были безъ стеколъ, и изъ нихъ торчали трубы, проведенныя отъ 5—7 чугунокъ, находящихся внутри сарая; къ этимъ чугункамъ больные тискались, толкая другъ друга, и часто дѣло доходило до драки. Духота и вонь въ сараяхъ были страшнѣйшія, особенно отъ соломы, служившей подстилкой несчастнымъ, больше всего тифознымъ, лихорадочнымъ и диссентерикамъ; больные такъ и валились: что ни ночь, то 15—20 мертвецовъ. Когда мы входили къ больнымъ съ лекарствомъ или съ пищей, на насъ они набрасывались какъ дикари, осыпая насъ просьбами, но не понимая по-турецки, мы, къ величайшей досадѣ часто становились въ тупикъ, что имъ именно было надо. Среди тяжелыхъ впечатлѣній намъ приходилось быть свидѣтельницами и довольно забавныхъ сценъ. Такъ, напримѣръ, солдатикъ уже порядкомъ поправился, а выходить изъ госпиталя ему не хочется; онъ жалуется на нездоровье и проситъ у доктора лекарства; послѣдній поручаетъ сестрѣ поставить термометръ (измѣрить больного), говоря при этомъ больному „теперь тебѣ легче будетъ“. На другой день на вопросъ доктора: „что? каково?“ тотъ отвѣчаетъ: „да, вотъ, послѣ трубочки-то полегче стало“.

Въ сентябрѣ изъ юртъ мы перешли на зимнія квартиры, размѣстившись по хатамъ обывателей-румынъ, которымъ госпиталь платилъ за это по 2 рубля въ мѣсяцъ; но они не особенно-то довольны были нашимъ вторженіемъ, такъ хаты у нихъ состояли лишь изъ холодныхъ сѣней и одной теплой комнаты, которою мы и завладѣвали. Самимъ хозяевамъ приходилось ютиться въ сѣняхъ. Впрочемъ, и наше житье было не особенно завидно; что касается, напримѣръ, горячей пищи, то намъ въ теченіи зимы ѣсть ее вовсе не приходилось: кушанье для насъ готовилось на госпитальной кухнѣ и перенесенное оттуда въ нашу общую столовую, не имѣвшую печки, быстро застывало. Съ бѣльемъ было тоже не лучше, оно отдавалось въ стирку румынкамъ, которыя брали за это дорого, а бѣлье возвращали такимъ-же почти, какимъ и брали. Кромѣ всего этого случалось, что намъ приходилось исполнять при больныхъ обязанности прислуги, потому что послѣдняя часто заболѣвала. Второму отряду нашихъ сестеръ приходилось часто и еще хуже нашего.

II.

Второй отрядъ нашихъ сестеръ направлялся, какъ уже было сказано, въ Тырновъ, но не доѣхавшій, по случаю фальшивой тревоги, даже до Зимницы, вернулся къ намъ въ Пятру; узнавъ-же, что тревога была ложная, отрядъ снова отправился на Тырновъ; на пути къ Зимницѣ, сестры встрѣтили г. Косинскаго, инспектора госпиталей, и Приселкова, военно-медицинскаго инспектора, которые просили ихъ поработать въ Систовѣ, гдѣ въ это время былъ 50-й госпиталь, сильно нуждав-

шійся въ сестрахъ. Онѣ согласились, и 21-го іюня отправились пѣшкомъ, такъ какъ лошадей достать не удалось: евреи заламывали баснословныя цѣны. Профессору Бергману, сопровождавшему ихъ, удалось купить пару лошаденокъ, которыя, запряженныя въ имѣвшійся у него экипажъ, хотя и еле-еле тащились, но все-же облегчили нѣсколько путешествіе для сестеръ, потому что онѣ, благодаря любезности доктора, пользовались поочередно экипажемъ. Дотащились скоро до Систова. Здѣсь скопилось уже до 600 раненыхъ, требующихъ немедленной помощи. Несмотря на утомительный путь, объ отдыхѣ не могло быть и рѣчи. Впрочемъ, при видѣ этихъ несчастныхъ откуда и силы брались! Сестрамъ пришлось здѣсь проработать дней 20. Когда больныхъ стало уже немного, человѣкъ 90, сестеръ откомандировали въ Зимничели (деревушка въ 3-хъ верстахъ отъ Зимницы), гдѣ былъ 57-й госпиталь, въ которомъ главнымъ докторомъ былъ г. Новицкій, и кромѣ него д-ра Успенскій, Бѣлинскій, одно время также Корженевскій съ своими ассистентами, и др. Здѣсь и больные, и сестры порядкомъ всего понатерпѣлись, особенно на первыхъ порахъ. Жить сестрамъ пришлось въ землянкахъ: больные помѣщались сначала прямо на открытомъ воздухѣ, кормили ихъ, — а обѣдъ и чай поспѣвалъ едва лишь къ 6 часамъ вечерамъ,—и перевязывали прямо въ телѣгахъ или на землѣ, гдѣ попало, а тутъ еще не доставало соломы для подстилокъ; больныхъ-же, между тѣмъ, все прибывало, число ихъ простиралось отъ 2-хъ до 4-хъ тысячъ. Многіе изъ больныхъ, которые въ состояніи были двигаться, въ надеждѣ на лучшую участь, цѣлыми партіями отправлялись пѣшкомъ верстъ за 30, напр., въ Пятру, гдѣ больнымъ, сравнительно, было хорошо, но случалось, что несчастные путники попадались изъ огня, да въ полымя. Черезъ нѣсколько времени общество „Краснаго Креста“ выстроило въ Систовѣ сарай: вырыли большую яму въ аршинъ глубиной, обнесли ее досками, промежутки между которыми законопатили болотною травой, крыша была такъ не прочна, что пропускала и дождь, и снѣгъ; внутри поставили нѣсколько чугунокъ; не помѣстившихся въ сараѣ больныхъ, болѣе слабыхъ, размѣстили по хатамъ. Нѣкоторыя изъ сестеръ жили тоже въ хатахъ вмѣстѣ съ хозяевами; иная семья человѣкъ десять, тутъ-же и сестра между ними, въ углу; цѣлый день она неотлучно при больныхъ; придетъ ночью въ свой уголъ, а тамъ вонь, духота, плачъ ребятъ, насѣкомыхъ куча... не всегда удастся уснуть при такихъ условіяхъ. Утромъ надо идти сестрѣ къ больнымъ, разбросаннымъ по разнымъ хатамъ; кругомъ ни души, дорожки заметены снѣгомъ, приходилось протаптывать самимъ сестрамъ, увязая въ снѣгу по поясъ. Бывали случаи, что сестра и выкарабкаться сама не можетъ, и приходилось ее вытаскивать, а то случалось, что нападутъ собаки и изорвутъ одежду въ клочки.

Сестры пробыли въ Зимничели до 26-го января, отсюда-же сестры,

30 августа, ѣздили на перевязочный пунктъ въ Тученицу, подъ Плевну. Ночью сбились съ пути, чуть было не наткнулись на турецкую цѣпь, начавшую въ это время перестрѣлку, такъ что рисковали быть замѣченными; онѣ поторопились, понятно, отретироваться, при этомъ заблудились еще больше; рѣшительно не зная, куда направиться, остановились въ ожиданіи разсвѣта, а погода была ненастная, дождливая, осушиться и обогрѣться негдѣ. Послѣ этого всѣ сестры прохворали, больше всего тифомъ и лихорадкой. Сначала заболѣло восемь изъ нихъ и такъ сильно, что ихъ пришлось отправить въ Петербургъ. На ихъ мѣста прислали 10 новыхъ сестеръ, но и тѣхъ постигла та-же участь. Одна сестра еще раньше заболѣла диссентеріей въ Систовѣ и тамъ нашла свою могилу.

Въ октябрѣ двѣ сестры изъ Зимничели съ двумя сестрами изъ Пятры ѣздили также на перевязочный пунктъ въ Горный Дубнякъ, гдѣ пробыли съ недѣлю. Больныхъ тамъ чрезвычайно много; такъ какъ они помѣщались на открытомъ воздухѣ, то на ночь, чтобы они не замерзали, ихъ покрывали соломой; поглядишь утромъ, солома завѣяна снѣгомъ, и только паръ да стоны, которые стоятъ надъ всѣмъ полемъ, даютъ знать о несчастныхъ. Намъ самимъ приходилось ночевать тоже гдѣ ни попало: въ операціонной съ больными, въ телѣгахъ; утромъ съ одѣялъ приходилось иногда стряхивать ледъ.

26-го января (1878 г.) сестры изъ Пятры и 28-го сестры изъ Зимничели отправились на Габрово, а отсюда черезъ Балканы въ Адріанополь. При переходѣ черезъ горы кто могъ ѣхалъ верхомъ по-мужски; къ довершенію неудобства, сѣдла у насъ были вьючныя и только два казацкихъ. Остальныя ѣхали въ повозкахъ, и имъ пришлось 5 дней пробыть на горѣ св. Николая, такъ какъ проѣхать было невозможно. Миновавъ Балканы, мы продолжали путь на обывательскихъ подводахъ, на волахъ, которые тащились такъ медленно, что мы предпочитали большею частію идти пѣшкомъ, дѣлая по 15—20 верстъ въ сутки. 10-го марта мы прибыли въ Адріанополь, гдѣ насъ очень радушно встрѣтилъ полковникъ Степовой, завѣдывающій госпиталями въ Адріанополѣ. Онъ помѣстилъ насъ въ комфортабельной квартирѣ съ баней, садомъ и оранжереей, и др. удобствами. Здѣсь 53-й госпиталь, при которомъ работалъ второй отрядъ нашихъ сестеръ, принялъ больныхъ 69-го госпиталя, самъ-же развернулся въ Карагачѣ, предмѣстьи Адріанополя. Больные, которыхъ здѣсь бывало до 4-хъ тысячъ, помѣщались въ сараяхъ, предназначавшихся прежде для шелковичныхъ червей. Мѣстность болотистая, воздухъ постоянно сырой. Сестры наши, которыя проработали здѣсь 4 мѣсяца, всѣ перехворали тифомъ, такъ что ихъ замѣнили на мѣсяцъ сестры „Краснаго Креста“.

Сестрамъ общества Краснаго Креста не приходилось испытывать

и половины тѣхъ невзгодъ, которыя выпали на долю намъ, сестрамъ Крестовоздвиженской общины, особенно тѣмъ, которыя были въ отрядѣ, имѣвшемъ во главѣ сестру Шаховскую. Сестры „Краснаго Креста" раздѣлены были на группы, каждая группа имѣла своего уполномоченнаго, который и обязанъ былъ о ней заботиться. У насъ-же уполномоченныхъ не было, такъ какъ къ обществу „Краснаго Креста" мы не принадлежали; вотъ поэтому-то мы и подвергались разнымъ, особенно дорожнымъ, неудобствамъ. Такъ, напримѣръ, во время пути въ Адріанополь, второму отряду нашихъ сестеръ пришлось разъ провести ночь въ избѣ, въ которой помѣщался скотъ, и въ харчевнѣ, гдѣ было не мало пьяныхъ, такъ какъ тутъ продавалась водка; посѣтители даже и ночью не давали покоя. Въ другой разъ, въ Казанлыкѣ, тоже на пути въ Адріанополь, нѣкоторыя изъ сестеръ до того перезябли и истомились, что не въ состояніи были продолжать путь и принуждены были остановиться.

Была ночь; дождь и холодъ такъ и пронизывалъ, а пріютиться было негдѣ; нашли, наконецъ, болгарскую избушку, въ которой незадолго передъ этимъ жили турки; послѣ ихъ ухода хозяева хаты выбѣлили стѣны и смазали полъ глиной, такъ что когда сестры пришли туда, то полъ и стѣны были еще совершенно мокрые, а печи еще совсѣмъ не было; но такъ какъ другаго пристанища не было, то сестрамъ волей-неволей пришлось здѣсь остаться. Поѣсть также ничего не достали, нашлась только фасоль (бобы), не свѣжая и съ деревяннымъ масломъ. Дѣлать нечего: мокрыя и голодныя, не раздѣваясь, улеглись на мокрый глиняный полъ—подостлать было нечего. Теперь буду продолжать разсказъ о нашемъ первомъ отрядѣ (съ Н. П. Надежиной во главѣ).

III.

Нашъ отрядъ, работавшій въ Адріанополѣ, находился, сравнительно, въ лучшихъ условіяхъ. Сами мы, какъ уже сказано, пользовались хорошимъ помѣщеніемъ. Больнымъ здѣсь было также несравненно лучше, чѣмъ, напр., въ Зимничели. Они помѣщались въ турецкомъ военномъ госпиталѣ, въ юнкерской школѣ и въ 3-хъ обывательскихъ домахъ; но эти помѣщенія были до насъ въ безобразномъ состояніи; для того, чтобы привести ихъ въ надлежащій порядокъ, намъ, по распоряженію андріанопольскаго губернатора, каждый день присылали по ротѣ солдатъ, которымъ случалось вывозить по 50 возовъ грязи въ день. Въ продолженіи мѣсяца, при неустанной работѣ, едва удалось привести все въ сносное состояніе; въ тоже время пріемъ больныхъ не прекращался и помощь имъ оказывалась. Въ это время намъ усердно помогало общество Краснаго Креста, снабжая насъ для больныхъ виномъ, чаемъ, сахаромъ и бѣльемъ—кроватнымъ и собственно для больныхъ; число послѣднихъ пре-

вышало 3 тыс.; почти исключительно были тифозные, раненыхъ самый незначительный процентъ. Здѣсь сестры уже не дежурили по ночамъ, какъ это бывало въ другихъ мѣстахъ.

15-го августа госпиталь закрылся, такъ какъ большинство больныхъ къ этому времени выздоровѣло, оставалось всего человѣкъ триста, часть которыхъ размѣстили по другимъ госпиталямъ, а остальныхъ переслали въ Россію. Вслѣдъ за ними, по распоряженію нашего начальства, и мы отправились домой.

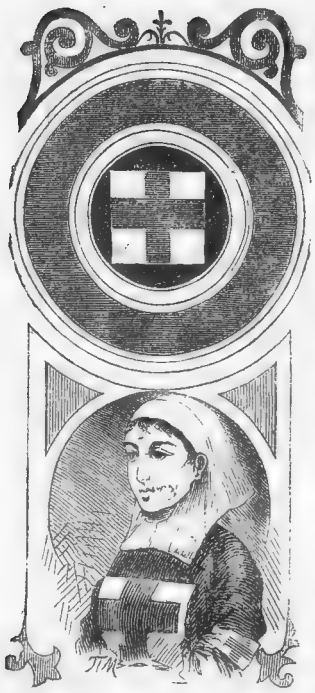
Наши сестры участвовали и въ санитарныхъ поѣздахъ, но я, къ сожалѣнію, ничего не могу сообщить о дѣятельности ихъ, за неимѣніемъ извѣстій.

При отъѣздѣ нашемъ въ Россію уполномоченный Краснаго Краста г. Панютинъ роздалъ намъ бронзовыя медали на андреевской лентѣ, съ надписью: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему“ и „1878 годъ“.

Со словъ участницы **А. К.**

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ КОБУЛЕТЫ 1877 г.

(Изъ записокъ доктора „Краснаго Креста“).



Въ ночь съ 20-го на 21-е мая, въ лагерѣ отряда генерала Данибекова, было замѣтное движеніе. Давно ужъ труба продребезжала „зорю“ и пропѣли „Отче нашъ“ — отчетливо разносившійся къ тишинѣ прохладнаго вечера; давно умолкли послѣ нихъ удалыя „хоровыя“, будто и не на позиціи, а тамъ гдѣ-нибудь въ Саратовской губерніи, а огни не гаснутъ по шалашамъ изъ вѣтвей, и не прекращается сдержанный говоръ и позвякиванье оружія. Въ три часа назначено выступленіе въ глубь Кобулетіи, къ горѣ Талахѣ, гдѣ укрѣпился Османъ-паша, поддерживая турецкими войсками непріязненныхъ намъ жителей. Далеко за полночь, выплываетъ луна, своимъ сильно ущербленнымъ дискомъ слабо освѣщая темные неизмѣримые лѣса гористой мѣстности вплоть, до Чернаго моря, съ турецкими броненосцами у самаго берега. Бѣлесоватый сырой туманъ стушевываетъ подробности и, легко пронизывая до костей, заявляетъ о своихъ злыхъ качествахъ, поражать губительной лихорадкой, свойственной этой чудно-живописной мѣстности, которую поэтому покидаютъ при первой возможности не безъ удовольствія.

Вотъ забѣгали темныя фигуры, какъ гномы въ мрачномъ, дикомъ лѣсу. Оружіе стало побрякивать какъ-то нескромно. Спокойный, звучный голосъ генерала, солдатскаго любимца, неторопливо отчеканиваетъ распоряженія. Блѣднѣетъ востокъ, а съ нимъ и луна... Колонна строится... Шутокъ не слышно, смѣху нѣтъ. Прогремѣли орудія... Свѣтъ разростается... Раздалось „ма-а-аршъ“... Заволновались шапки и правыя руки, осѣняя, на скоромъ ходу, мѣрнымъ крестомъ серьезныя солдатскія

лица, обращающіеся съ упованіемъ на востокъ и заимствуя отъ него еще зеленоватое фантастическое освѣщеніе, усиливающее впечатлѣніе строгости выраженія и серьезности момента. Чудное, тихое утро, для кого-то оно послѣднее?!.. Пройдя съ версту, встрѣтилась, въ сторонѣ отъ дороги, будто изъ-подъ земли выросшая, массивная фигура генерала Данибекова, верхомъ. Пожавъ руки проходящимъ знакомымъ и предводителю колонны, храброму полковнику кн. Чавчавадзе, пожелалъ всѣмъ добраго успѣха и благополучнаго возвращенія. Посовѣтовалъ снять санитарные бѣлые флаги съ крестомъ, здѣсь болѣе чѣмъ неумѣстные, и замѣнить чѣмъ-нибудь единственную бѣлую фуражку во избѣжаніе прицѣла.

Вскорѣ окончилось, топоромъ и огнемъ, расчищенное мѣсто, надвигался лѣсъ. Дорожка превращалась въ тропинку; зашумѣла по каменистому ложу, прихотливо разливаясь по сторонамъ ручьями, кристаллическая рѣченка Ачкоа. Отрядъ растягивался по-одиночкѣ, то поднимаясь, то опускаясь... Показалось солнце, и блеснули непроходимыя, изумрудныя стѣны рододендроновъ, азалій, олеандровъ, платановъ, папоротниковъ и неисчислимыхъ мелкихъ растеній наполняющихъ малѣйшіе промежутки между листьями; и все это скрѣплялось цѣпкими, „ползучими“, смѣло перебиравшимися отсюда дальше на вѣтвистыя вѣковыя деревья, заткавъ которыя, густою сѣткой до самыхъ верхушекъ, ниспадали граціозными гирляндами и отдѣльными нитями, такъ непріятно допекавшими своими твердыми, острыми иглами лицамъ и одеждѣ. Ярко пестрѣли на открытыхъ мѣстахъ разнообразные цвѣты; съ шумомъ падали водопады, водная пыль стояла надъ ними вся изъ радугъ на свѣту. Пчелы замѣтно жужжали, массами кружась особенно надъ азаліями. Запахъ лѣсной сырости, смѣшанный съ какимъ-то неопредѣленнымъ душистымъ, пріятно щекоталъ обоняніе, но тяжело дѣйствовалъ на мозгъ, производя одурманеніе — родъ легкаго опьяненія. Птицы, испуганныя необычнымъ многолюдствомъ, съ шумомъ выбивались изъ чащи и, сбитыя съ толку, летѣли Богъ знаетъ куда...

Перебредя много разъ чрезъ изобилующую форелями Ачкоа и ея притоки, брызжущіе по каменьямъ, тропинка стала круто подниматься въ гору, часто чрезъ гигантскіе, лежавшіе поперегъ, стволы и по нимъ надъ пропастями. Много нужно было усилій и гимнастической снаровки, чтобы слѣдуя ей не срываться. Не смотря на это, солдаты вошли въ свою колею и пошла болтовня:

— Мироновъ, а Мироновъ! ты трубку взялъ?

— Тебѣ догадался, себѣ позабылъ.

Хохотъ.

— Нѣтъ братцы, съ его не покуришь,—добавляетъ третій.

— Всѣмъ курева хватитъ, отозвался кто-то.—Чуточку повременитя.

— Ныньче братцы кажись и ротный безъ хлѣба вышелъ, не то что што, послышалось замѣчаніе.—Вишь куда драться приходится.

Молчаніе.

— И-и-и жаркій день будетъ, — прервалъ его безусый солдатикъ, движеньемъ головы мотнувъ кепку съ затылка на бокъ.

— Пропадешь мотри, ты-бъ въ отставку,—молъ не могу.

Хохотъ.

— Куды ты съ штыкомъ-то своимъ!—накинулся одинъ на передняго.

— Хиба тоби очи повылазылы.

— Повылазылы, — ворчитъ дразня задній, сознавая, что онъ самъ виноватъ, сильно напирая при спускѣ.—Ахъ ты, полтавская хиба, Мазепъ.

— Чего завелись... турки!..

— Нѣтъ братцы,—вмѣшивается новый голосъ,—ловкія это у нихъ ружья. Надысь ротный показывалъ, какъ ету мурзу убили. Это, говоритъ, агличанское.

— Наше небось такъ не хватитъ?! послышался полувопросъ.

— Куды!..

— Мастера-а-а! протянулъ кто-то.

— Ничаво, мы и англичанкѣ хвостъ обломаемъ коли што!

Молчаніе.

— А и стра-астъ меду въ этомъ лѣсу!—Отъ него дурѣютъ.

— Ты его должно ѣлъ?!

Тутъ послышался гдѣ-то впереди вверху глухой выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ „ура-а..“ электрически перескочившее чрезъ каждаго невольно встрепенувшагося, хотя и не знавшаго причины. Лилось оно сверху внизъ какъ потокъ, дѣлаясь, по мѣрѣ приближенія, все оглушительнѣй, грознѣй, такъ что въ немъ почти совершенно утонулъ звукъ послѣдовавшаго справа залпа. Будто хлестнуло что-то по деревьямъ и беззвучно посыпались, медленно кружась въ воздухѣ, листья и вѣтки.

„Что такое?..“ Для непривычнаго непонятно. „Что такое“.

— Вишь откуда палитъ,— раздалось замѣчаніе позади.

Залпы за залпами выдаются въ перебивку неумолкаемой, будто барабанной дроби ружейныхъ выстрѣловъ, неимѣющихъ ничего потрясающаго, страшнаго. Такъ это война; гдѣ-жъ врагъ? Его и не видно, а листья и вѣтки все падаютъ... Возлѣ будто крякнуло крѣпкое дерево подъ моментально замерзшимъ на немъ страннымъ шлепкомъ пули. Пули и пули!.. Градъ ихъ. Какъ снопъ, безъ стона повалился смертельно пораженный въ самое сердце солдатъ Грузинской дружины. Его коричневоблѣдная, помертвѣлая, выразительная физіономія, врѣзывалась въ память.—Носилки!.. Тучка проскользнула по лицамъ, ставшимъ серьезнѣе. Война дала ужъ себя почувствовать. А движеніе впередъ не останавливается... Вотъ направо пылаетъ красивый домикъ, изъ котораго раз-

дался выстрѣлъ и виновникъ скрылся. Трещитъ сухое дерево, взвивается черно-желтый дымъ, сыпятся искры и коробятся свѣжіе листья роскошныхъ деревьевъ, подъ которыми онъ такъ живописно пріютился надъ самымъ обрывомъ, на днѣ котораго шумитъ и пѣнится потокъ; а за нимъ, межъ рѣдѣющихъ вѣтвей, все бѣлое отъ дыма залповъ.

Ощущеніе спокойствія, а въ горлѣ сохнетъ, лицо горитъ. Видно то и дурно, что спокойствіе стало замѣтно. Только при тонкомъ анализѣ сказывается волненіе въ крови. Тропинка разширяется, разступаются деревья и вотъ голое, глинистое плато, справа и слѣва котораго скаты, покрытые садами; впереди бугры, между ними продолжается дорога, а позади нихъ, на ружейный выстрѣлъ, гора, окаймившаяся тотчасъ-же дымомъ залповъ, привѣтствуя наше появленіе. „Сто-о-й!“ передается спереди команда и каждый ищетъ укромнаго мѣстечка отъ перекрестнаго огня. Стонъ, за нимъ другой, третій, стонъ за стономъ и тотчасъ образовывается перевязочный пунктъ, по сю сторону бугра, на днѣ глинистой впадины, подъ нависшими мочками и корнями чудной группы деревьевъ. Здѣсь-же сбились въ кучу лошади и столпились кто успѣлъ. Невдалекѣ опять домикъ, надъ которымъ разсуждаютъ зажигать-ли его? Весь изъ струганнаго толстаго дерева, онъ блеститъ снаружи и внутри чистотой, а въ вырѣзныхъ, безъ стеколъ и переплетовъ, широкихъ окнахъ висячихъ галлерей, какъ въ рамкахъ, чудныя картины.

Прямо красивыя волнистыя линіи рѣжутъ необозримое, гористое, покрытое лѣсами, пространство на планы, смягчающіеся мало-по-малу до сквозящей легкости, въ воздушной дали чистаго, яркаго утра. На нихъ прозрачныя пятна отдѣльныхъ лѣсныхъ группъ домиковъ... Вонъ скалистое Цихисдзири съ чуть бѣлѣющими палатками турецкаго лагеря, внизу вьется змѣей р. Кинтриши, тамъ топи съ оазисами надъ лагунами, а налъ всѣмъ сверкающее море и два турецкихъ броненосца у берега, отчетливо вырѣзывающіеся своими микроскопическими подробностями. Довольно часто глухой металлическій грохотъ посылаемыхъ съ нихъ снарядовъ даетъ понятіе о дѣйствительныхъ размѣрахъ этихъ подробностей по звуку, долетающему сюда верстъ за пятнадцать или больше. Это бьются съ батарей Шаврова. Крайній предѣлъ нашихъ позицій того времени.

Вокругъ разбивали все въ обреченномъ на жертву огню домикѣ, который и запылалъ вскорѣ, усиливая своею близостью жаръ начинавшаго припекать солнца. Вонъ, не смотря на стонущія и визжащія пули, подъ которыми стоялъ домикъ съ прилежащею мѣстностью, загрызлись солдатики изъ-за росписной люльки. Да какъ серьезно. Каждый тащитъ себѣ.

— Нѣшто ты ее первый увидалъ?

— А то ты, похожъ на этакого!

Тамъ гоняются за мычащимъ теленкомъ, орущими курами. Гдѣ-то

*

деретъ горло пѣтухъ. А подъ чернымъ дымомъ пылавшаго домика жалобно мяучитъ, хитро, но на этотъ разъ неудачно, запрятавшаяся кошка. Хлопаютъ, взрываясь отъ огня, не открытые патроны. Тащутъ старое, негодное турецкое ружье и тоже не подѣлятъ. Зато скоро подѣлили въ старыхъ, витіевато раздѣланныхъ переплетахъ, магометанскіе молитвенники.

— Эй, Уфимецъ, Рахматулька, читай, что это по вашему?

Ротъ широко осклабился на скуластомъ лицѣ, узкіе, приподнятые по угламъ глазки, превратились въ щели, молодой солдатикъ изъ татаръ, добро и снисходительно улыбаясь, отнѣкивался, затѣмъ посмотрѣлъ:

— Чего! Тебѣ Богъ, его Богъ; какое такое дѣло, брось...

И полетѣли клочьями листки.

— Братцы, не бросайте, на цыгарки сгодится.

— Ну ихъ, сдохнемъ!

Въ сторонѣ толкуютъ:

— Тожъ вѣра ихняя и Богъ-отъ все тожъ, а все, значитъ, больше къ разбою. Теперича вонъ какъ жили, а что-жъ! Даромъ Богъ не попуститъ.

— Звѣстно!

А пули все хлещутъ по листьямъ и люди, дрожа, стонутъ подъ операціями. Вдругъ страшный, потрясающій трескъ невдалекѣ заставилъ невольно вздрогнуть, раскатившись сучучимъ эхомъ по горамъ. Взоры устремились, провожая шипящую параболу нашего снаряда. Гдѣ она прервалась, заклубился сѣрый дымокъ; новый, но болѣе глухой трескъ разрыва гранаты и вслѣдъ за нимъ будто дѣтскій, слабый крикъ многихъ голосовъ „ай-вай, вай, ва-а-й“. Заиграли рожки и врагъ сталъ видимымъ. Въ бинокль отчетливо обозначались крошечныя, перебѣгавшія черезъ лѣсную поляну, по ту сторону оврага, фигурки.

— Ага, не любишь! мотри словно зайцы, выдѣляется замѣчаніе.

На солдатскій глазъ бинокль плохое подспорье. Они говорятъ: „безъ него лучше, слободнѣй видно“ и вдаются въ изумительныя подробности безъ него. Подавшійся дальше, впередъ по ущелью, врагъ притихъ; но чрезъ нѣсколько минутъ вновь зачастилъ, особенно подъ прикрытіемъ одного домика. Новый трескъ, новая граната и вслѣдъ ей восклицанія:

— Эв-ва, куды; эта, братцы, не долетитъ!

И дѣйствительно, она разорвалась далеко передъ домомъ; зато слѣдующую одобрили и она вызвала опять протяжное: „ай, вай, вай, ва-ай!“ произведя, вѣроятно, адъ въ домикѣ и заставила притихнуть и еще продвинуться. Вдругъ и по ту сторону раздались орудійные выстрѣлы другой нашей колонны подъ командой Гурчина, и врагъ совсѣмъ затихъ, притаился.

Было 10 часовъ. 5 часовъ уже прошло со времени перваго выстрѣла. Офицеры расположились подъ корнями, кто спать, кто закусывать.

— Сербъ, хотите пропустить рюмочку?

— Я-бы лучше воды, отвѣчалъ краснощекій офицерикъ, прозванный такъ потому, что только передъ этимъ возвратился изъ сербской кампаніи.

— Ну ради Елены! Господа, вѣдь сегодня 21-е, у кого есть знакомыя имянинницы, кромѣ „прекрасной Елены“?

— Цей, не болтай, говоритъ, переворачиваясь на другой бокъ, возлѣ лежащій... мѣшаешь только спать.

Но, кажется, нѣ мало этого желалъ, судя по выраженію лица и задумчиво-грустно устремленныхъ въ самую траву большихъ сѣрыхъ глазъ. Раздался одиночный выстрѣлъ; еще несутъ одну жертву—массивнаго артиллериста, раненаго пулею въ ногу. Снимаютъ какой-то желтый пластырь, съ вопросомъ что это и гдѣ взялъ?

— А это, говоритъ, какъ малость затихло, дѣлать нечего стало, я и думаю: дай, говорю, возьму съ ящика какой ни на есть пластырь—на случай; подшелъ къ ему, значитъ, досталъ... она тутъ и вдарь, я и прилѣпилъ.

Непріятно увѣриться, что каждый шагъ подстерегается съ недоброю цѣлью; что эта тишина зловѣщая. Досадно, когда, желая вздохнуть чистымъ воздухомъ, поднимешься изъ затхлой ямы на открытый бугоръ, развязавши башлыкъ, прикрывающій бѣлую фуражку, окажешься мишенью незнакомому какому-то врагу, тотчасъ раздается вдали глухой выстрѣлъ и пошлешь проклятіе, какъ крупной дождевой каплѣ, моментально за звукомъ шлепнувшей безслѣдно пулѣ и только взвившійся легкій дымокъ желтоватаго праха, солотящійся на солнце, обозначитъ въ двухъ вершкахъ мѣсто, гдѣ она могла такъ глупо пригвоздить можетъ навѣки.

Скоро двинулись дальше вверхъ, предавъ землѣ „во брани убіенныхъ“. Вновь съузилась дорожка, извиваясь по откосамъ, вновь зачастила ружейная дробь. Наконецъ, взобрались на вершину, гдѣ стоялъ прекрасный большой домъ, подъ развѣсистымъ деревомъ, заботливо огороженнымъ, какъ и прилежащіе сады, уже пылавшій, подожженный нашими авангардными. Вышеописанный пейзажъ представлялся отсюда еще обширнѣе, а позади, выдвигаясь надъ зелеными верхушками ближайшихъ лѣсистыхъ горъ, блистала снѣжная Талаха. Сколько неба, воды, воздуху, но отравленнаго уже дымомъ пожаровъ и пороха, голубоватой пеленой разстилавшагося по ущельямъ и, цѣпляясь за деревья, лежавшаго бѣлыми пятнами на темномъ ихъ фонѣ. Весь пройденный путь легко распознать по взвивающимся желтоватымъ клубамъ и безобразно торчащимъ, обгорѣлымъ трубамъ. Слѣды возмездія были еще свѣжи и отчетливо краснорѣчивы. Прошли по дымящимся головнямъ, такъ какъ

обойти было некуда и гдѣ, храпя, пятились лошади; да и какъ было не пятиться, когда чувствовался запахъ горѣнія чего-то животнаго—это свертывалась на нихъ мѣстами шерсть. Одновременно съ нами долженъ былъ двигаться по ту сторону Гурчинъ, что и было очевидно изъ пушечныхъ выстрѣловъ, а съ лѣваго фланга Каргановъ; чтобы, оттѣснивъ такимъ образомъ непріятеля, ударить на Телаху. Движеніе шло медленно, оспаривался каждый шагъ. Неожиданно приходилось останавливаться на самыхъ невыгодныхъ мѣстахъ, подъ солнечнымъ припекомъ, гдѣ непріятель могъ бить на выборъ съ фронта и сверху. Но энергически завязывавшаяся орудійная пальба двухъ нашихъ колоннъ, отодвигала его немедленно.

Ничто такъ тяжело не давитъ, не волнуетъ, какъ разсужденія при бездѣйствіи о безвыходности положенія въ виду возможности смерти. Какой-то молодой, военный, докторъ, только-что выпущенный съ Выборгской, очень распространялся о варварствѣ окружающей среды и безцѣльности проявленія животныхъ инстинктовъ вообще, а надъ такими высокопризванными, по спеціальности, какъ онъ въ особенности, и что вовсе онъ не имѣлъ въ виду быть убитымъ какъ собака. „Спрячу, говоритъ, хоть голову, чтобы не убили сверху, такъ подло, въ темянныя кости“ и уткнулъ ее въ траву, что было-бы комично, когда-бъ было до смѣха. Когда-бы, отъ ежеминутнаго ожиданія быть представленнымъ“ во святыхъ“, не было такъ сухо въ горлѣ и во рту, что языкъ деретъ, не стучало-бы такъ сердце и дыханіе не было-бы такимъ прерывистымъ и горячимъ. А солдатики, упершись ногами въ корни, беззаботно валяются по крутымъ скатамъ съ опасностью свалиться и, чуждые обсужденія настоящаго момента, болтаютъ о недавнемъ прошломъ.

— Вотъ, значитъ, онъ схватился съ имъ, хочетъ его штыкомъ, а турокъ здоровенный, за штыкъ; не пущаетъ—хоть ты што хошь! Потомъ какъ рванетъ ружье... да вырвавши—за горло, этому дышать нечѣмъ; туды, сюды—ничего не подѣлаешь, смерть, значитъ, какъ клещами душитъ. Онъ и догадайся его подъ ножку... Турка объ земь, онъ на яго—ослобонился, значитъ, а справиться не можетъ. Тутъ наши, мы человѣкъ съ три подбѣгли, сичасъ прикладомъ по башкѣ, память туркѣ отшибли, а тамъ и зачали толковать порѣшить съ имъ; я и говорю, зачѣмъ, теперича все одно, а нашто душу губить... побегъ за водой, вылили ему манерку на голову—очухался, ну тутъ руки скрутили и привели—плѣнный, значитъ.

Въ другой группѣ солдатъ-санитаръ играетъ роль повѣствователя:

— Обхожу ето я поле, слышу „онъ“ стонетъ подбитый. Я къ ему, дай подсоблю, хоть и нехристь, все человѣкъ думаю, на мнѣ и хрестъ еще.

— Звѣстно по званію, добавили слушатели.

— Иду... Онъ какъ схватитъ съ земи ружью, глазища здоровен-

ные, ротъ скривило и, не успѣлъ я братцы одуматься... бацъ... шабашъ думаю, смерть; потомъ чуствую, значитъ самъ сибѣ, ничего... оглядѣлся... вижу турка тужится зарядить, а силъ нетути. Ну, коли такъ, думаю, ты проклятый, взялъ я ето камешекъ, да по головкѣ его и успокоилъ.

— И большой камень? поинтересовались окружающіе.

— Не дюже штобъ, а порядочный.

— Да братцы,—началъ новый,—народъ невѣрный; это подъ Ардаганомъ... бягуть, бросаются какъ бараны... ты къ ему... ружью объ земь, на колѣни, руки къ верху—Алахъ, Алахъ... сдается стало быть. Ну, одинъ солдатикъ нашъ, тожъ перваго батальона, повѣрь, пробѣгъ мимо... не тронулъ; а онъ табы яму въ спину... ну да не совсѣмъ штобъ... тотъ завернулся и покончилъ.

Часа два стояли на этомъ невыгодномъ мѣстѣ, до дальнѣйшаго передвиженія, когда потребовали нашу роту на смѣну передней, возвращавшейся на отдыхъ въ арріергардъ съ убылью гораздо больше нашей, которыхъ и погребли на мѣстѣ и песя только стонущихъ раненыхъ.

Такъ проходили часы, такъ добивались съ упорствомъ назначенной цѣли—Талахи, чтобъ облегчить достиженіе общихъ великихъ результатовъ.

Тяжела горная война на непріятельской территоріи. „Хозяину и стѣны помогаютъ“, каждый камень хорошо ему знакомъ и можетъ грозить пришельцамъ неожиданною и безнаказанною смертью, при легкости укрыться въ хорошо извѣстной чащѣ, сбѣжать по тропинкѣ, по которой онъ бѣгалъ еще въ дѣтствѣ. Легко быть отрѣзаннымъ, что не разъ показываетъ исторія прежнихъ здѣсь усилій и борьбы.

Настоящая экспедиція окончилась тоже неудачно. Стали валиться поражаемыя, кромѣ фланга еще сверху, неизвѣстно, какимъ путемъ проникшими туда силами. Наконецъ бросились на крутизны Талахи. Но, что казалось возможнымъ издали, на дѣлѣ вышло сверхъ человѣческихъ силъ. Шагахъ въ 80-ти отъ цѣли принуждены были „отбоемъ“ остановить, не разсуждая лѣзущую храбрость, не взирая на кубаремъ скатывающихся товарищей, поражаемыхъ свинцомъ, которымъ турки просто обливали. Больше сотни убитыхъ и раненыхъ, и недостигнутая цѣль не лишили бодрости при обратномъ походѣ на прежнюю позицію, куда и прибыли поздно вечеромъ. Часть войскъ осталась, впрочемъ, въ горахъ, для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій.

Таковъ характеръ войны, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, которая велась въ Ріонскомъ отрядѣ до самаго 19-го февраля 1879 г., принося, не всегда замѣчаемыя читающей публикой, извѣстія, подъ скромнымъ названіемъ—„Изъ-подъ Цихисдзири“.

Владиміръ Егоровичъ Шрейдеръ.

Г. Тифлисъ, 1-го марта 1878 г.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА ЗАМѢТКУ

ОФИЦЕРА РЕВЕЛЬСКАГО ПОЛКА г-на ВАГНЕРЪ.

-нъ Вагнеръ во II томѣ „Сборника военныхъ разсказовъ", между прочимъ, помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Ловча", — въ которой искажены нѣсколько факты дѣла, а потому, какъ дѣйствующее лицо этой кровавой драмы, я рѣшаюсь возстановить истину и оправдать дѣйствіе 3-й стрѣлковой бригады.

Дѣло было такъ, какъ я уже описалъ его во II-мъ же томѣ того же изданія, въ статьѣ подъ названіемъ: „Замѣтки стрѣлка 3-й стрѣлковой бригады"; теперь же постараюсь повторить, съ большею подробностью, первый актъ боя.

Позицію, на правомъ флангѣ нашихъ войскъ, дѣйствительно заняла наша бригада и расположилась слѣдующимъ образомъ: на самомъ крайнемъ флангѣ сталъ въ первую линію 12-й стрѣлковый батальонъ, въ двѣ линіи по-ротно, — моя 3-я рота была въ первой линіи, рядомъ и лѣвѣе насъ сталъ 11-й стрѣлковый батальонъ, а съ нимъ 10-й стрѣлковый батальонъ. 9-й же стрѣлковый батальонъ остался въ резервѣ за дальнобойной нашей батареей и въ то же время служилъ ей прикрытіемъ. Батарея стояла между 10-мъ и 11-мъ стрѣлковыми батальонами. Сводая же гвардейская полурота стала въ резервѣ за нашимъ батальономъ.

Какъ разъ передъ моей ротой находился высокій курганъ съ шалашемъ, укрѣпленный турками и о которомъ говоритъ г. Вагнеръ.

Бой начали турки, пустивъ въ насъ двѣ гранаты,—разумѣется, вызовъ не остался безъ отвѣта, дѣло началось. Мы лежали безъ выстрѣла до 10-ти часовъ утра, не смотря на то, что турки осыпали насъ пу-

лями, какъ градомъ, — и у насъ уже выбыли изъ строя ранеными два ротныхъ командира, 1-й роты поручикъ Гавриленко и 2-й роты штабсъ-капитанъ Уманецъ и нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ. Около 9-ти часовъ утра изъ-за кургана показалась турецкая цѣпь, которая, наступая на насъ, забирала лѣвымъ плечомъ, какъ бы желая обхватить нашъ флангъ. Тотчасъ я удлинилъ еще взводомъ свою цѣпь вправо и послалъ донесеніе командиру батальона, полковнику Кургель, въ виду чего онъ передвинулъ 4-ю роту вправо. Турки понемногу все спускались ниже и противъ моего лѣваго фланга, они уже были почти у ручья внизу, слѣдовательно оставался одинъ подъемъ до нашей цѣпи. Вотъ теперь-то, т. е. около 10-ти часовъ утра, а не въ 6 часовъ, какъ говоритъ г. Вагнеръ, генералъ Добровольскій подалъ сигналъ: „стрѣлки, атака!“ Мы бросились внизъ и, перейдя ручей подъ градомъ пуль, взяли два ряда турецкихъ ложементовъ, и наконецъ я съ ротой взялъ курганъ съ шалашемъ. Помня отлично приказаніе командира,—не увлекаться преслѣдованіемъ, а провожать бѣгущихъ огнемъ,—я спустилъ роту съ кургана ниже и, залегши въ виноградникѣ, стрѣлялъ по отступающимъ туркамъ и влѣво по еще занятымъ турецкимъ ложементамъ. Цѣпь моя и двѣ роты нашего батальона, перемѣшавшись съ людьми 10-го и 11-го батальоновъ, а также и съ гвардейцами, спустилась почти къ рѣкѣ Осмѣ и, здѣсь залегши, стрѣляла на другой берегъ. Въ это время мы получили приказаніе начальника бригады дальше не идти, такъ какъ къ намъ идетъ на подкрѣпленіе полкъ. Между тѣмъ, турки разсыпали одинъ свѣжій таборъ и стали опять переходить рѣку. Цѣпь наша отодвинулась назадъ, чтобы лучше прикрыться деревьями, и послала такой губительный градъ пуль, что турки сейчасъ же воротились назадъ. Въ это время мы получили второе приказаніе генерала Добровольскаго,— что, когда пройдетъ Ревельскій полкъ, мы должны воротиться и собраться у ручья. Дѣйствительно, вскорѣ полкъ прошелъ насъ, а мы возвратились въ долину ручья.

Такимъ образомъ, мы не отдавали ни одной турецкой позиціи назадъ и турки не думали брать обратно кургана съ шалашемъ. Г. Вагнеръ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что курганъ перешелъ обратно къ туркамъ, а въ другомъ мѣстѣ, — что его полкъ уже лежалъ за курганомъ, когда стрѣлки спустились съ него и переходили ручей (въ дѣйствительности мы ручья вовсе не переходили). Не ясно ли, что когда полкъ подошелъ къ кургану, то стрѣлки были возлѣ него или впереди,— иначе, гдѣ бы они были, когда бы курганъ былъ занятъ турками.

Что генералъ Добровольскій послалъ за подкрѣпленіемъ и торопилъ его, нѣтъ ничего удивительнаго и мѣра очень благоразумная. Бригада наша понесла большія потери и нужна была не на одно только сраженіе, — да кромѣ того, если бы турки дѣйствительно обрушились на насъ,—

то мы бы не устояли, хотя, въ крайнемъ случаѣ, отступили бы только до кургана, а здѣсь бы пришлось умереть всѣмъ. Насъ учили, что отступленія нѣтъ, а въ данномъ случаѣ мы это отлично понимали, во-первыхъ, потому, что знали, что за нами резерва нѣтъ, — гвардейцы давно ужъ были въ дѣлѣ; а во-вторыхъ, если бы турки опять заняли курганъ, намъ пришлось бы подъ ихъ огнемъ спускаться чуть не кубаремъ къ ручью и потомъ по пологому скату подыматься на верхъ,— значитъ, все равно быть побитыми; понятно, что мы остались бы на курганѣ,—а изъ него было бы хорошо обороняться, такъ какъ доступъ къ нему со стороны турокъ открытъ и поражаемъ на большомъ разстояніи.

Паники никакой не было, да и не могло быть,—причинъ не было,— въ патронахъ не нуждались, да потомъ получили извѣстіе, что полкъ идетъ.

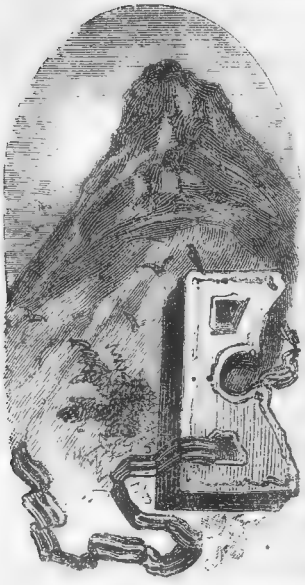
Я не знаю, откуда г. Вагнеръ почерпнулъ свѣдѣнія о первой половинѣ боя,—разумѣется, онъ его самъ не видѣлъ, а передали ему совершенно невѣрно.

Все сказанное мною могутъ подтвердить: вся 3-я стрѣлковая бригада, гвардейская полурота и дальнобойная наша батарея. Г. Вагнеръ говоритъ, что генералъ Добровольскій сознался передъ смертью въ своей ошибкѣ,—не знаю; но Добровольскій умеръ на носилкахъ, послѣ раненія черезъ 20 минутъ; при смерти его не было никого, и вѣроятно ему тогда было не до разсужденій о ловчинскомъ дѣлѣ. Полагаю, что здѣсь какое-то недоразумѣніе.

Сахацкій.

М. Смѣла, 5-го октября 1879 г.

БОЕВЫЯ ЗАМѢТКИ СТРѢЛКА.



ыступили мы въ походъ, въ полномъ боевомъ походномъ снаряженіи и сейчасъ же столкнулись съ недостатками его; въ нѣкоторыхъ вещахъ пришлось сдѣлать измѣненія, другія же просто бросить. Такъ какъ въ эту кампанію я учавствовалъ въ качествѣ ротнаго командира, то дѣло это было близко мнѣ и потому я рѣшился сдѣлать нѣсколько замѣтокъ по этому поводу.

Сначала мобилизаціи оказалась полная непрактичность готовыхъ сапогъ, которые были выданы людямъ, прибывшимъ изъ запаса. Невозможно было пригнать ноги по сапогамъ, тѣмъ болѣе, что эта мѣра предпринималась не для смотра, а для похода, въ которомъ сапогъ — вещь самая главная. Не надо забывать, что сапоги несутъ за собой побѣду, лучше имѣть остальную одежду хуже, а обувь хорошую. Сапоги, выданные намъ, рѣдкому годились; пришлось всѣ передѣлывать, или же совсѣмъ продавать и покупать новые; но гдѣ же солдатъ возьметъ 3 или 4 руб. на эту покупку или шитье? Разумѣется, будетъ просить у своего ротнаго командира, а этотъ по неволѣ дастъ, потому что начальство ничего не принимаетъ въ резонъ и требуетъ, чтобы были сапоги, но откуда возьметъ солдатъ, чтобы уплатить долгъ своему командиру? такъ у меня пропало 32 руб. Хорошо еще, что судьба распорядилась такъ, что послѣ мобилизаціи, войска начали дѣйствовать черезъ 6-ть мѣсяцевъ, слѣдовательно, было время всякими правдами и неправдами соорудить сапоги, въ противномъ случаѣ пришлось бы идти хоть босикомъ. Это зло, мнѣ кажется, можно бы было устранить слѣдующимъ образомъ: выдавать въ войска, въ неприкосновенный запасъ товаръ и въ случаѣ надобности обращенія его въ сапоги, привлекать къ работѣ

всѣхъ частныхъ мастеровыхъ, съ платою по установленной казенной цѣнѣ. Что же дѣлать, пусть это будетъ какъ повинность. Духъ наживы, въ это время, сильно охватываетъ рабочій классъ и они берутъ за работу ужасныя цѣны,—съ моихъ солдатъ брали по 4 руб. Тѣмъ же условіямъ подвергнуть и портныхъ, такъ какъ солдатамъ выдается холстъ на рубахи и подштанники и зачастую не будетъ время ротѣ шить своими средствами. Впрочемъ, эти вещи можно имѣть въ запасѣ въ готовомъ видѣ. Надо еще сказать, что холстъ, отпускаемый на рубахи и подштанники, очень толстъ и солдатъ изъ нихъ никогда бѣлье не шьетъ, а продаетъ за безцѣнокъ и покупаетъ тоньше. Рубашечный холстъ еще годится на гимнастическія рубахи и портянки,—подкладочный же никуда негоденъ.

Перехожу къ вещи, которая послѣ сапогъ, играетъ первую роль,—это ранецъ. Въ мирное время, онъ красивъ и удобенъ, въ военное онъ не возможенъ; всю его непригодность показала настоящая война Извѣстно, что ранецъ съ полной укладкой вѣситъ 24 фунта, слѣдовательно, тяжесть изрядная, — ремни, держащіе его на плечахъ, сильно давятъ, такъ что всѣ солдаты подкладывали подъ нихъ платки, тряпки, — плечи они сильно натираютъ, связываютъ руки для дѣйствія, спина вѣчно въ поту и преетъ; а для большихъ переходовъ тяжесть очень велика. Мы шли сзади многихъ войскъ нашихъ и видѣли по дорогамъ много брошенныхъ наушниковъ, рукавицъ, набрюшниковъ, сапогъ и проч., солдатъ все бросалъ, что могъ, лишь бы облегчить ранецъ,—наши дѣлали тоже. Лучшимъ доказательствомъ непригодности ранцевъ служитъ то, что всѣ войска оставили ихъ въ разныхъ мѣстахъ и кампанію дѣлали безъ нихъ. Турки, въ этомъ отношеніи, практичнѣе, — у нихъ за спинами мѣшки съ вещами, они легче, укладистѣй, хотя красотой не отличаются.

Огромную пользу приносили котелки, въ нихъ солдаты варили чай, супъ, носили воду и сухари, даже выбрасывали ими землю, при постройкѣ укрѣпленій, какъ было на Зеленыхъ горахъ подъ Плевною.

Для воды намъ было приказано завести бутылки отъ зельтерской воды и обшить ихъ сукномъ. Мѣра хорошая въ идеѣ, но примѣнена была неудачно. Бутылки были очень малы, бились часто и рѣзали плечи шнурками. Солдаты скоро всегда примѣняются и соображаютъ въ такихъ вещахъ лучше и скорѣе всякихъ коммиссій,—они бросили бутылки и обзавелись тыквами, въ родѣ бутылокъ,—они легче, воды больше, вода лучше сохраняется, привязывали ихъ къ поясу,—многіе же завели себѣ жестяныя плоскія фляги, обшитыя сукномъ или кожей.

Чего еще много было брошено, это подкладки изъ шапокъ, дѣйствительно, она мало чѣмъ полезна, утяжеляя шапку, она мало грѣетъ зимой и очень жарка лѣтомъ, да для зимы есть башлыки.

Патронныя сумки, которыхъ на солдатѣ двѣ, вмѣщаютъ мало патроновъ (60 штукъ), даютъ слѣдующія невыгоды,—доставая одинъ патронъ, разсыпаются всѣ остальные, а каждый разъ застегивать сумку, во время боя, дѣло невозможное. Солдаты высыпали обыкновенно патроны въ карманы и сухарные мѣшки, висѣвшіе черезъ плечо.

Въ эту кампанію, сраженія бывали очень упорныя, зачастую продолжавшіяся съ ранняго утра до поздней ночи,—вслѣдствіе чего патроновъ не хватало, а подвозъ и подноска ихъ чрезвычайно трудна, вотъ почему необходимо увеличить число патроновъ на солдатъ, а слѣдовательно и перемѣнить сумки. Увеличеніе количества патроновъ не будетъ въ ущербъ ни дисциплинѣ огня, ни мѣткости, а этимъ мы избѣжимъ того грустнаго факта, который такъ часто повторялся въ эту войну, — цѣпь оставалась безъ патроновъ по нѣскольку часовъ, отчего несла большія потери. Послѣ перваго сраженія, въ которомъ мы учавствовали, солдаты имѣли по 90 и даже по 120-ти патроновъ, которые они взяли у убитыхъ и раненыхъ товарищей. Они берегли патроны, какъ зеницу ока, зная какое горе, когда не хватаетъ ихъ въ бою.

Перехожу къ снаряженію офицеровъ: сабля для военнаго времени совершенно не годится,—клинокъ тупится о желѣзныя ножны, она гремитъ, блеститъ, пригонка ея не соотвѣтствуетъ цѣли, идти или бѣжать очень мѣшаетъ, а ужъ и не думай куда нибудь проползти съ ней. Оттого многіе офицеры бросали сабли, какъ только являлась возможность замѣнить ихъ турецкими шашками. Шашка безъ сравненія лучше выполняетъ свое назначеніе, клинокъ не тупится, она не блеститъ, не гремитъ и пригонка хороша. Турки издали по блеску сабель угадывали офицеровъ и стрѣляли въ нихъ.

Револьверъ Смита и Вессона очень хорошъ, но недостатокъ его состоитъ въ томъ, что онъ великъ, тяжелъ и не имѣетъ двойнаго дѣйствія.

Ранецъ никуда не годится,—это смотровая игрушка. Онъ такъ малъ, что туда ничего не влѣзетъ, промокаетъ отлично, пригонка его связываетъ руки,—всѣ офицеры бросили ранцы, какъ лишнее бремя.

Водоносныя фляги нужны и офицерамъ.

Мы были вооружены винтовками Бердана № 1-й, онѣ выполняли свое назначеніе блистательно, экстракція была всегда хороша. При переходѣ черезъ Дунай, было приказано примкнуть штыки, мѣра чрезвычайно хорошая,—въ бою солдатъ можетъ забыть это сдѣлать; но штыки наши очень мягки, послѣ первой штыковой работы, большая половина ихъ была погнута, а это вѣдь имѣетъ большое вліяніе на мѣткость стрѣльбы.

Теперь скажу нѣсколько словъ о тактикѣ нашей въ эту войну. Всѣ послѣдніе выводы науки, всѣ опыты послѣднихъ войнъ, въ духѣ которыхъ насъ учили и воспитывали, — въ эту войну почти не пригодились

и здѣсь же на полѣ битвы пришлось примѣняться къ своеобразному образу дѣйствія. Первое сраженіе показало, что турки сражаются за окопами,—открываютъ стрѣльбу изъ ружей съ 2000 шаговъ, артиллерія еще раньше. Съ этой дистанціи до 600 шаговъ, ихъ огонь очень дѣйствителенъ, но не по мѣткости, а по огромному количеству свинца, выпущенному въ данную минуту. Съ дальнихъ дистанцій они еще стрѣляли отъ щеки и съ заранѣе измѣренныхъ дистанцій, но по мѣрѣ приближенія нашего къ нимъ,—они прятались совсѣмъ въ окопы, стрѣляли прямо положа ружье на брустверъ, не перемѣняя прицѣла и не цѣлясь, вотъ почему съ 600 шаговъ пули всѣ шли памъ черезъ головы, развѣ шальныя попадали. Ни въ одну кампанію еще не было выпущено столько патроновъ, однимъ изъ противниковъ, какъ въ эту.

Такъ, напримѣръ, въ сраженіи подъ г. Ловчей 22-го августа 1877 года, на лѣвомъ флангѣ турокъ, а на нашемъ правомъ, въ теченіи 6-ти часовъ боя, т. е. до взятія нами ихъ укрѣпленій, турки выпустили около 134-хъ патроновъ на каждаго, тогда какъ мы выпустили среднимъ по 13-ти штукъ на стрѣлка. Состязаться съ этой безумной стрѣльбой мы не могли, потому что были наступающими, не имѣли столько патроновъ и, наконецъ, турки всегда были совершенно скрыты, въ силу послѣдняго обстоятельства, мы не одинъ разъ брали турецкія позиціи безъ выстрѣла, а начинали стрѣлять въ догонку отступавшему непріятелю. Такъ было въ сраженіи подъ г. Ловчей и 30-го августа при взятіи редутовъ на Зеленыхъ горахъ подъ Плевной.

Залпы употреблялись очень часто и турки, наступавшіе большею частію густыми массами, никогда не выдерживали ихъ, они были для нихъ ужасны. Замѣчательна была дисциплина въ нашихъ войскахъ, — залпы часто бывали, какъ на смотрахъ, стрѣльба цѣпи была рѣдкая и мѣткая, останавливать ее было легко.

Наступая, турки стрѣляли отъ пояса, положа ружье на лѣвую руку, отступая клали его на плечо и стрѣляли назадъ.

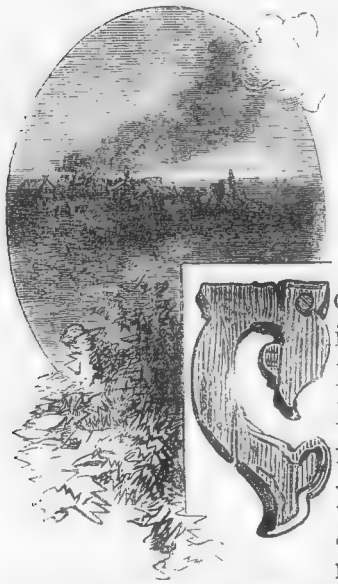
Мы наступали не перекатами, какъ насъ учили, а всей цѣпью, стараясь скорѣй приблизиться къ противнику, дабы меньше нести потерь. За каждымъ прикрытіемъ залегали и стрѣляли по видимымъ цѣлямъ. По артиллеріи не приходилось стрѣлять, потому что турки, имѣя превосходныя крупповскія дальнобойныя орудія, ставили ихъ всегда внѣ выстрѣла ружья и все время держали ихъ далеко. Иногда ихъ баттареи такъ далеко стояли, что даже наши 9-ти фунтовки съ трудомъ съ ними состязались. И такъ, нашъ средній порядокъ для боя былъ приблизительно слѣдующій: первая линія состояла изъ густой цѣпи, имѣя за собой поддержки, которыя рѣдко разсыпались, потому что мы долго не занимались стрѣльбой, такъ какъ турки были хорошо прикрыты; вторая линія состояла изъ развернутыхъ ротъ, третья линія, смотря по мѣстно-

сти. Мы долго не ждали, пока артиллерія наша обстрѣливала непріятельскія позиціи, въ которыхъ она болѣе всего обращала вниманія на артиллерію противника, а по ложементамъ и траншеямъ его почти не стрѣляла. Я уже сказалъ, что мы долго не лежали на одномъ мѣстѣ, скоро подымались и бѣжали впередъ шаговъ на 300, залегали опять, при томъ цѣпь и резервы подымались и бѣжали одновременно, дабы не представлять отдѣльныхъ мишеней; цѣпь старалась всегда охватить флангъ, чего турки страшно боялись,—съ 200 шаговъ, рѣдко ближе мы бросались съ крикомъ „ура“ въ аттаку, при этомъ непріятель почти никогда не выдерживалъ, а бросался назадъ и оставлялъ позиціи; тогда мы останавливались и провожали ихъ огнемъ.

N. N.

СРАЖЕНІЕ 18-го ІЮЛЯ 1877 г. ПОДЪ ПЛЕВНОЮ.

(Изъ наблюденій врача).



Совершивъ переходъ черезъ Дунай у Систова 9-го іюля, мы стали лагеремъ возлѣ болгарской дер. Парадимъ, находящейся въ 12—15 верстахъ отъ Плевны,и ожидали распоряженій, чтобы двинуться дальше и взять тотъ городъ, подъ которымъ 8-го іюля наши войска потерпѣли неудачу. 30-я пѣхотная дивизія собралась почти въ полномъ составѣ въ Парадимѣ и въ окрестныхъ деревняхъ. Вскорѣ прибыла сюда 1-я бригада 32-й дивизіи.

При такихъ обстоятельствахъ, 17-го іюля, мы узнали, что на военномъ совѣтѣ, бывшемъ въ этотъ день у генерала Криденера, командовавшаго всѣмъ отрядомъ, было рѣшено атаковать турецкую армію, засѣвшую въ Плевнѣ.

Вечеромъ корпусной врачъ XI корпуса пригласилъ къ себѣ врачей тѣхъ частей войскъ, которыя въ предстоящемъ сраженіи назначены были быть на лѣвомъ флангѣ отряда, сообщилъ, что завтра ожидается сраженіе и приказалъ намъ быть готовыми по части поданія помощи раненымъ. Каждый изъ врачей, послѣ бесѣды съ корпуснымъ врачемъ, удалился въ свою часть, чтобы отдать приказанія и сдѣлать необходимыя приготовленія. Всѣ чувствовали серьезность завтрашняго дня, нѣкоторые прощались другъ съ другомъ, писали письма роднымъ и друзьямъ.

Рано утромъ, 18-го іюля, мы двинулись впередъ. Утро было прохладное и пасмурное. Въ 11 часовъ утра мы услышали первые выстрѣлы

изъ орудій. Полку, съ которымъ я шелъ, велѣно было остановиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Движимый любопытствомъ, я поѣхалъ верхомъ дальше къ тому мѣсту, на которомъ были расположены наши батареи.

Не доѣзжая около сотни шаговъ отъ одной изъ батарей 32-й артиллерійской бригады, я услышалъ выстрѣлы нашихъ орудій, свистъ и жужжаніе непріятельскихъ снарядовъ, тамъ и сямъ падавшихъ и разрывавшихся. Въ сторонѣ лежала убитая лошадь. Осмотрѣвши мѣстность и разспросивши о томъ, гдѣ находятся турецкія батареи, я возвратился назадъ. Было около часу пополудни. День изъ пасмурнаго и прохладнаго теперь совершенно измѣнился. Солнце ярко свѣтило и становилось жарко. Бездѣйствіе, однако, раздражало меня, такъ какъ полкъ, въ которомъ я служилъ, не вступалъ еще въ бой. Поэтому я отправился на перевязочный пунктъ, позади котораго и нѣсколько влѣво находились войска, бывшія въ резервѣ.

Перевязочный пунктъ былъ расположенъ въ лощинѣ, находившейся недалеко отъ д. Радишево и лежавшей вправо отъ нея. Здѣсь уже были поставлены шатры полеваго лазарета, куда носили раненыхъ и производили имъ перевязки и операціи. Влѣво отъ лощины, въ которой находился перевязочный пунктъ, виднѣлась, въ 500—600 шагахъ, дер. Радишево. Возлѣ нея расположились два полка 30-й пѣхотной дивизіи.

Почти на одной линіи, параллельно перевязочному пункту и съ правой его стороны, стояла батарея 32-й артиллерійской бригады, стрѣлявшая по турецкимъ позиціямъ. То и дѣло орудія посылали снаряды къ туркамъ и эти снаряды, свистя и жужжа, несли смерть. То вдругъ особенный рѣзкій свистъ и жужжаніе непріятельскаго снаряда, разрывъ его, вырвавшійся изъ чьей-то груди стонъ или крикъ, вѣроятно, раненой лошади производили какое-то особенно непріятное, давящее ощущеніе. На носилкахъ къ шатрамъ полеваго лазарета носили раненыхъ артиллерійскими снарядами.

Тутъ были размозженыя конечности съ оборванными лоскутами кожи, съ запекшеюся кровью, вывалившіяся внутренности, покрытыя кровью и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почернѣвшія отъ пороха. Въ лазаретѣ хирурги занимались накладываніемъ повязокъ, дѣлали ампутаціи и укладывали раненыхъ. Въ шатрахъ былъ какой-то специфическій запахъ, въ которомъ можно было различить запахъ крови съ хлороформомъ.

Возлѣ шатровъ у носилокъ, опущенныхъ на землю, стояли отдыхая санитары, принесшіе раненыхъ и отирали рукавами потъ, струившійся по ихъ суровымъ сосредоточеннымъ лицамъ, вполголоса разговаривая между собою. Въ сторонѣ отъ нихъ священникъ въ эпитрахилѣ и съ крестомъ напутствовалъ тяжело раненыхъ. Нѣсколько солдатъ стояли возлѣ священника, снявъ фуражки и съ какимъ-то угрюмымъ сочувствіемъ смотрѣли на несчастныхъ жертвъ войны. Вдали слышались оди-

ночные ружейные выстрѣлы. Изъ деревни то и дѣло показывались санитары, несшіе воду въ ведрахъ и тутъ-же кипятился громадный самоваръ и чайники. Птицы безпечно щебетали, легкій вѣтерокъ колебалъ рослую вдали кукурузную ниву, донося къ намъ запахъ пороховаго дыма.

Поработавъ въ полевомъ лазаретѣ, я возвратился назадъ къ своему полку и узналъ, что вскорѣ начнется атака турецкихъ позицій. Голодъ мучилъ меня, такъ какъ съ ранняго утра, не напившись чаю, я успѣлъ только съѣсть нѣсколько черныхъ сухарей и кусокъ варенаго мяса. Кипѣвшій самоваръ соблазнилъ меня. Съ невыразимымъ наслажденіемъ я выпилъ два громадныхъ стакана чаю, прибавивъ туда немного коньяку и лимонной кислоты.

Немного отдохнувши и закуривъ папиросу, я вышелъ изъ лощины и поднялся на холмъ, немного впереди деревни Радишево. Раздавшійся близко возлѣ меня рѣзкій свистъ и жужжаніе, затѣмъ, паденіе снаряда и разрывъ его заставили меня удалиться изъ этого мѣста, оглядываясь съ боязливымъ любопытствомъ вокругъ. Все чаще и чаще слышались ружейные выстрѣлы.

На перевязочный пунктъ носили раненыхъ пулями солдатъ и офицеровъ 32-й дивизіи. Внезапно, какъ-бы передъ самымъ ухомъ, раздалась ружейная трескотня, дать понятіе о характерѣ которой довольно трудно. Эту трескотню можно представить себѣ отчасти, если вообразить стукъ телѣги, несущейся по каменной мостовой. Эта трескотня производила въ высшей степени непріятное ощущеніе, которое не могли производить залпы изъ нѣсколькихъ орудій. Вскорѣ раненые пулями стали больше и больше прибывать на перевязочный пунктъ. Раздавалась масса стоновъ, воплей, и перевязочный пунктъ представлялъ довольно оживленную картину. Вокругъ на землѣ лежали ящики съ хирургическими инструментами, ярко блестѣвшими на солнцѣ. Рядомъ съ ними лежали бинты, вата, марля и т. п.

Почти всѣ раненые на вопросъ, въ какомъ положеніи дѣла? отвѣчали, что плохо, что турокъ видимо-невидимо, что они стрѣляютъ изъ ложементовъ, что при занятіи этихъ ложементовъ были въ нихъ найдены бѣлые сухари, медъ и проч., и что изъ нихъ они явственно слышали русскую брань и, между прочимъ, слова: „уходите скорѣе за Дунай, а то мы потопимъ васъ въ немъ“. Въ сторонѣ какой-то солдатъ-еврей, раненый въ руку и перевязанный уже, сидя о чемъ-то горячо разговаривалъ на своемъ языкѣ съ другимъ также раненымъ евреемъ.

Вскорѣ ружейные выстрѣлы стали слышаться съ лѣвой стороны перевязочнаго пункта. Кавалерія наша, оберегавшая лѣвый флангъ, начала суетиться. Батарея на рысяхъ ѣхала въ ту сторону, гдѣ слышалась ружейная перестрѣлка, и вскорѣ съ лѣвой стороны перевязочнаго пункта послышалась артиллерійская канонада. Перевязочный пунктъ все болѣе и болѣе наполнялся ранеными. Нѣсколько турецкихъ гранатъ случайно

или направленныя съ умысломъ упали на перевязочный пунктъ, но, къ счастью, безъ вреда. Вскорѣ принесли къ намъ извѣстіе о геройской смерти командира Шуйскаго полка, Каульбарга.

Нѣсколько часовъ почти безъ отдыха пришлось работать, перевязывая раненыхъ, накладывая повязки и т. п. Масса работы заставляла меня забывать остальной міръ, который какъ бы вовсе не существовалъ для меня. Наконецъ физическая и моральная усталость въ соединеніи съ давящимъ чувствомъ печали, вслѣдствіе зловѣщихъ слуховъ объ исходѣ битвы, производили во мнѣ какую-то апатію. Какъ будто весь запасъ моральныхъ и физическихъ силъ былъ исчерпанъ; руки опускались, ноги дрожали, горло что-то какъ бы давило. Казалось, что вотъ-вотъ впадешь въ какое-то забытье, въ состояніе, похожее на каталепсію, что если бы даже налетѣли баши-бузуки, то не тронулся бы съ мѣста. Подъѣхавшій корпусный врачъ объявилъ мнѣ, что приказано отступать въ Парадимъ. Я сталъ искать свою верховую лошадь, но ея не были, такъ какъ человѣкъ увелъ поить ее. Въ ожиданіи лошади, усадивъ раненыхъ, я осмотрѣлся вокругъ. Тамъ и сямъ ѣхали лазаретныя линейки, патронные ящики; плелись раненые и одиночные солдаты. Слышался стукъ колесъ, стоны, крики. Батарея выѣзжала на позицію, чтобы прикрывать отступленіе. Влѣво отъ нея на рысяхъ ѣхалъ эскадронъ драгунъ. Солнце зашло. Становилось темно.

Наконецъ привели мою лошадь; я сѣлъ на нее и поѣхалъ шагомъ. Вскорѣ я догналъ корпуснаго врача, отдававшаго приказаніе составить изъ одиночныхъ людей отрядъ для прикрытія перевязочнаго пункта.

Наступила ночь. Тихо двигались мы по дорогѣ въ Парадимъ, покорные судьбѣ, безъ жалобъ, безъ упрековъ, безъ ропота. Ко мнѣ подошелъ раненый вольноопредѣляющійся 1-й линейной роты нашего полка Б. Онъ былъ раненъ въ локтевой сгибъ лѣвой руки, и хотя рана была перевязана, но кровь сочилась изъ нея. Я слѣзъ съ лошади, вторично перевязалъ рану и наложилъ турникетъ. Видя, что Б. изнемогъ отъ кровотеченія, не смотря на высокій ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе, я предложилъ ему сѣсть на мою лошадь, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Къ полуночи мы пришли въ Парадимъ. Отъ усталости я прилегъ на стогъ сѣна и тотчасъ же заснулъ.

Спалъ я, кажется, не болѣе часа, потому что меня разбудили, прося помочь перевязывать раненыхъ. И вотъ, съ фонаремъ въ рукахъ, я опять принялся за работу. Начинало свѣтать. Перестрѣлки не было слышно. Опять началась работа съ перевязкою раненыхъ. Вскорѣ прибылъ командиръ полка къ намъ и одобрилъ раненыхъ. Онъ былъ блѣденъ и прихрамывалъ на ногу, ушибленную осколкомъ гранаты. Всѣ казались унылыми и мрачными. Въ полдень, усадивъ раненыхъ въ линейки и на подводы, мы выступили изъ Парадима по дорогѣ въ Булгарени. На дорогѣ

*

вдали показалось облако пыли. Сопровождавшій транспортъ съ ранеными офицеръ изъ хохловъ М., въ высшей степени простой и добродушный человѣкъ, вообразилъ, что это турецкая кавалерія, которая преслѣдуетъ насъ. Поэтому онъ сказалъ конвойнымъ: „ну, ребята, тэпэръ беры патроны и циляй добре, а якъ буде неустойка, то становысь за телѣги и стрѣляй!“ Когда, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказалось, что облако пыли поднимали не турки, а Кубанскіе казаки, то это указали М., на что онъ отвѣтилъ добродушно: „а чортъ ёго знае, теперъ не разберешь: хто турокъ, хто русскій!“

Пріѣхавъ въ Булгарени, мы принялись опять за перевязку раненыхъ. Многіе раненые приносили свои ружья заряженными и забывали вынимать оттуда патроны, поэтому отъ неосторожности раздавались выстрѣлы. Однимъ изъ такихъ выстрѣловъ былъ раненъ какой-то деньщикъ. Все это вмѣстѣ взятое производило тягостное впечатлѣніе. Усталый и голодный я заснулъ; но едва стало разсвѣтать, какъ ко мнѣ въ палатку вползъ на колѣняхъ унтеръ-офицеръ Курскаго полка Матвѣй Сергѣенко: „Ваше в—іе, худо мнѣ, смерть приходитъ; явите божескую милость, вотъ деньги, перешлите ихъ“ (онъ сказалъ куда именно).

Это было сказано просто, безъ слезъ, безъ жалобъ. Я осмотрѣлъ его рану, которая еще прежде была перевязана. Рана была пулевая въ животъ. Я вторично перевязалъ ему рану, успокоилъ его какъ могъ, далъ ему два грана опія и разбудилъ фельдшеровъ, чтобы помочь ему добраться до палатки. Усталый я заснулъ опять.

Въ 7 часовъ утра я засталъ Сергѣенко уже мертвымъ. Деньги его послалъ по назначенію и получилъ отвѣтъ о полученіи ихъ. Сдавши раненыхъ, мы вечеромъ 20-го іюля опять пришли въ Парадимъ. Первое впечатлѣніе послѣ неудачнаго сраженія прошло. Являлись новыя надежды на лучшее. Однажды случайно я услышалъ слѣдующій разговоръ между солдатами нашего полка, говорившими между собою о минувшемъ сраженіи 18-го іюля.

— Вотъ, братцы мои,—говорилъ одинъ солдатъ,—нашъ фитьфебель все говорилъ, дастъ Богъ, останусь живъ,—послѣ боя заслужу офицера. Какъ шелъ рядомъ съ ротнымъ, хватило его пулею въ голову, такъ онъ и не вздохнулъ. Ротнаго нашего скоро тоже ранило.

— Много онъ нашихъ перепортилъ! Страсть! говорилъ другой.

— Это что, братцы мои,—отозвался третій, худой и слабый солдатикъ,—а вотъ сухарёвъ (т. е. сухарей) не даютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, тогда, вслѣдствіе вызванной въ Систовѣ паники послѣ сраженія 18-го іюля, доставка сухарей замедлилась на нѣкоторое время.

Z. A.

ЗАМѢТКИ О БОѢ

ПОДЪ ДЕР. МЕЧКОЮ, БЛИЗЬ ДЕР. ПЕТРИЧОВО,

25-го декабря 1877 года.

Послѣ трехдневнаго, безполезнаго и крайне труднаго, до изнеможенія, скитанія по дебрямъ, клиссурамъ и трущобамъ въ погонѣ за врагомъ, въ наивной надеждѣ поймать его какъ-нибудь иначе, чѣмъ какъ всѣ его ловятъ, 23-го декабря бригаду нашу (гвардейскихъ драгунъ и гусаръ) привели снова въ с. Петричово и поставили въ эскадронной колоннѣ на голую навозную площадку, столь хорошо каждому изъ насъ знакомую, гдѣ не имѣлось ни прута топлива, чтобы развести огонь и отогрѣть наши коченѣющіе члены. Бригаду спѣшили и заставили держать коней въ поводу, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Уже настали сумерки, когда пришло приказаніе бригадѣ уходить въ дер. Смольскъ, т. е. туда-же, откуда мы вышли три дня тому назадъ для нашей безцвѣтной прогулки, а мнѣ со 2-мъ эскадрономъ остаться въ распоряженіи генерала Курлова. Не хватавшаго у меня взвода, прапорщика Пыжова, бывшаго въ откомандировкѣ, мнѣ пополнили взводомъ прапорщика Алымова 1-го отъ 3-го эскадрона.

Простившись съ товарищами и пожелавъ имъ всего лучшаго, я вступилъ съ эскадрономъ въ с. Петричово, когда-то большое и богатое, но въ настоящее время до тла выжженное турками, гдѣ уцѣлѣло всего четыре или пять болгарскихъ кишлъ, болгарская церковь, да каменный домъ леди Стренгфортъ, построенный ею съ какою-то благотворительною

цѣлью. Въ этомъ домѣ помѣщался генералъ Курловъ, со своимъ штабомъ, а передъ тѣмъ Беккеръ-паша, написавшій карандашемъ на стѣнѣ просьбу къ русскимъ, чтобы они берегли оставленныхъ имъ въ Комарцахъ раненыхъ и больныхъ турокъ и офицера Беккера, его однофамильца и вѣроятно соотечественника. Явившись къ генералу Курлову, я былъ принятъ имъ крайне любезно. Его простота въ обращеніи съ подчиненными и вмѣстѣ съ тѣмъ утонченная вѣжливость, рѣшительность, тактъ и ясность въ приказаніяхъ положительно очаровали меня. Отъ генерала Курлова я получилъ слѣдующее приказаніе: отправить сейчасъ взводъ къ Мечкѣ и постараться внушить этому взводу, чтобы онъ зорко слѣдилъ за непріятелемъ и обо всемъ, заслуживающемъ вниманія, взводный офицеръ давалъ-бы ему знать.

„По прибытіи взвода къ Мечкѣ, я жду отъ офицера немедленнаго донесенія“, говорилъ генералъ. „Вы, съ тремя взводами, оставайтесь при мнѣ и расположитесь здѣсь, въ деревнѣ, гдѣ вамъ будетъ удобнѣе“.

Выйдя отъ генерала Курлова, я отправилъ взводъ прапорщика Алымова 1-го къ Мечкѣ, давъ ему надлежащіи инструкціи, остальные-же три взвода размѣстилъ вокругъ церкви, велѣвъ разсѣдлать лишь только половину лошадей, оставивъ другую половину дежурною. Солдатики моментально принялись уплетать бывшую съ ними вареную говядину; мы-же, офицерство, заварили себѣ въ котелкѣ чаю, который пился съ большимъ наслажденіемъ; турецкіе галеты, размоченные въ чаѣ, утолили слегка нашъ голодъ.

Спасибо туркамъ за ихъ хлѣбосольство, они никогда не забывали насъ, своихъ враговъ, а всегда оставляли въ изобиліи накопленные ими плоды земные, въ видѣ: галетъ, рису, ячменя, кукурузы и даже нѣкоторыхъ мануфактурныхъ произведеній. (Склады въ Хаинкіой, лагерѣ подъ Шибкою, Враца, Этрополь, Врачеши, Софія, Филиппополь и проч.). За то мы, о Боже! тамъ, гдѣ проходили, словно саранча, опустошали пройденную нами мѣстность. Послѣ насъ ужъ не трудитесь искать зерна хлѣба или стеблинки сѣна и соломы: все съѣдено, все уничтожено. Бывало войдешь въ покинутую турками или болгарами деревню, живой человѣчьей души въ селѣ не найдешь; но за то пернатыхъ, привѣтствующихъ васъ на разные голоса, а подчасъ и свинокъ съ сосунками повстрѣчаешь въ изрядномъ количествѣ. Все-же, какъ не говори, жизнь въ деревнѣ хоть въ чемъ-либо да сказалась! Простоишь на привалѣ часа четыре, а нѣтъ такъ и заночуешь, коли на то время есть, а при уходѣ ужъ больше не слышишь птичьяго говору, а лишь видишь развѣваемыя по вѣтру перушки, да слабо мерцающіе костры, свидѣтельствующіе вамъ, что здѣсь, молъ, были люди, была и птица, а теперь нѣтъ ни того, ни другого. Все сгинуло, все исчезло, осталась лишь одна омертвѣлая де-

ревня, ожидать, подъ сѣнью кипарисныхъ деревъ, своего будущаго возрожденія.

Часовъ около одиннадцати прибылъ изъ командировки прапорщикъ Пыжовъ со взводомъ отъ дер. Каменицы, привезшій намъ мало интересныхъ разсказовъ про турокъ, начавшихъ намъ уже порядкомъ надоѣдать; но за то онъ привезъ отличнѣйшаго жаренаго гуся и немалую баклагу добраго краснаго вина. Мы принялись за все это съ великимъ аппетитомъ и покончили нашъ ужинъ весьма скоро. Полное насыщеніе и сильная усталость стали клонить насъ ко сну. Завернувшись въ бурки, а у кого, таковой не было, то и въ попонку и сунувъ подъ головы сѣдла, а иной и подушку, вывезенную изъ-подъ крова родительскаго, мы сейчасъ-же заснули. Не знаю, долго или нѣтъ длился нашъ крѣпкій сонъ, но сильный шумъ и крикъ разбудилъ насъ. То были яростные крики болгаръ надъ семью плѣнными турками, приведенными моими драгунами изъ-подъ Мечки. „Какъ? что? ребята", сталъ разспрашивать солдатъ, какъ болѣзненный стонъ прервалъ всѣ мои разспросы и я увидѣлъ двухъ лежащихъ на снѣгу драгунъ, взводнаго вахмистра Крышанова и кузнеца Воганова, раненыхъ весьма серьезно. Приказавъ эскадронному фельдшеру согрѣть воды и сдѣлать больнымъ перевязку, а чурбадже (сельскій староста) добыть каруцу или сани для отвоза раненыхъ въ Смольскъ, я, тѣмъ временемъ, прочелъ донесеніе прапорщика Алымова, изъ котораго узналъ, что они находятся уже въ Мечкѣ, куда вступили, такъ сказать, на плечахъ отступавшаго непріятеля и занявшаго позицію въ полуторѣ верстѣ отъ Мечки. Въ Мечкѣ прапорщикъ Алымовъ нарвался на засѣвшихъ въ домахъ турокъ, съ которыми ему и пришлось вступить въ бой, причемъ онъ контуженъ пулею въ руку и два нижнихъ чина ранены; со стороны непріятеля двадцать человѣкъ убито и семь взято въ плѣнъ.

„Въ Мечкѣ я оставаться не могу, доносилъ Алымовъ, по малочисленности драгунъ, а буду стоять внѣ деревни, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній и слѣдя за противникомъ". Приказавъ поручику графу Ребиндеру изготовиться со взводомъ къ немедленному выступленію на Мечку, я пошелъ къ генералу Курлову и доложилъ ему обо всемъ случившемся и о томъ, что я хочу еще отправить взводъ въ Мечку съ тѣмъ, чтобы поддержать взводъ Алымова и затѣмъ его смѣнить, такъ какъ взводу Алымова, за неимѣніемъ съѣстныхъ припасовъ и фуража, слѣдуетъ вернуться къ полку. Генералъ Курловъ одобрилъ мое распоряженіе и графъ Ребиндеръ ушелъ на Мечку; раненыхъ-же моихъ, обмытыхъ и перевязанныхъ, свезли въ Смольскъ.

24-го, часовъ въ 9 утра, прибылъ со взводомъ изъ Мечки прапорщикъ Алымовъ и доложилъ генералу Курлову, что по прибытіи графа Ребиндера, они, совмѣстно, вошли въ Мечку и окончательно ее очистили

отъ турокъ, переколовъ ихъ еще человѣкъ восемнадцать и трехъ взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ двумя артиллерійскими лошадьми и конской сбруей. Турки, покинувъ Мечку, окапываются вблизи этой деревни и къ нимъ прибываютъ безпрерывно подкрѣпленія изъ дер. Поибренъ, въ виду которой стоитъ на передовомъ посту нашъ первый эскадронъ драгунъ. Въ связь съ этимъ эскадрономъ прапорщикъ Алымовъ не могъ вступить, хотя и пытался, такъ какъ вся дорога отъ Мечки на Поибренъ была занята значительными партіями непріятельской пѣхоты, маневрировавшей между этими двумя деревнями. Заручившись всеми этими свѣдѣніями, я испросилъ у генерала Курлова разрѣшеніе идти самому тотчасъ-же съ эскадрономъ въ Мечку, чтобы лично слѣдить за непріятелемъ, и, буде возможно, то и безпокоить его. Генералъ Курловъ охотно согласился на мое предложеніе, сказавъ мнѣ: что онъ, для большей безопасности его главныхъ силъ и для того, чтобы уже не выпустить изъ рукъ такъ удачно занятой драгунами Мечки, посылаетъ еще вслѣдъ за мной 4-й батальонъ Прусскаго полка.

Накормивъ людей и лошадей, я уже въ 12-ть часовъ дня шелъ съ эскадрономъ на Мечку, по узкой горной тропѣ, обледенѣвшей до невозможности. Лошади, то и дѣло, скользили и падали выбиваясь изъ силъ, при безпрерывныхъ подъемахъ и спускахъ. Отойдя версты три отъ Петричова, мы встрѣтили посланнаго, отъ гр. Ребиндера, съ донесеніемъ, въ которомъ говорилось: что въ видахъ превосходныхъ силъ противника, сдѣлавшихъ на него нападеніе, онъ принужденъ былъ, послѣ небольшой перестрѣлки, покинуть Мечку и отступить. Потерь въ людяхъ нѣтъ; ранена одна лошадь. Приказавъ посланному отвезти это донесеніе къ генералу Курлову, я ускорилъ шагъ эскадрона, на сколько позволялъ намъ нашъ скользскій и узкій путь. Уже подходя къ Мечкѣ, я встрѣтилъ втораго посланнаго отъ гр. Ребиндера, съ которымъ онъ мнѣ давалъ знать: что около эскадрона черкесъ насѣдаютъ на него и онъ занялъ спѣшеннымъ взводомъ узкій входъ въ ущелье и ждетъ приближенія непріятеля, чтобы встрѣтить его огнемъ. И дѣйствительно, не успѣлъ я пройти и полверсты, какъ увидѣлъ моихъ молодцевъ, лежащихъ въ ущельи за каменьями и кустами и выжидающихъ приближенія черкесъ, чтобы встрѣтить ихъ дружнымъ огнемъ. Мѣстность, на которой мы застали свою цѣпь,—значительно выше мѣстности, впереди лежащей и выходъ изъ этой клисуры не шире трехъ коней, поставленныхъ въ рядъ; впереди разстилается довольно ровная площадь, ограниченная слѣва глубокимъ и широкимъ оврагомъ. за которымъ громоздятся глыбы высокихъ горъ. Оврагъ этотъ къ югу переходитъ въ пологую балку. Правѣе оврага и перпендикулярно къ нему идетъ цѣпь каменистыхъ возвышенностей, поросшихъ, мѣстами, мелкимъ кустарникомъ. Возвышенности эти понижаются вправо—къ Мечкѣ. Паралельно этимъ высо-

тамъ обрисовался небольшой оврагъ, слившійся съ большимъ оврагомъ и, къ сторонѣ Мечки, перешедшій въ на-нѣтъ. За нимъ уже снова ровное мѣсто, верстъ на пять стелется впередъ и замыкается горами, которыя слѣва близко подходятъ къ большому оврагу, дѣлая какъ бы выступъ на поляну и образуютъ съ другими горами, имъ встрѣчными, нѣчто въ родѣ воротъ, чрезъ которыя идетъ дорога изъ Панегюриштъ (Отлукіой) на Поибренъ и Мечку. Сама же Мечка лежитъ въ лощинѣ, правѣе вышесказанныхъ каменистыхъ возвышенностей. Съ южной стороны Мечки выдвинулась высокая гора, куполообразной формы, напоминающая своимъ начертаніемъ наши украинскіе курганы. Черкесы, не видя моего эскадрона, развернули фронтъ цѣпью и со стрѣльбой шагомъ подвигались къ ущелью. Велѣвъ спѣшеннымъ драгунамъ сѣсть на коней, я стремительно бросился изъ ущелья на поляну и, на ходу выстроивъ фронтъ, повелъ его въ атаку на врага. Но, не тутъ-то было, черкесы мигомъ повернули назадъ, какъ всегда, не принявъ атаки, и скрылись въ оврагѣ. Осмотрѣвъ мѣстность и убѣдившись, что турки занимаютъ балку, подступы къ которой они сильно укрѣпили ложементами, завалами и засѣками, я разставилъ свои наблюдательные посты и отправилъ корнета Барановскаго старшаго *) въ Поибренъ съ полувзводомъ драгунъ, для того, чтобы войти въ связь съ нашимъ первымъ эскадрономъ. Съ остальными же людьми вошелъ въ Мечку и расположился на двухъ обширныхъ дворахъ. Свои посты, въ этотъ день и во всю ночь, я смѣнялъ весьма часто, боясь, чтобы люди не позамараживались, такъ какъ вѣтеръ крѣпнулъ, при весьма сильномъ морозѣ. Объ ѣдѣ думать нечего было: болгаре разбѣжались изъ деревни и, слѣдовательно, безъ нихъ достать было нечего и мы, напившись чаю, этаго единственнаго и не замѣнимаго по своей питательности и цѣлебности напитка, уже было думали залечь и на боковую, какъ явился ординарецъ и доложилъ мнѣ, что батальонъ нашей пѣхоты прибылъ въ Мечку. Я тотчасъ же подтянулъ свою амуницію, чтобы идти явиться къ батальонному командиру, какъ къ старшему въ чинѣ, и слѣдовательно, моему настоящему начальству; но милѣйшій Александръ Николаевичъ Мячковъ, командиръ батальона, предупредилъ меня; онъ уже былъ въ моей хатѣ. Отрекомендовавшись другъ другу, я спросилъ у маіора, какія онъ мнѣ дастъ приказаніи на случай тревоги и боя? На это онъ мнѣ отвѣтилъ: что проситъ не спѣшивать драгунъ, а за тѣмъ, все остальное, относя-

*) Вслѣдствіе убыли въ офицерахъ, послѣ дѣла лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка подъ дер. Новачинымъ 10-го ноября 1877 года, къ полку были прикомандированы офицеры полковъ: лейбъ-гвардіи Коннаго штабсъ-ротмистръ баронъ Ризенкампфъ, лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества ротмистръ Лосевъ; корнеты: гр. Толстой, Миллеръ и два брата Барановскихъ, лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго прапорщикъ Деморъ и лейбъ-гвардіи Уланскаго корнетъ Федоровъ.

щееся до дѣйствій и маневрированья кавалеріи въ бою, онъ предоставляетъ полнѣйшему моему усмотрѣнію, какъ кавалеристу, вѣроятно, знающему и могущему предусмотрѣть: когда съ большею пользою можно употребить въ дѣло кавалерійскую часть. Маіоръ Мячковъ пожелалъ немедленно осмотрѣть мои аванпосты, что мы и сдѣлали, объѣхавъ и провѣривъ ихъ. Оставшись вполнѣ довольнымъ тѣми свѣдѣніями, которыя я ему сообщилъ и указалъ на мѣстности, Александръ Николаевичъ приказалъ мнѣ снять мои передовые посты и замѣнилъ ихъ ротою его батальона; мнѣ же велѣлъ усилить наблюденіе за нашимъ правымъ и лѣвымъ флангами, а также приказалъ смотрѣть и за нашимъ тыломъ; что и было въ точности исполнено. Послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, я попросилъ маіора зайти ко мнѣ напиться чаю; у него нашелся кусокъ жареной говядины и вотъ мы, усѣвшись близь незатѣйливаго болгарскаго камина, принялись за ѣду и чаепитіе. Собралось насъ человѣкъ пять или шесть въ кружокъ и пошли разсказы, конечно, все изъ минувшей кампаніи. Бесѣда обѣщала быть веселой и продолжительной: уже мы незамѣтно перевели нашъ разговоръ съ войны къ воспоминаніямъ о днѣ сочельника, какъ молъ этотъ день чествуется у насъ на Руси! Мысленно вкусили пироговъ съ визигою и малосольной осетриной, съ кашей и укропцемъ; закусили сладкими пирожками, начиненными непремѣнно медовымъ вареньемъ; отвѣдали взвару и кутьи, по обычаю старины глубокой, и уже хотѣли идти гадать на ледъ, либо въ теремъ барскій вмѣстѣ съ нашими русскими красавицами, какъ отворилась дверь и разговоръ нашъ былъ прерванъ вошедшимъ болгариномъ, съ тремя связанными по рукамъ турками, которыхъ, по его указанію, поймали мои драгуны въ его сараѣ; четвертый же турокъ успѣлъ бѣжать. Турки эти, не смотря на то, что всѣ четверо были вооружены ружьями Пибоди, сдались двумъ драгунамъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Не имѣя возможности держать и беречь плѣнныхъ при своемъ малочисленномъ эскадронѣ, я просилъ маіора Мячкова взять ихъ на его попеченіе, на что онъ и согласился. Тогда я болгарину приказалъ отвести турокъ въ слѣдующій домъ, гдѣ стоялъ пѣхотный караулъ. Не прошло и четверти часа времени, по уходѣ этихъ людей, какъ вбѣжалъ къ намъ мой деньщикъ, которому я приказалъ проводить болгарина до караульнаго дома, и доложилъ: что всѣ три турка зарублены болгариномъ и самъ болгаринъ скрылся. Я сію же минуту бросился къ мѣсту происшествія, но уже засталъ бездыханные трупы, съ разрубленными топоромъ головами; болгарина же и слѣдъ простылъ. Эта катастрофа на насъ такъ тяжело подѣйствовала, что все наше веселье мигомъ исчезло и разговоръ умолкъ. Пожелавъ другъ другу покойной ночи и пріятной встрѣчи завтрашняго дня Рождества Христова, гости мои разошлись по домамъ и мы легли спать. Завернувшись въ бурку, я долго еще не могъ за-

снуть: то мнѣ мерещелись трупы трехъ несчастныхъ турокъ, такъ нагло убитыхъ; то я мысленно переносился на родину, въ кругъ близкихъ мнѣ людей, гдѣ всегда такъ радостно и пріятно встрѣчались и проводились святки; то мнѣ вспоминалась моя юность, школьная скамья; одни мысли смѣнялись другими, пока ими окончательно не овладѣла дремота, перешедшая въ крѣпкій сонъ.

25-го декабря, въ 7 часовъ утра, я уже былъ на ногахъ и слушалъ донесеніе корнета Барановскаго старшаго, которому удалось войти въ связь съ драгунами въ д. Поибренъ. Часовъ около десяти утра явился ко мнѣ солдатикъ отъ маіора Мячкова, съ приглашеніемъ: пожаловать сейчасъ къ маіору на щи. Конечно, имѣя въ перспективѣ столь лакомое блюдо, къ которому я уже болѣе 4-хъ мѣсяцевъ не прикасался, я не заставилъ Александра Николаевича долго ждать себя и явился къ нему вслѣдъ за его посланнымъ. Поздоровавшись и поздравивши другъ друга съ днемъ Рождества Христова, мы усѣлись за столъ, на которомъ уже стояло лакомое блюдо, манившее насъ, скорѣе приняться за него, своимъ вкуснымъ запахомъ. Едва я успѣлъ зачерпнуть ложку щей, какъ пріѣхавшій драгунъ съ пикета доложилъ: что турки, въ значительныхъ силахъ, наступаютъ на Мечку; донесеніе это подтвердилъ и прибѣжавшій изъ цѣпи пѣхотинецъ. Предупредивъ маіора Мячкова, что это, вѣроятно, фальшивая тревога, которую я уже испыталъ раза два, благодаря тому, что дорога, идущая изъ Поибренъ на Отлукіой, огибаетъ скалу и круто поворачиваетъ на Мечку, чѣмъ и вводитъ въ обманъ мечкинскаго наблюдателя, которому, кажется, что турецкія войска, двигающіеся по этой дорогѣ, какъ бы наступаютъ на Мечку. Но турки, обогнувъ этотъ выдающійся мысъ скалы, круто заходятъ лѣвымъ плечомъ за мысъ и скрываются въ горномъ ущельи, ведущемъ на Панегюриштъ. Если наблюдатель будетъ имѣть терпѣніе — подождать минутъ пятнадцать, смотря въ то направленіе, куда скрылась турецкая колона, то, по прошествіи этого времени, онъ навѣрное увидитъ въ долинѣ, перешедшей изъ ущелья, туже самую колону, которая за четверть часа тому назадъ, обогнувъ мысъ, скрылась въ горахъ. Разсказавъ обо всемъ Мячкову и попросивъ деньщика не выливать щей, я сѣлъ на коня и поскакалъ на позицію; тѣмъ временемъ батальонъ и эскадронъ, поднятые уже по тревогѣ, выходили изъ деревни. Подъѣхавъ къ пѣхотной цѣпи, я убѣдился, что мои предположенія были вѣрны. Дѣйствительно, густая турецкая колона, шедшая какъ бы на Мечку, обогнула скалу и скрылась за нею. Подошедшій маіоръ Мячковъ увидѣлъ, что тревога была напрасною и, сдѣлавъ нѣкотораго рода распоряженія, на случай дѣйствительнаго наступленія турокъ, мы вернулись вмѣстѣ съ нимъ домой. Молодца его деньщика мы застали за разогрѣваніемъ щей, которыхъ онъ, по моей просьбѣ, не выкинулъ. Едва злосчастныя щи

только были поданы на столъ и мы вооружились ложками, чтобы отвѣдать ихъ, какъ вбѣжалъ въ комнату мой взводный унтеръ-офицеръ Ларіоновъ и доложилъ, что турки въ большихъ силахъ наступаютъ на нашу цѣпь. На этотъ разъ эта была не фальшивая тревога, а истинная правда. Едва я вышелъ на улицу, какъ уже нѣсколько пуль просвистѣло мимо меня. Вскочивъ на свою лошадь, я опрометью бросился къ нашей пѣхотной цѣпи.

Глазамъ моимъ представилось слѣдующее зрѣлище: цѣпь наша, подкрѣпленная еще одной резервной ротой, по всей линіи отступала; на нее насѣдала густая турецкая цѣпь, до того густая, что скорѣй казалась двухъ батальоннымъ развернутымъ фронтомъ, чѣмъ цѣпью. Сзади этой гигантской цѣпи, трещавшей своимъ адскимъ огнемъ безъ умолку, двигались, въ видѣ резерва, пять батальонныхъ колоннъ, изъ коихъ нѣкоторыя взяли направленіе какъ бы для обхода нашего праваго фланга и, стоявшаго еще на мѣстѣ на горѣ передъ Мечкой, взвода. Въ середи боя турки получили еще подкрѣпленіе изъ Панигюриштъ въ количествѣ двухъ батальоновъ и однаго горнаго орудія, которое они и выставили на позиціи противъ нашего лѣваго фланга, болѣе сильнаго, по мѣстнымъ условіямъ, чѣмъ нашъ правый флангъ *).

Благодаря ровной мѣстности и ясному солнечному дню, всѣ атакующія турецкія силы и ихъ маневрированіе было видно намъ, какъ на ладони. Я тотчасъ же послалъ донесеніе генералу Курлову и доложилъ маіору Мячкову, уже вышедшему изъ деревни съ остальными ротами на подмогу; самъ же рѣшился остаться въ цѣпи, надѣясь больше принести пользы въ пѣхотномъ бою, чѣмъ оставаться при эскадронѣ, который, въ видахъ мѣстныхъ условій, малочисленности состава и глубокаго снѣга, не могъ принять ровно никакого активнаго участія, а долженъ былъ лишь служить подспорьемъ для нашей, по истинѣ, молодецкой пѣхоты. Вызвавъ къ себѣ своего старшаго офицера, поручика графа Ребиндера, я ему отдалъ приказанія: во-первыхъ, отрядить взводъ на нашъ крайній лѣвый флангъ, для наблюденія за оврагомъ, чрезвычайно удобномъ для обхода непріятелемъ. Во-вторыхъ, послать шесть человѣкъ драгунъ въ окрестныя деревни для сбора подводъ подъ тяжело раненыхъ, которые уже чрезвычайно быстро прибывали. Въ третьихъ, полъ-эскадрона спѣшить къ тылу позиціи и приказать ему перевозить перевязанныхъ раненыхъ на коняхъ въ Петричово. Въ четвертыхъ, собрать батальонныхъ фельдшеровъ и, подъ руководствомъ эскадроннаго фельдшера Тагаева, устроить перевязочный пунктъ въ тылу и по возможности внѣ сферы

*) Насъ атаковали войска, участвовавшія въ дѣлѣ подъ Ташкисеномъ и состоявшія изъ стрѣлковаго батальона и батальоновъ низама: Эльбасанъ, Тузла, Ускоби и Призрендъ,—имѣя два батальона мустафиза—въ резервѣ.

Описаніе войны въ Болгаріи Беккеръ-паши, томъ II, стр. 179.

выстрѣловъ. И, наконецъ, въ пятыхъ, послать немедленно одинъ взводъ на рысяхъ въ Петричово за патронами, такъ какъ ихъ у насъ было весьма мало. Отдавъ эти приказанія и обративъ все свое вниманіе на нашу цѣпь, отступленіе которой, до прибытія маіора Мячкова, я хотѣлъ сдѣлать какъ можно медленнымъ и регулировать его по всей линіи, иначе какой нибудь участокъ цѣпи очень легко могъ быть отрѣзанъ непріятелемъ и погибнуть безвозвратно въ рукахъ фанатическаго врага. Имѣя подъ собою добраго коня, съ котораго мнѣ конечно было виднѣе все поле сраженія, чѣмъ пѣхотинцу, я имѣлъ возможность быстро переноситься съ одного фланга цѣпи на другой и передавать офицерамъ о томъ или другомъ намѣреніи противника, выраженномъ имъ въ направленіи движенія или же ускорить или замедлить отступленіе того или другаго участка цѣпи—для взаимной поддержки. Сначала солдатики видя передъ собою въ семи-стахъ шагахъ тучу надвигающихся на нихъ турокъ и вовсе не будучи со мною знакомы, относились къ моимъ указаніямъ не совсѣмъ довѣрчиво и вяло, или вовсе ихъ не исполняли, говоря между собою: „ему хорошо говорить; онъ на конѣ; въ случаѣ чего возьметъ да и ускачетъ, а ты пропадай, какъ собака! Добро бы сразу убили, а то вѣдь турка изувѣрствовать надъ тобою станетъ, только попадись къ нему въ руки живьёмъ!“ Меня это страшно огорчало и сердило; но одно, совершенно нечаянное обстоятельство явилось ко мнѣ на выручку. Шагахъ въ четырехъ-стахъ отъ непріятеля, подъ деревомъ, я увидѣлъ одного нашего тяжело раненаго пѣхотинца, барахтающагося въ снѣгу и жестами взывающаго о помощи. Наша цѣпь, отступая, не замѣтила за деревомъ раненаго своего товарища, вслѣдствіе чего и не подобрала его. Увидѣвъ этого несчастнаго, я разразился потокомъ упрековъ на стрѣлковъ, сказавъ имъ, что не одинъ бусурманинъ не покинетъ своего раненаго на произволъ судьбы, „а вѣдь вы, братцы, христіане и это сдѣлали; вамъ будетъ стыдно и грѣшно если не спасти, во что бы то ни стало, этого несчастнаго“.

— Какъ же его спасешь, ваше высокоблагородіе? Нешто вы не видите, что турокъ уже къ нему подходитъ!—отвѣтило мнѣ нѣсколько голосовъ.

— Стой, ребята! поддержи меня огнемъ! — крикнулъ я людямъ и съ этимъ вмѣстѣ далъ шпоры лошади и поскакалъ къ раненому.

Не успѣлъ я сдѣлать и пятидесяти скачковъ, какъ, со словами: „позвольте, ваше высокоблагородіе, мы его спасемъ“, справа и слѣва меня обскакали мой вѣстовой Сидоръ Тимофѣевъ и трубачъ Бекетовъ, которые, подъѣхавъ къ раненому, мигомъ соскочили съ коней; подняли его и уже начали тащить на лошадь, какъ раздалось нѣсколько непріятельскихъ залповъ и турки, съ крикомъ „Алла!“ бросились въ штыки на моихъ храбрецовъ. Минута была критическая; я уже считалъ ихъ безвозвратно погибшими; но каково было мое удивленіе, когда я уви-

дѣлъ скачущими мимо меня трубача Бекетова, который на мой вопросъ: „гдѣ раненый," ничего не отвѣтилъ, а только прохрипѣлъ; а за нимъ рядоваго Тимофѣева, пояснившаго мнѣ, что они оба ранены и не въ силахъ были спасти раненаго пѣхотинца. Бекетовъ былъ раненъ пулею въ грудь, на вылетъ въ шею, а Тимофѣевъ пулею въ плечо на вылетъ. Геройскій поступокъ этихъ двухъ молодцовъ имѣлъ сильное вліяніе на стрѣлковъ; они крѣпко пріободрились; многіе, видѣвшіе эту молодецкую выходку драгунъ, сняли шапки и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. Къ тому же санитары, выводившіе и выносившіе раненыхъ, сообщили своимъ товарищамъ, что раненыхъ перевязываютъ и отвозятъ на драгунскихъ лошадяхъ въ Петричово. Все это, вмѣстѣ взятое, имѣло чрезвычайно благотворное вліяніе на горсть мечкенскихъ защитниковъ. Они, будучи увѣрены, что ихъ раненыхъ не покидаютъ на произволъ судьбы, и что раненые не коими судьбами не попадутъ въ руки турокъ, словно выросли въ числѣ, сознавая свою непобѣдимость. Лишившись моихъ двухъ ординарцевъ, я выѣхалъ изъ цѣпи за другими и подъѣхалъ къ Александру Николаевичу Мячкову, стоявшему съ знаменными рядами за серединой цѣпи и распоряжавшемуся общимъ ходомъ боя. Доложивъ ему о всемъ томъ, что происходило по всей линіи фронта, такъ какъ всей линіи онъ не могъ видѣть вслѣдствіе ея длины и мѣстныхъ преградъ; заполучивъ новыхъ ординарцевъ и заглянувъ на перевязочный пунктъ, гдѣ работа кипѣла; я снова вернулся въ цѣпь. Во время моего разговора съ Мячковымъ, пуля попала въ знамя и сбила съ него орелъ. Возвращенію моему въ цѣпь люди страшно обрадовались и стали меня просить не покидать ихъ болѣе и слѣзть съ лошади, такъ какъ верхомъ меня скорѣе могутъ убить, либо ранить, ибо цѣль велика. Прискакавшій ко мнѣ драгунъ доложилъ, что графъ Ребиндеръ контуженъ пулею въ ногу и уѣхалъ въ Петричово и что двѣ строевыхъ лошади ранены. Былъ уже второй часъ въ исходѣ, когда я замѣтилъ, что турки положительно обходятъ нашъ правый флангъ. Взводъ, стоявшій цѣпью на высотѣ передъ Мечкой, едва успѣлъ отступить черезъ деревню и занять высоту за нею. Я далъ знать по всей линіи объ этомъ маневрѣ турокъ и мы стали, стягиваясь къ лѣвому флангу, отступать на высоты, идущія перпендикулярно къ большому оврагу и чрезвычайно удобныя для стрѣлковой позиціи, на которой стрѣлки могли укрыться за каменьями и кустарникомъ. Къ тому же, эта позиція обезпечивала нашъ путь отступленія. Здѣсь мы остановились и залегли; стрѣлять почти было нечѣмъ, у многихъ солдатъ уже не было ни одного патрона, поэтому, огонь въ цѣпи былъ весьма слабый; положеніе дѣлалось критическимъ! „Ваше высокоблагородіе, скоро ли прибудетъ подкрѣпленіе? Вѣдь мы потеряемъ Мечку! Патроновъ нѣтъ, стрѣлять нечѣмъ!" И много другихъ вопросовъ и обращеній, въ родѣ этихъ, задавалось мнѣ солдатиками. Конечно, я

какъ умѣлъ, такъ и ободрялъ ихъ, говоря, что подкрѣпленіе уже близко, вовсе не зная, будетъ ли оно или нѣтъ; что Мечку мы ни за что не отдадимъ и сегодня же въ ней ночевать будемъ, „вотъ попомните мое слово, ребята“. Что съ патронами всякій дуракъ съумѣетъ драться, а безъ патроновъ, штыкомъ, умѣетъ драться лишь только русскій солдатъ, и что, наконецъ, Богъ не попуститъ,—свинья не съѣстъ. Эта болтавня, повидимому, ободряла солдатъ и до нѣкоторой степени ихъ веселила. Между тѣмъ непріятель все приближался и приближался; вотъ уже взвода два турокъ бросилось въ покинутую нами Мечку, и сердце невольно наше сжалось. Турокъ мы подпустили къ себѣ шаговъ на триста. Тутъ я крикнулъ людямъ: „ну, ребята, вали залпами, да по мѣтче!“

— Какими тутъ залпами, когда патроновъ нѣту-ти!—былъ мнѣ отвѣтъ.

— Такъ стрѣляй тотъ, у кого есть еще патроны, а у кого ихъ нѣтъ—ори ура!—крикнулъ я въ отвѣтъ молодцамъ.

Дружное „ура!“ облетѣло всю цѣпь и кое-гдѣ раздались учащенные выстрѣлы. По невѣдомой намъ причинѣ, турки замялись и остановились, открывъ по насъ самый учащенный огонь. Наши солдатики пришли въ неописанный восторгъ, который я еще болѣе подогрѣлъ тѣмъ, что сказалъ имъ: „вы видите, ребята, что турки голоса вашего боятся, что-жъ будетъ съ ними тогда, когда мы пойдемъ въ штыки!“

— Волынцы идутъ къ намъ на подмогу! Волынцы!—раздалась радостная вѣсть по фронту и всѣ оглянулись.

Дѣйствительно, два батальона лейбъ-твардіи Волынскаго полка дебушировало изъ ущелья. Радости нашей не было конца. Головной батальонъ Волынцевъ, выбравшись изъ тѣсноты, бѣгомъ бросился на позицію и усилилъ ее по всей линіи. Волынцы подѣлились патронами съ прусскими и дружный огонь затрещалъ по всей нашей линіи; турки вторили намъ еще съ большимъ ожесточеніемъ. Тогда вступилъ въ дѣло и другой батальонъ Волынскаго полка, значительно увеличившій нашъ огонь; часть этого батальона взяла направленіе на занятую непріятелемъ Мечку.

Взглянувъ направо, я увидѣлъ клубъ густаго, чернаго дыма, поднимавшійся надъ Мечкой,—Мечка горѣла! Этотъ клубъ дыму былъ какъ бы сигналомъ для общей нашей атаки. Волынцы и Пруссаки всѣ, какъ одинъ, съ крикомъ „ура!“ бросились на турокъ. Турки, не смотря на свое численное превосходство, не устояли и кинулись опрометью бѣжать, почти не отстрѣливаясь. Тутъ имъ порядкомъ бѣднягамъ досталось; мы ихъ преслѣдовали нашимъ мѣткимъ огнемъ чуть ли не вплоть до ихъ ложементовъ, гдѣ и остановили атаку: во-первыхъ вслѣдствіе того, что турки значительно превосходили насъ въ числительности и могли еще получить подкрѣпленія изъ Отлукіоя и Пойбренъ и нанести намъ значительный вредъ за своими сильными прикрытіями и совершенно напрасно, такъ какъ этой контръ-атакой не достигалась никакая наша

цѣль, и, наконецъ, въ третьихъ, мы не имѣли приказаній для наступательныхъ движеній. Было уже около семи часовъ вечера, когда мы снова вступили въ Мечку и принялись тушить пожаръ, который и былъ вскорѣ нами погашенъ. Сгорѣла всего одна хата, да два или три сарая.

Люди были внѣ себя отъ радости, что имъ удалось такъ молодецки отстоять Мечку отъ врага и спасти ее отъ огня,*) а главное, что они ночевали въ Мечкѣ, какъ я имъ предсказалъ. Честь и слава Волынцамъ и Пруссакамъ за это славное и блестящее дѣло. Потери въ этотъ день, если не ошибаюсь, заключались въ двухъ или трехъ офицерахъ раненыхъ, изъ коихъ одинъ умеръ, и около семидесяти нижнихъ чиновъ выбывшихъ изъ строя убитыми и ранеными; потери же турокъ велики. Офицеры лейбъ-гвардіи Волынскаго полка угостили меня ихъ походнымъ ужиномъ и наговорили мнѣ кучу любезностей. Такъ счастливо прошелъ и канулъ въ вѣчность мечкинскій бой 25-го декабря, 1877 г. Вечеромъ, того же 25-го числа, пріѣхалъ офицеръ генеральнаго штаба, а на слѣдующій день, около 12-ти часовъ дня, произошло собраніе начальниковъ частей и распредѣленіе ролей: какъ кому и когда дѣйствовать, въ случаѣ вторичнаго наступленія непріятеля. Но турки втораго бенефиса намъ не давали, а 27-го числа я, смѣненный дивизіономъ екатеринославскихъ драгунъ, снова поплелся съ эскадрономъ на присоединеніе къ своей дивизіи, въ чаяньи опять начать блужданіе по дебрямъ и клисурамъ, въ поискахъ за врагомъ.

Александръ Бураго.

С.-Петербургъ, 30-го октября 1878 г.

---

*) Такъ какъ дер. Мечка представляла единственное укрытіе для русскихъ войскъ отъ зимней стужи,—то Шакиръ-паша рѣшилъ сжечь Мечку во время рекогносцировки.—Беккеръ-паша, въ своемъ сочиненіи „Война въ Болгаріи“, такъ описываетъ исполненіе этой задачи: „Я послалъ роту Призрендскаго батальона въ деревню, которая разумѣется совершенно была покинута жителями, съ приказаніемъ ее совершенно уничтожить. — Но почти цѣлый часъ прошелъ и не было слѣдовъ исполненія моего приказанія. — Я тогда послалъ полковника Аликса (начальникъ штаба Беккеръ-паши) съ двумя конными ординарцами въ Мечку,—чтобы узнать причину этого замедленія. Мы видѣли какъ онъ въѣхалъ въ деревню и въ скорости дымъ и огонь появились во всѣхъ направленіяхъ. Раздуваемый свѣжимъ вѣтромъ, огонь быстро распространялся.

Когда возложенное на полковника Аликса порученіе было имъ исполнено, т. е. Мечка загорѣлась,—Аликсъ вернулся къ Беккеръ-пашѣ и донесъ ему: «Что, войдя въ Мечку, онъ не нашелъ турецкихъ войскъ; но, рѣшившись исполнить цѣль рекогносцировки, онъ, при помощи своихъ ординарцевъ, поджогъ деревню во всѣхъ направленіяхъ». За тѣмъ, далѣе Беккеръ-паша говоритъ: «Впослѣдствіи оказалось, что командиръ роты, посланный туда съ этой цѣлью, былъ раненъ у самого входа въ деревню и что солдаты, оказавшись безъ командира, заняли позицію въ маленькой лощинѣ и не думали исполнять приказанія».

ДѢЛО ПОДЪ ДОЛЬНЫМЪ БУГОРОВОМЪ.

Нѣтъ ни одного мало-мальски порядочнаго дѣла, бывшаго въ послѣднюю нашу кампанію, которое не было-бы съ точностью описано въ журналахъ, газетахъ и даже не красовалось на тріумфальныхъ аркахъ, тѣмъ болѣе удивительно, что такое дѣло, которое было 19-го декабря подъ Дольнымъ Бугоровомъ, прошло совершенно незамѣтно.

Служа въ кавказской бригадѣ, я участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ, бывшихъ въ плевненскомъ отрядѣ, начиная отъ взятія Никополя, Ловчи и потомъ, съ отрядомъ генерала Гурко, пройдя отъ Горнаго Дубняка до Филиппополя, много видѣлъ славнаго, достойнаго удивленія, особенно при взятіи Ловчи и двухъ редутовъ на Зеленыхъ горахъ, но такой стойкости и отваги, какую оказалъ Козловскій полкъ при отбитіи атаки 20-ти турецкихъ батальоновъ отъ села Дольнаго Бугорова мнѣ не удавалось видѣть, и это мнѣніе раздѣляютъ почти всѣ мои товарищи, которые были въ этотъ день только зрителями.

Вотъ какъ происходило это дѣло. Перешедши 15-го декабря Балканы и спустившись въ дер. Чурьякъ, наша бригада, до 18-го декабря, занималась отбитіемъ турецкихъ обозовъ. Это было намъ тѣмъ легче, что турки принимали насъ за своихъ черкесовъ и подпускали вплотную безъ выстрѣла. Такимъ образомъ, мы много сняли аванпостовъ, проѣзжихъ

офицеровъ и почтъ. Многіе турецкіе солдаты, схваченные нами, не хотѣли вѣрить намъ, что мы русскіе и даже тогда, когда видѣли на груди нѣкоторыхъ казаковъ георгіевскіе кресты. Турки до 19-го числа не знали о переходѣ русскихъ черезъ Балканы. Только 18-го мы наткнулись на значительныя силы турокъ у селенія Враждебной, въ 6-ти верстахъ отъ гор. Софіи и принуждены были отступить къ дер. Дольный Бугоровъ.

Турки двигались слѣдомъ за нами. Бригада, пройдя черезъ мостъ на рѣчкѣ Раковицы, спѣшилась и залегла по берегу рѣчки, рѣшившись не пускать турокъ черезъ мостъ и въ тоже время послали просить подкрѣпленія у генерала Вельяминова, который находился недалеко отъ Бугорова съ двумя батальонами Козловскаго и тремя Тамбовскаго полковъ и, кажется, съ 6-ю орудіями гвардейской конной батареи.

Встрѣченные нашими выстрѣлами турки, послѣ небольшой перестрѣлки, двинулись вправо вдоль рѣки и пройдя версты двѣ переправились по льду черезъ рѣку Раковицу и заняли дер. Мусачево. Мы перемѣнили фронтъ и стали вдоль шоссе, обсаженнаго деревьями, имѣя въ тылу, саженяхъ въ 300, Бугорово. Начинало смеркаться; турки расположились на ночлегъ возлѣ селенія Мусачево и тотчасъ зажгли нѣсколько домовъ. Бригада наша, оставивъ впереди шоссе двѣ сотни на аванпостахъ, отодвинулась въ дер. Бугорово и размѣстилась по домамъ. Ночью подошелъ отрядъ генерала Вельяминова. Два батальона Козловскаго полка заняли позицію передъ Дольнымъ Бугоровомъ, лицомъ къ шоссе, и тотчасъ начали рыть ложементы. Тамбовскій полкъ, составляя резервъ, занялъ самое селеніе, выдвинувъ одинъ батальонъ правѣе селенія. Артиллерія заняла позицію лѣвѣе селенія, уступомъ назадъ.

Ночь прошла спокойно, но утромъ, часовъ въ 8, турки, густою цѣпью, имѣя шагахъ въ 50-ти впереди кавалерію, стали тѣснить наши аванпосты, которые отстрѣливаясь стали отступать на козловскіе ложементы. За цѣпью двигались густые массы турокъ. Артиллерія ихъ съ трудомъ двигалась по глубокому снѣгу. Какъ только наша артиллерія замѣтила наступленіе турокъ, тотчасъ открыла очень мѣткій огонь по колоннамъ и стала производить въ ихъ рядахъ сильное опустошеніе. Турецкія орудія тоже открыли огонь, но будучи ниже насъ стрѣляли плохо, снаряды ихъ перелетали черезъ головы нашихъ артиллеристовъ и падали далеко за селеніемъ.

Аванпостная цѣпь, пройдя ложементы, вошла въ деревню. Турки, не замѣчая нашей пѣхоты, скрытой въ селеніи и ложементахъ, быстро наступали. Козловцы, сидя въ ложементахъ, не могли стрѣлять по непріятелю вслѣдствіе того, что мѣсто для позиціи было выбрано не совсѣмъ удачно, именно, выкопали ложементы не на гребнѣ горы при ея спускѣ, а на серединѣ площадки, а потому образовалось мертвое пространство начиная за 25 шаговъ до ложементовъ, шаговъ на 200 къ

шоссе. Мѣсто наиболѣе поражаемое обороняющимся было шагахъ въ 500—700, а наше ружье-крынка бьетъ только на 600, а потому оставалось только 100 шаговъ, которые можно было хорошо обстрѣливать. Козловцы, имѣя только по 60-ти патроновъ, не хотѣли воспользоваться этимъ дальнимъ разстояніемъ и ждали не стрѣляя, пока пѣхота не покажется на самой площадкѣ.

Турки, встрѣченные залпомъ на разстояніи 25 шаговъ и затѣмъ дружнымъ ударомъ штыковъ, бросились бѣжать, но дойдя до своихъ резервовъ, слѣдовавшихъ за ними саженяхъ во ста, снова пошли впередъ. Наши опять залегли за валъ. Снова повторилась атака еще съ большею силою, но и на этотъ разъ съ прежнимъ результатомъ. Отбитые турки залегли за гребень горы на склонѣ и открыли сильный, но безвредный огонь, судя потому, что мы, стоя за селеніемъ, слышали, какъ надъ нашими головами во все время перестрѣлки летала туча пуль. Подходили къ туркамъ новые батальоны и снова они бросались то на одинъ, то на другой флангъ нашей позиціи, но всегда встрѣчаемые залпомъ, отступали назадъ. Тамбовскому батальону, занимавшему позицію на правомъ флангѣ козловцевъ, тоже пришлось выдержать не мало атаки. Такъ продолжалось до 4-хъ часовъ вечера. Мѣсто передъ ложементами густо было усѣяно турецкими трупами. Наши потери тоже были не малые, но главное начался чувствоваться недостатокъ въ патронахъ. Въ 4 часа уже всѣ непріятельскіе колонны были на скатѣ горы. Поднятые своимъ начальникомъ, который невредимо носился на сѣромъ конѣ съ одного фланга на другой, съ крикомъ „алла“ бросились впередъ и ворвались.

Стрѣльба прекратилась, работали штыками. Казалось, что наши смяты, но черезъ нѣсколько секундъ турки стремглавъ бѣжали подъ гору по направленію къ дер. Мусачево. Козловцы гнали ихъ до шоссе, устлавъ все это пространство непріятельскими трупами. 2-я сотня Владикавказскаго казачьяго полка, бывшая лѣвѣе артиллеріи, увидя бѣгство турокъ бросилась въ атаку, но завязнувъ въ болотѣ принуждена была отказаться отъ преслѣдованія. Остальные сотни бригады находились за селеніемъ и ранѣе чѣмъ прибыли на позицію турки уже заняли Мусачево. Болѣе они не рѣшались повторять атаку, мы тоже не могли атаковать сильно занятое селеніе и дѣло прекратилось. Ночью турки отступили въ селеніе Враждебную, откуда на другой день были выбиты генераломъ Гурко, прибывшимъ изъ Ташкисена съ гвардейскими полками.

Подъ Дольнымъ Бугоровымъ турки оставили болѣе 600 труповъ, наши потеряли убитыми и ранеными болѣе ста человѣкъ, въ томъ числѣ одного маіора старичка, лѣтъ 60-ти, и нѣсколько офицеровъ.

Въ этомъ дѣлѣ генералъ Вельяминовъ имѣлъ противъ себя отрядъ турокъ въ 16000 человѣкъ. О численности этого отряда мы узнали отъ начальника, командовавшаго имъ, который былъ въ гостяхъ у генерала

Черевина, 29-го декабря, подъ Новоселомъ, во время ложнаго перемирія. Онъ-же сообщилъ намъ, что кромѣ убитыхъ, оставленныхъ на позиціи, отправилъ въ Софію до 2000 раненыхъ. Не знаю, какъ велики были наши батальоны, но судя потому, что они дрались оба раза подъ Плевной, 18-го іюля и 30-го августа, взяли Никополь и перевалили Балканы, надо полагать, что численность ихъ была очень не велика.

Видѣвшій это дѣло не могъ не поразиться стойкостью и геройствомъ русскаго солдата. Казаки не любятъ хвалить регулярные войска, но эту пѣхоту они не называли иначе, какъ „ерои".

Сотникъ 2-го Кубанскаго казачьяго полка

Алексѣй Фокъ.

ИЗЪ ПОХОДНЫХЪ ЗАПИСОКЪ
СТРОЕВАГО ОФИЦЕРА.

(Продолженіе) *).

ктября 6-го началась переправа. Кромѣ нашего полка съ бригадою артиллеріи, къ мостамъ подошли: 1-я бригада 24-й пѣхотной дивизіи, тоже съ артиллеріею и Малороссійскій гренадерскій полкъ

Въ обозахъ недостатку не было и всѣ они пододвигались, стараясь опередить другъ друга, чтобы втянуться въ линію, выстраеваемую у моста. Крики и брань обозныхъ, грохотъ и трескъ сцѣпившихся повозокъ какъ бы стояли въ воздухѣ и много надо было приложить труда, чтобы разобрать и поставить въ извѣстномъ порядкѣ перепутавшіеся между собою обозы различныхъ частей и хозяевъ.

Тутъ между форменными войсковыми повозками стояли разнокалиберныя маркитантскія; тамъ легкіе фургоны Краснаго Креста чередовались съ несчастными погонцами агенства продовольствовавшаго армію а между тѣми и другими суетились ротные артельщики около переполненныхъ продуктами телѣгъ для частей войскъ, расположенныхъ на правомъ берегу Дуная, и ловко втирались въ ряды бессарабскіе и румынскіе жидки, везшіе на своихъ клячахъ разную дрянь, продавая которую, они выманивали послѣдній солдатскій грошъ и дѣлали выгодные гешефты въ такую удобную и рѣдкую пору какъ заграничная кампанія, театромъ которой служила разграбленная уже Болгарія.

Около 6-ти часовъ утра, къ такъ-называемому новому мосту, былъ двинутъ 4-й батальонъ полка съ тремя батареями и переправа нача-

*) См. т. IV, стр. 619—648.

лась; но не успѣли они вытянуться по мосту, какъ чей то очень громкій и рѣзкій голосъ, обращенный къ завѣдывающему переправою, остановилъ движеніе прочихъ батальоновъ, чтобы пропустить интендантскій сухарный транспортъ, опоздавшій на сутки и только что подошедшій къ Зимницѣ.

Изъ объясненія обладателя рѣзкаго голоса, одѣтаго въ формѣ чиновника особыхъ порученій, я, между прочимъ, услышалъ: солдаты нужны, это безспорно, но хлѣбъ для сражающихся еще необходимѣе. Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ ожидается съ часу на часъ, но остальная гвардія вотъ уже нѣсколько дней какъ сидитъ безъ сухарей и довольствуется овощами да зерномъ, которое молотитъ на лопаткахъ и варитъ въ ранцевыхъ котелкахъ.

Дѣлать было нечего и хотя завѣдывающій переправою и полкъ не были виноваты въ томъ, что опоздалъ сухарный транспортъ, но тѣмъ не менѣе пришлось составить ружья и ждать, пока онъ дотащился до моста и медленно, повозка за повозкою, сталъ переправляться на другую сторону.

Пронзительный вѣтеръ пробиралъ насквозь, заставляя пожалѣть о рано снятыхъ палаткахъ и искать какого-нибудь закрытія; по счастію кто-то изъ офицеровъ замѣтилъ полуразрушенный тростниковый шалашъ, прилипившійся на самомъ берегу рѣки. Не прошло пяти минутъ, какъ шалашъ былъ такъ переполненъ желавшими согрѣться, что у входа въ него стояло нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ очереди войти. Долго простояли бы они, еслибъ въ это время не подошелъ къ берегу паровой катеръ „Шутка“ съ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, ѣхавшимъ изъ Турна въ главную квартиру Наслѣдника Цесаревича. Всѣ выскочили встрѣтить своего Августѣйшаго шефа, искренно радуясь видѣть Его на берегу Дуная и шалашъ опустѣлъ сразу.

Поздоровавшись съ ближайшими ротами, Его Высочество подошелъ къ своей шефской и проходя по фронту милостиво обращался къ нѣкоторымъ изъ нижнихъ чиновъ, прибывшихъ изъ запаса, узнавая въ нихъ своихъ старыхъ служивыхъ.

Разговаривая съ офицерами, Великій Князь выразилъ удовольствіе встрѣтиться съ полкомъ, который по Его предположенію долженъ былъ быть уже за Дунаемъ; затѣмъ узнавъ, что мы идемъ къ Плевнѣ, Его Высочество осчастливилъ насъ слѣдующими лестными словами „жаль, потому что Наслѣдникъ Цесаревичъ ожидалъ васъ къ себѣ подъ Рущукъ и радовался, что силы Его увеличатся присоединеніемъ такой славной гвардейской дивизіи“.

Простившись съ нами и пожелавъ успѣха на ратномъ полѣ, Великій Князь направился къ расположеннымъ по берегу флотскимъ командамъ; у послѣдней изъ нихъ, Севастопольской, онъ сѣлъ въ коляску,

причемъ приказалъ повернуть назадъ и въ сопровожденіе пріѣхавшаго съ праваго берега командира полка, проѣхалъ вдоль фронта оставшихся у моста ротъ, желая имъ успѣха и выразивъ надежду скорой встрѣчи съ полкомъ.

Между тѣмъ транспортъ прошелъ и переправа полка возобновилась; мнѣ пришлось идти по старому мосту, наведенному нѣсколько ниже по рѣкѣ. Понтоны его разнообразной конструкціи, частью желѣзные, частью деревянные. Поставлены они въ разстояніи 7—8 шаговъ одинъ отъ другаго и удерживаются на мѣстѣ помощью большихъ якорей, на цѣпяхъ.

Теченіе рѣки страшно быстро, а волны, гонимыя вѣтромъ, съ такою силою набѣгали на мостъ, что ударяясь о понтоны разсыпались брызгами, обдавая ими вокругъ. Мостъ состоитъ изъ двухъ половинъ: первая, около 300 саж. длины, соединяетъ лѣвый берегъ съ островомъ, а вторая нѣсколько меньшей длины выводитъ на Болгарскій берегъ.

Островъ, несмотря на свою величину, служилъ задержкою при переправѣ, такъ какъ на немъ скучивались войска, артиллерія и всевозможные обозы, идущіе какъ въ Систово, такъ и возвращающіеся въ Зимницу.

Только къ вечеру перебрались мы на правый берегъ Дуная и полкъ долженъ былъ стать на ночлегъ ввиду того, что рано наступившія сумерки не позволяли даже думать о ночномъ переходѣ по убійственно-грязной и трудной горной дорогѣ.

Переправившійся-же утромъ 4-й батальонъ и три батареи ушли впередъ, не ожидая сбора всего полка и остальныхъ батарей бригады.

День, проведенный у моста, въ ожиданіи переправы, доставилъ мнѣ удовольствіе знакомства съ молодымъ графомъ Сиверсомъ, начальникомъ зимницкаго перевязочнаго отряда общества Краснаго Креста. Отрядъ этотъ, сформированный на средства общества, около 3-хъ мѣсяцевъ работалъ уже въ госпиталяхъ имѣя назначеніе помогать дивизіоннымъ лазаретамъ въ трудныя минуты боя; насколько цѣлесообразно это назначеніе и какую существенную пользу приноситъ отрядъ, можно видѣть изъ дѣятельности, выпавшей на его долю въ лазаретахъ 2-й и 16-й пѣхотныхъ дивизій въ тяжелые дни, такъ-называемой третьей Плевны, 30-го и 31-го августа, когда небольшимъ персоналомъ отряда было перевязано въ одномъ лазаретѣ 2900, а въ другомъ 1600, т. е. 4500 человѣкъ раненыхъ, которые безъ участія отряда получили-бы помощь быть можетъ не ранѣе однѣхъ или двухъ сутокъ послѣ пораненія. Послѣдствія поздней перевязки извѣстны каждому, поэтому и говорить о нихъ нечего.

Отрядъ графа Сиверса торопился переправиться черезъ Дунай, чтобы во время поспѣть къ дѣйствующей арміи, но испыталъ нашу участь и, простоявъ сутки около моста, перешелъ его уже вслѣдъ за полкомъ.

7-го октября мы прошли черезъ г. Систовъ и ночевали у д. Орѣше.

Городъ Систовъ или, какъ называютъ его теперь, Свищевъ расположенъ на горахъ, вслѣдствіе чего подъемы, спуски и даже отвѣсные обрывы встрѣчаются чуть не на каждомъ шагу. Улицы узки и нѣкоторыя настолько, что повозка, запряженная четверкою, едва проходитъ. Мостовая хотя и существуетъ, но въ безобразномъ видѣ; а тротуары крайне неудобны для проѣзда ввиду часто встрѣчающихся ямъ, отъ вывалившихся изъ нихъ большихъ камней, или тѣхъ-же камней, наваленныхъ поверхъ.

Лавокъ много, причемъ большинство ихъ чисто азіатскаго типа, т. е. открытыя съ улицы и съ работающими въ нихъ хозяевами и приказчиками. Такъ, въ мѣховыхъ: сшиваются и сортируются бараньи шкуры, выколачиваются мѣха и шьются шапки; въ съѣстныхъ: поджаривается на угляхъ какая-то непривлекательная снѣдь въ родѣ сосисокъ, рыбы и еще чего-то очень неаппетитнаго и грязнаго на видъ. Тутъ-же красуются и русскія вывѣски: агентства продовольствующаго армію и г. Кастильона.

Проходъ обоза черезъ городъ былъ продолжителенъ и труденъ; но выйдя изъ него, насъ ожидала такая дорога, о существованіи которой для движенія по ней артиллеріи и обозовъ трудно было и думать.

Значущаяся по картѣ вьючною, дорожка эта, дѣлая крупные повороты и нерѣдко лѣпясь по самому краю страшныхъ обрывовъ, поднималась выше и выше. Артиллерія и обозы останавливались чуть не каждую минуту и только благодаря силѣ и выносливости русскаго солдата, двигались впередъ, и то черепашьимъ шагомъ. Помогая обозу, солдатики ухитрялись тащить его гдѣ и какъ допускала дорога, т. е. то ухватясь за постромки, то подпирая сзади или удерживая съ противоположной оврагу стороны, то таща за привязанный къ дышлу выносный канатъ, или, выпрягая лошадей, везли на себѣ. Проработавъ такимъ образомъ цѣлый день, мы только къ вечеру подошли къ д. Орѣше, сдѣлавъ переходъ всего въ 12 верстъ.

Задержка на переправѣ и эта ужасная дорога опять дѣлали движеніе наше несходственнымъ съ маршрутомъ и чтобы нагнать потерянное время, слѣдующіе переходы надо было идти форсированнымъ маршемъ.

8-го числа мы пришли въ Булгарени, а 9-го сразу сдѣлали два перехода, черезъ Парадинъ на Боготъ. Въ Парадинѣ была расположена главная квартира князя Карла Румынскаго и извѣстнаго нашего генералъ-адъютанта Тотлебена; вслѣдствіе чего, ожидая встрѣчи ихъ, подходя къ Парадину полкъ остановился, переодѣлся въ мундиры и успѣлъ отдохнуть.

Передъ прибытіемъ князя къ намъ подъѣхалъ командиръ бригады и, поздоровавшись съ людьми, началъ говорить съ собравшимися около него офицерами про предстоящую имъ дѣятельность.

Хваля храбрость турокъ (за окопами), баронъ Зедделеръ совѣтовалъ намъ, вступая въ бой съ ними, придерживаться тому, чтобы быстро и безъ выстрѣла проходить предѣльную линію дальности боя ихъ ружей, т. е. около 2000 шаговъ, гдѣ, по словамъ генерала, пули не летятъ, а ударяетъ страшная сплошная волна свинцу.

Затѣмъ, пройдя эту черту видимой смерти — остановиться, пристрѣляться и подаваться впередъ, возможно болѣе примѣняясь къ мѣстности, т. е. пользуясь не только встрѣчаемыми закрытіями, но, такъ сказать, малѣйшею складкою мѣстности. Дойдя до разстоянія, допускающаго возможность атаки непріятельскихъ ложементовъ, смѣло бросаться въ штыки, отнюдь неувлекаясь при этомъ первою легкою побѣдою, ввиду того, что турки обыкновенно размѣщаютъ свои войска въ слѣдующей постепенности: первая линія окоповъ занимается всякою дрянью, умѣющею только выпускать пули изъ своихъ отличныхъ, далеко бьющихъ и быстро заряжающихся ружей. Вторая линія занимается уже лучшими частями войскъ, а отборныя или самыя надежныя стоятъ за ложементами третьей, четвертой и слѣдующихъ линій, смотря по мѣстности и силѣ отряда. Поэтому и бывали примѣры, что войска нашей доблестной арміи, взявъ штыками первую линію турецкихъ укрѣпленій, врывались на плечахъ непріятеля во вторую, но, разстроивъ свои ряды предъидущимъ боемъ и атакою, не могли уже выбить свѣжихъ и лучшихъ частей турецкихъ войскъ, и должны были отходить къ первой линіи окоповъ, напрасно потерявъ часть своихъ храбрыхъ товарищей и начальниковъ.

На основаніе этого баронъ Зедделеръ совѣтывалъ: взявъ первую линію ложементовъ остановиться въ нихъ, окопаться, обстрѣлять противника и затѣмъ уже бросаться на вторую и такъ далѣе.

Видъ генерала Зедделера, его молодцоватая, мастерская манера рѣчи и прекрасное изложеніе мысли произвели на насъ глубокое и пріятное впечатлѣніе.

Въ 2 часа пополудни подъѣхалъ князь Карлъ; встрѣчая его, 1-й и 2-й батальоны полка были выстроены по дорогѣ, какъ-бы остановленные во время движенія, въ колонахъ изъ середины рядами; 3-й батальонъ былъ сзади, у обоза, а 4-й, какъ обогнавшій полкъ еще на переправѣ представлялся отдѣльно наканунѣ.

Скомандовали „на краулъ!“ заиграла музыка и князь, объѣзжая батальоны, привѣтствовалъ насъ по-русски, говоря: „здорова“. Выѣхавъ впередъ, его высочество пропустилъ мимо себя полкъ, очень любезно прикладываясь каждому проходившему офицеру; а прощаясь съ командиромъ полка, генераломъ Брокомъ, князь выразилъ ему свое удовольствіе видѣть нашъ полкъ, при чемъ сказалъ, что онъ пораженъ щеголеватостью обмундированія полка, послѣ такого дальняго, осенняго похода.

Прійдя въ Боготъ послѣ заката солнца, мы едва разобрались, чтобы стать на бивуакъ, такъ какъ ночь была совершенно темна. Понятно, что послѣ сдѣланнаго нами двойнаго перехода, всѣ торопились поскорѣе устроиться и лечь спать; но обозъ, какъ на зло, оттянулъ и пришлось его ждать, а въ это время къ намъ подошли товарищи 4-го батальона, стоявшаго тутъ на бивуакѣ, и передали какъ животрепещущую новость, слухъ будто-бы генералъ Скобелевъ 2-й предвидѣлъ возможность усиленной вылазки со стороны турокъ, а по словамъ другихъ, самъ хотѣлъ сдѣлать ночное нападеніе, ввиду чего просилъ графа Шувалова поддержать его нашею дивизіею, на что графъ изъявилъ полное согласіе. Разсказывали, что слухи эти шли отъ начальника штаба дивизіи Скобелева — капитана Куропаткина, вслѣдствіе чего вполнѣ имъ довѣряли. Дѣлать нечего, пришлось не торопиться сномъ и не раздѣваться, потому что, какъ-бы въ подтвержденіе слуховъ, послышались орудійные выстрѣлы, скоро впрочемъ прекратившіеся. Ночь прошла спокойно и никакой тревоги не было.

10-е октября мы провели на дневки въ Боготѣ, но отдохнули не вполнѣ, такъ какъ узнали о предстоящемъ на 12-е число боѣ, для занятія укрѣпленныхъ турецкихъ позицій на рѣкѣ Видѣ.

Непрерывная отдача и исполненіе приказаній вызывала постоянное снованіе по бивуаку, начавшееся съ ранняго утра и продолжавшееся до вечера.

Надо было: оставить въ Боготѣ весь тяжелый полковой обозъ, съ командою для устройства хлѣбопеченія; сдать ранцы и вторую пару сапогъ; выдать сухари на 7 дней, вслѣдствіе чего пришлось сдѣлать новое приспособленіе для носки ихъ, т. е. вынувъ изъ виксатиновыхъ сухарныхъ мѣшковъ въ холщевые и пришить къ нимъ тесьму для носки черезъ другое плечо; выдать на руки: крупу, чай, сахаръ и т. д.; хлопоты увеличивались еще тѣмъ, что было объявлено, что облегченныя ротныя и офицерскія повозки пойдутъ съ нами одинъ переходъ, послѣ котораго у насъ останется только носимое на себѣ.

Весь день прошелъ въ приготовленіяхъ, офицеры покупали ословъ прилаживали вьюки и прочее.

Часамъ къ 6-ти вечера бивуакъ нашъ поуспокоился; солдаты затянули пѣсни около разложенныхъ костровъ, а офицеры начали собираться за серединою полка, чтобы проводить полковника Губина, отъѣзжавшаго на другой день въ Россію, по случаю назначенія его командиромъ Оренбургскаго пѣхотнаго полка.

Кто служилъ въ военной службѣ, тому хорошо извѣстенъ характеръ проводовъ выбывающаго изъ полка офицера и врядъ-ли я ошибусь, подведя ихъ подъ общую рамку прощальнаго обѣда, ужина или завтрака, съ поднесеніемъ подарка или безъ онаго. Выпивается на этихъ прово-

дахъ много вина, преимущественно шампанскаго, провозглашаются привѣтственные и отвѣтные спичи, и публика расходится съ головною болью и голоднымъ, но испорченнымъ желудкомъ.

Много разъ приходилось мнѣ участвовать въ подобныхъ торжествахъ, причемъ я вынесъ объ нихъ самыя разнообразныя воспоминанія, но проводы А. М. Губина, 10-го октября 1877 года, мнѣ кажется, останутся на вѣкъ въ памяти всѣхъ насъ, со всѣми мелочными и, такъ сказать, неуловимыми подробностями, ради исключительной ихъ обстановки и того нравственнаго состоянія, въ которомъ мы находились, покончивъ съ первыми приготовленіями, передъ первымъ и труднымъ боемъ.

На мѣстѣ сбора, около А. М. Губина, толпились офицеры, осаждая его просьбами объ отправкѣ писемъ въ Россію, или личной передачѣ ихъ въ С.-Петербургѣ. Чуть не всѣ грамотные солдаты тоже написали свои „поклоны“ роднымъ на родину, прося ротныхъ командировъ походатайствовать передъ отъѣзжающимъ полковникомъ объ отправкѣ ихъ изъ ближайшаго отдѣленія полевой почты.

Полковникъ бралъ все и не получая отказа въ просьбахъ, число писемъ возросло до баснословныхъ размѣровъ, такъ что нетолько походныя сумки А. М. были набиты ими биткомъ, но значительно нагрузился и форменный чемоданъ его.

Но не прошло и часу времени, какъ все поуспокоилось и офицеры начали группироваться около импровизированнаго стола, устроеннаго изъ разнокалиберныхъ досокъ, положенныхъ на пустые ящики и бочки.

Взошла луна и освѣтивъ мѣстность, позволяла разсмотрѣть сервировку стола, состоявшую изъ самыхъ разнообразныхъ походныхъ стакановъ, кружекъ и чашекъ, замѣнявшихъ на этотъ разъ блестящій хрусталь французскихъ ресторановъ далекаго Петербурга.

Явилось и шампанское, но такъ какъ весь запасъ его у маркитанта не превышалъ семи бутылокъ, то разливалось оно долго и аккуратно, какъ въ аптекѣ, чтобы не обдѣлить кого-нибудь изъ товарищей.

Покончивъ съ приготовленіями, всѣ встали и командиръ полка, обратясь къ А. М. Губину, сказалъ ему отъ лица офицеровъ нѣсколько теплыхъ, задушевныхъ словъ, предложивъ затѣмъ тостъ за убывающаго старожила полка. Товарищеское „ура!“ и полный глубокаго чувства отвѣтъ А. М. закончили, такъ сказать, обычную сторону проводовъ. Когда-же всѣ усѣлись и началась дружеская бесѣда, то тутъ только сказалось то выходящее изъ ряду положеніе, при которомъ не только измѣняется будничный взглядъ на вещи и окружающую обстановку, но высказываются новыя, свѣтлыя чувства и врѣзываются въ памяти неизгладимыя впечатлѣнія... Трудно передать на бумагѣ психическую сторону человѣка, а слѣдовательно, несравненно труднѣе передать ее тѣхъ многихъ личностей, которыя сгруппировались у стола, провожая Губина. Поэтому

не бравъ на себя смѣлости анализировать тогдашнія наши чувства, я скажу только, что всѣ хорошо сознавали, что этотъ вечеръ будетъ послѣднимъ сборомъ наличной полковой семьи и что не пройдетъ 48-ми часовъ, какъ, быть можетъ, многіе изъ членовъ ея принуждены будутъ на долго проститься съ рядами роднаго полка, а другіе, уже намѣченные рукою судьбы, и съ самою жизнью. Кромѣ этого, такъ сказать, вопроса жизни насъ занималъ другой и не менѣе серьезный — вопросъ безповоротно честнаго исполненія долга присяги воина, пробнымъ камнемъ котораго было не далекое 12-е октября.

Желаніе свято исполнить этотъ долгъ, надежда на успѣхъ и твердая рѣшимость не щадить себя въ трудныя и славныя минуты боя виднѣлись въ выраженіяхъ лицъ и громко сказывались въ продолжительныхъ азартно-воинственныхъ крикахъ русскаго „ура“, которыми заглушался хоръ полковой музыки во время игры народнаго гимна, своего полковаго и воодушевляющаго колоннаго маршей.

Долго просидѣли-бы мы, бесѣдуя подъ звуки музыки, очередовавшейся съ стройнымъ пѣніемъ молодыхъ офицеровъ и разудалыми пѣснями солдатскаго хора 3-го батальона, пришедшаго проводить своего бывшаго командира; но раннѣе выступленіе на утро и предстоящій большой переходъ вблизи непріятеля, заставили насъ покончить съ этимъ памятнымъ вечеромъ и разойдясь по палаткамъ улечься спать.

11-го октября, въ 6 часовъ утра, мы снялись съ бивуака и двинулись по направленію къ дер. Экси-Баркачь, у которой должны были присоединиться къ прочимъ полкамъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій; но такъ какъ въ началѣ перехода намъ приходилось пересѣкать плевно-ловчинское шоссе, по которому, по слухамъ, ожидалось движеніе изъ Плевны части арміи Османа-паши, то для обезпеченія полка отъ нечаянной встрѣчи съ нею, нашъ 1-й батальонъ былъ выдвинутъ впередъ съ тѣмъ, чтобы, дойдя до шоссе, занялъ отдѣльными постами впереди лежащія возвышенности и выстроившись въ боевой порядокъ оставался на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ мимо насъ полкъ съ артиллеріею и облегченнымъ обозомъ, за которымъ уже двигаться въ арріергардѣ колонны.

Дойдя до шоссе, рота моя, какъ бывшая въ авангардѣ, свернула вправо и остановилась, а головное отдѣленіе было выслано на впередилежащую возвышенность, куда поѣхалъ и я съ командиромъ батальона полковникомъ Мессарошемъ для того, чтобы осмотрѣть мѣстность и выставить посты. Поднявшись на высоту, мы, къ удивленію, увидѣли большую сомкнутую часть пѣхоты, расположенную въ лощинѣ съ лѣвой стороны шоссе, а впереди ея — сильный кавалерійскій разъѣздъ, но не по направленію къ намъ, а къ сторонѣ Плевны. Было ясно, что это наши, высланные отъ ближайшихъ частей войскъ для наблюденія за дорогой.

Справились, кто именно и узнали, что охрана шоссе возложена на бригаду 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, которой приданъ армейскій Уланскій полкъ. Поэтому, вмѣсто перестроенія въ боевой порядокъ, батальонъ составилъ ружья и отдыхалъ все время, пока не прошла мимо наша колонна въ хвостѣ, которой мы и потянулись; но такъ какъ за обозомъ шло цѣлое стадо быковъ, то для доставленія на бивуакъ кое-какихъ хозяйственныхъ принадлежностей, часть ихъ была запряжена въ повозки, которыя сильно отставали отъ облегченнаго обоза, вслѣдствіе чего было приказано оставить имъ въ помощь 3-ю роту съ тѣмъ, чтобы она составила собою тыльный отрядъ.

Подобное распоряженіе, конечно, не заключаетъ въ себѣ ничего интереснаго, но я упоминаю о немъ единственно потому, что сопровожденіе почти не нужныхъ воловьихъ подводъ имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія для 1-го батальона.

Подойдя къ дер. Ралево, мы увидѣли бивуакъ полковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, впереди котораго производились ротныя, а можетъ быть, и одиночныя ученія. Подобное препровожденіе времени, чуть не на носу у непріятеля, показалось намъ нѣсколько страннымъ, а солдатики наши смѣялись вслухъ, отвыкнувъ за походъ отъ одиночекъ и не предполагая возможнымъ заниматься ими на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но подумавъ не много, нельзя было не признать этихъ занятій вполнѣ цѣлесообразными ввиду того, что 3-я дивизія стояла тутъ уже нѣсколько дней и ученья производились, вѣроятно, не для исправленія солдатской выправки, а для того, чтобы занять солдата и не дать ему застояться.

У той-же дер. Ралево я невольно обратилъ вниманіе на небольшой армейскій караулъ и остановился, чтобы узнать причину разнообразія ихъ формы одежды. Изъ 10-ти — 15-ти человѣкъ, его составлявшихъ, трудно было найти двухъ въ одинаковыхъ мундирахъ. Красныя петлицы воротниковъ мѣшались съ синими, бѣлыми и черными; погоны были съ различными нумерами или вовсе безъ нихъ, но всѣ солдаты смотрѣли молодцами и на вопросъ мой, что это за сборная команда, унтеръ-офицеръ отвѣтилъ, что это караулъ отъ 16-й пѣхотной дивизіи, а разнообразіе обмундировки произошло оттого, что всѣ они недавно прибыли на укомплектованіе ее послѣ потерь, понесенныхъ 30-го и 31-го августа.

Цифра этихъ потерь, какъ мы слышали раньше, доходила до 8500 человѣкъ, изъ 12000 съ чѣмъ-то; понятно, что пополнить ее было не легко и приходилось брать людей откуда только можно.

Переходъ 11-го числа длился цѣлый день и былъ очень тяжелъ, вслѣдствіе медленности движенія, ради ежеминутныхъ остановокъ обоза, который, несмотря на помощь людей, едва тащился по трудной горной дорогѣ.

Недоходя Эски-Баркача, пришлось проходить черезъ какую-то деревню, среди которой горѣли два дома, освѣщая собою нашъ путь. Кто зажегъ ихъ, опредѣлить было трудно; но ввиду того, что бивуака около деревни не было, а оставшіеся въ ней жители спокойно смотрѣли на пожаръ, сидя у своихъ домовъ,—всякое подозрѣніе въ виновности войскъ приходилось отложить въ сторону, и думалось и вѣрилось, что это дѣло рукъ нашихъ братушекъ (какъ называютъ себя болгары), тѣмъ болѣе, что деревня имѣла смѣшанное населеніе. Турки бѣжали, а братушки остались и хозяйничали кстати въ ихъ домахъ. Предположеніе наше какъ-бы подтверждалось еще и тѣмъ, что горѣвшіе дома принадлежали туркамъ и были совершенно очищены отъ всякаго домашняго скарба и мягкой рухляди. Пожаръ этотъ, по безучастному къ нему отношенію мѣстныхъ жителей и проходящихъ войскъ, наглядно показывалъ намъ бѣдствія войны и въ то-же время напомнилъ, что мы дошли уже до мѣста военныхъ дѣйствій.

Деревня Эски-Баркачь, какъ мусульманская, была совершенно пуста и горѣла съ нѣсколькихъ сторонъ разомъ.

Картина была страшная, но поразительно эфектная, вслѣдствіе большихъ огненныхъ языковъ и яркаго зарева на черномъ фонѣ, какъ-бы сгустившагося вокругъ пожара, непроглядnаго мрака наступившей ночи.

Обогнувъ деревню, мы увидѣли, впереди на высокой горѣ, бивуачные огни собравшагося тутъ гвардейскаго отряда и, чтобы не задерживать скученнаго по дорогѣ обоза, пошли цѣликомъ въ гору по указанію унтеръ-офицера гвардейской жандармской команды.

Подъемъ былъ длиненъ и крутъ; дыханье захватывало и становилось жарко, несмотря на холодный ночной воздухъ.

Взобравшись на верхъ, мы пошли кустами, благодаря которымъ бивуачные огни прочихъ полковъ сбивали насъ съ прямаго направленія, вслѣдствіе чего мы не сразу отыскали расположеніе своего полка и стали на бивуакъ уже въ десятомъ часу вечера, при чемъ объ воловьемъ обозѣ и оставшейся при немъ 3-й ротѣ не было, какъ говориться, ни слуху, ни духу.

Около 10-ти ч. вечера къ намъ пришелъ полковой адъютантъ съ приказаніемъ—всѣмъ батальоннымъ и ротнымъ командирамъ собраться за 4-й батальонъ, для прочтенія диспозиціи и полученія кое-какихъ бумагъ. Отправившись по указанію, я засталъ на мѣстѣ сбора только нѣкоторыхъ офицеровъ полковаго штаба, такъ какъ генералъ Брокъ былъ у графа Шувалова, и его ожидали еще не скоро, а прочіе офицеры не собрались.

Ждать не хотѣлось, потому что надо было узнать приняты ли въ роту добавочныя пачки патроновъ и гдѣ приготовлена варка, поэтому

я попросилъ адъютанта прочитать мнѣ диспозицію и взявъ отъ него бумаги, предназначенныя для нашего батальона, отправился обратно.

Диспозиція была коротка и назначала только: часы выступленія съ бивуака различныхъ частей отряда; движеніе бригадъ къ бродамъ черезъ р. Видъ и пункты наступленія на укрѣпленную позицію, у дер. Горный Дубнякъ. Позицію эту надо быть взять, чтобы замкнуть кольцо, обхватывающее Плевну.

Первою выступала съ бивуака гвардейская стрѣлковая бригада, составляющая правую колонну; затѣмъ Павловскій и Финляндскій полки, назначенные въ лѣвую и наконецъ нашъ Московскій и Гренадерскій— въ среднюю колонну.

Полки: Преображенскій, Семеновскій и Измайловскій составляли резервъ; Егерскій долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно у дер. Телишъ, а лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ былъ приданъ къ средней колоннѣ, вслѣдствіе чего 3-й батальонъ нашего полка и 3-я батарея 2-й гвардейской артиллерійской бригады отдѣлялись отъ своихъ частей для усиленія Медованскаго отряда, состоящаго только изъ одного лейбъ-гвардіи Волынскаго полка и батареи 3-й гвардейской артиллерійской бригады.

Объ этомъ отрядѣ въ диспозиціи упомянуто не было и назначеніе въ него нашихъ частей послѣдовало по словесному приказанію графа Шувалова, вслѣдствіе полученнаго имъ особаго на то распоряженія.

Бумаги, которыя передалъ мнѣ адъютантъ, заключали въ себѣ: приказъ по гвардейскому корпусу за № 20; инструкцію о дѣйствіи войскъ и планъ окрестностей Плевны.

Подходя къ бивуаку своей роты, я встрѣтился съ командиромъ батальона, который почти силою повелъ меня обратно за 4-й батальонъ, увѣряя, что командиръ полка тамъ и проситъ всѣхъ насъ собраться немедленно. Пошли и вернулись обратно, потому что застали тоже, что видѣлъ я нѣсколько минутъ назадъ. Эти путешествія по неровной, заросшей терновникомъ мѣстности, да еще послѣ утомительнаго перехода, просто сбивали съ ногъ, а надо было еще идти въ роту, и чуть не въ сотый разъ, подтверждать давно уже отданныя приказанія; прихожу и слышу, что у двухъ солдатиковъ такая сильная лихорадка, что не могутъ стоять на ногахъ.

Оставить надо, а негдѣ; и вотъ цѣлая комбинація какъ розыскать свою облегченную повозку и отправить къ ней больныхъ, взамѣнъ которыхъ вытребовать и поставить въ строй хлѣбопека и кашевара. Только покончилъ съ этимъ, докладываютъ, что варка не скоро еще будетъ готова, такъ какъ не принесли еще даже и мяса; а голодные солдаты давно уже отвязали свои котелки и вытащили ложки изъ-за голенищъ, надѣясь пообѣдать тотчасъ по приходѣ на бивуакъ, въ виду того, что

варку для насъ должны были приготовить полки, пришедшіе къ Эски-Баркачу раньше насъ сутками и болѣе.

Потомъ ротный инструкторъ просчитался въ пріемѣ шести пачекъ патроновъ; дѣло бы и не важное, да не знаетъ какъ съ нимъ быть, потому что до ящиковъ недотолпишься, а взводные требуютъ полностью, чтобы не обдѣлить кого-нибудь пачкой.

Между тѣмъ офицеры нашего батальона успѣли уже подсѣсть къ костру въ ожиданіи ужина.

Подали супъ, сваренный утромъ въ Боготѣ, выпили по стакану чая и я улегся тутъ же у костра, твердо рѣшивъ спать до выступленія, назначеннаго въ 2 часа пополуночи, чтобы хоть сколько-нибудь поддержать изнемогавшія силы.

Первыя десять минутъ все было тихо; но какъ я не жмурился, а заснуть не могъ. Мысли толпились роемъ, обгоняя и перепутываясь одна съ другою; но вотъ и сонъ, къ сожалѣнію неподкрѣпляющій, а какая-то тяжелая дремота, во время которой то видѣлся пожаръ дер. Эски-Баркача съ его страшнымъ заревомъ на темномъ небѣ и огромными причудливыми тѣнями на обрывахъ окружающихъ горъ; то вдругъ представлялась моя петербургская квартира и я пріятно чувствовалъ себя въ кругу жены и дѣтей; то казалось, что неисполнено въ ротѣ какое-то приказаніе; потомъ пожаръ, рота и родная семья хитро перепутывались между собою и выходилъ какой-то невозможный хаосъ, среди котораго слышались крики и что-то тяжелое давило мнѣ ноги.

Открывъ глаза, я не сразу понялъ, гдѣ я и что кругомъ дѣлается. Около моей головы топтались какія-то ноги; слышны были отдѣльныя непонятныя слова, потомъ русская брань и какой-то неопредѣленный шумъ въ кустахъ терновника. Прійдя въ себя, я поторопился высвободить ноги изъ подъ вьюка, который какой-то деньщикъ положилъ на мою бурку, не замѣтивъ подъ нею моего присутствія. Остальные вьюки укладывались тутъ-же, вслѣдствіе чего я всталъ, не желая служить мѣстомъ склада, а пожалуй и неожиданнымъ препятствіемъ для ногъ засуетившихся деньщиковъ.

Около 12-ти часовъ ночи, командиръ полка потребовалъ къ себѣ полковника Мессароша, который вернувшись сообщилъ намъ, что въ виду скораго выступленія полка и не прибытія полуроты, отставшей съ воловьимъ обозомъ, гр. Шуваловъ приказалъ: третій батальонъ—взять съ полкомъ, а нашему выступить въ 4 час. утра въ Медованскій отрядъ, такъ какъ къ этому времени вѣроятно подойдутъ и запоздавшіе съ обозомъ люди.

Грустно и досадно стало, услышавъ это приказаніе; хотѣлось идти въ бой вмѣстѣ со своими, а не дѣйствовать въ отдѣльномъ отрядѣ, на-

значеніе котораго мы не знали, какъ не знали начальства и духа людей его составлявшихъ.

Неудовольствіе увеличивалось еще тѣмъ, что перемѣна эта послѣдовала за какіе-нибудь два часа до выступленія, т. е. въ то время когда мы были готовы настолько, что уложили даже вьюки; а тутъ изъза опоздавшаго воловьяго обоза, съ разною ненужною дрянью, приходится разставаться съ полкомъ на неизвѣстное время и почти въ моментъ наступленія перваго боя.

Неудовольствіе наше выразилось бранью, посыпавшеюся на несчастный обозъ, а худое расположеніе духа заставляло искать случая, чтобы придраться къ чему-нибудь и сорвать сердце, наговоривъ непріятностей кому бы то ни было. Всѣ косо посматривали на командира 3-й роты, какъ будто онъ былъ виноватъ въ томъ, что его люди были оставлены при обозѣ. Но какъ не сердись, а судьба наша была рѣшена и надо было покориться ей.

Замѣтивъ общее раздраженіе, одинъ изъ товарищей сказалъ: „Господа, я буду очень радъ, если намъ всѣмъ удастся поссориться другъ съ другомъ, потому что тогда не такъ будетъ жаль пострадавшихъ въ бою“.

Эта шутка нѣсколько поуспокоила публику и нѣкоторые изъ насъ начали смѣяться, а потомъ незамѣтно перешли къ заключенію, что отъ судьбы не уйдешь и вообще все дѣлается къ лучшему.

Во время преній къ костру подошелъ командиръ полка и, какъ мнѣ показалось, онъ не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Прерывистая рѣчь и движеніе личныхъ мускуловъ показывали, что нервы его возбуждены, что впрочемъ совершенно понятно въ положеніе человѣка, которому предстоитъ вести въ первый бой хорошихъ, но необстрѣленныхъ людей, причемъ отвѣтственность за дѣйствія ихъ падаетъ всецѣло на него и въ ту минуту, когда общее вниманіе направлено на гвардію, прибытіе которой давно ожидалось на театрѣ военныхъ дѣйствій. Разговаривая съ нами, генералъ Брокъ, между прочимъ, сказалъ: „я пришелъ проститься съ вами и пожелать всякаго успѣха. Жалѣю, что не придется сражаться вмѣстѣ. Скажу откровенно, я много надѣялся на 1-й батальонъ и думалъ пустить его въ критическую минуту, или употребить на трудное дѣло. Хотѣлось имѣть васъ съ собою, но что дѣлать, если вышло иначе“. Поблагодаривъ командира за столь лестный отзывъ, мы высказали ему, насколько опечалены новымъ назначеніемъ, которое отрывая насъ отъ полка передъ самымъ боемъ, нетолько лишаетъ возможности вынести его вмѣстѣ съ товарищами, но вѣроятно помѣшаетъ даже видѣть, или знать объ дѣйствіяхъ другъ друга.

Простившись съ офицерами, генералъ подошелъ къ бивуаку нашего батальона и выразивъ людямъ свою увѣренность въ ихъ молодец-

комъ поведеніи въ предстоящемъ бою, сказалъ нѣсколько напутственныхъ словъ и пожелалъ возможно большаго успѣха.

Но время шло. Батальоны разобрали ружья и двинулись колоннами изъ середины рядами. Давно я не слышалъ такой громкой и отчетливой команды ротныхъ командировъ, какая раздалась рядомъ во 2-мъ батальонѣ; обративъ на это вниманіе, я невольно слѣдилъ глазами за уходившими, до тѣхъ поръ, пока не скрылись изъ глазъ штыки послѣднихъ рядовъ, освѣщаемые сразу опустѣвшими кострами. За то наши костры почти не были видны изъ-за толпы солдатъ ихъ окружавшей. Подойдя къ крайнему своей роты, я приказалъ нижнимъ чинамъ поближе подойти ко мнѣ и скомандовавъ „смирно“, прочиталъ слѣдующее:

Приказъ № 20, по Гвардейскому корпусу.

Въ дер. Дольній монастырь (въ Болгаріи)

Августа 28-го дня 1877 года.

„Войска Гвардейскаго корпуса! Державною волею вы призваны къ участію въ нынѣшней славной борьбѣ. Государь Императоръ съ довѣреніемъ смотритъ на васъ и убѣжденъ, что Его гвардія и въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ покроетъ себя такою славою, какъ и наши предки и поддержитъ доброе честное имя, присвоенное ея знаменамъ. Въ этомъ я ручаюсь предъ Его Величествомъ и, надѣюсь, докажемъ, что не даромъ Государь осыпалъ насъ знаками самаго высокаго вниманія.

„Нашъ врагъ въ теченіи послѣдняго столѣтія привыкъ уважать русскаго солдата. Докажемъ, что и мы достойны такого уваженія.

„Не численнымъ превосходствомъ, не превосходствомъ вооруженія и не силою оборонительныхъ позицій Румянцевъ, Суворовъ и Дибичъ обезсмертили свое имя побѣдами надъ турецкими войсками, но духомъ предпріимчивости, искусствомъ маневрированія и доблестью солдата.

„Возьмемъ-же мы этихъ героевъ за образецъ и будемъ помнить, что никогда нерѣшительность и колебаніе, а всегда предпріимчивость, упорство и взаимная выручка надежнѣйшее средство въ побѣдѣ.

«За лишнее считаю въ настоящую минуту напомнить о сохраненіи дисциплины въ нашихъ рядахъ. Мы всѣ одинаково убѣждены, что войска безъ дисциплины толпа, не способная къ великимъ дѣяніямъ, а потому нашею основною заботою будетъ твердое поддержаніе во всѣхъ положеніяхъ этого священнаго закона.

„Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ“.

Подписалъ: командиръ гвардейскаго корпуса

генералъ-адъютантъ Александръ.

Окончивъ чтеніе, я въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ ротѣ, какъ должны мы дорожить всемилостивѣйшимъ вниманіемъ и тѣмъ высочайшимъ довѣріемъ, которое высказано въ приказѣ. Затѣмъ напомнилъ

солдатамъ, чтобы стрѣляли рѣдко—да мѣтко, не клали охулки на руку, когда доведется работать штыкомъ и, не отставая отъ офицеровъ, которые будутъ впереди, по возможности ихъ оберегали.

Говоря это солдатамъ, я присматривался къ выраженію ихъ лицъ и отошелъ отъ нихъ совершенно успокоенный, потому-что видъ людей былъ превосходный, смотрѣли они бодро, смѣло и весело, но въ тоже время не такъ, какъ обыкновенно и во взгладахъ ихъ виднѣлась рѣшимость, отвага и спокойствіе.

Костры ушедшихъ войскъ догорали и тухли. По всей поверхности громадной вершины горы стлался дымъ и все какъ-бы вымерло кругомъ; лишь изрѣдка доносившіеся одинокіе, короткіе звуки показывали, что есть еще нѣсколько человѣкъ, хлопочущихъ съ уборкою облегченнаго обоза, оставленнаго здѣсь тѣми многими тысячами людей, которые давно уже скрылись подъ горою и спѣшатъ къ переправамъ черезъ р. Видъ, чтобы, несмотря ни на что, исполнить задачу окончательнаго обложенія Плевны.

Сиротою смотрѣлъ нашъ батальонъ и невольно торопились мы выступленіемъ въ медованскій отрядъ.

Наконецъ, въ 3½ часа утра, разобрали ружья и тронулись. Рота моя пошла въ авангардѣ, выславъ взводъ въ головной отрядъ, патруль отъ котораго велъ, присланный намъ въ проводники, расторопный урядникъ какого-то донскаго казачьяго полка; за моею ротою тронулась вторая, за нею батарея, потомъ третья и въ аріергардѣ четвертая.

Ночь была лунная и морозная; блестки серебристаго инея сверкали на высокихъ стволахъ кукурузныхъ полей, а застывшая дорога казалась бѣлою лентою, извивавшеюся змѣею по впереди лежащей мѣстности, съ ея невидимымъ горизонтомъ, скрывавшимся въ дымкѣ утренняго тумана.

По срединѣ пути встрѣтилась какая-то рѣчка, мостъ черезъ которую былъ очень узокъ и сомнительной прочности; рота перешла, но въ переправѣ батареи мы не были увѣрены, вслѣдствіе чего офицеръ, командовавшій головнымъ взводомъ, послалъ нашего проводника предупредить объ этомъ полковника Мессароша и командира батареи.

Отойдя съ версту, я остановился, чтобы дать время провести орудія, изъ которыхъ приходилось выпрягать лошадей и катить людьми, причемъ часть ихъ поддерживала орудія съ боковъ, влѣзая для этого въ воду.

Къ разсвѣту, миновавъ д. Петерницу, мы скоро очутились у пустаго лагеря л.-гв. Волынскаго полка. Дальнѣйшій путь не былъ извѣстенъ присланному за нами уряднику; вслѣдствіе чего батальонъ остановился, а Мессарошъ поѣхалъ впередъ отыскивать начальника отряда генералъ-маіора Бремзена.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ подъѣхалъ молодой подпоручикъ Волынскаго полка и, отрекомендовавшись ординарцемъ начальника отряда,

*

передалъ приказаніе немедленно двигаться впередъ; но не успѣлъ я выслушать послѣднихъ словъ, какъ на полномъ карьерѣ прискакалъ унтеръ-офицеръ Кіевскаго гусарскаго полка и доложилъ, что онъ присланъ генераломъ Бремзеномъ указать дорогу ожидающимся съ нетерпѣніемъ нашему батальону и батареѣ. Я принялъ командованіе и двинулся вслѣдъ за гусаромъ, а ординарецъ уѣхалъ, но тотчасъ-же вернулся съ приказаніемъ, чтобы я съ ротами: Его Высочества и второю, при двухъ орудіяхъ, занялъ такъ называемую Медованскую батарею; а 3-я и 4-я роты съ остальными шестью орудіями будутъ поставлены въ резервъ по личному распоряженію начальника отряда.

Поднявшись на высоту мы скоро увидѣли прекрасно выстроенную горизонтную батарею, на 8 орудій, расположенную на гребнѣ сѣвернаго ската горы, обросшаго густымъ кустарникомъ. Батарея эта была выстроена по распоряженію инженернаго начальства, причемъ для пѣхотнаго прикрытія было вырыто нѣсколько стрѣлковыхъ ложементовъ, по гребню горы и у подошвы ея, подъ самою батареею

Ночью тутъ стояла рота л.-гв. волынскаго полка, выставившая въ ложементахъ отдѣльные сторожевые посты. Роту эту надо было смѣнить, по возможности, скорѣе, для присоединенія ее къ своему батальону, который уже двинулся впередъ.

Назначенныя ко мнѣ орудія прибыли съ подпоручикомъ Кохановымъ и, снявшись съ передковъ, стали въ крайнія амбразуры. Ложементы я занялъ первыми полуротами обѣихъ ротъ, а вторыя поставилъ въ резервѣ, уступомъ за флангами батареи; но такъ какъ число ложементовъ было очень велико, то часть ихъ пришлось оставить незанятыми, вслѣдствіе недостатка людей, а нѣкоторые изъ нихъ и потому, что они не давали возможности обстрѣла впереди лежащей мѣстности ближе 1000 шаговъ, т. е. съ дистанціи, на которую не обучаются, да и не полагается стрѣлять нашимъ линейнымъ ротамъ.

Почти вслѣдъ за окончаніемъ разстановки людей ко мнѣ на батарею пріѣхалъ начальникъ отряда генералъ-маіоръ Бремзенъ. Отрапортовавъ о численномъ состояніи ротъ и доложивъ о своихъ распоряженіяхъ, я услышалъ лестное одобреніе генерала и затѣмъ узналъ, что мѣсто моей позиціи выбрано имъ лично и предполагалось для занятія его полурота батальонами пѣхоты при 8-ми орудіяхъ, чего не сдѣлано вслѣдствіе малочисленности нашего отряда, назначеніе котораго заключается въ занятіе д. Тренина и близълежащей высоты, съ находящеюся на ней турецкою батареею.

Для исполненія этой задачи будетъ употребленъ л.-гв. Волынскій полкъ съ батареею 3-й гвардейской артиллерійской бригады; наши 3-я и 4-я роты съ 6-ю орудіями, батареи полковника Михайлова, составятъ резервъ и будутъ выдвинуты, смотря по ходу дѣла; а мои двѣ роты съ

двумя орудіями останутся на мѣстѣ, чтобы дѣйствовать въ слѣдующихъ случаяхъ:

Впереди моей батареи, прямо на сѣверъ, находится большая турецкая деревня Дольный-Дубнякъ, лежащая у Софійскаго шоссе и занятая болѣе чѣмъ 10-ти-тысячнымъ отрядомъ турецкой пѣхоты съ артилеріею. Позиція этого отряда укрѣплена стрѣлковыми окопами и двумя большими редутами.

Имѣя въ виду, что при атакѣ Горнаго Дубняка и Телиша часть этого отряда можетъ выступить къ нимъ на помощь, было приказано кавалеріи барона Корфа демонстрировать передъ Дольнымъ Дубнякомъ; а въ случаѣ наступленія на нее турокъ отойти къ Медовану. Отступленіе это я долженъ былъ прикрыть огнемъ батареи и ложементовъ.

Затѣмъ предполагалось возможнымъ отступленіе турецкаго гарнизона Горнаго Дубняка долиною р. Вида, причемъ, огнемъ своей батареи, я долженъ былъ взять ихъ во флангъ и, наконецъ, еслибы турки, преслѣдующіе барона Корфа, или отступающіе отъ Горнаго Дубняка, бросились къ Медовану, защищать позиціи и умереть до послѣдняго человѣка, не отступивъ ни шага, такъ какъ за мною никого уже не было и дд. Медованъ и Крушевица, равно какъ лагерь л.-гв. Волынскаго полка и телеграфная станція оставались не прикрытыми.

Около 8-ми часовъ утра, покончивъ съ распоряженіями, я усѣлся въ пустой амбразурѣ и вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Дуброва, поручикомъ Яцынинымъ и подпоручикомъ Кохановымъ осматривалъ въ бинокль мѣстность предстоящихъ дѣйствій. Усталость и голодъ чувствовались сильно, а морозъ холодилъ оконечности и, несмотря на вышедшее солнце, серебрилъ еще траву настолько, что часть долины, видимая передъ батареею, казалась какъ-бы подмерзшимъ болотомъ, или разливомъ рѣки Вида.

Сильный туманъ скрывалъ отъ взора д. Дольный Дубнякъ и высоты за д. Тренина. Не успѣли мы осмотрѣться, какъ на сѣверо-западѣ раздались страшные выстрѣлы, силу которыхъ и послѣдовательную скорость одного за другимъ я не могъ опредѣлить тогда, какъ не съумѣю сдѣлать этого и теперь. Звуки орудійныхъ выстрѣловъ и непрерывная трескотня ружей представляли что-то особенное, никогда неслышанное и неиспытанное.

Сердце упало и духъ замеръ отъ сознанія въ томъ, что половина ихъ направлена въ ряды русской гвардіи и въ числѣ ея въ свой родной полкъ. Громъ выстрѣловъ шелъ непрерывно, а мѣсто боя было такъ далеко, что нетолько видѣть его, но и узнать объ дѣлѣ не представлялось ни малѣйшей возможности.

Подобное тяжелое положеніе пойметъ каждый и не дай Богъ его испытывать.

Между тѣмъ туманъ прояснялся и позволялъ видѣть кавалерію барона Корфа, подходящую къ Дольнему Дубняку.

Небольшія черныя полоски на свѣтложелтыхъ кукурузныхъ поляхъ, къ западу отъ деревни, показывали намъ ея движенія съ продолжительными остановками на мѣстѣ.

Изрѣдка появлялись дымки орудійныхъ выстрѣловъ нашей конной артиллеріи и отвѣтные изъ укрѣпленій Дольняго Дубняка,

Однообразность картины утомляла наблюденіе тѣмъ болѣе, что изъ ближайшей къ намъ восточной лощины горъ показалась рота л.-гв. Волынскаго полка, которая, выйдя въ долину р. Вида, развернулась, разомкнула ряды и спокойно, соблюдая полный порядокъ, двинулась къ дер. Тренина.

Не отрывая глазъ отъ бинокля и съ затаеннымъ дыханіемъ смотрѣли мы въ эту сторону. Разстояніе до деревни было около двухъ верстъ, а медленное движеніе роты, какъ всякой пѣхотной части, томило насъ своею продолжительностью; но вотъ вытягивается еще рота Волынцевъ и слѣдуетъ шагахъ въ пятистахъ за первою; за второю выходитъ третья и всѣ они смѣло и безостановочно наступаютъ. Казалось: вотъ-вотъ грянетъ изъ Тренины залпъ и ряды волынцевъ порѣдѣютъ; но роты идутъ, а въ деревнѣ не замѣтно ни малѣйшаго движенія. Наконецъ, головная рота, безъ выстрѣла, дошла и скрылась за крайними строеніями; тутъ только мы вздохнули свободно, радуясь, что первая половина нашей задачи исполнена такъ благополучно, хотя вторая, т. е. занятіе высоты и взятіе съ бою турецкой батареи, конечно, должна была быть гораздо труднѣе и опаснѣе, потому-что утромъ, тотчасъ по приходѣ нашемъ на позиціи, я слышалъ, что молодой волынскій офицеръ съ четырьмя солдатами-охотниками лазилъ ночью на высоту, которую надо было занять 12-го числа. Вернувшись благополучно назадъ, охотники разсказывали, что нашли ложементы пустыми, но за батареею видѣли сомкнутую пѣхотную часть, не имѣвшую никакихъ передовыхъ постовъ; причемъ большинство турокъ безпечно спало у костра. Были-ли резервы сзади этого табора — охотники опредѣлить не могли.

Время шло, а грохотъ на сѣверо-западѣ не прекращался. Волынцы скрылись, а кавалерія барона Корфа виднѣлась все тѣми-же черными полосками и почти на тѣхъ-же мѣстахъ.

Жутко становилось отъ неизвѣстности хода дѣла у Горнаго Дубняка; невольно вспоминались товарищи, еще такъ недавно собравшіеся всѣ вмѣстѣ на бивуакѣ въ Боготѣ и, переходя мыслью отъ одного изъ нихъ къ другому, я какъ-то со страхомъ останавливался на двухъ изъ нихъ, которые почему-то казались мнѣ неизбѣжными жертвами сегодняшняго боя.

Медованская батарея представлялась скверною точкою земнаго шара,

отрѣзанною отъ всего остальнаго міра, а воображеніе рисовало заманчивую картину отступленія турокъ отъ Горнаго Дубняка къ Плевнѣ и убійственный огонь моихъ орудій и берданокъ, которыми-бы я съ наслажденіемъ привѣтствовалъ ихъ со своей позиціи, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вымѣстить злобу за непрерывно продолжающійся бой съ его неизбѣжными потерями.

Въ третьемъ часу пополудни выстрѣлы на сѣверо-западѣ стали утихать, но за то вдругъ раздались оглушительные орудійные залпы на сѣверо-востокѣ; огонь этотъ былъ открытъ по плевненскимъ укрѣпленіямъ въ виду демонстративныхъ дѣйствій генерала Скобелева 2-го, производившихся съ цѣлью помѣшать Осману выслать подкрѣпленіе въ Дольній Дубнякъ и поддержать имъ горно-дубнякскій гарнизонъ. Выстрѣлы эти съ перемѣнною силою огня продолжались почти весь день и возобновлялись ночью.

Между тѣмъ моя батарея, какъ вполнѣ безопасная и относительно удобная для наблюденій, привлекала любопытныхъ, напоминая собою Царскій валикъ Красносельскаго военнаго поля, во время близкихъ къ нему ученій или маневровъ.

Первымъ явился саперный офицеръ съ ближайшей телеграфной станціи; затѣмъ пріѣхалъ казакъ и, наконецъ, астраханскій драгунъ. Всѣ они смотрѣли въ бинокли, дѣлали различныя предположенія о ходѣ и результатѣ боя, и соскучившись, не видя ничего, кромѣ сплошной массы пороховаго дыму, застилавшей горизонтъ на сѣверо-западѣ, начали разсказывать о плевненскихъ бояхъ, первомъ переходѣ Балканъ, Шибкѣ и т. д.; причемъ, какъ новичкамъ въ дунайской арміи, предлагали намъ различные способы веденія войны съ турками, поясняя тѣмъ или другимъ эпизодомъ кампаніи.

Разговоры эти, кромѣ интереса содержанія, были чрезвычайно пріятны, отвлекая, хоть временно, отъ клиномъ засѣвшей мысли относительно исхода, все еще продолжавшагося, сраженія.

Между тѣмъ, прекратившіеся въ 3-мъ часу выстрѣлы начали раздаваться съ новою силою и опять дошли до ужаснаго гула, слышаннаго нами утромъ при началѣ сраженія.

Въ это время Волынцы безъ выстрѣла заняли высоту. Турки оставили ее на разсвѣтѣ и спохватились только тогда, когда наши начали окапываться. Частый ружейный огонь открытый съ противоположнаго гребня не помѣшалъ, счастливымъ Волынцамъ, ввести свою батарею и стать твердою ногою на тѣхъ горахъ, которыя какъ неизвѣстныя нашему генеральному штабу, значились бѣлымъ пятномъ на картѣ окрестностей Плевны.

Перестрѣлка продолжалась до сумерекъ, но вся потеря ограничилась нѣсколькими ранеными нижними чинами (кажется 7 человѣкъ).

Около 8-ми час. вечера, когда уже совершенно стемнѣло, мы увидѣли пламя пожара, какъ разъ въ томъ сѣверо-западномъ направленіи, откуда болѣе всего слышались выстрѣлы въ теченіи цѣлаго дня. По мѣрѣ увеличенія пожара, утихали выстрѣлы и наконецъ совершенно смолкли.

Окончился бой, длившійся 12 час. сряду. Зарево пожара ясно показывало, что не существуетъ уже препятствія къ полному обложенію Плевны и что софійское шоссе, эта артерія продовольствовавшая армію Османа-паши, перерѣзана; но гнетущая неизвѣстность подробностей боя и той цѣны, которою была куплена эта важнаяп обѣда, мѣшала намъ радоваться и невольно испытывалось какое-то нравственное разслабленіе притуплявшее мысли и чувства.

Считаю нелишнимъ сказать, что при смѣнѣ на Медованской батареи роты лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, я получилъ журналъ въ которомъ между прочимъ значилось, что 11-го октября, т. е. наканунѣ взятія Горнаго Дубняка, по софійскому шоссе прошелъ въ Плевну транспортъ, состоявшій приблизительно изъ 500 подводъ.

Кавалерія наша должна была видѣть его, но остановить не могла, такъ какъ прикрытіе транспорта состояло изъ нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты съ артиллеріею.

Съ восходомъ луны я обошелъ позицію, провѣрилъ исполненіе службы въ ложементахъ и только по возвращеніи на батарею, почувствовалъ, насколько усталъ за послѣдніе двое сутокъ. Температура воздуха понизилась сразу и вмѣсто дневнаго тепла, начало сильно примораживать. Голодъ давалъ себя знать, напоминая о томъ, что будучи заняты окружающимъ, мы позабыли о своихъ желудкахъ получившихъ въ работу въ теченіи цѣлаго дня, только по стакану чая съ двумятремя маленькими англійскими сухарями; но такъ какъ ѣсть было нечего, то пришлось улечься спать и довольно удобно, благодаря заготовленной артиллеристами соломѣ, для корма лошадей.

Въ 12-мъ часу ночи я получилъ приказаніе отправить 2-ю роту для прикрытія двухъ орудій, поставленныхъ въ люнетъ находившійся правѣе моей батареи.

Дѣлать нечего, пришлось встать и дрожа отъ холода, вслѣдствіе внезапнаго пробужденія, хлопотать о новомъ размѣщеніи людей и смѣнѣ 2-й роты, командира которой, трудно было добудиться, такъ крѣпко онъ заснулъ послѣ испытанныхъ: усталости и треволненій.

Отправивъ роту пришлось пододвигать передки и зарядные ящики, потому что прикрывавшій ихъ резервъ, почти уничтожился.

Вернувшись къ орудію у котораго спалъ, я увидѣлъ одного изъ взводныхъ унтеръ-офицеровъ своей роты, стоявшаго около съ котелкомъ въ рукахъ; онъ видимо поджидалъ меня, хотѣлъ что-то сказать и мялся переступая съ ноги на ногу. Добрый человѣкъ сварилъ себѣ кашицу,

но прежде чѣмъ поѣсть, хотѣлъ накормить ротнаго командира и въ тоже время не зналъ какъ приступить, къ такому небывалому въ мирное время, дѣлу.

Въ первый разъ, во время кампаніи, пришлось мнѣ испытать заботу солдата о своемъ офицерѣ, т. е. такую, когда взаимныя отношенія упрощаются и солдатъ не разставаясь съ офицеромъ, видитъ, что тотъ несетъ одинаковую службу, испытываетъ вмѣстѣ съ нимъ невзгоды и терпитъ тѣже лишенія.

Много разъ потомъ, меня кормили солдаты, дѣлясь послѣднимъ своимъ сухаремъ; но эту первую кашицу и тотъ неувѣренный видъ, съ которымъ мнѣ предложилъ ее Морозовъ, никогда не изгладятся изъ памяти.

Выпивъ рюмку коньяку и угостивъ въ свою очередь унтеръ-офицера, я совершенно согрѣлся, послѣ нѣсколькихъ ложекъ горячей размазни и отлично спалъ до восьмаго часа утра, когда орудійные выстрѣлы подъ Плевною, напомнили, что я на позиціи, а на на дневкѣ. Вслѣдъ за этими выстрѣлами, началась перестрѣлка волынцевъ съ турками, окопавшимися за ночь на противоположной высотѣ.

Не успѣлъ я обойти расположеніе роты, какъ увидѣлъ нѣсколькихъ всадниковъ подымавшихся ко мнѣ на батарею, куда я и поспѣшилъ вернуться, ожидая прибытія начальства и полученія новыхъ приказаній на только что начавшійся день 13-го октября.

Взойдя на батарею я засталъ казачій разъѣздъ, пріѣхавшій справиться, гдѣ помѣщается телеграфная станція. Офицеръ былъ бывалый и не торопился отъѣздомъ; а когда увидѣлъ моего деньщика съ чайникомъ, хлѣбомъ и бутылкою коньяку, то слѣзъ съ лошади и съ удовольствіемъ принялся за скромный завтракъ, разсказывая про вчерашнее дѣло у Горнаго Дубняка. Сразу почувствовалъ я какую громадную разницу, составляетъ всякая потеря для близкихъ или постороннихъ людей. Прихлебывая чай, казакъ не только равнодушно, но даже съ улыбкой разсказывалъ, что подъ утро онъ былъ у мѣста боя, гдѣ грудами валялись неприбранныя еще тѣла убитыхъ гвардейцевъ, между которыми попадались и раненые. А въ большой редутъ, продолжалъ онъ, съ трудомъ даже и въѣхалъ, столько навалено убитыхъ турокъ и палыхъ: лошадей и скота.

Хорошее дѣло сдѣлали, похвалилъ казакъ, да и стрѣляли же турки здорово; у насъ, верстахъ въ трехъ въ сторону, отъ турецкихъ гранатъ человѣкъ 20 казаковъ выбыло изъ строя.

Спрашивая о подробностяхъ дѣла и цифрѣ потери, мы узнали, что Горный Дубнякъ былъ взятъ только къ вечеру; потери гвардіи очень велики; тяжело раненъ какой-то командиръ бригады и ранены всѣ командиры

полковъ. Затѣмъ, что полкъ атаковавшій Телишъ, потерялъ чуть не половину наличнаго состава людей и принужденъ былъ отступить.

Казакъ окончилъ разсказъ и уѣхалъ, а мы, услыша эти неутѣшительныя новости, боялись даже дѣлать предположенія о возможной убыли въ своемъ полку, стараясь отогнать воспоминанія о комъ-либо изъ товарищей. Плохо вѣрилось, чтобы всѣ командиры были ранены, а между тѣмъ невольно сожалѣли своего, хотя надѣялись услышать опроверженіе слуха, или при худомъ концѣ, узнать о благополучномъ исходѣ его раны.

Къ счастію, на этотъ разъ намъ недолго пришлось думать о слышанномъ, такъ какъ ординарецъ прискакавшій отъ генерала Бремзена, передалъ приказаніе немедленно сняться съ позиціи и идти къ люнету занятому 2-ю ротою.

Прибывъ по назначенію, я принялся за устройство батареи для своихъ орудій, но вскорѣ приказаніе это было отмѣнено и зарывъ новорожденную батарею, пришлось конвоировать взводъ подпоручика Коханова, до подножія горы на которой стояли волынцы, на позицію которыхъ были назначены его орудія.

Долиною р. Вида, мы дошли до дер. Тренина и обогнувъ близь лежащую высоту прошли по берегу ручья, гдѣ двѣ роты лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, приняли отъ меня орудія, а я вернувшись назадъ получилъ приказаніе занять ложементы на правомъ флангѣ расположенія батальона, рядомъ съ 4-ю ротою.

Новое расположеніе было бы хорошо, если бы кукурузное поле, не затрудняло движеніе и между ложементами не было густой полосы терновника, который пришлось вырубать и строить новый окопъ, такъ какъ имѣющіеся едва помѣщали въ себѣ три взвода.

Къ сумеркамъ работы были окончены и разставивъ сторожевую цѣпь, я вернулся въ свой ложементъ, гдѣ пилъ чай съ офицерами 4-й роты пришедшими сдѣлать визитъ сосѣду.

Ночь прошла спокойно, и выспавшись—насколько позволяли удобства открытаго ложемента съ постелью изъ кукурузныхъ стволовъ, при морозѣ заставлявшемъ чуть не каждый часъ вставать, чтобы погрѣться у солдатскаго костра,—я чувствовалъ себя совершенно хорошо; причемъ расположеніе духа было какое-то праздничное, ради прекраснаго солнечнаго утра и тѣмъ развлеченіямъ, которыя доставлялъ собою приводъ братушекъ, взятыхъ въ сторожевой цѣпи. Большинство ихъ имѣло очень подозрительный видъ и сбивалось въ показаніяхъ: откуда, куда и зачѣмъ идутъ, вслѣдствіе чего многіе попали подъ конвой приставкѣ начальника отряда, куда мы ихъ отправляли для разбора.

Около полудня мнѣ доложили, что верстахъ въ полутора, правѣе нашихъ ложементовъ, видны какіе-то люди, которые, то спрячутся въ

кустахъ, то снова появятся; причемъ одинъ изъ нихъ взлѣзъ на дерево и должно быть высматриваетъ наше расположеніе. Провѣривъ при помощи бинокля докладъ, я вызвалъ охотниковъ, сильный патруль которыхъ, лихо бросился въ кусты, незамѣтно пробрался полемъ и скрылся въ оврагѣ за моимъ правымъ флангомъ. Черезъ нѣсколько времени охотники вернулись назадъ безъ всякихъ трофей и сильно сконфуженные. Оказалось, что это наши казаки хозяйничали на оставленной турками бахчѣ.

Извѣстіе о богатствѣ бахчи, вызвало просьбы солдатъ отпустить ихъ на эту жатву, и я въ виду того, что уже двое сутокъ они оставались безъ варки, отправилъ двѣ вооруженныя команды: одну на бахчу, а другую на мельницу, стоявшую на берегу ручья. По возвращеніи командъ, рота разжилась нѣсколькими арбузами и дынями; тыквы и груши варились чуть не во всѣхъ котелкахъ, а немолоченная пшеница шла въ пищу и въ тоже время служила мягкою и теплою постелью.

Мельница оказалась пустою; а старикъ хозяинъ работавшій на ней до нашего прихода и выдававшій себя за вѣрнаго и преданнаго братушку, бѣжалъ ночью въ Плевну, унеся съ рабочими почти все количество заготовленной муки и крупы.

Въ наказаніе за это, домъ мельника, по приказанію начальника отряда разбирался на дрова, и у Волынцевъ горѣли въ кострахъ: половинки дверей, оконныя рамы и столы.

Около 3-хъ часовъ пополудни, отрядъ нашъ увеличился подошедшимъ къ позиціи Прусскимъ полкомъ, 2-й батальонъ котораго, смѣнилъ насъ въ ложементахъ, а мы стянулись къ ставкѣ начальника отряда-чтобы въ сумерки незамѣтно подняться на позицію лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, усилить которую было необходимо въ виду полученнаго генераломъ Бремзеномъ извѣстія о выступленіи изъ Плевны значительнаго отряда войскъ для атаки нашихъ высотъ.

Нѣсколько часовъ остававшихся до заката солнца, позволили намъ сварить обѣдъ и собраться всѣмъ офицерамъ батальона.

Трехдневная разлука и масса испытанныхъ ощущеній, доставляли богатую тэму для разговоровъ и время шло незамѣтно, тѣмъ болѣе, что въ группѣ офицеровъ подошелъ начальникъ отряда и усѣвшись на кочкѣ, очень любезно бесѣдовалъ съ нами, сообщая нѣкоторыя новости дня; а за обѣдомъ мы имѣли пріятнаго гостя, въ лицѣ капитана Прусскаго полка, Иванова, отъ котораго между прочимъ услышали, что 13-го октября, рота лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка конвоировавшая плѣнныхъ турокъ, взятыхъ въ Горномъ Дубнякѣ, дѣлала привалъ у дер. Ролево, во время котораго жители деревни выносили туркамъ: хлѣбъ, воду и всякую домашнюю снѣдь; причемъ становились на колѣни и цѣловали имъ руки.

Если бы я услышалъ этотъ разсказъ не отъ достовѣрнаго очевидца, какимъ былъ капитанъ Ивановъ, то отказался бы вѣрить въ возможность чего-либо подобнаго со стороны тѣхъ самыхъ ралевскихъ болгаръ, которые 11-го октября, ни за какіе деньги, не продавали намъ даже ломтя хлѣба, увѣряя что сами его не имѣютъ.

Такъ вотъ каковы нѣкоторыя изъ нашихъ милыхъ братушекъ!..

Когда совершенно стемнѣло, батальонъ нашъ разобралъ ружья и тронулся.

Восходящая луна едва позволяла видѣть нашъ бездорожный путь. Длинный и крутой подъемъ доставлялъ усиленную работу мускуламъ ногъ и легкихъ, вслѣдствіе которой при остановкѣ батальона, надъ головами людей виднѣлся подымающійся кверху паръ.

Адъютантъ выѣхавшій къ намъ на-встрѣчу, передалъ приказаніе поставить батальонъ въ резервѣ, указавъ мѣсто за зарядными ящиками батареи, стоявшей за окопами.

Командиръ батальона уѣхалъ къ начальнику передовой позиціи генералъ-маіору Мирковичу, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось приводить въ исполненіе это приказаніе.

Хотя мѣсто за батареею, какъ пунктомъ притягивающимъ на себя непріятельскіе орудійные выстрѣлы, не совсѣмъ совпадало съ понятіемъ о расположеніи резерва, но приказаніе должно было быть исполненнымъ и мы стали.

Когда вернулся командиръ батальона, я сообщилъ ему о полученномъ приказаніи и изложилъ свое мнѣніе о неудобствахъ мѣста расположенія батальона.

Согласившись со мною, Мессарошъ пригласилъ остальныхъ ротныхъ командировъ и мы всѣ вмѣстѣ начали отыскивать по близости другое, болѣе удобное мѣсто; но крутой скатъ горы за батальономъ и густые кусты терновника по сторонамъ, заставили насъ отказаться отъ труднаго въ ночное время осмотра мѣстности и улечься спать около нижнихъ чиновъ, оставляя вопросъ этотъ открытымъ до наступленія утра.

Довольно сильный морозъ, не очень способствовалъ хорошему сну; вслѣдствіе чего офицерство поднялось рано и собралось у костра, разложеннаго передъ серединою батальона.

Безсонная ночь смѣнилась нерадостнымъ для насъ утромъ 15-го октября, такъ какъ пріѣхавшій изъ Эски-Баркача буфетчикъ сообщилъ, что въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ убиты товарищи наши: капитанъ І. И. Роговскій 1-й, штабсъ-капитанъ Н. П. Дамишъ, и поручики: Л. Я. Вагнеръ и А. А. Бирфрейндъ.

Раненыхъ много, но кто именно онъ не зналъ.

Тяжело было слышать о потерѣ товарищей и грустно бесѣдовали мы, вспоминая ихъ и въ тоже время не зная, что думать о тѣхъ, кто

остался живъ, но раненъ, кто это и какой будетъ исходъ ранъ? Вопросы эти волновали насъ, невольно срываясь съ устъ то одного, то другого и, вѣроятно, долго просидѣли-бы мы за ними, еслибы вниманіе наше не было отвлечено пріѣздомъ бригаднаго адъютанта генерала Бремзена, л.-гв. Волынскаго полка штабсъ-капитана Шенебера, который пріѣхалъ навѣстить насъ на новоселье и серьезно подтверждалъ, слышанный нами наканунѣ отъ начальника отряда слухъ, что изъ Плевны вышло до 30 т. турокъ съ цѣлью атаковать нашъ отрядъ и, занявъ позицію, воспрепятствовать нашимъ войскамъ совершить полное обложеніе Плевны.

Въ доказательство вѣрности своихъ соображеній штабсъ-капитанъ Шенеберъ приводилъ усиленіе отряда Прусскимъ полкомъ, ожиданіемъ пріѣзда генералъ-адъютанта Гурко и неоднократными запросами Великаго Князя Главнокомандующаго и генералъ-адъютанта Тотлебена о положеніе, силѣ отряда и успѣхѣ по укрѣпленію позиціи. Вслѣдъ за Шенеберомъ пріѣхалъ командующій передовою позиціею генералъ-маіоръ Мирковичъ и, поздоровавшись съ батальономъ, пригласилъ командировъ батальона и ротъ осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ ту часть возвышенности, которую мы должны были укрѣпить и занять; закончивъ такимъ образомъ оборонительную линію передовой позиціи.

Мѣсто будущаго расположенія нашего батальона представляло собою какъ-бы особую возвышенность, отдѣлявшуюся отъ позиціи волынцевъ небольшимъ переваломъ, поросшимъ кустами терновника. Передъ фронтомъ и правымъ флангомъ шли довольно отлогіе, неровные скаты къ лощинамъ, соединяющимся у исходящаго угла. Общій видъ этой горы представлялъ собою нѣчто похожее на громадную старческую лысину съ рѣдкимъ кустарникомъ и самыми незначительными неровностями общаго вида поверхности. Впереди лежащія высоты, занятыя турками, имѣли преимущество командованія, а за двумя, почти параллельными перевалами горъ, виднѣлся Крышинскій редутъ, расположенный на самой высшей точкѣ окружающей мѣстности.

Позиція наша не представляла, поэтому, ничего хорошаго, что вполнѣ раздѣлялось мнѣніемъ генерала Мирковича и инженеръ-подполковника Старынкевича, присланнаго для ея укрѣпленія. Во время нашего осмотра часть нижнихъ чиновъ батальона, работала по возведенію двухъ траншей на гребнѣ перевала, отдѣлявшаго насъ отъ волынцевъ, на случай, еслибы турки повели атаку до укрѣпленія нами новой позиціи.

Осмотрѣвъ мѣстность, мы пошли по направленію къ батареи, за которою стоялъ нашъ батальонъ и совершенно неожиданно услышали шипѣнье турецкой гранаты, пролетѣвшей почти надъ головами.

За первою, слѣдовала вторая и пока я дошелъ до батальона, то насчиталъ ихъ еще четыре штуки. Гранаты были направлены противъ батарей, но давали перелетъ, и подбѣгая къ батальону, я увидѣлъ

генерала Мирковича, отдававшаго приказаніе вывести батальонъ изъ-подъ выстрѣловъ. Немного нужно было времени для поворота батальона и движенія его въ кусты, правѣе батареи, но не смотря на это, мы услышали еще два зловѣщихъ шипѣнія черезъ головы, а одна граната разорвалась передъ фронтомъ, причемъ осколки ея полетѣли въ ряды 3-й роты, но по счастью, никого не задѣли. За бугромъ батальонъ остановился и легъ. Изъ разсказовъ офицеровъ оказалось, что первая слышанная нами граната перелетѣла батальонъ и разорвалась гораздо ниже, затѣмъ вторая легла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ офицеровъ, сидѣвшихъ передъ знаменемъ и, углубясь аршина на $1^1/_2$ въ землю, обдала ихъ только пылью; а остальныя дѣлали перелетъ.

Итакъ, предчувствіе мое на половину оправдалось и если мы не понесли напрасныхъ потерь, то только благодаря личному распоряженію генерала Мирковича и любви турецкихъ артиллеристовъ придерживаться къ разъ взятому прицѣлу; вслѣдствіе чего всѣ послѣдующія гранаты разрывались у мѣста прежняго расположенія батальона.

Трудно опредѣлить впечатлѣніе, произведенное на насъ этими первыми гранатами. Непріятный звукъ ихъ шипѣнья постепенно усиливается по мѣрѣ приближенія снаряда, вслѣдствіе чего съ перваго-же раза можно довольно легко опредѣлить направленіе полета, но моментъ и мѣсто разрыва остаются довольно скверными сюрпризомъ. Улегшись у батальона, мы слышали звуки полета еще нѣсколькихъ гранатъ, на которыя батарея наша отвѣчала довольно усердно, втеченіи около часа времени. Усиленный огонь турокъ, заставлялъ полагать возможность нападенія ихъ на нашъ правый флангъ, ничѣмъ еще не обезпеченный, вслѣдствіе чего отъ батальона была выслана полурота 4-й роты при подпоручикѣ Воеводскомъ, который разсыпалъ цѣпь на отлогостяхъ будущей нашей позиціи. Вѣроятно генералъ Мирковичъ тоже допускалъ возможность атаки нашего праваго фланга, такъ какъ вмѣсто того, чтобы окапываться ночью, онъ совершенно неожиданно приказалъ выдать намъ изъ инженернаго парка 300 лопатъ и вывести батальонъ сейчасъ-же. Батальонъ вышелъ и, по указанію инженеръ-подполковника Старынкевича построился, на самой серединѣ возвышенности, въ 4-хъ взводную колонну справа и составивъ ружья, разобралъ лопаты.

Разбивка линіи нашихъ ложементовъ производилась разстановкою унтеръ-офицеровъ и тянулась довольно долго; въ виду того, что подполковникъ Старынкевичъ лично выбиралъ мѣсто для каждаго изъ нихъ, чтобы не подвергнуть проэктируемыхъ укрѣпленій продольнымъ выстрѣламъ съ крышинскаго редута. Но редутъ не дремалъ и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ показался дымокъ и зашипѣла граната, разорвавшаяся шагахъ въ 150 за батальономъ, который въ этомъ строѣ служилъ весьма недурною мишенью. Ждать было нечего и приходилось

отвести батальонъ изъ-подъ выстрѣловъ, или развести его частями на работы.

Предпочтеніе было отдано первому; но не успѣлъ батальонъ отойти на глубину колонны, какъ вторая граната разорвалась въ самомъ центрѣ оставленныхъ на мѣстѣ лопатъ и однимъ изъ ея осколковъ сильно контузило въ ногу рядоваго моей роты Лапина. Разрывъ произошелъ шагахъ въ 30-ти отъ Мессароша и около 50-ти отъ меня, такъ какъ мы шли за противоположными флангами батальона. Контуженнаго отнесли на перевязочный пунктъ, а намъ, для начала работъ, пришлось ждать наступленія ночи. За второю гранатою послѣдовала третья и четвертая, но безъ вреда для насъ, такъ какъ батальонъ былъ уже положенъ всторонѣ за бугромъ, а гранаты посыпались по старому направленію.

Не могу не вспомнить, что стоявшіе на линіи унтеръ-офицеры не сошли съ мѣстъ, несмотря на отводъ батальона, до тѣхъ поръ, пока не получили на то особаго приказанія, причемъ заколотили колушки, чтобы потомъ легче найдти свою точку.

Къ ночи мы вновь вышли, но уже не цѣлымъ батальономъ, а ротами и по мѣрѣ надобности. Моя рота двинулась первою, тихо составила ружья, разобрала лопаты и принялась за работу.

Турки насъ не безпокоили; мы-же, не разгибая спинъ до утра, успѣли выстроить три батареи и обнести всю гору рядомъ ложементовъ, которые съ разсвѣтомъ и заняли, ставъ, такимъ образомъ, твердою ногою рядомъ съ волынцами, въ виду плевнинскихъ редутовъ, вокругъ которыхъ явилось новое звѣно, въ цѣпи войскъ ихъ обложившихъ.

16-го октября, около 8 часовъ утра, едва мы успѣли нѣсколько отдохнуть послѣ ночныхъ работъ, какъ ко мнѣ въ ложементъ пришелъ Старынкевичъ и передалъ приказаніе вырыть еще ложементъ на одну полуроту, значительно впереди общей линіи.

Ложементъ этотъ долженъ былъ усилить позицію, какъ расположенный относительно другихъ въ шахматномъ порядкѣ, такъ и представлять удобства наблюденія за лощиною, опоясывающею правый флангъ нашей позиціи. Поблагодаривъ за ночныя работы, подполковникъ высказалъ удовольствіе свое относительно успѣха ихъ производства и неожиданности видѣть ихъ нетолько совершенно готовыми, но и такъ тщательно отдѣланными. Дѣйствительно, ложементы, кромѣ правильности разбивки и аккуратности постройки, щеголяли и наружнымъ видомъ, такъ какъ для маскированія ихъ отъ непріятеля и доставленія бо̀льшей прочности насыпямъ, всѣ наружныя отлогости были сплошь одѣты дерномъ. Отправившись со Старынкевичемъ, мы скоро выбрали мѣсто для новаго ложемента, разбивку и постройку котораго я долженъ былъ взять на себя, въ виду того, что нашъ инженеръ торопился куда-то для дальнѣйшихъ распоряженій.

Выведя полуроту съ поручикомъ Яцыниным, мы едва успѣли приступить къ работамъ, какъ вокругъ насъ зажужжали турецкія пули.

Работу надо было кончить во что-бы то ни стало и люди, зная это, такъ налегли на лопаты, что менѣе чѣмъ въ полчаса успѣли вырыть себѣ закрытіе отъ пуль, не перестававшихъ летать надъ головами.

Окончивъ съ передовымъ ложементомъ, я пошелъ къ общей линіи ихъ, чтобы узнать причину непрекращавшейся ружейной стрѣльбы. Во всю дорогу мнѣ казалось, что пули жужжатъ какъ-бы прорѣзая воздухъ то у одного, то у другаго уха и, правду говоря, музыка эта не доставляла особеннаго удовольствія. Спустившись въ ложементъ, я началъ разспрашивать поручика Коршунова о причинѣ этого неожиданнаго огня и только мы сѣли на банкетъ, какъ нѣсколько короткихъ, но мягкихъ шлепковъ въ боковую насыпь, наглядно показали, что вставать во время стрѣльбы не слѣдуетъ.

Скоро, однако, огонь прекратился и мы узнали, что турки открыли его по рабочимъ Прусскаго полка, вышедшимъ изъ своихъ ложементовъ, расположенныхъ въ разстояніи около 1000 шаговъ отъ турецкихъ укрѣпленій. Прусскіе принуждены были отойти назадъ, но все-таки потеряли нѣсколько человѣкъ ранеными, а мы, благодаря этому, работали подъ огнемъ, но, по счастью, не имѣли потерь, такъ какъ мой ложементъ былъ значительно ниже и пули перелетали надъ головами. Около полудня пришелъ генералъ Мирковичъ, который, видимо, былъ очень доволенъ успѣхомъ укрѣпленія позиціи и благодарилъ всѣхъ насъ за это. Затѣмъ, спрашивая меня нѣтъ-ли убыли въ ротѣ отъ утренняго огня, сказалъ: хорошо, что вы не прекратили работы; тутъ нѣтъ мѣста, гдѣ бы не летали пули и трудно выбрать время, въ которое-бы турки не выпускали ихъ.

Однако, этотъ ружейный огонь прошелъ для насъ не безслѣдно, и какъ-бы подтверждая повѣрье, что отъ своей пули не уйдешь.

За бугромъ, прикрывавшимъ насъ наканунѣ отъ гранатъ крышинскаго редута, стояла 3-я рота, бывшая въ резервѣ.

Во время стрѣльбы одинъ изъ солдатиковъ этой роты, имѣя надобность отойти въ сторону, не пошелъ внизъ, а поднялся нѣсколько выше въ кусты. Бѣдняга только успѣлъ остановиться, какъ шальная пуля прострѣлила ему мягкія части тѣла, не попортивъ при этомъ казеннаго обмундированія. Нѣсколько дней вспоминали мы потомъ объ этомъ случаѣ и много смѣялись, не зная, что комическая рана будетъ имѣть смертельный исходъ.

Только стихло у насъ, какъ у Скобелева загремѣла сильная канонада, частые одиночные орудійные выстрѣлы перемѣшивались съ залпами батарей и горное эхо страшно разносило по окрестностямъ этотъ непрерывный грохотъ. Около того-же времени мы замѣтили движеніе

турецкихъ войскъ изъ-за редутовъ, по направленію къ софійскому шоссе, т. е. къ нашей позиціи, но смотрѣли на это довольно спокойно, зная, что врядъ-ли турки рискнутъ атаковать насъ теперь, когда не сдѣлали этого въ первые дни нашего прихода, когда насъ было всего 5 батальоновъ съ 2-мя батареями, на большой и ни чѣмъ не укрѣпленной горѣ.

17-го числа мы получили радостное извѣстіе о взятіи Телиша, однимъ артиллерійскимъ огнемъ и почти безъ потерь съ нашей стороны.

Людямъ дали водку и во всѣхъ ложементахъ кричали „ура", звуки котораго начинались съ праваго фланга и, подхватываясь въ слѣдующихъ, разростались въ центрѣ позиціи и умирали на лѣвомъ флангѣ, для того, чтобы съ новою силою начаться на правомъ. Эфектъ былъ полный; турки стояли на сторожѣ, но огня не открывали.

Въ слѣдующіе дни солдатики наши расширили ложементы, устроили подъ банкетами печи, у которыхъ грѣлись и кое-что варили въ ранцевыхъ котелкахъ; а мы сидѣли тутъ-же, уходя только обѣдать къ ротѣ, расположенной въ резервѣ.

Подобное положеніе нельзя было назвать совершенно удобнымъ; одѣтые, днемъ и ночью, съ пристегнутыми саблями и револьверами, мы чувствовали порядочную усталость и какой-то зудъ въ костяхъ; а ночи подъ открытымъ небомъ, на жидкой соломенной подстилкѣ, не могли доставить надлежащаго отдыха, тѣмъ болѣе, что надо было слѣдить, чтобы половина людей бодрствовала, а часовые смотрѣли зорко, въ виду того, что ночи, хотя и морозныя, были совершенно темны.

Стрѣльба батарей шла ежедневно и всегда начиналась и оканчивалась какъ-то неожиданно. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда инициатива огня принадлежала нашей артиллеріи, генералъ Мирковичъ посылалъ предупредить объ этомъ пѣхоту.

Разъ какъ-то турецкая батарея очень ужъ усердно посылала намъ свои гранаты, но такъ какъ всякому терпѣнію бываетъ конецъ, то наши артиллеристы желая отбить у турокъ охоту попусту безпокоить насъ, послѣ нѣсколькихъ отвѣтныхъ гранатъ, угостили ихъ шрапнелью, которую, кстати сказать, турки сильно недолюбливали.

Дистанція была опредѣлена вѣрно и шрапнель не пропала даромъ, разорвавшись передъ самою батареею надъ ложементомъ; сразу замолчала турецкая батарея, а стрѣлки, какъ угорѣлые, выскочили изъ своего ложемента, вѣроятно забывъ, что волынцы стерегли ихъ въ разстояніи всего только около 800 шаговъ. Бѣглый ружейный огонь заставилъ турокъ опомниться и скрыться за брустверомъ.

Подъ вечеръ, у турецкой батареи и ложемента, показалось нѣсколько паръ носилокъ, что-то уносившихъ назадъ и снова возвращавшихся за поклажей.

Ночь прошла спокойно, но на другой день, турки желая вѣроятно

досадить намъ, съ утра начали обстрѣливать батареи, выстроенныя нашимъ батальономъ.

Сильный и мѣткій огонь обрушился на ближайшую къ нимъ батарею и порядочно попортилъ ея брустверъ; но такъ какъ батарея эта не была еще вооружена, то мы и не понесли никакихъ потерь. Вторая-же наша батарея, расположенная уступомъ назадъ и маскированная впередилежащимъ бугромъ, такъ удачно отвѣчала туркамъ, что скоро заставила прекратить невыгодный для нихъ артиллерійскій поединокъ, послѣ котораго продолжала еще наказывать ихъ за дерзкій вызовъ.

20-го октября къ намъ на позицію пришелъ 4-й батальонъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, получившій приказаніе смѣнить нашъ батальонъ, для присоединенія его къ полку; но такъ какъ распоряженіе это не было официально передано генералу Мирковичу, то мы остались на мѣстѣ. Въ виду того, ночь на 21-е октября была назначена для постройки новаго редута, на высотѣ лежащей правѣе позиціи нашего батальона, вслѣдствіе чего можно было ожидать стычки съ турками, аванпосты которыхъ выставлялись у подошвы этой возвышенности.

Новый редутъ былъ задуманъ нѣсколько дней назадъ и для удобства разбивки и прочности постройки его, всѣ батальоны отряда должны были заготовить извѣстное число туровъ, которые вязались въ теченіи всего дня.

Постройка редута была возложена на батальонъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, для смѣны котораго былъ назначенъ батальонъ Прусскаго полка, а въ прикрытіе долженъ былъ идти сводный батальонъ отъ всего отряда, въ который назначалась одна рота нашего батальона. Вопросъ № роты былъ рѣшенъ жребіемъ, который вытянулъ командиръ 2-й роты, штабсъ-капитанъ Дуброва.

Для указанія и наблюденія за работами въ помощь инженеръ-подполковнику Старыневичу было назначено по одному офицеру отъ каждой отдѣльной части. Изъ нашего батальона попалъ поручикъ Коршуновъ, какъ старшій суболтернъ-офицеръ и при томъ, по прежней службѣ своей, лично извѣстный генералу Мирковичу.

Наступившій вечеръ принесъ съ собою записку отъ графа Шувалова съ радостнымъ для насъ приказаніемъ немедленно выступить къ Телишу, гдѣ въ то время находился нашъ полкъ, назначенный въ авангардъ гвардейскаго отряда, для движенія къ югу по софійскому шоссе.

Было ясно, что насъ ждутъ съ нетерпѣніемъ, чтобы увеличить численный составъ полка, потерявшаго въ дѣлѣ 12-го октября около 700 чел.

Вѣсть о присоединеніи къ полку несказанно обрадовала насъ, но темнота ночи заставила отложить выступленіе до утра, въ виду неудобства передачи литовцамъ позиціи и смѣны сторожевой цѣпи людьми незнакомыми съ мѣстностью въ такую пору, когда въ нѣсколькихъ шагахъ

ничего не было видно; къ тому-же возможность ночнаго дѣла на родной уже для насъ позиціи Волынской горы охлаждала жгучее желаніе свидѣться скорѣе со своимъ полкомъ, и мы остались въ ложементахъ, ожидая начала работъ, а съ ними и перестрѣлки.

Поручикъ Коршуновъ пошелъ по назначенію, а 2-я рота была оставлена на позиціи, въ виду нашего отбытія изъ отряда.

Напрасно напрягали мы слухъ, ожидая перваго выстрѣла, все было тихо и ночь прошла совершенно спокойно.

Утромъ передали литовцамъ позицію, простились съ насиженными ложементами и выступили.

По дорогѣ насъ нагналъ остававшійся еще на позиціи Н. В. Коршуновъ, отъ котораго мы узнали, что постройка редута не состоялась вслѣдствіе затрудненій, встрѣченныхъ при разбивкѣ его, отъ темноты ночи и кустовъ терновника, въ которыхъ путалась мѣрная веревка.

Пройдя совершенно пустую дер. Медованъ, намъ пришлось раза три перейти въ бродъ одинъ и тотъ-же ручеекъ, постоянно мѣнявшій свое направленіе между причудливо разбросанными холмами, мы взошли въ дер. Крушевицу, на болгарскомъ кладбищѣ которой виднѣлась свѣжая еще могила съ русскимъ крестомъ, сколоченнымъ изъ простыхъ досокъ. Какое-то невольное чувство заставило меня свернуть съ дороги и подъѣхать къ этой могилѣ, на крестѣ которой я прочиталъ слѣдующую надпись: „Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка поручикъ Леонидъ (Леонъ) Вагнеръ и съ нимъ 6 человѣкъ нижнихъ чиновъ“. Жаль стало мнѣ бѣднаго Леона, котораго я зналъ съ перваго дня поступленія его въ пажескій корпусъ и потомъ нѣсколько лѣтъ служилъ съ нимъ не только въ одномъ полку, но даже въ одной ротѣ, такъ какъ до похода онъ былъ у меня суболтерномъ. Невезло ему въ жизни, да не повезло и въ бою, когда шальная пуля, смертельно ранивъ его, дала санитарамъ возможность донести еле живаго до перевязочнаго пункта, гдѣ онъ, простившись съ жизнію, похороненъ далеко отъ общей братской могилы вмѣстѣ съ нимъ павшихъ въ бою товарищей. Миръ праху твоему правдивый, честный и добрый человѣкъ!

Выйдя на шоссе мы скоро подошли къ мѣсту боя 12-го октября у Горнаго Дубняка.

Сильная профиль редутовъ и командованіе ими окружающею открытою мѣстностью, наглядно показывали сколькихъ трудовъ и усилій стоило занятіе ихъ нашею гвардіею, огромныя братскія могилы которой, вырытыя у самаго шоссе, ясно говорили, что гвардія, какъ и встарь, умѣетъ побѣждать и умирать за своего Государя, но не отступаетъ, когда ей приказано взять что-либо у непріятеля.

Несмотря на то, что со дня боя прошло уже болѣе недѣли времени, внутри редутовъ и кругомъ ихъ валялись неприбранные еще окровавлен-

ные лоскутки одежды, турецкія патронныя сумки, котелки, поломанные штыки, ятаганы, пропасть фесокъ и патроновъ, а во рву большаго редута нѣсколько штукъ палаго скота и одна живая еще подстрѣленная лошадь, выразительные глаза которой какъ будто просили прекратить ея страданія.

Уходя съ этого славнаго и въ то-же время ужаснаго поля битвы, я на нѣсколько минутъ остановился передъ могилами героевъ своего полка, чтобы земно поклониться имъ; причемъ невольно подумалось о ничтожествѣ нашего существованія, которое изъ-за кусочка свинца прекращается сразу, со всѣми надеждами, желаніями, привязанностями и т. п.; однимъ словомъ, изъ полнаго жизни, разумнаго человѣка, кусочекъ этотъ дѣлаетъ трупъ и нерѣдко такой обезображенный, что близкіе къ нему люди не могутъ узнать въ немъ только что видѣннаго и, быть можетъ, самаго дорогаго товарища и пріятеля.

Такъ было съ Н. П. Дамишемъ; попавшій ему въ голову осколокъ гранаты сдвинулъ черепъ, которымъ закрыло глаза, и такъ обезобразилъ, что на перевязочномъ пунктѣ никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы это страшное, еле дышущее тѣло принадлежало тому, кто назывался Н. П. и котораго видѣли нѣсколько минутъ назадъ смѣло шедшимъ впереди роты подъ страшнымъ огнемъ непріятеля.

Другіе два, А. А. Бирфрейндъ и І. И. Роговскій, были убиты на повалъ, но не обезображены. Первый изъ нихъ молодцомъ добѣжалъ, вмѣстѣ съ Вагнеромъ, до шоссе, въ канавѣ котораго залегла наша цѣпь. Недовольствуясь наблюденіемъ за стрѣльбою нижнихъ чиновъ, Бирфрейндъ взялъ ружье убитаго солдата и началъ стрѣлять.

Разстояніе до редута не превышало 100 шаговъ, вслѣдствіе чего надо было соблюдать крайнюю осторожность, высовываясь изъ-за закрытія. Будучи раненымъ въ лѣвую руку, А. А. наскоро перевязалъ ее и продолжалъ стрѣлять по показывавшимся изъ-за бруствера фескамъ. Увлекшись стрѣльбою, Бирфрейндъ поднялъ голову, а мѣткая пуля не дала ему сдѣлать послѣдняго выстрѣла и онъ такъ и застылъ съ наведеннымъ ружьемъ.

І. И. Роговскій былъ убитъ во время перебѣжки съ цѣпью своей роты.

Пуля ударила въ лобъ и онъ упалъ, какъ подкошенный. Вслѣдъ затѣмъ другая пуля пробила ему погонъ мундира и взошла вглубь туловища.

Бѣдняга не зналъ куда и на что стремился, когда совершенно больной ни за что не соглашался остаться въ запасномъ батальонѣ. Болѣзнь задержала его въ Петербургѣ, но какъ только онъ могъ встать на ноги, тотчасъ-же выѣхалъ и догналъ полкъ уже на переправѣ черезъ Дунай.

Опоздай день-другой и не попалъ-бы онъ подъ Дубнякъ; но видно отъ судьбы не уйдешь.

По дорогѣ въ Телишъ, батальонъ нашъ нагналъ полковой адъютантъ штабсъ-капитанъ Рябовъ, ѣхавшій въ полкъ изъ гвардейскаго штаба, расположеннаго въ Дольнемъ Дубнякѣ, вмѣстѣ съ генеральнаго штаба капитаномъ Энгельгардтомъ, посланнымъ для осмотра телишской позиціи и затѣмъ для слѣдованія впередъ съ нашимъ полкомъ.

Всѣ радовались увидѣть хоть одного изъ уцѣлѣвшихъ товарищей и, разспрашивая его о подробностяхъ дѣла, равно пострадавшихъ въ немъ и т. д., такъ закидали вопросами, что, конечно, не могли получить желаемыхъ отвѣтовъ, тѣмъ болѣе, что не успѣвалъ Рябовъ отвѣтить одному, какъ всѣ остальные предлагали сразу совершенно противоположные вопросы. За то прійдя въ Телишъ, понятное любопытство наше было удовлетворено и радостямъ встрѣчи не было конца. Мы смотрѣли на товарищей, какъ на людей чудомъ уцѣлѣвшихъ среди того ада, въ которомъ провели они двѣнадцать часовъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и не предполагали, что стоустая молва заставляла, въ свою очередь, и ихъ сожалѣть о нѣкоторыхъ изъ насъ, какъ будто пострадавшихъ въ Медованскомъ отрядѣ. Между прочими мнимо-пострадавшими былъ похороненъ и я, вслѣдствіе того, что какой-то адъютантъ доложилъ командиру полка, какъ о совершившемся фактѣ, что турецкая граната ударила въ грудь командира шефской роты Московскаго полка и, разорвавшись, разметала его тѣло на части, а командировъ батальона и 2-й роты опасно ранило чуть-ли не тою-же гранатою.

Пожалѣли офицеры и, привыкнувъ къ мысли о потерѣ насъ, были крайне удивлены увидѣть цѣлыми и невредимыми тѣхъ, на выздоровленіе которыхъ уже не надѣялись, или мысленно похоронили.

Генералъ Брокъ пригласилъ къ себѣ обѣдать офицеровъ 1-го батальона. Тутъ собрались почти всѣ наличные члены полковой офицерской семьи, кромѣ 3-го батальона, который былъ выдвинутъ впередъ.

Оживленная бесѣда шла долго и, не смотря на аппетитъ, положительно мѣшала ѣсть; да и до ѣды было-ли въ то время, когда, слушая разсказы о 12-мъ октябрѣ, приходилось гордиться дѣйствіями и стойкостью товарищей, вынесшихъ этотъ бой, что называется, не моргнувши глазомъ.

Щадя скромность ихъ, я пропускаю записанное подъ горячую руку, но не могу не сказать, что не легко досталась полку честь прямого участія въ побѣдѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Въ восьмомъ часу утра 2-й и 4-й батальоны, построенные по-ротно въ двѣ линіи начали наступленіе; а 3-й шелъ въ резервѣ. Турки, не ожидавшіе атаки, открыли страшный огонь, отъ котораго сразу начали рѣдѣть ряды наступавшихъ; но пока кусты скрывали движеніе, потери

были не очень ощутительны, съ выходомъ-же на открытую поляну убыль все увеличивалась и чтобы не потерять всѣхъ, оставалось только наступать и наступать, какъ можно быстрѣе перебѣжками, съ самыми непродолжительными остановками для лежекъ.

Неправильное направленіе, взятое первоначально л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ, заставило нашъ 4-й батальонъ, для поддержанія связи съ нимъ, принять въ лѣво, вслѣдствіе чего почти весь 2-й батальонъ долженъ былъ разсыпаться въ цѣпь, а третій пододвинуться и перестроиться по-ротно.

Съ выѣздомъ батареи между нашимъ и Гренадерскимъ полкомъ, 15-я и 16-я роты, какъ находившіяся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, были отрѣзаны отъ своихъ и вмѣстѣ съ гренадерами участвовали въ молодецкомъ занятіи малаго редута, а остальныя въ 11-мъ часу залегли уже за шоссе, какъ единственною складкою мѣстности, доставлявшею хоть какое-нибудь закрытіе отъ бѣшеной стрѣльбы турокъ изъ большаго редута, до котораго оставалось всего только отъ 70 до 100 съ чѣмъ-нибудь шаговъ.

Лежать было тяжело, что доказывается смертью: Вагнера, Бирфрейнда и многихъ десятковъ нижнихъ чиновъ, оставшихся цѣлыми шеренгами у этого памятнаго мѣста на Софійскомъ шоссе. Штурмовать редутъ, не имѣя резервовъ, было немыслимо, въ особенности послѣ неудавшихся частныхъ атакъ, вслѣдствіе перепутанныхъ сигнальныхъ залповъ артиллеріи.

И вотъ, измученные физически, послѣ усиленныхъ переходовъ и выступленія въ бой, почти безъ отдыха и варки, и страдающіе нравственно, вслѣдствіе потери почти третьей части всего наличнаго состава батальоновъ,—люди эти ожидали на пистолетномъ выстрѣлѣ момента атаки, чтобы, ударивъ въ штыки, побѣдить или пасть смертью храбрыхъ и вѣрныхъ слугъ своего Государя и отечества.

Я не говорю про офицеровъ, потому что всѣ они показывали собою примѣръ людямъ и постоянно были впереди.

Духъ бодръ, а плоть немощна, говоритъ мудрая народная пословица, и въ силу этого закона было много примѣровъ почти безчувственно-крѣпкаго сна. Человѣкъ распоряжается или стрѣляетъ и незамѣтно для самого себя засыпаетъ такъ, что близъ лежащіе не могутъ разбудить его и гдѣ-же;—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля, осыпающаго дождемъ свинца и чугуна.

Но вотъ, наконецъ, все подымается и близка уже минута роковой развязки; крики ура, прерываемые безпорядочно частою стрѣльбою, смѣшиваются въ невообразимый хаосъ, посреди котораго нѣкоторые изъ нашихъ увидѣли бѣлый флагъ, выкинутый на редутѣ.

Турки рѣшились сдаться, но остановить атакующихъ было трудно.

Что значитъ голосъ человѣка при всеобщемъ крикѣ и громѣ выстрѣловъ, и вотъ чтобы окончить напрасное уже кровопролитіе, полковникъ Ляпуновъ останавливается впереди своихъ людей, машетъ имъ саблею, указывая на флагъ и рискуя пасть отъ своей-же пули, прекращаетъ движеніе и огонь, и затѣмъ идетъ къ редуту, изъ котораго навстрѣчу къ нему вышелъ паша съ начальникомъ своего штаба и докторомъ.

За пашею началъ выходить гарнизонъ, бросая въ ровъ свои ружья. Но Ляпуновъ былъ не одинъ; почти одновременно подоспѣлъ полковникъ Аничковъ и бывшіе по близости офицеры, которые помогали водворить порядокъ при пріемѣ плѣнныхъ и защитить ихъ отъ нѣкоторыхъ изъ нижнихъ чиновъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ воткнуть штыкъ хотя въ одного проклятаго бусурманина.

Такимъ образомъ, былъ плѣненъ паша съ горно-дубнякскимъ гарнизономъ, часть котораго, на другихъ фасахъ редута, продолжала защищаться и тѣмъ нанесла намъ еще нѣсколько потерь, за что сама была поголовно избита атаковавшими и ворвавшимися въ редутъ частями гвардейскаго корпуса.

Послѣ обѣда генералъ Брокъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ къ 7-й и 8-й ротамъ, которымъ онъ несъ всемилостивѣйше пожалованные георгіевскіе кресты за дѣло 12-го октября. Роты эти конвоировали плѣнныхъ и потому не получили ихъ одновременно съ остальными.

Пріятно было видѣть счастливое выраженіе лицъ новыхъ кавалеровъ, у которыхъ отъ полноты чувствъ горѣли щеки и слезы сверкали на глазахъ; а веселое ура нижнихъ чиновъ, выбравшихъ изъ среды себя достойнѣйшихъ этой по-истинѣ славной награды, вполнѣ гармонировало съ праздничнымъ видомъ картины выдачи крестовъ, заслуженныхъ кровью и потомъ.

Со взятіемъ Телиша, намъ достались кое какіе военные склады, благодаря которымъ я переночевалъ не въ своей, а въ турецкой конической палаткѣ, доставлявшей возможность стоять во весь ростъ и въ то-же время защищавшей отъ непогоды.

Трудно представить себѣ то блаженство, которое я испытывалъ, раздѣвшись и улегшись въ постель, послѣ 10 ночей, проведенныхъ на соломѣ и подъ открытымъ небомъ. Походный столикъ съ поставленною на немъ свѣчею и стаканомъ горячаго чая увеличивали комфортъ, за который я не зналъ какъ благодарить Бога и пріютившаго меня К. П. Тыртова, да долю котораго выпало счастье получить эту палатку для ночлега.

Въ Телишѣ остались до сихъ поръ больные и раненые турки; видъ ихъ жалокъ, но сила воли поразительна.

Переживая съ трудомъ послѣднія минуты, турокъ не только не жалуется или стонетъ, но занимается, насколько позволяютъ силы, са-

мымъ обыденнымъ дѣломъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, жестоко израненный, умеръ съ сапогомъ въ рукахъ, къ которому подлаживалъ новую подметку.

22-го октября мы выступили, чтобы дойдя до дер. Радомірцы занять ее и укрѣпиться на позицію у шоссе, съ цѣлью воспрепятствовать возможной попыткѣ Шефкета-паши двинуться по направленію къ Плевнѣ.

Увидя первый разъ, послѣ 12-го октября, строй 2-го и 4-го батальоновъ, нельзя было не замѣтить, насколько поубавились ряды ихъ и какъ мало осталось офицеровъ, изъ числа которыхъ кромѣ 4-хъ убитыхъ убыли за ранами:

Командующій четвертымъ батальономъ полковникъ И. М. Поливановъ 2-й; командиръ 15-й роты капитанъ Г. А. Риманъ, субалтернъ-офицеры: Бобянскій 1-й, Драшковскій, Дингельштедтъ, Гавришевъ *), Парамоновъ, Габріаловичъ, Забѣлинъ, Реми и Рубинскій; вольноопредѣляющіеся унтеръ-офицеры: Грудзинскій, Бартмеръ и Бушъ; кромѣ того былъ раненъ командиръ 14-й роты капитанъ Н. А. Рехенбергъ, вернувшійся уже во фронтъ и поручикъ І. М. Калмыковъ, не выходившій изъ строя.

Деревня Радомірцы лежитъ къ востоку отъ плевно-софійскаго шоссе, у котораго турки построили небольшой редутъ, на высотѣ у моста, черезъ протекающую здѣсь рѣчку.

Редута этого намъ было слишкомъ недостаточно, вслѣдствіе чего занявъ его двумя ротами 4-го батальона и поставивъ 2 орудія, шедшей съ полкомъ 4-й батареи 2-й гвардейской артиллерійской бригады, остальные батальоны были расположены слѣдующимъ образомъ:

Впереди деревни на лѣвомъ флангѣ позиціи, 1-й батальонъ, какъ самый сильный по числу людей, которому было приказано выстроить большой редутъ съ траверсами для прикрытія расположенія трехъ ротъ, четвертая-же—дежурная—должна была помѣститься непосредственно за брустверомъ южнаго фаса.

Между 1-мъ батальономъ и турецкимъ редутомъ былъ поставленъ 2-й батальонъ и остальныя шесть орудій батареи полковника Мазинга, въ окопахъ траншейной профили; а на правомъ флангѣ, западнѣе шоссе, сталъ 3-й батальонъ и оставшіяся 3 роты четвертаго, которыя должны были построить сомкнутое укрѣпленіе, предназначаемое какъ для обороны, такъ и для склада запасовъ провіанта и фуража.

Работа закипѣла, и чѣмъ быстрѣе подвигалась она, тѣмъ безслѣднѣе исчезали роскошные виноградники и прекрасныя, большія плодовыя деревья, которыя приходилось вырубать для очистки внутренняго пространства укрѣпленій.

*) Умеръ въ С.-Петербургѣ. 15-го ноября 1878 г., послѣ ампутаціи раненой ноги.

Жалко было уничтожать эти богатыя дары природы, но въ силу неумолимыхъ законовъ войны, намъ оставалось только утѣшаться тѣмъ, что они пропадали не даромъ, доставляя собою прекрасный матеріалъ для тросировочныхъ кольевъ и вязки фашинъ.

Распоряжаясь работами у себя въ батальонѣ, мнѣ удалось спасти одно замѣчательное по красотѣ и величинѣ своей абрикосовое дерево, пожелтѣвшіе листья котораго блестѣли золотомъ и отливались самыми нѣжными палевыми оттѣнками.

День 22-го октября былъ послѣднимъ днемъ службы моей въ 1-мъ батальонѣ, въ которомъ я прокомандовалъ ротами около 10-ти лѣтъ. Грустно было прощаться съ солдатами, большинство которыхъ поступило ко мнѣ новобранцами, успѣло отслужить службу, уйти въ отпускъ и вновь стать въ ряды во время мобилизаціи; но такъ какъ съ уходомъ изъ полка А. М. Губина, мнѣ открылась полковничья вакансія, а послѣ раны И. М. Поливанова и батальонъ, то 23-го октября я простился со своею ротою Его Высочества и за болѣзнью полковника Аничкова принялъ во временное командованіе 3-й батальонъ, который 26-го октября сдалъ въ свою очередь капитану Красовскому, вступивъ на законномъ основаніи въ командованіе 4-мъ стрѣлковымъ батальономъ.

Работы по укрѣпленію позиціи приходили къ концу; о движеніи Шефкета ничего не было слышно, а въ сухаряхъ чувствовался уже недостатокъ и въ скоромъ времени предвидѣлась въ нихъ крайняя нужда, вслѣдствіе чего полку приходилось самому заботиться о выпечкѣ хлѣба, что по счастью было возможно, такъ какъ въ деревняхъ Радомірцы, Рубцы и другихъ близълежащихъ были оставлены турками большіе склады зерна, которое мы и начали перемалывать въ муку, поправивъ для этого нѣсколько водяныхъ мельницъ, найденныхъ въ окрестностяхъ.

25-го октября вернулся къ полку поручикъ Ярцевъ, ѣздившій за патронами въ Дольній Дубнякъ и привезъ намъ извѣстіе о назначеніи командира полка, свиты Его Величества генералъ-маіора Брока, командиромъ нашей бригады, вмѣсто тяжело раненаго въ дѣлѣ 12-го октября барона Зедделера. Командующимъ-же нашимъ полкомъ былъ назначенъ командиръ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго батальона, флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ.

Не сразу повѣрили мы Ярцеву и долго переспрашивали его, предполагая, что онъ шутитъ; такъ какъ при ежедневныхъ сношеніяхъ со штабомъ не было даже и слуховъ о назначеніи генерала Брока и перемѣны по этому командира полка; а подобныя перемѣны по большей части бываютъ непріятны для служащихъ, въ особенности въ первое время, пока новый командиръ не привыкнетъ и не полюбитъ свой полкъ, а полкъ не узнаетъ командира, его служебныхъ требованій и по возможности характера.

Понятно поэтому, что перемѣна начальства не могла насъ радовать и сожалѣя разстаться съ генераломъ Брокомъ, мы утѣшались лишь тѣмъ, что командуя бригадою, онъ будетъ не чуждъ своему полку; а съ другой стороны, что новаго командира старшіе изъ офицеровъ помнили какъ бывшаго товарища однополчанина и кромѣ того въ глазахъ нашихъ онъ имѣлъ громадное преимущество передъ другими возможными кандидатами своею извѣстною боевою дѣятельностью въ туркестанской войнѣ конца шестидесятыхъ годовъ, результатомъ которой было быстрое движеніе его по службѣ и масса полученныхъ имъ наградъ, съ золотою саблею и Георгіемъ включительно. Послѣднее обстоятельство было очень пріятно во время кампаніи, давая предчувствовать, что съ такимъ новымъ командиромъ не пропадешь.

На другой день произошла сдача и пріемъ полка, а утромъ 27-го октября мы оставили позицію въ Радомірцахъ и двинулись черезъ дер. Луковицы, Петровены и Блазничево въ дер. Яблоница; при чемъ мой, и безъ того малочисленный батальонъ, какъ пострадавшій болѣе другихъ, вышелъ въ трехротномъ составѣ, вслѣдствіе того, что 14-я рота, капитана Рехенберга, была оставлена въ Радомірцахъ для перемола муки и выпечки для полка хлѣба.

Погода вполнѣ благопріятствовала нашему движенію, а мало знакомыя еще горы съ прихотливо извивающимися между нихъ рѣками: Корытно и Панига, заставляли любоваться собою и тѣмъ какъ-бы уменьшали величину перехода.

Переночевавъ у дер. Яблоницы, у которой стоялъ на бивуакѣ 11-й пѣхотный Псковскій полкъ, утромъ 28-го октября мы двинулись къ дер. Усыковица (Осиково) не доходя которой, остановились на высотахъ праваго берега р. Малаго Искера.

Здѣсь намъ снова пришлось укрѣплять позицію, но уже вблизи значительныхъ силъ непріятеля, расположенныхъ у города Орханіе и занимавшихъ узкій горный проходъ у дер. Правицы.

Такимъ образомъ полкъ нашъ, съ батареею полковника Мазинга и Кавказскою казачьею бригадою генерала Черевина, составилъ передовой отрядъ войскъ, двигавшихся къ Балканамъ по софійскому шоссе.

Позиція у дер. Усыковицы была очень хороша, представляя выгоды командованія впереди лежащею мѣстностью, постепенно спускавшеюся къ р. Малому Искеру, за которою вновь громоздились горы, почти лишенныя растительности.

Работы по возведенію укрѣпленій было много; тѣмъ болѣе, что они увеличивались необходимостью рубки деревъ на правомъ флангѣ расположенія полка, которые по значительной толщинѣ стволовъ и довольно большой густотѣ лѣса, могли представить собою закрытіе наступающему непріятелю.

Позиція эта, равно какъ и мѣста для укрѣпленій, были выбраны командующимъ полкомъ, а разбивка послѣднихъ и наблюденіе за постройкою ихъ возложены на поручика лейбъ-гвардіи Сапернаго батальона Малыхина, который съ 38-ю саперами, 26-го числа, прибылъ къ полку для дальнѣйшаго съ нимъ слѣдованія.

Укрѣпленія размѣщались такъ: на высотѣ праваго фланга редутъ для 1-го батальона; въ центрѣ батарея и ложементы 2-го батальона, а на высотѣ лѣвѣе шоссе—люнетъ 3-го батальона.

Роты 4-го батальона въ траншеяхъ на командующей высотѣ центра позиціи, въ резервѣ за 2-мъ батальономъ.

Сторожевую цѣпь по Искеру держали казаки Черевинской бригады, а разъѣзды къ востоку отъ Болгарскаго Извора, дивизіонъ Казанскихъ драгунъ подполковника Яворскаго.

Къ дер. Яблоницамъ стягивалась 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Давыдова, составлявшая отдѣльный отрядъ и въ тоже время единственный нашъ резервъ.

Прелестный бивуакъ на Усыковицкой позиціи, ясная погода и почти лѣтняя температура воздуха въ теченіи дня, доставляли этой стоянкѣ какую то праздничную обстановку, среди которой мы чувствовали себя очень хорошо и зажили въ своихъ палаткахъ, какъ дома.

Близость непріятеля и ожиданіе скораго движенія впередъ, съ заманчивою цѣлью перехода Большихъ Балканъ, какъ-то невольно изглаживали грустныя впечатлѣнія о первыхъ потеряхъ, вслѣдствіе чего всѣ смотрѣли бодро; а собравшись послѣ работъ, въ батальонныя артели для обѣда или ужина, хорошее расположеніе духа офицеровъ выражалось веселою бесѣдою, шутками, остротами, а за ними и взрывами смѣха;

Слухи о непріятелѣ конечно были разнообразны до безконечности. причемъ численный составъ его силъ, занимающихъ Орханіе и Этрополь, увеличивался по словамъ братушекъ чуть не каждую минуту и варьировался отъ 10—15 таборовъ до 20 и даже 40,000 человѣкъ въ каждомъ пунктѣ.

Про укрѣпленія турецкихъ позицій болгары разсказывали очень много, но понять что-либо было трудно, кромѣ только того, что укрѣпленія эти сильной профили и построены около полугода назадъ, т. е. еще до перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай.

Продовольствіе наше, благодаря распоряженіямъ командующаго полкомъ и заботливости завѣдывающаго хозяйствомъ, было обезпечено; хлѣбъ доставлялся изъ Радомірцъ, но фуражъ былъ на исходѣ и для пополненія его, 29-го октября, было назначено произвести фуражировку въ д. Ведради, отстоявшей отъ позиціи верстахъ въ 5—6-ти разстоянія.

Въ прикрытіе фуражировки были назначены $1^1/_2$ роты моего батальона, съ которыми я и выступилъ. Проводникомъ моимъ былъ моло-

дой и чрезвычайно старательный болгаринъ, пристроившійся къ намъ наканунѣ. Родители и семья его пали подъ турецкими ятаганами послѣ перваго забалканскаго похода, домъ былъ сожженъ, а имущество разграблено. Бѣдняга скитался въ горахъ и увидѣвъ приближающійся къ нимъ полкъ, чуть не со слезами просилъ взять его съ собою, чтобы перейти вмѣстѣ по ту сторону Балканъ и, при случаѣ, отомстить туркамъ. Видъ его былъ жалокъ, а аппетитъ великъ, судя по жаднымъ взорамъ, бросаемымъ на кипящіе солдатскіе котелки.

Я приказалъ деньщикамъ накормить его и черезъ какой-нибудь часъ времени видѣлъ какъ онъ усердствовалъ, помогая имъ мыть посуду и чистить мои сапоги.

Дорогою въ д. Ведрари намъ пришлось перейти въ бродъ три горныхъ ручья и р. Искеръ. Всѣ они были очень мелки, но несмотря на это, довольно сильно шумѣли, пѣнясь о ровное каменистое дно.

Деревня эта, какъ большинство мною здѣсь видѣнныхъ, очень велика и, къ удивленію, оказалась обитаема многолюднымъ болгарскимъ населеніемъ, которое при вступленіи нашемъ бросилось прятаться куда ни попало; а забытыя дѣти подняли страшный визгъ.

Выславъ цѣпь къ сторонѣ непріятеля и поставивъ наблюдательные посты, я остановилъ резервъ на площади и послалъ своего проводника за старшиною.

Порядокъ, соблюдаемый нами, нѣсколько поуспокоилъ привыкшее къ башибузукскимъ нравамъ населеніе и скоро со всѣхъ сторонъ начали показываться отдѣльныя группы мужчинъ, почти наводнившія всю площадь.

Непривычный для насъ оригинальный костюмъ ихъ, съ расшитыми тесьмою куртками и широкими красными кушаками поверхъ невозможныхъ шароваръ, представлялъ собою что-то театральное; а подходящія группы напоминали оперныхъ хористовъ, тѣмъ болѣе, что живая декорація была поразительно хороша; большая площадь, окруженная самыми разнообразными постройками; шумящая рѣка и громадныя, крутыя горы какъ-бы обступившія деревню съ ея южной и юго-западной стороны, отливали всевозможными цвѣтами отъ лучей высоко стоявшаго уже солнца.

Разговорившись со стариками и попомъ, я скоро покончилъ съ нагрузкою повозокъ турецкимъ сѣномъ и принадлежащимъ болгарамъ ячменемъ, взамѣнъ котораго они просили разрѣшенія взять такое-же количество пшеницы изъ складовъ турецкой десятины, ими-же заготовленной изъ послѣдняго сбора ея.

Понятно, что съ моей стороны препятствія на это не было и болгары остались вполнѣ довольны.

Покончивъ съ фуражемъ, я купилъ для своей артели: гусей, ин-

дѣйку, поросенка и буйволовьяго мяса. И когда окружавшіе меня болгары увидѣли въ рукахъ продавцевъ русскіе серебряные рубли, то желающихъ продать оказалось такъ много, что я принужденъ былъ отказывать имъ въ покупкѣ, вслѣдствіе чего на слѣдующее-же утро болѣе храбрые изъ ведрарскихъ жителей торговали уже на нашемъ бивуакѣ.

31-го октября отрядъ, подъ командою свиты Его Величества генералъ-маіора Черевина, состоявшій изъ Кавказской казачьей бригады, 1-го и 3-го батальоновъ нашего полка и 4-хъ орудій батареи полковника Мазинга, производилъ рекогносцировку укрѣпленной турецкой позиціи у д. Правецъ.

Часа черезъ два послѣ ихъ выступленія мы услышали довольно сильный артиллерійскій огонь, раздававшійся гораздо лѣвѣе направленія движенія отряда. Стрѣльба эта совершенно сбивала съ толку оставшихся на бивуакѣ. И мы никакъ не могли понять, отчего отрядъ нашъ измѣнилъ цѣль своего движенія и какимъ образомъ такъ скоро могъ попасть подъ выстрѣлы.

Часовъ около трехъ дѣло разъяснилось запискою, присланною на имя командующаго полкомъ, вскрывъ которую, мы узнали, что одновременно съ рекогносцировкою генерала Черевина производилась другая, подъ командою подполковника 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка Кабарда, по направленію отъ Болгарскаго Извора; причемъ псковцы дошли до турецкихъ укрѣпленій и атаковали ближайшія траншеи, но при отступленіи были поставлены въ критическое положеніе отъ убыли лошадей подъ орудіями, вслѣдствіе чего подполковникъ Кабарда просилъ прислать ему для поддержки одинъ батальонъ нашего полка.

На бивуакѣ оставались только: батальонъ полковника Ляпунова и мои три роты, изъ которыхъ одна занимала караулы на позиціи. Ляпуновъ выступилъ, а я со своими ротами и 4-мя орудіями остался на позиціи. Къ сумеркамъ вернулись 1-й и 3-й батальоны и почти вслѣдъ за ними пришелъ и второй.

Во время рекогносцировки въ нашемъ отрядѣ ограничились осмотромъ турецкой позиціи и нѣсколькими орудійными выстрѣлами; а погорячившіеся Псковцы имѣли потери отъ ружейнаго огня. Подошедшій къ нимъ на выручку нашъ 2-й батальонъ засталъ ихъ уже во время отступленія и поэтому участія въ дѣлѣ не принималъ.

Вечеромъ къ намъ на бивуакъ принесли двухъ раненыхъ офицеровъ Псковскаго полка. Усталые отъ боя и слабые отъ потери крови, они, видимо, были довольны, когда ихъ уложили у костра, около палатки командующаго полкомъ, подложили подушки и угостили горячимъ чаемъ.

Докторъ перевязалъ имъ раны и посовѣтовалъ немедленно отправиться въ Яблоницкій околодокъ, въ виду того, что перевозка на другой день бу-

детъ гораздо тяжелѣе, вызывая большія страданія вслѣдствіе нагноенія ранъ и увеличивающагося лихорадочнаго состоянія.

Жалко было потревожить героевъ, раненыхъ чуть-ли не въ самыхъ турецкихъ окопахъ; но докторъ настаивалъ и мы, пожелавъ имъ отъ души скораго и полнаго выздоровленія, простились.

Фамилій этихъ офицеровъ я, къ сожалѣнію, не знаю.

1-го ноября передовой отрядъ нашъ увеличивался присоединеніемъ 1-го и 3-го батальоновъ Псковскаго полка, причемъ какъ они, такъ дивизіонъ драгунъ и 3 сотни казаковъ поступили подъ общую команду флигель-адъютанта полковника Гриппенберга.

3-го ноября позицію нашу осматривали генералы: Давыдовъ, Дандевиль, прибывшій принять отъ него бригаду, и Черевинъ. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ по отряду и потому встрѣтилъ и провожалъ ихъ. Всѣ укрѣпленія были уже готовы и обратили на себя вниманіе правильностью постройки и щеголеватостью отдѣлки.

Вечеромъ, по приказанію начальника отряда, я ѣздилъ провѣрять исполненіе службы дежурными частями и бдительность передовыхъ постовъ и секретовъ.

Ночная темнота не позволяла видѣть далѣе 3-хъ—4-хъ шаговъ, а дорога все время шла горами, или, вѣрнѣе, приходилось подниматься и спускаться по страшнымъ кручамъ безъ всякой дороги.

Незнаю, какъ исполнилъ-бы я это порученіе безъ помощи сопутствовавшихъ меня двухъ казаковъ, которые часто останавливались и затѣмъ, то одинъ, то другой обращались съ слѣдующими словами: „погоди, ваше высокоблагородіе, тутъ круто, да и камень не крѣпко лежитъ — срывается, дай-ко я впереди тебя попробую“. Проба кончалась тѣмъ, что казакъ карабкался вверхъ, или спускался чуть не на крупѣ лошади, а по его слѣдамъ шла и моя румынская лошаденка. Кончая объѣздъ, мы подъѣхали къ кухнямъ, въ тылу позиціи. Мѣсто было незнакомое, а предательскій костеръ, подъ котломъ, такъ и мигалъ передъ глазами, окончательно притупляя зрѣніе. Я остановилъ лошадь и хотѣлъ повернуть назадъ, но соблазнился предложеніемъ казаковъ, спуститься прямо въ виду значительнаго выигрыша во времени и уменьшенія пути.

Казаки тронулись впередъ и подсказывали, какъ спускаться; но вдругъ я услышалъ: „держись, ваше высокоблагородіе“, и вслѣдъ затѣмъ лошадь моя сѣла на-задъ, уперлась передними ногами, но не удержалась и быстро скатилась, какъ на салазкахъ. Спускъ былъ почти отвѣсный и какъ уцѣлѣли наши шеи—не знаю.

На другой день я изъ любопытства поѣхалъ къ этому мѣсту и нехотѣлъ вѣрить въ возможность ѣзды по тѣмъ кручамъ, по которымъ ночью провели меня казаки, а они, ухмыляясь въ бороду, преспокойно

объяснили, что ночью лучше, не такъ боязно, а конь уменъ и куда не надо—не пойдетъ. По своему логично, но не безопасно.

4-го ноября мы услышали о стягиваніи полковъ 1-й и 2-й гвардейской пѣхотной дивизій къ дер. Яблоница и о переходѣ въ нее штаба генералъ-адъютанта Гурко, изъ чего вывели заключеніе, что не сегодня, такъ завтра двинемся впередъ. Предвѣстникомъ оставленія позиціи служило также распоряженіе о постройкѣ землянокъ, которое еще ни разу не приходилось намъ доводить до конца.

6-го ноября объѣзжали нашу позицію генералъ-адъютанты Гурко и графъ Шуваловъ, послѣ отъѣзда которыхъ мы узнали, что 8-е ноября, день полковаго праздника, вѣроятно, проведемъ еще на позиціи.

Полковой праздникъ, представляя собою нѣчто въ родѣ общихъ именинъ всѣхъ чиновъ полка, чествуется на сколько позволяютъ обстоятельства; но такъ какъ обстановка передовой позиціи, на которой приходилось въ данномъ случаѣ встрѣчать этотъ день, была далеко не похожа на обыкновенную петербургскую, то, понятно, что и самое празднованіе не могло быть особенно роскошно.

Съ четвертаго числа начались хозяйственныя хлопоты офицеровъ объ устройствѣ общаго завтрака, который долженъ былъ быть послѣ молебна; причемъ за неимѣніемъ печей главное затрудненіе представляло изобрѣтеніе способа постройки земляной печи, въ которой можно было бы испечь кулебяку, такъ какъ безъ нея русскому человѣку и праздникъ не въ праздникъ.

Не думая долго, собрали нѣсколько человѣкъ солдатъ-печниковъ и выбравъ мѣстомъ для будущей печки крутой спускъ на бивуакѣ, сняли его отвѣсно и выкопали въ срединѣ нѣчто въ родѣ русской печки съ вертикальнымъ отверстіемъ до горизонта земли, которое изобразило собою трубу. Затопили, высушили и печь вышла на славу, но, къ сожалѣнію, не для пироговъ, такъ какъ земляной подъ не могъ быть настолько горячимъ, чтобы испечь нижнюю корку, которая вслѣдствіе этого должна была оставаться совершенно сырою. Но, голь на выдумки хитра и бѣда была поправлена укладкою тонкихъ каменныхъ плитъ, снятыхъ съ крыши разрушеннаго турками болгарскаго дома.

Усиленною топкою удалось нагрѣть эти плиты на столько, что они вполнѣ порядочно исполняли свое назначеніе. Другой недостатокъ представляло неимѣніе пѣвчихъ, безъ которыхъ молебенъ потерялъ-бы часть своей торжественности, но съ этимъ мы сладили сразу, набравъ хоръ изъ своей среды и, какъ говорится, „подрепетивъ“ что надо, съ помощью солдатика-церковника.

У одного изъ товарищей нашелся даже камертонъ, переданный въ распоряженіе другого, бывшаго, много лѣтъ назадъ, регентомъ въ Пажескомъ корпусѣ. Вечернія спѣвки, послѣ дневныхъ работъ, доста-

вляли пріятное развлеченіе и способствовали согласованію и стройности пѣнія.

7-го ноября прибыла изъ дер. Радомірцы рота капитана Рехенберга и весь полкъ былъ въ сборѣ.

Утромъ, 8-го числа, почистились, побрились (послѣдній разъ во время кампаніи) и вышли съ бивуака на открытую поляну берега р. Малаго Искера, на которой выстроились въ батальонные колонны справа. лицемъ къ дорогѣ, ведущей изъ дер. Яблоница, т. е., другими словами, стали тыломъ къ туркамъ, какъ-бы игнорируя ихъ, не очень далекое, присутствіе. Пріѣхали: генералъ Брокъ, графъ Шуваловъ и генералъ-адъютантъ Гурко, послѣдовательно объѣзжавшіе фронтъ, поздравляя съ праздникомъ и желая успѣха въ предстоящихъ дѣлахъ.

Остановившись у моего батальона, генералъ Гурко, между прочимъ, сказалъ: „надѣюсь, стрѣлки, что вы никогда и никому не уступите чести быть впереди полка и такими-же молодцами, какъ были подъ Горнымъ Дубнякомъ". Слова эти вызвали замѣчательно громкій отвѣтъ въ благодарность за лестное обращеніе; а лица не только солдатъ, но и всѣхъ офицеровъ какъ-бы просвѣтлѣли отъ чувства удовольствія пощекоченнаго самолюбія.

А кому неизвѣстно, что способно сдѣлать это чувство въ бою?

Государь Императоръ осчастливилъ насъ милостивымъ вниманіемъ, прислалъ флигель-адъютанта, капитана Косача, поздравить полкъ отъ Его имени.

Продолжительные громкіе крики „ура" радостно вырывались изъ рядовъ полка въ отвѣтъ на переданное отъ имени Государя поздравленіе съ праздникомъ.

Отслужили молебенъ послѣ котораго окропили знамена, офицеровъ и нижнихъ чиновъ — святою водою, и затѣмъ батальоны. пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо генералъ-адъютанта Гурко, вернулись на бивуакъ и выстроили каре, посреди котораго поставили ведро водки и пробную порцію обѣда.

Солдатскою чаркою, пилъ генералъ Гурко за здоровье: Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Главнокомандующаго, Августѣйшаго шефа и полка, окончивъ свои тосты только послѣ того, какъ переименовалъ все начальство, командующаго полкомъ и офицеровъ.

Жалѣю, что память отказывается повторить слова, сказанныя при этомъ генераломъ.

Такого умѣнья говорить съ солдатомъ, мнѣ не случалось еще никогда слышать.

У генерала Гурко нѣтъ лишнихъ или недосказанныхъ словъ и при этомъ каждое изъ нихъ имѣетъ свою силу и значеніе, а громкій голосъ

и отчетливость произношенія, дѣлаютъ ихъ слышными и понятными каждому, даже самому неразвитому солдату.

Обращаясь къ полку, генералъ высказалъ свою полную увѣренность въ дальнѣйшихъ блестящихъ его дѣйствіяхъ и такъ поднялъ духъ людей, что случись сейчасъ идти въ дѣло, конечно, не нашлось-бы достаточно сильнаго препятствія, которое-бы задержало полкъ, или помѣшало ему въ полной побѣдѣ надъ какимъ-бы то не было непріятелемъ.

Послѣ роспуска нижнихъ чиновъ по палаткамъ, походный завтракъ нашъ удостоили своимъ присутствіемъ генералы: Гурко, графъ Шуваловъ, Брокъ и всѣ бывшіе на молебнѣ.

Столы, накрытые простынями, стояли подъ навѣсомъ, устроеннымъ изъ полотнищъ солдатскихъ палатокъ, связанныхъ проволокою, отъ испорченныхъ нами турецкихъ телеграфовъ; сидѣньемъ служили доски, положенныя на дерновыя тумбы и покрытыя разношерстными офицерскими коврами.

Про разнообразіе посуды говорить нечего; чего только тутъ не стояло рядомъ, но за то общее оживленіе и, дѣйствительно, рѣдкое праздничное расположеніе духа могли поспорить съ любымъ по-истинѣ роскошнымъ пиршествомъ.

Впрочемъ, благодаря усердію распорядителей, а также вердарьской живности и радомірской мукѣ, никто не всталъ изъ-за стола голоднымъ. Подали: кулебяку, бульонъ, пожарскія котлеты, индѣйку и сладкую шарлоту.

Вино составляло нашу слабую сторону, потому что достать его было положительно невозможно, и вотъ что мы имѣли на 50 человѣкъ: 2 бутылки коньяку, солдатскій спиртъ, вмѣсто водки, и 1 бутылку хересу.

Желая помочь намъ, графъ Шуваловъ прислалъ боченокъ мѣстнаго вина, а генералъ Брокъ три бутылки лафита.

За завтракомъ снова были предложены тѣ-же сочувственные, дорогіе тосты и офицерскому „ура“ какъ эхо вторило солдатское, разносившееся по всему бивуаку.

Послѣ отъѣзда генерала Гурко, графъ Шуваловъ выразилъ желаніе остаться, чтобы выпить стаканъ вина и побесѣдовать съ нами.

Вниманіе графа было дорого, а сердечная бесѣда его положительно очаровала всѣхъ.

Простясь съ нами, графъ Шуваловъ обратился къ нижнимъ чинамъ и сказалъ: „сегодня, ребята, пить нельзя, стоя на передовой позиціи; но когда вернемся въ Петербургъ, обѣщаю пріѣхать въ день полковаго праздника на вашу любимую Выборгскую сторону и тамъ кутнемъ вмѣстѣ и на славу“.

Проводивъ графа, мы не сразу разошлись по своимъ палаткамъ,

вспоминая оказанное намъ вниманіе и сравнивая настоящую обстановку дня съ прошедшими полковыми праздниками въ С.-Петербургѣ.

Тутъ было что-то особенное, совершенно выходящее изъ ряда, среди величавой природы дикихъ Балканскихъ горъ и вблизи непріятеля, выбить котораго, изъ его укрѣпленныхъ трущобъ, намъ предстояло въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

На другой день, 9-го ноября мы узнали, что движеніе впередъ не за горами.

Нижнимъ чинамъ сдѣлали медицинскій осмотръ, выдѣлили слабыхъ, чтобы отправить ихъ въ яблоницкій околодокъ; уравняли число патроновъ до 90 штукъ на человѣка и стали готовиться къ выступленію, 10-го числа, на усиленную рекогносцировку укрѣпленныхъ турецкихъ позицій у д. Правецъ.

Къ д. Яблоницѣ стянулись уже всѣ полки 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и батальоны гв. стрѣлковой бригады, которые получили слѣдующее назначеніе:

Въ колонну гр. Шувалова, для движенія по Софійскому шоссе къ д. Правецъ, были назначены: л.-гв. Московскій полкъ, 2-й и 3-й гвардейскіе стрѣлковые батальоны, съ батареями: полковника Мазинга и конною донскою (не помню № 15-го или 19-го).

Правую колонну, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха, назначенную въ обходъ лѣваго фланга турецкой позиціи, составилъ л.-г. Семеновскій полкъ, съ 1-мъ и 4-мъ гвардейскими стрѣлковыми батальонами и гвардейскою конною казачьею батареею флигель-адъютанта полковника Короченцева.

Къ г. Этрополю пошли полки л.-гв. Преображенскій, Гренадерскій и 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи; а на позиціяхъ у д. Усыковица и Болгарскаго Извора остались полки л.-гв. Измайловскій, Егерскій, Павловскій и Финляндскій.

10-го ноября въ 8 час. утра мы снялись съ бивуака и въ 9 час. тронулись по шоссе, имѣя въ авангардѣ стрѣлковые батальоны, за которыми шелъ нашъ полкъ колонною слѣва.

Пройдя дер. Усыковицу, я получилъ приказаніе двинуться съ батальономъ влѣво, чтобы составить какъ-бы боковой авангардъ для наблюденія за этропольскою дорогою, входящею въ Орханійскую долину; остальные-же батальоны полка слѣдовали по шоссе, за стрѣлковыми батальонами, впереди которыхъ шли разъѣзды кавказской казачьей бригады.

Свернувъ съ дороги, я долженъ былъ подняться на горы и остановиться на ихъ гребнѣ, перестроившись въ боевой порядокъ.

Крутой подъемъ заставилъ слѣзть съ лошади, ноги которой обрывались на всякомъ шагу и волею-неволею пришлось испытать пѣшкомъ всѣ трудности подъема на высокую гору и безъ всякихъ признаковъ дороги.

Но не успѣлъ я сдѣлать и половины пути, какъ на шоссе раздались выстрѣлы, изъ турецкой караулки, по приближавшемуся казачьему разъѣзду.

Лихо бросились казаки и караулка тотчасъ-же очистилась, мое-же путешествіе вступило въ новый фазисъ, такъ какъ вслѣдъ за остановкою на гребнѣ, я получилъ приказаніе подняться на слѣдующій, значительно превышающій первый.

Спускъ съ горы и подъемъ на слѣдующій хребетъ потребовали не мало времени и физическаго труда; но и съ новой позиціи, на которую вслѣдъ за мною былъ посланъ нашъ 1-й батальонъ, ничего не было видно, кромѣ узкой, извивавшейся ленточкою, дороги, ведущей въ начало большой Орханійской долины.

Выстроивъ боевой порядокъ и осмотрѣвъ мѣстность, мы спокойно стояли, отдыхая послѣ усиленной гимнастики, которую пришлось дѣлать при послѣднемъ, до невозможности крутомъ, подъемѣ. Тѣмъ временемъ на правомъ флангѣ два стрѣлковые и нашъ 3-й батальонъ, дойдя до турецкой позиціи, хлопотали о подъемѣ орудій на близъ лежащую высоту, которую заняли на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ фронта турецкой позиціи.

Надо сказать, что Софійское шоссе, выходя въ Орханійскую долину противъ дер. Правецъ, кончается узкимъ ущельемъ, на западной высотѣ котораго была построена турецкая батарея, обстрѣливавшая подступъ по шоссе и противоположную восточную возвышенность. Влѣво отъ батареи шелъ рядъ укрѣпленій, а правѣе ея, надъ самымъ ущельемъ, прекрасно блиндированный, крытый ходъ, занятый непріятельскими стрѣлками.

Позиція эта, по своимъ природнымъ качествамъ, если не была совершенно неприступна, то по крайней мѣрѣ требовала громадныхъ потерь при фронтальной ея атакѣ, вслѣдствіе чего, слѣдуя мудрому правилу „не брать быка за рога“, войска нашей колонны должны были вести только перестрѣлку, ожидая обхода турокъ колонною генерала Рауха, двинувшеюся на старую нашу знакомую д. Ведрари.

Артиллерійскій огонь батареи полковника Мазинга съ позиціи 3-го батальона и 2-хъ казачьихъ орудій, поднятыхъ 2-мъ батальономъ на восточную возвышенность ущелья, шелъ довольно часто. Ружейная перестрѣлка началась тоже. День клонился къ вечеру, а сбходная колонна не показывалась.

Въ это время полковникъ Мессарошъ и я получили приказаніе перевалить черезъ хребетъ и спуститься съ батальонами въ Орханійскую долину.

Исполнивъ приказаніе, мы очутились почти въ тылу турокъ, защищавшихъ ущелье, но двинуться далѣе не могли, въ виду того, что д. Правецъ была занята непріятельскою кавалеріею, которая поддерживалась

*

огнемъ батарей, расположенныхъ на высотахъ, опоясывающихъ съ южной стороны, не широкую въ этомъ мѣстѣ, долину; тогда какъ пули, изъ крытаго хода западной высоты ущелья, свободно били въ самую деревню.

Впрочемъ, со спускомъ нашимъ въ долину не имѣлось въ виду занятія Правецъ или атаки высотъ, и батальоны были поставлены для угроженія тылу и возможности лучшаго наблюденія не только за Этропольскою дорогою, но и за самою долиною, на окружающихъ высотахъ которой была расположена цѣлая система укрѣпленій съ значительными лагерями за гор. Орхавіе.

Нѣсколько артиллерійскихъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ по батальонамъ, не причинили намъ ни малѣйшаго вреда, потому, что гранаты не долетали на довольно значительное разстояніе.

Къ сумеркамъ къ намъ пріѣхалъ командующій полкомъ и приказавъ выставить сторожевые посты, поставилъ батальоны бивуакомъ у подошвы сѣверныхъ возвышенностей.

Запылали костры и началась не мудреная варка кашицы.

Усталость давала себя знать и повинуясь ей, бивуакъ нашъ скоро заснулъ богатырскимъ сномъ.

Къ утру 11-го ноября, положеніе дѣлъ оставалось тоже.

Неизвѣстность объ участи Этрополя и движенія колонны генерала Рауха, связывали руки.

Не могу не вспомнить случая, бывшаго въ это утро съ командующимъ полкомъ.

Уѣхавъ отъ насъ, флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ перешелъ обратно черезъ горы, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на позиціи графа Шувалова, гдѣ близь расположенія нашего 3-го батальона, вмѣстѣ съ графомъ, онъ засталъ и генералъ-адъютанта Гурко; причемъ изъ разговоровъ ихъ между собою, полковникъ Гриппенбергъ узналъ, что какой-то кавалерійскій разъѣздъ донесъ объ оставленіи турками укрѣпленій ущелья на шоссе, противъ котораго стояли батальоны нашего полка. Трудно было безусловно повѣрить этому донесенію, въ виду продолжавшейся хотя и незначительной перестрѣлки, узнать-же навѣрное было необходимо, вслѣдствіе чего полковникъ Гриппенбергъ рѣшилъ лично осмотрѣть эту часть непріятельской позиціи, для чего и поѣхалъ по шоссе, сопровождаемый однимъ казакомъ и полковымъ штабъ-гарнистомъ.

Выѣхавъ въ ущелье, онъ слѣзъ съ лошади и передавъ ее горнисту, вдвоемъ съ казакомъ началъ взбираться на почти отвѣсную западную высоту, причемъ скоро убѣдился въ несомнѣнномъ присутствіи на ней турокъ, такъ какъ увидя его, часть ихъ выбѣжала изъ крытаго хода и начала спускаться внизъ, отрѣзая ему путь отступленія по шоссе къ позиціи графа Шувалова. Положеніе было критическое; пули, направленныя въ полковника Гриппенберга, жужжали со всѣхъ сторонъ и единственнымъ спасе-

ніемъ оставалось пробраться ущельемъ мимо турецкой позиціи въ долину къ расположеннымъ тамъ 1-му и 4-му батальонамъ полка.

Медлить было нечего, такъ какъ каждая минута была дорога; а теплое пальто и мѣховые сапоги, надѣтые на полковникѣ Гриппенбергѣ, затрудняли ходьбу по длинному ущелью.

Наконецъ, совершенно уже усталому, ему удалось добраться до казачьяго поста, а затѣмъ и до моего батальона, разсыпаннаго по краю оврага, въ долинѣ не далеко отъ выхода изъ ущелья.

Къ полудню батальоны наши получили приказаніе вернуться въ горы, съ высоты которыхъ, при помощи бинокля, мнѣ удалось увидѣть быстрое движеніе турецкаго табора, шедшаго изъ Орханійскаго лагеря на подкрѣпленіе силъ, занимавшихъ противъ насъ позицію на высотахъ.

По дорогѣ, ведущей на эти высоты, непрерывно подымались вьючныя лошади, а видимая усиленная дѣятельность турокъ заставляла предполагать, что они рѣшили упорно держаться въ своихъ укрѣпленіяхъ и не дешево уступить ихъ въ наши руки.

Между тѣмъ перестрѣлка продолжалась и засѣвшіе въ крытомъ ходѣ турецкіе стрѣлки безнаказанно стрѣляли по нашей позиціи, будучи совершенно скрыты отъ глазъ и защищены кромѣ толстаго бруствера, прекрасно устроеннымъ и вполнѣ надежнымъ блиндажемъ. Отъ нечего дѣлать, мы съ любопытствомъ слѣдили за стрѣльбою казачьихъ орудій, стоявшихъ нѣсколько ниже насъ, на позиціи 2-го батальона.

Удачные выстрѣлы ихъ по турецкимъ палаткамъ, не разъ заставлялъ выскакивать находившихся тамъ людей; но крытый ходъ оставался неуязвимымъ.

Наконецъ гранаты двухъ послѣдовательныхъ выстрѣловъ упали на блиндажъ и разорвавшись на немъ подняли цѣлый столбъ пыли; но, къ сожалѣнію, не принесли никакого вреда, такъ какъ бревенчатый накатникъ его оказался настолько прочнымъ, что наши четырехъ-фунтовыя гранаты оказались не дѣйствительными и какъ бы въ доказательство этого, вслѣдъ за разрывами, ихъ изъ бойницъ показались дымки и нѣсколько пуль ударилось въ землю у самыхъ казачьихъ орудій.

Около 3-хъ часовъ пополудни, я получилъ приказаніе спуститься въ долину и двинуться къ ущелью, причемъ въ присланной мнѣ запискѣ было сказано: „Цѣпь какъ можно рѣже; резервы тоже не густо. Старайтесь держаться къ горѣ, имѣя въ виду батарею турокъ. Будьте осторожны и возьмите двухъ казаковъ для донесеній“.

Выстроивъ боевой порядокъ, я тронулся впередъ, привѣтствуемый гранатами турецкой батареи, которыя дѣлали значительный недолетъ.

Подойдя къ ущелью, я вслѣдствіе полученнаго приказанія остановилъ батальонъ, а турки, замѣтивъ мое близкое къ нимъ сосѣдство, открыли ружейный огонь изъ блиндированнаго укрѣпленія и цѣпи разсы-

павшейся на высотѣ у палатокъ. Огонь этотъ не причинилъ моему батальону ни малѣйшаго вреда, такъ какъ пули, далеко перелетая цѣпь, ложились за резервами первой линіи.

Безнаказанность турокъ видимо придавала имъ смѣлость и не большая цѣпь ихъ, пододвинувшись къ гребню, участила выстрѣлы, на которые я приказалъ отвѣчать цѣпи 13-й роты, разсыпанной на отлогости восточной высоты ущелья и 16-й ротѣ, расположенной въ канавѣ близъ дер. Правецъ.

Перестрѣлка продолжалась не долго и была прекращена вслѣдствіе незначительности цѣли, представляемой турецкою цѣпью и малой дѣйствительности нашего огня при стрѣльбѣ вверхъ и черезъ глубокое ущелье, затруднявшее опредѣленіе дистанціи и постановку прицѣла.

Въ это время пріѣхалъ командующій полкомъ, отъ котораго мы узнали, что колонна генерала Рауха показалась на высотахъ, занятыхъ турками и лѣвый флангъ ихъ обратился въ бѣгство, укрѣпленія же праваго фланга предполагалось штурмовать охотниками лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, часть котораго была пододвинута изъ резерва.

Не успѣлъ полковникъ Гриппенбергъ окончить послѣднихъ словъ, какъ къ нему подъѣхалъ ординарецъ генералъ-адъютанта Гурко и передалъ приказаніе штурмовать тѣже укрѣпленія съ южной ихъ стороны.

Подойдя съ ближайшей ротѣ 1-го батальона, командующій полкомъ объявилъ нижнимъ чинамъ полученное приказаніе и вызвалъ охотниковъ для движенія впереди штурмующей колонны, которую должны были составить: 1-й и 4-й батальоны съ двумя ротами 2-го батальона, недавно спустившимися въ долину.

Минута вызова охотниковъ была торжественна. Молча выслушали солдаты слова командира и молча выходили изъ рядовъ, желавшіе первыми сойтись съ непріятелемъ и поработать штыкомъ.

Въ каждой ротѣ людей этихъ было много, а рота Его Высочества вся поголовно просилась идти въ охотники; но такъ какъ полковникъ Гриппенбергъ опредѣлилъ норму ихъ въ 200 человѣкъ, то не всѣ изъявившіе желаніе могли быть взяты, вслѣдствіе чего въ трехъ ротахъ пришлось осадить по нѣсколько человѣкъ, превышающихъ собою цифру 50; а изъ Шефской роты было назначено такое же число нижнихъ чиновъ, взятыхъ изъ строя по разсчету №№ рядовъ.

Изъ офицеровъ вызвались: штабсъ-капитанъ Дубровъ 1-й, подпоручикъ Заркевичъ и прикомандированный къ полку подпоручикъ Штубендорфъ; а послѣ пристроился къ охотникамъ подпоручикъ Хвастуновъ, не попавшій при вызовѣ въ число трехъ назначенныхъ для этой цѣли офицеровъ.

Считаю не лишнимъ сказать, что вызовъ охотниковъ исключительно изъ 1-го батальона, былъ сдѣланъ командующимъ полкомъ, въ виду

того, что батальону этому не удалось принять участіе въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Движеніе на штурмъ Правецкихъ высотъ, приказано было произвести въ слѣдующемъ порядкѣ:

Рота охотниковъ, имѣя въ резервѣ 1-й батальонъ и двѣ роты втораго батальона.

4-му батальону тронуться рядомъ съ охотниками и дойдя до Ханъ-Правецъ, остановиться для прикрытія остальныхъ отъ нечаяннаго нападенія со стороны Орханіи; затѣмъ когда послѣднія роты начнутъ подыматься въ гору, батальону сняться съ позиціи и слѣдовать за ними.

День клонился къ вечеру и мелкая изморозь, вмѣстѣ съ подымавшимся туманомъ одѣвала дымкою окружавшія горы.

Съ приближеніемъ охотниковъ и моего батальона, къ выходу изъ ущелья, раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ съ высоты занятой турками. Пули пролетѣли надъ головами и затѣмъ все стихло.

Охотники начали подыматься на гору, а я дойдя до Ханъ-Правецъ, остановилъ батальонъ и выславъ патрули, ожидалъ своей очереди; наступившіе сумерки и постепенно сгущавшійся туманъ не позволяли не только слѣдить за движеніемъ своихъ, но даже мѣшали различать предметы, отстоявшіе въ нѣсколькихъ шагахъ; вслѣдствіе чего время ожиданія тянулось страшно долго и мы душевно обрадовались, когда унтеръ-офицеръ посланный мною узнать о подъемѣ 2-го батальона, доложилъ, что его нѣтъ уже въ долинѣ, и слѣдовательно настало время нашего движенія.

Отвѣсистый обрывъ у подножія горы, представлялъ собою первое препятствіе при подъемѣ на крытыя и полуобнаженныя возвышенности турецкой позиціи—Правецкаго ущелья.

Подсаживая другъ-друга, мы кое-какъ влѣзли на уступъ и начали карабкаться по невозможному подъему, захватывавшему дыханье и бросавшему въ жаръ, несмотря на начинавшейся заморозокъ и сырость, отъ окружавшаго насъ непроницаемаго тумана.

Подъему казалось не будетъ конца, такъ какъ по мѣткому выраженію солдатъ, одна гора стояла на другой; лошадь пришлось оставить внизу и для облегченія себя снять пальто и идти въ одномъ мундирѣ, причемъ требовалось такое страшное напряженіе силъ, что чуть не черезъ каждые 100 шаговъ надо было останавливать батальонъ, чтобы дать людямъ перевести духъ.

Но чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становился круче и каменистѣе нашъ бездорожный подъемъ, ноги скользили и обрывались, и случаи паденій становились чаще. А тутъ какъ на грѣхъ почти отвѣсныя пропасти по сторонамъ, на днѣ которыхъ ждала неизбѣжная смерть

Такимъ образомъ цѣпляясь за камни и изрѣдка попадавшіеся кусты

мы медленно подавались впередъ. Туманъ мѣшалъ видѣть что-либо, а тишина, соблюдаемая кругомъ не обнаруживала не только присутствія непріятеля, но не позволяла даже угадать по которому изъ параллельныхъ подъемовъ идутъ наши охотники и роты резерва.

Поднявшись на верхъ, я услышалъ голосъ полковника Мессароша, отдававшаго какое-то приказаніе и вслѣдъ затѣмъ узналъ, что охотники наши нашли турецкія укрѣпленія почти очищенными, вслѣдствіе чего весьма немногимъ изъ нихъ пришлось испытать прочность берданов-скаго штыка и силу удара его въ рукахъ нашего солдата.

Подъ прикрытіемъ тумана турки бѣжали и только самые смѣлые изъ нихъ пали въ укрѣпленіяхъ, которыя защищали до послѣдней минуты.

Въ блиндированномъ ходѣ, охотники наши чуть было не ударили въ штыки, на показавшихся съ противоположной стороны Измайловцевъ, такъ какъ тусклое освѣщеніе, отъ горящихъ на штыкахъ комковъ бумаги и пучковъ соломы, не сразу позволяло разсмотрѣть приближающихся боевыхъ товарищей.

Подымаясь по отдѣльному скату горы, я обогналъ роты 2-го батальона и взошелъ на высоту одновременно съ первымъ, причемъ вскорѣ получилъ приказаніе спуститься внизъ, въ виду того, что занятіе высотъ было возможно на колонну генерала Рауха и 2-й и 3-й гвардейскіе стрѣлковые батальоны, а нашему полку поручалось наблюденіе за Орханій-скою долиною, въ которой и слѣдовало стать бивуакомъ.

Морозъ усиливался, туманъ опустился, а взошедшая луна, освѣтивъ окружающую мѣстность, дала возможность разсмотрѣть ту страшную кручу, по которой мы влѣзли на гору.

Спускъ по ней казался невозможнымъ, но выбора не было, такъ какъ другія были заняты ротами 1-го и 2-го батальоновъ и вотъ, скрѣпя сердце, я повернулъ свой батальонъ назадъ и началъ обратное движеніе, причемъ мѣстами приходилось скатываться, какъ на салазкахъ, рискуя при малѣйшей неосторожности сорваться въ пропасть.

Но великъ русскій Богъ и путешествіе это окончились совершенно благополучно.

Бивуакомъ стали, на вчерашнемъ виноградникѣ, у подошвы горы и, разложивъ костры, начали хлопотать о варкѣ чая и кашицы. Отдыхъ былъ необходимъ, а лечь безъ подстилки на неровную, грязную пахать какъ-то не хотѣлось; а тутъ догадливые санитары предлагаютъ къ услугамъ свободные носилки.

Поднесли и мнѣ; но, опускаясь, я замѣтилъ, что цвѣтъ холста далеко не одинаковаго цвѣта, а самый холстъ какъ-то необыкновенно твердъ. Всмотрѣвшись ближе, чувство брезгливости взяло верхъ надъ относительнымъ удобствомъ лежать на носилкахъ, испещренныхъ пятнами запекшейся крови жертвъ боя 12-го октября.

По счастью, подошелъ деньщикъ съ верховою лошадью и я, завернувшись въ бурку, улегся въ канавѣ у разгоравшагося костра, чтобы согрѣться и не такъ сильно чувствовать пронизывающую насквозь сырость отъ какой-то скверной, мерзлой мрази, сплошь покрывавшей нашу долину.

Но вотъ подошли вьюки и началась стряпня неизбѣжныхъ походныхъ битковъ, въ ожиданіи которыхъ подали мѣстный вонючій спиртъ и ломти черстваго хлѣба.

Офицеры сгруппировались у костра и начались разсказы объ эпизодахъ дня, бѣгствѣ турокъ и выгодѣ занятія нами важнаго горнаго прохода у дер. Правецъ.

Окружающая тишина казалась странною послѣ двухдневнаго шума выстрѣловъ, все еще какъ-бы слышавшагося въ ушахъ; но черезъ нѣкоторое время эти мнимые звуки выстрѣловъ смѣнились дѣйствительными и стрѣльба постепенно разросталась, въ недалекомъ отъ насъ разстояніи, вслѣдствіе чего я получилъ приказаніе выступить съ двумя ротами и, разсыпавъ отъ одной изъ нихъ цѣпь противъ дер. Правецъ, двинуться съ другою по направленію выстрѣловъ.

Луна уже скрылась; а мелкая изморозь смѣнилась частымъ осеннимъ дождемъ. Ночь была совершенно темна, вслѣдствіе чего виноградныя лозы представляли собою нѣчто похожее на силки, которыми ловятъ птицъ; ноги запутывались и солдаты довольно часто падали отъ неожиданной остановки одной ноги въ то время, когда другая скользила по неравной и мокрой поверхности поля.

Поставивъ 15-ю роту противъ деревни, я съ 16-ю двинулся у подножія горъ, по орханійской дорогѣ. Выстрѣлы впереди слышались ясно, но перестрѣлка теряла уже свою первоначальную силу и прекратилась въ то время, когда я дошелъ до караулки, лежащей за ущельемъ.

Остановивъ роту и выславъ патрули, я задержалъ двухъ всадниковъ, спустившихся съ позиціи, занятой отрядомъ генерала Рауха; одинъ изъ нихъ былъ командиръ казачьей сотни, державшей разъѣзды, а другой ординарецъ графа Шувалова. Отъ нихъ я узналъ, что слышанные нами выстрѣлы были открыты турками съ укрѣпленной позиціи у дер. Лажени, по своимъ-же толпамъ, отступавшимъ изъ ущелій правецкой позиціи, въ которыхъ они прятались, послѣ своего бѣгства, разсчитывая подъ прикрытіемъ ночи добраться до дер. Лажени, какъ слѣдующаго опорнаго пункта.

Но темнота ночи, доставляя удобство незамѣтнаго отступленія, помѣшала занимавшимъ позицію узнать своихъ единовѣрцевъ, вслѣдствіе чего, напуганные взятіемъ нами недоступныхъ Правецкихъ высотъ, турки открыли огонь противъ подходившихъ, видя въ движеніи ихъ ночную атаку русскихъ войскъ.

Ошеломленные бѣглецы остановились, а защитники дер. Лажени участили стрѣльбу, радуясь задержанію мнимаго непріятеля, который не выдержалъ и, въ свою очередь, тоже открылъ огонь.

Недоразумѣніе объяснилось довольно скоро, но результатомъ его была уборка убитыхъ и раненыхъ въ этомъ курьезномъ дѣлѣ.

Патрули вернулись, не открывъ ничего подозрительнаго, и мнѣ надо было написать донесенія: командующему полкомъ и начальнику штаба дивизіи, для доклада графу Шувалову.

Дождь мочилъ бумагу, темнота ночи не допускала даже мысли о возможности письма; спички отсырѣли и пришлось добывать огонь при помощи тренія сухаго дерева, найденнаго въ разрушенной караулкѣ. Операція эта, вѣроятно, длилась-бы безъ конца, но къ счастью одинъ изъ моихъ унтеръ-офицеровъ нашелъ въ погашенномъ кострѣ тлѣющую еще головѣшку, которая замѣнила собою свѣчу. Нѣсколько человѣкъ раздували головѣшку, а я, держа подъ нею записную книжку, писалъ, останавливаясь чуть не на каждомъ словѣ, въ моменты потуханія сыраго отъ дождя угля.

Послѣ отправленія донесеній, я вскорѣ получилъ приказаніе вернуться на бивуакъ. Ночь приходила къ концу и для отдыха уже не оставалось времени.

Утромъ 12-го ноября полку нашему было приказано подняться на позицію генерала Рауха.

Дневной свѣтъ и возможность выбора дороги, значительно облегчили подъемъ и мы скоро очутились на гребнѣ высотъ лѣваго фланга позиціи, недалеко отъ ущелья.

День прошелъ въ работахъ по постройкѣ укрѣпленій, которыхъ намъ не пришлось занять, такъ какъ 13-го числа полкъ былъ подвинутъ къ правому флангу, гдѣ и поставленъ въ резервѣ за гвардейскою стрѣлковою бригадою.

Воздухъ на горахъ былъ превосходный, но ночные морозы довольно сильно давали себя чувствовать, такъ-что, улегшись спать, приходилось чуть-ли не каждый часъ вставать и подсаживаться къ костру, чтобы отогрѣть закоченѣвшія оконечности.

14-го ноября мы получили приказаніе вновь спуститься въ долину и свести туда-же гвардейскую казачью батарею полковника Короченцова.

На этотъ разъ пошли довольно крутою, но сносною дорогою съ деревяннымъ мостомъ черезъ лежащій на пути оврагъ. Батарею спустили скоро и благополучно, не смотря на то, что дорога шла, какъ-бы по карнизу, надъ страшною пропастью, на днѣ которой намъ пришлось увидѣть около сотни турецкихъ труповъ, сорвавшихся въ нее во время поспѣшнаго ихъ отступленія 11-го числа.

Въ долинѣ, полкъ сталъ бивуакомъ близъ дер. Правецъ, выставивъ

впередъ дежурную часть, въ составѣ 3-го батальона при 2-хъ девяти фунтовыхъ орудіяхъ 5-й батареи.

Со взятіемъ Правецкихъ высотъ, всѣ полки 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій были двинуты къ гор. Этрополю, откуда выступилъ отрядъ генерала Дандевиля, съ цѣлью пройти горами до Софійскаго шоссе и тѣмъ отрѣзать путь турецкимъ войскамъ, занимавшимъ укрѣпленную позицію у гор. Орханіе.

Только одинъ нашъ полкъ и гвардейская стрѣлковая бригада были оставлены у дер. Правецъ, для демонстрированія съ этой стороны, чѣмъ предполагалось задержать турокъ Орханійскаго отряда до окончанія движенія генерала Дандевиля и затѣмъ обрушиться на нихъ съ разныхъ сторонъ.

Стрѣлки остались въ горахъ, а полку приходилось демонстрировать съ л.-гв. Уланскимъ и Гусарскимъ Его Величества полками, назначенными въ нашъ отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ командира стрѣлковой бригады, свиты Его Величества генералъ-маіора Эллиса 1-го.

15-го ноября для рекогносцировки орханійскихъ укрѣпленныхъ позицій, были назначены 1-й и 4-й батальоны полка при двухъ девяти фунтовыхъ орудіяхъ и нѣсколькихъ эскадронахъ кавалеріи.

Съ разсвѣтомъ люди отобѣдали и мы тронулись по дорогѣ къ дер. Лажени, въ которой остановился назначенный въ резервъ 1-й батальонъ, а я съ 4-мъ, выйдя изъ деревни, выстроилъ боевой порядокъ къ сѣверо-западу отъ нее фронтомъ къ горамъ, окаймляющимъ долину съ южной ея стороны, на которыхъ отчетливо выдѣлялись коническія палатки и землянки небольшихъ турецкихъ лагерей.

Палатки эти были выбраны цѣлью и снявшіеся съ передковъ орудія привѣтствовали ихъ выстрѣлами.

Разстояніе было велико, вслѣдствіе чего первыя гранаты пропали даромъ, дѣлая значительный недолетъ.

Подняли прицѣлъ, сдѣлали еще выстрѣлъ и, получивъ тотъ-же результатъ, начали подкапывать хобота орудій, чтобы получить возможность стрѣлять на разстояніе 2,200 саж., опредѣленныхъ командиромъ взвода штабсъ-капитаномъ Ставицкимъ, судя по пробнымъ выстрѣламъ. Разсчетъ оказался вѣрнымъ и слѣдующая граната разорвалась въ самомъ лагерѣ.

Турки не молчали и чуть-ли не съ перваго нашего выстрѣла обнаружили всѣ свои батареи, расположенныя на высотахъ между лагерями; причемъ даромъ теряли снаряды, далеко до насъ не долетавшіе.

Установивъ прицѣлъ, Ставицкій стрѣлялъ рѣдко, но мѣтко, вызывая громкое одобреніе нашихъ офицеровъ, бившихъ браво ему и молодцамъ-наводчикамъ.

Къ серединѣ дня землянки одного изъ лагерей горѣли и батарея

замолчала, за то, тѣмъ яростнѣе отвѣчала ея сосѣдка, не приносившая намъ ни малѣйшаго вреда.

Соскучившись бездѣятельностью и однообразностью картины, наблюденіе за стрѣльбою нашихъ орудій не вызывало уже того сосредоточеннаго вниманія, съ которымъ мы слѣдили за нею сначала; а голодъ, вступавшій въ свои права, невольно напоминалъ о бивуакѣ и ожидавшемъ насъ обѣдѣ. Стараясь отогнать мысль о ѣдѣ, какъ неисполнимую на позиціи, я началъ бесѣдовать съ однимъ изъ товарищей про дорогой для насъ Петербургъ, и невольно, по пословицѣ: какъ волка не корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ,—вспомнилъ, что день 15-го ноября, обыкновенно проводилъ въ кругу родныхъ, по случаю семейнаго праздника, справляемаго хорошимъ обѣдомъ, съ весьма разнообразною и вкусною закускою. Слюнки потекли и червячекъ заточилъ подъ ложечкою еще сильнѣе, что, впрочемъ, не помѣшало намъ продолжать гастрономическій разговоръ, среди котораго, не смотря на увеличивающійся аппетитъ, мы не замѣтили, какъ время склонилось къ сумеркамъ и пришло приказаніе отступить къ дер. Лажени, а оттуда и на бивуакъ.

Утромъ 16-го ноября я снова выступилъ на рекогносцировку, въ которой вмѣсто 1-го батальона должны были принять участіе 2-й и 3-й батальоны, а взводъ Ставицкаго былъ замѣненъ цѣлою батареею полковника де-Роберти. Пройдя до дер. Лажени, я получилъ приказаніе двинуться нѣсколько южнѣе ея, прикрывая батарею, которая должна была стать на гребнѣ небольшаго перевала, т. е. значительно ближе къ непріятелю, чѣмъ наканунѣ; 2-й батальонъ былъ направленъ лѣвѣе батареи, а 3-й сталъ въ резервѣ у деревни.

Безъ выстрѣла заняли мы указанную позицію и для наблюденія за дѣйствіемъ артиллерійскаго огня, я съ офицерами ближайшей роты первой линіи влѣзли на брустверъ, оставленнаго турками большаго, но не вполнѣ еще оконченнаго укрѣпленія, расположеннаго на западной оконечности перевала.

Постройка укрѣпленія заставляла любоваться правильностью своихъ контуровъ и замѣчательною чистотою отдѣлки; а смотря на грандіозность бруствера, глубину трехугольнаго рва и цѣлую систему волчьихъ ямъ передъ исходящими углами, приходилось мысленно благодарить турокъ за то, что они бросили такую твердыню, не заставляя насъ брать ее открытою силою.

Между тѣмъ батарея снялась, передки отъѣхали и раздался первый выстрѣлъ.

Турки ничѣмъ не обнаруживали своего присутствія, вслѣдствіе чего можно было думать, что послѣ вчерашней рекогносцировки они бросили пострадавшій лагерь и батарею, но предположеніе это оказалось ошибочнымъ, такъ какъ не успѣлъ еще разсѣяться дымъ около орудія, какъ

показались огоньки изъ-за брустверовъ турецкихъ батарей и мы ясно услышали шипѣніе приближающихся гранатъ.

На этотъ разъ роли перемѣнились, турецкая артиллерія скоро пристрѣлялась и снаряды ея падали у самыхъ орудій нашей батареи, причемъ были даже случаи зарыванія гранатъ между колесами подъ боевою осью лафета. По счастью, большинство гранатъ не разрывалось и, падая подъ большимъ угломъ, уходило въ землю, обдавая лишь пылью и комками поднятой земли открыто стоявшую орудійную прислугу.

Кромѣ усиленнаго огня по батареи, турецкіе гранаты въ изобиліи ложились также у передковъ и прикрывавшей ихъ 16-й роты, вслѣдствіе чего, для избѣжанія напрасной убыли, я вынужденъ былъ переводить ее съ одного мѣста на другое.

Огонь продолжался часовъ до пяти пополудни, но, благодаря Бога, мы не понесли потерь, несмотря на то, что были случаи видимо неизбѣжной гибели. Какъ примѣръ назову слѣдующій, граната упала между первымъ уносомъ и вольноопредѣляющимся фейерверкеромъ Любимовымъ; казалось, что минуты ихъ сочтены, а между тѣмъ, зарывшись въ землю, она не разорвалась и всѣ отдѣлались легкимъ испугомъ, избѣжавъ даже малѣйшей царапины.

Во время этой рекогносцировки приходилось любоваться, съ одной стороны, по-истинѣ рѣдкимъ спокойствіемъ артиллеристовъ, съ которымъ исполняли они свое дѣло подъ сильнымъ огнемъ непріятеля; а съ другой—лихостью кавалерійской цѣпи, стоявшей на моемъ правомъ флангѣ, для наблюденія за турками, занимавшими г. Орханіе и укрѣпленную позицію на высотахъ, замыкающихъ долину съ западной ея стороны.

Какъ каменные, неподвижно стояли одиночные спѣшенные уланы, въ виду турецкой позиціи. на которой рыскали партіи конныхъ черкесовъ; видно было, что чувство страха незнакомо гвардейскому улану и что слѣдя за движеніями непріятеля, онъ не поторопится ранѣе времени сѣсть на коня, зная его силу и ходъ, и разсчитывая какъ на выручку товарищей, такъ и на поддержку, въ случаѣ надобности, своихъ сомкнутыхъ эскадроновъ.

Вѣроятно, черкесы понимали, кто стоитъ передъ ними и потому не осмѣлились побезпокоить.

Наконецъ, отъ начальника отряда получено было приказаніе отступить къ дер. Лажени; но такъ какъ турецкія гранаты продолжали падать на нашу батарею, то для маскированія снятія ея съ позиціи практиковался способъ съѣзда по взводно, подъ прикрытіемъ густыхъ облаковъ пороховаго дыма, закрывавшимъ батарею вслѣдъ за сдѣланнымъ ею залпомъ.

Первый дивизіонъ снялся благополучно и отошелъ къ дорогѣ, конвоируемый высланною мною 13-ю ротою; но со взятіемъ въ передки

третьяго взвода, турки замѣтили отступленіе и участили огонь свой до невозможности, стрѣляя какъ по батареѣ, такъ и по дорогѣ въ деревню Лажени; причемъ на всей позиціи ихъ раздались крики „алла“, не прекращавшіеся ни на минуты.

Съ уходомъ послѣдняго взвода артиллеріи, я спустился съ перевала и началъ отступленіе построивъ роты въ боевой порядокъ, фронтомъ къ гор. Орханіе.

Въ началѣ движенія гранаты изрядно шипѣли, перелѣтая черезъ наши головы, и я не вполнѣ надѣялся на безнаказанность нашего отступленія.

Опасность батальона, подвергаясь ихъ близкимъ разрывамъ, вѣроятно, раздѣлялъ и генералъ Эллисъ, слѣдившій за ходомъ дѣла на выѣздѣ изъ дер. Лажени; такъ какъ я получилъ два послѣдовательныя приказанія держаться какъ можно далѣе отъ дороги, чтобы выйти скорѣе изъ-подъ выстрѣловъ.

Въ порядкѣ отходили роты 4-го батальона, чему много способствовало то обстоятельство, что въ рядахъ одной изъ нихъ, во время перестроенія, нѣсколько засуетились люди во 2-й шеренгѣ, и вотъ, для возстановленія порядка, командиръ роты останавливаетъ ее, подсчитываетъ ногу и всѣ отходятъ какъ на ученье, соблюдая равненіе и дистанцію.

Подойдя къ деревнѣ, мы услышали лестную благодарность начальника отряда, а старшіе офицеры Уланскаго и Гусарскаго полковъ, просто конфузили не заслуженными похвалами и сниманіемъ передъ нами шапокъ.

Вернувшись на бивуакъ, я услышалъ о новой опасности, которой подвергался въ этотъ день нашъ командиръ полка.

Въ началѣ рекогносцировки полковникъ Гринпенбергъ былъ у моего батальона и уѣзжая сказалъ, что будетъ наблюдать за ходомъ дѣла со стороны расположенія 2-го батальона.

Затѣмъ, вмѣстѣ съ генеральнаго штаба полковникомъ Ставровскимъ и полковымъ адъютантомъ, штабсъ-капитаномъ Рябовымъ, поднялся на близь лежащія возвышенности для того, чтобы лучше разсмотрѣть непріятельскую позицію и выбрать мѣсто для постановки нашей батареи во время слѣдующихъ рекогносцировокъ.

Подняться верхомъ на гребень горы было немыслимо, вслѣдствіе чего, оставивъ лошадей штабъ-горнисту и конному вѣстовому, они кое-какъ вскарабкались наверхъ и тамъ уже замѣтили приближеніе довольно значительнаго разъѣзда непріятельской кавалеріи, который видимо хотѣлъ отрѣзать имъ путь отступленія.

Взглянувъ внизъ, они сразу поняли всю серьезность своего положенія, такъ какъ 2-й батальонъ отступалъ и вблизи не было никого, кто-бы могъ поддержать ихъ. Оставалось спѣшить къ лошадямъ, раз-

считывая на крѣпость ихъ ногъ; но едва добрались они къ нимъ, какъ бывшій не вдалекѣ взводъ уланъ двинулся впередъ и подоспѣла отступавшая въ хвостѣ рота 2-го батальона, вслѣдствіе чего турки отошли и командующій полкомъ, съ сопровождавшими его офицерами, благополучно спустился въ долину.

Случай этотъ произошелъ вслѣдствіе неизвѣстности, полковнику Гринпенбергу, времени окончанія рекогносцировки, а командиру 2-го батальона—мѣста, гдѣ былъ въ то время командующій полкомъ.

Во время отдыха на бивуакѣ, невольно приходила на умъ непреложность истины предопредѣленія судьбы человѣка, остающагося невредимымъ при явной и кажущейся неизбѣжно грозящей ему опасности въ моментъ, когда не пробилъ еще его послѣдній часъ.

А, по просту, вѣрно то, что кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ.

17-го ноября опять была назначена рекогносцировка, причемъ, въ виду утомленія моего батальона отъ двухъ предъидущихъ, командующій полкомъ приказалъ мнѣ стать вмѣстѣ съ 1-мъ батальономъ въ резервѣ у дер. Лажени. 2-й батальонъ вышелъ впередъ, а 3-й—остался на своей позиціи.

Какъ только началось движеніе 2-го батальона, я получилъ приказаніе занять южную опушку деревни, а вслѣдъ затѣмъ былъ выдвинутъ на перевалъ, занимаемый мною наканунѣ.

Палатки турецкихъ лагерей стояли на тѣхъ-же мѣстахъ, но никакого движенія въ нихъ мы не замѣтили, батареи, такъ яростно осыпавшіе насъ гранатами, тоже молчали и мы спокойно отдыхали на своей позиціи.

Между тѣмъ, 2-й батальонъ съ 5-ю батареею, двигаясь по направленію къ городу Орханіе, были встрѣчены огнемъ турецкихъ батарей, расположенныхъ на высотахъ за городомъ.

Вскорѣ послѣ этого ко мнѣ пріѣхалъ полковой адъютантъ и передалъ приказаніе, перемѣнивъ фронтъ батальона, лѣвымъ плечомъ впередъ, начать наступленіе; причемъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій относительно пункта и конечной цѣли наступленія я не получилъ. Осмотрѣвъ мѣстность и двинувшись по указанному направленію, стало ясно, что цѣль наступленія составляетъ занятіе гор. Орханіе, до котораго оставалось около 2-хъ — 3-хъ верстъ.

Слѣдуя близь подошвы горъ, я увидалъ за опустѣвшими, знакомыми мнѣ, турецкими лагерями и батареями непрерывный рядъ такихъ-же, тянувшихся вплоть до поворота софійскаго шоссе, по направленію къ югу.

Батареи эти могли доставить намъ весьма непріятный сюрпризъ, открывъ огонь во флангъ съ чрезвычайно близкаго разстоянія; вслѣдствіе чего, для осмотра ихъ, я выслалъ патруль охотниковъ, который быстро

поднялся на высоту и смѣло шелъ отъ одного до другаго покинутаго турками лагеря.

Тѣмъ временемъ батальонъ подошелъ къ гор. Орханіе. Цѣпь бросилась бѣгомъ и одновременно съ цѣпью 2-го батальона заняла окраину и прошла весь городъ насквозь.

Резервы не отставали и скоро мы достигли до шоссе, у котораго и остановились.

Доставшійся намъ безъ боя гор. Орханіе былъ оставленъ турками въ ночь на 17-е ноября, вслѣдствіе обходнаго движенія колонны генерала Дандевиля, показавшейся на горахъ почти у выхода софійскаго шоссе изъ Арабъ-Конакскаго ущелья, и только нѣсколько орудій и какой-то неизвѣстный редутъ на второмъ или третьемъ перевалѣ горъ западной стороны долины держались еще, отвѣчая на выстрѣлы нашей артиллеріи.

Желая совершенно очистить горы отъ непріятеля, полковникъ Гриппенбергъ приказалъ мнѣ оставить одну роту для наблюденія за софійскимъ шоссе, а съ остальными тремя двинуться ущельемъ дер. Врачешъ и, выйдя въ тылъ упомянутому редуту, заставить турокъ отступить.

Хотя артиллерійскій огонь все еще продолжался, но мѣсто расположенія непріятельскихъ орудій и редута, мнѣ не было видно изъ-за ближайшаго хребта горъ; вслѣдствіе чего, не имѣя проводника, трудно было попасть на тотъ именно хребетъ, на которомъ находился упрямый редутъ.

Вступивъ въ дер. Врачешъ, я пошелъ у подножія горъ, стараясь высмотрѣть это мѣсто и не пропустить какъ-нибудь поворота въ ту ложбину, изъ которой слѣдовало начать подъемъ въ горы.

Одновременно съ моими ротами ворвалась въ деревню толпа оборванныхъ болгаръ, скитавшихся по окрестностямъ, которая моментально разсыпалась между строеніями и скрылась изъ глазъ, чтобы поживиться оставшимся турецкимъ имуществомъ. Добиться толку отъ задержанныхъ мною братушекъ не представлялось никакой возможности, въ виду того, что они не понимали предлагаемыхъ вопросовъ или отказывались служить проводниками на турецкую позицію, отговариваясь незнаніемъ окружающей мѣстности.

Не вполнѣ довѣряя этому, я приказалъ одному изъ нихъ, какъ болѣе смышленому на видъ, вести меня какъ онъ знаетъ, обѣщая заплатить за указаніе вѣрнаго направленія, въ противномъ-же случаѣ отдуть нагайкою. Которое изъ этихъ двухъ обѣщаній подѣйствовало сильнѣе—не знаю; но братушка понялъ сразу и быстро зашагалъ съ головнымъ патрулемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послышался выстрѣлъ и ко мнѣ привели взятаго въ плѣнъ турецкаго солдата, который въ виду нашей цѣпи вы-

скочилъ изъ стоявшей среди деревни палатки и съ поднятымъ ятаганомъ бросился на проходившую мимо молодую болгарку.

Удачный выстрѣлъ перебилъ ему кисть правой руки; а болгарка отдѣлалась испугомъ, фанатикъ же попалъ къ намъ въ руки.

Подаваясь впередъ, мы услышали нѣсколько одновременно раздавшихся выстрѣловъ у подножія горъ съ лѣвой стороны деревни. Останавливаться изъ-за нихъ не приходилось и высланный довольно сильный патруль оказался достаточнымъ, чтобы покончить съ нѣсколькими турками, засѣвшими въ горахъ и неосторожно обнаружившими себя этими безполезными выстрѣлами.

Пробираясь опушкою деревни, проводникъ свернулъ направо и въ концѣ небольшой лощины мы вступили на дорогу, ведущую въ горы.

Дорога эта подымалась зигзагами и казалась какъ-бы высѣченною въ почти отвѣсномъ восточномъ склонѣ горы; вслѣдствіе чего приходилось идти рядами, такъ какъ увеличить фронтъ не было возможности въ виду глубокаго обрыва, начинавшагося у самаго края дороги, по которому стояли столбы испорченнаго нами походнаго турецкаго телеграфа.

Поднявшись болѣе чѣмъ на половину высоты, мы услышали надъ головами шипѣніе своей 9-ти-фунтовой гранаты, направленной на турецкій редутъ. Отвѣта не послѣдовало; но вслѣдъ за первою полетѣла вторая и разорвалась какъ разъ надъ шедшею впереди 13-ю ротою.

Перспектива продолжать движеніе подъ своими гранатами была незавидна, тѣмъ болѣе, что на прекращеніе огня трудно было разсчитывать, такъ какъ ближайшій къ долинѣ хребетъ скрывалъ насъ отъ глазъ всего отряда.

Исполнить приказаніе было необходимо и мы безостановочно продолжали взбираться на верхъ.

Приближающійся звукъ полета слѣдующей гранаты невольно заставилъ посмотрѣть въ ту сторону, причемъ шедшій рядомъ со мною командиръ 13-й роты увидѣлъ на вершинѣ ближайшаго хребта свой боковой патруль, люди котораго что-то кричали и махали руками.

Оказалось, что турки бросили редутъ и намъ было приказано вернуться къ отряду.

Сумерки уже наступили и пока мы спустились съ горы и начали подниматься на слѣдующій перевалъ, насъ застигла непроглядная ночь. Узкая тропинка извивалась надъ глубокими оврагами и разсѣлинами горъ; а густой кустарникъ заставлялъ терять ее изъ виду.

Съ неимовѣрными усиліями добрались мы до вершины горы, останавливаясь нѣсколько разъ, для повѣрки людей, чтобы не растерять ихъ при такихъ трудныхъ условіяхъ ночнаго движенія. Спускъ въ долину былъ нѣсколько удобнѣе, а видъ бивуачныхъ огней поддерживалъ наши силы надеждою на скорый отдыхъ.

Къ 11-ти часамъ вечера мы подошли, наконецъ, къ г. Орханіе и стали на бивуакъ.

18-го ноября первые три батальона полка подъ командою полковника Гриппенберга двинулись по Софійскому шоссе къ Арабъ-Канаку, составляя авангардъ отряда генерала Эллиса; а 4-й батальонъ получилъ приказаніе занять д. Врачешъ, для охраненія оставленныхъ въ ней турецкихъ: интендантскихъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ складовъ.

Деревня Врачешъ лежитъ въ ущельяхъ горъ, замыкающихъ Орханійскую долину съ юго-западной ея стороны. Расширяясь въ срединѣ своего протяженія, она расходится по двумъ направленіямъ, главное изъ которыхъ идетъ на западъ, оканчиваясь у подножія перпендикулярнаго къ ней горнаго кряжа, составляющаго продолженіе Лютаковской позиціи; а второстепенное забираетъ къ югу и выходитъ къ такъ-называемой Старой Чурьякской дорогѣ.

По деревнѣ протекаетъ небольшой горный ручей, а окружающія возвышенности защищаютъ ее отъ вѣтра, скрывая въ тоже время и отъ любопытныхъ глазъ.

Сама по себѣ д. Врачешъ не представляетъ ничего интереснаго, но уютное положеніе и шоссе на полу-пути между Плевно и Софіею обратило на себя вниманіе турецкихъ администраторовъ, которые превратили ее въ пунктъ главнаго склада предметовъ первой необходимости военнаго времени. Несмотря на продолжительное веденіе кампаніи, съ неизбѣжнымъ расходомъ запасовъ, и ночное хозяйничанье во Врачешѣ нашихъ братушекъ, я нашелъ болѣе половины домовъ превращенными въ разнообразные и весьма солидные по содержанію склады, въ которыхъ хранились: галеты, англійскіе сухари, рисъ, мука, буйволовье масло, консервированное въ жирѣ мясо, форменное платье, полусапожки, ватныя фуфайки, шерстяные носки, прекрасныя одѣяла, фески, аммуниція, госпитальныя принадлежности, медикаменты, подковы, гвозди, мѣдные котлы, посуда и громадное количество ячменя, въ болгарской церкви и нѣсколькихъ домахъ, сплошь засыпанныхъ имъ отъ полу до потолка. Въ отдѣльныхъ зданіяхъ, и на дворахъ караулокъ у шоссе, хранилось нѣсколько сотенъ тысячъ (а можетъ быть и милліоновъ) металлическихъ патроновъ; запасы всевозможныхъ гранатъ, отличнаго англійскаго пороха и, наконецъ, желѣзный понтонный паркъ съ полною принадлежностью.

Розыскивая склады, каждый день приходилось находить новыя, вслѣдствіе чего число одиночныхъ караульныхъ постовъ постоянно увеличивалось и, наконецъ, достигло до почтенной цифры—шестидесяти.

Первоначальное завѣдываніе складами было возложено на полковника Мелана, а караулить приходилось мнѣ, выставляя въ тоже время и сторожевую цѣпь противъ турецкихъ траншей, расположенныхъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ деревни.

Позади траншей, на гребнѣ хребта, виднѣлись сомкнутыя укрѣпленія, вооруженныя артиллерійскими орудіями. Съ нашей стороны, кромѣ моего четырехъ-сотеннаго батальона, отъ котораго за ежедневнымъ нарядомъ оставалась подъ знаменемъ только одна полурота; стоялъ л.-гв. Финляндскій стрѣлковый батальонъ, занимавшій, съ дивизіономъ батареи полковника Кокорева, позицію на высотахъ къ сѣверу отъ Врачеша.

Затѣмъ, въ резервѣ у г. Орханіе оставалось нѣсколько эскадроновъ кавалеріи; такъ какъ батальоны стрѣлковой бригады, послѣ спуска ихъ съ Правецкихъ высотъ, были двинуты къ Арабъ-Конаку, вслѣдъ за авангардомъ полковника Гриппенберга.

Покончивъ съ разстановкою сторожевой цѣпи, отдѣльныхъ постовъ на окружающихъ высотахъ и караульныхъ при складахъ, миніатюрные остатки батальона, стали бивуакомъ на площади.

Офицеры расположились тутъ же, причемъ турецкая палатка, служившая до занятія нами дер. Врачеша главною телеграфною станціею Орханійской позиціи, была обращена въ столовую, въ которой въ ненастную погоду мы собирались для обѣда.

Разнообразіе и богатство складовъ служили большою приманкою для посѣщенія д. Врачеша офицерами всѣхъ частей отряда; но такъ какъ выдачи производились только съ разрѣшенія начальства, то не всѣ пріемщики могли быть удовлетворены, вслѣдствіе чего нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось уѣзжать ни съ чѣмъ, для того, чтобы вернуться вновь и привезти подписанныя кѣмъ слѣдуетъ требованія или записки.

Жизнь на офицерскомъ бивуакѣ кипѣла ключемъ, гостей было много и всѣ они, благодаря походной обстановкѣ, съ удовольствіемъ пили нашъ солдатскій спиртъ, закусывая его пирожками съ рисомъ, приготовленными солдатомъ-поваромъ изъ турецкой провизіи.

Между тѣмъ орудійные выстрѣлы раздавались ежедневно, а на аванпостахъ Финскаго батальона слышалась и ружейная перестрѣлка.

У меня было тише, и турки открывали огонь преимущественно только по верховымъ, показывающимся въ сторожевой цѣпи, вслѣдствіе чего, я чуть было не лишился лошади отъ шальной пули, ударившей ей въ край копыта и подковы.

20-го ноября, позицію у дер. Врачешъ осматривалъ графъ Шуваловъ, по отъѣздѣ котораго къ моему батальону были присоединены 5-я и 9-я роты л.-гв. Измайловскаго полка, отдѣлившіяся отъ своихъ вслѣдствіе исполненія отдѣльныхъ порученій.

Вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ прибыли: генералы Брокъ и Этеръ 1-й, получившіе назначенія начальниковъ Врачешскаго и Орханійскаго отрядовъ.

Рано утромъ, 21-го ноября, изъ дер. Врачешъ выступили мои: 15-я и 16-я роты, со взводомъ уланъ, на рекогносцировку дороги къ дер.

*

Чурьякъ, порученную произвести состоявшему при графѣ Шуваловѣ, л.-гв. Семеновскаго полка поручику Скарятину. Отъ успѣха рекогносцировки ожидалось многое, въ виду пользы, которую могла принести эта дорога для движенія по ней обходной колонны, при переходѣ нашемъ черезъ Балканы.

Вскорѣ по выступленіи ротъ, мы услышали орудійные выстрѣлы, раздавшіеся въ горахъ къ югу отъ дер. Врачешъ.

Первою мыслью явилось предположеніе, что роты наткнулись на турецкую позицію; но незначительное разстояніе, на которое они могли отойти и постоянное усиленіе канонады давало понять, что завязалось дѣло въ отрядѣ генерала Эллиса у Арабъ-Конака. Прибытіе нѣсколькихъ легко раненыхъ нижнихъ чиновъ вполнѣ подтвердило это и изъ разсказовъ ихъ мы узнали, что значительныя силы турокъ атаковали позицію, обрушившись на 2-й и 3-й батальоны нашего полка; причемъ, не смотря на страшный ружейный огонь, которымъ была встрѣчена атака, турки довели ее до конца и только молодецкая штыковая работа заставила ихъ отступить. Разсказы окончились, а звуки выстрѣловъ не прерывались ни на минуту, какъ-бы говоря, что дѣло далеко еще не окончено и двумъ батальонамъ, на долю которыхъ оно выпало, трудно будетъ отбивать слѣдующія атаки, нѣсколько разъ превосходящаго ихъ числомъ, непріятеля.

Послѣ полудня къ дер. Врачешъ подошли отъ Арабъ-Конака двѣ батареи, причемъ изъ доклада командира одной изъ нихъ генералу Эттеру, я узналъ, что батальоны наши молодецки отбили вторую атаку турокъ; но въ виду ожесточеннаго продолженія боя и понесенныхъ уже потерь, исходъ его опредѣлить было нельзя, вслѣдствіе чего генералъ Эллисъ приказалъ батареямъ этимъ, какъ стоявшимъ сзади на шоссе и не принимавшимъ участія, отступить къ дер. Врачешъ. Какъ обухомъ ударило по лбу отъ этого доклада, тѣмъ болѣе, что раненые все прибывали и разсказы ихъ были далеко не успокоительнаго свойства.

Грустно становилось, думая объ участи полка, а между тѣмъ оставить Врачешъ и двинуться на помощь было нельзя, да и не съ кѣмъ; такъ какъ двѣ роты ушли на рекогносцировку, а другія двѣ стояли на постахъ.

Нравственное состояніе духа, напоминало собою памятный день 12-го октября, но, по счастью, мы скоро увидѣли, что помощь близка, такъ какъ графъ Шуваловъ двигался уже форсированнымъ маршемъ, съ набранными имъ 5-ю батальонами л.-гв. Егерскаго и Павловскаго полковъ, къ которымъ присоединились и отступившія батареи.

Съ наступленіемъ сумерокъ выстрѣлы прекратились; а наши врачешскія силы увеличились батальономъ Павловскаго полка, подъ коман-

дою полковника Борисова, занявшаго передовую позицію, полуроты моего батальона.

Подъ вечеръ къ намъ заѣхалъ генеральнаго штаба подполковникъ Сухотинъ, посланный графомъ Шуваловымъ съ словеснымъ донесеніемъ къ генералъ-адъютанту Гурко.

Сжатый, но воодушевленный разсказъ Сухотина приводилъ насъ въ восторгъ; а радость, блистательному успѣху, заставляла забыть потери понесенныя нами въ этомъ по истинѣ славномъ бою. Послѣднія слова донесенія графа Шувалова неизгладимо врѣзывались въ памяти и гласили такъ: „Батальоны дѣлали чудеса, а Гриппенбергъ былъ выше всякихъ похвалъ и описаній".

На другой день мы узнали слѣдующія подробности:

18-го ноября, выступая къ Арабъ-Конаку, полковникъ Гриппенбергъ приказалъ батальонамъ вытягиваться на софійское шоссе не другъ за другомъ, а на разстояніи часа времени, для того, чтобы въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ они не понесли напрасныхъ потерь во время развертыванія глубокой колонны, въ узкомъ шоссе, окруженномъ высокими и мало доступными горами.

На основаніи этого распоряженія, авангардъ отряда генерала Эллиса двинулся въ слѣдующемъ порядкѣ: эскадронъ лейбъ-уланъ, съ высланными впередъ разъѣздами; за нимъ 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка съ 4-ю батареею лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады; потомъ 2-й батальонъ съ 5-ю батареею и, наконецъ, 3-й батальонъ со 2-ю батареею.

Въ четвертомъ часу пополудни, когда голова колонны подошла къ повороту шоссе на юго-западъ, уланскіе разъѣзды донесли, что непріятель занимаетъ перевалъ горъ, причемъ на арабъ-конакской возвышенности, по которой проходитъ шоссе, выстроенъ громадный редутъ съ высокимъ кавальеромъ, а ниже его вся гора опоясана ложементами, расположенными въ нѣсколько линій. 1-й батальонъ остановился, а съ приходомъ 2-го, полковникъ Гриппенбергъ выѣхалъ вмѣстѣ съ командирами частей, провѣрить донесеніе и осмотрѣть непріятельскую позицію.

Громадныя, крутыя и поросшія лѣсомъ горы, у мѣста остановки батальоновъ, были послѣдними, передъ кряжемъ занятымъ турками, укрѣпленія которыхъ состояли изъ двухъ большихъ редутовъ у Арабъ-Конака и затѣмъ такихъ-же тянувшихся къ востоку до Шандорника и далѣе къ Бабѣ-горѣ и Златицкому перевалу. Оцѣнивъ сразу выгоду позиціи противъ, запирающихъ софійское шоссе, арабъ-конакскихъ редутовъ, начальникъ авангарда приказалъ батальонамъ немедленно занять горы: 1-му—по лѣвую, а 2-му—по правую сторону шоссе, 3-му-же батальону остаться внизу, составляя общій резервъ и прикрытіе всѣхъ трехъ батарей.

Подъемъ въ горы приходилось дѣлать безъ дорогъ; крутизна ихъ была страшная, а высота, около 3000 футъ, заставляла торопиться, чтобы успѣть добраться до вершины ранѣе заката солнца. Горы эти казались какъ-бы нагроможденными одна на другую и имѣли на полувысотѣ уступы, образующіе довольно значительныя площадки, отъ которыхъ начинался подъемъ къ вершинѣ хребта. Крутые скаты ихъ къ софійскому шоссе составляютъ, такъ называемое, арабъ-конакское ущелье, а южные склоны, къ сторонѣ непріятеля, идутъ почти отвѣсно, вслѣдствіе чего могутъ считаться малодоступными даже и для привыкшихъ къ нимъ турокъ.

Лѣсистая возвышенность позиціи 1-го батальона выступала нѣсколько впередъ тянувшагося къ востоку кряжа, занятаго отрядомъ генерала Дандевиля, а гора 2-го батальона имѣла большую грушевидную вершину, узкій конецъ которой шелъ къ юго-западу и постепенно опускался къ небольшому оврагу, за которымъ начинался подъемъ на слѣдующую возвышенность. Оврагъ этотъ, огибая гору, начинается съ юго-западнаго угла ея, причемъ у сѣверо-западнаго нѣсколько съуживается и, измѣняя свое направленіе къ востоку, выходитъ на шоссе, какъ разъ у мѣста остановки батальона и пункта, съ котораго онъ началъ подниматься наверхъ. Туманъ опускался уже въ то время, когда 2-й батальонъ преодолѣвалъ трудности подъема на вершину, вслѣдствіе чего полковникъ Ляпуновъ остановилъ батальонъ и, выславъ патруль, поднялся съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, чтобы осмотрѣться и выбрать мѣсто для позиціи.

Вся вершина горы была покрыта густымъ лѣсомъ и только у южнаго склона, обращеннаго къ Арабъ-Конаку, оставалась совершенно чистою, причемъ на ней была замѣчена дорога, идущая почти параллельно гребню, по направленію къ западу. Слѣдуя по дорогѣ, они скоро услышали какія-то звуки, раздававшіеся какъ-бы недалеко отъ нихъ и въ прямомъ направленіи. Туманъ, скрывавшій отъ взоровъ арабъ-конакскіе редуты, мѣшалъ оріентироваться и затруднялъ разсмотрѣть даже ближайшую мѣстность, вслѣдствіе чего Ляпуновъ и сопровождавшіе его офицеры шли ощупью, прислушиваясь все къ тѣмъ-же звукамъ, которые доносились въ видѣ отдѣльныхъ восклицаній, а затѣмъ и отчетливо слышныхъ турецкихъ словъ. Не трудно было догадаться, что слѣдующая высота, за оврагомъ, занята непріятелемъ. Вернувшись къ батальону, полковникъ Ляпуновъ выдвинулъ одну роту на обрекогносцированную имъ дорогу и такъ какъ фронтъ непріятельскихъ твердынь былъ расположенъ относительно его къ югу, а присутствіе турокъ открыто на юго-западной возвышенности, то рота стала цѣпью къ Арабъ-Конаку, а правый флангъ ея наблюдалъ за сосѣдями. Въ такомъ положеніи застала ихъ ночь. Утро 19-го ноября не принесло съ собою новыхъ открытій; густыя

тучи, окутывая вершины горъ, притупляли зрѣніе; вслѣдствіе чего полковникъ Ляпуновъ, оставивъ батальонъ на томъ-же мѣстѣ, спустился на шоссе, чтобы доложить о положеніи его начальнику авангарда и получить приказанія для дальнѣйшихъ распоряженій.

Въ это время, командиръ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эттеръ 2-й производилъ со ввѣреннымъ ему полкомъ и двумя орудіями гвардейской казачьей батареи рекогносцировку арабъ-конакской укрѣпленной позиціи, во время которой разъѣзды были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ караулки, расположенной въ лощинѣ за поворотомъ шоссе. Разъѣзды, потерявъ одну лошадь, отошли, не будучи въ состояніи выбить непріятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ караулкѣ. Орудія не могли стрѣлять по ней потому, что крайняя возвышенность ущелья скрывала ее отъ глазъ, выѣзжать-же на позицію и сниматься съ передковъ, что называется, подъ носомъ многочисленныхъ турецкихъ батарей, было не только рисковано, но и не совсѣмъ благоразумно.

Поэтому, чтобы выкурить турокъ изъ караулки и получить возможность дальнѣйшаго осмотра непріятельской позиціи, генералъ Эттеръ 2-й попросилъ дать ему одну роту нашего 3-го батальона, съ приближеніемъ которой, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, турки бѣжали и опустѣвшая караулка сдѣлалась совершенно безвредною.

Около 4-хъ часовъ пополудни, цѣпь 2-го батальона замѣтила всадника, подъѣзжавшаго къ ней съ фронта. Удивленію не было конца, когда всадникъ этотъ оказался полковникомъ Гриппенбергомъ, появившимся со стороны непріятеля, но дѣло объяснилось просто.

Узнавъ отъ Ляпунова о существованіи дороги на вершинѣ горы, начальникъ авангарда началъ розыскивать начало ея, что и увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ, поднявшись на вершину по тропинкѣ, ведущей изъ оврага почти на середину дороги.

Разсѣявшійся туманъ и проглянувшее солнышко открыли видъ на прелестную панораму противоположныхъ горъ, вершины которыхъ были увѣнчаны большими укрѣпленіями, а у крайняго редута, какъ разъ противъ нашей позиціи, виднѣлись коническія палатки значительнаго турецкаго лагеря, безпечные обитатели котораго и не подозрѣвали о томъ, что съ ближняго хребта наблюдаетъ за нимъ авангардъ русской гвардіи, двигающейся по софійскому шоссе.

Осмотрѣвъ позицію 2-го батальона, полковникъ Гриппенбергъ пришелъ отъ нея въ восторгъ, а уѣзжая обѣщалъ прислать артиллерію и отдалъ приказаніе подвести батальонъ ближе къ западной возвышенности, ставъ фронтомъ къ ней, а не къ Арабъ-Конаку, въ виду топографическихъ условій мѣстности, дѣлающихъ нашу позицію уязвимою только съ одной западной ея стороны. Гора, на которую былъ поднятъ 2-й батальонъ, имѣла значительное командованіе надъ окружающими возвышенно-

стями, не исключая арабъ-конакской, редуты которой и расположенный около нихъ большой турецкій лагерь виднѣлись какъ на ладони и могли прекрасно обстрѣливаться съ нашей позиціи, отстоявшей отъ нихъ не болѣе 650 саженъ.

Понятно, что воспользоваться этими преимуществами было необходимо, а для удержанія ихъ за собою слѣдовало держаться до послѣдняго человѣка.

Утромъ, 20-го ноября, батальону слѣдовало ближе подойти къ западному краю горы и занять позицію, но такъ какъ часть дороги была совершенно открыта со стороны Арабъ-Конака, то для того, чтобы скрыть свое движеніе отъ глазъ непріятеля, полковникъ Ляпуновъ, слѣдуя указаніямъ начальника авангарда, приказалъ нижнимъ чинамъ головной роты нарубить побольше мелкихъ деревьевъ и, двигаясь одинъ за другимъ, втыкать ихъ по краю дороги, чѣмъ маскировалось движеніе батальона и обезпечивалось скрытное сообщеніе по всей вершинѣ горы.

Къ этому времени поднялся и 3-й батальонъ съ командою саперъ поручика Малыхина, назначенныхъ для постройки трехъ 2-хъ-орудійныхъ батарей на гребнѣ, у самой дороги, на мѣстахъ, выбранныхъ наканунѣ полковникомъ Гриппенбергомъ.

Живая изгородь, устроенная 2-мъ батальономъ, скрывала рабочихъ, но каменистый грунтъ и необходимость соблюденія тишины, ради близости непріятеля, вызывали страшныя усилія нижнихъ чиновъ 3-го батальона, а тонкій слой земли не могъ доставить потребнаго количества матеріала.

Между тѣмъ, 2-й батальонъ, подойдя къ западной оконечности вершины, выстроился въ боевой порядокъ, имѣя 5-ю и 8-ю роты въ первой линіи, а 6-ю и 7-ю въ резервѣ.

Въ теченіи дня, патрули головныхъ ротъ нѣсколько разъ доносили о движеніи небольшихъ турецкихъ колонъ изъ арабъ-конакскаго лагеря по направленію къ высотѣ, лежащей передъ фронтомъ батальона, но куда именно шли эти колоны—нельзя было опредѣлить, такъ какъ отлогій спускъ сосѣдней возвышенности скрывалъ дальнѣйшее ихъ движеніе.

Густота лѣса на позиціи 2-го батальона была такъ велика, что роты, расположенныя на близкихъ между собою дистанціяхъ, не видѣли другъ друга, вслѣдствіе чего для избѣжанія затрудненія управленія ими, полковникъ Ляпуновъ поставилъ ихъ въ шахматномъ порядкѣ и приказалъ вырубить просѣки, доведя ихъ вплоть до расположенія цѣпи. По окончаніи этой работы, цѣпь и резервы первой линіи окопались ложементами, а остальныя двѣ роты были отодвинуты для отдыха, въ теченіи наступавшей ночи, къ расположенію 3-го батальона, который сталъ на бивуакъ за оконченными имъ батареями.

Когда все успокоилось, полковникъ Гриппенбергъ пригласилъ къ себѣ

Ляпунова и Красовскаго и сообщилъ имъ, что диспозиціею генерала Дандевиля, на 21-е ноября назначена артиллерійская канонада, которая должна начаться въ 8 час. утра, одновременнымъ залпомъ со всѣхъ нашихъ батарей и продолжаться цѣлый день съ извѣстными промежутками.

Затѣмъ, переходя къ оцѣнкѣ своей позиціи, полковникъ Гриппенбергъ высказалъ предполагаемую имъ возможность атаки насъ турками, причемъ приказалъ держаться на мѣстѣ во что-бы то ни стало и лучше пасть до послѣдняго, чѣмъ уступить непріятелю такую важную и удобную для насъ позицію.

Въ 11 часовъ вечера роты 3-го батальона начали поднимать орудія на вершину занятой нами горы.

Описывать трудности, представляемыя подобною работою, я не буду и ограничусь, сказавъ только, что подъемъ орудій съ шоссе и до полугоры производился нижними чинами гв. стрѣлковыхъ батальоновъ, начиная съ 8 часовъ утра до 11 час. вечера, а доставка на вершину и постановка на батареи началась въ 11 час. вечера и окончилась только въ 8-мъ часу утра; причемъ каждое орудіе подымала полурота, т. е. около 75 человѣкъ.

При втаскиваніи соблюдалась полнѣйшая тишина, чтобы не дать возможности непріятелю узнать объ этомъ раньше времени. Турки-же не церемонились и въ теченіе цѣлой ночи наша цѣпь слышала ихъ крики и шумъ отъ производимыхъ работъ.

Ночь прошла спокойно. Къ 8 часамъ утра передъ батареями была снята скрывавшая ихъ изгородь и приготовившіяся къ бою орудія заняли свои окопы въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й дивизіонъ 5-й батареи сталъ въ двухъ лѣвофланговыхъ батареяхъ, расположенныхъ рядомъ, на гребнѣ высоты, а взводъ 2-й батареи правѣе ихъ, на батареѣ, выстроенной нѣсколько ниже двухъ первыхъ.

Къ этому-же времени роты 2-го батальона заняли свою вчерашнюю позицію, причемъ въ первой линіи стали 5-я и 6-я роты, а во второй уступомъ назадъ 7-я и 8-я роты. 9-я рота, назначенная въ прикрытіе къ орудіямъ 5-й батареи, стала по полуротно въ кустахъ за ея флангами, а остальныя, т. е. полурота 10-й, вся 11-я и 12-я роты въ резервѣ 2-го батальона, близъ орудій 2-й батареи.

Надо сказать, что 1-я полурота 10-й роты была въ это время при обозѣ въ г. Орханіе, такъ что въ бою 21-го ноября участвовало только $7^1/_2$ ротъ, численный составъ которыхъ, вслѣдствіе потерь 12-го октября, не превышалъ 1000 штыковъ.

Въ 8 час. утра раздался первый залпъ нашихъ балканскихъ батарей и вслѣдъ за нимъ началась канонада по непріятельскимъ укрѣпленіямъ.

Турки не остались въ долгу; позиція ихъ задымилась отъ орудійныхъ выстрѣловъ, и нашимъ шести орудіямъ усердно отвѣчали дально-

бойныя обоихъ Арабъ-Конакскихъ редутовъ, причемъ шипѣніе гранатъ и звуки разрывовъ ихъ наполняли собою воздухъ, а снаряды, перелетавшіе батареи, ложились около ротъ 3-го батальона, вслѣдствіе чего капитанъ Красовскій получилъ приказаніе вывести ихъ изъ-подъ выстрѣловъ и, двинувшись впередъ, поставить уступомъ за правымъ флангомъ расположенія 2-го батальона.

Одновременно съ началомъ боя для наблюденія за непріятелемъ по склону горы, были выставлены одиночные посты, которые донесли о движеніи турецкихъ колоннъ къ высотѣ, лежащей противъ нашей позиціи.

Колоннъ этихъ, величиною въ батальонъ, было насчитано восемь штукъ, съ двумя орудіями. Послѣ нѣсколькихъ первыхъ выстрѣловъ нашей артиллеріи, турки начали очищать свой лагерь, а около 10 час. утра удачными выстрѣлами съ нашихъ батарей были взорваны два непріятельскіе зарядные ящика.

Радуясь успѣху стрѣльбы, командующій правофланговою батареею, подпоручикъ Типольдъ, вскочилъ на брустверъ и аплодируя своему наводчику, казалось, позабылъ, что орудія его обстрѣливаются непріятелемъ, вслѣдствіе чего не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ осколокъ турецкой гранаты сразу покончилъ съ жизнью молодаго храбреца.

Въ 11-мъ часу утра раздались ружейные выстрѣлы турецкой цѣпи, медленно подвигавшейся къ оврагу, отдѣлявшему ее отъ позиціи нашего 2-го батальона.

По мѣрѣ наступленія, цѣпь эта постепенно усиливалась и дойдя до густоты разомкнутаго развернутаго фронта, бросилась въ атаку на полуроты 5-й и 6-й ротъ, встрѣтившія ее частымъ ружейнымъ огнемъ.

Натискъ былъ силенъ и цѣпь наша, не будучи въ состояніи остановить атакующаго непріятеля, отошла къ своимъ резервамъ, которые, подпустивъ турокъ на близкую дистанцію, открыли вмѣстѣ съ подошедшими ротами 3-го батальона такой убійственный огонь, что турки не смогли сдѣлать еще нѣсколькихъ послѣднихъ шаговъ и отступили за оврагъ, преслѣдуемые нашею цѣпью, снова занявшею свои микроскопическіе ложементы. Роты 3-го батальона тоже выслали цѣпь, которая, соединясь съ цѣпью 2-го батальона, и удлинила ея расположеніе вплоть до ущелья, образуемаго здѣсь оврагомъ, огибающимъ гору.

Отбитію атаки много способствовалъ перекрестный огонь, открытый на нашемъ правомъ флангѣ двумя ротами л.-гв. 2-го стрѣлковаго батальона, высланными туда полковникомъ Гриппенбергомъ; а также усиленіе лѣваго фланга полуротою 9-й роты, которую вывелъ штабсъ-капитанъ Сахаровъ изъ-за батарей, прекратившихъ уже стрѣльбу вслѣдствіе того, что клинья запирающихъ механизмовъ, за неимѣніемъ воды, не могли быть очищены отъ пороховаго нагара.

Надо сказать, что предвидя бой, полковникъ Гриппенбергъ еще на-

канунѣ просилъ генерала Эллиса объ усиленіи частей авангарда, занимающихъ позицію правой горы, присылкою одного стрѣлковаго батальона.

Назначеніе пало на 2-й стрѣлковый батальонъ, который прибылъ около 10 час. утра и былъ поставленъ въ резервѣ общаго расположенія.

Оправившись послѣ первой неудачи, турки начали стягиваться противъ нашего праваго фланга и удлинивъ свой фронтъ, вновь повели атаку, но на этотъ разъ уже бо̀льшимъ числомъ войскъ; причемъ стали обходить правый флангъ ротъ 3-го батальона.

Звуки ружейныхъ выстрѣловъ слились въ потрясающій гулъ, среди котораго слышались яростные крики наступавшихъ, а клубы пороховаго дыма и густые кусты съ нашей стороны оврага не позволяли видѣть всю массу ихъ, напиравшую на нашу цѣпь.

Батальонный огонь, открытый по всей линіи, вырывая пропасть жертвъ въ рядахъ непріятеля, пріостановилъ атаку почти у мѣста нашего расположенія и турки отступили, осыпаемые градомъ пуль. Во время второй атаки полковникъ Гриппенбергъ приказалъ оставшимся въ резервѣ ротамъ 2-го стрѣлковаго батальона перейти оврагъ правѣе ротъ 3-го батальона и дѣйствовать во флангъ наступающимъ; такимъ образомъ весь стрѣлковый батальонъ былъ введенъ въ дѣло и резервъ уничтожился.

Нельзя не отдать справедливости туркамъ въ энергіи и храбрости, съ которыми они повели эту вторую атаку. Видно было, что мы имѣемъ дѣло съ отборными частями непріятеля, не испытавшими еще пораженій и руководимыми опытною рукою и твердою волею Мегеметъ-Али-паши, лично распоряжавшагося ходомъ сраженія, во все время котораго турецкіе сигналисты, сидя на высокихъ деревьяхъ, высматривали расположеніе нашихъ ротъ и громко трубили, ободряя атакующихъ.

Между тѣмъ турки не успокоивались и почти вслѣдъ за отступленіемъ ихъ на свою позицію раздался залпъ двухъ орудій, изъ-за выстроенной ими въ теченіе ночи земляной насыпи, противъ юго-западнаго угла нашей горы. Безпрерывный полетъ гранатъ какъ-бы скрещивался съ направленіемъ снарядовъ, посылаемыхъ намъ съ арабъ-конакскихъ редутовъ; а ружья не переставали трещать съ фронта.

Трудно описать происходившее въ это время: страшные крики съ обѣихъ сторонъ, тысячи смертей, носившихся въ воздухѣ въ видѣ пуль и кусковъ чугуна отъ разрывовъ гранатъ, летѣвшихъ по двумъ направленіямъ, представляли какой-то адъ, среди котораго по всей боевой линіи велись частныя атаки, доходившія до штыковъ.

Налетятъ турки на нашихъ, схватятся въ рукопашной свалкѣ и, опрокинутые штыками, бѣгутъ къ своимъ ложементамъ, преслѣдуемые увидѣвшими кровь солдатами, которые врываются вслѣдъ за ними въ окопы и, въ свою очередь, отступаютъ передъ подоспѣвшими резервами.

Цѣпи различныхъ ротъ перемѣшиваются между собою; люди группируются около офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, не разбирая того или другаго они батальона или роты.

Является частная предпріимчивость и распоряженія, и совершаются чудеса храбрости и силы среди кустовъ оврага и его противоположныхъ гребней, обильно окрашенныхъ уже кровью бойцевъ и заваленныхъ трупами турокъ, павшихъ подъ нашимъ огнемъ во время двухъ предъидущихъ атакъ.

При этой обстановкѣ были ранены: командиры 8-й и 12-й ротъ, капитанъ В. А. Деля-Валь-Велькъ и поручикъ М. М. Дмитріевъ, а нѣсколько раньше, т. е. тотчасъ послѣ второй атаки, осколкомъ гранаты вынесло кусокъ черепа юнаго подпоручика Войницкаго, лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ выпущеннаго изъ училища.

Бѣдняга какъ будто предчувствовалъ свою смерть, потому что, узнавъ наканунѣ о предполагавшемся артиллерійскомъ боѣ, сказалъ: „неужели меня завтра убьютъ? я такъ еще мало жилъ!“

Предчувствіе не обмануло: граната, брошенная съ арабъ-конакскаго редута, сломала дерево, у котораго лежали люди 6-й роты и, разорвавшись надъ ними, выбрала своею жертвою одного Войницкаго.

Отдѣльныя свалки и частый непрерывный огонь продолжались вплоть до 3-го часа пополудни.

Патроны истощались и въ ожиданіи подвоза ихъ на вьюкахъ пришлось отбирать у раненыхъ и снимать съ убитыхъ.

Въ это время бой какъ будто началъ стихать, какъ стихаетъ природа, замирая передъ началомъ бури, которая на этотъ разъ разразилась общею атакою турокъ подъ предводительствомъ Мехмета-Али-паши.

Батальонный огонь нашихъ ротъ, оказался недѣйствительнымъ противъ сплошной массы турокъ, надвигавшейся все ближе и ближе.

Передніе ряды ихъ, поражаемые нашими пулями, падали заграждая собою путь слѣдующимъ, но тѣ не останавливаясь продолжали бѣшеную атаку нашей позиціи.

Критическая минута приближалась.

Но вотъ знакомый сигналъ русской атаки, поданный по приказанію полковника Гриппенберга, и на громаду турокъ неустрашимо бросаются въ штыки: 6-я, 11-я и 12-я роты, съ полуротами: 5-й, 8-й, 9-й и 10-й ротъ.

Молодецкій ударъ контръ-атаки полковника Гриппенберга, сразу останавливаетъ головныя части атакующихъ и заставляетъ ихъ очистить нашу сторону оврага; но заднія толпы турокъ напираютъ на отступающихъ и оврагъ наполняется ими сплошь.

Тутъ пошла ужасная штыковая работа, во время которой не искали кого ударить, а били на выборъ, на-право и на-лѣво.

Подобныя свалки бываютъ рѣдко, и долго продолжаться не могутъ.

Понеся страшный уронъ, отбитые по всей линіи, турки отступили къ своимъ ложементамъ и открыли сильный огонь.

Но не удержалъ онъ не знавшихъ преграды Московцевъ, которые выбивъ непріятеля изъ первой линіи ложементовъ, на плечахъ его ворвались во вторую, и занявъ ее остановились, провожая огнемъ отступающихъ; причемъ на правомъ флангѣ также удачно дѣйствовали роты лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго батальона.

У одного изъ лѣвофланговыхъ ложементовъ первой линіи, славною смертью палъ командовавшій полуротою 10-й роты, портупей-юнкеръ Гаваманъ.

Около десятка вражьихъ пуль остановили его на брустверѣ, мгновенно прекративъ честную жизнь на самой зарѣ ожидающей его военной карьеры.

Дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ дало Гаваману Георгіевскій крестъ и представленіе къ производству въ офицеры; а бой 21-го ноября—другой бѣлый крестъ, поставленный въ арабъ-конакскомъ ущельи и вѣчную память о геройской смерти его.

Отступившіе турки засѣли за укрѣпленіями слѣдующихъ линій и открывъ убійственный огонь по нашимъ храбрецамъ, двинули впередъ свои резервы, вслѣдствіе чего пришлось мало по малу отойти и занять свою прежнюю позицію.

Ружейная перестрѣлка продолжалась, а на лѣвомъ флангѣ были случаи повторенія частныхъ атакъ, отбитыхъ батальнымъ огнемъ нижнихъ чиновъ 6-й, 9-й и 12-й ротъ подъ командою штабсъ-капитана Сахарова. Одновременно съ этимъ, турки бросились и на наши батареи.

Резервовъ давно уже не было и батареи безусловно могли достаться въ руки непріятеля, если бы не спасла ихъ личная храбрость флигель-адъютанта полковника Гриппенберга.

Собравъ нѣсколько человѣкъ солдатъ, онъ выстроилъ ихъ вмѣстѣ съ попавшимися подъ руку барабанщиками и горнистами и приказавъ бить въ атаку, съ обнаженною саблею бросился на непріятеля и опрокинулъ его не горстью людей, а тою нравственною силою, съ которою эта горсть такъ безстрашно пошла на защиту своихъ орудій.

Вскорѣ поднялись на гору присланныя генераломъ Эллисомъ роты стрѣлковыхъ батальоновъ: двѣ—Его Величества и двѣ Императорской Фамиліи. Роты эти были распредѣлены полковникомъ Гриппенбергомъ слѣдующимъ образомъ: двѣ въ прикрытіе къ батареямъ, одна на юго-восточный склонъ горы и одна въ резервъ.

Въ пятомъ часу пополудни бой прекратился окончательно, и только 9-й ротѣ пришлось еще нѣсколько времени вести незначительную пере-

стрѣлку съ турецкою цѣпью. вышедшею изъ Арабъ-Конакскаго редута, передъ фронтомъ нашихъ батарей.

По окончаніи перестрѣлки поднялись на гору батальоны лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, пришедшіе съ графомъ Шуваловымъ на выручку отряда генерала Эллиса.

Финляндцы смѣнили нашихъ на передовой позиціи и батальоны отошли за батареи.

Составивъ ружья, повѣрили ряды, уменьшившіеся почти на 200 человѣкъ *) и подкрѣпивъ себя чаркою спирта, принялись за варку пищи изъ припасовъ, доставленныхъ на гору, благодаря заботливости командующаго полкомъ.

Такъ окончился памятный день 21-го ноября 1877 года, доставившій батальонамъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка случай, наглядно доказать святость присяги своему Государю и прямое нисходящее потомство героевъ Семеновскихъ высотъ, славнаго Бородинскаго боя, 26-го августа 1812 года.

22-го ноября 15-я и 16-я роты моего батальона вернулись съ рекогносцировки къ дер. Чурьякъ.

Во время пути имъ приходилось преодолѣвать страшныя затрудненія, безпрестанно влѣзая и спускаясь съ уступовъ горъ по узкой и скользской дорогѣ. Уланы чуть не полпути принуждены были вести лошадей въ поводу, чтобы не перекалѣчить ихъ, въѣзжая верхомъ на каменистые утесы.

Медленность движенія колонны заставила ее переночевать въ горахъ, въ виду дер. Чурьякъ, причемъ разъѣзды дошли и осмотрѣли деревню, брошенную жителями; и вернулись съ трофеемъ въ видѣ пойманной въ деревнѣ свиньи, благодаря которой нижніе чины имѣли мясной ужинъ.

Выстрѣлы Арабъ-Конакскаго боя были имъ слышны все время, и

---

*) Небольшая, относительно, потеря произошла, благодаря густотѣ лѣса, покрывавшаго всю нашу позицію, гдѣ всякое дерево представляло укрытіе отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Большинство выбывшихъ изъ строя было поражено холоднымъ оружіемъ или выстрѣлами почти въ упоръ при взятіи непріятельскихъ ложементовъ.

Потери стрѣлковъ ограничились во 2-мъ батальонѣ: 2-мя контуженными офицерами и около 65-ти выбывшими изъ строя нижними чинами; а въ батальонахъ: Его Величества и Императорской Фамиліи—лишь нѣсколькими нижними чинами.

Послѣ заключенія мира во время пребыванія нашего у Санъ-Стефано, одному изъ высокопоставленныхъ начальствующихъ лицъ удалось видѣть французскій переводъ съ донесенія Мегемета-Али-Паши о дѣлѣ 21-го ноября, въ которомъ неудача турецкихъ атакъ объясняется превосходствомъ нашихъ силъ; т. е. 18-ти таборамъ или 12,000 турокъ, будто бы противостояло 15,000 русской гвардіи, въ прекрасно устроенныхъ укрѣпленіяхъ сильной профили. Насколько это вѣрно, пусть судитъ безпристрастный читатель.

нѣкоторые изъ участниковъ рекогносцировки разсказывали, что видѣли даже и движеніе турецкихъ войскъ.

Между тѣмъ важность Врачешскихъ складовъ и позиціи сознавалась всѣми и для усиленія войскъ ее занимавшей, начали подходить части полковъ, стягивавшихся къ г. Орханіе, такъ 22-го ноября прибыла 2-я рота лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, 23-го 10-я рота, а вслѣдъ за ней и весь 4-й батальонъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, поставленный въ южное ущелье.

Одновременно съ этимъ, турецкая позиція усилилась постройкою новыхъ укрѣпленій и прибытіемъ изъ Софіи нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты при 7-ми орудіяхъ.

Турецкіе запасы, значительно облегчавшіе продовольствіе всего отряда генералъ-адъютанта Гурко, все еще не могли быть приведены въ извѣстность, вслѣдствіе чего въ помощь полковнику Мелану были назначены офицеры гвардейской кавалеріи.

Пріѣздъ пріемщиковъ ежедневно увеличивался и никому изъ насъ не казалось страннымъ, что многіе гвардейскіе офицеры и даже командиры частей, просили разрѣшенія взять турецкое солдатское обмундированіе, чтобы замѣнить имъ пришедшую въ совершенную негодность нижнюю половину своего костюма.

Про солдатъ и говорить нечего; счастливъ изъ нихъ былъ тотъ, кто щеголялъ въ турецкомъ платье или раздобылъ полусапожки, поверхъ которыхъ надѣвались отдѣльно свои длинныя голенища, привязываемыя у щиколки веревкою или ремешкомъ.

Скотъ для продовольствія нижнихъ чиновъ, хозяйственная часть нашего полка давно уже покупала у болгаръ, безъ торгу платя цѣну, которую они запрашивали, что оказалось весьма практичнымъ вслѣдствіе того, что болгары пригоняли намъ его въ излишествѣ, тогда какъ нѣкоторыя другія части, загоняя экономію выторговываніемъ рублей или даже франковъ, не всегда находили продавцевъ и не имѣли необходимаго для продовольствія людей мяса.

Къ тому же казенныя цѣны были хороши, а подрядчики брали гораздо дороже, доставляя только при удобныхъ для себя обстоятельствахъ, и то совершенно игнорируя части, стоявшія на передовыхъ позиціяхъ.

23-го числа я ѣздилъ въ г. Орханіе навѣстить товарищей, раненыхъ подъ Арабъ-Конакомъ.

Страшно было смотрѣть на Дѣля-Валь-Велька, пуля ударила его за ухомъ и пройдя полость рта, вышла съ противоположной стороны, раздробивъ челюсть.

Онъ сидѣлъ, но говорить и ѣсть не могъ; такъ что для спасенія отъ голодной смерти, докторъ Подобѣдовъ съ помощью гуттаперчевой кишки проведенной черезъ носъ, накачивалъ въ него молоко и бульонъ,

чѣмъ поддерживалось питаніе тѣла, но не уменьшался мучившій его аппетитъ.

Дмитріевъ лежалъ, но чувствовалъ себя лучше. Бѣднаго же Войницкаго доставленнаго еще живымъ, похоронили уже въ оградѣ болгарской церкви.

Въ комнатѣ нашихъ раненыхъ, я засталъ офицеровъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, которые съ такимъ вниманіемъ и сочувствіемъ ухаживали за ними, какъ это сдѣлали бы только самые близкіе товарищи или родные.

26-го ноября генералъ Брокъ получилъ назначеніе начальника Златицкаго отряда, куда и отправился, а у насъ во Врачеши, остался генералъ С. П. Эттеръ.

Постоянное усиленіе турецкихъ войскъ. расположенныхъ противъ нашей позиціи, ихъ передвиженія и какъ будто приготовленія къ чему-то особенному, заставляли нашу батарею вести непрерывную перестрѣлку, а иногда открывать ее и ночью, чтобы показать туркамъ нашу бдительность во время ихъ работъ и передвиженій.

Къ вечеру болгары, пришедшіе изъ горъ, сообщили о прибытіи на редутъ № 3-й, еще около 800 человѣкъ турецкой пѣхоты; а начальникъ передовыхъ постовъ, лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго батальона, прислалъ донесеніе генералу Эттеру, что изъ непріятельскихъ укрѣпленій спускаются небольшія сомкнутыя части, усиливающія собою сторожевую цѣпь.

Все это взятое вмѣстѣ заставляло предполагать возможность атаки насъ турками и приходилось держать ухо востро; а такъ какъ весь мой батальонъ былъ уже въ сборѣ, на площади, то я приказалъ людямъ пораньше лечь спать, чтобы хорошенько выспаться до разсвѣта.

Вечеръ я провелъ у генерала Эттера; вернувшись къ себѣ, усѣлся у костра и незамѣтно просидѣлъ около него всю ночь, раздумывая о тѣхъ превратностяхъ жизни, которыя пришлось испытать и дѣлая предположенія о неизвѣстномъ будущемъ. Мысли смѣнялись одна другою, а вмѣстѣ съ ними чередовались различные образы, которые я видѣлъ передъ собою мѣнявшимися какъ въ панорамѣ. Шумъ отъ пробужденія людей, заставилъ меня вспомнить объ окружающей обстановкѣ.

День уже начинался и сквозь разсѣявшійся туманъ я увидѣлъ палатки своего бивуака, стоявшія въ сплошной глубокой по-колѣно грязи, занесенныя хлопьями мокраго снѣга.

Благодаря костру, передъ моего пальто былъ сухъ, но спина, совершенно промокла. Дрожь пробѣгала по тѣлу и вернула къ дѣйствительности. Турки стояли смирно; батарея наша молчала и я улегся спать.

27-го ноября къ намъ подошли остальныя батальоны лейбъ-гвардіи Егерскаго полка и было рѣшено выступленіе моего и Павловскаго ба-

тальоновъ на позицію у Арабъ-Конака. Сборы были не долги; но уйти изъ Врачеша не пришлось вплоть до 29-го числа, потому, что хотя графъ Шуваловъ требовалъ нашего прибытія, но генералъ Эттеръ отпустить не могъ, въ виду приказанія начальника отряда, отправить насъ лишь по прибытіи къ Орханіе лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, котораго еще не было.

29-го ноября въ 8 час. утра мы выступили изъ дер. Врачешъ и двинулись къ югу по софійскому шоссе.

Легкій морозъ сгладилъ его поверхность, а свѣжій воздухъ позволялъ дышать полною грудью.

Простоявъ 11 дней на позиціи, пріятно было сдѣлать переходъ по большой дорогѣ не рискуя каждую минуту упасть, какъ это приходилось во время путешествій нашихъ у Правецъ и 17-го числа, когда хватались за кусты и камни, чтобы не полетѣть въ пропасть или скатиться на собственныхъ салазкахъ. Дорога шла между высокими горами большихъ Балканъ, къ которымъ мы уже приглядѣлись на столько, что никому и въ голову не приходило любоваться ихъ дикою природою и утопающими въ облакахъ вершинами.

Шумъ быстраго теченія горныхъ ручейковъ и крутыя подъемы окружающихъ возвышенностей, останавливали на себѣ вниманіе только какъ препятствія при движеніяхъ или удобства боевой позиціи.

Пройдя нѣсколько верстъ, мы встрѣтили адъютанта гвардейской стрѣлковой бригады, передавшаго приказаніе графа Шувалова, идти какъ можно скорѣе, въ виду того, что съ выступленіемъ стрѣлковой бригады съ Арабъ-Конакской позиціи, на ней почти не осталось никакихъ резервовъ.

Черезъ нѣсколько времени пути, я увидѣлъ стрѣлковые батальоны, остановившіеся на привалъ у шоссе, причемъ командиръ бригады генералъ Эллисъ подтвердилъ тоже приказаніе.

Но торопить батальонъ не приходилось, такъ какъ роты шли очень бойко и хорошо, и мы скоро увидѣли бивуакъ нашего 1-го батальона, расположенный съ правой стороны шоссе, а съ лѣвой тянулся артиллерійскій паркъ, съ примерзшими къ землѣ колесами его ящиковъ, запасныхъ лафетовъ и повозокъ. Это былъ резервъ отряда графа Шувалова у Арабъ-Конакской позиціи, высившійся на вершинахъ трехъ и четырехъ тысячъ футъ отъ уровня моря.

У бивуака насъ встрѣтилъ командующій полкомъ, полковникъ Гриппенбергъ, котораго мы отъ души поздравили съ блестящимъ успѣхомъ въ дѣлѣ 21-го ноября, и услышали, что сегодняшній день, вѣроятно, будетъ считаться великимъ днемъ настоящей кампаніи вслѣдствіе того, что, по извѣстіямъ, полученнымъ изъ-подъ Плевны, Османъ-паша вышелъ со всею своею арміею и ударилъ на позицію, занятую 3-ю гренадерскою дивизіею; бой продолжается и результатъ его еще неизвѣстенъ.

Трудно опредѣлить чувства, заговорившія въ груди, отъ этой новости.

Въ удачномъ исходѣ боя нельзя было сомнѣваться, зная духъ нашей плевненской арміи и ожесточеніе ее противъ турецкаго гарнизона, сдѣлавшаго Плевну тормазомъ кампаніи и покрывшую окрестныя горы и поля безвременными могилами, беззавѣтно павшихъ многихъ тысячъ русскихъ воиновъ.

Мысль о вѣроятномъ паденіи ея и достойной отмѣткѣ Осману, наполняла собою все существо какою-то новою, неиспытанною еще свѣтлою радостью.

Миновавъ бивуакъ 1-го батальона, мы увидѣли скромную землянку графа Шувалова, недоставлявшую своему обитателю не только извѣстнаго комфорта, но и лишенную тѣхъ возможныхъ удобствъ, которыя могъ и даже долженъ былъ имѣть нашъ командующій дивизіею.

Графъ вышелъ встрѣтить батальонъ и, какъ всегда, былъ любезенъ съ офицерами и внимателенъ къ солдатамъ.

Поздоровавшись съ людьми, графъ Шуваловъ сказалъ: „Поздравляю васъ, ребята, съ молодецкими подвигами вашего командира и товарищей". „Покорнѣйше благодаримъ, ваше сіятельство", раздалось по рядамъ и громкое „ура" загремѣло по шоссе, перекатываясь эхомъ по ущельямъ окрестныхъ горъ.

Принявъ рапортъ, графъ переспросилъ меня о числѣ штыковъ въ батальонѣ и услышавъ, что всего 400 штыковъ, сказалъ: „какъ-бы это сдѣлать, чтобы увеличить ихъ?"

Затѣмъ, пропуская мимо себя батальонъ, графъ вывелъ изъ рядовъ молодаго, очень толстаго, солдата и обратясь къ своему штабу сказалъ: „вотъ какіе есть еще молодцы въ Московскомъ полку, имъ и походъ не почемъ, такой одинъ сослужитъ за многихъ и увеличитъ число штыковъ въ батальонѣ".

Недалеко отъ ставки начальника отряда арабъ-конакской позиціи стоялъ на бивуакѣ 2-й батальонъ полка, впереди котораго, по лѣвую сторону шоссе, было указано мѣсто для моего батальона.

А. Я. Ляпуновъ вышелъ къ намъ на встрѣчу и мы крѣпко поцѣловались съ нимъ, какъ однимъ изъ героевъ недавняго славнаго московскаго дѣла.

Затѣмъ составили ружья, разбили палатки и какъ истые цыгане сразу почувствовали себя дома.

Окончивъ съ распоряженіями по устройству бивуака я отправился къ командующему полкомъ, чтобы получить дальнѣйшія приказанія, но не найдя его на шоссе, воспользовался первою свободною минутою, чтобы повидать старыхъ товарищей 1-го батальона.

Оживленная бесѣда и предложенный мнѣ завтракъ были прерваны криками „ура", совершенно неожиданно раздавшимися по всему бивуаку.

Услышавъ ихъ невольно подумалось о полученіи извѣстія о сдачѣ Плевны; а выбѣжавъ изъ палатки мы увидѣли генералъ-адъютанта Гурко, объѣзжавшаго батальоны и громко поздравлявшаго съ побѣдою надъ Османомъ и плѣненіемъ его со всею плевненскою арміею. „Вашего дѣла тутъ много, говорилъ генералъ: — сначала Горный Дубнякъ, а потомъ послѣдующія движенія и дѣла, не позволившія арміи Шефкета соединиться, или выйти на помощь Осману".

Командующій войсками благодарилъ солдатъ, а они неистовали, крича „ура" и бросая вверхъ шапки.

Всеобщая радость была такъ велика, что день казался какимъ то великимъ и торжественнымъ праздникомъ.

Поворачивая у моего батальона назадъ, генералъ-адъютантъ Гурко обратился къ сопровождавшей его свитѣ и спросилъ: „а гдѣ командиръ?" когда же флигель-адъютантъ Гриппенбергъ выѣхалъ впередъ, то генералъ подалъ ему руку, говоря: „благодарю васъ, вамъ много обязаны".

Съ отъѣздомъ командующаго войсками началось празднованіе паденія Плевны и ко мнѣ на бивуакъ пришелъ извѣстный чуть-ли не всему отряду, старый кавалерійскій дивизіонеръ, прося угостить его по этому случаю, рюмкою коньяку.

Всѣ офицеры собрались въ мою палатку, съ каждымъ изъ нихъ онъ пилъ отдѣльно, потомъ пили вмѣстѣ и кончилось тѣмъ, что старикъ лихо сѣлъ на коня и уѣхалъ, а молодые проспали обѣдъ и чувствовали тяжесть головы.

Ночь на 30-е число была холодна; къ утру морозъ еще увеличился и въ палаткахъ вода покрылась толстымъ слоемъ крѣпкаго льду, поэтому всѣ рано поднялись и начали хлопотать около догаравшихъ костровъ, стараясь какъ можно скорѣе увеличить огонь и согрѣться чаемъ.

Бѣсѣдуя съ офицерами я узналъ, что 3-й батальонъ вновь поднялся, на такъ называемую, Павловскую гору, а 1-й и 2-й высылаютъ, по очереди, двѣ роты въ прикрытіе артиллеріи въ ущелье на шоссе противъ арабъ-конакскаго редута и одну роту на гребешекъ между Павловскою и Финлядскою горами, для поддержанія связи между ними, причемъ рота эта обнаруживаетъ свое присутствіе, подавая сигналы: въ 12 час. дня—марша, а въ 9 час. вечера—зори.

Въ сумерки за мною прислалъ командующій полкомъ и передалъ приказаніе графа Шувалова подняться завтра утромъ на крайнюю высоту, съ лѣвой стороны шоссе, и смѣнить тамъ 2-й батальонъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, занимающій позицію на которой, во время боя 21-го ноября, стоялъ нашъ 1-й батальонъ.

При этомъ полковникъ Гриппенбергъ сказалъ, что зная, какую трудную службу пришлось за послѣднее время нести моему батальону, графъ Шуваловъ сожалѣетъ, что не можетъ оставить его отдохнуть на шоссе,

но что, вѣроятно, батальону не придется пробыть на позиціи болѣе 3-хъ — 4-хъ дней, въ виду предположенія объ отводѣ полка на отдыхъ въ гор. Орханіе.

1-го декабря, въ 9-мъ часу утра, батальонъ выстроился на обочинѣ шоссе, ожидая прибытія командующаго полкомъ и выдачи георгіевскихъ крестовъ за дѣло у дер. Правецъ. Украшенные новыми кавалерами, мы двинулись въ горы, опять отдѣляясь отъ полка и поступая подъ начальство генерала Дандевиля, командовавшаго лѣвымъ флангомъ передоваго отряда.

Подъемъ до уступа на полу-горѣ былъ такъ крутъ, что не разъ приходилось становиться на четвереньки, чтобы не скатиться внизъ; впрочемъ, люди поднялись благополучно и только одна изъ вьючныхъ лошадей сорвалась у самаго гребня и кубаремъ полетѣла внизъ, но уцѣлѣла благодаря счастливому случаю, подставившему ей на дорогѣ приземистый и корявый, но крѣпкій дубовый кустъ, въ который и уперлась спиною перепуганная лошадь.

За уступомъ подъемъ шелъ нѣсколько отложе и горы были покрыты лѣсомъ, среди котораго высились вѣковыя буки и чинары, обхвата въ два толщины.

Воздухъ замѣтно становился рѣже и температура его понижалась на столько, что въ нѣкоторыхъ лощинахъ лежалъ снѣгъ, чего внизу еще небыло.

Часа черезъ два пути мы вышли на поляну, часть которой была огорожена изгородью, а у новаго подъема стоялъ коническій шалашъ, искустно заплетенный вѣтвями, поверхъ крѣпкой основы изъ толстыхъ буковыхъ жердей.

Шалашъ былъ совершенно пустъ и обитатели его, вѣроятно, давно уже бѣжали, такъ какъ ни что не напоминало въ немъ недавняго жилья.

На эту поляну выходила дорога, подымаясь по которой пришлось нѣсколько разъ переходить свѣтлые ручейки, берущіе свое начало изъ хрустально-чистыхъ, горныхъ, родниковыхъ ключей.

Скоро подъемъ снова сдѣлался круче и мы, проведя болѣе 4-хъ час. въ пути, добрались, наконецъ, до строющихся землянокъ 2-го батальона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

Гора, на которой приходилось стоять моему батальону, составляла восточную окраину ущелья софійскаго шоссе, передъ Арабь-Конакомъ, и представляла собою довольно значительный выступъ изъ общаго кряжа, подымающагося выше и тянувшагося къ востоку.

На вершинѣ у шоссе была выстроена 4-хъ-орудійная батарея съ траверсами, нѣсколько впереди и въ стороны, отъ которой находились два небольшихъ ложемента, а сзади—неоконченный редутъ, извѣстный на позиціи генерала Дандевиля подъ № 1-мъ.

Шагахъ въ 200 впереди батареи и параллельно ей, шелъ небольшой бугоръ маскировавшій ее со стороны турецкихъ укрѣпленій, отчетливо видныхъ, начиная отъ большаго арабъ-конакскаго редута съ редюитомъ, вплоть до самаго высшаго изъ нихъ, расположеннаго на Шандорникѣ и прозваннаго Небеснымъ.

Влѣво отъ батареи постепенно подымался узкій гребень горы, заворачивающій на сѣверо-востокъ и образующій за собою полукруглую котловину, въ которой стояли землянки смѣняемыхъ мною измайловцевъ.

Сѣверная часть котловины, подымаясь вверхъ, сравнивалась съ общею поверхностью, покрытой густымъ лѣсомъ, вершины горы и забирая назадъ и влѣво соединялась съ слѣдующими, занятыми отрядомъ генерала Дандевиля, до котораго, благодаря постояннымъ подъемамъ и спускамъ, было не менѣе 2-хъ часовъ ходьбы.

На батареѣ стояло 4 орудія, 2-го дивизіона 5-й батареи лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, подъ командою штабсъ-капитана Мейнбаума, въ прикрытіе которымъ помѣщалась въ редутѣ полу рота отъ дежурной роты, занимавшей сторожевую цѣпь по южному склону горы и двѣ заставы: 1-я въ ложементѣ у батареи и 2-я близь юго-восточнаго угла гребня.

Кромѣ того, одинъ унтеръ-офицерскій постъ выдвигался въ секретъ на каменный утесъ, клиномъ вдававшійся къ непріятельскому перевалу и нѣсколько человѣкъ посылалось въ пустой люнетъ, выстроенный между горою, занятою моимъ батальономъ и позиціею прочихъ частей отряда генерала Дандевиля, для того, чтобы въ теченіи дня показываться на брустверѣ, а ночью разводить нѣсколько большихъ костровъ, чѣмъ вводить въ обманъ непріятеля относительно занятія нами позиціи и силъ на ней расположенныхъ. Смѣнивъ измайловцевъ я поставилъ батальонъ на бивуакъ въ котловинѣ, лѣвѣе строившихся землянокъ, а офицеры разбили палатки сзади, на возвышенности.

Утро 2-го декабря прошло въ осмотрѣ видимыхъ намъ 5-ти непріятельскихъ редутовъ.

Красныя фески и синія куртки часто показывались въ ложементахъ, вырытыхъ по склону противоположныхъ возвышенностей и на гребнѣ горъ между редутами, изъ которыхъ ближайшій къ намъ, большой арабъ-конакскій, отстоялъ на 1500 саж., какъ говорилъ старожилъ позиціи, штабсъ-капитанъ Мейнбаумъ, успѣвшій удачно пристрѣляться къ нему, ставя прицѣлъ на эту дистанцію.

Ружейный огонь былъ немыслимъ, а неприступные страшные обрывы на склонѣ нашей горы, обращенномъ къ туркамъ, позволяли спокойно стоять, какъ говорится, ожидая у моря погоды, за исключеніемъ ясныхъ дней, въ которые обыкновенно открывалась артиллерійская канонада со всѣхъ батарей обѣихъ непріятельскихъ позицій.

Но такъ какъ нѣтъ правилъ безъ исключенія, то 2-е декабря, несмотря на солнечную погоду и ружейный огонь, открытый съ позиціи графа Шувалова по не большимъ частямъ турецкой пѣхоты, двигавшимся на Арабъ-Конакѣ,—прошелъ безъ общаго артиллерійскаго боя и только частые сигналы, подаваемые у непріятеля, да одиночная ружейная перестрѣлка на аванпостахъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, напоминали о близкомъ сосѣдствѣ турокъ, рѣшительное столкновеніе съ которыми должно было произойти въ непродолжительномъ времени для того, чтобы, сдѣлавъ послѣдній шагъ, перешагнуть черезъ Балканы.

Осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ жительства, пришлось убѣдиться, что будучи обезпечены отъ фронтальныхъ атакъ непріятеля, мы въ тоже время совершенно изолированы отъ своего полка и отряда генерала Дандевиля, вслѣдствіе чего ждать кого-либо къ себѣ на позицію, а вмѣстѣ съ тѣмъ узнать какіе-бы то не было новости не приходилось. По счастью, перспектива эта не очень пугала, такъ какъ рѣдкія товарищескія отношенія между всѣми офицерами батальона давали надежду, что мы не надоѣдимъ другъ другу до невозможности и не набьемъ оскомины, повтореніемъ тѣхъ-же разсказовъ и разсужденій.

Другое дѣло было одинокому Мейнбауму, котораго мы пригласили въ свою артель и съ удовольствіемъ включили въ число членовъ нашей батальонной семьи, состоявшей въ то время всего изъ 7-ми человѣкъ.

Вечеръ прошелъ чрезвычайно оживленно. Усѣвшись у большаго костра, мы долго бесѣдовали, но не о театрѣ войны, бывшихъ или ожидающихъ насъ военныхъ дѣйствіяхъ, а о музыкѣ и ея извѣстныхъ представителяхъ, петербургскомъ обществѣ, приличіяхъ свѣта и, наконецъ, клубахъ и общественныхъ удовольствіяхъ, причемъ разошлись во взглядахъ и долго оппонировали другъ другу, хотя и совершенно безполезно, такъ какъ къ соглашенію не пришли.

Нелишнимъ считаю сказать, что темы нашего разговора явились вслѣдствіе усиленно ходившихъ слуховъ о начавшихся мирныхъ переговорахъ и скоромъ окончаніи кампаніи.

Являлись смѣльчаки назначавшіе даже день заключенія перемирія и обратнаго выступленія нашихъ войскъ для возвращенія на родину.

Слухи росли и хотя перепутывались съ другими, гласившими о переходѣ Балканъ и движеніи къ Царьграду, но вѣрили обоимъ, смотря по минутному настроенію духа и окружающей обстановкѣ.

На другой день, для осмотра нашей позиціи, былъ присланъ ординарецъ графа Шувалова, который, отдыхая у костра, послѣ труднаго подъема на гору, разсказомъ своимъ подтверждалъ слухъ о переходѣ Балканъ и убивалъ противоположный—о перемиріи.

Отъ него мы услышали, будто генералъ Гурко, объѣзжая правый флангъ нашей позиціи, сказалъ, что сегодня, 3-го декабря, выступили

къ намъ изъ-подъ Плевны: 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и 9-й корпусъ генерала Криденера, съ тѣмъ, чтобы 3-й гвардейской и одной армейской пѣхотнымъ дивизіямъ двинуться въ обходъ лѣваго фланга турокъ на Чурьякъ и Потопъ, а другой армейской дивизіи присоединиться къ отряду графа Шувалова.

Разсказъ этотъ показывалъ, что несмотря на паденіе Плевны и пораженіе Сулеймана у дер. Красной, война будетъ продолжаться и слухи о мирныхъ переговорахъ останутся тѣми-же ни на чемъ неосновательными слухами и не вернутъ насъ съ Балканъ, перейдя которыя прямой путь лежитъ на заманчивую, въ силу народныхъ преданій, нѣкогда православную столицу царя Константина съ ея древнею святынею Софійскаго храма.

Простившись съ ординарцемъ, мы уже не говорили о музыкѣ и не спорили о клубахъ, а старались приглядѣться къ окружающимъ насъ трущобамъ, чтобы найти возможность перехода ихъ подъ выстрѣлами, высившихся подъ небесами и казавшихся неприступными, турецкихъ твердынь.

Затѣмъ, я получилъ записку отъ генералъ-маіора Дандевиля, которою требовалось ежедневное сообщеніе свѣдѣній о числѣ людей, прибыли и убыли ихъ, наличнаго состава продовольственныхъ запасовъ и количествѣ патроновъ на каждое ружье. Причемъ въ примѣчаніи было сказано: „Прикладывайте журналъ наблюденій штабсъ-капитана Мейнбаума, который вамъ подчиненъ, такъ какъ позиція ваша, какъ отдѣльная отъ общей, должна состоять вся подъ вашимъ начальствомъ“.

Утромъ я посылалъ команду за пріемкою скота, спирта, сухарей и фуража изъ полковыхъ складовъ, устроенныхъ внизу, на шоссе, близь бивуака 1-го батальона.

Благодаря этимъ складамъ и обязательной дер. Врачешъ, люди получали ежедневно по 2 фунта мяса, чаркѣ спирта и были сыты, несмотря на то, что дача сухарей не превышала 1 фунта на человѣка въ день, что составляло нѣкоторое лишеніе въ виду того, что по всѣмъ извѣстной, привычкѣ хлѣбъ играетъ главную роль въ питаніи русскаго человѣка.

Офицеры тоже получали мясо и спиртъ, но хлѣба не было, вслѣдствіе чего выпеченный намъ, передъ выступленіемъ изъ Врачешъ, благодаря любезности завѣдывающаго хлѣбопеченіемъ въ гор. Орханіе, давно уже приходилъ къ концу и мы экономили имъ, съѣдая по небольшому ломтику за обѣдомъ и ужиномъ, несмотря на то, что хлѣбъ этотъ былъ твердъ какъ камень и разсыпался мелкими крошками.

Деньги были, но купить что-либо было негдѣ, въ подтвержденіе чего привожу слѣдующій пунктъ парольнаго приказанія по лѣвому флангу передоваго отряда, отъ 3-го декабря 1877 года, изъ котораго можно видѣть, что предлагали намъ услужливые маркитанты въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они появлялись у передовыхъ отрядовъ.

„Маркитантомъ Львовымъ доставлено къ моей ставкѣ: 15 фунт. сахару; 15 бутылокъ меду; 28 фляжекъ коньяку; 6 ф. свѣчей; 5 ф. рису; 5 ф. макаронъ; 5 ф. вермишели; 5 ф. чаю и 20 бѣлыхъ хлѣбовъ.

„Объявляя о семъ по отряду, предлагаю гг. офицерамъ, желающимъ пріобрѣсти что-либо изъ упомянутыхъ продуктовъ, обращаться“ и т. д.

Прочитавъ эти строки мы повеселѣли, но не надолго, такъ какъ все это богатство предназначалось для офицеровъ 6-ти армейскихъ, 5-ти гвардейскихъ батальоновъ и артиллеристовъ трехъ батарей, т. е. чутьли не на 100 человѣкъ.

Подумали, посчитали и кончили тѣмъ, что незаявили даже желанія урвать что-нибудь въ виду того, что надѣялись получить кое-какую провизію изъ г. Никополя, куда былъ командированъ офицеръ для различныхъ закупокъ.

Хуже всѣхъ приходилось лошадямъ, ячмень еще былъ, но сѣно доставалось микроскопическими порціями и то въ рѣдкихъ случаяхъ; а соломы не было вовсе, вслѣдствіе чего бѣдняги по-неволѣ занимались астрономіей, считая звѣзды за неимѣніемъ фуража.

Между тѣмъ зима входила въ свои права и морозъ держался не-только ночью, но и въ теченіи всего дня. Спуски и подъемы обледѣнели и сообщеніе на позиціи настолько затруднилось, что мы всѣ обзавелись длинными палками, безъ которыхъ нельзя было сдѣлать даже нѣсколько шаговъ.

На горизонтѣ показались снѣговыя тучи и одна изъ нихъ, посѣтивъ нашу гору, поразила новостью невиданной еще картины и неиспытаннаго ощущенія.

Плотною тяжелою массою надвигалась она, постепенно разростаясь все выше и выше, закрывая непроницаемою свинцовою стѣною весь видимый горизонтъ съ его голубымъ небомъ и ярко свѣтившимъ солнцемъ.

Верхъ этой, быстро приближающейся, стѣны какъ-бы дымился отъ солнечныхъ лучей и легкіе обрывки ея летѣли клубами бѣлаго прозрачнаго пара.

Картина была подавляюще хороша, но чрезвычайно непродолжительна и залюбовавшись ею, мы неуспѣли оглянуться, какъ очутились среди густой, молочнаго цвѣта, мглы, сразу покрывшей инеемъ всю вершину горы со всѣмъ на ней находящимся. Побѣлѣвшія бороды наши до того обмерзли, что стояли коломъ; дыханіе захватывало, а на груди лежала камнемъ эта сплошная, застывшая масса водяныхъ паровъ, сквозь которую съ трудомъ различались предметы, отстоящіе на разстояніи какихъ-нибудь 10—20 шаговъ.

Тучамъ понравились, вѣроятно, вершины нашихъ Балканскихъ высотъ и, пріютившись на нихъ, они въ теченіи нѣсколькихъ дней окутывали насъ своею холодною сыростью и мглою, заставлявшими жить въ

кругозорѣ нѣсколькихъ шаговъ, за которыми стлалась дымчатая завѣса, отодвигавшаяся при приближеніи къ ней и постепенно скрывавшая отъ взора только-что оставленные за собою предметы.

Выстрѣлы на всей позиціи почти прекратились и жизнь какъ будто съузилась въ этомъ заколдованномъ кругѣ.

Бездѣйствіе, вызванное погодою и обстоятельствами, различные недуги, чувствовавшіеся вслѣдствіе трехмѣсячнаго пребыванія въ палаткахъ или подъ открытымъ небомъ и, наконецъ, постоянная неизвѣстность не только того, что принесетъ съ собою завтрашній день, но даже слѣдующій часъ,—дѣлали обѣденныя сборища наши менѣе продолжительными и оживленными, а среди разговоровъ слышались иногда минорныя нотки, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о томъ, что нашъ полкъ не пойдетъ, подобно нѣкоторымъ другимъ, на отдыхъ въ гор. Орханіе, а останется на неопредѣленное время на своихъ позиціяхъ. Палатки мало укрывали отъ зимней непогоды, а перспектива долгаго сидѣнья на горахъ заставила приступить къ постройкѣ землянокъ, которыя выросли какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, благодаря тому, что солдаты не знали, чѣмъ заполнить свободное время, котораго оставалось больше, чѣмъ надо. Службу въ сторожевой цѣпи приходилось нести черезъ три дня въ четвертый; за продуктами ходило только по нѣсколько человѣкъ съ каждой роты, вслѣдствіе чего единственными занятіями и развлеченіями были: рубка дровъ, бой и дѣлежъ порціоннаго скота и почти непрерывная варка пищи въ маленькихъ турецкихъ и своихъ равцевыхъ котелкахъ.

Затѣмъ, сонъ въ теченіи дня и выжиганье, ночью, рубахъ отъ мелкихъ враговъ, давно уже одолѣвшихъ солдатъ, позабывшихъ баню и неимѣвшихъ лишнихъ перемѣнъ бѣлья.

6-го декабря православнаго Николу вспомнили мы и на бусурманскихъ Балканахъ; всю ночь шелъ снѣгъ, не прекратившійся и днемъ. Выпало его вершка на три, а жилье наше занесло совсѣмъ. Морозъ крѣпчалъ, пощипывая уши и заставляя бить въ ладоши, а ноги сами плясали отъ таявшаго на сапогахъ снѣга.

Скучая однообразіемъ, мы всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали этого дня: офицеры—чтобы справить имянины товарища, т. е. выпить передъ обѣдомъ, вмѣсто вонючаго спирта, рюмку коньяку, сберегавшагося съ общаго согласія уже нѣсколько дней, вмѣстѣ съ коробкой сардинъ и кускомъ голландскаго сыра, раздобытаго въ Орханіе у маркитанта; а солдаты—въ виду ротнаго праздника 15-й роты, который хотя не приносилъ съ собою ничего кромѣ ежедневной варки и обычной чарки спирта, но зато послѣдняя должна была быть выпита не просто, а съ нѣкоторою помпою.

Роту выстроили и, по очереди, приходили поздравить съ праздни-

комъ: суболтернъ-офицеръ, ротный и батальонный командиры. Благодарили за службу и предлагали тосты, начиная съ желанія здоровья Государю Императору и кончая нижними чинами и ихъ ближайшимъ начальствомъ. Солдаты кричали „ура“, подходили къ боченку и выпивали свою чарку съ глубокимъ сознаніемъ необходимости, этого единственно исполнимаго, наружнаго обряда уваженія къ празднику.

Снѣгъ не позволилъ офицерамъ обѣдать у костра и всѣ собрались въ мою палатку, грѣшившую по наружному виду противъ установленной формы тѣмъ, что очертаній ея небыло видно изъ-за снѣговаго заноса, закрывавшаго палатку какъ-бы большою круглою шляпою, снятою деньщиками уже два раза въ теченіи нѣсколькихъ часовъ времени и вновь нахлобучившеюся.

Палатка была связана изъ четырехъ полотнищъ; два составляли крышу, а другія два, сложенныя угломъ, заднюю стѣну и входъ. Длина каждой стороны не превышала 3—3½ аршинъ, а вышина была такъ незначительна, что человѣкъ не большаго роста едва могъ стоять въ самой серединѣ ея, поэтому, чтобы не сгибать спину во время продолжительной стоянки, внутренность палатки была углублена почти на аршинъ.

Спать на мерзлой землѣ я находилъ не совсѣмъ удобнымъ, а такъ какъ складная походная кровать осталась въ обозѣ, то пришлось устроиться на носилкахъ, имѣя вмѣсто тюфяка охапку сѣна, покрытаго кавказскою буркой. Барабанъ исполнялъ должность стола, а воткнутый въ землю штыкъ—подсвѣчника.

Такимъ образомъ, обстановка была не безъ нѣкотораго комфорта, относительно нѣкоторыхъ младшихъ товарищей не пользовавшихся услугами носилокъ или барабановъ, за недостаткомъ ихъ.

Заговоривъ объ устройствѣ палатки не могу умолчать и о другихъ подробностяхъ нашего житья на Балканахъ.

Обѣдая обыкновенно въ шестеромъ (седьмой, какъ дежурный, былъ въ сторожевой цѣпи или на батареи) приходилось сидѣть чуть не другъ на другѣ—трое на носилкахъ, а остальные на барабанахъ. Тарелки держали на колѣняхъ и зорко смотрѣли, чтобы не толкнуть сосѣда и тѣмъ не лишить ѣды, состоявшей изъ супа или, вѣрнѣе, мутнаго кипятку, въ которомъ варилась, безъ приправы, баранина или козлятина, а изрѣдка и говядина; а затѣмъ неизбѣжныхъ битковъ.

Иногда блюда эти варьировались мозгами, бычачьею печенкою и отварнымъ языкомъ.

Обѣдъ готовился на кострѣ и потому припахивалъ дымомъ, а благодаря морозамъ и желѣзнымъ эмалированнымъ тарелкамъ, подавался неиначе, какъ съ слоемъ застывшаго сала, плавающаго на супѣ и плотно придерживающимъ битокъ по серединѣ тарелки. Не очень шли въ горло подобныя яства и не выпивши спирту нельзя было и притронуться къ

нимъ, а тутъ, какъ на зло, убійственный запахъ его удерживалъ въ рукѣ чарку, вызывая весьма непріятное воспоминаніе о выпитой наканунѣ.

Не не умирать-же съ голоду и не отказываться отъ благодѣтельной рюмки водки, поэтому благодаря нуждѣ, которая скачетъ, пляшетъ и пѣсенки поетъ, мы придумали разбавлять спиртъ крѣпко настоеннымъ чаемъ, который отбивалъ запахъ сивушнаго масла и дѣлалъ его возможнымъ къ употребленію.

Лакомство, какъ закуску, представлялъ привезенный изъ Никополя совершенно черствый и промерзшій насквозь бѣлый хлѣбъ. Мы подѣлили его между собою и ѣли, отрубая маленькими кусками и поджаривая на крышкахъ солдатскихъ котелковъ въ буйволовьемъ, съ шерстью, маслѣ, добытомъ въ дер. Врачешъ. Рисъ, вывезенный оттуда-же, служилъ единственною приправою нашихъ болѣе чѣмъ скромныхъ обѣденныхъ блюдъ.

Понятно, что подобная пища и суровая обстановка жизни не могли не отозваться на здоровье, но благодаря рѣдкой выносливости человѣческаго организма никто изъ насъ не поплатился серьезно и всѣ заболѣванія окончились благополучно тутъ-же въ горахъ, при помощи хинина и разныхъ капель, имѣвшихся у офицеровъ. Доктора съ батальономъ не было, а спускаться внизъ для совѣтовъ съ нимъ и леченія было равносильно оставленію строя и товарищей въ то время, когда не сегодня, такъ завтра можно было ожидать боя и такого знаменательнаго событія, какъ зимній переходъ Балканъ, считавшійся невозможнымъ нашими благопріятелями Западной Европы.

Празднованье имянинъ Н. В. Коршунова удалось вполнѣ. Плохенькій коньякъ и закуски казались прелестными, а за послѣобѣденнымъ чаемъ мы имѣли лимонъ, поднесенный Мейнбаумомъ и представлявшій большую рѣдкость. Лимонъ этотъ былъ очень сомнительнаго вида, но оказался съѣдомымъ, вслѣдствіе чего послужилъ темою для разговора, въ которомъ біографія его была такъ подробно описана, что въ другое время ей могъ-бы позавидовать и не очень самолюбивый смертный.

Снѣгъ задержалъ насъ въ палаткѣ вплоть до самаго вечера и только почувствовавъ сильную головную боль отъ угара, мы вышли на свѣжій воздухъ и усѣлись у общаго большаго костра, постоянно горѣвшаго у палатки Н. А. Рехенберга. Угаръ произошелъ вслѣдствіе упавшихъ въ яму съ горячимъ углемъ обрѣзковъ сыра и пустой коробки отъ сардинъ.

Яма эта составляла необходимую принадлежность каждой офицерской палатки и замѣняла собою жаровню или, по мѣстному выраженію, „мангалъ“. Насыпанная до верху горячими углями, она согрѣвала воздухъ въ палаткѣ, давая возможность отогрѣвать руки и ноги, отказывавшіеся отъ исполненія своихъ обязанностей вслѣдствіе постояннаго мороза и таянія падающаго на нихъ снѣга.

Перегорѣлый уголь потухалъ скоро, поэтому часто приходилось за-

мѣнять его новымъ и угарный запахъ почти не выводился въ палаткѣ отъ желѣзной лопаты, на которой приносили уголь, и горѣнія древесныхъ корней, попадавшихся въ краяхъ ямы.

Вплоть до 11-го декабря туманъ не разсѣявался и снѣгъ шелъ почти безпрерывно, покрывъ нашу гору болѣе чѣмъ на аршинъ глубины.

Землянки и палатки приходилось откапывать по нѣсколько разъ въ день, а сообщеніе на позиціи затруднилось до невозможности и обходить ее приходилось не иначе какъ тотчасъ послѣ смѣны дежурныхъ ротъ, чтобы воспользоваться тропинками, протоптанными сотнями ногъ шедшими гуськомъ по одному направленію. Упираясь на палку кое-какъ взбираешься по скользкой дорожкѣ, а спускаясь внизъ летишь какъ птица; но если, желая удержать невольный бѣгъ, чуть поставишь ногу на непримятую поверхность снѣга, то моментально проваливаешься въ него выше пояса и не сразу вылѣзешь на твердую дорогу.

Морозъ крѣпчалъ съ каждымъ днемъ и зима окончательно установилась, напоминая собою нашу матушку россійскую зиму.

Полушубковъ не было и къ слухамъ объ увеличивающемся процентѣ солдатъ ознобившихся на позиціи, присоединялся другой — объ замерзшихъ на смерть.

Боясь за своихъ, я приказалъ разложить небольшіе костры и постоянно поддерживать ихъ на всѣхъ постахъ сторожевой цѣпи, несмотря на то, что распоряженіе это шло въ разрѣзъ съ уставными правилами, гласящими о возможно скрытомъ расположеніи постовъ и разрѣшающими имѣть огонь только на главныхъ караулахъ.

Значительное разстояніе отъ непріятеля, недопускавшее ружейнаго огня, заставило меня рискнуть обнаружить свои посты въ томъ предположеніи, что турки не откроютъ по нимъ орудійныхъ выстрѣловъ вслѣдствіе слишкомъ незначительной цѣли, представляемой тремя солдатами и малаго вѣроятія попасть въ нее съ разстоянія 1500 саженъ. Пробраться-же ко мнѣ между постами врядъ-ли было возможно благодаря страшной кручѣ ската горы и завалившаго его снѣга.

Предположеніе мое оправдалось и не потерявъ ни одного солдата отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, я въ тоже время не имѣлъ ни одного отмороженнаго за всѣ три недѣли зимняго стоянія батальона на высотѣ большихъ Балканъ, потому что часовые часто смѣнялись и тотчасъ-же могли отогрѣться у своего костра.

11-го декабря туманъ сталъ подыматься; паденіе снѣга прекратилось и погода разъяснилась настолько, что мы увидѣли скрытую такъ долго отъ насъ турецкую позицію, съ ея громадными редутами и красными фесками рѣзко выдѣлявшимися на бѣломъ фонѣ снѣжной пелены, покрывавшей собою все видимое пространство.

Движеніе турокъ на позиціи оживляло картину, а масса ихъ ви-

днѣвшаяся въ редутахъ и ложементахъ показывала, что однимъ морозомъ ихъ не выживешь и поневолѣ приходила на умъ необходимость рѣшенія трудной задачи военныхъ дѣйствій на малодоступныхъ горахъ съ ихъ кручами и пропастями, скрытыми отъ глазъ глубокимъ снѣгомъ, представлявшимъ громадное затрудненіе при движеніяхъ даже по ровной мѣстности.

Ружейные выстрѣлы на аванпостахъ нашего праваго фланга и шипѣнье двухъ гранатъ, пущенныхъ турками по направленію къ лѣвому флангу, привѣтствовали наступленіе ясной погоды; но на этотъ разъ все тѣмъ и окончилось.

Между тѣмъ, записка, полученная снизу, увѣдомляла о предстоящемъ присоединеніи моего батальона къ полку и ожидавшемся движеніи полка на Чурьякъ въ обходъ непріятельской арабъ-конакской позиціи.

Вечеромъ, какъ-бы въ подтвержденіе этому слуху, я прочиталъ въ приказѣ Его Высочества принца А. П. Ольденбургскаго, принявшаго отъ генерала Дандевиля начальство надъ лѣвымъ флангомъ передоваго отряда, слѣдующій пунктъ:

„Завтра, 12-го декабря, 4-му батальону лейбъ-гвардіи Московскаго полка выступить на позицію графа Шувалова послѣ смѣны этого батальона частями лейбъ-гвардіи Егерьскаго полка". Надо сказать, что егеря и семеновцы смѣнили на горахъ бригаду генерала Дандевиля, спущенную внизъ для отдыха, укомплектованія людьми и приведенія въ порядокъ обмундированія и обуви, пришедшихъ въ ужасный видъ отъ безсмѣннаго пребыванія на позиціи съ 16-го ноября, тяжелой службы и работъ, выпавшихъ на ея долю.

Получивъ приказъ мы поторопились сборомъ и укладкою своего не хитраго имущества и къ разсвѣту 12-го декабря были готовы къ выступленію. Желаніе присоединиться къ полку и начать движеніе, а вмѣстѣ съ нимъ покончить съ скучнымъ выжидательнымъ положеніемъ, заставляло неспускать глазъ съ гребня горы, изъ-за котораго должны были показаться егеря; но прошелъ часъ, другой и никто не показывался почти вплоть до полудня, когда мы увидѣли, наконецъ, трехъ человѣкъ, спускающихся въ нашу котловину. Съ приближеніемъ ихъ мы были удивлены узнавъ: Его Высочество Принца Ольденбургскаго, начальника штаба отряда полковника барона Каульбарса и командира 4-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады полковника Оноприенко. Отрапортовавъ Принцу, я услышалъ отъ Его Высочества, что ночью онъ приказалъ увѣдомить меня о томъ, что въ виду малочисленности его отряда сравнительно съ величиною позиціи, генералъ-адъютантъ Гурко изъявилъ согласіе оставить мой батальонъ на мѣстѣ и не присоединять его къ полку впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

Посланный ко мнѣ вѣстовой заблудился въ горахъ и не прійди Принцъ, я долго и тщетно ожидалъ-бы смѣны батальона лейбъ егерями.

Послѣ осмотра позиціи и земляпокъ нижнихъ чиновъ, Его Высочество удостоилъ нашъ скромный завтракъ, причемъ, вставъ съ барабана на которомъ сидѣлъ у костра, Принцъ снялъ шапку и сказалъ: „Пью здоровье лейбъ-гвардіи Московскаго полка, желая ему такихъ-же славныхъ дальнѣйшихъ успѣховъ, какіе имѣлъ онъ до сихъ поръ".

Разговаривая съ офицерами, Его Высочество сказалъ, что хотя мирные переговоры дѣйствительно идутъ, но надо воспользоваться этимъ временемъ, чтобы заставить турокъ долго помнить настоящую кампанію и впредь быть благоразумнѣе.

Затѣмъ, осматривая окружающую мѣстность Принцъ, указавъ на гору по правую сторону шоссе, спросилъ, кто занимаетъ ее въ настоящее время.

— Павловцы или финлядцы, отвѣтилъ я, незная навѣрно, которая изъ двухъ вершинъ интересуетъ Его Высочество.

— А можетъ быть это преображенцы, прокладывающіе дорогу, возразилъ Принцъ, — или части 9-го корпуса, которыя должны уже выйти на высоту.

Услышавъ это мы навострили уши ожидая узнать подробности плана движенія войскъ для перехода Балканъ; но, къ сожалѣнію, Принцъ, продолжая милостиво разговаривать съ офицерами, не проронилъ болѣе ни слова объ интересовавшемъ насъ движеніи и составѣ колоннъ.

Оставаясь на позиціи, мнѣ необходимо было тотчасъ-же послать команду и лошадей для пріемки изъ полковыхъ складовъ продуктовъ и фуража, вслѣдствіе чего я отдалъ нужныя приказанія батальонному адъютанту подпоручику Зегелову и снова занялъ мѣсто около барона Каульбарса.

— Куда это вы посылаете? спросилъ баронъ.

— Къ командующему полкомъ, отвѣтилъ я.

— Ну, это напрасно, такъ какъ врядъ-ли его застанутъ на шоссе прикажите лучше обратиться прямо къ графу Шувалову, по распоряженію котораго вы будете получать всѣ необходимые припасы со времени выступленія полка въ дер. Чурьякъ.

Слова эти заставили вспомнить слухи о движеніи полка и перспектива надолго отдѣлиться отъ него и остаться въ пассивномъ положеніи представлялась далеко не заманчивою.

Прощаясь съ нами, Его Высочество разрѣшилъ прислать къ нему письма для отсылки ихъ съ своимъ курьеромъ въ Россію.

Кто во время похода писалъ домой и получалъ отвѣты, тому будетъ понятно, какъ обрадовались мы пріобрѣтая возможность вѣрной доставки ихъ по назначенію, тѣмъ болѣе, что полевое почтовое отдѣленіе было

далеко и въ послѣднѣе время мы не имѣли съ нимъ сообщенія, поэтому на вопросъ Принца: нѣтъ-ли у насъ написанныхъ уже писемъ, мы сразу подали Его Высочеству цѣлую пачку, которую онъ спряталъ въ свою походную сумку, обѣщая немедленно отправить ихъ по назначенію.

Уѣзжая, Его Высочество выразилъ свое удовольствіе относительно порядка, который онъ нашелъ на позиціи, бодраго и здраваго вида нижнихъ чиновъ и исправнаго содержанія ружей, осмотрѣнныхъ имъ по нѣсколько штукъ въ каждой ротѣ. Къ вечеру вернулся Зегеловъ и сообщилъ, что полкъ стоитъ все на томъ-же мѣстѣ и никто еще не знаетъ, когда и куда прійдется ему двинуться, а въ приказѣ по отряду былъ помѣщенъ приказъ генералъ-адъютанта Гурко, отъ 10-го декабря, за № 71-мъ, о сформированіи 6-ти новыхъ отрядовъ и оставленіи въ томъ же составѣ 3-хъ, существовавшихъ подъ начальствомъ: графа Шувалова, Его Высочества Принца Ольденбургскаго и генерала Брока.

На другой день я получилъ диспозицію, изъ которой мы узнали о началѣ движенія отрядовъ 12-го декабря, причемъ наши, т. е. графа Шувалова и Принца Ольденбургскаго, оставались на своихъ позиціяхъ. Съ этого дня пребываніе въ горахъ нѣсколько оживилось.

Начался нарядъ артиллерійскихъ офицеровъ для наблюденія за непріятелемъ; высылались офицеры отъ каждой части за полученіемъ приказаній отъ Его Высочества Принца Ольденбургскаго; въ полкахъ Семеновскомъ и Егерьскомъ было сформировано по двѣ роты охотниковъ; наши московскіе батальоны, по приказанію графа Шувалова, были подняты на горы и мы окончательно потеряли всякое сношеніе съ полкомъ.

Начиная съ 13-го декабря каждый день ждали, что турки, обойденныя съ лѣваго фланга, оставятъ свои позиціи, вслѣдствіе чего мы, что называется, были на чеку; но глубокій снѣгъ, непроходимыя горныя трущобы и все усиливавшіеся морозы задерживали безпримѣрно трудное движеніе обходныхъ колоннъ, вслѣдствіе чего оно съ перваго-же дня разнилось съ диспозиціею.

Ожидая движенія впередъ, приходилось позаботиться о личномъ своемъ благосостояніи, заключавшемся въ замѣнѣ пришедшихъ въ негодность сапогъ другими, не помѣстившимися во вьюкъ и оставленными въ обозѣ, стоявшемъ въ Орханійской долинѣ, а такъ какъ кромѣ того надо было получить во Врачешѣ офицерское жалованье, то 13-го декабря я отпустилъ внизъ для исполненія этихъ порученій поручиковъ: Заллерца и Кардиналовскаго, съ условіемъ возвращенія ихъ на позицію къ закату солнца.

Въ тоже время командиръ моей батареи, штабсъ-капитанъ Мейнбаумъ, былъ снесенъ внизъ почти въ безчувственномъ состояніи отъ постепенно увеличивающагося лихорадочнаго жара, начавшагося только

наканунѣ вечеромъ; а командованіе батарею принялъ подпоручикъ Волошинскій.

День прошелъ благополучно, но съ наступленіемъ темноты мы всѣ не на шутку безпокоились отсутствіемъ Заллерца и Кардиналовскаго, вернувшихся лишь къ 10 часамъ вечера.

Усталые, съ обмерзшими волосами, въ разорванномъ платьѣ и бѣлье вошли они ко мнѣ въ палатку сначала явиться, а потомъ товарищески побесѣдовать о томъ, что видѣли, слышали и испытали во время своего путешествія.

Спустившись внизъ они едва могли пробраться къ дер. Врачешъ, такъ какъ все шоссе, отъ деревни до такъ называемой старой софійской дороги, было сплошь занято частями войскъ, тянувшимися въ продолженія цѣлаго дня мимо ставки генералъ адъютанта Гурко, разбитой у самой дороги. Движеніе войскъ представляло собою двоякую картину: пріятную по той массѣ ихъ, которая должна была обрушиться на защищающихъ Балканы турокъ, и грустную по наружному виду и обмундированію людей, которымъ предстояло еще сдѣлать не человѣческія усилія и перенести страшныя лишенія для того, чтобы покончить съ зимнимъ переходомъ горъ, этимъ послѣднимъ оплотомъ непріятеля и главнымъ препятствіемъ на пути русской арміи къ мусульманскому Константинополю.

Шинели на большинствѣ нижнихъ чиновъ были выношены и прожжены; сапоги обмотаны тряпьемъ или лоскутками невыдѣланныхъ шкуръ, снятыхъ съ порціоннаго скота, а больные и слабые здоровьемъ солдаты безпорядочными кучами тянулись къ гор. Орханіе и останавливаясь для отдыха ложились на умятый близь дороги снѣгъ, въ мѣстахъ остановокъ прежде прошедшихъ партій такихъ-же страдальцевъ.

Недостатокъ фуража и изнуреніе лошадей наглядно доказывалось трупами палыхъ, валявшихся по всему протяженію дороги и нѣсколькими брошенными во время движенія, которыя тутъ-же издыхали.

Пріѣхавъ въ гор. Орханіе, офицеры мои не нашли тамъ корпуснаго маркитанта Львова, куда-то отправившагося и поэтому купить что-либо для артели, оказалось невозможнымъ.

Вынувъ кое-что изъ обоза и получивъ наше ноябрьское жалованье, Заллерцъ и Кардиналовскій засвѣтло тронулись въ обратный путь. Трудный подъемъ задерживалъ ихъ на каждомъ шагу, а гололедица на каменистыхъ кручахъ сбила съ ногъ, привыкшихъ къ горамъ мѣстныхъ лошадокъ и они упали вмѣстѣ со своми сѣдоками.

Солнце сѣло и быстро наступившая ночь окутала мракомъ окружающіе горы съ ихъ оврагами и пропастями, предательски скрытыми подъ рыхлымъ слоемъ глубокаго снѣга. Положеніе офицеровъ было незавидное. Высвободившись кое-какъ изъ-подъ лошадей, они болѣе часа времени

хлопотали о томъ, чтобы стать на ноги, но обмерзшая поверхность дороги заставляла скользить и скатываться подъ лошадей, которыя, въ свою очередь, при малѣйшемъ движеніи лежащихъ о бокъ всадниковъ начинали бить, стараясь подняться на ноги.

Ожидать помощи было неоткуда, а морозъ все крѣпчалъ и вѣтеръ заносилъ снѣгомъ.

Справившись съ собственными персонами, приходилось еще возиться подымая лошадей и сдѣлать большую половину дороги при тѣхъ-же неблагопріятныхъ условіяхъ подъема въ темную ночь, по занесенной снѣгомъ дорогѣ, протоптанной лишь солдатскими ногами.

По счастью, практическій примѣръ догнавшаго ихъ деньщика вывелъ изъ критическаго положенія.

Старикъ Иванъ, извощикъ по профессіи, глубоко вѣровалъ въ инстинктъ лошади и, пустивъ ее впередъ, ухватился за хвостъ, подымаясь такимъ образомъ на кручи по слѣдамъ взятаго подъ Дубнякомъ смирнаго вьючнаго коня, прозваннаго не заслуженно громкою кличкою „Демона“. Дальнѣйшій путь офицеры сдѣлали держась за хвосты своихъ лошадей, благополучно доставившихъ ихъ на позицію.

14-е декабря прошло тихо, во весь день раздалось не болѣе 10-ти ружейныхъ выстрѣловъ, несмотря на то, что присутствіе турокъ въ ихъ укрѣпленіяхъ было видно простымъ глазомъ. О движеніи обходныхъ колоннъ не было ничего извѣстно и ранѣе ожидаемой атаки ими непріятеля, явилось предположеніе возможности наступленія турокъ къ намъ на шоссе, вслѣдствіе чего я получилъ записку отъ начальника штаба отряда, въ которой было сказано, что генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ приказалъ моему батальону, въ случаѣ если-бы противникъ предпринялъ такое движеніе, дѣйствовать ему во флангъ, оставивъ, по крайней мѣрѣ, одну роту въ прикрытіе къ артиллеріи, причемъ если-бы для этого пришлось спуститься на шоссе, то я долженъ поступить подъ начальство генерала Эттера и о движеніи своемъ немедленно увѣдомить Его Высочество Принца Ольденбургскаго. Утромъ, 15-го декабря, одною изъ батарей нашего праваго фланга былъ открытъ огонь, но куда ложились снаряды и стрѣчалъ-ли непріятель — съ моей позиціи не было видно. Часовъ около четырехъ мы услышали далекіе орудійные выстрѣлы и ружейные залпы, но у насъ все было тихо.

Завтра съ разсвѣтомъ, приказано открыть огонь со всѣхъ нашихъ батарей и выпустить по 20 снарядовъ на каждое орудіе; вѣроятно, обходъ совершается, хотя врядъ-ли окончится завтра въ виду того, что пришедшіе ко мнѣ на позицію, заблудившіеся егеря, разсказывали, что, возвращаясь изъ Орханіе, они ночевали у измайловцевъ, которые все еще подымали артиллерію въ горы.

16-го декабря, въ началѣ десятаго часа утра, началась канонада рѣдкими, одиночными, выстрѣлами постепенно учащавшимися.

Расположеніе моей батареи замѣчательно удачно, вслѣдствіе маскирующаго ее впереди лежащаго бугра.

Турки, отвѣчая на каждый выстрѣлъ, ни какъ не могли пристрѣляться и снаряды ихъ, дѣлая недолетъ, попадали въ бугоръ, а при перелетѣ падали въ лощину за редутомъ.

Солдаты острили, говоря: „сколько ты турокъ не вали этого добра, а всю яму не завалишь, потому, велика, да и проку въ томъ мало".

Въ 12-мъ часу изъ ложементовъ, опоясывающихъ вершину горы, большаго арабъ-конакскаго редута одиночные люди начали спускаться къ шоссе и собравшись въ колонну, силою около 200 человѣкъ, залегли въ лощинкѣ на серединѣ ската.

Что предпринимали они осталось тайною, такъ какъ слѣдившій за ними подпорудчикъ Волошиновъ, удачно пущенною шарохою, заставилъ ихъ разбѣжаться въ стороны и потомъ по одиночкѣ карабкаться во свояси.

Съ 12-ти часовъ, до 2-хъ пополудни батарея Волошинова отдыхала, зато правофланговая на позиціи принца Ольденбургскаго, у л.-гв. Егерскаго полка; направила свои выстрѣлы на Арабъ-Конакъ, съ котораго ей усердно отвѣчали; но какъ разстояніе до егерей было значительно больше, то турецкіе гранаты давали громадный недолетъ и ложились на гребнѣ моей горы у ложемента 2-й заставы, вслѣдствіе чего я принужденъ былъ отвести ее назадъ оставивъ только промежуточный постъ.

Гранаты съ егерской батареи перелетали надъ нашимъ бивуакомъ и шипѣнью ихъ вторили приближающіеся турецкіе снаряды, сливаясь съ гуломъ страшнаго эхо, долго раскатывовавшагося по ущелью, послѣ каждаго выстрѣла съ нашей батареи.

Эта по истинѣ рѣдкая музыка продолжалась вплоть до 4-хъ часовъ пополудни, когда густой тумамъ и повалившій снѣгъ заставили прекратить расходившуюся канонаду, которая въ виду удачнаго расположенія моей батареи и скрытаго отъ непріятеля мѣста бивуака прошла благополучно, не нанеся намъ ни малѣйшаго вреда.

Впрочемъ нѣсколько гранатъ чуть было не накуралесили: такъ одна разорвалась передъ батареею и осколки ея пролетѣли надъ головами прислуги; другая у ручья какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ брали воду мои солдаты и, наконецъ, осколокъ третьей легъ у оставленнной Измайловцами землянки, обращенной мною въ помѣщеніе фельдшера и заболѣвающихъ нижнихъ чиновъ.

Ѣздившій за приказаніемъ, А. А. Зегеловъ сообщилъ, что полки: л.-гв. Семеновскій и Егерскій понесли незначительныя потери убитыми и ранеными, равно какъ и артиллеристы у которыхъ былъ контуженъ одинъ офицеръ, а наводчику сорвало половину черена.

Разговаривая между собою, кто-то изъ насъ вспомнилъ нѣсколько случаевъ страннаго совпаденія различныхъ обстоятельствъ жизни, съ тѣмъ или другимъ отдѣльно взятымъ числомъ, или суммою нѣсколькихъ цифръ полученною при сложеніи буквъ имени, фамиліи, года рожденія и т. д. причемъ мы остановились на числѣ 16-ть и невольно вспомнили, что всѣ 16-я числа приходилось проводить подъ артиллерійскимъ огнемъ; такъ: 16-го октября 1-й батальонъ былъ подъ выстрѣлами на Волынской горѣ, а остальные батальоны полка подъ Телишемъ; 16-го ноября на рекогносцировкѣ укрѣпленной Орханійской позиціи и наконецъ 16-го декабря подъ огнемъ непріятельскихъ Балканскихъ батарей.

Утромъ 17-го декабря было приказано возобновить вчерашнюю канонаду, но свирѣпствовавшая всю ночь вьюга продолжалась и днемъ, не позволяя видѣть непріятельскихъ укрѣпленій; вслѣдствіе чего всѣ батареи молчали и вмѣсто выстрѣловъ, слышались только удары лопатъ отрывавшія землянки отъ снѣга завалившаго ихъ цѣлыми сугробами. Сильный морозъ заставлялъ ближе подсаживаться къ кострамъ и закрывать ихъ съ подвѣтренной стороны отъ разгулявшейся вьюги, которая задувала огонь и далеко уносила выхваченною ею изъ костровъ мелкія головни и горящія угли, разбрасывая ихъ по всей позиціи.

Немалыхъ хлопотъ стоило солдатамъ сварить себѣ обѣдъ; костры неожиданно потухали, то вдругъ ярко вспыхнувъ бросали въ разныя стороны, длинные огненные языки, обжигая ими руки и шинели, хлопотавшихъ у котелковъ и занесенныхъ снѣгомъ солдатъ. Къ вечеру буря утихла, горизонтъ очистился отъ тучь и утромъ 18-го числа взошло солнце, ярко освѣтившее суровую картину дикихъ горъ въ ихъ пышномъ зимнемъ убранствѣ, блестѣвшемъ тысячами разноцвѣтныхъ искръ на вѣтвяхъ обмерзшихъ вѣковыхъ деревъ и ослѣпительной снѣжной пеленѣ, покрывавшей сплошь всю окружающую мѣстность.

Около полудня, штабъ-горнистъ принца Ольденбургскаго, привезъ мнѣ приказаніе ѣхать къ Его Высочеству; а такъ какъ появленіе посторонняго человѣка составляло чуть не эпоху, во время нашего пребыванія на горахъ, то офицеры сгруппировались у моей палатки и пока сѣдлалась лошадь, шли оживленные разговоры и дѣлались предположенія о причинѣ вызова моего къ принцу. Но какъ только я сѣлъ въ сѣдло, слышавшій нашъ разговоръ штабъ-горнистъ, желая вѣроятно заявить, о томъ, что состоя въ свитѣ Его Высочества онъ посвѣщенъ въ нѣкоторыя тайны домашняго обихода принца, обратился ко мнѣ и сказалъ: полагать надо, что Его Высочество прислали за вашимъ высокоблагородіемъ, чтобы пригласить къ обѣденному столу потому, что вмѣстѣ со мною были посланы вѣстовые за гг. командирами полковъ л.-гв. Семеновскаго и Егерскаго, а также командирами обѣихъ артиллерійскихъ батарей.

Офицеры мои успокоились и я тронулся въ путь. Вьюга 16-го и 17-го декабря замела дороги и засыпала нѣкоторые овраги въ уровень съ окружающею мѣстностью, вслѣдствіе чего приходилось ѣхать довѣряя инстинкту лошади и памяти ѣхавшаго тутъ штабъ-горниста.

Разстояніе до позиціи принца было около 2-хъ часовъ ходьбы и верхомъ, я сдѣлалъ его немногимъ меньше.

Лошади шли по колѣно въ снѣгу, часто проваливаясь по брюхо и выше.

По срединѣ пути, на гладкой площадкѣ сѣдловины горъ, стоялъ казачій бивуакъ, поровнявшись съ которымъ я увидѣлъ: высокіе шалаши, коновязи, стоги неизвѣстно гдѣ добытаго сѣна, причемъ утоптанный и покрытый лошадинымъ навозомъ снѣгъ и звуки русской гармоники, заставляли позабыть о томъ, что ѣдишь по вершинамъ Большихъ Балканъ, казавшихся въ этомъ уголкѣ, долиною съ близкимъ осѣдлымъ жильемъ.

Остановивъ лошадь, чтобы закурить папиросу, а кстати узнать непродадутъ ли казаки сѣна, я залюбовался окружавшею меня картиною.

Съ одной стороны освѣщенной солнцемъ бивуакъ съ раздававшимися звуками родной гармоники, а съ другой высокія нависшія утесы горъ между которыми, какъ сквозь широкое окно, виднѣлись укрѣпленія непріятельской позиціи съ откапывавшими снѣгъ людьми въ красныхъ фескахъ.

Отъ казачьяго бивуака, пришлось ѣхать такъ называемою саперною дорогою, выдѣлявшеюся отъ окружающей мѣстности только рѣдкими глубокими слѣдами человѣчьихъ и лошадиныхъ ногъ.

Сухой, морозный, снѣгъ скрывалъ подъ собою обледѣнѣвшую поверхность дороги и отдѣльно разбросанные по ней камни; вслѣдствіе чего лошади скользили и спотыкались, а у подъема на новую гору стали окончательно.

Дѣлать было нечего, пришлось спѣшиться и вести ихъ въ поводу; но и пѣшкомъ приходилось не сладко.

Ноги разъѣзжались, а при подъемахъ, черезъ каждые два — три шага, приходилось балансировать и размахивать руками, чтобы удержаться на мѣстѣ и не скатиться внизъ. Раздѣляя вполнѣ неудобство подобнаго путешествія, услужливый, штабъ-горнистъ предложилъ мнѣ остановиться, чтобы вырубить палки безъ которыхъ трудно было подвигаться впередъ. Застучалъ казенный тесакъ и подпираясь буковыми жердями мы продолжали подъемъ дѣлавшейся все круче, причемъ дорога извивалась зигзагами по карнизу обрыва занесеннаго снѣгомъ.

Усталые, съ обмерзшими бородами и мокрыми отъ снѣга ногами, мы благополучно добрались до позиціи л.-гв. Егерскаго полка, короткій подъемъ на которую былъ такъ крутъ, что встрѣченныя нами вьючныя

лошади, спускались сидя на заду напрасно стараясь удерживаться вытянутыми передними ногами.

Подобный способъ путешествія, кованныхъ на всѣ ноги лошадей, обезкуражилъ меня окончательно и я тщетно попытавъ счастія подняться по дорогѣ, взялъ въ сторону и пошелъ цѣликомъ по поясъ въ снѣгу; причемъ ноги хотя и скользили, но масса глубокаго снѣгу нѣсколько задерживала при невольномъ обратномъ движеніи.

Взобравшись на верхъ, сѣли на лошадей и скоро подъѣхали къ землянкѣ принца, прислоненной къ отвѣтственному склону горы, на гребнѣ которой, виднѣлась наша 9-ти фунтовая батарея.

У костра сидѣли вѣстовые отъ всѣхъ частей, а между нимъ и землянкою лежала большая свѣжая туша мяса.

— Откуда у васъ такая роскошь, спросилъ я подошедшаго ко мнѣ адъютанта Его Высочества?

— Это не роскошь, отвѣтилъ онъ, а черная неблагодарность людей къ полезнымъ для нихъ животнымъ. Вѣрите-ли, что покойный быкъ весь походъ везъ на себѣ наше имущество, а тутъ на горахъ, захилѣлъ и вотъ, мы вмѣсто того чтобы чѣмъ нибудь усладить его послѣднія минуты, поторопились зарѣзать его, ободрали шкуру и будемъ питаться мясомъ нашего вѣрнаго спутника а нынѣ кормилица; но за то на чемъ повеземъ вещи, извѣстно только Аллаху.

Въ это время Его Высочество былъ занятъ со своимъ начальникомъ штаба и я подошелъ къ костру, чтобы высушить ноги, начинавшія преизрядно мерзнуть.

Вываживая мою лошадь штабъ-горнистъ казался сильно смущеннымъ въ виду того, что я былъ приглашенъ принцемъ не къ обѣденному столу какъ ожидалъ онъ, а для полученія приказаній на завтрашній день, въ теченіе котораго ожидалась атака турокъ нашими отрядами, обошедшими ихъ позицію движеніемъ на Чурьякъ, Потопъ и Елесницу.

Землянка принца была не велика и вѣтеръ свободно гулялъ по ней, забираясь подъ коверъ и полотнища палатокъ, которыми были завѣшены двери. Маленькія окны недостаточно ее освѣщали, такъ что войдя со свѣта, я не сразу могъ разсмотрѣть окружающую обстановку.

Его Высочество чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ, вслѣдствіе чего поверхъ мѣховаго сюртука, на немъ была надѣта лѣтняя шинель подбитая лисьемъ мѣхомъ; но она, судя по болѣзненному блеску глазъ и лихорадочной дрожи тѣла, мало его согрѣвала.

Докторъ пользовавшій принца обѣщалъ ему скорое выздоровленіе при условіи просидѣть нѣсколько дней въ закрытой землянкѣ. Приближенные Его Высочества просили о томъ-же и, казалось, принцъ соглашался; но какъ только раздавался первый выстрѣлъ онъ, сбрасывалъ

шинель и по колѣно въ снѣгу, шелъ на батарею для того, чтобы лично слѣдить за огнемъ и движеніями непріятеля.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, леченіе не могло быстро подаваться впередъ.

Вслѣдъ за мною, въ землянку взошли командиры: Семеновскаго и Егерскаго полковъ; 4-й и 5-й батарей л.-гв. 1-й артиллерійской бригады и два семеновскіе офицера командовавшіе ротами охотниковъ, — причемъ мы получили приказанія открыть на слѣдующее утро огонь со всѣхъ батарей и въ тоже время, для отвлеченія вниманія непріятеля отъ атаки его генералъ-адъютантомъ Гурко, должны были демонстрировать съ фронта, выславъ цѣпи охотниковъ съ рѣдкимъ строемъ частныхъ резервовъ, которымъ, вступивъ въ перестрѣлку съ непріятелемъ, слѣдовало держаться въ лощинѣ вплоть до сумерокъ, стараясь какъ можно болѣе обезпечить себя отъ излишнихъ потерь.

Моему батальону, въ виду невозможности спуститься въ лощину иначе какъ дѣлая сначала обходъ на шоссе, что потребовало бы очень много времени, приказано было остаться на позиціи и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, служа соединительнымъ звѣномъ между отрядами: принца Ольденбурскаго и графа Шувалова.

Передъ сборомъ начальниковъ частей, Его Высочество получилъ донесеніе генерала Дандевиля къ генералъ-адъютанту Гурко о той борьбѣ, которую пришлось выдержать ему на Бабѣ-горѣ, но не съ непріятелемъ, а съ природою, заставившею его понести значительныя потери замерзшими и ознобившимися и спуститься обратно въ г. Этрополь. Съ донесенія этаго была снята копія, которую мы и прочитали.

Жалѣя о неудачѣ генерала Дандевиля, испытывалось непріятное чувство при мысли, что ради нея рушится часть общаго плана дѣйствій противъ турокъ удерживающихъ насъ на Балканахъ; зато скромность, вниманіе и спокойствіе, съ которыми выслушивали приказанія командиры ротъ охотниковъ, заставляли любоваться ими и радоваться тому, какъ просто смотрѣли они на предстоявшія имъ движенія подъ огнемъ непріятеля и попоясъ въ снѣгу, завалившемъ лощину, мѣстами даже выше человѣческаго роста.

Офицеры эти наглядно показывали, что принадлежатъ къ русской арміи незнавшей испоконъ вѣка непреодолимыхъ для себя препятствій.

Обратный путь, я сдѣлалъ легче и скорѣе благодаря тому, что вьюки ходившіе на шоссе съ позиціи принца Ольденбургскаго, нѣсколько поумяли дорогу и только отъ казачьяго бивуака пришлось ѣхать отыскивая старые слѣды, зачастую бороня снѣгъ собственными ногами.

Пріѣхавъ домой, я засталъ всѣхъ офицеровъ около Зегелова, только что вернувшагося съ шоссе, куда онъ ѣздилъ за продуктами для баталь-

она и привезъ давно ожидаемые нами изъ Никополя: закуски, чай, табакъ, свѣчи, сухари и прочее.

Разсказы его о слухѣ предполагаемой на завтра атакѣ турокъ, нашими обходными отрядами, отняли часть прелести моихъ новостей у жадныхъ до нихъ товарищей; а деньщики, услышавъ о скоромъ переходѣ Балканъ, принялись уже за приведеніе въ порядокъ нашего имущества, причемъ мой Николай, ухитрился даже выстирать мои рубашки, такъ какъ ни одной чистой не оставалось.

Я вспоминаю объ этой операціи въ виду того, что врядъ-ли когда-нибудь прійдется видѣть другую при подобной обстановкѣ.

Походомъ, солдатскій котелокъ замѣняетъ собою все, начиная отъ кострюли и чайника и кончая лоханью и корытомъ. Въ этотъ незамѣнимый котелокъ была плотно умята моя шелковая рубашка, и долго варилась на кострѣ; затѣмъ вынутая для намыливанія она быстро обращалась въ кусокъ льда и снова распускалась въ новомъ кипяткѣ. Выкрученная и расправленная на морозѣ, рубашка принимала видъ раздутаго мѣшка съ торчавшими въ сторонѣ, какъ бы накрахмаленными рукавами.

Какъ терпѣли руки Николая, я не знаю, но шелкъ трещалъ, какъ листъ бумаги скомканный въ кулакѣ.

Это замерзшее подобіе мѣшка было повѣшено надъ ямой съ углями въ моей палаткѣ; причемъ сначала блестѣло морозными искрами, потомъ бѣловатый цвѣтъ его переходилъ въ настоящій, но какъ бы смоченный водою; растопыренные рукава безпомощно опускались и рубашка по немного съеживалась едва просыхая въ теченіе всей ночи.

Катать или гладить было негдѣ и нечѣмъ; поэтому ее размяли грязными руками, чѣмъ и окончилось приготовленіе къ носкѣ. Говоря о грязныхъ рукахъ невольно думаю о своихъ собственныхъ. Постоянные морозы заставляли кожу трескаться до крови; около ногтей и на суставахъ, она подымалась несчетнымъ числомъ заусеницъ и казалась похожею на змѣиную чешую, что я случайно замѣтилъ уже въ послѣдніе дни пребыванія на Балканахъ, такъ какъ теплыя перчатки не снимались не только въ теченіе всего дня, но даже и ночью.

Вода для умыванія разбавлялась кипяткомъ, чтобы не отморозить себѣ лица и рукъ, а въ виду неудобства исполненія этого обряда, въ сильные морозы, никто изъ насъ ежедневно не исполнялъ его, оставляя промежутки въ одинъ или два дня, смотря по силѣ рѣшимости и благопріятности погоды.

Поэтому пусть судятъ читатели, насколько были чисты наши солдаты неимѣвшіе и половины тѣхъ удобствъ, которыми мы пользовались при помощи услужливыхъ деньщиковъ и вьюковъ.

19-го декабря въ 9 часовъ утра, всѣ наши батареи открыли огонь

по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжали его до 4-хъ часовъ пополудни; а на правомъ флангѣ слышалась частая ружейная перестрѣлка.

Турецкія батареи отвѣчали слабѣе, чѣмъ въ предъидущій разъ, а противъ меня были свезены съ Арабъ-Конакскаго редута и поставлены на гребнѣ два полевыхъ орудія стрѣлявшихъ по позиціямъ: моего батальона и отряда графа Шувалова.

Турецкій дезертиръ, пришедшій на аванпосты Егерскаго полка разсказывалъ, что на Арабъ-Конакѣ и въ ближайшихъ къ нему укрѣпленіяхъ было до 40 таборовъ пѣхоты, половина которыхъ ушла въ Софію.

Больныхъ очень много и продовольствіе плохо, т. е. по 1 фунту галетъ или сухарей и 1/8 ф. мяса въ день на человѣка.

Съ появленіемъ нашихъ обходныхъ колоннъ на пути сообщенія съ Софіею, подвозъ продуктовъ отрѣзанъ и турки собираются отступить.

Вечеромъ я получилъ приказаніе на 20-е декабря, повторявшее почти слово въ слово распоряженія сдѣланныя Его Высочествомъ принцемъ Ольденбургскимъ 18-го числа.

Вотъ оно дословно:

Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ приказалъ:

1) Въ 8 часовъ утра начать на всѣхъ позиціяхъ оживленный артиллерійскій огонь.

2) Въ 10 часовъ выказать вездѣ стрѣлковыя цѣпи и подаваться впередъ настолько, чтобы можно было открыть огонь хотя съ дальнихъ дистанцій. Цѣль не есть атака, но демонстрація, дабы отвлекать вниманіе противника отъ генерала Гурко, съ юга.

Желательно было бы, чтобы за стрѣлковыми частями выказывались сомкнутыя части, въ угрозу противника, неподвергая себя излишнимъ потерямъ.

Въ случаѣ отступленія непріятеля продолжать наступленіе, стараясь скорѣе занять его укрѣпленія.

Подобныя дѣйствія будутъ и на шоссе, и съ Финляндской и Преображенской горы.

Вслѣдствіе сего Его Высочество приказалъ лейбъ-гвардіи Семеновскому и Егерскому полкамъ, въ 10 часовъ утра произвести наступленіе согласно пункта 2-го диспозиціи, выславъ преимущественно тѣ же части' которыя вчера вечеромъ дѣйствовали охотниками. Отъ тѣхъ же частей должны быть высланы и упомянутыя выше сомкнутыя поддержки, которыя подъ огнемъ должны разомкнуться.

Полкамъ быть въ полной готовности къ выступленію.

Привыкнувъ наблюдать погоду, мы съ вечера замѣтили приближеніе тумана, вслѣдствіе чего подпоручикъ Волошиновъ навелъ свои орудія, чтобы въ назначенный часъ можно было открыть огонь по невидимой цѣли.

Задолго до разсвѣта 20-го декабря, мы были совершенно готовы къ выступленію. Въ 7 часовъ утра раздался одинокій ружейный выстрѣлъ на шоссе противъ моихъ аванпостовъ, но кто стрѣлялъ и куда, за совершенною темнотою, узнать не могли.

Въ 8 часовъ начался орудійный огонь, прекратившійся послѣ первой очереди, орудій, такъ какъ густой туманъ не позволялъ видѣть что-либо на непріятельской позиціи.

Томительное ожиданіе длилось до 10-ти часовъ утра, когда мы услышали громкіе крики „ура“ раздавшіеся внизу на шоссе.

Посланный мною патруль охотниковъ, донесъ, что генералъ-лейтенантъ Криденеръ поздравилъ стоявшіе внизу батальоны съ отступленіемъ турокъ съ Арабъ-Конака, а разсѣявшійся туманъ далъ возможность увидѣть движеніе впередъ нашей кавалеріи и этихъ двухъ батальоновъ: одного Финляндскаго и одного армейскаго.

Вернувшійся вслѣдъ затѣмъ патруль сообщилъ слѣдующія подробности: турки отступили ночью по направленію къ своему правому флангу. Шоссе у Арабъ-Конака перерыто ими сажени на двѣ глубины, вслѣдствіе чего для движенія по немъ строиться мостъ. Генералъ Гурко встрѣтилъ видѣнные нами батальоны у турецкаго укрѣпленія и позволилъ имъ взять на ура оставшіеся тамъ галеты и рисъ. Общее движеніе начинается.

Чтобы выяснить себѣ положеніе дѣла и получить инструкціи для дальнѣйшихъ дѣйствій, я послалъ подпоручика Сонни на позицію принца Ольденбургскаго, но онъ вернулся ни съ чѣмъ, такъ какъ Его Высочество утромъ еще спустился со своимъ штабомъ на шоссе и поѣхалъ къ генералъ-адъютанту Гурко; вслѣдствіе чего мнѣ надо было остаться на позиціи и ждать полученія приказаній.

Укрѣпленія, съ которыхъ наканунѣ сыпались на насъ гранаты, были заняты уже нашими войсками.

Бивуачные огни горѣли по всей линіи обѣихъ позицій и съ Арабъ-Конакскихъ редутовъ слышались звуки русскихъ пѣсень и удары топоровъ отъ рубки лѣса.

Вечеромъ раздался лѣвѣе моей позиціи одинъ орудійный выстрѣлъ, а ночью два ружейныя на правомъ флангѣ и затѣмъ все стихло.

Балканы перестали служить препятствіемъ дальнѣйшаго побѣдоноснаго движенія русской арміи и телеграфная проволока передавала уже удивленной Европѣ, ни кѣмъ неожиданный фактъ перехода ихъ въ самое суровое зимнее время.

21-го декабря въ 8 часовъ утра начался спускъ орудій 2-го дивизіона 5-й батареи лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады, окончивъ который мой батальонъ долженъ былъ двинуться на присоединеніе къ полку перевалившему Балканы и остановившемуся на бивуакѣ у д. Горныя Комарцы.

Трудно описать то страшное напряженіе физическихъ силъ, которое требовалось при этой работѣ.

Орудія завязали въ снѣгу и усиліями роты солдатъ и артиллерійской прислуги едва подавались впередъ или подымались на незначительныя неровности мѣстности; за то при спускѣ съ кручь трещали канаты, привязанныя къ вѣковымъ исполинамъ балканскихъ лѣсовъ, которыми съ трудомъ задерживались орудія, подгоняемые собственною тяжестью по скользкой поверхности обледѣнелыхъ камней, стоящихъ почти отвѣсно.

Каждое орудіе спускалось цѣлою ротою, т. е. около 100 человѣкъ, половина которыхъ держала за закрѣпленные канаты, а другая отдыхала, неся ружья товарищей. Въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ ружья составлялись и всѣ 100 человѣкъ едва справлялись съ однимъ орудіемъ.

Такимъ образомъ мы проработали вплоть до 4-го часа пополудни, употребивъ около 8-ми часовъ времени для доставки ихъ съ позиціи на шоссе.

Почти по срединѣ спуска дорога, лѣпясь по карнизу страшной пропасти, дѣлала довольно крутой поворотъ, у котораго я остановился, чтобы лично наблюсти въ этомъ пунктѣ за спускомъ орудій.

Первое изъ нихъ, съ 13-ю ротою, прошло благополучно. Второе спускала 14-я рота, командиръ которой, капитанъ Н. А. фонъ-Рехенбергъ, шелъ передъ дуломъ, направляя хоботъ орудія. Люди работали молодцами, но вдругъ обледѣневшій канатъ соскользнулъ съ дерева и орудіе понеслось стремглавъ, мимо поворота дороги, прямо къ пропасти. Въ это мгновеніе небо показалось съ овчинку.

Рехенбергъ едва успѣлъ отскочить въ сторону, а солдаты его, крѣпко держась за канатъ, упали съ ногъ и катились вслѣдъ за орудіемъ.

Потеря орудія и гибель людей казались неизбѣжными, но Богъ спасъ и всѣ остались цѣлы благодаря счастливой случайности, вслѣдствіе которой орудіе, наткнувшись на скрытый подъ снѣгомъ огромный буковый пень, остановилось не болѣе какъ въ трехъ шагахъ отъ края открытой бездны. Солдаты прокатились нѣсколько шаговъ въ сторону и встали на ноги благодаря тому-же канату, который чуть не заставилъ ихъ пропутешествовать въ край прародителей.

Сдавъ орудія, я пробылъ нѣсколько времени на шоссе для того, чтобы нижніе чины успѣли разобраться съ доставленными изъ Богота вторыми парами сапогъ.

Дѣло было не легкое: число оставленныхъ паръ, отъ неизвѣстныхъ причинъ, значительно поубавилось и перепуталось; составъ ротъ измѣнился и подписи стерлись. Поэтому пришлось подѣлить сапоги поровну между ротами и начать огульную пригонку ихъ, такъ какъ настоящихъ владѣльцевъ отыскивалось весьма не много.

Сапоги эти сдѣлали уже осенній походъ черезъ всю Румынію и передъ первымъ боемъ, для облегченія ноши, были оставлены въ Боготѣ вмѣстѣ съ ранцами и другимъ солдатскимъ имуществомъ, но несмотря на свою сомнительную крѣпость, являлись манною, посланною съ неба.

Люди обносились такъ, что рѣдкій изъ нихъ могъ ходить не обвязывая ногъ тряпками или не прикрѣпляя отвалившихся подошвъ концами веревокъ и турецкой телеграфной проволоки.

Ноги болѣли, стирались въ кровь и мерзли, а впереди предстояли переходы на неопредѣленное время и разстояніе при подобной же обстановкѣ.

Странное впечатлѣніе произвела на насъ команда одного изъ гвардейскихъ полковъ, прибывшая изъ С.-Петербурга на укомплектованіе своего полка и тянувшаяся по шоссе.

Новое обмундированіе, щегольскія фуражки съ неудобными каркасами, отличное снаряженіе, невиданныя нами полушубки и крѣпкая обувь бросались въ глаза и невольно сравнивались съ лохмотьями, въ которыя были одѣты наши, видѣвшіе виды, солдатики.

Офицеръ, шедшій съ командою, не могъ удержаться, чтобы не высказать мнѣ ужаса, овладѣвшаго имъ при видѣ моего батальона.

— Этотъ костюмъ напоминаетъ французовъ, бѣгущихъ изъ Москвы, сказалъ онъ съ непритворною горечью.

— Вы забываете самую пустую разницу, отвѣтилъ я, — французы бѣжали изъ русской столицы, а мы торопимся въ турецкую. Что-же касается нашего обмундированія, то оно хотя скверно, но удобно, кромѣ однихъ сапоговъ, и всѣ мы привыкли къ нему на столько, что ваши щеголеватые солдатики поражаютъ насъ гораздо болѣе и несмотря на преимущества теплой и цѣлой одежды, они, конечно, далеко не вынесутъ того, что мы сдѣлаемъ шутя.

Предположеніе мое оправдалось тутъ-же и очень наглядно. Команда изъ 46-ти нижнихъ чиновъ растянулась чуть не на три версты. Люди едва шли, безпрестанно останавливаясь, чтобы поправить сапоги, подвернуть портянки, закурить трубку и т. д., а офицеръ принужденъ былъ уѣхать впередъ, чтобы остановить переднихъ.

Нелазивъ по горамъ, имъ казался труднымъ переходъ по ровному, по скользскому шоссе.

Исполняя приказаніе немедленно присоединиться къ полку, я, покончивъ съ выдачею сапогъ, тронулся къ дер. Горныя Комарцы.

Вечеръ наступалъ, а шоссе, начиная отъ поворота въ Арабъ-Конакское ущелье, было сплошь заставлено различными войсковыми повозками, артиллеріею и интендантскимъ сухарнымъ транспортомъ, между которыми съ трудомъ можно было пройти по одиночкѣ, переступая черезъ постромки уносовъ и едва пролѣзая между лошадьми.

Въ началѣ движенія я догналъ одну изъ нашихъ батарей, командиръ которой просилъ меня взять ее съ собою.

Я согласился и люди мои помогали лошадямъ тащить орудія, придерживая ихъ со стороны оврага; но скоро я принужденъ былъ отказаться отъ этой услуги въ виду того, что передніе обозы, дойдя до вершины шоссе, близъ турецкаго Арабъ-Конакскаго редута, остановились и заночевали, не будучи въ состояніи спуститься по обмерзшему шоссе, дѣлающему частые повороты по крутому южному склону горы.

Съ остановкою переднихъ, задніе надвигались и скучивались до тѣхъ поръ, пока одна облегченная повозка нагруженная сухарями сорвалась съ дороги и погибла въ пропасти.

Обозный уцѣлѣлъ только потому, что шелъ пѣшкомъ и съ противуположной, отъ обрыва, стороны.

За линіею обозовъ начинался спускъ въ долину, по которому мы не шли, а спускались сидя или бѣжали стремглавъ не будучи въ состояніи удержаться на обледѣнелой поверхности крутаго спуска шоссе. Причемъ я невольно вспомнилъ провожавшаго меня по усыковицкой позиціи казака, который говорилъ, что „ночью лучше, не такъ боязно, а лошадь умна и куда не надо не пойдетъ“. Въ данномъ случаѣ, благодаря ночи, мы спустились быстро, не задумываясь надъ кручами, которыхъ не могли хорошенько разсмотрѣть; но я спускался пѣшкомъ въ виду того, что подкованная на острые шипы лошадь еле-еле шла въ поводу часто скользя и садясь на крупъ.

Въ одинадцатомъ часу ночи мы увидѣли бивуачные огни отряда графа Шувалова и батальонъ мой присоединился, наконецъ, къ полку послѣ почти полутора мѣсяцевъ проведенныхъ въ отдѣлѣ.

22-го декабря полкъ получилъ приказаніе выступить къ дер. Ташкисены и стать на отдыхъ по квартирамъ.

Перспектива теплаго помѣщенія, съ возможностью раздѣться и вымыться въ немъ, была болѣе, чѣмъ заманчива и дѣлая переходъ мы не считали пройденныхъ верстъ и не обращали вниманія на трупы турецкихъ солдатъ, валявшихся по всему пути.

Во время стоянія на Балканахъ армія наша понесла довольно значительныя потери отъ морозовъ и вьюгъ, причемъ больше всего страдали ноги; но, вѣроятно, не даромъ прошло это время и для турокъ, обутыхъ, вмѣсто нашихъ высокихъ сапогъ, въ короткія полуботинки или штиблеты, какъ называли ихъ наши солдатики, а то и просто въ сандаліи.

Всѣ валявшіеся по дорогѣ трупы были съ отмороженными ногами, а нѣкоторые и руками почти по локоть, хотя смерть ихъ послѣдовала отъ различныхъ причинъ. Тутъ виднѣлись огнестрѣльныя и штыковыя раны; были замерзшіе и умершіе отъ болѣзней и изнеможенія силъ.

Эти трупы и разбросанные по дорогѣ ящики съ патронами и снарядами показывали быстрое отступленіе турокъ къ дер. Ташкисены; а большое деревенское кладбище значительно пополнилось свѣжими мусульманскими могилами, послѣ боя 19-го декабря.

Подойдя къ дер. Ташкисены, разочарованіе въ полученіи теплаго помѣщенія началось тѣмъ, что деревня оказалась далеко недостаточною для цѣлаго полка, вслѣдствіе чего 3-му и 4-му батальонамъ приказано было идти въ дер. Даушкіой, гдѣ и стать по квартирамъ.

Нѣсколько верстъ, отдѣлявшіе одну деревню отъ другой, казались цѣлымъ переходомъ и мы съ плохо скрываемымъ неудовольствіемъ дошли, наконецъ, по назначенію.

Деревня Даушкіой, какъ черкеская, была совершенно пуста.

Маленькіе дома заставляли дробить роты и взводы; а тонкіе стѣны ихъ и почти полное отсутствіе оконной бумаги (стекла составляютъ большую рѣдкость) давали мало надежды на то, чтобы не мерзнуть въ нихъ такъ же, какъ и въ палаткахъ.

Офицеры моего батальона не могли стать вмѣстѣ за неимѣніемъ дома хотя-бы съ одною большою комнатою и мы раздѣлились на двѣ части, причемъ на мою долю достался двухъ-этажный домъ, состоявшій изъ трехъ маленькихъ комнатъ, внизу открытыя сѣни и комнатка, гдѣ помѣстилась прислуга, а наверху одну заняли офицеры, а другая была набита кукурузою. Не мѣшаетъ сказать, что занимая домъ мы не побрезгали остаться въ немъ, вытащивъ предварительно трупъ убитаго домовладѣльца, порядочно испортившаго уже воздухъ нижняго этажа.

Не оклеенныя бумагою оконныя рамы напоминали собою рѣшетки въ арестантскихъ комнатахъ, имѣя одни продольныя стойки, поставленныя не далѣе какъ на вершекъ одна отъ другой, что впрочемъ способствовало задѣлкѣ ихъ сѣномъ, которое, въ свою очередь, защищая насъ отъ холоднаго вѣтра, лишало дневнаго свѣта и заставляло сжигать послѣднія свѣчи, вынутыя изъ вьюковъ. Глиняная печь подавала надежду на возможность топки, но и тутъ вышла неудача, такъ какъ перестаравшіеся денщики, укладывая дрова, пробили въ ней дыру, напустили полную комнату дыму и чуть не надѣлали пожара.

При всѣхъ неудобствахъ, дер. Даушкіой имѣла и свои хорошія стороны, заключавшіеся въ изобиліи сѣна и кукурузы.

Первое служило, кромѣ фуража, роскошною постелью, а вторая доставляла лишнѣе блюдо солдатамъ и развлеченіе при различныхъ способахъ его приготовленія.

Утромъ, 23-го числа, я обошелъ всѣ помѣщенія нижнихъ чиновъ батальона и вернувшись домой былъ пораженъ превращеніемъ моей квартиры. Въ двухъ окнахъ были вставлены рамы, натянутыя бумагой, другія два были плотно задѣланы сѣномъ и забиты полотнищами пала-

токъ; печь исправлена и вытоплена и, наконецъ, къ довершенію удовольствія, устроенъ столъ, скамейки и найдена каморка за печью, приспособленная мусульманскими хозяевами для омовенія, а моими людьми для домашней бани.

Всѣмъ этимъ я былъ обязанъ своему Николаю и неразлучнымъ спутникамъ: батальонному жалонеру, горнисту, двумъ унтеръ-офицерамъ и двумъ ефрейторамъ, состоявшимъ при мнѣ какъ звѣно прикрытія и для посылокъ съ приказаніями въ свои роты.

Солдаты размѣстились порядочно, но главною заботою нашею было устроить имъ баню, въ которой они страшно нуждались. Русская сметка помогла, и на слѣдующій-же день всѣ начали мыться и париться.

Въ пустыхъ одно-этажныхъ домахъ сложили нѣчто въ родѣ каменокъ; воду кипятили въ найденныхъ въ деревнѣ деревянныхъ бочкахъ, опуская туда раскаленные камни, и въ подобныхъ баняхъ вымылись нетолько люди двухъ нашихъ батальоновъ, но приходили команды 1-го и 2-го батальоновъ, стоящихъ въ дер. Ташкисены, которая была менѣе помѣстительна и не представляла тѣхъ удобствъ, которыя мы нашли въ дер. Даушкіой, кончая хлѣбопекарною печью, тотчасъ-же примѣненною къ дѣлу.

Утромъ 24-го декабря, ко мнѣ привели еще живаго солдата, одного изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, который просилъ позволенія довольствоваться пищею съ нижними чинами моего батальона.

Солдатъ этотъ былъ такъ слабъ, что войдя въ комнату не могъ стоять на ногахъ и долго собирался съ силами пока началъ говорить. Изъ отрывистаго разсказа, съ большими остановками и передышками чуть не на каждомъ словѣ, я узналъ, что 19-го числа, въ то время, когда полкъ ихъ проходилъ около дер. Даушкіой, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и остановившись отдохнуть долго не могъ встать съ мѣста, вслѣдствіе чего и отсталъ отъ своихъ, а такъ какъ морозъ заставлялъ подумать о тепломъ ночлегѣ, то собравшись съ силами онъ кое-какъ притащился въ деревню и встрѣтивъ въ ней 14 человѣкъ такихъ-же отсталыхъ товарищей, забрался вмѣстѣ съ ними въ пустой домъ, гдѣ они находятся и до сихъ поръ, не будучи въ состояніи нетолько идти, но и встать на ноги.

Сухари у нихъ вышли въ теченіи первыхъ двухъ дней и единственною пищею служила найденная въ домѣ сырая кукуруза, недостаточно утолявшая голодъ, вслѣдствіе чего онъ, какъ единственный могущій кое-какъ ходить, вышелъ изъ избы, чтобы поискать чего-нибудь съѣстнаго и встрѣтившись съ моими солдатами просилъ отвести его къ командиру батальона. Видъ несчастнаго былъ ужасенъ; прерывистое дыханіе, страшная худоба и изнуреніе силъ заставляли смотрѣть на него, какъ на человѣка, послѣдніе часы котораго уже сочтены.

По счастью, съ нами былъ докторъ Еловскій, котораго я попросилъ тотчасъ-же осмотрѣть этихъ страдальцевъ и приказалъ немедленно накормить ихъ и напоить чаемъ.

Приходившій ко мнѣ былъ боленъ сильнымъ воспаленіемъ легкихъ, отъ котораго въ тотъ-же день и умеръ.

Остальные его товарищи были съ отмороженными ногами, причемъ одинъ изъ нихъ, кромѣ того, мучился лихорадочнымъ пароксизмомъ.

О людяхъ этихъ я донесъ по командѣ и получилъ приказаніе перевести ихъ во временной лазаретъ, устроенный въ дер. Ташкисены, въ которой, кстати сказать, лежало около двухъ сотъ раненыхъ и больныхъ турокъ, испытывавшихъ, до нашего прихода, одинаковую долю съ бѣдными армейскими солдатиками найденными мною въ дер. Даушкіой.

Зимняя кампанія сказывалась на здоровьѣ людей...

Вечеръ 24-го декабря мы провели не одни, такъ какъ желая справить сочельникъ передъ Рождествомъ Христовымъ, пригласили къ себѣ офицеровъ 3-го батальона, стоявшаго въ той-же деревнѣ, а изъ дер. Ташкисены пріѣхали нѣкоторые товарищи 1-го и 2-го батальоновъ, вмѣстѣ съ лейбъ-гренадеромъ, прибывшимъ въ этотъ день изъ С.-Петербурга со второю партіею нижнихъ чиновъ, присланныхъ на укомплектованіе нашего полка. Первая партія прибыла еще на горы.

Въ небольшой комнатѣ занимаемой половиною офицеровъ моего батальона, насъ собралось около 20-ти человѣкъ и благодаря хлопотамъ хозяина артели А. А. Зегелова всѣ нашли себѣ мѣсто у импровизированнаго стола, покрытаго рядомъ тарелокъ съ Никопольскими закусками и незамысловатыми мясными блюдами, послѣ которыхъ подали чай.

Отвыкнувъ отъ роскоши сидѣть за столомъ и получить разнобразный ужинъ, мы были довольны выходящею изъ ряда обстановкою и радовались затѣи А. К. Заллерца, который устроилъ намъ ёлку.

Взрывы веселаго смѣха встрѣтили появленіе на столѣ маленькаго дубка, съ неопавшими желтыми листьями, замѣнявшаго собою ёлку которой въ данной мѣстности не имѣется.

На вѣтвяхъ дубка горѣли парафиновыя свѣчи и были повѣшены: завернутые въ бумажки старые засахарившіеся леденцы; нѣсколько штукъ петербургскихъ папиросъ, кукуруза и ломтики голландскаго сыра.

Время прошло незамѣтно и расходясь ночью по домамъ, всѣ благодарили торжествующихъ успѣхомъ Зегелова и Заллерца, который задумавъ устроить ёлку, болѣе мѣсяца, возилъ во вьюкѣ фунтъ старыхъ леденцовъ и нѣсколько парафиновыхъ свѣчей, Богъ знаетъ гдѣ имъ добытыхъ.

Въ первый день Рождества на площади д. Ташкисены былъ отслуженъ молебенъ въ присутствіе графа Шувалова, послѣ котораго графъ пригласилъ къ своему домику офицеровъ, стоявшихъ тамъ батальоновъ

и радушно угощалъ мѣстнымъ виномъ, составлявшимъ въ то время большую рѣдкость.

Нижніе чины пили водку и обѣдали изъ общаго котла, чего не случалось съ выступленія изъ д. Усыковицы.

Извѣстіе о взятіи Софіи и отступленіи Сулеймана-паши отъ Самокова, породили слухи о скоромъ движеніи нашемъ въ Ново-село и далѣе къ Татаръ-Базарджику и Филиппополю, хотя въ тоже время говорили и о идущихъ на ладъ мирныхъ переговорахъ.

Выступленіе задерживалось недостаткомъ сухарей, транспорты которыхъ не могли преодолѣть перевала черезъ Балканы, вслѣдствіе чего въ помощь къ нимъ ежедневно назначались цѣлые батальоны отъ частей войскъ расположенныхъ не въ далекѣ.

26-го декабря очередь дошла до моего батальона и мы весь день провозились со спускомъ телегъ съ южнаго склона Арабъ-Конака.

Погода была хорошая, но усилившійся къ вечеру морозъ и пустые желудки, заставляли насъ на обратномъ пути, прибавить шагъ и идти чуть не бѣгомъ, чтобы скорѣе добраться къ горячимъ котламъ и черкесской крышѣ.

Но неуспѣли мы дойти до д. Даушкіой какъ солнце сѣло и пришлось пристально смотрѣть подъ ноги, чтобы не упасть на скользкомъ шоссе покрытомъ мѣстами, снѣговыми заносами.

Передъ самой деревней, шедшій вслѣдъ за мною унтеръ-офицеръ поскользнулся и падая во весь ростъ, такъ толкнулъ меня, что я едва удержался на ногахъ.

— Легче,—чего подъ ноги не глядишь, сказалъ я ему.

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе, заглядѣлся на небо, больно ужъ чудно́ въ этой туретчинѣ и звѣзды почитай не наши, отвѣтилъ онъ.

Поднявъ голову я остановился залюбовавшись невиданною еще картиною.

Яркія, лучистыя звѣзды, рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ неба, а изъ-за горъ выплывалъ молодой серпъ луны, около котораго стояла блестящая звѣзда, на подобіе того какъ изображаютъ ихъ на турецкомъ гербѣ.

Разница въ мѣстѣ звѣзды была незначительна; такъ какъ она помѣщалась не въ самомъ центрѣ серпа, а нѣсколько ближе къ верхнему его рогу.

Вплоть до самаго дома смотрѣлъ я на это интересное явленіе и и записавъ его въ свою памятную книжку, хотѣлъ выйти на улицу чтобы наблюсти сколько времени оно будетъ продолжаться; но поданныя на столъ горячія щи, дразнили апетитъ и усѣвшись обѣдать, я забылъ турецкую звѣзду, которую никогда уже другой разъ не видѣлъ.

27-го декабря мы простояли на мѣстѣ и получили новые интендант-

скія сапоги, но къ сожалѣнію настолько маломѣрные, что изъ 150 паръ выданныхъ въ батальонъ только 17-ть, и то съ трудомъ надѣвались на ноги, вслѣдствіе чего полкъ принужденъ былъ сдать почти всѣ обратно.

Ночью пришло приказаніе о выступленіи полка въ Ново-село, куда мы и пришли къ вечеру 28-го декабря.

Неиспытавшая бѣдствій войны, большая д. Ново-село, отличалась богатствомъ своихъ стадовъ и изобиліемъ хлѣба.

Населеніе приняло насъ очень радушно, а взойдя въ избу отведенную для ночлега офицерамъ батальона, мы съ благоговѣніемъ перекрестились, передъ давно невиданными иконами, висѣвшими въ кіотѣ, дверцы которой могли закрыться на глухо, въ случаѣ нежданнаго появленія башибузуковъ или черкесовъ.

Передъ образами теплилась лампада, а за стекломъ кіоты были спрятаны простые стеклянные стаканы.

Хозяева наши выбивались изъ силъ, чтобы угодить намъ и благодаря ихъ гостепріимству мы хорошо поужинали и легли спать на постеляхъ устроенныхъ на полу — изъ пахучаго сѣна, отказавшись отъ тонкихъ ситцевыхъ матрасовъ на которыхъ до нашего прихода отдыхала почтенная семья.

Здѣсь, въ первый разъ, пришлось замѣтить громадную разницу въ отношеніяхъ къ намъ болгаръ: до—и за балканскихъ. Первые на всѣ вопросы о покупкѣ у нихъ чего бы-то не было обыкновенно отвѣчали: „нема ничто“; такъ напримѣръ въ д. Ралево; а эти отдавали все, отказываясь отъ денегъ, которыя мы съ трудомъ уговорили ихъ взять лишь на другое утро передъ выступленіемъ въ дальнѣйшій путь.

Въ раззоренной войною Сѣверной Болгаріи, большинство женщинъ, которыхъ мы видѣли было одѣто въ нищенское тряпье, поэтому опрятный національный костюмъ нашихъ новыхъ знакомыхъ, оригинальностью своею, производилъ пріятное для глазъ впечатлѣніе.

Красивыя хозяйки наши были одѣты въ длинныя бѣлыя рубашки, съ широкими вышивками на подолѣ и узорною оторчатою ворота и рукавовъ. Суконные архалуки были стянуты на ихъ стройныхъ таліяхъ широкими кожанными кушаками, покрытыми блестящимъ, мѣднымъ, чешуйчатымъ наборомъ, а при выходѣ изъ дома они накидывали на плечи короткіе мѣховые тулупчики.

Простившись съ милыми хозяевами, утромъ 29-го декабря, мы выступили къ д. Вакарель. Погода вполнѣ благопріятствовала первой половинѣ нашего перехода, а видъ долины напоминая собою ширь, гладь и Божью благодать далекой родины, заставлялъ сердце живѣе биться въ груди, которая дышала легче, вслѣдствіе замѣны дикихъ горъ, роскошными лугами и пашнями съ таявшихъ на нихъ снѣгомъ, отъ лучей вы-

соко стоявшаго солнца. Богатство края сказывалось во всемъ, и подходя къ д. Орманліе, мы увидѣли даже Кирпичные заводы.

Зато вторую половину перехода пришлось дѣлать при совершенно другой обстановкѣ. Путь нашъ лежалъ по скользкимъ отрогамъ горъ; порывистой вѣтеръ пронизывалъ насквозь, нагоняя снѣговыя тучи, изъ которыхъ посыпалась сначала мелкая пороша, а потомъ повалили густыя хлопья снѣга.

Погода портилась все болѣе и болѣе и разразилась вьюгою продолжавшеюся весь вечеръ и всю ночь.

Полуразрушенная, и покинутая жителями, турецкая д. Вакарель не могла не только укрыть отъ непогоды собравшіеся около нея полки л.-гв.: Московскій, Павловскій и Финляндскій, но оказалась недостаточною и для скромнаго помѣщенія неприхотливыхъ офицеровъ; вслѣдствіе чего большинству изъ нихъ пришлось пріютиться въ холодныхъ и грязныхъ сараяхъ, мало защищавшихъ отъ усиливавшейся мятели.

30-го декабря, передъ выступленіемъ съ ночлега, я узналъ о пріѣздѣ генерала-адъютанта Гурко и какъ дежурный, поѣхалъ встрѣтить его и отрапортовать о благополучіи отряда.

Вся деревня была настолько занесена вьюгою, что пока я выбрался на шоссе, лошадь моя нѣсколько разъ проваливалась въ снѣгъ чуть не по уши. Слѣдуя въ свитѣ командующаго войсками, я услышалъ какъ онъ сообщилъ графу Шувалову радостную вѣсть о плѣненіи генераломъ Радецкимъ 41 табора и 10 турецкихъ батарей; а офицеры сопровождавшіе генерала Гурко разсказывали, что распространенію слуха о прекращеніи военныхъ дѣйствій мы обязаны хитрости турокъ, которые видя, невозможность остановить наше движеніе и неимѣя достаточныхъ силъ, чтобы противопоставить ихъ по дорогѣ къ Филиппополю, послали парламентеровъ къ начальникамъ нашихъ передовыхъ отрядовъ, для передачи будто бы послѣдовшаго распоряженія о прекращеніи военныхъ дѣйствій, въ виду ожидаемаго согласія Государя Императора на немедленное заключеніе перемирія.

Временемъ нашей остановки турки хотѣли воспользоваться для отступленія Сулеймана-паши отъ Самакова и концентрированія своихъ силъ у Татаръ-Базарджика, съ цѣлью задержать насъ и недопустить до Филиппополя и Адріанополя.

Кромѣ упомянутыхъ парламентеровъ, Сулейманъ-паша, прислалъ къ генералу Гурко, своего адъютанта съ телеграммою турецкаго военнаго министра, подтверждавшею тѣже слухи.

Генералъ-адъютантъ Гурко отвѣтилъ, что не знаетъ турецкихъ министровъ, а отъ своего главнокомандующаго не получалъ подобныхъ приказаній, вслѣдствіе чего отправивъ адъютанта Сулеймана къ Великому Князю, предписалъ продолжать дальнѣйшее наступленіе.

Турки очистили г. Ихтиманъ, а вслѣдъ затѣмъ отошли и отъ д. Капуджикъ.

Переходъ 30-го декабря былъ великъ и труденъ. Глубокій снѣгъ, смѣнялся скользкою поверхностью обледенѣлаго шоссе а крутые подъемы въ Трояновыхъ воротахъ замедляли движеніе и останавливали артиллерію, которую приходилось тащить на рукахъ; вслѣдствіе чего помогавшій ей 2-й батальонъ отсталъ отъ полка, остановившагося на ночлегъ въ д. Капуджикъ.

Ночлегъ былъ неважный; морозъ крѣпчалъ, а вѣтеръ гулялъ по занятому нами домику, тонкіе, камышевыя стѣны котораго свободно пропускали его сквозь щели обвалившейся глиняной смазки.

Спать почти не приходилось и мы большую часть ночи провели сидя у огня разложеннаго въ ветхомъ подобіе широкаго камина, съ камышевою тягою слегка обмазанною тою же глиною.

31-го декабря около 3-хъ часовъ пополудни, полкъ нашъ слѣдуя въ авангардѣ, подошелъ къ г. Вѣтреново.

Довольно большія строенія съ дымившимися отъ топки трубами, и лавки съ свѣжимъ хлѣбомъ и мѣстнымъ виноградным виномъ, казалось манили подъ свой кровъ, обѣщая возможность встрѣтить Новый годъ обильнымъ ужиномъ и надежду провести ночь раздѣвшись и въ теплѣ.

Но не все то сбывается, что кажется близкимъ и очень возможнымъ, поэтому вмѣсто ночлега, насъ остановили не доходя до города только на два часа времени и приказали сварить людямъ кашицу или чай и затѣмъ двинуться далѣе.

Оказалось, что отступившій отъ Самакова Сулейманъ, миновалъ уже г. Баня и армія его тянется недалеко отъ насъ по самаково-филиппопольскому шоссе, вслѣдствіе чего генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ полковнику Гриппенбергу перейти на упомянутое шоссе близъ д. Симчина. чтобы отрѣзать хвостъ колонны Сулеймана-паши состоявшей, какъ доносили разъѣзды, изъ артиллеріи и обозовъ.

Поднявшись съ привала, мы круто повернули на право и безъ дороги пошли по указанному направленію, въ слѣдующемъ порядкѣ: 4-й батальонъ съ высланною въ авангардѣ 16-ю ротою одинъ взводъ, которой шелъ въ головномъ отрядѣ освѣщая патрулями впереди лежащую мѣстность. Въ нѣкоторомъ разстояніи за 4-мъ батальономъ слѣдовалъ 3-й, а за нимъ 1-й батальонъ.

2-й батальонъ какъ отставшій наканунѣ съ артиллеріею не подошелъ еще къ Вѣтренову и отдѣлился такимъ образомъ отъ полка.

Въ 7-мъ часу пополудни, пройдя сквозь какую-то деревушку, батальонъ мой, обогналъ командующій полкомъ и какъ только поровнялся со мною, мы услышали надъ головами знакомый звукъ прожужжавшей пули; за первымъ послышался второй, потомъ третій и т. д.

Полковникъ Гриппенбергъ далъ шпоры своей лошади и выскакавъ къ авангардной ротѣ, бѣгомъ вывелъ ее на впереди лежащую возвышенность, приказавъ мнѣ привести туда-же еще одну роту.

Живо разсыпались стрѣлки 13-ой и 16-ой ротъ по гребню высоты, причемъ у подножія горъ противоположной окраины, начинающейся въ этомъ мѣстѣ долины р. Марицы, мы увидѣли Самаковское шоссе по которому тянулось что-то похожее на артиллерію или обозы, чего за дальностью разстоянія разсмотрѣть не могли.

Одновременно съ этимъ движеніемъ изъ ущелья дебушировало въ долину около 300 всадниковъ турецкой кавалеріи, которые выстроивъ развернутый фронтъ, пошли на полныхъ рысяхъ за небольшимъ нашимъ драгунскимъ разъѣздомъ, подскакавшимъ почти къ самому шоссе.

Разъѣздъ уходилъ, а турки съ коня провожали его частымъ огнемъ своихъ магазинокъ.

Появленіе наше на противоположной возвышенности было чрезвычайно кстати и бѣглый огонь цѣпи сразу осадилъ непріятельскую кавалерію отошедшею сначала на шоссе, а потомъ продвинувшеюся по немъ влѣво и остановившеюся въ головѣ колонны обоза.

Перестрѣлка шла оживленно, но турецкія пули перелетали черезъ головы не нанося ни малѣйшаго вреда моему батальону, тогда какъ у выхода изъ деревни, т. е. далеко за мною, ими было ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ 1-го и 3-го батальоновъ.

Эти раненые наглядно опровергали собою убѣжденіе нѣкоторыхъ офицеровъ нашей арміи увѣрявшихъ, что дальность выстрѣла магазиннаго ружья не превышаетъ 800 шаговъ, тогда какъ дѣйствительность ихъ боя, въ данномъ случаѣ, была по крайнѣй мѣрѣ вдвое болѣе этого разстоянія.

Почти вслѣдъ за началомъ перестрѣлки на позицію мою неожиданно прискакалъ взводъ гвардейской конной батареи подъ командою капитана князя Оболенскаго, высланнаго къ намъ изъ Вѣтреново по приказанію генералъ-адъютанта Гурко.

Двѣ-три гранаты, брошенныя княземъ Оболенскимъ, значительно ослабили силу непріятельскаго огня, а наступившій вечеръ скрывалъ его отъ нашихъ глазъ и дальнѣйшая перестрѣлка шла менѣе оживленно, такъ какъ приходилось направлять свои выстрѣлы по огонькамъ турецкихъ.

Указавъ мѣсто орудіямъ, полковникъ Гриппенбергъ приказалъ мнѣ продолжать бой оставаясь на позиціи, а самъ съ 1-мъ и 3-мъ батальонами быстро двинулся къ шоссе для атаки непріятеля.

Теченіе р. Марицы и горные ручейки перерѣзывающіе долину заставили батальоны 9 разъ перейти въ бродъ; причемъ тонкій ледъ, которымъ были покрыты нѣкоторые ручьи, не выдерживалъ тяжести на-

шего солдата и подламываясь подъ ногами заставлялъ спотыкаться и падать въ воду. Между тѣмъ огоньки турецкихъ выстрѣловъ появлялись все рѣже и скоро мы услышали крики ура вслѣдъ за которыми перестрѣлка окончательно прекратилась.

Темнота ночи окутывала окружающую мѣстность; морозъ заставлялъ приплясывать на мѣстѣ, а холодный вѣтеръ рѣзалъ лицо; поэтому, выдвинувъ на всякій случай передовые посты, я приказалъ людямъ развести костры у одного изъ которыхъ собралась наша офицерская семья, встрѣчать наступающій новый годъ.

Вскипятили чай, откупорили единственную коробку сардинъ и начали варить рисовую кашу, вспоминая какъ и съ кѣмъ проводили мы годъ назадъ этотъ вечеръ и дѣлая предположенія о томъ, что происходитъ въ настоящее время въ Петербургѣ въ кругу близкихъ намъ его обитателей, которые врядъ-ли могли представить себѣ ту обстановку, при которой мы провожали кровавый 1877 и встрѣчали новый 1878 годъ съ его неизвѣстнымъ будущимъ среди продолжавшейся кампаніи съ ея опасностями нуждами и лишеніями.

Артиллерійскіе офицеры, какъ новые боевые товарищи, раздѣляли съ нами скромный ужинъ, среди котораго къ костру нашему подъѣхалъ генеральнаго штаба капитанъ А. Н. Энгельгардтъ привезшій мнѣ приказаніе командующаго полкомъ двинуться на Самоковское шоссе, для соединенія съ 1-мъ и 3-мъ батальонами.

Изъ разсказа А. Н. мы узнали, что съ приближеніемъ нашихъ батальоновъ къ шоссе турецкая кавалерія, пользуясь наступившею темнотою, отошла и смѣлое наступленіе полковника Гриппенберга увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, доставивъ ему: 2-хъ офицеровъ, около 200 человѣкъ плѣнныхъ, изъ числа пѣхотнаго прикрытія транспорта и болѣе 150 повозокъ, большая часть которыхъ была нагружена, домашнимъ скрабомъ выгнанныхъ Сулейманомъ изъ мѣста своего жительства, безпріютныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей тащившихся со своимъ обозомъ.

Нѣкоторые изъ этихъ невольныхъ бѣглецовъ были вооружены и стрѣляли, изъ за повозокъ, въ нашихъ солдатъ отбиравшихъ у нихъ оружіе.

Впрочемъ, потери наши вообще, были незначительны и заключались только въ одномъ убитомъ и нѣсколькихъ раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Передавъ приказаніе полковника Гриппенберга, капитанъ Энгельгардтъ поѣхалъ съ донесеніемъ къ генералъ-адъютанту Гурко, причемъ везъ съ собою нѣчто вродѣ знамени или флага, напоминающаго наши казачьи сотенные значки,— взятаго съ бою нижними чинами 3-го батальона, при атакѣ пѣхотнаго прикрытія непріятельскаго обоза.

На долго останется въ памяти ночь на 1-е января 1878 года.

Занесенная снѣгомъ долина рѣки Марицы, многочисленные канавы

и ручьи покрывающіе ее въ этомъ мѣстѣ, страшно затрудняли ночное движеніе моего батальона и конныхъ орудій князя Оболенскаго.

Не успѣвали роты устроиться послѣ перехода одного брода, какъ встрѣчался другой и такъ далѣе до 9 или 10 разъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были незначительны по своей шириѣ и глубинѣ, за то въ другихъ, ледяная вода доходила чуть не до пояса и забираясь за голенища промочила на сквозь не только сапоги, но и платье. При переправѣ черезъ Марицу, были случаи паденія и принявшіе холодную ванну солдаты щелкали зубами, не будучи въ состояніи согрѣться во время нашего тихаго движенія. съ его безпрестанными задержками и остановками вслѣдствіе различныхъ препятствій встрѣчаемыхъ чуть не на каждомъ шагу. Только къ 4-мъ часамъ утра мы окончили наконецъ это путешествіе остановившись у шоссе близъ бивуака 1-го батальона. До разсвѣта оставалось еще около 3-хъ или 4-хъ часовъ времени, но почти никто изъ насъ не ложился спать отогрѣваясь у костровъ и просушивая промерзшее, мокрое платье и сапоги, которые потеряли способность сниматься съ ногъ.

Остановивъ батальонъ, я пошелъ къ офицерскому костру 1-го батальона гдѣ увидилъ плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ спокойно сидѣвшихъ около полковника Мессароша, который при помощи переводчика узналъ отъ нихъ, что вслѣдъ за взятымъ нами обозомъ тянется другой, подъ прикрытіемъ 8-ми таборовъ турецкой гвардіи, составляющихъ аріергардъ арміи Сулеймана паши.

Новый обозъ и прикрывающая его гвардія ожидались къ разсвѣту; но мы мало думали о предстоявшемъ боѣ, въ виду притупленія способностей мысли и той апатіи, которая является послѣ сильной усталости и различныхъ лишеній, какъ неизбѣжныхъ спутниковъ войны, заставляющихъ забывать прошедшее, не думать о будущемъ и стараться лишь улучшить свое настоящее пылающимъ костромъ, горячимъ чаемъ, рюмкою водки и табакомъ, если таковые имѣются.

Взятый вечеромъ обозъ и плѣнные были отведены версты за двѣ назадъ по шоссе, подъ прикрытіемъ 3-го батальона; желаніе посмотрѣть ихъ подняло меня на ноги и съ появленіемъ дня я отправился удовлетворять своему любопытству.

Пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ я увидѣлъ заднія телеги остановленныя на шоссе. Изможенныя лица стариковъ, испуганныя женщины и плачущія голодныя дѣти, представляли далеко неутѣшительную картину проявленія жестокой воли Сулеймана паши, гнавшаго этихъ несчастныхъ какъ-бы для огражденія ихъ отъ звѣрскихъ казней, которымъ они будто-бы должны были подвергнуться при появленіи русской арміи. Жилища и имущество бѣглецовъ, не помѣщавшееся въ повозки, сжигалось, чтобы не дать попользоваться имъ ненавистнымъ гяурамъ.

А эти самые гяуры, сторожа плѣнныхъ, дѣлились съ ними послѣднимъ сухаремъ и укрывали дѣтей, посинѣвшихъ отъ мороза.

До расположенія 3-го батальона оставалось еще болѣе половины пути, когда я встрѣтилъ командующаго полкомъ ѣхавшаго впередъ, вслѣдствіе донесенія драгунскихъ разъѣздовъ о приближеніи значительныхъ силъ непріятеля.

Смотрѣть плѣнныхъ было некогда, и повернувшись назадъ я побѣжалъ къ своему батальону.

Только что народившійся день позволялъ разсмотрѣть окружавшую насъ мѣстность. Шоссе шло у подножія горъ, окаймлявшихъ долину съ южной ея стороны и передъ фронтомъ нашего расположенія входило въ ущелье, образуемое этими горами, съ возвышенностями сѣверной окраины долины, круто поворачивающими на юго-западъ, по направленію къ деревни Симчина, лежащей въ горахъ, южнѣе Самаковскаго шоссе.

Въ ожиданіе боя батальоны наши заняли слѣдующую позицію:

Въ котловинѣ горы южной стороны шоссе сталъ 1-й батальонъ, выдвинувъ 2-ю роту на впереди лежащій гребень, съ котораго былъ видѣнъ выходъ изъ ущелья и хорошо обстрѣливалось самое шоссе, правѣе котораго мой батальонъ выстроилъ боевой порядокъ по ротно въ двѣ линіи; причемъ полурота 14-й роты, съ фельдфебелемъ Харевымъ, была выслана на противоположную возвышенность сѣверной окраины долины для наблюденія за наступающимъ непріятелемъ и охраненія нашего праваго фланга. Цѣпь была разсыпана отъ 13-й и 15-й ротъ; 16-я рота составляла частный резервъ, а полурота 14-й роты стояла въ прикрытіе у орудій князя Оболенскаго, выставленныхъ на шоссе.

Едва я успѣлъ провѣрить расположеніе ротъ, какъ, со стороны ущелья, раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и перестрѣлка началась.

Не ровная поверхность поля, перерытаго канавами, съ разбросанными кое-гдѣ отдѣльно стоящими деревьями и кустами, мѣшала видѣть приближающагося непріятеля и разсмотрѣть его силы; а рано открытый огонь и вялая перестрѣлка показывали нерѣшимость турокъ, вслѣдствіе чего полковникъ Гриппенбергъ подалъ сигналъ атаки и моя стрѣлковая цѣпь, неожидая своихъ резервовъ, смѣло двинулась впередъ, участивъ на ходу свои выстрѣлы.

Отвѣтный огонь разгорѣлся, но не надолго, такъ какъ видя энергическое наступленіе, съ приближеніемъ нашимъ, къ головѣ непріятельскаго обоза, на передней повозкѣ его былъ выкинутъ бѣлый флагъ и часть пѣхотнаго прикрытія положила оружіе, а другая бросилась къ предгорію сѣверныхъ возвышенностей, гдѣ была встрѣчена огнемъ и штыками полуроты фельдфебеля Харева и опрокинута въ долину, въ которой ожидала ее 13-я рота. Смѣлая атака заставила турокъ сдаться;

нѣкоторые-же изъ нихъ, желавшіе пробиться къ горамъ, были переколоты штыками.

Обозу приказано было двинуться далѣе, причемъ каждая проходящая повозка осматривалась, и отобраннымъ оружіемъ была завалена шоссейная канава на разстояніи 50—60 шаговъ

Скоро появились и плѣнные, которыхъ насчитали опять около 200 чел.

Изъ показаній ихъ оказалось, что ожидаемые нами 8 таборовъ дѣйствительно слѣдовали въ арріергардѣ обоза, но съ началомъ перестрѣлки ушли въ горы, къ югу отъ Самаковскаго шоссе.

Не вполнѣ довѣряя этимъ разсказамъ, мы отошли къ мѣсту первоначальнаго расположенія, гдѣ, выставивъ наблюдательныя посты, залегли въ боевомъ порядкѣ и начали варку у маленькихъ костровъ, скрытно разложенныхъ въ канавахъ за кустами.

Такимъ образомъ мы провели подъ выстрѣлами послѣднія часы стараго и встрѣтили утро новаго года, доставившіе намъ кучу плѣнныхъ, массу разнороднаго оружія, которымъ мы нагрузили пять облегченныхъ повозокъ, и значекъ, отосланный наканунѣ къ генералъ-адъютанту Гурко; а неожиданное появленіе наше у дер. Симчино и смѣлость дѣйствій заставили 8 таборовъ непріятеля свернуть въ горы, чтобы не встрѣтиться съ тремя батальонами при двухъ 4-хъ-фунтовыхъ орудіяхъ, заслонившихъ имъ путь въ долину рѣки Марицы.

Около полудня полковникъ Гриппенбергъ получилъ извѣстіе о движеніи отряда генерала Вельяминова по Самоковскому шоссе и такъ какъ разъѣзды вошли въ сообщеніе другъ съ другомъ, то это окончательно убѣждало въ томъ, что весь хвостъ арміи Сулеймана миновалъ уже дер. Симчино, вслѣдствіе чего мы снялись съ позиціи и, повернувъ назадъ, пошли по направленію къ гор. Татаръ-Базарджику; а безоружные жители были отпущены вмѣстѣ со своимъ обозомъ.

Ночь пришлось провести въ дер. Ишикошли, причемъ радушіе встрѣтившихъ насъ хозяевъ напоминало собою Ново-село и ту разницу между сѣверными и южными болгарами, которую мы тогда замѣтили.

По показанію жителей, турки отступили къ Константинополю, но Татаръ-Базарджикъ занятъ значительнымъ гарнизономъ, который, вѣроятно, не легко очиститъ его, въ виду каменныхъ строеній города, доставляющихъ хорошее укрытіе отъ нашихъ выстрѣловъ, и глубины рѣки Марицы, опоясывающей его съ этой стороны.

Въ дер. Ишикошли мы нашли нѣчто въ родѣ деревянныхъ казармъ съ большимъ дворомъ въ серединѣ; находка эта была очень пріятна, позволяя составить ружья на дворѣ и помѣстить нижнихъ чиновъ въ теплыхъ комнаткахъ, въ видѣ отдѣльныхъ сарайчиковъ съ дверями на дворъ и на соломѣ, оставленной турками, ночевавшими тутъ наканунѣ.

Теплая комната нашего дома и веселый огонь растопленнаго камина,

чрезвычайно примирительно дѣйствовали на нервы, заставляя забыть усталость и невзгоды минувшихъ дней, а вкусный ужинъ и горячій хлѣбъ, полученный нами благодаря гостепріимству хозяевъ, заставляли смотрѣть на все въ розовомъ свѣтѣ и мы съ удовольствіемъ болтали съ молодыми болгарками, любуясь ихъ подвижностью въ работѣ по уборкѣ нашего помѣщенія и оригинальной выпечкѣ хлѣба.

Къ югу отъ Балканъ печи не въ модѣ и если имѣются, то обыкновенно стоятъ отдѣльно, на выѣздахъ изъ деревни. Каминъ замѣняетъ все.—кушанье варятъ въ котлѣ, подвѣшенномъ на крючкѣ цѣпи, вдѣланной въ верхнюю часть камина, а хлѣбъ пекутъ изъ прѣснаго тѣста, плоскія лепешки котораго кладутъ въ нагрѣтые въ каминѣ глиняные сосуды, на подобіе поддонниковъ цвѣточныхъ горшковъ, которые покрываютъ другими такими-же и засыпаютъ сверху горячею золою съ мелкимъ перегорѣлымъ углемъ. Операція эта продолжается не болѣе получаса и вынутый хлѣбъ считаютъ совершенно готовымъ и годнымъ къ употребленію, несмотря на то, что въ большинствѣ случаевъ онъ остается далеко не выпеченнымъ и имѣетъ закалъ почти на половину своей толщины. Но такова уже сила привычки и потребностей. Вскорѣ послѣ ужина мы узнали, что полку приказано ждать въ дер. Ишикошли прибытія отряда генерала Вельяминова, для одновременнаго съ нимъ выступленія къ г. Татаръ-Базарджику, подъ стѣнами котораго ожидается серьезное дѣло, а такъ какъ всякое ожиданіе тяжелѣе дѣйствительности, то утро 2-го января прошло невесело.

Солдаты, неторопясь, сварили и съѣли свою кашицу; офицеры напились чаю и всѣ, съ надѣтою давно аммуниціею, ходили взадъ и впередъ, не зная, чѣмъ убить время до выступленія, часъ котораго не былъ опредѣленъ и зависѣлъ отъ скорости движенія отряда генерала Вельяминова, все еще не показывавшагося на дорогѣ.

Соскучившись неизвѣстностью, я пошелъ къ дому, занятому офицерами полковаго штаба, думая узнать отъ нихъ что-нибудь новое.

Генералъ Вельяминовъ уже пріѣхалъ и сидѣлъ у командующаго полкомъ, мѣшать имъ не приходилось, и я остановился на улицѣ, разговаривая съ подошедшими товарищами.

У дверей дома стояли фургоны для больныхъ и раненыхъ, около которыхъ хлопоталъ старшій полковой врачъ и суетились фельдшера, укладывая носилки и пополняя свои сумки медикаментами и перевязочными принадлежностями.

Лица у нихъ были озабочены, разговоръ ограничивался отрывочными фразами и названіями того или другаго снадобья, инструмента, лубка и т. п.

Приготовленія эти, съ окружающею ихъ обстановкою, такъ непріятно на меня подѣйствовали, что я плюнулъ и пошелъ къ своему батальону, чтобы отыскать офицеровъ, разошедшихся въ разные стороны.

Но вотъ, раздался сборъ, разобрали ружья, перекрестились и тронулись. Движеніе открывалъ мой батальонъ, какъ назначенный въ авангардъ, за нимъ шли 3-й и 1-й батальоны, позади которыхъ виднѣлся одинъ изъ армейскихъ полковъ дивизіи генерала Вельяминова.

Ровное шоссе долины р. Марицы представляло удобство для движенія и мы шли довольно скоро.

Ожиданіе сраженія заставляло увеличивать шагъ, чтобы скорѣе покончить съ неизвѣстностью, отдѣлявшею насъ отъ перваго момента боя, съ началомъ котораго является извѣстнаго рода дѣятельность, вызываемая необходимостью: наблюденія, дѣйствій и распоряженій, а вмѣстѣ съ ними изчезаетъ непріятное чувство ожиданія чего-то особеннаго, оказывающагося въ дѣйствительности простымъ и немногосложнымъ.

Открытая мѣстность передъ г. Татаръ-Базарджикомъ, позволяла издали разсмотрѣть высившіеся надъ общею массою зданій силуэты его минаретовъ и отдѣльныхъ высокихъ деревъ, вмѣстѣ съ густыми клубами чернаго дыма, подымавшагося въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ.

Но кругомъ все было тихо и лишь одиночные казаки, изрѣдко проскакивающія съ донесеніями къ генералу Вельяминову, показывали, что впереди есть что-то насъ интересующее и требующее распоряженій начальства, для совмѣстнаго дѣйствія тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, которые сѣрою лентою тянулись по шоссе, для того, чтобы убивать себѣ подобныхъ, рискуя въ тоже время и собственною своею шкурою.

Татаръ-Базарджикъ не давался какъ кладъ, и долго мы шли смотря на него, а разстояніе казалось все тѣмъ же.

Злость забирала отъ нетерпѣнія, и на языкѣ вертѣлись всевозможныя непечатныя ругательства туркамъ, не открывавшимъ даже артиллерійскаго огня по нашимъ колоннамъ. Наконецъ, впереди себя, я увидѣлъ казачью сотню, стоявшую на конѣ, съ развивающимся на флангѣ значкомъ.

— Гдѣ турки? спросилъ я сотеннаго командира.

— Городъ очистили, а у воксала стоитъ ихъ тысячъ двадцать, отвѣчалъ онъ, указывая нагайкою на виднѣвшіяся съ правой стороны шоссе каменныя зданія воксала желѣзной дороги, начинающейся близъ Татаръ-Базарджика и идущей черезъ Филиппополь и Адріанополь къ Константинополю.

— Такъ-ли эсаулъ, переспросилъ я, вѣдь тамъ и половины непомѣстится?

— Какъ же иначе, коли разъѣзды ихъ видѣли; — кишмя кишатъ, бестіи.

Посмотрѣлъ я на сотеннаго, думаю не шутитъ-ли; а онъ будто обидѣлся моему недовѣрію и началъ о чемъ-то бесѣдовать съ вызваннымъ изъ строя урядникомъ.

Между тѣмъ батальонъ мой двигался впередъ; городъ былъ видѣнъ какъ на ладони и горѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, причемъ клубы дыма поднимались также и надъ мостомъ черезъ рѣку Марицу горѣвшимъ со стороны города.

Зданія воксала тоже ясно очерчивались на голубомъ фонѣ безоблачнаго горизонта, но вездѣ было тихо и отсутствіе непріятеля становилось неопровержимымъ, вслѣдствіе безнаказанности нашего движенія въ сферѣ дѣйствительности орудійнаго выстрѣла.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до поворота шоссе къ мосту, я получилъ приказаніе сойти съ дороги и остановивъ батальонъ составить ружья.

Турки отступили, подъ прикрытіемъ значительныхъ силъ кавалеріи, которая скрывала ихъ движеніе удерживая нашу кавалерію отъ всякой попытки высмотрѣть силы и направленіе отступающаго непріятеля. Рѣдкіе и далекіе орудійные выстрѣлы показывали, что кавалерійское дѣло продолжается, но участія въ немъ мы принять не могли.

Былъ-ли непріятель у станціи желѣзной дороги, осталось для меня тайною; но вся она дѣйствительно была переполнена мирными жителями Татаръ-Базарджика, которыхъ подлежащія власти выгнали изъ города. съ цѣлью отправить по желѣзной дорогѣ въ Константинополь.

Разсказывали, что несчастныхъ усадили уже въ вагоны и они отдѣлались отъ этаго путешествія только благодаря тому, что машинистъ, увидя подошедшій къ станціи казачій разъѣздъ, струсилъ и отцѣпивъ локомотивъ удралъ на немъ оставивъ поѣздъ на жертву гяурамъ.

Бѣдные путешественники не сразу поняли неожиданный поворотъ своей судьбы, но когда почувствовали себя свободными, то забравъ пожитки, бросились въ родной городъ, запрудивъ собою все шоссе.

Картина возвращенія ихъ и выраженныя намъ чувства благодарности, надолго останутся въ памяти свѣтлою чертою, на темномъ фонѣ, видѣнныхъ нами бѣдствій войны.

Со слезами радости на глазахъ, торопились мирные жители Татаръ-Базарджика къ своимъ опустѣлымъ домамъ, кланяясь до земли нашимъ солдатамъ, цѣлуя ихъ грязныя закоптѣлыя руки и дѣлясь галетами, табакомъ и всякою провизіею, захваченною съ собою на дорогу.

Солнце освѣщало ихъ пестрые костюмы, и въ большинствѣ случаевъ замѣчательно красивые, разнообразные, типы лицъ, казавшихся снятыми съ полотна великаго художника. Дѣти смотрѣли амурами, а нѣкоторымъ молодымъ женщинамъ могли бы позавидывать многіе изъ великосвѣтскихъ красавицъ.

Мостъ черезъ Марицу былъ уже поправленъ нашими солдатами, но перейти его жители не рѣшались, въ виду стоявшихъ по ту сторону кавказскихъ казаковъ, которыхъ они принимали за хорошо извѣстныхъ имъ

баши-бузуковъ; вслѣдствіе чего я получилъ приказаніе вступить съ батальономъ въ городъ и дождаться въ немъ дальнѣйшаго движенія полка.

Пустые дома, съ выбитыми оконными стеклами и слѣдами грабежа въ открытыхъ лавкахъ горѣвшаго квартала, грустно смотрѣли среди мертвой тишины обезлюдившаго города Веселыя лица, многихъ изъ вошедшихъ вслѣдъ за мною жителей, мгновенно мѣняли свое счастливое выраженіе и в хлипываніи женщинъ мѣшались съ громкими проклятіями мужчинъ, посылаемыми ненавистнымъ туркамъ, чуть не уничтожившимъ города пожаромъ и не лишившимъ всего имущества многихъ сотенъ, ни въ чемъ неповинныхъ семействъ. Но среди грустившихъ были и веселые; а между пострадавшими явились и легко наживающіе, открыто грабя дома турецкаго квартала и недавно еще столь страшныхъ придержащихъ властей.

Пожаръ прекращался, а подошедшіе батальоны заставили насъ проститься съ Татаръ-Базарджикомъ и двинуться далѣе по шоссе, запруженному частями войскъ, обошедшими городъ съ другой стороны и торопившимися нагнать непріятеля отступившаго по направленію къ г. Филиппополю.

При выходѣ изъ города, насъ встрѣтилъ капитанъ Энгельгардъ и передалъ командующему полкомъ приказаніе графа Шувалова, слѣдовать на д. Ходжикикіой, вслѣдствіе чего мы свернули съ шоссе и цѣликомъ пошли по указанному направленію.

Переходъ былъ довольно великъ и только ко времени заката солнца, мы увидѣли деревню, назначенную для нашего ночлега, причемъ патрули обратили мое вниманіе на виднѣвшуюся вдали кавалерійскую цѣпь, разставленную у подножія горъ противоположнаго праваго берега рѣки.

Полковникъ Гриппенбергъ ѣхалъ впереди моего батальона и мы довольно долго не могли опредѣлить, наша ли это или турецкая кавалерія. Подойдя ближе, зоркіе глаза солдатъ и наши бинокли, показали, что цѣпь стоитъ лицомъ къ намъ и слѣдовательно непріятельская, а выстрѣлы, раздавшіеся по высланной къ опушкѣ деревни 13-й ротѣ не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности нашего предположенія.

Перестрѣлка началась. Батальоны, продолжая движеніе, вступили въ д. Ходжикикіой, въ средину которой падали пули турецкихъ магазинокъ, несмотря на значительное разстояніе отдѣлявшее насъ отъ непріятеля.

Турки держались превосходно и огонь нашихъ ротъ: 13-й и 14-й, продолжался почти до наступленія ночи, когда наконецъ кавалерійская цѣпь отступила и скрылась въ горахъ; а мы выставивъ караулы разошлись по домамъ гостепріимнаго болгарскаго населенія деревни.

Вечеръ прошелъ въ оживленныхъ разговорахъ съ пришедшими къ намъ въ гости: мѣстнымъ священникомъ съ женою, малолѣтнимъ сыномъ

и нѣсколькими пожилыми болгарами, пламенно желавшими видѣть русскихъ офицеровъ.

Понятно, что темою разговора была настоящая кампанія и болгары, одинъ передъ другимъ, старались яснѣе высказать чувства горячей, безпредѣльной благодарности и преданности своей Государю Императору, называя Его нашъ Русскій Императоръ Александръ II; а увидя знамя батальона, цѣловали его и творя крестное знаменіе прикладывались къ георгіевскому кресту, укрѣпленному, въ лавровомъ вѣнкѣ, подъ знаменнымъ орломъ.

Съ разсвѣтомъ 3-го января мы выступили изъ д. Ходжикикіой и пошли по направленію къ г. Филиппополю.

Усиленные переходы въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца и переправы въ бродъ въ ночь на 1-ое января увиличили число слабыхъ нижнихъ чиновъ, которое въ это утро дошло до 60-ти съ чѣмъ-то человѣкъ въ 3-хъ нашихъ батальонахъ. Слабые эти шли за полкомъ, около воловьихъ подводъ, пріобрѣтенныхъ нами наканунѣ, на которыхъ были сложены ихъ мѣшки, замѣнявшіе ранцы и ружья тѣхъ изъ нихъ, которые не могли нести ихъ сами.

Морозъ доходилъ до 10-ти градусовъ и сильно пощипывалъ уши; а инистый туманъ серебрилъ наши бороды.

Выйдя на шоссе, мы услышали нѣсколько глухихъ орудійныхъ выстрѣловъ, раздавшихся въ право отъ насъ и подойдя на высоту д. Адакіой, получили приказаніе переправиться черезъ рѣку Марицу и присоединиться къ отряду графа Шувалова, который съ однимъ Павловскимъ полкомъ и батальонами гвардейской стрѣлковой бригады, завязалъ бой со всею арміею Сулеймана-паши, занявшею позиціи у дд. Каратаиръ и Дерменъ, находящихся на правомъ берегу р. Марицы, нѣсколько южнѣе д. Адакіой.

Ширина рѣки въ мѣстѣ нашей переправы была около 100 саж. и вся поверхность ея была покрыта сплошною массою быстро плывущаго тонкаго льда.

Никакихъ средствъ для переправы не было, равно какъ не было и кавалеріи, которая могла бы перевести насъ на крупахъ своихъ лошадей.

Но бой шелъ и медлить не приходилось, поэтому полковникъ Гриппенбергъ повернувъ батальоны съ шоссе, приказалъ спуститься къ рѣкѣ и начать переправу въ бродъ.

Картина была оригинальна по костюму людей, большинство которыхъ разулось и снало все, что надѣвается на ноги до таліи; но въ то же время видъ переправляющихся въ бродъ во время полнаго ледохода и при 10-ти градусахъ мороза былъ величественъ, показывая, что нѣтъ преградъ для русскаго солдата во время исполненія имъ священнаго долга службы.

Отъ д. Ходжикикіой до брода черезъ Марицу батальонъ мой шелъ въ аріергардѣ, вслѣдствіе чего переправляться пришлось послѣднему.

Съѣхавъ на берегъ и пропустивъ мимо себя три роты, кромѣ 16-й, оставшейся на лѣвомъ берегу рѣки для прикрытія обоза и слабыхъ нижнихъ чиновъ, я переправлялся позади своего батальона. Теченіе было сильно, глубина брода доходила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до пояса, а большія льдины сбивали съ брода и опрокидывали съ ногъ.

Какіе-то деньщики взяли съ собою ословъ, думая угодить своимъ господамъ, перевезя за полкомъ закуску и кое какіе вещи; но бѣдныя животныя не могли справиться съ сильнымъ теченіемъ и, сбившись съ брода, погибли вмѣстѣ съ вьюками.

Были мѣста, гдѣ лошадь моя едва удерживалась на ногахъ, поэтому не мудрено, что мнѣ случалось хватать солдатъ за шиворотъ, чтобы возстановить равновѣсіе у выбившихся изъ силъ и сносимыхъ напоромъ льда или быстротою теченія.

Перебравшись на правый берегъ, солдаты бѣгомъ побѣжали къ деревнѣ, чтобы усиленнымъ движеніемъ разогрѣть коченѣвшее тѣло, порѣзанное до крови острыми краями тонкаго льда.

Въ двухъ-трехъ дворахъ виднѣлись костры, но грѣться около нихъ было нѣкогда, и какъ только мы успѣли одѣться, полкъ двинулся впередъ, чтобы встать въ резервѣ у графа Шувалова.

Почти одновременно съ нами прибылъ генералъ Брокъ съ л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ, который сталъ на правомъ флангѣ общаго расположенія, фронтомъ къ д. Кара-Дерменъ. Центръ занимали Павловцы, противъ д. Каратаиръ, а на лѣвомъ флангѣ стояла стрѣлковая бригада, подъ угломъ къ Павловцамъ и фронтомъ на д. Кадыкіой.

Выйдя изъ д. Адакіой, 1-й и 3-й батальоны, нашего полка, стали за центромъ общаго расположенія въ батальонныхъ колонахъ изъ середины, а мои три роты, впереди ихъ по ротно въ одну линію

Снѣжная пелена, покрывавшая долину, отчетливо вырисовывала полосы сѣрыхъ шинелей, правильно расположенныхъ батальоновъ и ротъ отряда графа Шувалова.

Кольца бѣлаго дыма, подымавшіяся послѣ каждаго орудійнаго выстрѣла, и легкія сплошныя облака его надъ стрѣлковыми цѣпями, представляли собою прелестный видъ, живо напоминая батальныя картины, развѣшанныя въ залахъ Зимняго дворца.

Перестрѣлка шла непрерывно и турки, какъ всегда, широкою рукою расходывали свои снаряды и пули, посылая ихъ по всѣмъ направленіямъ.

Находясь въ резервѣ и не принимая поэтому непосредственнаго участія въ сраженіи, намъ оставалось только наблюдать за ходомъ его; причемъ слово резервъ, да еще и общій, всего дѣйствующаго отряда, вызывало въ памяти тѣ давно минувшія дни, когда слушая курсъ так-

тики, слово это имѣло смыслъ безнаказаннаго стоянія на поле сраженія внѣ сферы дѣйствія артиллерійскаго огня; но прошедшія съ тѣхъ поръ годы и введеніе дальнобойныхъ орудій и ружей заставило смотрѣть на резервъ иначе, и я получилъ приказаніе отвести роты нѣсколько лѣвѣе, чтобы не подвергать ихъ напраснымъ потерямъ отъ турецкихъ гранатъ, падавшихъ какъ разъ у моей 13-й роты, которая уцѣлѣла только благодаря тому, что гранаты глубоко зарывались въ землю и ни одна изъ нихъ не разорвалась.

Ставъ на новомъ мѣстѣ, я слѣзъ съ лошади, чтобы отогрѣть ноги, замерзавшія вмѣстѣ съ сапогами, промокшими во время переправы и подойдя къ 13-й ротѣ началъ бесѣдовать съ офицерами, собравшимися передъ ея фронтомъ.

Гранаты насъ больше не безпокоили и мы шутили вспоминая какъ ловко ложились они, почти въ одну точку, у трехъ высокихъ деревъ, одиноко стоящихъ посрединѣ громаднаго поля.

Во время этого разговора кто-то изъ товарищей обратилъ наше вниманіе на странное явленіе, состоявшее въ томъ, что шагахъ въ 70-ти отъ насъ, и параллельно фронту роты, подскакивали къ верху отдѣльные комки снѣгу.

Начали присматриваться, подошли ближе и, къ удивленію, разсмотрѣли, что комки эти подымаются отъ паденія турецкихъ пуль, неизвѣстно откуда къ намъ посылаемыхъ.

Скоро къ группѣ нашей подошелъ полковникъ Меланъ; разспрашивая его о ходѣ дѣла, мы совершенно забыли объ недавно наблюдаемыхъ снѣжныхъ комкахъ, какъ вдругъ между нами прожужжала пуля, а короткій ударъ ея во что-то мягкое заставилъ искать глазами пострадавшаго.

— Ой братцы!—раздалось въ рядахъ лежавшей сзади роты.

— Что тамъ такое? спросилъ я.

— Солдатика ранило, отвѣтилъ равнодушно фельдфебель.

Подошли и увидѣли разорванныя на колѣнѣ штаны, свѣжую кровь и испуганое лицо стараго стрѣлка, который лежа въ снѣгу заснулъ и былъ пробужденъ неожиданнымъ ударомъ; затѣмъ болью въ колѣнѣ, вслѣдъ за которою что-то теплое полилось за изношенное голянище, стоявшаго коломъ мерзлаго сапога.

Принесли носилки, уложили раненаго и понесли.

— Смотри Гавриловъ поправляйся скорѣй; такимъ молодцамъ неприходится валяться въ лазаретахъ, напутствовалъ я его.

— Постараюсь ваше высокоблагородіе, отвѣтилъ онъ, да и туркѣ надо бы за ногу-то наквитать, послышалось съ удаляющихся носилокъ.

Пустое мѣсто въ первой шеренгѣ, замѣстили молодымъ солдатомъ, стоявшимъ въ затылокъ раненому; подивились откуда залетѣла шальная

пуля и какъ не задѣла кого нибудь изъ офицеровъ, пролетая между нами и продолжали прерванный разговоръ; а Гаврилову неудалось наквитать туркѣ.

Гангрена, сдѣлавшаяся отъ мороза, сразу свернула его и къ ночи онъ умеръ, на перевязочномъ пунктѣ въ д. Адакіой.

Къ 4-мъ часамъ пополудни непріятельская артиллерія почти прекратила свои выстрѣлы и л.-гв. Павловскій полкъ получилъ приказаніе атаковать д. Каратаиръ. Раздался учащенный ружейный огонь, потомъ крики ура, вслѣдъ за которыми перестрѣлка начала ослабѣвать, давая знать объ успѣхѣ атаки и занятіи деревни.

Въ это время полковникъ Гриппенбергъ двинулъ впередъ наши батальоны и приказавъ 1-му и 3-му остановиться у дороги, ведущей изъ д. Адакіой въ Каратаиръ, повелъ мои три роты лѣвѣе расположенія стрѣлковой бригады, поровнявшись съ которою выслали цѣпь и продолжали наступленіе боевымъ порядкомъ, имѣя одну роту во второй линіи.

Что думалъ нашъ командиръ и какое получилъ онъ приказаніе не знаю, но густыя кусты, занятыя турками отъ берега р. Марицы до д. Кадыкіой и, наконецъ самая деревня, казалось сильно его интересовали.

Глубокій снѣгъ, на трудно проходимыхъ рисовыхъ поляхъ и частыя канавы сильно затрудняли движеніе. Наконецъ цѣпь остановилась, а за за нею стали и резервы, дойдя до широкой водяной канавы, перескочить которую было невозможно; а о переходѣ въ бродъ нельзя было и думать, въ виду того, что мѣряя глубину палкою, болѣе 2-хъ аршинъ длины, нельзя было достать до дна.

Наступилъ вечеръ скрывая собою не только турецкую позицію, но и ближайшія къ намъ стрѣлковыя батальоны; бой утихалъ по всей линіи и только огоньки ружейныхъ выстрѣловъ блестѣли въ темнотѣ, вспыхивая цѣлыми рядами отдѣльныхъ яркихъ языковъ и освѣщая поднимающіеся надъ ними клубы пороховаго дыма.

Къ 8-ми часамъ вечера все стихло. Бивуачныя огни засвѣтились по всему обширному полю битвы и мы получили приказаніе отойти къ д. Адакіой.

Турки очистили Кара-Дерменъ, которую заняли головныя части колонны генерала Вельяминова, подошедшія къ правому флангу нашего общаго расположенія.

4-го января мы выступили изъ д. Адакіой и поступивъ въ лѣвую колонну отряда графа Шувалова, вмѣстѣ съ стрѣлковою бригадою, двинулись подъ начальствомъ генерала Эллиса 1-го, по рельсамъ желѣзной дороги къ д. Кадыкіой. Утро было прекрасно. Морозъ во время движенія былъ почти не чувствителенъ, а ярко свѣтившее солнце весело освѣщало окрестности и способствовало отличному расположенію духа.

Маленькіе желѣзнодорожные мосты, не имѣя настилки, мѣшали ѣхать верхомъ, заставляя чуть не каждыя пять минутъ спускаться съ полотна желѣзной дороги и переѣзжать грязныя, а иногда и очень вязкія канавы; поэтому я слѣзъ съ лошади и шелъ пѣшкомъ впереди батальона.

Скоро нагналъ меня генералъ Брокъ и генеральнаго штаба подполковникъ Ставровскій, которые соблазнясь моимъ примѣромъ слѣзли съ лошадей и пошли вмѣстѣ со мною.

Помня вчерашнее расположеніе турокъ, мы ожидали, что взятіе д. Кадыкіой будетъ стоить не дешево, тѣмъ болѣе, что она лежитъ въ центрѣ позиціи и на высотѣ командующей окружающею мѣстностью.

Но разстояніе до нея все уменьшается и мы различаемъ уже отдѣльныя строенія, а выстрѣловъ не слышно и въ деревнѣ такъ тихо, какъ будто она вымерла. Дымъ, замѣченный въ серединѣ Кадыкіой, указывалъ на пожаръ и отступленіе турокъ не подлежало сомнѣнію.

Вопросъ когда и куда именно они отступили, оставался для насъ открытымъ.

Прійдя въ деревню, мы были поражены громадными стадами рогатаго скота, пасшагося около нея, безъ всякаго присмотра. Большая половина домовъ была сожжена или разрушена и въ нихъ не было ни единаго человѣка.

Валявшіеся цѣлыми грудами снаряды и нераскупоренные ящики съ дистанціонными трубками, ясно говорили о спѣшномъ отступленіи непріятеля, не успѣвшаго даже подобрать нѣсколькихъ труповъ, лежавшихъ на возвышенности близь мѣста расположенія вчерашнихъ батарей.

Послѣ небольшаго привала, мы двинулись далѣе по тѣмъ же рельсамъ, причемъ увидѣли брошенныя около нихъ цѣлыя транспорты повозокъ, опять ящики съ патронами и отдѣльные артиллерійскіе снаряды.

Затѣмъ послышались звуки орудійныхъ выстрѣловъ и ружейнаго огня, раздававшіеся съ правой стороны у подножья горъ, опоясывающихъ долину. Оказалось, что двигавшаяся по шоссе колонна генерала Вельяминова настигла турокъ, занявшихъ позицію у д. Дермендере; вслѣдствіе чего движеніе наше было остановлено и полкъ получилъ приказаніе стать на высотѣ правѣе д. Мечкюръ, чтобы служить связью между отрядомъ графа Шувалова и лѣвымъ флангомъ колонны генерала Вельяминова.

Непріятель занималъ позицію по обоимъ сторонамъ ущелья д. Дермендере; дымъ орудійныхъ выстрѣловъ обозначалъ его батареи расположенныя двумя ярусами: у подножія горъ и на серединѣ ихъ подъемовъ.

Во время остановки у д. Мечкюръ, батареи наши были вызваны графомъ на позицію лѣвѣе стрѣлковаго батальона Императорской фамиліи и лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

Рысью шли 9-ти фунтовыя орудія, прыгая по неровнымъ шпаламъ желѣзнодорожнаго полотна; но частые мосты черезъ канавы задерживали ихъ отсутствіемъ настилки, а спускаться съ рельсъ было болѣе чѣмъ неудобно въ виду глубокихъ боковыхъ канавъ и болотистой мѣстности.

Помощь батареямъ была возложена на близь стоящіе батальоны и мы проводили ихъ, закладывая пустыя пролеты мостовъ запасными шпалами, валявшимися около нихъ.

При движеніи по этой импровизированной настилкѣ, шпалы нѣсколько подавались въ стороны, лошади пугались, чувствуя не твердую почву подъ ногами, сквозь которую виднѣлось быстрое теченіе воды. И вотъ, чтобы помочь этому горю, мы закрывали шпалы брезентами, снятыми съ турецкихъ повозокъ, удерживая ихъ солдатскими руками.

Лошади сторожились, но шли и батареи лихо катили не останавливаясь ни на минуту.

Около шести часовъ пополудни выстрѣлы у Дермендере значительно усилились и полкъ нашъ получилъ приказаніе двинуться на подкрѣпленіе отряда генерала Вельяминова, атакованнаго непріятелемъ.

Не знаю съ чѣмъ сравнить это движеніе. Безчисленное множество маленькихъ рѣчекъ, ручейковъ и канавъ, изпестряло долину, а рисовыя поля дали себя знать вполнѣ.

Рыхлый снѣгъ скрывалъ подъ собою валики, задерживающіе воду при оплодотвореніи полей, вслѣдствіе чего чрезъ каждые 10—12 шаговъ они представляли невидимыя препятствія, заставлявшія спотыкаться и падать. Тонкій слой льда, образовавшійся между этими загородками, не вездѣ выдерживалъ тяжесть человѣка и подламываясь подъ ногами, заставлялъ проваливаться одною ногою, въ то время, когда другая скользила по гладкой подмерзшей поверхности, или неожиданно обрывалась съ валика.

Лошади шли не лучше людей, вслѣдствіе чего пришлось спѣшиться и много разъ спотыкнуться, провалиться и упасть, пока наконецъ миновавъ д. Азлатларъ мы были остановлены, за отбитіемъ, генераломъ Вельяминовымъ, веденныхъ противъ него атакъ непріятеля.

Около 9-ти часовъ вечера бой прекратился и мы остались ночевать на позиціи.

Первый и четвертый батальоны въ длинной и грязной канавѣ, среди рисовыхъ полей, а 3-й въ резервѣ за нами у деревни.

Сырость канавы и усиливавшійся морозъ не очень способствовали отдыху, послѣ непрекращавшагося уже нѣсколько дней форсированія силъ. Промоченныя, много разъ, ноги вызывали дрожь всего тѣла: насморкъ мѣшалъ говорить, а кашель слышался постоянно и со всѣхъ сторонъ.

На несчастіе, движеніе къ Азлатлару помѣшало воспользоваться га-

летами, брошенными турками въ застрявшихъ на поляхъ повозкахъ, и мясомъ убитыхъ нами быковъ, оставшихся около рельсъ у д. Мечкюръ.

Голодъ былъ такъ силенъ, что чувствовался не смотря на усталость, а утолить его было нечѣмъ, или вѣрнѣе, на 5 человѣкъ офицеровъ нашлась одна галета, и на половину замерзшая луковица, которою подѣлился со мною унтеръ-офицеръ, знавшій о нашемъ невольномъ постѣ, продолжавшемся съ ранняго утра.

При всевозможныхъ невзгодахъ похода, табакъ служитъ единственнымъ утѣшеніемъ. Онъ освѣжая голову, разгоняетъ сонъ и отбивая вкусъ—обманываетъ чувство голода, сказывающееся не во-время; но въ ночь на 5-е января, мы были лишены и этого утѣшенія. Карманный запасъ табаку былъ выкуренъ въ теченіе двухъ дней, проведенныхъ нами безъ вьюковъ, и достать его было не гдѣ. Всѣ пристально поглядывали другъ на друга, думая не прячетъ-ли кто-нибудь послѣдней папироски, или щепотки табаку; но, къ сожалѣнію, все оказалось выкуреннымъ и только среди ночи мы получили, отъ зажиточнаго солдатика, листъ неприготовленнаго табаку, который накрошили руками, завернули въ писчую бумагу, вырванную изъ записной книжки, и съ удовольствіемъ курили эту замѣчательную папиросу, передавая ее изъ одного рта въ другой.

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей съѣли по куску самодѣльной солдатской мамалыги, приготовленной изъ размятыхъ на лопатѣ зеренъ мерзлой кукурузы, поджаренной на засаленныхъ крышкахъ ранцевыхъ котелковъ. Я удержался отъ этой пищи и не раскаивался потому, что утолявшіе ею голодъ не насытились и скоро почувствовали себя не совсѣмъ здоровыми.

5-го января бой возобновился въ 9-мъ часу утра сильнымъ артиллерійскимъ, а затѣмъ и ружейнымъ огнемъ, направленнымъ съ праваго фланга турокъ отъ д.д. Белесница и Маркова, противъ колонны генерала Шильдеръ-Шульднера, наступавшей отъ д. Коматъ.

Густой туманъ и цѣлые облака пороховаго дыма закрывали собою окружающую мѣстность, мѣшая видѣть мѣсто боя, съ нашей ночной позиціи близь дер. Азлатларъ, которую мы оставили уже послѣ полудня, двинувшись по приказанію графа Шувалова къ д. Мечкюръ.

Съ каждымъ часомъ бой разгорался все болѣе и болѣе, и безпрерывная стрѣльба слышалась съ трехъ сторонъ наступленія нашихъ войскъ, вслѣдствіе котораго полку было приказано перейти къ д. Коматъ и стать въ резервѣ, правѣе расположенія л.-гв. Павловскаго полка, служа въ тоже время связью съ отрядомъ генерала Вельяминова, наступавшаго на Марково со стороны Дермендере.

Около 3-хъ часовъ пополудни полкъ втянулся въ деревню Дирменъ и былъ остановленъ, для дебушированья изъ нея поротно въ виду того,

что прошедшіе впереди насъ Павловцы понесли потерю отъ турецкихъ гранатъ, направленныхъ въ нихъ при дебушированіи на поле сраженія.

Намъ посчастливилось и непріятель, занятый наступающими, перемѣнилъ направленіе выстрѣловъ своихъ батарей, вслѣдствіе чего мы благополучно заняли назначенное мѣсто, не потерявъ ни одного человѣка.

Обходъ праваго фланга непріятельской позиціи и энергичное наступленіе всѣхъ нашихъ колоннъ, заставило турокъ искать спасенія отступая въ горы, служащія единственнымъ путемъ, неотрѣзанныхъ еще нашими войсками.

Не могу не сказать, что отступленіе это производилось очень хорошо. Каждый уступъ горъ служилъ новою позиціею для аріергарда, который мужественно задерживалъ наступленіе нашихъ частей. Турецкія батареи держались до послѣдней крайности и ловко снимаясь съ позиціи, присоединялись къ отступающимъ.

Правда тоже и то, что отступленію ихъ много способствовали рисовыя поля, замедлявшія движеніе нашихъ войскъ съ фронта.

Картины поля сраженія: во время разгара боя и отступленія непріятеля въ горы, были замѣчательно хороши и эфектны.

Три дня дралась подъ Филиппополемъ армія Сулеймана-паши, побѣжденная непоколебимостью и настойчивостью дѣйствій русскихъ войскъ, руководимыхъ отличными распоряженіями своихъ старшихъ начальниковъ. Армія эта отступила съ поля сраженія какъ вполнѣ дисциплинированная и не бѣжала толпой, объятою паническимъ страхомъ.

Побѣда подъ Филиппополемъ завершила блестящую компанію нашей дунайской арміи и доставила участникамъ ея право гордиться пораженіемъ арміи Сулеймана-паши, отлично дравшейся до послѣдней минуты.

Нашему полку, за исключеніемъ 2-го батальона, находившагося въ колоннѣ генерала Шильдеръ-Шульднера, не пришлось принимать непосредственнаго участія въ дѣлѣ, и вотъ какъ доносилъ объ этомъ графъ Шуваловъ, генералъ-адъютанту Гурко, въ рапортѣ своемъ отъ 17-го января.

„Въ теченіе боя 5-го января, потери л.-гв. Московскаго полка были мѣнѣе другихъ; я считалъ необходимымъ держать полкъ въ резервѣ, въ виду случайностей боя и для рѣшительнаго удара, если бы обстоятельства того потребовали. Не могу еще разъ не заявить, вашему высокопревосходительству, объ отличномъ состояніи означеннаго полка, которое я отношу къ прекрасному и храброму командированію полкомъ флигель-адъютанта полковника Гриппенберга“.

Въ томъ же рапортѣ, донося о дѣйствіяхъ 2-го батальона отдѣлившагося отъ полка еще 30-го декабря, графъ Шуваловъ говоритъ:

„Не могу не упомянуть также о командирѣ 2-го батальона л.-гв. Московскаго полка полковникѣ Ляпуновѣ, который одинъ, со слабою

своею частью, у д. Серасикъ, 2-го января, по моему распоряженію задерживалъ отступающаго противника и тѣмъ далъ возможность ввѣренному мнѣ отряду вступить въ бой съ турками, приведшій къ результатамъ, достигнутымъ къ вечеру 5-го января.

Къ 8-ми часамъ вечера, 5-го января, мы отошли на ночлегъ въ д. Мечкюрь, а на полѣ окончившагося сраженія остались отряды генераловъ Шильдеръ-Шульднера и Вельяминова.

6-го января войска наши продолжали преслѣдованіе непріятеля, вслѣдствіе чего 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, какъ назначенная въ главный резервъ, была выведена на шоссе, идущее изъ Филиппополя къ г. Станимака, гдѣ выстроивъ резервный порядокъ, ожидала прибытія командирующаго войсками.

До пріѣзда генералъ-адъютанта Гурко мы узнали, что Государь Императоръ пожаловалъ ему чинъ генерала отъ кавалеріи и встрѣчая его, солдатики наши радостно привѣтствовали своего старшаго начальника, въ первый разъ выговаривая: „ваше высокопревосходительство".

Объѣхавъ полки и поблагодаривъ за молодецкую службу, генералъ приказалъ повернуть дивизію назадъ и вступить въ г. Филиппополь.

Заиграла музыка, забили барабаны и батальоны съ распущенными знаменами торжественно вступили въ городъ, оглашая его веселыми русскими пѣснями. Помѣстясь на квартирѣ, отведенной въ пустомъ турецкомъ кварталѣ, мы почувствовали себя какъ въ раю.

Возможность раздѣться и умыться, доставляли громадное удовольствіе; а чистая комната, хотя и съ жидкими ситцевыми тюфяками и подушками на досчатыхъ диванахъ, представляла давно неиспытанный комфортъ, не смотря на то, что тонкія стѣны недостаточно предохраняли отъ холода тѣмъ болѣе, что камина не было, и сквозь разбитое оконное стекло дуло преизрядно.

Впрочемъ, недостатки эти мы замѣтили лишь на другой день, освоившись съ новымъ своимъ положеніемъ; да и что значили они послѣ пребыванія на позиціяхъ и при встрѣчи съ вьюками, прибывшими раньше насъ не только въ городъ, но даже и на квартиру. Деньщики приготовили уже постели, выбирая мѣста для господъ по старшинству ихъ чиновъ; чай былъ готовъ, закуска подана и табакъ явился въ изобиліи.

7-го января я вмѣстѣ съ Ляпуновымъ и командирами батальоновъ л.-гв. Гренадерскаго полка: Горевымъ и Засуличемъ, были назначены губернаторомъ города генераломъ Брокомъ, отыскать турецкія склады галетъ и составить имъ опись; вслѣдствіе чего выйдя изъ роскошнаго губернаторскаго помѣщенія, разошлись по разнымъ направленіямъ въ сопровожденіи какихъ-то личностей данныхъ намъ въ проводники.

Филиппополь очень живописно расположенъ на отдѣльныхъ возвы-

шенностяхъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ р. Марицы; поэтому узкія улицы его безпрестанно подымаются въ гору, или опускаются внизъ; причемъ нѣкоторые спуски такъ круты, что ноги невольно скользили по обмерзлымъ камнямъ булыжныхъ мостовыхъ.

Лавки большаго рынка были заперты и нѣкоторыя изъ нихъ казались разграбленными; что впрочемъ могло произойти и не отъ насилія, а вслѣдствіе торопливости при укладкѣ вещей хозяевами мусульманами, бѣжавшими изъ города передъ занятіемъ его нашими войсками.

Зданія вообще недурны, и не смотря на пестроту яркихъ цвѣтовъ, окраски ихъ стѣнъ, я невольно обратилъ вниманіе на нѣкоторые изъ нихъ, выдѣлявшіеся изъ общей массы красотою и оригинальностью своей архитектуры, жаль только что лѣстницы почти вездѣ деревянныя, а въ двухъ-трехъ домахъ, изъ числа тѣхъ въ которыхъ я нашелъ склады галетъ, лѣстницы были далеко не безупречны, и служили не только для подъема, но доставляли вмѣстѣ съ тѣмъ и практику въ гимнастическихъ упражненіяхъ, необходимыхъ для избѣжанія обратнаго спуска черезъ голову, или другимъ какимъ-нибудь образомъ, за исключеніемъ общепринятаго.

Пропутешествовавъ до обѣда я нашелъ шесть складовъ, записывая которые затруднялся выговорить названія улицъ и фамилія домохозяевъ.

Помѣщаю ихъ здѣсь, вмѣстѣ съ примѣрнымъ количествомъ находившихся въ нихъ галетъ:

Улица Кисаръ-Капу . . .	въ домѣ Атанасъ. . .	3500	штукъ.
„ Имаретъ-Сокактъ. . .	„ „ Медресе (мечеть)	8000	„
„ Башхане.	„ „ Мичо. . . .	1500	„
„ Чивтехаманъ . . .	„ „ Петре . . .	6000	„
„ Арабъ-Мале Кунсокакъ	„ „ Зульямъ. . .	8000	„
и въ другомъ домѣ того же хозяина		1200	„
	Итого	28200	штукъ.

Не знаю сколько нашли мои товарищи, но войска нуждались въ то время въ сухаряхъ и отдыхъ нашъ въ Филиппополѣ былъ необходимъ также и въ виду снабженія ими, для дальнѣйшаго движенія къ Адріанополю. Кажется, что сухарей не хватило и нижнимъ чинамъ, были выданы турецкія галеты, къ которымъ мы давно успѣли привыкнуть, благодаря врачешскимъ и другимъ непріятельскимъ складамъ, много помогавшимъ нашему интенданству въ продовольствіи войскъ во время нахожденія ихъ на Балканахъ и непрерывнаго наступленія въ глубь страны.

Вернувшись домой я узналъ объ успѣхѣ преслѣдованія остатковъ арміи Сулеймана-паши и взятіи 40 орудій кавалеріею генерала Скобелева 1-го. Такъ что прибавивъ ихъ къ 60-ти, взятымъ во время боя 3-го, 4-го и 5-го января, цифра выходила круглою и можно было быть

увѣреннымъ, что Сулейманъ потерялъ всю свою артиллерію и армія его болѣе не существуетъ раздѣлившись на мелкіе отряды, которые искали спасенія, пробираясь горами къ берегу моря.

Среди филиппопольскихъ зданій я не могъ не замѣтить православнаго собора и узнавъ, что одинъ изъ нашихъ священниковъ будетъ служить въ немъ всенощную, пошелъ заранѣе, чтобы не опоздать къ началу и имѣть возможность стоять ближе къ алтарю. Но не смотря на то, что ко времени моего прихода, служба еще не началась, соборъ былъ переполненъ офицерами и солдатами, стоявшими даже на паперти.

Красивая обстановка собора производила пріятное впечатлѣніе; но когда началась служба и раздалось стройное, церковное пѣніе хора любителей: офицеровъ и солдатъ,—невольная дрожь пробѣгала по тѣлу, отъ неизъяснимо сладкаго чувства молитвы въ храмѣ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ вдали отъ родины и среди опасностей войны, во время которой мы не имѣли еще случая быть въ церкви.

Нравственная необходимость въ ней сказывалась ясно, лично испытанными ощущеніями и тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ стояли всѣ присутствующіе, начиная отъ высшаго начальства и кончая послѣднимъ солдатомъ.

Не было слышно обычныхъ разговоровъ и не замѣтилъ я праздно или лѣниво стоявшихъ въ церкви.

Всѣ молились, и молились горячо и искренно, со слезами на глазахъ, обращенныхъ къ ликамъ святыхъ иконъ, широко осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Всенощная 7-го января была торжествомъ; но не побѣдителей, пришедшихъ съ поля брани, а торжествомъ вѣры въ Всемогущаго Бога и нашей религіи съ ея обрядностями общей молитвы въ храмѣ, заставлявшими прочувствовать и испытать то, что рѣдко дается и долго не забывается.

8-го января была отслужена обѣдня, послѣ которой отпѣвалось тѣло адъютанта л.-гв. 2-й артиллерійской бригады прапорщика Бартельманова, убитаго на повалъ въ бою 3-го января, въ то время, когда онъ стоялъ въ свитѣ графа Шувалова.

Служебныя обязанности задержали меня и лишили возможности быть въ церкви, чтобы отдать послѣдній долгъ павшему боевому товарищу.

Около полудня всѣ наличные офицеры собрались въ домъ командующаго полкомъ, на дворѣ котораго фотографъ-любитель Ивановъ снялъ съ насъ группу для своего забалканскаго альбома.

Въ мебели чувствовался значительный недостатокъ, поэтому большая половина офицеровъ стояла, а нѣкоторымъ пришлось сѣсть, или лечь прямо на снѣгъ, покрывавшій дворъ и сосѣднія крыши. Зимняя

обстановка подходила къ идеѣ альбома, но мало гармонировала съ прекрасными, хотя и обнаженными, виноградными лозами, обвивавшими бесѣдку у фонтана, вѣроятно предназначенную для послѣ-обѣденнаго кейфа-сибарита хозяина, въ кругу послушныхъ обитательницъ его гарема.

Переговоры о перемиріи, какъ говорили, принимали болѣе опредѣленную форму и занятый ими Великій Князь Главнокомандующій назначилъ генералъ-адъютанта Гурко, временно исправлять Свою должность.

Снабженіе войскъ сухарями и галетами приходило къ концу и выступленіе къ Адріанополю было назначено на 10-е января.

Остановка въ Филиппополѣ не могла возстановить обуви нижнихъ чиновъ, пришедшей по большей части въ совершенную негодность; но тѣмъ не мѣнѣе мы не сидѣли сложа руки и все, что только могло быть починено: исправилось, осоюзилось, подшилось, и въ назначенное утро, мы бодро выступили изъ Филиппополя, помянувъ его добрымъ словомъ, за отдыхъ и возможное приведеніе въ порядокъ обмундированія и обуви.

Дальнѣйшій нашъ путь шелъ по шоссе; но несмотря на это, далеко не былъ легокъ. Снѣга таяли, повсемѣстная грязь рѣдко была ниже щиколки, закрывая иногда и колѣни. Сырость пронимала насквозь, а дожди смѣнявшіеся мокрымъ снѣгомъ, отъучили отъ сухаго платья, обуви и бѣлья, непросыхавшихъ на ночлегахъ въ холодныхъ домахъ, съ отсутствующими въ нихъ каминами. Послѣдствія бѣгства населенія краснорѣчиво сказывались въ разбросанныхъ по дорогѣ обломкахъ телѣгъ и паломъ скотѣ.

Трупы мущинъ, женщинъ и дѣтей валялись на шоссе, его обочинахъ и въ канавахъ.

Видъ этихъ несчастныхъ, нерѣдко изуродованныхъ колесами артиллерійскихъ орудій и повозокъ нашихъ обозовъ, конечно не доставлялъ особеннаго удовольствія, а запахъ гніющихъ труповъ заражалъ воздухъ и заставлялъ зажимать носъ, или усиленно курить во время всего перехода.

Такимъ образомъ 10-го января мы пришли въ дер. Папасли; 11-го въ дер. Каялы и 12-го въ г. Хаскіой, причемъ, въ первый разъ, встрѣтили толпы турокъ, возвращавшихся въ свои покинутыя жилища. Сколько ихъ было, откуда и куда они шли, я узнать не могъ; но тощій обозъ ихъ и отдѣльныя группы идущихъ, тянулись версты на двѣ.

Жалкіе, оборванные, съ голыми дѣтьми, едва прикрытыми лохмотьями старыхъ одѣялъ, люди эти двигались понуря голову; или искоса поглядывая на насъ.

Въ этихъ взглядахъ выражались всевозможныя чувства, начиная отъ мольбы и страха, и кончая дикой злобой и ожесточеніемъ. Мужчины и болѣе сильныя женщины шли пѣшкомъ, неся дѣтей на рукахъ или за плечами.

Другіе ѣхали верхомъ на тощихъ лошадяхъ или ослахъ, садясь по двое, а иногда держа еще и ребенка.

Повозки были переполнены мягкою рухлядью, среди которой виднѣлись до 10-ти головъ взрослыхъ женщинъ, стариковъ и старухъ.

Волы и буйволы, обремѣненные непосильною тяжестью, часто спотыкались и останавливались, но умѣлая рука гнавшаго ихъ хозяина, ловко дергала за веревку, привязанную къ рогамъ, или наносила такіе жестокіе удары, что животныя по-неволѣ тащили далѣе, до временной остановки каравана, или послѣдней своей минуты, за которой наставалъ вѣчный отдыхъ и то нерѣдко, послѣ снятія шкуры, съ живой еще скотины.

Подойдя къ г. Хаскіой, мы долго тянулись по его длиннымъ и узкимъ улицамъ, расходясь по квартирамъ. Отведенная для офицеровъ 4-го батальона была очень опрятна и щеголяла чистою обивкою диванныхъ матрасовъ, но за то холодна была до невозможности, а красивый каминъ оказался фальшивымъ и стоялъ только для украшенія.

Болгаринъ, хозяинъ дома, оказался далеко не изъ нашихъ поклонниковъ, и не смотря на предлагаемые ему блестящія желтицы и рубли увѣрялъ, что „нема ни что“. Лавки были закрыты, и мы съ большимъ трудомъ достали скудный ужинъ и „мангалъ“ съ горячимъ углемъ, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣть нашу красивую, но необитаемую зимою комнату.

Переходъ 13-го января продолжался вплоть до 12-го часа ночи. Грязь доходила до колѣнъ; артиллерійскія лошади не вывозили, вслѣдствіе чего явились постоянныя задержки и остановки.

Недавнее дѣло Углицкаго полка съ прикрытіемъ обозовъ оставило страшные слѣды: безчисленное количество изломанныхъ телегъ валялось по обѣимъ сторонамъ дороги; трупы турецкихъ солдатъ виднѣлись на протяженіе нѣсколькихъ верстъ; а ужасный ихъ запахъ сопровождалъ насъ во все время движенія. Убитыя женщины и дѣти, разрытое имущество и лоскутки, валявшіеся кругомъ остатковъ обоза, указывали на грабежъ, виновники котораго, болгары, виднѣлись еще собирающими всякую дрянь среди этой чудовищно-безчеловѣчной обстановки.

Усталые физически и подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ видѣнной картины, пришли мы въ г. Херманлы. Комната, отведенная намъ, помѣщалась въ нижнемъ этажѣ дома, а въ верхнемъ стоялъ цѣлый взводъ солдатъ, которые хотя всячески старались не безпокоить своихъ офицеровъ, но тѣмъ не менѣе спать почти не пришлось.

Щели потолка способствовали неожиданнымъ сюрпризомъ: въ родѣ сыпавшаго на голову песку; кускамъ грязи свободно проваливавшимся сквозь отверстія потолка пальца въ два шириною и наконецъ въ довершеніе удовольствія какой-то солдатикъ, пробираясь между товарищами, опрокинувъ полный котелокъ воды, не во время устроилъ душь, своимъ непосредственнымъ начальникамъ.

Утромъ 14-го января мы выступили изъ г. Херманлы и двинулись

далѣе, сопутствуемые туманомъ и изморостью, которая смѣняясь дождемъ промочила насъ чуть не до костей.

Въ началѣ перехода перешли черезъ рельсы желѣзной дороги и слѣдуя вблизи ихъ увидѣли поѣздъ, везшій въ Адріанополь лошадей и багажъ Великаго Князя Главнокомандующаго.

Казалось бы, что видъ паровоза не долженъ былъ обращать на себя особеннаго вниманія, но на дѣлѣ вышло иначе, и всѣ съ любопытствомъ и удовольствіемъ слѣдили глазами за этимъ давно невиданнымъ зрѣлищемъ, показывающимъ, что мы проникли къ самому сердцу вражьей страны и захвативъ желѣзнодорожную линію, начали уже пользоваться ею, извлекая удобства усовершенствованнаго способа передвиженія и перевозки тяжестей.

Во время большаго привала, увидѣли другой приближающійся поѣздъ. и зная что въ немъ долженъ прослѣдовать Великій Князь, мы бросили свою варку и побѣжали къ рельсамъ, чтобы встрѣтить Августѣйшаго Главнокомандующаго.

Великій Князь стоя у окна вагона милостиво здоровался съ нами; громкое восторженное „ура“ непрерывно перекатывалось вдоль всей линіи, занятой чинами полка и звуки его не прекращались до того времени, пока удаляющійся поѣздъ совершенно скрылся изъ виду.

Разгулявшаяся временно погода снова нахмурила брови и начавшійся дождь шелъ уже вплоть до самой ночи; причемъ частыя капли его больно били и какъ будто кололи: носъ, щеки и уши.

Сплошная, жидкая, холодная грязь уменьшала скорость движенія, а переправы черезъ сломанные мосты и глубокія, грязныя канавы, задержавали насъ, заставляя переднія роты растягиваться, а заднія отставать.

Къ концу перехода насъ застигла ночь и нѣсколько оставшихся верстъ казались безконечными, вслѣдствіе указанныхъ неудобствъ пути. Каждая канава останавливала и переходить ея приходилось чуть не по одиночкѣ. Ноги скользили въ глубокой грязи, обрываясь на спускахъ и подъемахъ; непроглядная темнота ночи, не только мѣшала видѣть что нибудь впереди себя, или подъ ногами, но сидя верхомъ, я не въ состояніи былъ разсмотрѣть голову своей лошади и собственную руку, въ которой держалъ поводья.

Мокрые, усталые и перепачканные въ грязи мы едва дотащились до ночлега, назначеннаго въ г. Мустафа-Паша-Кипри-Су; но и тутъ еще бѣдствія наши не прекратились.

Таяніе снѣговъ залило узкіе улицы города и вода въ нихъ доходила до колѣнъ; мерцавшіе же кое гдѣ огни, разведенные нашими квартирьерами, бросали яркія полосы свѣта, которыя скользя по колеблющейся поверхности воды пугали своимъ отраженіемъ, невольно застав-

ляя держаться ближе къ домамъ, чтобы не провалиться въ какую нибудь яму и неизобразить собою болѣе удобной переправы для идущаго сзади товарища.

Медленное движеніе, постоянныя остановки и мѣрное покачиваніе въ сѣдлѣ въ теченіе многихъ часовъ, вызывали такое головокруженіе, что я положительно не могъ опредѣлить направленія движенія лошади и нѣсколько разъ спрашивалъ ѣхавшаго за мною поручика Кардиналовскаго, стоимъ ли мы на мѣстѣ, двигаемся ли впередъ, или лошадь моя пятитъ задомъ.

Наконецъ роты разошлись по домамъ и я приказалъ своему батальонному квартирьеру указать мнѣ помѣщеніе, отведеное для офицеровъ.

— „Сюда, ваше высокоблагородіе, сюда“, кричалъ невидимый проводникъ. Но куда именно надо было ѣхать я разобрать не могъ, вслѣдствіе чего приказаль квартирьеру вести мою лошадь въ поводу.

Вслѣдъ за мною ѣхалъ полковникъ Мессарошъ, держась на хвостѣ лошади, а за нимъ тянулись гуськомъ капитаны: Кенигкъ, Рехенбергъ и другіе офицеры.

— „Какъ прикажите вести лошадь, мостикомъ или канавой?“ — спросилъ квартирьеръ.

„Веди гдѣ знаешь“, отвѣтилъ я, и скоро почувствовалъ какъ шлепанье по водѣ стало меньше, но въ тоже время что-то сильно качалось подъ ногами лошади.

Лошадь Мессароша прошла благополучно, но вслѣдъ затѣмъ мы услышали крикъ и что-то полетѣло въ воду. За первымъ возгласомъ раздался второй, приправленный бранью; новый шумъ паденья и плескъ воды обдавшей кругомъ, далеко разлетѣвшимися брызгами.

Подъ названіемъ мостика, квартирьеръ мой подразумѣвалъ узкую доску, перекинутую чрезъ глубокую канаву, поверхъ которой стояла еще вода почти на полъ-аршина.

Какимъ-то чудомъ прошли по доскѣ первыя двѣ лошади, но слѣдующія, не видя ея подъ водою, сорвались и вмѣстѣ съ сѣдоками окунулись въ канаву, изъ которой едва вылѣзли.

Въ это время на крыльцѣ близь стоящаго дома показались фонари встрѣчавшихъ насъ деньщиковъ, при свѣтѣ которыхъ я увидѣлъ площадь, превратившуюся въ озеро, и какихъ-то мѣстныхъ жителей переѣзжавшихъ ее на лодкѣ.

Лошади шли по брюхо въ водѣ, а сапоги наши отмывались отъ толстаго слоя грязи, наросшаго на нихъ во время перехода.

Рано утромъ мы вышли на шоссе; только что нарождавшійся день не успѣлъ еще разсѣять ночнаго мрака, и города Мустафа-Паша-Капри-Су мы такъ и не видѣли.

Движеніе къ Адріанополю приходилось дѣлать глубокою колонною всѣхъ частей нашей 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи и стрѣлковой бригады, вмѣстѣ съ л.-гв. Саперным батальономъ, вслѣдствіе чего выйдя изъ города надо было выждать время вытягиванія ихъ на шоссе и мы успѣли изрядно промокнуть, пока наконецъ тронулись съ мѣста.

Вчерашній дождь не прекращался и грязь постепенно увеличивалась.

Дорога шла отрогами горъ, заставляя то подыматься вверхъ, то опускаться внизъ, перебираясь при этомъ черезъ ручейки, образовавшіеся отъ таянія снѣга въ горахъ и дождей шедшихъ нѣсколько дней сряду.

Часа черезъ полтора пути мы сошли съ шоссе на вязское пахатное поле, гдѣ и составили ружья въ виду того, что перерѣзывающій дорогу ручей, такъ разбушевался, что нечего было и думать о переправѣ въ бродъ.

Мутно-рыжіе волны съ шумомъ катились по извилистому руслу, образуя частые водовороты, бѣлая пѣна надъ которыми и высоко подымающіяся вверхъ брызги, указывали на опасныя мѣста, попавъ въ которыя не только человѣкъ, но даже крѣпкая лошадь не могли бороться съ силою прихотливаго теченія воды и сразу опрокидывались съ ногъ и неслись внизъ по теченію, не будучи въ состояніи возстановить равновѣсіе и рискуя быть разбитыми объ встрѣчный камень, или пѣнь сломаннаго дерева, едва замѣтные подъ расходившеюся стихіею.

Подобное крушеніе, но по счастью съ благополучнымъ окончаніемъ, пришлось испытать одному изъ молодыхъ офицеровъ стрѣлковой бригады, который вздумалъ переправиться черезъ ручей, нѣсколько ниже шоссе.

Разсказывали, что попавъ въ водоворотъ, надъ глубокою ямою, лошадь сразу опрокинулась и вмѣстѣ съ сѣдокомъ скрылась подъ волнами; затѣмъ оба они показались на поверхности, по очередно кувыркаясь другъ черезъ друга до тѣхъ поръ, пока нѣсколько казаковъ, рискуя собственною жизнью, не вытащили ихъ, въѣхавъ въ воду на болѣе твердыхъ и надежныхъ лошадяхъ.

Переправиться было необходимо, вслѣдствіе чего [графъ Шуваловъ приказалъ саперному батальону выстроить мостъ, матеріаломъ для котораго служили: телеграфные столбы, проволока и солдатскія палаточныя веревки; а для соединенія частей моста, выведенныхъ одновременно съ обоихъ береговъ рѣки, были употреблены плетеныя изъ хвороста бока болгарской каруцы (телеги).

Къ 5-ти часамъ пополудни постройка окончилась, но, по конструкціи своей, мостъ допускалъ переправу не иначе какъ по одному, причемъ ходуномъ ходилъ подъ ногами людей, если они не оставляли между собою извѣстной дистанціи.

Подобная переправа двухъ полковъ (Павловцы и Финляндцы вернулись обратно), батальоновъ стрѣлковой бригады и саперъ, требовала слишкомъ значительнаго времени, вслѣдствіе чего, пользуясь паденіемъ

воды, полки, л.-гв. Московскій и Гренадерскій, переправились по обмѣлѣвшему броду, а батальоны перешли по мосту.

Наступилъ вечеръ, а до Адріанополя оставалось около 20-ти верстъ, вслѣдствіе чего было рѣшено, что мы станемъ на ночлегъ въ какой-то деревнѣ, находящейся на пути и вступимъ въ городъ на другой день утромъ.

Но одна неудача вела за собою другую, и деревня оказалась въ 7-ми верстахъ въ сторону, т. е. разстояніе до нея было почти тоже, что до Адріанополя, прямо къ которому мы и пошли.

Мокрыя отъ дождя и переправы въ бродъ выше колѣна, мы шли въ непроглядную ночь по сплошному слою жидкой грязи, скрывавшей глубокія колеи изрытаго шоссе, объ осколки острыхъ камней котораго, накалывали потертыя въ кровь ноги, мало предохраняемыя изорванными сапогами.

Многихъ усилій стоилъ этотъ памятный переходъ и совершенно измученные вошли мы въ Адріанополь, безпрестанно останавливаясь вслѣдствіе задержекъ на пути отъ весенняго разлива, покрывшаго водою нѣкоторыя улицы почти на аршинъ глубины, какъ это было напримѣръ, близь моста у сліянія рѣки Тунджи съ Марицею.

Батальонъ мой шелъ въ хвостѣ колонны, ради чего я только въ 6-мъ часу утра, 16-го января, добрался наконецъ до турецкихъ казармъ, назначенныхъ для помѣщенія всѣхъ полковъ нашей дивизіи.

Не трудно понять, какое удовольствіе испытывали мы, оканчивая переходъ, продолжавшійся почти сутки времени и какъ радовались казармамъ, надѣясь высушиться въ нихъ и отдохнуть какъ слѣдуетъ послѣ 6-ти дней, проведенныхъ въ непрерывномъ и трудномъ движеніи.

Скоро, однако, пришлось разочароваться относительно удобства помѣщенія нижнихъ чиновъ, такъ какъ громадныя по величинѣ казармы оказывались тѣсными для 4-хъ полковъ, и неимѣли печей и каминовъ, у которыхъ можно было погрѣться и просушить платье.

Ко времени нашего прихода, л.-гв. Гренадерскій полкъ размѣстился уже въ нижнемъ этажѣ и раздѣвшіяся люди грѣлись около небольшихъ костровъ, разложенныхъ ими на каменномъ полу длиннаго коридора.

Намъ былъ отведенъ верхній этажъ, деревянные полы котораго не допускали роскоши разведенія костровъ, положительно необходимыхъ въ виду того, что ни у кого не было ни одной сухой нитки и зубы стучали какъ въ лихорадкѣ; поэтому солдатики наши ухитрились разложить микроскопическіе костры на каменныхъ подоконникахъ или по просту на уложенныхъ на полу крышкахъ ранцевыхъ котелковъ.

Увидя это, я предложилъ дежурному по полку поручику Коршунову немедленно обойти расположеніе всѣхъ батальоновъ и приказать

потушить огни, крайне опасные въ казармахъ, гдѣ все, кромѣ продольныхъ стѣнъ, было деревянное.

Приказаніе было исполнено, огни потухли, и я съ офицерами помѣстился тутъ-же въ казармахъ, занявъ отдѣльную комнату между ротами своего батальона, правѣе которыхъ шла средняя лѣстница и оставалась пустая половина казармъ, предназначенная для полковъ л.-гв. Павловскаго и Финляндскаго.

Въ 7-мъ часу утра подошли вьюки; деньщики начали хлопотать съ приготовленіемъ чая, а я, не раздѣваясь, задремалъ на голыхъ нарахъ, въ ожиданіе сухаго бѣлья, подушки и одѣяла.

Но не прошло и получаса, какъ неожиданный крикъ: „пожаръ!— Финляндцы горятъ!“ —заставилъ меня надѣть саблю и выйти въ коридоръ.

Дымъ стлался уже по потолку всего коридора, занятаго сплошь солдатами, спавшими о бокъ другъ къ другу.

Зловѣщія огненныя змѣйки виднѣлись на стѣнахъ и потолкѣ крайняго помѣщенія 16-й роты, за которою начался пожаръ въ пустой половинѣ казармъ, охвативъ сразу среднюю лѣстницу,—крики: „пожаръ, горимъ!“ раздались снова и вся масса, застигнутыхъ врасплохъ солдатъ, вскочила на ноги, не понимая со сна, откуда грозитъ опасность и гдѣ искать спасенія.

Ночная темнота, скрывавшая окружающую обстановку, сбивала ихъ съ толку; а густой дымъ ѣлъ глаза и пугалъ неожиданною опасностью.

Воды не было и, обхваченные огнемъ, нижніе чины 16-й роты не могли пробраться къ противоположному выходу, такъ какъ весь коридоръ былъ занятъ людьми остальныхъ ротъ.

И вотъ, спасая собственную шкуру, раздались другія возгласы: „потушили! пожаръ кончился!“ кричали они, проталкиваясь впередъ по коридору. Люди недоумѣвали чему вѣрить; толпа, напираемая сзади, быстро увеличивалась, крики раздавались громче, и мнѣ едва удалось кое-какъ успокоить солдатъ, приказавъ имъ не торопясь идти къ уцѣлѣвшей лѣстницѣ, остававшейся единственнымъ спасеніемъ для всего полка.

Между тѣмъ пожаръ развивался чрезвычайно быстро и съ страшною силою.

Деревянныя стѣны, перегородки, полы и потолки трещали, и огненныя змѣйки пробирались по щелямъ ихъ уже надъ самыми головами, а сзади виднѣлись громадные огненные языки, вырисовывающіеся среди клубовъ темнаго дыма.

При такой обстановкѣ порядокъ поддерживаться не могъ и давка въ коридорѣ была невозможная. Всѣ торопились къ дверямъ, давили другъ друга и, не будучи въ состояніи добраться до лѣстницы, бросались къ окнамъ, которыя какъ на зло имѣли толстыя желѣзныя рѣ-

шетки, не поддававшіяся подъ дружными натисками рукъ нѣсколькихъ человѣкъ сразу.

Офицеры мои пошли къ своимъ ротамъ и замѣшались въ толпѣ; а я съ капитаномъ Рехенбергомъ остался около своей комнаты, стараясь водворить порядокъ и удержать толпу солдатъ двухъ батальоновъ, которые такъ напирали на выходную дверь, что невольно мѣшали проходу сквозь нее, чѣмъ подвергали заднихъ опасности сгорѣть, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до лѣстницы.

Положеніе было ужасное и не знаю, что ожидало-бы меня, успокаивая и приводя въ порядокъ солдатъ, если-бы не мой батальонный жолнеръ унтеръ-офицеръ Юхневъ, который взялъ меня за руку и, нагнувшись къ уху, сказалъ: „Ваше высокоблагородіе, огонь пробирается къ лѣстницѣ, пойдемъ, или вы сгорите".

Увѣрившись въ справедливости словъ Юхнева, я приказалъ вынести знамя и направился къ выходу.

„Дать дорогу, батальонный командиръ идетъ и знамя несутъ", кричали солдаты, и толпа сжималась до невозможности, пропуская насъ до самой двери. Но въ этотъ моментъ напоръ сзади былъ такъ силенъ, что насъ, какъ говорится, заклинило и я, стоя на самомъ порогѣ, не могъ вырваться изъ толпы.

Напряженіе силъ было безполезно: кругомъ все охало, кричало, и дымъ, затруднявшій дыханіе, заставлялъ закрывать глаза, слезившіеся отъ его ѣдкаго запаха гари.

Въ эту критическую минуту Юхневъ со всей силы толкалъ меня въ шею, а какіе-то два солдата, проскочившіе раньше черезъ двери, тащили меня за руку.

Какъ выдержало туловище и уцѣлѣли руки, я не могу себѣ объяснить до сихъ поръ, но я проскочилъ сквозь дверь и напоромъ толпы вслѣдъ за мной вылетѣлъ и Юхневъ.

Знамя застряло въ дверяхъ... кто-то упалъ на самомъ порогѣ и тяжкіе стоны раздались изъ-подъ кучи людей, которые, не будучи въ силахъ противостоять натиску толпы, преслѣдуемой огнемъ, падали другъ на друга, закрывая собою узкую дверь, за которою еще можно было надѣяться на спасеніе.

Вторую и третью критическія минуты я испыталъ при поворотѣ лѣстницы, по которой спускалась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ и у выходной двери, сквозь которую, кромѣ московцевъ, пробивались саперы и часть гренадеръ.

Давка была страшная, причемъ нѣкоторые нижніе чины, видя невозможность спуститься по лѣстницѣ, прыгали съ верхней площадки ея, и падая на каменный полъ, получали сильные ушибы и вывихи.

Крики, стоны и оханья наполняли воздухъ, а въ довершеніе бѣд-

ствія на толпу людей бросались испуганныя лошади, бившія ихъ, чтобы пробраться къ выходу на дворъ.

Лошади эти были введены деньщиками для того, чтобы укрыть отъ изморости бѣлье, вынимаемое изъ вьюковъ, прибывшихъ почти передъ самымъ началомъ пожара.

Нѣкоторые изъ нихъ погибли, а другіе, сбивая людей, выскочили на дворъ, вытащивъ съ собою державшихся за сѣдла деньщиковъ.

Очутившись на свѣжемъ воздухѣ, я почувствовалъ, что личная опасность миновала, но тѣмъ тягостнѣе сознавалась неминуемая гибель знамени и кучи людей, упавшихъ на него въ дверяхъ верхняго коридора.

Нечеловѣческими усиліями, объятыхъ пламенемъ людей, удалось выломать желѣзныя рѣшетки въ 3-хъ - 4-хъ окнахъ и солдаты начали спускаться и прыгать съ высоты 2-го этажа, причемъ нѣкоторые отдѣлались незначительными ушибами, тогда какъ другіе повредили себѣ члены и были ранены штыками, падая на ружья спасшихся товарищей или свои собственныя, выброшенныя изъ окна.

Видя новый путь къ спасенію, я разрѣшилъ нѣсколькимъ охотникамъ отправиться въ пылавшія казармы за знаменемъ батальона.

Быстро обѣжали они вокругъ громаднаго зданія и полѣзли въ окна противоположнаго фасада; но рѣдкое самопожертвованіе не могло увѣнчаться успѣхомъ, въ виду того, что окна, неимѣвшія рѣшетокъ, были обхвачены пламенемъ.

Бѣдствіе наше было ужасно въ полномъ смыслѣ этого слова и въ довершеніе его, какъ-бы для окраски этой потрясающей картины, во все время пожара и нѣсколько часовъ послѣ него, раздавались страшные выстрѣлы отъ разрыва патроновъ, оставшихся въ забытыхъ сумкахъ и выброшенныхъ изъ оконъ, но неубранныхъ отъ горѣвшихъ стѣнъ.

Знамя 4-го батальона сдѣлалось жертвою пламени, сила котораго была баснословна, такъ какъ казармы, вмѣщавшіе 17-ть батальоновъ, сгорѣли менѣе чѣмъ въ часъ времени.

Пожаръ начался въ 7 часовъ 20 минутъ утра и къ 8-ми часамъ оставались только каменныя стѣны, среди которыхъ лежали груды пылавшихъ обломковъ, а около мѣста гдѣ была наша лѣстница, виднѣлись обгорѣлые трупы людей.

Знамена прочихъ батальоновъ были спасены, благодаря нѣкоторому удаленію расположенія этихъ батальоновъ отъ мѣста начала пожара и окнамъ, неимѣвшимъ желѣзныхъ рѣшетокъ.

Такъ знамя 1-го батальона было передано въ окно, рисковавшимъ жизнью, фельдфебелемъ роты Его Высочества Копыловымъ, который спускаясь вслѣдъ за нимъ, сорвался и упавъ со 2-го этажа получилъ значительные ушибы.

Знамя 2-го батальона успѣлъ вынести молодецъ знаменщикъ, унтеръ-

офицеръ Монаховъ, выскочившій въ одномъ бѣльѣ; и наконецъ знамя 3-го батальона было спасено тоже черезъ окно, причемъ знаменный орелъ отломался отъ древки, перебитой пулею во время сраженія подъ Горнымъ-Дубнякомъ.

Грустно стояли на дворѣ батальонныя колонны полка, недосчитываясь пострадавшихъ товарищей, судьба которыхъ не была еще приведена въ извѣстность.

Изморость освѣжала отяжелѣвшія головы, а дневной свѣтъ позволялъ разсмотрѣть безпорядочную одежду людей, потерявшихъ многое изъ предметовъ своего обмундированія, вооруженія и снаряженія.

Послѣ повѣрки наличнаго состава полка, приходилось благодарить Бога за относительно небольшую потерю, понесенную въ людяхъ, половина которыхъ легко могла сдѣлаться жертвою ужаснаго пожара, испытаннаго нами 16-го января 1878 года.

Сгорѣло 11-ть человѣкъ; раненыхъ и получившихъ довольно сильныя поврежденія было болѣе 100 человѣкъ и одинъ сошелъ съума.

Офицеры оказались на лицо, но поплатились своимъ имуществомъ и двое настолько, что оставшись въ одномъ бѣльѣ принуждены были сидѣть въ лазаретной линейкѣ, не имѣя сапогъ чтобы выйти на дворъ и какого нибудь платья, могущаго укрыть ихъ отъ непогоды.

Остававшійся вмѣстѣ со мною капитанъ Рехенбергъ, спасся выпрыгнувъ изъ окна, на руки своего деньщика и двухъ-трехъ солдатъ; а поручикъ Кардиналовскій принужденъ былъ искать окна безъ рѣшетки, на другомъ фасадѣ казармъ, чрезъ которое спустился по связаннымъ полотнищамъ салдатскихъ палатокъ, вмѣстѣ съ своимъ деньщикомъ и какимъ-то армейскимъ офицеромъ, неизвѣстно какъ очутившимся тутъ въ это время.

Л.-гв. Гренадерскій полкъ и Саперный батальонъ не понесли потерь, вслѣдствіе расположенія въ нижнемъ этажѣ казармъ, загорѣвшихся нѣсколько позже, причемъ лѣстница ихъ не задерживала и большинство оконъ было безъ рѣшетокъ.

Много говорили о причинѣ этого ужаснаго пожара. Обвиненія въ неосторожности обращенія съ огнемъ квартирьеровъ л.-гв. Павловскаго и Финляндскаго полковъ, смѣнялись предположеніями о поджогѣ казармъ турками, извѣстный фанатизмъ которыхъ позволялъ думать объ этомъ тѣмъ болѣе, что въ городѣ встрѣчались звѣрскія физіономіи съ бритыми головами, глаза которыхъ метали молніи, изъ-подъ закрученной грязной чалмы, а руки судорожно сжимались въ кулаки.

Но насколько мнѣ извѣстно, вопросъ этотъ не выяснился окончательно даже и во время производства дознанія.

Потеря знамени, хотя и не по нашей винѣ, нравственно убивала меня, какъ командира батальона, а также товарищей и нижнихъ чиновъ.

Всѣ мы повѣсили головы и грустно смотрѣли на догоравшія развалины казармъ, среди которыхъ невозможно было отыскать остатковъ этой святыни.

Усилія раскопать груду горѣвшихъ обломковъ и найти хоть частицу знамени, были тщетны, и съ раскраснѣвшимися лицами, прожженными сапогами и платьемъ, мы вернулись къ батальону, но сѣсть, какъ бывало, передъ серединою его не могли, чтобы не раздражать расходившихся нервовъ видомъ осиротѣлаго мѣста сгорѣвшаго знамени.

Такимъ образомъ мы просидѣли на дворѣ до 3-хъ часовъ пополудни, когда наконецъ получили приказаніе двинуться на другую окраину города и стать по квартирамъ, состоящимъ на этотъ разъ изъ сараевъ лѣсопромышленниковъ, около стѣнъ которыхъ, вплоть до самой крыши, были сложены доски, а на полу валялись сухія стружки.

Видъ этихъ помѣщеній заставлялъ содрогаться при одной мысли о возможности повторенія испытаннаго нами бѣдствія, но другихъ квартиръ не было, и къ вечеру люди были размѣщены.

Офицеры моего батальона помѣстились тутъ-же, занявъ крошечныя комнатки, устроенныя въ родѣ голубятенъ, въ углахъ тѣхъ-же сараевъ и предназначенныхъ служить конторами для продажи лѣса.

Величина этихъ комнатъ не допускала помѣститься иначе какъ вдвоемъ, вслѣдствіе чего дружная семья наша принуждена была на время раздѣлиться.

17-го января Великій Князь Главнокомандующій объѣзжалъ полки нашей бригады, гвардейскіе стрѣлковыя и саперный батальоны, выстроенные развернутымъ фронтомъ по улицамъ вблизи расположенія квартиръ.

Его Высочество милостиво обращался къ офицерамъ вспоминая дѣла, въ которыхъ приходилось участвовать полку и благодарилъ за службу; причемъ выразилъ сожалѣніе по случаю постигшаго насъ бѣдствія во время пожара.

Вниманіе Великаго Князя Главнокомандующаго очень порадовало насъ и возвращаясь домой офицеры и нижніе чины батальона значительно повеселѣли тѣмъ болѣе, что до объѣзда мы узнали о телеграммѣ, посланной Его Высочествомъ Государю Императору, въ которой сообщая о пожарѣ, Великій Князь доносилъ, что знамя сгорѣло единственно вслѣдствіе невозможности спасти его отъ страшнаго пламени, жертвою котораго сдѣлались и нижніе чины, при немъ находившіеся.

Кромѣ того мы торжествовали услышавъ, отъ однаго изъ приближенныхъ къ Великому Князю, о чрезвычайно лестныхъ отзывахъ о полкѣ генералъ-адъютанта Гурко и графа Шувалова, высказанныхъ при первомъ свиданіе ихъ съ Его Высочествомъ.

Сознаніе въ томъ, что высшее начальство замѣтило и осталось довольно посильнымъ исполненіемъ всѣми чинами полка долга своей

службы и присяги, щекотало самолюбіе, а милостивое вниманіе Великаго Князя какъ бы доказывало, что Его Высочество не чуждъ мнѣнію, составленному о насъ Его славными сподвижниками.

Подъ этими впечатлѣніями мы вернулись домой и принялись хлопотать о починкѣ и заведеніи вновь испорченнаго и недостающаго обмундированія и обуви, готовясь къ скорому выступленію изъ Адріанополя, какъ говорили тогда, въ г. Родосто.

Сгорѣвшія ружья пополнились пріемкою излишнихъ въ прочихъ полкахъ; часть недостающей аммуниціи получили отъ тѣхъ же полковъ, а другую часть замѣнили турецкіе поясные ремни, очень похожіе на наши, конечно кромѣ бляхъ съ мѣсяцемъ и звѣздою; появились также турецкіе мундиры и шинели, но сапоги составляли главную задачу и достать ихъ было негдѣ.

По этому чтобы обуть босыхъ солдатъ, по всему городу разыскивались и покупались: полуботинки и сандаліи, къ которымъ пришивались голенища.

Сапожники и портные, работая день и ночь, шили новыя шинели, шапки и сапоги, исправляли старое обмундированіе, чинили обувь и прочее.

Почти всѣ офицеры были заняты отыскиваніемъ необходимыхъ для этого матеріаловъ, а русскіе желтицы и серебрянные рубли обогащали городъ, развивая падавшую торговлю, которая видимо увеличивалась и дѣлала Адріанополь похожимъ на обширный рынокъ.

Торговля процвѣтала не только во всѣхъ лавченкахъ, но и на улицахъ, среди которыхъ сотни мальчишекъ продавали табакъ и мѣстныя лакомства въ родѣ орѣховъ, рахатъ, лукума и халвы, неистово выкрикивая: „ори! ори! карошъ, ори!“ предполагая, что по-русски это значитъ орѣхи.

Турецкій базаръ, славившійся отличнымъ оружіемъ и вообще предметами восточной роскоши, былъ запертъ и у запечатанныхъ наружныхъ дверей его, стояли русскіе часовые оберегая, опустѣлыя лавки, отъ мѣстныхъ грабителей.

За то разныя съѣстныя лавченки и жалкія подобія ресторановъ и кондитерскихъ, росли чуть не по часамъ, появляясь въ помѣщеніяхъ: сапожниковъ, портныхъ, парикмахеровъ, или просто въ открытыхъ съ улицы комнаткахъ, гдѣ передъ тѣмъ торговали конскою сбруею и плохими желѣзными издѣліями.

Большой пассажъ былъ наполненъ пришлыми гостями, съ утра и до вечера. Всѣ считали необходимымъ, купить чтобы то не было и пріобрѣтая одну нужную вещь, набирали десять безполезныхъ, платя конечно гораздо дороже обыкновенныхъ цѣнъ, какъ говорили намъ мѣстные жители, не заинтересованные этою торговлею.

Въ пассажѣ встрѣчались всѣ тѣ, кого нельзя было застать дома, вслѣдствіе чего, кромѣ разсматриванія выставленныхъ товаровъ и покупки вещей, тутъ шли служебные разговоры и распространялись разнообразные слухи: о заключеніи мира, возвращеніи нашемъ въ Россію, дальнѣйшей кампаніи чуть-ли не съ цѣлымъ свѣтомъ; константинопольской революціи, и такъ далѣе до безконечности.

Въ результатѣ день приносилъ физическую усталость и цѣлый сумбуръ въ головѣ отъ невяжущихся другъ съ другомъ слуховъ, вызванныхъ ими соображеній, мыслей, ощущеній и прочаго.

Утромъ 19-го января удалось отыскать металлическіе остатки сгорѣвшаго знамени и нѣсколько истлѣвшихъ кусочковъ матеріи его полотна.

Все это было бережно завернуто въ вату, уложено въ жестяную коробку и представлено Великому Князю Главнокомандующему.

Подъ вечеръ, сидя въ своей голубятнѣ, я услышалъ какой-то странный гулъ, происходившій отъ отрывистаго разговора нижнихъ чиновъ, расположенныхъ подо мною въ сараѣ; желая узнать причину его, я подошелъ къ окну, выходящему во внутрь, и невольно остановился, увидя слѣдующую картину: среди сарая стоялъ нашъ московскій солдатъ, что-то разсказывавшій цѣлой кучѣ моихъ стрѣлковъ, слушавшихъ его съ напряженнымъ вниманіемъ.

Лица ихъ сіяли удовольствіемъ и въ тоже время выражали недовѣріе; желаніе-же переспросить разсказчика, ясно виднѣлось на полуоткрытыхъ ртахъ большинства слушателей. Причемъ нѣкоторые не могли выдержать характера и дергали оратора за полы шинели и за руки; но онъ, казалось, не слышалъ предлагаемыхъ вопросовъ и не обращалъ вниманія на теребившія его руки.

Крупныя капли пота выступали на его блѣдномъ лицѣ и глаза какъ-то особенно блестѣли.

Группа слушателей не уменьшалась, несмотря на то, что многіе отходили въ стороны и снимая шапки широко крестились. Мѣста ихъ тотчасъ же занимались другими и масса любопытныхъ постепенно увеличивалась солдатами, другихъ ротъ моего батальона, безпрерывно входившими въ ворота сарая.

Разговоръ становился громче, затѣмъ послышались отдѣльныя возгласы, съ трудомъ сдерживаемыя унтеръ-офицерами, напоминавшими о моемъ близкомъ присутствіи; наконецъ кто-то гаркнулъ „ура“ и общее напряженіе разразилось громкими криками всѣхъ присутствующихъ.

Шапки полетѣли вверхъ; начались обниманія, поздравленія другъ друга и чаще стали подниматься руки, творившіе крестное знаменіе.

Въ это время по моей лѣстницѣ подымался фельдфебель, ведя за руку разсказчика; а въ углу сарая, съ серьезной миной и безсмыслен-

нымъ выраженіемъ лица, старательно выплясывалъ тряпака, какой-то молодой замореный солдатъ.

Перемиріе было подписано и извѣстіе о немъ, вызвало видѣнную мною картину разнороднаго проявленія вызванныхъ имъ чувствъ.

Состоящій въ почетномъ конвойномъ отрядѣ Государя Императора, барабанщикъ Щеголевъ, бѣгомъ прибѣжалъ сообщить эту радостную вѣсть бывшему своему ротному командиру; но не вытерпѣлъ, и раньше, чѣмъ подняться ко мнѣ. сказалъ мимоходомъ знакомому солдатику, тотъ не повѣрилъ и заставилъ побожиться. Щеголевъ началъ разсказывать подробности молебна въ конакѣ Главнокомандующаго; набралась толпа и случайный ораторъ безчетное число разъ повторялъ тоже самое своимъ перемѣняющимся слушателямъ до тѣхъ, пока они убѣдясь въ истинѣ разсказа крикнули „ура“, а фельдфебель счелъ долгомъ отвести ко мнѣ виновника, причиненнаго безпокойства.

Счастливый Щеголевъ стоялъ еще передо мною, когда въ комнату вошелъ А. А. Зегеловъ, подтвердившій справедливость радостной вѣсти, слышанной имъ отъ графа Шувалова, къ которому онъ былъ посланъ за полученіемъ приказаній.

Долго еще безмолвно плясалъ, въ углу сарая, молодой заморенный солдатикъ; всю ночь слышался тихій шепотъ позабывшихъ сонъ нижнихъ чиновъ и въ ночномъ воздухѣ доносились отголоски далекаго русскаго „ура“.

20-го января въ городскомъ соборѣ былъ отслуженъ торжественный молебенъ, въ присутствіи Великаго Князя Главнокомандующаго, и цѣлый день слышались поздравленія съ окончаніемъ кампаніи и блестящими условіями будущаго мира.

Выступленіе изъ Адріанополя было отсрочено; слухи о возвращеніи на родину получали болѣе вѣроятія; время посадки на суда, для переѣзда въ Одессу, опредѣлялось 1-мъ и 15-мъ марта; возвращеніе въ Петербургъ ожидалось къ Святой, а на 17-е апрѣля предполагался парадъ на Марсовомъ полѣ.

Всѣ повеселѣли, заговорили о домѣ, родной семьѣ и посматривая на оборванное платье, торопились писать своимъ портнымъ, заказывая новую обмундировку.

Лишенія минувшаго похода были забыты и близкое будущее рисовалось самыми яркими красками.

22-го января, на дворѣ дома графа Шувалова, фотографъ Ивановъ снялъ съ офицеровъ полка, вторую забалканскую группу, въ центрѣ которой помѣстился графъ, выразившій желаніе сняться вмѣстѣ съ нами.

Негативъ вышелъ удачнѣе филиппопольскаго, и группа эта надолго запечатлѣетъ въ памяти воспоминаніе о трудныхъ, но славныхъ дняхъ турецкой войны 1877 — 1878 годовъ, которую довелось сдѣлать подъ

начальствомъ графа Шувалова, дѣлившаго съ нами горе и радость и заставившаго всѣхъ насъ любить и уважать себя, какъ доблестнаго боевого начальника и человѣка съ истинно добрымъ сердцемъ.

26-го числа, графъ произвелъ смотръ полку. Оставшись вполнѣ довольнымъ наружнымъ видомъ людей и ихъ обмундированіемъ, онъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ за все время похода; а фельдфебелямъ и взводнымъ унтеръ-офицерамъ приказалъ выдать денежныя награды изъ собственныхъ своихъ суммъ.

27-го января полкъ выступилъ изъ Адріанополя, получивъ приказаніе слѣдовать не въ Родосто, какъ думали прежде, а къ г. Эрекли.

Прекрасная погода и хорошее шоссе вполнѣ благопріятствовали движенію, такъ что несмотря на холмистую мѣстность, мы сдѣлали переходъ легко, и въ исходѣ пятаго часа пополудни стали на ночлегъ въ дер. Хавсу.

Солнце стояло еще довольно высоко и грѣло настолько, что мы выходили изъ дома въ однихъ мундирахъ.

Д. Хавсу, какъ большая часть деревень этой мѣстности, была велика, разграблена и почти безъ населенія, взамѣнъ котораго мы встрѣтили на улицахъ нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ роты Вологодскаго полка, поставленной тутъ для содержанія караула.

Незначительный численный составъ отдѣльно стоящей роты наглядно показывалъ, что край покоренъ; но съ другой стороны приходилось задуматься надъ извѣстіями, полученными нами въ Хавсу, которыя сообщали, что Рущукъ и Эрзерумъ не сдаются нашимъ войскамъ, за неполученіемъ комендантами ихъ надлежащихъ распоряженій отъ своего правительства; а около г. Чорлу часть отряда генерала Скобелева 2-го имѣла стычку съ партіями черкесовъ и баши-бузуковъ, непризнающими заключеннаго перемирія.

Затѣмъ говорили, что генералъ Игнатьевъ, пріѣхавъ въ Адріанополь, не засталъ въ немъ турецкой депутаціи, которая возвратилась въ Константинополь для полученія дальнѣйшихъ инструкцій.

Все это вмѣстѣ взятое заставляло блекнуть наши розовыя мечты, о скоромъ возвращеніи домой, и разговоры на эту тему почти совсѣмъ прекратились.

Переходъ 28-го января мы начали при морозѣ около 3^0, при чемъ замерзшія лужи выдерживали тяжесть человѣка.

Съ восходомъ солнца температура воздуха быстро возвышалась и около 2-хъ часовъ пополудни было такъ тепло, что нѣкоторые изъ насъ сняли пальто и ѣхали въ однихъ мундирахъ. Весна, казалось, вступала въ свои права и мы радовались ей, забывая о рѣзкихъ перемѣнахъ температуры южнаго климата въ теченіи дня, которая обманывая

своимъ временнымъ тепломъ, непривычныхъ къ нему жителей сѣвера, щедро надѣляютъ ихъ своими лихорадками.

По счастью, на этотъ разъ, никто изъ насъ не поплатился здоровьемъ въ виду того, что поднявшійся вѣтеръ заставилъ надѣть пальто и пройти нѣсколько верстъ пѣшкомъ.

Остановившись въ д. Баба-Эски, мы въ первый разъ замѣтили полное отсутствіе болгарскаго населенія, которое замѣнилось греческимъ. Турецкая половина деревни была пуста и разрушена.

29-го января, выступивъ къ г. Люле-Бургасъ, пришлось подивиться, что шоссе идущее отъ Адріанополя тянется всего только на разстояніе около 60-ти верстъ. Оканчиваясь д. Баба-Эски, оно замѣняется грунтовою дорогою, движеніе по которой возможно только верхомъ.

Солдаты съ трудомъ вытаскивали ноги изъ вязкаго глинистаго грунта; артиллерія и обозы требовали усиленной помощи пѣхоты, а брошенныя по дорогѣ: колеса, части каруцъ и палый скотъ, показывали удобства, доставляемыя ею мѣстнымъ жителямъ.

Переходъ былъ труденъ и назначенная на слѣдующій день дневка, пришлась какъ разъ во время.

Г. Люле-Бургасъ не великъ и не богатъ, а такъ какъ рынокъ его былъ разрушенъ, то купить что либо, кромѣ хлѣба, было почти невозможно.

Жителей мы не видѣли, хотя не только греки, но и часть турокъ оставались въ своихъ домахъ; чувства ихъ къ намъ выразились выстрѣломъ изъ-за угла въ часоваго 15-й роты, стоявшаго у воротъ дома, въ которомъ помѣщалась часть нижнихъ чиновъ роты.

Фанатикъ скрылся, но при обыскѣ его дома были найдены: ружье, кремневый пистолетъ и, неизвѣстно какъ попавшіе въ турецкія руки, казачья шапка и форменный револьверъ, системы Смитта и Вессена.

Въ тотъ-же день за драгуномъ, посланнымъ за сѣномъ въ сосѣднюю деревню, гнались баши-бузуки и, не будучи въ состояніи догнать, сдѣлали нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ.

Прозрачные домики и холодные вечера, заставили топить камины; а неисправность ихъ повлекла за собою три случая горѣнія сажи въ трубахъ. Первые два, въ помѣщеніяхъ нижнихъ чиновъ, были тотчасъ-же потушены ими, а послѣдній произшедшій въ домѣ, занятомъ полковникомъ Меланомъ и старшимъ докторомъ Подобѣдовымъ, показалъ намъ странный способъ предупрежденія пожара, который практикуютъ мѣстные жители.

Испугавшись огня, показавшагося изъ трубы, хозяинъ дома и сбѣжавшіеся греки, недовольствуясь тѣмъ, что огонь былъ залитъ людьми, влѣзшими на крышу, повалили трубу, что конечно не послужило къ

большому удобству или украшенію дома; да врядъ-ли и давало лишніе шансы для обезпеченія себя отъ пожара.

31-го января, выйдя изъ г. Люле-Бургаса, первую четверть версты мы сдѣлали по прекрасному шоссе, тутъ же окончившемуся, вслѣдъ за которымъ опять пошла грунтовая дорога, нѣсколько впрочемъ подсохшая, благодаря лучамъ высокостоявшаго солнца.

Обломки каруцъ встрѣчались чаще, чѣмъ на предъидущемъ переходѣ, и если-бы не теплая погода, то переходъ въ д. Кариштеранъ врядъ-ли-бы было возможно сдѣлать съ артиллеріею и обозомъ, въ виду часто встрѣчавшихся ручейковъ съ глубокою, липкою грязью, по берегамъ.

Зная объ этихъ препятствіяхъ, графъ Шуваловъ посылалъ наканунѣ подпоручика Зегелова на рекогносцировку дороги и, только получивъ кроки и словесное донесеніе, приказалъ двинуться далѣе.

1-го февраля мы выступили изъ разрушенной, покинутой жителями д. Кариштеранъ и пришли въ г. Чорлу, продрогнувъ какъ зимой. Утренній морозъ не только сковалъ дорогу, но и покрылъ ручьи довольно толстою ледяною корою.

Холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь, а мелкій крупчатый снѣгъ билъ въ лицо.

Квартира отведенная во второмъ этажѣ была безъ камина; тонкій полъ ея, кромѣ того что пропускалъ вѣтеръ, былъ на столько не надеженъ, что мы принуждены были усѣсться по стѣнамъ и впускать деньщиковъ по очереди, такъ какъ онъ скрипѣлъ и качался отъ тяжести каждаго человѣка, входившаго въ комнату.

Раздобывъ мангалъ, мы кое-какъ согрѣлись, и въ виду выступленія на утро, улеглись спать не видѣвъ города.

Погода 2-го февраля была не лучше, но благодаря морозу ноги невязли и мы рано окончили переходъ.

Г. Эрекли, расположенный на склонѣ горы у самаго берега Мраморнаго моря, виднѣлся издали; а у входа въ него насъ встрѣтило съ крестнымъ ходомъ мѣстное греческое духовенство вмѣстѣ съ любопытными жителями.

Вмѣстѣ съ нами пришли: Лейбъ-Гренадеры, Саперный батальонъ и артиллерія, для помѣщенія которыхъ городъ оказался малъ, вслѣдствіе чего наши 1-й и 3-й батальоны были выведены въ ближайшій Чифликъ, а 2-й и 4-й расположились въ турецкомъ кварталѣ города, почти у самаго берега моря.

Холодный сѣверо-восточный вѣтеръ стихъ, погода измѣнилась къ лучшему и наступили ясные солнечные дни ранней южной весны, благодаря которымъ мы отворяли окна нашихъ комнатъ, и только вечеромъ прибѣгали къ помощи мангаловъ, безъ которыхъ приходилось

мерзнуть въ ажурныхъ домикахъ, свободно пропускавшихъ наружный воздухъ и не имѣвшихъ даже намека на какое либо приспособленіе для ихъ отопленія.

Въ районѣ размѣщенія моего батальона жителей не было, такъ какъ съ приближеніемъ войскъ около 100 семействъ турокъ покинуло городъ; не смотря на что, мулла акуратно появлялся на минаретѣ мечети и громко сзывалъ на молитву свою отсутствующую паству.

Исполнивъ свой традиціонный долгъ, онъ спускался внизъ и зачастую сидѣлъ на заваленкѣ, размышляя о превратности судьбы и непрочности всего земнаго.

Проходя какъ то мимо муллы, глубокомысленно созерцавшаго окружающую природу, я былъ пораженъ привѣтствіемъ его, обращеннымъ ко мнѣ, на довольно чистомъ русскомъ языкѣ.

Остановившись, я разговорился съ нимъ и послѣ долгихъ обиняковъ, почтенный пастырь признался, что русскій языкъ извѣстенъ ему по той простой причинѣ, что въ молодости своей онъ жилъ въ Крыму, занимая болѣе скромное положеніе, чуть-ли не работника на виноградникахъ.

Бѣжавъ въ Турцію, онъ замѣнилъ лопату—кораномъ и изъ бѣглаго крымскаго татарина сдѣлался уважаемымъ наставникомъ и блюстителемъ закона Магомета, въ маленькомъ портовомъ городѣ Эрекли, когда-то громкой древней Иракліи.

Откровенность муллы была очень кстати, въ виду того, что по мѣрѣ удаленія отъ Адріанополя болгарскій элементъ постепенно смѣнялся греческимъ и мы испытывали непріятное чувство непониманія разговора мѣстныхъ жителей, вслѣдствіе чего должны были объясняться съ ними подбирая названіе даннаго предмета, на всѣхъ извѣстныхъ намъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Французскій языкъ много помогалъ въ большихъ городахъ, но въ маленькихъ имъ почти никто не владѣлъ, а въ деревняхъ онъ могъ служить съ одинаковымъ успѣхомъ какъ китайскій, и во всякомъ случаѣ гораздо меньше ломанаго болгарскаго и даже нашего роднаго русскаго.

По этому проговорившійся мулла, волею-неволею попалъ въ переводчики, что впрочемъ не совсѣмъ пришлось ему по вкусу; но такъ какъ отдѣлаться было трудно и отговоркамъ домашнихъ объ его отсутствіи никто не вѣрилъ, то чтобы отклонить отъ себя должность, не подходящую къ высокому сану и не потерять въ будущемъ нравственнаго вліянія на послушную паству, онъ признался, что сынъ его, хотя будто и родившійся въ Турціи, хорошо знаетъ русскій языкъ.

Это открытіе было еще пріятнѣе и молодой татаринъ замѣнялъ намъ переводчика, чичероне и коммисіонера.

Съ приходомъ войскъ въ г. Эрекли торговля закипѣла, но многаго

мы получить не могли, и главный недостатокъ составлялъ хлѣбъ, который продавался по франку за штуку и то, чтобы получить его, надо было посылать съ ранняго утра и брать чуть не силою.

Солдаты осаждали пекарни, не жалѣя послѣднихъ денегъ, и чтобы удержать напоръ ихъ и предупредить возможные безпорядки, у каждой лавки торгующей хлѣбомъ, были поставлены отдѣльные посты и даже ефрейторскіе караулы.

Продовольствіе офицеровъ значительно улучшилось, благодаря правильнымъ рейсамъ пароходовъ, заходившихъ въ нашу бухту во время слѣдованія своего изъ Константинополя въ Родосто, Марсель и обратно.

Египетская цвѣтная капуста, апельсины, редиска, свѣжіе омары, рыба, альберты и англійскій джинъ, замѣнили пріѣвшіеся битки; а бѣлый хлѣбъ изъ одесской крупчатки занялъ мѣсто полусыраго кукурузнаго. Трудные переходы въ суровое время года смѣнились неутомительными одиночными ученьями на сухихъ улицахъ или берегу моря, отливавшаго прелестнымъ изумруднымъ цвѣтомъ; а температура воздуха, доходившая около полудня до+15 и 18° R., дѣлала ихъ пріятными и полезными въ гигіеническомъ отношеніи. Офицеры предпринимали прогулки къ замѣчательнымъ раскопамъ греческаго монастыря, любуясь изящными барельефами и орнаментами, художественно высѣченными изъ бѣлаго, какъ снѣгъ, мрамора; которыя, кстати сказать, цѣнились мѣстными жителями не болѣе какъ матеріалъ для ступеней крутаго подъема въ часть города, расположенную на горѣ, или какъ заплаты ненадежныхъ построекъ ихъ, изъ чего то похожаго на необозженный кирпичъ, перемѣшанный съ мелкимъ камнемъ, связанныхъ между собою глиною и поддерживаемыхъ распорками изъ тонкихъ деревянныхъ жердей и брусковъ.

Въ нѣсколько дней, проведенныхъ нами въ г. Эрекли, онъ значительно оживился; населеніе всѣми силами старалось угодить намъ, радуясь богатой наживѣ и вѣрной охранѣ отъ бродившихъ въ окрестностяхъ партій черкесовъ и баши-бузуковъ, которые подъ предлогомъ продолженія войны занимались разбоемъ и грабежемъ въ близь лежащихъ деревняхъ.

Какъ примѣръ, могу привести случай дерзкаго грабежа деревни, отстоящей всего въ 15-ти верстахъ отъ г. Чорлу, занятаго нашею 2-ю бригадою. Испуганные жители бѣжали въ городъ, а партія эта, численностью до 1000 человѣкъ, на пути своемъ открыла огонь по артиллерійскимъ фуражирамъ, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ убитъ, а другой раненъ.

Греческое духовенство не отставало отъ жителей города, стараясь выказать полное вниманіе къ гостямъ побѣдителямъ: такъ, за обѣднею 5-го февраля, священникъ, во время великаго выхода, помянувъ Госу-

даря Императора, назвалъ имена и фамиліи присутствующихъ: командира 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и командующаго л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ.

Неожиданность и искаженіе выговора знакомыхъ именъ, едва не вызвали невольнаго смѣха молящихся.

Во время стоянки нашей въ г. Эрекли графъ Шуваловъ получилъ назначеніе, командующаго гвардейскимъ корпусомъ, а дивизію принялъ командиръ 2-й бригады Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эттеръ 1-й.

Слухи о возвращеніи въ Россію перепутывались съ противоположными, говорящими о новой войнѣ, частныя люди разсказывали о совершившемся занятіи нашими войсками Константинополя и т. д.; а между тѣмъ ближайшія къ намъ части войскъ передвигались и мы не знали чему вѣрить и на что надѣяться.

Вечеромъ 6-го февраля л.-гв. Саперный батальонъ получилъ приказаніе двинуться немедленно къ г. Силеври.

7-го числа около г. Эрекли сталъ на ночлегъ л.-гв. Уланскій полкъ, вытребованный Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ изъ г. Родосто; а мы, оставаясь на мѣстѣ, приступили къ хлѣбопеченію, въ печахъ устроенныхъ изъ черепицы, смазанной глинистою землею.

Задняя сторона печей была приперта къ каменному забору двора, который помогъ вывести довольно высокія трубы способствовавшія сильной тягѣ.

Къ постройкѣ печей приступили утромъ; къ обѣду окончили и затопили ихъ, а на слѣдующій день имѣли вкусный хлѣбъ выпеченный изъ муки купленной въ г. Радосто, при чемъ вмѣсто квашень употребили бочки изъ подъ виноградnаго вина, въ которыхъ тѣсто закисло скоро и хорошо.

Лучшій учитель въ жизни—нужда, и благодаря ей, во все время похода мы никогда не нуждались въ печахъ, не смотря на почти повсѣмѣстное ихъ отсутствіе, потому что рѣдко гдѣ не найдутся такіе матеріалы, какъ глина, черепица, земля и какой нибудь камень; рабочіе всегда подъ рукою и по этому врядъ-ли будутъ имѣть будущность, вновь изобрѣтаемыя переносныя желѣзныя хлѣбопекарныя печи, напрасно увеличивающія тяжесть и безъ того громаднаго войсковаго обоза.

8-го февраля мы получили приказъ выступить въ г. Силеври и 9-го числа сдѣлали переходъ, около 30-ти верстъ, по песчаной дорогѣ идущей берегомъ моря.

Видъ города Силеври прелестенъ, благодаря высокимъ минаретамъ, длинному каменному мосту черезъ ручей, протекающій не доходя города, а главное—расположенію по склону горы у моря, чарующаго взоръ.

Бойкая торговля на рынкѣ и въ лавкахъ оживляла картину постояннымъ движеніемъ людей и пестрыми красками разнообразныхъ това-

ровъ, начиная отъ чисто-европейскихъ, прибывшихъ съ пароходами, и кончая вышитыми въ гаремахъ скатертями, подушками и обивками на мебель, встрѣченными нами въ первый разъ.

Помѣстили насъ въ пустомъ турецкомъ кварталѣ и я долго присматривался къ своей комнатѣ, стѣны и потолокъ которой были выкрашены ярко-желтой краской, съ большими красными каре, рѣзными пестрыми деревянными накладками на швахъ досокъ; толстымъ, бѣлымъ, полу-цилиндрической формы, бордюромъ, обвитымъ узкою красною деревянною лентою, съ такими-же бантами на углахъ, рѣзко выдѣляющимися яркимъ цвѣтомъ своихъ, синей и зеленой, красокъ.

Рѣзной коричневый карнизъ и отдѣланные подъ мраморъ стѣнные шкафы, дополняли пестрое, но не лишенное оригинальной красоты помѣщеніе бѣжавшаго хозяина.

Все утро 10-го февраля прошло въ хлопотахъ по устройству новыхъ хлѣбопекарныхъ печей и улучшенію расквартированія нижнихъ чиновъ. Затѣмъ около полудня мы разошлись по городу, дѣлая покупки и навѣщая довольно порядочные рестораны съ громкими названіями, написанными на французскомъ языкѣ.

Удобства жизни, доставляемыя широко развившеюся торговлею, оригинальная архитектура и отдѣлка зданій, вмѣстѣ съ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, заставляли насъ желать остаться въ Силеври вплоть до посадки на суда для возвращенія на родину, но неожиданный приказъ о выступленіи къ Беюкъ-Чекмедже заставилъ позабыть все это, и въ 3 часа 45 минутъ пополудни мы двинулись уже по отвратительно скверной дорогѣ.

Переходъ былъ великъ, а ночная темнота какъ-бы еще удлиняла его протяженіе. Послѣ полуночи показалась луна и только къ 5 часамъ утра мы стали на бивуакъ, не доходя дер. Кали-Кратія.

Ровная, болотистая мѣстность позволяла видѣть Беюкъ-Чекмедже, расположенный на берегу моря по ту сторону озера, того-же имени, которымъ онъ отдѣляется отъ дер. Кали-Кратія.

Снованіе ординарцевъ и неполученіе приказаній придавали тревожный характеръ ожиданію неизвѣстнаго будущаго, а нежеланіе турокъ отступить отъ своей деморкаціонной линіи и грозныя батареи ихъ, виднѣвшіяся на противоположныхъ высотахъ, заставляли думать о возможности серьезнаго боя, тѣмъ болѣе, что единственный путь для атаки представлялъ длинный и узкій мостъ черезъ озеро, перейти который подъ выстрѣлами непріятеля врядъ-ли бы удалось одному изъ десяти человѣкъ.

Вопросы о числѣ штыковъ въ батальонахъ и количествѣ патроновъ на каждое ружье слышались уже изъ устъ адъютантовъ и офицеровъ генеральнаго штаба, которые сообщали предположенія о фланговомъ дви-

женіи вокругъ озера отряда генерала Скобелева 2-го и нашей атакѣ съ фронта, совмѣстно съ Владимірскимъ пѣхотнымъ полкомъ, занимавшимъ дер. Кали-Кратія.

Къ этому прибавляли, что къ туркамъ посланъ парламентеромъ одинъ изъ ординарцевъ генералъ-адъютанта Гурко, съ предложеніемъ немедленно очистить Беюкъ-Чекмедже и подписать мирныя условія въ теченіе 24-хъ часовъ, угрожая въ случаѣ отказа, занятіемъ Константинополя.

Насколько во всемъ этомъ было правды, мы не знали; да и потомъ я не старался провѣрить слышаннаго, въ виду затрудненій въ этомъ для строеваго офицера; но 11-го февраля боя не было; турки отступили и мы заняли Беюкъ-Чекмедже, въ которомъ я былъ назначенъ комендантомъ. Грязь на улицахъ, смрадъ отъ неприбраннаго гніющаго на нихъ палаго скота и отсутствіе городскаго управленія, заставили меня пробыть на ногахъ до глубокой ночи, а утромъ 12-го февраля хлопотать о размѣщеніи полковъ лейбъ-гвардіи Павловскаго и Финляндскаго и отводѣ квартиръ для ихъ офицеровъ.

Приказаніе о движеніи нашей бригады впередъ прекратило мою дѣятельность, и къ серединѣ дня полки л.-гв. Московскій и Гренадерскій съ тремя батареями 2-й гвардейской артиллерійской бригады подходили уже къ Кучукъ-Чекмедже, который виднѣлся издали и невольно обращалъ на себя вниманіе оригинальною красотою и укромнымъ мѣстомъ своего расположенія.

Длинная дамба и высокій узкій мостъ черезъ озеро нѣсколько напоминали видъ Беюкъ-Чекмедже, со стороны дер. Кали-Кратіи. Стоящіе на берегу дома, кокетливо отражались въ прозрачной поверхности озера, а одинокій минаретъ и прелестные кипарисы уходили въ ясную лазурь южнаго неба.

За городскими строеніями, на пологомъ скатѣ возвышенности, одиноко стоялъ домъ, съ обнесеннымъ каменнымъ заборомъ садомъ, высокія кипарисы котораго цѣлыми кущами выдѣлялись на горизонтѣ, а между этимъ домомъ и городскими строеніями бѣжалъ желѣзнодорожный поѣздъ, оживляя собою общій видъ живописной мѣстности Кучукъ-Чекмедже.

Но чѣмъ привлекательнѣе казалось мѣсто нашего новаго расположенія, тѣмъ полнѣе являлось разочарованіе при входѣ въ узкія улицы, покрытыя сплошною жидкою грязью, доходившею мѣстами до колѣнъ.

Вѣтхіе, полуразрушенные дома и опустѣвшія улицы наводили уныніе, а зловонныя испаренія болотистой мѣстности и озера, наполненнаго всевозможными гадами, стѣсняли дыханіе и заставляли зажимать носы, тѣмъ болѣе, что изъ-подъ моста несся удушливый запахъ отъ гніенія нѣсколькихъ десятковъ труповъ палаго скота.

Большинство помѣщеній для офицеровъ и нижнихъ чиновъ было очень тѣсно и грязно.

Народонаселеніе состояло всего изъ семи греческихъ семействъ и архимандрита мѣстной церкви; торговля заключалась въ одной маленькой лавченкѣ съ хлѣбомъ и двухъ кабакахъ, пріютившихся въ сквозныхъ деревянныхъ шалашахъ, приткнутыхъ къ стѣнамъ разрушенныхъ зданій.

Непрерывная струя городскаго фонтана шла черезъ верхъ каменнаго бассейна, затопляя грязную немощенную площадь и непроходимую главную улицу.

Къ довершенію всего, мы сразу почувствовали недостатокъ топлива и фуража, за которыми приходилось посылать въ окрестныя деревни и чифлики, отстоящіе отъ насъ на разстояніе до 30-ти верстъ.

Въ моментъ выступленія въ Кучукъ-Чекмедже, я вновь былъ назначенъ комендантомъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ немедленно войти въ сношеніе съ начальникомъ турецкой каваллерійской команды, оставленной тутъ для охраненія запасовъ сѣна, предназначенныхъ къ вывозкѣ въ Константинополь.

Эфенди-Мустафа, родомъ албанецъ, говорилъ только по-турецки и я душевно обрадовался, когда между нами, не понимающими другъ друга, выросъ какъ изъ-подъ земли нѣкій Константинъ Ивановъ, вызвавшійся занять при мнѣ должность переводчика.

Изношенный матросскій костюмъ, небритая и нетрезвая физіономія моего вольнонаемнаго переводчика, не внушали большаго довѣрія; но умѣніе, съ грѣхомъ пополамъ, объясняться чуть-ли не на 12 языкахъ, было рѣдкимъ кладомъ въ моемъ безвыходномъ положеніи.

Разспрашивая Константина Иванова, я узналъ, что онъ родомъ изъ Одессы, служилъ когда-то матросомъ въ русскомъ обществѣ пароходства и торговли, и много лѣтъ потомъ плавалъ на купеческихъ пароходахъ всѣхъ націй.

Въ Кучукъ попалъ случайно, пріѣхавъ на лодкѣ изъ Константинополя и, въ виду зрѣлыхъ лѣтъ, около 50-ти, готовъ былъ промѣнять бурную стихію на мирныя занятія при моей особѣ.

Съ появленіемъ Иванова, эфенди-мустафа наговорилъ мнѣ кучу восточныхъ комплиментовъ, послѣ которыхъ мы, дружелюбно бесѣдуя, пошли осматривать его склады и часовыхъ.

Вся площадка передъ мечетью была завалена сѣномъ, которое солдаты турецкой пѣхоты перетаскивали къ рельсамъ желѣзной дороги для нагрузки ожидавшагося поѣзда.

Рабочихъ было около 300 человѣкъ и ружья ихъ, составленныя въ козлы, оберегались офицерскимъ карауломъ, выставленнымъ у входа въ мечеть.

Обойдя склады, я приказалъ поставить между турецкими постами часовыхъ своего караула и тутъ, въ первый разъ, наши солдаты мирно сошлись съ недавнимъ врагомъ; причемъ для лучшаго знакомства ихъ между собою, я вызвалъ разводящихъ унтеръ-офицеровъ обоихъ карауловъ и, объяснивъ съ помощью Иванова общія ихъ обязанности, приказалъ подать другъ другу руки. Сцена была нѣсколько комична и сначала турки съ недовѣріемъ косились на моихъ солдатъ; но не прошло и получаса, какъ я увидѣлъ ихъ сидящими о-бокъ и добродушно разсматривающими чужое, мало знакомое вооруженіе, причемъ нѣкоторые вступили въ оживленную бесѣду и сильно жестикулировали руками.

— На какомъ языкѣ разговариваетъ съ туркомъ? спросилъ я своего стрѣлка.

— По-русски, ваше высокоблагородіе, а что могу, то и по ихнему, отвѣтилъ онъ.

— А онъ какъ говоритъ?

— По своему бормочетъ, ваше в—іе.

— И понимаете другъ друга?

— Никакъ нѣтъ, по очереди разговариваемъ. Спервоначала, значитъ, я ему сказывалъ, какъ походомъ мы ихъ брата донимали и примѣръ ружьемъ изображалъ; а онъ слушаетъ себѣ, да глазами моргаетъ; ну, а потомъ далъ и ему поговорить. И такъ это, ваше в—іе, занятно, какъ лопочатъ они; слушаешь, слушаешь и Богъ его знаетъ, чего онъ тамъ мелетъ; а руку-то все къ груди, либо ко лбу прикладываетъ. Теперь маленько пообвыклись и понимать другъ друга стали; я ему, значитъ, табаку далъ, а онъ, то-есть, сейчасъ досталъ бумажку изъ пазухи и двѣ сигарки свернулъ; первую мнѣ, ваше в—іе, а другую самъ закурилъ и все это табакъ-то похваливаетъ, да меня благодаритъ.

Квартира, отведенная мнѣ квартирьерами, оказалась невозможною для жительства. Лѣстница была наполовину разрушена, а въ полу не доставало нѣсколькихъ досокъ.

Узнавъ объ этомъ, новый мой пріятель, Мустафа вытребовалъ ключъ отъ мечети и предложилъ мнѣ занять жилыя ея комнаты.

Помѣщеніе вышло просторное, чистое и даже устланное коврами.

Поблагодаривъ за любезность, я заперъ двери, ведущія въ самую мечеть, и возвратилъ ему ключъ, обѣщая, что никто не войдетъ въ нея исключая муллы, которому просилъ передать, чтобы онъ не стѣснялся нашимъ присутствіемъ и возобновилъ правильное отправленіе службы хотя бы съ сегодняшняго же дня.

Девяносто-лѣтній египтянинъ-мулла поблагодарилъ за предложеніе и отказался, въ виду того, что въ Кучукѣ не осталось ни одного мусульманина.

Не успѣли мы устроиться, какъ въ комнату вошелъ адъютантъ ту-

рецкаго военнаго министра, присланный узнать, осталось ли хотя что нибудь изъ ихъ громаднаго склада сѣна.

Осмотрѣвъ наличное состояніе и увидя моихъ часовыхъ рядомъ съ часовыми мустафы, коласъ (ротмистръ) не зналъ какъ благодарить за сдѣланныя распоряженія и съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе обѣдать въ нашей артели.

Ивановъ разрывался на части, стараясь переводить нашъ разговоръ и видимо перевиралъ по своему до тѣхъ поръ, пока не былъ уличенъ и не получилъ строгаго предостереженія.

Первыя минуты коласъ и эфенди напоминали своихъ солдатъ тѣмъ недовѣріемъ, съ которымъ посматривали на насъ и озирались кругомъ, но скоро освоились и оффиціальныя фразы разговора смѣнились воспоминаніями о минувшей кампаніи, причемъ, отдавая должную справедливость стойкости и отличнымъ дѣйствіямъ турецкой кавалеріи, мы были поражены, узнавъ, что въ дѣлѣ 31-го декабря у Симчины и въ перестрѣлкѣ 2-го января у Ходжи-кикіой, противникомъ нашимъ былъ тотъ самый мустафа, который въ данную минуту изъяснялся въ искренней любви къ русскимъ, въ честь которыхъ опрокидывалъ одну рюмку за другою.

Обѣдъ кончился; гости были совершенно пьяны и мы разстались друзьями.

Хлопоты по устройству военной полиціи и очисткѣ города шли объ руку съ строевыми занятіями, ежедневными докладами командующему дивизіею и вознею съ лавочниками, устроившими цѣлый рынокъ на берегу рѣчки, соединяющей озеро Кучукъ-Чекмедже съ Мраморнымъ моремъ; а разборъ мелкихъ дрязгъ мѣстнаго населенія съ пришлыми торговцами, пріемъ и отправка прибывающихъ командъ и отдѣльныхъ нижнихъ чиновъ заполняли свободное время дня, вслѣдствіе чего дни, незамѣтно смѣняясь, шли своей чередой.

18-го февраля прибылъ обозъ, и мы, послѣ трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ безъ чемодановъ, получили наконецъ свои вещи и радовались, имѣя лишній мундиръ, сапоги и нѣсколько перемѣнъ бѣлья, въ которыхъ сильно нуждались. Въ этотъ день въ греческой церкви г. Санъ-Стефано была отслужена панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Николаѣ I.

Шпалеры войскъ, отъ дома Великаго Князя Главнокомандующаго знакомыя лица гвардейскихъ офицеровъ и свиты Его Высочества напоминали собою далекій Петербургъ, возвращеніе въ который такъ ожидалось и казалось близкимъ, не смотря на противоположные слухи. Такъ, во время панихиды разсказывали, по секрету, о состоявшемся уже подписаніи мира и тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сообщавшаго

радостную вѣсть, слышалось шушуканье о какихъ-то дипломатическихъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ для заключенія сепаративнаго мира.

— Обидно слушать какъ врутъ эти всезнающіе господа, говорилъ кто-то полушепотомъ.

— Да, ну ихъ, раздалось въ отвѣтъ: — завтра парадъ и на немъ узнаемъ, чего ждать и на что надѣяться; а прійдется драться, такъ Константинополь не за горами и насъ хватитъ, чтобы разнести его по камню.

— Вотъ это такъ, согласился третій:—а все знаешь...

На этомъ разговоръ остановился и большинство насъ, не посвященныхъ въ штабныя тайны, строевыхъ офицеровъ, разошлось по домамъ съ твердымъ рѣшеніемъ ожидать парада и пока не вѣрить никакимъ слухамъ, откуда бы они не истекали.

Въ памятное утро 19-го февраля почистили изношенные солдатскіе мундиры, надѣли свои, вынутые изъ чемодановъ, и выстроили батальоны, чтобы передъ выступленіемъ на парадъ раздать георгіевскіе кресты, полученные наканунѣ за переходъ Балканъ и всѣ послѣдующія дѣла, кончая Филиппополемъ.

Всю ночь работали портные, прилаживая колодки для будущихъ кавалеровъ и, правду говоря, врядъ ли когда нибудь въ другой разъ придется видѣть батальоны, насчитывающіе въ своихъ рядахъ столькихъ храбрецовъ, украшенныхъ георгіевскими крестами за одну кампанію.

Права пословица, говорящая, что „за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ“,—въ подтвержденіе ей скажу, что, выходя на парадъ, въ моемъ 4-мъ батальонѣ стояло въ строю 86 кавалеровъ. Число ихъ въ другихъ батальонахъ близко подходило къ этому; но во 2-мъ, 3-мъ нѣсколько даже превышало, полученными за славное арабъ-конакское дѣло.

Въ 11-ть часовъ утра, войска гвардейскаго, 4-го и 9-го корпусовъ, наводнили уже собою ровное поле, лежащее къ сѣверо-востоку отъ С.-Стефано.

Длинныя линіи сомкнутыхъ батальонныхъ колоннъ, сотни артиллерійскихъ орудій и цѣлый лѣсъ кавалерійскихъ пикъ, представляли собою весьма внушительный видъ, почти подъ самыми стѣнами предмѣстій Константинополя; часть жителей котораго, пріѣхала посмотрѣть на историческую картину военнаго празднества, въ день вступленія на престолъ Русскаго Государя Императора.

Объѣхало начальство; пронеслись громкіе отвѣты на привѣтствія и благодарность за поздравленіе, и снова все стихло въ ожиданіи прибытія Великаго Князя Главнокомандующаго.

Насталъ полдень; ожиданіе великаго событія тѣснило грудь и судорожно сжимало сердце, но вмѣсто встрѣчи Его Высочества, пронеслась

вѣсть объ перемѣнѣ часа парада. Солдаты составили ружья, и начали похаживать, разминая застоявшіяся ноги, а среди офицерскихъ кучекъ опять послышались какіе-то разнорѣчивые слухи, томившіе неизвѣстностью и подзадоривавшіе считать штыки, патроны на ружье и снаряды на орудіе.

Долго тянулось время и много было передумано и перечувствовано въ эти часы ожиданія начала парада.

Пасмурная, холодная погода, какъ будто вторила настроенію духа: но вотъ раздалась команда „въ ружье“ и всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ смотрѣли по направленію къ выѣзду изъ С.-Стефано, надѣясь опередить ожидаемое извѣстіе, угадавъ его по наружному виду, группы всадниковъ сопутствовавшихъ Великаго Князя Главнокомандующаго.

Объѣхавъ войска, Его Высочество сталъ передъ серединою общаго расположенія ихъ, и громкимъ голосомъ, отчетливо выговаривая каждый слогъ, сказалъ: „поздравляю васъ ребята, съ заключеніемъ славнаго ми“....

Трудно было разслышать дальнѣйшія слова Его Высочества.

Неслыханное, потрясающее ура, огласило окрестности. Шапки полетѣли вверхъ и казалось не будетъ конца радостнымъ возгласамъ многихъ десятковъ тысячъ людей узнавшихъ, отъ брата Государя Императора и своего Главнокомандующаго, о заключеніи славнаго мира, который даровалъ намъ Богъ, послѣ кровавыхъ жертвъ, трудовъ и лишеній, понесенныхъ для освобожденія, вѣками угнетаемыхъ, братьевъ по вѣрѣ, болгаръ.

Затѣмъ Его Высочество вызвалъ изъ строя старшихъ начальниковъ и командировъ частей, до батальонныхъ включительно, и поздравивъ съ блестящимъ окончаніемъ кампаніи, милостиво благодарилъ за нее, высказывая свое удовольствіе видѣть Высочайше ввѣренныя Ему войска исполнившими свой долгъ и показавшими міру, что они достойны высокаго своего назначенія и тѣхъ щедрыхъ милостей, которыми всегда были взысканы Государемъ Императоромъ.

Прочувствованныя слова Его Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго, обращенныя къ большинству изъ насъ, много лѣтъ прослужившихъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ и руководствомъ, надолго останутся въ памяти, но не могутъ быть переданы на бумагѣ съ тѣми оттѣнками, которые составляли ихъ силу и мощь.

Но, да простятъ мнѣ читатели въ томъ, что слабое мое перо не въ силахъ изобразить даже самаго блѣднаго наброска величественной картины санъ-стефанскаго парада 19-го февраля 1878 года.

За молебномъ, отслуженнымъ передъ войсками, возносились искреннія молитвы ко Всевышнему: о здравіи Государя Императора; благодаренія, за ниспосланный миръ и, со слезами на глазахъ, преклонивъ ко-

лѣна, поминали воиновъ, за Вѣру, Царя и Отечество, на брани животъ свой положившихъ.

Многіе вспоминались при этомъ и всѣхъ было жаль нераздѣльно....

Пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо Его Высочества, мы только къ вечеру вернулись въ Кучукъ-Чекмедже, счастливые заключеніемъ мира и полные разнообразныхъ чувствъ, вызванныхъ этимъ памятнымъ, историческимъ днемъ.

Жизнь въ Кучукѣ шла вяло, не смотря на оживившуюся торговлю и офицерскіе рестораны, открытые Гарибальдійскимъ капитаномъ и какимъ-то ловкимъ армяниномъ, грекомъ, или итальянцемъ, выдававшимъ себя, по очередно, подданнымъ всевозможныхъ государствъ.

Слухи, варьировавшіе условія мира и время нашего возвращенія на родину, не могли не класть отпечатка на расположеніе духа вплоть до 4-го марта, когда наконецъ былъ официально полученъ маршрутъ движенія въ Беюкъ-Дере, для посадки на суда и отплытія 14-е марта въ г. Николаевъ.

Понятно, съ какимъ удовольствіемъ читали мы эти немногія строки и сколько лишнихъ франковъ нажили содержатели ресторановъ; но.... это несчастное но, остановило насъ въ Кучукъ-Чекмедже, чуть не наканунѣ выступленія, и мы должны были забыть день, назначенный для посадки на суда, и не скоро ожидать другаго подобнаго, чтобы проститься съ Мраморнымъ моремъ и неопредѣленнымъ положеніемъ, которое испытывали на его берегу.

Кучукъ опротивѣлъ до невозможности, а болотистыя окрестности его давали себя знать повторяющимися случаями заболѣванія тифомъ, и волею-неволею, приходилось вѣрить мѣстнымъ жителямъ, спокойно говорившимъ, что только выгоды торговли задерживаютъ ихъ на мѣстѣ: обыкновенно-же все населеніе этой милой точки земнаго шара, бѣжитъ подальше отъ болотистыхъ испареній, рождающихъ смертельныя лихорадки и, съ марта по іюль, Кучукъ видитъ лишь нѣсколькихъ сторожей, оставленныхъ въ немъ для сбереженія имущества.

Въ доказательство справедливости своихъ словъ, жители приводили слѣдующій характерный случай.

При постройкѣ желѣзной дороги, работы по возведенію полотна у Кучукъ-Чекмедже совпали какъ разъ съ этимъ временемъ года.

Люди заболѣвали и оставшіеся въ живыхъ бѣжали прочь, бросая необходимый заработокъ. Причемъ желающихъ замѣстить ихъ мѣсто не находилось, несмотря на то, что желѣзно-дорожная эксплоатація предлагала простому чернорабочему по 20 франковъ въ день.

Примѣръ этотъ безусловно говорилъ не въ пользу гигіеническихъ условій жизни въ Кучукѣ, тѣмъ болѣе, что 20 франковъ слишкомъ

льшія деньги для алчнаго до нихъ населенія, считающаго „лиру“ чуть с капиталомъ.

Энергичныя мѣры, принятыя для возможнаго уменьшенія числа заболѣвающихъ, не помогали.

Городъ былъ вычищенъ. Ежедневно наряжались команды для уборки улицъ, и лошади для вывоза грязи и мусора. Квартиры были увеличены выводомъ на бивуакъ двухъ батальоновъ съ каждаго полка. Пища нижнихъ чиновъ была такъ хороша, что подобной они никогда даже не получали въ С.-Петербургѣ, и не смотря на все это, число тифозныхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, и хотя процентъ смертныхъ случаевъ былъ весьма незначителенъ, но ряды наши убавлялись въ виду того, что заболѣвшіе чрезвычайно долго не могли поправиться, и по выздоровленіи своемъ бродили какъ мухи.

Доктора сбились съ ногъ, начальство дѣлало все, что только было возможно, а эпидемія такъ быстро разросталась, что трудно было достать на прокатъ большія турецкія палатки для увеличенія, помѣщавшагося въ нихъ полковаго лазарета.

Офицеры держались и заболѣваній почти не было, тѣмъ не менѣе въ послѣднихъ числахъ марта, мы похоронили молодаго подпоручика, л.-гв. Гренадерскаго полка, Казинцева, того самаго, который прибылъ только 24-го декабря съ партіею, на укомплектованіе нашего полка, и попалъ къ намъ на елку въ д. Даушкіой.

Великій постъ приходилъ къ концу; деревья начинали распускаться, грязь по грунтовымъ дорогамъ подсыхала и молодая ярко, зеленая травка, оживила цвѣтъ полей, доставляя кое-какой подножный кормъ нашимъ исхудалымъ лошадямъ, получавшимъ послѣднія два мѣсяца вмѣсто сѣна, соломенную рѣзку.

Сѣно доставалось съ трудомъ, и то по 8-ми и даже 10-ти франковъ звонкой монеты за пудъ.

Однообразіе нашей жизни ни чѣмъ не нарушалось. Строевыя занятія и ротные смотры командующаго полкомъ, оставляли большую половину дня для апатичнаго лежанья на кровати, сна или картъ.

Были квартиры, въ которыхъ, въ свободное время, можно было всегда найти нѣсколько человѣкъ офицеровъ, занятыхъ карточною игрою.

Солдаты давно успѣли починиться, вычиститься и, скучая бездѣйствіемъ, съ удовольствіемъ выходили на ученья и съ громкими пѣснями возвращались домой.

Но на квартирахъ и бивуакѣ оставалось только ѣсть и спать, что исполнялось вполнѣ добросовѣстно.

Стройность ученій была такъ хороша, что приходилось удивляться ей послѣ долгаго похода и отсутствія занятій, которые положительно не оставили въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго слѣда.

Константинополь и Санъ-Стефано, потеряли уже въ нашихъ глазахъ прелесть новизны и не манили къ себѣ, послѣ первыхъ поѣздокъ.

Стоять подъ Константинополемъ и не быть въ немъ, равносильно тому, какъ быть въ Римѣ и невидѣть папы; поэтому прочитавъ въ парольномъ приказаніи объ концертѣ, имѣющемъ быть въ пользу несчастныхъ бѣглецовъ, изъ среды бѣднаго класса мусульманскаго населенія, я рѣшилъ, какъ говорится, убить двухъ зайцевъ сразу, то-есть, внести свою лепту пострадавшимъ и въ тоже время осмотрѣть Константинополь, тѣмъ болѣе, что ради концерта, офицерамъ было разрѣшено ѣхать въ мундирахъ, а не въ статскомъ платьѣ, котораго я никогда не носилъ и боялся надѣть.

Изъ Санъ-Стефано мы поѣхали на пароходѣ.

Офицерскіе мундиры виднѣлись между постороннею публикою и русскій языкъ преобладалъ.

Видъ моря и прибрежья окрестности Константинополя теряли отъ сумрачной погоды; свинцовыя тучи нагоняемыя холоднымъ восточнымъ вѣтромъ, заволакивали горизонтъ; брызги волнъ падали на палубу и все это взятое вмѣстѣ, заставляло плотнѣе застегнуть пальто и позабыть о пресловутой панорамѣ у входа въ Босфоръ, которая невольно удерживала на палубѣ оригинальностью и эфектами, рѣдкой по красотѣ картины.

Золотой Рогъ былъ покрытъ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, судовъ, стоящихъ на якорѣ, между которыми лавировали пароходы и сновало безчисленное множество разнообразныхъ шлюпокъ и каиковъ.

Пристани для пароходовъ нѣтъ и они останавливаются около длиннаго деревяннаго моста, соединяющаго Галату со Стамбуломъ.

Пришедшій раньше насъ пароходъ стоялъ уже у мѣста причала. вслѣдствіе чего намъ пришлось перейти на него и затѣмъ уже подняться на мостъ, по которому двигалась пестрая масса народа.

Назойливые проводники и переводчики, предвидя наживу, толпились на мосту предлагая свои услуги и чуть не хватая за руки нуждавшихся въ нихъ офицеровъ.

Намъ попался одесскій жидокъ, бросившій временно портняжное мастерство и прибывшій въ Константинополь, съ спеціальною цѣлью, эксплоатировать русскихъ офицеровъ, пріѣзжающихъ въ него первый разъ.

Въ нѣсколько минутъ мы успѣли подняться, желѣзно-дорожнымъ тунелемъ, въ Перу и получить у швейцара нашего посольства дорогіе билеты; но найти помѣщеніе для ночлега было не легко, въ виду значительнаго числа офицеровъ пріѣхавшихъ раньше насъ и занявшихъ всѣ свободные нумера лучшихъ гостинницъ этой части города.

Проводникъ оказался мало знающимъ и, только благодаря встрѣчѣ съ бойкимъ восьмилѣтнимъ мальчикомъ французомъ, мы получили ком-

нату въ квартирѣ его матери, занимающеюся отдачею ихъ въ наемъ, причемъ заплатили 32 франка за ночлегъ.

Концертъ прошолъ благополучно. Исполняли его придворные музыканты султана Гамида, одѣтые въ военные мундиры напоминающіе собою форму нашихъ пажей. Дирижировалъ паша — итальянецъ, въ генеральскомъ мундирѣ со звѣздами и орденами.

Духота отъ освѣщенія и массы публики, заставляла въ антрактахъ выходить изъ залы; а рѣзкій, высокій строй инструментовъ непріятно дѣйствовалъ на слухъ, не смотря на отличное исполненіе пьесъ и ровность игры оркестровъ.

Программа была напечатана на входныхъ билетахъ, но потерявъ свой, я не могу сказать, что именно было исполнено.

Помню только, что высидѣвъ изъ приличія послѣднюю, ужасно пискучую и монотонно-безконечную турецкую пѣсню, я вернулся въ свою комнату съ головною болью и чувствовалъ себя какъ въ чаду.

Утромъ мы пошли осматривать городъ. Описывать его я считаю лишнимъ, потому что послѣ Санъ-Стефанскаго мира, Константинополь, благодаря частымъ посѣщеніямъ его офицерами дѣйствующей арміи, сдѣлался хорошо извѣстнымъ чуть ли не всей Россіи. Но умолчать о тѣхъ, въ чью пользу давался концертъ, я не могу.

Войдя въ Софійскую мечеть, когда-то православный соборъ, я былъ пораженъ колоссальною ея величиною и изяществомъ постройки.

Большія черныя круги, съ написанными на нихъ изрѣченіями корана портили впечатлѣніе; но православный храмъ остался таковымъ, не смотря на изувѣрскую его передѣлку.

Громадныя окна купола прекрасно освѣщали всю необъятную внутреннюю величину собора, вступивъ въ который невольно ощущалась святость поруганнаго мѣста.

Образа, написанные на стѣнахъ, закрашены, но не уничтожены, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ ликъ Спасителя, виднѣются изъ подъ турецкой замазки.

Будучи близорукимъ отъ природы, я не могъ разсмотрѣть этого чудно-сохранившагося лика, но болѣе зоркіе товарищи видѣли его и мы невольно перекрестились.

Взглянувъ на полъ я былъ пораженъ представившеюся картиною: нѣсколько тысячъ стариковъ, женщинъ и дѣтей лежало на полу, закрывая сплошь все пространство и только проходы въ серединѣ и по краямъ не были заняты этими несчастными, неимѣющими крова и хлѣба.

Лихорадка и тифъ господствовали передъ другими болѣзнями унося, каждый день десятки жертвъ бѣдствія войны.

Слабыя, изнеможенныя лежали они на каменномъ полу, едва прикрытыя лоскутьями одежды или остатками ватныхъ одѣялъ.

Стоновъ почти не было слышно, но болѣзненныя испаренія и запахъ, отъ нечистоты больныхъ и неряшливаго ухода за ними, преслѣдывали насъ во все время пребыванія въ древнемъ соборѣ.

Ядъ эпидемической заразы сообщался здоровымъ, вслѣдствіе чего число больныхъ въ мечети возрастало съ каждымъ днемъ и положеніе этихъ несчастныхъ было по истинѣ ужасно.

На сколько я могъ замѣтить, состояніе здоровья турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Константинополѣ, тоже должно было быть далеко неудовлетворительно; такъ какъ во время получасоваго пути по городу мы встрѣтили болѣе 10-ти военныхъ похоронъ.

Благодаря мундирамъ, намъ удалось осмотрѣть султанскія конюшни, въ сопровожденіи турецкаго чиновника, говорившаго по-французски, и старшаго кучера-француза, исполняющаго эту должность съ 1856 года.

Прелестные, кровные, арабскіе жеребцы по большей части были черезъ-чуръ раскормлены, вслѣдствіе чего потеряли часть своей характерной красоты.

Выѣздки нѣтъ; а проѣздку дѣлаютъ на дворѣ, вымощенномъ булыжникомъ, при чемъ скачутъ безъ толку, не жалѣя чудныхъ ногъ этихъ благородныхъ животныхъ.

Кучеръ-французъ, радуясь посѣщенію иностранцевъ, бранилъ существующіе порядки, не стѣсняясь присутствіемъ сопутствовавшаго насъ чиновника; а потомъ желая вѣроятно похвастать, обратилъ наше вниманіе на любимаго бѣлаго жеребца Султана, который будто бы такъ уменъ, что исполняетъ все по словеснымъ приказаніямъ ходящаго за нимъ конюха.

Можетъ быть французъ и правъ, но несмотря на ласку конюха, вошедшаго въ денникъ, лошадь ни за что не хотѣла высунуть своего языка, какъ того требовалъ сконфуженный турокъ.

Завтракая въ гостинницѣ Бизансъ, мы встрѣтили за общимъ столомъ русскихъ офицеровъ, одѣтыхъ въ статское платье.

Неумѣнье одѣться сразу выдавало этихъ джентльменовъ, а плохой костюмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, пугалъ своимъ подозрительнымъ видомъ.

Вернувшись въ Кучукъ-Чекмедже, я, какъ-то вечеромъ, сидя одинъ въ своемъ домѣ, былъ очень доволенъ, услышавъ шаги подымавшагося по лѣстницѣ человѣка.

— Кто это такъ тяжело идетъ? спросилъ я, почувствовавъ, что въ тактъ шаговъ, весь домъ, то опускается, то подымается вверхъ.

— Это я, отвѣтилъ, смѣясь, Рехенбергъ, но въ тоже время взялся за столъ, чтобы удержаться на ногахъ отъ сильнаго толчка, вслѣдъ за которымъ заходили стѣны, посыпалась съ потолка штукатурка и домъ сильно покачнулся въ сторону.

Стремглавъ мы бросились внизъ, боясь быть задавленными нашими малонадежными стѣнами.

Въ это время въ нижнихъ сѣняхъ столпились деньщики и нѣсколько человѣкъ солдатъ, жившихъ тутъ въ качествѣ полицейскихъ.

— Держи! держи его! кричало нѣсколько голосовъ сразу.

— Что тутъ такое? спросилъ я, подходя къ нимъ.

— Должно быть гренадеры, ваше высокоблагородіе, дерево на дрова изъ дома выгаскиваютъ.

— Что вы врете, какіе тамъ гренадеры, сказалъ я, почувствовавъ новый толчекъ, выходите вонъ—это землетрясеніе.

Всѣ вышли изъ дома на маленькую площадку, къ моему комендантскому караулу.

— Охъ! грѣхи, грѣхи, послышалось со стороны караула, сколько лѣтъ, братецъ ты мой, на свѣтѣ живу, а страсти такой не запомню.

— Чего и говорить; вонъ Ивановъ, на что здоровенный солдатъ, а какъ тряхнуло, онъ такъ и...

Дальше я не разслышалъ, и взявъ вынесенный изъ дома фонарь, пошелъ по городу осматривать помѣщенія нижнихъ чиновъ.

Ударъ землетрясенія былъ силенъ, но несчастій съ людьми не произошло.

Жидкія домишки покачались, но не разрушились, и все обошлось благополучно, хотя и не безъ анекдотовъ.

Около полуночи ко мнѣ, на огонекъ, зашелъ Д. В. Мессарошъ и, разсказавъ о переполохѣ, происшедшемъ отъ землетрясенія въ Санъ-Стефано, передалъ, что уѣзжая оттуда, онъ узналъ на телеграфной станціи, объ ожидающемся въ 4 часа утра новомъ и гораздо сильнѣйшемъ ударѣ.

Шутить съ этимъ не приходилось и я отправился доложить командующимъ дивизіею и полкомъ.

Солдаты, напуганные неиспытаннымъ еще непріятнымъ ощущеніемъ, не ложились спать; ихъ одѣли и вывели на поляну за мечетью, гдѣ и составили ружья.

Оградивъ себя такимъ образомъ отъ несчастій, могущихъ произойти вслѣдствіе разрушенія зданій, мы проспали до утра на открытомъ воздухѣ и дѣйствительно чувствовали колебаніе земли, но такое слабое, что на него не стоило даже обращать вниманія.

Заутреню Свѣтло Христова Воскресенья служили, въ мѣстной греческой церкви, оба полковые священника и греческій архимандритъ.

Нечего и говорить, что не только маленькая церковь, но и все пространство до ограды ея, было полно желающими помолиться встрѣчая торжественный праздникъ.

По окончаніи церковной службы, командиръ и всѣ офицеры полка

вмѣстѣ разгавливались, хотя и не постили; но такова уже сила привычки къ обычаю, что общее разговѣнье было задумано давно и распорядители его усердно хлопотали цѣлую недѣлю.

Близость Константинополя дала возможность не только купить что надо и достать полную сервировку стола, но благодаря притязательной силѣ „желтицъ“ въ бусурманской столицѣ спекли русскіе куличи и запекли ветчинные окорока.

Помѣщеніе было выбрано въ домѣ, занятомъ мною и офицерами 4-го батальона.

Цвѣтущій лавръ, вѣтви кипариса, плющъ и дикій виноградъ прихотливо покрыли бѣлыя стѣны всѣхъ комнатъ, изобразивъ собою: вензельное изображеніе Имени Государя Императора; первыя двѣ буквы праздника; года, мѣсяцы и числа объявленія войны и заключенія мира и, наконецъ, разныя названія мѣстъ сраженій и перестрѣлокъ съ непріятелемъ, въ которыхъ довелось участвовать полку.

Дружною семьею усѣлись мы за столы съ освященными на нихъ явствами и, смотря на лавровыя надписи и военныя арматуры, украшавшія стѣны, невольно вспоминали различные эпизоды кампаніи и ея славныхъ дѣятелей.

Ночь эта была первымъ сборомъ наличной полковой семьи послѣ полковаго праздника 8-го ноября 1877 года, справлявшагося на передовой усыковицкой позиціи.

Теперь, какъ и тогда, вмѣстѣ съ нами былъ генералъ Н. П. Брокъ, на долю котораго выпало выступить съ полкомъ въ походъ и вести его въ первый бой.

Теперь, какъ и тогда, предлагались тосты, но кромѣ имянныхъ, они уже не имѣли ничего общаго.

Тогда, передъ Балканами, желали и надѣялись на одолѣніе исконнаго врага и пили за будущія боевыя дѣйствія.

Теперь—ждали славнаго возвращенія на родину и пили за минувшіе успѣхи безпримѣрной кампаніи.

17-го апрѣля состоялся второй санъ-стефанскій парадъ. Миръ былъ заключенъ: масса войскъ увеличилась вновь подошедшими частями; — обмундированіе ихъ щеголяло своею опрятностію; солнце ярко свѣтило и пестрая толпа зрителей придавала вполнѣ праздничную обстановку этой блестящей картинѣ.

Но не весело смотрѣли мы, зная, что на парадѣ прійдется проститься со своимъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ. Парадъ былъ блистательный и прямо съ него Великій Князь, душевно тронутый прощаніемъ съ войсками, сѣлъ на пароходъ для возвращенія въ Россію, вслѣдствіе сильно разстроеннаго здоровья.

Приказъ по дѣйствующей арміи 17-го апрѣля 1878 г. за № 66 на-

глядно показываетъ, насколько тяжело было Его Высочеству оставить Высочайше ввѣренную Ему армію и какъ любилъ и цѣнилъ Онъ ее во время Своего командованія.

Вотъ выдержки изъ этого дорогаго для насъ документа:

„Доблестныя войска дѣйствующей арміи! Семнадцать мѣсяцевъ переживалъ Я съ вами труды и лишенія походной жизни и ровно годъ опасности и славу боеваго похода.

Въ теченіи этого времени Я былъ свидѣтелемъ того беззавѣтнаго выполненія всѣми чинами Арміи долга, среди самой тяжелой обстановки похода и той безпримѣрной храбрости и самопожертвованія, которыя на вѣки составятъ гордость земли Русской!

Не разъ высказывалъ Я и Мою задушевную благодарность и Мое удивленіе Вамъ—войска дѣйствующей арміи.

Съ болью въ сердцѣ разстаюсь Я съ Вами, Мои дорогіе боевые сотоварищи и еще разъ считаю Своимъ священнымъ долгомъ выразить всѣмъ Вамъ Мою сердечную благодарность за Вашу многотрудную и полную славы и гордости для всей Россіи службу".

Затѣмъ благодаря отдѣльно ближайшихъ своихъ помощниковъ и командировъ корпусовъ, Его Высочество продолжаетъ такъ:

„Искренно благодарю всѣхъ начальниковъ дивизій, бригадныхъ, полковыхъ командировъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей, всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ за ихъ примѣрную во всѣхъ отношеніяхъ службу.

Особенное, сердечное и искреннее спасибо Тебѣ русскій солдатъ;— Ты не зналъ ни преградъ, ни лишеній, ни опасностей.

Безропотно, безъостановочно шелъ ты въ грязи и въ снѣгу, въ жару и холодъ, черезъ рѣки и пропасти, черезъ долы и горы и безстрашно бился съ врагомъ, гдѣ бы съ нимъ не встрѣтился. Для тебя не было невозможнаго на пути, который тебѣ указалъ начальникъ.

Тебѣ честь, тебѣ слава, добытая кровью и потомъ Россіи, бившійся за освобожденіе угнетенныхъ христіанъ.

Я горжусь и всегда буду гордиться тѣмъ, что Мнѣ пришлось командовать такою славною арміею.

Только надломленное здоровье Мое принуждаетъ Меня оставить Васъ, ранѣе общаго возвращенія на родину.

Но, разставаясь съ Вами, Я счастливъ, что по волѣ Государя Императора передаю Васъ въ мощныя руки славнаго героя Севастополя и Плевны, генералъ-адъютанта Тотлебена.

Если понадобится снова вести Васъ въ бой, онъ поведетъ Васъ къ побѣдамъ, а Вы съ своей стороны дадите ему всю ту беззавѣтную рѣшимость и мужество, которое проявили во все время Моего командованія и которымъ удивляется вся Россія и весь міръ.

Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ и сотняхъ.

Подписалъ: Главнокомандующій дѣйствующею арміею, генералъ-инспекторъ по кавалеріи и по инженерной части.

Николай.

Въ виду усиливавшейся тифозной эпидеміи было рѣшено вывести насъ изъ Кучукъ-Чекмедже и выборъ мѣста новой стоянки палъ на дер. Хамбарли, лежащую верстахъ 7-ми къ юго-западу отъ Кучука.

Утромъ, 19-го апрѣля, командующій дивизіею, вмѣстѣ съ командирами: бригады, обоихъ полковъ, трехъ батарей, начальникомъ штаба дивизіи и нѣкоторыми штабъ-офицерами и адъютантами, поѣхали осматривать дер. Хамбарли и выбирать мѣсто для бивуаковъ.

Съ одной стороны берегъ моря, а съ другой—пологія возвышенности, отдѣляющія дер. Хамбарли отъ болотистыхъ окрестностей Кучукъ-Чекмедже, значительно улучшали гигіеническія условія жизни.

Прекрасный воздухъ, чистыя квартиры для командировъ частей и штабовъ и высокій, сухой бивуакъ не заставляли желать чего-нибудь лучшаго, но, къ сожалѣнію, мѣсто бивуака могло служить только для одного полка и артиллеріи, вслѣдствіе чего пришлось раздѣлить бригаду.

Л.-гв. Гренадерскій полкъ съ артиллеріею долженъ былъ стать у Хамбарли, а нашъ командиръ выбралъ мѣстомъ для бивуака полка ровную и довольно высокую поляну между дер. Флурія и г. Санъ-Стефано, куда мы и перешли 26-го апрѣля.

Пополнивъ недостающія палатки пріемкою отъ интендантства, полкъ сталъ лагеремъ въ резервномъ порядкѣ, оставивъ большіе интервалы между батальонами.

Съ приходомъ на новое мѣсто работа закипѣла: кругомъ батальоновъ и по серединѣ ихъ появились чистыя дорожки; лагерныя линейки и мѣста между палатками покрылись мелкимъ камнемъ, замѣнившимъ собою дернъ и служившимъ поломъ подъ ружейными козлами.

Котлы на кухнѣ были выровнены, какъ по снуру, и чистота около нихъ была замѣчательна; небольшой родниковый ключъ углубленъ и устроены водоемы; коновязи и обозъ стали правильнымъ вагенбургомъ; караулы выставлены и, не прошло двухъ дней, какъ лагерь принялъ самую щегольскую осѣдлую наружность, отнюдь не напоминая походнаго бивуака.

Близость моря освѣжала воздухъ и представляла удобства доставки дровъ, фуража, съѣстныхъ припасовъ и прочаго, доставляемаго преимущественно съ азіатскаго берега, или привозимаго въ С.-Стефано изъ Марселя и южныхъ итальянскихъ портовъ.

27-го апрѣля численный составъ полка увеличился на 400 человѣкъ, прибывшихъ подъ командою, недавно выздоровѣвшаго отъ раны,

капитана Римана. Команда эта состояла изъ молодыхъ солдатъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ поступившихъ на службу; но несмотря на это, наружный видъ ихъ и строевое обученіе были такъ хороши, что они не уступали нижнимъ чинамъ командъ первыхъ укомплектованій и смѣло могли быть поставлены въ ряды.

Только успѣли мы устроиться, какъ 28-го числа, совершенно неожиданно, посѣтилъ насъ новый главнокомандующій генералъ-адъютантъ Тотлебенъ.

Собравъ полкъ, его высокопревосходительство, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, передалъ намъ благодарность отъ имени Государя Императора за дѣйствія во время кампаніи, причемъ особенную похвалу заслужили гг. офицеры за то, что, находясь всегда впереди своихъ солдатъ, они не только показывали собою примѣръ въ бою съ непріятелемъ, но также и въ перенесеніи неразлучныхъ съ походомъ трудовъ и всевозможныхъ лишеній.

Затѣмъ главнокомандующій выразилъ надежду, что въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, л.-гв. Московскій полкъ прибавитъ новую славу къ своему славному боевому имени.

Съ перемѣною мѣста жительства, измѣнилось нѣсколько и препровожденіе времени офицерами; карты почти совсѣмъ исчезли, и въ свободное отъ службы время предпринимались прогулки въ Санъ-Стефано съ цѣлью получить или отправить письма, узнать новости дня и купить что-нибудь обходя лавки, число которыхъ постепенно увеличивалось.

Торговля шла бойко, но не одними произведеніями востока, а также и нашими офицерскими вещами.

Труппа пѣвцовъ итальянской оперы давала ежедневныя представленія и театръ почти постоянно былъ полонъ офицерами, частей войскъ расположенныхъ у С.-Стефано; причемъ въ дни постановокъ новыхъ оперъ желающихъ было такъ много, что билеты приходилось брать съ утра или даже наканунѣ дня представленія.

Зданіе театра было выстроено во время великаго поста и представляло изъ себя большой деревянный сарай съ землянымъ поломъ партера и нѣсколькими ложами, устроенными по задней стѣнѣ, противъ сцены.

Освѣщалось оно керосиновыми лампами, вставленными въ фонари, и было украшено небольшими гербами и флагами всѣхъ націй.

Запахъ конюшни чувствовался довольно сильно, потому что мѣсто, выбранное для постройки театра, служило прежде площадкою, на которой держали верховыхъ лошадей всѣхъ пріѣзжавшихъ въ С.-Стефано.

Артисты были далеко не первоклассные; оркестръ состоялъ изъ 18—20 музыкантовъ, игравшихъ на всевозможныхъ инструментахъ, не исключая и пьянино, которое сильно поддерживало остальные и ловко

подавало тонъ при речитативахъ, или началѣ арій, безъ аккомпанимента оркестра.

Но, несмотря на свои недостатки, опера доставляла большое удовольствіе; а между молодежью нашлись, конечно, и ухаживатели за примадоннами, которымъ подносили букеты, устраивали подписки въ бенефисы и доставали русскіе романсы, для того, чтобы этою приманкою сдѣлать сборъ полнѣе и выставить свою пассію, покорившую слишкомъ воспріимчивое, послѣ похода, сердце.

Въ числѣ пѣвицъ нашлась и такая, голосовыя средства которой были болѣе чѣмъ не блистательны, но миловидная наружность и бойкій французскій нравъ ея побудили импрессаріо снизойти на просьбы и взять ее, правда, безъ всякой денежной платы.

Послѣднею прибыла наша соотечественница, скрывавшаяся подъ итальянскою фамиліею. Вѣрный, хорошо обработанный голосъ, интересная наружность молодой пѣвицы и русское происхожденіе сразу выдвинули ее на первый планъ, доставивъ сильный успѣхъ и, кажется, весьма недурное денежное вознагражденіе; а умѣніе держать себя и скромная жизнь—поставили на пьедесталъ и окружили яркимъ ореоломъ, въ глазахъ почитателей ея таланта.

Другимъ, болѣе шумнымъ, развлеченіемъ служилъ садъ конкордіи, въ которомъ игралъ женскій оркестръ нѣмецкаго происхожденія и исполнялись игривыя французскія шансонетки, нѣсколько скабрезнаго содержанія.

Офицеры толпились въ саду и осаждали буфетъ; нѣмки скромно интересничали, пили пиво и вздыхали, сидя рядомъ съ своими обожателями; а около француженокъ слышался веселый смѣхъ и хлопали пробки болѣе дорогихъ напитковъ.

Между тѣмъ, въ виду дипломатическихъ недоразумѣній, положеніе нашей арміи, стоявшей подъ Константинополемъ, было не совсѣмъ опредѣленно; вслѣдствіе чего 4-го мая послѣдовало передвиженіе нѣкоторыхъ частей для занятія мѣстъ, согласно новой диспозиціи; причемъ, обложивъ Константинополь, мы услышали о возможности неожиданной атаки насъ турками, большія лагери которыхъ и укрѣпленныя позиціи отстояли отъ насъ на орудійномъ выстрѣлѣ, а цѣпи передовыхъ постовъ были, что называется, чуть не на носу другъ у друга.

Разсказывали, что это передвиженіе вызвало нѣкоторое безпокойство жителей столицы и непріятно озадачило турецкое военное начальство, поторопившееся узнать о причинѣ его; причемъ какой-то паша, желая скорѣе выяснить себѣ истину, поѣхалъ въ цѣпь одного изъ нашихъ гвардейскихъ полковъ и обратился, черезъ переводчика, къ первому попавшемуся унтеръ-офицеру:

— Скажите пожалуста, — спросилъ паша, — что за причина тому, что вы подошли такъ близко?

— Услышали, что у васъ больно много укрѣпленій нарыто, такъ захотѣли разсмотрѣть ихъ получше.—отвѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Но вѣдь эти укрѣпленія мы построили только такъ!.. возразилъ паша.

— Да и мы, ваше превосходительство, подошли сюда тоже только такъ!.. доложилъ унтеръ-офицеръ.

Разговоръ тѣмъ и кончился. Остался-ли удовлетворенъ любознательный паша—не знаю, но отказать унтеръ-офицеру въ находчивости—онъ, вѣроятно, не могъ; равно какъ и въ знаніи дисциплины, потому-что унтеръ-офицеръ все время держалъ ружье „на плечо“ и титуловалъ пашу „превосходительствомъ“.

На другой день по линіи расположенія турецкихъ войскъ перевозили орудія, вооружая ими вновь выстроенныя укрѣпленія.

Затѣмъ посты наши слышали шумъ отъ работъ и сигналы, раздававшіеся днемъ и ночью.

Полагать надо, что все это, конечно, дѣлалось тоже только такъ!..

Вечеромъ, 8-го мая, мы узнали о безпорядкахъ, происшедшихъ въ этотъ день у дворца султана Гамида.

Стоустая молва, называя зачинщикомъ нѣкоего Али-Суави-эфенди, говорила, что во время царствованія султана Мурада, Али-Суави былъ директоромъ константинопольскаго лицея и съ паденіемъ своего покровителя бѣжалъ въ дружественную Турціи державу, которая, будто-бы, помогала замыслу его въ сверженіи Гамида и воцареніи Мурада.

Много интересныхъ подробностей разсказывали пріѣзжіе изъ Константинополя: греки, армяне, итальянцы и другіе торгаши и коммиссіонеры; но, помня русскую пословицу: „не всякому слуху вѣрь и не все, что знаешь, говори“,—я останавливаюсь передачею ихъ на бумагѣ, въ виду того, что въ нихъ слишкомъ много серьезнаго и печальнаго, не подходящаго къ поверхностному очерку скромныхъ походныхъ записокъ строеваго офицера.

11-го мая, я встрѣтилъ въ С.-Стефано солдата, одного изъ гвардейскихъ полковъ, по имени Николая Косова, находившагося нѣсколько мѣсяцевъ въ плѣну у такъ называемыхъ Родопскихъ инсургентовъ.

Распрашивая о подробностяхъ его несчастія, я услышалъ слѣдующее:

„Дорогою къ Адріанополю, ноги у меня болѣли, хоть плачь. Отморозилъ я ихъ еще на Балканахъ, да думалъ оттерплюсь какъ-нибудь, а въ госпиталь не пойду.

„Оно и точно будто по легче стало; а тутъ какъ на грѣхъ сапоги вовсе

развалились и пришлось идти завернувъ ноги кое-какими тряпками и завязавъ ихъ веревкою.

„Переходы большіе; грязь, да острый камень на шоссе, разбередили ихъ пуще прежняго; такъ что пришедши въ Хаскіой, я ужъ и стать-то на ноги не могъ, не то что куда дальше идти.

„Вотъ и оставили меня тамъ въ слабосильной командѣ, которою завѣдывалъ докторъ Нѣмчаниновъ и офицеръ Финляндскаго полка.

„Когда слабые начали поправляться, команда выступила изъ Хаскіой для присоединенія къ своимъ частямъ.

„Ноги у меня все еще болѣли, поэтому отойдя верстъ семь, я не могъ идти далѣе и сѣлъ отдохнуть на краю дороги, причемъ вмѣстѣ со мною остановились: больной товарищъ, солдатикъ 5-й пѣхотной дивизіи и казакъ 9-го донскаго полка.

„Отдохнувъ пошли далѣе, но догнать команду не могли и къ вечеру снова остановились, не доходя нѣсколькихъ верстъ до г. Мустафа-паша; но только успѣли закурить трубки, какъ увидѣли цѣлый эскадронъ кавалеріи, спускавшійся съ горъ и подивились еще откуда это онъ идетъ.

„Какая была кавалерія, за темнотою, разобрать не могли и только когда уже они подъѣхали къ намъ, увидѣли, что турки.

„Стряслась бѣда и выкрутиться никакъ уже было невозможно.

„Окружили они насъ и давай что-то спрашивать, а мы молчимъ, не понимая ни слова; вотъ и принялись они стегать насъ плетьми и били, то-есть, что воли ихъ было.

„Потомъ связали намъ руки, посадили на лошадей и замѣшавъ промежъ себя поѣхали рысью въ горы; а чтобы лошади наши не отставали, то подгоняли ихъ плетьми, да каждый разъ и насъ по спинѣ стегали.

„Проѣхавъ горами, безъ дороги, верстъ около тридцати, мы остановились среди лѣса, въ которомъ стоялъ другой ихъ эскадронъ. Сняли насъ съ лошадей, привели должно быть къ командиру и снова стали спрашивать, бить и плевать въ глаза.

„Не били только моего больнаго товарища, потому что ужъ больно онъ былъ слабъ и еле на ногахъ держался.

„Потомъ какой-то турокъ разорвалъ мнѣ правый рукавъ мундира и срѣзалъ саблею кусокъ кожи, вмѣстѣ съ мясомъ, не много по ниже локтя и засучивъ лѣвый рукавъ, концомъ сабли прорѣзалъ вдоль и эту руку, на томъ же мѣстѣ; да видно мало было ему христіанской крови, такъ взмахнулъ саблею, да и отсѣкъ кусокъ тѣла на лѣвой ногѣ по выше колѣна *).

*) Шрамы, отъ всѣхъ упомянутыхъ ранъ, я лично видѣлъ спустя четыре мѣсяца послѣ происшествія. Авторъ.

„Другой турокъ, порѣзалъ руки и ногу казаку, а армейскому солдатику такъ еще хуже нашего пришлось.

„Часа черезъ два, погнали насъ пѣшими, по горнымъ тропинкамъ. Руки были связаны, а кругомъ ѣхали конвойные и только черезъ три дня пришли въ г. Гемуржинъ, гдѣ были представлены Арабъ-пашѣ и Измаилу-пашѣ.

„Долго допрашивали они насъ черезъ переводчика, роднаго брата греческаго владыки, много ли за Балканами русскихъ войскъ и когда я отвѣтилъ, что не знаю, такъ не повѣрили и выпытывали до тѣхъ поръ, пока я имъ сказалъ: гдѣ мнѣ знать сколько за Балканами нашихъ войскъ будетъ, когда я не знаю сколько солдатъ въ нашей ротѣ состоитъ.

„Послѣ допроса, больнаго товарища моего отправили въ ихнюю турецкую больницу, а насъ троихъ, да еще какого-то грека посадили въ темную, въ пѣхотныхъ казармахъ, и у дверей поставили караулъ.

„Темная эта была такъ мала, что въ поперегъ ея, мы четверо, едва могли лечь другъ возлѣ друга.

„Руки намъ связали на груди и развязывали только выводя, подъ конвоемъ, за надобностью. Такъ мы просидѣли три мѣсяца, получая въ день по три фунта ячменнаго хлѣба и по кружкѣ воды.

„Изрѣдка заходилъ къ намъ паша и офицеры, но уже ничего не спрашивали и больше не били.

„Приходилъ къ намъ также офицеръ музыкантской команды того полка, въ казармахъ котораго мы сидѣли; онъ говорилъ по-болгарски и былъ къ намъ добръ, давалъ табаку, а въ Свѣтлый праздникъ угостилъ водкою.

„Вскорѣ послѣ того, когда турки узнали, что Османъ-паша выпущенъ изъ плѣна и вернулся въ Турцію, въ комнатѣ нашей открыли окно, забитое прежде ставнею, развязали намъ руки и стали давать горячую пищу.

„Утромъ и вечеромъ рисовую кашицу съ масломъ, а въ обѣдъ супъ съ бобами и говядиною, и бѣлый хлѣбъ вмѣсто ячменнаго.

„Съ этого же дня насъ начали выводить на полковой дворъ и мы увидѣли, что въ казармахъ стояло тысячъ пять турецкой пѣхоты, которую выводили на ученья, а насъ оставляли смотрѣть на нихъ и каждый разъ бывало окружитъ насъ цѣлая толпа турокъ и смѣется, а подойдетъ офицеръ, да по головѣ постучитъ.

„Такъ прожили мы съ мѣсяцъ времени, когда наконецъ призвали насъ къ пашѣ и онъ, черезъ переводчика, спросилъ:

— Хотите идти къ своимъ московъ?

— Воля ваша, отвѣтилъ я.

— Ступайте, сказалъ Арабъ-паша и скажите, что мы воевать не

перестанемъ, раззоримъ христіанскія села и дойдемъ до Ортакіоя, а тамъ увидимъ еще что будетъ.

„Изъ Гемуржина мы шли дня три и все горами, видѣли издалека какіе-то два города, въ которыхъ турокъ такъ много, что не помѣщаются въ домахъ, а живутъ около, разбивъ палатки изъ кошомъ и ковровъ. Вооружены всѣ; даже у маленькихъ мальчишекъ по два пистолета изъза пояса торчитъ.

„Артиллеріи видѣть не случалось, а кавалеріи очень много. Одѣты разно, есть и въ нашихъ русскихъ мундирахъ, должно быть съ убитыхъ поснимали.

„Лошади тоже есть русскіе. Когда бывало учатся и начнуть скакать, то турецкія лошади такъ въ бокъ и забираютъ, а которая наша, то прямо несется, хоть на стѣну. А имъ это и любо, хвалятъ да дивятся.

„Къ концу пути, подошли мы къ турецкой позиціи, тутъ намъ завязали глаза и связали руки, а когда вывели за цѣпь, да спустили въ лощину, то развязали и отпустили. Гайда-московъ, сказали конвойные указавъ впередъ.

„Скоро мы увидѣли свои посты и драгунскій разъѣздъ, которому сказались гдѣ были. Отвели насъ къ маіору, а отъ него отправили къ начальнику 5-й пѣхотной дивизіи, въ г. Адріанополь.

„Дали мнѣ сапоги и шинель, потому что все время ходилъ босый и въ турецкой кофтѣ, и отправили сюда въ полевой штабъ.

„Плохо намъ было, продолжалъ разсказчикъ, и недумали мы уже повидать своихъ...

„Вѣрьте, ваше высокоблагородіе, говорилъ онъ со слезами на глазахъ, что теперь не то, чтобы самъ, а каждому солдату закажу во вѣки отъ своихъ не отставать; а если ужъ случится такое несчастье, что ноги не понесутъ, такъ хоть на четверенькахъ, а за ротою тащиться надо“.

12-го мая; совершенно неожиданно, на бивуакъ нашъ пріѣхалъ экзархъ болгарскій Іосифъ и привезъ въ благословеніе полку икону Пресвятой Богородицы Скоропослушницы.

Весь полкъ былъ собранъ въ общее каре, и отъ имени экзарха, говорилъ сопутствовавшій его офицеръ главной квартиры, благодаря за доблестное участіе въ освобожденіи Болгаріи отъ турецкаго ига. Затѣмъ Іосифъ благословилъ полкъ иконою и обошелъ съ нею по рядамъ.

На ящикѣ отъ иконы, я прочелъ слѣдующую надпись, славянскими буквами:

„Московскому гвардейскому полку, въ знакъ благословенія признательная Болгарская церковь. 1878 года 12-го мая. Константинополь.—

И затѣмъ подписи: Ексархъ Булгарскій Іосифъ. Митрополитъ Орхадскій Наѳонаилъ. Митрополитъ Скопскый Кырилъ."

По отъѣздѣ экзарха, обычная жизнь наша шла старою колеею вплоть до 4-го іюня, когда ночью было получено извѣстіе о возможности атаки насъ турками, вслѣдствіе недоразумѣній, происшедшихъ изъ за наблюдательной вышки, поставленной у расположенія гвардейской стрѣлковой бригады.

5-го іюня, въ 8 час. утра, полкъ снялся съ бивуака и сталъ съ сѣверной стороны города, для прикрытія главной квартиры.

Всѣ части войскъ, расположенныя у Константиноля, были на готовѣ, а обозы отошли назадъ. Три полка 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, придвинулись впередъ: л.-гв. Литовскій получилъ назначеніе наблюдать пространство между озерами, Беюкъ и Кучукъ Чекмедже; а 8-й корпусъ сдѣлалъ переходъ болѣе 20-ти верстъ.

Полная неопредѣленность положенія дѣлъ продержала насъ цѣлый день на позиціи, въ виду турокъ, въ лагеряхъ которыхъ было замѣтно сильное движеніе.

Въ случаѣ-же наступленія ихъ, намъ было приказано окапываться, но не открывать огня, довольствуясь только отвѣтными артиллерійскими выстрѣлами.

Недоразумѣнія разъяснились дипломатическимъ путемъ и нашею готовностью встрѣтиться, съ усилившеюся и отдохнувшею турецкою армію. Рискъ со стороны ихъ былъ великъ и вслѣдствіе этого день прошелъ благополучно.

Въ 8 час. вечера мы вернулись на бивуакъ и только послѣдствія палящаго зноя, преслѣдовавшаго насъ въ теченіи дня, напоминали о неудобствахъ южнаго климата, при расположеніи на открытой мѣстности.

Почти вертикальные солнечные лучи жгли въ полномъ смыслѣ этаго слова, и нѣсколько человѣкъ получили довольно сильные обжоги лица и рукъ; а тѣ изъ нихъ которыя лежали разстегнувъ мундиры, при 40° R., поплатились такими-же и обжогами груди.

Вслѣдъ за недоразумѣніемъ 5-го іюня, явилась мысль объ укрѣпленіи нашей позиціи, и ночь на 11-е число была назначена для приведенія ея въ исполненіе; но въ виду дипломатическихъ соображеній, укрѣпленія не строились и мы ограничились трасировкою ихъ, на случай необходимости спѣшнаго возведенія. Назначеніе полка оставалось тоже и мѣсто нашихъ предполагаемыхъ укрѣпленій составляло правый флангъ общаго расположенія, отъ С.-Стефано до Чифлика-Ай-Мама. Одновременно съ этимъ, въ тылу позиціи, были устроены валы для постановки мишеней и началась пристрѣлка ружей и стрѣльба на близкія дистанціи.

Возвращаясь какъ-то со стрѣльбы я былъ свидѣтелемъ какъ довольно большая змѣя гналась за моими солдатами.

Подымая вертикально голову, почти на аршинъ отъ земли,—она дѣлала громадные прыжки и все время была съ выпущеннымъ жаломъ.

Ударъ ружейнымъ прикладомъ остановилъ ея злостное намѣреніе и, растянувшись на солнце, она позволила разсмотрѣть свою длину, доходившую почти до двухъ аршинъ.

Не могу не вспомнить при этомъ, что хотя вообще змѣй было немного, но видѣнная мною не представляла исключенія, такъ напримѣръ, одинъ солдатикъ, надѣвая утромъ старый сапогъ, ни какъ не могъ понять отъ чего, свободный наканунѣ онъ не надѣвается теперь. Осмотрѣлъ ногу,— не распухши; портянка надѣта хорошо, а сапогъ не лезетъ да и только.

— Ишь ты чудо какое! ворчитъ солдатъ.

— Да нѣтъ-ли чего въ серединѣ-то? наставляютъ товарищи.

Повернули сапогъ, встряхнули и отскочили въ сторону, увидя какъ изъ голенища выпала свернувшаяся кольцами змѣя, болѣе аршина длиною.

Затѣмъ такая-же змѣя была найдена въ палаткѣ нашихъ деньщиковъ; но всѣ случаи встрѣчь съ ними не имѣли дурныхъ послѣдствій. Другое дѣло были фаланги, или сороконожки. Длинные, чешуйчатые червяки, съ твердою спиною, они быстро лазали, извиваясь всѣми частями своего тѣла, снабженными каждая отдѣльно парою ногъ. Гады эти водились во множествѣ и часто сбрасывались нами съ собственныхъ кроватей.

Укушеніе ихъ довольно ядовито и мѣстные жители разсказывали даже случаи окончившіеся смертію.

Не знаю на сколько это справедливо, но могу подтвердить, что два солдата, укушенные фалангами въ концы пальцевъ, одинъ на рукѣ, а другой на ногѣ, довольно долго болѣли и опухоль руки до плеча и ноги до колѣна, развилась чрезвычайно быстро и сильно.

Между тѣмъ отношенія наши къ туркамъ были не надежны и вызывали различныя распоряженія и мѣры для охраненія себя отъ неожиданнаго возобновленія военныхъ дѣйствій; вслѣдствіе чего полку было приказано ежедневно высылать дежурную часть къ выѣзду изъ С.-Стефано къ Макрикіой, а на ночь дежурная часть усиливалась двумя орудіями. стоявшей у Флуріи, казачьей батареи флигель-адъютанта Короченцова.

Такимъ образомъ простояли мы до 24-го іюня, когда получили приказаніе перейти къ Беюкъ-Калкалы и стать на правомъ флангѣ своей дивизіи. Мѣсто новаго бивуака, лежало на пологой возвышенности, на гребнѣ которой стояли наши батареи.

Лѣвѣе насъ были расположены полки л.-гв. Гренадерскій, ниже-

его Павловскій; затѣмъ гвардейская стрѣлковая бригада и части армейскихъ корпусовъ.

Правѣе полки: Семеновскій и Измайловскій у д. Сафракіой.

Передовую позицію занимали въ то время полки: Преображенскій, Егерскій и Финляндскій, а въ резервѣ у Ярымъ-Бургаса стояла 3-я гвардейская дивизія, выдвинувъ Литовскій полкъ по направленію къ Кучукъ-Чекмедже.

Устроившись на новомъ бивуакѣ, приступили къ трасировкѣ укрѣпленій, и зажили тою-же жизнью съ строевыми ученьями, сномъ среди дня и поѣздками въ С.-Стефано, до котораго было около семи верстъ.

10-го іюля прибылъ изъ запаснаго баталіона полковникъ Казимірскій, привезшій новое знамя, Всемилостивѣйше пожалованное 4-му батальону, взамѣнъ сгорѣвшаго въ Адріанополѣ 16-го января.

17-го числа опять перешли на старое мѣсто у С.-Стефано, а 19-го состоялась прибивка знамени въ саду дома, занимаемаго главнокомандующимъ, который вбилъ первый гвоздь. Второй—забилъ командующій гвардейскимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, слѣдующій—командующій дивизіею, потомъ командиръ бригады, полка, всѣ офицеры по старшинству чиновъ и новый знаменщикъ, украшенный георгіевскими крестами трехъ степеней.

20-го іюня знамя было освящено, и при громкихъ крикахъ ура вынесено передъ фронтомъ полка и поставлено въ ряды ликующаго батальона.

Долго и весело продолжался парадный офицерскій завтракъ

Музыка и пѣсни раздавались до самаго вечера, а ярко горѣвшія смоленыя бочки и разноцвѣтные фонари виднѣлись изъ далека, фантастически освѣщая бивуакъ среди наступившаго мрака ночи.

Наконецъ 1-го августа, приказъ по полку офиціально извѣстилъ о возвращеніи, гвардейскаго корпуса, въ Россію. 5-го состоялся послѣдній С.-Стефанскій парадъ, и мы весело вернулись съ него, надѣясь, что покончили съ ожиданіями и скоро возвратимся на родину послѣ годовой съ нею разлуки.

11-го августа снялись съ бивуака и пошли въ Беюкъ-Чекмедже, назначенный пунктомъ нашей посадки на суда.

Сколько разнообразныхъ ощущеній испытавалось во время этаго перехода, по знакомой дорогѣ, мимо Флуріи, Галатаріи, Кучука и Хамбарли и какая громадная разница была между теперешнимъ входомъ нашимъ въ Беюкъ и тѣмъ, который мы дѣлали равно полгода назадъ, со стороны Кали-Кратіи...

По странному капризу судьбы полкъ расположился на той самой возвышенности, на которой 11-го февраля стояли обращенныя къ намъ турецкія орудія.

Яркое солнце, прелестные виноградники и пыльное шоссе, составляли громадный контрастъ съ холодною, сырою, погодою и невылазною грязью, привѣтствовавшими насъ тогда.

Городъ имѣлъ тоже другую физіономію.

Улицы высохли, число жителей значительно увеличилось, появились рестораны, лавки и торговля процвѣтала, обогащая нашими деньгами пришлое населеніе, помѣстившееся въ турецкихъ домахъ и свободно распоряжавшееся ихъ имуществомъ, землею, виноградниками и т. д.

Ко времени прихода полка въ Беюкъ-Чекмедже, около него собралась уже вся наша дивизія, съ своею артиллерійскою бригадою и кромѣ того стояли полки л.-гв. Конно-Гренадерскій, Литовскій, Волынскій, 2 батальона Прусскаго, подвижной лазаретъ и артиллерійскій паркъ.

Въ бухтѣ дымились три парохода и производилась посадка войскъ, начиная съ младшихъ по № частей.

12-го августа отошли первые два парохода съ л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, двумя ротами Павловскаго, двумя ротами Прусскаго полка и 5-ю и 6-ю батареями 2-й гвардейской артиллерійской бригады.

На другой день ушелъ третій пароходъ, нагруженный ихъ обозами, и мы не спускали глазъ съ моря ожидая увидѣть приближеніе новыхъ, для посадки слѣдующихъ частей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своей очереди отправленія въ Россію.

Послѣдніе дни пребыванія въ предѣлахъ турецкой имперіи казались нескончаемыми; пароходы не приходили вплоть до 17-го августа, а назначенные для первыхъ двухъ эшелоновъ нашего полка показались только 23-го числа.

Утромъ, 24-го августа, 3-й и 4-й батальоны снялись съ бивуака и подошли къ пристанямъ, съ которыхъ ихъ перевозили къ пароходамъ на довольно большихъ плотахъ, устроенныхъ на двухъ лодкахъ каждый; но такъ какъ въ составъ моего эшелона, кромѣ 4-го баталіона, были назначены 9-я и 10-я роты, 51 подъемная лошадь съ обозными нижними чинами и 21 повозка, то нагрузка ихъ и посадка нижнихъ чиновъ тянулась цѣлый день и окончилась лишь къ 9-ти час. вечера, когда, наконецъ, на пароходѣ „Ричардъ Энингъ“ былъ поднятъ якорь и мы вышли въ Мраморное море.

— Слава Тебѣ Господи, дождались времени возвращенія на родину,—послышалось изъ кучки солдатъ, стоявшей на носовой части палубы.

Пора, подумалось и мнѣ, пора подъ свой кровъ, послѣ годоваго отсутствія и шестимѣсячнаго ожиданія этой минуты, во время пребыванія нашего подъ Константинополемъ, къ которому мы теперь приближались и должны были остановиться, чтобы запастись прѣсною водою, быками и кое-какими продуктами для продовольствія людей во время пути.

Англійскій грузовой пароходъ „Ричардъ Энингъ“ шелъ хорошо; сол-

даты были размѣщены на нарахъ, устроенныхъ въ нѣсколько этажей, начиная отъ трюма, гдѣ стояли лошади и обозъ, и вплоть до палубы.

Приспособленіе это было сдѣлано русскимъ обществомъ пароходства и торговли, которое, за недостаткомъ своихъ судовъ, законтрактовало нѣсколько иностранныхъ; причемъ на каждомъ изъ нихъ находился агентъ общества, слѣдившій за продовольствіемъ нижнихъ чиновъ во время пути и служившій посредникомъ между капитаномъ парохода и начальникомъ перевозимаго эшелона.

Единственное неудобство нашего „Ричарда Эннинга“ заключалось въ недостаточномъ числѣ офицерскихъ каютъ, вслѣдствіе чего со мною ѣхали только командиры 6-ти строевыхъ ротъ, нестроевой роты и докторъ, а суболтернъ-офицеры были взяты на другой пароходъ, причемъ, несмотря на то, что капитанъ парохода уступилъ свою каюту, а я расположился на диванѣ каютъ-кампаніи, двое изъ насъ принуждены были спать на палубѣ или довольствоваться узкими скамейками, стоявшими около небольшаго обѣденнаго стола той же каютъ-кампаніи.

Утро 25-го августа мы встрѣтили въ Босфорѣ; прекрасный солнечный день вполнѣ гармонировалъ съ нашимъ праздничнымъ расположеніемъ духа, но сильный сѣверо-восточный вѣтеръ развелъ зыбь и затруднялъ доставку припасовъ, длившуюся до 10-ти часовъ утра.

Маленькіе пароходы сильно покачивались, а каики едва справлялись съ волнами, причемъ одинъ изъ нихъ опрокинулся на нашихъ глазахъ и сидѣвшіе въ немъ едва не погибли, пока успѣли спустить шлюпку съ русскаго парохода и догнать ихъ среди разбушевавшагося пролива.

По мѣрѣ удаленія отъ Константинополя волны все увеличивались и, при входѣ въ Черное море, нашъ англичанинъ не выдержалъ характера и началъ качаться, плавно опускаясь носомъ и затѣмъ высоко подымая его вверхъ.

Непріятное ощущеніе килевой качки скоро соединилось съ еще худшимъ, отъ боковой; шумные разговоры стихли, гулявшіе на палубѣ принуждены были сѣсть, чтобы не упасть на колеблющейся подъ ногами почвѣ, и морская болѣзнь ежеминутно увеличивала число своихъ жертвъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, непривычные къ морю пѣхотинцы, смотрѣли очень жалко: изъ 9-ти офицеровъ только двое остались здоровыми, а изъ 841 нижнихъ чиновъ врядъ-ли 100 человѣкъ чувствовали себя хорошо.

Лошади тоже нетвердо стояли на ногахъ, позабыли про ясли, и для того чтобы они не падали, пришлось укоротить повода и подтянуть имъ головы.

Между тѣмъ, вѣтеръ крѣпчалъ, волны набѣгали съ новою силою, снасти скрипѣли и подвѣшенные въ каютахъ лампы, графины съ водой, стаканы и проч. постепенно увеличивали свои размахи и, ударяясь другъ

о друга, производили весьма непріятный шумъ и впечатлѣніе для глазъ, вызывая собою какое-то странное головокруженіе.

Берега скрылись изъ вида и далекій горизонтъ сливался съ волнами моря, бѣлая пѣна которыхъ обдавала брызгами опустѣвшую палубу.

Ночная темнота какъ-бы увеличивала непріятность ощущенія сильной качки и мы съ удовольствіемъ привѣтствовали восходъ солнца, съ появленіемъ котораго вѣтеръ стихъ, но разгулявшіяся волны не могли успокоиться и продолжали качать пароходъ до самаго вечера.

Больные начали поправляться, половина людей могла уже обѣдать, а передъ зарею я вызвалъ на верхъ пѣсенниковъ и веселые звуки далеко неслись по поверхности утихавшаго моря, а притоптыванье плясуна, отчетливо отдавалось на палубѣ.

Вторая ночь, проведенная на морѣ, прошла спокойно; мертвая зыбь прекратилась и хотя ходъ „Ричарда Эннинга“ былъ увеличенъ, но наверстать время, потерянное въ борьбѣ съ волнами, мы не могли, и утромъ 27-го августа вмѣсто того, чтобы подходить къ Николаеву, увидѣли все тоже безбрежное море, оживляемое стаями дельфиновъ, весело нырявшихъ у самаго парохода.

Къ серединѣ дня появились какія-то большія бѣлыя птицы; на сѣверо-востокѣ выдѣлялась сѣрая полоса песчанаго берега и мы, неотрывая глазъ, слѣдили какъ изъ неяснаго очертанія его постепенно вырисовывались стѣны отдѣльно стоящихъ домовъ и кущи деревъ. Въ четвертомъ часу пополудни приняли на бортъ лоцмана, выстроились на палубѣ, помолились Богу и около 6-ти часовъ вечера съ обнаженными головами и громкими криками „ура“ подошли къ пристани г. Николаева.

Радость возвращенія на родину была такъ велика, что врядъ-ли я ошибусь, сказавъ, что всѣ мы смотрѣли разсѣянно; дивились, слыша русскую рѣчь, и не могли собрать мыслей и дать себѣ отчета въ томъ, гдѣ находимся, что насъ окружаетъ, откуда и послѣ чего пришли мы наконецъ въ среду своихъ, заочно дѣлившихъ съ нами тяготы войны; радовавшихся нашимъ успѣхамъ, скорбѣвшихъ о потеряхъ въ бояхъ и славившихъ Бога за дарованныя намъ побѣды надъ врагомъ, исполненіе завѣтной мысли освобожденія балканскихъ христіанъ и присоединенія къ Россіи той части Бессарабіи, которая была отторгнута отъ насъ въ тяжелую годину крымской кампаніи.

Великъ день возвращенія на родину и необъяснимо сладка минута перваго шага на родной землѣ!...

Войны какъ бы не было вовсе, сразу сгладились въ памяти перенесенные, въ теченіе года, труды и лишенія, позабылись опасности и жертвы славныхъ, но кровавыхъ битвъ съ непріятелемъ и ужасной борьбы съ природою и суровымъ временемъ года.

Ощущенія, испытанныя въ эту минуту, походили на тѣ, которыя

являлись, въ дѣтскіе года, при пробужденіи отъ гнетущаго сна, среди яснаго утра, сулившаго радостный и счастливый день.

Яснымъ утромъ, новой для насъ жизни, была высадка въ Николаевѣ; а радостный, счастливый день, долженъ былъ наступить въ моментъ возвращенія домой къ изнывшимъ отъ ожиданія роднымъ семьямъ, которыя гордились уже своими отцами и братьями, какъ участниками славной турецкой войны 1877—1878 годовъ.

28-го августа прибыли остальные эшелоны полка и утромъ 29-го числа, послѣ торжественнаго молебствія, власти и жители г. Николаева радушно предложили намъ завтракъ, встрѣчая хлѣбомъ солью солдатъ, вернувшихся изъ похода.

Тутъ въ первый разъ мы испытали русское гостепріимство; услышали выраженія теплаго участія къ намъ и увидѣли веселыя лица хозяевъ, наперерывъ угощавшихъ офицеровъ и подносившихъ водку нижнимъ чинамъ.

Дамы не стѣснялись за-просто разговаривать съ незнакомыми имъ офицерами; нарядные костюмы молодыхъ барышень виднѣлись между солдатскими мундирами, а громкій говоръ и смѣхъ оживляли это рѣдкое празднество.

30-го августа, по случаю дня тезоименитства Государя Императора, всѣ офицеры собрались къ обѣднѣ въ соборъ и послѣ молебствія присутствовали на церковномъ парадѣ мѣстныхъ командъ; а вечеръ провели въ лѣтнемъ помѣщеніи морскаго клуба, гдѣ молодежь веселилась, танцуя до упаду.

1-го сентября мы простились съ Николаевымъ и, сѣвъ въ вагоны желѣзной дороги, поѣхали на сѣверъ, къ далекому, но милому Петербургу.

Тихое движеніе войсковыхъ поѣздовъ и нѣсколько дней остановки въ Кіевѣ, задержали насъ въ пути болѣе двухъ недѣль, но несмотря на пламенное желаніе добраться поскорѣе домой, время шло незамѣтно, благодаря радушнымъ встрѣчамъ, оказаннымъ полку, не только въ большинствѣ городовъ, лежавшихъ на пути, но почти на всѣхъ станціяхъ, на которыхъ поѣзда наши останавливались для обѣда нижнихъ чиновъ

Особенное вниманіе было оказано намъ въ г. Минскѣ, гдѣ общество дамъ и губернаторъ, присутствуя при обѣдѣ нижнихъ чиновъ, лично наливали и подносили имъ чарки водки, а въ рукахъ офицеровъ виднѣлись подаренные имъ вѣнки и букеты живыхъ цвѣтовъ, которыми были украшены также всѣ окна нашего вагона.

Дворъ передъ казармами, въ которыхъ дневалъ полкъ въ г. Вильно, былъ роскошно убранъ разноцвѣтными флагами и громадными гирляндами изъ зелени, а кругомъ его были накрыты столы для обѣда нижнихъ чиновъ, предложеннаго имъ городскимъ обществомъ.

Когда всѣ приготовленія были окончены и полкъ выстроился у сто-

ловъ, мы увидѣли командующаго войсками округа, прибывшаго въ казармы для того, чтобы лично поздравить полкъ съ окончаніемъ компаніи и славнымъ возвращеніемъ на родину. Генералъ-адъютантъ Альбединскій обошелъ по фронту всѣхъ ротъ полка, останавливаясь и разговаривая съ каждымъ изъ нижнихъ чиновъ, украшеннымъ двумя или тремя знаками военнаго ордена.

Затѣмъ провозгласивъ тосты за здоровье Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, командующій округомъ выпилъ за здоровье полка, его командира и офицеровъ, которые будучи представлены генералъ-адъютанту Альбединскому, услышали чрезвычайно любезно высказанное имъ сожалѣніе въ томъ, что генералу не удастся видѣть насъ у себя за завтракомъ единственно потому, что полковникъ Губинъ, просилъ уступить насъ ему какъ старому однополчанину.

Дружески встрѣтились мы съ А. М. Губинымъ и просидѣли у него до вечера, вспоминая послѣдній день, проведенный вмѣстѣ на дневкѣ въ Боготѣ, и тѣхъ товарищей, которые провожая его не знали, что прощаются на всегда; впрочемъ воспоминанія эти не носили въ себѣ чувства горечи, такъ какъ честная смерть въ бою, на-вѣки сохранила имена ихъ въ исторіи полка и наглядно показала умѣнье офицеровъ не щадить себя въ трудныя и славныя минуты.

Въ полночь, 16-го сентября, поѣздъ моего эшелона остановился у станціи Александровской, какъ конечнаго пункта движенія нашего по желѣзной дорогѣ.

Радость возвращенія домой и встрѣча съ товарищами запаснаго батальона полка, дѣлали незамѣтными осенній дождь, грязь на шоссе и темноту ночи, сквозь которую виднѣлись огни разложенныхъ по дорогѣ костровъ.

Прійдя въ Пулково и распустивъ роты по квартирамъ, мы просидѣли всю ночь за роскошнымъ ужиномъ, предложеннымъ намъ товарищами, остававшимися въ С.-Петербургѣ.

Только въ 5 часовъ утра я пришелъ въ отведенную мнѣ квартиру, но уснуть не могъ.

Близость семьи и предстоящее свиданіе ускоряли біеніе сердца, а разнообразныя мысли такъ быстро смѣнялись одна другою, что я не замѣтилъ какъ забрезжилось утро, съ наступленіемъ котораго я уже скакалъ на перекладной по старому московскому шоссе...

20-го сентября лейбъ-гвардіи Московскій полкъ торжественно вступилъ въ С.-Петербургъ, черезъ тріумфальныя ворота, роскошно украшенныя флагами, гирляндами цвѣтовъ, щитами съ названіемъ мѣстъ наиболѣе выдающихся сраженій и проч.

Во время пути нашего по Россіи, мнѣ случалось слышать о встрѣ-

чахъ, которыя устраиваетъ С.-Петербургъ частямъ гвардіи возвращающимся изъ похода.

Описаніе подобной встрѣчи, я читалъ въ газетахъ и, правду говоря, не вполнѣ вѣрилъ тому энтузіазму, съ которымъ, какъ описывала газета, выражались чувства столичнаго населенія при видѣ гвардіи, стяжавшей себѣ новую славу.

Затѣмъ невольно думалось, что ни что не ново подъ луною, а слѣдовательно, часто повторяющіяся встрѣчи должны утратить свою прелесть и на долю входящихъ послѣдними: нашего и лейбъ-гвардіи казачьяго полка, съ конною батареею, останется мало непритворнаго энтузіазма и выраженій искреннихъ чувствъ.

Осень вступила уже въ свои права.

Скверный мелкій дождь не прекращаясь мочилъ насъ съ момента выступленія изъ Пулкова.

Холодныя капли его, забираясь за воротникъ мундира, заставляли вздрагивать всѣмъ тѣломъ и маленькій переходъ казался нескончаемымъ.

Около Чесменской богадѣльни, насъ встрѣтили ветераны былыхъ боевъ, съ генералъ-адъютантомъ графомъ Толстымъ во главѣ.

Отслушали молебенъ, приложились ко кресту и получивъ въ благословеніе св. икону, двинулись далѣе, привѣтствуя и прощаясь съ стариками дружными криками русскаго ура.

Не доходя тріумфальныхъ воротъ, остановились и стали развернутымъ фронтомъ по обѣимъ сторонамъ шоссе.

Вскорѣ объѣхалъ полкъ, временно-командующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ баронъ Бистромъ. привѣтливо здороваясь съ Московцами, которыхъ онъ напутствовалъ, передъ отправленіемъ въ походъ, на молебнѣ 21-го августа 1877 года.

Затѣмъ ровно въ полдень показался въ воротахъ Августѣйшій командиръ гвардейскаго корпуса, Наслѣдникъ Цесаревичь, котораго мы болѣе года уже не имѣли счастія видѣть.

Восторженно встрѣтили войска своего Наслѣдника Цесаревича и предводимыя имъ, двинулись черезъ тріумфальную арку, за которою ожидало высшее духовенство съ крестомъ, святою водою и иконою въ благословеніе полку; а представители города поднесли адресъ и хлѣбъ соль на серебряномъ блюдѣ.

Громадная масса публики закрывала собою обѣ стороны шоссе; мѣста у царской ложи были переполнены дамами, а въ самой ложѣ, не смотря на сырую погоду и дождь, мы увидѣли Ихъ Императорскія Высочества Великихъ Княгинь: Наслѣдницу Цесаревну, Марію Павловну Александру Іосифовну и Александру Петровну, осчастливившихъ насъ своею встрѣчею.

Цесаревна вѣнчала лаврами знамена и вмѣстѣ съ Великими Княги-

нями, дарила командировъ полка и батальоновъ лавровыми вѣнками, перевитыми георгіевскими лентами.

Толпа народа неистово кричала ура, а дамы забрасывали насъ цвѣтами, букетами и вѣнками.

Подобной встрѣчи, какъ дѣлалъ С.-Петербургъ, я думаю никогда не случалось видѣть кому-либо изъ нашихъ современниковъ; а вспомнивъ газеты и собственныя предположенія, невольно думалось о томъ, что нѣтъ довольно сильныхъ словъ, которые могли бы передать чувства мирныхъ жителей, выраженныя ими при встрѣчахъ гвардіи послѣ похода. Съ другой стороны встрѣча полковъ, прибывшихъ послѣдними, наглядно показала, что не новизна картины и не праздное любопытство собирали многія тысячи людей, отрывая ихъ отъ занятій и дневныхъ заработковъ, а вызывалось оно народнымъ самолюбіемъ, гордостью успѣхами кампаніи и чувствомъ братскаго участія къ тѣмъ, которымъ довелось постоять за правое дѣло и сослужить свою службу: за Вѣру, Царя и Отечество.

А. Паскинъ.

С.-Петербургъ, 1879 г.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Н. Г. РСФСР
№ .....
..... 193 г.

Содержаніе.

	стран.
Подъ Шейново. (Воспоминанія болгарскаго ополченца). **Ю.**	1
Краткіе матеріалы къ составленію исторіи болгарскаго ополченія. **Ю.**	12
Записки лейбъ-гвардіи казачьяго офицера	21
Разсказы артиллериста.	111
Походъ лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго Его Величества батальона. 1877—1878. **А. Р.**	142
Изъ записокъ офицера 63-го Углицкаго полка 16-й дивизіи	268
Шейново. (Изъ записокъ стрѣлка 3-й стрѣлковой бригады). **Стрѣлка**	281
Воспоминанія о дѣйствіяхъ Ингурскаго отряда. **Л. Ж.**	291
Эпизодъ изъ страдной поры № 47-го военно-временнаго госпиталя. (Воспоминанія врача-участника). Старшаго ординатора Кіевскаго военнаго госпиталя **Деревянченко.**	300
Краткая исторія дѣлъ 1, 2, 3 и 4-го батальоновъ 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, въ кампанію 1877—78 гг.	330
Извлеченіе изъ дневника и писемъ сестры милосердія въ кампанію 1877—1878 гг. **Гривцевой**	334
Разсказъ о дѣятельности сестеръ милосердія Крестовоздвиженской общины въ минувшую войну. (Съ 1-го мая 1877 г. по августъ 1878 г.). Со словъ участницы **А. К.**	356
Экспедиція въ Кобулеты 1878 г. (Изъ записокъ доктора „Краснаго Креста"). **Владиміра Егоровича Шрейдера**	368
Возраженіе на замѣтку офицера Ревельскаго полка г-на Вагнеръ. **Сахацкаго.**	376
Боевыя замѣтки стрѣлка. **N. N.**	379
Сраженіе 18-го іюля 1877 г. подъ Плевною. (Изъ наблюденій врача). **Z. A.**	384
Замѣтки о боѣ подъ дер. Мечкою, близъ дер. Петричово, 25-го декабря 1877 года. **Александра Бураго**	389
Дѣло подъ Дольнымъ Бугоровомъ. **А. Фока**	401
Изъ походныхъ записокъ строеваго офицера. **А. Паскина.**	405